

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
№ 6 2020

Главный редактор:

чл.-корр. АН РТ, доктор исторических наук *А.Г. Ситдиков*

Редакционный совет:

Г. Атанасов, д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **А. Авербух**, д-р, (Париж, Франция); **Х.А. Афонсо Марреро**, проф. (Гранада, Испания); **Б.В. Базаров**, д.и.н., проф., академик РАН (Улан-Уде); **Н. Бороффка**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Н.Б. Виноградов**, д.и.н., проф. (Челябинск); **А.Р. Канторович**, д.и.н., проф., (Москва); **В. Кожокару**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Н.Н. Крадин**, д.и.н. (Владивосток); **В.В. Напольских**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Ижевск); **Анаик Самзун**, д-р (Париж Франция); **В. Франсуа**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Р.Р. Хайрутдинов**, к.и.н. (Казань); **Е.Н. Черных**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **М.В. Шуньков**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Ю. Янхунен**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Ответственный редактор номера:

докт. ист. наук *И.Л. Измайлов*

Редакционная коллегия номера:

Л.А. Бобров, д.и.н. (Новосибирск); **Н. Ганбат**, д.и.н. (Улан-Батор, Монголия); **В.В. Горбунов**, д.и.н. (Барнаул); **А.М. Губайдуллин**, д.и.н. (Казань); **А.Н. Кирпичников**, д.и.н., проф. (Санкт-Петербург); **А.К. Кушкумбаев**, д.и.н. проф. (Астана, Казахстан); **В.А. Иванов**, д.и.н., проф. (Уфа); **И.Л. Измайлов**, д.и.н. (Казань); **В. Йотов**, д.и.н., доц. (Варна, Болгария); **Е.И. Нарожный**, д.и.н. (Армавир); **Ю.С. Худяков**, д.и.н., проф. (Новосибирск).

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова

Журнал основан в мае 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77– 79080
от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором

Адрес редакции:

420012, г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843)236-55-42

E-mail: archeostepps@gmail.com

<https://www.evrazstep.ru>

Индекс 71457, каталог «ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ»

Агентство "Роспечать"

Выход 6 раз в год

Учредитель: Академия наук Республики Татарстан

© Академия наук Республики Татарстан, 2020

© Журнал «Археология Евразийских степей», 2020

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

ARKHEOLOGIJA EVRAZIISKIKH STEPPEI
ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES
No 6 2020

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **Airat G. Sitdikov**

Executive editors:

Georgy Atanasov, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **José Andrés Afonso Marrero**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Aline Averbouh**, Dr. (Paris, France); **Boris V. Bazarov** Doctor of Historical Sciences, Prof., Academic of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude); **Nikolaus Boroffka**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Evgenii N. Chernykh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Victor Cojocaru**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **Samzun, Anaick**, Dr. (Paris, France); **Véronique François**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Juha Janhunen**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland); **Anatolii R. Kantorovich**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Nikolay N. Kradin** Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok); **Ramil R. Khayrutdinov**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Vladimir V. Napolskikh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk); **Samzun Anaick** Dr. (Paris, France); **Michael V. Shunkov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Nikolay B. Vinogradov**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk).

Executive Editor:

Doctor of Historical Sciences **Iskander L. Izmailov**

Editorial board:

Leonid A. Bobrov, Doctor of Historical Sciences (Novosibirsk); **Namdan Ganbat**, Doctor of Historical Sciences (Ulan Bator); **Vadim V. Gorbunov**, Doctor of Historical Sciences (Barnaul); **Ayrat M. Gubaidullin**, Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Yuliy S. Khudyakov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., (Novosibirsk); **Anatolii N. Kirpichnikov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., (Saint Petersburg); **Aibolat K. Kushumbaev**, Doctor of Historical Sciences (Astana, Kazakhstan); **Vladimir A. Ivanov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., (Ufa); **Iskander L. Izmailov**, Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Evgenii I Narozhny**, Doctor of Historical Sciences (Armavir); **Valeri Yotov**, Doctor of Historical Sciences, Associate Prof. (Varna, Bulgaria).

Executive Secretary: Antonina S. Bespalova

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843)236-55-42

E-mail: archeosteps@gmail.com

https://www.evrazstep.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Губайдуллин А.М. (<i>Казань, Россия</i>) Вооружен и очень научен (60-летнему юбилею археолога и военного историка Искандера Леруновича Измайлова)	8
Нефёдкин А.К. (<i>Белгород, Россия</i>) Колесницы и нарты: к проблеме реконструкции тактики	34
Дараган М.Н., Полин С.В. (<i>Киев, Украина</i>) Сопровождающие захоронения коней во входных ямах катакомб и подбоев степной Скифии второй половины V – IV вв. до н.э.	42
Овсянников В.В. (<i>Уфа, Россия</i>) Об одном типе ножен рубежа эр в Урало-Поволжье	87
Вязов Л.А., Петрова Д.А. (<i>Казань, Россия</i>), Кондрашин В.В. (<i>Самара, Россия</i>), Салова Ю.А. (<i>Казань, Россия</i>) Комплекс предметов вооружения из окрестностей с. Комаровка Ульяновской области: к изучению оружия ближнего боя у населения именьковской культуры.....	100
Мингазов Ш.Р. (<i>Москва, Россия</i>) Булгарские рыцари Лангобардского королевства	132
Данич А.В. (<i>Пермь, Россия</i>) К вопросу об интерпретации одного типа шлемов, найденного на территории Пермского Предуралья	157
Хапаев В.В. (<i>Севастополь, Россия</i>), Глушич А.М. (<i>Москва, Россия</i>) Роль физической культуры и спорта в подготовке массового призывного контингента в Византийской империи	165
Ганбат Н. (<i>Улан-Батор, Монголия</i>), Ситдиков А.Г., Измайлов И.Л. (<i>Казань, Россия</i>), Улзийбаяр С., Батсүрэн Б. (<i>Улан-Батор, Монголия</i>), Беляев А.В. (<i>Казань, Россия</i>), Очир Б. (<i>Улан-Батор, Монголия</i>) Археологические исследования фортификации северной цитадели городища Бийбулаг (средневековый город Байбалык): предварительные итоги	179
Флёров В.С. (<i>Москва, Россия</i>), Ключников В.В. (<i>Ростов-на-Дону, Россия</i>) Правобережная Цимлянская крепость: конструкция кладки стен	193
Кравченко Э.Е. (<i>Донецк, Украина</i>) Предметы вооружения и конского снаряжения хазарского времени (среднее течение Северского Донца)	198
Лифанов Н.А. (<i>Самара, Россия</i>) Алексеевское погребение (к вопросу о памятниках «авиловского» типа на Нижней и Средней Волге)	224
Горбунов В.В., Тишкин А.А., Семибратов В.П. (<i>Барнаул, Россия</i>) Воинский комплекс сроткинской культуры из пос. Горный в северных предгорьях Алтая	234
Валиев Р.Р. (<i>Казань, Россия</i>) Уникальная находка кинжала из Болгара XIV–XV вв.	248
Иванов В.А. (<i>Уфа, Россия</i>) Археология комплексов вооружения кочевников Улуса Джучи (Золотой Орды)	253
Измайлов И.Л. (<i>Казань, Россия</i>) Комплекс вооружения Улуса Джучи (Золотой Орды): теория и практика военной археологии	279
Нарожный Е.И. (<i>Краснодар, Россия</i>) Из истории изучения с редневекового вооружения XIII–XIV вв. (юбилейная и полемические заметки)	301
Крамаровский М.Г. (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>), Сейдалиев Э.И. (<i>Симферополь, Казань, Россия</i>) Оборонительные сооружения средневекового Солхата (Историко-археологический анализ)	316
Пенской В.В. (<i>Белгород, Россия</i>) Возвращаясь к вопросу о численности русской рати на Куликовом поле	337
Бобров Л.А., Пронин А.О., Филиппович Ю.А. (<i>Новосибирск, Россия</i>) Сабля Монгольского времени из Минусинской котловины	354
Харинский А.В. (<i>Иркутск, Россия</i>) Пальмы с втульчатым наконечником из байкальского региона и их поздние модификации	366

Бурханов А.А., Измайлов И.Л., Рахматуллина Ч.З. (Казань, Россия) Находка золотоордынского зеркала в бассейне реки Ик	379
Илюшин Б.А. (Новосибирск, Россия) Два наконечника пик из собрания Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника	387
Бобров Л.А. (Новосибирск, Россия), Кушкумбаев А.К. (Астана, Казахстан) Шлем ойратского воина из собрания Акмолинского областного историко-краеведческого музея	393
Худяков Ю.С. (Новосибирск, Россия) Изображения копий и знамен у сибирских татарских воинов (по материалам «Краткой Сибирской (Кунгурской) летописи») ..	405
Губайдуллин А.М., Хамзин Р.Н. (Казань, Россия) О крепостных сооружениях Свияжска	410
Науменко В.Е. (Симферополь, Россия) Введение в Османскую археологию Крыма. О предмете научной дисциплины и основных направлениях современных исследований	418
Авторский указатель 2020 г.	462
Список сокращений	473
Правила для авторов	475

CONTENTS

Gubaidullin A.M. (<i>Kazan Russian Federation</i>) Armed And Very Scientific (Dedicated To The 60th Anniversary Of The Archaeologist And Military Historian Iskander Lerunovich Izmailov)	8
Nefyodkin A.K. (<i>Belgorod, Russian Federation</i>) Chariots And Sledges: The Tactics Reconstruction Issue	34
Daragan M. N., Polin S. V. (<i>Kiev, Ukraine</i>) Accompanying Horse Burials In The Entrance Pits Of Catacombs And Undercuts Of Steppe Scythia In The Second Part Of 5th – 4th Centuries BC	42
Ovsyannikov V.V. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) A Type Of Sheaths On The Turn Of Epochs From The Ural-Volga Region	87
Vyazov L.A., Petrova D.A. (<i>Kazan Russian Federation</i>), Kondrashin V.V. (<i>Samara, Russian Federation</i>), Salova Yu.A. (<i>Kazan Russian Federation</i>) Collection of weapons from the site near Komarovka in the Ulyanovsk region: a case study of melee weapons of the Imen'kovo culture population	100
Mingazov S.R. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Bolgar Knights Of The Lombard Kingdom	132
Danich A. V. (<i>Perm, Russian Federation</i>) On The Interpretation Of One Type Of Helmet Found On The Territory Of The Permian Urals	157
Khapaev V. V. (<i>Sevastopol, Russian Federation</i>), Glushich A. M. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) The Role Of Physical Culture And Sports In The Training Of Mass Conscripts In The Byzantine Empire	165
Ganbat N. (<i>Ulaanbaatar, Mongolia</i>), Sitdikov A.G., Izmailov I.L. (<i>Kazan Russian Federaation</i>), Ulzeibayar S., Batsuren B. (<i>Ulaanbaatar, Mongolia</i>), Belyaev A.V. (<i>Kazan Russian Federaation</i>), Ochir B. (<i>Ulaanbaatar, Mongolia</i>) Archaeological Studies Of The Fortification Of The Northern Citadel Of Biybulag Settlement (Baybaluq Medieval Uigur Town): preliminary results	179
Flyorov V.S. (<i>Moscow, Russian Federation</i>), Klyuchnikov V.V. (<i>Rostov On Don, Russian Federation</i>) Right-Bank Tsimlyanskaya Fortress: Masonry Structure	193
Kravchenko E.E. (<i>Donetsk, Ukraine</i>) Items Of Weapons And Horse Equipment Of The Khazar Time (Middle Stream Of The Seversky Donets)	198
Lifanov N. A. (<i>Samara, Russian Federation</i>) Alexeyevka Burial (Concerning The Monuments Of "Avilovo" Type On The Lower And Middle Volga)	224
Gorbunov V.V., Tishkin A.A., Semibratov V.P. (<i>Barnaul, Russian Federation</i>) Military Complex Of The Srostkinskaya Culture From Gorny Settlement In The Northern Foothills Of Altay	234
Valiev R.R. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Unique Dagger Found In Bolgar	248
Ivanov V.A. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) Archaeology Of The Armament Complexes Of Nomads In The Ulus Of Jochi (The Golden Horde).....	253
Izmailov I.L. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Armament Complex Of The Ulus Of Jochi (The Golden Horde): Theory And Military Archaeology Practice	279
Narozhny E. I. (<i>Krasnodar, Russian Federation</i>) The History Of The Study Of Medieval Weapons Of The 13th-14th CC. (Anniversary And Polemical Essays)	301
Kramarovskiy M. G. (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>), Seydaliev E. I. (<i>Simferopol, Kazan, Russian Federation</i>) Defensive Structures Of Medieval Solkhat (Historical And Archaeological Commentary)	316
Penskoy V. V. (<i>Belgorod, Russian Federation</i>) Reverting To The Issue Of The Number Of Russian Army On The Kulikovo Field	337

Bobrov L. A., Pronin A. O., Filippovitch Y.A. (Novosibirsk, Russian Federation) Saber Of The Mongol Period From Minusinsk Hollow	354
Kharinsky A.V. (Irkutsk, Russian Federation) Palmas with Sleeve Tips from the Baikal Region and Their Later Modification	366
Burkhanov A.A., Izmailov I.L., Rakhmatullina Ch.Z. (Kazan, Russian Federation) Golden Horde Mirror Discovered In The Ik River Basin	379
Ilyushin B. A. (Novosibirsk, Russian Federation) Two Pike-Heads From The Collection Of Nizhny Novgorod State Historical And Architectural Museum-Reserve.....	387
Bobrov L.A. (Novosibirsk, Russian Federation), Kushkumbaev A.K. (Astana, Kazakhstan) Oirat Warrior's Helmet From The Akmola Regional History Museum Collection	393
Khudyakov Yu. S. (Novosibirsk, Russian Federation) Images Of Spears And Banners Of Siberian Tatar Warriors (Based On Materials Remezov Chronicle)	405
Gubaidullin A.M., Khamzin R. N. (Kazan, Russian Federation) The Fortress Structures Of Sviyazhsk..	420
Naumenko V.E. (Simferopol, Russian Federation) Introduction To The Ottoman Archaeology Of The Crimea. On The Subject Of The Scientific Discipline And The Main Directions Of Modern Research.....	418
Index of the Authors 2020	462
List of Abbreviations	473
Instructions for Authors	475

УДК 902: 929

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2020.6.8.33>

ВООРУЖЕН И ОЧЕНЬ НАУЧЕН (К 60-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ АРХЕОЛОГА И ВОЕННОГО ИСТОРИКА ИСКАНДЕРА ЛЕРУНОВИЧА ИЗМАЙЛОВА)

©2020 г. А.М. Губайдуллин

В статье анализируется жизненный путь, научное становление и вклад историка и археолога Искандера Леруновича Измайлова в изучение вооружения и военного дела древнего и средневекового населения Волго-Уральского региона и Северной Евразии. Показаны основные вехи формирования его подхода к изучению вооружения и военной истории Волжской Булгарии, Улуса Джучи (Золотой Орды) и тюрко-татарских государств XV-XVII вв. Рассмотрены его основные достижения и успехи, а также сложности, которые переживала отечественная военная археология в период своего становления.

Ключевые слова: история археологии, казанская наука, история военной науки, военная история, военная археология, вооружения, военное искусство, Волжская Булгария, Улус Джучи (Золотая Орда), тюрко-татарские государства, юбилей ученого.

ARMED AND VERY SCIENTIFIC (DEDICATED TO THE 60TH ANNIVERSARY OF THE ARCHAEOLOGIST AND MILITARY HISTORIAN ISKANDER LERUNOVICH IZMAILOV)

A.M. Gubaidullin

The paper analyzes the course of life of the historian and archeologist Iskander Lerunovich Izmaylov, as well as his scientific formation and contribution to the study of arms and military science of the ancient and medieval population of the Volga-Ural region and Northern Eurasia. The main milestones of the formation of his approach to studying the arms and military history of the Volga Bulgaria, the Ulus of Jochi (the Golden Horde) and the Turkic-Tatar states of the 15-17th centuries are presented. His main achievements and advances, as well as the challenges experienced by domestic military archaeology during its formation are reviewed.

Keywords: history of archaeology, Kazan science, history of military science, military history, military archaeology, arms, military art, Volga Bulgaria, the Ulus of Jochi (the Golden Horde), Turkic-Tatar states, scientist's anniversary.

*Есть такая профессия – описывать историю
тех, кто свою Родину защищал. Кто воевал, чем
сражался и как организовывал свои войска.*
**из представления Института военной истории
МО РФ**

Искандер Лерунович Измайлов – известный историк и археолог, специалист по военной истории, вооружению и военному делу древних и средневековых народов Евразии, доктор исторических наук, организатор науки, заслуженный деятель науки Республики Татарстан.

Он родился 12 декабря 1960 года в поселке Сеймчан Среднеканского района Магаданской области – суровом краю с прекрасной природой и капризным климатом. Родители его родом из Казани, приехали на Колыму как молодые специалисты. Отец – Лерун Исхакович Измайлов – как геолог, один из многолетних руководителей и организаторов академической науки на Дальнем Востоке, а мама – Суфия Гараевна – медик, практически всю

жизнь проработавшая в областном туберкулезном диспансере. Через год после рождения его родители переехали в поселок Хасын (Хасынский район Магаданской области), где прошло детство Искандера. Позднее семья переехала в Магадан, где Искандер пошел в школу, которую закончил в 1978 году.

С самого детства Искандер много, запоём читал: приключения, фантастику, книги о путешествиях, но любимыми его книгами были все же исторические романы и повести, особенно трилогия В. Яна о монголах, в которых он находил осколки исторической правды об истории своего народа, отсутствовавшей в учебниках истории. Нечего и говорить, что очень скоро школьная библиотека стала слишком мала для любознательного подростка.

Следующей жертвой пали областная детская и взрослая библиотеки. Говорят, что однажды библиотекари, не поверив, что юноша может осилить довольно большую стопку книг за неделю, устроили ему экзамен, но вскоре убедились, что он действительно все эти книги прочитал. В круг чтения входили в основном исторические романы, книги о путешествиях и дальних странах. Романтика, почерпнутая из книг, накладывалась на природу Колымы и умножалась рассказами отца о полевых экспедициях, о трудных поисках научной истины и доказательствах правоты, добытых своими руками и тяжелым трудом. Но нравилась ему не просто романтика дальних странствий, но и стремление познать прошлое. История и приключения были главными мотивами для чтения, стремления узнать что-то новое и увлекательное.

Надо сказать, что история, имея приоритет в увлечениях, не была единственной его музой. Довольно серьезно он занимался физикой и химией, выступая на городских и областных олимпиадах. В седьмом классе на олимпиаде по физике он завоевал третье место на городской и первое – на областной, а в десятом – третье на областной олимпиаде. Серьезное испытание увлечением историей произошло в девятом классе, когда после завоевания четвертого места на областной химической олимпиаде его приглашали в Новосибирский Академгородок для учебы в спецшколе и усиленной подготовки к поступлению на химфак НГУ. Однако, благодаря влиянию отца, жажда открывать историю своего народа оказалась сильнее других интересов.

Так вышло, что романтика и стремление к изучению прошлого соединились и вылились в интерес к археологии. На этот выбор огромное влияние оказало знакомство с профессором, членом-корреспондентом АН СССР Николаем Николаевичем Диковым – прекрасным археологом, историком и великолепным рассказчиком. По словам Искандера Леруновича, ему особенно запомнилась первая встреча. Невысокий худощавый человек с аристократическими манерами и интеллигентным говором стал расспрашивать об увлечениях. Когда он узнал, что мальчик интересуется историей тюрков, он начал рассказывать, что начинал свою карьеру на раскопках Иволгинского городища древних хунну, что ранее область его интересов лежала в области бронзового века Монголии. Потом пошли рассказы

об А.Н. Бернштаме и Л.Н. Гумилеве, а затем неожиданно подарил книгу Л.Н. Гумилева «Хунну» со своей дарственной надписью и пожеланием успехов. С этого времени, можно сказать, определился научный интерес будущего археолога и историка – все научные и научно-популярные книги по истории Евразии и археологии, какие только можно было достать, он выискивал и читал.

Одновременно в 14 лет он начал заниматься в археологическом кружке. Сначала им руководил сам Николай Николаевич, который умел живо и поэтично рассказывать об археологии Колымы и Чукотки, Берингийском мосте и заселении Америки. Позже с учениками работала Рита Александровна Кирьяк (Дикова), которая и вывозила их на экскурсии–разведки в окрестности Магадана. Весной 1975 года состоялись первые в его жизни археологические раскопки. Все было очень интересно, но Искандера манила история тюрков и татар.

В седьмом классе отец отвел его в научную библиотеку своего института. Надо сказать, что будучи комплексным академическим институтом, СВКНИИ получил «в наследство» от многих организаций (того же Дальстроя) прекрасную библиотеку, которая успешно приращивалась усилиями ее сотрудников и руководства, не жалевшего средств для ее пополнения. Гуманитарный фонд был также очень разнообразен и хорошего качества. Здесь находились самые неожиданные книги, начиная от труда Б. Пиотровского «Ванское царство» и до почти полной подборки «Материалов и исследований по археологии СССР» 40–50-х годов. А главное – там были книги по истории стран мира. Интерес юноши вызвал уважение и у заведующей библиотекой института, и она часто разрешала ему самому выбирать книги в хранилище исторической литературы, где он часами лазил по полкам, раскрывая десятки книг, читая отдельные главы и сравнивая прочитанное. Искандер с головой окунулся в этот мир, но скоро его ждало разочарование – прочитать все это богатство он был не в силах. Необходимо было как-то определиться с приоритетами.

Особый интерес вызывали у подростка книги, посвященные оружию и истории войн Древности и Средневековья. Подобных книг было весьма мало. Описание различных военных конфликтов прошлого еще были, но трудов по оружиюведению и военной археологии практически не было. Еще меньше трудов

было по истории тюркских народов Евразии и их военной истории. За небольшим, но существенным исключением.

Таковыми были труды Л.Н. Гумилева. Особый восторг тогда вызвали у Искандера книга «Хунну», которая была ему подарена Н.Н. Диковым и до сих пор хранится в его личной библиотеке, «Древние тюрки», раскрывшая целый мир тюркской истории, «Открытие Хазарии», показавшая романтику археологических поисков и трудных открытий, и наконец, «В поисках вымышленного царства», где излагались взгляды на личность Чингис-хана, совсем не похожие на скупые строчки параграфов школьных учебников. В них причудливо сочетались занимательность изложения, широта обобщений и изложение истории тюркских народов как классической событийной истории. Были в них яркие страницы, посвященные и военной истории, изложенные точно и беспристрастно.

Прошли годы, и блеск мысли великого тюрколога для него несколько померк, уже не кажутся открытиями многие догадки автора, а многие гипотезы представляются вообще ложными, но острота восприятия проблем, поражающие воображение, ясность и занимательность изложения остались. Было много других книг, тихий и беззвучный разговор с авторами, которых многому учил и будил размышления, рождал стремление проверять и перепроверять заинтересовавшую его мысль. Огромные пыльные стеллажи, полные книг, научили юношу, что история – это не скрижаль, где описано наше прошлое от начала и до конца, а поиск истины через тернии заблуждений, бессонные ночи сомнений и неожиданные радости разгадок.

Стремление изучать историю татарского народа и его предков, а также интерес к археологии привели его в Казань, где в июне 1977 года состоялась первая встреча с Альфредом Хасановичем Халиковым. Прямо на краю раскопа в Казанском Кремле, в месте обнаружения средневековой стены городской цитадели. Эта встреча в прямом смысле перевернула всю его жизнь. После краткой беседы Альфред Хасанович предложил поехать на раскопки. Все лето 1977 года Искандер проработал в составе экспедиции на раскопках Билярского городища, познакомившись со студентами и научными сотрудниками, со многими из которых продолжает дружить и теперь. Рафинд Фуатович Шарифуллин и Гамирзян Миргазьянович Давлетшин были

первыми его непосредственными начальниками и наставниками в суровых археологических буднях и до сегодняшнего дня остаются добрыми друзьями.

С 1978 по 1983 год Искандер – студент историко-филологического факультета (в 1982 году его разделили на два факультета, и закончит он уже истфак) Казанского университета.

С самого первого года, при помощи и поддержке «старых» кружковцев, в первую очередь Веры Макаровой, студент Измайлов начал писать доклады и выступать на Урало-Поволжских археологических конференциях. Первой темой стали топоры волжских булгар из коллекции университета. Доклад был не самый лучший, но и первокурсники не часто сразу же включаются в научную работу без боязни докладывающей о своих открытиях. В дальнейшем были и другие студенческие конференции, встречи со сверстниками и старшими товарищами и будущими коллегами. Студенческая археологическая дружба, которая завязалась в ходе заседаний, дискуссий и, что греха таить, вечеринок, навсегда связала Искандера со многими коллегами – ныне ведущими археологами региона – Андреем Белавиным, Сергеем Зубовым, Алексеем Богачевым, Сергеем Боталовым, Валерием Гришаковым, Юрием Зеленевым, Сашей Ивановым, Володей Овчинниковым, Юрием Семькиным, Димой Сташенковым, Мишей Цыбиным и многими-многими другими. Потом были выезды в Москву для участия во Всесоюзной студенческой конференции, где участники имели счастье слушать лекции и общаться с В.Л. Яниным, Г.А. Федоровым-Давыдовым, Д.А. Авдусиным. Это была серьезная проверка знаний и умений при широкой, часто нелояльной аудитории. Весьма полезная и необходимая школа.

Учеба на истфаке давалась Искандеру довольно легко. Историю он любил, хотя некоторые сопутствующие предметы – история КПСС, научный коммунизм и им подобные не входили в число его приоритетов. Тем не менее, сдавал все экзамены он блестяще и за все время учебы получил всего две четверки (по этнографии и истории СССР). Со второго курса он регулярно получал повышенную стипендию за успехи в учебе и тогда же перешел на индивидуальный план учебы, специализируясь на археологии. Обычно это были вводные лекции А.Х. Халикова по узловым проблемам различных археологических

эпох и периодов, а также утверждение списка необходимой литературы. По мере чтения у студента возникали вопросы, которые обсуждались на консультациях с научным руководителем. Это была в некоторой степени европейская система, хотя ее сложность состояла в том, что студент осваивал материал самостоятельно. Каждый курс венчал зачет, а на пятый курс – экзамен.

Самое активное участие он принимал в работе археологического кружка. В те годы благодаря всемерной поддержке Альфреда Хасановича он стал серьезным центром обучения студентов и подготовки будущих историков и археологов. Достаточно сказать, что через него в те годы прошли Владимир Марков, Рафаэль Валеев, Галина Дроздова, Анас Кутуев, Мурат Кавеев, Вера Макарова, Ильгиза Закирова (Ким), Геннадий Белорыбкин, Иван Якимов, Вячеслав Баранов и еще многие другие, кто впоследствии не сделал археологию своей специальностью. На заседаниях кружка регулярно выступали с лекциями ведущие археологи Института языка, литературы и истории (далее – ИЯЛИ) КФАН СССР, выступали с докладами студенты, обсуждали курсовые и дипломные работы. Среди ярких воспоминаний – острая дискуссия о буртаской принадлежности Армиевского могильника. Геннадий Белорыбкин сделал доклад по своей курсовой, где доказывал, что буртас следует локализовать в Посурье, а Искандер выдвигал аргументы против подобной методики анализа письменных и археологических источников. Спор получился жарким, но никому не удалось доказать свою правоту. Спор этот продолжается в научных кругах и по сей день, но с другими научными школами, у которых локализация буртас на исторической карте и атрибуция Армиевского могильника вызывают острые дискуссии. В тоже время Искандер Лерунович и Геннадий Николаевич Белорыбкин единодушны в своих подходах к теме. Собственно, это только доказывает, что кружок археологии являлся довольно серьезной школой, опытом дискуссий и вполне научных обсуждений.

Все время учебы в университете Альфред Хасанович упорно не желал давать Искандеру тему по истории вооружения булгар. Четыре года подряд он писал курсовые работы по типологии и хронологии топоров. Хотя это и вызывало его раздражение, но научный руководитель, видимо, был прав. Приступить к такой сложной и многоаспектной теме, как

история оружия, можно было только научившись выстраивать систематизацию и типологию различных категорий предметов, выявляя их относительную и абсолютную хронологию. Но Искандер добился желаемого и уже на четвертом курсе приступил к изучению непосредственно оружия булгар. Надо сказать, что собрать материал оказалось проще, чем систематизировать и определить время бытования того или иного вида вооружения. Впрочем, наука и состоит в получении достоверных выводов из довольно разнородного материала. Пригодился опыт анализа оружия, который применялся коллегами из ведущих научных центров.

В студенческие годы ему удалось иногда вырваться в Москву и Ленинград. Во время таких поездок Искандер познакомился с целым рядом археологов и этнологов – П.П. Хлобыстиным, А.В. Гадло, Д.Г. Савиновым, Г.Н. Грачевой, и музейщиками из Эрмитажа – И.П. Засецкой, М.Г. Крамаровским, Е.И. Ояевой и другими, чьи советы и помощь в изучении коллекций была просто неоценимой. Особенно следует отметить его встречу в 1980 году с Анатолием Николаевичем Кирпичниковым, который с интересом выслушал молодого коллегу. Он был польщен, узнав, что его методика работы с предметами вооружения получила развитие в Казани, а его выводы подкрепляются материалами болгарской археологии. Встреча и долгая беседа стали началом большой дружбы, которая позволяет Искандеру Леруновичу с согласия Анатолия Николаевича считать себя его учеником. Как рассказывал сам Искандер, в тот приезд он прослушал лекцию А.Н. Кирпичникова в Ленинградском университете о раскопках в Старой Ладогге. Рассказ был настолько интересным, что поразил молодого ученого. Тогда он загорелся желанием поучаствовать в них, что удалось исполнить только через двадцать лет, когда Искандер Лерунович целый месяц провел, работая в Староладожской экспедиции.

Как ни счастливы были студенческие годы, но и они закончились. Пришло время писать диплом, который Искандер посвятил вооружению и военному делу ранних булгар. Работа была в основном построена на материалах целого ряда могильников VIII–X веков и содержала систематизацию предметов вооружения, а также реконструкцию военной организации и военного искусства. После некоторых дискуссий научный руководитель одобрил

работу, и она была вынесена на государственную экзаменационную комиссию. На этом заседании против ее выводов и самой методики выступил рецензент – Евгений Петрович Казаков. Работу спас Александр Васильевич Сергеев, который неожиданно довольно веско выступил в защиту дипломника и настоял, чтобы работу оценили на «отлично».

После серьезных и долгих разговоров с Альфредом Хасановичем Искандер был рекомендован в аспирантуру. Разговоры эти касались темы исследования и возможности поступить в аспирантуру к А.Н. Кирпичникову. Однако Альфред Хасанович настоял, чтобы он поступал именно к нему. После отличной сдачи вступительных экзаменов в октябре 1983 года он был зачислен в аспирантуру отдела археологии и этнографии ИЯЛИ КФАН СССР. Темой была избрана проблема развития вооружения и военного дела. Споры вокруг темы начались уже на заседании Ученого совета ИЯЛИ, во время которого когорта старых и заслуженных историков – ветеранов войны – потребовала изменить тему, поскольку татары и их предки всегда, дескать, были мирными людьми и чужды всякой воинственности. Факт довольно примечательный для истории нашей военной археологии. Только твердая позиция А.Х. Халикова и сотрудников отдела заставила утвердить эту тему.

Следует подчеркнуть, что подобное отношение к военно-исторической науке в целом и к военной археологии в частности в 80-е годы XX века было весьма характерно для советской науки. С ним, так или иначе, сталкивались все, кто начинал свои исследования в те годы. Игнорирование темы, прямой или косвенный запрет на ее разработку, исключение из монографий статей о вооружении и военной истории, отсутствие специализированных конференций и изданий были, к сожалению, частыми и регулярными явлениями, общей научной политикой. Но важность и значимость темы призывала энтузиастов, которые под различными предлогами продолжали изучать военное прошлое народов Евразии.

Понеслись счастливые аспирантские годы – сбор материалов по теме, сдача экзаменов, написание статей, выезды в экспедиции. Три года пролетели довольно быстро. К концу аспирантуры работа была подготовлена и обсуждена, но проблема была в том, что защищаться по археологии можно было только в Москве или Ленинграде. В 1986 году Искан-

дер выступил с докладом об основных положениях своей работы на заседании сектора славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР и получил благожелательные отзывы и замечания. Предзащита состоялась на заседании сектора славяно-финской археологии ЛОИА в апреле 1988 года, получила положительные отзывы со стороны рецензентов – К.В. Павловой и П.А. Раппопорта и была рекомендована к защите при устранении указанных недочетов и замечаний. Предполагалось, что на будущий год можно будет выходить на защиту. Однако в эти планы вмешались политические события в стране.

Наша встреча с Искандером состоялась в 1985 году и уже первые беседы, обсуждения и споры показали, что по многим кардинальным проблемам мы единомышленники. С тех пор прошла уже четверть века, но мы остаемся друзьями, хотя бывали у нас и весьма серьезные дискуссии. В это время Искандер стал научным сотрудником отдела археологии. Кроме обычных исследований под руководством А.Х. Халикова в Пензенской области (Армиевский и Серго-Поливановский могильники) (1986–87), Билярском городище (1986), были еще длительные экспедиции по маршруту Болгар – Киев (1989) и раскопки на месте будущей станции метро «Кремлевская» (1988). Начал он и первые самостоятельные полевые и научные работы – серию исследований в районе Спасского (Старокуйбышевского) комплекса памятников (1987–1991), на Богдашкинском городище (1988–1993). Неоднократно совершались наши совместные выезды в поле в рамках создания «Археологической карты Татарстана» и Свода памятников истории и культуры в районы Западного Закамья, Предволжья и юго-востока Татарстана.

Научные изыскания Искандера Леруновича также привели к интересным открытиям. В 1988 году он совместно с А.Н. Кирпичниковым осуществил расчистку двух мечей, хранившихся в фондах НМ РТ, что выявило на них клейма франкских мастеров. Дальнейший поиск привел его к новому взгляду на интересную проблему русов в Поволжье, скандинаво-булгарских контактов и функционирования Великого Волжского пути. Систематизация и обобщение предметов вооружения позволили ему поставить и решить целый ряд проблем истории военно-социальной организации Волжской Булгарии, военной истории и военного искусства. В эти годы он активно печат-

тается в различных журналах с серьезными аналитическими статьями о взятии Казани, о различных аспектах вооружения и военного дела Волжской Булгарии и средневековых государств Евразии, о судьбе правителя Золотой Орды Идегея.

Была и еще одна важная встреча, во многом определившая судьбу Искандера Леруновича и направление его исследований. В 1988 году А.Х. Халиков приехал из Новосибирска, где выступал на защите докторской диссертации Ю.С. Худякова по истории вооружения и военного искусства раннесредневековых кочевников Центральной Азии и Южной Сибири. Узнав, что в Казани есть специалисты по этой теме, Юлий Сергеевич пригласил в 1989 году Искандера Леруновича и автора этих строк в Новосибирск на одну из первых специализированных конференций по военному делу народов Северной и Центральной Азии. Тогда состоялись встречи с М.В. Гореликом, Д.Ю. Чахкиевым, А.С. Юнусовым, С.А. Комисаровым, А.В. Вареновым, В.П. Никаноровым, С.Э. Зубовым и многими другими. Это стало одной из первых в СССР специализированных научных конференций по истории евразийского вооружения и военного дела, которая постепенно трудами военных историков стала вполне легитимной научной дисциплиной.

Но в этот период времени произошли события, которые изменили облик страны и течение всей нашей жизни. Гласность, перестройка и шоковая терапия коренным образом изменили устоявшиеся традиции и образ жизни. Стало не только трудно заниматься наукой, но и просто выживать.

Но постепенно жизнь стала налаживаться. В 1996 году Искандер Лерунович при поддержке и помощи академика Индуса Ризаковича Тагирова защитил в диссертационном совете истфака КГУ кандидатскую диссертацию, посвященную вооружению и военному делу населения Волжской Булгарии X – первой трети XIII в. В качестве оппонентов у него выступили Миркасым Абдулахатович Усманов и Рафаэль Миргасимович Валеев. Тон всем выступлениям задал профессор Усманов, который сказал, что предполагал, что соискатель будет защищать докторскую диссертацию и данная работа вполне достойна этой степени. При одном голосе «против» совет проголосовал за присуждение автору степени кандидата исторических наук.

В этой диссертации Искандер Измайлов представил результаты почти десятилетних

исследований, сборов материала и анализа предметов вооружения, позволивших реконструировать динамику их развития и доказать, вопреки устоявшемуся мнению, высокий уровень развития боевых средств и военного искусства булгар. Дополненные и расширенные материалы диссертации были изданы им в виде монографии (1997).

В дальнейшем он работал в аппарате президиума Академии наук Республики Татарстан и продолжал работать над различными актуальными историко-археологическими проблемами. Благодаря поддержке мэрии Казани были проведены крупнейшие международные конференции в рамках научной подготовки тысячелетия Казани (1999–2005), организованы международные форумы по изучению и развитию Великого Волжского пути (2001–2004), которые подняли казанскую науку на высокий международный уровень. Искандер Лерунович стал активным участником всех научных мероприятий, и наградой за этот труд стала медаль «1000-летие Казани», врученная, как и ряду других активных участников, 30 августа 2005 года мэром Казани К.Ш. Исхаковым.

Позднее он вернулся на работу в Институт истории им. Ш. Марджани, а в 2014 г. перешел вместе с другими археологами во вновь образованный Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Так начался новый плодотворный этап творчества Искандера Леруновича.

За это время он подготовил несколько монографий и обобщающих статей в коллективных монографиях, посвященных истории войн и военной археологии, фортификации Волжской Булгарии, Улуса Джучи (Золотой Орды) и тюрко-татарских государств XV–XVII вв. Сюда входит 7-томник – «История татар с древнейших времен. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь» (Казань, 2006); «История татар с древнейших времен. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XII – середина XV» (Казань, 2009); «История татар с древнейших времен. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв.» (Казань, 2014); «История татар с древнейших времен. Т. V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI – XVIII вв.)». (Казань: ИИ АН РТ, 2014).

Важным достижением И.Л. Измайлова в области изучения военной археологии стало комплексное рассмотрение вооружения и военного искусства средневековых народов

и государств Евразии в связи с изменениями и особенностями их социальной динамики. Детальное исследование предметов оружия делает возможным реконструировать комплекс вооружения и выявить основные параметры его эволюции, что в свою очередь на основе анализа нарративных источников и компаративистских исследований позволяет выяснить структуру военной организации и его влияние на развитие военного искусства. Подобная методика, выработанная еще классиками отечественного оружейведения А.Н. Кирпичниковым и Ю.С. Худяковым, показала свой эвристический потенциал при изучении военного дела народов Волго-Уральского региона. Полный комплексный анализ вооружения, военной организации и военной истории средневековых государств Поволжья – важная и серьезная заслуга И.Л. Измайлова.

1 ноября 2013 года в диссертационном совете Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Исмаилер Измайлор защитил докторскую диссертацию «Волжская Булгария в IX – первой трети XIII века: становление социальной, религиозной и этнополитической структуры общества» по специальности «Археология». Официальными оппонентами были доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН В.В. Напольских, доктор исторических наук, профессор Ю.С. Худяков, доктор исторических наук, профессор Г.Н. Белорыбкин. Диссертация вызвала широкий резонанс и бурные обсуждения, включая диссертационный совет Института археологии РАН. Однако, в конце концов Президиум ВАК утвердил эту работу в качестве докторской диссертации, что стало торжеством истины и порядочности над закулисными интригами.

За время научной деятельности Исмаилер Лерунович неоднократно участвовал в различных отечественных и зарубежных научных проектах, выносил на обсуждение общественности результаты своих исследований, выступая с докладами (всего их более полутора сотен) на конференциях и иных научных форумах международного, всероссийского и регионального уровня в России, Венгрии, Германии, странах Балтии, Украине, Казахстане, Белоруссии, Турции, Иране и Монголии. Специалисты нашей страны и зарубежные коллеги всегда высоко оценивали эти доклады и итоги проделанных исследований. Довольно часто они вызывали бурные обсуждения и дебаты.

И.Л. Измайлор – человек большой работоспособности. За период 1984–2020 годов им опубликовано свыше 25 монографий, книг и брошюр, более 950 научных и научно-популярных статей, тезисов докладов, рецензий в коллективных монографиях, научных журналах, сборниках статей и материалов конференций. Ряд его работ вышли в Турции, Болгарии, Монголии, Индии, Украине, Казахстане и Литве. Он был редактором целого ряда сборников статей, журналов, многие годы работал в составе редколлегии журналов «Родина» (Москва), «Поволжская археология» (Казань), «Археология евразийских степей» (Казань), «Эхо Веков» (Казань), «Мирас» (Казань), «Родные края» (Казань). За свою активную деятельность в области науки и пропаганде научных достижений Исмаилер Лерунович был награжден почетным званием «Заслуженный деятель науки Республики Татарстан» (2019).

Нельзя не отметить и «музейное» направление деятельности И.Л. Измайлора. С самого начала его научной деятельности он был связан с музеями, собирая материал для диссертации в их фондах, например в Казани, Москве, С.-Петербурге (Ленинграде), Самаре, Пензе, позднее ему удалось познакомиться с коллекцией В.И. Заусайлова в Национальном музее Финляндии (Хельсинки). Эта работа привела к открытию для науки каролингских мечей, древнейших стремян на территории Европы, маски-забрала и других древностей, открывших свои тайны пытливору исследователю. Позднее Исмаилер Лерунович вместе с супругой Светланой Юрьевной стали создателями ряда выставок в Национальном музее РТ (выставка оружия; выставка, посвященная Мухаммедьяру и др.) и авторами экспозиции Билярского музея-заповедника. Под его научным руководством разрабатывались реконструкции воинов, представленных в постоянной экспозиции НМ РТ. Он принимал участие в качестве рецензента и консультанта в создании постоянной исторической экспозиции НМ РТ, а также является членом его Ученого совета. Активно Исмаилер Лерунович участвовал в создании экспозиции Музея Болгарской цивилизации. Участвовал в разработке концепции Музея археологии Республики Татарстан и Музея татарской государственности (Казанский Кремль).

И.Л. Измайлор ведет активную общественную работу. Он был активистом национального движения, участником и делега-

том Всемирного конгресса татар (первого и второго созывов), в период всероссийской переписи населения (2002) готовил материалы к научной конференции о единстве татарской нации. С момента учреждения (2002) он является членом Геральдического совета при Президенте РТ, с 1988 года – член Российской ассоциации востоковедов, сотрудник Комиссии по изучению военной истории народов Востока, был научным консультантом архитектурного проекта «Зодчим Казанского Кремля».

Обладая высокой научной квалификацией, в последнее время Искандер Лерунович активно занимается подготовкой специалистов по истории и археологии. Под его научным руководством защищен целый ряд кандидатских и одна докторская диссертации. Три из них, включая докторскую диссертацию, были посвящены истории вооружения и фортификации народов Волго-Уральского региона в период Средневековья, что делает Казань признанным центром развития военной

археологии в России. Неоднократно он выступал на защите своих коллег в качестве оппонента и автора заключений ведущей организации.

Искандер Лерунович Измайлов – ведущий ученый Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, признанный в нашей стране и в мире специалист по археологии, средневековой истории и этнокультурным проблемам Евразии, вооружению и военному делу народов Волго-Уральского региона, продолжающий плодотворные исследования и подготовку научных кадров. Несомненно, в ближайшие годы появятся его новые труды, в которых будут введены в научный оборот результаты напряженной аналитической работы – новые факты и обобщения, учебники и популярные издания, острые критические материалы и размышления. В заключение выражу общее мнение друзей и коллег, пожелав ему от всей души здоровья, новых успехов, сомнений и открытий, творческой неуспокоенности на благо всей татарстанской науки.

Информация об авторе:

Губайдуллин Айрат Маратович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (г.Казань, Россия); airg_g@mail.ru

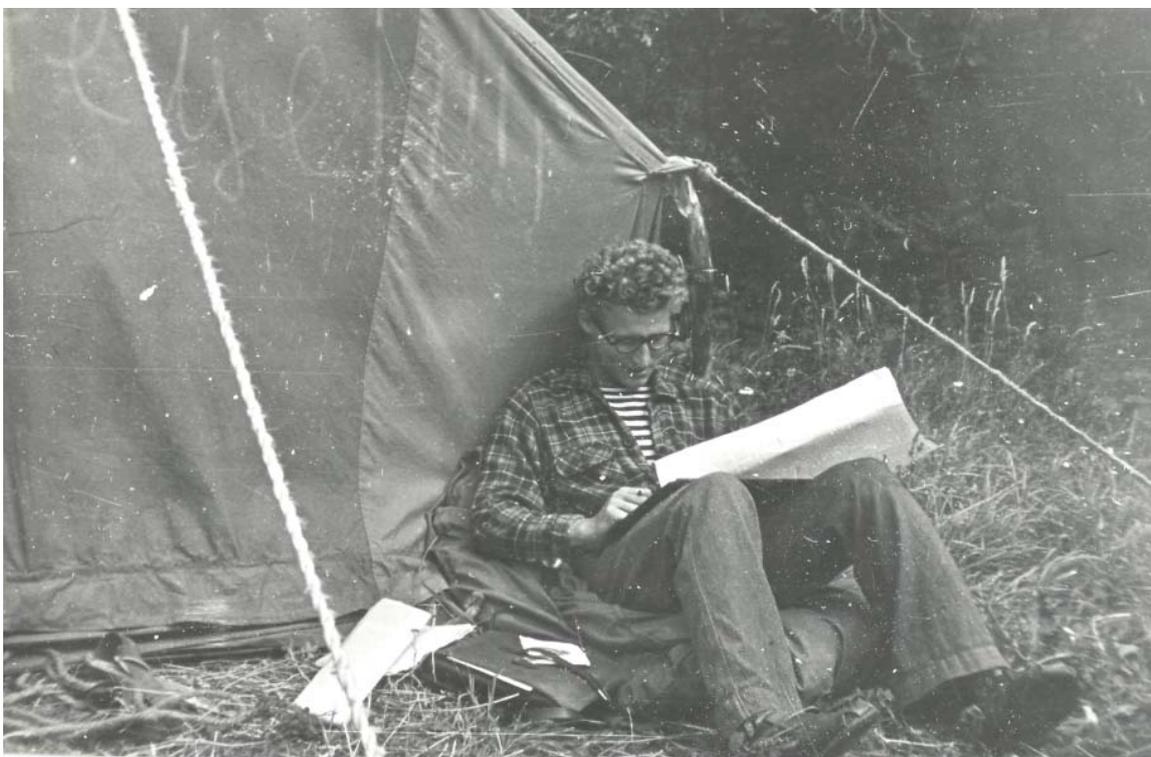
About the Author:

Gubaidullin Airat M. Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2020 г.
Статья принята к публикации 01.09.2020 г.

И.Л. Измайлов на фоне батального полотна. Казань. 2007 год.

Экспедиция на городище Кашан. Сентябрь 1982 года.

Измайлов примеряет кольчугу XVI в.
Музей Казанского университета.
Декабрь 1978 год.

И.Л. Измайлов, А.Н. Кирпичников и А.М.Губайдуллин в Болгаре.
Август 2002 года.

И. Фодор, Е.Н. Черных, А.Ш. Кадырбаев, С.Г. Кляшторный, Т. Д. Скрынникова, А.А. Арсланова
и И.Л. Измайлов на конференции в Сегеде. Май 2004 года.

Перед историческим музеем: Р.М Мунчаев, С.Г. Кляшторный,
Ф.Ш. Хузин, С.И. Валиуллина, И.Л. Измайлов. Сткгольм.
Август 2002 года.

Н.Н. Крадин критикует практические стрельбы И.Л. Измайлова. Венгрия. Май 2004 года.

И.Л. Измайлов и К.А. Аблязов в гостях у М.В. Горелика. Москва. Март 2006 года.

Оружиееды на фестивале исторической реконструкции. И.Л. Измайлов, Ю.С. Худяков, воин-реконструктор, А.Ш. Кадырбаев, М.В. Горелик. Казань. Май 2006 года.

Г.Н. Белорыбкин показывает Золотаревское городище. Пенза. Ноябрь 2007 года.

Братание с американскими солдатами. Тайвань. 2005 год.

А.Н. Кирпичников и И.Л. Измайлов
у ворот Дербент-кала.
Август 2003 года.

СПИСОК ТРУДОВ ИСКАНДЕРА ЛЕРУНОВИЧА ИЗМАЙЛОВА ПО ОРУЖИЕВЕДЕНИЮ И ВОЕННОЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

I. Монографии, книги и брошюры

1. Измайлов И.Л., Измайлова С.Ю. Булгарское вооружение X-XIII вв. Буклет. Казань: Изд-во ГОМ РТ, 1993. 10 с.
2. Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело волжских болгар X-XIII вв. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Казань: Изд-во КГУ, 1996. 22 с.
3. Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII вв. РАН. Дальневост. Отд-ние. Сев.-Вост. науч. Центр. Казань-Магадан: Изд-во СВНЦ ДВО РАН, 1997. 212 с.
4. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Введение в историю Казанского ханства. Очерки. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2005. 116 с.
5. Измайлов И.Л. Защитники «Стены Искандера». Вооружение, военное искусство и военная история Волжской Булгарии X-XIII вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. 206 с.
6. Измайлов И.Л. Дух воина: от скифов до Золотой Орды. Вооружение и конское снаряжение из Западного Предкавказья по материалам частных коллекций А.В. Мишенькина и Ю.В. Смыкова, представленных в Шабановском народном музее: каталог выставки / Авт.-сост. И.Л. Измайлов. Казань: Татар. кн. изд-во, 2016. 71 с.
7. Белорыбкин Г.Н., Гусынин В.А., Измайлов И.Л. Вооружение населения юго-западной Булгарии (X – середина XIII века) / Археология Евразийских степей. 2020. №1. 354 с.

II. Статьи в коллективных монографиях, научные и научно-популярные статьи, тезисы и статьи в энциклопедических изданиях

1984

1. Измайлов И.Л. Поход русских князей на Великий город в 1183 г. и некоторые вопросы тактики обороны волжских болгар // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1984. С. 99–107.

1985

2. Измайлов И.Л. История изучения военно-оборонительного дела волжских болгар // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С. 7–21.

1986

3. Измайлов И.Л. О русско-булгарских связях в области техники и военного дела // Волжская Булгария и Русь. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. С. 123-138.

1988

4. Измайлов И.Л. Из истории домонгольского и раннезолотоордынского защитного доспеха волжских болгар // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 87-102.
5. Измайлов И.Л., Марков В.Н. Железная маска-забрало с территории Волжской Булгарии // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 120-124.
6. Измайлов И.Л. Оружие ближнего боя ранних болгар // Ранние болгары в Восточной Европе. Тез. докл. науч. конф. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С.5-6.

1989

7. Измайлов И.Л. Оружие ближнего боя волжских болгар VIII-X вв. / И.Л. Измайлов // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1989. С.107-121.
8. Измайлов И.Л. Исследование болгарских городищ на территории Татарии // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар. 1989. С. 59-60.

1990

10. Измайлов И.Л. Появление и ранняя история стремян в Среднем Поволжье // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск: ИИФФ СОАН СССР, 1990. С. 61-70.

11. Измайлов И.Л., Губайдуллин А.М. Коллекция железных наконечников стрел из Хакасско-Минусинской котловины из музея археологии Казанского университета // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск: ИИФФ СОАН СССР, 1990. С. 106-120.

12. Измайлов И.Л. Комплексы вооружения в регионах на пути из Булгара в Киев в X-XI вв. (некоторые тенденции развития) // Археологическое изучение микрорайонов: итоги и перспективы. Тез. докл. науч. конф. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1990. С.52-53.

1991

13. Измайлов И.Л. К вопросу о болгаро-скандинавских контактах / И.Л. Измайлов // Биляр – столица домонгольской Булгарии. Казань: ИЯЛИ КНЦ АН СССР, 1991. С. 130-138.

14. Измайлов И.Л. К вопросу о контактах болгар с финно-уграми в области вооружения // Проблемы археологии Среднего Поволжья. Казань: Изд-во КГУ. 1991. С. 96-106.

15. Измайлов И.Л. Военно-дружинные связи Волжской Булгарии с Южной Русью в X-XI вв. // Путь из Булгара в Киев. Тез. докл. науч. конф. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1991. С.13-14.

16. Измайлов И.Л. К вопросу об исторической интерпретации «длинных валов» в Закамье / И.Л. Измайлов // В.О. Ключевский и современность. Тез. докл. науч. конф. Пенза: Изд-во ПГПИ, 1991. С.71-73.

17. Измайлов И.Л., Губайдуллин А.М. Исследования болгарских городищ в Предволжье // Археологические открытия Урала и Поволжья. – Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. С. 107-109.

1992

18. Измайлов И.Л. Военно-дружинные связи Волжской Булгарии с Южной Русью в X-XI вв. // Путь из Булгара в Киев. Казань: ИЯЛИ КНЦ СССР, 1992. С.102-113.

19. Измайлов И.Л. К вопросу о соотношении этнических и надэтнических элементов в комплексе средневекового вооружения // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Пенза: Изд-во ПГОМ, 1992. С.85-91.

20. Измайлов И.Л., Губайдуллин А.М. Укрепления Старокуйбышевского (Кураловского) городища // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань: ИЯЛИ КНЦ СССР, 1992. С.79-89.

1993

21. Измайлов И.Л. Оружие ближнего боя волжских болгар X-XIII вв. (копья и боевые топоры) // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. Казань ИЯЛИ КНЦ РАН, 1993. С.77-106.

22. Измайлов И.Л. Наборные пояса как элемент дружинной культуры волжских болгар VIII-XIII вв. (к постановке проблемы) // Культура, искусство татарского народа. Казань ИЯЛИ КНЦ РАН, 1993. С.47-54.

23. Измайлов И.Л. Об одной конструкции сложносоставного лука из Волжской Булгарии // Народы Среднего Поволжья: история, культура. Тез. докл. краевед. чтений. Казань: ГОМ РТ, 1993. С.15-16.

24. Измайлов И.Л., Недашковский Л.Ф. Находки предметов вооружения с территории золотоордынского города Укека из музеев Казани и Саратова // Из истории Золотой Орды. Казань: Изд-во «Фонд им. М. Султангалиева», 1993. С. 72-86.

25. Измайлов И.Л. Крестовый поход на Волге // Татарстан. 1993. № 10. С. 11-21.

26. Измайлов И.Л. Алтын Урда сугыш сэнгате [Военное искусство Золотой Орды] // Мирас. 1993. № 8. С. 113-122.

27. Измайлов И.Л. Казан ханлыгының сугыш сэнгате [Военное искусство Казанского ханства] // Мирас. 1993. № 10. С. 59-67.

1994

28. Измайлов И.Л. О реконструкции лука «болгарского» типа из Среднего Поволжья и Прикамья // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 1994. С.39-44 + рис. XIV-XVI.

29. Измайлов И.Л. Битва на Ворскле. 1399. Звездный час эмира Идегея // Цейхгауз. (№ 3). 1994. № 1. С. 80-83.

30. Измайлов И.Л. Казан ханлыгы флоты (Флот Казанского ханства) // Мирас. 1994. № 9. С. 97-100.

1995

31. Измайлов И.Л. Вооружение Казанского ханства (XV-XVI вв.) (к постановке проблемы) // Заказанье: проблемы истории и культуры. Казань: Заман, 1995. С.135-139.

32. Измайлов И.Л. К вопросу о формировании средневековой дружинной культуры волжских болгар // Страницы истории Волго-Донья. Пенза: Изд-во ПГПИ, 1995. С.94-104.

33. Измайлов И.Л. Викинги в Среднем Поволжье // Древние народы и города Поволжья. Пенза: Изд-во ПГПИ, 1995. С.1-23.

1997

34. Измайлов И.Л. Комплекс болгарского вооружения X-XIII вв. (итоги и перспективы исследования) // «Гуманистические традиции Запада и Востока в музейном деле России и Татарстана». Труды Всероссийской научно-практической конф. (Казань, 12-14 сентября 1995 г.). Казань: Изд-во ГОМ РТ, 1997. С.43-50.

35. Измайлов И.Л. Хронология эволюции вооружения народов Среднего Поволжья во второй половине I тыс. н. э. // Культура степей Евразии второй половины I тыс. н. э. (вопросы хронологии). Тез. докл. II Междунар. научн. конф. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1997. С. 26-29.

36. Измайлов И.Л. Русы в Среднем Поволжье (к вопросу о характере и этапах болгаро-скандинавских контактов) // Казанское востоковедение: традиции, современность, перспективы. Тез. и краткое содержание докл. междунар. научн. конф. (Казань 10-11 октября 1996 г.). Казань: Изд-во «Фест», 1997. С.228-231.

37. Измайлов И.Л., Бурханов А.А. Наконечники стрел из Южного Хорезма // Казанское востоковедение: традиции, современность, перспективы. Тез. и краткое содержание докл. междунар. научн. конф. (Казань 10-11 октября 1996 г.). Казань: Изд-во «Фест», 1997. С.168-171.

38. Измайлов И.Л. В блеске мисюрок и бехтерцов // Родина. 1997. № 3/4. С. 105-108.

1998

39. Измайлов И.Л. К истории сложносоставного лука населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья конца VIII - X вв. // Культура степей Евразии второй половины I тыс. н. э. (вопросы хронологии). Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1998. С.242-259.

40. Измайлов И.Л. К истории сложного лука Волжской Булгарии середины VIII-X вв. // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб.: Изд-во ГЭ, 1998. С. 198-205.

1999

41. Измайлов И.Л. Научное наследие А.П. Смирнова и проблемы изучения истории военного дела Волжской Булгарии // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Сборник тез. докл. конф., посвященной 100-летию со дня рождения А.П. Смирнова. М.: Изд-во ГИМ, 1999. С.109-113.

42. Бурханов А.А., Измайлов И.Л. Новые данные по фортификации Казанского ханства (по итогам раскопок памятников Заказанья) // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Сборник тез. докл. конф., посвященной 100-летию со дня рождения А.П. Смирнова. М.: Изд-во ГИМ, 1999. С. 135-138.

43. Измайлов И.Л. «Русы» в Среднем Поволжье (этапы болгаро-скандинавских этно-социальных контактов и их влияние на становление городов и государств) // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX-XII веков. Материалы международного симпозиума. Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 1999. С. 94–100.

44. Измайлов И.Л. Викинги на Великом Волжском пути // Казань. 1999. № 5/6. С. 21–23.

2000

45. Измайлов И.Л. Балымерский курганный могильник и его историко-культурное значение // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские болгары. Доклады международного научного симпозиума по вопросам археологии и истории (г. Пушкинские горы, 11-14 мая 1999 г.). Отв. ред. А.Н. Кирпичников. СПб.: Изд-во ИПК «Вести», 2000. С. 70-86.

46. Измайлов И.Л. Балымерский курганный могильник и его историко-культурное значение // Средневековая Казань: возникновение, развитие. Материалы международной научной конференции. (Казань, 1-3 июня 1999 г.). Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 2000. С. 190-206.

47. Кирпичников А.Н., Измайлов И.Л. Каролингские мечи из Болгарии (из фондов Государственного объединенного музея Республики Татарстан) // Средневековая Казань: возникновение, развитие. Материалы международной научной конференции. (г. Казань, 1-3 июня 1999 г.). Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 2000. С. 190-206.

48. Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело Волжской Болгарии: история изучения и становления концепции исследования // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М.: Изд-во ГИМ, 2000. С.254-262.

49. Измайлов И.Л. Оружие и воинское снаряжение как элемент воинского костюма средневекового населения Среднего Поволжья // Культура степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма). Самара: Изд-во СОИКМ, 2000. С.60-64.

50. Измайлов И.Л. 1183 год. Крестовый поход на Волге // Родина. 2000. № 3. С.38-43.

51. Измайлов И.Л. Военное искусство как часть культурно-исторического наследия татарского народа // Научный Татарстан. 2000. №2. С.65-69.

52. Измайлов И.Л. Военная культура как часть культурно-исторического наследия татарского народа // Альметьевский регион: проблемы историко-культурного наследия. Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 2000. С.48-56.

2001

53. Измайлов И.Л. Комплекс болгарского вооружения X-XIII вв. (Итоги и проблемы исследования) // Древности. Вып. 33. М.: Изд-во РАО, 2001. С.73-81.

2002

54. Измайлов И.Л. Хазарский каганат и Волжская Булгария в конце IX – X вв. // Хазары. Второй Международный коллоквиум. Тезисы. М.: Изд-во «Мосты культуры/ Гешарим», 2002. С.44-46.

55. Измайлов И.Л. Алям // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Глав. ред. М.Х. Хасанов. Казань: ИТЭ, 2002. Т.1: А-В. С. 132.

56. Измайлов И.Л. Арабо-хазарские войны // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Глав. ред. М.Х. Хасанов. Казань: ИТЭ, 2002. Т.1: А-В. С. 170

57. Измайлов И.Л. Арбалет // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Глав. ред. М.Х. Хасанов. Казань: ИТЭ, 2002. Т.1: А-В. С. 172.

58. Измайлов И.Л. Байдана // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Глав. ред. М.Х. Хасанов. Казань: ИТЭ, 2002. Т.1: А-В. С. 277.

59. Измайлов И.Л. Бачмана восстание // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Глав. ред. М.Х. Хасанов. Казань: ИТЭ, 2002. Т.1: А-В. С. 321.

60. Измайлов И.Л. Баяна и Джику восстание // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Глав. ред. М.Х. Хасанов. Казань: ИТЭ, 2002. Т.1: А-В. С. 333.

61. Измайлов И.Л. Бехтерец // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Глав. ред. М.Х. Хасанов. Казань: ИТЭ, 2002. Т.1: А-В. С. 366.

62. Измайлов И.Л. Битва на Ворскле // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Глав. ред. М.Х. Хасанов. Казань: ИТЭ, 2002. Т.1: А-В. С. 403.

63. Измайлов И.Л. Битва на Тереке // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Глав. ред. М.Х. Хасанов. Казань: ИТЭ, 2002. Т.1: А-В. С. 403.

64. Измайлов И.Л. Битва при Белёве // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Глав. ред. М.Х. Хасанов. Казань: ИТЭ, 2002. Т.1: А-В. С. 403-404.

65. Измайлов И.Л. Булава // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Глав. ред. М.Х. Хасанов. Казань: ИТЭ, 2002. Т.1: А-В. С.481.

66. Измайлов И.Л. Булгаро-русские договоры // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Глав. ред. М.Х. Хасанов. Казань: ИТЭ, 2002. Т.1: А-В. С. 488.

67. Измайлов И.Л. Булгарские походы // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Глав. ред. М.Х. Хасанов. Казань: ИТЭ, 2002. Т.1: А-В. С. 489.

68. Измайлов И.Л. Бунчук // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Глав. ред. М.Х. Хасанов. Казань: ИТЭ, 2002. Т.1: А-В. С. 494.

2003

69. Измайлов И.Л. Балымерский курганный могильник и «русы» на Волге: проблемы и дискуссии // Великий Волжский путь. Материалы II-го этапа научно-практической конференции «Великий Волжский путь». (Казань, 5-14 августа 2002 г.). Часть II. Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2003. С.50-69.

70. Измайлов И.Л. Балымерский курганный могильник в свете контактов Северной Европы и Волжской Булгарии: проблемы и дискуссии // Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб.: ИПК «Вести», 2003. С.127-141.

71. Измайлов И.Л. Монгольские завоевания в Поволжье в начале XIII в.: Т.Т. Олсен и его взгляд на проблему // Научный Татарстан. 2003. № 2. С.83-86.

72. Измайлов И.Л. Военная организация Казанского ханства (некоторые выводы и проблемы исследования) // Гыйльми язмалар = Ученые записки ТГГИ. 2003. №11. С.71-74.

2004

73. Измайлов И.Л. Военное искусство Волжской Булгарии (стратегия и тактика обороны и полевого боя) // Культурные традиции Евразии: вопросы средневековой истории и археологии / Серия «Восток-Запад: Диалог культур Евразии». Вып. 4. Под ред. А.А. Бурханова. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2004. С. 78-88.

74. Измайлов И.Л., Губайдуллин А.М. Городища золотоордынского периода на территории Предволжья: некоторые проблемы изучения военного зодчества // Культурные традиции Евразии: вопросы средневековой истории и археологии / Серия «Восток-Запад: Диалог культур Евразии». Вып. 4. Под ред. А.А. Бурханова. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2004. С.124-131.

2005

75. Измайлов И.Л. Опора Каспия: Флот Казанского ханства / Nazar'in guvencesi: Kazan Hanligi Filosu // Да. Татарстан. Бесплатное приложение к журналу «Да». 2005. С.14-15.

76. Измайлов И.Л. Безумные храбрецы // Родина. 2005. №8. С.69-72.

77. Измайлов И.Л. «... Казань-город на костях стоит». Исторические песни русских и татар о взятии Казани // Родина. 2005. № 8. С.110-114.

78. Измайлов И.Л. «Я научу тебя, как топить в реке татарских царей ...» Татары в Смутное время: события и судьбы // Родина. 2005. № 11. С.75-78.

79. Измайлов И.Л. Грюнвальдская битва // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Глав. ред. М.Х. Хасанов. Казань: ИТЭ, 2005. Т. 2: Г-Й. С. 202.

80. Измайлов И.Л. Длинные валы // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Глав. ред. М.Х. Хасанов. Казань: ИТЭ, 2005. Т. 2: Г-Й. С. 294.

81. Измайлов И.Л. Засечные черты // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Глав. ред. М.Х. Хасанов. Казань: ИТЭ, 2005. Т. 2: Г-Й. С. 440.

82. Измайлов И.Л. Йарак // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Глав. ред. М.Х. Хасанов. Казань: ИТЭ, 2005. Т. 2: Г-Й. С. 643.

2006

83. Измайлов И.Л. Военное дело. // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.П. Волжская Булгария и Великая степь. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. С.336-367.

84. Измайлов И.Л. Внешняя политика Булгарского государства // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.П. Волжская Булгария и Великая степь. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. С. 368-376.

85. Измайлов И.Л. Казанские ворота // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Глав. ред. М.Х. Хасанов. Казань: ИТЭ, 2006. Т. 3: К-Л. – С. 67.

86. Измайлов И.Л. Казанское взятие // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Глав. ред. М.Х. Хасанов. Казань: ИТЭ, 2006. Т. 3: К-Л. С. 131-132.

87. Измайлов И.Л. Калкан // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Глав. ред. М.Х. Хасанов. Казань: ИТЭ, 2006. Т. 3: К-Л. С. 186.

88. Измайлов И.Л. Кистень // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Глав. ред. М.Х. Хасанов. Казань: ИТЭ, 2006. Т. 3: К-Л. С. 305.

89. Измайлов И.Л. Колчан // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Глав. ред. М.Х. Хасанов. Казань: ИТЭ, 2006. Т. 3: К-Л. С. 362.

90. Измайлов И.Л. Кольчуга // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Глав. ред. М.Х. Хасанов. Казань: ИТЭ, 2006. Т. 3: К-Л. С. 363.

91. Измайлов И.Л. Копье // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Главный редактор М.Х. Хасанов. Казань: ИТЭ, 2006. Т. 3: К-Л. С. 401-402.

92. Измайлов И.Л. Кояр // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Глав. ред. М.Х. Хасанов. Казань: ИТЭ, 2006. Т. 3: К-Л. С. 428.

93. Измайлов И.Л. Крепостная стена // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Глав. ред. М.Х. Хасанов. Казань: ИТЭ, 2006. Т. 3: К-Л. С. 448.

94. Измайлов И.Л. Куликовская битва // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Глав. ред. М.Х. Хасанов. Казань: ИТЭ, 2006. Т. 3: К-Л. – С. 508-509.

95. Измайлов И.Л. Куяк // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Глав. ред. М.Х. Хасанов. Казань: ИТЭ, 2006. Т. 3: К-Л. С. 548-549.

96. Измайлов И.Л. Лук // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Глав. ред. М.Х. Хасанов. Казань: ИТЭ, 2006. Т. 3: К-Л. С. 638

2008

97. Измайлов И.Л. Вооружение волжских булгар предмонгольского времени // Татары Самарского края: Материалы научной конференции «История и культура Волжской Булгарии», посвященной 1100-летию принятия булгарами ислама. Самара: Изд-во «НТЦ», 2008. С. 57-62.

98. Измайлов И.Л. Молоствовский вал // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Главный редактор М.Х. Хасанов. Казань: Институт татарской энциклопедии, 2008. Т. 4: М-П. С. 221.

99. Измайлов И.Л. Поход на город Болгар 1376 // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Главный редактор М.Х. Хасанов. Казань: Институт татарской энциклопедии, 2008. Т. 4: М-П. С. 692.

100. Измайлов И.Л. Походы булгар на Русь // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Главный редактор М.Х. Хасанов. Казань: Институт татарской энциклопедии, 2008. Т. 4: М-П. С. 693.

2009

101. Измайлов И.Л. Походы в Восточную Европу 1223-1240 гг. // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.П. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 133-160.

102. Горелик М.В., Измайлов И.Л. Военное дело Улуса Джучи. Вооружение // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.П. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 396-405.

103. Губайдуллин А.М., Измайлов И.Л. Военное дело Улуса Джучи. Военное зодчество // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 405-408.

104. Измайлов И.Л. Военное дело Улуса Джучи. Организация войска. Военное искусство // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 409- 431.

105. Измайлов И.Л. Войны на Западе. Польша и Литва // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 518-529.

106. Измайлов И.Л. «Великая замятня» // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 695-705.

107. Измайлов И.Л. Идегей и его время // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 712-723.

108. Измайлов И.Л. Агония империи // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 724-728.

109. Измайлов И.Л. «Зеленых не сочтешь там шелковых знамен...» (Символы болгарской государственности X – первой трети XIII в.) // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2009. № 2. С.18-34.

2010

110. Измайлов И.Л. Военная организация Улуса Джучи // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2010. № 1. С. 5-15.

111. Измайлов И.Л. Сагадак // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Глав. ред. М.Х. Хасанов. Казань: Институт татарской энциклопедии, 2010. Т. 5: Р-Т. С.186-187.

112. Измайлов И.Л. Секира // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Глав. ред. М.Х. Хасанов. Казань: Институт татарской энциклопедии, 2010. Т. 5: Р-Т. С. 287.

113. Измайлов И.Л. Старо-Закамская черта // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Глав. ред. М.Х. Хасанов. Казань: Институт татарской энциклопедии, 2010. Т. 5: Р-Т. С. 426.

114. Измайлов И.Л. Тегилляй // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Глав. ред. М.Х. Хасанов. Казань: Институт татарской энциклопедии, 2010. Т. 5: Р-Т. С. 607.

115. Измайлов И.Л. Тюфьк // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Глав. ред. М.Х. Хасанов. Казань: Институт татарской энциклопедии, 2010. Т. 5: Р-Т. С. 720.

2011

116. Измайлов И.Л. Войско Улуса Джучи во второй половине XIII-XV вв.: структура командования, способ комплектования, численность и рода войск // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы Круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского Форума (Казань, 30 марта 2011 г. / Отв. ред. и составитель И.М. Миргалеев. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 23-35.

117. Измайлов И.Л. Комплекс вооружения Улуса Джучи: от стрелы до пушек // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы Круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского Форума (Казань, 30 марта 2011 г. / Отв. ред. и составитель И.М. Миргалеев. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С.200-203.

118. Измайлов И.Л. Каролингские мечи из Булгарии (из фондов Национального музея Республики Татарстан) // Материалы Международного музейного форума в Казани «Музей и общество: современные модели интеграции». (Казань, 14-18 сентября 2010 г.). В 2 т. С.171-176.

119. Губайдуллин А.М., Измайлов И.Л. «Длинные валы» в Волго-Камье: археологические исследования и историческая интерпретация // Урало-Поволжье в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции V Халиковские чтения «Урало-Поволжье в древности и средневековье», посвященной 80-летию со дня рождения А.Х. Халикова (Казань, 27-30 мая 2009 г.). Казань: ООО «Фолиант»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 56-65.

120. Измайлов И.Л. История сложносоставного лука населения Среднего Поволжья (середина VIII-XIV вв.) // Форум «Идель-Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей (Казань, 7-11 декабря 2009 г.). Серия «Археология евразийских степей». Выпуск 13. Казань: ООО «Фолиант»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С.56-72.

121. Измайлов И.Л. Рецензия на книгу У.Ю. Кочкарова «Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII-XIV вв. (Оружие ближнего боя)». М.: Таус, 2008 // Батыр. 2011. №2 (3). С. 103-104.

2012

122. Измайлов И.Л. Булгары: от племени к средневековому государству // Филология и культура. Philology and Culture. 2012. № 1(27). С.178-185.

123. Измайлов И.Л. Становление средневековой Булгарии: от племени к государству // Studia Slavica Et Balcanica Petropolitana. 2012. №2. С.217-242.

124. Измайлов И.Л. Погребально-поминальная обрядность и комплекс вооружения древнего и средневекового населения (к постановке проблемы) // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 66-85.

125. Измайлов И.Л. Монгольский поход 1223 г. и проблема хронологии древностей Восточной Европы начала XIII в. // История и культура средневековых народов степной Евразии: материалы II Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей (Барнаул, сентябрь 2012 г.) / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. университета, 2012. С.129-132.

126. Измайлов И.Л. Этнословная структура Казанского ханства // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 4. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 62-68.

127. Красильников П.В., Измайлов И.Л. Раннебулгарские стрелы: типология и историческая интерпретация // История и культура средневековых народов степной Евразии: материалы II Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей (Барнаул, сентябрь 2012 г.) / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2012. С. 136-137.

128. Измайлов И.Л. Средневековое болгарское вооружение и военное дело: факты и заблуждения // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VIII: Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования проблемы сохранения и музеефикации: сб. науч. тр. / под общ. ред. А.М. Белавина. Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т., 2012. С. 254-265.

129. Измайлов И.Л. Татары в Смутное время: события и судьбы // Люди Смуты. История народного подвига. М.: Достоинство, 2012. С. 212-219.

2013

130. Измайлов И.Л. Военное искусство Улуса Джучи во второй половине XIV - начало XV в. // От Онона к Темзе: Чингисиды и их западные соседи = From the river Onon to Thames. Chingizids and Their Western Neighbors: к 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского: [сборник] / [ред.-сост.: В.П. Степаненко, А.Г. Юрченко]. М.: Изд. Дом Марджани, 2013. С. 253-272.

131. Измайлов И.Л. Взаимодействие Волжской Булгарии с тюркскими кочевниками в области вооружения и конского снаряжения (XI-XIII вв.) // VII международная конференция «Источники по истории кочевников средневековой Евразии»: Программа. Тезисы докладов. Список участников. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2013. С.46-48.

2014

132. Измайлов И.Л., Исхаков Д.М., Трепавлов В.В. Предпосылки и особенности децентрализации Улуса Джучи // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.IV. Татарские государства XV – XVIII вв. Казань: ИИ АН РТ, 2014. С. 78-82.

133. Измайлов И.Л. Структура власти в позднесолотоордынских государствах // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.IV. Татарские государства XV – XVIII вв. Казань: ИИ АН РТ, 2014. С. 521-531.

134. Измайлов И.Л. Татарское военное искусство // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.IV. Татарские государства XV – XVIII вв. Казань: ИИ АН РТ, 2014. С. 686-690.

135. Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело Казанского ханства // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.IV. Татарские государства XV – XVIII вв. Казань: ИИ АН РТ, 2014. С. 690-700.

136. Измайлов И.Л. Взятие Казани: причины, ход, последствия // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI – XVIII вв.). Казань: ИИ АН РТ, 2014. С. 62-72.

137. Ермолаев И.П., Измайлов И.Л. Казанская война 1552-1557 гг. // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI – XVIII вв.). Казань: ИИ АН РТ, 2014. С.73-85.

138. Измайлов И.Л. Татары и Казанский край в Смутное время // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI – XVIII вв.). Казань: ИИ АН РТ, 2014. С. 267-280.

139. Измайлов И.Л. Военно-политические контакты Волжской Булгарии с тюркскими кочевниками Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (конец X – первая треть XIII в.) // Бюллетень Общества востоковедов. Вып. 21: Материалы VII международной конференции «Источники по истории кочевников средневековой Евразии». М.: Институт востоковедения РАН, 2014. С. 130-144.

140. Измайлов И.Л. Приспособления для защиты руки из коллекции А.Ф. Лихачева: археологическая и военно-историческая атрибуция // Материалы Лихачевских чтений. 2-5 апреля 2012 г. Казань: РА «PR time», 2014. С. 76-86.

141. Измайлов И.Л. Средневековое вооружение и военное дело Волжской Булгарии: особенности развития // Българистика. Трети международен конгрес по българистика. Т.19. Секция «История и археология». Подсекция «Археология и стара история». София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2014. С. 155-164.

142. Измайлов И.Л. Сложносоставные луки Среднего Поволжья эпохи Средневековья // Военная археология. Вып. 3. Отв. ред. О.В. Двуреченский. М.: МедиаМир; Тула: Куликово поле, 2014. С. 204-236.

143. Измайлов И.Л. Чура // Татарская энциклопедия: В 6 т. / Главный редактор А.М. Мазгаров, ответ. ред. Г.С. Сабирзянов. Казань: Институт татарской энциклопедии, 2014. Т. 6: У-Я. С. 342.

144. Измайлов И.Л. Юшман // Татарская энциклопедия: В 6 т. / Главный редактор А.М. Мазгаров, ответ. ред. Г.С. Сабирзянов. Казань: Институт татарской энциклопедии, 2014. Т. 6: У-Я. С. 494.

2015

145. Sitdikov A.G., Izmailov I.L., Khayrutdinov R.R. Weapons, Fortification and Military Art of the Volga Bulgaria in the 10th - the First Third of the 13th Centuries // Journal of Sustainable Development. 2015. Vol. 8. №. 7 (August 2015). pp. 167-177.

146. Измайлов И.Л. Международные отношения в Волго-Уральском регионе: эпоха Волжской Булгарии (X – первая треть XIII в.) // Idil-Ural Tarihi Sempozyumu (Ankara, 10-12 Ekim 2011): bildiriler: II. cilt. = История Волго-Уральского региона. Материалы международной научной конференции (Анкара, 10-12 октября 2011). Т.2. Доклады на русском языке. Ответ ред. И. Кемалоглу. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2015. С.29-59.

147. Измайлов И.Л. Памяти Михаила Викторовича Горелика (1946-2015) // Поволжская археология. 2015. № 1. С.271-280.

148. Измайлов И.Л. Меч раннесарматского времени из Икско-Зайского междуречья / И.Л. Измайлов // Поволжская археология. 2015. № 2. С.326-332.

149. Измайлов И.Л. «Народ там свирепый»: монгольское завоевание Волго-Уральского региона (1223-1240 гг.) // Золотоордынская цивилизация. 2015. № 8. С.90-109.

150. Измайлов И.Л., Миргалеев И.М. Памяти Михаила Викторовича Горелика // Золотоордынская цивилизация. 2015. № 8. С. 6-8.

2016

151. Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело Золотой Орды: проблемы изучения // Историко-археологические памятники Золотой Орды на территории Саратовского Поволжья. Уек: прошлое, настоящее, будущее. Сборник материалов Международной науч.-практич. конф. (Саратов, 4-6 июня 2015 г.) / Под ред. К.А. Аблязова, Э.С. Кульпина-Губайдуллина, Ф.А. Рашитова. Саратов: Научная книга, 2016. С.183-185.

152. Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело Казанского ханства (о тезисах А.Н. Курата) // Akdes Nimet Kurat'ın Hayati ve eserleri sempozyumu bildirileri / Материалы научного симпозиума «Жизнь и научная деятельность Акдеса Нимета Курата». Nazirleyen I. Kemalolu. Ankara: Turk Tarih Kurumu, 2016. С. 241-269.

2017

153. Измайлов И.Л. Вооружение Улуса Джучи (Золотой Орды) XIII-XIV вв. в контексте истории оружия Евразии: проблемы изучения // III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй / Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдилов. Владивосток: Даньнаука, 2017. С.141-145.

154. Sitdikov A.G., Zubov S.E., Izmailov I.L. Migration in the middle Volga Region in the first centuries B.C.: Archaeological evidences and its ethno-social interpretation // Man in India. 2017. 97 (8). pp. 49-62.

155. Измайлов И.Л. Военная археология народов Евразии: к вопросу о содержании понятия // Археология Евразийских степей. 2017. № 5.. С. 16-22.

156. Измайлов И.Л. Вооружение и военное искусство Казанского ханства XV – первая половина XVI в.: комплексный анализ источников // Археология евразийских степей. 2017. № 5. Военная археология: древнее и средневековое вооружение Евразии. Отв. ред. И.Л. Измайлов. С. 196-209.

157. Измайлов И.Л. Вклад М.В. Горелика в развитие отечественной военной археологии // Археология евразийских степей. 2017. № 5. Военная археология: древнее и средневековое вооружение Евразии. Отв. ред. И.Л. Измайлов. С. 240-252.

2019

158. Измайлов И.Л. Этносоциальное и культурное единство тюрко-татарских государств XV–XVII вв.: причины и факторы // Казанская царица Сююн-бике в истории народов России. Под общ. Ред. Б.Р. Рахимзянов. М.: Квадрига, 2019. С. 139-151.

159. Измайлов И.Л. Традиционная одежда и археологический костюм: соотношение этнических и сословно-статусных элементов // Археология Евразийских степей. 2019. №1. С. 199-216.

160. Ситдилов А.Г., Измайлов И.Л., Ганбат Н. Археологическое изучение уйгурского городища Бийбулаг в Монголии в 2018-2019 гг.: предварительное сообщение // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований. Материалы IV Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвященной 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ, 16-21 сентября 2019 г.). В 2 кн. Кн.1. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2019. С.63-64.

Составители А.М. Губайдуллин, Б.И. Измайлов

Информация об авторах:

Губайдуллин Айрат Маратович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (г.Казань, Россия); airg_g@mail.ru

Измайлов Бахтияр Искандерович, кандидат исторических наук, заведующий отделом, Институт истории им. Ш. Марджани, Академии наук Республики Татарстан (ИИ АН РТ), (г. Казань, Россия); bahismala@inbox.ru

About the Authors:

Gubaidullin Airat M. Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

Izmailov Bakhtiar I., Candidate of Historical Sciences, Institute of History named after Sh. Mardzani of Tatarstan Academy of Sciences. Baturina Str., 7a, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation; bahismala@inbox.ru

УДК 903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2020.6.34.41>**КОЛЕСНИЦЫ И НАРТЫ: К ПРОБЛЕМЕ РЕКОНСТРУКЦИИ ТАКТИКИ**

©2020 г. А.К. Нефёдкин

В статье рассматриваются вопросы тактики боя на нартах, в частности, известных по этнографическим описаниям корякских нарт. Очевидно, что с древнейших времен боевое использование колесниц и нарт было схожим: обстрел врага – разворот – опять стрельба. Так они действовали против нарт/колесниц противника и не столь подвижных пеших бойцов. Колесницы, как и нарты, действовали группами. Для нарт, как и колесниц, была необходима не слишком пересеченная местность, хотя нарты использовались в зимний период, а колесницы – в летний. Различие же между военным использованием колесниц и нарт наблюдается, скорее, социальное. Если ездовыми и/или беговыми нартами обладало практически все мужское население оленных чукчей и коряков, то в первобытных обществах колесницей, как считается, обладали лишь знатные/богатые члены племени. В целом можно отметить сходство боевого использования нарт и колесниц. Их владельцы, очевидно, обладали высоким социальным статусом.

Ключевые слова: колесницы, нарты, военное дело, первобытное общество, чукчи, коряки, эвенки.

CHARIOTS AND SLEDGES: THE TACTICS RECONSTRUCTION ISSUE

A.K. Nefyodkin

The article deals with the tactics of battle sledging, in particular, known from the ethnographic descriptions of the koryak sledges. Obviously, since ancient times, the combat use of chariots and sledges was similar: shooting at the enemy – turning – repeated shooting. Such tactics was used in battles against enemy sledges or chariots, and against less mobile infantry. In order to use a sledge or chariots, a rather flat terrain was required, although sledges were used in winter, and chariots in summer. The military use of chariots and sledges differed rather in terms of the social aspect. Whereas almost all reindeer-breeding Chukchi and Koryaks had sledges for driving and/or running in the primitive societies, only the noble or wealthy tribe members possessed chariots. In general, we can note the similarity of the combat use of sleds and chariots. Their owners obviously had a high social status.

Keywords: chariots, sledges, warfare, primitive society, the Chukchi, the Koryaks, the Evenks.

Публикуемая ниже статья имеет свою достаточно длинную историю. В 1998 г., исследуя тактику боевых колесниц, я впервые обратился к чукотскому военному делу, в частности к использованию нарт на войне, чтобы понять, как действовали древние колесницы. Однако, проведя сравнение, выяснилось, что сохранилось мало сведений и о нартах, из которых лишь частично можно представить их чисто военное использование. Поэтому я отложил данный сюжет. Зимой 2005 г. на домашнем семинаре д.и.н. М.Б. Щукина, на котором присутствовало всего лишь четыре человека (включая П.В. Шувалова), я сделал доклад по данной теме и Марк Борисович рекомендовал мне написать статью, несмотря на отсутствие четкого параллелизма между использованием этих двух видов транспорта. Позднее я занялся написанием докторской диссертации по эллинистической коннице и совершенно отошел от данного сюжета, но теперь появилась возможность закончить данную статью, представив ее читателям в несколько переработанном виде.

Развитие военного дела в древних обществах было жестко детерминировано. Уровень военного развития напрямую был связан с уровнем социального развития. Фактором же, оказывавшим наибольшее влияние на военное дело, была, естественно, природная среда: от природных условий зависели условия сложения социальных структур и в дальнейшем государственности. В свою очередь, от уровня социального развития этноса зависела система комплектования войска. Последняя напрямую влияла на способ ведения военных действий. Эволюция же тактики во многом ориентируется на образ ведения войны противником – с разными врагами и воюют по-разному. К тому же на вооружение войск оказывает влияние наличие источников стратегического сырья и способности социума добыть и обработать это сырье (Иенс, 1900; Варёнов, 1993, с. 41–42). Из-за определенного сходства в общественном устройстве и как следствие этого в системе набора войска в обществах, стоящих на примерно одинаковых ступенях

развития, возникают и сходные способы ведения войны. Поэтому в определенной мере казалось правомерным сопоставить общества древней Евразии II – начала I тыс. до н. э. и Восточной Сибири в XVII–XVIII вв. Оставляя в стороне подробный анализ социальной структуры обоих обществ, нужно указать, что оба социума стояли на той стадии развития родового строя, который в марксистской историографии назывался «военная демократия», а в западной – «героический век». Поэтому представляется возможным, используя сравнительно-типологический метод, сопоставить действия саней-нарт лучше известных нам восточносибирских народностей и колесниц древних обитателей Европы и Азии, ведь для колесниц, как и для нарт, необходимы определенные природные условия: достаточно гладкая местность, которой в Евразии является степь, а в Восточной Сибири – тундра. Это, в частности, могло бы позволить пролить некоторый свет на давно дискутируемую проблему использования колесниц и их место в системе военного дела древней Евразии.

Если обратиться к истории колесниц, то увидим, что на рубеже III–II тыс. до н. э. появляется колесница, т. е. достаточно легкая повозка, обычно имеющая открытый сзади кузов, поставленный на место пересечения неподвижной оси и дышла. На оси вращались два колеса со спицами. Ступица колеса крепилась на оси чечкой. С начала II тыс. до н. э. колесницы распространяются как в восточных монархиях, так и у племенных обществ Евразии.

Наиболее древние находки колесниц на территории Евразии связаны с Синташтинской культурой. Согласно высокоточной радиоуглеродной датировке, эта культура датируется XXI–XVIII вв. до н. э. Началом II тыс. до н. э. датируются и родственные синташтинской Петровская (северо-запад Казахстана) и Покровская (между Уралом и Северным Донцом) культуры. Во всех этих культурах в погребениях находят остатки запряженных парой лошадей колесницы. Воины, погребенные в синташтинских могилах, были вооружены стрелами с каменными и реже костяными наконечниками, двулезвийными бронзовыми кинжалами, а в погребении № 30 был найден бронзовый наконечник копья (Генинг, 1991, с. 111–112; Генинг, Зданович, Генинг, 1992, с. 125–126, 130–134, 164–167, 183–185, 205–219). Хотя евразийские колесницы были погребальными и свидетельство-

вали о высоком социальном статусе погребенных, но данные упряжки должны были иметь и реальные прототипы, которые использовала племенная аристократия (Чечушков, 2013, с. 14–17; Сотникова, 2014, с. 180–184). В общем, в степных зонах сложился тот же комплекс вооружения колесничного воина, что и на Ближнем Востоке (ср.: Нефёдкин, 2001, 75–107). Основным оружием был лук, что подтверждают и центрально-азиатские петроглифы, показывающие сцены охоты колесничих с помощью лука и стрел (Новоженков, 1994, с. 111; ср.: Варенов, 1983, с. 3–5).

В племенных догосударственных обществах социальное положение колесничих было несколько иное, чем в древневосточных монархиях. Тут сами колесницы обладали своим первоначальным престижным статусом – они являлись в большей, чем на Востоке, мере представительским оружием владельца. Колесничие здесь были лишь видом ополченцев, а не специально организованным родом войск, как на Востоке (Нефёдкин, 2001, с. 411–412). Впрочем, и таких бойцов набиралось подчас немало: Г. Юлий Цезарь упоминает о 4000 колесничих-эсседариев лишь у одного британского вождя Кассивеллауна в 54 г. до н. э. (Caes. B. G., V, 19). Вследствие хорошего вооружения, своей закалки, пристрастия к охоте и т. д. колесничие были лучшими бойцами войска. Колесничий “героического общества” намного чаще, чем обычный восточный боец на упряжке, спешил в бой из кузова, так как с земли сражаться было всё же удобнее (см.: Нефёдкин, 2001, с. 167–171).

Теперь обратимся к ездовым нартам и их использованию на Северо-Востоке Сибири, поскольку у нас имеются данные именно с этого региона. Нарты чукчей и коряков запрягались парой оленей и были в стандартной ситуации предназначены для одного ездока. Нарты также применялись на охоте, когда нужно было догнать быстрого зверя: оленя, барана, росомаху (Вдовин, 1978, с. 114, 119, 156–157). С этой функцией связано и использование нарт на войне. Для быстрых набегов использовали гоночные нарты, которые развивали скорость на гонках 35 км/ч (Нейман, 1871, с. 15). Так, в 1731 г. чукчи дважды неожиданно напали на нартах на походную колонну капитана Д.И. Павлуцкого (Алькора, Дрезена, 1935, с. 159). Цель этого нападения, вероятно, состояла в том, чтобы сначала обстрелять врага с нарт на ходу, а затем уже спешиться для боя. При этом обычно сани оставляли у

себя в тылу, чтобы при необходимости тут же можно было на них ретироваться. Согласно преданию села Марково о гибели того же Д.И. Павлуцкого, русские собрались на Майорской сопке, а чукчи, подъезжая на нартах, обстреливали противника издали и всех перебили (Информация артиста В.П. Кевкея, Анадырь, сентябрь 2013 г.). Таким образом, нарты использовались как мобильная платформа для стрельбы из лука. В общем же с нарт могли стрелять из лука и бросать копье (Vogogas 1918, p. 29; Бабошина, 1958, с. 245; Меновщиков, 1974, с. 182). Примечательно, что если один олень упряжки был поражен, то ездок, как герои «Илиады» Гомера, отрезал постромок и ехал дальше на оставшемся животном (Бабошина, 1958, с. 244; Гомер, Илиада, VIII, 87; XVI, 467).

Согласно фольклору, ездовые нарты использовались и для захвата языка – чукча, неожиданно подъехав, бросал аркан и, подхватив запутанного врага, сажал его на свои сани (Беликов, 1982, с. 193). На ездовых же нартах при набегах угоняли стада: врезавшись в гущу оленей и гоня животных в нужном направлении, что корякское предание рассматривает как типичное для чукчей (Богораз, 1900, с. 371; Жукова, 1988, с. 16–17).

В письменных источниках сохранилась и более близкая параллель колесницам в использовании архаических нарт, которое позднее прямо не фиксируется. В 1701 г. завоеватель Камчатки пятидесятник В.В. Атласов так описывал в Сибирском приказе военные особенности камчатских кочевых коряков, противостоявших казакам: «А на бои выходят зимою ... коряки оленные на нартах: один правит, а другой из лука стреляет» (Алькор, Дрезен, 1935, с. 32; ср.: Витсен, 2010, с. 844). Как служилый человек, пятидесятник кратко, без деталей, сформулировал главные особенности военного дела жителей Северной Камчатки: коряки сражались на нартах лишь зимой; на санях находился экипаж из двух человек: возница и воин; сама же нарта служила в бою в качестве мобильной платформы для лучника. Еще в 1927 г. известный историк-медиевист-сибировед С.В. Бахрушин (1882–1950) в работе «Исторические судьбы Якутии» ad hoc сравнил использование нарт коряками, описанное В.В. Атласовым, с тактикой колесниц в «Илиаде» (Бахрушин, 1955, с. 17). Действительно, Гомер описывает действия колесниц в бою как упряжек, подвозящих воинов-колесничих к месту схват-

ки, после чего воин спешилался и сражался копьем с противником, тогда как возница оставался в кузове, что в определенной мере напоминает использование нарт (Нефёдкин, 2001, с. 171–190, с дальнейшей литературой).

Позднее, в XVIII в., оленные коряки, похоже, уже не использовали так нарты – по крайней мере, в известных источниках такое использование не фигурирует (о корякских нартах см.: Антропова, 1956, с. 960; Василевич, Левин, 1961, с. 17; Вдовин, 1973, с. 225; Иохельсон, 1997, с. 64, 66). Более того, С.П. Крашенинников, подробно описывая корякские нарты, второго ездока вообще не упоминает, однако, естественно, речь шла о «гражданском», а не военном применении, причем езда с проводником считалась у ительменов недостойной. В военной же области исследователь Камчатки находил между коряками и камчадалами много общего (Крашенинников, 1949, с. 398, 453–454).

В юкагирском историческом предании, записанном на р. Коркодон в 1896 г., описывается поединок эвенского и корякского старшин следующим образом: «Ламутский князец с корякским князцом на нартах (верхом) сидели. Так сидя, из ружей друг в друга стреляли. Долго стрелявши, встали – все пули выбросили. ... Не могли друг друга победить» (Иохельсон, 1900, с. 131)¹. Ружье в данном случае просто сменило лук. Данная замена не является обычным фольклорным анахронизмом, ведь в предании речь идет о времени русского господства и поединок можно датировать концом XVIII – XIX в., когда среди аборигенов распространилось огнестрельное оружие (Антропова, 1957, с. 199). В остальном же принцип поединка должен был соответствовать бою с луком, за исключением интенсивности стрельбы: из лука можно было стрелять чаще, чем из ружья XVIII в. Причем перестрелка между противниками велась до полного окончания боекомплекта, не перерастая при этом в рукопашную, то есть поединок велся, так сказать, «по правилам» ведения войны.

В 1978 г. ленинградскому лингвисту и историку А.А. Бурыкину на Камчатке рассказывали, что иногда эвены стреляли из луков с нарт, разворачивая их перед неприятелем, как тачанки². Сами эвены появились на Камчатке

¹ О юкагирской и тунгусской нартах см.: Василевич, Левин, 1961, с. 16–17.

² Полевые материалы А.А. Бурыкина из поселка Эссо Камчатской области, информант – Петр

в середине XIX в. Поэтому вряд ли они заимствовали подобное древнее использование нарт у коряков, которые в это время активных боевых действий уже не вели. Вероятно, речь шла о некоей местной традиции использования нарт во время вражеского преследования. Кроме того, неясно, из одного или двух человек состоял экипаж нарт. Можно отметить, что на нарте западных лесных эвенков во время похода могло сидеть два человека, которые были вооружены луком и стрелами, тогда как за спиной висели пальмы (Санги, 1985, с. 128).

Даже в годы Гражданской войны на Камчатке нарты использовались в ходе боевых действий. Так, в 1959 г. участник событий П.К. Черемпей вспоминал о столкновении 18 марта 1923 г. разведгруппы красноармейского отряда Г.И. Чубарова, освобождавшего северную часть полуострова от сил Северного экспедиционного корпуса во главе с полковником В.И. Бочкаревым, который был послан туда в 1921 г. Временным приамурским правительством С.Д. Меркулова: «Вскоре группа Чубарова разбила у реки Подкагерной отряд капитана Грундюльса. Белые, въехавшие в лошину, не успели развернуться в боевой порядок. Налетевшие на них красноармейцы и партизаны прямо с нарт открыли меткий огонь и всех уничтожили» (Черемпей, 1967, с. 207). В общем, события развивались следующим образом. Небольшой из десяти человек отряд капитана К. Грундюльса, ехавший на корякских нартах к заливу Корфа на Северо-Востоке Камчатки, неожиданно попал в засаду, устроенную красными. Последние неожиданно для противника появились на нартах, запряженных собаками, и во встречном бою просто перестреляли белых, не успевших подготовиться к отпору (Пустовит, 2013). Очевидно, стрельба с нарт была обусловлена именно быстротой нападения и стремлением не дать времени врагу прийти в себя и подготовиться к обороне. Скорее всего, нартами красных, как и белых, управляли местные жители, тогда как стрелками были бойцы, сидевшие позади кауров.

Нарта также использовалась при бегстве и преследовании. Чукотская сказка рассказывает, что муж и жена убежали от врагов на одних нартах, жена стреляла из лука по преследователям (Козлов, 1956, с. 29). В других же случаях во время бегства не старались поразить врага стрельбой из лука, как свидетельствует предание Афанасьевич Черканов (1923 г. р.).

«Мальчик с луком» (Меновщиков 1974, с. 351; ср.: Сергеева, 1962, с. 93), хотя на нарте находилась семья из трех человек: муж, жена и ребенок, причем отец и сын были вооружены луками. В эвенком сказании о «Чукотском вторжении» чукчи неожиданно напали на стан ламутов и стали на нартах преследовать эвенков, убежавших верхом на оленях, стреляя по бегущим из луков (Vogoras, 1918, p. 29). В общем, в функции бегства и преследования, когда нужна была максимальная скорость, назначение колесниц и нарт, очевидно, совпало³.

Какие же обобщающие выводы можно сделать из частного сопоставления С.В. Бахрушиным способа боя с гомеровских колесниц и корякских нарт? Конечно, имеются некоторые общие черты – экипаж состоял из двух человек: возницы и воина; как и на восточных колесницах, боец стрелял из лука, а возничий управлял животными. Видимо, и тактика нарт и колесниц была схожей: обстрел врага – разворот – опять стрельба. Так действовали упряжки в первую очередь против не столь подвижных пеших бойцов. Хотя в описании В.В. Атласова и не упоминается спешивание как последующее действие ездоков, но подобная практика должна была применяться в случае поломки нарт или исчерпания запаса стрел. Колесницы действовали массами, отрядами, и нарт, видимо, тоже. Для действия нарт, как и колесниц, необходима была не слишком пересеченная местность, хотя, естественно, применялись нарт в зимний период, когда имелся снежный покров, а колесницы – в летний. Различие же между военным использованием колесниц и нарт наблюдается в первую очередь социальное. Если ездовыми и/или беговыми нартами обладало практически все мужское население оленных чукчей и

³ Говоря о функции скоростного передвижения на нартах, можно вспомнить случаи из эпохи Великой Отечественной войны. Действие солдат олене-лыжной бригады РККА на нартах и лыжах на Карельском фронте. Генерал-лейтенант Курт Дитмар описывает немецкие действия в сентябре – октябре 1944 г.: «Войскам 36-го армейского корпуса на участке Кандалакша также пришлось пережить серьезный кризис. Отступая из района Алакюртти на Саллу и Кемиярви, они натолкнулись на подвижные русские соединения, в числе которых была и бригада на северных оленях, которые двигались, заходя своим правым флангом в обход немецких войск, продвинулись далеко на запад и перерезали немцам пути отхода. Корпусу пришлось с тяжелыми боями пробиваться на запад, пока он, наконец, не занял оборону на подготовленном заранее рубеже за озером Кемиярви» (Дитмар, 1957, с. 146).

коряков, то в первобытных обществах колесницей, как считается, обладали лишь знатные/богатые члены племени.

В общем же может ли помочь изучение использования нарт в исследовании тактики древних боевых колесниц? В принципе, подобное сопоставление могло быть успешным, если бы у нас было бы больше данных

о действии нарт. Поэтому пока использование нарт на войне не очень помогает реконструировать тактику древних колесниц, даже, скорее наоборот, наши знания и предположения о способе действия колесниц помогают представить, как действовали лучники, едущие на нартах.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Антропова В.В. Коряки // Народы Сибири / Под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. М.; Л.: АН СССР, 1956. С. 950–977.

Антропова В.В. Вопросы военной организации и военного дела у народов крайнего северо-востока Сибири // Сибирский этнографический сборник Т. II / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Т. 35. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1957. С. 99–245.

Бабошина О.Е. Сказки Чукотки. М.: Гослитиздат, 1958. 263 с.

Бахрушин С.В. Научные труды. Т. III. Ч. 2. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1955. 299 с.

Беликов Л.В. Чукотские народные сказки, мифы и предания. Магадан: Магаданское книжное издательство, 1982. 211 с.

Богораз В.Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч. I. / Труды Якутской экспедиции, снаряженной на средства И. М. Сибирякова. Отд. III. Т. XI. Ч. 3. СПб.: Типография АН, 1900. 417 с.

Варенов А.В. К интерпретации наскальных изображений колесниц Центральной Азии. Препринт. Новосибирск, 1983. 4 с.

Варенов А.В. Китайская манипула иньского времени // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. В. Е. Медведев, Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1993. С. 41–64.

Василевич Г.М., Левин М.Г. Оленный транспорт // Историко-этнографический атлас Сибири / Под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1961. С. 11–54.

Вдовин И.С. Очерки этнической истории коряков. Л.: Наука, 1973. 304 с.

Витсен Н. Северная и Восточная Тартария / Пер. В. Г. Трисман. Т. II. Амстердам: Pegasus, 2010. 620 с.

Генинг В.В. Об использовании боевых колесниц степным населением Евразии в эпоху бронзы // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.) / Под ред. Е.В. Ярового. К.: Центр новостроечных археологических исследований АН СССР, 1991. С. 111–112.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. 1. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. 407 с.

Дитмар К. Финская кампания // Мировая война. 1939–1945 годы: Сборник статей / Пер. с нем. А.А. Высоковского, А. И. Дьяконова. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. С. 133–147.

Жукова А.Н. Материалы и исследования по корякскому языку. Л.: Наука, 1988. 193 с.

Иенс М. Военное дело и народная жизнь / Пер. с нем. Шульмана. 2-е изд. Варшава: Типография штаба округа, 1900. 434 с.

Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. (Труды Якутской экспедиции, снаряженной на средства И. М. Серебрякова. Отд. III. Т. IX. Ч. 3). СПб.: Типография АН, 1900. 240 с.

Иохельсон В.И. Коряки: Материальная культура и социальная организация / Пер. с англ. СПб.: Наука, 1997. 238 с.

Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке. / Под ред. Алькор Я. П., Дрезен А. К. Л.: Издательство Института народов Севера ЦИК СССР, 1935. 211 с.

Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М.; Л.: Издательство Главсевморпути, 1949. 841 с. Легенды и мифы народов Севера / Под ред. В.М. Санги. М.: Современник, 1985. 400 с.

Нейман К.К. Исторический обзор действий Чукотской экспедиции // Известия Сибирского отдела Императорского русского географического общества. 1871. Т. I. № 4 5. С. 6 31.

Нефёдкин А.К. Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI–I вв. до н. э.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. 528 с.

Новожинов В.А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии (К проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху энеолита и бронзы). Алматы, Аргументы и факты. 1994. 268 с.

Пустовит В. Ликвидаторы // Камчатский край: Общественно-политическое издание. 16.10.2013. URL: kam-krai.ru/news/2013/10/16/likvidatory.html (дата обращения: 19.06.2019).

Сергеева К.С. Сказочник Кивагмэ. Магадан: Магаданское книжное издательство, 1962. 136 с.

Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. (Сказки и мифы народов Востока) / Под ред. Меновщиков Г.А. М.: Наука, 1974. 646 с.

Сказки народов Северо-Востока \ Под ред. Козлов Н.В. Магадан: Магаданское книжное издательство, 1956. 327 с.

Сотникова С.В. К вопросу о парных захоронениях лошадей в колесничных культурах эпохи бронзы: реконструкция ритуалов и представлений (по материалам памятников синташтинского и петровского типа) // Проблемы истории, филологии, культуры (ПИФК). 2014. № 2 (44). С. 176–189.

Черемней П.К. Конец Бочкаревщины // Время, события, люди: Исторические очерки о становлении советской власти на Чукотке и Колыме / Гл. ред. И. Н. Каштанов. Магадан: Магаданское книжное издательство, 1967. С. 206–211.

Чечушков И.В. Колесничный комплекс эпохи поздней бронзы степной и лесостепной Евразии (от Днепра до Иртыша). Автореф. Дисс... канд. истор. наук. М, 2013. 24 с.

Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции. 1785—1795 гг. / Под ред. И.С. Вдовин. Магадан: Магаданское книжное издательство, 1978. 177 с.

Bogoras W. Tales of Yukaghir, Lamut, and Russianized Natives of Eastern Siberia. (Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. Vol. XX. Pt. 1). New York: Published by Order of the Trustees, 1918. 148 p.

Информация об авторе:

Нефёдкин Александр Константинович, доктор исторических наук, главный редактор военно-исторического журнала “Parabellum novum”, ведущий научный сотрудник лаборатории исторической антропологии Белгородского государственного университета (г. Белгород, Россия); centmillhist@yandex.ru

REFERENCES

Antropova, V. V. 1956. In Levin, M. G., Potapov, L. P. (eds.). *Narody Sibiri (Peoples of Siberia)* Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR, 950–977 (in Russian).

Antropova, V. V. 1957. In *Sibirskiy etnograficheskiy sbornik (Siberian ethnographic collection) 2 I. Series: Trudy Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaia (Proceedings of the N.N. Miklukho-Maklai Institute. of Ethnography, USSR Academy of Sciences)* 35. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 99–245 (in Russian).

Baboshina, O. E. 1958. *Skazki Chukotki. (Tales of Chukotka)*. Moscow: Goslitizdat (in Russian).

Bakhrushin S. V. 1955. *Nauchnye trudy (Scientific Works)*. Vol. III. Part. 2. Moscow: Academy of Sciences of USSR (in Russian).

Belikov, L. V. 1982. *Chukotskie narodnye skazki, mify i predaniya (Chukchi Folk Tales, Myths and Legends)*. Magadan: Magadan book publishing house (in Russian).

Bogoraz, V. G. 1900. *Materialy po izucheniyu chukotskogo yazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge (Materials on the Study of the Chukchi Language and Folklore Collected in the Kolyma District)*. 1. *Trudy Yakutskoj ekspedicii, snaryazhennoj na sredstva I. M. Sibiryakova (Proceedings of the Yakut Expedition Arranged at the Expense of I. M. Sibiryakov)*. Pt. III. Vol. XI. Ps. 3). Saint Petersburg: Academy of Sciences (in Russian).

Varenov, A. V. 1983. *K interpretacii naskal'nyh izobrazhenij kolesnic Central'noj Azii (Interpretation of the Rock Carvings of Central Asia)*. Novosibirsk (in Russian).

Varenov, A.V. 1993. In Medvedev, V. E., Khudiakov Yu. S. (eds.). *Voennoe delo naseleniia iuga Sibiri i Dal'nego Vostoka (Warfare of the Population of Southern Siberia and Russian Far East)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ., 41–64 (in Russian).

Vasilevich, G. M., Levin, M. G. 1961. In Levin, M. G., Potapov, L. P. (eds.). *Istoriko-etnograficheskiy atlas Sibiri (Historical-Ethnographic Atlas of Siberia)*. Moscow; Leningrad: Publishing house of the Academy of Sciences of USSR, 11–54 (in Russian).

Vdovin, I. S. 1973. *Ocherki etnicheskoj istorii koriakov (Essays on the Ethnic History of the Koryaks)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

Witsen, N. 2010. *Severnaya i Vostochnaya Tartariya (Northern and Eastern Tartaria)* 2. Transl. by Trisman, V. G. Amsterdam: "Pegasus" Publ. (in Russian).

Gening, V. V. 1991. In Iarovoi, E. V. (ed.). *Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ia (V tys. do n.e. – V v. n.e.) (Ancient Communities of Agriculturers and Cattle Breeders of the Northern Black Sea Region (5th Millennium B.C. – 5th Century A.D.))*. Kiev: Center for New Archaeological Studies of the Academy of Sciences of URSS, 111–112 (in Russian).

Gening, V. F., Zdanovich, G. B., Gening, V. V. 1992. *Sintashta. Arkheologicheskie pamiatniki ariiskikh plemen Uralo–Kazakhstanskikh stepei. Ch. 1. (Archaeological Monuments of Aryan Tribes in the Ural-Kazakhstan Steppes. Part 1)*. Cheliabinsk: South Ural Book Publ. (in Russian).

Dietmar, K. K. 1957. In Vysokovsky, A. A., Dyakonov, A. I. (Transl.). *Mirovaya vojna. 1939–1945 gody (World War. 1939–1945)*. Moscow: Publishing House for Foreign Literature, 133–147. (in Russian).

Zhukova, A. N. 1988. *Materialy i issledovaniya po koryakskomu yazyku (Materials and Studies on the Koryak Language)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Jens, M. 1900. *Voennoe delo i narodnaya zhizn' (Warfare and People's Lives)*. Transl. by Shulman. Warsaw: Printing office of the District Headquarters (in Russian).

Jokhelson, V. I. 1990. *Materialy po izucheniyu yukagirskogo yazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge. (Trudy Yakutskoj ekspedicii, snaryazhennoj na sredstva I. M. Serebryakova. Otd. III. T. IX. CH. 3). (Materials on the Study of the Yukagir Language and Folklore Collected in the Kolyma District. (Proceedings of the Yakut Expedition Arranged at the Expense of I. M. Serebryakov. Unit III. Vol. IX. Part 3))*. Saint Petersburg: Printing house of Academy of Sciences (in Russian).

Jochelson, V. I. 1997. *Koryaki: Material'naya kul'tura i social'naya organizaciya (The Koryaks: Material Culture and Social Organization)*. Transl. from English. Saint Petersburg: "Nauka" Publ. (in Russian).

1935. Allkor, Y. P., Dresen, A. K. (ed.). *Kolonial'naya politika tsarizma na Kamchatke i Chukotke v XVIII veke. (Colonial Policy of Tsardom in Kamchatka and Chukotka in the 18th Century)*. Leningrad: Publishing House of the Institute of Peoples of the North of the Central Executive Committee of the USSR (in Russian).

Krasheninnikov, S. P. 1949. *Opisanie zemli Kamchatki (Description of the Land of Kamchatka)*. Moscow; Leningrad: Glavsevmorput Publ. (in Russian).

Sangi V. M. (ed.). 1985. *Legendy i mify narodov Severa (Legends and Myths of the Peoples of the North)*. Moscow: "Sovremennik" Publ. (in Russian).

Neiman, K. K. 1871. In *Izvestiya Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva (Proceedings of the Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society)* Vol. 1. No. 4–5, 6–31 (in Russian).

Nefyodkin, A. K. 2001. *Boevye kolesnicy i kolesnichie drevnih grekov (XVI–I vv. do n. e.) (War Chariots and Charioteers of the Ancient Greeks (16th–1st centuries BC))*. Saint Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies (in Russian).

Novozhenov V. A. 1994. *Naskal'nye izobrazheniya povozok Srednej i Central'noj Azii (K probleme migracii naseleniya stepnoj Evrazii v epohu eneolita i bronzy). (Rock Carvings of Central and Central Asia (the Issue of Migration of the Population of Steppe Eurasia in the the Eneolithic and Bronze Periods))*. Almaty: Argumenty and facts (in Russian).

Pustovit, V. 2013. In *Kamchatskij kraj: Obshchestvenno-politicheskoe izdanie (Kamchatka Region: Socio-Political Publication)*. Available at: kam-kray.ru/news/2013/10/16/likvidatory.html (Accessed 05.12.2020) (in Russian)

Sergeyeva, K. S. 1962. *Skazochnik Kivagme (Storyteller Kivagme)*. Magadan: Magadan book publishing house (in Russian).

Menovshchikov G. A. (ed.). 1974. *Skazki i mify narodov Chukotki i Kamchatki. (Skazki i mify narodov Vostoka). (Tales and Myths of the Peoples of Chukotka and Kamchatka. (Tales and Myths of the Peoples of the East))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kozlov N. V. (ed.). 1956. *Skazki narodov Severo-Vostoka (Tales of the Peoples of the North-East)*. Magadan: Magadan book publishing house, (in Russian).

Sotnikova, S. V. 2014. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* 44 (2), 176–189. (in Russian).

Cherempei, P. K. 1967. In Kashtanov, I. N. (ed.-in-chief) *Vremya, sobytiya, lyudi: Istoricheskie ocherki o stanovlenii sovetskoj vlasti na Chukotke i Kolyme (Time, Events, People: Historical Sketches on the Establishment of Soviet Power in Chukotka and Kolyma)*. Magadan: Magadan book publishing house, 206–211 (in Russian).

Chechushkov, I. V. 2013. *Kolesnichnyi kompleks epokhi pozdnei bronzy stepnoi i lesostepnoi Evrazii (ot Dnepra do Irtysha) (Chariot Complex of the Late Bronze Age in Steppe and Forest-Steppe Eurasia (from the Dnieper River to the Irtysh River))* Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Vdovin I. S. (ed.). 1978. *Etnograficheskie materialy Severo-Vostochnoj geograficheskoj ekspedicii. 1785–1795 gg. (Ethnographic Materials of the North-Eastern Geographical Expedition. 1785-1795)*. Magadan: Magadanskoe Knizhnoe Izdatel'stvo Publ. (in Russian).

Bogoras, W. 1918. *Tales of Yukaghir, Lamut, and Russianized Natives of Eastern Siberia. (Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. Vol. XX. Pt. 1)*. New York: Published by Order of the Trustees (in English).

About the Author:

Nefyodkin, Alexander K. Doctor of Historical Sciences, editor-in-chief of military and history journal “Parabellum novum”, Belgorod State University, Pobedy Str, 85 Belgorod, 308015 Russian Federation; centmilhist@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2020 г.
Статья принята к публикации 01.09.2020 г.

УДК 904.2(4)“638”

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2020.6.42.86>

СОПРОВОЖДАЮЩИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ КОНЕЙ ВО ВХОДНЫХ ЯМАХ КАТАКОМБ И ПОДБОЕВ СТЕПНОЙ СКИФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ V – IV ВВ. ДО Н.Э.

©2020 г. М.Н. Дараган, С.В. Полин

В статье анализируется выборка из 43 скифских погребений Северного Причерноморья конца V– третьей четверти IV вв. до н. э. с сопровождающим захоронением коня или коней во входных ямах катакомб и подбоев или заменявшее их размещение конской уздечки в тех же местах с учетом антропологических определений и датировок комплексов. Установлено, что сопровождающие захоронения коней во входных ямах скифских катакомб в курганах и грунтовых могильниках являются надежным индикатором мужских погребений, а в случае с погребениями в катакомбе с двумя входными ямами – мужских подзахоронений. В отличие от сопровождающих погребений коней в отдельных ямах, получивших распространение в Скифии на протяжении V в. до н.э., (широко – с середины V в. до н.э.), обряд погребения коней во входных ямах, появляется только в конце V в. до н.э. и относительно широкое распространение получает во 2-3-й четверти IV вв. до н.э. В это время такие захоронения известны преимущественно в Нижнем Поднепровье и лишь отчасти в Днепро-Дунайском междуречье. В III-II вв. до н.э. такие погребения известны в основном в Нижнем Поднепровье и в значительно меньшем количестве в Крыму при полном отсутствии таковых в Нижнем Поднепровье. Позднее эта традиция сохранилась только в позднескифской культуре Крыма на протяжении периода от II–I вв. до н.э. до III–IV вв. н.э. Особенно массовыми и разнообразными они становятся в I–IV вв. н.э.

Ключевые слова: археология, Скифы, Северное Причерноморье, конские захоронения, сопровождающие захоронения, хронология.

ACCOMPANYING HORSE BURIALS IN THE ENTRANCE PITS OF CATACOMBS AND UNDERCUTS OF STEPPE SCYTHIA IN THE SECOND PART OF 5TH – 4TH CENTURIES BC

M. N. Daragan, S. V. Polin

The paper analyzes a total of 43 Scythian burials of the Northern Black Sea region dating back to late 5th - 3rd quarter of the 4th centuries BC with an accompanying burial of a horse or horses in the entrance pits of the catacombs and undercuts, or their replacements in the form of a horse bridle in the same areas, with due account of the anthropological definitions and dating of the complexes. It has been established that the accompanying burials of horses in the entrance pits of the Scythian catacombs at barrows and burial grounds are a reliable indicator of male burials, and in the case of burials in a catacomb with two entrance pits, additional male burials. In contrast to the accompanying horse burials in separate pits, which became widespread in Scythia during the 5th century BC, (and widely spread since the mid-5th century BC), the rite of burying horses in the entrance pits only appeared at the end of the 5th century. BC and was relatively widespread in the 2-3rd quarters of the 4th century BC. For this time period, such burials have mainly been discovered in the Lower Dnieper region and are only partially spread in the Dnieper-Danube interfluvium. For the 3rd-2nd centuries BC such burials have mainly been discovered in the Lower Dniester region and in significantly smaller numbers in the Crimea, whereas there are no such burials in the Lower Dnieper region. Later, this tradition only preserved in the Late Scythian culture of the Crimea in the period from the 2nd – 1st centuries BC until the 3rd-4th centuries AD. They become especially widespread and diverse in the 1st-4th centuries AD.

Keywords: archaeology, Scythians, Northern Black Sea region, horse burials, accompanying burials, chronology.

Введение. При том, что конь имел перво-степенное значение в жизни скифов Северного Причерноморья, его роль по неведомым причинам довольно слабо отражена в погребальном обряде. Тем не менее, конь, постоянно сопровождавший скифа в повседневной

земной жизни, в той или иной форме следовал за хозяином и в потусторонний мир. Геродот называл лошадей основным видом животных, использовавшихся при различных жертвоприношениях. Кони входили в число основных сопроводительных даров при похоро-

нах скифского царя (Herodot, IV, 61, 71). Все это имело место, прежде всего, в курганах высшей скифской знати и лишь отчасти рядового населения. В разное время и на разных территориях это проявлялось в разных формах.

Роль коня в погребальной обрядности скифов неоднократно рассматривалась исследователями в целом (Мозолевский, 1979, с. 160–163; Болтрик, Фіалко, 2005; Очир-Горяева 2012, с. 18–148; Полидович 2013). П.Д. Либеров давно отметил сравнительно позднее появление сопровождающих захоронений верховых коней в степной Скифии. Если в лесостепи в погребениях тясминской и каневской групп конские захоронения известны уже для раннескифского времени, то в степи они появились лишь в IV в. до н. э. в царских курганах Солоха, Чмырева Могила, Цимбалка, Огуз, Башмачка, Чертомлык, Александропольский, Краснокутский и Лемешев курганы (Либеров, 1954, с. 146). Колоссальное накопление новых материалов по степной Скифии в результате работ новостроечных экспедиций 1960-х – начала 1990-х гг. показало значительно более широкое распространение этого обряда в степи в двух формах – захоронения коней в отдельных ямах и во входных ямах катакомб. Последнюю форму впервые можно достаточно детально охарактеризовать на более-менее обширном материале.

Обряд захоронения коня/коней в отдельной яме. В степной Скифии обряд сопровождающего погребения коня/коней появляется в нач. V вв. до н. э., и не только в царских, но и в воинских курганах в виде захоронения коня в отдельной яме рядом с захоронением хозяина, обращенного головой в сторону хозяина. Ранние конские погребения степной Скифии датируются с первой половины V в. до н. э., большинство – 2-й пол. V в. до н. э. (рис. 11; Силантьева, 1959, с. 51–87; Соколова, Павличенко, Каспаров, 1999, с. 327, 329, 336; Толстикова, 2012, с. 365–368; Ромашко, Скорый, 2009, с. 87; Полин, 2014, с. 195–197, 204, 236, 244–245; Вахтина, 2017, с. 93–97)¹.

¹ Согласно сводке А.Д. Могилова (Могилов, Бокій, 2016, с. 81) с нашими дополнениями, известны следующие захоронения коней в отдельных ямах V в. до н. э.: Нимфей КК. 5, 17, 24, 32/1876 г. и 1, 6/1878 г. (Силантьева, 1959, с. 51–87, рис. 37; 40; 47–49) и еще несколько курганов, исследованных английским инженером В. Сименсом (Вахтина, 2017, с. 93–97), а также П. В-15/1999 г. (Соколова, Павличенко, Каспаров, 1999, с. 332–337, рис. 1; 2; 7–9), Пантикапей (Толстикова, 2012, с. 365–368), курганы Ак-Бурун-V (Яковенко,

В V в. до н. э. захоронения коня в отдельной яме рядом с погребением хозяина появились и в Днепровской правобережной лесостепи, где открыты в К. 2 у с. Омельник 2-й четв. – сер. V в. до н. э. и в К. 1 возле Стеблева 2-й пол. V в. до н. э. (Бокий, 1971, с. 159, рис. 4, 1, 3–5; 2, 14; Скорый, 1997, с. 13, рис. 5–7).

В IV в. до н. э. обряд захоронения коня/коней в отдельной яме/ямах в степной Скифии распространился несколько шире. Прежде всего, это курганы скифских царей и знати высокого ранга, где имеются как одиночные, так и коллективные захоронения коней, иногда в сопровождении конюхов, присутствующие в большинстве курганов скифской знати и во всех случаях связанные с захоронениями мужчин² (рис. 12). Датируются они

1974, с. 67, рис. 42–45), Червоный Яр (Гудкова, 1978, с. 186–193, рис. 4; 5), Арциз в П. 13 (Алексеева, Охотников, Редина, 1997, с. 51–53, рис. 3), I-я Завадская и IV-й Испанова могилы (Мозолевский, 1980, 89–96, с. 144–145, рис. 33–37; 80; 83, 1, 7), Акимовка К. 11 (Болтрик, Фіалко, 2010, с. 110–112, рис. 9), Великая Знаменка К. 13 (Отрощенко, Рассмакин, 1985, с. 242), Новое Запорожье К. 6 (Плешивенко, 1991, с. 145, рис. 3, 3–4), гр. Шевченко-2 К. 1 (Зарайская, Привалов 1992: 130–132, рис. 4, 2; 5, 1–6), Малая Лепетиха К. 8 (Свдокимов, Данилко, Могилов, 2011, с. 104–105, рис. 3; 4; 5, 1), Близнец-2 (Ромашко, Скорый, 2009, с. 19–20, 77–79, рис. 8; 38–40), Никольское К. 9 (Агульников, Сава, 2004, с. 96–100, 223, рис. 47–48), захоронение при Центральной гробнице Солохи (Манцевич, 1987, с. 13–15, 39–45, кат. 13–28) (рис. 11).

² Солоха (Манцевич, 1987, с. 26–27, 106–116, кат. 82–135), Чмырева Могила (Браун, 1906, с. 99–105, рис. 41–69; 71; 73), Чертомлык (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 64–65, 160–168, Кат. 44–67), Огуз (Болтрик, Фіалко, 1991-А, с. 179; 2005: 246, 248), Александропольский курган (Полин, Алексеев, 2018, с. 59, рис. 17-А, цвет. вкладка, рис. 51), курганы Краснокутский (Мелокова, 1981, с. 66–94, рис. 1: 19–25), Лемешев (ОАК, 1911, с. 33–34, рис. 61–62), Большая Цимбалка (ОАК, 1867, XIX; ОАК, 1868, XV–XVI), Козел (ОАК, 1865, XI), Башмачка (Спицын, 1901, с. 77–78, рис. 20), Деев (Спицын, 1906, с. 168, рис. 36), Мелитопольский (Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 49–62, рис. 49–59), 2-й Мордвиновский (Ильинская, 1973, с. 55–56, рис. 8, 10–21), Страшная Могила (Тереножкин и др., 1973, с. 136–138, рис. 20–21), Гайманова Могила Центр, гробница № 2 (Бидзиля, Полин, 2012, с. 141–145, рис. 202–209, цвет. вкладка, рис. 667–679), Толстая Могила (Мозолевский, 1979, с. 26–45, рис. 12–28), Владимировка К. 12, Казенная Могила (Болтрик, Фіалко, 2005, с. 239, 243 рис. 1, 3; 2, 1), Чертомлыцкая Близница (Мурзин и др., 1984, с. 27–35, табл. 26–31), Николаевка К. 8 П. 14 (Алексеева, Булатович, 1990, с. 38, рис. 1, 12–14; Островцева, Редина, 2013, рис. 97, 16–20), Водяна и Соболева могилы (Мозолевский, Полин, 2005, с. 81–82, 85–90, 162, рис. 16–22; 106), 8-й Пятибратний курган (Шилов 1961, с. 161, рис. 2, 3), Носаки К. 4 (Бидзиля и др.

в пределах 1-й – 3-й четв., преимущественно 2-й – 3-й четв. IV в. до н. э. (Полин, 2014, с. 244, 258, 270, 279–280, 285, 290, 350, 355–356, 429, 432, 434, 449, 465, 475, 478, 489, 499, 537, 539, 544, 559). В нескольких случаях захоронения коней совершены не в отдельных ямах, а в отдельных катакомбах или ямах с подбоями³, датирующихся в пределах 1-й пол. IV в. до н. э. (Полин, 2014, с. 270, 290, 350, 429). В отдельных случаях сопровождающие захоронения коней размещены в дромосах катакомб⁴ (рис. 12), датирующихся 2-й – 3-й четв. IV в. до н. э. (Полин, 2014, с. 292, 454, 477, 484, 499, 522). Захоронение коня в отдельной яме с подбоем открыто и в правобережной лесостепи в кургане нач. 3-й четв. IV в. до н. э. у с. Нетеребка (Бессонова, Сиволап, 2012, с. 51)⁵.

В IV в. до н. э. обряд захоронения коня в отдельной яме в степной Скифии несколько демократизировался и такие захоронения появились в курганах скифской знати нижнего уровня и воинов. В Нижнем Поднепровье таковых известно около полутора десятков⁶ и

1977, с. 95–100, рис. 9; 14–15), Братолобовский курган (Кубышев, Бессонова, Ковалев, 2009, с. 24–26, 97–110, рис. 17–21), Ташенак (Болтрик, Фіалко, 1991, с. 7–8), Сахнова Могила (Отрощенко и др., 1979, с. 6–16), Каменная Могила (ДГС-II, с. 71), Марьевка КК. 9 и 10 (Бунятян, Фіалко, 2009, с. 56, 63, кат. 26–29, рис. 1; 3; 6; Чередниченко, 1976, с. 47), Вишневая Могила (Отрощенко и др., 1976, с. 74), Гюновка К. 7 (Отрощенко и др., 1976, с. 122–123), Верхний Рогачик КК. 7 и 16 (Евдокимов и др., 1990, с. 13–14), гр. Цимбалки К. 2, Большая Белозерка К. 20 (Болтрик, Фіалко, 2005, с. 239, 245–246, рис. 2, 2; 3, 1–2, 4; 4, 2) (рис. 12).

³ Гайманова Могила (Бидзиля, Полин, 2012, с. 141–145, рис. 202–209, цвет. вкладка, рис. 667–679), Ташенак, Гюновка К. 11, Казенная Могила (Болтрик, Фіалко 1991, с. 7–8; 2005: 239, рис. 2, 1) (рис. 12).

⁴ Александрополь (Полин, Алексеев 2018, с. 79, цвет. вкладка, рис. 24; 56, 6–8; 57–59), Огуз (Болтрик, Фіалко, 2005, с. 246), Желтокаменка (Мозолевский, 1982, с. 200–201, рис. 27–28; 38), Бабина Могила гробница № 2 (Мозолевский, Полин, 2005, с. 119–122, 133–143, рис. 56, 68–74, табл. 5–11), Гайманова Могила Северная гробница № 1 (Бидзиля, Полин, 2012, с. 100, рис. 113; 129–130), Гюновка К. 11 (Отрощенко и др., 1976, с. 144–147), Новоселовка К. 9 (Пиоро, Самойленко, 2001, с. 30, рис. 7–9) (рис. 12).

⁵ Авторы искренне признательны С.Ю. Монахову и М.В. Иващенко за прочтение амфорных клейм из этого погребения.

⁶ Днепрорудный К. 6 (Кузнецов, Кузнецова, 2005, с. 318, рис. 1-А; 3), Большая Белозерка К. 35 (Отрощенко и др., 1979, с. 50–51), Малокатериновка К. 17 (Плешивенко, 1996, с. 26, табл. XIV, 6), Кирово К. 2 (Черненко, 1967, с. 182, рис. 1, 5), гр. Гайманово поле КК. 21 и 44 (Бидзиля и др., 1970, с. 22–23, 30), Новотроицкое К. 6 (Кубышев и др., 1976, с. 101–102),

примерно столько же в курганах Крыма⁷ (рис. 13). Несколько таких захоронений известно и в лесостепном Днепровском правобережье⁸, где также открыто захоронение коня в отдельной яме с подбоем, сопровождавшее основное погребение в традиционной для лесостепи обширной яме со столбовой конструкцией в кургане у с. Нетеребка нач. 3-й четв. IV в. до н. э.

Обряд захоронения коня/коней во входных ямах катакомб и подбоев. Абсолютной новацией в развитии обряда сопровождающих захоронений коня/коней для IV в. до н. э. являются захоронения коней во входных ямах катакомб и подбоев или заменявшее их размещение конской уздечки в тех же местах. Практически все они были открыты в 1960–1990-х гг. (рис. 14) Благодаря открытию новых достоверных погребений стал понятен смысл находки полного набора костей скелета коня во входной яме разрушенного и ограбленного погребения в кургане Орел, исследованном в 1909 г. (№ 13, табл. 1). Ниже приведена сводная таблица скифских погребений с сопровождающими захоронениями коней во входных ямах катакомб и подбоев с указанием уровня размещения коней во входной яме, положения коней, наличия узды и седла, количества коней, состава погребенных с привлечением имеющихся антропологических определений и датировок, прежде всего по античной керамике, а также по наконечникам стрел или характерным датирующим вещам.

Брилевка К. 18 (Евдокимов, 1985, с. 58, рис. 36, 1), Таборовка К. 2 (Гребенников, 2008, с. 76), Водославка КК. 6 и 8 (Кубышев и др., 1983), Подовое К. 2 (Кубышев и др., 1977, с. 106, Табл. XX, 3), Пришиб КК. 21 и 46 (Шапошникова и др., 1984, с. 55–56, 149–150, табл. 36, 2; 90, 5–6) (рис. 13).

⁷ Авторы искренне признательны С.Г. Колтухову за исчерпывающую консультацию по конским захоронениям Крыма. По его сводке это Чкалово К. 2 (Нечитайло, Бунятян, 1984, с. 18, рис. 10), Беш-Оба К. IV/2 (Колтухов, 2007, с. 196, рис. 2; 5–7), Ак-Таш К. 60 (Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988, рис. 41, 3), Братское КК. 14, 15 и 16 (Колтухов 2012: 94–95, рис. 90, 1; 91, 1–2), Черноземное К. 3/1984 г. (Колтухов 2012-А: 57), курганы Дмитрово-2 (Шульга, Колтухов, 2018, с. 312–313, рис. 5), у балки Чонграв (Колтухов, Копьева, 2017, с. 298, рис. 3, 6–9), Туак-Оба, Ак-Кая К. X (рис. 13).

⁸ Лисовичи К. 1 (Ковпаненко, Бессонова, Батуревич, 1997, с. 96–97, рис. 3, 2), Капитановка К. 487, Матусов-2 К. 1 (Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 48), Старинская птицефабрика К. 6 (Ильинская, 1973, с. 44–45, рис. 1), Вакулина Могила (Клочко, Скорый, 1991, с. 103, 1; 5–6).

Таблица 1.

Сопровождающие захоронения коней во входных ямах
катакомб и подбоев в курганах степной Скифии

Table 1.

Accompanying horse burials in the entrance pits of the catacombs
and backing in the barrows of the steppe Scythia

№	Пункт	Уровень размещения коней во вх. яме	Положение коней, наличие узды, седла	К-во	Состав погребенных, определяющие вещи	Дата
Захоронения коней во входных ямах катакомб						
1	Водославка, К. 1, П. 1 (рис. 1: 1-5)	На дне вх. ямы подза-хоронения	На животе головами к камере, оба в уздечках, у одного седло и нагрудник.	2	Ж возмужалая + Ж зрелая + М зрелый (Круц и др., 1986, с. 322).	Нач. 3-й четв. IV в. до н.э.
2	Водославка, К. 2, П. 1 (рис. 1: 6-7)	В заполнении	На животе головами к камере, в уздечке.	2	М + Ж возмуж. (Круц и др., 1986, с.322).	2-я – 3-я четв. IV в. до н.э. (Полин, 2014, с.529).
3	Водославка, К. 6, П. 2 (рис. 1: 8)	В заполнении вх. ямы под-захоронения	На боку, головой к камере, голова уничтожена грабителями.	1	М зрел. + М + Ж зрел. (Круц и др., 1986, с. 322).	2-я четв. IV в. до н.э.
4	Водославка, К. 8 П. 4 (рис. 1: 9-10)	В заполнении	На животе головой к камере, в уздечке, с седлом.	1	М, лук, стрелы, серьга	2-я – 3-я четв. IV в. до н.э. (Полин, Дараган, 2019, с. 174, 180-181).
5	Брилевка, К. 9 П. 1 (рис. 2: 1-4)	В заполнении на подготовленной площадке	На животе головами к камере, уздечка и седло у одного, два без ничего.	3	М + Ж	Нач. 3-й четв. IV в. до н.э. (Полин, 2014, с. 523).
6	Брилевка, К. 9, П. 2 (рис. 2: 5-6)	В заполнении	Разрушено, в уздечке.	1	М, меч, стрелы	2-я четв. – сер. IV в. до н.э. (Полин, 2014, с. 38).
7	Брилевка, К. 9 П. 3. (рис. 2: 9-13)	В заполнении на подготовлен-ной площадке.	На животе головой к камере, в уздечке и с седлом.	1	М, копье, дротик, два колчана	2-я четв. – сер. IV в. до н.э. (Полин, 2014, с.38).
8	Брилевка, К. 15, П. 1 (рис. 2: 7-8)	На дне.	На животе головой к камере, в уздечке, с седлом.	1	Подросток, колчан, леп. сосуд	Не позднее 3-й четв. IV в. до н.э.
9	Брилевка, К. 15 П. 2-3	В заполнении.	Разрушено.	1	Ограблено полностью	IV в. до н.э.
10	Брилевка, К. 26 П. 2 (рис. 2: 14-24)	В заполнении на подготовлен-ной площадке.	На животе головой к камере, в уздечке и с седлом.	1	М старый, два колчана, копье, дротик	2-я четв. – сер. IV в. до н.э.
11	Федоровка К. 1 (рис. 3: 1-3)	В заполнении.	Разрушено, в уздечке.	1	М зрелый (Круц и др., 1986, с. 332), копыя, стрелы, меч, пояс, дер. сосуд	2-я четв. IV в. до н.э.
12	Огуз, Северная Могила (рис. 3: 4-35)	На дне.	На животе головами к камере, в уздечках.	3	Ж зрелая (Круц и др., 1986, с. 327).	350-340 гг. до н.э. (Полин, 2014, с.484).
13	Курган Орел	Во вх. яме.	Разрушено.	1	Один череп, зол. бляшки	2-я – 3-я четв. IV в. до н.э.

14	Чкалово К. 1, П. 1 (рис. 4: 1)	Во вх. яме.	Разрушено, в уздечке.	1	М + Ж Меч, пояс, веретено и пр.	350-345 гг. до н.э. (Полин, 2014, с.504-508).
15	гр. Балки-VIII К. 5, П. 1	Во вх. яме.	В уздечке.	1	М + Ж	IV в. до н.э.
16	Великая Знаменка К. 2 П. 3 (рис. 4: 2-15)	В заполнении вх. ямы под захоронения.	На животе головами к камере, в уздечках, у одного фракийские удила и бляхи.	3	М + Ж, стрелы, копья, веретена, зол. украшения	Сер. – 3-я четв. IV в. до н.э. (Полин, 2014, с.508).
17	Владимировка К. 10	На дне.	На боку, головой к камере, чучело, в уздечке.	1	Подросток, 3 комплекта узды в камере	Сер. IV в. до н.э.
18	гр. Чергомлык-III К. 29 (рис. 5: 14-16)	На дне.	Разрушен, в уздечке.	1	М, стрелы, копья, котел	365-360 гг. до н.э. (Полин, 2014, с.342).
19	гр. Чергомлык-III К. 44	В заполнении круглой вх. ямы.	Вертикально головой вниз к камере. Без ничего.	1	М колчан	IV в. до н.э.
20	гр. Капуловка- I К. 9 (рис. 5: 17-20)	В заполнении.	На животе головами к камере, головы отсутствуют, на одном седло.	2	М + Ж Стрелы, копье	1-я пол. – сер. IV в. до н.э.
21	Кирово К. 5 П. 1	В заполнении.	На боку, головой к камере, в уздечке.	1	Ограблено, подросток + Р + молодой М	Сер. IV в. до н.э. (Полин, 2014, с.532).
22	г. Орджоникидзе К. 51 П. 1	Во вх. яме.	Разрушено, в уздечке.	1	М+Ж	2-я – 3-я четв. IV в. до н.э.
23	Золотая Балка К. 5 П. 3 (рис. 5: 21-24)	В заполнении.	На животе головой к камере, в уздечке и с седлом.	1	М пожил. + Ж молод.	2-я – нач. 3-й четв. IV в. до н.э. (Полин, 2014, с.34, 189)
24	гр. Львово-II К. 3 П. 2 (рис. 6: 1-2)	На дне на камышовой циновке.	На боку головой к камере, в уздечке.	1	М зрел. + М возм. (Круц и др., 1986, с.325), меч	2-я – 3-я четв. IV в. до н.э.
25	Александровка К. 1 П. 26 (рис. 6: 3-7)	В заполнении.	В уздечке и с седлом.	1	М + Ж. Копье, стрелы. Неграбленное	2-я – 3-я четв. IV в. до н.э.
26	Николаевский курган (Новый Водопой)	На дне.	На животе головами к камере, в уздечках, с седлами.	2	Полностью ограблено. Амфоры	Нач. 3-й четв. IV в. до н.э. (Полин, 2014, с. 536).
27	Кугурлуй К. 25 П. 2 (рис. 6: 8-12)	На дне.	На животе головой к камере, в уздечке, с седлом, рядом собака.	1	М, стрелы, копье	Сер. IV в. до н.э.
28	Кубей К. 13 П. 1 (рис. 6: 13)	На дне.	На животе головой к камере, голова отсутствует. Рядом часть скелета собаки.	1	М, стрелы	1-я пол. – сер. IV в. до н.э.
Во входных ямах катакомб на дне в нишах в боковых стенках входных ям						
29	Хомина Могила П. 1 (К. 13 у с. Нагорное) (рис. 7: 1-22)	На дне, в нишах в боковых стенках вх. ямы.	На боку головами к камере, в скифских уздечках с фракийскими бляхами.	2	М, стрелы, меч, пояс, копья, амфоры, гребень	Конец 2-й четв. – сер. IV в. до н.э. (Полин, 2014, с.501).

Таблица 1.

Сопровождающие захоронения коней во входных ямах
катакомб и подбоев в курганах степной Скифии (продолжение)

Table 1.

Accompanying horse burials in the entrance pits of the catacombs
and barrows in the steppe Scythia

№	Пункт	Уровень размещения коней во вх. яме	Положение коней, наличие узды, седла	К-во	Состав погребенных, определяющие вещи	Дата
30	Хомина Могила П. 2 (рис. 8: 1-3)	На дне, в нише в стенке вх. ямы.	На животе головой к камере, в уздечке.	1	Подросток, стрелы, пояс, копьё, дротик, амфора.	3-я четв. IV в. до н.э. (Полин, 2014, с.501-502).
31	Дервент К. 4 П. 1 (рис. 8: 4-10)	На дне, в нише в боковой стенке вх. ямы.	На боку головой к камере в уздечке, рядом чучело второго коня без ничего. Рядом скелет собаки	2	Ограблено? Стрелы, бусы, фибула (?), леп. сосуд	Не позднее сер. IV в. до н.э.
Во входных ямах подбоев						
32	Водославка, К. 9 П. 1	В заполнении.	Разрушено.	1	М зрел. (Круц и др., 1986, с. 322).	2-я - 3-я четв. IV в. до н.э.
33	Водославка, К. 15 П. 2 (рис. 8: 15-18)	На дне.	Разрушено, в уздечке и с седлом.	1	М юноша (Круц и др., 1986, с.322).	Конец 2-й четв. IV в. до н.э. (Полин, 2014, с.530).
34	Брилевка, К. 12 П. 1 (рис. 9: 1-2)	В заполнении на подготов-ленной площадке.	На животе, в уздечке (?) с седлом.	1	М, ограблено полностью, вток	Нач. – 1-я пол. IV в. до н.э.
35	Брилевка, К. 18 П. 5 (рис. 9: 3)	В заполнении на подго-товленной площадке.	На животе, голова против ног хозяина, в уздечке.	1	М старый, копьё, дротик, ворварка	400-380 гг. до н.э. (Полин, 2014, с.390)
36	Гайманово поле К. 29, П. 1 (рис. 9: 4-14)	В заполнении.	На боку, голова против ног хозяина, обращена в сторону хозяина, в уздечке.	1	М 30-40 лет, 2 копьё, меч, стрелы (до 80 штук)	V в. до н.э. (?) (Бидзиля, Полин, 2012, с.200-201). 2-я четв. IV в. до н.э. (?).
37	Гайманово поле К. 44, П. 1 (рис. 9: 15-19)	В заполнении на подготовлен-ной площадке.	На боку, спиной к хозяину, голова против головы хозяина, в уздечке.	1	М, бр. «вилочка», копьё, стрелы	Сер. IV до н.э.
38	гр. Волчанск-1 К. 15, П. 1 (рис. 10: 1-2)	На дне.	На боку, голова на уровне ног хозяина, в уздечке.	1	Юноша (Круц и др., 1986, с. 314)., стрелы	2-я пол. V в. до н.э. (Полин, Кубышев, 1997, с. 40).
39	Братолюбровский курган П. 2 (рис. 10: 4-6)	На дне.	На боку, голова против ног хозяина, в уздечке, с седлом.	1	Подросток 10-12 лет, без вещей	1-я – 2-я четв. IV в. до н.э. (Кубышев, Бессонова, Ковалев, 2009, с. 22, 88-90; Полин, 2014, с.279).
40	гр. Васильевка-I К. 4(рис. 10: 7)	В заполнении.	Перемещен в катакомбу из вх. ямы с оплывом грунта, на боку, без ничего.	1	М, стрелы, панцирь, пояс, котел, копьё, дер. чаши с накладками	Конец V - 1-я пол. IV в. до н.э.

41	Привольное, К. 18, П. 2 (рис. 9: 3)	В заполнении.	На животе, голова против ног хозяина, в уздечке.	1	М преклонного возраста (?), стрелы	2-я - 3-я четв. IV в. до н.э.,
42	Мамай-гора, К. 29, П. 1 (рис. 9: 8)	На дне.	На животе, голова в сторону подбоя, в уздечке и с седлом, голова против ног хозяина.	1	М 45-50 лет (Литвинова, 1999, с. 191), стрелы, копьё	2-я - 3-я четв. IV в. до н.э.
Узда во входной яме						
43	Нововладимировка К. 3, П. 1 (рис. 8: 11-14)	В заполнении	Полный уздечный набор		М, копьё, боевой пояс, стрелы	1-я пол. IV в. до н.э.

Общее количество. По данным на 1984 г. в степной Скифии было известно 10 захоронений коней во входных ямах (Ольховский, 1991, с. 117). На сегодняшний день мы располагаем информацией о 43 сопровождающих захоронениях коней и конской узды во входных ямах катакомб и подбоев в скифских курганах степной Скифии V–IV вв. до н. э. (табл. 1; рис. 14)⁹.

Во входных ямах катакомб помещено 31 сопровождающее захоронение коней (№№ 1–31) и 11 открыто во входных ямах подбоев (№№ 32–42). Зафиксирован 1 случай размещения конской уздечки во входной яме катакомбы (№ 43), заменявшей захоронение коня.

При достаточно высокой редкости сопровождающих захоронений коней во входных ямах погребений в небогатых скифских курганах, в Водославском и Брилевском могильниках на левобережной Херсонщине они составляли ощутимую долю. Из 19 скифских погребений, открытых в 12-ти курганах Водославского могильника, в 6-ти погребениях во входных ямах были обнаружены конские погребения (№№ 1–4, 32–33). В Брилевском могильнике такие захоронения коней зафиксированы в 8 погребениях из 50, открытых в 21 кургане (№№ 5–10, 34–35).

География. Все сопровождающие конские захоронения во входных ямах катакомб и подбоев находятся в степной Скифии. Подавляющее большинство из них сосредоточены в Нижнем Поднепровье на левом берегу в курганах к востоку от Днепра, где открыты 27 из них (№№ 1–16, 32–39, 41–43). На право-

бережье Днепра к западу от него известно 11 таковых (№№ 17–24, 29–30, 40). В западной части Скифии 2 таких погребения известны в Нижнем Побужье (№№ 25–26) и 3 на Нижнем Дунае. Сопровождающие захоронения коней во входных ямах подбоев также сконцентрированы на левобережье Нижнего Днепра и лишь одно из них открыто на правом берегу (№ 40). До сегодняшнего дня сопровождающие конские захоронения во входных ямах катакомб и подбоев V–IV вв. до н. э. совершенно неизвестны в Крыму. Также нетипичен этот обряд и для лесостепи, где открыто единственное сопровождающее конское захоронение во входной яме подбоя в Рыжановском кургане на днепровском правобережье¹⁰.

В социальном отношении подавляющее большинство мужских захоронений, сопровождаемых захоронениями коней во входных ямах катакомб и подбоев, принадлежат воинам. Согласно разработкам Е.П. Бунятян, сопровождающие захоронения коней весьма необычны для захоронений рядовых скифов IV в. до н. э. и характерны лишь для курганов скифской знати и царского ранга. Е.П. Бунятян проанализировала погребения с сопровождающими захоронениями коней во входных ямах в К. 29 группы Гайманова поля и П. 2 в Хоминой Могиле (№№ 36 и 30), известные на момент написания ее работы, и пришла к выводу о примерно одинаковом составе инвентаря в обоих погребениях. П. 1 в К. 29 группы Гайманова поля по размерам и инвентарю не подходит ни к одной из

⁹ В числе скифских захоронений IV в. до н. э. с конскими погребениями во входных ямах В.С. Синика назвал П. 1 в К. 22 у с. Васильевка и П. 5 в К. 2 у пгт Каролина-Бугаз в Нижнем Поднепровье (Синика, 2011, с. 119). Однако в этих курганах конские захоронения вообще отсутствуют (Субботин и др., 1992, с. 13; Загинайло, Черняков, Петренко, 1987, с. 103).

¹⁰ В Рыжановском кургане зафиксирован сложный случай. Захоронение коня размещено не просто на дне входной яме подбоя, но еще и в специальной яме, вырытой в дне входной ямы (Скорый, Хохоровский, 2018, с. 30–31, 49–51, рис. 11; 102–104). Здесь получился своеобразный гибрид, сочетающий захоронения коня в отдельной яме, но помещенной во входную яму основного погребения. Рыжановский курган датируется в пределах 3-й четв. IV в. до н. э. (Полин, 2014, с. 503).

выделенных Е.П. Бунятян моделей социальной стратификации скифского рядового населения и находится где-то между 3-й и 4-й из них, интерпретируемых соответственно как богатая прослойка скифского рядового населения и верхняя прослойка рядового населения, наиболее зажиточная, приближающаяся к скифской аристократии. А комплекс П. 2 Хоминой Могилы не соответствует параметрам рядовых погребений по высоте насыпи, а также составу других погребений в этом кургане, безусловно являющихся погребениями скифской аристократии (Бунятян, 1985, с. 95–99). По мнению В.А. Ильинской, сопровождающие захоронения коней встречаются в богатых курганах, содержащих погребения знатных лиц из сословия всадников (Ильинская, 1966, с. 165). Сопровождающие захоронения коней во входных ямах также открыты в курганах скифской знати нижних уровней социальной стратификации (№№ 1, 11, 13, 16, 18, 26, 29, 33, 40), а также и в курганах высшей знати и царского ранга (№№ 12, 26).

Как хоронили коней во входных ямах. Во входные ямы помещались целые туши коней, за двумя исключениями, когда были помещены чучело коня (шкура с головой и ногами – № 17) и чучело коня вместе с целой тушей коня (№ 31). В 3 случаях захоронения коней сопровождали захоронения собак (№№ 27, 28, 31), что становится характерной чертой позднескифских курганов III–II вв. до н. э. Нижнего Поднепровья (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016, с. 732–736).

Расположение коней во входных ямах катакомб. Во входных ямах катакомб помещали от 1 до 3 коней, в лежачем положении на брюхе, с подогнутыми под тулово ногами, головами в сторону камеры, к хозяину. Уникальный случай исследован одним из авторов данной статьи в К. 44 гр. Чертомлык-III, где в круглую входную яму диаметром 1,0 м туша коня была вставлена вертикально головой вниз к входу в камеру (№ 19).

Преобладают одиночные захоронения коней (22 случая: №№ 3, 4, 6–11, 13–15, 17–19, 21–25, 27–28, 30), значительно реже хоронили по 2 коня (6 случаев: №№ 1, 2, 20, 26, 29, 31) и еще реже по 3 коня (3 случая: №№ 5, 12, 16). Как правило, 2 и 3 коня сопровождали представителей скифской знати, в том числе и высшей (№№ 12, 16, 26).

Многие сопровождающие захоронения коней размещались в заполнении входных ям на разной глубине (15 случаев: №№ 2–7,

9–11, 16, 19–21, 23, 25). В нескольких случаях удалось проследить специально подготовленную площадку, выстланную растительной подстилкой (циновка?), на которую укладывались кони (№№ 7, 10, 24). Чуть реже встречаются захоронения коней на дне входных ям (12 случаев: №№ 1, 8, 12, 17–18, 24, 26–31). В 3 из них на уровне дна для коней были вырыты специальные ниши в боковых стенках входных ям (№№ 29–31). В 4 случаях ситуация неясна из-за полного разрушения при ограблении (№№ 13, 14, 15, 22).

Расположение коней во входных ямах подбоев. Из-за сравнительно небольших размеров входных ям подбоев здесь всегда размещался только 1 конь. Туша коня укладывалась по длине входной ямы параллельно телу хозяина в подбое, в лежачем положении на брюхе или на боку с подогнутыми ногами. В большинстве случаев голова коня находилась на уровне ног хозяина, будучи повернутой в его сторону. Лишь в одном случае голова коня находилась на уровне головы хозяина (№ 37). В 2 случаях соотношение положений коня и человека не установлено из-за разрушенности погребений (№№ 33–34).

Сопровождающие захоронения коней во входных ямах подбоев чаще располагались в заполнении на разной глубине (7 случаев: №№ 32, 34–37, 40–41) и несколько реже на дне (4 случая: №№ 33, 38–39, 41). В 3 случаях прослежена специально подготовленная площадка, выстланная растительной подстилкой (циновка?), на которую укладывались кони (№№ 34–35, 37).

Наличие узды и седла у коней:

А) Во входных ямах катакомб. За исключением 5 полностью или частично разрушенных при ограблении захоронений, где головы коней были уничтожены грабителями и мы не можем судить о наличии при них узды (№№ 3, 9, 13, 20, 32), в 22 случаях кони сопровождалась уздечками (№№ 1, 2, 4–8, 10–12, 14–18, 21–26, 31). В 7 случаях уздечку дополняли седла (№№ 1, 4, 7, 8, 10, 23, 31). В 1 случае, помимо седла и уздечки, обнаружены фрагменты конского нагрудника, состоявшего из подвесных металлических украшений (№ 1), что очень необычно для кургана столь невысокого социального уровня. Конские нагрудники нечасто встречаются и в курганах высшей скифской знати, где такие уборы присутствовали всего на 21 коне в 10 курганах (Мозолевский, Полин, 2005, с. 306–307).

В К. 9 гр. Капуловка-I (№ 20) головы коней были уничтожены грабителями, но при этом у 1 коня найдена подпружная пряжка, что свидетельствует о наличии седла. В К. 9 в П. 1 у с. Брилевка из 3 коней лишь 1 имел уздечку и седло, а два других были захоронены без ничего (№ 5). В К. 4 П. 1 могильника Дервент 1 из 2-х коней имел уздечку, а при втором не обнаружено ничего (№ 31). Как будет сказано ниже при рассмотрении сопровождающих захоронений коней в Северной могиле Огуза (№ 12), само по себе отсутствие металлических подпружных пряжек не означает отсутствия седел у этих коней. Тем более что кони в этих захоронениях воинов, безусловно, были верховыми.

В 2 конских захоронениях, уцелевших от ограбления, достоверно установлено отсутствие при конях элементов узды и седловки (№№ 19, 28). Но и здесь не приходится сомневаться, что эти кони, сопровождавшие воинов, были верховыми.

Обращает на себя внимание однообразный тип уздечных наборов в ряде погребений 2-й – 3-й четв. IV в. до н. э., в которых малые железные пластинчатые нахрапники с петелькой сочетались с прямыми железными двудырчатыми псалями (№№ 5, 7, 16, 17, 23, 24, 30). Постоянство такого сочетания в достоверных случаях позволяет предполагать то же и в тех случаях, где один из элементов узды не сохранился из-за ограбления (№№ 1, 4, 6).

Б) Во входных ямах подбоев. В 8 захоронениях кони имели уздечки (№№ 33–38, 41–42), а в двух из них уздечки дополняли седла, о чем свидетельствуют железные подпружные пряжки (№№ 34, 42). В 1 случае достоверно установлено отсутствие чего бы то ни было (№ 40) и в 1 случае захоронение коня полностью разрушено (№ 32).

Кони верховые или упряжные. В подавляющем большинстве случаев не вызывает сомнений тот факт, что в сопровождающие захоронения помещались верховые кони (Бессонова, 1982, с. 107). Но во входной яме Северной могилы Огуза (№ 12) предполагается захоронение 3 упряжных коней. Предположение основано на находке в могиле деревянных частей кузова и бронзовых украшений погребальной повозки, отсутствии седел у коней, на предварительных характеристиках конских скелетов Е.П. Секерской и на том обстоятельстве, что в Северной могиле Огуза погребена женщина (Фиалко, 1994, с. 143).

Однако здесь все далеко не так просто. Если для предскифского и раннескифского времени упряжные кони достаточно надежно определяются по наличию характерных деталей, применявшихся только в упряжи, то для V–IV вв. до н. э. в скифском мире такие детали неизвестны, и упряжные лошади могут быть выделены лишь по целому ряду иных признаков. Само по себе наличие повозки в Северной могиле Огуза не является аргументом для отнесения коней из входной ямы Северной могилы к упряжным. Тем более что Е.П. Секерская характеризует коней из Северной могилы Огуза как верховых, близких к породам современных верховых коней, и ничего не говорит об их упряжном предназначении (Секерская, 1992, с. 187, 191). Не свидетельствует об этом и отсутствие металлических подпружных пряжек. В Пазырыкских курганах, где погребенных сопровождали захоронения многочисленных верховых оседланных коней, подпружные роговые пряжки были обнаружены только при одном из коней во 2-м Пазырыкском кургане. У всех остальных коней во всех Пазырыкских курганах, в том числе и во 2-м, подпруги затягивались с помощью накладок из толстой кожи с прорезями (Руденко, 1953, с. 163, 210), т. е. кожаных пряжек. Также в пазырыкской культуре использовались для фиксации подпруги ременные узелковые и деревянные застежки-палочки, а также деревянные пряжки (Степанова, 2005, с. 112–113; 2006, с. 110). Поэтому отсутствие металлических подпружных пряжек в Северной могиле Огуза само по себе не означает отсутствия седел. И здесь пряжки вполне могли быть кожаными или деревянными. Эти материалы в Северном Причерноморье в погребениях не сохраняются практически никогда.

Четверка упряжных коней в кургане Пазырык-5 отличалась от остальных верховых коней не только отсутствием седел, что установлено достоверно, поскольку в мерзлоте абсолютно все детали уздечек и седловки остальных верховых коней в этом кургане прекрасно сохранились. Упряжные кони в кургане Пазырык-5 имели простейшие однотипные бедно орнаментированные уздечки, в отличие от остальных верховых коней этого кургана, снабженных богатыми, разнообразно украшенными уздечками, причем каждая на свой манер. Такими же признаками характеризуются упряжные лошади и в других курганах пазырыкской культуры (Руденко, 1953,

с. 214, 374; Шульга, 2008, с. 44–45; 2015, с. 68–85).

Ничего подобного нельзя сказать о конях из входной ямы Северной Могилы Огуза. Здесь каждый конь имел роскошную уздечку, украшенную многочисленными серебряными бляхами с разнообразными изобразительными и растительными сюжетами во фракийском стиле. Каждая уздечка индивидуальна и отличается собственным набором изобразительных и декоративных элементов, что характерно исключительно для верховых коней. Все это никак не позволяет коней из Северной Могилы Огуза отнести к упряжным.

Половозрастная принадлежность погребений с сопровождающими захоронениями коней. Традиционно считается, что захоронения коней сопровождали захоронения мужчин. И такая связь представляется несомненной. В рассматриваемом нами обряде захоронения коней во входных ямах это подтверждают несколько антропологических определений, согласно которым кони сопровождали в потусторонний мир мужчин самого разного возраста: от подросткового до престарелого (№№ 1–3, 11, 28, 32–33, 38, 42). В большинстве остальных случаев мужской пол погребенных уверенно устанавливается по характеру сопровождающих вещей (№№ 4, 5–8, 10, 14–25, 27–30, 34–37, 40–43), что позволяет распространить этот вывод и на абсолютно ограбленные погребения. Особенно показателен в этом отношении курган № 6 у с. Водославка (№ 3), где открыта общая катакомба с захоронениями мужчины и женщины, совершенными через разновременные входные ямы. Судя по находкам в первичной входной яме П. 1 бронзовых и серебряных блях, украшавших погребальную повозку, первой в кургане была захоронена женщина. Через вторую входную яму П. 2 было совершено подзахоронение мужчины, на что указывает размещенное в ней захоронение коня. Более того, в 15 м к Ю-З от центра было открыто еще одно захоронение коня в отдельной входной яме, также связанное с подзахоронением П. 2, что лишним раз подтверждает его мужскую принадлежность.

Тем не менее, существуют исключения, причем очень яркие. Так, надежно установлено, что в Северной могиле Огуза была погребена женщина зрелого возраста (№ 12 – Круц и др., 1986, с. 327), которая, тем не менее, сопровождалась захоронениями верховых коней, о чем говорилось выше. Также общеиз-

вестным является факт подзахоронения царицы в Центральную гробницу Александропольского кургана через длинный Восточный дромос, в котором были обнаружены останки более 15 коней¹¹, сопровождавших эту царицу. Все эти кони имели роскошные оригинальные уздечки, нагрудные украшения и седла, т. е. были верховыми.

Оба этих эпизода открыты в скифских царских курганах наивысшего ранга, в которых иногда прослеживаются отклонения от традиционных канонов скифского погребального обряда, достаточно твердо выдерживавшихся в погребениях представителей нижних слоев скифского общества. Так что эти исключения ни в коей мере не нарушают установленную закономерность связи сопровождающих захоронений коней именно с мужчинами.

Датировка погребений с сопровождающими захоронениями коней во входных ямах.

№ 1 – Водославка К. 1 П. 1 (Кубышев и др., 1983, с. 48) – в составе тризны найдены обломки амфор¹² Икоса (венчики и ручки) конца 1-й – 3-й четв. IV в. до н. э. (Монахов, Кузнецова, 2009, с. 158–160) и Фасоса (ножка и венчик) позднеконической серии П-С-3 по С.Ю. Монахову (Монахов, 2003, с. 72–73) раннего варианта с граненым венчиком, датирующимся началом 3-й четв. IV в. до н. э. (Полин, Алексеев, 2018, с. 420–421), в совокупности датирующиеся не позднее начала 3-й четв. IV в. до н. э., что подтверждает весь остальной инвентарь. В уздечке присутствует железный пластинчатый налобник, датирующийся в пределах конца 1-й – 3-й четв. IV в. до н. э. (Полин, 2014, с. 37–39). Дата П. 1 – нач. 3-й четв. IV в. до н. э.

№ 2 – Водославка К. 2 П. 1 (Кубышев и др., 1983, с. 51) – 2-я – 3-я четв. IV в. до н. э. по чернолаковому канфару (Полин, 2014, с. 529).

№ 3 – Водославка К. 6 П. 2 (Кубышев и др., 1983, с. 66) – 2-я – 3-я четв. IV в. до н. э., датировка погребения по веретену. Кроме того, в К. 6 было открыто еще одно захоронение коня в отдельной входной яме, связанное с подзахоронением П. 2. Уздечка этого коня снабжена железными S-видными псалиями, датирующимися не позднее 2-й четв. IV в. до

¹¹ Часть захоронений коней в западной половине Восточного дромоса была разрушена грабителями, поэтому первоначальное количество коней могло быть и более 20.

¹² Не опубликованы. Определения и датировки С. Полина.

н. э. (Бидзиля, Полин, 2012, с. 190). В целом первичное П. 1 и подзахоронение П. 2 датируются не позднее 2-й четв. IV в. до н. э.

№ 4 – Водославка К. 8 П. 4 (Кубышев и др., 1983, с. 80) – 2-я – 3-я четв. IV в. до н. э. по бронзовой крестовидной ворварке (Полин, Дараган, 2019, с. 174, 180–181). В составе узды имеются прямые железные псалии с 8-видными расширениями в средней части, широко распространенные в сер. – 3-й четв. IV в. до н. э. Более поздняя дата для них достоверно не подтверждена (Бидзиля, Полин, 2012, с. 229). Дата П. 4 – 2-я – 3-я четв. IV в. до н. э.

№ 5 – Брилевка К. 9 П. 1 (Евдокимов и др., 1985, с. 13–14, табл. 10, 2; 11) – по ч.-лак. килику и амфоре Менды специфической разновидности – нач. 3-й четв. IV в. до н. э. (Полин, 2014, с. 523). В составе узды присутствуют железный пластинчатый налобник конца 1-й – 3-й четв. IV в. до н. э. (Полин, 2014, с. 37–39), прямые железные псалии с 8-видными расширениями в средней части, датирующиеся не позднее середины – 3-й четв. IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012, с. 229). Дата – сер. – 3-я четв. IV в. до н. э.

№ 6 – Брилевка К. 9 П. 2 (Евдокимов и др., 1985, с. 15, табл. 12, 3) – по стратиграфии 2-я четв. IV в. до н. э. В составе узды прямые железные псалии с 8-видными расширениями в средней части, датирующиеся серединой – 3-й четв. IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012, с. 229). Дата П. 2 – не позднее сер. IV в. до н. э.

№ 7 – Брилевка К. 9 П. 3 (Евдокимов и др., 1985, с. 16, табл. 12, 5, 7–8, 11) – 2-я четв. IV в. до н. э. по стратиграфии. В уздечке присутствуют железный пластинчатый налобник конца 1-й – 3-й четв. IV в. до н. э. (Полин, 2014, с. 37–39), прямые железные псалии с 8-видными расширениями в средней части сер. – 3-й четв. IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012, с. 229) и бронзовая гладкая цельнолитая полусферическая бляха с петлей на обороте, датирующаяся не позднее середины IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012, с. 194–199). Дата П. 3 – 2-я четв. – сер. IV в. до н. э. (Полин, 2014, с. 38).

№ 8 – Брилевка К. 15 П. 1 (Евдокимов и др., 1985, с. 28, табл. 19, 2–3, 7–8) – подпружная пряжка, аналогичная найденной в К. 9 П. 1 (№ 5). Дата П. 1 – не позднее 3-й четв. IV в. до н. э.

№ 9 – Брилевка К. 15 П. 2–3 (Евдокимов и др., 1985, с. 29, табл. 19, 9) – IV в. до н. э.

№ 10 – Брилевка К. 26 П. 2 (Евдокимов и др., 1986, с. 55–56, рис. 50, 1–7) – в составе узды

бронзовый зооморфный нахрапник, единственная близкая находка которому имеется в К. 4 у с. Макеевка V в. до н. э. (Петренко, 1967, с. 93, табл. 29, 13), железные S-видные псалии, датирующиеся не позднее 2-й четв. IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012, с. 190), гладкие бронзовые цельнолитые полусферические бляхи с петлей на обороте, датирующиеся не позднее сер. IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012, с. 194–199), бронзовые пронизи с ромбическим щитком, украшенные рельефным орнаментом в виде виноградной грозди. Аналогии последним найдены в К. 10 у с. Колбино середины IV в. до н. э. и курганах у пос. Шолоховский и с. Кошеватое начала IV в. до н. э. (Савченко, 2009, с. 280, рис. 16, 19). По данным А.Д. Могилова, такие пронизи имеются также в К. 5 в уроч. Осняги и кургане у с. Редвинцы, которые он датировал от конца V до 2-й пол. IV – нач. III вв. до н. э. (Могилов, 2008, с. 131, 413, рис. 413). Поздний интервал представляется чрезмерным и должен быть ограничен серединой IV в. до н. э. В погребении найдено два колчанных набора, вмещающие наконечники 2-й – нач. 3-й четв. IV в. до н. э., в том числе и трехлопастные наконечники с меткой в виде косой линии, известной только в колчанах этого времени (Полин, Дараган, 2019, с. 165; Дараган, 2020). Дата – 2-я четв. IV в. до н. э.

№ 11 – Федоровка К. 1 (Кубышев и др., 1977, с. 67–69; СПСССР, 1986, с. 285, № 225) – в составе тризны¹³ найдены обломки не менее 5 хиосских колпачковых амфор раннего варианта типа V-B 1-й – 3-й четв. IV в. до н. э. и 5 амфор Менды мелитопольского типа второй – третьей четверти IV в. до н. э. по С.Ю. Монахову (Монахов, 2003, с. 21–22, 92–93; Мозолевский, Полин, 2005, с. 322–323). Учитывая сходство погребального сооружения кургана с впускной гробницей Солохи, дата погребения – не позднее 2-й четв. IV в. до н. э.

№ 12 – Огуз, Северная Могила (Болтрик, Фіалко, 2005, с. 246, рис. 6,1) – у коней 3 уздечки с серебряными фракийскими бляхами. Удила строгие с насадками с шипами. Псалии большие слабоизогнутые S-видные размерами 19–25 см, характерные для царских курганов IV в. до н. э., в частности для таких, как Козел и Толстая Могила (Фіалко, 1995, с. 133–141, рис. 1; 3; 6; Boltrik, Fialko, 1996, Abb. 5; Мелюкова, 1981, с. 60). Дата – 350–340 гг. до н. э. (Полин, 2014, с. 484).

¹³ Не опубликованы. Определения С. Полина.

№ 13 – курган Орел (ОАК, 1909–1910, с. 135) – 2-я – 3-я четв. IV в. до н. э.

№ 14 – Чкалово К. 1 П. 1 (Отрощенко и др., 1978, с. 9) – 350–345 гг. до н. э. (Полин, 2014, с. 504–508).

№ 15 – гр. Балки-VIII, К. 5, П. 1 (СППССП, 1986, с. 50, 183, 325, № 329) – IV в. до н. э.

№ 16 – Великая Знаменка К. 2 П. 3 (Отрощенко и др., 1979, с. 74–79, табл. XLII–LVI; Ковалев, 1981, с. 60–61) – в узде коня № 1 фракийские сер. бляхи и фракийские удила, в узде № 2 и № 3 железные пластинчатые налобники конца 1-й – 3-й четв. IV в. до н. э. (Полин, 2014, с. 37–39) и прямые железные псалии с 8-видными расширениями в средней части, датирующиеся серединой – 3-й четв. IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012, с. 229). Дата П. 3 – середина – 3-я четв. IV в. до н. э. (Полин, 2014, с. 508).

№ 17 – Владимировка К. 10 (Чередниченко, Болдин, 1977, с. 144–149, рис. 17–18) – в составе уздечки железный пластинчатый налобник конца 1-й – 3-й четв. IV в. до н. э. (Полин, 2014, с. 37–39), гладкие бронзовые цельнолитые полусферические бляхи с петлей на обороте, датирующиеся не позднее сер. IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012, с. 194–199), и прямые железные псалии с 8-видными расширениями в средней части середины – 3-й четв. IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012, с. 229). Дата К. 10 – середина IV в. до н. э.

№ 18 – гр. Чертомлык-III К. 29 (Мурзин и др., 1985, с. 9–10) – в составе уздечки присутствует бронзовый зооморфный налобник типа Мелитополь – Краснокутск – Александрополь – Толстая, Страшная и Соболева могилы – Огуз – Чертомлык – Козел, памятники 2-й – 3-й четв. IV в. до н. э. (Мозолевский, Полин, 2005, с. 315–316). В тризне К. 29 найдены обломки гераклейских и фасосских с клеймами 365–360 гг. (Полин, 2014, с. 342), что уточняет датировку кургана в пределах 2-й четв. IV в. до н. э.

№ 19 – гр. Чертомлык-III К. 44 (Мурзин и др., 1985, с. 31) – IV в. до н. э.

№ 20 – гр. Капуловка-I К. 9 (Тереножкин и др. 1973, с. 118, рис. 6) – по наконечникам стрел – 1-я пол. – сер. IV в. до н. э.

№ 21 – Кирово К. 5 П. 1 (Черненко, 1966, с. 187) – амфора Икоса сер. IV в. до н. э. (Полин, 2014, с. 532).

№ 22 – Орджоникидзе К. 51 П. 1 (Полин, Дараган, 2018, с. 33) – 2-я – 3-я четв. IV в. до н. э.

№ 23 – Золотая Балка К. 5 П. 3 (Полин, 2014, с. 34, 189, рис. 15) – 2-я – нач. 3-й четв. IV в. до н. э. (Полин, 2014, с. 34, 189).

№ 24 – гр. Львово-II К. 3 П. 2 (Евдокимов, 1983, с. 18, табл. 11, 1, 8) – 2-я – 3-я четв. IV в. до н. э.

№ 25 – Александровка К. 1 П. 26 (Петренко, Елагина, 1968, с. 15–17, рис. 35–44; Гребенников, 2008, с. 76, рис. 31, 5–8) – в составе уздечки железный пластинчатый налобник конца 1-й – 3-й четв. IV в. до н. э. (Полин, 2014, с. 37–39), псалии прямой и изогнутый S-видный или S-видный, характерная прямоугольная подпружная пряжка. Дата П. 26 – 2-я – 3-я четв. IV в. до н. э.

№ 26 – Николаевский курган (Новый Водопой) (Никитин, Черненко, 1967, с. 109–110) – при конях удила с псалиями, бронзовые полусферические бляхи с петлей на обороте, датирующиеся не позднее сер. IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012, с. 194–199), зооморфный нахрапник, ворварки, подпружные пряжки, в камере найдены амфоры с развитым грибовидным венцом и гераклейская с клеймом 3-й четв. IV в. до н. э. Дата – нач. 3-й четв. IV в. до н. э.

№ 27 – Кугурлуй К. 25 П. 2 (Гудкова, Сунчук, 1984, с. 56–57, рис. 112, 2–6; 113, 3) – в составе узды прямые железные псалии с 8-видными расширениями в средней части сер. – 3-й четв. IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012, с. 229) и строгие фракийские удила с насадками в виде колесиков и цельнолитые бронзовые круглые полусферические бляхи двух размеров в седловке, датирующиеся не позднее сер. IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012, с. 194–199).

№ 28 – Кубей К. 13 П. 1 (Субботин и др., 1992, с. 11, рис. 8, 11) – по наконечникам стрел 1-я пол. – сер. IV в. до н. э.

№ 29 – Хомина Могила П. 1 (Мозолевский, 1973, с. 212–220, рис. 24–31; 1975, с. 168, рис. 4) – в составе уздечек S-видные железные и бронзовые псалии, датирующиеся не позднее 350 г. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012, с. 187–190) с простыми скифскими удилами с железными пряжками в виде кольца с треугольником во внешних кольцах 2-й – 3-й четв. IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2005, с. 205), роскошные фракийские серебряные орнаментированные бляхи с круглыми плоскими и полусферическими бляхами с приклепанными накладными пластинчатыми петлями на обороте. Такой способ крепления петель

зафиксирован для 2-й – 3-й четв. IV в. до н. э. (Мозолевский, Полин, 2005, с. 302).

В самом П. 1 найдены ф-ты 2 амфор Менды мелитопольского типа специфической формы, аналогии которым отмечены у нескольких амфор из женской гробницы Мелитопольского кургана (Мозолевский, 1973, рис. 32, 5; Тереножкин, Мозолевский, 1988, рис. 67, 1, 2; 74, 4), датирующейся 350–340 гг. до н. э., в тризне и в Гр. № 2 Бабиной Могилы, датирующихся 340–330 гг. до н. э. (Полин, 2014, с. 475, 477). Здесь также найдены уникальные золотые изделия, идентичные найденным в П. 2 Соболевой Могилы сер. – нач. 3-й четв. IV в. до н. э. (Мозолевский, 1973, с. 224, кат. 14, рис. 32, 7, 9; Мозолевский, Полин, 2005, с. 180, 187, кат. 38–40, кат. 61, рис. 99, 38–40; табл. 17, 2в; 18, 3; Полин, 2014, с. 478–482). Датировка П. 1 Хоминой Могилы – конец 2-й четв. – не позднее сер. IV в. до н. э.

№ 30 – Хомина Могила П. 2 (Мозолевский, 1973, с. 225, рис. 33) – в уздечке прямые железные псалии с 8-видными расширениями в средней части сер. – 3-й четв. IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012, с. 229) и железный пластинчатый налобник конца 1-й – 3-й четв. IV в. до н. э. (Полин, 2014, с. 37–39). В самом П. 2 Хоминой Могилы найдены херсонесская амфора с клеймом астинома Геродота 3-й четв. IV в. до н. э. и бронзовые наконечники стрел 1-й пол. – 3-й четв. IV в. до н. э. (Полин, 2014, с. 501–502). Дата П. 2 – 3-я четв. IV в. до н. э.

№ 31 – Дервент К. 4 П. 1 (Гудкова, Суничук, 1984, с. 5–6, табл. 18–20; Островерхов, Редина, 2013, с. 387, рис. 90, 8) – в составе уздечки шесть уникальных бронзовых пронизей, не имеющих аналогий. О форме псалий ничего неизвестно. В сопровождающем инвентаре трехлопастные бронзовые наконечники стрел с ложком до острия второй-третьей четверти IV вв. до н. э. Стекланные бусы с фестонобразным орнаментом – тип 276-б по Е.М. Алексеевой – датируются широко IV–III вв. до н. э. (Алексеева, 1978, с. 49, табл. 31, 6–7). Фрагмент фибулы не диагностируется. Дата П. 1 – не позднее середины IV в. до н. э.

№ 32 – Водославка К. 9 П. 1 (Кубышев и др., 1983, с. 84) – по наконечникам стрел – 2-я – 3-я четв. IV в. до н. э.

№ 33 – Водославка К. 15 П. 2 (Кубышев и др., 1983, с. 118) – в составе уздечки 2 бронзовых плоских цельнолитых круглых бляхи с петлей на обороте конца 1-й – 3-й четв. IV в. до н. э. (Мозолевский, Полин, 2005, с.

302) и круглая железная подпружная пряжка с перпендикулярной кнопкой-шипом. Бронзовые подпружные пряжки подобного типа существовали с конца V в. до 3-й четв. IV в. до н. э. В самом погребении найден чернолаковый киликовидный канфар редкой разновидности 2-й четв. IV в. до н. э. Уточняет датировку П. 2 гераклеяская амфора с клеймом 355–350 гг. до н. э. из тризны, связанной с П. 2 (Полин, 2014, с. 530). Дата П. 2 – конец 2-й четв. IV в. до н. э.

№ 34 – Брилевка К. 12 П. 1 (Евдокимов и др., 1985, с. 19, табл. 14, 2–3) – в составе конского снаряжения гладкая бронзовая цельнолитая полусферическая бляха с петлей на обороте, датирующаяся от конца VI в. до сер. IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012, с. 194–199). Уточняет датировку П. 1 дата впускного в этом кургане П. 2, датирующегося 1-й пол. IV в. до н. э., что соответственно ограничивает датировку предшествующего ему П. 1. Дата П. 1 – нач. – 1-я пол. IV в. до н. э.

№ 35 – Брилевка К. 18 П. 5 (Евдокимов и др., 1985, с. 60–61, табл. 38, 9) – в составе уздечки удила и псалии неустановленного типа. Дата погребения определяется по датировке амфор из связанной с ним тризны 400–380 гг. до н. э. (Полин, 2014, с. 390).

№ 36 – Гайманово поле К. 29 П. 1 (Ильинская, 1973, с. 53–54, рис. 7; Тереножкин и др., 1977, с. 187–190, рис. 41–43) – в составе уздечки деревянные псалии неустановленной формы, бронзовые нахрапник и нащечники в виде медвежьей лапы, а также ворварки, литые колечки и специфические «замочки». На основе наличия последних и нахрапнику раннего типа в свое время это погребение было датировано V в. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012, с. 200–201). Однако проведенное М. Дараган изучение колчанного набора из этого погребения по типам наконечников и литых меток показало его принадлежность к наборам 2-й четв. IV в. до н. э. Такой явный и беспрецедентный разницей в датировке вещей из одного комплекса, полученного в процессе нормальных раскопок¹⁴, вызывает сомнения в достоверности его состава. Если находки одиночных архаических наконечников стрел в колчаных наборах IV в. до н. э. встречались неоднократно, то практически

¹⁴ В отличие от многочисленных комплексов из дореволуционных раскопок в Посулье, приобретенных Б.Н. и В.И. Ханенко у торговцев древностями, которые в процессе предпродажной подготовки произвольно дополняли комплексы для большей привлекательности многочисленными посторонними включениями.

полный комплект узды V в. до н. э. в сочетании с колчанным набором 2-й четв. IV в. до н. э. встречен впервые. Возможно, здесь имеет место путаница в документировании вещей из разных комплексов при их массовом поступлении в процессе интенсивных новострочных раскопок в 1960–1970-х гг. Поэтому вопрос о подлинной датировке К. 29 П. 1 гр. Гайманово поле остается открытым.

№ 37 – Гайманово поле К. 44 П. 1 (Бидзиля и др., 1969, с. 22–23, рис. 11, 121–126) – в составе уздечки бронзовые цельнолитые круглые полусферические бляхи с петлями на обороте – 2 гладкие и 2 «в виде розетки с 4 лепестками», существовавшие на протяжении конца VI в. – 1-й пол. IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012, с. 195–199), и обломок нащечника в виде медвежьей лапы с петлей на обороте, датирующийся в пределах конца V – 3-й четв. IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012, с. 200–202). В самом погребении – бронзовая «вилочка», трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой и втулка копья. Датировка П. 1 – сер. IV в. до н. э.

№ 38 – Волчанск-I К. 15 П. 1 (Полин, Кубышев, 1997, с. 14–15, 40, рис. 13, 2, 11) – в составе уздечки S-видные псалии. В самом П. 1 наконечники стрел 2-й пол. V в. до н. э., что и определяет дату П. 1.

№ 39 – Братолюбровский курган П. 2 (Кубышев, Бессонова, Ковалев, 2009, с. 22, 88–90, 114–118, рис. 14) – в составе уздечки бронзовые S-видные псалии конца V – 1-й пол. IV вв. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012, с. 214–215). Дата П. 2 – 1-я – 2-я четв. IV в. до н. э. (Кубышев, Бессонова, Ковалев, 2009, с. 114–118; Полин, 2014, с. 279).

№ 40 – Васильевка-I К. 4 (Ковалева, Мухопад, Шалобудов, 1995, с. 23–25, рис. 7) – золотые обкладки чаш с зооморфными изображениями конца V – 1-й пол. IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012, с. 305–306), что и определяет дату кургана.

№ 41 – Привольное К. 18 П. 2 (Кубышев и др., 1975, с. 51–52) – в составе уздечки изогнутые железные псалии с бронзовыми шариками на окончаниях, скорее всего S-видные. Биметаллические псалии бытовали в Скифии на протяжении конца V – 1-й пол. IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012, с. 207–209). В сочетании с наконечниками стрел из погребения дата П. 2 ограничивается 1-й пол. IV в. до н. э.

№ 42 – Мамай-гора К. 29 П. 1 (Андрух, Тощев, 1999, с. 144, рис. 41, 1–8) – дату погребения

определяет набор наконечников стрел 2-й – 3-й четв. IV в. до н. э.

№ 43 – Нововладимировка К. 3 П. 1 (Ковпаненко, Яковенко, 1973, с. 264, рис. 2, 21–24) – в составе уздечного набора железные удила и бронзовые зооморфный нахрапник 1-й пол. IV в. до н. э., круглые гладкие полусферические цельнолитые бляхи с петлей на обороте, датирующиеся не позднее первой половины IV в. до н. э. и нащечники типа «медвежья лапа» конца V – нач. 3-й четв. IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012, с. 199, 203, 212). Датировка набора – 1-я пол. IV в. до н. э.

Наблюдения по хронологии.

Захоронения коней во входных ямах подбоев появились в конце V в. до н. э. (№№ 36, 38, 40) и, оставаясь весьма немногочисленными, существовали на протяжении 1-й – 3-й четв. IV в. до н. э. (№№ 32–35, 37, 39, 41–42). В ранних погребениях конца V в. до н. э. форма псалиев зафиксирована лишь в одном погребении № 38. Это S-видные железные псалии (рис. 10: 2). В поздних захоронениях коней во входных ямах подбоев 1-й – 3-й четв. IV в. до н. э. форма псалиев также зафиксирована лишь единожды в № 39, где это S-видные бронзовые псалии (рис. 10: 5).

Захоронения коней во входных ямах катакомб появились в 1-й пол. IV в. до н. э. и существовали на протяжении 1-й пол. – 3-й четв. IV в. до н. э., что определяется, прежде всего, на основании греческой керамики (№№ 1, 2, 5, 11, 14, 16, 18, 21, 26, 29, 30, 33, 35). Значительная часть этих погребений датируется 1-й пол. IV в. до н. э., не позднее середины столетия, на что указывают S-видная форма псалиев (№№ 3, 10, 29) и бронзовые гладкие цельнолитые полусферические бляхи с петлей на обороте (№№ 7, 10, 17, 27). Составные серебряные круглые полусферические бляхи с приклепанной пластинчатой петлей указывают уже на 2-ю – 3-ю четв. IV в. до н. э. (№№ 12, 14, 16, 29). Особую группу составляют захоронения коней с удивительно однообразным составом уздечек, в которых постоянно сочетаются железные прямые двудырчатые псалии с 8-видным расширением в средней части с небольшими железными пластинчатыми налобниками (№№ 5, 7, 16–17, 23–25, 30). Такое же сочетание формы псалиев и малых железных пластинчатых налобников с петелькой можно предполагать и в тех случаях, где один из элементов не сохранился в результате

ограбления (№№ 1, 4, 6). Эти погребения датируются в пределах 2-й – 3-й четв. IV в. до н. э.

В пределах 2-й – нач. 3-й четв. IV в. до н. э. существуют уздечные наборы со специфическими фракийскими удилами (№№ 16, 27 – рис. 4: 8; 6: 12) и с наборами разнообразных орнаментированных блях фракийского происхождения (№№ 12, 16, 29 – рис. 3: 6–35; 4: 3–9; 7: 2–22). По-видимому, время их бытования в причерноморской Скифии совпадает с пиком активности скифов Атея на территории к югу от Дуная в сер. IV в. до н. э. и ограничивается датой разгрома и гибели Атея в 339 г. до н. э.

Единственная находка уздечки в заполнении входной ямы № 43 представлена характерным набором декоративных элементов: бронзовые нахрапник, нащечники и полусферические бляхи типа Гаймановой Могилы 1-й пол. IV в. до н. э. (рис. 8: 12–14).

Для периода конца IV – нач. III вв. до н. э. захоронения коней в скифских курганах нам неизвестны.

Позднескифский период.

Нижнее Поднепровье. В позднескифской культуре оседлого населения Нижнего Поднепровья захоронения коней неизвестны.

Нижнее Поднепровье. Продолжение существования обряда захоронения коней во входных ямах катакомб в III–II вв. до н. э. зафиксировано у скифов Нижнего Поднепровья в могильнике у с. Глиное, единственном известном могильнике этого периода в Северном Причерноморье. Из 186 погребений этого могильника в 18 обнаружены сопровождающие захоронения коней. Здесь абсолютно неизвестны захоронения коней в отдельных ямах и все конские захоронения помещались во входных ямах и исключительно на дне ям. В трех случаях полные скелеты коней были помещены в специальные ниши (камеры) в боковых стенках входных ям также на уровне дна. Почти все захоронения коней одиночные. Только в К. 51 П. 1¹⁵ на дне входной ямы лежал полный костяк лошади и чучело коня (череп и конечности).

В этот период в основном хоронились чучела коней, которые в виде головы и конечностей (шкура) обнаружены в 12 погребениях. Лишь в 5 погребениях были захоронены

целые туши коней, лежавших на боку или на животе, во всех случаях головами направленными к камерам. Еще в 4 погребениях обнаружены лишь конские черепа. В подавляющем большинстве случаев захоронения коней связаны с мужскими захоронениями. Но в К. 16 П. 1 чучело коня обнаружено во входной яме подзахоронения женщины в основную катакомбу, и еще один череп коня найден в К. 53 П. 1, также во второй входной яме, через которую было совершено подзахоронение женщины. В 4 случаях кони имели уздечки, еще в 3 сверх уздечек присутствовали и седла. Но чаще всего кони, их чучела и черепа помещались вообще без ничего. Несколько чаще сопровождающие захоронения коней заменялись предметами конского снаряжения (уздечка и седло), символизировавшими такие погребения. Такие находки обнаружены в погребальных камерах или входных ямах 27 погребений. В целом сопровождающие захоронения коней в том или ином виде найдены в 18 погребениях и еще в 27 погребениях найдены предметы конского снаряжения, заменявшие захоронения коней (Тельнов, Четвериков, Сеника, 2016, с. 728–732).

Любопытно, что и в К. 53 П. 1 у с. Глиное III–II вв. до н. э. в черепе коня обнаружен бронзовый наконечник стрелы (Тельнов, Четвериков, Сеника, 2016, с. 730). Аналогичные случаи 5 раз отмечены в курганах высшей скифской знати 2-й – 3-й четв. IV в. до н. э., таких как Бабина и Водяна могилы, в Толстой и Желтокаменной Толстой могилах, а также в Солохе (Мозолевский, Полин, 2005, с. 300–301). Вряд ли эти стрелы могли быть причиной смерти коней, но, безусловно, эти находки обозначают некие ритуальные действия, совершавшиеся при умерщвлении коней.

Крым. Весьма своеобразная ситуация с конскими захоронениями зафиксирована в позднескифской культуре Крыма. Если для V–IV вв. до н. э. в Крыму известны сопровождающие захоронения коней исключительно в отдельных ямах, расположенных рядом с захоронением хозяина, и только в курганах, то во II–I вв. до н. э. здесь появились сопровождающие захоронения коней во входных ямах катакомб в курганах и в основном в грунтовых могильниках. Это воинское захоронение 2-й пол. II в. до н. э. в кургане у с. Чистенькое в предгорном Крыму (Зайцев, Колтухов, 1997, с. 49–59; 2004, с. 242–259), грунтовые моги-

¹⁵ В статье ошибочно указан К. 53 (Сеника, 2011, с. 121), тогда как в действительности это К. 51 (Тельнов, Четвериков, Сеника, 2016, с. 315–319, рис. 174–176).

ла № 190 в Левадках II–I вв. до н. э. (Мульд, 2016, с. 309–312), могилы №№ 19, 21 и 23 II–I вв. до н. э. в Восточном некрополе Неаполя Скифского (Сымонович, 1983, с. 36–37; Зайцев, 2003, рис. 95, 1), склепы №№ 17 и 104 II–III вв. н. э. в Нейзаце. В последнем в склепе № 17, кроме двух одновременных захоронений коней во входной яме, в самой камере при мужском скелете найдены набор предметов конской сбруи. В склепе № 104 захоронение коня сопровождала собака (Храпунов, Мульд, 2004, с. 300–309).

Традиция устройства сопровождающих захоронения коней в отдельных ямах, расположенных рядом с захоронением хозяина, известная в курганах V–IV вв. до н. э., продолжалась здесь в позднескифских грунтовых могильниках. В мавзолее Неаполя скифского захоронения хозяев сопровождали 4 захоронения коней I в. до н. э., расположенные в два яруса. Одного коня сопровождало захоронение собаки (Шульц, 1953, с. 35; Погребова, 1961, с. 104, 128; Зайцев, 2001, с. 31–33). Парное погребение у центральных ворот Неаполя (т. н. «аланского военачальника») II в. н. э., по мнению Ю.П. Зайцева, сопровождали 5 захоронений коней в отдельных ямах, расположенных вокруг него. Непосредственно в погребении хозяина найдены 3 уздечных набора с многочисленными украшениями (Зайцев, 2007, с. 83–89, рис. 2; 5–9). В Усть-Альминском могильнике открыто 16 захоронений коней в отдельных ямах, сопровождавших захоронения хозяев в катакомбах I в. н. э. (Высотская, 1994, с. 49, 72–73; Loboda, Puzdrovskij, Zaicev, 2003, с. 346, Abb. 1; Puzdrovskij, Zaicev, 2005, с. 266, Abb. 1; Пуздровский, Труфанов, 2017, с. 88).

Наряду с захоронениями коней, сопровождавшими своих хозяев, во многих позднескифских грунтовых могильниках Крыма появились самостоятельные захоронения коней в отдельных ямах. Более 50 захоронений коней I–II вв. н. э. открыто в могильнике у с. Опушки (Храпунов, 2019, с. 589–592), 2 таких же II–III вв. н. э. открыто в могильнике Нейзац (Храпунов и др., 2004, с. 335–336). В грунтовом некрополе у городища Ак-Кая открыто 4 таких захоронения II–I вв. до н. э. (Зайцев, 2017, с. 125–126). По состоянию на 1977 г. в Усть-Альминском могильнике было открыто 12 самостоятельных захоронений коней в отдельных ямах I–II вв. н. э. Аналогичные захоронения коней по данным Т.Н. Высотской также известны в могильнике

Бельбек-II II–III вв. н. э. (Высотская, 1994, с. 49, 72–73, 90). Подобные конские захоронения открывались в Усть-Альминском могильнике и в последующие годы – 4 захоронения открыто в 2000–2003 гг. (Пуздровский, Труфанов, 2017, с. 88–89). В могильниках Битак захоронены 3 коня в отдельных ямах II в. до н. э. – I в. н. э. (Пуздровский, 2007, с. 31), Левадки – 2 коня II в. до н. э. – III в. н. э. (Пуздровский, 2007, с. 33) и 35 конских погребений I в. н. э. (Мульд, 2014, с. 291; Мульд, Кропотов, 2015, с. 118, 127), в Кольчугинском могильнике – 1 конь I в. до н. э. – I в. н. э. (Пуздровский, 2007, с. 35), Суворово – 2 коня I–III в. н. э. (Зайцев, 1997, с. 102–114; Пуздровский, 2007, с. 101), а также в Красной Заре (Пуздровский, 2007, с. 102). Известны самостоятельные конские захоронения и в могильниках Чернореченский (Мульд, 2014, с. 292), Алма-Кармен и др. В могильниках Опушки и Левадки открыты целые участки, занятые исключительно конскими могилами. В могильнике Опушки открыто более 50 конских захоронений I–II вв. н. э. (Храпунов, 2019, с. 589–592). В Левадках частично исследованы 2 участка, на которых сконцентрированы 12 и 21 самостоятельных конских захоронений в грунтовых ямах I в. н. э., расположенных вплотную друг к другу в 1 или 2 ряда (Мульд, 2014, с. 291–293).

По сводке С.А. Мульда на 2009 г. в могильниках Центрального Крыма Дружное, Кольчугино, Левадки, Нейзац и Опушки было открыто 74 захоронения коней. 13 коней размещались во входных ямах подбоев (7 случаев) и склепов (6 случаев). В двух последних для коней в длинных стенках входных ям были вырублены специальные ниши. 55 коней погребены в отдельных ямах, 6 коней – в отдельных ямах с подбоями. Что любопытно, в конских захоронениях в грунтовых ямах практиковалось их повторное использование. При этом предыдущий скелет коня разрушался. Датируются погребения I в. н. э. и III–IV вв. н. э. Раннюю группу погребений автор связал с поздними скифами, позднюю – с сарматами (Мульд, 2009, с. 300–302).

Также имеются случаи захоронения коней в ямах с двумя подбоями в противоположных стенках, когда в одном подбое помещено захоронение коня, а во втором размещено захоронение хозяина (Перевальное, Нейзац), или туша коня помещена в камеру склепа вместе с покойниками (Нейзац)¹⁶.

¹⁶ Информация Ю.П. Зайцева.

Известны также случаи помещения уздечных наборов во входные ямы или непосредственно в камеры вместо конских захоронений. Это вышеупомянутое погребение у центральных ворот Неаполя II в. н. э., где погребенных, в числе прочего инвентаря, сопровождали 3 уздечных набора с различными украшениями (Зайцев, 2007, с. 83–89, рис. 2; 5–9) и подбойная могила № 1 могильника у с. Опушки с деталями конской сбруи того же времени (Храпунов и др., 2004, с. 336). В К. 9 группы Чигирник некрополя Ак-Кая на дне входной ямы у входа в камеру был найден пластинчатый налобник с крючком и удила с крестовидной насадкой III–I вв. до н. э. (Зайцев, 2017, с. 126).

Итак, в отличие от всех остальных регионов Северного Причерноморья в скифской культуре Крыма обряд сопровождающих и самостоятельных захоронений коней существовал максимально долго. Особенно массовым и разнообразным он становится в позднескифский период. Как заметил Ю.П. Зайцев, сопровождающие и самостоятельные захоронения коней в позднескифских грунтовых могильниках Крыма – явление устойчивое, массовое и большого хронологического диапазона, – от III–II вв. до н. э. до III–IV вв. н. э.¹⁷ Столь массовое и многообразное распространение обычая захоронения коней в позднескифских могильниках Крыма выглядит очень необычным на фоне существующего представления о поздних скифах Крыма как о народе исключительно оседлом. Существует мнение, что возрастание количества захоронений коней в позднескифских могильниках Крыма связано с притоком в Северное Причерноморье новой волны восточных кочевников – сарматов (Храпунов,

Мульд, 2004, с. 299–313; Пуздровский 2007, с. 58; Мульд 2009, с. 302) или меото-сарматов Азиатского Боспора (Медведев 2015, с. 272; Антипенко, 2016, с. 95; 2017: 168). В то же время В.В. Кропотов полагает, что такая связь маловероятна, т. к. у самих сарматов на основной территории их расселения (в Северном Причерноморье, Волго-Донских степях и Южном Приуралье) данная традиция не известна¹⁸.

Заключение. Сопровождающие захоронения коней во входных ямах скифских катакомб в курганах и грунтовых могильниках являются надежным индикатором мужских погребений, а в случае с погребениями в катакомбе с двумя входными ямами – мужских подзахоронений. На протяжении 2-й пол. V – 1–3-й четв. IV вв. до н. э. такие захоронения известны преимущественно в Нижнем Поднепровье и лишь отчасти в Днепро-Дунайском междуречье.

В III–II вв. до н. э. такие погребения известны в основном в Нижнем Поднепровье и в значительно меньшем количестве в Крыму при полном отсутствии таковых в Нижнем Поднепровье. Позднее эта традиция сохранилась только в позднескифской культуре Крыма на протяжении периода от II–I вв. до н. э. до III–IV вв. до н. э. Особенно массовыми и разнообразными они становятся в I–IV вв. н. э. Ответ на вопрос, связано ли их резкое увеличение и многообразие с продолжением старых скифских традиций или объясняется сарматским или меото-сарматским влиянием, как полагают некоторые исследователи, – является темой отдельного исследования, поскольку процесс этот был весьма сложным и неоднозначным.

ЛИТЕРАТУРА

- Агульников С., Сава Е. Исследование курганов на левобережье Днестра. Кишинев: CEP USM, 2004. 243 с.
- Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э. К.: Наукова думка, 1991. 411 с.
- Алексеева И.Л., Булатович С.А. Два кургана на левобережье Днестровского лимана // Охранные историко-археологические исследования на юго-западе Украины / А.О. Добролюбовский. Одесса, Запорожье: Гортипোগрафия Одесского облполиграфиздата, 1990. С. 35–48.
- Алексеева И.Л., Охотников С.Б., Редина Е.Ф. Скифское погребение у г. Арциз // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимодействия античной и варварских культур (IV в. до н.э. – IV в. н.э.). Материалы полевого семинара (г. Тирасполь – с. Глиное 28–30 августа 1997 г.) / Отв. ред. Е.В. Яровой. Тирасполь: НИЛ «Археология» ПГУ, 1997. С. 48–55.

¹⁷ Личное сообщение. Авторы искренне признательны Ю.П. Зайцеву за исчерпывающую консультацию по конским захоронениям Крыма в позднескифский период.

¹⁸ Личное сообщение. Авторы искренне признательны В.В. Кропотову за постоянные консультации по позднескифской и сарматской проблематике Крыма.

Андрух С.В., Тоцев Г.Н. Могильник Мамай-гора. Книга I. Запорожье: Изд-во ЗГУ, 1999. 231 с.

Антипенко А.В. Типология псалий I-IV вв. н.э. (по материалам погребальных памятников Северного Причерноморья) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). Вып. XXI. 2016. С. 84–109.

Антипенко А.В. Погребения воинов-всадников, как маркер миграционных процессов (по материалам крымских погребальных памятников I-IV вв. н.э. // II Ялтинские научные чтения Крыма в истории России: прошлое и настоящее (Ялта, 18-19 апреля 2017 г.). / Отв. ред. Л.П. Нелина. Ялта: «Издательство Типография «Ариал» 2017. С. 165–170.

Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Ак-ташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. К.: Наукова думка, 1988. 219 с.

Бессонова С.С., Сиволап М.П. Погребение IV в. до н.э. у с. Нетеребка на Роси (об одном типе погребальных сооружений в Правобережной Лесостепи) // Феномен Більського городища: Збереження, дослідження та популяризація найбільшої в Європі пам'ятки доби раннього залізного віку. Збірник наукових праць та матеріалів наукової конференції / відп. ред. О.Б. Супруненко. Київ: Центр пам'яткознавства НАНУ, УТОПК, 2012. С. 51–53.

Бидзиля В.И., Болтрик Ю.В., Мозолевский Б.Н. Отчет о работе Северо-Рогачикской экспедиции Института археологии АН УССР за 1969–1970 гг. Часть 2. Исследование курганов группы Гаймановой могилы. Киев 1972 // НА ИА НАНУ, 1969-70/37а.

Бидзиля В.И., Болтрик Ю.В., Мозолевский Б.Н., Савовский И.П. Курганный могильник в урочище Носаки // Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки. К.: Наукова думка, 1977. С. 61–158.

Бидзиля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова Могила. К.: Издательский дом «Скиф», 2012. 814 с.

Бокий Н.М. Археологические работы на Кировоградщине в 1968 г. // АИНУ 1968. Вып. III. / Отв. ред. П.П. Толочко. К.: Наукова думка, 1971. С. 154–159.

Болтрик Ю.В., Фіалко Е.В. Скифские курганы на р. Ташенак в северо-западном Приазовье // Матеріали та дослідження з археології східної України. 2010. №10. С. 22–256.

Болтрик Ю.В., Фіалко Е.Е. Скифский курган с ранней уздой из Северо-западного Приазовья // Боспорские исследования. Т. XXIII. 2010. С. 104–132.

Болтрик Ю.В., Фіалко О.С. Дослідження скіфського "царського" кургану Ташенак // Археологічні дослідження в Україні 1990 р. / Відп. ред. С. Д. Крижицький. Київ: АН УРСР, Інститут археології, 1991. С. 7–9.

Болтрик Ю.В., Фіалко О.С. Кінь як складова поховальної церемонії скіфів // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Вип. XII. 2005. С. 236–254.

Болтрик Ю.В., Фіалко О.С. Огуз – курган скіфського царя кінця IV ст. до н.е. // Золото степу. Археологія України / Автори-упорядники: П.П. Толочко, В.Ю. Мурзін Київ, Шлезвіг: Вид-во Вахголтц, 1991. С. 178–180.

Браун Ф.А. Отчет о раскопках в Таврической губ. в 1898 г. // Известия ИАК. Вып.19. СПб., 1906. С. 81–116.

Бунятян К.П., Фіалко О.С. Скіфський курган з розмальованим саркофагом // Археологія. 2009. № 3. С. 55–69.

Вахтина М.Ю. Боспорская элита до эпохи Спартокидов // Элита Боспора Киммерийского: традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени / Отв. ред. В.Н. Зинько. / Боспорские исследования. Т. XXXIV. Керчь: ООО «Керченская городская типография», 2017. С. 25–111.

Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. К.: Киевская Академия Евробизнеса, 1994. 206 с.

Гребенников Ю.С. Киммерийцы и скифы Степного Побужья (IX–III вв. до н.э.). Николаев: ООО «Илион», 2008. 191 с.

Гудкова А.В. Раскопки курганов у с. Червоный Яр на Нижнем Подунавье // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Сб. науч. трудов / Отв. ред. О.П. Карышковский. Киев: Наукова думка, 1978. С. 182–193.

Гудкова А.В., Суничук Е.Ф. Полевой отчет курганного отряда Буджакской археологической экспедиции 1984 г. // НА ИА НАНУ. № 1984/3а.

Дараган М.Н. Литые метки на скифских наконечниках стрел, как хроноиндикаторы. Метка косая (диагональная) линия // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. (В печати).

Древности Геродотовой Скифии (ДГС II). Сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях. СПб: Типография Императорской Академии наук, 1872. Вып. II. 118 с. + Приложение. С. XVII–СXXXVII.

Евдокимов Г.Л., Генинг В.В., Куприй Н.М., Солтыс О.Б. Отчет о раскопках курганов Краснознаменной экспедицией в зоне строительства ОС Херсонской обл. в 1990 г. // НА ИА НАНУ, 1990/12.

Евдокимов Г.Л., Гершкович Я.П., Поруцкий А.Г. Отчет Краснознаменной экспедиции ИА АН УССР о раскопках курганов в Херсонской обл. в 1985 г. // НА ИА НАНУ, № 1985/2.

Евдокимов Г.Л., Гершкович Я.П., Фридман М.И., Поруцкий А.Г. Отчет Краснознаменной экспедиции о раскопках курганов в Херсонской обл. в 1983 г. // НА ИА НАНУ, № 1983/2.

Евдокимов Г.Л., Гершкович Я.П., Шевченко Н.П. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства оросительных систем в Херсонской области в 1986 г. НА ИА НАНУ, 1986/12.

Евдокимов Г.Л., Данилко Н.М., Могилов О.Д. Скифський курган з похованням коня на Херсонщині // Археологія. 2011. № 2. С. 103–109.

Загинайло А.Г., Черняков И.Т., Петренко В.Г. Каролино-Бугазский могильник // Новые исследования по археологии Северного Причерноморья / Отв. ред Т.Л. Самойлова. К.: Наукова думка, 1987. С. 99–108.

Зайцев Ю.П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 г. / Отв. ред. В.А. Кутайсов. Симферополь: Сонат, 1997. С. 102–116.

Зайцев Ю.П. Мавзолей царя Скилура: факты и комментарии // Поздние скифы Крыма / Труды ГИМ. Вып. 118. / Отв.ред. И.И. Гущина, Д.В. Журавлёв. М: ИПК «Желдориздат», 2001. С. 13–54.

Зайцев Ю.П. Неаполь Скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.) Симферополь: Универсум, 2003. 210 с.

Зайцев Ю.П. Крепость Ак-Кая в эпоху эллинизма // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований / Гл. ред. Ю.П. Зайцев. Симферополь: Изд-во «Тарпан», 2017. С. 121–131.

Зайцев Ю.П., Колтухов С.Г. Погребение воина эллинистического времени в Предгорном Крыму // Археология Крыма. 1997. Т. II, 2/97. С. 49–59.

Зайцев Ю.П., Колтухов С.Г. Погребение воина эллинистического времени у с. Чистенькое в Предгорном Крыму // Боспорские исследования. Т. 7. / гл. ред. А.И. Айбабин. Симферополь, 2004. С. 242–259.

Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Элитный некрополь 2 в. н.э. у центральных ворот Неаполя Скифского // Древняя Таврика. К 80-летию Т.Н. Высотской. Симферополь: Универсум, 2007. С. 81–108.

Зарайская Н.П., Привалов А.И. Скифские памятники Шевченковского могильника // Донецкий археологический сборник. Вып. 2. / Науч. ред. В.А. Посредников. Донецк: Аверс Ко ЛТД, 1992. С.118–159.

Ильинская В.А. Скифские курганы около г. Борисполя // СА. 1966. № 3. С. 152–171.

Ильинская В.А. Скифская узда IV в. до н.э. // Скифские древности / Отв. ред. А. И. Тереножкин. К.: Наукова думка, 1973. С. 42–63.

Клочко В.И., Скорый С.А. Курган Вакулина Могила // Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей) / Отв. ред. А.В.Гаврилов. Херсон: ХГТ, 1991. С. 99–110.

Ковалев Н.В. Новая находка узды фракийского типа // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Тезисы докладов республиканской конференции молодых ученых. Киев, апрель–1981. / Отв. ред. В.Ф. Генинг. К.: ИА АН УССР, 1981. С. 60–61.

Ковалева И.Ф., Мухопад С.Е., Шалобудов В.Н. Раскопки курганов в Днепровском Надпорожье // Проблемы археологии Поднепровья / Отв. ред. И.Ф. Ковалева. Днепрпетровск: Изд-во ДГУ, 1995. С. 4–35.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного Правобережья (Киево–Черкасский регион). К.: Наукова думка, 1989. 335 с.

Ковпаненко Г.Т., Яковенко Э.В. Скифские курганы на юге Херсонщины // Скифские древности / Отв. ред. А.И. Тереножкин. К.: Наукова думка, 1973. С. 253–265.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Батуревич Е.Ю. Нові кургани раннього залізного віку в Пороссі // Археологія. 1997. № 2. С. 91–106.

Колтухов С.Г. Основное погребение кургана Беш-Оба IV/2 // Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Т.Н. Высотской. Симферополь: Универсум, 2007. С. 193–206.

Колтухов С.Г. Скифы Крымского Присивашья в VII–IV вв. до н.э. Погребальные памятники / Материалы к археологической карте Крыма. Вып. X. Симферополь: Изд-во ЧП «Предприятие Феникс», 2012. 138 с.

Колтухов С.Г. Скифы Северо-западного Крыма в VII–IV вв. до н.э. (погребальные памятники) / Археологический альманах № 27. Донецк: Донбасс, 2012. 265 с.

Колтухов С.Г., Копьева Т.А. Скифский курган IV в. до н.э. на границе Степного и Предгорного Крыма // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Вип. XX. 2017. С. 294–303.

Круц С.И., Потехина И.Д., Шепель Е.А., Сегеда С.П., Назарова Т.А., Литвинова Л.В., Рудич Т.А. Палеоантропологический каталог коллекций Института археологии АН УССР // НА ИА НАНУ, №118. Пт. Киев, ИА АН УССР.

Кубышев А.И., Бессонова С.С., Ковалев Н.В. Братолюбовский курган. К.: ПП «КОРВИН ПРЕСС», 2009. 192 с. + 16 с. цв. вклейка.

Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Евдокимов Г.Л., Николова А.В., Полин С.В., Симоненко А.В., Чекамова Г.И., Ядвичук В.И. Отчет о работах Херсонской археологической экспедиции в 1976 г. // НА ИА НАНУ, № 1976/11.

Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Николова А.В., Полин С.В., Симоненко А.В., Битковский О.В. Отчет о работах Херсонской археологической экспедиции в 1977 г. // НА ИА НАНУ, № 1977/23.

Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Шилов Ю.А., Нечитайло А.Л., Куприй С.А., Шевченко Н.П., Толкачев Ю.И., Амирханов А.Ш., Абикулова М.И., Былкова В.П. Отчет о работах Херсонской археологической экспедиции в зоне строительства Каховской оросительной системы в Херсонской и Запорожской обл. в 1983 г. // НА ИА НАНУ, № 1983/26.

Кубышев А.И., Ядвичук В.И., Иванов А.И., Николова А.В., Чекамова Г.И., Симоненко А.В. Отчет о работе Херсонской археологической экспедиции ИА АН УССР в 1975 г. // НА ИА НАНУ, №1975/5.

Либеров П.Д. Хронология памятников Поднепровья скифского времени // Вопросы скифо-сарматской археологии / Под ред. Н.Я. Мерперт. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 132–168.

Литвинова Л.В. Антропологический материал из могильника Мамай-гора // Андрух С.В., Тошев Г.Н. Могильник Мамай-гора. Кн. 1. Запорожье: Изд-во ЗГУ, 1999. С. 188–209.

Манцевич А.П. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. Л.: ЛО «Искусство», 1987. 143 с.

Медведев А.П. О погребениях с конями в античном некрополе Фанагории // Античный мир и археология. 2015. XVII. С. 272–288.

Мелюкова А.И. Краснокутский курган. М.: Наука, 1981. 112 с.

Могилев А.Д. Спорядження коня скіфської доби у лісостепу Східної Європи. Київ – Кам'янець-Подільський: ПП Мошинський В.С., 2008. 439 с.

Могилев О.Д., Бокій Н.М. Поховання скіфського вершника на р. Синюха // Археологія. 2016. № 3. С. 76–88.

Мозолевский Б.Н. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности / Отв. ред. А. И. Тереножкин. К.: Наукова думка, 1973. С. 187–234.

Мозолевский Б.Н. Фракийская узда из Хоминой Могилы // Фрако-скифские культурные связи / Studia Thracica, 1. / под ред. Ал. Фола, Л. Огненовой-Мариновой София: Изд-во Болгарской АН, 1975. С. 166–179.

Мозолевский Б.Н. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972–1975 гг.) // Скифия и Кавказ / Отв. ред. А. И. Тереножкин. К.: Наукова думка, 1980. С. 70–154.

Мозолевский Б.Н. Скифский царский курган Желтокаменка // Древности степной Скифии / Отв. ред. А.И. Тереножкин. К.: Наукова думка, 1982. С. 179–222.

Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса (Бабина, Водяна и Соболева могилы). К.: Стило, 2005. 599 с.

Мозолевський Б.М. Товста Могила. К.: Наукова думка, 1979. 248 с.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М.-Саратов: «Киммериды», Изд-во СГУ, 2003. 351 с.

Мульд С.А. Конские погребения из могильников варварского населения Крыма первых веков нашей эры // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Боспорские чтения. Вып. X. / Ред.-сост.: В.Н. Зинько. Керчь: НАНУ, 2009. С. 300–302.

Мульд С.А. Погребения коней из могильника Левадки в Центральном Крыму // Боспорские чтения. Вып. XV. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Керчь, 2014. С. 291–293.

Мульд С.А. Склеп уникальной формы из могильника Левадки // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Боспорские чтения. Вып. XVII / Ред.-сост.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2016. С. 309–312.

Мульд С.А., Кропотов В.В. Позднескифский могильник Левадки в Центральном Крыму (II в. до н.э. – III в. н.э.) // УАВ. Вып. 15. Уфа: Гилем, 2015. С. 117–130.

Мурзин В.Ю., Бунятян Е.П., Махортых С.В., Николова А.В., Полин С.В. Отчет о работе Чертомлыкской экспедиции в 1984 г. // НА ИА НАНУ, №1984/33.

Мурзин В.Ю., Ролле Р., Полин С.В., Николова А.В., Махортых С.В. Отчет о работе Чертомлыкской экспедиции в 1985 г. // НА ИА НАНУ, №1985/24.

Нечитайло А.Л., Бунятян Е.П. Курганная группа близ с. Чкалово // Курганы степного Крыма / Отв. ред. В. Н. Корпусова. К.: Наукова думка, 1984. С. 6–40.

Никитин В., Черненко Е. Скифский курган в Николаеве // АИНУ 1965-1966. Вып. I. / Отв. ред. П.П. Толочко. К.: Наукова думка, 1967. С. 109–110.

ОАК за 1909 и 1910. СПб, 1913.

ОАК за 1865. СПб. 1866.

ОАК за 1867. СПб, 1868.

ОАК за 1868. СПб, 1870.

ОАК за 1911. СПб, 1914.

Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М.: Наука, 1991. 256 с.

Островерхов А.С., Редина Е.Ф. Скифские древности // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной академии наук Украины) / Отв. ред. И.В. Бруяко, Т.Л. Самойлова. Одесса: СМІЛ, 2013. С. 374–418.

Отрощенко В.В., Болдин Я.И., Белов А.Ф., Ляшко С.Н., Пустовалов С.Ж., Рассамкин Ю.Я., Савовский И.П., Тихомолова И.Р. Отчет Запорожской экспедиции ИА АН УССР за 1978 г. // НА ИА НАНУ, 1978/3.

Отрощенко В.В., Бессонова С.С., Болтрик Ю.В. Отчет Запорожской экспедиции ИА АН УССР за 1976 г. // НА ИА НАНУ, №1976/6.

Отрощенко В.В., Болдин Я.И., Жигулина Л.Н., Ковалев Н.В., Савовский И.П., Салий Н.Г. Отчет о раскопках Белозерского отряда ЗПЭ в 1979 г. // НА ИА НАНУ, №1979/4а.

Отрощенко В.В., Рассамкин Ю.Я. До таємниць Геродотової Скіфії // Наука і культура. 1985. Вип. 19. С. 240–246.

Очир-Горяева М.А. Древние всадники степей Евразии. М.: ТАУС, 2012. 470 с.

Петренко В.Г. Правобережье среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. / САИ. Вып. Д 1–4. М.: Наука, 1967. 175 с.

Петренко В.Г., Елагина Н.Г. Отчет об археологических раскопках, произведенных Ингулецкой скифско-степной экспедицией в 1968 г. // НА ИА НАНУ, № 1968/54.

Пиоро В.И., Самойленко Л.Г. Находки древнегреческих амфор в скифских курганах Днепропетровщины // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї / Ред.-сост. А.А. Паршина Київ: Стилос, 2001. С. 26–42.

Плешивенко А.Г. Исследования скифских курганов в Днепровском Надпорожье // ДСПК. Вып. 2. / Под ред. Г.Н. Тошева, Г.И. Шаповалова, Б.Д. Михайлова. Запорожье: ЗГУ, 1991. С. 143–152.

Плешивенко А.Г. Курганы села Малокатериновка. Запорожье: Запорожский областной краеведческий музей, 1996. 163 с.

Погребова Н.Н. Погребения в мавзолее Неаполя скифского // МИА. № 96. М–Л: Наука, 1961. С. 103–213.

Полидович Ю.Б. Конь и конская узда в системе погребальной обрядности народов юга Восточной Европы предскифского и скифского времени // Контекст. Подтекст. Сборник статей в честь М.Н. Погребовой / Отв. ред. Колганова Г.Ю. М: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 157–227.

Полин С.В. Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н.э. на Херсонщине. К.: ФООП «Видавець Олег Філюк», 2014. 774 с.

Полин С.В., Алексеев А.Ю. Скифский царский Александропольский курган IV в. до н.э. в Нижнем Поднепровье. К., Берлин: «Видавець Олег Філюк», 2018. 928 с.

Полин С.В., Дараган М.Н. Отчет Орджоникидзевской экспедиции ИА НАНУ об исследованиях курганов у г. Покров (бывш. г. Орджоникидзе) на территории Пригородного (бывш. Менжинского) с/с Никопольского р-на в зоне перспективного развития Северного карьера Покровского (бывш. Орджоникидзевского) ГОКа Днепропетровской обл. в 2018 г. // НА ИА НАНУ.

Полин С.В., Дараган М.Н. Бронзовые крестовидные ворварки как хроноиндикатор скифских погребений Северного Причерноморья второй – третьей четверти IV в. до н.э. // АДГУ. 2019. Вип. 2(31). С. 173–186.

Полин С.В. Кубышев А.И. Скифские курганы Утлюкского междуречья. Киев: Типография ФПУ, 1997. 87 с.

Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: «Бизнес-Информ», 2007. 480 с.

Пуздровский А.Е., Труфанов А.А. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2000-2003 гг. Симферополь, М.: Типография ИП Зуева Т.В., 2017. 298 с.

Ромашко В.А., Скорый С.А. Близнец-2: скифский аристократический курган в Днепровском правобережном Надпорожье. Днепрпетровск: «Пороги», 2009. 251 с.

Руденко С.И. Культура населения горного Алтая в скифское время. М-Л: Изд-во АН СССР, 1953. 400 с. + СХХ илл.

Савченко Е.И. Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону, как археологический источник // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004-2008 гг. / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2009. С. 221–326.

Секерская Е.П. Анализ остатков лошадей из курганов скифской знати // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. 1992. Вип. 3. С. 187–191.

Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея // МИА. № 69. 1959. С. 3–107.

Синика В.С. К вопросу о семантике конских погребений на скифском могильнике III–II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра // АДГУ. 2011. Вип. 5. С. 119–124.

Скорый С., Хохоровский Я. Большой Рыжановский курган. К.: ФООП «Видавець Олег Філюк», 2018. 431 с.

Скорый С.А. Стеблев: скифский могильник в Поросье. К.: Тип. ФПУ, 1997. 173 с.

Соколова О.Ю., Павличенко Н.А., Каспаров А.К. Новые находки на территории Нимфейского некрополя // Nurboreus. Vol. 5.2. 1999. С. 326–340.

Спицын А.А. Серогозские курганы // Известия археологической комиссии. Вип. 19. 1906. С. 157–174.

Спицын А.А. Раскопки, произведенные в 1897 г. близ д. Башмачки Екатеринославского уезда // Известия ИАК. 1901. Вип. 1. С. 69–79.

Степанова Е.В. Эволюция конского снаряжения и относительная хронология памятников пазырыкской культуры // Археологические вести. Вип. 13 / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 102–150.

Степанова Е.В. Эволюция подпружных застезек по материалам курганов Алтая скифского времени // Снаряжение кочевников Евразии / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2005. С. 109–115.

Субботин Л.В., Острроверхов А.С., Охотников С.Б., Редина Е.Ф. Скифские древности Днестро-Дунайского междуречья. Препринт. Киев, 1992. 48 с.

Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства. К.: Наукова думка, 1983. 172 с.

Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. Скифский могильник III–II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра (предварительные итоги исследования) // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. / Отв. ред. Н. П. Тельнов, В. С. Синика. Тирасполь: Изд-во «Stratum plus» Р.Р., 2012. С. 5–15.

Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н. Скифский курганный могильник Гайманово поле (раскопки 1968 г.) // Скифы и сарматы / Отв. ред. А.И. Тереножкин. К.: Наукова думка, 1977. С. 152–199.

Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Черненко Е.В., Мозолевский Б.Н. Скифские курганы Никопольщины // Скифские древности / Отв. ред. А.И. Тереножкин. К.: Наукова Думка, 1973. С. 113–186.

Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. К.: Наукова думка, 1988. 262 с.

Толстиков В.П. Конское захоронение на верхнем плато акрополя Пантикапея // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Вып. XII / Под ред. В.Н. Зинько. Керчь: Militaria, 2011. С. 365–368.

Фиалко Е.Е. Погребальный комплекс кургана Огуз // Древности скифов / Отв. ред. Е.В. Черненко. К.: Наукова думка, 1994. С. 122–144.

Фиалко Е.Е. Фракийская узда из кургана Огуз // РА. 1995. №1. С. 133–147.

Храпунов И.Н. Некоторые итоги и перспективы исследований варварских памятников римского времени в Предгорном Крыму (на примере могильника Опушки) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. Боспорские чтения. Вып. XX / Ред.-сост.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь, Керчь: ИП Кифниди Г.И., 2019. С. 589–592.

Храпунов И.Н., Власов В.П., Мульд С.А., Стоянова А.А. Новые исследования могильников римского времени в Центральном Крыму // Археологічні відкриття в Україні в 2002-2003 рр. Київ: Наукова думка, 2004. С. 335–336.

Храпунов И.Н., Мульд С.А. Склепы с погребениями III в. н.э. из могильника Нейзац // БИ. 2004. Вып. VII. С. 299–326.

Чередниченко Н.Н., Болдин Я.И. Скифские курганы у с. Владимировка // Курганы юга Днепропетровщины / Отв. ред. Н.Н. Чередниченко. К.: Наукова думка, 1977. С. 125–150.

Чередниченко Н.Н., Болдин Я.И., Бунятян Е.П., Гошко Т.Ю., Зубарь В.М., Иванова Н., Козловский А.А., Пустовалов С.Ж., Рассемакин Ю.Я. Отчет Верхне-Тарасовской экспедиции о раскопках курганов в 1976 г. // НА ИА НАНУ, № 1976/2.

Черненко Е.В. Скифские курганы на Никопольщине // Записки Одесского археологического общества. Т. II. Одесса, 1967. С. 179–191.

Черненко Е.В., Бессонова С.С., Болтрик Ю.В., Полин С.В., Скорый С.А., Бокий Н.М., Гребенников Ю.С. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. К.: Наукова думка, 1986. 367 с.

Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Ключинцев В.Н., Елисеев В.Ф. Отчет о работе Николаевской экспедиции за 1984 г. // НА ИА НАНУ, №1984/9.

Шилов В.П. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. // СА. 1961. №1. С. 150–168.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I. Раннескифское время. Барнаул: Азбука, 2008. 276 с.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье. Ч. II (VI–III вв. до н.э.). Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. 322 с.

Шульга П.И., Колтухов С.Г. Дмитрово-2. Предгорный курган с «коллективным» погребением раннего железного века // Археология античного и средневекового города / Отв. ред. В. В. Майкою Севастополь, Калининград: ООО «Издательский дом «РОСТ-ДООАФК», 2018. С. 308–318.

Шульц П.Н. Мавзолей Неаполя скифского. М: Искусство, 1953. 88 с. + XXXIII табл.

Яковенко Е.В. Скифы Східного Криму в V-III ст. до н.е. К.: Наукова думка, 1974. 150 с.

Boltrik Ju. V., Fialko E.E. Der Oguz-Kurgan. Die Grabanlage eines Skythenkonigs der Zeit nach Ateas // Hamburger Beitrage zur Archaologie. Band 18. 1991. Beitrage zur Archaologie im nordlichen Schwarzmeerraum. Mainz, 1996. S.107–129, Taf.7–15.

Loboda I.I., Puzdrovskij A.E., Zaicev J.P. Prunkbestattungen des 1. Jh. n. Chr. in der Necropole Ust'-Al'ma auf der Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1996 // Eurasia antiqua. B.8. 2002. Berlin, 2003. S. 295–346.

Puzdrovskij A.E., Zaicev J.P. Prunkbestattungen des 1. Jh. n. Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma, Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1999. // Eurasia antiqua. B.10. 2004. Berlin, 2005. S.229–267.

Информация об авторах:

Дараган Марина Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии НАН Украины (Киев, Украина); darmar@ukr.net

Полин Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии НАН Украины (Киев, Украина); polin-arheo@ukr.net

REFERENCES

- Agul'nikov, S., Sava, E. 2004. *Issledovanie kurganov na levoberezh'e Dnestra (Study of Burial Mounds on the Left Bank of the Dniester)*. Kishinev: CEP USM Publ (in Russian).
- Alekseev, A. Yu., Murzin, V. Yu., Rolle R. 1991. *Chertomlyk. Skifskii tsarskii kurgan IV v. do n.e. (Chertomlyk. Scythian Tsar's Barrow of the 4th century BC.)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Alekseeva, I. L., Bulatovich, S. A. 1990. In Dobrolyuvskii, A. O. (ed.). *Okhrannye istoriko-arkheologicheskie issledovaniia na yugo-zapade (Protective Historical and Archaeological Studies in the South-West of Ukraine)*. Odessa: Zaporozh'e, 35–48 (in Russian).
- Alekseeva, I. L., Okhotnikov, S. B., Redina, E. F. 1997. In Yarovoi, E. V. (ed.). *Choburskii arkheologicheskii kompleks i voprosy vzaimodeistviia antichnoi i varvarskikh kul'tur (Chobruch Archaeological Complex and the Issues of Interaction between Ancient and Barbaric Cultures (4th century BC - 4th century AD))*. Tiraspol: PSU named after T.G. Shevchenko, 48–55 (in Russian).
- Andruk, S. I., Toshchev, G. N. 1999. *Mogil'nik mamai-gora (Mamai-Gora Burial Ground)*. 1. Zaporozh'e: Zaporizhzhya National University Publ. (in Russian).
- Antipenko, A. V. 2017. In Nelina, L. P. (ed.). *II Yaltinskii nauchnye chteniia Kryma v istorii Rossii: proshloe i nastoiashchee (Yalta, 18-19 aprelia, 2017 g.) (2nd Yalta Scientific Readings on Crimea in the Russian History: Past and Present (Yalta, April 18th-19th, 2017))*. Yalta: "Ariol" Publ., 165–170 (in Russian).
- Antipenko, A. V. 2016. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (21). 84–109 (in Russian).
- Bessonova, S. S., Bunyatyan, E. P., Gavrilyuk, N. A. 1988. *Ak-tashskii mogil'nik skifskogo vremeni v Vostochnom Krymu (Ak-Tash Burial Ground of the Scythian Period in Eastern Crimea)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Bessonova, S. S., Sivolap, M. P. 2012. In Suprunenko, O. B. (ed.). *Fenomen Bil's'kogo gorodishcha: zberezhennia, doslidzhennia ta populiarizatsiia naibil'shoi v Evrope pam'iatki naukovoii konferentsii (Phenomenon of the Belskoe Fortified Settlement: Preservation, Continued Promotion and Popularization of the Most Significant Monument in Europe of the Early Iron Age. Collection of Scientific Papers and Proceedings of Scientific Conferences)*. Kiev: National Academy of Sciences of Ukraine, 51–53 (in Russian).
- Bidzilya, V. I., Boltrik, Yu. V., Mozolevskii, B. N. 1972. *Otchet o rabote Severo-Rogachikskoi ekspeditsii Instituta arkheologii AN USSR za 1969–1970 gg. Chast' 2. Issledovaniia kurganov grupy Gaimanovoq mogily (Report on the Activity of the Severo-Rogachikskaya Expedition of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR in 1969-1970. Part 2. Study of the Mounds of Gaimanova Grave Group)*. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1979-70/37a (in Russian).
- Bidzilya, V. I., Boltrik, Yu. V., Mozolevskii, B. N., Savovskii, I. P. 1977. In Bidzilya, V. I. (ed.). *Kurgannye mogil'niki Riasnye Mogily i Nosaki (Ryasnye Mogily and Nosaki Burial Mounds)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 61–158 (in Russian).
- Bidzilya, V. I., Polin, S.V. 2012. *Skifskij tsarskii kurgan Gaimanova Mogila (Scythian Tsar's Barrow of Gaimanova Mogila)*. Kiev: "Skif" Publ. (in Russian).
- Bokii, N. M. 1971. In Tolochko, P. P. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia na Ukraine v 1968 g. (Archaeological Studies in Ukraine in 1968.)* 3. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 154–159 (in Russian).
- Boltrik, Yu., V., Fialko, E. V. 2010. In *Materiali ta doslidzhennia z arheologii shidnoi Ukraini (Materials and Researches in the Archaeology of Eastern Ukraine)* 10, 22–256 (in Russian).
- Boltrik, Yu., V., Fialko, E. E. 2010. In *Bosporskie issledovaniia (Bosporan Studies)* XXIII, 104–132 (in Russian).
- Boltrik, Yu., V., Fialko, O. E. 1991. In Krizhitsky, S. D. (ed.). *Arkheologichni doslidzhenni v Ukraini 1990 r. (Archaeological Researches in Ukraine 1990.)*. Kiev: Institute of archaeology, Academy of Sciences of Ukraine, 7–9 (in Ukrainian).
- Boltrik, Yu., V., Fialko, O. E. 2005. In *Starozhitnosti stepovogo Prichornomor'ia i Krymu (Antiquities of Steppe Black Sea Region and Crimea)* 12, 236–254 (in Ukrainian).
- Boltrik, Yu., V., Fialko, O. E. 2005. In Tolochko, P. P., Murzin, V. Yu. (comp.). *Zoloto stepu. Arkheologiiia Ukrainu (Gold of the Steppe. Archaeology of Ukraine)*. Kiev; Schleswig: "Vahgoltc" Publ., 236–254 (in Ukrainian).

Braun, F. A. 1906. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 19. Saint Petersburg, 81–116 (in Russian).

Bunyatyan, K. P., Fialko, O. E. 2009. In *Arkheologiiia (Archaeology)* 3, 55–69 (in Ukrainian).

Vakhtina, M. Yu. 2017. In Zin'ko, V. N. (ed.). *Elita Bospora Kimmeriiskogo: traditsii i innovatsii v aristokraticheskoi kul'ture dorimskogo vremeni (Elite of the Cimmerian Bosporus: Traditions and Innovations in the Aristocratic Culture of the Pre-Roman Period)*. Series: Bosporskie issledovaniia (Bosporan Studies) XXXIV. Kerch: Kerchenskaia gorodskaia tipografiia Publ., 25–111 (in Russian).

Vysotskaya, T. N. 1994. *Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol'(Ust-Alma Fortified Settlement and Necropolis)*. Kiev: Akademiia Evrobiznesa Publ. (in Russian).

Grebennikov, Yu. S. 2008. *Kimmeriitsy i skify Stepnogo Pobuzh'ia (IX – III vv.do.n.e.) (The Cimmerians and Scythians of the Steppe Bug Region (9th - 3rd cc. BC))*. Nikolaev: "Ilion" Publ. (in Russian).

Gudkova, A. V. 1978. In Karyshkovskii, O. P. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Archaeological Studies of the North-Western Black Sea Region)*. Kiev: "Naukova dumka", 182–193 (in Russian).

Gudkova, A. V., Sunichuk, E. F. 1984. *Polevoi otchet kurgana otriada Budzhakskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Field report of the Barrow Group of the Budzhak Archaeological Expedition)*. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1984/3a (in Russian).

Daragan, M. N. (in print). In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ia (Materials on the Archaeology and History of the Ancient and Medieval Northern Black Sea Region)* (in Russian).

1872. *Drevnosti Gerodotovoii Skifii (DGS II). Sbornik opisaniia arkheologicheskikh raskopok i nakhodok v Chernomorskikh stepiakh (Antiquities of Herodotus Scythia. Collection of Descriptions of Archaeological Excavations and Finds from the Black Sea Steppes)*. II Saint Petersburg: The Imperial Academy of Sciences Publ. (in Russian).

Evdokimov, G. L., Gening, V. V., Kupriy, N. M., Soltys, O. B. 1990. *Otchet o raskopkakh kurganov Krasnoznamenskoii ekspeditsiei v zone stroitel'stva OSKhersonskoi oblasti v 1990 g. (Report on the Excavations of Burial Mounds by the Krasnoznamenskaya Expedition in the Construction Area of Irrigation Systems in the Kherson Region in 1990)*. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1990/12 (in Russian).

Evdokimov, G. L., Gershkovich, Ya. P., Porotsky, A. G. 1985. *Otchet Krasnoznamenskoii ekspeditsiei Instituta arkheologii AN USSR o raskopkakh kurganov v Khersonskoi oblasti v 1985 g. (Report of the Krasnoznamenskaya Expedition of the IA of the AS of the Ukrainian SSR on the Excavation of Burial Mounds in the Kherson Region in 1985)*. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1985/2 (in Russian).

Evdokimov, G. L., Gershkovich, Ya. P., Fridman, M. I., Porotsky, A. G. 1983. *Otchet Krasnoznamenskoii ekspeditsiei Instituta arkheologii AN USSR o raskopkakh kurganov v Khersonskoi oblasti v 1983 g. (Report of the Krasnoznamenskaya Expedition of the IA of the AS of the Ukrainian SSR on the Excavation of Burial Mounds in the Kherson Region in 1983)*. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1983/2 (in Russian).

Evdokimov, G. L., Gershkovich, Ya. P., Shevchenko, N. P. 1986. *Otchet o raskopkakh kurganov v zone stroitel'stva orositel'noi sistemy Khersonskoi oblasti v 1986 g. (Report on the Excavations of Burial Mounds in the Construction Area of Irrigation Systems in the Kherson Region in 1986)*. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1986/12 (in Russian).

Evdokimov, G. L., Danilko, N. M., Mogilov, O. D. 2011. In *Arkheologiiia (Archaeology)* 2, 103–109 (in Ukrainian).

Zaginailo, A. G., Chernyakov, I. T., Petrenko, V. G. 1987. In Samoilo, T. L. (ed.). *Novye issledovaniia po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (New Studies on the Archaeology of the Northern Black Sea Region)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 99–108 (in Russian).

Zaitsev, Yu. P. 1997. In Kutaisov, V. A. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu (Archaeological Studies in the Crimea)*. Simferopol: "Sonat" Publ., 102–116 (in Russian).

Zaitsev, Yu. P. 2002. In Gushchina, I. I., Zhuravlev, D. V. (eds.). *Pozdnie skify Kryma. Pamiati N.A. Bogdanovoi (The Late Scythians in the Crimea)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 118. Moscow: State Historical Museum, 13–54 (in Russian).

Zaitsev, Yu. P. 2003. *(Neapol' Skifskii (II v. do n.e. – III v. n.e.)) (Scythian Naples (2nd century BC - 3rd century AD))*. Simferopol: "Universum" Publ. (in Russian).

Zaitsev, Yu. P. 2017. In Zaitsev, Yu. P. (ed.-in-chief). *Krym v epokhu ellinizma. Mezkul'turnye processy po dannym noveishikh arkhelogicheskikh issledovaniy (Crimea in the Hellenistic Period. Intercultural Processes on the Basis of the Latest Archaeological Studies)*. Simferopol: "Tarpan" Publ., 121–131 (in Russian).

Zaitsev, Yu. P., Koltukhov, S. G. 1997. In Aibabin, A. I. (ed.). *Arkheologiya Kryma (Archaeology of Crimea)* II (2/97), 49–59 (in Russian).

Zaitsev, Yu. P., Koltukhov, S. G. 2004. In Aibabin, A. I. (ed.). *Bosporskie issledovaniia (Bosporan Studies)* 7. Simferopol, 242–259 (in Russian).

Zaitsev, Yu. P., Mordvintseva, V. I. 2007. In *Drevniaia Tavrika. Posviashchsaetsia 80-letiyu T.N. Vysotskoi (Ancient Tavrika. Dedicated to the 80th Anniversary of T.N. Vysotskaya)* Simferopol: "Univercum" Publ., 81–108 (in Russian).

Zaraiskaia, N.P., Privalo, A. I. 1992. In Posrednikov, V. A. (ed.). *Donetskii arkhelogicheskii sbornik (Donetsk Archaeological Collection)* 2. Donetsk: "Avers Co LTD" Publ., 118–159 (in Russian).

Il'inskaya, V. A. 1966. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 152–171 (in Russian).

Il'inskaya, V. A. 1973. In Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifskie drevnosti (Scythian Antiquities)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 42–63 (in Russian).

Kovalev, N. V. 1981. In Geninf, V. F. (ed.). *Aktual'nye problemy arkhelogicheskikh issledovaniy v Ukrainskoi SSR (Current Issues of Archaeological Studies in the Ukrainian SSR)*. Kiev: Institute of archaeology, Academy of Sciences of the Ukrainian SSR, 60–61 (in Russian).

Kovaleva, I. F., Mukhopad, S. E., Shalobudov, V. N. 1995. In Kovaleva, I. F. (ed.). *Problemy arkhelogii Podneprov'ia (Archaeological Issues of the Dnieper Region)*. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State university, 4–35 (in Russian).

Kovpatenko, G. T., Bessonova, S. S., Baturevich, E. Yu. 1997. In *Arkheologiya (Archaeology)* 2, 91–106 (In Ukrainian).

Kovpanenko, G. T., Bessonova, S. S., Skoryi, S. A. 1989. *Pamiatniki skifskoi epokhi Dneprovskogo lesostepnogo Pravoberezh'ia (Kievo-Cherkasskii region) (Monuments of the Scythian Period in the Forest-Steppe Right-Bank Dnieper (Kiev-Cherkasy Region)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Kovpanenko, G. T., Yakovenko, E. V. 1973. In Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifskie drevnosti (Scythian Antiquities)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 253–265 (in Russian).

Koltukhov, S. G. 2007. In *Drevniaia Tavrika. Posviashchsaetsia 80-letiyu T.N. Vysotskoi (Ancient Tavrika. Dedicated to the 80th Anniversary of T.N. Vysotskaya)* Simferopol: "Univercum" Publ., 193–206 (in Russian).

Koltukhov, S. G. 2012. *Skify Severo-zapadnogo Kryma v VII–IV vv. do n.e. (pogrebal'nye pamiatniki) Scythians of the North-Western Crimea in the 7th-4th centuries BC (Funerary Monuments)*. *Drevniaia i srednevekovaia Tavrika (Ancient and Medieval Tauris)*. Series: *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* 27. Donetsk: "Donbass" Publ. (in Russian).

Koltukhov, S. G. 2012. *Skify Krymskogo Prisivash'ia v VII–IV vv. do n.e. Pogrebal'nye pamiatniki (Scythians of Crimean Prisivash'e's region in 7th - 4th cent. B.C. burial mounds)* Series: *Materialy k arkhelogicheskoi karte Kryma (Materials for the archaeological map of Crimea)* 10. Simferopol: "Predpriatie Feniks" Publ. (in Russian).

Koltukhov, S. G., Kop'eva, T. A. 2017. In *Starozhitnosti stepovogo Prichornomor'ia i Krymu (Antiquities of Steppe Black Sea Region and Crimea)* 20, 294–303 (in Russian).

Kolchko, V. I., Skory, S. A. 1991. In Gavrillov, A. V. (ed.). *Problemy arkhelogii Severnogo Prichernomor'ia (k 100-letiiu osnovaniia Khersonskogo museia drevnostei (Issues of the Archaeology of the Northern Black Sea Region (Dedicated to the 100th Anniversary of the Formation of the Kherson Museum of Antiquities)*. Kherson, 99–110 (in Russian).

Kruts, S. I., Potekhina, I. D., Shepel, E. A., Segeda, S. P., Nazarova, T. A., Litvinova, L. V., Rudich, T. A. *Paleoantropologicheskii katalog kollektsii Instituta arkhelogii AN USSR (Paleoanthropological Catalog of Collections of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR)* Research Archive of the Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 118 (in Russian).

Kubyshev, A. I., Bessonova, S. S., Kovalev, N. V. 2009. *Bratolyubovskii kurgan (Bratolyubovsky Mound)*. Kiev: "KORVIN PRESS" Publ. (in Russian).

Kubyshev, A. I., Dorofeev, V. V., Evdokimov, G. L., Nikolaeva, A. V., Polin, S. V., Simonenko, A. V., Chekamova, G. I., Yadvichuk, V. I. 1976. *Otchet o rabotakh Khersonskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii v 1976 godu (Report on the Activities of the Kherson Archaeological Expedition in 1976)*. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1976/11 (in Russian).

Kubyshev, A. I., Dorofeev, V. V., Nikolaeva, A. V., Polin, S. V., Simonenko, A. V., Bitkovskii, O. V. 1977. *Otchet o rabotakh Khersonskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 1976 godu (Report on the Activities of the Kherson Archaeological Expedition in 1977)*. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1977/23 (in Russian).

Kubyshev, A. I., Dorofeev, V. V., Shilov, Yu. A., Nechitailo, A. L., Kupry, S. A., Shevchenko, N. P., Tolkachev, Yu. I., Amirkhanov, A. Sh., Abikulova, M. I., Bylkova, V. P. 1983. *Otchet o rabotakh Khersonskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v zone stroitel'stva Kakhovskoi orositel'noi sistemy v Khersonskoi i Zaporozhskoi jlastiakh v 1983 godu (Report on the Activities of the Kherson Archaeological Expedition in the Construction Area of the Kakhovka Irrigation System in Kherson and Zaporozhye Regions in 1983.)*. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1983/26. (in Russian).

Kubyshev, A. I., Yadvichuk, V. I., Ivanov, A. I., Nikolaeva, A. V., Chekamova, G. I., Simonenko, A. V. 1975. *Otchet o rabote Khersonskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Instituta arkheologii AN USSSR v 1975 godu (Report on the Activities of the Kherson Archaeological Expedition of the IA of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR in 1975)*. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1975/5 (in Russian).

Liberov, P.D. 1954. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Voprosy skifo-sarmatskoj arheologii (Issues of Scythian-Sarmatian Archaeology)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Litvinova, L. V. 1991. In Andrukh, S. V., Toshchev, G. N. *Mogil'nik mamai-gora (Mamai-Gora Burial Ground)* 1. Zaporozhye: Zaporozhye State University, 188–209 (in Russian).

Mantskevich, A. P. 1987. *Kurgan Solokha. Publikatsiia odnoi kollektzii (Solokha Mound. Publication of a Single Collection)*. Leningrad: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).

Medvedeva, A. P. 2015. *Antichnyi mir i arkheologiya (Ancient World and Archaeology)* 17, 227–288 (in Russian).

Meliukova, A. I. 1981. *Krasnokutskii kurgan (Krasnokutsky Barrow)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mogilov, A. D. 2008. *Sporiadzhennia konia skifs'koi dobi u lisostepu Skhidnoi Evropi (Scythian Horse Equipment in the Forest-Steppe Area of Eastern Europe)*. Kiev – Kamianets-Podil'skyi (in Ukrainian).

Mogilov, O. D., Boki, N. M. 2016. In *Arkheologiya (Archaeology)* 3, 76–88 (in Ukrainian).

Mozolevsky, B. N. 1980. In Terenozhkin, A.I. (ed.). *Skifiia i Kavkaz (Scythia and the Caucasus)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 70–154 (in Russian).

Mozolevskii, B. N. 1973. In Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifskie drevnosti (Scythian Antiquities)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 187–234 (in Russian).

Mozolevskii, B. N. 1982. In Terenozhkin, A. I. (ed.). *Drevnosti stepnoi Skifii (Antiquities of Steppe Scythia)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 187–234 (in Russian).

Mozolevskii, B. N. 1975. In Fol, A., Ognenova-Marinova, L. (eds.). *Frako-skifskie kul'turnie svyazi (Thraco-Scythian Cultural Relations)*. Series: Studia Thracica 1. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 1–14 (in Russian).

Mozolevskii, B. N., Polin, S. V. 2005. *Kurgany skifskogo Gerrosa (Babina, Vodiana i Soboleva mogily) (Mounds of the Scythian Gerros (Babina, Vodian and Soboleva Mogilas)*. Kiev: "Stilos" Publ. (in Russian).

Mozolevskii, B. N. 1979. *Tovsts Mogila (Tovsta Mogila)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).

Monakhov, S. Yu. 2003. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologiya amfor vedushchikh tsenrov-eksporterov tovarov v keramicheskoi tare (Greek Amphoras in the Black Sea Region. Typology of the Amphorae of the Leading Exporting Centers for Goods in Ceramic Containers)*. Moscow; Saratov: "Kimmerida" Publ., Saratov State University (in Russian).

Muld, S. A. 2009. In Zin'ko, V. N. (ed.). *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Aktual'nye problem. Bosporskie chteniya (Cimmerian Bosporus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Current Issues. Bosporan Readings)* X. Kerch: National Academy of Sciences of Ukraine, 309–312 (in Russian).

Muld, S. A. 2014. In Zin'ko, V. N., Zin'ko, E. A. (eds.). *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Aktual'nye problem. Bosporskie chteniya (Cimmerian Bosporus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Current Issues. Bosporan Readings)* XV. Kerch; Simferopol: V.I. Vernadsky Crimean Federal University, 309–312 (in Russian).

Muld, S. A. 2016. In Zin'ko, V. N., Zin'ko, E. A. (eds.). *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Issledovateli i issledovaniia. Bosporskie chteniya (Cimmerian Bosporus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Researchers and Studies. Bosporan Readings)* XVII. Simferopol: V.I. Vernadsky Crimean Federal University, 309–312 (in Russian).

- Muld, S. A., Kropotov, V. V. 2015. In *Ufimskii arkhеologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 15. Ufa: "Gilem" Publ., 117–130 (in Russian).
- Murzin, V. Yu., Bunyatyan, E. P., Makhortykh, S. V., Nikolaeva, A. V., Polin, S. V. 1984. *Otchet o rabote Chertomlykskoi ekspeditsii v 1984 g. (Report on the Activity of Chertomlyk Expedition in 1984)*. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1984/33 (in Russian).
- Murzin, V. Yu., Rolle, R., Polin, S. V. Nikolaeva, A. V., Makhortykh, S. V. 1985. *Otchet o rabote Chertomlykskoi ekspeditsii v 1985 g. (Report on the Activity of Chertomlyk Expedition in 1985)*. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1985/24 (in Russian).
- Nechitailo, A. L., Bunyatyan, E. P. 1984. In Korpusova, V. N. (ed.). *Kurgany stepnogo Kryma (Mounds of the Steppe Crimea)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 6–40 (in Russian).
- Nikitin, B., Chernenko, E. 1967. In Tolochko, P. P. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia na Ukrainе v 1965-1966 g. (Archaeological Studies in Ukraine in 1965-1966)* 1. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 109–110 (in Russian).
- Ol'khovskiy, V. S. 1991. *Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' naseleniya stepnoy Skifii (VII–III vv. do n.e.) (Burial and Commemorative Rites of the Population of Steppe Scythia (7th – 3rd Centuries B.C.))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Ostroverkhov, A. S., Redina, E. F. 2013. In Bruiako, I. V., Samoilova, T. L. (eds.). *Drevnie kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (k 95-letiiu Natsional'noi akademii nauk Ukrainy) (Ancient Cultures of the North-Western Pontic (dedicated to the 95th Anniversary of the National Academy of Sciences of Ukraine))*. Odessa: "SMIL" Publ., 374–418 (in Russian).
- Otroshchenko, V. V., Boldin, Ya. I., Belov, A. F., Lyashko, S. N., Pustovalov, S. Zh., Rassamakin, Yu. Ya., Savovsky, I. P., Tikhomolova, I. R. 1978. *Otchet Zaporozhskoi ekspeditsii Instituta arkheologii An USSSP za 1978 g. (Report of the Zaporozhye Expedition of the IA of the AS of Ukrainian SSR for 1978)*. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1978/3 (in Ukrainian).
- Otroshchenko, V. V., Besspnova, S. S., Boltrik, Yu. V. 1976. *Otchet Zaporozhskoi ekspeditsii Instituta arkheologii An USSSP za 1976 g. (Report on Archaeological Excavations near Mayaki Village of the Slavyansky District of the Donetsk Region.)*. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1976/6 (in Russian).
- Otroshchenko, V. V., Boldin, Ya. I., Zhigulina, L. N., Kovalev, N. V., Savovsky, I. P., Saliy, N. G. 1979. *Otchet o raskopkakh Belozerskogo otriada Zaporozhskoi ekspeditsii v 1979 g. (Report on the Excavations by the Belozersk Group of ZPE in 1979)*. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1979/4a (in Russian).
- Otroshchenko, V. V., Rassamakin, Yu. Ya. 1985. In *Nauka i kul'tura (Science and Culture)* 19, 240–246 (in Ukrainian).
1913. *Otchet Arkheologicheskoi komissii za 1909 i 1910 g. (Report of the Archaeological Commission from 1909 and 1910)*. Saint Petersburg (in Russian).
1866. *Otchet Arkheologicheskoi komissii za 1865 g. (Report of the Archaeological Commission from 1865)*. Saint Petersburg (in Russian).
1868. *Otchet Arkheologicheskoi komissii za 1868 g. (Report of the Archaeological Commission from 1868)*. Saint Petersburg (in Russian).
1870. *Otchet Arkheologicheskoi komissii za 1868 g. (Report of the Archaeological Commission from 1868)*. Saint Petersburg (in Russian).
1914. *Otchet Arkheologicheskoi komissii za 1911 g. (Report of the Archaeological Commission from 1911)*. Saint Petersburg (in Russian).
- Ochir-Goriaeva, M. A. 2012. *Drevnie vsadniki stepei Evrazii (Ancient horsemen of the Eurasian steppes)*. Moscow: "Taus" Publ. (in Russian).
- Puzdrovskii, A. E. 2007. *Krymskaia Skifiia II v. do n. e. — III v. n. e. Pogrebal'nye pamiatniki (Crimean Scythia of the 2nd Century BC — 3rd Century AD. Funerary Sites)*. Simferopol: "Biznes-Inform" Publ. (in Russian).
- Petrenko, V. G. 1967. *Pravoberezh'e srednego Pridneprov'ia v V–III vv. do n.e. (The Right Bank of the Middle Dnieper Region in the 5th-3rd cc. BC.)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1-4. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Petrenko, V. G., Elagina, N. G. 1968. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh, proizvedennykh Inguletskoi skifsko-stepnoi ekspeditsiei v 1968 g. (Report on Archaeological Excavations by the Ingulets Scythian-Steppe Expedition in 1968)*. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1968/54 (in Russian).

Pioro, V. I., Samoilenko, L. G. In Parshina, A. A. (ed.). *Morska torgivlia v Pivnichnomy Prichornomor' (Maritime Trade in the Northern Black Sea Region)*. Kiev: "Stilos" Publ. (in Russian).

Pleshivenko, A. G. 1991. In Toshchev, G. N., Shapovalov, G. I., Mikhailov, B. D. (eds.). *Drevnosti stepnogo Prichernomor'ia i Kryma (Antiquities of the Steppe Black Sea Region and Crimea) 2*. Zaporozh'e: Zaporizhzhya State University, 143–152 (in Russian).

Pleshivenko, A. G. 1996. *Kurgany sela Malokaterinovka (Mounds of Malokaterinovka Village)* Zaporozh'e: Zaporozhskii oblastnoi kraevedcheskii muzei Publ. (in Russian).

Pogrebova, N. N. 1961. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 96*. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 103–213 (in Russian).

Polidovich, Yu. B. 2013. In Kolganova, G. Yu. (ed.). *Kontekst. Podtekst. Sbornik statei v chest' M.N. Pogrebovoi (Context. Connotation. Collection of Papers Dedicated to M.N. Pogrebova)*. Moscow: Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 157–227 (in Russian).

Polin, S. V., 2014. *Skifskii Zolotobalkovskii mogil'nik V – IV vv. do n.e. (Zolotobalkovsky Scythian Burial Mound of the 5th – 4th centuries BC in Kherson Region)*. Kiev: "Vidavets Oleg Filyuk" Publ. (in Russian).

Polin, S. V., Alekseev, A. Yu. 2018. *Skifskii tsarskii Aleksandrovskii kurgan IV v.do n.e. v Nizhnem Podneprov'e (Scythian royal Alexandropol mound of the IV century BC in the Lower Dnieper region)*. Kiev, Berlin (in Russian).

Polin, S. V., Daragan, M. N. 2018. *Otchet Ordzhonikidzevskoi ekspeditsii IA NANU ob issledovaniakh kurganov u g. Pokrov (byvsh. g. Ordzhonikidze) na territorii Prigorodnogo (byvsh. Menzhinskogo) s/s Nikopol'skogo r-na v zone perspektivnogo razvitiia Severnogo kar'era Pokrovskogo (byvsh. Ordzhonikidzevskogo) GOKa Dnepropetrovskoi obl. v 2018 g (Report of the Ordzhonikidze Expedition of the IA of NASU on the Exploration of the Mounds near of Pokrov (Formerly Ordzhonikidze) in the territory of Prigorodnoye (Formerly Menzhinsky) village of Nikopol District in the Perspective Development Area of the Northern Quarry of Pokrovsky (Formerly Ordzhonikidzevsky) MPP of Dnepropetrovsk Region in 2018)*. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).

Polin, S. V., Daragan, M. N. 2019. In *Arkheologiia i davnia istoriia Ukraïni (Archaeology and Ancient History of Ukraine) 2 (31)*, 173–186 (in Russian).

Puzdrovskii, A. E., Trufanov, A. A. 2017. *Polevye issledovaniia Ust'-Al'minskogo nekropolia v 2000-2003 gg. (Field Studies of the Ust-Alminsky Necropolis in 2000-2003)*. Simferopol, Moscow: Tipografiia IP Zueva T.V. Publ. (in Russian).

Romashko, V. A., Skoryi, S. A. 2009. *Bliznets-2: skifskii aristokraticeskii kurgan v Dneprovskom pravoberezhnom Nadporozh'e (Bliznets-2: Scythian Aristocratic Barrow in the Right-Bank Dnieper Nadporozhye)*. Dnepropetrovsk: "Porogi" Pub. (in Russian).

Rudenko, S. I. 1953. *Kul'tura naseleniia gornogo Altaia v skifskoe vremia (The Culture of the Mountainous Altai Population in the Scythian Period)*. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ. (in Russian).

Skorii, S., Khokhorovskii, Ya. 2018. *Bol'shoi Ryzhanovskii kurgan (Bolshoi Ryzhanovsky Barrow)*. Kiev: FOP "Vidavets' Oleg Filiuk" Publ. (in Russian).

Skorii, S. A., 1997. *Steblev: skifskii mogilnik v Poros'e (Steblev: Scythian Burial Ground in Porosye)*. Kiev: FPU Publ. (in Russian).

Savchenko, E. I. 2009. In Gulyaev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: Trudy Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 2004–2008 gg. (Archaeology of the Middle Don Region in the Scythian Epoch: Proceedings of the Don Archaeological Expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2004–2008)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 221–326 (in Russian).

Sekerskaya, E. P. 1992. In *Starozhitnosti stepnogo Prichornomor'ia i Krymu (Antiquities of Steppe Black Sea Region and Crimea) 3*, 187–191 (in Russian).

Silant'eva, L. F. 1959. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in Archaeology USSR) 69*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 3–107 (in Russian).

Sinika, V. S. 2011. In *Arkheologiia i davnia istoriia Ukraïni (Archaeology and Ancient History of Ukraine) 5*, 119–124 (in Russian).

- Symonovich, E. A. 1983. *Naselenie stolitsy pozdneskifskogo tsarstva (Population of the capital of the Late Scythian Kingdom)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Sokolova, O. Yu., Pavlichenko, N. A., Kasparov, A. K. 1999. In *Hyperboreus*. (5.2), 326–340 (in Russian).
- Spitsyn, A. A. 1906. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 19. Saint Petersburg, 157–174 (in Russian).
- Spitsyn, A. A. 1901. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 11. Saint Petersburg, 69–79 (in Russian).
- Stepanova, E. V. 2016. In Derevyanko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Altay v krugu evraziiskih drevnostei (Altay in the circle of Eurasian antiquities)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography Publ., 306–336 (in Russian).
- Stepanova, E. V. 2005. In Tishkin, A. A. (ed.). *Snariazhenie kochevnikov Evrazii (Equipment of Eurasian Nomads)*. Barnaul: Altai State University, 109–115 (in Russian).
- Subbotin, L. V., Ostroverkhov, A. S., Okhotnikov, S. B., Redina, E. F. 1992. *Skifskie drevnosti Dnestro-Dunaiskogo mezhdurech'ia (Scythian Antiquities of the Dniester-Danube Interfluve)*. Kiev (in Russian).
- Tel'nov, N. P., Chetverikov, I. A., Sinika, V. S. 2012. In Tel'nov, N. P., Sinika, V. S. (eds.). *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ia III–II vv. do n.e. (Antiquities of North Pontic Area in the 3rd-2nd centuries BC)*. Tiraspol. Stratum plus" Publ., 5–15 (in Russian).
- Terenzhkin, A. I., Il'inskaya, V. A., Mozolevskii, B. N. 1977. In Terenzhkin, A. I. (ed.). *Skify i sarmaty (Scythians and Sarmatians)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 152–199 (in Russian).
- Terenzhkin, A. I., Il'inskaya, V. A., Chernenko, E. V., Mozolevskii, B. N. 1973. In Terenzhkin, A. I. (ed.). *Skifskie drevnosti (Scythian Antiquities)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 113–186 (in Russian).
- Terenzhkin, A. I., Mozolevskii, B. N. 1988. *Melitopol'skii kurgan (Melitopol Barrow)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Tolstikov, V. P. 2011. In Zin'ko, V. N. (ed.). *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Vzaimodeistvie kul'tur. Bosporskie chteniya (Cimmerian Bosporus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Interactions between Cultures. Bosporan Readings)* XII. Kerch: "Militaria" Publ., 356–368 (in Russian).
- Fialko, E. E. 1994. In Chernenko, E. V. (ed.). *Drevnosti skifov (Antiquities of the Scythians)*. Kiev: "Naukova dumka", 122–144 (in Russian).
- Fialko, E. E. 1995. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 133–147 (in Russian).
- Khrapunov, I. N. 2019. In Zin'ko, V. N., Zin'ko, E. A. (eds.). *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Osnovnye itogi i perspektivy issledovaniia. Bosporskie chteniya (Cimmerian Bosporus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Main Study Results and Prospects. Bosporan Readings)* XX. Simferopol, Kerch: "IP Kifnidi G.I. Publ." Publ., 589–592 (in Russian).
- Khrapunov, I. N., Vlasov, V. P., Muld, S. A., Stoyanova, A. A. 2004. In *Arkheologichni vidkrittia v Ukraini 1999–2000 rr. (Archaeological Discoveries in Ukraine)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 335–336 (in Russian).
- Khrapunov, I. N., Muld, S. A., 2004. In *Bosporskie issledovaniia (Bosporan Studies)* VII., 279–288 (in Russian).
- Chernenko, E. V. 1967. *Zapiski Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of Odessa Archaeological Society)* 2. Odessa, 179–191 (in Russian).
- Cherednichenko, N. N., Boldin, Ya. I. 1977. In Cherednichenko, N. N. (ed.). *Kurgany iuga Dnepropetrovshchiny (Mounds of the Southern Dnipropetrovsk Region)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 125–150 (in Russian).
- Cherednichenko, N. N., Boldin, Ya. I., Bunyatyan, e. p., Gishko, T. Yu., Zubar, V. M., Ivanova, N., Kozlovsky, A. A., Pustovalov, S. Zh., Rassamakin, Yu. Ya. 1976. *Otchet Verkhne-Tarasovskoi ekspeditsii o raskopkakh kurganov v 1976 g. (Report of the Verkhne-Tarasov Expedition on the Excavation of Burial Mounds in 1976.)*. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1966/80. (in Ukrainian).
- Chernenko, E. V., Bessonova, S. S., Boltrik, Yu. V., Polin, S. V. 1986. *Skifskie pogrebal'nye pamiatniki stepy Severnogo Prichernomor'ia (Scythian Burial Monuments in the Steppes of the Northern Black Sea Region)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Shaposhnikova, O. G., Fomenko, V. N., Klyushintsev, V. N., Eliseev, V. F. 1984. *Otchet o rabote Nikolaevskoi ekspeditsii za 1984 g. (Report on the Activity of the Nikolaevskaya Expedition for 1984)*. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1984/9 (in Russian).

Shilov, V. P. 1961. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 150–168 (in Russian).

Shul'ga, P. I. 2015. *Snariazhenie verkhovoi loshadi v Gornom Altae i Verkhnem Priob'e. Ch. II (VI–III vv. do n.e.). (Saddle Horse Gear in Mountain Altai and Upper Ob Area. Part II (6th – 3rd centuries B.C.))*. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ. (in Russian).

Shul'ga, P. I. 2008. *Snariazhenie verkhovoi loshadi i voinskie poiasa na Altae. Ch. I. Ranneskijskoe vremia (Equipment of the Saddle Horse and Warrior Belts in Altai Part I. Early Scythian period)*. Barnaul: “Azbuka” Publ. (in Russian).

Shul'ga, P. I., Koltukhov, S. G. 2018. In Mayko, V. V. (ed.). *Arkheologiya antichnogo i srednevekovogo goroda (Archaeology of the Ancient and Medieval Town)*. Sevastopol, Kaliningrad, 308–318 (in Russian).

Shults, P. N. 1953. *Mavzolei Neapolia skifskogo (Mausoleum of Scythian Naples)*. Moscow: “Iskusstvo” Publ. (in Russian)

Yakovenko, E. V. 1974. *Skifi Shidnogo Krimu v V–III st. do n.e. (The Scythians of Eastern Crimea in the 5th–3rd cc. BC.)* Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Ukrainian).

Boltrik, Ju. V., Fialko, E.E. 1996. In *Hamburger Beitrage zur Archaologie*. Band 18. 1991. Beitrage zur Archaologie im nordlichen Schwarzmeerraum. Mainz, 107–129, Taf. 7–15.

Loboda, I. I., Puzdrovskij, A. E., Zaicev, J. P. 2002. In *Eurasia antiqua*. B.8, 295–346.

Puzdrovskij A.E., Zaicev J.P. 2005. In *Eurasia antiqua*. B.10. 2004, 229–267 (in German).

About the Authors:

Daragan Marina N., Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine; Geroyiv Stalingrada av. 12, Kiev, 04210, Ukraine; darmar@ukr.net

Polin Sergey V. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine; Geroyiv Stalingrada av. 12, Kiev, 04210, Ukraine; polin-arheo@ukr.net

Статья поступила в журнал 01.08.2020 г.
Статья принята к публикации 01.09.2020 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

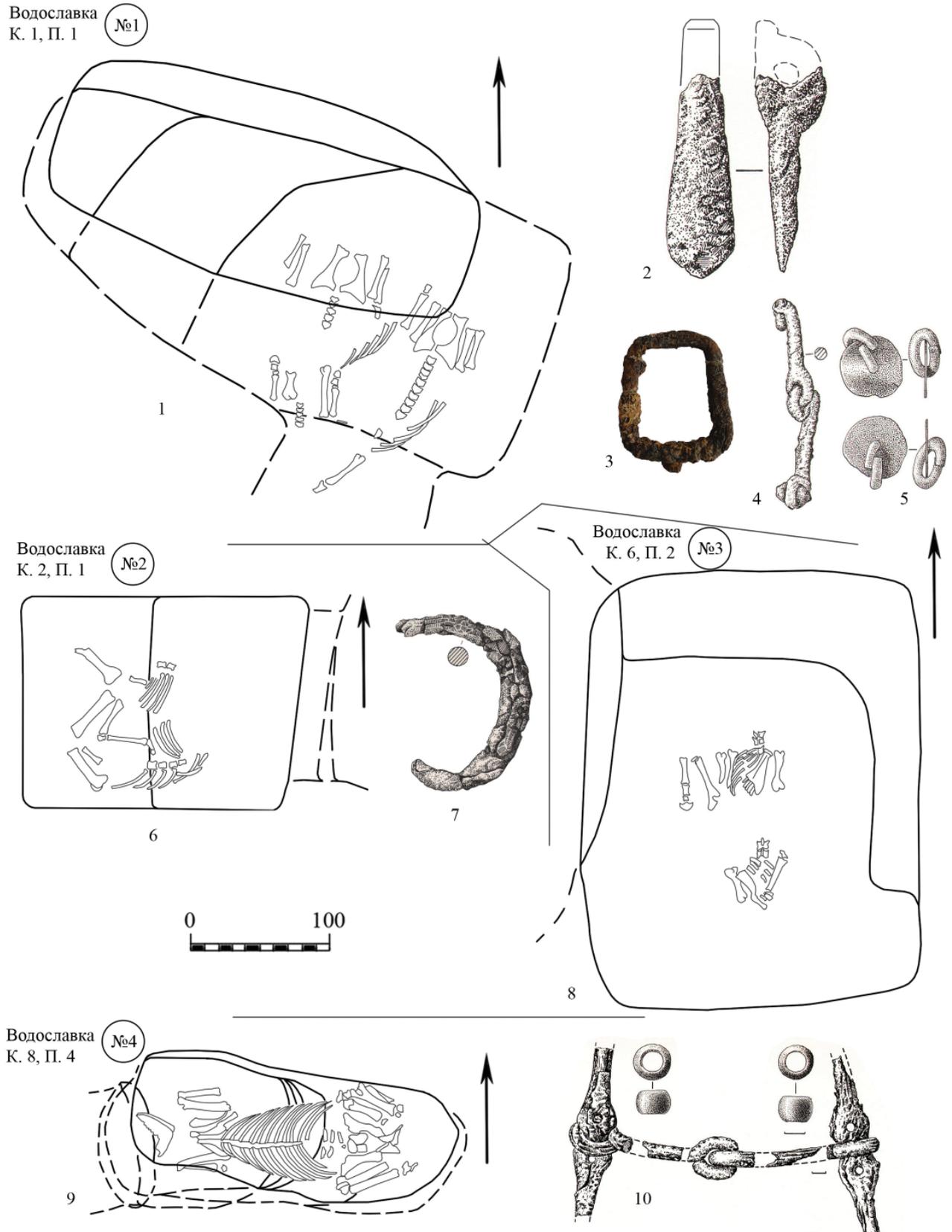

Рис. 1. Сопровождающие захоронения коней во входных ямах катакомб: 1-5 – Водославка К. 1 П. 1; 6-7 – Водославка К. 2 П. 1; 8 – Водославка К. 6 П. 2; 9-10 – Водославка К. 8 П. 4.

Fig. 1. Accompanying horse burials in the entrance pits of the catacombs: 1-5 – Vodoslavka barrow 1 burial 1; 6-7 – Vodoslavka barrow 2 burial 1; 8 – Vodoslavka barrow 6 burial 2; 9-10 – Vodoslavka barrow 8 burial 4.

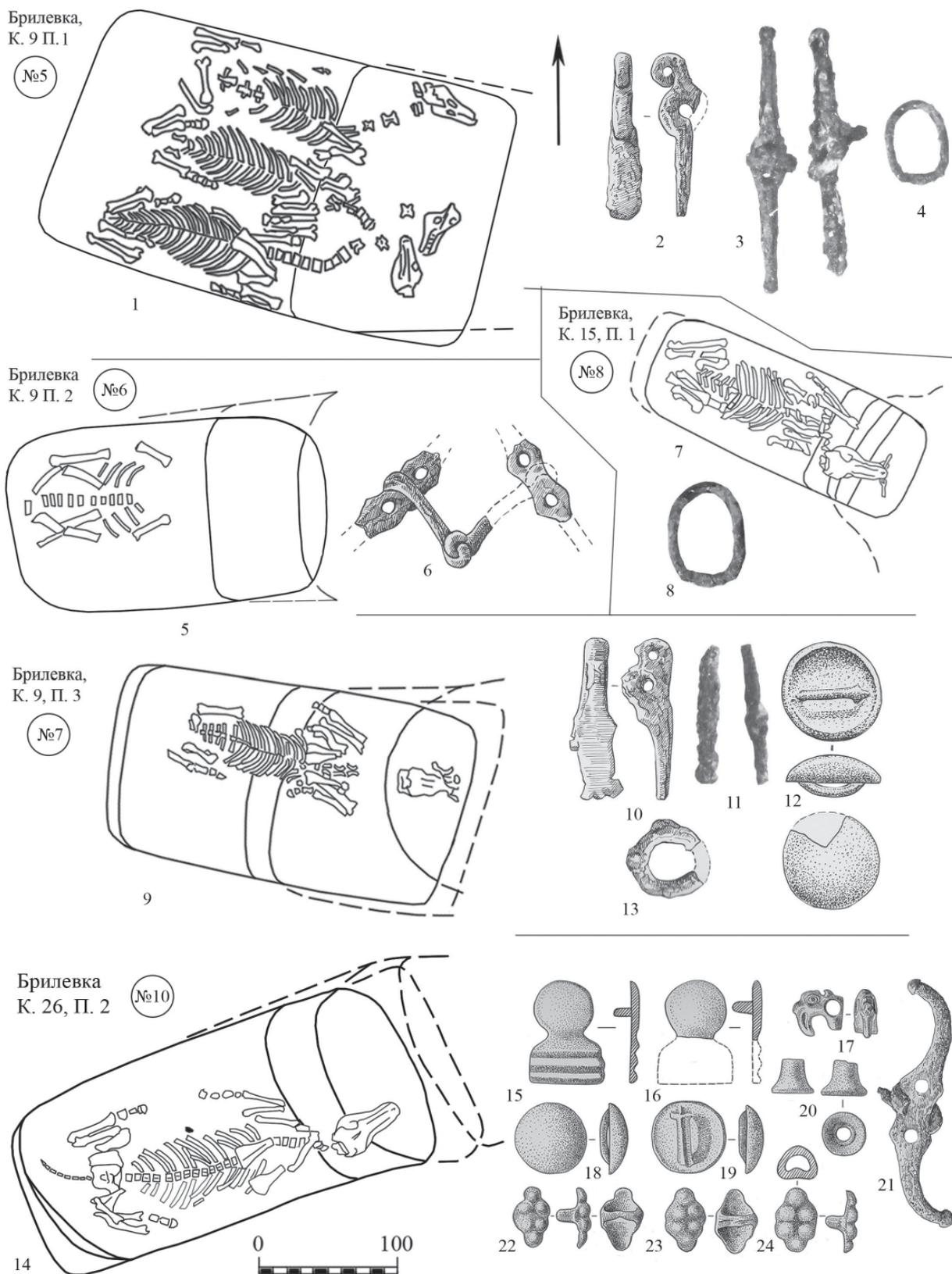

Рис. 2. Сопровождающие захоронения коней во входных ямах катакомб: 1-4 – Брилевка К. 9 П. 1; 5-6 – Брилевка К. 9 П. 2; 7-8 – Брилевка К. 15 П. 1; 9-13 – Брилевка К. 9 П. 3; 14-24 – Брилевка К. 26 П. 2.

Fig. 2. Accompanying horse burials in the entrance pits of the catacombs: 1-4 – Brilevka barrow 9 burial 1; 5-6 – Brilevka barrow 9 burial 2; 7-8 – Brilevka barrow 15 burial 1; 9-13 – Brilevka barrow 9 burial 3; 14-24 – Brilevka barrow 26 burial 2.

Рис. 3. Сопровождающие захоронения коней во входных ямах катакомб:

1-3 – Федоровка К. 1; 4-35 – Огуз, Северная Могила.

Fig. 3. Accompanying horse burials in the entrance pits of the catacombs:

1-3 – Fedorovka barrow 1; 4-35 – Oguz, Severnaya Mogila.

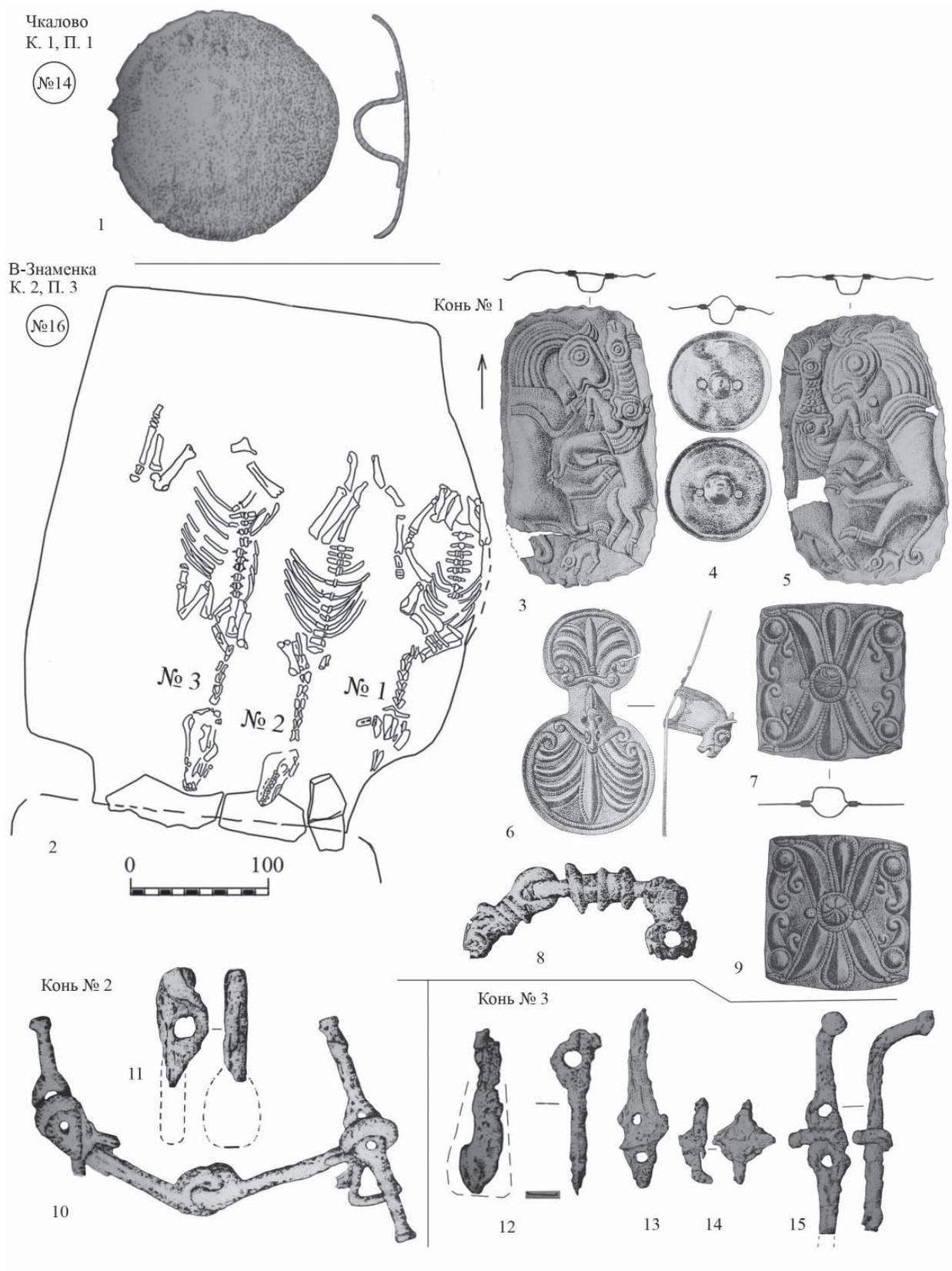

Рис. 4. Сопровождающие захоронения коней во входных ямах катакомб:
 1 – Чкалово К. 1 П. 1; 2-15 – Великая Знаменка К. 2 П. 3.

Fig. 4. Accompanying horse burials in the entrance pits of the catacombs:
 1 – Chkalovo barrow 1 burial 1; 2-15 – Velikaya Znamenka barrow 2 burial 3.

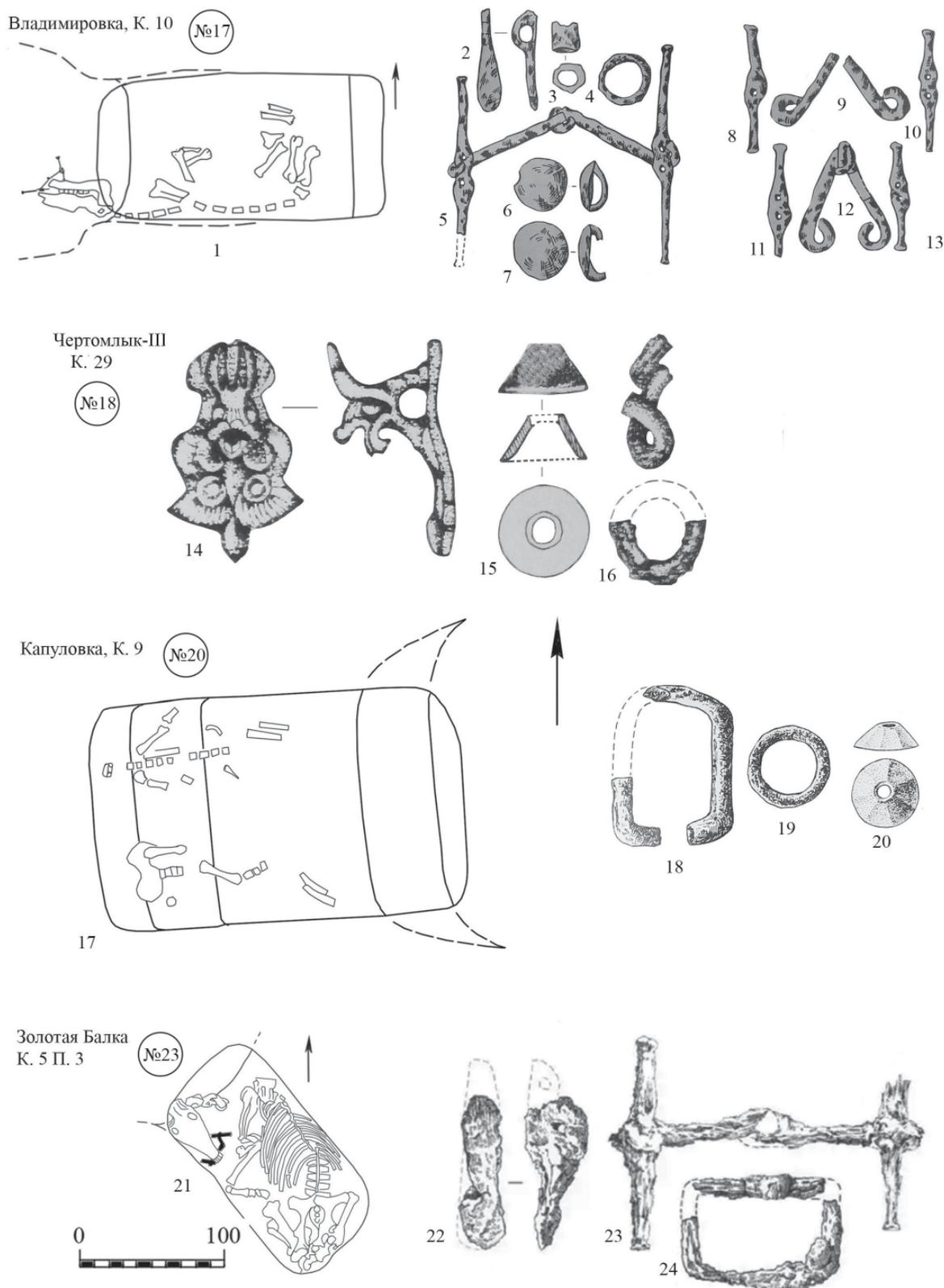

Рис. 5. Сопровождающие захоронения коней во входных ямах катакомб: 1-13 – Владимировка К. 10 П. 1; 14-16 – Чертomлык-III К. 29; 17-20 – Капуловка К. 9; 21-24 – золотая Балка К. 5 П. 3.

Fig. 5. Accompanying horse burials in the entrance pits of the catacombs: 1-13 – Vladimirovka barrow 10 burial 1; 14-16 – Chertomlyk-III barrow 29; 17-20 – Kapulovka barrow 9; 21-24 – Zolotaya Balka barrow 5 burial 3.

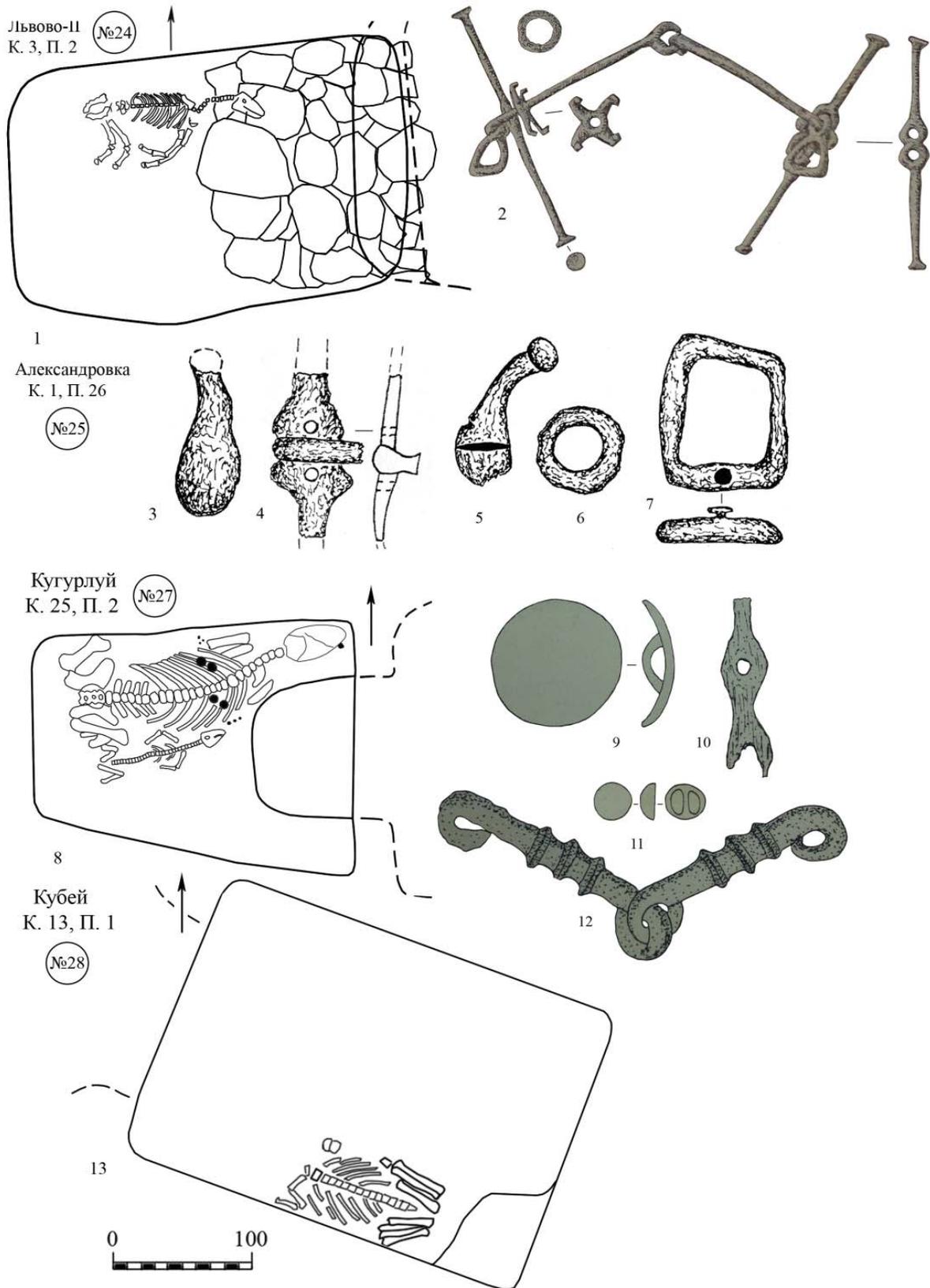

Рис. 6. Сопровождающие захоронения коней во входных ямах катакомб: 1-2 – Львово-II К. 3 П. 2; 3-7 – Александровка К. 1 П. 26; 8-12 – Кугурлуй К. 25 П. 2; 13 – Кубей К. 13 П. 1.

Fig. 6. Accompanying horse burial in the entrance pits of the catacombs: 1-2 – Lvovo-II barrow 3 burial 2; 3-7 – Alexandrovka barrow 1 burial 26; 8-12 – Kugurluy barrow 25 burial 2; 13 – Kubey barrow 13 burial 1.

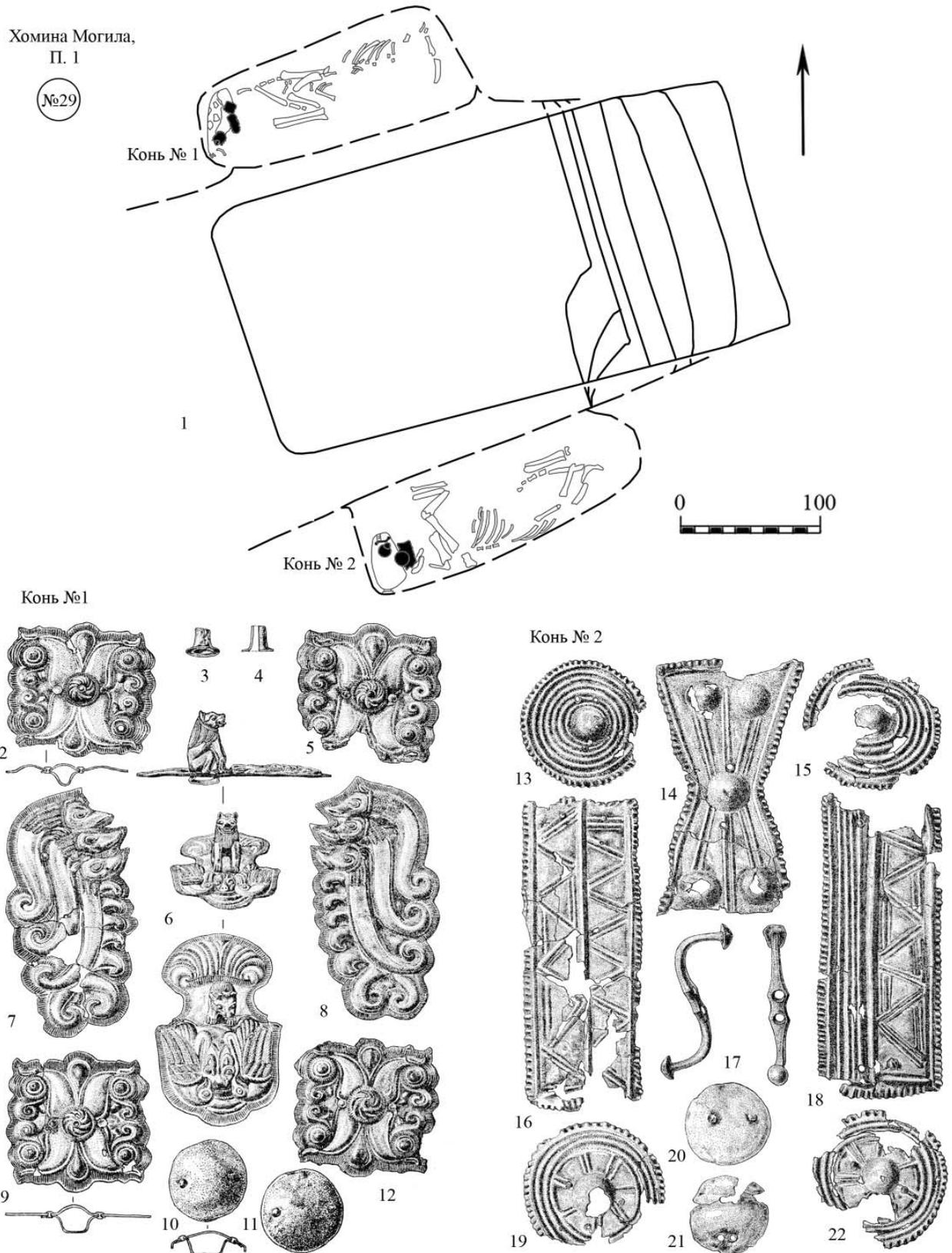

Рис. 7. Сопровождающие захоронения коней во входных ямах катакомб: 1-22 – Хомина Могила П. 1.
Fig. 7. Accompanying horse burials in the entrance pits of the catacombs: 1-22 – Khomina Mogila burial 1.

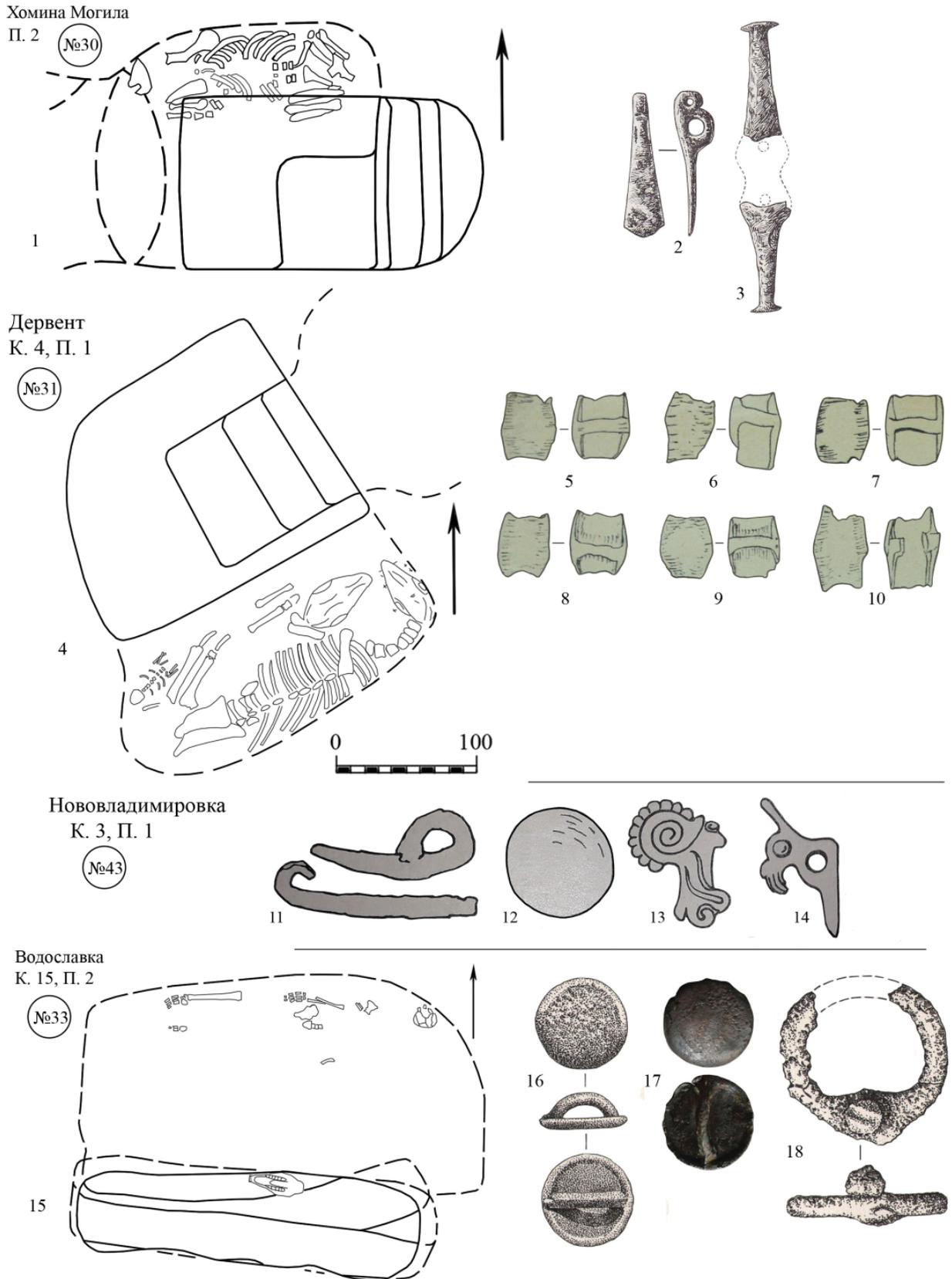
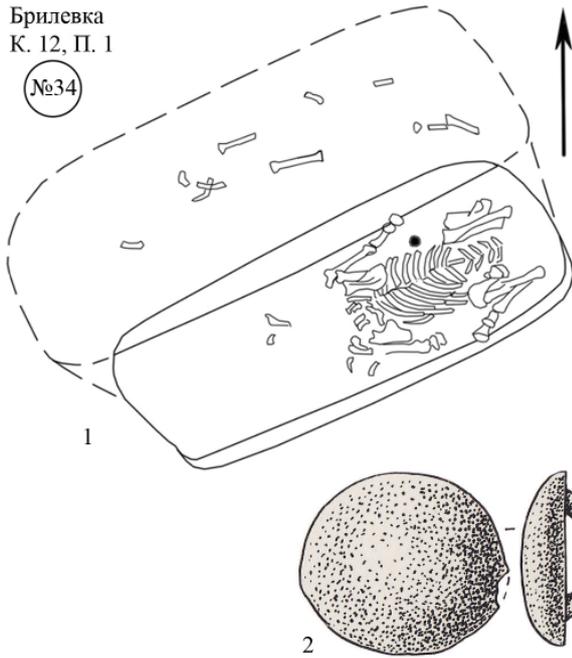

Рис. 8. Сопровождающие захоронения коней во входных ямах катакомб (1-3 – Хомина Могила П. 2; 4-10 – Дервент К. 4 П. 1) и подбоев (11-14 – Нововладимировка К. 3 П. 1; 15-18 – Водославка К. 15 П. 2).
Fig. 8. Accompanying horse burials in the entrance pits of the catacombs: 1-3 – Khomina Mogila burial 2; 4-10 – Dervent barrow 4 burial 1) and backing (11-14 – Novovladimirovka barrow 3 burial 1; 15-18 – Vodoslavka barrow 15 burial 2).

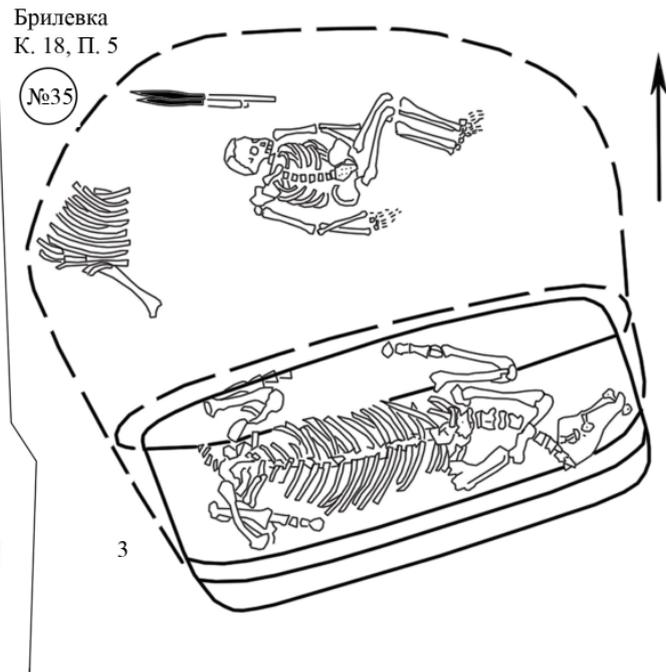
Брилевка
К. 12, П. 1

№34

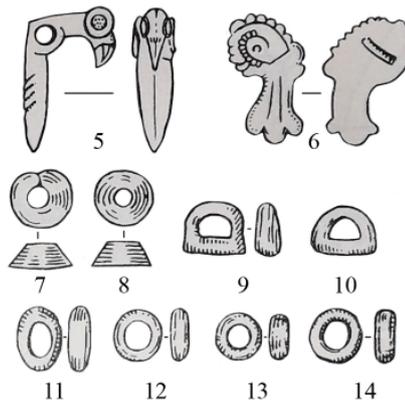
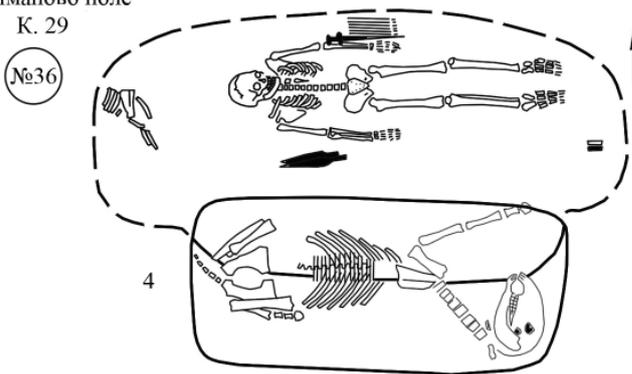
Брилевка
К. 18, П. 5

№35

Гайманово поле
К. 29

№36

Гайманово поле
К. 44

№37

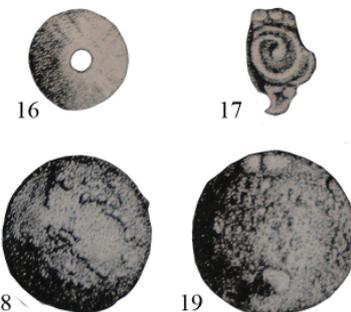
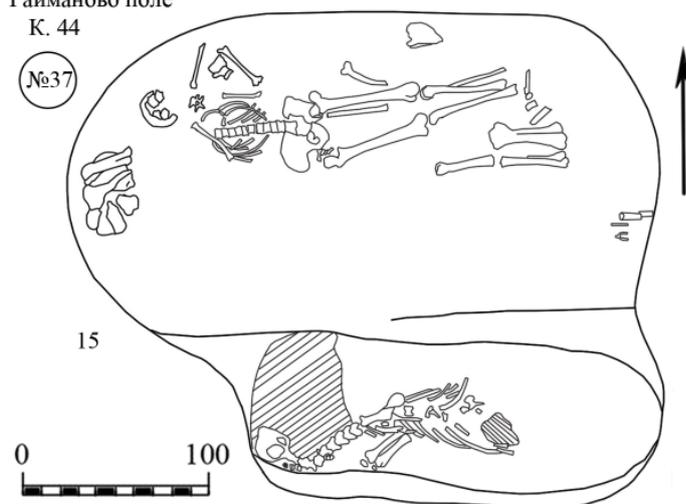

Рис. 9. Сопровождающие захоронения коней во входных ямах подбоев:

1-2 – Брилевка К. 12 П. 1; 3 – Брилевка К. 18 П. 5; 4-14 – Гайманово Поле К. 29; 15-19 – Гайманово Поле К. 44.

Fig. 9. Accompanying horse burials in the entrance pits of the backing:

1-2 – Brilevka barrow 12 burial 1; 3 – Brilevka barrow 18 burial 5; 4-14 – Gaimanovo Pole barrow. 29;
15-19 – Gaimanovo Pole barrow. 44.

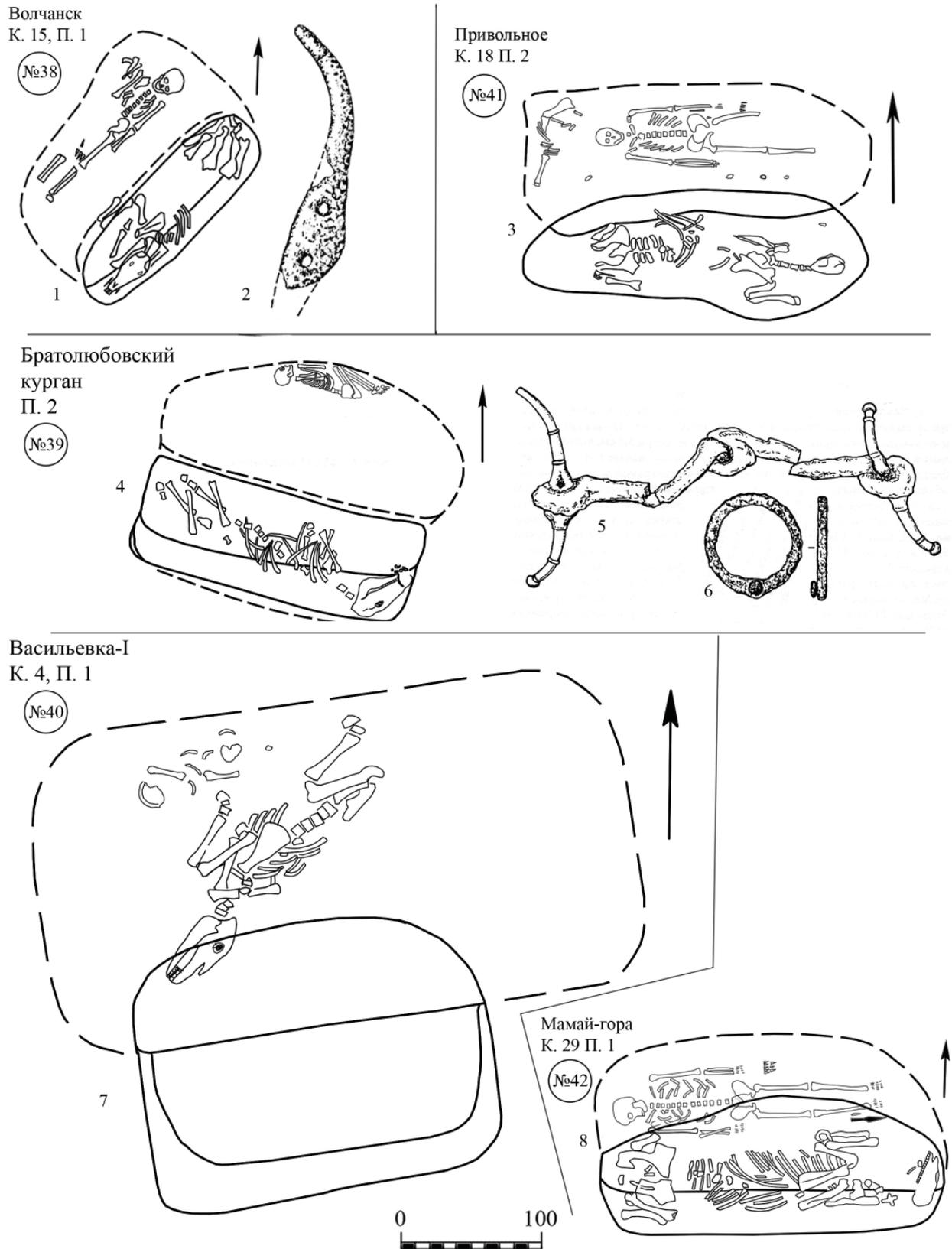

Рис. 10. Сопровождающие захоронения коней во входных ямах подбоев:

1-2 – Волчанск К. 15 П. 1; 3 – Привольное К. 18 П. 2; 4-6 – Братолюбовский курган П. 2;

7 – Васильевка-I К. 4 П. 1; 8 – Мамай-гора К. 29 П. 1.

Fig. 10. Accompanying horse burials in the entrance pits of the backing:

1-2 – Volchansk barrow 15 burial 1; 3 – Privolnoye barrow 18 burial 2; 4-6 – Bratolyubovsky barrow, burial 2;

7 – Vasilievka-I barrow 4 burial 1; 8 – Mamai-gora barrow 29 burial 1.

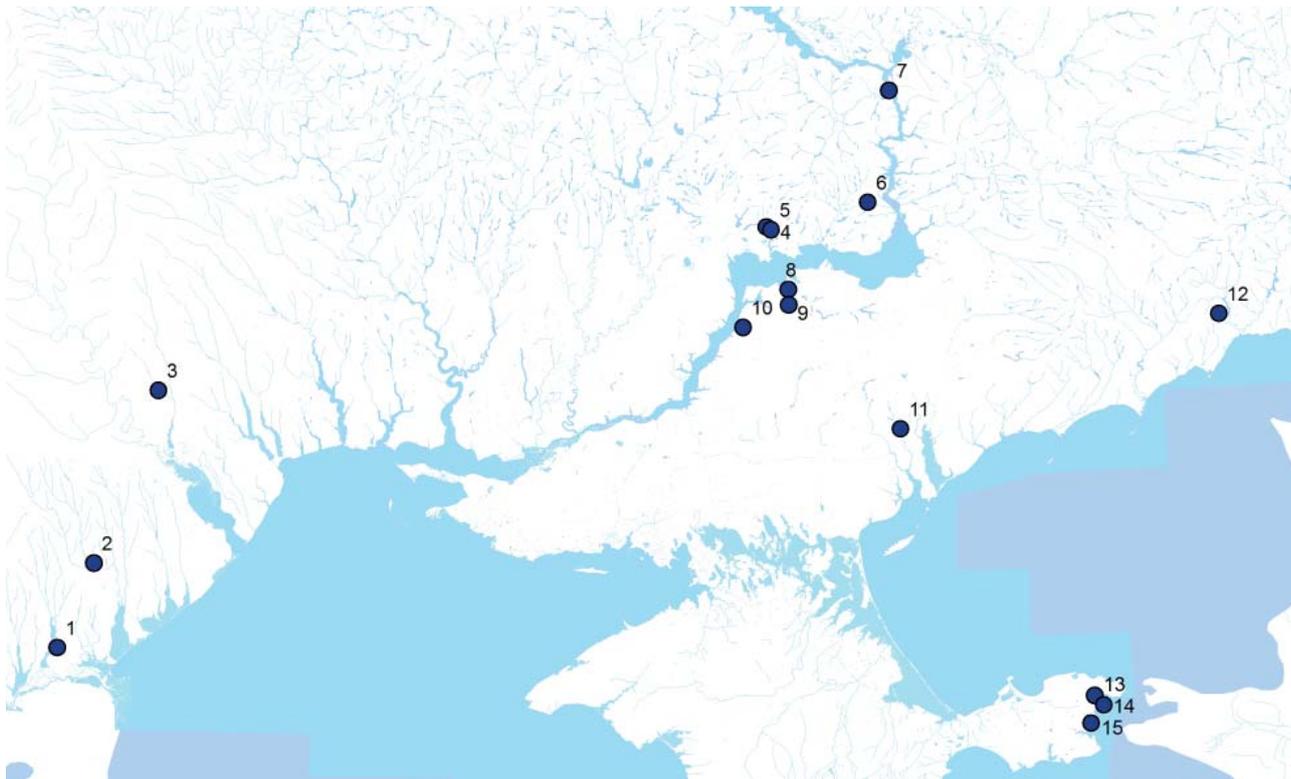

Рис. 11. Сопровождающие захоронения коней в отдельных ямах в степной Скифии в конце VI – V вв. до н.э.:
1 – Червоный Яр; 2 – Арциз К. 1 П. 13; 3 – Никольское К. 9; 4-5 – I-я Завадская и IV-я Испанова могилы;
6 – Новое Запорожье К. 6; 7 – Блинец-2; 8 – Великая Знаменка К. 13; 9 – Солоха; 10 – Малая Лепетиха К. 8;
11 – Акимовка К. 11; 12 – гр. Шевченко-2 К. 1; 13 – Пантикапей; 14 – Ак-Бурун-V;
15 – Нимфей КК. 5, 17, 24, 32 / 1876 г. и 1, 6 / 1878 г., курганы, исследованные В. Сименсом.

Fig. 11. Accompanying horse burials in separate pits in the steppe Scythia of late 6th - 5th centuries BC:
1 – Chervony Yar; 2 – Artsiz barrow 1 burial 13; 3 – Nikolskoye barrow 9; 4-5 – I Zavadskaya and IV Ispanova graves;
6 – Novoye Zaporozhye barrow 6; 7 – Bliznets-2; 8 – Velikaya Znamenka barrow 13; 9 – Solokha; 10 – Malaya Lepetikh barrow 8; 11 – Akimovka barrow 11; 12 – Shevchenko - 2 tomb, barrow 1; 13 – Panticapaeum;
14 – Ak-Burun-V; 15 – Nimfey barrows 5, 17, 24, 32/1876 and 1, 6/1878, barrows studied by V. Siemens.

Рис. 12. Сопровождающие захоронения коней в отдельных ямах в степной Скифии в IV в. до н.э. в курганах высшей скифской знати (I – в отдельных ямах; II – в отдельных катакомбах или ямах с подбоями):
 1 – 2-й Мордвиновский курган; 2 – Братолюбровский курган; 3 – Деев курган; 4 – Огуз; 5 – Козел; 6 – Верхний Рогачик КК. 7 и 16; 7 – Вишневая Могила; 8 – Гюновка К. 7; 9 – Сахнова Могила; 10 – Солоха; 11 – Большая Цимбалка; 12 – гр. Цимбалки К. 2; 13 – Чмырева Могила; 14 – Большая Белозерка К. 20; 15 – Казенная Могила; 16 – Гайманова Могила; 17 – уроч. Носаки К. 4; 18 – Лемешев курган; 19 – Ташенак; 20 – Мелитопольский курган; 21 – Водяна Могила; 22 – Толстая Могила; 23 – Страшная Могила; 24 – Соболева Могила; 25 – Чертомлык; 26 – Чертомлыцкая Близница; 27 – Марьевка КК. 9 и 10; 28 – Владимировка К. 12; 29 – Каменная Могила; 30 – Александропольский курган; 31 – Краснокутский курган; 32 – Башмачка; 33 – 8-й Пятибратний курган; 34 – Николаевка К. 8 П. 14.

Fig. 12. The accompanying horse burials in separate pits in the steppe Scythia of the 4th century BC in the mounds of the highest Scythian nobility (I – in separate pits; II – in separate catacombs or pits with backing):
 1 – 2nd Mordvinovsky barrow; 2 – Bratolyubovsky barrow; 3 – Deev barrow; 4 – Oguz; 5 – Kozel; 6 – Verkhny Rogachik barrows 7 and 16; 7 – Vishnevaya Mogila; 8 – Gyunovka barrow 7; 9 – Sakhnova Mogila; 10 – Solokha; 11 – Bolshaya Tsimbalka; 12 – Tsimbalki tomb, barrow 2; 13 – Chmyreva Mogila; 14 – Bolshaya Belozerka barrow 20; 15 – Kazennaya Mogila; 16 – Gaimanova Mogila; 17 – Nosaki site, barrow 4; 18 – Lemeshev barrow; 19 – Taschenak; 20 – Melitopol barrow; 21 – Vodyana Mogila; 22 – Tolstaya Mogila; 23 – Strashnaya Mogila; 24 – Soboleva Mogila; 25 – Chertomlyk; 26 – Chertomlytskaya Bliznitsa; 27 – Marievka barrows 9 and 10; 28 – Vladimirovka barrow 12; 29 – Kamennaya Mogila; 30 – Alexandropolsky barrow; 31 – Krasnokutsky barrow; 32 – Bashmachka; 33 – 8th Pyatibratniy barrow; 34 – Nikolaevka barrow 8 burial 14.

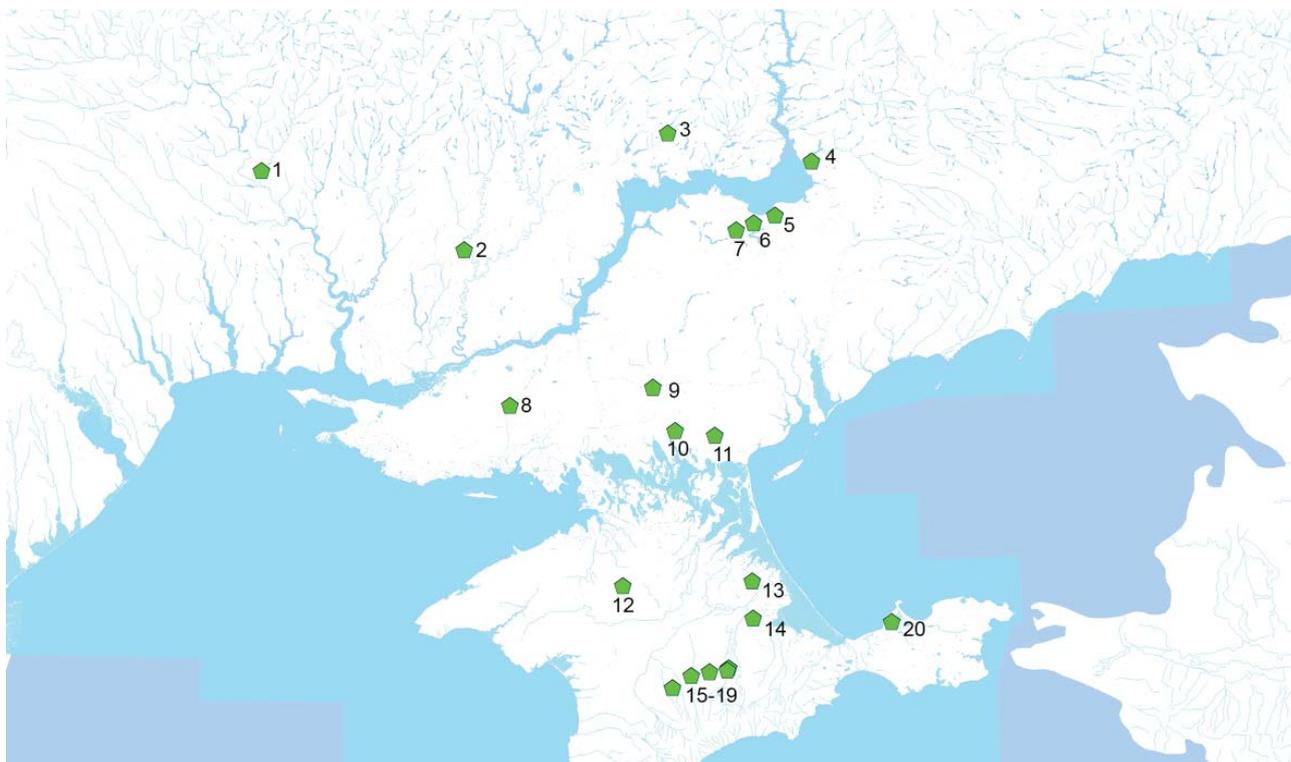

Рис. 13. Сопровождающие захоронения коней в отдельных ямах в степной Скифии в IV в. до н.э. в рядовых курганах: 1 – Таборовка К. 2; 2 – Пришиб КК. 21 и 46; 3 – Кирово К. 2; 4 – Малокатериновка К. 17; 5 – Днепрорудный К. 6; 6 – гр. Гайманово поле КК. 21 и 44; 7 – Большая Белозерка К. 35; 8 – Брилевка К. 18; 9 – Подовое К. 2; 10 – Новотроицкое К. 6; 11 – Водославка КК. 6 и 8; 12 – Братское КК. 14, 15 и 16; 13 – Чкалово К. 2; 14 – Черноземное К. 3/1984; 15 – Дмитрово-2; 16 – Чонграв; 17 – Туак-Оба; 18 – гр. Ак-Кая К. X; 19 – Беш-Оба К. IV/2; 20 – Ак-Таш К. 60.

Fig. 13. Accompanying horse burials in separate pits in steppe Scythia of the 4th century BC in ordinary barrows: 1 – Taborovka barrow 2; 2 – Prishib barrows 21 and 46; 3 – Kirovo barrow 2; 4 – Malokaterinovka barrow 17; 5 – Dneprorudny barrow 6; 6 – Gaimanovo pole tomb, barrows 21 and 44; 7 – Bolshaya Belozerka barrow 35; 8 – Brilevka barrow 18; 9 – Podovoye barrow 2; 10 – Novotroitskoe barrow 6; 11 – Vodoslavka barrows 6 and 8; 12 – Bratskoye barrows 14, 15 and 16; 13 – Chkalovo barrow 2; 14 – Chernozemnoye barrow 3/1984; 15 – Dmitrovo-2; 16 – Chongrav; 17 – Tuak-Oba; 18 – Ak-Kaya tomb, barrow X; 19 – Besh-Oba barrow IV/2; 20 – Ak-Tash barrow 60.

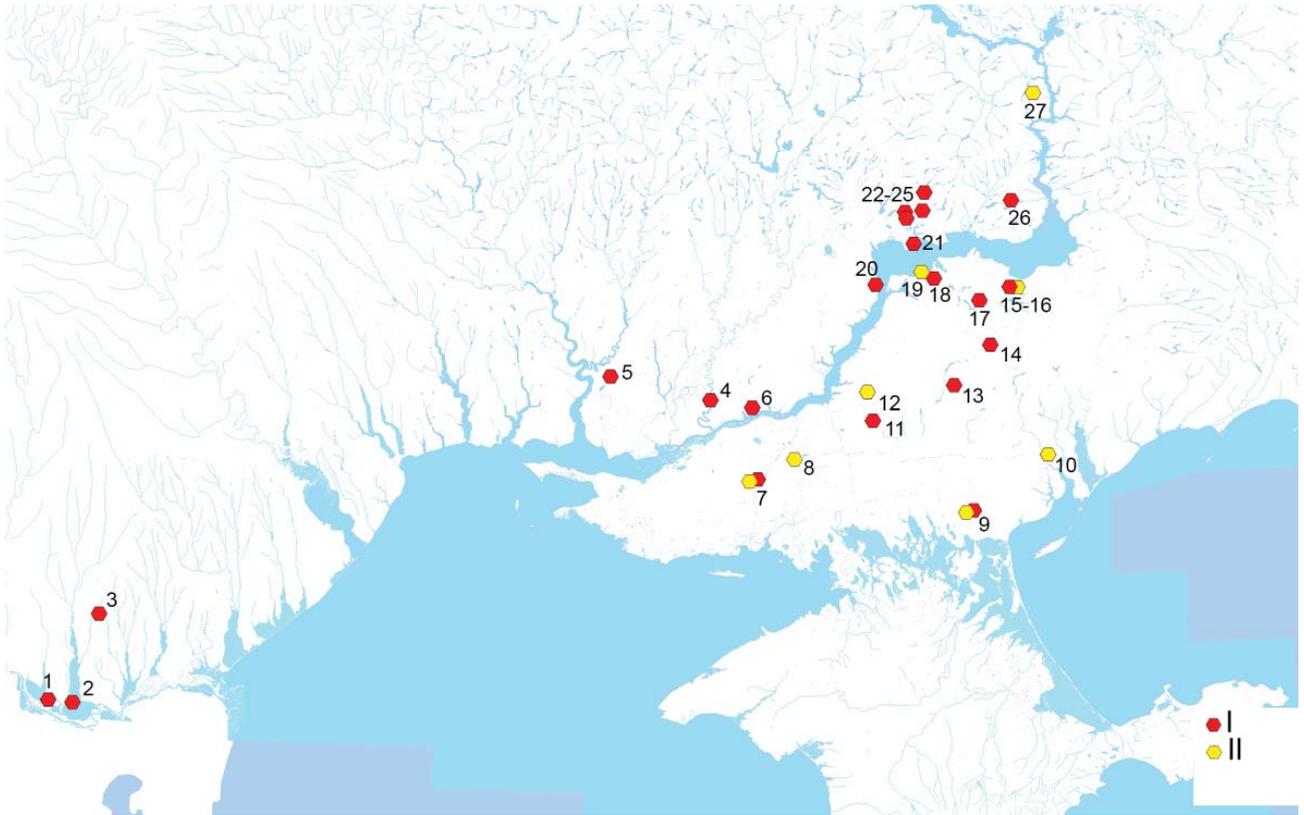

Рис. 14. Сопровождающие захоронения коней во входных ямах подбоев и катакомб в скифских курганах степной Скифии IV в. до н.э. (I – во входной яме катакомб; II – во входной яме подбоя): 1 – Дервент К. 4 П. 1; 2 – Кугурлуй К. 25; 3 – Кубей К. 13; 4 – Александровка; 5 – Николаевский курган; 6 – гр. Львово-II К. 3 П. 2; 7 – Брилевка К. 9 ПП. 1, 2 и 3, К. 12 П. 1, К. 15 ПП. 1 и 3, К. 18 П. 5, К. 26 П. 2 – в катакомбах, П. 1 К. 12 и П. 5 К. 18 – в подбоях; 8 – Привольное К. 18 П. 2; 9 – Водославка КК. 1, 2, 6, 8, 9, 15; 10 – Волчанск П. 1 К. 15; 11 – Федоровка; 12 – Братолюбовский курган П. 2; 13 – Огуз Северная Могила; 14 – Чкалово П. 1 К. 1; 15 – гр. Гайманово Поле К. 29; 16 – гр. Балки VIII К. 5 П. 1; 17 – Орел; 18 – Великая Знаменка К. 2; 19 – Мамай-Гора К. 29 П. 1; 20 – Золотая Балка К. 5 П. 3; 21 – гр. Капуловка-I К. 9; 22 – Хомина Могила; 23 – Орджоникидзе К. 51 П. 1; 24 – гр. Чертомлык-III К. 44; 25 – Кирово К. 5; 26 – Владимировка К. 10; 27 – Васильевка-I К. 4).

Fig. 14. Accompanying horse burials in the entrance pits of backings and catacombs in the Scythian mounds of the steppe Scythia of the 4th century BC (I – in the entrance pit of the catacombs; II – in the entrance pit of the backing): 1 – Dervent barrow 4 burial 1; 2 – Kugurluy barrow 25; 3 – Kubey barrow 13; 4 – Alexandrovka; 5 – Nikolaevsky barrow; 6 – Lvovo-II tomb barrow 3 burial 2; 7 – Brilevka barrow 9 burials 1, 2 and 3, barrow 12 burial 1, barrow 15 burials 1 and 3, barrow 18 burial 5, barrow 26 burial 2 – in the catacombs, burial 1 barrow 12 and burial 5 barrow 18 – in the backing; 8 – Privolnoye barrow 18 burial 2; 9 – Vodoslavka barrows 1, 2, 6, 8, 9, 15; 10 – Volchansk burial 1 barrow 15; 11 – Fedorovka; 12 – Bratolyubovsky barrow, burial 2; 13 – Oguz Severnaya Mogila; 14 – Chkalovo burial 1 barrow 1; 15 – Gaimanovo pole tomb, barrow 29; 16 – Balky VIII tomb, barrow 5 burial 1; 17 – Orel; 18 – Velikaya Znamenka barrow 2; 19 – Mamay-gora barrow 29 burial 1; 20 – Zolotaya Balka barrow 5 burial 3; 21 – Kapulovka-I tomb, barrow 9; 22 – Khomina Mogila; 23 – Ordzhonikidze barrow 51 burial 1; 24 – Chertomlyk-III tomb, barrow 44; 25 – Kirovo barrow 5; 26 – Vladimirovka barrow 10; 27 – Vasilievka-I tomb, barrow 4.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2020.6.87.99>**ОБ ОДНОМ ТИПЕ НОЖЕН РУБЕЖА ЭР В УРАЛО-ПОВОЛЖЬЕ**

© 2020 г. В.В. Овсянников

В статье анализируются обнаруженные в ходе исследований Шиповского курганно-грунтового могильника в 2006–2008 гг. два погребения, содержавшие остатки ножен на боевых клинках. В них обнаружены крупные бляхи, найденные у рукояти, которые, вероятно, служили как украшение устья ножен, а также могли выполнять функцию крепления ножен к поясу. Находки таких украшений были характерны для Скифии и Бактрии, что еще раз доказывает присутствие зауральского компонента в памятниках Посурья первых веков нашей эры за счет привлечения материалов из ареала кара-абызской культуры.

Ключевые слова: археология, Южный Урал, Шиповский курганно-грунтовой могильник, Андреевский курган, погребения, мечи, кинжалы, ножны, гафурийская культура, кара-абызская культура, Скифия, Бактрия.

**A TYPE OF SHEATHS ON THE TURN OF EPOCHS
FROM THE URAL-VOLGA REGION**

V.V. Ovsyannikov

The paper analyzes two burials revealed during studies at Shipovo barrow and ground cemetery in 2006–2008 containing the remains of the sheaths on battle blades. They contain large metal plates located at the handle which probably served as decorations of the sheath mouth, or were the means of fastening the sheath to a belt. The discovery of such jewelry was characteristic of Scythia and Bactria, which once again confirms the presence of the Trans-Ural component in the monuments of the Sura region in the first centuries AD due to the attraction of materials from the area of Kara-Abyz culture.

Keywords: archaeology, South Urals, Shipovo burial ground, Andreevsky barrow, burials, swords, daggers, sheaths, Gafuriyskaya culture, Kara-Abyz culture, Scythia, Bactria.

В ходе исследования автором Шиповского курганно-грунтового могильника (КГМ) в 2006–2008 гг. (Иглинский район, Башкортостан) среди воинских комплексов было выявлено два погребения, содержавших остатки ножен на боевых клинках. Оба случая объединяет наличие крупных бронзовых блях в оформлении ножен.

Первый комплекс был найден под насыпью кургана 2 III группы. В центральном воинском захоронении справа от остатков костяка лежал плохой сохранности однолезвийный клинок с сохранившейся длиной 22 см (рис. 1: 7). Клинок был уложен острием к голове погребенного. У рукояти клинка – круглая бронзовая бляха диаметром 6,5 см. В центре бляха имеет орнамент из двух вписанных друг в друга окружностей (рис. 1: 2). Бляха изготовлена из зеркала типа 5.3 (Скрипкин, 1990, с. 95). На центральной части клинка лежала круглая бляшка с прорезным орнаментом и ушком на обороте, диаметром 3,3 см (рис. 1: 6). Органических деталей кроме волокон древесины на рукояти клинка не сохранилось.

Остальной инвентарь этого воинского захоронения представлен глиняным сосудом

гафурийского типа (Овсянников, 2014, рис. 4, 7), курильницей, железными удилами, наконечником копья, набором деревообрабатывающих орудий (ложкарь, тесло, долото и др.), а также остатками богато украшенного колчана, включающего две круглые умбоновидные бляхи (рис. 1: 3–4), 17 мелких бляшек, колчанный крючок (рис. 1: 1), железную пряжку с неподвижным крючком (рис. 1: 8) и 21 бронзовый наконечник стрелы (рис. 1: 9–28).

Второй воинский комплекс с ножнами происходит из кургана 24 II группы курганов Шиповского КГМ. Это впускное погребение. В нем железный однолезвийный клинок лежал у правого бедра захороненного в возрасте 20–25 лет. Сохранившаяся длина 30 см. На рукояти лежала круглая бронзовая бляха диаметром 6,7 см. В центре бляхи – отверстие, в него была вставлена небольшая круглая бляшка с ушком на обороте (рис. 2: 1). Недалеко от конца клинка – круглая бронзовая бляшка с двумя отверстиями, диаметром 3,3 см (рис. 2: 6). Органических деталей ножен не сохранилось.

В комплекс также входили железные удила (рис. 2: 2), колчанный крючок (рис. 2: 3),

бронзовая подвеска, изготовленная из фрагмента зеркала (рис. 2: 4), бронзовая бляшка-распределитель (рис. 2: 5), а также набор из 6 бронзовых и одного железного наконечников стрел (рис. 2: 8–13).

Третий воинский комплекс с подобным типом ножен известен нам из раскопок 1934 г. Старо-Киишкинского курганного могильника (Кармаскалинский район, Башкортостан). Здесь под насыпью кургана IX было вскрыто парное воинское захоронение (рис. 3). Возле правого бедра северного костяка лежал однолезвийный клинок длиной 50 см (рис. 3: 4). Конец клинка при этом слегка заходил под бедренную кость. Около рукояти клинка и острия клинка, под клинком – две бронзовые бляхи, богато украшенные орнаментом на лицевой части. На обороте имели по два ушка. Бляха у рукояти имела диаметр 5,5 см (рис. 3: 2), у острия – 4 см (рис. 3: 1). Обе бляхи лежали лицевой частью вниз. У острия клинка и между бедренными костями – 5 бронзовых обоймочек с остатками ремешка (рис. 3: 3).

В этот же комплекс входит колчанный крючок (рис. 3: 17) и два набора наконечников стрел. У северного костяка – 6 бронзовых и не менее 13 спекшихся железных наконечников; у южного костяка – 5 бронзовых и не менее 15 спекшихся железных наконечников стрел (рис. 3: 5–18) (Дмитриев, Сальников, 1934, с. 35).

Хронологические позиции этих комплексов определяются смешанными колчанными наборами – временем смены бронзовых наконечников на железные. По раннесарматским материалам этот период датируется преимущественно III вв. до н. э. (Клепиков, Скрипкин, 2002, с. 66–67). По поводу аналогичного процесса в лесостепных культурах Предуралья в литературе давно созрело мнение о запаздывании здесь смены колчанных наборов по сравнению с ранними кочевниками (Агеев, 1992, с. 55–56, 74–75; Иванов, 1985, с. 95). Не так давно С.Э. Зубовым и Р.Р. Саттаровым на материалах Кипчаковского I курганно-грунтового могильника период смены бронзовых наконечников железными в пьяноборских древностях определен в пределах I вв. до н. э. (Зубов, Саттаров, 2018, с. 213–214).

Если отвлечься от колчанных наборов, то погребения из кургана 2 Шиповского КГМ и кургана IX Старых Киишек выглядят очень близкими хронологически: практически идентичная форма умбовидных блях и схожие по оформлению колчанные крючки. Однако

колчанные наборы отличаются значительно. В старокиишкинском погребении уже преобладают железные наконечники стрел, что говорит о далеко зашедшем процессе смены дистанционного оружия. С другой стороны, шиповский набор полностью состоит из бронзовых наконечников. Возможно, на примере этих комплексов мы получаем редкую возможность предметно зафиксировать разницу в скорости смены колчанных наборов у сармат и кара-абызского населения. Абсолютную дату этой смены вряд ли можно определить по этим двум конкретным комплексам. Третий комплекс из кургана 24 Шиповского КГМ уже демонстрирует начало этого процесса и в кара-абызской среде. Отсутствие других хронологических реперов опять же не позволяет дать ему четкую хронологическую позицию. Однако все эти комплексы демонстрируют, что смена колчанных наборов в кара-абызской среде началась хоть и позже сармат, но незначительно, с небольшим «сдвигом» на не более чем 0,5–1 поколения. Таким образом, пока остается определить дату рассматриваемых комплексов в пределах III–II вв. до н. э.

Назначение бляшек малых форм, находившихся у окончания клинка, не вызывает сомнений – они служили для крепления нижней части ножен к бедру воина. Особенно хорошо это прослеживается в старокиишкинском комплексе. Здесь зафиксированы остатки кожаного ремешка, тянувшегося от нижней малой бляхи под бедро погребенного. Ремешок сохранился благодаря украшавшим его бронзовым обоймочкам.

Крупные бляхи, находимые у рукояти, вероятнее всего, служили как украшение устья ножен, а также могли выполнять функцию крепления ножен к поясу. На основании этого предположения можно представить гипотетически, как могли выглядеть подобные ножны (рис. 4: 1–3). Для старокиишкинского комплекса можно предложить два варианта реконструкции (рис. 4: 3а–3б).

Подобный способ оформления ножен известен был в Скифии и Бактрии в V–III вв. до н. э. (рис. 4: 4–9). В большинстве случаев это, как правило, ножны всаднического типа с закреплением конца ножен на бедре всадника (рис. 4: 10–11). Остается вопрос, каким образом ножны подобного типа оказались в лесостепных комплексах Предуралья в III–II вв. до н. э. Однако его пока придется оставить открытым. Для его решения недостаточно данных. Единственно, можно определенно

сказать, что происхождение ножен этого типа не связано с материалами раннепрохоровского (филипповского) комплекса. В последнем хорошо известны находки с боевыми клинками так называемых ворворок. Они встречаются в комплекте от 1 до 4 и также являются, в том числе, и деталями всаднической портупей клинкового прохоровского оружия из комплексов IV в до н. э. (Клепиков, Скрипкин, 2002, с. 53–54).

В Бишунгаровско-старокиишкинской группе ранних кочевников классического прохоровского облика детали ножен или портупей вообще не встречены вместе с боевыми клинками. Представленный нами комплекс ножен с бляхами является единственным для данной группы и явно заимствован у оседлых соседей из Шипово. Об этом в первую очередь говорит облик самих блях. Подобные бляхи широко представлены в Шиповском КГМ, и шире в кара-абызских и пьяноборских древностях. В последних они встречены не только как детали ножен, но и как детали костюма, хотя также являются мужским, а точнее воинским атрибутом.

Близкий скифскому и бактрийскому тип ножен сохраняется в Верхнем Приобье, горном Алтае и Туве (Шульга, 2008; Археология СССР, 1992, табл. 74, 21, 23, 25). Однако в зауральских лесостепных древностях (гороховские, раннесаргатские), с которыми прослеживаются тесные связи шиповского (гафурийского) населения, он пока не известен.

Интересен факт того, что описываемый тип ножен не встречается кроме Шипово в других кара-абызских некрополях, хотя короткие боевые однолезвийные клинки здесь частое явление. Однако чаще в комплекте с ними идут бронзовые наконечники ножен и небольшие портупейные пряжки. То есть наблюдается совершенно другой тип ножен. Тогда как пьяноборские памятники демонстрируют совершенно иную картину. Так, в коллективном погребении 38 могильника Уяндык I (Илишевский район, Башкортостан) у костяка III под правым предплечьем лежала умбоновидная бляха и однолезвийный боевой клинок (рис. 5: 7–11). Комплекс в данном случае дополняется 20 бронзовыми наконечниками стрел, что хронологически сближает его с шиповскими (Пшеничнюк, 1986, с. 40). Аналогичные бляхи с однолезвийным клинком встречены в погребении 5 Кырнышского могильника (Мензелинский район, Татарстан)

(Генинг, 1971, с. 137; рис. 44, 13). В погребении 11 Кипчаковского I КГМ (Илишевский район, Башкортостан) под правым предплечьем лежала круглая бляха с петлей и короткий боевой однолезвийный клинок (рис. 5: 1–2, 6). Бляха была изготовлена из раннесарматского зеркала типа 4.7 (Скрипкин, 1990, с. 95; рис. 35, 12). Зеркала данного типа появляются в III в. до н. э. и превалируют в комплексах II–I вв. до н. э. (Скрипкин, 1990, с. 151). В погребении также встречена восьмерковидная бронзовая пряжка, железный колчаный крючок и шесть бронзовых наконечников стрел (рис. 5: 3–6). Восьмерковидные пряжки А.С. Скрипкиным включены в группу вещей III–I вв. до н. э. (Скрипкин, 1990, рис. 49). Подобные пряжки происходят из двух сарматских комплексов лесостепного Предуралья (Старые Киишки, к. XX, п. 7; Ново-Калкашево, к. 2, п. 5) (Садыкова, 1962, табл. XII, 4; Акбулатов, 1998, рис. 5, 3). В обоих случаях пряжки найдены в комплексе с железными наконечниками стрел, то есть относятся ко времени не ранее II в. до н. э. В последнем случае встречена также прямоугольная ажурная пряжка с изображением лежащего верблюда (Акбулатов, 1998, рис. 5, 2). Данные пряжки имеют среднеазиатское происхождение и датируются периодом сер. II–I вв. до н. э. (Скрипкин, 2000, с. 141–143). Автором раскопок Кипчаковского КГМ отмечается значительное количество восьмерковидных пряжек в ранней части некрополя, что позволило ему отнести данный тип к категории хроноиндикаторов II–I вв. до н. э. (Зубов, 2007, с. 90; Зубов, 2010, с. 72). Таким образом, эту группу пьяноборских погребений с ножнами рассматриваемого типа можно датировать в пределах II–I вв. до н. э.

Ножны данного типа представлены и в более поздних пьяноборских комплексах. В погребении 2 могильника Камышлы-Тамак (Илишевский район, Башкортостан) в качестве украшения устья ножен использована круглая ажурная бляха (рис. 5: 13). Возле нее фиксировались остатки деревянных планок, что предполагает присутствие деревянных деталей в ножнах. У конца клинка – 15 бронзовых пронизок и пряжка: остатки ремня, с помощью которого ножны крепились к бедру. Здесь же встречен железный наконечник стрелы (рис. 5: 15). В погребении 23 этого же могильника совместно с кинжалом среднесарматского облика встречена умбоновидная «воинская» бляха, расположенная у конца ножен (рис. 5: 16–18). Подобная умбоновидная бляха найде-

на на среднесарматском кинжале в погребении 85 Юлдашевского могильника (Илишевский район, Башкортостан) (Пшеничнюк, 1986а, с. 65–66). Эти погребения отражают дальнейшее применение ножен с бляхами в среднесарматский период. Здесь мы наблюдаем замену однолезвийного клинка импортными экземплярами: двулезвийными кинжалами с кольцевым навершием. Также происходят некие конструктивные изменения в ножнах – бляха остается одна. Эту группу погребений можно датировать рубежом эр.

В позднепьяноборское время использование ножен с бляхами практически не прослеживается. Бляхи продолжают использоваться спорадически в сочетании с другими деталями (например, металлическими наконечниками ножен), как это прослеживается в погребении 234 Ново-сасыкульского могильника (Илишевский район, Башкортостан) (Васюткин, Калинин, 1986, рис. 15, 24), либо в единственном экземпляре, как в погребении 446 Тарасовского могильника (Сарапульский район, Удмуртия). Здесь у конца длинного меча найдена круглая бляха (диаметр 5,5 см) с отверстием в центре (Голдина, 2003, рис. 193, 13).

Более широкое распространение данный тип ножен получает в андреевско-писеральских древностях. В Андреевском кургане (Большеигнатовский район, Мордовия) центральный костяк коллективного погребения 25 сопровождался кинжалом среднесарматского типа в ножнах, украшенных пятью бляхами и имеющих застежку-ворворку на конце ножен (Гришаков, Зубов, 2009, рис. 11а, 1; 21, 1, 6; 26, 5, 7). Слева от костяка лежал длинный однолезвийный клинок (палаш), от ножен которого сохранился металлический наконечник и бляха с 4-мя петельками, располагавшаяся у последней трети клинка (Гришаков, Зубов, 2009, рис. 21, 8; 26, 4, 9–10). Это погребение авторами публикации датируется I в. н. э. (Гришаков, Зубов, 2009, с. 45). В погребении 50 этого же некрополя захоронение воина сопровождалось палашом, от ножен которого остались 38 полушарных бляшек, украшавших их край, и крупная железная бляха, располагавшаяся в последней трети клинка (Гришаков, Зубов, 2009, рис. 12; 21, 4). Комплекс этого погребения датируется третьей четвертью I в. н. э. (Гришаков, Зубов, 2009, с. 49).

Аналогичная картина наблюдается в воинском захоронении могильника Писералы

(Горно-Марийский район, Марий Эл). Здесь на правом бедре воина лежал кинжал, ножны которого были украшены 4 круглыми бляшками. Слева от погребенного был уложен меч, от ножен которого сохранилась крупная круглая бляха с отверстием в центре (Халиков, 1962, рис. 41; табл. XXIII, 1). Подобной бляхой были украшены также ножны меча из воинского комплекса Климкинских курганов (Горно-Марийский район, Марий Эл) (Архипов, Щадрин, 1995, рис. 10, 9). Хронологическая позиция этой группы памятников укладывается в пределах I–II вв. н. э. (Зубов, 2018, с. 14).

Таким образом, в конце раннесарматского периода (III–II вв. до н. э.) в памятниках предуральской лесостепи появляется тип ножен с бляхами, связанный с короткими (до 50 см) однолезвийными боевыми клинками. Первоначально он фиксируется в Шиповском КГМ, затем в раннепьяноборских комплексах II–I вв. до н. э., при этом в собственно кара-абызских древностях распространение данного типа ножен не прослеживается. В первых веках нашей эры применение ножен с бляхами в пьяноборской среде практически затухает. Зато памятники писеральско-андреевского круга I–II вв. н. э. демонстрируют расцвет и дальнейшее развитие данной традиции на примере статусных воинских комплексов, содержащих как короткие (кинжалы), так и длинные боевые клинки (палаш, мечи).

На наш взгляд, появление и распространение данного типа ножен в регионе Урало-Поволжья связано с миграцией небольшой группы военизированного населения, связанного своим происхождением с лесостепными культурами Зауралья и Западной Сибири. Об этом нам приходилось уже писать при анализе погребального обряда курганной части Шиповского КГМ (Овсянников, 2018, с. 59–60). С этой миграционной волной связано появление в Шипово II-й и III-й групп курганов, а также Нагаевских и Акбердинских курганных групп и основание Акбердинского II городища с открытым недавно воинским святилищем (Овсянников, 2009, с. 145; Овсянников, Савельев, 2019).

Ранее С.Э. Зубовым указывалась связь исследованного им Кипчаковского I КГМ с Нагаевскими, Акбердинскими и Шиповскими курганами (Зубов, 2007а, с. 85). Со своей стороны, нам представляется, что Кипчаковский археологический комплекс в целом является одним из звеньев в цепи переселений

внутри Урало-Поволжского региона, отправной точкой которых явилось лесостепное Зауралье, затем Среднее и Нижнее Прибелье, а конечной – Посурье, которую маркируют памятники писеральско-андреевского типа.

Таким образом, в рамках дискуссии о происхождении данного типа памятников

(о самой дискуссии см.: Гришаков, Зубов, 2009, с. 70–88; Зубов, 2011, с. 87–112) может быть расширена доказательная база о присутствии зауральского компонента в памятниках Посурья первых веков нашей эры за счет привлечения материалов из ареала кара-абызской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.
- Акбулатов И.М.* Ново-Калкашский II курганный могильник на р. Стерля // УАВ. Вып. 1. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 1998. С. 121–137.
- Архипов Г.А., Шадрин А.И.* Исследование раннесредневековых курганов у с. Климкино // Новые материалы по археологии Среднего Поволжья / АЭМК. Вып. 24 / Науч. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1995. С. 110–129.
- Васюткин С.М., Калинин В.К.* Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1986. С. 95–122.
- Генинг В.Ф.* История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. II / Археологические памятники чегандинской культуры (III в. до н.э. – II в. н.э.) / ВАУ. Вып. 11 / Отв. ред. В.А. Семенов. Свердловск-Ижевск, 1971. 159 с.
- Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.
- Гришаков В.В., Зубов С.Э.* Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы / Археология евразийских степей. Вып. 7. Казань: Институт Истории им. Ш. Марджани АН РТ; Самарский муниципальный институт управления, 2009. 173 с.
- Дмитриев П.А., Сальников К.В.* Отчет Уфимской экспедиции ГАИМК с работ трассы Уфа-Ишимбаево в 1934 г. // Научный архив УФИЦ РАН, 1934.
- Зубов С.Э.* Кипчаковский культурно-хронологический горизонт в системе пьяноборской культуры // УАВ. Вып. 6–7. Уфа: Гилем, 2007. С. 72–88.
- Зубов С.Э.* Новые элементы погребальной обрядности раннепьяноборского населения в низовьях р. Белой (по материалам раскопок Кипчаковского курганно-грунтового могильника в 2006 году) // УАВ. Вып. 10. Уфа: Гилем, 2010. С. 64–82.
- Зубов С.Э.* Хроноиндикаторы раннепьяноборских могильников икско-бельского междуречья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. II Междунар. Нижневож. Археол. Конф., г. Волгоград, 12–15 нояб. 2007 г.: тез. докл. / Отв. ред. А. В. Кияшко, А. С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. С. 87–96.
- Зубов С.Э.* Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I–III вв.). Миграционные процессы в формировании новой этнокультурной среды по материалам археологических данных. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2011. 201 с.
- Зубов С.Э.* История изучения памятников писеральско-андреевского типа // Археология Евразийских степей. 2018. № 1. С. 9–16.
- Зубов С.Э., Саттаров Р.Р.* Наконечники стрел пьяноборской культуры как хронологические маркеры (по материалам погребальных комплексов Кипчаковского I курганно-грунтового могильника) // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 8–11 октября 2018 г. / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, ООО «Порто-Принт», 2018. С. 210–214.
- Иванов В.А.* О времени функционирования могильников эпохи раннего железа в Приуралье // Древности Среднего Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: Куйбышевский гос. университет, 1985. С. 85–99.
- Клепиков В.М., Скрипкин А.С.* Хронология раннесарматских памятников Нижнего Поволжья // НАВ. Вып. 5. / Отв. ред. А.С. Скрипкин, В.М. Клепиков. Волгоград: Изд-во Волгоград. Гос. университета, 2002. С. 47–81.
- Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х.* Камышлы-Тамакский могильник // АЭБ. Т. III / Отв. ред. Р.Г. Кузев. Уфа: БФ АН СССР, 1968. С. 38–58.

Овсянников В.В. Опыт выделения зон активного взаимодействия оседлого и кочевого населения Предуралья в савромато-сарматскую эпоху // УАВ. Вып. 9. Уфа: Гилем, 2009. С. 144–156.

Овсянников В.В. Общие элементы в погребальном обряде и инвентаре населения кара-абызской культуры и сармат лесостепи Южного Предуралья (по материалам Шиповских, Старо-Киешкинских и Бишунгаровских курганов) // Сарматы и внешний мир. Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» (Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 12-15 мая 2014 г.) / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев (УАВ. Вып. 14). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014. С. 168–177.

Овсянников В.В. Новые материалы Шиповского курганно-грунтового могильника в лесостепном Предуралье // УАВ. Вып. 18. Уфа: Гилем, 2018. С. 43–62.

Овсянников В.В., Савельев Н.С. Воинское святилище на Акбердинском II городище // Археология Евразийских степей. 2019. № 2. С. 201–226.

Пшеничнюк А.Х. Памятники ананьинской и пьяноборской культур в низовьях р. Белой // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1986. С. 26–44.

Пшеничнюк А.Х. Юлдашевский могильник // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1986а. С. 45–74.

Садыкова М.Х. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Киешки // АЭБ. Т. I / Отв. ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников. Уфа: БФАН СССР, 1962, С. 88–122.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1990. 300 с.

Скрипкин А.С. К проблеме выделения сарматских памятников азиатской Сарматии II–I вв. до н.э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. / Отв. ред. В.Н. Мышкин. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. С. 137–149.

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. 494 с.

Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края / Тр. МАЭ. Т. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Марийское книж. изд-во, 1962. С. 7–187.

Шульга П.И. О назначении «поясных» бляшек на верхней Оби и в горном Алтае // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Азбука, 2008. С. 116–119.

Информация об авторе:

Овсянников Владимир Владиславович, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологических исследований Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук; atliural@yandex.ru

REFERENCES

Ageev, B. B. 1992. *P'ianoborskaiia kul'tura (The Pyany Bor Culture)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Akbulatov, I. M. 1998. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 1. 121–137 (in Russian).

Arkhipov, G. A., Shadrin, A. I. 1995. In Nikitin, V. V. (ed.). *Novye materialy po arkheologii Srednego Povolzh'ia (New Materials on the Archaeology of the Middle Volga Region)*. Arkheologiiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 24. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, History and Ethnography Institute 110–129 (in Russian).

Vasyutkin, S. M., Kalinin, V. K. 1986. In Pshenichniuk, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie raboty v nizov'iakh Beloi (Archaeological Investigations in the Lower Belaya Area)*. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 95–122 (in Russian).

Gening, V. F. 1971. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu. Ch. II. Arkheologicheskie pamiatniki chegandinskoi kul'tury (III v. do n.e. – II v. n.e.) (History of Udmurt Kama Population in the Pyany Bor epoch. Part II. Cheganda Culture Archaeological Sites (3rd Century BC – 2nd Century AD))* In Semenov, V. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 11. Sverdlovsk; Izhevsk (in Russian).

Goldina, R. D. 2003. *Tarasovskii mogil'nik I–V vv. na Srednei Kame (Tarasovo Burial Ground of 1st–5th Centuries in the Middle Kama Region)* II. Izhevsk: “Udmurtiia” Publ. (in Russian).

Grishakov, V. V., Zubov, S. E. 2009. *Andreevskii kurgan v sisteme arkheologicheskikh kul'tur rannego zheleznogo veka Vostochnoi Evropy (Andreevka Burial Mound in the System of the Early Iron Age Archaeological Cultures of Eastern Europe)*. Series: *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 7. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences; Samara Municipal Institute for Public Administration (in Russian).

Dmitriev, A. V., Sal'nikov, K. V. 1934. *Otchet Ufimskoi ekspeditsii Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury s rabot trassy Ufa-Ishimbaevo v 1934 g. (Report of the Ufa Expedition of the State Academy for the History of Material Culture about the Activity of the Ufa-Ishimbaevo Route in 1934)*. Scientific Archive of the Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Zubov, S. E. 2007. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 6–7. Ufa: “Gilem” Publ., 72–88 (in Russian).

Zubov, S. E. 2007. In Kiyashko, A. V., Skripkin, A. S. (eds.). *Problemy arkheologii Nizhnego Polozh'ia (Issue of the Archaeology of the Lower Volga Region)* Volgograd: Volgograd State University, 87–96 (in Russian).

Zubov, S. E. 2010. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 10. Ufa: “Gilem” Publ., 64–82 (in Russian).

Zubov, S. E. 2011. *Voinskie migratsii rimskogo vremeni v Srednem Povolzh'e (I–III vv.). Migratsionnye protsessy v formirovanii novoi etnokul'turnoi sredy po materialam arkheologicheskikh dannyykh (Warriors Migrations of the Roman Time in the Middle Volga Area (1st–3rd Centuries). Migrational Processes in the New Ethnic and Cultural Environment, by the Archaeological Data)*. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing (in Russian).

Zubov, S. E. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, . 9–16 (in Russian).

Zubov, S. E., Sattarov, R. R. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21th Urals Archaeological Congress)*. Samara: “Samara State University of Social Sciences and Education”, “Porto-Print” Publ., 210–214 (in Russian).

Ivaniv, V. A. 1985. In Matveeva, G. I. (ed.). *Drevnosti Srednego Povolzh'ia (Antiquities of the Middle Volga Area)*. Kuybyshev: Kuybyshev State University, 85–99 (in Russian).

Klepikov, V. M., Skripkin, A. S. 2002. In Skripkin, A. S., Klepikov, V. M. (eds.). *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 5. Volgograd: Volgograd State University, 47–81 (in Russian).

Mazhitov, N. A., Pshenichniuk, A. Kh. 1968. In Kuzeev, R. G. (ed.). *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* III. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 38–58 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V., 2009. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 9. Ufa: “Gilem” Publ., 144–156 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V., 2014. In Yablonsky, L. T., Savelyev, N. S. (eds.). *Sarmaty i vneshnii mir (Sarmatians and the External World)*. Series: *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 14. Ufa: Russian Academy of Sciences, Urals Scientific Center, Institute for History, Language, and Literature; “Nasledie” Publ., 168–177 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V., 2018. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 18. Ufa: “Gilem” Publ., 43–62 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V., Savel'ev, N. S. 2019. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 201–226 (in Russian).

Vasyutkin, S. M., Kalinin, V. K. 1986. In Pshenichniuk, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie raboty v nizov'iakh Beloi (Archaeological Investigations in the Lower Belaya Area)*. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 26–44 (in Russian).

Pshenichniuk, A. Kh. 1986. In Pshenichniuk, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie raboty v nizov'iakh Beloi (Archaeological Investigations in the Lower Belaya Area)*. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 45–74 (in Russian).

Sadykova, M. Kh. 1962. In Kuzeev, R. G., Sal'nikov, (ed.). *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* I. Ufa: Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences, 88–122 (in Russian).

Skripkin, A. S. 1990. *Aziatskaia Sarmatiia (problemy khronologii i ee istoricheskii aspekt) (Sarmatia Asiatica: Issues of Chronology and Its Historical Aspect)*. Saratov: Saratov University (in Russian).

Skripkin, A. S. 2000. In Myshkin, V. N. (ed.). *Rannesarmatskaia kul'tura: formirovanie, razvitie, khronologiiia (Early Sarmatian Culture: Formation, Development, Chronology)* Samara: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 137–149 (in Russian).

Moshkova, M. G. (ed.). 1992. *Stepnaia poloska Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (The Steppe Belt of the Asian Part of USSR in the Scythian and Sarmatian Time)*. Series: Archaeology of the USSR 12. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1962. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Zheleznyi vek Mariiskogo kraia (Iron Age of the Mari Region)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition II. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 7–187 (in Russian).

Shul'ga, P. I. 2008. In Tishkin, A. A. (ed.). *Drevnie i srednevekovye kochevniki Tsentral'noi Azii (Antique and Medieval Nomads of Central Asia)*. Barnaul: "Azбука" Publ., 216–220 (in Russian).

About the Author:

Ovsyannikov Vladimir V., Candidate of historical sciences, Institute of history, language and literature of the Ufa scientific center of the Russian Academy of Sciences. Octyabrya av., 71, Ufa, 450054, the Republic of Bashkortostan, Russia Federation; atliural@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2020 г.
Статья принята к публикации 01.09.2020 г.

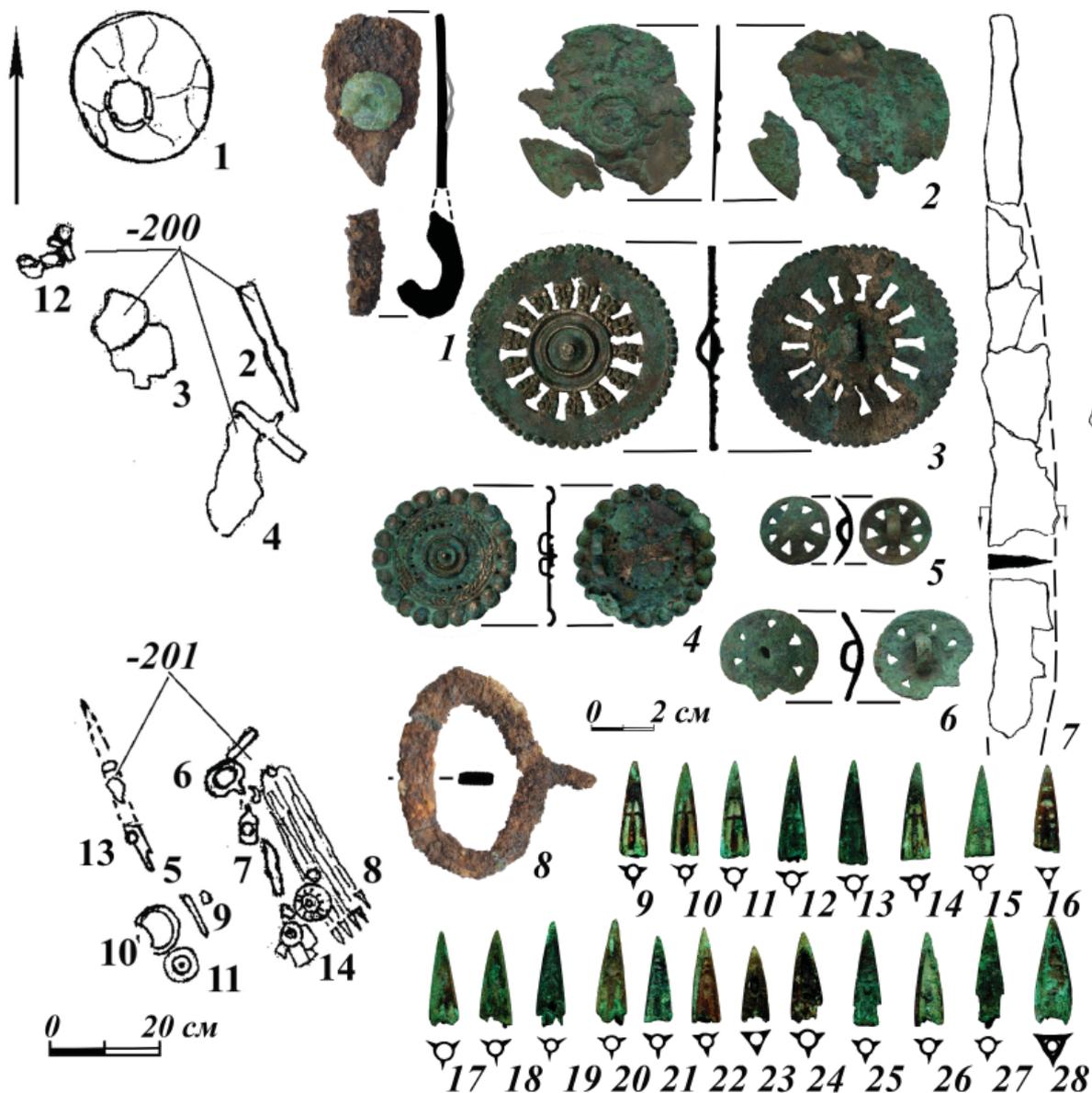

Рис. 1. Первый комплекс из кургана 2, III группы Шиповского курганно-грунтового могильника.
 Fig. 1. The first complex from barrow 2, group III of the Shipovo barrow subsoil burial ground.

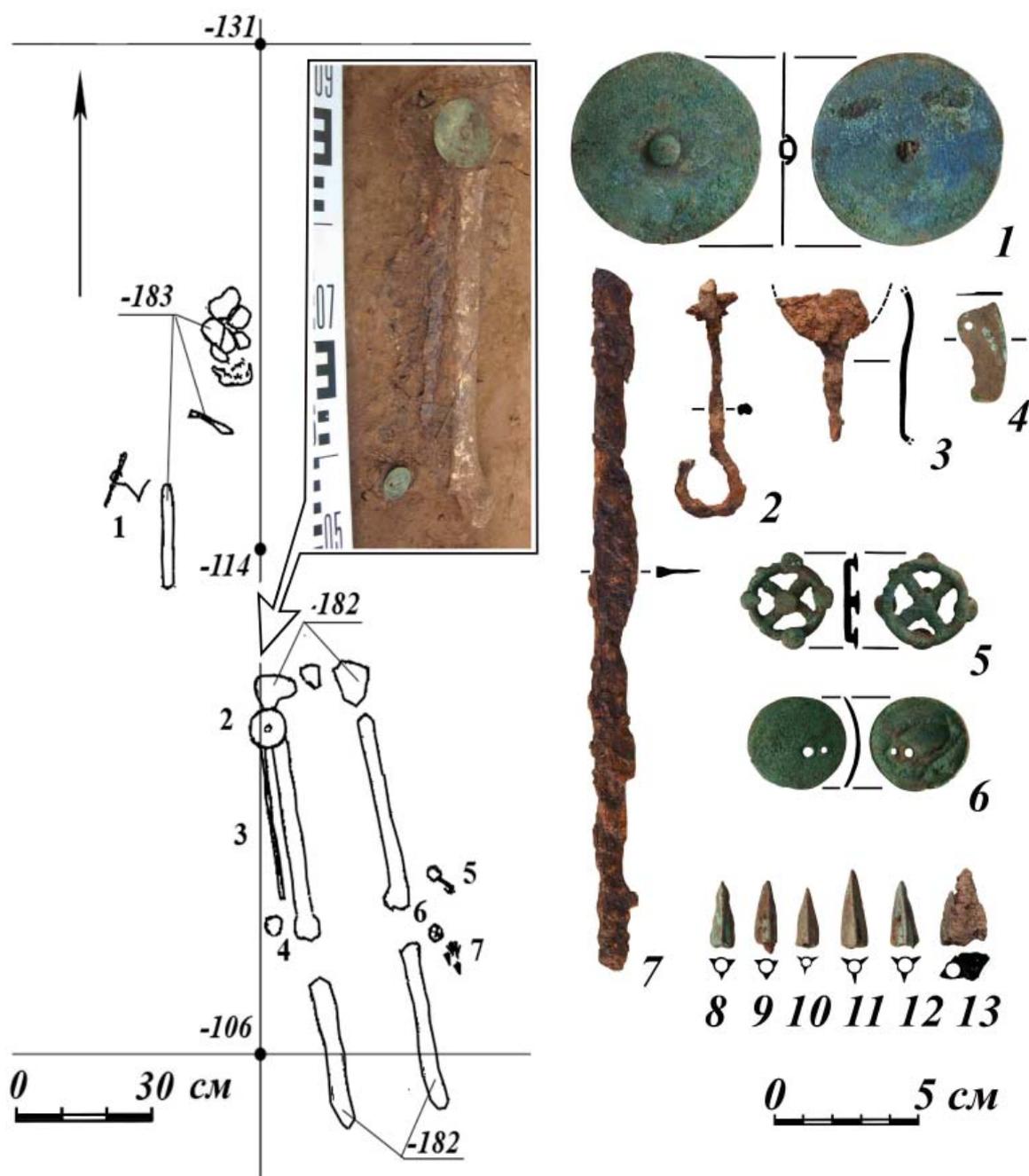

Рис. 2. Материал из впускного погребения кургана 24, II группы курганов Шиповского курганны-грунтового могильника.

Fig. 2. Material from the inlet burial of barrow 24, group II of the barrows of the Shipovo barrow subsoil burial ground

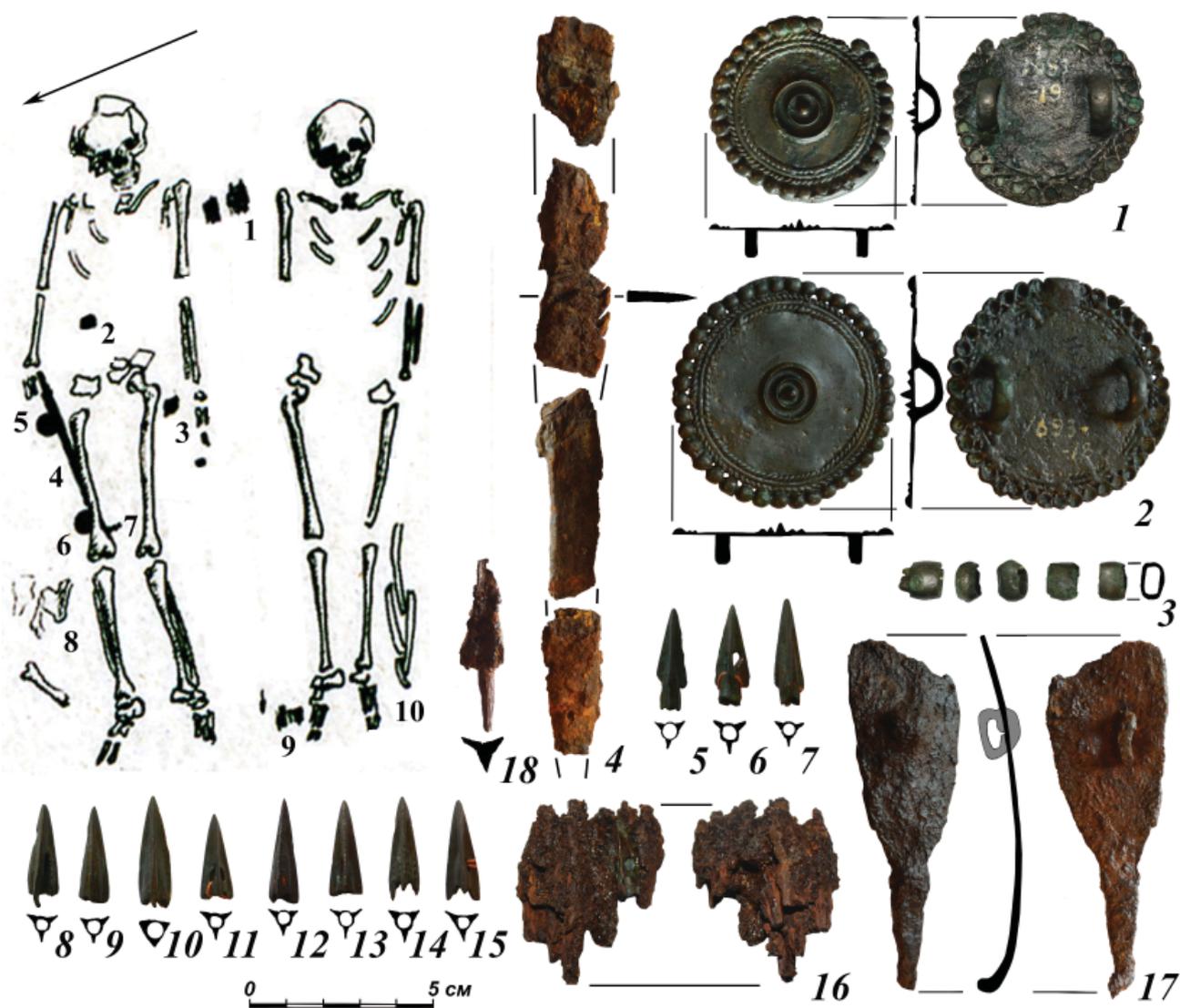

Рис. 3. Военный комплекс из кургана IX Старо-Кишкинского курганного могильника (раскопки 1934 г).
 Fig. 3. Military complex from barrow IX of the Starye Kiishki burial mound (excavations of 1934)

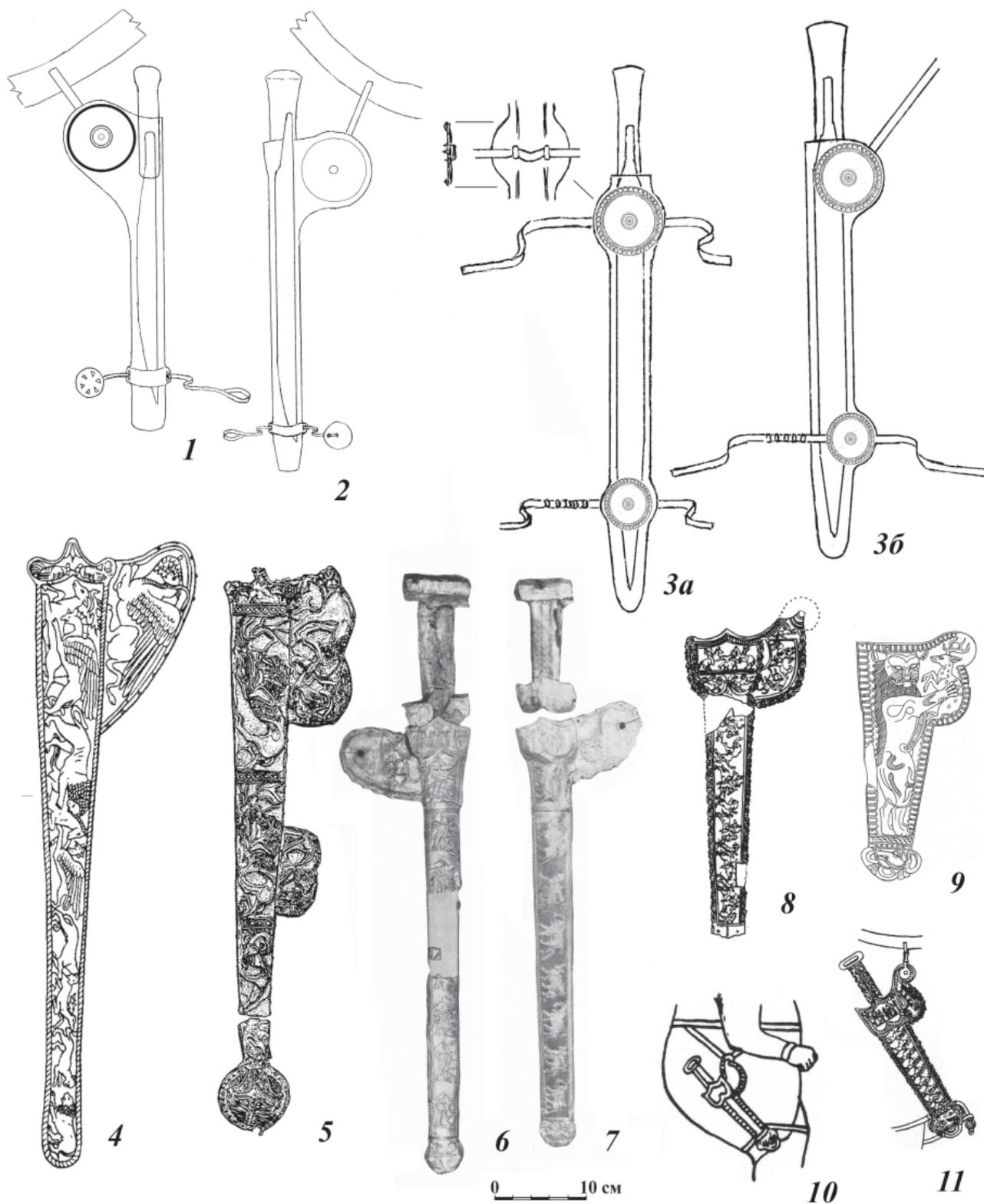

Рис. 4. Реконструкция крепления ножен акинака к поясу с помощью крупных круглых блях и их скифо-бактрийские аналогии.

Fig. 4. Reconstruction of the attachment of an acinaces sheath to the belt using large round plates and their Scytho-Bactrian counterparts

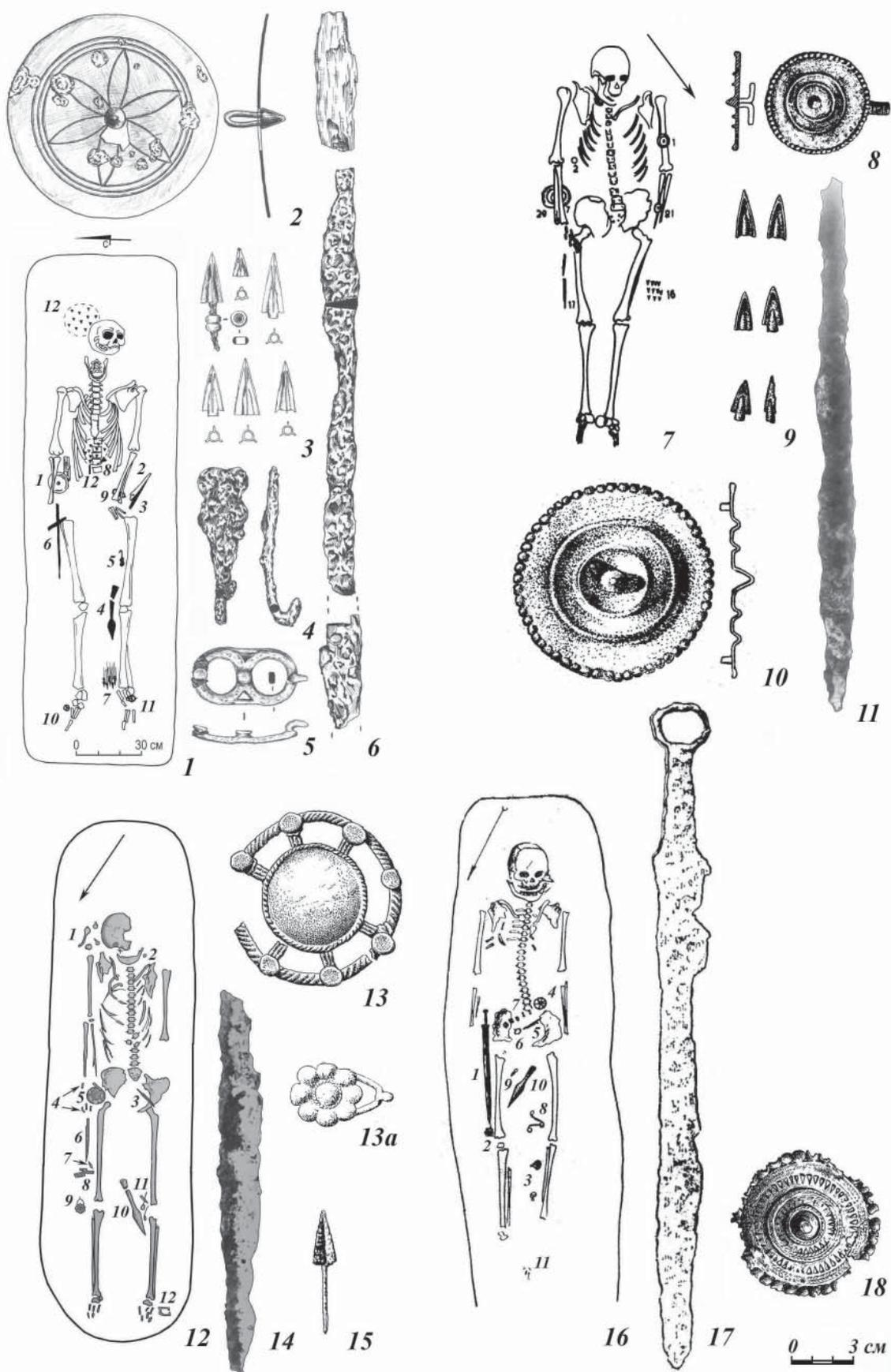

Рис. 5. Ножны мечей из поздних пьяноборских комплексов.
 Fig. 5. Sword sheaths from the late Pyany Bor complexes.

УДК 902.26 902.64 355.48

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2020.6.100.131>

КОМПЛЕКС ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ С. КОМАРОВКА УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ: К ИЗУЧЕНИЮ ОРУЖИЯ БЛИЖНЕГО БОЯ У НАСЕЛЕНИЯ ИМЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2020 г. Л.А. Вязов, Д.А. Петрова, В.В. Кондрашин, Ю.А. Салова

Статья посвящена предварительной публикации набора артефактов из грунтового могильника у с. Комаровка Ульяновской области. Предметы происходят из разрушенного несанкционированными раскопками погребения, совершенного по обряду кремации с преднамеренным повреждением погребального инвентаря. В состав анализируемого комплекса входят длинный однолезвийный клинок, наконечник копья и боевой нож, а также предметы конского снаряжения, украшения и детали костюма. Вероятная датировка комплекса - середина - вторая половина VI в. н.э. Наличие клинкового оружия и особенности погребального обряда делают публикуемый комплекс уникальным для именьковской культуры. Аналогии составляющим его артефактам обнаруживаются в материалах Северного Кавказа и Подунавья, а также Западной Сибири. Появление их в Среднем Поволжье может быть связано с культурными взаимодействиями периода формирования Аварского и Тюркского каганатов. С этими же событиями, вероятно, связано складывание нового набора военного снаряжения именьковского населения, включающего, наряду с луком и стрелами, оружие ближнего боя и пластинчатый доспех.

Ключевые слова: археология, эпоха Великого переселения народов, Среднее Поволжье, именьковская культура, кремации, оружие ближнего боя, Комаровский археологический комплекс.

COLLECTION OF WEAPONS FROM THE SITE NEAR KOMAROVKA IN THE ULYANOVSK REGION: A CASE STUDY OF MELEE WEAPONS OF THE IMEN'KOVO CULTURE POPULATION

L.A. Vyazov, D.A. Petrova, V.V. Kondrashin, Yu.A. Salova

This is the preliminary publication of the collection of artefacts found in the burial ground near to Komarovka of the Ulyanovsk region. The items came from a cremation burial destroyed by treasure-hunters. A long single-edged blade, a spearhead and a combat knife, as well as elements of horse harness, and garnets, form the set of artefacts. As it is clear from their condition, the grave goods were intentionally damaged in the past as a part of the rite. We date this artefact complex to the middle or to the second half of the 6th c. CE. The fact that the burial includes a blade, as well as some specificities of the funeral rite, makes it unique for the Imen'kovo culture. Northern Caucasus and the Danube are the regions where one can find the analogues for the artifacts included in Komarovka burial set. We suggest their introduction to the Middle Volga could be related to cultural interactions of when the Avarian and Turkic Khaganates established. The same processes started the formation of new military equipment of the Imen'kovo population which included melee weapons and plate armor as well, in addition to bow and arrows.

Keywords: archaeology, The Migration period, the Middle Volga region, Imen'kovo culture, cremations, melee weapons, Komarovka archaeological site complex.

Вводные замечания.

Весной 2013 г. в коллекцию Ульяновского областного музея краеведения поступил комплекс находок, обнаруженный кладоискателями в окрестностях с. Комаровка Ульяновского района Ульяновской области. В состав комплекса входили два набора предметов, по словам кладоискателя происходящих из двух различных "кладов", найденных на различных участках вспаханного поля, а также несколько десятков предметов и их обломков, найденных в слое пашне между ними.

Проведенный осмотр участка находок показал, что на этой территории расположен грунтовый могильник с погребениями, совершенными по обряду кремации, а на прилегающей к нему территории находится комплекс поселенческих памятников, включающий в себя два городища, несколько неукрепленных селищ и участки добычи железной руды. С 2013 г. начаты планомерные исследования выявленного комплекса памятников, проводящиеся Международной археологической экспедицией, организованной совместно

Тольяттинским государственным университетом, Институтом археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, НИИ истории и культуры им. Н.М. Карамзина Ульяновской области и Казанским федеральным университетом. В разные годы в экспедициях принимали участие Д.В. Серых, Д.А. Петрова, Л.А. Вязов, Ю.А. Семькин, Р.С. Багаутдинов, Е.П. Казаков, Ю.А. Салова, Е.М. Макарова, А.В. Панин, Е.Ф. Шайхутдинова, В.Н. Бахматова, Р.А. Силанов, Дж. Вильямсон и другие исследователи (Введенский и др., 2018). В результате исследований на могильнике было вскрыто 43 погребения, совершенных по обряду кремации. По составу вещевого инвентаря они относятся к VI-VII вв. н.э. Небольшие рекогносцировочные раскопки были также проведены на городище В.И. Введенским и Ю.А. Семькиным. Вещевой и керамический материал с памятников Комаровского археологического комплекса находит ближайшие аналогии в древностях именьковской культуры, хотя и имеет некоторые отличия.

Целью настоящей публикации является введение в научный оборот материалов одного из двух “кладов”, обнаруженных кладоискателями в начале исследования Комаровского могильника.

Общая характеристика памятника и комплекса находок

Комаровский грунтовый могильник расположен в Ульяновском районе Ульяновской области, в 2 км к юго-западу от монастыря в с. Комаровка (азимут на монастырь 47°), в 2 км к северо-западу от с. Дворики, в 3,4 км к востоку-юго-востоку от с. Старое Алейкино (рис. 1). Площадка памятника находится на водоразделе рр. Свияги и Волги, на субгоризонтальной платообразной поверхности, на северном берегу глубокого водоносного оврага, вытянутого в направлении с востока на запад, у истока северного отрога этого оврага. Площадка памятника плавно понижается в направлении с северо-востока на юго-запад, угол наклона составляет 3°. Поверхность памятника распахивается. На пашне встречается подъемный материал – фрагменты керамики, фрагменты кальцинированных костей, металлургические шлаки и др. Площадь распространения подъемного материала составляет около 1,2 га. Склоны оврага и его северного отрога, примыкающего к памятнику, покрыты лиственным лесом.

Комплекс находок, которому посвящена настоящая статья, по словам обнаружившего его М. Обмелюхина “... найден 26 апреля 2012 года ... Непосредственное место находки находится в 6 метрах от края правого ответвления безымянного оврага, заросшего лиственным лесом (дуб, липа, осина, клен), напротив осины растущей на отпахиваемом валике ... Вещи обнаружены на глубине 0,5 м, располагались кучно. В отвалах земли находились кальцинированные кости”. Описание находчика, а также проведенные впоследствии раскопки показывают, что с очень большой степенью вероятности обнаруженный комплекс следует расценивать как погребение, совершенное по обряду трупосожжения.

При сдаче на хранение в Ульяновский областной краеведческий музей, комплекс был обозначен как “предположительное погребение № 2” и включал в себя 32 предмета (рис. 2-3), в том числе:

1) Фрагмент бронзовой гривны из тордированного дрота, квадратного сечения, с застежкой в виде простого крючка, длиной 10,8 см (рис.3:10);

2) Фрагмент бронзовой круглодротовой гривны длиной 11,4 см (рис. 3:11);

3) Два бронзовых круглодротовых браслета диаметром 5,8 см (рис. 3:12,13);

4) Две двустворчатых бронзовых коробочки-буллы диаметром 6,5 и 7 см (рис. 3: 14,15);

5) Фрагмент железного ножа черешкового типа, с треугольным в сечении клинком, длиной 12,2 см (рис. 2:4);

6) Кольчатые двусоставные железные удила с круглым и восьмерковидными трензельными кольцами (рис. 2:5);

7) Рамка железной пряжки В-образной формы размером 5,6×2,9 см (рис. 3:9);

8) Детали (в т.ч. железные фрагменты оси пружин, стоек, игл, а также пластин, обойм и “кнопок” из сплава цветных металлов) двух двухпластинчатых фибул (рис. 3:1-8);

9) Железный колокольчик - “ботало” размером 9,7×9,1×5,1 см (рис. 2:3);

10) Железный наконечник копья, согнутый пополам, реконструируемая длина - 25 см (рис. 2:2).

11) Фрагменты железного длинного однолезвийного клинка, реконструируемая длина - 88 см (рис. 2:1).

Остальные предметы из состава “погребения” представлены невыразительными обломками изделий. Все артефакты имеют следы намеренного разрушения в прошлом:

гивны разрублены, железные изделия разрублены и/или согнуты, фибулы разломаны на части, крышки бронзовых коробочек погнуты. При этом, данное разрушение нельзя отнести на счет воздействия погребального костра: многочисленные бронзовые фрагменты не несут на себе воздействия огня. Таким образом, в состав набора ритуальных действий при совершении погребального обряда входило преднамеренное уничтожение вещей, причем впоследствии вещи попали в предполагаемую могилу, минуя погребальный костер.

Существенным и трудноразрешимым является вопрос о целостности комплекса “предполагаемого погребения №2”. Представленная в настоящей публикации интерпретация его комплектности строится только на основании устного сообщения находчика. В целом, эта информация заслуживает доверия, однако, несмотря на то, что все предметы, относительно которых у находчика имелись сомнения об их принадлежности к комплексу были из него исключены, следует отметить отсутствие какой-либо полевой документации о составе обнаруженного материала, что могло повлечь за собой некоторые ошибки.

Украшения, детали костюма и конского снаряжения из “предполагаемого погребения № 2”.

В состав исследуемого комплекса входят ряд украшений и деталей костюма, которые могут быть использованы для определения его хронологической и культурной принадлежности.

Двупластинчатые фибулы (рис. 3:1-8).

В состав комплекса входят два набора из трех железных стержней, которые могут быть интерпретированы только как детали механизма двупластинчатых фибул - иглы длиной 8,2 и 8,6 см и двух осей пружин длиной 6 и 8 см (рис. 3:3-7). Лучше сохранился механизм, представленный на рис. 3:3. Здесь ось одной из пружин сохранила свое изначальное соединение с иглой за счет сохранившихся кнопок и остатков стойки на концах, в то время как у второй фибулы кнопки на осях пружины частично утрачены. Оси не имеют обмотки, кнопки на них образованы путем обжимания пластиной из цветного металла.

К набору фибул также относятся два фрагмента накладок с кнопками (рис. 3:1,2) и фрагмент пластины ножки длиной 3 и максимальной шириной 1,2 см, имеющей сечение в виде угловатого желобка (рис. 3:8). Фибулы были сломаны в древности, о чем свидетельствует

отсутствие следов современных повреждений на их деталях.

До недавнего времени двупластинчатые фибулы в ареале именьковской культуры были известны по материалам Кушнаренковского могильника (Генинг, 1977, с. 102, рис. 9:2, 21) и отдельных случайных находок (Буров, 1985, с. 130). За последние годы они были найдены также в Новославском II могильнике (Валиев, 2018, с. 221, рис. 3:8; с. 225, рис. 9: 8, 9), в погребениях Комаровского могильника (Введенский, 2018, с. 298, рис. 49:4); как стойка такой фибулы была переинтерпретирована находка с Новинковского V селища (Сташенков, 2010, с. 115; с. 122, рис. 5: 6). Кладоискательские находки известны также с памятников в окрестностях с. Сурское Ульяновской обл. и Самарской Луки (материалы не опубликованы). Все эти фибулы относятся к различным типам и в целом отражают женский костюм именьковского населения (Бугров, 2002).

Судя по сохранившимся деталям, ближайшая аналогия фибулам из рассматриваемого комплекса происходит из состава “клада”, обнаруженного на Залотаревском I селище в Пензенской области (Белорыбкин, 2001, с. 24, 27; 25, рис. 12:24-27). “Клад” представляет собой набор разновременных вещей, часть которых, судя по описанию (“...множество фрагментов пронизок и оплавленных предметов... на одном из оплавленных фрагментов прикипел фрагмент кости”), относятся к разрушенному кремационному погребению. На возможное существование памятников с комплексами первой половины-середины VI в. н.э. в окрестностях Залотаревского городища косвенно указывает случайная находка здесь в 1978 г. стремени, которое И.Л. Измайлов соотносит с материалами из с. Кудыргэ и Улуг-Хорума датирует концом V - серединой VI вв. (Измайлов, 1990, с. 63; с. 69, рис. 1).

За пределами Среднего Поволжья наиболее близкие аналогии комаровским фибулам, насколько можно судить по сохранившимся деталям, обнаруживаются в погребениях раннего периода могильника Дюрсо (Дмитриев, 2003). Двупластинчатые фибулы из этих погребений (вариант 1а или 1б по А.В. Дмитриеву (Дмитриев, 1982, с. 73-74; Амброз, 1982)) снабжены накладками на стойках, имеют тонкие пластины, укрепленные подкладками, форма ножки уплощенно-округлая снизу, кнопки образованы обоймами из цветного металла. Такие фибулы в материа-

лах Дюрсо датируются временем до середины VI в. (Дмитриев, 2003, с. 201) и практически не встречаются вместе с поясными наборами геральдического стиля. Погребения Комаровского могильника, раскопанные в 2013-2019 гг., также свидетельствуют о “догеральдическом” периоде бытования двупластинчатых фибул на памятнике.

Коробочки-буллы (рис. 3:14, 14а, 15, 15а).

В комплекс находок из “предполагаемого погребения № 2” входят 2 комплекта тонких круглых крышечек от коробочек- “булл”, изготовленных из сплава цветных металлов. На имеющемся кладоискательском изображении крышки сложены вместе и согнуты пополам (рис. 3:14а, 15а), в состав музейной коллекции они попали уже в распрямленном виде, с многочисленными повреждениями. Они имеют симметричные отверстия, служившие для скрепления. У одной пары таких отверстий три, расположенных диаметрально - два с одной, одно - с другой стороны буллы (рис. 3:14); у второй - пять отверстий, идущих по краю с одной стороны изделия (рис. 3:15).

Буллы сферической формы в эпоху Великого переселения народов были распространены в северо-восточной Испании, на Рейне и в Северном Причерноморье. Согласно классификации Т. Вида, коробочки из Комаровки относятся к типу Па (Vida, 1996, р. 223), который характерен для территории Северного Кавказа, где такие находки датируются V-VI вв. (Vida, 1996, р. 230) и лишь изредка встречаются в более позднем контексте (Мастыкова, 2009, с. 88). Они входили в состав “средиземноморских” компонентов женского костюма местного населения (Мастыкова, 2009, с. 122) и чаще всего оказывались в погребениях в качестве посмертного приношения.

За пределами северокавказского региона находки булл рассматриваемого типа известны в Комаровке (в том числе в погребениях, раскопанных в 2013-19 гг.), Бирском могильнике (Мажитов, 1968, с. 135, табл. 16:9), Верх-Саинском могильнике (Голдина и др., 2018, с. 216-218; табл. 60:9). Из грабительских материалов происходит булла с Самарской Луки, еще одна булла происходит из г. Пороз Белгородской области. В тех случаях, когда хронологический контекст находок известен, они относятся к VI в. н.э.

Рамка железной пряжки (рис. 3:9).

Пряжки этого типа, В-образной формы и прямоугольного сечения, в Среднем Повол-

жье массово распространяются в V-VI вв. н.э. Ближайшие аналогии могут быть указаны на Коминтерновском поселении «Курган», Щербетском I островном селище (Старостин, 1967, с. 85), Коминтерновском II могильнике (Казаков, 1998, с. 137, рис. 25, 28), городище Ош-Пандо (Степанов, 1967, с. 205, табл. XIX, 14, 17), на селище Новая Беденьга I (Вязов, Семькин, 2016, с. 60), на Новославском II могильнике (Валиев, 2019, с. 112, рис. 2:37), в Бирском могильнике (Мажитов, 1968, с. 124, табл. 5:21). В тех случаях, когда они обнаружены в комплексе, эти пряжки входят в состав поясных гарнитур с накладками-”бельками”, наконечниками-коробочками, ранними формами Ж-образных накладок, то есть относятся ко времени до распространения геральдического стиля.

Фрагменты гривен (рис. 3:10, 11).

В комплексе были сданы два фрагмента шейных гривен - из витого дрота, квадратного сечения, с застежкой в виде простого крючка, длиной 10,8 см (рис. 3:10) и фрагмент круглодротовой гривны длиной 11,4 см (рис. 3: 11). На Комаровском могильнике и в последующие годы исследований фрагментов витых и круглодротовых гривен составляли заметную серию находок. Судить о ближайших аналогиях комаровским гривнам затруднительно из-за фрагментированности и отсутствия на них застежек, которые являются важным хронологическим показателем. Все гривны, обнаруженные в погребениях также фрагментированы и сильно деформированы, со следами огня, а в одном случае - с прикипевшей красной бусиной. В именьковских кремациях с других памятников гривны не найдены, однако целые и фрагментированные круглодротовые гривны встречены на Коминтерновском II могильнике в ингумационных погребениях женщин и детей. Они имеют разные типы застежек - с загнутыми концами, одним загнутым концом и плоским круглым приемником с отверстием, загнутым концом с четырнадцатигранником и плоским круглым в сечении приемником с отверстием, и без креплений на концах (Казаков, 1998, с. 121, 123, 126-128, 138, 144). Витых гривен из квадратного в сечении дрота на Коминтерновском II могильнике не обнаружено.

Фрагменты тордированных и круглодротовых гривен известны из “клада” с Золотарева I селища в верховьях р. Суры, который, как уже говорилось, вероятно, содержит остатки кремации, близкой по времени обря-

ду к захоронениям Комаровского могильника (Белорыбкин, 2001, с. 25). В древнемордовских могильниках такие изделия известны с III-IV вв., например, витая гривна из мужского захоронения 22 Гавердовского могильника (Ефименко, 1975, с. 30, рис. 10) или круглодротовая гривна с замком в виде загнутых концов из женского захоронения 10 Ивановского могильника (Ефименко, 1975, с. 24, рис. 4). Гривны круглые в сечении с замком в виде двух крючков встречаются в широком временном и географическом диапазоне от памятников пьяноборской культуры I-II вв. и до Серповского могильника VI-VII вв. (Вихляев, 1974, с. 8). Есть и более поздние аналогии круглодротовым гривнам с застежкой в виде круглой пластины с отверстием и крючком, они отмечены в захоронениях Борковского и Кузьминкинского могильников VIII - IX вв. (Альбом древностей..., 1941, с. 69).

Круглодротовые браслеты (рис. 3:12,13).

Браслеты, изготовленные из круглого в сечении прута, являются, пожалуй, пожалуй, одним из самых распространенных типов украшений эпохи Великого переселения и раннего средневековья. Они хорошо известны в материалах именьковской культуры и найдены в погребениях Коминтерновского II, Новославского II могильников; есть они и в кремациях Комаровки, раскопанных в 2013-2019 гг. Значительное количество браслетов происходит также из сборов. Судя по ингумационным могильникам, браслеты помещали в основном в женские и детские погребения, как по одному, так и парами (Казаков, 1998, с. 119, 123, 125, 135, 137, 138).

Что касается хронологии, то гладкие браслеты без декора, как отмечает А.В. Мاستыкова, широко распространены в культурах Восточной Европы на протяжении всего I тыс. (Мастыкова, 2009, с. 66-67).

Удила (рис. 2:5).

Удила из рассматриваемого комплекса - кольчатые, со звеньями, с внешними петлями в виде восьмерки и снабженными трензельными кольцами: округлым - с одной стороны и восьмеркообразным (кольцо сдавленное с боков к середине) - с другой (рис. 2:5). "Восьмеркообразность" петель самих удил слегка намечена, она выражена намного слабее, чем на других аналогичных удилах.

Точных аналогий удилам нет из-за особенностей набора трензельных колец, однако сами по себе удила с восьмеркообразными завершениями звеньев хорошо известны как

в именьковской культуре, так и в соседних регионах. На именьковских памятниках они известны в Коминтерновском II могильнике (Казаков, 1998. С. 137, рис. 25:39; с. 145, рис. 33:7; с. 148, рис. 36:17), на Щербетском I островном селище (Старостин, 1967. С. 77, табл. 15:2).

Наиболее близкие параллели удилам из Комаровки обнаруживаются в Коминтерновском II могильнике (погр. 25), а за пределами именьковского ареала - в Безводнинском (п. 44) и Волчихинском (п. 70) (Седышев, 2004. С. 126, рис. 6: 3), Старо-Кадомском и Младшем Ахмыловском могильниках (Седышев, 2004. С. 43). Еще одни аналогичные удила были найдены вместе с наконечником копья (см. ниже) в погребении 4 именьковского кремационного могильника на территории Жигулёвского II селища на Самарской Луке в 2020 г. (рис. 5: 2). Все эти удила имеют окончания звеньев в виде слабопрофилированной восьмерки и одно (чаще) или два восьмеркообразных трензельных кольца.

Указывая на аналогии в раннеаварских памятниках Венгрии, О.В. Седышев относит этот тип удил к концу VI в. и предполагает их выход из употребления в VII в. н.э. (Седышев, 2004. С. 43). Комаровские удила выглядят даже несколько более архаично на фоне приведенных аналогий за счет наличия второго круглого трензельного кольца.

Ботало (рис. 2:3).

Тело колокольчика изготовлено из тонкого железного листа, свернутого в трубку округло-уплощенной в горизонтальной и усеченоконической - в вертикальной проекции формы, соединенного сбоку фальцевым швом. Реконструируемые размеры колокольчика: высота - около 6 см, размер основания - около 10×6 см, размер верхней части -

8×5 см. Голова колокольчика также изготовлена из тонкого выпукло-вогнутого железного листа овальной в горизонтальном сечении формы, поясок сформирован еще одним фальцевым швом. Язык колокольчика имеет длину 7,5 см, он сделан из квадратного в сечении железного кованого прута толщиной 0,5 см, размеры утолщения установить сложно вследствие коррозированности металла. Ушко колокольчика имеет вид подпрямоугольной скобы, согнутой из железного листа и имеющей сечение в виде полумесяца.

Широкое распространение железных колокольчиков-ботал крупных (более 8 см) размеров на территории Римской империи и

в особенности на лимесе надежно документировано многочисленными находками. В большинстве случаев они имеют вытянутую, почти цилиндрическую форму, со слегка расширяющимся книзу туловом и подпрямоугольным, реже - округлым сечением (Nowakowski, 1988).

За пределами римского лимеса железные ботала встречаются как в памятниках оседлого населения, так и в погребениях. К пер. пол. III в. н.э. относятся ботала из Танаиса (Шелов, 1965, с. 76, рис. 20, цит. по: Обломский, 2004, с. 42), в III-IV вв. они обнаруживаются в культурных слоях поселений черняховской культуры (Смиленко, Брайчевский, 1967, с. 58).

В позднесарматских комплексах можно указать узкие усечено-конические ботала из железа высотой до 7 см в могильнике Покровка 10 (Малашев, 2008, с. 65; с. 281, рис. 157:7, 9), могильнике Сарытау (Боталов, Гуцалов, 2000, с. 96; с. 90, рис. 30:9) и других памятниках, где они, как правило, встречаются наряду с более распространенными бронзовыми экземплярами. Считается, что они имели сакральную функцию (Мошкова, 1989, с. 202), что заметно отличает употребление ботал в среде евразийских кочевников от утилитарного провинциально-римского и черняховского. Вероятнее всего, в древности колокольчики покрывались тонким слоем меди, что зафиксировано на ряде экземпляров по следам медных окислов.

В гуннское время крупные железные колокольчики провинциально-римского типа входят в состав престижного конского снаряжения кочевников. Об этом свидетельствует, например, погребение мальчика-монголоида первой половины V в. на некрополе Беляуса (Айбабин, 2003, с. 21; с. 92, табл. 6:16; Nowakowski, 1988, р. 124), где ботало находилось в составе погребального инвентаря, содержащего золотую серьгу и полихромные детали конского снаряжения. В Подунавье небольшое квадратное в сечении ботало встречено в богатом погребении середины

V в. н.э. в Аквинкуме (территория совр. Будапешта) (Nagy, 2010, р. 146, fig. 5.6). Отдельные железные колокольчики в гуннское время появляются на северной периферии степной зоны. Маленький (3,8×4,6 см) подпрямоугольный в сечении колокольчик найден на поселении Замятино 7 (Обломский, 2004, с. 42; с. 266, рис. 81:8), еще один высотой 10,4 см, подквадратный в верхней и округлый - в нижней части, - на поселении

киевской культуры Ульяновка (Терпиловский, 1984, с. 27).

В V-VI вв. ботала широко распространяются в поселениях Подунавья. Многочисленные экземпляры найдены в слоях позднеимско-ранневизантийского времени в Дичине, Садовце, Новах (Manning, 2019, р. 341, fig. 12.8:87, 92), Горни-Стреоце (Ivanišević, Špehar, 2005, р. 145, fig. 7:1), Вршенице (Ivanišević, 2016, р. 97, fig. 11). Форма ботал в это время становится более разнообразной, встречаются усечено-конические крупные экземпляры (10-15 см), изготовленные из нескольких скрепленных фальцевым швом железных пластин.

С середины VIII в. находки железных ботал распространяются в погребениях культур, связываемых с поволжско-финским населением. Они встречаются в погребениях Крюковско-Кужновского, Елизавет-Михайловского, Пановского, Степановского, Томниковского (Седышев, 2004, с. 32), Лядинского (Альбом древностей..., 1941, с. 11, табл. X:13), Второго Старобадиковского (Петербургский, 1987, с. 74, рис. 17:14) могильников. В муромской культуре ботала известны в Чулковском могильнике (Гришаков, 2013, с. 114; с. 111, рис. 3:13-14; Гришаков, Зеленеев, 1990, с. 40; с. 68, рис. 13:6). Наиболее вероятным источником распространения этой традиции в мордовских комплексах традиционно считается аланское влияние (Вихляев, 1974, с. 57). Действительно, железные ботала известны в погребениях Дмитриевского и Салтовского могильников (Плетнева, 1967, с. 174), в могильнике Красная Горка (Аксенов, 1998, с. 47, табл. 2). Салтовские, мордовские и муромские ботала довольно близки между собой: они имеют высокие пропорции и почти цилиндрическую форму, плоскую или близкую к плоской голову, что заметно отличает их от комаровского экземпляра. Несмотря на территориальную близость, таким образом, поволжско-финские находки ботал нельзя рассматривать как аналогии комаровскому колокольчику, поскольку они распространяются позднее и имеют иную форму.

Более вероятно, что истоки традиции помещать ботало в погребение, зафиксированной в Комаровке, связаны со степным населением гуннского времени. Ранние экземпляры ботал, обнаруженные в Беляусе и Аквинкуме, имеют иную конструкцию и форму, чем комаровский экземпляр и не могут быть связаны напрямую. Однако наличие близких по форме и конструкции ботал в ранневизантийских

материалах из Подунавья делает возможным предположение, что рассматриваемый колокольчик попал на Среднюю Волгу именно из того региона при посредничестве кочевого населения, которое и выступило источником традиции использования ботал в погребальной практике.

Предметы вооружения из “предполагаемого погребения № 2”.

Наибольший интерес в составе комплекса представляют, безусловно, предметы вооружения, представленные фрагментами железного длинного однолезвийного клинка и наконечником копья.

Однолезвийный длинный клинок¹, с прямым обухом (рис. 2:1,1а,1б,1в).

На момент обнаружения черенок был отделен от клинка, который был свернут 4 раза, о чем свидетельствует устное сообщение находчика и фотографии с сайта кладоискателей (рис. 2:1в). Еще до сдачи в музей клинок подвергся любительской реставрации - его попытались распрямить, в результате чего он был сломан на две части. На настоящий момент, таким образом, предмет представлен тремя фрагментами, два из которых размерами 56 и 24 см относятся к клинковой части, а третья, длиной 7,8 см представляет собой отрубленный в древности черенок изделия (рис. 2:1,1б). Клинок сильно корродирован. Переход от черенка к лезвию с тыльной стороны незначительно расширяется, почти прямой, со стороны лезвия скошен под углом. Сечение черенка прямоугольное, сечение лезвия - треугольное. Общая реконструируемая длина изделия - около 88 см, длина лезвия - 70 см, ширина лезвия - 3,1 см, толщина черенка - 0,6 см, толщина клинка с тыльной стороны 0,7 см (рис. 2:1а). Кончик лезвия скошен по прямой линии к обуху под углом около 45 градусов, практически без закругления. Обкладок рукояти и ножен в составе сданного в музей комплекса не обнаружено.

По данным кладоискательского сайта, с Комаровского могильника происходит еще один комплекс с длинным согнутым однолезвийным клинком, который, однако, не был сдан в коллекцию музея (рис. 4). Судя

¹ Среди оружейников нет единого подхода к наименованию этой категории изделий. В ряде работ употребляется термин “однолезвийный меч”, в других - “палаш”. В связи с существующим терминологическим разнообразием, мы выбрали наиболее нейтральный термин “однолезвийный клинок” (авторы приносят благодарность О.А. Радюшу за консультацию по этому вопросу).

по фотографии, опубликованной на сайте, в состав комплекса входят:

1) железный длинный однолезвийный клинок реконструируемой длиной 86 см, шириной около 3 см. Клинок свернут в три раза, черешок, возможно, отрублен, как и у клинка из “предполагаемого погребения № 2” (рис. 4:1).

2) кольчатые двусоставные железные удила с сильнопрофилированными восьмеркообразными окончаниями звеньев и круглыми трензельными кольцами (рис. 4:2);

3) бронзовое? восьмеркообразное кольцо (рис. 4:8).

3) нож железный с треугольным в сечении лезвием (?), общая длина изделия 17 см, ширина лезвия 1,9 см (рис. 4:3).

4) бронзовые пластины - вытянутая прямоугольная и свернутая - предположительно фрагменты ножен для ножа и меча соответственно (рис. 4:4,5).

5) железный наконечник стрелы трехлопастной, черешок не сохранился (рис. 4: 7).

6) бронзовые круглодротовые браслеты (рис. 4:9,10)

7) бронзовая круглая пластина с четырьмя отверстиями в средней части (рис. 4: 6).

Состав описанного комплекса, учитывая обстоятельства его обнаружения, вызывает закономерные вопросы, однако сам факт обнаружения второго однолезвийного клинка на Комаровском могильнике вряд ли следует подвергать сомнению.

Находки клинкового оружия представляют собой уникальный случай для памятников именьковской культуры, да и вообще для территории Среднего Поволжья V-VII вв. н.э. Исключением является находка фрагмента концевой части однолезвийного клинка, происходящая с селища Новая Беденьга I (Вязов, Семькин, 2016, с. 208, рис. 40-4). Длина сохранившейся части изделия 10 см, ширина 3,2 см, толщина с тыльной стороны 0,8 см. Лезвие сужается под по дуге, сечение треугольное (рис. 5:10).

Однолезвийные клинки известны в большом количестве памятников VI-VII вв. и подвергались обстоятельному изучению рядом исследователей (Гавритухин, Иванов, 1999).

Поиск аналогий клинку из Комаровки показал, что на территории Центральной и Восточной Европы и Сибири существует несколько регионов концентрации находок

длинных однолезвийных клинков VI-VII вв. н.э.

На территории Волго-Уральского региона известно всего несколько аналогичных клинков в материалах бахмутинской и турбаслинской культур. Один из них найден в Бирском могильнике в п. 206 (Мажитов, 1968, с. 150, табл. 28-1). Н.А. Мажитов относит данное погребение к наиболее поздней группе на могильнике VI-VII вв. (Мажитов, 1968, с. 43-44), по А.К. Амброзу данное погребение относится к четвертой группе, то есть к VII веку (Амброз, 1980, с. 39-40, рис. 14-5). Однолезвийные и двулезвийные мечи без навершия и перекрестия известны в материалах турбаслинской культуры, длина изделий варьируется в диапазоне 76-86 см (Сунгатов, 1998, с. 73, рис. 12-9,10). Ф.А. Сунгатов относит турбаслинские погребения с мечами к третьему комплексу сопряженных предметов, хронологические рамки которого ограничивает второй половиной VI - первой половиной VII вв (Сунгатов, 1998, с. 86). Комплексы с длинными однолезвийными мечами в Волго-Уралье, таким образом, единичны, а сами комплексы плохо датированы.

Существенно больше однолезвийных клинков известно в Западном Поволжье и Поочье. Однолезвийные мечи на этих территориях специально исследовались И.Р. Ахмедовым (Ахмедов, 2014; Ахмедов, 2019), который выделяет два типа длинного клинкового оружия у рязанских финнов в VI в.:

1) Однолезвийные мечи, которые имеют диапазон длины 62-68 см, за редкими исключениями в восточной части ареала - более 70 см в Безводнинском и Ахмыловском могильниках. Этот тип мечей восходит представляет собой развитие местных серий в условиях сокращения импорта (Ахмедов, 2019, с. 33-35). В дальнейшем мечи данного типа могли послужить прототипом для формирования однолезвийных мечей второй половины/конца VI - VII в. (Ахмедов, 2019, с. 33)

2) Однолезвийные мечи длиной

75,5-91,7 см, двух типов: а) мечи с плавно закругляющимся концом лезвия и б) с косо срезанным концом (Ахмедов, 2014, с. 278). Автор отмечает 11 находок с памятников в разных частях ареала культуры рязано-окских могильников, в том числе Никитинский (Ахмедов, 2010, с. 28, рис. 9-17), Старо-Кадомский (Ахмедов, 2010, с. 22, рис. 3-30), погребение кочевника в Арцыбашево (Ахмедов, 2010, с. 32, рис. 13-33) и т.д.

На территории степной зоны длинно-клинковое оружие входит в состав комплексов вооружения памятников типа Сивашовки 40-х-70-е гг. VII в., однако число находок также немногочисленно (Голубев, 2015, с. 74).

Наибольшая концентрация находок длинных однолезвийных клинков в Центральной Европе в VI-VII вв. н.э. наблюдается на территории Карпатского бассейна. Здесь известно 135 экземпляров, большей частью принадлежащих к раннеаварскому периоду - 90 экземпляров. К среднеаварскому периоду относится 16 экземпляров, позднеаварскому - 25 экземпляров. Мечи раннеаварского периода в основной массе происходят из Трансданубии (44,8%), междуречья Дуная и Тисы (34,6%) и Затисья (20%) (Csiky, 2015. P. 181).

Таким образом, на территории Европы наибольшее число длинных однолезвийных клинков, типологически близких найденному в Комаровке, обнаруживается в древностях раннеаварского периода, то есть конца VI-начала VII в.

Истоки распространения длинных однолезвийных клинков вряд ли возможно искать в развитии местных серий, восходящих к лонгсаксам. Широкое распространение новой категории оружия свидетельствует в пользу его распространения в ходе масштабных событий, связанных с миграциями и войнами периода Первого тюркского и аварского каганатов. Это указывает на территорию Сибири и Алтая как на возможные истоки длинных однолезвийных клинков.

Этот вид оружия известен в древностях Южной Сибири на памятниках булан-кобинской культуры 2-й пол. IV - 1-й пол. V в. н.э. и одинцовского этапа верхнеобской культуры конца IV - V вв. в лесостепной части Алтая. Стоит отметить что на Алтае однолезвийные мечи без перекрестий имеют дисковые или кольцевые навершия, однако известны находки и без них (Горбунов, 2006, с. 63-64, 194). Более поздние находки происходят со Средней Оби из могильника Рёлка VI-VIII вв. Интересно отметить, что рёлкинские клинки были обнаружены в погребениях с трупосожжениями, датирующихся VII в., и подверглись преднамеренному повреждению - были сложены пополам. Клинки имели кольцевые навершия (Чиндина, 1977, с. 27-28, рис. 6, 24).

Таким образом, на территории Восточной Европы длинные однолезвийные клинки получают распространение во второй половине VI в., в период аварских и тюркских завое-

ваний и образования Первого Тюркского каганата. Этот тип клинкового оружия становится господствующим в VII в. н.э., когда он широко распространяется в степных погребениях и у населения Аварского каганата.

Наконечник копья (рис. 2:2,2а,2б).

Наконечник копья, входящий в комплекс “предполагаемого погребения № 2” Комаровского могильника, имеет вытянутое листовидное перо с плавным, без заметных плечиков переходом к втулке. Длина пера примерно равна длине втулки и составляет 13,3 см; ширина пера в месте максимального расширения - 3,6 см, общая длина сохранившейся части наконечника - 25 см. Сечение пера – уплощенно-ромбовидное. Наконечник был преднамеренно плавно изогнут, а затем дополнительно резко согнут в районе наибольшего расширения пера. Максимальное расширение пера находится около его середины. максимальный диаметр втулки – 3,6 см, края втулки у её основания разошлись на 1 см.

Копья, хоть и редко, встречаются на территории именьковского расселения. Они относятся к нескольким типам (типология копий дается по: Матвеев, 2013).

Наиболее распространенными являются наконечники копий двушипной формы (тип VI по Р.В. Матвееву). Такие находки известны на Коминтерновском селище “Курган” (рис. 5:7), Щербетьском I островном селище (рис. 5:6) (Старостин, 1967, с. 77, табл. 15: 13, 16). По сведениям, происходящим с интернет-сайтов кладоискателей, еще одна такая находка была сделана на селище, примыкающем к Ундоровскому IV городищу (Никитина, 2017, с. 67; с. 74, рис. 1:14). Еще один такой наконечник из именьковского ареала происходит с селища, примыкающего к Алатырскому I городищу в Среднем Посурье (рис. 5:8) (Вязов и др., 2016, с. 70-71), керамика из сборов с этого памятника отличается от именьковской, а с городища происходят находки, не характерные для именьковской культуры (Вязов и др., 2016, с. 88, рис. 3:5). Двушипные наконечники копий широко распространены в Среднем Поволжье и Прикамье в I тыс. н.э., они известны в материалах практически всех культур региона (Матвеев, 2013, с. 82-83; рис. 17: тип VI).

Второй тип копий (тип II.2 по Р.В. Матвееву), встречающихся в именьковских материалах - наконечники с широким ромбовидным пером. Такие копья были найдены на городище Ош-Пандо, где П.Д. Степановым в культурном слое было выявлено два наконечника

копий (рис. 5:4,5). Один из них (рис. 5:5) был обнаружен в составе клада железных изделий, включавшего в себя также багор (видимо, Степанов, 1967, с. 204, табл. XVIII:3) и крупное шило, а второй (рис. 5:4) - “торчал втулкой вверх близ западного края городища” (Степанов, 1967, с. 83). Копья имеют асимметрично-ромбовидное перо и втулку, длина которой несколько меньше длины пера. Ошпандинские копья находят множество аналогий в мордовских могильниках (Циркин, 1984, с. 125-126) и имеют широкую хронологию бытования.

Еще тип именьковских наконечников древкового оружия представлен единственным экземпляром, который был выявлен раскопками 2020 г. на Жигулевском II селище в окрестностях г. Жигулевска на Самарской Луке в составе комплекса погребения 4² (рис. 5:1). Он имеет узкое ланцетовидное перо и слабо выраженные плечики, переход от пера к конусовидной втулке плавный. Максимальное расширение пера приходится на нижнюю треть, т.е. расположено ближе к втулке. Сечение пера – уплощенно-ромбовидное, после реставрации стало заметно ребро, проходящее от основания пера до его острия. Общая длина наконечника – 24,2 см, ширина пера – 2,5 см, толщина (максимальное значение поперечного сечения) пера – 0,5 см, длина втулки –

13,3 см, максимальный диаметр втулки – 3,3 см. Края втулки у её основания разошлись на ¼ её длины. Примечательно, что между погребением 4 и соседним погребением 2 был обнаружен жертвенник в виде нижних частей двух ног лошади, что вместе с удилами и копьём перекликается с своеобразным мотивом воинских захоронений Волго-Камья, в частности Тарасовского (Голдина, Сабиров, Сабирова, 2015) и Тураевского (Голдина, Бернц, 2010) могильников, включавших характерный набор: оружие (в том числе и, довольно часто, копьё) + конская упряжь. Копья с пером ланцетовидной формы традиционно относят к категории кавалерийских пик. По классификации аварского оружия, наконечник относится к типу P.I.B/3.a (simple reed-shaped blade, the length of the blade and the socket are equal, with cleft socket), наиболее распространенному в раннеаварский период в Трансданубии и выходящему из употребления позднее (Csiky, 2015, p. 36, fig. 4; p.

² Авторы выражают благодарность автору раскопок П.П. Барынкину за возможность публикации комплекса находок из погребения.

87). Близкие формы наконечников широко распространены у населения салтовской культуры (Виноградов, 2017, с. 87). В лесной зоне подобные пики становятся известны в древнемордовской культуре и в Прикамье только в VIII в., когда их распространения происходит в результате салтовского влияния (Циркин, 1984, с. 126-127; Голдина и др., 2018, с. 610). В Среднем Поволжье этот тип наконечников широко распространяется также только в раннеболгарский период (Измайлов, 1993).

Следует остановиться еще на одном наконечнике копья, традиционно относимом к именьковской культуре и происходящем с Именьковского I городища (рис. 5:9) (Калинин, Халиков, 1960, с. 245, рис. 7:6). Копье имеет длинное (39 см) перо иволистной формы и короткую узкую втулку диаметром 2 см (наиболее близкая форма - тип V по Матвееву). Аналогии этому наконечнику можно подобрать в центральноевропейском вооружении. Так, в пшеворской культуре подобные копья обнаруживаются в погребениях стадии C1/D, соответствующей 2 пол. III - 1

пол. IV вв. н.э. (Kontny, 2008, p. 133). Если предложенное сопоставление верно, то копье, возможно, следует относить не к именьковскому, а к более раннему, азелинскому слою на памятнике. Этот слой может быть датирован в пределах конца II-IV вв. (без последней четверти IV в.) как на основании находки фрагмента лапчатой подвески (Калинин, Халиков, 1960, рис.9: 4; Лещинская, 2014, с. 189, табл. 92:17), так и исходя из хронологии существования нижнекамских азелинских памятников в целом (Галимова и др., 2019, с. 204). До получения данных, подтверждающих либо опровергающих именьковскую принадлежность данного наконечника, рассматривать его в ряду предметов именьковского вооружения преждевременно.

Что касается наконечника копья из Комаровки, то его можно отнести к типу III.2 по Р.В. Матвееву - листовидным наконечникам с пером и втулкой близких размеров, имеющим широкие аналогии в древностях Восточной Европы I тыс. н.э. (Матвеев, 2013, с. 76-77).

Таким образом, большая часть наконечников копий относится к типам с широким ареалом и хронологическими рамками распространения. Вместе с тем, следует отметить, что наконечники копий известны только с памятников, которые функционировали на позднем этапе существования именьковской культуры. Один наконечник выглядит исклю-

чением из этого правила: это узкая ланцетовидная пика, аналогии которой в VI-VII вв. на территории Среднего Поволжья не известно. Ближайшие аналогии наконечнику обнаруживаются в раннеаварских материалах Прикарпатья. Точная датировка комплекса, из которого происходит наконечник, затруднительна; удила из его состава аналогичны комаровским.

Фрагмент ножа (рис. 2:4).

Сохранившаяся часть железного ножа с клиновидным в сечении лезвием имеет длину 12,2 см, ширину 2,2 см, толщину спинки 0,4 см. Переход от черешка к клинку оформлен в виде уступов со стороны спинки и лезвия, с небольшим смещением относительно друг друга. Утрачена часть клинка с острием, предмет корродирован.

Как правило, ножи хозяйственно-бытового назначения, происходящие с поселенческих памятников именьковской культуры имеют длину около 10-12 см, рассматриваемый же предмет, учитывая утраты, явно намного превосходит эти параметры. По видимому, его следует относить к разряду боевых. Выделение боевых или охотничьих ножей в отдельную категорию по длине, превышающей 12 см была предложена С.М. Васюткиным и Т.И. Останиной на материалах мазунинской культуры (Васюткин, Останина, 1986, с. 74). Дополнительным аргументом для такой интерпретации анализируемого ножа является его принадлежность к комплексу с другим оружием.

Ближайшая аналогия данному ножу происходит, по-видимому, из другого разрушенного кладоискателями погребения с клинком (см. выше). Судя по доступной фотографии, этот нож имеет аналогичную форму, его общая длина составляет 17 см, а ширина лезвия 1,9 см (рис. 4:3).

Территориально ближайшей находкой, близкой по форме и размерам, можно назвать нож из шурфа 3 на селище Новая Беденьга I. Длина сохранившейся части ножа 15,5 см, ширина лезвия 2 см, переход от черешка к клинку в виде уступов, как со стороны лезвия, так и со стороны спинки (рис. 5:19). В этом же шурфе на площади 4 м² обнаружены: железная В-образная пряжка с прямоугольной в сечении рамкой и с загнутым язычком, пряжка овальной формы с прямоугольной в сечении рамкой и с загнутым язычком, пряслице усеченно-биконической формы с орнаментом в виде мелких насечек по ребру и верхним

граням, чашевидная миска высоких пропорций (Вязов, Семькин, 2016, С. 34, с. 178, рис. 9Б).

Находки ножей в погребениях именьковской культуры - большая редкость. Ножи встречаются только в погребениях с ингумациями Коминтерновского II могильника (Казаков, 1998; Казаков, 2011) и только трижды во всем ареале культуры встречены в кремационных погребениях: в погребениях 39 и 64 Маклашеевского V могильника (Старостин, 1988; Старостин, Чижевский, 2006) и погребении 108 Рождественского II могильника (Генинг и др., 1962). Ножи из погребения 108 Рождественского II могильника и погребения 64 Маклашеевского V могильника имеют размеры, не превышающие 10 см в длину и могут быть отнесены к разряду хозяйственных (Генинг и др., 1962, с. 113, Табл. XVI-18; Старостин, Чижевский, 2006, с. 178, рис. 5-1).

Нож из погребения 39 Маклашеевского V могильника представляет собой, по всей видимости, самый крупный экземпляр боевого ножа именьковской культуры - длина сохранившейся части 16,7 см, ширина лезвия 3 см, толщина 0,4 см. Часть клинка и черешок утрачены (рис. 5:11). В погребении также найдены фрагменты лепных сосудов.

В Коминтерновском II могильнике ножи найдены исключительно в погребениях с ингумациями. Всего с памятника происходят 13 ножей, 9 из которых можно отнести к хозяйственным (ножи из погребений 4, 6, 8, 23, 26, 44, 53, 54, 62) и четыре предмета, которые можно отнести к боевым ножам и кинжалам (погребения 46, 62, 66, 84). Два ножа найдено в воинских погребениях 62 и 66, материалы которых в настоящий момент готовятся к публикации Е.П. Казаковым.

Нож с остатками ножен из погребения 46 (рис. 6:19) описан в тексте полевой документации как "железный нож с остатками деревянных ножен обитых бронзовой обоймой" (Казаков, 1993. С. 18); к сожалению, обнаружить его в коллекции не удалось. Длина, которую можно реконструировать по публикации предмета, составляет около 30 см, ширина вместе с остатками ножен (?) - 3,3 см, форму клинка восстановить не представляется возможным (Казаков, 2011, с. 32, рис.10:19). Комплекс находок в погребении включает в себя поясную гарнитуру "шиповского" круга (рис. 6:1-3,6-13,20-25), уздечный набор (рис.6:17) и серебряные пластинчатые накладки седла (рис.6:4). Датировка комплек-

са возможна в пределах 430/470-530/570 гг. (Казанский, Мاستыкова, 2010, с. 93; с. 94, рис. 1:7), И.О. Гавритухин относит дату появления поясов с четырехлепестковыми накладками в Поволжье к середине - второй половине VI в. (Гавритухин, Иванов, 1999, с. 107; Гавритухин, 1999, с. 191-194).

Лучше всего сохранился кинжал из погребения 84 Коминтерновского II могильника (рис. 5:12). Предмет фрагментирован (отсутствует центральная часть клинка), корродирован. Размеры фрагментов: черешок - длина 6 см, ширина 2,1 см; средняя часть клинка - длина 8,1 см, ширина 2,7 см; острие - длина 7 см, ширина - 2,1 см. толщина черешка около 0,4 см, толщина клинка - 0,3 см. Спинка ровная, со стороны лезвия при переходе от черешка к клинку выступ. Вместе с кинжалом сохранились железные фрагменты ножен U-образной формы, состоящие из тонкой пластины с загнутыми краями. Среди других находок погребения 84 - бронзовая утолщенная калачиковидная серьга с позолотой, остатки сложносоставного лука с костяными накладками, трехлопастные железные наконечники стрел и одноручный кувшин, покрытый полосчатым лощением (рис. 5:13-18) (Казаков, 2011, рис. 11-12). Ближайшие аналогии серьге (рис.5:16) обнаруживаются в Верхнем Погромном и в Шипово, к.2 (Богачев, 1996, с. 110, рис. 4). Таким образом, время совершения погребения определяется так же, как и у погребения 46.

За пределами именьковской культуры боевые ножи встречаются довольно широко. В Прикамье они входят в состав не только мужского, но и женского убранства VI-VII вв. (Голдина и др., 2018, с. 600, табл. 444:; 602, табл. 446: 6-10). Часто встречаются боевые ножи в погребениях с оружием и в могильниках армиевского типа (Полесских, 1979, с. 35, рис. 2:8; с. 38, рис. 24:3,7, с. 40, рис. 25:4).

Таким образом, крупные ножи (более 12 см) были важной частью воинского снаряжения именьковского населения. Они встречены в мужских погребениях с оружием и конским снаряжением. В погребениях Коминтерновского II могильника боевые ножи являются единственным клинковым оружием, в Комаровском могильнике они дополняют длинные однолезвийные клинки. На основании анализа погребального инвентаря погребения с ножами на Коминтерновском II могильнике относятся к середине-второй половине VI в.

Погребальный обряд

Учитывая, что анализируемый комплекс предметов происходит из недокументированных раскопок, детали погребального обряда установить затруднительно. Находчик сообщал о наличии мелких кальцинированных костей в месте обнаружения предметов, однако, как показали дальнейшие раскопки, мелкие кости могут встречаться и в межмогильном пространстве вследствие перемешанности слоя пахоты и землероями. С другой стороны, в раскопах 2015-2019 гг. встречены захороненные комплексы вещей, не содержавшие кремированных костей вовсе. В значительной части исследованных на настоящий момент погребений кости сильно измельчены (Вязов, Петрова, 2013).

Как уже говорилось выше, все предметы, поступившие в коллекцию музея, несут следы преднамеренной порчи в древности. В отношении одного предмета могли быть использованы сразу несколько способов порчи: так, у меча была сначала отрублена рукоять, а потом он был, вероятно, нагрет и согнут несколько раз. Крышки коробочек-булл были предварительно расплющены, а затем - собраны вместе и согнуты пополам, и т.д. Последующие раскопки показали, что подобные действия типичны для погребального обряда населения, оставившего Комаровский могильник.

Некоторые предметы несут на себе воздействие огня. Так, следы оплавленности зафиксированы на круглодротовой гривне и на одном из браслетов. При этом, крышки от коробочек-булл и фрагменты фибул не были помещены в погребальный костер, где они бы неизбежно деформировались или полностью расплавились. В других захоронениях могильника наблюдается похожая картина: предметы из тонкого медного листа как правило разрушены (сломаны, согнуты или разрезаны), но далеко не все из них оплавлены, бусы встречаются как оплавленные или пережженные, так и неповрежденные и т.д.

Наконец, в составе комплекса значительная часть вещей представлена не полностью: отсутствуют некоторые детали фибул, части гривен и т.д. Такую неполноту можно было бы списать на обстоятельства извлечения комплекса из земли, но материалы других погребений свидетельствуют о том, что во многих случаях в могилу помещались не все обломки изделий.

Таким образом, можно выделить следующие достоверные элементы погребального обряда:

- безурновый характер захоронений;
- относительно богатый и разнообразный погребальный инвентарь;
- преднамеренная порча погребального инвентаря: разрубание и сгибание крупных предметов, в частности - оружия;
- частое использование принципа *pars pro toto*;
- периодически практиковавшееся положение погребального инвентаря на погребальный костер или рядом с ним.

В целом, такой набор признаков вполне позволяет относить анализируемый комплекс к погребениям именьковской культуры, но с существенной оговоркой: ни в одном другом могильнике именьковского населения не зафиксировано предварительно поврежденное оружие.

Поиски параллелей такому обряду представляют существенную проблему. Учитывая историографическую традицию поиска истоков именьковской культуры в материалах полей погребений (Матвеева, 2003), возможным источником традиции кремаций с преднамеренного поврежденным оружием могла бы выступить пшеворская культура. Действительно, в пшеворских могильниках такие кремации хорошо известны. Однако попытка такого сопоставления натывается на очевидные хронологические проблемы и обрядовые нестыковки. Так, оружие содержится в захоронениях с урновыми кремациями, а в Среднем Поволжье урновые кремации в принципе неизвестны; в пшеворских погребениях все вещи несут следы пребывания в огне, а в Комаровке воздействие погребального костра очень избирательно, здесь отсутствует типичная для пшеворских могильников фрагментированная вторично обожженная и ошлакованная керамика и т.д. Далее, даже внешнее сходство Комаровский комплекс обнаруживает не с позднейшими пшеворскими погребениями, а с погребениями стадии В/С (Godłowski, 1970). На позднем этапе развития пшеворских погребальных традиций, уже в фазе С2 и особенно в фазе D, изменения обряда приводят к появлению могильников добродзеньского типа, для которых характерна смена индивидуальных погребений т.н. "культурным слоем", либо к смене ямных захоронений урновыми (Godłowski, 1981, s. 106-120). Кроме того, общее число погребений с оружи-

ем в фазе C2/D существенно уменьшается по сравнению с предшествующим временем (Kontny, 2005. P. 133).

За пределы пшеворского ареала традиция помещения в погребения преднамеренно поврежденного оружия изредка встречается в кремациях черняховской культуры с пшеворскими чертами. Таких погребений насчитывается немного, всего около двух десятков на весь массив исследованных черняховских захоронений; их хронологические рамки не выходят за пределы IV в. (Магомедов, 2001, с. 34).

В гуннское время отдельные погребения с преднамеренно поврежденным оружием встречаются в Прикарпатье, они найдены в Артанде, Чонград-Кендерфельдек, Хоргоше и Канкасе / Канкайнене (Tejral, 1999; P. Kontny, 2015), Кэпусу-Маре (Dobos, 2009). Большинство этих погребений содержат мечи “восточного” типа или иные элементы, происхождение которых на территории Подунавья можно связать со “степным” влиянием. Эта группа погребений, по-видимому, была оставлена восточногерманской воинской элитой, вовлеченной в процессы Великого переселения народов; некоторые категории артефактов маркируют ее дальнейший путь к Рейну (Ołędzki, Tyszler, 2019, p. 205-206).

Новый этап распространения кремаций с преднамеренно поврежденными вещами, в том числе - оружием, начинается в Евразии со второй половины VIII в. В это время такие погребения распространяются в ареале салтовской культуры, где они исследованы на многих памятниках, некоторые из которых подробно опубликованы (Сухогомольшанский могильник в Подонцовье (Аксенов, Михеев, 2006), в Дюрсо (Дмитриев, 2003, с. 203) и др.) и др. Несмотря на существенные различия в деталях, у кремаций салтовского времени есть ряд общих черт. Это преднамеренное повреждение погребального инвентаря; помещение вещей не внутри пережженных костей, а рядом с ними, либо сопровождение погребения отдельным набором инвентаря в “тайнике”, “поминальном комплексе”; высокий процент захоронений с оружием, среди которых встречаются как урновые, так и безурновые.

Очевидно, что появление согнутого однолезвийного клинка в кремации из Комаровки в силу хронологической невозможности не может быть объяснено распространением традиции, прослеженной в Сухой Гомольше

и Дюрсо. Похоже, что к западу от Урала нет более ранних (VI-VII вв.) кремаций с поврежденным оружием. Однако, такой обряд фиксируется восточнее, в Среднем Приобье, в материалах рёлкинской культуры, не позднее VII в. н.э. Погребальные и поминальные комплексы Рёлкинского могильника, содержащие поясные накладки в геральдическом стиле, включают в себя согнутые длинные однолезвийные мечи. Интересно, что погребения, содержащие поврежденное оружие, совершены по обряду кремации (Чиндина, 1977, с. 11-12, 20, 92-93), не характерном для основной массы рёлкинских погребений. Возможно, что появление этого обряда на Средней Оби связано с каким-то южным импульсом – не исключено, что тем же, который вызвал инновации в погребальных традициях у населения Средней Волги.

Таким образом, на сегодняшний день генезис погребального обряда Комаровского могильника остается совершенно неясным. Очень вероятно, что базовой, субстратной основой для его формирования послужили традиции населения именьковской культуры (формирование традиций именьковского погребального обряда само является неразрешенной проблемой, однако этот вопрос выходит далеко за рамки настоящей статьи). Что же касается помещения в погребения преднамеренно поврежденного оружия, то этот обычай выглядит инновацией для именьковского населения. Хронологически наиболее близкие параллели можно усмотреть в рёлкинских погребениях Среднего Приобья. Вполне вероятно, что распространение кремаций с поврежденным оружием в рёлкинской среде происходит под влиянием тех же причин, что и в Комаровке. В этом убеждают синхронность процессов и сходство возникающих инноваций.

Что касается возможных сопоставлений с салтовскими кремациями второй половины VIII-IX вв., то для этого нет ни хронологических, ни культурных, ни сравнительно-аналитических оснований. Исследованные в последние годы в Среднем Поволжье кремационные погребения конца VII-IX вв. н.э. на Жигулевском археологическом комплексе (Сташенков, 2014; Кочкина, Сташенков, 2018; Сташенков, Салугина, 2017; Сташенков и др., 2019) не содержат предметов вооружения, не прослеживается и обряд преднамеренной порчи вещей (Сташенков, 2014). Что же касается лесной зоны, то в могильниках культур,

связываемых с поволжскими финнами, кремации с поврежденным оружием единичны и датируются намного более поздним временем. Так, погребение с согнутым вдвое мечом в Шокшинском могильнике относится к концу X в. н.э. (Шитов, 1990, с. 24; 1992).

Хронология и культурная принадлежность комплекса “предполагаемого погребения № 2”.

Набор артефактов из “предполагаемого погребения № 2” Комаровского грунтового могильника представляет собой уникальный для именьковской культуры памятник, характеризующий культурные связи оставившего его населения. Несмотря на то, что обстоятельства его обнаружения не были надлежащим образом документированы, артефакты, входящие в его состав, с большой долей вероятности могут расцениваться как единый комплекс.

Время его предполагаемого сложения может быть определено на основании анализа входящих в его состав артефактов. В целом, этот набор относится к периоду до начала распространения геральдических поясных гарнитур или к самому началу времени их распространения. Двупластинчатые фибулы (рис. 3:1-8), находящие аналогии в фибулах раннего периода могильника Дюрсо, вряд ли могут переживать середину VI в. н.э. В пределах VI столетия могут быть датированы коробочки-буллы (рис. 3:14-15), также имеющие аналогии в материалах Северного Кавказа. Некоторую хронологическую информацию дают также удила (рис. 2:5), которые, судя по имеющимся аналогиям, должны относиться к VI, может быть, самому началу VII столетий. На то же время указывает и рамка В-образной железной пряжки (рис. 3:9). Что касается длинного однолезвийного клинка (рис. 2:1), то наибольшее распространение такого оружия относится к последней трети VI-началу VII вв. Таким образом, время формирования комплекса можно отнести к середине-второй половине VI в. н.э.

Что касается культурной принадлежности комплекса, то она сочетает в себе черты различных традиций. Основные черты обряда вполне соответствуют нашим представлениям о погребальных традициях именьковской культуры, парные фибулы также являются чертой именьковского костюма. Наличие в погребальном комплексе коробочек-булл, положенных в качестве посмертного подношения, сближает комплекс с северокавказ-

скими (аланскими?) погребениями. Ботало (рис. 2:3) в составе погребального инвентаря характерно для степных кочевников гуннской и постгуннской эпохи. Наконец, помещение в погребение преднамеренно разрушенного оружия находит ближайšie по времени параллели в Приобье говорит о культурном влиянии какого-то западносибирского или даже более восточного населения, того же, что оказало воздействие на изменения в погребальном обряде рёлкинской культуры.

Таким образом, имеющиеся сведения о комплексе вполне позволяют интерпретировать его как одно из погребений именьковской культуры, относящееся ко второй половине VI в. н.э., с яркими чертами, нехарактерными для большинства именьковских комплексов и отражающими распространение в именьковской среде новых традиций южного и восточного “степного” происхождения.

Некоторые соображения относительно оружия ближнего боя населения именьковской культуры.

Набор предметов вооружения, предназначенных для ближнего боя, в материалах именьковской культуры крайне ограничен и представлен наконечниками копий, однолезвийными мечами и боевыми ножами (рис. 7).

Наконечники копий составляют самую многочисленную категорию. Всего известно на настоящий момент 9 экземпляров, которые в разное время относились исследователями к именьковской культуре (рис. 2:2, рис. 5:1, 4-9). Из состава этой группы именьковскими являются только три: Комаровка (рис. 2:2), Жигулевск (рис. 5:1) и Ош-Пандо (рис. 5:5)); принадлежность еще четырех - под сомнением (второе копьё из Ош-Пандо (рис. 5:4), наконечники из Коминтерновского поселения “Курган” (рис. 5:7) и Щербетьского островного селища (рис. 5:6), копьё из грабительских сборов в окрестностях Ундор (Никитина, 2017, с. 74, рис. 1:14); наконец, еще два (Алатырское I (рис. 5:8) и Именьковское I городища (рис. 5:9)), скорее всего, не связаны с именьковским населением. Наконечники представлены четырьмя типами: а) с двушипным пером (находки в окрестностях Коминтерна, Щербети, Ундор), б) с массивным широким ромбовидным пером (Ош-Пандо), в) с листовидным пером (Комаровка) и в) с узким ланцетовидным пером (Жигулевск). Все случаи находок наконечников не с двушипным пером относятся ко времени не ранее VI в. н.э., в ранне-именьковских материалах они неизвестны.

Относительно хронологии двушипных наконечников копий сложно сказать что-либо определенное, поскольку все они происходят из сборов. Только наконечник из Щербети можно более-менее определенно связывать с именьковским населением, поскольку там, где он был найден, памятники других культур попросту неизвестны; в окрестностях Коминтерновского «Кургана» есть находки азелинской культуры, где двушипные наконечники хорошо известны, а культурно-хронологическая принадлежность селищ в окрестностях Ундор нуждается в специальном исследовании.

Мечи в именьковских древностях представлены единственным доступным для изучения экземпляром, происходящим из “предположительного погребения №2” Комаровского могильника (рис. 2:1), а также сведениями о еще одном клинке, находящемся у кладоискателей (рис. 4:1).

Еще одним элементом боевого снаряжения был крупный (до 30 см длиной) нож или кинжал. Всего в именьковских древностях известно не менее шести ножей, они встречены в нескольких могильниках (рис. 2: 4, рис. 4: 3, рис. 5: 11, 19, рис. 6:19), единственный кинжал - в Коминтерновском II (рис. 5: 12).

Неясно, можно ли включать в состав оружия ближнего боя многочисленные топоры (Вязов, 2012; Никитина, 2017, с. 77, рис. 4:Б; с. 78, рис. 5:4,5; Руденко, 2014), известные в материалах именьковской культуры. Контекст их обнаружения (в кладках железных изделий и хозяйственного инвентаря, в культурных слоях поселений) свидетельствует скорее об их хозяйственно-утилитарном использовании.

Складывается впечатление, что в рамках именьковской культуры прослеживаются два комплекса вооружения, различающиеся географией и временем распространения.

Первый комплекс представлен материалами памятников “коминтерновского типа” Западного Закамья и других именьковских памятников волжского Левобережья. Население этого региона ориентировалось в первую очередь на оружие дистанционного поражения - лук и стрелы (Казаков, 1998; 2011). Многочисленные железные трехлопастные наконечники стрел “гуннского типа” являются распространенной находкой на именьковских памятниках этого региона, известны и костяные накладки на лук. Что касается оружия ближнего боя, то оно представлено (если

можно так сказать) только боевыми ножами и единичными находками двушипных наконечников копий. Такой комплекс вооружения типичен для степных кочевников гуннского и постгуннского времени.

Второй комплекс вооружения (можно предложить для него название “комаровского типа”) наряду с луком и стрелами включает в себя оружие ближнего боя, в том числе - конного. В него входят длинные однолезвийные клинки и копья, с ним, вероятно, также связаны находки панцирных пластин на городищах Ош-Пандо (Степанов, 1967. С. 207, табл. XXI:17, 18) и Кармалы (Богачев и др., 2013. С. 156, рис. 18: 1). Лук и стрелы также занимают значительное место в оружейном наборе: накладки на лук известны в материалах позднеименьковских памятников Ивановского городища “Шолм” (Вязов и др., 2016), селища Малая Кандарать I (Степанов, 1971) (рис. 7).

Распространение оружия ближнего боя в именьковской культуре происходит с середины VI в. н.э. и сопровождается появлением новых элементов в погребальном обряде, что, возможно, отражает культурные связи и миграционные процессы. В именьковских могильниках появляются “воинские” погребения, содержащие оружие и многочисленные (по именьковским меркам) украшения и детали костюма. На настоящий момент этот комплекс оружия известен только на памятниках волжского Правобережья. Что же касается Закамья и группы памятников типа Коминтерна, то у оставившего их населения в середине-второй половине VI в. продолжают развиваться традиции более раннего времени.

По-видимому, в середине-второй половине VI в. в Среднем Поволжье происходит формирование нескольких групп именьковского населения (Vyazov, 2016), ориентированных на различные направления культурных связей. Результатом этого становится распространение в различных группах специфических типов импортных изделий, в первую очередь, украшений, деталей костюма и оружия. Так, в Коминтерновском II могильнике зафиксировано большое количество янтарных бус, мужские поясные наборы представлены предметами “шиповского” круга и т.д., в Правобережье же, в Комаровском комплексе и других поздних памятниках, распространяется оружие ближнего боя, буллы, двупластинчатые фибулы, а позднее - предметы в геральдическом стиле.

Источники культурных влияний, вызвавших формирование комплекса оружия ближнего боя у населения именьковской культуры волжского Правобережья, на сегодняшнем уровне исследованности вопроса однозначно определить затруднительно. Вероятно, они связаны с миграциями и военно-политическими событиями середины VI в., связанными с формированием Тюркского и - особенно - Аварского каганатов. Участием средневожского населения в аварских походах можно было бы объяснить появление в регионе оружия, элементов конского снаряжения и украшений дунайского и северокавказского происхождения, а также инноваций в погребальном обряде. Об этом же направлении культурных связей свидетельствуют и ряд других находок: золотые колты с зернью (Balogh, 2012; Вязов, Семькин, 2016), престижные изделия из т.н. “Коминтерновского (Бура-

ковского) комплекса” (Баранов и др., 2016. С. 22-30), серьги аварского типа в погребениях конца VII в. в Среднем Поволжье (Богачев, 1996, с. 103) и др.

Таким образом, открытия последних лет, полученные в результате археологических исследований в Татарстане, Ульяновской и Самарской областях, делают возможной постановку проблемы изучения оружия именьковской культуры, многие годы считавшуюся бесперспективной в силу отсутствия источников. Именьковское население на глазах теряет свой статус “достойного презрения из-за [слабости их] оружия”, но “могущественного благодаря своей многочисленности” (Иордан, Гетика, 119), Безусловно, что высказанные предположения носят предварительный характер и будут скорректированы с появлением новых находок.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И.* Крым в середине III - начале VI века (период миграций) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV-XIII века. М.: Наука, 2003. С. 10–26.
- Альбом древностей мордовского народа / под ред. Института истории Академии наук СССР. Саранск: Издание Мордовского научно-исследовательского института, 1941. 137 с.
- Аксенов В.С.* К вопросу об уровне вооруженности населения салтовской культуры (по материалам погребений с сожжением Сухогомольшанского и Красногорского могильников) // Вісник Харківського державного університету. 1998. № 413: Історія. Вип. 30. С. 39–51.
- Аксенов В.С., Михеев В.К.* Население хазарского каганата в памятниках истории и культуры. «Сухогомольшанский могильник VIII-X вв.» / Хазарский альманах. Т. 5. Киев-Харьков, 2006. 308 с.
- Амброз А.К.* Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV-VII вв. // Средневековые древности евразийских степей / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1980. С. 3–56.
- Амброз А.К.* О двупластинчатых фибулах с накладками - аналогии к статье А.В. Дмитриева // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII веков / Отв. ред. А. К. Амброз, И. Ф. Эрдели. М.: Наука, 1982. С. 107–120.
- Ахмедов И.Р.* Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса) // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н. э. Проблемы и материалы / Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 13 / Отв. ред. И.В. Исланова, В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2010. С. 7–34.
- Ахмедов И.Р.* Клинковое оружие рязанских финнов во II-VII вв. // Труды IX (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II / Ред. А.Г. Ситдинов, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 275–279.
- Ахмедов И.Р.* Об одном типе мечей рязано-окских финнов в VI в. н. э. // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Ч. 2. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2019. С. 23-71.
- Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдинов А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т.2. История тюрко-болгарской цивилизации. Казань: Главдизайн, 2016. 254 с.
- Белорыбкин Г.Н.* Золотаревское поселение. СПб.: ИИМК РАН, 2001. 191 с.
- Богачев А.В.* К эволюции калачиковидных серег IV-VII вв. в Волго-Камье // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996. С. 99–114.
- Богачев А.В., Вязов Л.А., Гасилин В.В., Мышкин В.Н., Серых Д.В.* Кармалинское городище // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области) / Отв. редактор А.В. Богачев. Самара, 2013. С. 119–163.

Бугров Д.Г. Женский костюм именьковской культуры как этнокультурный индикатор (опыт реконструкции женской одежды именьковской культуры (по материалам Коминтерновского II могильника) // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Материалы международной научной конференции. К 30-летию Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск, 2002. С. 227–233.

Буров Г.М. Именьковская культура в Ульяновском Поволжье // Древности Среднего Поволжья / Отв. ред. Г. И. Матвеева. Куйбышев: Изд-во КуГУ, 1985. С. 111–130.

Валиев Р.Р. Новый памятник «коминтерновского типа» именьковской культуры // Археология Евразийских степей. 2018. № 1. С. 211–226.

Валиев Р.Р. Новославский II могильник: проблемы интерпретации и перспективы исследований // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований. IV Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей, посвященный 100-летию российской академической археологии. Книга 1 / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 109–116.

Васюткин С.М., Останина Т.И. Старо-Кабановский могильник - памятник мазунинской культуры в Северной Башкирии // Вопросы истории и культуры Удмуртии. Устинов: Удмуртия, 1986. С. 64–125.

Введенский В.И., Вязов Л.А., Каравашкина Е.А. Макарова Е.М., Панин А.В., Петрова Д.А. Пономаренко Д.С., Харченко В.Л. Исследования в Ульяновском Предволжье // Археологические открытия. 2016 год / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Институт археологии РАН, 2018. С. 297–299.

Виноградов С.И. Вооружение и военное дело населения Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII – начале X вв. (салтово-маяцкая культура). Дисс. ... канд. истор. наук. Воронеж, 2017. 219 с.

Вихляев В.И. Культурные связи сурско-цининской мордвы с аланскими племенами Северного Кавказа и Дона во второй половине I тыс. н.э. // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. (Труды МНИИЯЛИЭ. Выпуск 45). Саранск, 1974. С. 57–69.

Вязов Л.А. О происхождении топоров именьковской культуры // Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студенческого научного археологического кружка Казанского университета / Отв. ред. С.И. Валиулина. Казань: ЯЗ, 2012. С. 43–53.

Вязов Л.А., Петрова Д.А. Комаровский могильник (предварительная публикация) // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э.: Материалы к V Международной археологической конференции. Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина. Самара, 2013. С. 15–20.

Вязов Л.А., Гришаков В.В., Мясников Н.С. Особенности керамических комплексов памятников Среднего Посурья эпохи Великого переселения народов // Вояджер: мир и человек: теоретический и научно-методический журнал. 2016. № 6. С. 66–111.

Вязов Л.А., Семькин Ю.А. Городище и селище Новая Беденьга: эпоха Великого переселения народов в Ульяновском Предволжье (Археология Симбирского-Ульяновского Поволжья. Вып. 1). Ульяновск: НИИ истории и культуры им. Н.М. Карамзина, 2016. 227 с.

Гавритухин И.О., Иванов А.Г. Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1999. С. 99–159.

Галимова М.Ш., Лыганов А.В., Хисяметдинова А.А., Гольева А.А., Бугров Д.Г., Аськеев И.В., Шаймуратова (Галимова) Д.Н., Аськеев О.В., Хейно М.Т., Аськеев А.О., ван дер Валк Т., Печнерова П., Дален Л., Аспи Й. Пестречинские стоянки эпохи раннего металла и раннего железа в Нижнем Прикамье и их природное окружение / Археология Евразийских степей. № 4. Казань, 2019. 276 с.

Генинг В.Ф., Казаков Е.П., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Валеев Р.К., Стоянов В.Е. Археологические памятники у села Рождествено. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1962. 127 с.

Генинг В.Ф. Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI–VII вв. н. э.) // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа: БФАН СССР, 1977. С. 92–107

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье. Ижевск: Изд-во “Удмуртский университет”, 2010. 500 с.

Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А., Голдина Е.В. Могильник VI–IX вв. у д. Верх-Сая в Кунгурской лесостепи / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 19. Ижевск, 2018. 720 с.

Голдина Р.Д., Сабиров Т.Р., Сабирова Т.М. Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Т. III / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 29. Казань, Ижевск: Институт археологии им. Халикова АН РТ, Удмуртский университет, 2015. 297 с.

Голубев А.М. Еволюція клинкової зброї кочівників раннього середньовіччя // Археологія. 2015. № 4. С. 62–76.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Бурнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

Гришаков В.В., Зеленев Ю.А. Муромы VII–XI вв.: Учебное пособие. Йошкар-Ола, 1990. 77 с.

Гришаков В.В., Седышев О.В. Снаряжение верхового коня (по материалам Чулковского могильника) // Поволжская археология. 2013. № 4 (6). С. 107–117.

Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков / Отв. ред. А. К. Амброз, И. Ф. Эрдели. М.: Наука, 1982. С. 69–106.

Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо - эталонный памятник древностей V–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья. IX–XIII века. М.: Наука, 2003. С. 200–206.

Ефименко П.П. Ивановский и Гавердовский могильники древней мордвы // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск, 1975. Вып. 48. С. 7–36.

Измайлов И.Л. Появление и ранняя история стремян в Среднем Поволжье // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск: 1990. С. 61–70.

Измайлов И.Л. Оружие ближнего боя волжских булгар X–XIII вв. (копья и боевые топоры) // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1993. С. 77–106.

Казаков Е.П. Исследования Раннеболгарской экспедиции в зонах водохранилищ Волго-Камского каскада Татарстана. Казань, 1993 / Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. № 17427.

Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Материалы II международной археологической конференции. Самара, 17–20 ноября 1997 г. – Самара, 1998. С. 97–150.

Казаков Е.П. Этнокультурная ситуация IV–VII вв. н.э. в Среднем Поволжье // Finno-Ugrica. 2011. № 12–13. С. 8–39.

Казанский М.М., Мاستыкова А.В. Хронологические индикаторы древностей постгуннского времени на Северном Кавказе // Верхнедонской Археологический Сборник. Липецк, 2010. Вып. 5. С. 93–104.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Именьковское городище // Материалы и исследования по археологии СССР. № 80. М.: Наука, 1960. С. 226–250.

Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. Исследование Жигулевского археологического комплекса // Археологические открытия в Самарской области 2017 года. Самара: «Издательство СНЦ», 2018. С. 38–39.

Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.). (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 27). Ижевск: Удмуртский университет, 2014. 472 с.

Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса (Monumenta Studia Gothica. Tom 1). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2001. 276 с.

Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М.: Восточная литература, 2008. 365 с.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М., 1968. 162 с.

Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV - середине VI в. н.э. М., 2009. 500 с.

Матвеев Р.В. Вооружение населения Волго-Вятского междуречья в конце II - IV вв. н.э. Дисс. ... канд.истор.наук. Казань, 2013. 183 с.

Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV–VII вв. н.э.: именьковская культура: Учебное пособие. Самара, 2003. 160 с.

Мошкова М.Г. Савроматы и сарматы в Волго-Донском междуречье, Южном Приуралье и Северном Причерноморье // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР / Отв. ред. тома А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. С. 153–214.

Никитина А.В. Некоторые случайные находки эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья Ульяновского региона // Вояджер: мир и человек. № 8. Самара, 2017. С. 59–86.

Обломский А.М. Поселение Замятино-7 // Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени / Раннеславянский мир. Вып. 6. / Под ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН, 2004. С. 37–56.

Петербургский И.М. Второй Старобадиковский могильник // Вопросы древней истории мордовского народа. (Труды МНИИЛИЭ. Вып. 80). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987. С. 50–78.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / МИА. № 142. М.: Наука, 1967. 209 с.

Полесских М.Р. Армиевский могильник // Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры. / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1979. С. 5–57.

Руденко К.А. Клад железных топоров с Тетюшского II городища в Татарстане эпохи раннего средневековья // Теория и практика археологических исследований. 2014. № 1. С. 42–60.

Седьшиев О.В. Снаряжение верхового коня у древней мордвы в III–XIII вв. Дисс. ... канд. истор. наук Саранск, 2004. 191 с.

Смиленко А.Т., Брайчевский М.Ю. Черняховское поселение в селе Леськи близ города Черкассы // История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры / МИА № 139. М.: Наука, 1967. С. 35–61.

Старостин П.Н. Исследования V Маклашеевского могильника Казань, 1988 / Архив ИА АН РТ. Ф.14. О.1. Ед.хр. 212.

Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры / САИ. Вып. Д1-32. М.: Наука, 1967. 97 с.

Старостин П.Н., Чижевский А.А. Раскопки Маклашеевского V могильника и Маклашеевского селища в 1990 г. // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала. Материалы III Халиковских чтений (г. Болгар, 27-30 мая 2004 г.). Казань: Изд-во "Школа", 2006. С. 162–192

Сташенков Д.А. О ранней дате именьковской культуры // 40 лет Средневожской археологической экспедиции. Краеведческие записки. Вып. XV. Самара: ООО "Офорт", 2010. С. 111–125.

Сташенков Д.А. Раскопки на Жигулевском селище и Жигулевском II грунтовом могильнике // Итоги археологических исследований в Самарской области в 2013 году. Материалы научных экспедиций. Самара: «Издательство СНЦ», 2014. С. 82–124.

Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф., Салугина Н.П. Керамика из погребений Жигулевского II грунтового могильника: морфология и технико-технологический анализ // Археология Евразийских степей. 2019. № 6. С. 177–197.

Сташенков Д.А., Салугина Н.П. О кремационных погребениях хазарской эпохи в Самарском Поволжье (по материалам Жигулевского II грунтового могильника) // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур: К 60-летию А.М. Обломского / Раннеславянский мир. Вып. 19. М.: ИА РАН, 2017. С. 317–325.

Степанов П.Д. Ош-Пандо. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1967. 211 с.

Степанов П.Д. Селище у с. М. Кандарать Ульяновской области // Археологические открытия 1970 г. М., 1971.

Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V-VIII вв. н.э.). Уфа: Гилем, 1998. 169 с.

Терпиловский Р.В. Ранние славяне Подесенья III-V вв. Киев, 1984. 124 с.

Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1977. 193 с.

Шитов В.Н. Меч с клеймом Ulfbert из Шокшинского могильника // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье / Труды МНИИЛИЭ. Вып. 107). Саранск, 1992. С. 116–118.

Шитов В.Н. Шокшинский могильник: два погребения с монетами // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья / Труды МНИИЛИЭ. Вып. 99. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1990. С. 21–31.

Циркин А.В. Древковое оружие мордвы и его хронология // СА. 1984. №1. С. 123–133.

Balogh S. A Mezőszilas type pendant from Grave 14 of the Mélykút-Sánc-dűlő cemetery // Thesaurus Avarorum. Magyar Nemzeti Múzeum; Eötvös Loránd Tudományegyetem Régészettudományi Intézet; Bölcsészettudományi Kutatóközpont Régészeti Intézet. Budapest, 2012. P. 269–286.

Godłowski K. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Archeologiczne. Z. 11. – Kraków, 1970. 126 p.

Csiky G. Avar-Age Polearms and Edged Weapons. Classification, Typology, Chronology and Technology // East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450. Vol. 32. Leiden – Boston: Brill, 2015. 529 p.

Dobos A. Gepidic finds from Capusu Mare (Cluj county) // *Ephemeris Napocensis*. 2009. Vol. 19. P. 219–242.

Godłowski K. Kultura przeworska // *Prahistoria ziem polskich*. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk: Ossolineum, Wydawnictwo PAN, 1981. T. V: Późny okres lateński i okres rzymski. S. 57–135.

Ivanišević V. Late Antique cities and their environment in Northern Illyricum // *Hinter den Mauern und auf dem offenen Land - Leben im Byzantinischen Reich (Byzanz zwischen Orient und Okzident. Issue 3)*. Mainz, 2016. P. 89–99.

Ivanišević V., Špehar P. Early Byzantine finds from Čečan and Gornji Streoc (Kosovo) // *Starinar*. Issue 55. 2005. P. 133-159.

Kontny B. Czas wojny czy czas dobrobytu? : zmiany w obrazie wyposażenia w broń grobów kultury przeworskiej w rozwiniętym odcinku fazy B2 // *Studia i Materiały Archeologiczne*. 2005. 12. S. 59-88.

Kontny B. The war as seen by an archaeologist. Reconstruction of barbarian weapons and fighting techniques in the Roman Period based on the analysis of graves containing weapons. The case of the Przeworsk Culture // *The Enemies of Rome. Proceedings of the 15th International Roman Military Equipment Conference, Budapest 2005. Journal of Roman Military Equipment Studies*. 16. 2008. P. 107-145.

Kontny B., Mączyńska M. Ein Gräberfeld der späten Römischen Kaiserzeit bis frühen Völkerwanderungszeit in Bremerhaven-Lehe // *Dying Gods – Religious beliefs in northern and eastern Europe in the time of Christianisation. Neue Studien zur Sachsenforschung*. 5. Hannover: Niedersächsisches Landesmuseum, 2015. P. 241-262.

Manning W. H. The Ironwork // *Poulter A.* The Transition to Late Antiquity on the lower Danube: Excavations and survey at Dichin, a Late Roman to early Byzantine Fort and a Roman aqueduct. Oxford: Oxbow, 2019. P. 321-370.

Nagy M. A Hun-Age Burial with Male Skeleton and Horse Bones Found in Budapest // *Neglected Barbarians. (Studies in the Early Middle Ages Vol. 32)*. Turnhout, 2010. P. 137-175.

Nowakowski W. Metallglocken aus der römischen Kaiserzeit im europäischen Barbaricum // *Archaeologia Polona*. XXVII. 1988 P. 69-146.

Olędzki M., Tyszler L. The shield bosses of the Horgos type in the light of new finds from the Przeworsk culture // *Ephemeris Napocensis*. 2019. No 29. P. 201–214.

Tejral J. Die spätantiken militärischen Eliten beiderseits der norisch-pannonischen Grenze aus der Sicht der Grabfunde // *Germanen beiderseits des spätantiken Limes. Materialien des 10. Internationalen Symposiums "Grundprobleme der frühgeschichtlichen Entwicklung im nördlichen Mitteldonauegebiet"*, Xanten vom 2.-6. Dezember 1997. Köln/Brno: Archäologisches Inst. der Univ. zu Köln, 1999. P. 217-292.

Vida T. Frühmittelalterliche scheiben- und kugelförmige Amulettkapseln zwischen Kaukasus, Kastilien und Picardie // *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Band 76*. 1995. Mainz am Rhein, 1996. P. 220-288.

Vyazov L. Sites of the late stage and the end of the Imenkovo culture in the Middle Volga region // *22nd Annual Meeting of the European Association of Archaeologists. 31st August-4th September 2016 Vilnius*. Vilnius, 2016. P. 214.

Информация об авторах:

Вязов Леонид Александрович, кандидат исторических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); l.a.vyazov@gmail.com.

Петрова Дарья Андреевна, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (г.Казань, Россия); da-petrova@yandex.ru.

Кондрашин Виталий Викторович, ООО “Гефест” (г. Самара, Россия); willikon@yandex.ru.

Салова Юлия Анатольевна, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); yadviga13@yandex.ru

REFERENCES

Aibabin, A. I. 2003. In Makarova, T. I., Pletneva S. A. (eds.). *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v jepohu srednevekov'ja IV-XIII veka (Crimea, Northeast Black Sea and Transcaucasia in the Middle Ages. 4th - 13th centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ., 10-26 (in Russian).

Gotie, Yu. V., Yakovlev, A. I. (eds.). 1941. *Al'bom drevnostei mordovskogo naroda (Album of Mordovian Antiquities)*. Saransk: Mordovian Research Institute Publ. (in Russian).

- Aksenov, V.S. 1998. In *Visnik Harkivs'kogo derzhavnogo universitetu, seria: Istoria (The journal of Kharkiv State University, series: History)* 413 (30), 39-51 (in Russian).
- Aksenov, B. C., Miheev, V. K. 2006. *Naselenie khazarского kaganata v pamjatnikakh istorii i kul'tury. «Suhogomol'shanskij mogil'nik VIII-X vv.» (Population of Khazar Haganat in historical and cultural monuments. Suhogomol'shanskiy burial ground 8th - 10th centuries)* Vol.5. Kiev-Kharkiv (in Russian).
- Ambroz, A. K. 1980. In Pletneva, S. A. (ed.). *Srednevekovie drevnosti evraziiskikh stepei. (Medieval antiquities of the Eurasian steppes)*. Moscow: "Nauka" Publ., 3-56 (in Russian).
- Ambroz, A. K. 1982. In Ambroz, A. K., Erdeli, I. F. (eds.). *Drevnosti epokhi Velikogo pereseleniia narodov V-VIII vekov (Antiquities of the Migration period in 5th - 8th centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ., 107-120 (in Russian).
- Akhmedov, I. R. 2010. In Islanova, I. V., Rodinkova, V. E. (eds.). *Arkheologiiia Vostochnoi Evropy v I tysiacheletii n.e.: problemy i materialy (Archaeology of the Eastern Europe in the I Millennium AD: Issues and Materials)*. Series: *Rannelslavianskii mir. Arkheologiiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors)* 13. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 7-34 (in Russian).
- Akhmedov, I. R. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* II. Kazan: "Otechestvo" Publ., 275-279 (in Russian).
- Akhmedov, I. R. 2016. In *Arheologiiia Vostochnoi Evropy v I tysiacheletii n.e. Problemy i materialy. Rannelslavjanskij mir (Archaeology of Eastern Europe in the 1st millennium AD. Issues and materials. Early Slavs world)* (13). Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 7-34 (in Russian).
- Akhmedov, I. R. 2019. In *Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskih vliianii i Velikogo pereseleniia narodov. Konferentsiia 4. Ch. 2 (Forest and Forest Steppe Zones of Eastern Europe in the Roman Era and the Migration period. Conference 4. Part 2)*. Tula: State Museum-reserve "Kulikovo field", 23-71 (in Russian).
- Baranov, V. S., Bugrov, D. G., Sitdikov, A. G. 2016. *Muzei Bolgarskoj tsivilizatsii. Istoriia tyurko-bolgarskoj tsivilizatsii (Museum of Bulgarian Civilization. History the Turkic-Bulgarian civilization)* 2. Kazan: Glavdizain Publ. (in Russian).
- Belorybkin, G. N. 2001. *Zolotarevskoe poselenie (Zolotarevka settlement)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences Publ. (in Russian).
- Bogachev, A.V. 1996. In *Kul'tury Evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletii n.e (Cultures of the Eurasian steppe of the second half of the 1st millennium AD)*. Samara, 99-114 (in Russian).
- Bogachev, A. V., Vyazov, L. A., Gasilin, V. V., Myshkin, V. N., Seryh, D. V. 2013. In Bogachev, A. V. (ed.). *Srednevekov'e. Velikoe pereselenie narodov (po materialam arheologicheskikh pamjatnikov Samarskoj oblasti) (The Middle Ages. The Migration period (based on archaeological sites of the Samara region))*. Samara, 119-163 (in Russian).
- Bugrov, D. G. 2002. In *Istoricheskie istoki, opyt vzaimodejstvija i tolerantnosti narodov Priural'ja. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. K 30-letiiu Kamsko-Viatskoj arkheologicheskoi ekspeditsii (Historical origins, experience of interaction and tolerance of peoples of the Ural. Proceedings of international scientific conference. On the 30th anniversary of the Kama-Vyatka archaeological expedition)*. Izhevsk, 227-233 (in Russian).
- Burov, G. M. 1985. In Matveeva, G. I. (ed.). *Drevnosti Srednego Povolzh'ia (Antiquities of the Middle Volga region)*. Kuybyshev: Kuybyshev State University Publ., 111-130 (in Russian).
- Valiev, R. R. 2018. In *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)*. (1), 211-226 (in Russian).
- Valiev, R. R. 2019. In *Kochevye imperii Evrazii v svete arheologicheskikh i mezhdisciplinarnyh issledovanij. IV Mezhdunarodnyj congress srednevekovoj arkheologii evraziiskikh stepei, posvjashhennyj 100-letiiu rossijskoj akademicheskoi arheologii (The nomadic empires of Eurasia in the light of archaeological and interdisciplinary studies. 4th International Congress of Medieval Archaeology of Eurasian Steppes, dedicated to the 100th anniversary of Russian academic archaeology)* 1. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 109-116 (in Russian).
- Vasyutkin, S.M., Ostanina, T.I. 1986. In *Voprosy istorii i kul'tury Udmurtii (History and culture of Udmurtia)*. Ustinov: "Udmurtiia" Publ., 64-125 (in Russian).
- Vvedenskii, V. I., Vyazov, L. A., Karavashkina, E. A. Makarova, E. M., Panin, A. V., Petrova, D. A. Ponomarenko, D. S., Kharchenko, V. L. 2018. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia. 2016 god*

(*Archaeological discoveries in 2016*). Moscow: Institute of archaeology of the Russian Academy of Sciences Publ., 297–299 (in Russian).

Vinogradov, S. I. 2017. *Vooruzhenie i voennoe delo naselenija Dono-Doneckoj lesostepi vo vtoroj polovine VIII – nachale X vv. (saltovo-majackaja kul'tura) (Armament and military affairs of the population of Dono-Donetsk Forest Steppe in the second half of 8th - beginning of 10th centuries. (Saltovo-Mayak culture))*. PhD thesis. Voronezh. (in Russian).

Vikhlyayev, V. I. 1974. In *Materialy po arkheologii i etnografii Mordovii (Analyses and studies on archaeology and ethnography of Mordovia)* (45), 57–69 (in Russian).

Vyazov, L. A. 2012. In Valiulina, S. I. (ed.). *Aktual'nye voprosy arkheologii Povolzh'ia. K 65-letiiu studentcheskogo arkheologicheskogo kruzha Kazanskogo universiteta (Current Issues of the Volga Region Archaeology: 65th Anniversary of the Students' Archaeological Group in the Kazan University)*. Kazan: "IaZ" Publ, 43–53 (in Russian).

Vyazov, L. A., Petrova, D. A. 2013. In *Kul'tury stepei Evrazii vtoroj poloviny I tysjacheletija n.e.: Materialy k V Mezhdunarodnoj arheologicheskoy konferencii. Samarskij oblastnoj istoriko-kraevedcheskij muzej im. P.V. Alabina (Cultures of the steppes of Eurasia of the second half of the 1st millennium AD: Proceedings for the 5th International Archaeological Conference.)*. Samara: Samara Regional Historical and Local History Museum of P.V. Alabin, 15-20 (in Russian).

Vyazov, L. A., Grishakov, V. V., Myasnikov, N. S. 2016. In *Voiazher: mir i chelovek: teoreticheskij i nauchno-metodicheskij zhurnal (Voyager: World and man: a theoretical and methodical journal)* (6), 66–111 (in Russian).

Vyazov, L.A., Semykin, Yu.A. 2016. *Gorodishhe i selishhe Novaja Beden'ga: epoha Velikogo pereselenija narodov v Ul'janovskom Predvolzh'e (Arheologija Simbirskogo-Ul'janovskogo Povolzh'ja. Vyp. 1) (Novaya Bedenga hillfort and settlement: the Migration period in the Ulyanovsk region (Archaeology of the Simbirsk-Ulyanovsk Volga Region, Vol.1))*. Ulyanovsk, (in Russian).

Gavrituhin, I.O., Ivanov, A.G. 1999. In *Permskii mir v rannem srednevekov'e (World of Permian peoples in the Early Middle ages)*. Izhevsk, 99–159 (in Russian).

Galimova, M. Sh., Lyganov, A. V., Khisyametdinova, A. A., Gol'eva, A. A., Bugrov, D. G., Askeev, I. V., Shaimuratova (Galimova), D. N., Askeev, O. V., Hejno, M. T., Askeev, A. O., van der Valk, T., Pechnerova, P., Dalen, L., Aspi, J. 2019. In *Arheologija Evrazijskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* (4), (in Russian).

Gening, V. F., Kazakov, E. P., Khlebnikova, T.A., Vajner I. S., Valeev, R. K., Stoyanov, V. E. 1962. *Arkheologicheskie pamiatniki u sela Rozhdestveno (Archaeological sites near Rozhdestveno village)*. Kazan: Kazan University Publ. (in Russian).

Gening, V. F. 1977. In *Issledovaniia po arheologii Juzhnogo Urala (Archaeology of the Southern Ural)*. Ufa: Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences, 92–107 (in Russian).

Goldina, R. D., Bernts, V.A. 2010. *Turaevskii Mogil'nik – unikal'nyi pamiatnik epokhi velikogo pereselenija narodov v Srednem Prikam'e (beskurgannaia chast') (Turaevo I Burial Ground, the Unique Site of the Great Migrations in the Middle Kama Area (the Part without Kurgans)*. Series: *Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition)* 17. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Goldina, R. D., Perevozchikova, S. A., Goldina, E. V. 2018. *Mogil'nik VI-IX vv. u d. Verh-Saja v Kungurskoj lesostepi (Materialy i issledovaniia Kamsko-Vjatskoi arheologicheskoi jekspeditsii. T. 19) (Verkh-Saya burial ground of the 6th-9th centuries in Kungur forest-steppe (Analyses and studies of the Kama-Vyatka archaeological expedition. Vol.19))*. Izhevsk: Udmurt State University Publ. (in Russian).

Goldina, R. D., Sabirov, T. R., Sabirova, T. M. 2015. *Pogrebal'nyi obriad Tarasovskogo mogil'nika I-V vv. na Srednei Kame. (Burial rite of the Tarasovo burial ground of the 1st-5th centuries in the Middle Kama region)*. 3. Kazan, Izhevsk. (in Russian).

Goldina, R. D., Sabirov, T. R., Sabirova, T. M. 2015. *Pogrebal'nyi obriad Tarasovskogo mogil'nika I-V vv. na Srednei Kame (Funerary Rite in the Tarasovo Burial Ground from 1st–5th Centuries in the Middle Kama Area) III. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition)* 29. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences; Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Golubev, A. M. 2015. In *Arkheologija (Archaeology)* (4), 62–76 (in Ukrainian).

Gorbunov, V. V. 2006. *Voенноe delo naselenija Altaja v III-XIV vv. Ch. II: Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie) (The military affairs of the population of Altai in the 3rd-14th centuries. Vol. 2. Offensive weapons)*. Barnaul: Altai University Publ. (in Russian).

- Grishakov, V. V., Zelenev, Yu. A. 1990. *Muroma VII-XI vv.: Uchebnoe posobie (Muroma in the 7th-9th centuries: Handbook)*. Yoshkar-Ola. (in Russian).
- Grishakov, V. V., Sedyshev, O. V. 2013. In *Povolzhskaja arkeologija (Volga River Region Archaeology)* 4 (6), 107–117 (in Russian).
- Dmitriev, A. V. 1982. In Ambroz, A. K., Erdeli, I. F. (eds.). *Drevnosti epokhi Velikogo pereseleniia narodov V-VIII vekov (Antiquities of the Migration period in 5th - 8th centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ., 69–106 (in Russian).
- Dmitriev, A. V. 2003. In Makarova, T. I., Pletneva S. A. (eds.). *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v jepohu srednevekov'ja IV-XIII veka (Crimea, Northeast Black Sea and Transcaucasia in the Middle Ages. 4th - 13th centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ., 200–206 (in Russian).
- Efimenko, P. P. 1975. In *Materialy po arheologii i jetnografii Mordovii (Analyses and studies on archaeology and ethnography of Mordovia)* (48), 7–36 (in Russian).
- Izmailov, I. L. 1990. In *Voennoe delo drevnego i srednevekovogo naselenija Severnoi i Central'noj Azii (Military Affairs of the Ancient and Medieval Peoples of North and Central Asia)*. Novosibirsk, 61–70 (in Russian).
- Izmailov, I. L. 1993. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Arkeologija Volzhskoi Bulgarii: problemy, poiski, resheniia (Archaeology of the Volga Bulgaria: Issues, Research, Answers)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 77–106 (in Russian).
- Kazakov, E. P. 1993. *Issledovaniia Rannebolgarskoi ekspeditsii v zonakh vodokhranilishch Volgo-Kamskogo kaskada Tatarstana (The Early Bulgarian Expedition surveys in the area of reservoirs of the Volga and Kama rivers in Tatarstan)*. Kazan. Archives of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. F.1. R.1. No 17427 (in Russian).
- Kazakov, E. P. 1997. In *Kul'tury Evrazijskikh stepei vtorok poloviny I tysyacheletija n.e. (voprosy khronologii). Materialy II mezhdunarodnoj arheologicheskoi konferencii (Cultures of the Eurasian steppes of the second half of the 1st millennium CE (chronological issues). Proceedings of the 2nd International Archaeological Conference)*. Samara, 97–150 (in Russian).
- Kazakov, E. P., 2011. In *Finno-Ugrica* (12-13), 8–39 (in Russian).
- Kazanskii, M. M., Mastykova, A. V. 2010. In *Verhnedonskoi Arkeologicheskii Sbornik (Upper Donian Archaeological digest)* (5), 93–104 (in Russian).
- Kalinin N. F., Khalikov, A. Kh. 1960. In *Materialy i issledovaniia po arkeologii SSSR (Materials and Studies on the USSR Archaeology)* 80. Moscow: "Nauka" Publ., 226–250 (in Russian).
- Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A. 2018. In *Arkeologicheskie otkrytiia v Samarskoj oblasti 2017 goda (Archaeological discoveries in the Samara region in 2017)*. Samara: Samara Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences Publ., 38–39 (in Russian).
- Leshhinskaya, N.A. 2014. *Viatskii kraj v p'ianoborskuiu epokhu (po materialam pogrebal'nyh pamjatnikov I-V vv. n.je.) (Vyatsky Krai in the pyanoborsk culture epoch (based on funerary monuments of the 1st - 5th centuries))*. Izhevsk: Udmurt State University Publ., (in Russian).
- Magomedov, B. V. 2001. *Cheriakhovskaia kul'tura. Problema etnosa (Monumenta Studia Gothica. Tom 1) (Chernyakhov culture. The issue of ethnicity (Monumenta Studia Gothica. Vol.1))*. Lublin: University of Maria Curie-Sklodovskaya Publ., (in Russian).
- Malashev, V. Ju., Jablonskij, L. T., 2008. *Stepnoe naselenie Juzhnogo Priural'ja v pozdnesarmatskoe vremja: po materialam mogil'nika Pokrovka 10 (The steppe population of the Southern Ural in the late sarmatian period: based on Pokrovka 10 burial ground)*. Moscow: Oriental Literature Publ., (in Russian).
- Mazhitov, N. A. 1968. *Bahmutinskaja kul'tura. Jetnicheskaja istoriia naseleniia Severnoi Bashkirii serediny I tysyacheletija nashej jery (Bahmutovo culture. Ethnic history of the population of Northern Bashkiria of the middle of the 1st millennium CE)*. Moscow: "Nauka" Publ., (in Russian).
- Mastykova, A. V. 2009. *Zhenskii kostium Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ia v kontse IV - seredine VI v. n.je (Female costume of the Central and Western Ciscaucasia in the late 4th – mid-6th centuries CE)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Matveev, R.V. 2013. *Vooruzhenie naselenija Volgo-Vjatskogo mezhdurech'ja v konce II - IV vv. n.je. (Armament of the population of the Volga and Vyatka interiors at the end 2nd – 4th centuries CE)* Ph.D. thesis. Kazan, (in Russian).
- Matveeva, G. I. 2003. *Srednee Povolzh'e v IV-VII vv. n.e.: imen'kovskaja kul'tura: Uchebnoe posobie (The Middle Volga region in the 4th – 7th centuries CE: Imenkov culture. Teaching manual)*. Samara, (in Russian).

Moshkova, M. G. 1989. In Meliukova, A. I. (ed.). *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (Steppes of the Eurasian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Period)*. Moscow: "Nauka" Publ., 153–214 (in Russian).

Nikitina, A. V. 2017. In *Vojadzher: mir i chelovek (Voyager: World and man)* (8), 59–86 (in Russian).

Oblomsky, A. M. 2004. In Oblomsky, A. M. (ed.). *Ostraia Luka Dona v drevnosti. Zamiatinskii arkeologicheskii kompleks gunnskogo vremeni (Rannelslavianskij mir. Vypusk 6) (The Ostraya Luka of the Don river in antiquity. Zamyatino archaeological sites complex of the Huns period. (Early Slavs world))* (6). Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 37–56 (in Russian).

Peterburgskii, I. M. 1987. In *Voprosy drevnei istorii mordovskogo naroda (Issues of the ancient history of the Mordovian)* (80), 50–78 (in Russian).

Pletneva, S. A. 1967. *Ot kochevii k gorodam. Saltovo-maiatskaia kul'tura (From Camps to Towns. Saltovo-Mayaki Culture). Materialy i issledovaniia po arkeologii (Proceedings and Research in Archaeology of the USSR)* 142. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Polesskikh, M. R. 1979. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Arkeologicheskie pamiatniki mordvy pervogo tysiacheletii nashei ery (Archaeological sites of the Mordva of the 1st millennium CE)*. Saransk: Mordovian Book Publishing House, 5–57 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2014. In *Teoriia i praktika arkeologicheskikh issledovaniia (Theory and practice of archaeological research)* (1), 42–60 (in Russian).

Sedyshev, O. V. 2004. *Snariazhenie verhovogo konia u drevnej mordvy v III–XIII vv. (Ancient Mordovian riding horse equipment in the 3rd–13th centuries)*. Ph.D. thesis. Saransk (in Russian).

Smilenko, A. T., Braichevsky, M. Yu. 1967. In *Istoriia i arkeologiia yugo-zapadnykh oblastei SSSR nachala nashei iery. Materialy i issledovaniia po arkeologii SSSR (History and archeology of the southwestern regions of the USSR at the beginning of CE. Analyses and studies on archeology of the USSR)* 139. Moscow: "Nauka" Publ., 35–61 (in Russian)

Starostin, P. N. 1988. *Issledovaniia V Maklasheevskogo mogil'nika (Research of Maklasheevka 5 burial ground)*. Kazan: Archives of the Institute of Archaeology Tatarstan Academy of Sciences. F.14. L.1. 212 (in Russian).

Starostin, P. N. 1967. *Pamiatniki imen'kovskoi kul'tury (Sites of the Imenkovo Culture). Series: Svod Arkeologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources)* D1–32. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Starostin, P. N., Chizhevsky, A. A. 2006. In *Istoriiko-Arkeologicheskie issledovaniia Povolzh'ja i Urala. Materialy III Halikovskikh chtenij (Historical and archaeological research of the Volga region and the Urals. Proceedings of the 3rd Halikov readings)*. Kazan: "Shkola" Publ., 162–192 (in Russian).

Stashenkov, D. A. 2010. In *40 let Srednevolzhskoi arkeologicheskoi ekspeditsii. Kraevedcheskie zapiski (40 years of the Middle Volga archaeological expedition. Local history notes)* (15), 111–125 (in Russian).

Stashenkov, D. A. 2014. In *Itogi arheologicheskikh issledovaniia v Samarskoj oblasti v 2013 godu. Materialy nauchnykh jekspeditsij (Results of archaeological research in Samara oblast in 2013. Proceedings of scientific research)*. Samara: Samara Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences Publ., 82–124 (in Russian).

Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F., Salugina, N. P. 2019. In *Arheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* (6), 177–197 (in Russian).

Stashenkov, D. A., Salugina, N. P. In *Evropa ot Latena do Srednevekov'ja: varvarskij mir i rozhdienie slavjanskikh kul'tur: K 60-letiju A.M. Oblomskogo (Rannelslavjanskij mir) (Europe from Laten to the Middle Ages: the barbaric world and the birth of Slavic cultures: To the 60th anniversary of A.M. Oboromsky (Early Slavs world))* (19). Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 317–325 (in Russian).

Stepanov, P. D. 1967. *Osh-Pando (Osh-Pando hillfort)*. Saransk (in Russian).

Stepanov, P. D. 1971. In *Arkeologicheskie otkrytia 1970 g. (Archaeological discoveries in 1970)*. Moscow (in Russian).

Sungatov, F. A. 1998. *Turbaslinskaia kul'tura (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov V–VIII vv. n.e.) (Turbasly culture (based on funeral sites 5th – 8th centuries CE))*. Ufa: "Gilem" Publ., (in Russian).

Terpilovskii, R. V. 1984. *Rannie slaiane Podesen'ia III–V vv (Early slavs on the Desna river in the 3rd – 5th centuries)*. Kiev (in Russian).

Chindina, L. A. 1977. *Mogil'nik Rjolka na Srednei Obi (Riyolka burial ground in the Middle Ob)*. Tomsk: Tomsk University, (in Russian).

- Shitov, V. N. 1992. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Oksko-Surskom mezhdurech'e (Archaeological research in the Oka and Sura interfluve)* (107), 116–118 (in Russian).
- Shitov, V. N. 1990. In *Srednevekovye pamjatniki Oksko-Surskogo mezhdurech'ja (Sites of the Middle Ages in the Oka and Sura interfluve)* (99), 21–31 (in Russian).
- Cirkin, A. V. 1984. In *Sovetskaia arkheologija (Soviet Archaeology)* (1), 123–133 (in Russian).
- Balogh, C. 2012. In *Thesaurus Avarorum*. Magyar Nemzeti Múzeum; ELTE Régészettudományi Intézet; MTA BTK Régészeti Intézet. Budapest, 269–286 (in English).
- Godłowski, K. 1970. *The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe*. Kraków, (in English)
- Csiky, G. 2015. In *East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450* (32). Leiden – Boston: Brill (in English).
- Dobos, A. 2009. In *Ephemeris Napocensis* (19), 219–242 (in English).
- Godłowski, K. 1981. In *Prahistoria ziem polskich*. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk: Ossolineum, Wydawnictwo PAN, T. V: Późny okres lateński i okres rzymski. 57–135 (in Polish)
- Ivanišević, V., Špehar, P. 2005. In *Starinar* (55), 133–159 (in English).
- Ivanišević, V. 2016. In *Hinter den Mauern und auf dem offenen Land - Leben im Byzantinischen Reich (Byzanz zwischen Orient und Okzident)* (3). Mainz, 89–99 (in German).
- Kontny, B. 2005. In *Studia i Materiały Archeologiczne* (12), 59–88 (in Polish).
- Kontny, B. 2008. In *The Enemies of Rome. Proceedings of the 15th International Roman Military Equipment Conference, Budapest 2005*. *Journal of Roman Military Equipment Studies* (16), 107–145 (in English).
- Kontny, B., Maćczyńska, M. 2015. In *Dying Gods – Religious beliefs in northern and eastern Europe in the time of Christianisation. Neue Studien zur Sachsenforschung* (5). Hannover: Niedersächsisches Landesmuseum, 241–262 (in German).
- Manning, W. H. 2019. In Poulter, A. (ed.) *The Transition to Late Antiquity on the lower Danube: Excavations and survey at Dichin, a Late Roman to early Byzantine Fort and a Roman aqueduct*. Oxford: Oxbow, 321–370 (in English).
- Nagy, M. 2010. In *Neglected Barbarians. (Studies in the Early Middle Ages)* (32). Turnhout, 137–175 (in English).
- Nowakowski, W. 1988. In *Archaeologia Polona* (XXVII), 69–146 (in German).
- Olędzki, M., Tyszler, L. 2019. In *Ephemeris Napocensis* (29), 201–214 (in English).
- Tejral, J. 1999. In *Germanen beiderseits des spätantiken Limes. Materialien des 10. Internationalen Symposiums "Grundprobleme der frühgeschichtlichen Entwicklung im nördlichen Mitteldonaugebiet"*. Köln/Brno: Archäologisches Inst. der Univ. zu Köln, 217–292. (in German).
- Vida, T. 1996. In *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission* (76) Mainz am Rhein, 220–288 (in German).
- Vyazov L. 2016. In *22nd Annual Meeting of the EAA. 31st August-4th September 2016 Vilnius*. Vilnius, 214 (in English).

About the Authors:

Vyazov Leonid A. Candidate of Historical Sciences, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya str., 18, Kazan, 420008, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; l.a.vyazov@gmail.com.

Petrova Darya A. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; da-petrova@yandex.ru

Kondrashin Vitaliy V. LLC “Gefest”. Pobedy str., 81, Samara, 443083, the Samara region, Russian Federation; willikon@yandex.ru.

Salova Yulia A. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya str., 18, Kazan, 420008, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; yadviga13@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2020 г.
Статья принята к публикации 01.09.2020 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

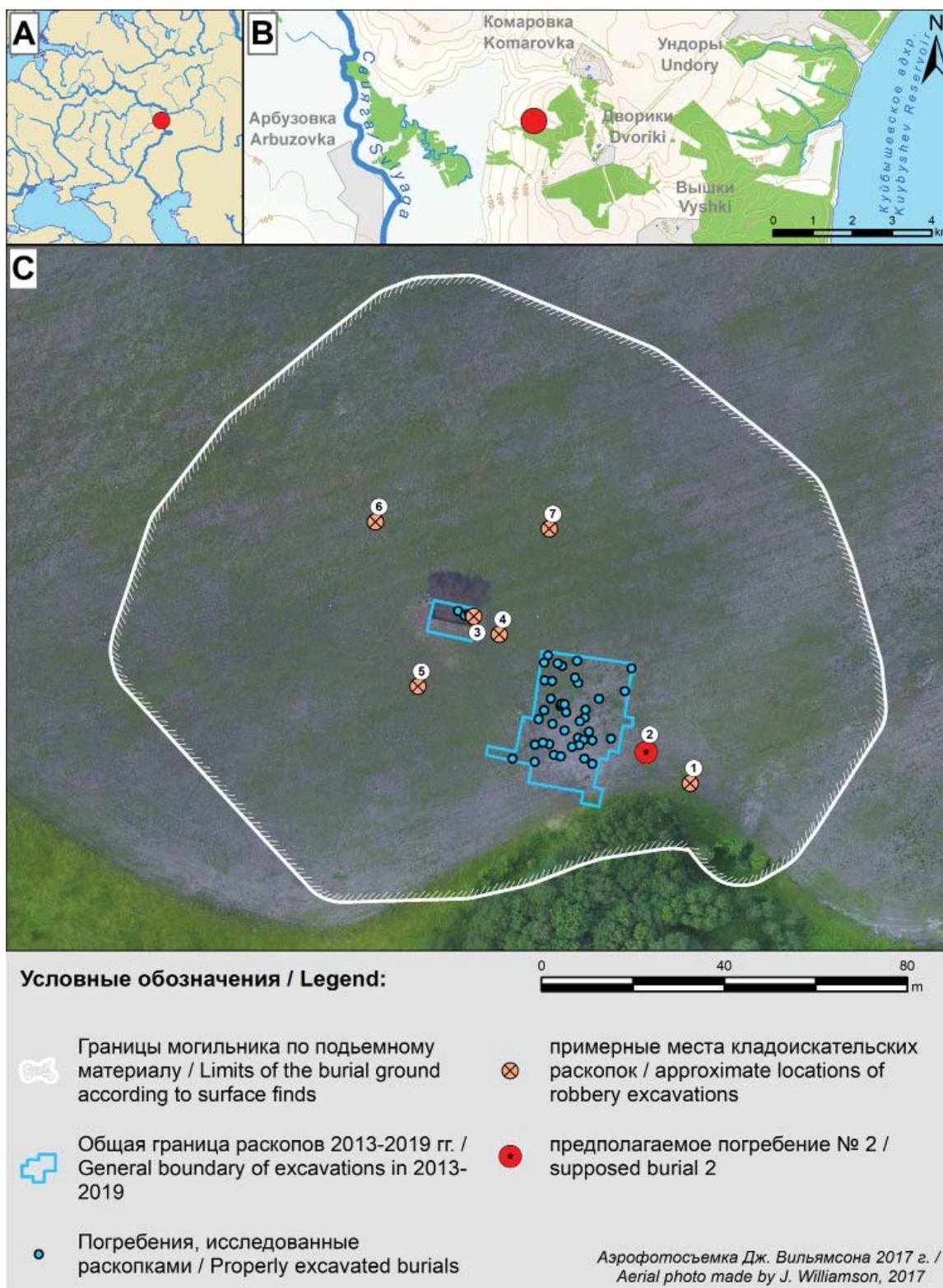

Рис. 1. А - Комаровский археологический комплекс на карте Восточной Европы; В - Комаровский археологический комплекс на карте Волго-Свияжского междуречья; С - Комаровский грунтовой могильник: планы раскопов 2013-2019 гг. и предполагаемое место обнаружения "предполагаемого погребения № 2".
Fig. 1. А – Komarovka archaeolocal site-complex on the map of Eastern Europe; В - Komarovka archaeological site-complex on the map of the Volga-Sviyaga interfluvium; С –Komarovka burial ground: excavations in 2013-2019 and the “burial 2” proposed location.

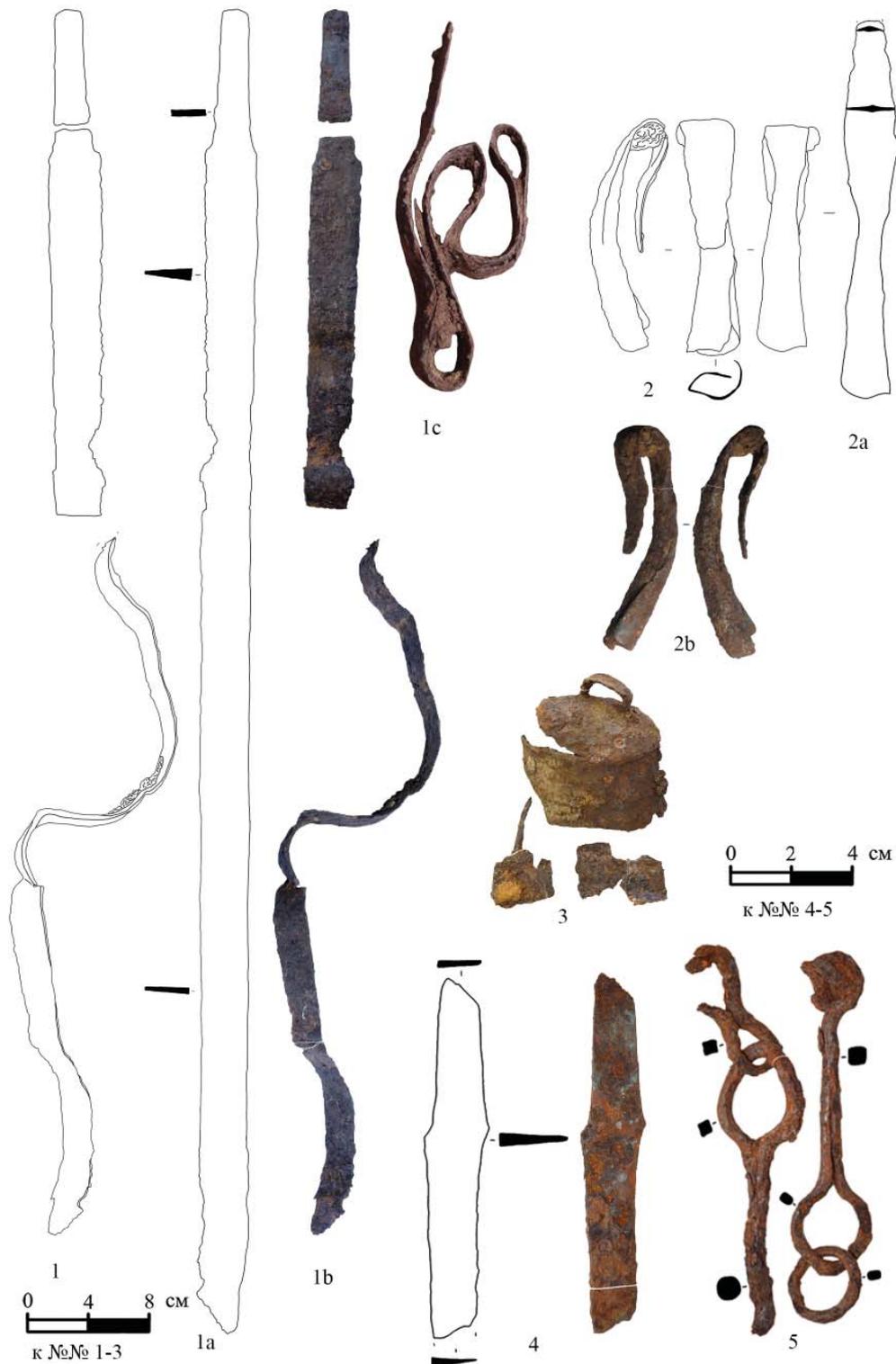

Рис. 2. Предметы вооружения и конской упряжи из комплекса "предполагаемого погребения № 2".
 1 - однолезвийный клинок (1, 1b - текущее состояние; 1a - реконструкция; 1c - состояние на момент находки);
 2 - наконечник копья (2a - реконструкция, 2, 2b - текущее состояние); 3 - ботало и его фрагменты; 4 - боевой нож;
 5 - удила. 1-5 - железо.

Fig. 2. Weapons and elements of horse harness from the "burial 2". 1 – single-edged blade (1, 1b – current condition; 1a - reconstruction; 1c – condition of the artifact when discovered); 2 – spearhead (2a - reconstruction, 2, 2b - current condition); 3 – cowbell, 4 – combat knife, 5 – snaffle bits. 1-5 - iron.

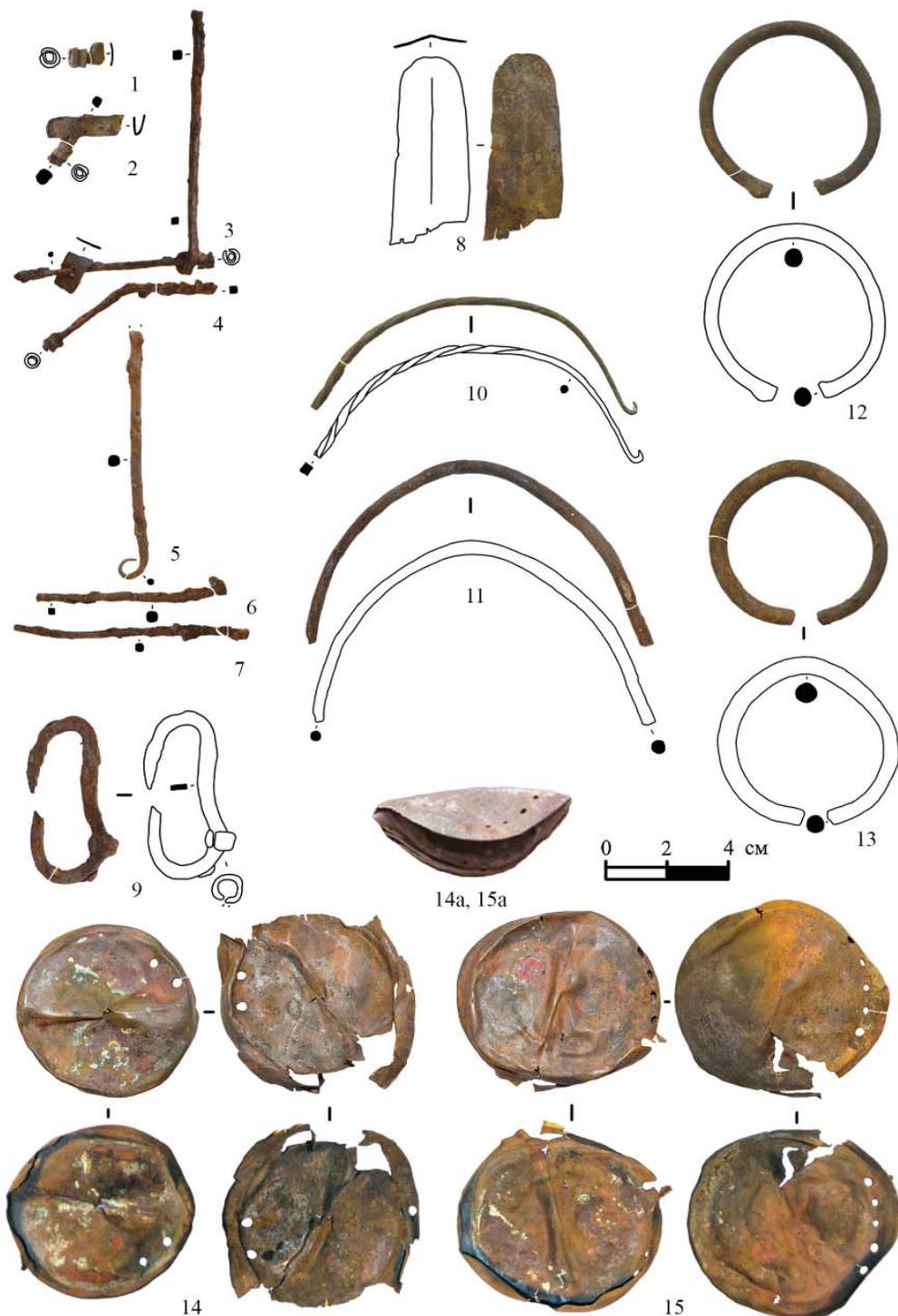

Рис. 3. Украшения и детали костюма из "предполагаемого погребения № 2". 1, 2 - фрагменты накладок с кнопками от фибул; 3 - ось и игла фибулы; 4, 6, 7 - оси фибул; 5 - игла фибулы; 8 - фрагмент пластины ножки фибулы; 9 - рамка В-образной пряжки с фрагментом язычка; 10 - фрагмент витой гривны; 11 - фрагмент круглодротовой гривны; 12, 13 - браслеты круглодротовые; 14, 15 - фрагменты коробочек-"булл" (14а, 15а - состояние на момент находки). 1-4, 6, 7, 9 - железо, сплав цветных металлов; 5, 8, 10-15 - сплав цветных металлов.

Fig. 3. Garment elements from the "burial 2". 1, 2 - fragments of fibulae plates with knobs, 3 - fibula pin and axis-pin, 4, 6, 7 - fibulae axis-pins, 5 - pin, 8 - fragment of foot plate, 9 - B-shaped buckle ring with a part of tongue, 10 - fragment of twisted rod torque, 11 - fragment of round-sectioned rod torque, 12, 13 - round-sectioned rod bracelets, 14, 15 - fragments of bullae (14a, 15a - condition of the artifact when discovered). 1-4, 6, 7, 9 - iron, non-ferrous alloy; 5, 8, 10-15 - non-ferrous alloy.

Рис. 4. Находки кладоискателей с предметами вооружения из окрестностей с. Комаровка. 1 - однолезвийный клинок, 2 – удила; 3 - боевой нож; 4 - фрагмент пластины (фрагмент ножен ножа?); 5 - свернутая пластина (фрагмент ножен клинка?); 6 - пластина со сквозными отверстиями; 7 - наконечник стрелы трехлопастной; 8 - восьмеркообразное кольцо; 9, 10 - круглодротовые браслеты. 1-3, 7 - железо, 4-6, 8-10 - сплав цветных металлов.

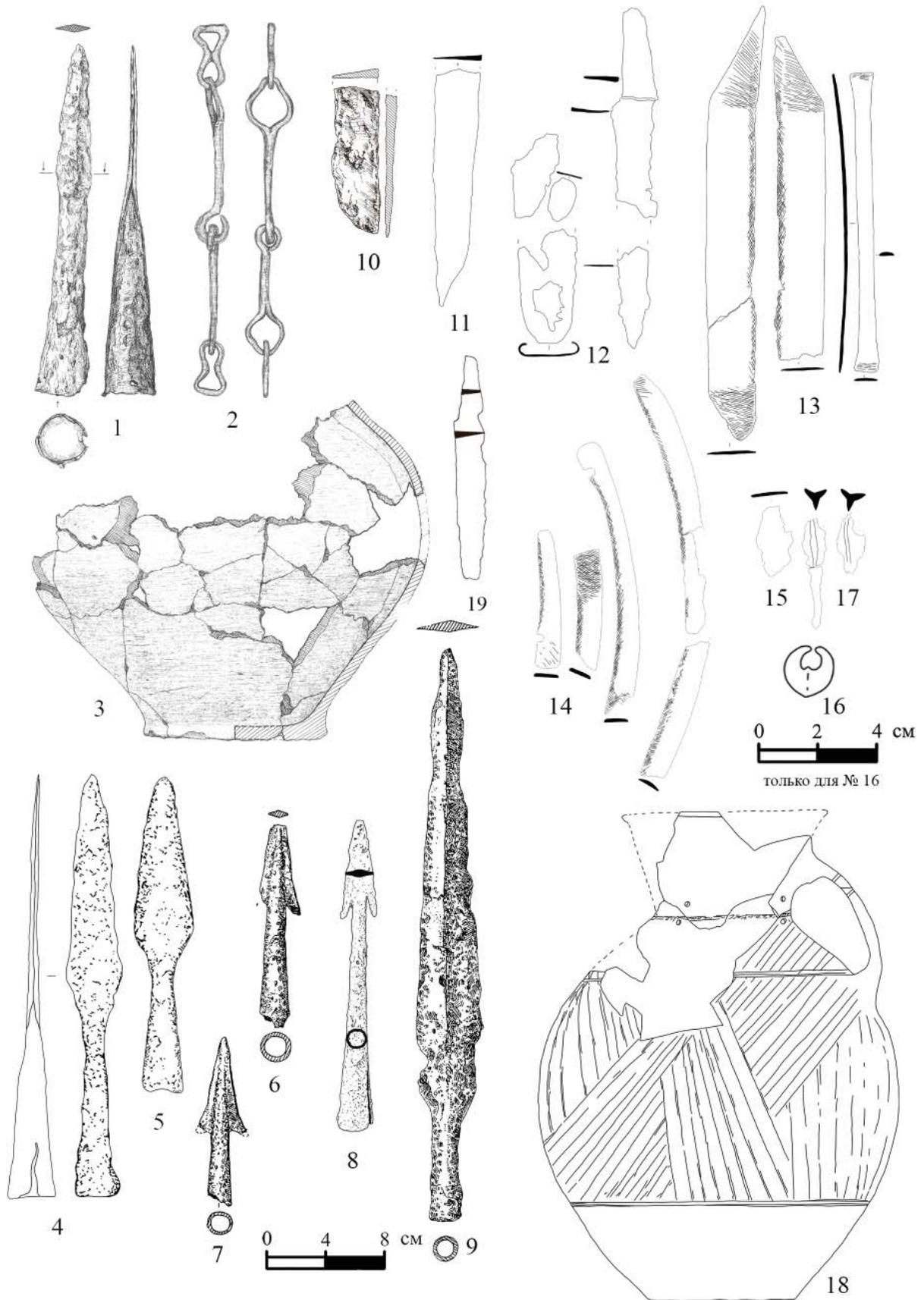
Fig. 4. Robbery finds with weapons from the vicinity of Komarovka. 1 - single-edged blade; 2 – snaffle bits; 3 - combat knife; 4 – fragment of plate (knife scabbard?); 5 – wrapped plate (sword scabbard?); 6 – plate with through holes; 7 – three-bladed arrowhead; 8 – eight-shaped ring; 9, 10 - round-sectioned rod bracelets. 1-3, 7 - iron, 4-6, 8-10 - non-ferrous alloy.

Рис. 5. Оружие ближнего боя из памятников именьковской культуры и предметы из комплексов с ними.

Жигулевское II селище, погребение 4: 1 - наконечник копья; 2 – удила; 3 - лепной сосуд. Селище Новая Беденьга I (по: Вязов, Семькин, 2016): 10 - фрагмент однолезвийного клинка, 19 - боевой нож. Маклашеевский V могильник, погребение 39 (фонды МА РТ): 11 - фрагмент боевого ножа. Коминтерновский II могильник, погребение 84 (№№ 12-15, 17 - фонды МА РТ, №№ 16, 18 по: Казаков, 2011): 12 - фрагменты кинжала и ножен; 13, 14 - накладки на лук; 15 - фрагмент изделия; 16 – серьга; 17 – наконечники стрел; 18 - кувшин. Городище Ош-Пандо (Сайнинское) (по: Степанов, 1967): 4,5 - наконечники копий. Щербетское островное I селище (по: Старостин, 1967): 6 - наконечник копья. Коминтерновское IV (Курган) селище (по: Старостин, 1967): 7 - наконечник копья. Алатырское I селище (по: Вязов и др., 2016): 8 - наконечник копья. Именьковское I городище (по: Старостин, 1967): 9 - наконечник копья. 1, 2, 4-12, 15, 17, 19 - железо; 3, 18 - глина; 16 - сплав цветных металлов, позолота; 13, 14 - кость.

Fig. 5. Melee weapons from the Imen'kovo culture sites and related artifacts. Zhigulyovsk 2 settlement, bur. 4:

1 – spearhead; 2 - snaffle bits; 3 - vessel. Novaya Bedenga 1 settlement (Vyazov, Semykin, 2016): 10 - fragment of single-edged blade; 19 - combat knife. Maklasheevka 5 burial ground, bur. 39 (MA RT): 11 - fragment of combat knife. Komintern 2 burial ground, bur. 84 (12-15, 17 - MA RT, 16, 18 – Kazakov, 2011): 12 - fragments of dagger and scabbard; 13, 14 – bow plates; 15 – fragment of an item; 16 – earring; 17 – arrowheads; 18 - jar. Osh-Pando (Saynino) hillfort (Stepanov, 1967): 4, 5 - spearheads. Sherbet' 1 island settlement (Starostin, 1967): 6 - spearhead. Komintern 4 ("Kurgan") settlement (Starostin, 1967): 7 - spearhead. Alatyry' 1 settlement (Vyazov and others, 2016): 8 - spearhead. Imen'kovo 1 hillfort (Starostin, 1967): 9 - spearhead. 1, 2, 4-12, 15, 17, 19 - iron; 3, 18 - clay; 16 - non-ferrous alloy and gilding; 13, 14 - bone.

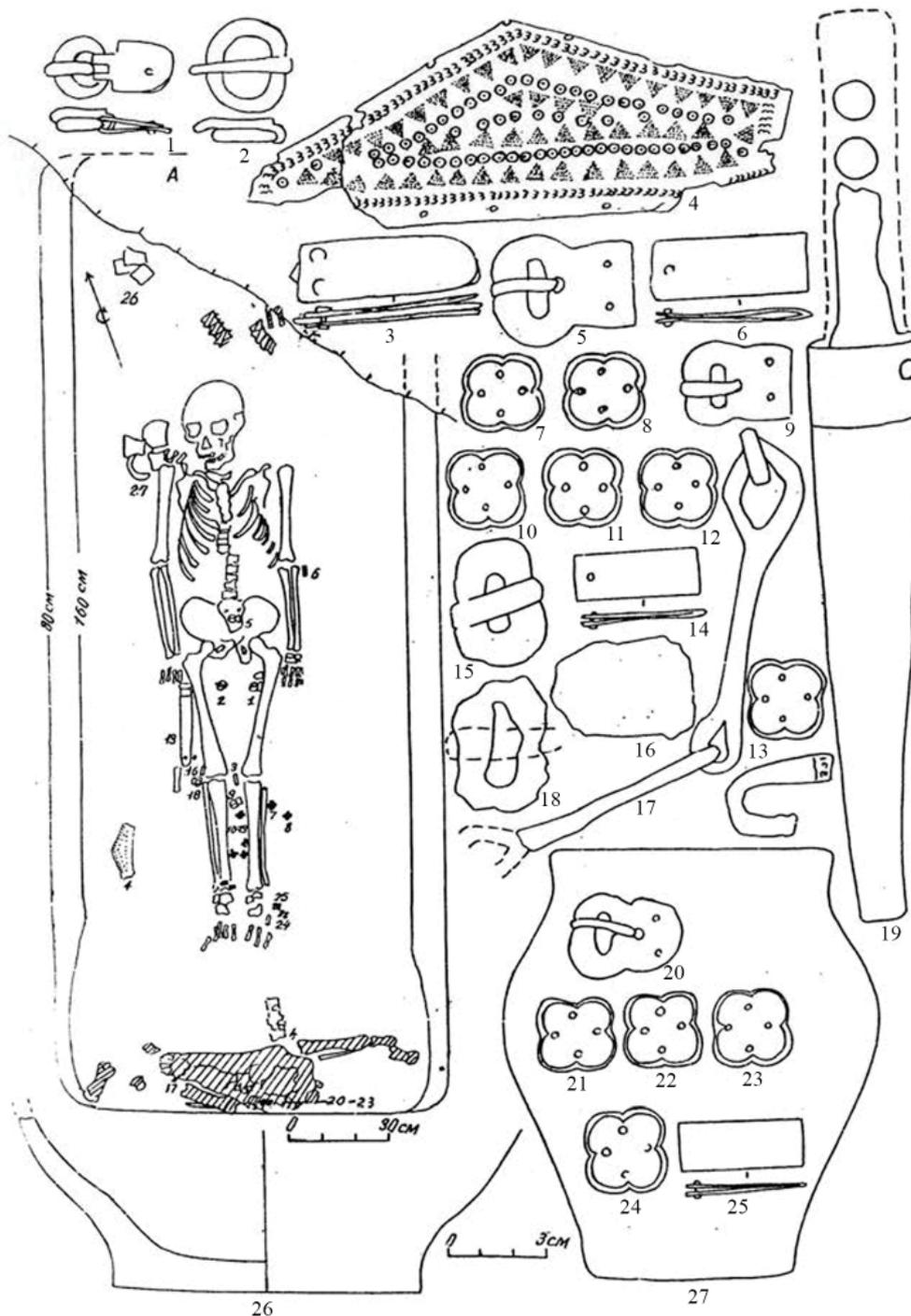
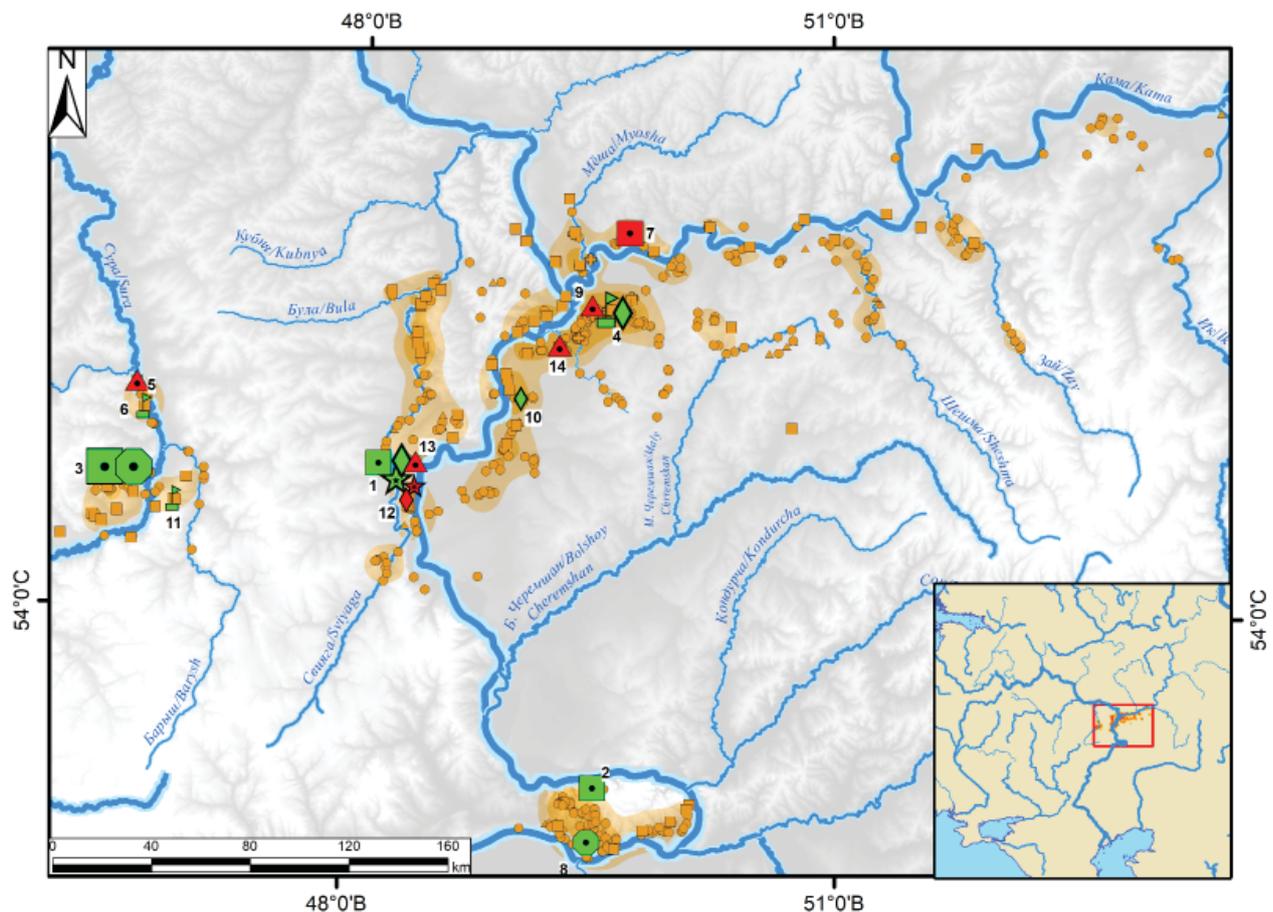

Рис. 6. Оружие ближнего боя из памятников именьковской культуры и предметы из комплексов с ними (продолжение). Коминтерновский II могильник, погр. 46 (по: Казаков, 2011). 1, 2, 5, 9, 15, 18, 20 – пряжки; 3, 6, 14, 25 - наконечники ремней; 4 - обкладка седла; 7, 8, 10-13, 21-24 – накладки; 16 - фрагмент изделия; 17 – удила; 19 - нож в ножнах; 26 - фрагмент сосуда; 27 - сосуд. 1,2 - сплав цветных металлов; 3-14, 20-25 - сплав цветных металлов белого цвета; 15-18 - железо; 19 - железо, сплав цветных металлов, дерево; 26,27 - глина.

Fig. 6. Melee weapons from the Imen'kovo culture sites and related artifacts (extension). Komintern 2 burial ground, bur. 46 (Kazakov, 2011). 1, 2, 5, 9, 15, 18, 20 – buckles; 3, 6, 14, 25 – belt tips; 4 – saddle pommel plate; 7, 8, 10-13, 21-24 – belt plates; 16 - fragment of an item; 17 - snaffle bits; 19 - combat knife in scabbard; 26 - fragment of vessel; 27 - vessel. 1,2 - non-ferrous alloy; 3-14, 20-25 – white colored non-ferrous alloy; 15-18 - iron; 19 - iron, non-ferrous alloy, wood; 26, 27 - clay.

Условные обозначения / Legend:

Тип, контекст и количество предметов вооружения / Type, context and number of weapons

▲	двушипный наконечник, культурный контекст неопределен / barbed spearhead, uncertain cultural context	■	наконечник копья, культурный контекст неопределен / spearhead, uncertain cultural context
◆	боевой нож, культурный контекст неопределен / combat knife, uncertain cultural context	■	наконечник копья, именьковская культура / spearhead, Imen'kovo culture
◆	боевой нож, именьковская культура / combat knife, Imen'kovo culture	●	панцирная пластина, именьковская культура / armor plate, Imen'kovo culture
▣	накладка на лук, именьковская культура / bone bow plate, Imen'kovo culture	■	Городища / Hillforts
★	однолезвийный клинок, культурный контекст неопределен / single-edged blade uncertain cultural context	◆	Могильники / Burial grounds
★	однолезвийный клинок, именьковская культура / single-edged blade, Imen'kovo culture	●	Селища / Settlements
		▲	Местонахождения / Finds

Рис. 7. Находки оружия ближнего боя, накладок на лук и панцирных пластин на памятниках именьковской культуры. 1 - Комаровский грунтовый могильник ; 2 - Жигулевское II селище; 3 - Ош-Пандо (Сайнинское) городище; 4 - Коминтерновский II могильник; 5 - Алатырское I (Красная Горка) городище; 6 - Ивановско-Ленинское городище Шолом; 7 - Именьковское I городище ; 8 - Кармалинское городище; 9 - Коминтерновское IV (Курган) селище; 10 - Маклашеевский V могильник; 11 - Малокандаратское I селище ; 12 - Селище Новая Беденьга I; 13 - Ундоровское III селище; 14 Щербетское I островное селище.

Fig. 7. Finds of melee weapons, bow linings and armor plates on the Imen'kovo culture sites. 1 - Komarovka burial ground; 2 - Zhigulevsk 2 settlement; 3 - Osh-Pando (Sainino) hillfort; 4 - Komintern 2 burial ground; 5 - Alatyr 1 settlement; 6 - "Sholm" hillfort of Ivan'kovo-Lenino; 7 - Imen'kovo 1 hillfort; 8 - Karmaly hillfort; 9 - Komintern 4 ("Kurgan") settlement; 10 - Maklasheevka 5 burial ground; 11 - Malaya Kandarat' 1 settlement; 12 - Settlement Novaya Bedenga 1; 13 - Undory 3 settlement; 14 - Shcherbet' 1 settlement.

УДК 94(369.2), 94(4), 94(450).014

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2020.6.132.156>**БУЛГАРСКИЕ РЫЦАРИ ЛАНГОВАРДСКОГО КОРОЛЕВСТВА**

© 2020 г. Ш.Р. Мингазов

«Ветер степей шумит в ветвях
древа средневекового рыцарства»
(Кардини, 1987, с. 36–37, 61, 356).

Настоящая работа является первым общим описанием на русском языке двух некрополей Кампокиаро (Кампобассо, Италия) – Виченне и Морионе, датируемых последней третью VII в. – началом VIII в. Культурное содержание некрополей показывает прочные связи с населением центральноазиатского происхождения. Важнейшим признаком некрополей являются захоронения с конем, соответствующие евразийскому кочевому погребальному обряду. Автор поддержал выводы европейских исследователей о том, что с большой долей вероятности некрополи оставлены булгарами дукса–гаштальда Алзекко, зафиксированными Павлом Диаконом в VIII в. на территориях Бояно, Сепино и Изернии. Аналогии некрополей Кампокиаро с погребениями Аварского каганата показывают присутствие в аварском обществе булгар со схожим погребальным обрядом. Из тысяч погребений с конем, оставленных аварским населением, булгарам могла принадлежать большая часть. Авары и булгары составляли основу и правящую верхушку каганата. Народ Алзекко являлся той частью булгар, которая в 631 г. боролась за каганский престол, что указывает на высокое положение булгар и их большое количество. После поражения эта группа булгар мигрировала последовательно в Баварию, Карантанию и Италию. Несколько десятков лет проживания в венецкой, а затем в лангобардской и романской среде привели к гетерогенности погребального инвентаря, но не изменили сам обряд. Булгары лангобардского королевства составляли новый военный слой, который представлял из себя профессиональную кавалерию, получивший землю. Эта конная дружина является ранним примером европейского феодального воинского и социального сословия, которое станет называться рыцарством.

Ключевые слова: булгары, Алзекко, Алциок, авары, Аварский каганат, некрополи Кампокиаро, некрополь Виченне, некрополь Моррионе.

BOLGAR KNIGHTS OF THE LOMBARD KINGDOM**S.R. Mingazov**

The paper features the first general description in the Russian language of two necropolises located in Campochiaro (Campobasso, Italy) – Vicenne and Morrione, dating back to the period from the last third of the 7th – the beginning of the 8th century AD. The cultural content of the necropolises reflects their strong ties with the population of Central Asian origin. The most important feature of the necropolises are burials with a horse, corresponding to the Eurasian nomadic burial rite. The author supported the conclusions of European researchers according to which it is highly probable that the necropolises were left by the Bolgars of the duke–gashtald Alzeko, originally recorded by Paul the Deacon in the 8th century in the territories of Bojano, Sepino and Isernia. The similarities of the Campochiaro necropolises with the burials of the Avar Khaganate imply the presence of the Bolgars in the Avar society with a similar burial ritual. Out of the thousands of horse burials left by the Avar population, a large portion could have been left by the Bolgars. The Avars and Bolgars constituted the basis and ruling elite of the Khaganate. The Alzeko people were the part of the Bolgars who in 631 AD fought for the Khagan throne, which indicates the high position of the Bolgars and their large number. After the defeat, this group of the Bolgars migrated to Bavaria, Carantania and Italy. Several decades of living in the Venedian, and later in the Lombard and Roman environment resulted in the heterogeneity of the funerary inventory, but did not change the rite itself. The Bolgars of the Lombard kingdom formed a new military layer - professional cavalry, which received land plots. This equestrian squad is an early example of the European feudal military and social class which was later referred to as chivalry.

Keywords: Bolgars, Alzeko, Alciok, Avars, Avar Khaganate, Campochiaro necropolises, Vicenne necropolis, Morrione necropolis.

СВЕДЕНИЯ ПАВЛА ДИАКОНА

Одной из важных фиксаций булгар на территории Италии в древних письменных

источниках является сообщение церковного писателя Павла Диакона (ок. 720–799 гг.).

Павел Диакон (Варнефрид) родился в лангобардской семье в г. Чивидале (Forum Iulii) – столице Фриульского герцогства в составе Лангобардского королевства (Ронин, 1995, с. 480–481). Родной город Павла являлся восточным форпостом, часто контактировавшим с Аварским каганатом, а иногда и подвергавшимся нападениям (Vuoga, 2000, р. 184).

В войне с аварами погиб герцог Фриуля Гизульф II, а столица герцогства была захвачена (De Vingo, 2001, с. 809–810). Жена и дети Гризульфа II были угнаны в плен, среди плененных был прадед Павла Диакона Лопихис (Pauli. Hist. Langob. IV. 37–38).

События, связанные со взятием этого города, уверенно не датируются: итальянские историки относят их к 610 г. (Vuoga, 2000, р. 184), а венгерский ученый И. Бона – к 628 г. (Bona, 2000, р. 24). В Чивидале были найдены 2 стремени «аварского» типа – одни из ранних (Brozzi, 1995, р. 65, п. 35), если не самые ранние, стремени в Западной Европе. Эти стремени являются одним из основных индикаторов связи событий с аварским нападением начала VII века (Villa, 2000, р. 188).

Приведенные факты жизни семьи Павла Диакона объясняют его хорошую осведомленность об Аварском каганате и уверенном отличии им авар и болгар, что важно для нашего исследования. Авар он иногда называет общим и архаичным этнонимом «гунны», но болгары у него фигурируют под своим именем. Это выгодно отличает сведения Павла от произведений многих древних авторов, в которых болгары названы «гуннами». Например, в трудах Прокопия болгары часто фигурируют под общими этнонимами «скифы», «массагеты» и «гунны». Определить, что под ними скрываются именно болгары возможно только с привлечением дополнительного критического аппарата и глубокого анализа.

После завоевания Карлом Великим лангобардского королевства Павел поселился в бенедиктинском аббатстве Монтекассино, бывшим крупным центром раннесредневековой культуры и науки. Там он провел остаток жизни и был похоронен.

В период 788–799 гг. Павел создает свое главное историческое произведение – «Историю лангобардов» («Historia Longobardorum»), напоминающее «Гетику» Иордана и описывающее историю лангобардов и их отношения с Византией, Аварским каганатом, государством франков. Труд охва-

тывает период со времени прихода лангобардов в Центральную Европу и до смерти короля Лиутпранда в 744 г. Окончание повествования этой датой обусловлено либо смертью автора (Wattenbach, Levison, Lowe, р. 223; Kruger, 1981, р. 19), либо его желанием окончить труд на времени наивысшего расцвета государства лангобардов (Добиаш-Рожденственская, 1937, с. 135).

Информацию Павел черпал из письменных источников: трудов Секунда, Беды, Аврелия Виктора, Иордана, Венанция Фортуната, Плиния Старшего, Григория Турского, Оригена, Исидора Севильского, Григория Великого, Беневентских и Сполетских анналов, «Liber pontificalis» (Кузнецова, 1970, с. 243). Важными источниками для него служили участники и очевидцы многих событий, носители богатой лангобардской устной традиции (Wattenbach, 1858, р. 95, 98). Проживая в Монтекассино на границе болгарских земель, Павел имел возможность контактировать с болгарями лично, что значительно увеличивает достоверность и ценность его информации об описываемых событиях.

Особенную важность представляют сведения труда Павла Диакона о переселениях болгар на территорию Италии. Одно из таких описаний содержит сведения о болгарском герцоге Алзеко (в тексте источника: «Vulgarum dux Alzece nomine»). Павел пишет: «В это время, не знаю по какой причине, болгарский герцог Альзекон оставил свой народ и со всеми мужами своего герцогства совершенно мирно пришел в Италию к королю Гримуальду и обещал ему служить и жить в его стране. Король послал его в Беневент к своему сыну Ромуальду с приказом дать ему и его людям место для жительства. Ромуальд принял их милостиво и дал им обширные земли для проживания, которые к тому времени были полностью покинуты, а именно Сепин, Бовиан, Изернию и другие города вместе с их областями, а самому Альзекону, изменив название почести, вместо герцогского дал титул гастальдия. Эти болгары до сих пор живут в этих местах и, хотя уже говорят по-латыни, не совсем забыли свой язык» (Pauli. Hist. Langob. V. 29; Pauli historia Langohardorum, 1878, р. 154; Павел Диакон, 2008, с. 165).

Болгары расселились на свободные пастбищные места в районе городов, указанных Павлом Диакonom (рис. 1а, 1б): Сепино (Sepinum, Sepino), Бояно (Bojano, Bovianum) и Изернии (Iserniam, Isernia, Aesernia). Эта

местность представляет собой широкую долину, вдоль которой тянется дорога перегона скота Пескасериолли – Кандела (Pescasseroli – Candela) древней провинции Саннио (Sannio).

В. Бешевлиев предполагал, что болгары вначале появились в византийском Пентаполисе (Римини, Пезаро, Фано, Сенигаллия и Анкона), но позже предпочли служить лангобардам (Бешевлиев, 2008, с. 59). Этот факт остается спорным: на него указывает лишь титул Алзеко «Dux», который входил в византийскую титулатуру. В лангобардской титулатуре он был равен титулу «герцог», который носил сам Ромуальд, что и послужило причиной изменения титула на «гаштальд».

Установить точную датировку появления болгар в лангобардском королевстве пока не удалось, но она ограничена пребыванием на троне короля Гримуальда в 662–671 гг. В. Поль (Pohl, 1988, р. 269–270) и В. Бешевлиев датировали это событие позже 663 г. – после неудачной попытки императора Констанса II освободить Италию от лангобардов. Э. Хершак также датирует это событие ок. 663 г. (Hersak, 2001, р. 270–271). В историографии предложены и иные даты переселения болгар Алзеко: ок. 665 г. (Rotili, 2010, р. 36); 667 г. (Sarno, 2012, р. 55–56); ок. 668 г. (Arslan, 2000a, р. 349; Bernacchia, 2013, р. 786); 668–671 гг. (Vona, 2000, р. 23).

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О НЕКРОПОЛЯХ

Сведения письменных источников о болгар в Италии и богатейший ономастический материал получили важное археологическое подтверждение (De Benedittis, 1991, р. 328; Genito, 2000, р. 233; La Salvia, 2007, р. 170), феномен которого заключается в «удивительном совпадении между источником и материальной культурой» (Fedele, Marchetta, Colombo, 2019, р. 302).

В мае 1987 года при промышленной карьерной добыче гравия в окрестностях г. Кампокиаро (Campochiaro, Campobasso) был обнаружен край древнего некрополя (Ceglia, 1988; 1989a, р. 63–67; 1989b, р. 156).

Работы были остановлены и большую часть могильника удалось сохранить (Ceglia, 1989a, р. 63), хотя его расширение в восточном секторе было частично ограничено, а северная и южная стороны были подвергнуты разрушению работами на карьерах и строительством дороги (Ceglia, 1989b, р. 156).

Некрополь получил название Виченне (Кампокиаро) – Vicenne (Campochiaro). Разме-

ры неповрежденной части могильника составили 35×45 метров (Ceglia, 1990, р. 213).

В 1990 г. примерно в 800–1000 метрах от некрополя Vicenne (Campochiaro) был открыт второй могильник, названный Моррионе (Кампокиаро) – Morrione (Campochiaro) (Ceglia, Genito, 1991, р. 329). С запада к некрополю Моррионе примыкают позднесредневековые могилы капуцинов раннего периода, что нередко для кладбищ лангобардского периода (напр. Cella e San Giovanni в Cividale) (Ceglia, 2000b, р. 299).

Раскопками руководило Управление по археологическому наследию в Молизе (Beni Archeologici per il Molise), ныне Управление по археологии, изобразительному искусству и ландшафту Молизе (Soprintendenza Archeologia Belle Arti e Paesaggio del Molise). В работах принимали участие археологи Валерия Челья (V. Ceglia) – все время раскопок, Бруно Дженито (B. Genito) – в 1988–1991 гг., и Изабелла Марчетта (I. Marchetta) – с 2000-х до окончания работ, а также многие другие исследователи.

В связи с исключительной важностью сведений этих не опубликованных полностью некрополей для изучения археологии евразийских степей, а также с тем, что литература издана в основном на итальянском языке, малодоступна и не переведена на другие языки, необходим общий обзор некрополей с указанием историографии.

Погребальный обряд двух синхронных могильников Виченне и Моррионе аналогичен (Ceglia, 2010, р. 242; Belcastro, Facchini, 143). Для отличия погребений двух некрополей принято номер погребения обозначать соответственно буквами «V» и «M».

Период использования некрополей приблизительно установлен по содержанию нумизматического материала. Э. Арслан пишет, что «возникает решающее совпадение между данными, предложенными некрополями, и Историей Павла Диакона», особенно по хронологии монет (Arslan, 2000a, р. 349; 2004, р. 104). Монеты лангобардского чекана составляли в основном выплаты Лангобардского королевства, поселившего болгар Алзеко на границу с территорией Рима, а византийские монеты попадали с самой римской территории, возможно, при военных походах и обмене (Arslan, 2000b, р. 223). После анализа нумизматического материала Э. Арслан предлагает датировать переселение болгар в Саннио 668 годом (Arslan, 2000a, р. 349).

Некрополи использовались со второй половины VII в. 2–3 поколениями (Ceglia, 2010, p. 243) до первого десятилетия VIII в. (Staffa, 1995, p. 201; Ceglia, 2008, p. 475) На некрополе Моррионе найдены немного более поздние монеты, чем на некрополе Виченне (Fedele, Marchetta, Colombo, 2019, p. 306). Прекращение использования могильников могло быть связано с принятием христианства, ассимиляцией или переселением части населения на новые границы герцогства, где была необходима военная сила. Объяснить одновременное использование двух некрополей с одинаковой обрядностью, как версией, можно тюркской моделью государственного и административного устройства, для которой были характерны два крыла, а иногда и дуумвират власти.

К. Провези предположила, что некрополь Виченне служил местом захоронения для окрестных общин с центрами Бояно и Сепино (Provesi, 2013a, p. 122). Связать некрополи с каким-либо поселением не удалось, в связи с чем допустим вывод о кочевой или полукочевой модели жизни этого населения (De Benedittis, 1988, p. 107; Belcastro, Facchini, 2004, p. 143). В этом случае жилищами могли быть юртообразные постройки, подобные обнаруженным в Тоскане между Флоренцией и Сиеной (Valenti, 2007, p. 158). В Тоскане, как почти по всей Италии, зафиксированы топонимы и антропонимы, связываемые с этнонимом болгар (Muratori, 1740, col. 1172, 1173; Repetti, 1833, p. 333; Constitutiones et Acta Publica, 1893, p. 473, 477; Pasqui, 1899, p. 264, 288; Шишманов, 1900, с. 78; Schneider, 1907, p. 195, n. 575; Pieri, 1969, p. 62; Sabatini, 2015, p. 383, 385–386).

Б. Дженито напоминает, что аналогичная ситуация сложилась в археологическом изучении кочевников евразийских степей, где древние могильники кочевого населения редко удавалось связывать с конкретными поселениями. Поэтому он допускает присутствие в Беневенто моделей поселений кочевого типа, которые не укладываются в привычные европейские рамки греко-римской концепции города, деревни и некрополя (Genito, 2014, p. 285).

ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ ПОГРЕБЕНИЙ

Некрополи располагаются на территориях с высоким содержанием гравия, что делает невозможным ее пахотное использование (рис. 4). Однако имеющаяся растительность вполне достаточна для выпаса животных (Ceglia, 1989b, p. 156), который существует и

в наши дни (рис. 15). Кочевники могли расселяться и на болотистых местностях, где также была невозможна обработка земли, но обильно произрастал корм для скота (Polverari, 1969, p. 17).

Грунтовые захоронения расположены ровными рядами в виде параллельных рядов (рис. 2, 3). Ориентация – восток – запад, с головой погребенного на запад с небольшим отклонением к северо-западу, ориентация достаточно строгая и варьируется от 50° до 85° (Ceglia, 1990, p. 214).

При первых работах было задокументировано удаление растительного слоя строительными работами, что повлияло на целостность захоронений. В южном секторе некрополя Виченне наименьшая глубина погребений составляет 40–50 см от современного уровня поверхности (Ceglia, 1990, p. 214).

Ямы грунтовых ингумаций обычно четырехугольной формы с закругленными краями (рис. 5, 6, 8). Встречается трапециевидная форма с более широкой верхней частью у изголовья и более узкой нижней (погр. 46V, 52V). Во многих случаях могилы обложены округлыми камнями, которыми местность изобилует и которые не требуют специальной добычи и доставки.

Покойные обычно погребены лежа на спине, со склоненной в сторону головой, вытянутыми вдоль туловища руками (Ceglia, 1990, p. 213–215). В большинстве случаев погребенные положены непосредственно в могилу, возможно, в саване. В некоторых могилах найдены гвозди, что может говорить об использовании гробов аналогично погребениям в Аварском каганате (Tomka, 1996, p. 385). Гвозди разбросаны в яме в погр. 73V, 76V, 85V, 117V, по углам в 115V (Ceglia, Genito, 1991, p. 332). В погребениях 73V и 81V на дне могил обнаружены остатки деревянных конструкции, которые В. Челья связывает с «домами смерти» – традицией, принесенной из Паннонии и часто встречающейся на севере Италии (Ceglia, 2010, p. 244).

Мужское снаряжение состоит из вооружения, а также обязательно из ремня, украшенного бронзовыми или железными пряжками (Staffa, 2004, p. 238). Иногда присутствуют бронзовые браслеты и кольца, более характерные для мужских погребений (Ceglia, 2004, p. 85).

В некрополях представлены мечи двух типов – длинные обоюдоострые спаты (рис. 8, 9) и короткие скрамасаксы (рис. 5, 7, 12), боль-

ше характерные для севера Италии (Staffa, 2004, p. 238). Мечей в Кампокиаро найдено 8, все в конских могилах (Ceglia, 2000b, p. 300). Спата присутствует в пяти комплектах из девятнадцати захоронений с конем (Arslan, 2000a, p. 335). Погребения 81V, 85V, 43M и 102M имели только спаты, в погребении 10M представлены оба типа мечей. Анализ металла показал, что мечи из погр. 16V и 152 M были изготовлены в одной кузнице (Ceglia, 2008, p. 472).

В погр. 102M с всадником и конем был обнаружен меч (99 см), располагавшийся слева от человека (рис. 8, 11). На лезвии остались минерализованные следы деревянных ножен, от которых сохранились серебряные накладки и P-образная португепейная скоба с орнаментом двух типов – в одном доминирует фигура животного, а во втором – узор с деревом и парами птиц (Ceglia, 2008, p. 470, 472, cat. V. 17). P-образные скобы ножен меча встречаются в кочевнических погребениях конца VI – середины VII в. (Амброс, 1986, с. 54–58; Balint, 1992, s. 311–312; Гавритухин, Иванов, 1999, с. 120–126; Комар, Кубышев, Орлов, 2006, с. 280–283, 302; Безуглов, Ильюков, 2007, с. 34–35, 47; Ceglia, 2008, p. 472; Казанский, 2019, с. 106–107; Curta, 2019, p. 54, 57). Ко времени захоронений некрополей Кампокиаро этот тип креплений несколько устарел среди кочевников Восточной Европы (хотя в Китае использовался до VIII в. (Koch, 1998, с. 572), что может косвенно означать некоторую оторванность погребенных от кочевой традиции. Это говорит в пользу версии исхода этой группы болгар из Аварского каганата в 631–632 гг. после неудачной борьбы за Аварский престол в Баварию и последующем проживании в Карантании около трех десятилетий (Fred. IV. 72; *Chronicarum quae dicuntur Fredegarii*, 1888, p. 157; Ditten 1980, p. 69; Ронин 1995, с. 370–371; Мингазов, 2017).

Некоторые погребения (рис. 7, 8) содержат щиты с полусферическими умбонами (Genito, 2014, p. 286). Умбонов было найдено по 3 в каждом некрополе (Ceglia, Genito, 1991, p. 333; Ceglia, 2000b, p. 300; 2008, p. 469, 471).

Сохранившиеся наконечники копий соответствуют типам Аварского каганата VII в.: в форме вытянутого листа, как в некрополе Замарди (Вакау, 1973, о. 15, tab. VI, 3; Genito, 1988, p. 63), или ромбовидные (Ceglia, 2008, p. 473–474).

Комплект вооружения включал луки. В погр. 85V неплохо сохранился комплект лука

длиной 1,2 м с костяными накладками, фрагментами колчана. Лук был найден в погр. 29V (Ceglia, 1990, p. 216). В погребениях с конем 66V и 102M найдены костяные ребра жесткости луков (Ceglia, 2000b, p. 300). Трехлопастные наконечники стрел находились отдельно от колчана (Ceglia 2008, p. 473–474) и от других типов наконечников (Ceglia, 2010, p. 250).

В женских захоронениях найдены бронзовые браслеты, золотые, серебряные и бронзовые серьги, часто «аварского» типа, стеклянные, эмалевые и янтарные ожерелья, пряжки, подвески с янтарем и серебром, костяные гребни (Ceglia, Genito, 1991, p. 331–333; Staffa, 2004, p. 239; Marchetta, 2017, p. 55–56, 57). Небольшие ножи находились у левой стороны грудной клетки. Монеты были найдены под черепом, иногда во рту или в качестве подвески с центральным отверстием для подвешивания.

Женщины одевались уже в местном римско-византийском стиле. Платье на талии затягивалось металлической пряжкой. На талию подвешивался мешочек, расческа, пряслице и небольшой нож. На уровне груди найдены круглые и крестообразные застёжки для плаща или мантии. На уровне головы – гребни и заколки для фиксации прически.

Детские погребения, как правило, отражают содержание могил взрослых, в зависимости от пола (Ceglia, Genito, 1991, p. 331–333; Genito, 2014, p. 286; Marchetta, 2017, p. 56).

В 1993 г. на некрополе Моррионе было открыто парное захоронение мужчины и женщины 88M (Ceglia, 1994, p. 20, tav. VI, 3). Яма имеет размеры 2,20 м на 1,40 м с вертикальными стенками. Захороненные лежали на спине. Набор посуды, расположенный у левой ноги мужчины, состоит из кувшина и горшка, сделанного из темной пористой глины. Рядом с головой женщины найдены две серебряные серьги, одна железная заколка, расположенная на груди, небольшой нож помещался на груди на уровне левого локтя. Инвентарь мужчины состоит из железной пряжки, ножа, вероятно, подвешенного на кожаном ремне. Наконечник трехлопастной стрелы был расположен по правой стороне и является единственным предметом военной амуниции (Ceglia, 2000c, p. 80–81).

Керамические комплексы захоронений состоят из лепных горшков и отличаются многообразием, а аналогии находятся в разных местах Европы, усложняя поиск гене-

тических и типологических связей (Marchetta, 2015, p. 663–671). Редки захоронения, имеющие только сосуды. Встречаются образцы стеклянных предметов.

Инвентарь показывает активные контакты с местным населением (Ebanista, 2011, p. 337–364). В погребении 73V найдена бронзовая шпора, что не характерно для кочевников (Ceglia, 1990, p. 216; Ceglia, Genito, 1991, p. 333).

Антропологами было исследовано 130 скелетов некрополя Виченне, из них пол определен для 47 мужчин и 42 женщин (Belcastro, 2001, p. 105). Отмечена гетерогенность населения, оставившего некрополь, что говорит о процессах скрещивания азиатского ядра группы с германским (лангобардским) и местным населением (Belcastro, Facchini, 2004, p. 146). У некоторых всадников прослежена азиатская примесь, брахикrania наблюдается у четырех всадников (погр. 16V, 109V, 150V и 155V), у трех прослеживается долихокрания (29V, 66V и 141V) (Belcastro, 2001, p. 106; Belcastro, Facchini, 2004, p. 136, 146; Staffa, 2004, p. 238, 242). Возможно, рыцари уже представляли особую социальную группу (Belcastro, Facchini, 2001, p. 399). Самый высокий человек (185 см) – брахикран из погребения 52V (Belcastro, Facchini, 2001, p. 397).

У некоторых погребенных Кампокиаро были обнаружены гены центральноазиатского происхождения, которые были обнаружены также в других некрополях Италии: погребении № 6, 8, 9 из Арки (Archi, Chieti, Abruzzo), № 4, 9 из Фоссачезия (Fossacesia, Chieti, Abruzzo), № 5–6 из Мартинсикуро (Martinsicuro, Teramo, Abruzzo) (Staffa, 2004, p. 223–224).

На некрополях Кампокиаро, как и на многих других кочевнических захоронениях, обнаружены случаи трепанации черепа. Лобная кость захороненного в могиле 115V указывает на вероятную символическую трепанацию (Belcastro, Facchini, 2001, p. 395–396). Череп из захоронения 20M (рис. 14) показывает следы посттравматической лечебной трепанации после удара палицей или булавой (Rubini, Zaio, 2011, 1556–1557).

Трепанации были распространены на территориях проживания болгарского населения в раннем Средневековье. Следы трепанации обнаружены на черепах Больше-Тархарханского могильника в Татарстане (Акимова, 1964, с. 178; Медникова, 2001, с. 248–252; Mednikova, 2003, p. 170–171), черепах на

территории Венгрии (Bartucz, 1950; Jozsa, Fothi, 2007; Bereczki, Molnar, Marcsik, Palfi, 2015; Laszlo, 2016), Болгарии (Boev, 1961, p. 254–256; 1992; Donceva-Petkova, 2007, p. 657), Хорватии (Premuzic, Rajic Sikanjic, Rapan Papesa, 2016), а также черепах Дмитриевского могильника (Медникова, 2001, с. 247), Зливкинского могильника (Медникова, 2001, с. 252–253), на могильнике Лысогоровка (Красильников, Красильникова, 2005, с. 190–191), а также в погребении «хирурга» из могильника Желтое Луганской обл. (Красильников, Руженко, 1981; Красильников, 1991б, с. 71, 78; Решетова, 2012, с. 154–155; 2015, с. 9–10).

В историографии установилось мнение о том, что трепанация в эпоху великого переселения народов и раннем Средневековье имела тюркские истоки и заимствовалась другими народами благодаря миграционным потокам тюркоязычного населения на запад (Решетова, 2012, с. 156). Широкое распространение этой операции на территориях проживания болгар привело к попыткам исследователей назвать символическую трепанацию на сагитальном шве и около брегмы (как и восточно-европейскую рунику) болгарским этническим признаком (Медникова, 2001, с. 247). В настоящее время исследователи менее категоричны и склоняются к надэтническому характеру символических трепанаций (Медникова, 2001, с. 255–256; Решетова, 2012, с. 151).

В погребениях 112V и 115V обнаружены черепа с возможными следами символической или патологической деформации (Belcastro, Facchini, 2001, p. 395–396). Искусственная деформация известна у некоторых евразийских народов, широкое распространение кольцевой деформации связывается с миграцией гуннов (Кондукторова, 1967, с. 125), что объясняет и применение ее булгарами в послегуннский период (Boew, 1957). Деформации черепа у народов болгарского круга отмечены в погр. 114 Нейзаца (Храпунов, Казанский, 2015, с. 171), в курганах 2 и 3 могильника Шипово (Засецкая, 1994, с. 188–191) и, возможно, в погр. 2 Морской Чулек (Казанский, 2016, с. 108).

Палеоантропологические анализы костей показали существенную разницу в рационе питания погребенных некрополей Кампокиаро и местного населения – он содержал гораздо больше белков и протеинов, что может быть объяснено привычным степным рационом, основу которого составляло мясо, а не тради-

ционные злаки и растительная пища местного населения (Staffa, 2004, p. 239; Rubini, 2009, p. 23–24; Решетова, 2015, с. 10).

ВОИНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ С КОНЕМ

Важнейшей отличительной чертой некрополей Кампокиаро являются погребения с боевым конем – до этого в Италии не было обнаружено столь информативных конских погребений эпохи раннего Средневековья (Ceglia, 1989b, p. 156).

Было открыто 404 захоронения, из которых 19 – с погребением коней (4,70%) (Marchetta, 2017, p. 54). На некрополе Виченне было выявлено 167 погребений (12 с конем: 16, 29, 33, 66, 73, 79, 81, 85, 110, 141, 150, 155 = 7,18%); на некрополе Моррионе – 237 погребений (7 с конем: 10, 35, 43, 70, 102, 134, 152 = 2,95%) (Ceglia, 2010, p. 244, fig. 4; Ebanista, 2014, p. 451). Отнесение захоронения 109V к погребениям с конем (Belcastro, Facchini, 2004, p. 134) не было подтверждено (Ceglia, 2000a, p. 212; Ebanista, 2014, p. 449).

Процентное соотношение конских погребений близко к соотношению аналогичных некрополей Аварского каганата, где превышение 10% было лишь в период максимального распространения этого ритуала. Захоронения с конями занимают центральное место некрополей, вокруг которых находятся одиночные погребения.

Анализировались три допустимые традиции, включающие погребения с конем: азиатская, германская (лангобардская) и романская. Основные их отличия заключаются в функциях и роли, выполняемых конем в загробном мире по представлениям древнего населения, что находило отражение в различии погребального обряда.

Исследователи пришли к выводу, что конские захоронения Кампокиаро генетически восходят к азиатской традиции (Genito, 1988, p. 57; 1991, p. 336; 2000, p. 233, anm. 11), распространенной на больших территориях Азии, Алтая и Южной Сибири (Нестеров, 1990, с. 71, 84–85, 118). Столь широкое распространение погребений с конем говорит о невозможности их принадлежности одной этнической единице (роду, племени), в то же время они не разнородны, что позволяет их связать с одним этническим кругом, которым считаются древнетюркские этнические общности (Трифонов, 1972, с. 351–352), от которых обряд мог перениматься военными элитами других народов.

В погребениях, связываемых с азиатской традицией, конь обычно находился в одной яме с всадником (хотя встречаются и отдельные захоронения), взнуздан и экипирован (Нестеров, 1990, с. 71).

Б. Дженито привел примеры параллелей между погребениями с конем некрополей Кампокиаро и погребений из Венгрии, Украины, Крыма, Центральной Азии и Южной Сибири (Genito, 2000, p. 236–237).

Разработка критериев дифференцирования евразийского и лангобардского погребального обряда захоронения с конем началась относительно недавно (Fedele, 2017). Некоторыми относительными признаками лангобардского обряда являются: небольшая распространенность, большая глубина погребения (3–4 м), части коня (чаще его голова) рядом или в отдельной яме; иногда наличие погребения собаки. В лангобардских захоронениях гораздо беднее представлены элементы снаряжения коня и могли содержаться только удила, самое большее – дополнительный аксессуар упряжи. Редки пряжки и иные металлические предметы, связанные с ремнями (Fedele, 2017, p. 70).

Существуют и отличия хронологического характера: лангобардский обряд захоронения с конем встречается в Италии достаточно редко и фиксируется до начала VII в., то есть за полвека до появления некрополей Кампокиаро (Fedele, Marchetta, Colombo, 2019, p. 297, 300–301). Еще больший хронологический разрыв с некрополями Кампокиаро имеют романские археологические памятники с элементами конского скелета.

Погребения с конем некрополей Кампокиаро имеют прямоугольную форму, иногда с округленными углами. Погребенные лежат в нижней части гравийного слоя на одном уровне (Ceglia, 1990, p. 215). Как правило, всадник занимал южную сторону могильной ямы, а взнузданная лошадь с подогнутыми ногами – левую северную. В погр. 85V, 150V и 102M конь не только занимал южную сторону, но имел обратную всаднику ориентацию (Ceglia, 1991, p. 332; 2008, p. 469–470; 2010, p. 245). Такие случаи имеют аналогии в азиатских и «аварских» погребениях.

Рыцарские погребения с конем содержат длинные мечи или скрамасаксы, лук, стрелы и обязательно копьё (Fedele, Marchetta, Colombo, 2019, p. 300–301). В 6 случаях найдены умбоны щитов (Marchetta, 2017, p. 55–58).

Важнейшим элементом снаряжения, оказавшим влияние на развитие средневекового рыцарства, были стремена. По основной версии, стремена в Европу были принесены аvarами (Genito, 2000, p. 235; Giostra, 2014, p. 163). В этом случае булгарами они были распространены далее в Италию. Стремена некрополей Кампокиаро являются одними из самых ранних в Западной Европе (Джени-то, 1993, с. 153; La Salvia, 2007, p. 160–166). Большинство найденных стремян относится к ранним типам: «восьмеркообразным» и округлым с прямоугольным ушком, оба типа с несколько расплющенной подножкой (Genito, 1988, p. 54–56; 1991, p. 337–338). Найдено и два уникальных стремени с шарнирным поворотным ушком.

Богатая упряжь состоит из удил разных типов (как местных, так и имеющих связи с «аварскими» некрополями), металлических соединений ремней, иногда серебряных (Genito, 2014, p. 286; Fedele, Marchetta, Colombo, 2019, p. 298–300). Найденные большие железные пряжки говорят об использовании седел, однако их остатки обнаружены не были (Genito, 2000, p. 236–237).

Было найдено и исследовано несколько целых скелетов коней (Vokonyi, 1988, p. 69, 74). Погребенные животные являлись в основном жеребцами европейских пород, в возрасте от 4–10 лет, что соответствует зрелому возрасту.

При высокой стоимости коня, всегда превышающей стоимость крупного рогатого скота, возможность захоронения целого коня могла быть привилегией высших слоев общества (Genito, 2014, p. 287). Однако кони не только указывали на статус захороненного, но и выполняли свою роль в представлениях древних воинов о загробном мире. Захороненные кони были снаряжены, готовы к бою, что связано выполнением в мире живых конкретных военных функций и символизирует продолжение их исполнения при переходе в подземный мир.

Расположение поселений булгар на западной границе лангобардского герцогства Беневенто могло свидетельствовать о выполнении булгарами военных функций по возможному отражению нападений из территорий, окружающих Рим и Неаполь, бывших под протекторатом Византийской империи (Hodgkin, 1895, p. 284, n. 1; De Marchi, 1995, p. 45).

Население, оставившее некрополи Кампокиаро, выполняло военные функции и контролировало стратегическую равнину Бояно (De Marchi, 1995, p. 45; Staffa, 2004, p. 239–240). Э. Арслан пишет: «Довольно большое количество погибших в бою лиц раскрывает военную функцию, реализованную группой, поселенной в Кампокиаро, вероятно, для защиты границы между герцогством Беневенто и формально византийской территорией Рима и Лацио..., возникает картина военного общества, с сильной аристократией, которая имела право на похороны с конем, или общества свободных и равноправных рыцарей, которые при определенных обстоятельствах (героическая смерть?) заслуживали эту привилегию (право сопровождаться верным боевым спутником), а также придавали большое значение загробной жизни» (Arslan, 2000a, p. 333–334, перевод Ш.Р. Мингазова).

О военной службе говорит и характер травм, установленный остеологическими исследованиями некрополя (Rubini, 2011, p. 1554, 1556–1558; Vocchini, Belcastro, 2012). Мужчины были боевыми кавалеристами, о чем могут говорить изменения в суставах ног, которые могут быть связаны с постоянной верховой ездой (Belcastro, Facchini, 2004, p. 143; Rubini, 2004, p. 155–156). Изменения суставов плеч, лучевых и локтевых костей могут свидетельствовать о частом использовании всадниками меча и щита (Belcastro, Facchini 2004, p. 139, 143; Rubini 2004, p. 155–156).

ВЫВОДЫ

Некрополи Кампокиаро резко отличаются от остальных некрополей Италии того времени своим культурным содержанием и показывают прочные связи с населением центрально-азиатского происхождения (Ceglia, Marchetta, 2012, p. 217, 221). Вероятно, азиатская «матрица» некрополей представлена булгарами Алзеко, описанными Павлом Диаконом (Bona, 2000, p. 23; Rotili, 2010, p. 36; Tornesi, 2012, p. 26; Genito, 1997).

Некрополи сохранили похоронный ритуал восточного происхождения (Ebanista, 2014, p. 462; Provesi, 2010a, p. 108–109; La Rocca, 2009). Вывод многих исследователей о том, что азиатский погребальный обряд с конем распространился тюркскими и иными народами при их миграциях на Запад, а в Италию был импортирован булгарами, описанными Павлом Диаконом (Ceglia, 1994, p. 20; Ceglia, Marchetta, 2012, p. 218), открывает перспективы привлечения большого научного мате-

риала компаративных исследований Евразии не только в археологии (Genito, 2014, p. 287), но и в антропологии, генетике, лингвистике, ономастике и топонимике.

Схожесть погребений Кампокиаро с некрополями Аварского каганата ввела в заблуждение исследователей, допустивших «аварскую» этническую принадлежность погребенных. Данные некрополей свидетельствуют не о миграции авар в Италию, а о том, что болгары каганата в раннеаварский период имели обряд погребения с конем, который пока принято условно называть «аварским». Таким образом, авары и болгары, составлявшие основу и правящую верхушку каганата, имели схожие погребальные обряды. Следовательно, из тысяч погребений с конем, оставленных «аварским» населением, болгарам могла принадлежать большая часть (рис. 16).

При неясном происхождении авар невозможно связать с ними какие-либо конкретные погребения с конем, оставленные до прихода в Европу и симбиоза с булгарами, у которых этот обряд фиксировался и до этого. Поэтому вопрос о том, какая из форм погребений с конем принадлежала собственно аварам ранее, а какая развилась при участии болгар, остается открытым.

Анализ письменных источников показывает внушительное присутствие болгар в Аварском каганате, количественно не уступавших аварам. Весьма вероятно, что народ Алзеко являлся той частью болгар каганата, которая в 631–632 гг. боролась за каганский престол, что само по себе является некоторым показателем положения болгар в аварском обществе и их количества. О высоком статусе Алзеко говорит его византийский титул «дука», равный германскому титулу «герцог» и первой-второй ступени от азиатского титула «каган».

После поражения орда Алзеко мигрировала последовательно в Баварию, Карантанию и Италию (Мингазов, 2017). Несколько десятков лет проживания в венецианской, а затем в лангобардской и романской среде привели

к гетерогенности погребального инвентаря (Ceglia, Marchetta, 2012, p. 217, 221; Мингазов, 2020), но не изменили сам обряд (Genito, 1997). Несмотря на сильную тенденцию заимствования лангобардских и местных культурных традиций (Ebanista, 2011), захороненные сохраняют этнические элементы кочевых воинов (Ceglia, Marchetta, 2012, p. 233).

Болгары Кампокиаро составили новую военную силу, которая уже не соответствовала статусу византийских федератов, симмахов (союзников) или наемников. Они самостоятельно вооружались и выставляли профессиональную конную дружину, которая несла государственную военную службу и восполняла дефицит кавалерии, ощутимый в западных армиях того времени.

Погребенные вооруженные всадники представляли из себя элитный социальный слой, управляющий своей административно-территориальной единицей Лангобардского королевства, в которой они стали феодалами, а гаштальд Алзеко – первым звеном гражданской власти будущей области Молизе (Sarno, 2012, p. 55–56).

Эта кавалерия представляла из себя ранний пример европейского феодального воинского и социального сословия, которое станет называться рыцарством.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

В 2014 году в ходе прокладки газопровода Биккари – Кампокиаро (Biccari – Campochiaro) было обнаружено ядро из 15 погребений, сходных по обрядности с могильниками Вичене и Моррионе. Все погребения повреждены строительными работами, но в трех из них обнаружены предметы того же хронологического горизонта. Границы могильного пятна могут простираются далеко за пределами обнаруженных (Fedele, Marchetta, Colombo, 2019, p. 310). Это открытие, как и наличие десятков итальянских топонимов, связанных с этнонимом болгар, позволяет надеяться на обнаружение новых кочевнических археологических памятников в Италии.

ЛИТЕРАТУРА

- Акимова М.С. Материалы к антропологии ранних болгар // Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге (Большо-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. С. 177–191.
- Амброз А.К. Кинжалы VI – VIII вв, с двумя выступами на ножнах // СА. 1986. № 4. С. 53–73.
- Безуглов С.И., Ильюков Л.С. Памятник позднегуннской эпохи в устье Дона // Средневековые древности Дона / Ред. Ю.К. Гугуев. М.–Иерусалим: Мосты и культуры, 2007. С. 25–48.
- Бешевлиев В. Пръвобългарите. История, бит и култура. Пловдив: Фондация «Българско историческо наследство», 2008. 505 с.

Гавритухин И.О., Иванов А.Г. Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья // Пермский мир в раннем средневековье / Отв. ред. А.Г. Иванов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 99–159.

Добиаш-Рождественская О.А. Ранний фриульский минускул и одна из проблем жизни и творчества лангобардского историка VIII в. // Вспомогательные исторические дисциплины / Под ред. А. С. Орлова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 109–140.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.: АО "Эллипс", 1994. 221 с.

Казанский М.М. Оногуры в постгуннское время на Дону // Дивногорский сборник / Труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып. 6. / под ред. А. З. Винникова. Воронеж: Изд.-полигр. центр «Научная книга», 2016. С. 96–111.

Казанский М.М. Хронологические индикаторы степных древностей постгуннского времени в Восточной Европе // НАВ. 2019. Т. 18 (2). С. 109–124.

Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства // Пер. с ит. В.П. Гайдук / Общ. ред. В.И. Уколова, Л.А. Котельникова. М.: Прогресс, 1987. 384 с.

Комар А.В., Кубышев А.И., Орлов Р.С. Погребения кочевников VI–VII вв. из Северо-Западного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Хазарское время / Гл.ред. А.В.Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2006. С. 245–376.

Кондукторова Т.С. Антропологическая характеристика черепов из Верхнего Чир-Юртовского могильника в Дагестане // ВА. 1967. Вып. 25. С. 117–129.

Красильников К.И. Могильник древних болгар у с. Желтое на Северском Донце // Проблемы на прабългарската история и култура. София: БАН, Нац. Археол. институт с музей филиал Шумен, Аргес, 1991. Т. 2. С. 62–81.

Красильников К.И., Красильникова Л.И. Могильник у с. Лысогоровка – новый источник по этноистории степей Подонцовья раннего средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Хазарское время / Гл.ред. А.В.Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2005. С. 187–244.

Красильников К.И., Руженко А.А. Погребение хирурга на древнеболгарском могильнике у с. Желтое // СА. 1981. № 2. С. 282–289.

Кузнецова Т.И. Павел Диакон. Из «Истории лангобардов» // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков / Отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек и М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1970. С. 243–257.

Медникова М.Б. Трепанации у древних народов Евразии. М.: Научный мир, 2001. 304 с.

Мингазов Ш.Р. Болгары Алзеко в Баварии, Карантании и Италии как пример автономной части этнокультурной общности // Восточная Европа в древности и средневековье. Античные и средневековые общности: XXIX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 19–21 апреля 2017 / Отв. Ред. Е. А. Мельникова. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2017. С. 160–164.

Мингазов Ш.Р. Следы взаимовлияния европейской и азиатской социокультурных моделей: болгары в Италии (VI–VIII вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. Сравнительные исследования социокультурных практик: XXXII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 15–17 апреля 2020 / Отв. Ред. Е. А. Мельникова. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2020. С. 162–166.

Нестеров С.П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ие АН СССР, 1990. 143 с.

Павел Диакон. История лангобардов / Пер. с лат., ст. Ю.Б. Циркина. СПб.: Азбука–классика, 2008. 318 с.

Решетова И.К. Население донецко–донского междуречья в раннем средневековье: Палеоантропологическое исследование. СПб.: Нестор–История, 2015. 132 с.

Решетова И.К. Описание индивидов с трепанированными черепами среди носителей Салтовомаяцкой культуры: медицинская практика или культ? // Этнографическое обозрение. 2012. № 5. С. 151–157.

Ронин В.К. «История лангобардов» Павла Диакона // Свод древнейших письменных известий о славянах / Отв. ред. Л. А. Гиндин, Г. Г. Литаврин. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. Т. II. С. 480–501.

Ронин В.К. Так называемая Хроника Фредегара // Свод древнейших письменных известий о славянах / Отв. ред. Л. А. Гиндин, Г. Г. Литаврин. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. Т. II. С. 364–397.

Трифонов Ю.И. Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков–тугю // Тюркологический сборник 1972. / Отв. ред. А.Н. Кононов. М.: Наука, 1973. С. 351–374.

Храпунов И.Н., Казанский М.М. Погребение № 114 на могильнике Нейзац (предгорный Крым) и древности кочевников Северного Причерноморья второй половины V — первой половины VI в. // КСИА. Вып. 238. М.: ИА РАН, 2015. С. 170–194.

Шушманов И. Българите в “Orlando furioso” и въ по–старата френска драма // Български преглед. VI. Кн. 8. София: Придворна печатница, 1900. Година С. 67–84.

Ceglia V. Campochiaro. La necropoli di Vicenne // L'oro degli Avari: popolo delle steppe in Europa. Milano: Inform, 2000. P. 212–221.

Ceglia V. Campochiaro: la necropoli altomedievale di Vicenne (CB) // V Settimana beni culturali. Tutela. Catalogo della mostra. Matrice: Soprintendenza archeologica e per i beni ambientali, architettonici, artistici e storici del Molise, 1989. P. 63–67.

Ceglia V. Interventi di recupero dei siti sparsi e necropoli // Conoscenze. Campobasso: Soprintendenza archeologica e per i beni ambientali, architettonici, artistici e storici del Molise, 1994. Vol. 7. P. 17–20.

Ceglia V. La Necropoli altomedievale di Vicenne nel Comune di Campochiaro // Almanacco del Molise. Campobasso: Habacus Edithore, 1989. Ed. 21, vol. II. P. 153–158.

Ceglia V. La necropoli di Campochiaro (Italia) // Roma e i Barbari. La nascita di un nuovo mondo. Catalogo della Mostra (Venezia, 26 gennaio –20 luglio 2008) / A cura di J.J. Aillagon. Milano: Skira, 2008. P. 469–475.

Ceglia V. Lo scavo della necropoli di Vicenne // Conoscenze. Campobasso: Soprintendenza archeologica e per i beni ambientali, architettonici, artistici e storici del Molise, 1988. Vol. 4. P. 31–48.

Ceglia V. Necropoli di Vicenne // Studi sull'Italia dei Sanniti. Milano: Electa, 2000. P. 298–302.

Ceglia V. Presenze funerarie di eta altomedievale in Molise. Le necropoli di Campochiaro e la tomba del cavaliere // I Longobardi del Sud. Roma: Giorgio Bretschneider Editore, 2010. P. 241–255.

Ceglia V. Tomba bisoma 88 della necropoli di Campochiaro, localita Morrione // Il futuro dei longobardi. L'Italia e la costruzione dell' Europa di Carlo Magno / A cura di C. Bertelli, G.P. Brogiolo. Milano: Skira, 2000. P. 80–81.

Ceglia V. Varieta di influssi culturali nelle necropoli di Campochiaro. Considerazioni preliminari / I beni culturali nel Molise. Il Medioevo / A cura di De Benedittis G. Campobasso: Istituto regionale per gli studi storici del Molise “V. Cuoco”, 2004. P. 79–86.

Ceglia V., Genito B. La necropoli altomedievale di Vicenne a Campochiaro // Samnium: Archeologia del Molise. Roma: Quasar, 1991. P. 329–334.

Ceglia V., Marchetta I. Nuovi dati dalla necropoli di Vicenne a Campochiaro // La trasformazione del mondo romano e le grandi migrazioni. Nuovi popoli dall'Europa settentrionale e centro–orientale alle coste del Mediterraneo / A cura di C. Ebanista, M. Rotili. Napoli: Tavolario Edizioni, 2012. P. 217–238.

Chronicarum quae dicuntur Fredegarii Scholastici libri IV // MGH, Scriptorum Rerum Merovingicarum / Ed. B. Krusch. Hannoverae: Impensis bibliopolii hahniani, 1888. T. 2. P. 1–193.

Constitutiones et Acta Publica Imperatorum et Regum // MGH, Rerum Germanicarum Medii Aevi / Ed. L. Weiland. Hannoverae, Impensis bibliopolii hahniani, 1893. T. I, №. 333. P. 472–477.

Curta F. Ethnicity in the Steppe Lands of the Northern Black Sea Region During The Early Byzantine Times // Archaeologia Bulgarica. 2019. T. XXIII. P. 33–70.

De Benedittis G. Di alcuni materiali altomedievali provenienti dal Molise centrale ed il problema topografico della necropoli di Vicenne // Conoscenze. Campobasso: Soprintendenza archeologica e per i beni ambientali, architettonici, artistici e storici del Molise, 1988. Vol. 4. P. 103–108.

De Benedittis G. Introduzione // Samnium: Archeologia del Molise. Roma: Quasar, 1991. P. 325–328.

De Marchi P.M. Modelli insediativi "militarizzati" d'eta longobarda in Lombardia // Citta, castelli, campagne nel territori di frontiera (secoli 6–7). Mantova: SAP Societa Archeologica S.r.l., 1995. P. 33–85.

De Vingo P. Avari e slavi nel Friuli altomedievale secondo l'Historia Langobardorum di Paolo Diacono // Paolo Diacono e il Friuli alto medioevale (secc. VI– X). Spoleto: Centro Italiano di studi sull'alto medioevo, 2001. P. 807–815.

Ditten H. Protobulgaren und Germanen im 5.–7. Jahrhundert (vor der Grundung des ersten bulgarischen Reiches) // Bulgarian Historical Review. София: Институт за исторически изследвания, 1980. Vol. VIII, 3. P. 51–77.

Donceva–Petkova L. Zur ethnischen Zugehörigkeit einiger Nekropolen des 11. Jahrhunderts in Bulgarien // Post-Roman Towns, Trade and Settlement in Europe and Byzantium / Ed. J. Henning. Berlin–New York: Walter de Gruyter, 2007. Vol. 2. S. 643–660.

Ebanista C. Gli usi funerari nel ducato di Benevento: alcune considerazioni sulle necropoli campane e molisane di VI–VIII secolo // Archeologia e storia delle migrazioni: Europa, Italia, Mediterraneo fra tarda età romana e alto medioevo (Giornate sulla tarda antichità e il medioevo, 3). Cimitile: Tavolario Edizioni, 2011. P. 337–364.

Ebanista C. Tradizioni funerarie nel ducato di Benevento: l'apporto delle popolazioni alloctone // Nekropoli Longobarde in Italia. Atti del Convegno Internazionale 26–28.09.2011. Trento: Castello del Buonconsiglio, monumenti e collezioni provinciali, 2014. P. 445–471.

Fedele A. La deposizione del cavallo nei cimiteri longobardi: dati e prime osservazioni // Archeologia dei Longobardi: dati e metodi per nuovi percorsi di analisi (Archeologia Barbarica, 1). Mantova: SAP Società Archeologica s.r.l., 2017. P. 59–82.

Fedele A., Marchetta I., Colombo D. Ritualità e rappresentazione funeraria nelle tombe di Vicenne (Campochiaro, CB). Una sintesi // Prima e dopo Alboino sulle tracce dei Longobardi. Atti del Convegno internazionale di studi Cimitile–Nola–Santa Maria Capua Vetere. Cimitile: Guida, 2019. P. 295–314.

Genito B. Archaeology of the Early medieval nomads in Italy: the horse-burials in Molise (7th century) south-central Italy // Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe in 6.–7. Jh. / Hrsg. C. Balint (Varia Archaeologica Hungarica, IX). Budapest: Archaeologisches Institut der UAW, 2000. P. 229–247.

Genito B. Il Molise nell'altomedioevo: tra Mediterraneo ed Eurasia. Un'occasione perduta? // Miti e popoli del Mediterraneo antico. Scritti in onore di Gabriella d'Henry. Salerno: Tipografia Fusco, 2014. P. 279–292.

Genito B. Materiali e problemi // Conoscenze. Campobasso: Soprintendenza archeologica e per i beni ambientali, architettonici, artistici e storici del Molise, 1988. Vol. 4. P. 49–67.

Genito B. Sepolture con cavallo da Vicenne (CB): un rituale nomadico di origine centroasiatica // I Congresso Nazionale di Archeologia Medievale (Pisa 29–31 maggio 1997) / A cura di S. Gelichi. Firenze: All'Insegna del Giglio, 1997. P. 286–289.

Genito B. Tombe con cavallo a Vicenne // Samnium: Archeologia del Molise. Roma: Quasar, 1991. P. 335–338.

Giostra C. Il ducato longobardo di Ivrea: la grande necropoli di Borgomasino // Per il Museo di Ivrea. Lasezione archeologica del Museo Civico P.A. Garda / A cura di A. Gabucci, L. Pejrani Baricco, S. Ratto. Firenze: All'Insegna Giglio, 2014. P. 155–176.

Hersak E. Vulgarum dux Alzeco // Casopis za zgodovino in narodopisje. Maribor: Izdajata univerza v Mariboru in Zgodovinsko društvo v Mariboru, 2001. Let. 72 (37), 1–2. S. 269–278.

Hodgkin T. Italy and her Invaders. Oxford: Clarendon Press, 1895. Vol. VI. 636 p.

Jozsa L., Fothi E. Trepanalt koponyak a Karpat-medenceben (a leletek szambavetele, megoszlasa es lelohelyei) // Folia Anthropologica. Szombathely: Balogh es Tarsa Kft, 2007. T. 6. O. 5–18.

Koch A. Überlegungen zum Transfer von Schwertrug- und -kampfesweise im frühen Mittelalter am Beispiel chinesischer Schwerter mit p-förmigen Tragriemenhaltern aus dem 6.–8. Jahrhundert n. Chr. // Jahrbucher des Römisch–Germanischen Zentralmuseums. Mainz: RGZM, 1998. Bd. 45. S. 571–598.

Kruger K.–H. Zur «beneventanischen» Konzeption der Langobardengeschichte des Paulus Diakonus // Frühmittelalterliche Studien. Berlin–New York: Walter de Gruyter, 1981. Bd. 15. P. 18–35.

La Rocca C. Tombe con corredi, etnicità e prestigio sociale: l'Italia longobarda del VII secolo attraverso l'interpretazione archeologica // Archeologia e storia dei Longobardi in Trentino. Mezzolombardo: Comune di Mezzolombardo, 2009. P. 55–76.

La Salvia V. La diffusione della staffa nell'area merovingia orientale alla luce delle fonti archeologiche // Temporis Signa. Spoleto: Fondazione Centro Italiano di studi sull'alto Medioevo, 2007. Vol. 2. P. 155–171.

Laszlo O. Detailed Analysis of a Trepanation from the Late Avar Period (Turn of the 7th–8th Centuries—811) and Its Significance in the Anthropological Material of the Carpathian Basin // International Journal of Osteoarchaeology. Published online in Wiley Online Library, 2016. Vol. 26–2. P. 359–365.

Marchetta I. Ceramica ed Ethnos nelle tombe di Vicenne (Campochiaro, CB): il rituale funerario attraverso l'analisi del corredo vascolare // Le forme della crisi. Produzioni ceramiche e commerce nell'Italia centrale tra Romani e Longobardi (III–VIII sec. d.C.) / A cura di E. Cirelli, F. Diosono, H. Patterson. Bologna: Ante Quem, 2015. P. 663–671.

Marchetta I. Il carattere composito del regno: le necropoli di Campochiaro (Campobasso) (cat. II.36–40) // Longobardi. Un popolo che cambia la storia. Schede mostra / A cura di G.P. Brogiolo, F. Marazzi, C. Giostra. Milano, Skira, 2017. P. 54–58.

Mednikova M.B. Prehistoric Trepanations in Russia: Ritual or Surgical? // Trepanation: History, Discovery, Theory / Eds. R. Arnott, S. Finger, S. Smith C. Lisse: Swets & Zeitlinger, 2003. P. 163–174.

Muratori L.A. Antiquitates Italicae medii Aevi, sive Dissertationes. Mediolani: Ex Typographia societatis Palatinae, 1740. T. III. 1242 coll.

Pasqui U. Documenti per la storia della città di Arezzo nel medio evo. Arezzo: G.P. Vieusseux, 1899. Vol. I. 576 p.

Pauli historia Langobardorum // MGH. Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum saec. VI–IX / Ed. G. Waitz. Hannoverae: Impensis bibliopolii hahniani, 1878. Bd. I. P. 12–187.

Pieri S. Toponomastica della Toscana meridionale (valli della Fiora, dell'Ombrone, della Cecina e fiumi minori) e dell'Arcipelago Toscano. Siena: Accademia senese degli intronati, 1969. 472 p.

Pohl W. Die Awaren. Ein Steppenvolk im Mittelalter. 567–822. Munchen: Verlag C.H. Beck, 1988. 529 p.

Polverari A. Una Bulgaria nella Pentapoli. Longobardi, Bulgari e Sclavini a Senigallia. Senigallia: Pierfederici, 1969. 41 p.

Premuzic Z., Rajic Sikanjic P., Rapan Papesa A. A case of Avar period trepanation from Croatia // Anthropological Review. Published online by De Gruyter, 2016. Vol. 79 (4). P. 471–482.

Provesi C. Cavalli e cavalieri in Italia nell'Alto Medioevo (secc. V–X): studio della simbologia equestre attraverso fonti narrative, documentarie e archeologiche. Tesi di Dottorato. Venezia, 2013.

Provesi C. I cavalieri e le loro donne, uno studio dei corredi funerari di VI–VII secolo // Univ. Degli studi di Verona. Verona, 2013. Доступно по URL: <https://www.yumpu.com/it/document/view/16247410/chiaraprovesi-scuola-superiore-di-studi-storici-geografici>–(Дата обращения 04.12.2020)

Provesi C. Uomini e cavalli in Italia meridionale da Cassiodoro ad Alzecone // Ipsam Nolam barbari vastaverunt: l'Italia e il Mediterraneo occidentale tra il V secolo e la metà del VI. Cimitile: Tavolario Edizioni, 2010. P. 97–111.

Repetti E. Dizionario geografico fisico storico della Toscana. Firenze: Presso L'autore e editore, 1833. Vol. I. 846 p.

Rotili M. I Longobardi migrazioni, etnogenesi, insediamento // I Longobardi del Sud. Roma: Giorgio Bretschneider Editore, 2010. P. 1–77.

Rubini M, Zaio P. Warriors from the East. Skeletal evidence of warfare from a Lombard–Avar cemetery in Central Italy (Campochiaro, Molise, 6th–8th Century AD) // Journal of Archaeological Science. Published online by Elsevier, 2011. Vol. 38. Issue 7. P. 1551–1559.

Rubini M. Gli Avari in Molise. La necropoli di Campochiaro Morrione // ArcheoMolise. Associazione culturale ArcheoIdea. Isernia: Associazione culturale ArcheoIdea, 2009. T. II (apr.–giu. 2009). P. 17–25.

Rubini M. Il popolamento del Molise durante l'alto medioevo // I beni culturali nel Molise. Il Medioevo / A cura di De Benedittis G. Campobasso: Istituto regionale per gli studi storici del Molise "V. Cuoco", 2004. P. 151–162.

Sabatini F. Riflessi linguistici della dominazione longobarda nell'Italia mediana e meridionale // Aristocrazie e società fra transizione romano–germanica e alto medioevo. San Vitaliano: Tavolario Edizioni, 2015. P. 353–441.

Sarno E. Campobasso da castrum a città murattiana. Roma: Aracne, 2012. 324 p.

Schneider F. Regestum Volaterranum. Regesten der Urkunden von Volterra (778–1303). Roma: Ermanno Loescher, 1907. 448 p.

Staffa A.R. Una terra di frontiera: Abruzzo e Molise fra VI e VII Secolo // Città, castelli, campagne nei territori di frontiera (secoli VI–VII) / A cura di G.P. Brogiolo. Mantova: Padus, 1995. P. 187–238.

Staffa A.R. Bizantini e Longobardi fra Abruzzo e Molise (secc. VI–VII) / I beni culturali nel Molise. Il Medioevo / A cura di De Benedittis G. Campobasso: Istituto regionale per gli studi storici del Molise "V. Cuoco", 2004. P. 215–248.

Tomka P. Die Bestattungsformen der Awaren // Hunnen und Awaren. Reitervölker aus dem Osten. Burgenlandische Landesausstellung 1996 Schloss Halbturn vom 26. April bis 31. Oktober 1996. Begleitbuch und Katalog / Ed. F. Daim. Eisenstadt: Burgenland, Landesregierung, 1996. S. 384–387.

Tornesi M. Presenze alloctone nell'Italia centrale: tempi, modalità e forme dell'organizzazione territoriale nell'Abruzzo altomedievale. Tesi di Dottorato. Roma: Sapienza università di Roma, 2012. 275 p.

Valenti M. Villaggi nell'eta delle migrazioni // I Longobardi. Dalla caduta dell'Impero all'alba dell'Italia / A cura di G.P. Brogiolo, A. Chavarria Arnau. Catalogo della mostra (Torino 28 settembre 2007–6 gennaio 2008). Milano: Silvana Editoriale, 2007. P. 151–158.

Villa L. Il Friuli longobardo e gli Avari // L'oro degli Avari. Popolo delle steppe in Europa. Milano: Inform, 2000. P. 187–189.

Wattenbach W. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. Berlin: Verlag von Wilhelm Hertz, 1858. Vol. I. 478 p.

Wattenbach W., Levison W., Lowe H. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. Vorzeit und Karolinger. Weimar: Hermann Bohlaus nachfolger, 1953, Heft II. P. 157–290.

Информация об авторе:

Мингазов Шамиль Рафхатович, кандидат исторических наук, адвокат Адвокатской палаты г. Москвы (г. Москва, Россия); academ.mingazov@gmail.com

REFERENCES

Akimova, M. S. 1964. In Genning, V. F., Khalikov, A. Kh. *Rannie bolgary na Volge (Early Bolgars on the Volga)*. Moscow: "Nauka" Publ., 177-179 (in Russian).

Ambroz, A. K. 1986. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 53–73 (in Russian).

Bezuglov, S. I., Il'yukov, L. S. 2007. In Guguev, Yu.K. (ed.). *Srednevekove drevnosti Dona (Medieval Antiquities of the Don)*. Moscow; Jerusalem: "Mosty kul'tury" Publ., 25–48 (in Russian).

Beshevliev, V. 2008. *Prvobolgarite. Istoriia, bit i kultura (The first Bolgars. History, household Life and Culture)*. Plovdiv: "Bolgar Historical Heritage" Foundation (in Bulgarian).

Gavritukhin I. O., Ivanov, A. G. 1999. In Ivanov, A. G. (ed.). *Permskii mir v rannem srednevekov'e (Permian World in Early Middle Ages)*. Series: Archaeologia Permica 1. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 99–159 (in Russian).

Dobiash-Rozhdestvenskaya, O. A. 1937. In Orlov, A. S. (ed.). *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny (Ancillary Historical Disciplines)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 109–140 (in Russian).

Zasetskaia, I. P. 1994. *Kul'tura kočevnikov iuzhnorusskikh stepei v gunnskuiu epokhu (konets IV–V vv.) (Culture of Nomads of the South Russian Steppes in the Hunnic Period (late 4th –5th centuries))*. Saint Petersburg: "Ellips" Publ. (in Russian).

Kazanskii, M. M. 2016. In Vinnikov, A. Z. (ed.). *Divnogorsii sbornik (Divnogorsk Collection)*. Series: *Trudy muzeia-zapovednika "Divnogor'e" (Proceedings of the Divnogorye Museum-Reserve)*. 6. Voronezh: "Nauchnaia kniga" Pub., 96–111 (in Russian).

Kazanskii, M. M. 2019. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 2(18), 347–362 (in Russian).

Kardini, F. 1987. *Istoki srednevekovogo rytsarstva (The Origins of Medieval Chivalry)*. Moscow: "Progress" Publ. (in Russian).

Komar, A. V., Kubyshev, A. I., Orlov, R. S. 2006. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 5. Khazarskoe vremia (Khazar Time). Donetsk: Donetsk National University, 245–376 (in Russian).

Konduktorova, T. S. 1967. In *Voprosy antropologii (Issues of Anthropology)* (25), 117–129 (in Russian).

Krasil'nikov, K. I. 1991. In *Problemi na prablgarskata i kultura (Issues of the Proto-Bolgar History and Culture)* 2. Sofia: "Agres" Publ., 62–81 (in Russian).

Krasilnikov, K. I., Krasilnikova, L. I. 2005. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 4. Khazarskoe vremia (Khazar Time). Donetsk: Donetsk National University, 73–142 (in Russian).

Krasilnikov, K. I., Ruzhenko, A. A. 1981. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 282–289 (in Russian).

Kuznetsova, T. I. 1970. In Grabar-Passek, M. E., Gasparov, M. L. (eds.). *Pamiatniki srednevekovoi latinskoj literatury IV–IX vekov (Monuments of Medieval Latin Literature of the 4th-9th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ., 243–257 (in Russian).

- Mednikova, M. B. 2001. *Trepanatsiia u drevnikh narodov Evrazii (Trepanation Practices by the Ancient Peoples of Eurasia)*. Moscow: "Nauchnii mir" Publ. (in Russian).
- Mingazov, Sh. P. 2017. In Mel'nikova, E. A. (ed.). *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Antichnye i srednevekovye obshchnosti: XXXII Chteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR V.T. Pashuto, Moskva, 19–21 aprelya 2017 (Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages. Ancient and Medieval Communities: 29th Readings in Memory of the Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences V.T. Pashuto, Moscow, April 15–17, 2020)*. Moscow: Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. 101–108 (in Russian).
- Mingazov, Sh. P. 2020. In Mel'nikova, E. A. (ed.). *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Sravnitel'nye issledovaniia sotsiokul'turnykh praktik: XXXII Chteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR V.T. Pashuto, Moskva, 15–17 aprelya 2020 (Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages. Comparative Studies of Sociocultural Practices: 32nd Readings in Memory of the Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences V.T. Pashuto, Moscow, April 15–17, 2020)*. Moscow: Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. 101–108 (in Russian).
- Nesterov, S. P. 1990. *Kon' v kul'takh tyurkoiazychnykh plemen Central'noi Azii v epokhu srednevekov'ia (Horse in the Cults of the Turkic-Speaking Tribes of Central Asia in the Middle Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Paul the Deacon. 2008. *Istoriia langobardov (History of the Lombards)*. Saint Petersburg: "Azbuka-klassika" Publ. (in Russian).
- Reshetova, I. K. 2012. In *Etnograficheskoe Obozrenie (Ethnographic Review)* 5, 129–154 (in Russian).
- Reshetova, I. K. 2015. *Naselenie donecko–donskogo mezhdurech'ia v rannem srednevekov'e: Paleoantropologicheskoe issledovanie. (The Population of the Donetsk-Don Interfluve in the Early Middle Ages: Paleanthropological Study)*. Saint Peterburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).
- Ronin, V. K. 1995. In Gindin, L. A., Litavrin, G. G. (eds.). *Svod pis'mennykh izvestii o slavianakh (The Collection of Ancient Written Records of the Slavs)* 2. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ., Russian Academy of Sciences, 364–397 (in Russian).
- Ronin, V. K. 1995. In Gindin, L. A., Litavrin, G. G. (eds.). *Svod pis'mennykh izvestii o slavianakh (The Collection of Ancient Written Records of the Slavs)* 2. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ., Russian Academy of Sciences, 480–501 (in Russian).
- Trifonov, Yu. I. 1973. In Kononov, A. N. (ed.). *Tiurkologicheskii sbornik 1972: (Collected Papers on Turkic Studies 1972)*. Moscow: "Nauka" Publ., 351–374 (in Russian).
- Khrapunov, I. N., Kazansky, M. M. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 238. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 170–194 (in Russian).
- Shishmanov, I. 1900. In *Blgarski pregled (Bolggar Review)* VI (8). Sofia: Pridvorna pechatnitsa" Publ., 67–84 (in Bulgarian).
- Arslan, E. 2000. In *Quaderni ticinesi di numismatica e antichita classiche*. Vol. XXIX Lugano: Industria grafica Gaggini–Bizzozero SA, 333–356 (in Italian).
- Arslan, E. 2004. In De Benedittis (ed.). *I beni culturali nel Molise. Il Medioevo*. Campobasso: Istituto regionale per gli studi storici del Molise "V. Cuoco", 87–131, 387–391 (in Italian).
- Arslan, E. 2000. In Arslan, E. Buora, M. (eds.). *L'oro degli Avari. Popolo delle steppe in Europa*. Milano: "Inform" Publ., 222–225 (in Italian).
- Bakay K. 1973. In Somogyi Muzeumok Kozleminyei. Kaposvar: Somogy megyei Nyomdaipari Vallalat, 1973. Bd. I. O, 5–86. (in Hungarian).
- Balint, C. 1992. In F. Daim (ed.). *Awaren Forschungen*. Wien: Institut fur Ur- und Frühgeschichte der Universität, 309–496.
- Bartucz, L. 1950. In *Szegedi Tudományegyetem Biológiai Intézeteinek évkönyve*. Szeged: Szegedi Tudományegyetem. T. 1. O, 389–435.
- Belcastro, M. G. 2001. In *Quaderni friulani di archeologia* XI, 103–114 (in Italian).
- Belcastro, M. G., Facchini, F. 2001 In *Collegium antropologicu*. 25(2), 387–401 (in English).
- Belcastro, M. G., Facchini, F. 2004. In De Benedittis (ed.). *I beni culturali nel Molise. Il Medioevo*. Campobasso: Istituto regionale per gli studi storici del Molise "V. Cuoco", 133–150 (in Italian).
- Bereczki, Z., Molnar, E., Marcsik, A., Palfi, G. 2015. In *International Journal of Osteoarchaeology*. Vol. 25–3, 322–333 (in English).

- Bernacchia, R. 2013. In *Polidoro*. Spoleto: Fondazione Centro Italiano di studi sull'alto Medioevo, 773–796 (in Italian).
- Bocchini, G., Belcastro, M. G. 2012. In *Journal of biological research*. Vol. LXXXV, n.1. P. 215–216 (in English).
- Boev, P. 1992. In *Sbornik Narodniho Muzea v Praze*. T. 46. № 3–4, 140–143.
- Boev, P. 1961. In *Acta Facultatis Rerum Naturalium Universitatis Comenianae*. T. V. Fasc. 3–4. Bratislava: Slovenske pedagogicke nakladatelstvo, 253–256 (in Czech).
- Boew, P. 1957. In *Acta Archaeologica*. X. Fasc. 1–2, 155–158.
- Bokonyi, S. 1988. In *Conoscenze. Campobasso: Soprintendenza archeologica e per i beni ambientali, architettonici, artistici e storici del Molise*, Vol. 4, 69–75 (in Italian).
- Bona, I. 2000. In *L'oro degli Avari. Popolo delle steppe in Europa*. Milano: Inform, 10–35. (in Italian).
- Brozzi, M. 1995. In *Gli Avari*, 57–67. (in Italian).
- Buora, M. 2000. In *L'oro degli Avari. Popolo delle steppe in Europa*. Milano: Inform, 184–186.
- Ceglia, V. 1990. In *Bolletino di archeologia*. Vol. 5–6. Roma: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato, 213–217 (in Italian).
- Ceglia, V. 2000. In *L'oro degli Avari: popolo delle steppe in Europa*. Milano: Inform, 212–221. (in Italian).
- Ceglia, V. 2000. In *V Settimana beni culturali. Tutela. Catalogo della mostra. Matrice: Soprintendenza archeologica e per i beni ambientali, architettonici, artistici e storici del Molise*, 63–67. (in Italian).
- Ceglia, V. 1994. In *Conoscenze*. Vol. 7.. Campobasso: Soprintendenza archeologica e per i beni ambientali, architettonici, artistici e storici del Molise, 17–20. (in Italian).
- Ceglia, V. 1989. In *Almanacco del Molise. vol. II*. Campobasso: Habacus Edithore, 153–158. (in Italian).
- Ceglia, V. 2008. In Aillagon, J.J.(ed.). *Roma e i Barbari. La nascita di un nuovo mondo. Catalogo della Mostra (Venezia, 26 gennaio –20 luglio 2008)*. Milano: Skira, 469–475.
- Ceglia, V. 1988. In *Conoscenze. Vol. 4*. Campobasso: Soprintendenza archeologica e per i beni ambientali, architettonici, artistici e storici del Molise, 31–48.
- Ceglia V. 2000. In *Studi sull'Italia dei Sanniti*. Milano: Electa, 298–302 (in Italian).
- Ceglia, V. 2010. In *I Longobardi del Sud*. Roma: Giorgio Bretschneider Editore, 241–255 (in Italian).
- Ceglia, V. 2000. In Bertelli, C., Brogiolo, G.P. (eds.). *Il futuro dei longobardi. L'Italia e la costruzione dell'Europa di Carlo Magno*. Milano: “Skira” Publ., 80–81 (in Italian).
- Ceglia, V. 2004. In De Benedittis (ed.). *I beni culturali nel Molise. Il Medioevo*. Campobasso: Istituto regionale per gli studi storici del Molise “V. Cuoco”, 79–86.(in Italian).
- Ceglia, V., Genito, B. 1991. In *Samnium: Archeologia del Molise*. Roma: Quasar, 329–334.
- Ceglia, V., Marchetta, I. 2012. In Ebanista, C., Rotili, M. (eds.). *La trasformazione del mondo romano e le grandi migrazioni. Nuovi popoli dall'Europa settentrionale e centro-orientale alle coste del Mediterraneo*. Napoli: Tavolario Edizioni, 217–238 (in Italian).
- Krusch, B. 1888. (ed.). In *MGH, Scriptores Rerum Merovingicarum*. T. 2. Hannoverae: Impensis bibliopolii hahniani, 1-193.
- Weiland, L. 1893. (ed.). *MGH, Rerum Germanicarum Medii Aevi* T. I, №. 333. Hannoverae, Impensis bibliopolii hahniani, 472–477.
- Curta, F. 2019. In *Archaeologia Bulgarica*. T. XXIII, 33–70.
- De Benedittis, G. 1988. In *Conoscenze*. Vol. 4. Campobasso: Soprintendenza archeologica e per i beni ambientali, architettonici, artistici e storici del Molise, 103–108.
- De Benedittis, G. 1991. In *Samnium: Archeologia del Molise*. Roma: Quasar, 325–328.
- De Marchi P. M., 1995. In *Citta, castelli, campagne nel territori di frontiera (secoli 6–7)*. Mantova: SAP Societa Archeologica S.r.l., 33–85.
- De Vingo P. 2001. In *Paolo Diacono e il Friuli alto medievale (secc. VI– X)*. Spoleto: Centro Italiano di studi sull'alto medioevo, 807–815.
- Ditten, H. 1980. In *Bulgarian Historical Review*. VIII (3). 51–77.
- Donceva–Petkova, L. 2007. In Henning, J. (ed.). *Post–Roman Towns, Trade and Settlement in Europe and Byzantium*. 2. Berlin–New York: Walter de Gruyter, 643–660.
- Ebanista, C. 2011. In *Archeologia e storia delle migrazioni: Europa, Italia, Mediterraneo fra tarda eta romana e alto medioevo (Giornate sulla tarda antichita e il medioevo, 3)*. Cimitile: Tavolario Edizioni, 337–364.

Ebanista, C. 2014. In *Nekropoli Longobarde in Italia. Atti del Convegno Internazionale 26–28.09.2011*. Trento: Castello del Buonconsiglio, monumenti e collezioni provinciali, 445–471.

Fedele, A. 2017. In *Archeologia dei Longobardi: dati e metodi per nuovi percorsi di analisi (Archeologia Barbarica, I)*. Mantova: SAP Societa Archeologica s.r.l., 59–82.

Fedele, A., Marchetta, I., Colombo, D. 2019. In *Prima e dopo Alboino sulle tracce dei Longobardi. Atti del Convegno internazionale di studi Cimitile–Nola–Santa Maria Capua Vetere*. Cimitile: Guida, 295–314 (in Italian).

Genito, B. 2000. In *Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe in 6.–7. Jh.* / Hrsg. C. Balint (*Varia Archaeologica Hungarica, IX*). Budapest: Archaeologisches Institut der UAW, 229–247 (in English).

Genito, B. 2014. In *Miti e popoli del Mediterraneo antico. Scritti in onore di Gabriella d'Henry*. Salerno: Tipografia Fusco, 279–292.

Genito, B. 1988. In *Conoscenze.4*. Campobasso: Soprintendenza archeologica e per i beni ambientali, architettonici, artistici e storici del Molise.49–67.

Genito, B. 1997. In Gelichi, S. (ed.). *I Congresso Nazionale di Archeologia Medievale (Pisa 29–31 maggio 1997)*. Firenze: All'Insegna del Giglio, 286–289.

Genito, B. 1991. In *Samnium: Archeologia del Molise*. Roma: Quasar, 335–338.

Giostra, C. 2014. In Gabucci, A., Pejrani Baricco, L., Ratto S. (eds.). *Per il Museo di Ivrea. Lasezione archeologica del Museo Civico P.A. Garda*. Firenze: All'Insegna Giglio, 155–176.

Hersak, E. 2001. In *Casopis za zgodovino in narodopisje*. Maribor: Izdajata univerza v Mariboru in Zgodovinsko drustvo v Mariboru, Let. 72 (37), 1–2. S. 269–278.

Hodgkin, T. 1895. *Italy and her Invaders*. Vol. VI. Oxford: Clarendon Press.

Jozsa, L., Fothi, E. 2007. In *Folia Anthropologica*. T. 6. Szombathely: Balogh es Tarsa Kft, 5–18.

Koch, A. 1998. In *Jahrbucher des Romisch–Germanischen Zentralmuseums*. Bd. 45. Mainz: RGZM, 571–598.

Kruger K.–H. 1981. In *Fruhmittelalterliche studien*. Bd. 15. Berlin–New York: Walter de Gruyter, 18–35.

La Rocca, C. 2009. In *Archeologia e storia dei Longobardi in Trentino*. Mezzolombardo: Comune di Mezzolombardo, 55–76.

La Salvia V., 2007. In *Temporis Signa*. Vol. 2. Spoleto: Fondazione Centro Italiano di studi sull'alto Medioevo, 155–171.

Laszlo, O. 2016. In *International Journal of Osteoarchaeology*. Vol. 26–2, 359–365.

Marchetta, I. 2015. In Cirelli, E., Diosono, F. Patterson, H. (eds.). *Le forme della crisi. Produzioni ceramiche e commerce nell'Italia centrale tra Romani e Longobardi (III–VIII sec. d.C.)*. Bologna: Ante Quem, 663–671.

Marchetta, I. 2017. In Brogiolo, G.P., Marazzi, F., Giostra, C. (eds.). *Longobardi. Un popolo che cambia la storia. Schede mostra*. Milano: Skira, 54–58.

Mednikova, M. B. 2003. In R. Arnott, S. Finger, (eds.) *Trepanation: History, Discovery, Theory*. S. Smith C. Lisse: Swets & Zeitlinger, 163–174.

Muratori, L. A. 1740. *Antiquitates Italicae medii Aevi, sive Dissertationes*. T. III. Mediolani: Ex Typographia societatis Palatinae.

Pasqui U. 1899. *Documenti per la storia della citta di Arezzo nel medio evo*. Vol. I. Arezzo: G.P. Vieuxseux (in Italian).

Waitz, G.(ed.). 1878. *MGH. Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum saec. VI–IX*. Bd. I. Hannoverae: Impensis bibliopolii hahniani, 12–187.

Pieri, S. 1949. *Toponomastica della Toscana meridionale (valli della Fiora, dell 'Ombrone, della Cecina e fiumi minori) e dell'Arcipelago Toscano*. Siena: Accademia senese degli intronati.

Pohl, W. 1988. *Die Awaren. Ein Steppenvolk im Mittelalter*. 567–822. Munchen: Verlag C.H. Beck.

Polverari A. 1969. *Una Bulgaria nella Pentapoli. Longobardi, Bulgari e Sclavini a Senigallia*. Senigallia: Pierfederici.

Premuzic, Z., Rajic Sikanjic, P., Rapan Papesa, A. 2016. In *Anthropological Review*. Vol. 79 (4), 471–482.

Provesi, C. 2013. *Cavalli e cavalieri in Italia nell'Alto Medioevo (secc. V–X): studio della simbologia equestre attraverso fonti narrative, documentarie e archeologiche*. Tesi di Dottorato. Venezia.

Provesi, C. 2013. *I cavalieri e le loro donne, uno studio dei corredi funerari di VI–VII secolo* // Univ. Degli studi di Verona. Verona, 2013. Available at: : <https://www.yumpu.com/it/document/view/16247410/chiara-provesi-scuola-superiore-di-studi-storici-geografici>. (Accessed: 04.12.2020).

Provesi, C. 2010. In *Ipsam Nolam barbari vastaverunt: l'Italia e il Mediterraneo occidentale tra il V secolo e la meta del VI*. Cimitile: Tavolario Edizioni, 97–111.

Repetti E. 1833. *Dizionario geografico fisico storico della Toscana*. Vol. 1. Firenze: Presso L'autore e editore.

Rotili, M. 2010. In *I Longobardi del Sud*. Roma: Giorgio Bretschneider Editore, 1–77 (in Italian).

Rubini, M, Zaio, P. 2011. In *Journal of Archaeological Science*. Vol. 38. Issue 7, 1551–1559 (in English).

Rubini, M. 2009. In *ArcheoMolise. Associazione culturale ArcheoIdea*. Isernia: Associazione culturale ArcheoIdea, T. II (apr.–giu. 2009), 17–25 (in Italian).

Rubini, M. 2004. In De Benedittis (ed.). *I beni culturali nel Molise. Il Medioevo*. Campobasso: Istituto regionale per gli studi storici del Molise “V. Cuoco”, 151–162.(in Italian).

Sabatini, F. 2015. In *Aristocrazie e societa fra transizione romano-germanica e alto medioevo*. San Vitaliano: Tavolario Edizioni, 353–441.

Sarno, E.2012. *Campobasso da castrum a citta murattiana*. Roma: Aracne (in Italian).

Schneider, F. 1907. *Regestum Volaterranum. Regesten der Urkunden von Volterra (778–1303)*. Roma: Ermanno Loescher.

Staffa, A. R. 2004. In De Benedittis (ed.). *I beni culturali nel Molise. Il Medioevo*. Campobasso: Istituto regionale per gli studi storici del Molise “V. Cuoco”, 215–248.(in Italian).

Staffa, A. R.1995. In Brogiolo, G. P. (ed.). *Citta, castelli, campagne nei territori di frontiera (secoli VI–VII)*. Mantova: Padus, 187–238.

Tomka, P. 1996. In Daim, F (ed.). *Hunnen und Awaren. Reitervolker aus dem Osten. Burgenlandische Landesausstellung 1996 Schloss Halbturn vom 26. April bis 31. Oktober 1996. Begleitbuch und Katalog*. Eisenstadt: Burgenland, Landesregierung, 1996. S. 384–387.

Tornesi M. 2012. *Presenze alloctone nell'Italia centrale: tempi, modalita e forme dell'organizzazione territorial nell'Abruzzo altomedievale. Tesi di Dottorato*. Roma: Sapienza universita' di Roma (in Italian).

Valenti, M. 2007. In Brogiolo, G. P., Chavarria Arnau, A. (eds.). *I Longobardi. Dalla caduta dell'Impero all'alba dell'Italia / A cura di Catalogo della mostra (Torino 28 settembre 2007–6 gennaio 2008)*. Milano: Silvana Editoriale, 151–158.

Villa, L. 2000. In *L'oro degli Avari. Popolo delle steppe in Europa*. Milano: Inform, 187–189.

Wattenbach, W. 1858. *Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter*. Berlin: Verlag von Wilhelm Hertz, Vol. I. (in German).

Wattenbach, W., Levison, W., Lowe, H. 1953. *Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. Heft II. Vorzeit und Karolinger*. Weimar: Hermann Bohlaus nachfolger, 157–290.

About the Author:

Mingazov, Shamil. R. Candidate of Historical Sciences, Moscow Chamber of Advocates, Sivtsev Vrazhek, 43, Moscow, 119002, Russian Federation; academ.mingazov@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.08.2020 г.
Статья принята к публикации 01.09.2020 г.

Рис. 1. Расположение некоторых топонимов, связываемых с этнонимом болгар, в южных герцогствах Лангобардского королевства и в Равенском экзархате (Sabatini, 2015, p. 381).

Fig. 1. The location of a number of toponyms associated with the Bolgar ethnonym in the southern duchies of the Lombard kingdom and in the Ravenian exarchate (Sabatini, 2015, p. 381).

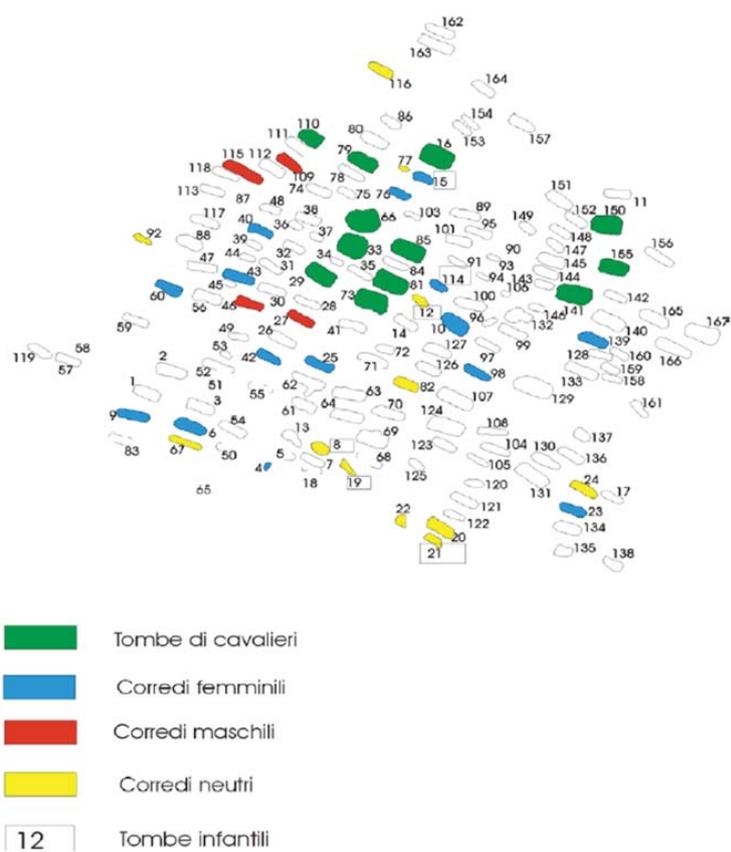

Рис. 2. Схема некрополя Виченне (Ceglia, Genito, 1991, p. 330; Provesi, 2013b, p. 14).
Fig. 2. Layout of the Vicenne necropolis (Ceglia, Genito, 1991, p. 330; Provesi, 2013b, p. 14).

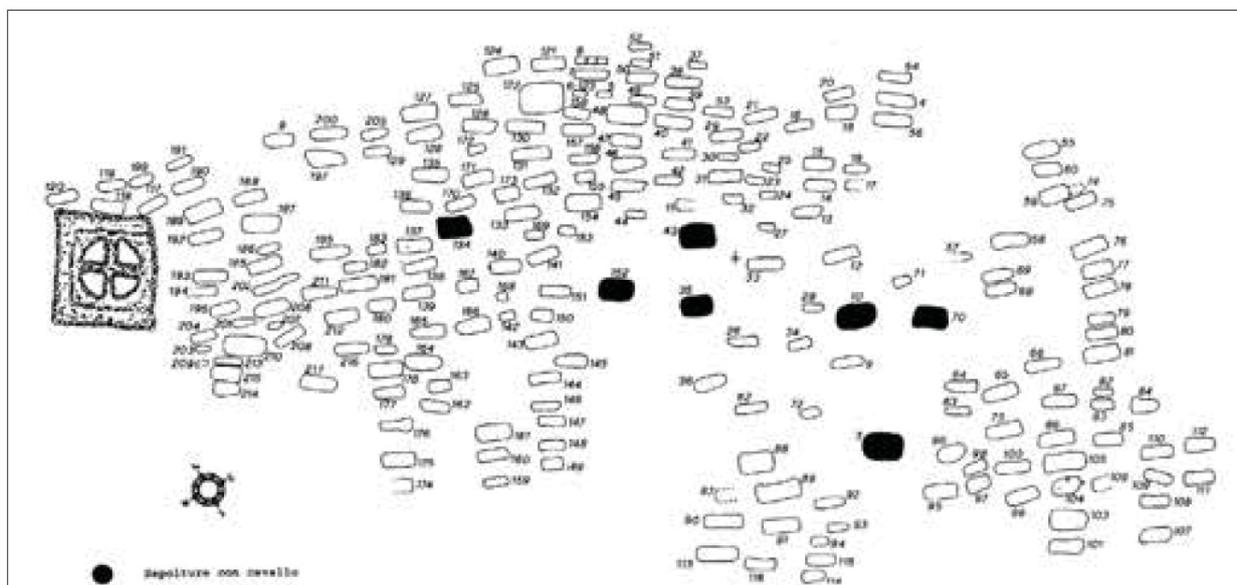

Рис. 3. Схема некрополя Моррионе (Ceglia, 2010, p. 246, fig. 4).
Fig. 3. Layout of the Morrione necropolis (Ceglia, 2010, p. 246, fig. 4).

Рис. 4. Погр. 8V (Ceglia, 1988, p. 43, fig. 16).
 Fig. 4. Burial 8V (Ceglia, 1988, p. 43, fig. 16).

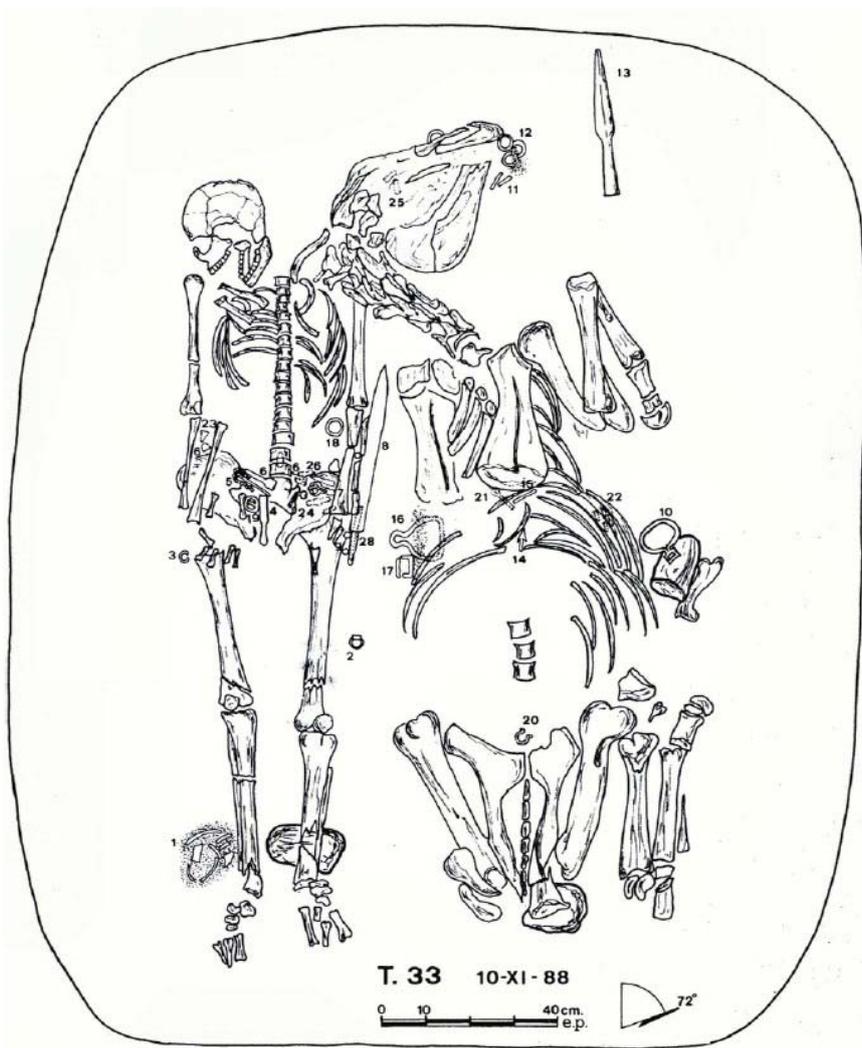

Рис. 5. Погр. 33V
 (Genito, 1991, p. 337, fig. 6).
 Fig. 5. Burial 33V
 (Genito, 1991, p. 337, fig. 6).

Рис. 6. Погр. 16V (Ceglia, 1988, p. 47, fig. 19).
Fig. 6. Burial 16V (Ceglia, 1988, p. 47, fig. 19).

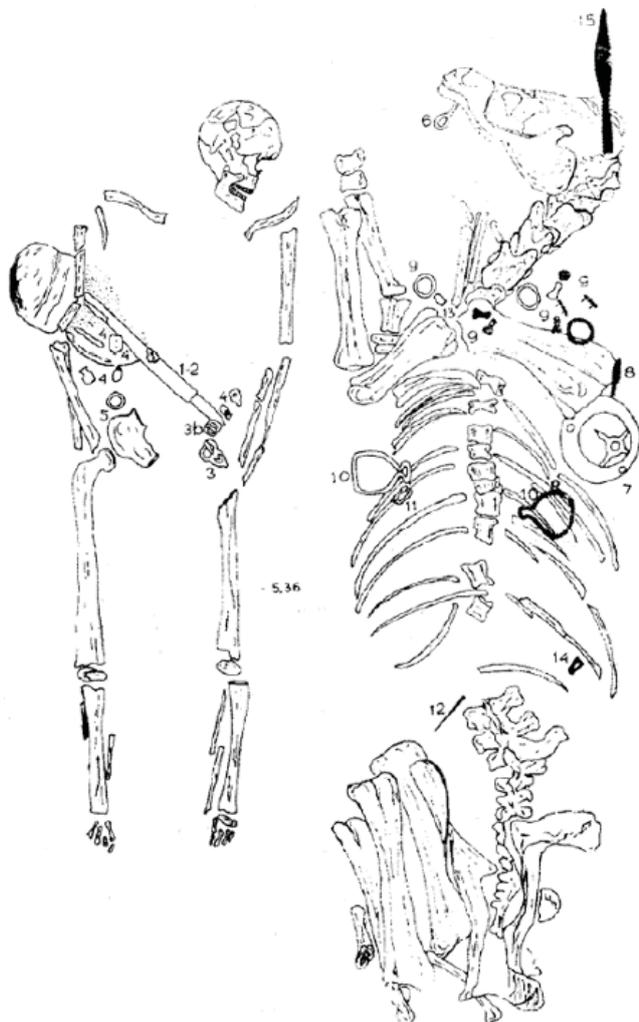

Рис. 7. Погр. 16V (Дженито, 1993, с. 185, рис. 1).
Fig. 7. Burial 16V (Genito, 1993, p. 185, fig. 1).

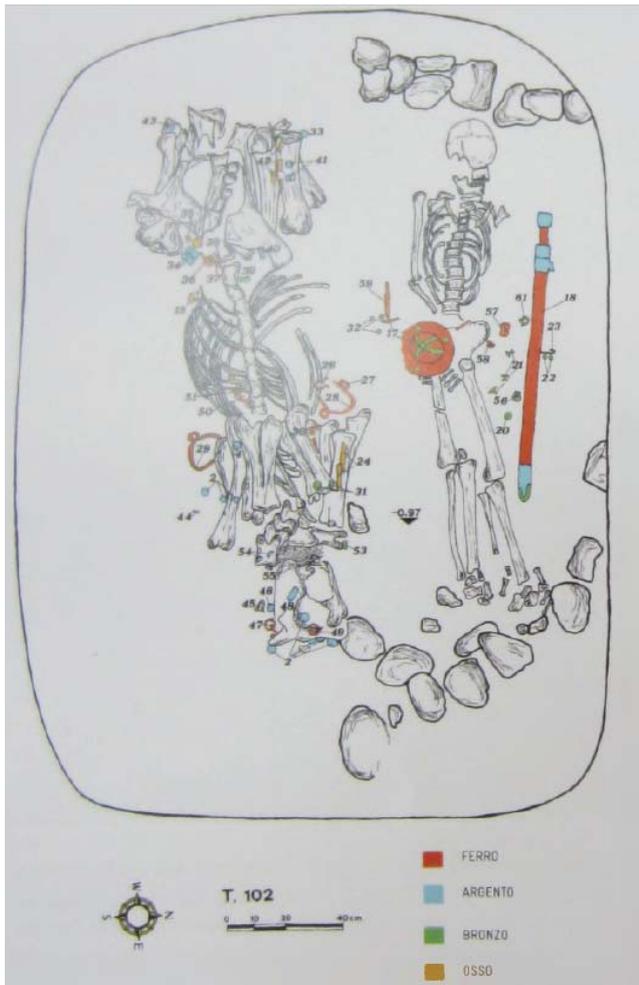
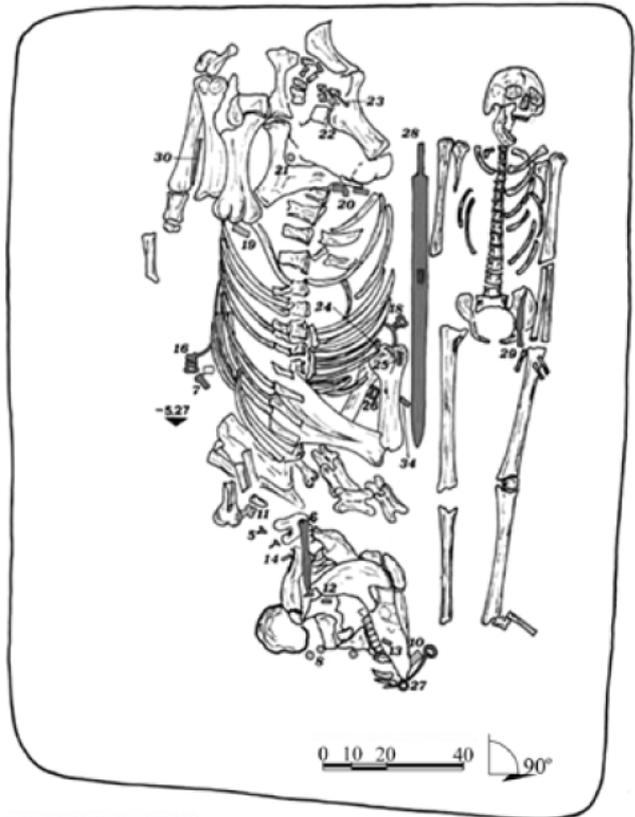

Рис. 8. Погр. 102М (Ceglia, 2008, p. 472).
 Fig. 8. Burial 102M (Ceglia, 2008, p. 472).

Campochiaro, loc. Vicenne, T. 150
 20-10-'92

Рис. 9. Погр. 150V. (Ceglia, 2012, p. 228, fig. 6).
 Fig. 9. Burial 150V (Ceglia, 2012, p. 228, fig. 6).

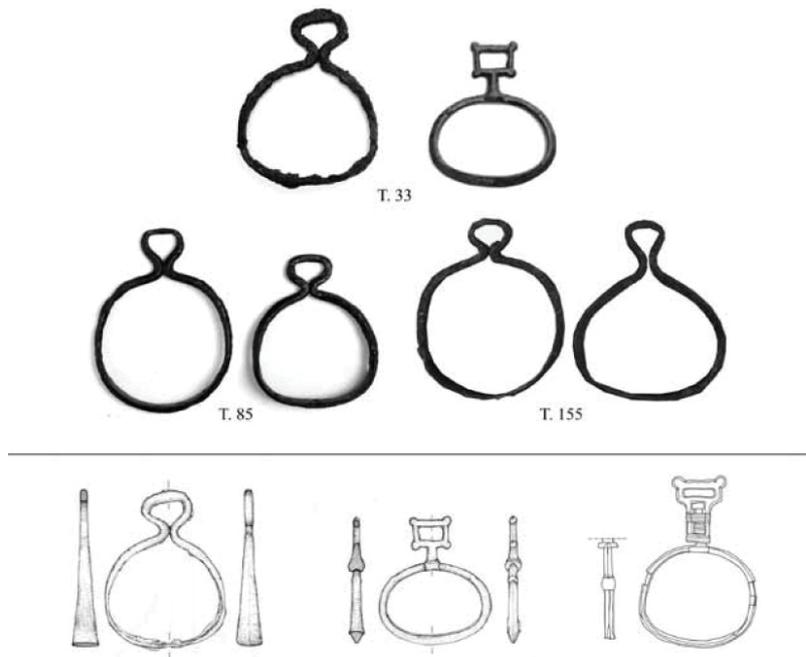

Рис. 10. Образцы стремян некрополя Виченне (Ceglia, 2012, p. 231, fig. 8).
 Fig. 10. Samples of stirrups from the Vicenne necropolis (Ceglia, 2012, p. 231, fig. 8).

Рис. 11. Меч погр. 102М

Доступно по URL: https://www.de.wikipedia.org/wiki/Datei:Sword_mountings_from_Morrione,_Italy.jpg

Fig. 11. Sword from burial 102M.

Available at URL: https://www.de.wikipedia.org/wiki/Datei:Sword_mountings_from_Morrione,_Italy.jpg

Рис. 12. Скрамасакс погр. 16V (Genito, 1988, p. 58, Fig. 7).

Fig. 12. Skramasax from burial 16V (Genito, 1988, p. 58, Fig. 7).

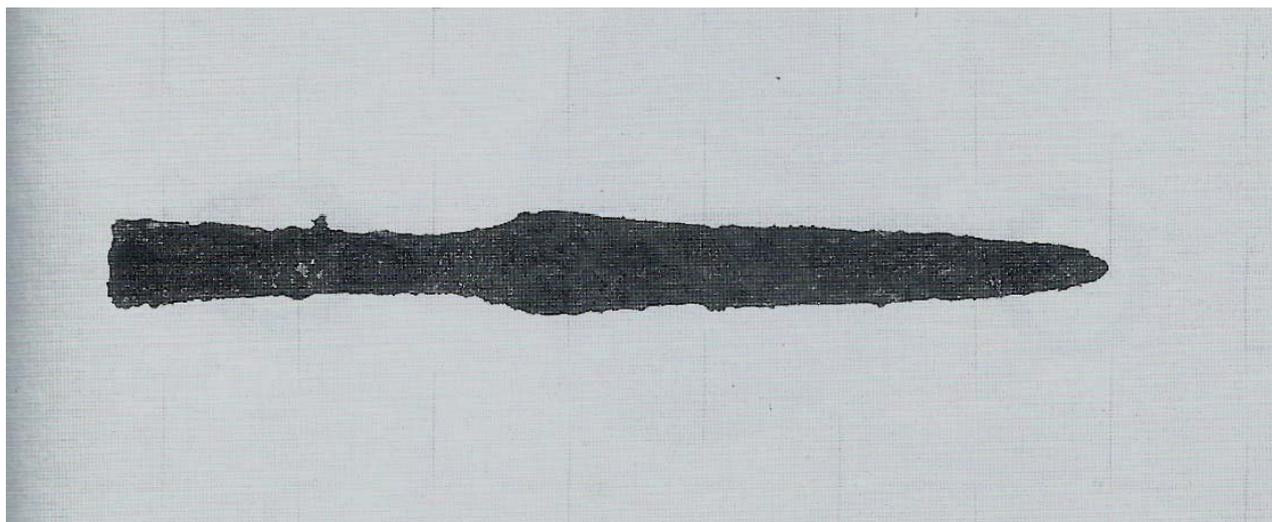

Рис. 13. Наконечник копья погр. 16V (Genito, 1988, p. 64, Fig. 17).

Fig. 13. Spearhead from burial 16V (Genito, 1988, p. 64, Fig. 17).

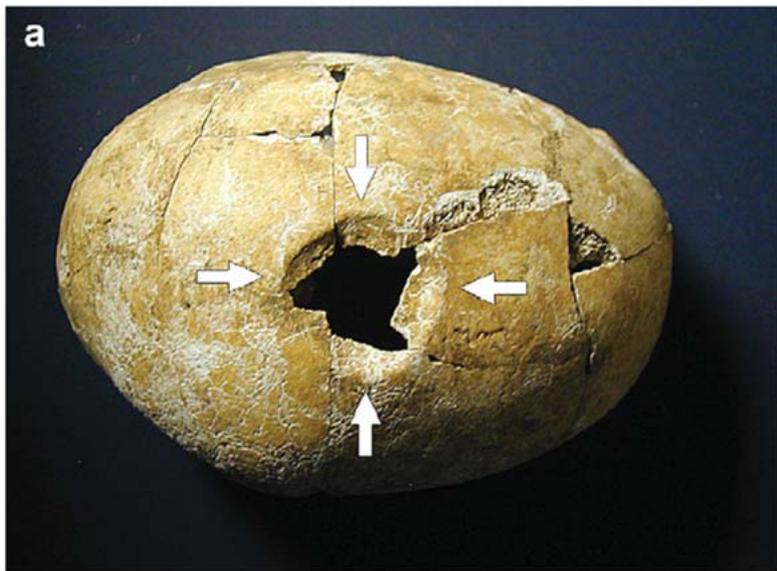

Рис. 14. Череп погребения 20М с азиатскими признаками и следами успешной лечебной трепанации (Rubini, Zaio, 2011, p. 1156).

Fig. 14. Skull from burial 20M with Asian signs and traces of successful therapeutic trepanation (Rubini, Zaio, 2011, p. 1156).

Рис. 15. Ш.Р. Мингазов на могильнике Моррионе 05.2017.

Фото Изабеллы Марчетта.

Fig. 15. Sh. R. Mingazov at the Morrione necropolis on 05.2017.

Photo by Isabella Marchetta.

Рис. 16. Лангобардский и аварский всадники. Реконструкция А. МакБрайда.

Fig. 16. Lombardic and Avarish Horsmans. Reconstruction of A. MacBraide.

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2020.6.157.164>

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОДНОГО ТИПА ШЛЕМОВ, НАЙДЕННОГО НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ¹

© 2020 г. А.В. Данич

В 1890 году около входа в Вёлсинскую пещеру, находящуюся в Чердынском уезде Пермской губернии, при строительстве чугуноплавильного завода были найдены старинные железные предметы: шлем, меч и обрывки кольчуги. В наши дни, с развитием металлопоиска, на р. Каме в пределах Пермского края был обнаружен еще один аналогичный шлем. В данной статье дается интерпретация этих двух раннесредневековых шлемов, найденных в разное время на территории Пермского Предуралья. В статье анализируются аналогии данным шлемам обнаруженные на территории Грузии (византийская крепость Петра), в Татарстане (Тураевский могильник), в Самарской области и Томской области (у с. Старица Парабельского района). Практически все из этих шлемов найдены вне контекстов археологических памятников, что существенно затрудняет их датировку. Проведён анализ местонахождений шлемов, который показал, что более вероятной датой бытования данного типа шлемов является V-VI вв. Рассмотрены пути проникновения на территорию Пермского Предуралья. Шлемы могли попасть на данную территорию как в результате военно-политических процессов, так и составной частью «дальнего импорта» который мог идти с Византии или сасанидской Персии через Чёрное море и Волгу далее в Каму и Вишеру на территории Пермского Предуралья.

Ключевые слова: шлем, защитное вооружение, Вёлсинская пещера, Пермское Предуралье.

ON THE INTERPRETATION OF ONE TYPE OF HELMET FOUND ON THE TERRITORY OF THE PERMIAN URALS²

A. V. Danich

In 1890, near the entrance to the Velsinskaya cave, located in the Cherdynsky district of the Perm province, during the construction of an iron smelter, ancient iron objects were found: a helmet, a sword, and fragments of chain mail. Nowadays, with the development of metal mining, another similar helmet was discovered on the Kama river within the Perm region. This article provides an interpretation of these two early medieval helmets found at different times on the territory of the Permian Urals. The article analyzes analogies to these helmets found on the territory of Georgia (the Byzantine fortress of Peter), in Tatarstan (Turaevsky burial ground), in the Samara region and Tomsk region (near the village of Staritsa, Parabel district). Almost all of these helmets were found outside the context of archaeological sites, which makes Dating them very difficult. The analysis of helmet locations has shown that the most likely date of existence of this type of helmet is the V-VI centuries. The ways of penetration into the territory of the Permian Urals are considered. Helmets could get to this territory both as a result of military and political processes, and as an integral part of the " long-distance import " that could go from Byzantium or Sasanian Persia through the Black sea and the Volga further to Kama and Vishera on the territory of the Permian Urals.

Keywords: helmet, armour, Vilcinska cave, Perm Cis-Urals.

Шлем – защитное наголовье, предназначенное для предохранения головы воина, состоящее из стального наголовья и имеющее практически всегда обрамление по нижнему краю из длинной кольчужной бармицы для защиты шеи.

Большинство категорий предметов вооружения имеют полифункциональный характер, позволяющий использовать такое оружие

как в боевых действиях, так и на охоте. Лишь немногие виды вооружения используются исключительно в боевых действиях. К таким следует отнести большую часть защитного вооружения и в первую очередь металлические шлемы.

Во все времена шлем являлся одним из важнейших элементов защитного вооружения воина, защищая наиболее значимую часть тела

¹ Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.

² The work was supported by the Ministry of Education and Science of the Perm Region, Agreement No. C-26/1192 of 19.12.2019.

– голову. Защитное вооружение из металла относится к элитарным и дорогим категориям, поскольку оно наиболее трудоемко и сложно в производстве. Зачастую доспехи, ввиду своей дороговизны, передавались по наследству от отца к сыну, и именно потому шлемы нигде и никогда не являются массовыми находками и достаточно редко становятся традиционной составляющей погребального инвентаря. Тем интереснее периодически проявляющиеся на разных концах страны серии находок этой категории защитного вооружения. В итоге того, что защитное вооружение в погребения практически не попадало, мы имеем только случайные находки и фрагменты.

Так, в 1890 году около входа в Вёлсинскую пещеру, находящуюся в Чердынском уезде Пермской губернии, при строительстве чугуноплавильного завода были найдены старинные железные предметы: шлем, меч и обрывки кольчуги.

Поселок Вёлс возник на живописном месте, на стрелке рек Вёлс и Вишера при строительстве Вёлсовского чугуноплавильного завода (р. Вёлс – левый приток р. Вишеры – левого притока р. Камы).

Впервые идея построить тут завод появилась в 1894 году у московского фабриканта Ю.П. Гужона. Место подходило благодаря расположенным поблизости обширным массивам леса и значительным месторождениям железных руд. Однако созданное в 1897 году Волжско-Вишерское акционерное общество решило строить завод ниже – на реке Вижаихе. Когда оно поняло ошибочность решения, к идее Вёлсовского завода вновь вернулись. Интересно, что сначала завод начинали строить около подножия горы Юбрьшка, затем на Белых Мхах и лишь после началось строительство близ устья Вёлса.

Работы по возведению Вёлсовского завода начались в 1899 году. Строительство было масштабным: две доменные печи, лесопилка, кирпичный завод, углевыжигательные печи и заплавни для сплавления леса, здание заводской администрации, казармы для рабочих. Построили и узкоколейную железную дорогу к Шудьинскому железному руднику. Завод планировали пустить в 1901 году, однако помешал разразившийся экономический кризис. В марте 1901 года строительство завода приостановили и возобновили только весной 1904 года.

Первый металл Вёлсовский завод выдал в 1906 году. Однако проработал он совсем

недолго: в конце 1908 года из-за банкротства Волжско-Вишерского общества завод встал. Оборудование демонтировали, а домны и заводские постройки взорвали, чтобы не платить установленный в Чердынском уезде налог со строений.

Недалеко от завода находится Большая Вёлсовская пещера. Ширина входа в пещеру 4,5 м, высота 2 м. Высота входа от уреза реки Вёлс 13 м, от уреза Вишеры 15 м. Пещера отличается значительными объемами. Спуск по глыбовой осыпи приводит в просторный тоннель длиной 200 м с небольшими слепыми ответвлениями длиной до 20 м. Ширина коридора от 5 до 20 м, а высота от 2 до 6 м. Пол неровный, покрыт камнями и глиной. Сводчатый потолок во многих местах закопчен. В северной части пещеры имеется озеро площадью 350 м², которое в холодное время года замерзает. Встречаются кальцитовые натёки, сталактиты, сталагмиты. Также на стенках можно заметить оникс – красивую разновидность кварца. Зимой и весной стены пещеры покрываются красивыми кристаллами и прочими ледяными образованиями.

Пещера сквозная. Второй (северный) вход в виде щелеобразного колодца глубиной 4 м расположен в основании скал в 135 м севернее главного. Уникальность пещеры в том, что она образовалась при подземном перетёке воды из одной крупной реки в другую (из Вёлса в Вишеру). Подобные пещеры редки на Урале.

Во времена строительства и работы Вёлсовского завода она использовалась «французами» как склад. В пещере хранили продукты, которые не портились благодаря низкой температуре. Для удобства сюда даже подвели узкоколейку. Никаких памятников археологии рядом с пещерой не известно. Кому принадлежал комплект защитного снаряжения, найденный у входа, остаётся загадкой. В связи с этим же датировка его затруднена.

В литературе данная находка упоминается несколько раз.

Самое раннее упоминание о ней имеется в 1895 г. в связи с приобретением вещей Императорской Археологической Комиссией. Статья сопровождается фотографией шлема небольшого размера и не имеет подробного описания находок (ОАК за 1895 г., 1897, с. 71, рис. 168).

Далее Э.Э. Ленц в 1902 г. приводит краткое описание шлема с его фото для поиска анало-

гий шлема, найденного у с. Демьяновка (Ленц, 1902, с. 92–93, рис. 15).

Немного позже, в 1914 г. И.Я. Кривошеков упоминает о находке шлема, меча и кольчуги у Вёлсовской пещеры в своём списке исторических мест Чердынского уезда (Кривошеков, 1914, с. 90).

В 1952 г. данную находку упоминает И.А. Талицкая в работе «Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы», выпущенной на основе материалов, собранных М.В. Талицким в довоенное время (погиб во время Великой Отечественной войны 25 августа 1942 г). Работа представляет из себя перечень всех известных памятников и краткую их характеристику (Талицкая, 1952, с. 168). Датирована находка в публикации X–XIV вв.

Последнее упоминание с рисунком шлема мы можем встретить в опубликованной в 2000 г. монографии А.М. Белавина «Камский торговый путь», посвященной экономическим и этнокультурным связям Пермского Предуралья IX–XIV вв. А.М. Белавин отнес его к древнерусским изделиям, никак его не описывая (Белавин, 2000, рис. 85, 2).

Подводя итоги публикаций данной находки, можно заметить, что из 5 печатных публикаций в 3 публикациях встречены фото и рисунок шлема. Надо признать, что все изображения в не очень хорошем качестве и по ним сложно говорить о каких-то конструктивных деталях. И ни в одной из данных публикаций не встречены изображения сопутствующих ему меча и кольчуги, которые смогли бы помочь более точно датировать данный шлем.

Описание шлема (рис. 1: 1). Полуокруглая, несколько сплюснутая с боков тулья выкована из цельного куска, и к нижнему краю приклепана железная полоса в 3–3,5 см шириной с неровно обрезанными краями, на которую вплотную одна возле другой насажены петли около 1,5 см длиной на крупных железных заклепках с большими круглыми головками. В эти петли вдеты круглые, плоские, сваренные кольца верхнего ряда бармицы, последние ряды которой сплетены поочередно из плоских колец, скрепленных на гвоздь, и плоских сваренных колец.

В наши дни с развитием металлопоиска на р. Каме в пределах Пермского края был обнаружен еще один аналогичный шлем (рис. 1: 2). Его фото сопровождалось 3 бронзовыми дротовыми браслетами, которые неизвестно,

были ли найдены в комплекте с шлемом или случайно попали на данное фото. Качество фото не очень высокого качества, и разглядеть нюансы формы и украшения данных браслетов невозможно. Сам шлем по конструкции совпадает со шлемом, описанным выше. За тем исключением, что на данном шлеме не сохранилась бармица.

У данного типа шлемов имеется несколько аналогий в мире:

1. В византийской крепости Петра (Цихисдзири) (Грузия, Батуми) (рис. 2, 3). Петра была построена византийцами во времена правления императора Юстиниана I Великого в VI веке нашей эры. Строительство длилось несколько десятилетий – с 527 по 565 годы. Необходимость строительства защитного сооружения конкретно в этом месте объяснялась тем, что именно здесь проходил торговый путь, связывающий Персию, Армению и Византию с Западной Грузией. Таким лакомым кусочком желали обладать все близлежащие империи, что в итоге спровоцировало длительную, удачную осаду персами этого укрепленного города в середине VI в. под командованием Хосрова I. Персы еще больше улучшили защиту стен и оставили многочисленный гарнизон. В 549 г. император Юстиниан I решил вернуть себе Петру и отправил армию на её осаду, но неумелое командование войском обернулось его сокрушительным поражением. Однако войну всё же выиграли византийцы и, заполучив в свои руки крепость, сами её разрушили, чтобы впредь персы больше не могли её захватить.

Конструкция шлема повторяет конструкцию шлема, найденного у Вёлсинской пещеры, за одним исключением. Железная полоса в нижней части шлема, на которой находятся заклёпки для крепления бармицы, приклепана не с внутренней стороны шлема, а с наружной. Для того чтобы при вертикальном ударе клинок не задерживался на стыке шлема и полосы и соскальзывал дальше на бармицу, полоса имеет скошенный верхний край в сторону шлема.

2. Тураевский могильник, курган VII, погребение 1а (Генинг, 1962, рис. 31, 16) (рис. 2: 1–2). Могильник расположен на правом берегу р. Камы вблизи устья речки Чукма (Чемек), между д. Тураево и с. Икское Устье Бондюжского района Республики Татарстан. В погребении обнаружен костяк плохой сохранности, у изголовья которого найден шлем. Могильник датируется серединой IV – началом V вв.

Шлем имеет сферическую и даже полусферическую форму диаметром около 20 см и высотой около 15 см. Определить более точные замеры затруднительно, так как в настоящее время шлем деформирован. Верхняя часть шлема изготовлена из цельнокованой железной пластины, к которой снизу при помощи частого ряда заклепок с медными головками диаметром 6–7 мм приделана железная полоса шириной 5 см. Спереди полоса имела наносник. По оси шлема приклепана толстая серебряная пластина с М-образными вырезами. Такая же пластина, но с узором в виде вырезанных пирамидок украшает и нижнюю полосу шлема. Можно отметить, что пластины изготовлены из чистого серебра. С обеих сторон сбоку к нижней полосе приклепаны прямоугольные обоймы, в которые, очевидно, вставлялись какие-то украшения (может быть, перья или конский хвост). К нижнему краю этой же полосы приклепана кольчугообразная бармица длиной 18–20 см. (24 ряда колец диаметром 13–15 мм.), нашитая на толстую кожу.

По нижнему ободу, а также по краям центральной продольной ленты прослеживается декоративная отделка в виде серебряных позолоченных пластин с прорезным геометрическим орнаментом. Данный орнамент «городки» характерен для ираноязычного мира. Данный мотив, очевидно, соответствует древним представлениям о культовом, защитном орнаждении. Подобные мотивы неоднократно встречены среди сарматских древностей, например, в материалах Могильника Дачи (курган 1, тайник 1) и кургана Хохлач (тайник 2).

3. Шлем, найденный в 1938 г. колхозником А.Р. Ртищевым в размыве левого берега р. Парабель у с. Старица Парабельского района Томской области (Ожередов, 1987, с. 114–120) (рис. 2: 5–6). Шлем железный с цельнокованой тульей сфероконической формы, кольчужной бармицей и вставленным в тулью на одну треть ширины железным обручем. В плане шлем имеет яйцевидную форму, так как затылочная часть несколько шире передней. Сфероконические пропорции, очевидно, создавали достаточную прочность. Два основных качества цельнокованых шлемов, необходимых боевому оголовью, – высокая прочность и небольшой вес. Внутри тульи на одну треть вставлен железный обруч шириной 3,5 см. Он состоит из двух частей, склепанных внахлест. Примерно на центральной оси по

всему периметру обруча сделаны отверстия со средним диаметром 0,2 см. Назначение их объясняют несколько декоративно крупных (диаметром 1 см) сферических головок и железных заклепок. Головки прижимают цилиндрические обоймы, выгнутые из железных полосок в виде петли, концы которых держат заклепки.

При наличии малочисленного материала реконструировать бармицу в полном объеме не удалось. Но судя по расположению сохранившихся на шлеме кольчужных колец (или их остатков), которые встречаются по всему периметру обруча, бармица обеспечивала круговую защиту как шеи, так и, возможно, части лица воина, до глаз (рис. 2: 6).

Не пренебрег мастер и эстетической стороной. Стройный ряд крупных блестящих головок-заклепок с цилиндрами обойм под ними красочно оживлял строгие линии боевого оголовья.

В комплекте с ним была найдена сабля.

4. Шлем, изъятый ФСБ у чёрных археологов в Самарской области (хочу выразить огромную благодарность Ю.А. Кулешову за предоставленное фото шлема) (рис. 2: 4).

Шлем железный с цельнокованой тульей сфероконической формы, вставленным в тулью в нижней части железным обручем. В плане шлем имеет яйцевидную форму, так как затылочная часть несколько шире передней. Примерно на центральной оси по всему периметру обруча сделаны отверстия, в которые вставлены крупные сферические головки железных заклепок. К этим заклепкам прикреплялись петли, на которые крепился верхний ряд петель бармицы.

Датировка шлемов. Практически все шлемы найдены вне контекстов археологических памятников, что существенно затрудняет их датировку.

Шлем, найденный у Вёлсинской пещеры. В литературе встречены датировки в 2 публикациях: 1) у И.А. Талицкой находки датируются X–XIV вв.; 2) у А.М. Белавина описание этого шлема в публикации отсутствует, но он рассматривается в контексте материалов IX–XIV вв. К сожалению, ни в одной публикации не приводится обоснование такой датировки шлема.

Шлем из крепости Петра. Крепость существовала на протяжении VI в. Соответственно, и погребение, обнаруженное в ней, должно принадлежать воину, погибшему в VI в.

Шлем из Тураевского могильника. Автором раскопок могильник датируется серединой IV – началом V вв.

Шлем, найденный в размыве левого берега р. Парабель у с. Старица Парабельского района Томской области. В конце статьи автор делает заключение, что время бытования шлема находится в рамках V–X вв., а в целом старицинское оружие является раннесредневековым и время его бытования ограничивается VII–X вв. Правда, вызывает сомнение правильность датировки сабли, из-за которой нижняя дата всех вещей была поднята до VII в.

Таким образом, более вероятной датой бытования данного типа шлемов является V–VI вв. А местом производства, вероятно, является Византия или сасанидская Персия. Откуда можно представить их распространение на север. Сперва в Грузию (византийская крепость Петра), далее через Каспийское море и Волгу до Самарской области (шлем, изъятый ФСБ в Самарской области), далее через Волгу в Каму (Тураевский шлем в Татарстане и севернее шлем, найденный на берегу р. Камы в Пермском крае), далее из Камы в Вишеру (находки у Вёлсинской пещеры). Несколько обособленным остаётся только Старицинский шлем, который имел несколько другой путь проникновения.

Хотелось бы обратить внимание на продуманность всей конструкции шлема. Прежде

всего, это очень рациональная форма тульи, которая позволяла эффективно отражать как вертикальные, так и горизонтальные удары. Гладкая поверхность без дополнительных деталей и украшений (не считая Тураевского шлема), убранный внутрь обруч способствовали свободному соскальзыванию клинка на бармицу, которая принимала ослабленный удар без особого для себя ущерба. Крепление бармицы к обручу, а не к краю тульи, по-видимому, определялось двумя причинами. Во-первых, толщина стенок тульи в нижней части затрудняла бы крепление бармицы и не обеспечивала надежного соединения. Во-вторых, при приклёпывании сетки к обручу предварительные операции (разметка, пробивка отверстий и т. п.) можно произвести до сгибания полосы в кольцо. Располагая верхний край бармицы на обруче, мастер как бы подводил его под нависающий край тульи, что придавало законченную обтекаемость всей конструкции. К тому же этим, видимо, достигалось предохранение места соединения бармицы с обручем от срубания верхних колец и срывания сетки при сильном скользящем ударе клинкового оружия. Этой же цели могли служить и широкие цилиндрические обоймы, в которые продевались верхние звенья бармицы. Они, в свою очередь, прикрывались мощными головками заклёпок.

ЛИТЕРАТУРА

Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: ПГПУ, 2000. 200 с.

Генинг В.Ф. Тураевский курганный могильник в Нижнем Прикамье // ВАУ. Вып. 2 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск, 1962. С. 72–80.

Кривошеков И.Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914. 839 с.

Ленц Э.Э. Предметы вооружения и конского убора, найденные близ села Демьяновка Мелитопольского уезда. // Известия ИАК. Вып. 2, СПб., 1902. С. 81–94.

Ожередов Ю.И. Старицинские находки. // / Отв. ред. В.Е. Медведев, Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1987, С. 114–120.

Приобретение отдельных коллекций и находок // ОАК за 1895 г. СПб: Типография главного управления уделов, 1897. С. 52–81.

Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Кама (по данным, собранным М.В. Талицким // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. IV / МИА. № 27. М.: АН СССР, 1952. 133 с.

Информация об авторе:

Данич Андрей Васильевич, ведущий специалист лаборатории археологической трасологии, антропологии и экспериментальной археологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Пермь, Россия); adanich@yandex.ru

REFERENCES

Belavin, A. M. 2000. *Kamskii torgovyi put'. Srednevekovoe Predural'e v ego ekonomicheskikh I etnokul'turnykh svyaziakh (Kama Trade Route: Medieval Cis-Urals in its Economic and Cultural Relations)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

Gening, V. F. 1962. In Gening, V. F. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology) 2*. Sverdlovsk, 72–80 (in Russian).

Krivoshchekov, I. Ya. 1914. *Slovar' geograficheskoy i statisticheskoy Cherdynskogo uezda Permskoy gubernii (Geographical and statistical dictionary of Cherdynsky uyezd of perm province)*. Perm (in Russian).

Lents, E. E. 1902. In *Izvestiia Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission) 2*. Saint Petersburg, 81–94 (in Russian).

Ozheredov, Yu. I. 1987. In Medvedev, V. E., Khudyakov, Yu. S. (eds.). *Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoy Azii (Military Arts of the Ancient Population of Northern Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. 114–120 (in Russian).

1897. In *Otchet Arkheologicheskoy komissii za 1895 g. (Report of the Archaeological Commission from 1895)*. Saint Petersburg, 52–81 (in Russian).

About the Author:

Danich Andrey V., Perm State Humanitarian Pedagogical University (PSHPU). Sibirskaya Str., 24, Perm, 614990, Russian Federation; adanich@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2020 г.
Статья принята к публикации 01.09.2020 г.

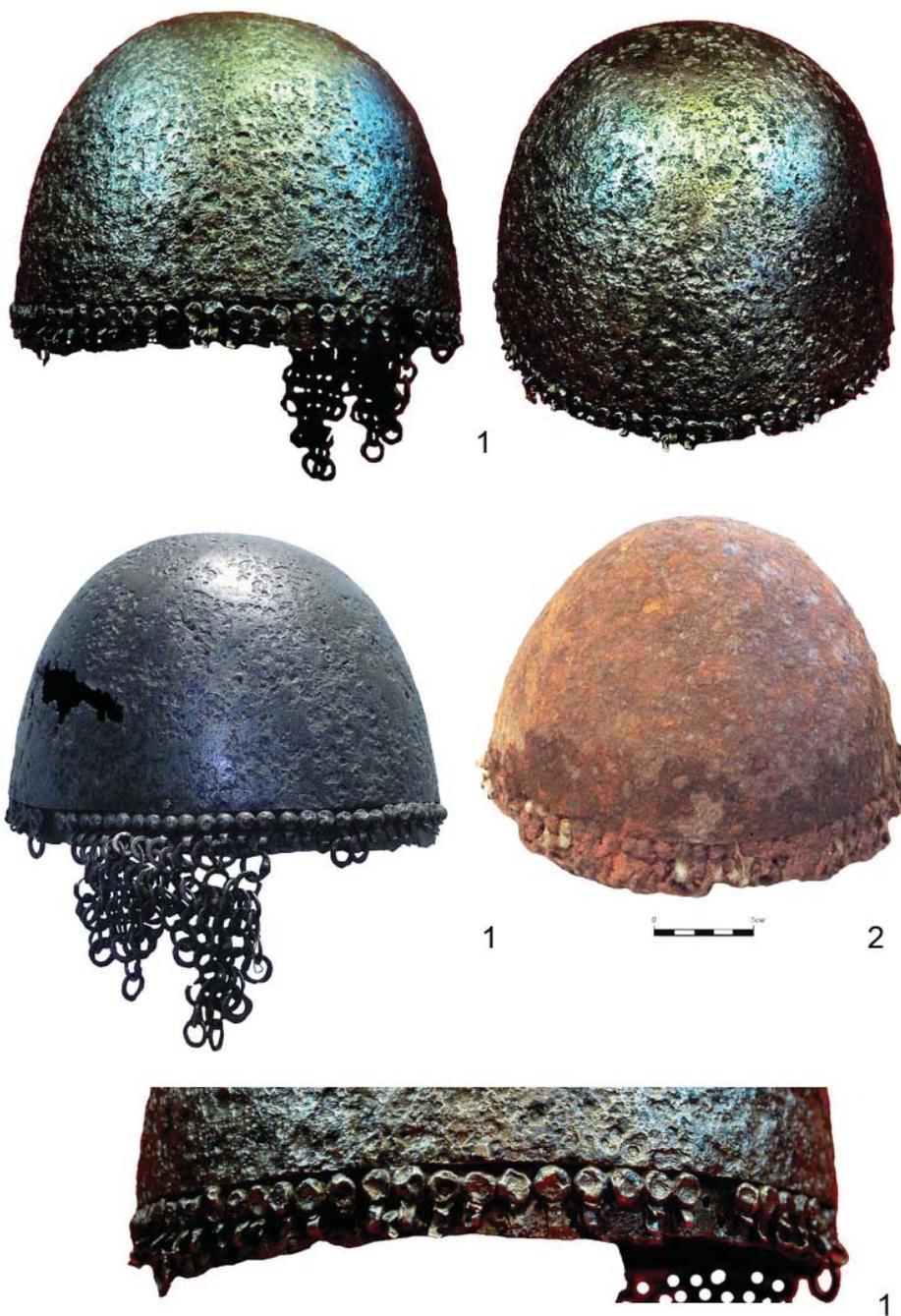

Рис. 1. Шлемы Пермского Предуралья: 1 – Вёлсовская пещера; 2 – находка на берегу р. Кама.
Fig. 1. Helmets from the Perm Cis-Urals: 1 – Velsovskaya cave; 2 – finding on the bank of the Kama river.

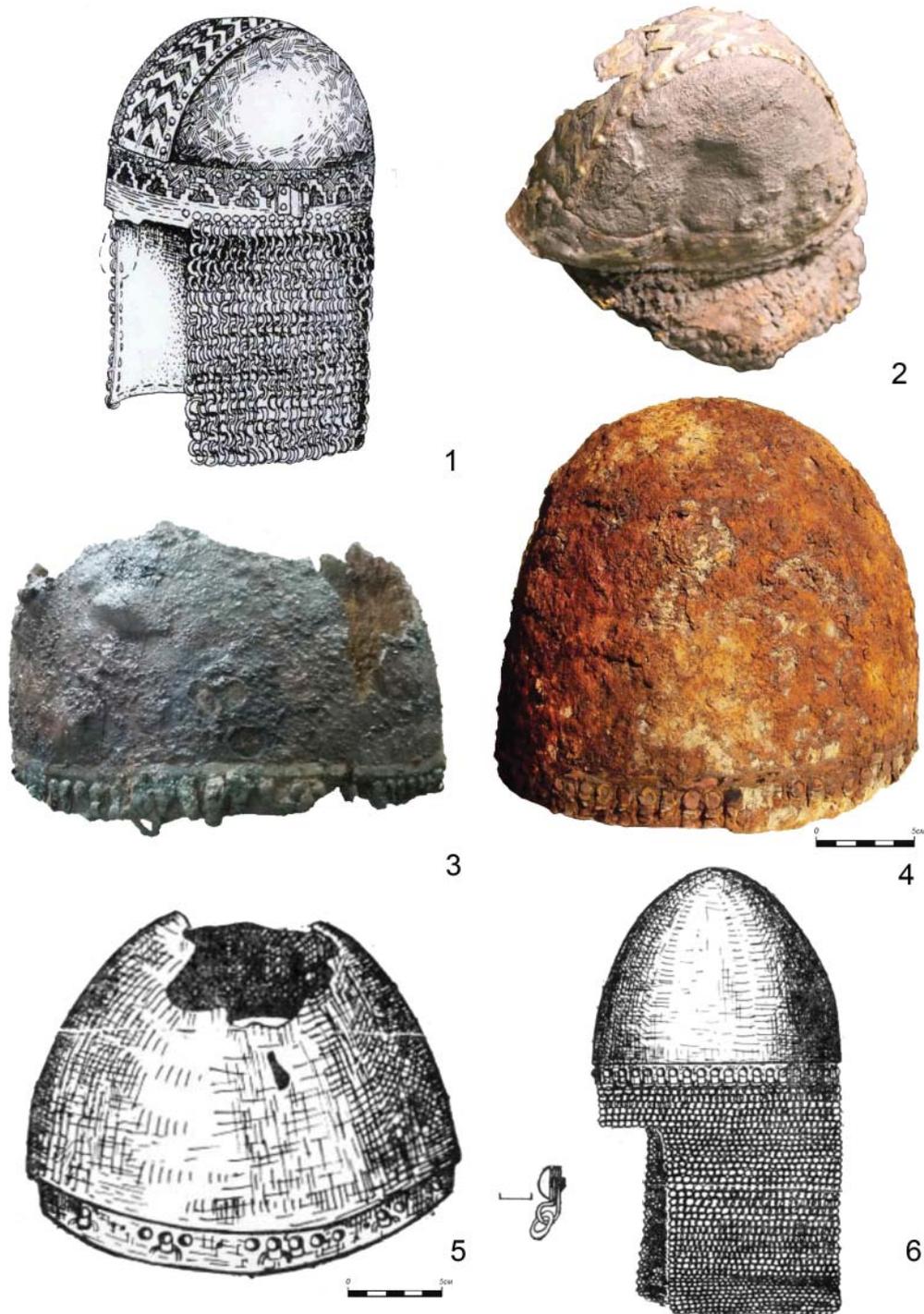

Рис. 2. Аналогии шлемам Пермского Предуралья: 1 – реконструкция шлема из Тураевского могильника (№ 2); 2 – Тураевский могильник, курган VII, погребение 1а; 3 – крепость Петра (Цихисдзир) (Грузия, Батуми); 4 – Самарская область; 5 – р. Парабель у с. Старица Парабельского района Томской области; 6 – реконструкция шлема у с. Старица (№ 5).

Fig. 2. Counterparts of the helmets from the Perm Cis-Urals: 1 – reconstruction of a helmet from Turaevo burial ground (No. 2); 2 – Turaevo burial ground, mound VII, burial 1a; 3 – Petra fortress (Tsikhisdziri) (Georgia, Batumi); 4 – Samara Oblast; 5 – Parabel river near Staritsa village of the Parabel District of Tomsk Oblast; 6 – reconstruction of a helmet discovered near Staritsa village (No. 5).

УДК 94(495).01–03+796

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2020.6.165.178>

РОЛЬ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В ПОДГОТОВКЕ МАССОВОГО ПРИЗЫВНОГО КОНТИНГЕНТА В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

© 2020 г. В. В. Хапаев, А. М. Глушич

В статье изучена роль физической культуры и спорта в процессе подготовки византийских воинов в ранневизантийский и средневизантийский периоды. Рассмотрены различные виды спортивных игр и состязаний – как детских и юношеских, благодаря которым обеспечивалась допризывная подготовка, так и военно-спортивные упражнения и соревнования в византийской армии. Сделан вывод о том, что, несмотря на ликвидацию античной системы палестр и гимнасиев, массовая физическая подготовка византийских мальчиков, подростков и юношей призывного возраста в Византии представляла собой хорошо продуманную и логично выстроенную систему, нацеленную на воспитание сильного, смелого и закаленного воина. Ее принципиальное отличие от античного периода заключалось в том, что физическое воспитание детей и подростков было возложено не на государство или общину, а на семью. Задачей общины при этом было создание условий для проведения спортивных соревнований, а государство подключалось к физическому воспитанию юношей после их включения в воинские списки в ходе учений и боевых походов.

Ключевые слова: Византия, физическая культура, спорт, стрельба из лука, борьба, кулачный бой, панкратион, петрополемос, ампра.

THE ROLE OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS IN THE TRAINING OF MASS CONSCRIPTS IN THE BYZANTINE EMPIRE

V. V. Khapaev, A. M. Glushich

The paper examines the role of physical culture and sports in the process of training Byzantine warriors in the Early and Middle Byzantine periods. Various types of sports games and competitions are considered - both for children and youth, by means of which pre-conscript training was provided, as well as military sports exercises and competitions in the Byzantine army. It is concluded that despite the elimination of the ancient system of palaestra and gymnasium, the mass physical training of Byzantine boys, adolescents and youth of military age in Byzantium was a profound and logical system aimed at the development of strong, courageous and tempered warriors. Its fundamental difference from the ancient period was that the primary physical education of children and adolescents was entrusted not to the state or community, but to the family. The task of the community was to create conditions for holding sports competitions, whereas the state was involved in the physical education of young men after they were included in military lists during maneuvers and military campaigns.

Keywords: Byzantium, physical culture, sports, archery, wrestling, fistfight, pankration, petroplemos, ampra.

Избегающий нести военную службу в качестве стратиота пусть будет наказан сурово, ибо уклонение от военной обязанности есть преступление. Призванные на военную службу и избегающие ее обращаются в рабство как предатели свободы родины.

Византийский воинский закон (VIII(?) в.).

Со времен Средневековья западноевропейские авторы тиражировали представление о Византии как о не способной защитить себя стране «изнеженных данайцев» (Титмар, 2009, с. 188). В Новое и Новейшее время эта точка зрения стала доминировать и в среде византинистов, особенно изучающих историю культуры этой страны.

Сформировался стереотип, что ромеи были сосредоточены на духовных практиках и «умерщвлении плоти» (Лазарев, 1986, с. 16). На самом деле в Империи Ромеев, как правило, со всех сторон окруженной врагами, посягавшими на ее территорию и ресурсы, огромное внимание уделялось военному делу, а значит, физической подготовке

воинов – как рядовых, так и командного состава.

В историографии проблемам изучения военно-прикладной составляющей византийского спорта уделяется недостаточно внимания. Как зарубежные (Guilland, 1965; Crowther, 1996; Giatsis, 2000; Wolińska, 2011), так и отечественные (Успенский, 1894; Дьяконов, 1945; Левченко, 1947; Чекалова, 1982) исследователи сосредоточены главным образом на изучении истории зрелищного соревновательного спорта, в первую очередь, конных ристаний на ипподромах Константинополя и других городов империи, и связанных с этим вопросов о сущности партий ипподрома.

Военно-прикладной аспект физического воспитания ромеев отчасти освещен в трудах греческих исследователей – Ф. Кукулиса (Κουκουλές, 1948; 1949) и С.Г. Гиациса (Giatsis, 2007), а также в публикации одного из авторов настоящей статьи (Хапаев, 2015). Военно-спортивным практикам поздневизантийского периода уделяется особенно мало внимания, но это – тема для отдельного исследования.

Для осознания причин военных успехов империи – во время Юстиниановой (VI в.) и Македонской (X в.) реконкист, стойкости ее воинов в сопротивлении персидскому, аварскому, арабскому нашествиям VI–VIII вв., для углубленного понимания сущности фемного строя Византии, изучение физической культуры византийцев, и в особенности ее военно-прикладного аспекта, необходимо.

Дошедшая до наших дней источниковая база позволяет это сделать. Вопросы физической подготовки рядовых воинов подробно освещены в воинских трактатах VI–X веков. Особую ценность в этом плане представляют следующие наставления: Анонимный трактат VI века «О стратегии» (2007), «Стратегикон» Маврикия (582–602) (Стратегикон, 2004), «Тактика» Льва VI (886–912) (Тактика Льва, 2012), «Стратегика» Никифора Фоки (963–969) (Стратегика, 2005). Они содержат сведения о ряде важных для нашего исследования аспектов: что входило в программу физической подготовки в войсках, нормы физических кондиций воинов и полководцев. Особое внимание уделено описанию отработки навыков стрельбы из лука, которыми должен был владеть каждый ромей. Идеал атлета и воина, которому следовали и знатные, и простые ромеи, сформулирован в произведениях художественной литературы, созданных в период

успехов византийской реконкисты: «Армурис» IX–XI вв. (Армурис, 1968) и «Дигенис Акрит» X–XII вв. (Дигенис Акрит, 1960).

В византийских исторических сочинениях содержится большой объем информации о физических кондициях и спортивных (точнее военно-спортивных) увлечениях императоров и представителей военной элиты империи. Наиболее информативны в этом плане «Жизнеописания византийских царей» Продолжателя Феофана (Продолжатель Феофана, 1992), «Хронография» Михаила Пселла (Михаил Пселл, 1978) и «История ромеев» Никифора Григоры, в которых уделено большое внимание физической подготовке императоров и их участию в соревнованиях, как скрытых от посторонних глаз, так и публичных (Никифор Григора, 2013). А вот сведения о физической подготовке простолюдинов отрывочны, а потому, трудно поддаются анализу и датировке. Наиболее полное их собрание из разновременных и разнохарактерных источников содержится в шеститомном труде Ф. Кукулиса «Жизнь и культура Византии» (Κουκουλές, 1948; 1949), опубликованном на архаизированном греческом языке (кафаревусе) в Афинах в 1948–1949 гг. С тех пор этот труд не переиздавался и на другие языки не переводился¹.

Некоторый объем информации можно почерпнуть из изобразительных источников. Отметим в этой связи консульские диптихи V–VI вв., на которых изображены сцены соревнований и спортивных интервал-актов на Константинопольском ипподроме (Schrodt, 1981, p. 51–52) (рис. 1–2); фрески и мозаики с изображением святых воинов и некоторых императоров (они дают информацию об оружии и доспехах²) (рис. 3–4); книжные миниатюры с изображением боевых сцен (Ioannes Scylitzes, Manuscripto) (рис. 5); археологические находки, в том числе из Херсонеса Таврического (византийского Херсона), где обнаружены не только остатки оружия, боеприпасов и военного снаряжения, но и две уникальные костяные пластины X века с изображением вооруженных юных стратио-

¹ Авторы выражают признательность А.А. Роменскому за помощь в работе с греческими текстами.

² Несмотря на то, что изображаемые на иконах святые воины, как правило, жили в поздней античности, византийские авторы отображали их хотя и архаизировано, но как правило в современных (для времени создания изображения) доспехах и с актуальным оружием, пусть и стилизованным.

тов (рис. 6) (Наследие византийского Херсона, 2011, с. 287, рис. 317–318).

Особенностью византийского подхода к доармейской подготовке был отказ от античной системы спортивных школ – палестр и гимнасиев, организация деятельности которых у греков и римлян составляла одну из важных функций муниципального самоуправления, а их содержание – одну из крупных статей расходов городского бюджета или магистратов (Курбатов, 1962, с. 242). Произошло это, вероятно, под давлением Церкви, т.к. античный спорт был тесно связан с языческими культами. В Константинополе последняя палестра закрылась во времена Юстиниана I. По информации Прокопия Кесарийского, владелец палестры, гимнаст по имени Андрей, закрыл ее и служил офицером в императорской армии (Giatsis, 2007, р. 23). Гимнасии подвергались сносу, а добытый при этом камень использовался для возведения других сооружений, например, оборонительных стен в Фессалонике (Giatsis, 2007, р. 24).

Поэтому физическая подготовка юношества стала с VI века задачей семьи, не важно – знатной или простой. Занимались этим отцы или другие родственники ромеев. Именно так обучался искусству верховой езды, управления колесницей и охоты сын императора Маврикия (582–602): его тренировками руководил родной дед, отец матери принца (Феофилакт Симокатта, 1957, с. 183). Спортивной и боевой подготовкой юного Дигениса Акрита, героя военного эпоса X–XII вв., руководил его отец. Активная фаза физического воспитания воина, согласно этому источнику, длилась с 12 до 14 лет (Дигенис Акрит, 1960, с. 43, 62). К 14 годам юноша достигал призывного возраста (рис. 6) и мог вступать в брак (Ariantzi, 2009, s. 54–55).

Мотивацией к занятиям спортом оставались спортивные соревнования, в которых участвовали и дети, и подростки, и юноши. С римских времен сохранялся обычай, по которому ромеи по воскресеньям собирались для отдыха за городом или деревней, где юноши соревновались в легкой атлетике (беге, прыжках, метании копья и диска, фехтовании на тренировочных мечах, плавании и гимнастике (Giatsis, 2007, р. 24, 33–35). Большие спортивные праздники устраивали в дни ярмарок и религиозных торжеств: об этом есть сведения и в раннесредневековых источниках, и в трудах автора конца XII в. патриарха Антиохийского (1193–1199) Феодора Вальсамона

(Κουκουλές, 1949, σ. 93). Юноши, желавшие соревноваться публично, проверялись на физическое соответствие. К играм не допускали слабых, горбатых и глухих (Κουκουλές, 1949, σ. 117).

Соревнования проводились в полдень, что делало и участие в них, и тем более победу, особенно трудными в условиях жаркого климата. Так было и во времена Иоанна Златоуста (ок. 350–407), упомянувшего об этой традиции (Κουκουλές, 1949, σ. 93), и позднее. Император Лев VI (886–912) советовал проводить тренировки стратиотов в самое жаркое время (Тактика Льва, 2012, с. 146), а его внук император Роман II в полуденный зной любил играть в конное поло (циканион) (Продолжатель Феофана, 1992, с. 195). Цель усложнения физической активности Лев VI объяснил в «Тактике»: «Такое обучение и такая тренировка не только приучают войско к трудам, но и оздоравливают... Тело от всего этого становится крепким, подготовленным к предстоящим трудам и тяготам, приученным к жаре и зною» (Тактика Льва, 2012, с. 147).

Поскольку спорт был нацелен в первую очередь на совершенствование боевых навыков, большое значение придавалось различным видам единоборств, страсть к которым была унаследована от античности: антиохийский ритор IV века Либаний (наставник Иоанна Златоуста) отмечал увлечение жителей своего города этим видом спорта (Либаний, 1916, с. 450).

Византийские вариации на тему борьбы и бокса имеют значительные отличия от того, какими мы их видим сейчас. Условия для соревнующихся были намного более жесткими. Не существовало весовых категорий и разграничений по возрасту (по крайней мере, свидетельств этого не обнаружено), поэтому о равной борьбе не могло быть и речи. Хотя, по свидетельству Либания, зрителям неравные поединки не нравились: «... в гимнастических состязаниях, когда жребий заставляет выступить против лучшего борца того, кто намного ему уступает, победа достается лучшему, но рукоплесканий зрителей за венком не следует» (Либаний, 2014, с. 417).

В схватках не было фиксированного количества раундов или ограничений по времени. Бой шел до полного изнеможения одного из соперников (условного нокаута), а в борьбе – до трех бросков противника. Очень мало было запрещенных приемов. Не разрешалось лишь кусать оппонента и давить пальцами на

глаза. А вот ломать противнику пальцы и бить лежащего было можно (Сагг, 2010, р. 7).

Отдельной разновидностью борьбы был панкратион (греч. «все силы»), культивировавшийся и после запрещения языческих олимпиад. Многие из того, что не допускалось в борьбе, в панкратионе было разрешено. Борьба здесь дополнялась боевыми элементами: ударами ногами, ладонью и кулаком, а также целым рядом захватов и даже укусов оппонента (хотя последнее считалось признаком непрофессионализма). В этом виде спорта также не было весовых и временных ограничений, а страсти кипели настолько, что бой мог закончиться выдавленными глазами и даже смертельным исходом (Κουκουλές, 1949, с. 105). Судьям порой было сложно контролировать ход боя и соблюдение правил. Поэтому они использовали палицы и хлысты, чтобы при необходимости останавливать схватку (Сагг, 2010, р. 8).

Особенно опасным был кулачный бой, также сохранившийся с олимпийских времен. О нем неоднократно упоминают авторы разного времени: Макарий Египетский, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст в IV в., Иоанн Малала в VII в., патриарх Фотий в IX в. (Κουκουλές, 1949, с. 101). Как заметил Иоанн Златоуст, «кто ведет кулачный бой, боится будущего» (цит. по: Κουκουλές, 1949, с. 104). Источники свидетельствуют о получении бойцами тяжелых травм, опасных кровопотерях, потере сознания, переломах черепа и даже отрывании противнику головы (Κουκουλές, 1949, с. 104).

Эти случаи были нередки, а потому, требовали правового регулирования, что нашло отражение в «Василиках» – законодательстве периода правления Василия I (866–886) и Льва VI (Basilicorum 60.3.7). По закону, соревнования могли быть официальными, т.е. иницированными императорской или местной властью, а могли быть частными. В первом случае наказание за смерть соперника было мягче или отсутствовало вовсе, поскольку «ущерб произошел ради славы и мужества, а не ради несправедливости» (цит. по: Κουκουλές, 1949, с. 123). В случае частного соревнования применялся трансформированный Дигестами Юстиниана древнеримский закон Аквилы об ответственности за убийство или членовредительство, т.е. виновника наказывали без скидок на спортивный азарт (Κουκουλές, 1949, с. 124).

Участвовать в соревнованиях будущие воины начинали с детства. Одним из таких состязаний была стрельба из лука. Поразить мишень с наибольшей меткостью и стать победителем в этом виде спорта было честью для любого ромея (рис. 4) (Guttmann, 1981, р. 16–17), в том числе и для ребенка (Κουκουλές, 1949, с. 93). Хотя, как свидетельствует трактат Льва VI «Тактика», не умеющие стрелять из лука все же встречались (Тактика Льва, 2012, с. 136).

Будущие борцы, кулачные бойцы, мастера панкратиона, а значит, сильные и мужественные воины, с детства приучали себя к травмам и боли. На это были нацелены популярные у византийских мальчишек жестокие игры. Одной из них была забава под названием «петрополемос», проводившаяся за городскими стенами – у крепостного рва. Две команды становились по разные его стороны, набирали побольше камней, и руками, либо, что ещё более рискованно, с помощью пращи, закидывали команду соперника. Победу одерживала та команда, участники которой оставались на ногах, когда противник уже не мог сражаться. По окончании сражения победители устраивали себе «триумф», торжественно шествуя через городские ворота. Запрещена эта опасная игра была лишь в 1369 году и только на Крите. За несоблюдение запрета там предусматривался штраф (To chronikon tou Moreos, 5394-5). Правда, при оценке жестокости «потешного сражения» необходимо учитывать ширину рва. Согласно трактату X века «Как выдерживать осаду», она составляла не менее 50 локтей (22,5 м) (Анонимный воинский..., 2016, с. 512), что снижало опасность травмирования участников, особенно если броски совершались руками (рис. 6.2). А вот летящий примерно на 90 м. камень, выпущенный из пращи, несомненно, был очень опасен. Поэтому, не исключено, что в качестве пуль использовались менее травмирующие комочки подсушенной глины.

Более гуманно выглядит похожая на «казаки-разбойники» игра «ампра». Две команды, каждая из которых имела своего вождя и окруженное рвом место для содержания «пленных», поочередно преследовали друг друга, касанием руки захватывая в «плен» игроков соперника. Когда все участники одной из команд оказывались плененными, другая команда объявлялась победителем (Κουκουλές, 1948, с. 180).

Из подготовленных в индивидуальных тренировках, закаленных в суровых играх и состязаниях юношей полководец отбирал в войско ополченцев-стратиотов. О критериях отбора пишут и Лев VI в «Тактике», и Никифор Фока в «Стратегике». Говоря о правилах подбора воинов, Лев VI, обращаясь к стратигу, пишет: «Выбирай из всего населения подвластной тебе фемы стратиотов не малолетних, но и не стариков, мужественных, сильных, здоровых, смелых, проворных» (Тактика Льва, 2012, с. 113). Никифор Фока формулирует свои требования точнее: «Подобающим и, в самом деле, нужным является избрание стратиотами из ромеев и армениев мужей-оплитов, имеющих большой рост и возраст не более сорока лет» (Стратегика, 2005, с. 5).

В рамках военной подготовки на полевых лагерных сборах, в ходе мобилизации и в походе тренировки и соревнования приобретали ярко выраженный военно-прикладной характер. Описывая упражнения в боевых построениях, Маврикий критикует командиров, полагающих, что утомительные и долгие тренировки не имеют смысла и чрезмерны для войска, приводя в пример профессиональных спортсменов: «Возможно, некоторые из наиболее нерешительных и осторожных людей сочтут, что такое построение слишком сложно и многообразно, а потому, требует много усилий. Но им следовало бы знать, что борцы, возникшие и другие им подобные, состязающиеся ради одного удовольствия, для которых успех измеряется денежной выгодой и ее величиной, а неудача – печалью, не сопряженной с ущербом, обременяют себя такими тяжелыми трудами и страданиями, включая воздержание в пище, и такой неустанной тренировкой, чтобы научиться приносить неудачу соперникам, защитить себя от вреда, причиняемого ими, и таким образом уметь разрушить козни, заранее к ним подготовившись» (рис. 1–2) (Стратегикон, 2004, с. 121).

В первую очередь это касается отработки навыков стрельбы из лука (рис. 3): на дальность, меткость и скорость. Согласно «Стратегикону», упражняться надлежало: «в пешем строю – в скоростной стрельбе из лука и ромейским, и персидским³ способами, то есть

³ Ромейский способ натягивания тетивы – большим и указательными пальцами (щипковый хват, предпочтителен, когда стрелять нужно сильно); персидский способ – тремя средними пальцами (средиземноморский хват, предпочтителен, когда стрелять нужно метко) (Стратегикон, 2004, с. 64, 184, Люттвак, 2010, с. 383).

в навыке быстро вынимать стрелу и сильно натягивать тетиву; то же самое полезно уметь и всадникам. В скоростной стрельбе из лука в пешем строю на определенное расстояние либо по копью, либо по другой цели. В скоростной стрельбе из лука на скаку верхом на коне в движении – вперед, назад, вправо, влево. Во вскакивании на коня. Имея натянутый лук в налучии, владеть копьем; быстро забросив его за спину, выхватить лук» (Стратегикон, 2004, с. 64). Как видим, владение луком не было предпочтением подразделений лучников – псиллов. Это было необходимым навыком, как для пехотинцев, так и для всадников, которые не должны были при этом забывать о своем основном оружии – менавлии (колющем копье) (рис. 4–5)⁴.

Войсковые подразделения лучников должны были также овладеть дополнительными навыками. Их тренировали в «скоростной стрельбе со щитом, метанию на расстояние и стрельбе из пращей; прыжкам и бегу» (Стратегикон, 2004, с. 204), – то есть всему тому, что изначально отрабатывалось в ходе детских «забав» и юношеских состязаний. Хороший псилл должен был уметь не только быстро стрелять, в том числе из пращи (этому учил петрополемос), но и быстро двигаться (этому учила ампра).

Для эффективного владения византийским составным луком с обратным изгибом (Л.ттвак, 2010, с. 64), необходимо было иметь очень мощную мускулатуру рук, груди и спины, которую отлично развивали популярные у ромеев единоборства.

Маврикий сделал акцент на том, что «медленная стрельба бесполезна, даже если окажется, что стрела выпущена точно в цель» (Стратегикон, 2004, с. 64), акцентируя внимание на выработке навыка скоростной стрельбы. Наиболее эффективным способом таких тренировок считались упражнения в стрельбе во время перехода на театр боевых действий, как неотъемлемая его часть, что превращало марш в боевые учения: «Было бы хорошо, если все это стратиоты упражнялись проделывать верхом на конях во время марша в собственной земле: ведь при этом и переход завершится беспрепятственно, и кони не утомятся» (Стратегикон, 2004, с. 64).

⁴ Колющее копье (менавлиа) достигало в длину 3,6 м., а его лезвие – 50 см. Их древка изготавливались из цельных сволов кизила или молодого дуба. Такие копыя применялись против тяжелой кавалерии противника и, соответственно, сами были очень тяжелыми (Oxford Dictionary of Byzantium, 1991, p. 2192).

Наиболее подробную информацию о приемах отработки меткой, сильной и быстрой стрельбы из лука содержит трактат VI в. «О стратегии»: «При стрельбе из лука мы стремимся к тройному результату: стрелять точно, стрелять сильно, стрелять быстро» (О стратегии, 2007, с. 145). Упражнения для решения этих задач автор описывает в трех главах своего наставления. Столь подробного описания тренировки лучников не содержит больше ни один византийский воинский трактат, хотя наставления, изложенные в «Стратегии», вероятно, не утратили своего значения и в дальнейшем, т.к. в «Стратегиконе» (Стратегикон, 2004, с. 64) и «Тактике» Льва VI (Тактика Льва, 2012, с. 145) они кратко упоминаются. В сочинении «О стратегии» большое внимание уделено соревновательному аспекту в отработке важнейшего воинского навыка тех времен, и методике тренировочного процесса.

При отработке меткости стрельбы важна поэтапность, чтобы неумелый стрелок не отчаялся, не попадая по сложным мишеням: «Знаки, по которым стреляют упражняющиеся, должны быть для начинающих широкими и высокими, иначе стреляющие, совершая промахи, могут впасть в уныние. Затем, уменьшая понемногу ширину, следует свести ее до узкой: ведь если стреляющие сначала будут промахиваться по обе стороны от знака, то после первой тренировки они, во всяком случае, не должны промахиваться по высоте. В конечном счете, должна быть понемногу сокращена и высота, так чтобы можно было использовать округленные мишени» (О стратегии, 2007, с. 146).

Когда воин приобретал навыки прицельной стрельбы, начиналась отработка выстрелов по движущимся мишеням. Цели следовало выбирать сложные – юрких и быстрых зверьков и птиц. Если же цели рукотворные, они должны быть мелкими и быстро приводиться в движение. В этом случае стрелять следовало «по тем целям, которые можно тянуть с помощью веревок на определенной дистанции, например, по шарам или чему-либо подобному. Очевидно, что каждый, кто прошел такую тренировку, сможет продемонстрировать точность стрельбы и в реальных боевых условиях» (О стратегии, 2007, с. 146).

Силу стрельбы отрабатывали в ходе соревнований с использованием механизма, фиксирующего кинетическую энергию удара стрелы при попадании в цель. На горизонтальное основание вертикально крепился брусок. К

его верхнему концу горизонтально неподвижно крепился диск с 360 делениями на расстоянии 10 одно от другого по внешней окружности диска. В центре диска на железном стержне закреплялся деревянный круг в три пальца толщиной (ок. 6 см) диаметром в 2 пяди (ок. 35 см) в качестве туго поворачивающейся мишени (рис. 7). Стрельба велась стрелами с затупленными металлическими наконечниками. Количество делений горизонтального диска, на которые отклонился вертикальный круг, фиксировало силу выстрела (О стратегии, 2007, с. 147), что позволяло участникам состязания набирать и суммировать очки, определявшие победителя и призеров. Соревнования в силе стрельбы можно было проводить в разных номинациях: стоя, с колена, в движении (шагом или бегом), верхом (статично или на скаку). Мотивацией к улучшению результатов, таким образом, становился спортивный азарт.

Соревновательное начало задействовалось и при отработке скорости стрельбы: здесь применялся метод «гонки за лидером». Выстрелы производились всеми участниками по одной общей мишени стрелами с острыми наконечниками, на время: от стартового до финишного сигналов. Вначале в течение отведенного времени стрельбу вел опытный боец, искусный в скорострельности. Его результат (количество стрел в мишени) считался ориентиром для участников соревнования. Очистив мишень от стрел чемпиона, по сигналу, за отведенное время по ней стреляли соревнующиеся. Стрелы каждого из них были помечены знаками, позволяющими идентифицировать владельца. Тот, у кого в мишени оказывалось больше стрел, объявлялся победителем (О стратегии, 2007, с. 148).

Можно лишь догадываться, были ли в этой дисциплине отборочные соревнования в составе мелких подразделений, а затем – финалы на уровне банды, тагмы или даже фемы. Таких сведений источники, к сожалению, не содержат. Но многократные упоминания соревнований по стрельбе из лука, от Константинопольского ипподрома (Guttman, 1981, p. 20) до народных праздников (Κοῦκουλές, 1948, с. 93), позволяют предположить, что состязались и на меткость, и на силу, и на прицельную дальность, и на скорость.

Для тренировки стрельбы в движении на лошадях использовался похожий метод: «Пусть тот, кто искусен в скоростной стрельбе, возьмет лук и стрелы и, двигаясь вперед по

прямой линии, посылает стрелы вбок от себя в течение определенного времени. После того, как он остановится, стрелы следует собрать, отметив места падения каждой из них. Место остановки будет обозначать первый рубеж. Отступив назад на расстояние примерно тридцати оргий (60 метров – авт.), следует отметить еще один рубеж, который называется вторым. Упражняющиеся должны быстро двигаться вслед друг за другом в направлении от этого второго рубежа к первому, отправляя стрелы до тех пор, пока не будет достигнута конечная отметка» (О стратегии, 2007, с. 148). В качестве плеймейкера также задействовали опытного стрелка, результат которого служил ориентиром для остальных. Соревнующиеся ехали не по одному, а друг за другом, то есть им следовало учитывать при стрельбе расстояние между лошадьми, что дополнительно усложняло задачу. Такого рода тренировкам подвергалось, видимо, большинство воинов, что говорит о высокой планке требований к владению стрельбой из лука.

В качестве практических учений по отработке полученных таким образом навыков использовалась охота. И в ранне-, и в средне-византийский периоды ее ценили как метод массовой тренировки воинов, но только как плановое мероприятие, а не спонтанную забаву. Автор «Стратегикона» наставлял: «Если по пути движения встретятся или попадутся дикие животные, их преследование должно быть запрещено, так как при этом поднимаются суматоха и крик, а лошади утомляются без необходимости» (Стратегикон, 2004, с. 83). Но, как замечает Лев VI, «поскольку занятия охотой приносят не только много душевных волнений стратиотам и тренировку лошадям, но и опыт боевых построений, необходимо тренировать стратиотов путем постоянных занятий охотой в подходящие и благоприятные периоды времени, когда неопытные получают возможность легко обучиться, а те, кто, возможно, совершит промах, – исправить свои ошибки, не претерпев наказания» (Тактика Льва, 2012, с. 229). Армейскую охоту следовало тщательно организовать: зверя выслеживали накануне. Акцент делался на построение в боевой порядок и окружение зверя и либо расстрел его из луков, либо, при наличии времени, более плотное окружение и поражение в ближнем бою. Так охота превращалась в полноценные военные учения.

Большая часть византийской армии раннего и фемного периодов состояла из тяжело

вооруженных пехотинцев – skutatov. Согласно наставлениям Льва VI, полученные ими в детстве и отрочестве навыки в занятиях петрополемосом и единоборствами в армейской среде развивали в военно-прикладном направлении. Они сходились в единоборствах на палках с использованием щитов, метали дротики на дальность (Тактика Льва, 2012, с. 146).

Отработав индивидуальные боевые навыки, переходили к их совершенствованию в ходе тренировочных сражений, также проводившихся в форме соревнования. Лев VI наставлял стратига: «Разделив войско на части, заставь вести сражение друг с другом холодным оружием, то есть копьями и стрелами без наконечников, либо ... деревянными или тростниковыми палками вместо мечей, либо копьями, сделанными из тростника... Если местность, на которой происходит тренировка, каменистая, прикажи метать камни друг в друга в ходе тренировочной стычки» (Тактика Льва, 2012, с. 146). Последнее из приведенных указаний – прямое свидетельство использования петрополемоса в войсковой подготовке. Еще одно противоборство предназначалось для выработки навыков боевых действий в горной местности из невыгодного пространственного положения: «Показав крутые холмы, прикажи бегом подниматься на них и спускаться, и когда одни из стратиотов поднимутся на эти холмы, прикажи другим напасть на них» (Тактика Льва, 2012, с. 146). Военные учения, как и спортивные соревнования, проводились в максимально некомфортное для этого время суток: «хорошо проводить тренировки в знойное время и приучать стратиотов к нему» (Тактика Льва, 2012, с. 153).

Таким образом, массовая физическая подготовка византийских мальчиков, подростков и юношей призывного возраста, несмотря на ликвидацию палестр и гимнасиев, представляла собой хорошо продуманную и логично выстроенную систему, нацеленную на воспитание сильного, смелого и закаленного воина, не боящегося ни жары, ни холода, ни боли, ни усталости. Лев VI подчеркивал, что именно тяжелые тренировки делают из новобранца приученного к тяготам воина: «Такое обучение и такая тренировка не только приучают войско к трудам, но и оздоравливают» (Тактика Льва, 2012, с. 147).

Наличие системы массовой физической подготовки юношества было чрезвычайно

важным для огромной империи, которая всю ее историю была вынуждена вести тяжелые войны на выживание. Как показывает сопоставление различных видов источников, такая система в империи была. Ее принципиальное отличие от античных принципов физического воспитания заключалось в том, что физическое воспитание детей и подростков было возложено не на государство или общину, а на семью. Задачей общины при этом было создание условий для проведения спортивных соревнований, в ходе которых выявлялись чемпионы, становившиеся кумирами

для сверстников. Государство подключалось к физическому воспитанию юношей после их включения в воинские списки в ходе учений и боевых походов. Основными мотивами к физическому совершенствованию были: стремление к воинскому идеалу, который олицетворяли легендарные воины древности, а также Армурис и Дигенис Акрит; патриотизм, тщательно культивировавшийся особенно в средневизантийский период; и дух спортивного соперничества, который пронизывал всю сферу физической культуры – от детских забав до военных учений.

ЛИТЕРАТУРА

Анонимный воинский трактат «Как выдерживать осаду» / пер. и коммент. В.В. Хапаева // Хапаев В.В. Византийский Херсон на рубеже тысячелетий: вторая половина X – первая половина XI в. Симферополь: Нижняя Орианда, 2016. С. 509–538.

Армурис // Памятники Византийской литературы IX–XV веков / Отв. ред. Л.А. Фрейберг. М.: Наука, 1968. С. 158–160.

Дигенис Акрит. 1960. М.: Изд-во АН СССР. 1960. 218 с.

Дьяконов А.П. Византийские димы и факции (τα μέρη) в V–VII вв. // Византийский сборник / Отв. ред. Е. А. Косминский М., Л.: АН СССР, 1945. С. 144–227.

Курбатов Г.Л. Ранневизантийский город (Антиохия в IV веке). Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. 284 с.

Лазарев В.Н. История византийской живописи. М.: Искусство, 1986. 194 с.

Левченко М.В. Венеты и прасины в Византии V–VII вв. // Византийский временник. 1947. Т. 1. С. 164–183.

Либаний. Речи. Том I. Казань.: Тип. имп. ун-та, 1914. 511 с.

Либаний. Речи. Том II. Казань.: Тип. имп. ун-та, 1916. 569 с.

Люттвак Э.Н. Стратегия Византийской империи. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2010. 664 с.

Михаил Пселл. Хронография / пер., статьи и коммент. Я. Н. Любарского М.: Наука, 1978. 319 с.

Никифор Григора. История ромеев. Т. I / пер. с греч. Р. В. Яшунского, вступ. ст. Л. Герд. СПб.: Свое издательство, 2013. 438 с.

О стратегии. Византийский военный трактат VI века / Изд. под-гот. В.В. Кучма. СПб.: Алетейя, 2007. 158 с.

Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / пер., статьи и коммент. Я. Н. Любарского М.: Наука, 1992. 348 с.

Стратегика Никифора II Фоки / пер. и комм. А. К. Нефёдкина. СПб.: Алетейя, 2005. 105 с.

Стратегикон Маврикия / Изд. подгот. В.В. Кучма. СПб.: Алетейя, 2004. 242 с.

Тактика Льва / пер.: проф., д.ист.н. В.В. Кучма. СПб.: Алетейя, 2012. 367 с.

Титмар Мерзенбургский. Хроника. М.: Русская панорама, 2009. 256 с.

Успенский Ф.И. Партии цирка и димы в Константинополе // Византийский временник. 1894. Т. 1. С. 1–16.

Феофилакт Симокатта. История. М.: Изд. АН СССР, 1957. 224 с.

Хапаев В.В. Физическое воспитание в Византийской империи IX–XII вв. // Традиции античного олимпизма в мировой культуре: от древности до наших дней / Под ред. Т. Б. Гвоздевой. М.: Изд-во Лит. ин-та имени А.М. Горького, 2015. С. 149–164.

Хомутский В. Византийское оружие и доспехи на изобразительных источниках. 2016. URL: https://historicaldis.ru/blog/43826515054/Vizantiyskoe-oruzhie-i-dospehi-na-izobrazitelnyih-istochnikah?utm_referrer=mirtesen.ru&page=2 (Дата обращения 09.11.2020).

Чекалова А.А. К вопросу о димах в ранней Византии // Византийские очерки: труды советских ученых к XVI Международному конгрессу византинистов / Отв. ред. З. В. Удальцова. М.: Наука, 1982. С. 37–53.

Яшаева Т., Денисова Е., Гинькут Н., Залеская В., Журавлев Д. Наследие византийского Херсона / Севастополь: Телескоп, Остин : ИКА Техас. ун-та, 2011. 708 с.

Ariantzi D. Aspekte der Kindheit in Byzanz vom 6. bis 11. Jahrhundert im Spiegel hagiographischer Quellen. Wien: Dissertation, 2009. 350 s.

Carr T., Sheppard K., Welch A. Sport During the Byzantine Era. Byzantium as a Context for Social Sciences Research. 2010. P. 1–15.

Crowther N. Sports Violence in the Roman and Byzantine Empire: A Modern Legacy // International Journal of the History of Sport. 1996. No 3. P. 445–458.

Giatsis S.G. The organization of chariot racing in the great hippodrome of byzantine Constantinople // The International Journal of the History of Sport, 2000. 17:1. P. 36–68.

Giatsis S.G. Sport in Byzantium // Erytheia. 2007. No. 28. P. 15–40.

Guilland R. Études sur l’Hippodrome de Byzance III–IV // Byzantinoslavica. 1965. No. 26. P. 1–33.

Guttmann A. Sport Spectators From Antiquity To The Renaissance // Journal Of Sport History, 1981. Vol. 8, No. 2, P. 16–17.

Ioannes Scylitzes. Synopsis historiarum // Manuscrito del siglo XII / Biblioteca Nacional de España. 234 [i.e. 233].

Oxford Dictionary of Byzantium. Oxford: Oxford University Press, 1991. 2238 p.

Schmitt J. The chronicle of Morea (To chronikon tou Moreos): a history in political verse, relating to the establishment of feudalism in Greece by the Franks in the thirteenth century. London: Methuen, 1904. 778 p.

Schrodt B. Sports in the Byzantine Empire // Journal Of Sport History. 1981. Vol. 8. No. 3. P. 51–52.

Wolińska T. Constantinopolitan Charioteers and Their Supporters. Łódź: Studia Ceranea 1, 2011. P. 127–142.

Κουκουλές Φ. Βυζαντινὸν βίος καὶ πολιτισμὸς. Τ. Α. 1. Σχολεῖα. Παίδων ἀνατροφή. Παίγνια. Ἀθηναίς, 1948. 231 σ.

Κουκουλές Φ. Βυζαντινὸν βίος καὶ πολιτισμὸς. Τ. Γ. Ο ἵπποδρομος καὶ οἱ ἵπποδρομικοὶ ἀγῶνες. Οἱ ἀγῶνες καὶ τὰ ἀγωνίσματα. Οἱ βυζαντινοὶ αἰχμαλωτοὶ. Ἡ διαπομπευσίς οἱ κλεπταὶ καὶ αἱ φυλακαὶ. Τὰ λαϊκὰ θεάματα καὶ αἱ λαϊκὰ διασκεδάσεις αἱ ἐμπορικαὶ πανηγυρεῖς. Αἱ ἐρίδες καὶ αἱ ὑβρεῖς αἱ ἀραι, αἱ εὐχαὶ καὶ οἱ ὄρκοι. Ἀθηναίς, 1949. 403 σ.

Информация об авторах:

Хапаев Вадим Вадимович, кандидат исторических наук, зам. директора Института общественных наук и международных отношений, доцент кафедры «История» Севастопольского государственного университета (г. Севастополь, Россия); khapaev007@mail.ru

Глушич Антон Михайлович, магистрант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия); barny.g@mail.ru

REFERENCES

Anonimnyi voinskii traktat “Kak vyderzhat’ osadu” (Anonymous Military Treatise “How to Withstand a Siege”) In Khapaev, V. V. 2016. Vizantiiskii Kherson na rubezhe tysiacheletii: vtoraiia polovina X – pervaiia polovina XI v. (Byzantine Kherson at the Turn of the Millennia: Second Half of 10th - First Half of 11th cc.). Simferopol: “Nizhniaia Orianda” Publ., 509–538 (in Russian).

1968. *Armuris (Armouris)* In Freiberg, L. A. (ed.). *Pamiatniki Vizantiiskoi literatury IX – XV vekov (Monuments of Byzantine Literature of the 9th-15th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ., 158–160 (in Russian). Digenis Akrit (Digenes Akritas). 1960. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ. (in Russian).

D’yakonov, A. P. 1945. In Kosminskii, E. A. (ed.). *Vizantiiski sbornik (Byzantine Collection)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 144–227 (in Russian).

Kubratov, G. L. 1962. *Rannevizantiiskii gorod (Antiokhiia v IV veke) (Early Byzantine Town (Antioch in the 4th Century))*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).

Lazarev, V. N. 1986. *Istoriia vizantiiskoi zhivopisi (History of Byzantine Graphic Art)*. Moscow: “Iskusstvo” Publ. (in Russian).

Levchenko, M. V. 1947. In *Vizantiyskiy Vremennik (Byzantine Yearbook)* 1, 164–183 (in Russian).

Libanius. 1914. *Rechi (Speeches)* 1. Kazan: Typography of the Imperial University (in Russian).

Libanius. 1916. *Rechi (Speeches)* 2. Kazan: Typography of the Imperial University (in Russian).

Lyutvak, E. N. 2010. *Strategiia Vizantiiskoi imperii (The Grand Strategy of the Byzantine Empire)*. Moscow: University Of Dmitry Pozharsky (in Russian).

Psell, M. 1978. *Khronografiia (Chronography)*. Lyubarskii, Ya. N. (transl.). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Nicephorus Gregoras. 2013. *Istoriia romeev (History of the Romei)* 1. Saint Petersburg: "Svoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Kuchma, V. V. (ed.). 2007. *O strategii. Vizantijskii voennyi traktat VI veka (On Strategy. Byzantine Military Treatise of the 6th century)*. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ. (in Russian).

Theophanes Continuatus. 1992. *Zhizneopisaniia vizantiiskikh tsarei (Biographies of Byzantine Kings)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Nefyodkin, A. K. 2005. (ed.). *Strategika Nikifona II Foki (Strategica by Nikephoros II Phokas)*. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ. (in Russian).

Kuchma, V. V. (ed.). 2004. *Stratekikon Mavrikiia (Strategikon of Maurice)*. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ. (in Russian).

Kuchma, V. V. (ed.). 2012. *Taktika L'va (Lion's Tactics)*. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ. (in Russian).

Titmar Merzenburgskii. 2009. *Khronika (Chronicle)*. Moscow: "Russkaia panorama" Publ. (in Russian).

Uspenskii, F. I. 1894. In *Vizantiyskiy Vremennik (Byzantine Yearbook)* 1, 1–16 (in Russian).

Feofilakt Simokatta, 1957. *Istoriia (History)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Khapaev, V. V. 2015. In Gvozdeva, T. B. (ed.). *Traditsii antichnogo olimpizma v mirovoi kul'ture: ot drevnosti do nashikh dnei (Traditions of Ancient Olympism in World Culture: from Antiquity to the Present Day)*. Moscow: Maxim Gorky Literature Institute Publ., 149–164 (in Russian).

Khomutskii, V. 2016. *Vizantiiskoe oruzhie i dospehi na izobrazitel'nykh istochnikakh (Byzantine Weapons and Armor in Graphic Sources)* Available at: https://historicaldis.ru/blog/43826515054/Vizantiyskoe-oruzhie-i-dospehi-na-izobrazitel'nykh-istochnikah?utm_referrer=mirtesen.ru&page=2 Accessed 09.11.2020

Chekalova, A. A. 1982. In Udaltsova, Z. V. (ed.). *Vizantiyskie ocherki (Bizantium essays)*. Moscow: "Nauka" Publ., 37–53.

Yasheva, T., Denisova, E., Ginkut, N., Zalesskaya, V., Zhuravlev, D. 2011. *Nasledie vizantiiskogo Khersona (The Legacy of Byzantine Kherson)*. Sevastopol, Austin: "Telrskop" Publ., Texas University (in Russian).

Ariantzi, D. 2009. *Aspekte der Kindheit in Byzanz vom 6. bis 11. Jahrhundert im Spiegel hagiographischer Quellen*. Wien: Dissertation (in German).

Carr, T., Sheppard, K., Welch, A. 2010. *Sport During the Byzantine Era. Byzantium as a Context for Social Sciences Research*, 1–15.

Crowther, N. 1996. In *International Journal of the History of Sport*, 3, 445–458.

Giatsis, S. G. 2007. In *Erytheia*, 28, 15–40.

Giatsis, S. G. 2000. In *International Journal of the History of Sport*, 17:1, 36–68.

Guilland, R. 1965. In *Byzantinoslavica*, 26, 1–33 (in English).

Guttmann, A. 1981. In *Journal Of Sport History* 8(2), 16–17 (in English).

Ioannes Scylitzes. *Synopsis historiarum // Manuscrito del siglo XII / Biblioteca Nacional de España*. 234 [i.e. 233].

1991. *Oxford Dictionary of Byzantium*. Oxford: Oxford University Press..

Schmitt, J. 1904. *The chronicle of Morea (To chronikon tou Moreos): a history in political verse, relating to the establishment of feudalism in Greece by the Franks in the thirteenth century*. London: Methuen.

Schrodt, B. 1981. In *Journal Of Sport History*, 8(3), 51–52 (in English).

Wolińska, T. 2011. *Constantinopolitan Charioteers and Their Supporters*. Łódź: *Studia Ceranea* 1, 127–142.

Κουκουλές Φ. 1948. Βυζαντινών βίος και πολιτισμός. Τ. Α. 1. Σχολεία. Παίδων ανατροφή. Παίγνια. Αθηναις, (in Greek).

Κουκουλές Φ. 1949. Βυζαντινών βίος και πολιτισμός. Τ. Γ. Ο ιπποδρομος και οι ιπποδρομικοί αγώνες. Οι αγώνες και τα αγωνίσματα. Οι βυζαντινοί αιχμαλωτοι. Η διαπομπευσις οι κλεπται και αι φυλακαι. Τα λαϊκα θεαματα και αι λαϊκαι διασκεδασεις αι εμπορικαι πανηγυρεις. Αι εριδες και αι υβρεις αι αραι, αι ευχαι και οι ορκοι. Αθηναις (in Greek).

About the Authors:

Khapaev Vadim V., Candidate of Historical Sciences, Deputy Director at the Institute of Social Sciences and International Relations, Associate Professor at the History Department. Sevastopol State University. Universitetskaya Str., 33, Sevastopol, 299053, Russian Federation; khapaev007@mail.ru

Glushich Anton M., Master student, National Research University Higher School of Economics.
Myasnitskaya Str., 20, Moscow, 101000, Russian Federation; barny.g@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2020 г.
Статья принята к публикации 01.09.2020 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

Рис. 1. Диптих с цирковыми сценами. ок. 500 г. Эрмитаж. Официальный сайт Государственного Эрмитажа.

Режим доступа: <https://www.hermitagemuseum.org>

Fig. 1. Diptych with circus scenes. Circa 500. Hermitage. The official website of the State Hermitage.

Available at: <https://www.hermitagemuseum.org>

Рис. 2. Борьба людей со зверьми на константинопольском ипподроме. Диптих консула Ареобинда (фрагмент). 506 г. Эрмитаж. Официальный сайт Государственного Эрмитажа.

Режим доступа: <https://www.hermitagemuseum.org>

Fig. 2. A fight between people and animals at the Constantinople hippodrome. Diptych of Areobindus Dagalaiphus (fragment). 506. Hermitage. Official website of the State Hermitage.

Available at: <https://www.hermitagemuseum.org>

Рис. 3. Святые воины Феодор Тирон, Феодор Стратилат, Георгий Победоносец, Евстафий Великомученик. Фрагмент диптиха «Деисус со святыми». Сер. X в. (Хомутский, 2016)

Fig. 3. Warrior saints Theodore Tyron, Theodore Stratelates, Saint George, Saint Eustace the Great Martyr. Fragment of the diptych “The Deesis with the Saints”. Mid- 10th century. (Khomutsky, 2016)

Рис. 4. Святой Димитрий Солунский. Стеатитовая икона. Вооружен луком и колющим копьем (менавлием). XI в. Лувр (Хомутский, 2016)

Fig. 4. Saint Demetrius of Thessaloniki. Steatite icon. The person is armed with a bow and stabbing spear (menaulion). 11th century. The Louvre Museum (Khomutsky, 2016)

Рис. 5. Битва византийцев с арабами при Лалаконе 863 г. Миниатюра рукописи «Мадридский Скилица». XII в. Конные воины вооружены колющими копьями (менавлиями) и прямыми обоюдоострыми мечами (спатами) (Ioannes Scylitzes, Manuscripto, H. 155)

Fig. 5. The battle of the Byzantines with the Arabs at Lalakaon in 863. Miniature of the manuscript “Madrid Skylitzes”. 12th century. Equestrian warriors armed with piercing spears (menaulions) and straight double-edged swords (spathae) (Ioannes Scylitzes, Manuscripto, H. 155)

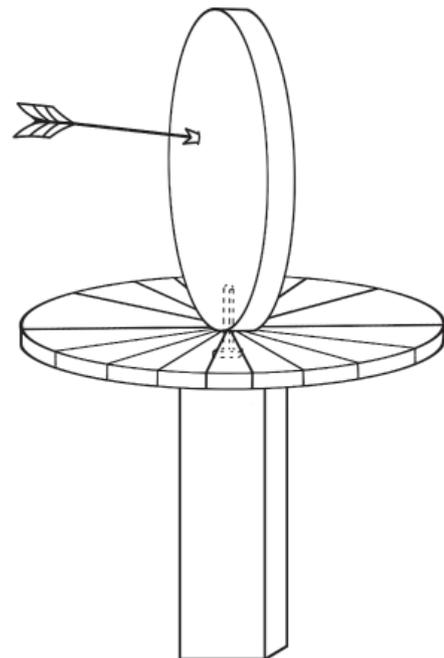

Рис. 6. Изображения воинов-подростков фемного ополчения (15–18 лет) на костяных пластинках из Херсонеса. X век. Херсонесский государственный историко-археологический музей-заповедник (Наследие византийского Херсона, 2011, с. 287, рис. 317–318).

Fig. 6. Images of adolescent warriors of the theme militia (15–18 years of age) on bone plates from Chersonesos. 10th c. Chersonesos State Historical and Archaeological Museum-Reserve (Heritage of Byzantine Kherson, 2011, p. 287, fig. 317–318).

Рис. 7. Устройство для измерения силы стрельбы из лука (по трактату VI в. «О стратегии»). Реконструкция В.В. Хапаева, рис. Д.Т. Керимовой.

Fig. 7. Appliance for measuring the archery force (after the 6th century treatise “On Strategy”). Reconstruction by V. V. Khapaev, drawing by D. T. Kerimova.

УДК 94. (517) «07/08». 947.011

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2020.6.179.192>

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ФОРТИФИКАЦИИ СЕВЕРНОЙ ЦИТАДЕЛИ ГОРОДИЩА БИЙБУЛАГ (СРЕДНЕВЕКОВЫЙ УЙГУРСКИЙ ГОРОД БАЙБАЛЫК): ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ¹

© 2020 г. Н. Ганбат, А.Г. Ситдиков, И.Л. Измайлов, С. Улзийбаяр, Б. Батсурэн,
А.В. Беляев, Б. Очир

В статье подводятся предварительные итоги исследований фортификации северной цитадели городище Бийбулаг (город Байбалык), который был построен в середине VII в. по приказу уйгурского кагана Бильге. Город, судя по проведенным археологическим исследованиям, состоял из нескольких частей, которые, очевидно, различались по сословным и хозяйственным принципам, а также административным функциям. Выявлен культурный слой со следами построек и находками уйгурской культурной принадлежности. Наиболее укрепленной частью являлась северная часть – цитадель, защищенная системой валов с глинобитной стеной (высотой до 5-6 м и шириной 1,5-2 м), сложенной по специальной технологии, имеющей китайские истоки. Судя по углистым прослойкам и слою запустения, город катастрофически погиб во время нашествия кыргызов в 840 г.

Ключевые слова: археологические исследования, Монголия, Уйгурский каганат, городище, культурный слой, вал, глинобитная стена, ленточный бетон.

ARCHAEOLOGICAL STUDIES OF THE FORTIFICATION OF THE NORTHERN CITADEL OF BIYBULAG SETTLEMENT (BAYBALUQ MEDIEVAL UIGUR TOWN): PRELIMINARY RESULTS²

N. Ganbat, A.G. Sitdikov, I.L. Izmailov, S. Ulzeibayar, B., Batsuren
A.V. Belyaev, B. Ochir

The paper summarizes the preliminary results of the studies of fortifications of a northern citadel - the ancient Biybulag settlement (city of Baybalyk) built in the middle of the 7th century by order of the Uigur Kagan Bilge. The city, judging by the conducted archaeological researches, consisted of several parts, obviously differing in terms of class and economic principles, as well as administrative functions. The cultural layer with traces of constructions and the Uigur finds has been revealed. The most fortified part of the city was its northern part – a citadel protected by a rampart system with a cob wall (up to 5-6 meters high, 1.5-2 meters wide) erected using a special technology of Chinese origin. Judging by carbonaceous layers and a desolation layer, the city catastrophically perished during the Kyrgyz invasion in 840.

Keywords: archaeological studies, Mongolia, Uigur Khaganate, ancient fortified settlement, cultural layer, rampart, cob wall, band concrete.

История изучения городища Бийбулаг. Развалины городища Бийбулаг расположены в 11 км к западу от поселка Хутаг-Ундер (монг. Хутаг-Өндөр) аймака Булган в северной Монголии и в 2 км к северу от реки Селенга. Данные развалины местное население называет «Бийбулагийн балгас» (городище Бийбулаг) и «Бийбулагийн сүм» (монастырь Бийбулак), поскольку на этом месте в XVIII–XIX вв. существовал буддийский монастырь, который в 1930-х гг. был полностью разрушен.

Впервые научное обследование городища Бийбулаг еще в начале XX в. провел финский ученый Г.И. Рамстедт. Далее в середине XX в. известный ученый СССР, специалист по древней истории кочевников С. Киселев, учёный, который провел фундаментальное исследование городищ и городских поселений Монголии, выдвинул свою версию относительно датировки городища. Затем известный и старейший археолог, академик Монголии Х. Пэрлээ, мимоходом побывав на

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2020-2023 годы)». Пункт 1.15. «Проведение II этапа историко-археологических исследований (экспедиций) средневековых тюрко-татарских городов за пределами Республики Татарстан: Касимов (Рязанская область), городище Башанта (Республика Калмыкия), Бай-Балык (Монголия), Царевское городище (Волгоградская область)».

² The article was carried out with the financial support of the State Program of the Republic of Tatarstan "Preservation of the national identity of the Tatar people (2020-2023)". Item 1.15. "Conducting the second stage of historical and archaeological research (expeditions) of medieval turkic-tatar cities outside the Republic of Tatarstan: Kasimov (Ryazan region), Bashanta settlement (Republic of Kalmykia), Bai-Balyk (Mongolia), Tsarevskoe settlement (Volgograd region)".

данном городище, тоже изложил свою точку зрения. Турколог СССР С.Г. Кляшторный, в 1975 году посетив городище Бийбулаг, отметил, что планировка городища имеет большое сходство с городищем Хара-балгасун уйгурского периода. В 1982 и 1986 гг. Ю.С. Худяков провел разведочное исследование городища и создал топографическую карту главного объекта, далее он собрал подъемный артефакт с территории городища. В 1997 г. группа монгольско-японских учёных совместного проекта «Письменность» провела измерение южной стены данного городища и составила топографическую карту. В ходе исследования совместная монгольско-японская экспедиция, изучив двух каменных львов, сделала их рисунок, затем в связи с тем, что местные жители связывают урочище Арслан-толгой (т. е. «Львиная голова») с данным городищем, собрали устные сведения, связанные с данной сопкой. В 1998 г. экспедиция во главе с японским археологом Н. Ширайши совместно с учёными Института истории Академии наук Монголии доктором Д.Баяром и научным сотрудником Ц. Баттулгой провела археологическую разведку и уточнила некоторые детали топографии. Они провели тщательное исследование и с помощью аэрофотосъёмки сделали новую топографическую карту, выявив третий объект данного городища. Они составили планы, определили структуру и размеры разных частей городища, а также собрали подъемный материал, подготовили прорисовки четырех статуй львов.

В 2017–2019 гг. планомерные археологические исследования на территории городища проводит совместная экспедиция Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ и Института археологии и истории МАН¹. В ходе исследований было подтверждено деление городища на три части (рис. 1), проведены раскопки на всех частях, выявлен культурный слой и изучены сохранившиеся укрепления (Ситдииков и др., 2019, с. 63–64).

Исторические сведения об этом городе весьма выразительны. На памятнике Моюн-Чура (Селенгинский камень) от имени Эль-Этмиш Бильге кагана (время правления 747–759 г.) написано следующее:

Soydaq: Tabyačqa Selenede: Baybaliq yapiti bertim/«Согдийцам, табгачам (китайцам)

¹ Авторы от имени научного коллектива Татарстанско-Монгольской международной археологической экспедиции выражают глубокую благодарность всем сотрудникам экспедиции, в первую очередь шофёру Н. Гантулга, повару С. Цолмон, помощнику по хозяйственным делам Н. Ганболд за добросовестное и искреннее отношение к своей работе, обеспечившей и облегчившей научные исследования.

приказал построить Байбалык на берегу Селенге» (Малов, 1959, с. 38, 43; Тугушева, 2008, с. 110).

То есть город был построен согдийцами и китайцами в середине VIII в. по приказу уйгурского кагана Эль-Этмиш Бильге кагана. После падения Уйгурского каганата в 840 г. город перестал упоминаться в источниках и, очевидно, был разрушен во время вторжения кыргызов (Худяков, 2019, с. 230–237).

Топографически объекты городища располагаются на левом берегу реки Селенги в ее среднем течении на широком плато, образуемом изгибом реки. Памятники городища располагаются на возвышенностях, которые обтекает речка Тээлийн гол, имеющая несколько русел, стекающих с гор в р. Селенгу.

Структура городища. Город состоит из трех укрепленных цитаделей (объектов) (рис. 1). Определены следующие их размеры:

- 1 – северная цитадель (объект 1) (238×235×378×232 м),
- 2 – южная цитадель (объект 2) (142×149×158×149 м),
- 3 – западная цитадель (объект 3) (329×314×332×320 м).

На всех выявлены укрепления. Были проведены разведки и раскопки разных объектов городища. Выявлен культурный слой на всех объектах мощностью до 0,5 м и следы хозяйственной деятельности, а также фрагменты уйгурской керамики, аналогичной находкам из Орду-Балыка (Худяков, Цэвээндорж, 1982, с.85–94; Эрдэнэбат, Содномжамц, 2017, с. 106–121).

Фортификация северной цитадели (Объект 1) (рис. 2, 3). Наиболее укрепленной частью является северная цитадель, защищенная системой вала с глинобитной стеной (высота 4–5 м) шириной (1,5–2 м). Внутри укрепленной части имеются оплывшие подквадратные возвышенности (до 0,4 м), а в центре расположена подпрямоугольная (60×30 м) платформа (состоявшая из двух квадратов (30×30 м) высотой до 0,5 м, вытянутая с севера на юг с небольшим угловым отклонением к северо-западу). Внутри северной платформы виден фундамент, сделанный из цемента, на котором было, очевидно, построено главное здание буддийского монастыря Бийбулаг, что позволяет считать, что он был или возведен позднее, чем считалось ранее, или перестраивался уже в начале XX в.

Укрепления представляют собой глиняный вал с сохранившимися участками крепостной стены с северной и восточной сторон (рис. 3). Восточный участок стены общей длиной

сохранившейся части 78 м с отдельным участком стены длиной 3,1 м (ширина 1,3 м). Толщина этих стен в самой широкой части – 3,8 м. Высота – 4,5 м (средняя высота 4 м). В стене по всей длине прослежены ряды сквозных отверстий (диаметр 0,1–0,2 м) на высоте 1,5 м и 3 м и через каждые 2 м (практически 1,8–2 м). Сама стена представляла собой ленты глиняного «цемента», насыщенного мелкой галькой, так называемого «ленточного бетона» (рис. 9, 10). Мощность каждого слоя 10 см. Сверху вала имеется боевая площадка 0,7 м. Длина сохранившейся части северной стены – 142 м, высота 3,5–4 м, а толщина 2,5–3 м. Конструктивные детали этой стены аналогичны восточной части (рис. 4, 5, 6, 7).

Для уточнения структуры вала, времени постройки и строительной техники был заложен **раскоп 1 (М-1.1)**, расположенный у основания восточной крепостной стены, с размерами 10×1 м, ориентированный по сторонам света (рис. 11). Ширина данной траншеи 1 м, длина 10 м, средняя глубина траншеи в восточном углу и у основания стены 2 м. Далее глубина траншеи 60 см (рис. 16). Верхняя часть слоя состоит из коричневого суглинка с находками коричневой черепицы и костей животных и соответствует периоду существования на территории городища ламаистского монастыря, к которому относятся также, видимо, две ямы (глубиной 0,4 и 0,8 м), прорезающие слой, чей дневной уровень совпадает с современной поверхностью. Ниже расположены слои серой рыхлой супеси с включением в нижних прослойках мелкой гальки мощностью до 60–80 см. Он подстилается углистой прослойкой (3–5 см), особенно выразительной в восточной части раскопа и тянущейся вдоль всего раскопа. Ниже ее расположены: в северной части мощный слой материковой глины (до 2 м), представляющий толщу вала с мелкими прослойками прокала и угля, а в западной части слой коричневого суглинка, насыщенного костями животных, мощностью до 40 см, который в центральной части раскопа частично перекрывает насыпь вала. Все эти слои подстилаются стерильной коричневой материковой глиной (рис. 13, 14, 15а, б, 16).

Таким образом, можно отметить, что на первоначально стерильной поверхности был сооружен вал из материковой глины, который в процессе строительства утрамбовывался и прокаливался для уплотнения и укрепления. Позднее в нем была сделана яма, совпадающая с периодом строительства стен. После этого на площадке городища стал интенсивно нарастать культурный слой, насыщенный остатками жизнедеятельности человека, частично

перекрывший подножие вала. Спустя определенное время стена была сожжена и частично обвалилась – процесс, который продолжался длительное время, образуя слой запустения. Этот слой в верхней его части частично перерабатывался и был нарушен в период существования ламаистского монастыря. В ходе археологических исследований, проведенных в 2018–2019 гг., к сожалению, не были выявлены предметы и артефакты средневекового периода.

Проведенные исследования позволили реконструировать процесс строительства и технологии производства укреплений. Судя по этим данным, они возводились с создания рва и насыпки вала из материкового суглинка. Вал представлял собой, очевидно, платформу до 5–6 м шириной 1–1,5 м. Внешняя часть вала была утрамбована и укреплена камнями, взятыми из рва. Во внутренней части этой платформы была зафиксирована яма диаметром 1 м с многочисленными прослойками, возможно, оставшаяся от приготовления глиняного раствора для постройки стен (рис. 13).

Стена была сооружена из смеси глины с песком или глинистого грунта, которые соединялись между собой посредством утрамбовки. Для приготовления раствора, из которого формировали стены, использовали подготовленную глину, мелкую гальку, видимо, остатки растительности и воду. Глину для приготовления раствора предварительно замачивали. Гальку просеивали, а растительность предварительно измельчали и увлажняли. Все это тщательно перемешивалось и некоторое время настаивалось (рис. 8, 9, 10).

После этого пласт за пластом формировали стену на основе каркаса из вертикальных бревен и горизонтальных небольших внутренних балок. Для возведения глинобитных стен делались ящики, состоящие из двух дощатых щитов, соединенных параллельно брусками. Длина таких щитов была от нескольких метров до нескольких десятков метров, толщиной до 0,1 м. Стены возводились на уплощенном глиняном валу, который был предварительно обожжен или высушен на солнце для защиты их от влияния грунтовой сырости.

На фундамент ставились щиты и в образовавшийся таким образом промежуток насыпали глинистую массу на 10 см и уколачивали трамбовками. По уплотнению и отвердении готовой части стены снимали щиты и подвигали их на другое место для продолжения работы. Возможно, внутренние поперечные бревна выбивали, а образовавшиеся пустоты забивали глиной на всю толщину стены (рис. 5, 8). Но судя по значительной мощно-

сти углистого слоя в основании слоя разрушения и запустения, деревянные конструкции, очевидно, служили в качестве оснований для боевых площадок для стражи и защитников.

Конструкции подобных стен из глиняного ленточного бетона хорошо известны в Китае по крайней мере с эпохи Цинь, когда подобные конструкции использовались для строительства древнейшей Великой китайской стены (см.: Чэнь Чэнцзюнь, Ван Юнхун, 2014, с. 31–32).

Таким образом, раскопки северной цитадели городища Бийбулаг показали, что в районе, примыкавшем к сохранившейся части восточной стены, выявлен мощный культурный слой мощностью до 1,5 м. Значительная мощность этих напластований вызвана разру-

шением глинобитных стен. Сама система фортификации была создана одновременно, а слой городища стал наслаиваться на подошву вала. Вал представлял собой глиняную платформу, возведенную в несколько приемов, причем некоторые слои этой насыпи утрамбовывались и обжигались, поверх этой платформы возводилась деревянная опалубка, которая заливалась особым глиняным раствором, насыщенным мелкой галькой. В результате создавались высокие, очевидно, до 5–6 м высотой, с внутренней стороны которой из этой опалубки сохранялись стрелковые платформы. В период штурма города именно сожжение и обвал этих конструкций дал основную массу слоя запустения.

ЛИТЕРАТУРА

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 111 с.

Очир А., Одбаатар Ц., Эрдэнэболд Л., Анхбаяр Б. Монгол улсын нутаг дахь Уйгурчуудын археологийн дурсгал. УБ., 2019. 307 с.

Ситдиков А.Г., Измайлов И.Л., Ганбат Н. Археологическое изучение уйгурского городища Бийбулаг в Монголии в 2018-2019 гг.: предварительное сообщение // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: сб. науч. ст. IV Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвященного 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.). В 2 кн. Кн. 1 / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 63–64.

Тугушева Л.Ю. Тюркские рунические письменные памятники из Монголии. М.: ИНСАН, 2008. 192 с.

Худяков Ю.С., Цэвээндорж Д. Керамика Орду-Балыка // Археология Северной Азии / Отв. ред. А.К. Конопацкий, Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1982. С. 85–94.

Чэнь Чэнцзюнь, Ван Юнхун. Памятники культуры династий Цинь и Хань / Пер. с кит. Чжун Лицин. Пекин: «Шанс», М.: «Изд.-полиграф. Центр Восток-Бук», 2014. 336 с.

Эрдэнэбат У., Содномжамц Д. Уйгурын шавар савны төрөл, хээ чимэглэлийн судалгааны зарим асуудалд // Нүүдэлчдийн өв судлал. Том. XVII-II, fasc. 10. УБ., 2017. С. 106–121.

Информация об авторах:

Ганбат Нямдагийн, Ph.D, доцент, координатор международного сотрудничества Международного института кочевой цивилизации, старший научный сотрудник, jijgee01@yahoo.com

Ситдиков Айрат Габитович, член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук, декан, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет; начальник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

Измайлов Искандер Лерунович, доктор исторических наук, заведующий отделом средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова (г. Казань, Россия); iismail@inbox.ru

Улзийбаяр Содномбаярын, Ph.D, заведующий отделом изучения истории древних кочевников и истории кочевых государств Евразии института Истории и этнографии АНМ, ulziibayars@yahoo.com

Батсүрэн Барангасын, Ph.D, старший научный сотрудник Института истории древних кочевников и истории кочевых государств Евразии института Истории и этнографии АНМ, bbarangas@yahoo.com

Беляев Александр Владимирович, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); bav986@yandex.ru

Очир Баттулгын, научный сотрудник отдела истории древних кочевников и истории кочевых государств Евразии института Истории и этнографии АНМ, chenlygutu8888@gmail.com

REFERENCES

- Malov, S. E. 1959. *Pamiatniki drevnetyurkskoi pis'mennosti Mongolii i Kirgizii (Monuments of Ancient Turkic Writing in Mongolia and Kyrgyzstan)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Ochir, A., Odbaatar, Ts., Erdenebold, L., Ankhbayar, B. 2019. *Mongol ulsyn nutag dakh Uygurchuudyn arheologiin dursгал (Монгол улсын нутаг дахь Уйгурчуудын археологийн дурсгал)*. Ulaanbaatar (in Mongolian).
- Sitdikov, A. G., Izmailov, I. L., Ganbat, N. 2019. In Bazarov, B. V., Kradin, N. N. (eds.). *Kochevye imperii Evrazii v svete arkheologicheskikh i mezhdistsiplinarnykh issledovaniy. V 2 kn. Kn. 1 (Nomadic Empires of Eurasia in Archaeological and Interdisciplinary Studies)*. In two volumes. Vol. 1. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Science Center SB RAS Publ., 63–64 (in Russian).
- Tugusheva, L. Yu. 2008. *Tyurkskie runicheskie pismennye pamiatniki iz Mongolii (Turkic Runic Written Monuments from Mongolia)*. Moscow: "INSAN" Publ. (in Russian).
- Khudyakov, Yu. S., Tseveendorzh, D., 1892. In Konopatskii, A. K., Khudyakov, Yu. S. (eds.). *Arkheologiya Severnoi Azii (Archaeology of Northern Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 85–94 (in Russian).
- Chen Chentszyun, Van Yunkhun, 2014. *Pamiatniki kul'tury dinastii Tsin i Khan' (Cultural Monuments of the Qin and Han Dynasties)*. Beijing; Moscow: "Shans" Publ., "Vostok-Buk" Publ. (in Russian).
- Erdenebat, U., Sodnomzhamts, D. 2017. In *Nyydjelchdiin ov sudlal. (Museum nationale Mongolia) XVII-II*, fasc. 10, 106–121 (in Mongolian).

About the Authors:

Ganbat Nyamdagein, Ph.D, associate professor, senior research associate, coordinator of the international cooperation of the International institute of a nomadic civilization, 314200 7th Floor, Building Soyolyin Tov Orgoo, Sukhbaatar Sq., 3 (Ulaanbaatar, Mongolia); jijgee01@yahoo.com

Sitdikov Airat G. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences. Head of department, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Izmailov Iskander L. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Iiismail@inbox.ru

Ulzeibayar Sodnombayarun, Ph.D, Head of department, Institute of history and ethnology MAS, 13330, 13-р хороо, Энхтайваны өргөн чөлөө 546, (Ulaanbaatar, Mongolia); ulziibayars@yahoo.com

Batsuren Barangasun, Ph.D, senior research associate, Institute of history and ethnology MAS, 13330, 13-р хороо, Энхтайваны өргөн чөлөө 546, (Ulaanbaatar, Mongolia); bbarangas@yahoo.com

Belyaev Aleksandr V. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; bav986@yandex.ru

Ochir Battylgun, research associate of department of history of ancient nomads and history of the nomadic states of Eurasia 314200 7th Floor, Building Soyolyin Tov Orgoo, Sukhbaatar Sq., 3 (Ulaanbaatar, Mongolia); chenlygutu8888@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.08.2020 г.
Статья принята к публикации 01.09.2020 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

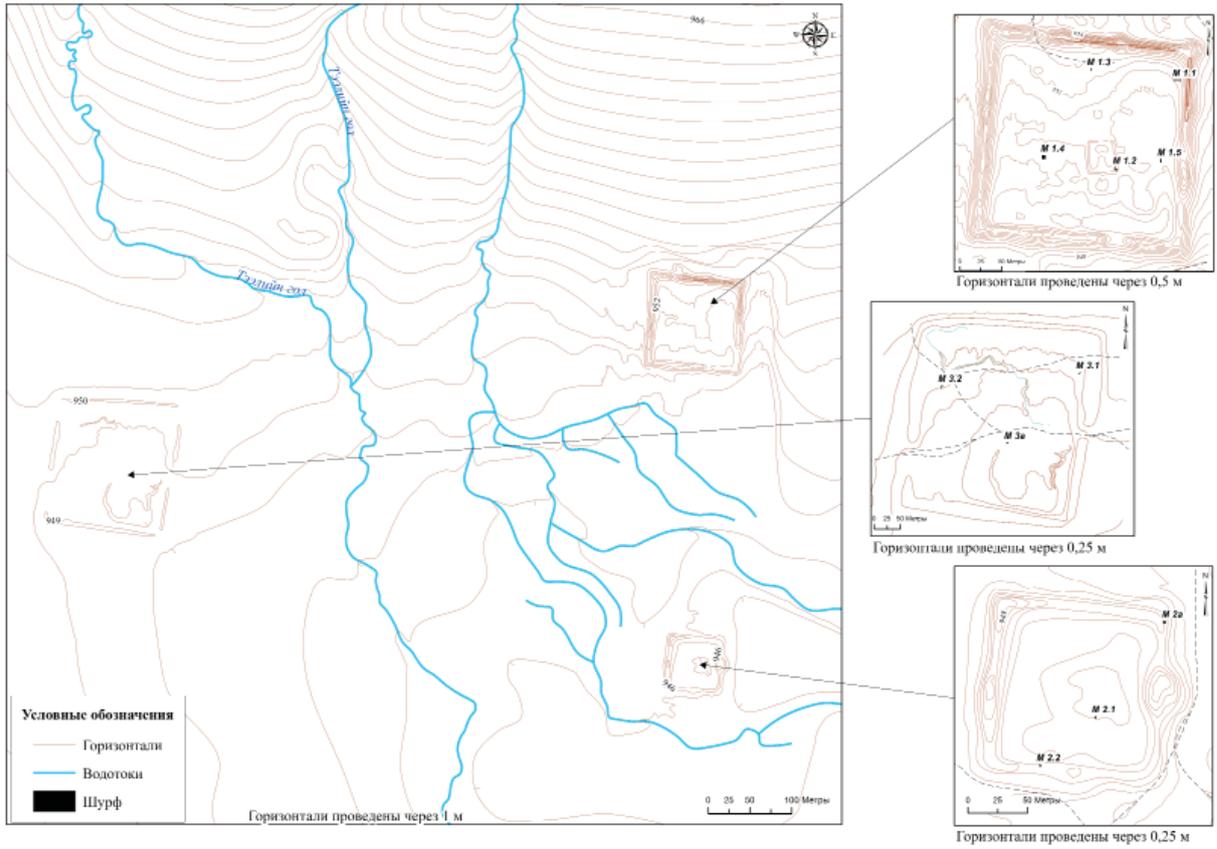

Рис. 1. Общий план городища Бийбалыг и его округи.

Fig. 1. General plan of the Biybulag fortified settlement and its surrounding area.

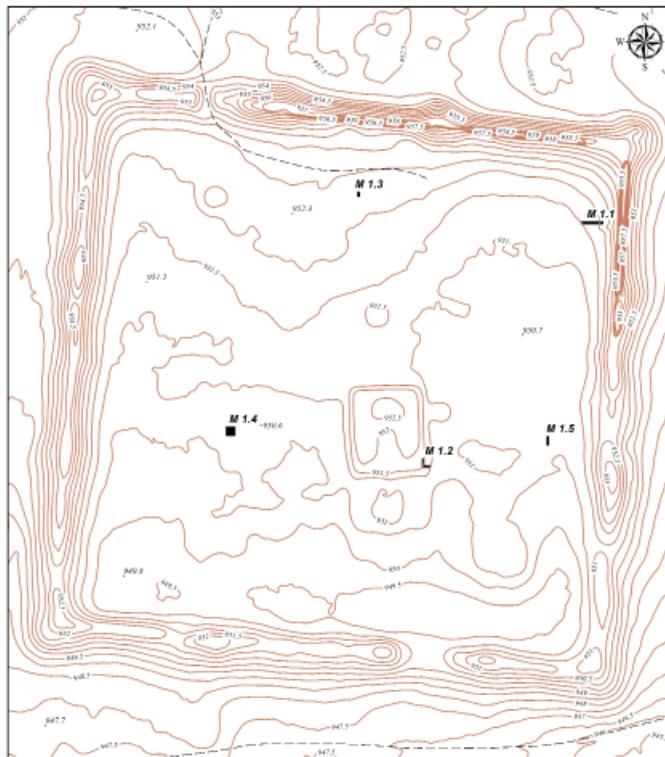

Рис. 2. Общий план северной цитадели с обозначением раскопов.

Fig. 2. General plan of the northern citadel indicating the excavations.

Условные обозначения

- Отметки высот
- Грунтовые дороги
- Горизонталы
- Шурф

0 25 50 100 Метра

Рис. 3. Общий вид северной цитадели (объект 1).
Fig. 3. General view of the northern citadel (site 1).

Рис. 4. Общий вид сохранившихся укреплений.
Fig. 4. General view of preserved fortifications.

Рис. 5. Восточная часть стены северной цитадели.

Fig. 5. Eastern part of the northern citadel wall.

Рис. 7. Северный фас восточной стены.

Fig. 7. Northern facade of the east wall.

Рис. 6. Центральная часть северной стены северной цитадели.
Fig. 6. Central part of the northern citadel north wall.

Рис. 8. Западный край северной стены.
Fig. 8. Western edge of the north wall.

Рис. 9. Деталь восточной стены из ленточного бетона.

Fig. 9. Fragment of the east wall made of band concrete.

Рис. 10. Деталь восточной стенки из ленточного бетона.

Fig. 10. Fragment of the east wall made of band concrete.

Рис. 11. Фото общего ситуационного плана раскопа 1 (М-1:1).

Fig. 11. Photo of the general situational plan of excavation 1 (M-1: 1).

Рис. 12. Фото общего вида раскопа 1.
Fig. 12. Photo of the general view of excavation 1.

Рис. 13. Фото восточной части раскопа 1 на уровне выделения платформы вала.
Fig. 13. Photo of the eastern portion of excavation 1 at the identification level of the rampart platform.

Рис. 14. Фото восточной части раскопа 1 на уровне материка.
Fig. 14. Photo of the eastern portion of excavation 1 at the mainland level.

а

б

Рис. 15 а, б. Фото профиля восточной стенка.
Fig. 15 a, b. Photo of the east wall profile.

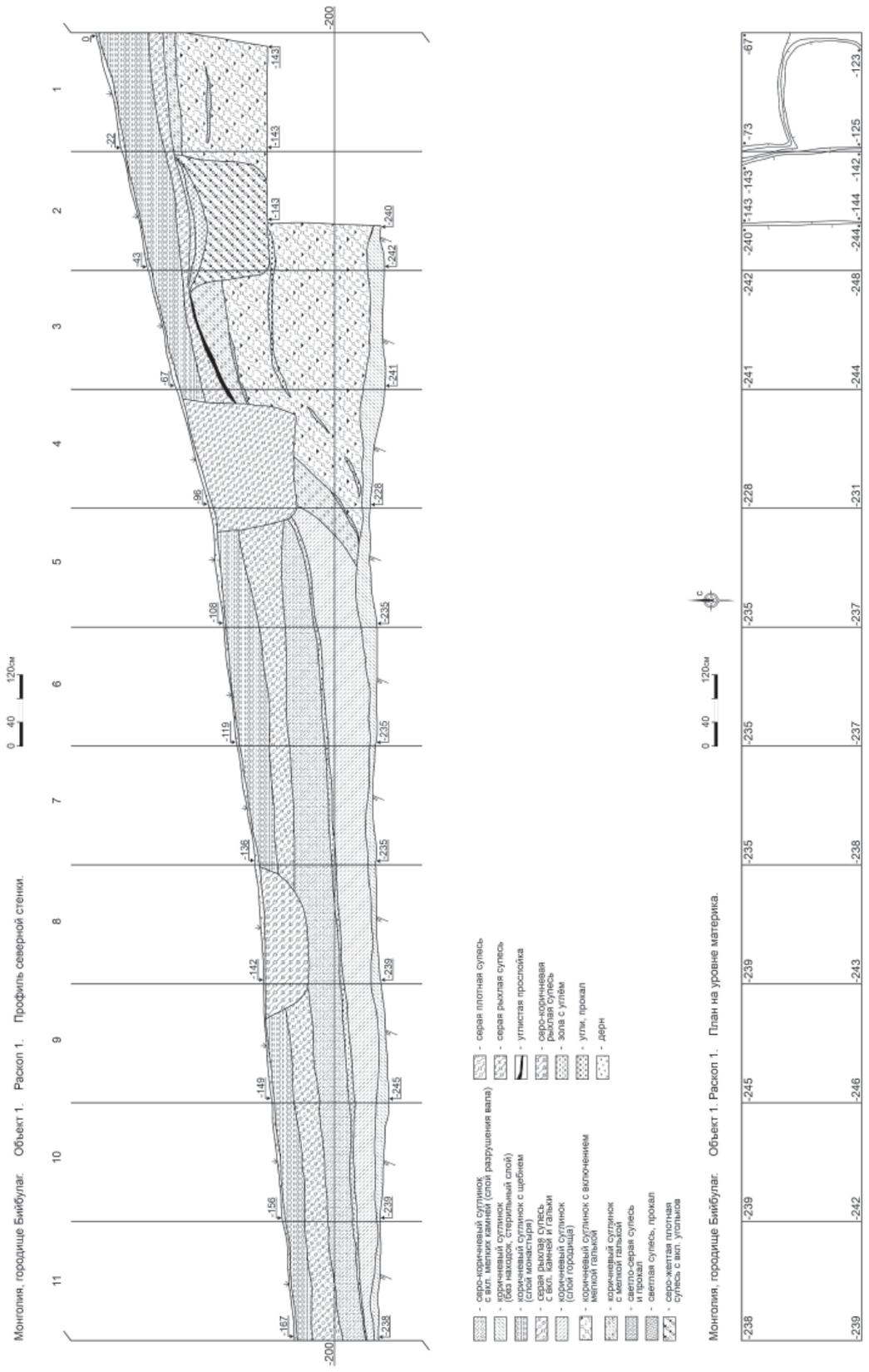

Рис. 16. План раскопа 1 и профиль северной стены. Fig. 16. Plan of excavation 1 and north wall profile.

УДК 902/904, 903.01.

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2020.6.193.197>

ПРАВОБЕРЕЖНАЯ ЦИМЛЯНСКАЯ КРЕПОСТЬ: КОНСТРУКЦИЯ КЛАДКИ СТЕН

©2020 г. В.С. Флёров, В.В. Ключников

Статья посвящена неизученной проблеме: система кладки блоков в крупнейшей в бассейне Дона белокаменной крепости. Тема мало разработана и для других белокаменных крепостей Хазарского каганата. В основе статьи – материалы раскопок южной и восточной стен Правобережной крепости в 1987-1990 и 2007-2010 г. (рис. 1). Хорошо сохранились необработанные плиты основания крепостных стен. Но лежавших на них блоков в положении *in situ* сохранилось очень мало. Авторы были вынуждены прибегнуть к реконструкциям. Для южной стены еще в 1994 г. была выполнена «идеализированная» реконструкция (рис. 2, 3). Осторожнее выполнены реконструкции на восточной стене (рис. 5-7). Предложена новая реконструкция башни IV – «по И. Сациперову». Теперь ширина башни достигла 12 м. В нее включены блок 2003 г. и блок 3. Осталось неясным, был ли в башне проезд / проход. Самым «загадочным» остался блок, вкопанный вертикально среди плит (рис. 8). Из полученного опыта реконструкций авторы пришли к заключению: реконструкция – не более, чем инструмент исследования. Одному варианту реконструкции может быть противопоставлен другой, примеры чего часто встречается в публикациях.

Ключевые слова: археология, Хазарский каганат, салтово-маяцкая культура, Правобережная Цимлянская крепость.

RIGHT-BANK TSIMLYANSKAYA FORTRESS: MASONRY STRUCTURE

V.S. Flyorov, V.V. Klyuchnikov

The article is dedicated to an unexplored issue which is the system of masonry blocks in the largest white stone fortress of the Don river basin. The issue is also understudied for other white-stone fortresses of the Khazar Khaganate. The article is based on the materials of excavations of the southern and Eastern walls of the Right-Bank Fortress in 1987-1990 and 2007-2010 (Fig. 1). The raw slabs of the fortress wall base are well-preserved. However, only a few overlying blocks have preserved *in situ*. The authors had to resort to reconstructions. For the southern wall, an "idealized" reconstruction was performed in 1994 (Fig. 2, 3). More careful reconstructions were carried out on the Eastern wall (Fig. 5-7). A new reconstruction of tower IV is proposed "after I. Satsiperov". Now, the width of the tower has reached 12 m. It includes a block of 2003 and block 3. It remains unclear whether there the tower contained a passage. The most "mysterious" block is the one vertically embedded among the slabs (Fig. 8). Based on the experience of reconstructions, the authors came to the following conclusion: reconstruction is not more than a study tool. One reconstruction option can be countered with another, which is often evidenced in publications.

Keywords: archaeology, Khazar Khaganate, Saltovo-Mayki culture, Right-Bank Tsimlyanskaya Fortress.

Прерванные в 1991 г. исследования Правобережного Цимлянского городища, хранящего руины белокаменной крепости Хазарского каганата, возобновились в 2003 г. и с перерывами продолжают по настоящее время.

Если на первом этапе исследований крепости (1987, 1988, 1990 гг.) раскопки проходили на южном углу, раскоп 6 (Флёров, 1994; Ивик, Ключников, 2013, с. 20, 117, 189–192), то с 2006 г. раскопки идут узкой полосой вдоль восточной стены крепости, раскоп 7 (рис. 1). Такая тактика работы обусловлена непрерывным разрушением правого берега Цимлянского водохранилища, на котором расположено

городище. Скорость разрушения составляет от полуметра до нескольких метров в год. К 2006 г. продвигающаяся кромка берегового обрыва поглотила лицевую сторону восточной крепостной стены. Вместе с лицевой половиной стены исчезли и остатки основания башни V, которая располагалась где-то между башнями IV и VI, если судить по плану И. Сацыперова (Флёров, 1994, с. 492, рис. 1: 1). Исчезла и передняя часть основания башни IV. В целом же развертывающаяся на наших глазах трагедия судьбы Правобережного Цимлянского городища продолжается. Ситуация с гибелью городища остаётся такой

же, какой была описана четыре года назад (Флёров, 2017, с. 148–149).

Только северная треть восточной стены на ближайшие 10–15 лет останется в безопасности, но затем начнется и ее обрушение. Успеть исследовать её – первоочередная задача на ближайшие годы. Нет никакой уверенности, что она будет выполнена.

С 2006 по 2020 удалось обследовать остатки восточной стены крепости на протяжении почти 60 м. С учетом того, что мы не получали государственного финансирования, это достаточно много.

Поступающая из года в год новая информация потребовала коррекции прежних представлений о крепости. Так, один из соавторов данной публикации, В.С. Флёров, пересмотрел свою прежнюю оценку плана крепости, выполненного военным инженером Иваном Сацыперовым в середине XVIII в. (Флёров, 2017, с. 146, 147, 151, рис. 2). В свете раскопок этих лет появились сомнения в точности отражения на этом плане внутренней структуры крепости. Речь идет о направлении внутренних стен крепости, разделявших ее на три отсека. Не исключено, что группа блоков, открытых в 2018 г. В.В. Ключниковым¹ (рис. 1), принадлежала южной внутренней стене крепости в соответствии с планами М.И. Артамонова и С.А. Плетнёвой (Артамонов, 1935, с. 29, рис. 11; Плетнёва, 1994, с. 338, рис. 1).

Данная статья посвящена еще одним результатам новейших раскопок – находкам немногих блоков, сохранившихся *in situ* на восточной крепостной стене. Предпринимается попытка если и не в полной мере реконструировать систему кладки блоков, то наметить подходы к этой проблеме.

Первая попытка реконструировать систему кладки была предпринята для южной стены крепости на основе двух групп блоков, условно названных «кладка 2» и «кладка 3». Из них более информативной была «кладка 2». В ней в нетронутом положении зафиксировано одиннадцать белых известняковых блоков, из которых десять относятся к самому нижнему слою кладки, один – ко второму (рис. 2). Блоки заметно различаются по длине (от 73 до 120 см), менее вариабельна их ширина (от 30 до 44 см), но зато достаточно стандартна высота (от 29 до 31 см). Такое значительное

скопление блоков позволило предложить реконструкцию первого слоя кладки с усредненными форматами блоков. Частично реконструирован и второй слой (рис. 3). Как и к любой реконструкции, к ней надо относиться критически, даже при том, что ей не противоречит положение блоков в кладке 3. Как бы то ни было, облик кладки ведет к выводу, согласно которому все лицевые блоки нижнего слоя укладывались поперек стены, блоки второго лицевого слоя – вдоль стены. Тем самым происходила перевязка швов между блоками в сопредельных слоях. Обратим внимание на то, что кладка лицевых рядов в каждом из слоев не соответствует регулярной системе «тычок-ложок», «биндер-лойфер» (*binder-loifer*).

В реальной археологической действительности система кладки блоков в южной стене Правобережной крепости находит полную аналогию на двухметровом отрезке северо-западной стены Верхне-Ольшанской крепости на р. Тихая Сосна – притоке Среднего Дона (Флёров, Флёрова, 2012, с. 144, 145, рис. 6, 7), в крепости Хумара (Биджиев, 1983, рис. 19) (рис. 4: 1). При этом отметим, что кладки разных участков крепостных стен и башен Хумары далеки от единообразия.

Такой же тип кладки представлен в крепостях Нижнего Дуная, в т. ч. на ряде участков крепости Сексагинта Приста (расположена на территории г. Русе, Болгария) (рис. 4: 2). Но и здесь в двух нижних рядах стен встречаются иные типы кладок.

В качестве примеров укажем и на другие памятники Нижнего Дуная. Среди них Плиска, в которой блоки первого ряда в положении «торцом» к лицевой стороне не являются преобладающими (Антонова, Витлянов, 1985, с. 52, обр. 15). Более яркий пример даёт Великий Преслав, в котором блоки нижнего слоя не только местами лежат «торцом», но и выдвинуты за лицевую плоскость, образуя своеобразную ступень (Гатев, 1985, с. 193, обр. 8).

Лежащие «торцом» нижние блоки есть в праболгарской крепости на острове в нижнем течении Дуная (территория Румынии) (Кузев, 1981, с. 197).

* * *

Перейдем непосредственно к блокам на восточной стене Правобережной крепости в раскопе 7 – основному предмету рассмотрения. Здесь включительно по 2010 г. обнаружено 16 блоков разной сохранности, от целых до

¹ Общее руководство Правобережной экспедицией в 2018 г. осуществлял Д.А. Моисеев при научных консультациях В.С. Флёрова.

больших обломков, по которым можно было установить их положение в стене – продольное или поперечное (рис. 5). Что касается целых блоков, то они до раскопок сохраняли форму, будучи, однако, уже растрескавшимися (рис. 6: 2). После расчистки они распались на множество кусков. Блок 4 был одним из двух, сохранившихся прекрасно, хотя и с поперечной трещиной². Целым оказался и вертикально вкопанный блок 3, о котором ниже.

Сначала о южной половине раскопа 7, где на месте вдоль внутренней лицевой стороны стены осталось шесть блоков в положении торцом. Из них рядом в положении «тычком» лежали три блока, 7–9 (рис. 5, 6). Только блок 14 лежит вдоль стены, «ложком». Аналогичным могло быть положение еще двух блоков, которые с большой вероятностью реконструируются у внешней лицевой стороны стены юго-восточнее блоков 12–13 в кв. 5, впритык к блокам 12–13 (рис. 6).

На северной половине раскопа (рис. 5, 7) первая реконструкция строится на основе обломков двух блоков с общим номером 5, лежавших вдоль внутренней лицевой стороны стены в кв. 8. Вторая реконструкция в том же квадрате основана на положении блока 4. Обе реконструкции достаточно вероятны.

Третья реконструкция находится в квадрате 2. Защищать ее сложнее, т. к. обломки могли относиться не к стене, а к башне IV (см. ниже).

Промежуточное заключение. На восточной крепостной стене в пределах раскопа 7 на 2010 г. часть лицевых блоков нижнего слоя лежат как в кладке 2 южной стены – поперек стены, «тычком». Другие – вдоль стены, «ложком». Указать на преобладающее положение невозможно. Констатируем одно: в кладке раскопанного участка восточной стены крепости нет устойчивой системы, что и было отмечено выше для крепостей Хумара на Северном Кавказе и Нижнего Дуная.

* * *

Блоки в башне IV. От башни осталось немного. К моменту раскопок в 2007 г. более ее половины уже обрушилось в водохранилище. Из сохранившихся стен особенно выразительна боковая северная (рис. 5). С

² Хранится в коллекции муниципального музея г. Цимлянска вместе с подавляющим количеством находок из Правобережной Цимлянской крепости. Здесь же сохраняются как образцы отдельные обломки блоков. Часть находок передана в Гос. Исторический музей в Москве и музей г. Волгодонска Ростовской обл.

использованием в качестве образца размеров башни VI, в 1994 г. была предложена первая реконструкция башни IV с размерами 8×8 м. Башня VI – самая южная на восточной стене крепости (Флёров, 1994, с. 499, рис. 2: 2; с. 494, рис 3). Однако в эту предварительную реконструкцию не укладывался блок 2003 г. Его изолированное местоположение оставалось необъяснимым. Столь же непонятным было и положение блока 3, вкопанного вертикально среди плит основания стены в кв. 2 (см. ниже). В итоге возникла новая реконструкция очертаний башни, в которую оба указанных блока были включены. Учтено и то, что эта реконструкция более соответствует размерам башни IV на плане И. Сацыперова (там же, с. 492, рис. 1: 1). По новой реконструкции ширина башни составила 12 м. Вопрос о том, был ли в башне проезд, оставлен без ответа.

Особо о вертикально вкопанном блоке 3 (рис. 8). Он уникален по расположению – вмонтирован на одном уровне с плитами основания башни IV и прилегающей куртины (кв. 2). Сечение блока – 42×38,5 см. Как глубоко он уходил вниз, неизвестно. Во всяком случае попытка извлечь его, не разрушая кладку соседних плит, не удалась. Блок был оставлен на месте, а к 2017 году береговой обрыв подошел к нему, и он обрушился одновременно с соседними плитами. О назначении блока судить трудно. Не исключено, что он помечал точку, чем-то необходимую строителям крепости. Предположение пока не имеет прямых доказательств. Остается надеяться на находку в будущем второго или нескольких блоков в аналогичном вкопанном положении.

О реконструкциях строительных объектов по археологизированным материалам. Эту проблему мы рассмотрели на примере плохо сохранившихся кладок Правобережного Цимлянского городища. Исходный материал для реконструкций был более чем невелик.

Совершенно очевидно, что реконструкцию кладки южной овальной стены крепости следует воспринимать исключительно как идеальную схему. Так стена могла выглядеть только при условии того, что строительство производилось, во-первых, из стандартных по размерам и пропорциям блоков, во-вторых, высокопрофессиональными каменщиками. Действительность была иной. Размеры и пропорции блоков неустойчивы, часто они с перекосами. Особенно удивляет разнообразие в длине. В установке их на места не заметно

мастерства опытных строителей. Это хорошо отражено в группе блоков под условным названием «кладка 2».

На восточной стене даже такой концентрации блоков не оказалось. Для неё произведена лишь частичная реконструкция отдельных блоков. Но даже такая ограниченная реконструкция не несет в себе гарантии того, что несохранившиеся блоки лежали именно в таком положении.

Больше проблем возникло с реконструкцией башни IV. Реалистичнее выглядит её новая реконструкция «по Сацыперову», так как она позволила объяснить положение блока 2003 г. и вертикально вкопанного блока 3.

Из полученного опыта приходим к заключению: **реконструкция – не более чем инструмент исследования.** Одному варианту реконструкции может быть противопоставлен другой, примеры чего часто встречаются в публикациях.

ЛИТЕРАТУРА

Антонова В., Витлянов Ст. Плиска. Западна крепостна стена – сектор Север (Археологически разкопки 1973–1975 г.) // Плиска-Преслав, том 4. / Гл. ред. Димитр Ангелов. София: Издателство на БАН, 1985. С. 44–78.

Артамонов М.И. Средневековые поселения на Нижнем Дону / ИГАИМК. Вып. 131. Л.: ОГИЗ, 1935. С. 29, рис. 11.

Биджиев Х.Х. Хумаринское городище. Черкесск: Ставропольское кн. из-во, 1983. 168 с. + 58 илл.

Гатев П. Северната крепостна стена на Вътрешния град на Преслав по данни от разкопки (1973–1977) // Плиска-Преслав, том 4. / Гл. ред. Дм. Ангелов. София, Издателство на БАН, 1985. С. 189–200.

Ивик О., Ключников В. Хазары. М., Ломоносовъ, 2013. 336 с.

Кузев А. Островна крепост до Дръстър // Български средновековни градове и крепости. Т. I. Градове и крепости по Дунав и Черно море / Сост. А. Кузев, В. Гюзелев. Варна: «Георги Бакалов», 1981. С. 196–200.

Плетнева С.А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IV. Симферополь, 1995. С. 271–369.

Флёров В.С. Правобережная Цимлянская крепость: план и реконструкция (научные проблемы в преддверии гибели памятника) // Средневековая археология евразийских степей. Вып. 2. Мат. Учредительного Междунар. конгресса. Т. II. / Ред. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдииков. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007. С. 145–152.

Флёров В.С. Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок в 1987–1988, 1990 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IV / Ред.-сост. А.И. Айбабин, С.А. Плетнева. Симферополь: Таврия, 1995. С. 441–516.

Флёров В.С., Флёрова В.Е. Верхне-Ольшанское городище: извлечение из Отчета о раскопках в 1991 году // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження: збірник наукових праць, присвячених проблемам та перспективам салтовознавства, за матеріалами Міжнародної наукової конференції "XVI Слобожанські читання" / Гл. ред. Г.Э. Свистун. Харків: Видавець Савчук О.О. ОКЗ "Харківський науково-методичний центр охорони культурної спадщини", 2012. С. 90–95, 142–147.

Информация об авторах:

Флёров Валерий Сергеевич, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); valerij-flyorov@yandex.ru

Ключников Владимир Владиславович, сотрудник Цимлянской экспедиции (г. Ростов-на-Дону, Россия); wvk1972@mail.ru

REFERENCES

Antonova, V., Vitlyanov, St. 1985. In Angelov, D. (ed.). *Pliska-Prezslav (Pliska-Prezslav)* 4. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences Publ., 44–78 (in Bulgarian).

Artamonov, M. I. 1935. *Srednevekovyye poseleniia na Nizhnem Donu. Po materialam Severo- Kavkazskoi ekspeditsii (Medieval Settlements on the Lower Don River: Based on the Materials of North Caucasian Expedition)*. *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture)* 131. Leningrad: "OGIZ" Publ. (in Russian).

Bidzhiev, Kh. Kh. 1983. *Khumarinskoe gorodishche (Khumar Fortified Settlement)*. Cherkessk: Stavropol Book Publ. (in Russian).

Gatev, P. St. 1985. In Angelov, D. (ed.). *Pliska-Preslav (Pliska-Preslav)* 4. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences Publ., 189–200 (in Bulgarian).

Ivik, O., Klyuchnikov, V. 2013. *Khazary (Khazars)*. Moscow: “Lomonosov” Publ. (in Russian).

Kuzeev, A. 1981. In Kuzeev, A., Gyuzelev, V. (comp.). *Blgarski srednevekovni gradove i kreposti. Gradove i kreposti po Dunav i Cherno more (Bolgarski Medieval Towns and Fortresses. Towns and Fortresses on the Danube and the Black Sea)*. 1. Varna: “Georgi Bakalov” Publ., 196–200 (in Bulgarian).

Pletneva, S. A. 1995. In Aibabin, A. I., Pletneva, S. A. (eds.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* IV. Simferopol: “Tavriia” Publ., 271–369 (in Russian).

Flyorov, V. S. 2007. In Khuzin, F. Sh., Sitdikov, A. G. (eds.). *Srednevekovaia arkheologiya evraziiskikh stepei (Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes)* II. Series: Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 2. Kazan: Institute for History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 145–152 (in Russian).

Flyorov, V. S. 1995. In Aibabin, A. I., Pletneva, S. A. (eds.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* IV. Simferopol: “Tavriia” Publ., 441–516 (in Russian).

Flyorov, V. S., Flyorova, V. E. 2012. In Svistun, G. E. (ed.-in-chief). *Saltovo-maiats'ka arkheologichna kul'tura: problem ta doslidzhennia (Saltovo-Mayaki Archaeological Culture: Issues and Achievements: Collection of scientific Works Dedicated to the Issues and Prospects of Saltovo Studies)*. Kharkiv: Publisher Savchuk O.O., 90–95, 142–147 (in Russian).

About the Authors:

Flyorov Valerij S. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitriya Ulyanova St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; valerij-flyorov@yandex.ru

Klyuchnikov Vladimir V., an employee of Alex expedition (Rostov-on-Don, Russia); e-mail: wvk1972@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2020 г.
Статья принята к публикации 01.09.2020 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902.01
ББК 63.4

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2020.6.198.223>

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ И КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ (СРЕДНЕЕ ТЕЧЕНИЕ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА)

©2020 г. Э.Е. Кравченко

Статья посвящена находкам предметов вооружения и конского снаряжения, выявленным на памятниках салтово-маяцкой культуры, расположенных в среднем течении р. Северский Донец. В верхнем ее течении (в пределах лесостепной зоны) эти предметы являются частой находкой и встречаются в основном в захоронениях катакомбных и кремационных некрополей. В степи они попадаются реже, что вызвало появление версий о слабом знакомстве проживавшего здесь населения с военным делом. Анализ материалов, выявленных в среднем течении Северского Донца, показывает несостоятельность указанных точек зрения. На расположенных здесь памятниках предметы вооружения и конского снаряжения встречаются достаточно часто. Так, на крупном поселении у с. Маяки Славянского р-на количество предметов этой категории составляет около 20% от общего количества находок металлических изделий. Данный вывод вполне согласуется с наличием в рассматриваемом регионе группы укрепленных поселений (Донецких городищ), оборонять которые без значительного воинского контингента не представляется возможным. Вполне логично, что большая часть находок предметов вооружения сконцентрирована именно на этих памятниках.

Ключевые слова: Северский Донец, хазарское время, городища, предметы вооружения, конское снаряжение, сабли, копья, стрелы, удила, стремена.

ITEMS OF WEAPONS AND HORSE EQUIPMENT OF THE KHAZAR TIME (MIDDLE STREAM OF THE SEVERSKY DONETS)

E.E. Kravchenko

The article is dedicated to weapons and horse equipment discovered at the monuments of the Saltovo-Mayaki culture located in the middle stream of the Seversky Donets river. In the upstream (within the forest-steppe zone) these items are generally found in the burials of catacomb and cremation necropolises. In the steppe, they are less frequently discovered, which accounts for the versions concerning the poor familiarization of the local population with military art. An analysis of the materials discovered in the middle stream of the Seversky Donets demonstrates the inconsistency of these viewpoints. Weapons and horse equipment items are rather often found at the monuments located in this area. Thus, in a large settlement near Mayaki village of Slavyansky District, the number of items from this category is about 20% of the total number of the discovered metal items. This conclusion is quite consistent with the concept of the presence of a group of fortified settlements (Donetsk fortified settlements) in the region, which could be defended without a significant military contingent. It is rather logical that the majority of discovered weapon items are concentrated at these monuments.

Keywords: archaeology, Seversky Donets, Khazar period, ancient fortified settlements, weapons, horse equipment, sabres, spears, arrows, bits, stirrups.

Среди материалов, происходящих с памятников салтово-маяцкой культуры (далее – СМК), выделяются две группы: предметы вооружения и конского снаряжения. Они являются частой находкой в захоронениях катакомбных и кремационных некрополей лесостепи (Аксенов, 2005, а, б; 2017; Крыганов, 1989). Присутствуют они и в составе т. н. «комплексов», назначение которых не совсем ясно (Аксенов, Колода, 2017; Колода, 2014, с. 54–55). На поселениях их находят реже. Публикации и анализу многочисленных материалов, происходящих с лесостепных памят-

ников, посвящен ряд работ (Крыганов, 1987; Комар, Сухобоков, 2000; Аксенов, 2005 а, б).

В пределах степной зоны наблюдается иная картина. Здесь, в области распространения памятников «болгарского» и «приазовского» вариантов СМК (по С.А. Плетневой, 1967; 2000) рассматриваемые материалы встречаются гораздо реже.

Характеристика предметов вооружения и конского снаряжения, происходящих из этого региона, была дана В.К. Михеевым (Михеев, 1985). Более детально эти же находки проанализировал А.В. Крыганов (Крыганов, 1987).

В указанных работах они рассматривались вместе с материалами, обнаруженными на территории лесостепи, памятники которой существенно отличаются от объектов, расположенных в среднем течении Северского Донца.

Вряде работ делался акцент на количественных характеристиках. Так, в статье А.В. Комара и О.В. Сухобокова, посвящённой вооружению и военному делу Хазарского каганата, указывалось на редкость находок оружия и конского снаряжения на степных памятниках. Авторы почему-то связывали проживавшее здесь население с «в-н-н-д-р» (унногундурами) восточных источников (Комар, Сухобоков, 2000), для характеристики которых ими была приведена цитата из «Худуд аль-‘алам»: «Они – люди трусливые, слабые, бедные; доходных статей у них мало» (Бартольд, 1973, с.545). По непонятным причинам центральным городом в-н-н-д-ров было объявлено Царино городище (*археологический комплекс у с. Маяки Славянского р-на Донецкой обл.*). Вне сомнений, оно является видным, однако не самым значимым, как по размерам, так и по характеру укреплений, поселением на рассматриваемой нами территории.

Близкой позиции придерживался и К.И. Красильников, который связывал малое количество находок оружия и конского снаряжения в захоронениях могильников «зливкинского» типа с «исключительно гражданским составом населения» этих земель. Автор акцентировал внимание на том, что оружие встречается в единичных могилах; указывал на его «упрощённость, единичность экземпляров, отсутствие наступательных средств, например, сабель, луков», писал и о крайне малом количестве предметов, «относящихся к упряжи всадников». Эти признаки, по мнению автора, являются свидетельством отсутствия у степного населения кавалерии, наступательных средств, средств индивидуальной защиты (Красильников, 2010, с. 30). Показательно, что К.И. Красильниковым не учитывались материалы, происходящие с городищ, расположенных в среднем течении Северского Донца. В Луганской обл. факт присутствия городищ им отрицается (Красильников, 2010, с. 21). С чем сложно согласиться. В свое время С.А. Локтюшев упоминал о Рогаликском городище, расположенном у с. Петропавловка (Верхне-Теплянский р-н Луганской обл.) (Локтюшев, 2009, с. 299-300). В пользу наличия укрепленных поселений на этой террито-

рии свидетельствуют характер расположения некоторых памятников, крупные размеры расчищенных на них построек (Красильников, 2010, с. 22), присутствие рядом с поселениями безынвентарных некрополей и данные топонимики региона.

В последние годы вышел ряд работ А.М. Голубева, в которых пишется, что степное население, по отношению к населению лесостепи, представляло собой низший социальный слой (Голубев, 2018, с. 392). Основанием для такого вывода послужило наличие в степных комплексах, которые автор считал кремациями, земледельческих и ремесленных орудий, при «минимальном присутствии вооружения». По его мнению, это может свидетельствовать «не о разноэтничном составе населения – носителей обряда кремации верхнего и среднего течения Северского Донца, а о его социальном и, возможно, племенном делении на два крыла «белых» и «черных», среди которых «белые» являлись военизированной верхушкой населения (Голубев, 2017, с. 63). Комментировать указанную точку зрения имеет смысл после рассмотрения вопроса о факте наличия или отсутствия захоронений, совершенных по обряду кремации, в пределах области распространения древностей «болгарского» варианта СМК. Данному вопросу будет посвящена отдельная работа.

Решение проблемы предлагается путём рассмотрения уже имеющихся материалов. Значительная часть их, в общем виде, ранее была опубликована (Михеев, 1985; Крыганов, 1987). Кроме этого, в последние десятилетия в среднем течении Северского Донца выявлено большое количество предметов вооружения и конского снаряжения хазарского времени. Основная часть находок обнаружена на двух крупных памятниках, которые подвергались многолетним раскопкам: археологических комплексах у с. Маяки и Сидорова Славянского р-на Донецкой обл. Они входят в группу из четырёх крупных укрепленных поселений, доминирующих над раннесредневековыми памятниками рассматриваемого нами региона.

Общая характеристика памятников

Археологический комплекс у с. Сидорова (Славянский р-н Донецкой обл.) является крупнейшим из памятников на этой территории. Его площадь превышает 120 га. Населённый пункт существовал с кон. VIII до нач. X вв., когда в результате военных событий

был оставлен. Следов разгрома на нем зафиксировано не было. На памятнике в продолжение многих лет велись раскопки, что ныне делает его одним из наиболее изученных объектов региона. При его исследованиях был выявлен богатый и разнообразный материал, в том числе предметы вооружения и конского снаряжения (Кравченко, 2020).

Археологический комплекс у с. Маяки (Славянский р-н Донецкой обл.). Местное население называет этот памятник «Царино городище». Указанное поселение (общая площадь ок. 70 га) существовало в продолжение всей эпохи Средневековья. Размеры памятника хазарского времени составляют не менее 45–50 га. Памятник сильно разрушен хозяйственной деятельностью, в связи с чем значительная часть выявленных на нем находок была обнаружена в подвѐдном материале. Это создаѐт трудности с отношением ряда предметов к тому или иному периоду его существования (см. ниже). Тем не менее значительное количество вещей было обнаружено при раскопках. Судя по материалам, полученным в результате многолетних исследований, Царино городище представляло крупный центр, население которого активно занималось ремеслами, в том числе металлообработкой. По сообщению В.К. Михеева, среди найденных им металлических предметов орудия кузнечного ремесла составляли не менее 8% (Михеев, 1968, с. 26; 1985, с. 15–16). Населѐнный пункт прекратил существование в результате разгрома, сопровождающегося сильным пожаром, следы которого прослежены на различных участках поселения (Михеев, 1985, с. 18; Кравченко, Петренко, Шамрай, 2008, с. 8–12). Вероятно, именно этим мы обязаны наличию на памятнике большого количества разнообразного археологического материала, в числе которого присутствуют и интересующие нас категории предметов.

Поселение в ур. Государев Яр (неподалеку от с. Богородичное Славянского р-на). С этого памятника происходит крупная группа железных вещей (Давыденко, Гаврилова, 2011, с. 20–31). Указанные предметы (вначале 6 «комплексов») были найдены близ небольшого поселения, на противоположной стороне яра. В дальнейшем здесь было собрано ещё 2 «комплекса» (Колода, 2013, с. 80). Два «комплекса» и группа предметов, разбросанных по поверхности поселения,

были выявлены в 2016 г. во время разведок (Дьячков, 2016, с. 223; Голубев, 2017, с. 57–63).

Авторы по-разному характеризовали указанный памятник. Первооткрыватель видел здесь два самостоятельных объекта: «неукреплѐнное поселение на левом берегу балки и, видимо, погребально-поминальный комплекс на её противоположном правом берегу» (Давыденко, Гриб, 2011; Давыденко, Гаврилова, 2011). В.В. Колода вначале охарактеризовал его как могильник с захоронениями по обряду кремации (Колода, 2013, с. 73–81), а впоследствии как поселение и расположенные близ него тайники, связанные с сезонной обработкой земли (Колода, 2014, с. 54–55). В целом же все «комплексы» были найдены на памятнике в результате «разведок» или «шурфовки» и должным образом зафиксированы не были (Колода, 2013; Голубев, 2017). Результатами этих работ является то, что ныне часть памятника, на которой они располагались, можно считать утраченной для науки. Поселение, расположенное на противоположном берегу яра, раскопкам не подвергалось.

«Клады железных вещей». Некоторые из «кладов» были выявлены при раскопках городища у с. Маяки (Михеев, 1963, с. 7; 1965, с. 18; 1966, с. 5–6, 9). Часть их была найдена неподалеку от поселений. Подавляющее большинство известных «кладов» найдено при помощи металлодетектора лицами, далѐкими от науки. В процессе раскопок обнаружены единичные комплексы. С какой целью закапывались указанные предметы в землю, не ясно. Представляется, что эта категория материала неоднородна и содержит комплексы разного назначения. Часть «кладов» могла являться обрядовыми комплексами (поминальниками либо пожертвованиями). Часть могла быть вещами, спрятанными в минуты опасности.

Находки, выявленные в пределах древних лесных массивов. Составляют отдельную категорию материала. Предметы вооружения и конского снаряжения среди них присутствуют в достаточном количестве. Тем не менее практически все эти находки были выявлены во время грабительских раскопок, в результате чего точное место их обнаружения установить нет возможности. Научная ценность указанных материалов невелика и в данной работе рассматриваются только выделяющиеся из общей массы предметы.

Детали конской сбруи. Предметы, связанные с коневодством

Конские пути встречены не на всех памятниках. Весомую долю находок они составляют в материалах археологического комплекса у с. Маяки. Пара конских пут находилась в составе клада железных вещей, обнаруженного при строительстве насосной станции на селище (Михеев, 1963, с. 7, табл. XVIII, 2–3). Пути и их фрагменты были найдены в подъемном материале на городище (Михеев, 1964, с. 5, табл. III, 25; Швецов, Кравченко, 1988; Матеріальна та духовна культура, 2017, ілл. 62) (рис. 1: 1–2), в культурном слое памятника (Михеев, 1965, с. 8; 1966, с. 6, табл. X, 4; 1968, с. 7, 11, табл. XXI, 13, 14), а также в заполнении его комплексов (Михеев, 1965, с. 13–14, 21, табл. XXV, 1, XXVI, 1; 1966, с. 13, табл. XIV; Ходжайов, Швецов, Ходжайова, Фризен, 2012, с. 134, рис. 14, 9). Двое конских пут разных типов зафиксировано на поселении в Государевом Яру. Они входили в состав «комплексов» № 2 и № 5 (Давыденко, Гриб, 2011, с. 252, рис. 3, 9; с. 254, рис. 8, 6) (рис. 1: 4, 8). Ещё пара и фрагмент от третьих пут были подняты на территории Государева Яра при разведках (Голубев, 2017, с. 57, рис. 1, 11–13).

Детали седел. Обычно представлены железной дужкой, которая оковывала верхнюю часть луки. Большая часть их находок концентрируется в материалах археологического комплекса у с. Маяки. Во время раскопок памятника В.К. Михеевым был найден ряд дужек от седел. Половинка дужки подобрана в 1965 г. на городище (Михеев, 1965, с. 3, табл. XXVII, 13). Оковка луки седла (Михеев, 1966, с. 14, табл. XV, 4), наряду с прочими предметами, среди которых были предметы вооружения и детали конского снаряжения, была обнаружена в заполнении ямы 53 (Михеев, 1966, с. 12–14) (рис. 3: 4), которую в дальнейшем автор раскопок относил к захоронениям по обряду кремации (Михеев, 1985, с. 17). В 1968 г. в слое раскопа VI (кв. 26/3–4) также была обнаружена железная оковка луки седла (Михеев, 1968, с. 19, табл. XXI, 7). Одна такая находка была сделана на городище краеведом из Славянска А.И. Духиным (рис. 1: 5). Она находилась в яме, размытой на полотне грунтовой дороги, пересекающей территорию городища, вместе с фрагментами крупной корчаги (Матеріальна та духовна культура, 2017, ілл. 59). Еще одна дужка была экспонирована на выставке, связанной с материалами Царина городища (Матеріальна та духовна культура, 2017, ілл. 59) (рис. 1: 7). Железная

оковка седельной луки вместе с парой стремян и сбруйными кольцами была выявлена в материалах Государева Яра (в составе комплекса 2) (Колода, 2013, с. 79, илл. 8; 12, 3) (рис. 1: 3).

Как представляется, железную оковку имели далеко не все седла. В поминальном комплексе, расчищенном на склоне с городища Маяки в 2012 г., содержался комплект конской сбруи (удила, стремяна, две подпружных пряжки) (рис. 4: 1–4), что предполагало и наличие седла, железных оковок от которого выявлено не было. Наличие же пятен горелой древесины на дне ямы может свидетельствовать в пользу того, что седло могло быть изготовлено из дерева и не иметь каких-либо металлических деталей.

Удила и стремяна. На территории археологического комплекса у с. Маяки находки удил и стремян многочисленны. Они присутствуют в культурном слое поселения (Михеев, 1966, с. 11, табл. XVI, 1; Кравченко, Швецов, 1990). Достаточно много находок встречено в подъемном материале (Михеев, 1963, с. 5, 7, табл. XIX, 1; XXIV, 1, 4; 1964, с. 5, табл. VIII, 1, 3; 1966, с. 2, табл. XVI, 2, 10). Хорошая подборка удил и стремян, собранных на территории городища, хранится в Славянском краеведческом музее (рис. 2: 1–9) и Святогорском историко-архитектурном заповеднике (Матеріальна та духовна культура, 2017, ілл. 54–55). Ряд предметов был обнаружен в составе археологических комплексов, расчищенных на памятнике. Так, кольцо от удил зафиксировано в засыпке ямы 12 (Михеев, 1964, с. 12–13, табл. VIII, 4). Пара стремян находилась в яме 23 (Михеев, 1964, с. 16, табл. VIII, 5–6). Стремяна и удила присутствовали в яме 34 (Михеев, 1965, с. 13, табл. XII, 6–8), у западного края ямы 39 (Михеев, 1965, с. 16, табл. XII, 2–3), комплексе 6 (пара удил, четыре стремяна, вместе с наконечником копья) (Михеев, 1966, с. 5, табл. XVI, 11–16), яме 53 (две пары стремян и удила) (Михеев, 1966, с. 14, табл. XV, 1–3, 5–6) и яме 55 (Михеев, 1966, с. 16, табл. XVI, 3). Стремя вместе с конскими путами, сбруйным кольцом и подпружными пряжками находилось в составе т. н. «трупосожжения 3», расчищенного на могильнике памятника М.Л. Швецовым (Ходжайов, Швецов, Ходжайова, Фризен, 2012, с. 135, рис. 14, 7–9, 11–12). В комплексе 2012 г. в котле находились удила, а под котлом и на дне ямы лежала пара стремян и пара подпружных пряжек (рис. 4: 4) (Кравченко, Шамрай, 2014).

В отличие от Маяков на Сидорово детали конской упряжи составляют небольшую группу предметов. В подъемном материале были зафиксированы двуколычатые удила (Кравченко, 2020, рис. 204, 16), фрагмент стремени (там же, рис. 204, 7), половинка удила с пальчатыми псалиями (там же, рис. 204, 6), сбруйные кольца (там же, рис. 204, 12–15) и железные пряжки. Кроме этого, в составе клада железных вещей, который был выявлен на городище в 2012 г., находились удила и пара стремян (Кравченко, 2020, рис. 167–168, 4–6).

Много предметов конской упряжи было выявлено в материалах Государева Яра. Фрагмент удила с пальчатым псалием был подобран на поверхности памятника во время разведок 2016 г. (Голубев, 2017, рис. 1, 14). Пара стремян и сбруйное кольцо содержались в комплексе 5 (Давыденко, Гриб, 2011, с. 253–254, рис. 8, 1–2, 12). В т. н. «тайнике» находились половинка удила, целые удила с пальчатыми псалиями и подножка стремени (Голубев, 2017, с. 59, 61, рис. 4, 8, 10, 15). Пара стремян входила в состав комплекса 1, опубликованного В.В. Колодой. Пара стремян и сбруйные кольца входили и в комплекс 2 (Колода, 2013, с. 77, 79, илл. 3, 7, 1–4; илл. 8, 12, 1–2, 4–5).

Удила и стремени присутствуют в большинстве «кладов» железных вещей. Так, пара стремян входила в состав «клада», выявленного автором в 1981 г. на селище археологического комплекса у с. Маяки. Пара стремян находилась в «кладе», обнаруженном в 2008 г. близ поселения Выдылыха в Теплинском лесу. В состав клада из г. Николаевка Славянского р-на Донецкой обл. входили 7 стремян (Кравченко, 2020, рис. 164, 7–8, 10, 13–16), фрагменты 4 удила с пальчатыми псалиями (Кравченко, 2020, рис. 164, 1–4) и крупная, вероятно, сбруйная, пряжка (Кравченко, 2020, рис. 164, 12).

К числу предметов, связанных с конской сбруей, вероятно, относятся два предмета. Один из них был выявлен в составе поминального комплекса, найденного в 2012 г. на склоне городища у с. Маяки (Кравченко, Шамрай, 2014, с. 184, илл. 6, 8) (рис. 4: 6). Вторым предметом входил в состав «клада» железных вещей, обнаруженного у г. Николаевка (Кравченко, Петренко, Шамрай, 2010, с. 4, рис. 29, 1). Они представляли собой выпуклые железные бляхи, диаметром 9,5–11 см. По нашему мнению, указанные бляхи могли находиться в центральной части кожаного нагрудника

лошади, к которому они крепились при помощи металлической обоймы. Обломки такого крепления (куска железной полосы с отверстиями для заклёпок) входили в состав клада у г. Николаевка (рис. 4: 5).

Кроме вышеописанных предметов на памятниках в большом количестве присутствуют сбруйные кольца, подпружные пряжки и детали украшения ременной упряжи.

Пряжки являются частыми находками на рассматриваемых нами памятниках. Основная часть их представлена арочными пряжками (Кравченко, 2020, рис. 204, 1–4), которые могли использоваться как для поясов, так и для крепления ремней конской сбруи (рис. 5: 3–5, 8). В пользу этого свидетельствует присутствие таких пряжек в комплексах вместе с деталями конской упряжи (Кравченко, Шамрай, 2014, с. 185, илл. 3–4) (рис. 4: 4). Реже встречаются пряжки с трапециевидной рамкой (рис. 5: 6–7, 9) (Кравченко, 2020, рис. 204, 9–11). К числу относительно поздних предметов, по-видимому, относится и железная пряжка лировидной формы (там же, рис. 204, 5), найденная в заполнении ямы 9 помещения 14 на Сидоровском комплексе. Пряжки такого типа известны на археологическом комплексе у с. Маяки (рис. 5: 1–2) и в трупосожжениях IV этапа функционирования могильника Дюрсо (Дмитриев, 2003, с. 203, табл. 89, 59).

На Сидоровском комплексе была найдена крупная бляха, украшенная сильно стилизованным изображением трилистника (Кравченко, 2020, рис. 209, 13), и две прямоугольных бляшки со следами позолоты (Кравченко, 2020, рис. 209, 1, 11). Привлекает внимание наличие на Сидорово и Маяках бляшек от парадных конских наборов. Группа пятиугольных золоченых бляшек была подобрана на археологическом комплексе у с. Маяки (Матеріальна та духовна культура, 2017, илл. 51). Близкая по форме бляшка была выявлена на Сидоровском комплексе (Кравченко, 2020, рис. 208, 23). В заполнении ямы, вырытой в полу помещения 16, была найдена бляшка круглой формы, покрытая золочением (Кравченко, 2020, рис. 208, 22). Близкие аналоги им имеются в конском погребении 1 Верхнесалтовского могильника (Аксенов, 2005а, рис. 2, 17). При всем этом крупных блях и конских налобников, близких аланским древностям Северного Кавказа (Габуев, 2005, рис. 115–116) и лесостепного Подонцовья (Аксе-

нов, 2005 б), в среднем течении Северского Донца пока что обнаружено не было.

В целом предметы, имеющие отношение к снаряжению коня, которые происходят со среднего течения р. Северский Донец, в хронологическом плане выглядят достаточно однородно. Конские путы, аналоги которым присутствуют в материалах как степной, так и лесостепной зоны, однотипны. Форма дожила до этнографической современности. Разновидности, представленные на памятниках среднего течения Северского Донца, отличаются друг от друга способом размещения замка. Исключение составляют путы из «комплекса» 5 Государева Яра (рис. 1: 8), относящиеся к иному типу.

Оковки седел также широко распространены на памятниках салтово-маяцкой культуры. Они известны в лесостепи (Плетнева, 1989, с. 88, рис. 43; Колода, Колода, 2009, рис. 3, 10). Близкого типа оковки присутствуют в кремациях на территории Прикубанья (Дмитриев, 2003, с. 204, рис. 91, 12–13).

Стремена арочные с прямой или слегка выгнутой наружу подножкой средней ширины и выделенной пластинчатой петлей в верхней части. В большинстве случаев петля имеет подпрямоугольные или овальные в плане очертания. Указанные стремяна близки стремянам типа IA-2-3 (по классификации Е.А. Армарчук) (Армарчук, 2006, с. 15–18), Б-II (по Г.А. Федорову-Давыдову) (Федоров-Давыдов, 1966, с. 14, рис. 1) или VI типу по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников, 1973, с. 49). Их датировка у разных авторов колеблется в рамках IX–X вв. (Армарчук, 2006, с. 17).

подавляющая часть находок удила представлена достаточно поздним в рамках хазарского времени типом. Это асимметричные, двуколычатые удила с пальчатыми псалиями и петлями для псалиев и повода, располагающимися перпендикулярно друг другу. Близ рассматриваемого нами региона удила такого типа были выявлены в Чистяковском погребении (по мнению А.В. Комара, относится к 840–880 гг.) (Тахтай, 1999, с. 166, рис. 1, 1). В.С. Аксенов обращал внимание на то, что подобного рода удила характерны для кремаций середины – 3-й четверти IX в. (Аксенов, 2005, с. 358). Псалии часто украшены поперечными каннелюрами. Близкого вида псалии присутствуют на удилах из кат. 126 Дмитровского могильника (Плетнева, 1989, рис. 38) и в Юго-Восточном Крыму (Майко, Гаврилов, Гукин, 2009, с. 244–245, рис. 5, 1).

Из находок удила более раннего времени следует упомянуть двусоставные двуколычатые удила, найденные на археологическом комплексе у с. Сидорово (Кравченко, 2020, рис. 204, 16). Близкие им предметы присутствуют в материалах Вознесенского комплекса (Гринченко, 1950), в захороненных Бирского могильника (№№ 111 и 156) (Мажитов, 1968, с. 100, 107–108, табл. 28, 5; 29, 20). Зафиксированы они и в погр. 4 кургана 14 Новинковского II курганного могильника на Самарской Луке, который автор публикации относил к кон. VII – 1 пол. VIII вв. (Матвеева, 1997, с. 29, 66, 87, рис. 74, 6; 116, 2).

Предметы вооружения

Достаточно многочисленны и разнообразны. Абсолютное большинство их было обнаружено на крупных укрепленных поселениях. «Клады железных вещей» дают единичные находки (в основном копья). Отдельные артефакты были найдены в пределах лесных массивов. Значительная группа предметов вооружения происходит с археологического комплекса у с. Маяки. Несколько меньше их было обнаружено на археологическом комплексе у с. Сидорово. В целом они представлены всеми группами вооружения: наступательного, оборонительного и средствами индивидуальной защиты.

Детали сабель. Основная часть находок представлена перекрестиями. Одно из них, снабженное вкладышем из бронзовой пластины, было обнаружено в 1963 г. на Маяках в подъемном материале (Михеев, 1963, с. 5, табл. XXI, 1) (рис. 6: 1). Еще одно перекрестие сабли было найдено на памятнике в 1968 г. (Михеев, 1968, с. 4, табл. XXI, 4) (рис. 6: 2). Третье перекрестие было обнаружено в слое т. н. «Большого раскопа» неподалеку от ямы 34 (кв. 61 М) (Михеев, 1965, с. 13, табл. XXVII, 11). В 1988 г. при выборке слоя раскопа 1 на некрополе памятника был обнаружен деформированный обломок лезвия сабли (Швецов, Кравченко, 1988; Материальна та духовна культура, 2017, илл. 68, 1). Перекрестие сабли, находящее аналоги в древностях IX в. (Дмитриев, 2003, с. 204, табл. 90, 39–43), было найдено на археологическом комплексе у с. Сидорово (Михеев, 1971, с. 13, табл. X, 3; 1985, рис. 17, 17; Кравченко 2020, рис. 208, 34).

Детали мечей немногочисленны. Тем не менее каждая из находок этих, не характерных для степной зоны, предметов, представляет существенный интерес. Одно перекрестие

меча (рис. 6: 4) было обнаружено на площади «Большого раскопа» между погребом 47 и ямой 49. На указанном участке, вероятно, располагалось помещение, контур которого восстанавливается по скоплению в слое археологического материала (Михеев, 1966, с. 5, табл. VII, 4).

Вторая находка была подобрана в 2008 г. на поверхности городища. Она представляет собой планку от верхней части рукояти меча IX–X вв., по всей поверхности инкрустированную вертикальными полосками, выполненными при помощи жёлтой (золотой?) проволоки (рис. 6: 3) (Кравченко, Петренко, Шамрай, 2008, с. 14, рис. 27, 10, фото 40, 7; Матеріальна та духовна культура, 2017, ілл. 87).

Целый экземпляр меча X в. был обнаружен в 30-х гг. XX в. в ур. Плоское-Яковенково (между сёлами Пришиб и Татьянавка Славянского р-на Донецкой обл.) (Сибільов, 1950, с. 102, рис. 4, 1–4). В статье Н.В. Сибилева указано, что меч происходит из разрушенного погребения. Вместе с мечом находились стремя, бронзовая пряжка и наконечник копья (Сибільов, 1950, с. 102, рис. 4, 1–4). До Великой Отечественной войны предмет находился в музее, который во время боевых действий был разрушен. В 70-х гг. близ с. Татьянавка была найдена рукоять меча с фрагментом лезвия. Ручка имела инкрустацию серебряной проволокой (Дедов, Швецов, 1987, с. 262–263, рис. 1). Авторы публикации не связывали эту находку с мечом из Сибилёвского музея. Тем не менее, учитывая общее сходство предметов, а также место обнаружения (в дальнейшем рядом с этим местом нашли значительное количество спрятанных материалов, происходящих из Святогорского музея Н.В. Сибилёва), вполне можно предположить, что рукоять является частью меча из ур. Плоское-Яковенково.

Кинжалы и боевые ножи. Говоря о кинжалах, А.В. Крыганов брал за основу форму с перехватом и лезвием, обладающим повышенной прочностью и проникающей способностью. При этом, наряду с такими предметами, специально изготовленными для боевого применения, он не отрицал использование в военном деле и других ножей, отличающихся от хозяйственных размерами, толщиной и иными признаками (Крыганов, 1987, с. 82). В предлагаемой работе мы приводим описание находок ножей, пригодных для применения в военном деле. Часть их могла ранее иметь

упоры на рукояти, сделанные из органических материалов, которые до наших дней не сохранились. Во избежание спорных моментов они будут характеризоваться, как боевые ножи. Представлены эти предметы небольшим количеством находок.

Несколько таких ножей было обнаружено на археологическом комплексе у с. Маяки. В яме 25 «Большого» раскопа выявлена железная полоса, которая, по мнению В.К. Михеева, представляла собой заготовку кинжала (Михеев, 1964, с. 17–18, табл. III, 23). В яме 55, которая находилась в полуземляночном помещении, раскопанном в 1966 г., были обнаружены два ножа с длинными лезвиями (Михеев, 1966, с. 16, табл. VII, 11–12). Железная обкладка ножа или кинжала (Михеев, 1964, с. 19, табл. VII, 23) и нож с долом (Михеев, 1966, с. 2, табл. XII, 13) были найдены в культурном слое «Большого» раскопа. Три предмета выявлены в подъемном материале на памятнике. Один из них нашли в 1966 г. (Михеев, 1966, с. 2, Табл. VII, 7) (рис. 6: 5). Второй предмет был найден в 1968 г. (Михеев, 1968, с. 5, табл. IX, 29) (рис. 6: 6). Еще один кинжал с обоймой, свернутой из железной пластины, был обнаружен в 1988 г. в пределах линии укреплений городища, близ склона к эскарпу (Швецов, Кравченко, 1988) (рис. 6: 11). Один кинжал, с кольцевидным завершением рукояти и длинным узким, слегка изогнутым лезвием (Голубев, 2017, рис. 2, 3), был поднят в Государевом Яру. В лесном массиве, неподалёку от Государева Яра, была собрана группа железных предметов, среди которых находился кинжал с долом на одной стороне лезвия и упором (рис. 6: 10). Вполне вероятно, что он ранее мог иметь и металлическое перекрестие. Значительная толщина спинки и характер оформления конца, свидетельствует, что он должен был обладать значительной проникающей способностью.

На Сидоровском комплексе в заполнении рва линии укреплений был найден нож с перехватом у основания черешка и долом, который находился на одной из сторон предмета (Кравченко, 2020, рис. 202, 1). Он имел длину 19 см при длине лезвия 15 см и был типологически близок ножу с долем, найденному на Маяках.

Наконечники копий и дротиков. Составляют многочисленную категорию находок. Они присутствуют на археологическом комплексе у с. Маяки, на поселении в Государевом яру, а также в составе кладов.

На археологическом комплексе у с. Маяки находки копий и дротиков встречены во многих расчищенных на памятнике комплексах. Наконечник копья был обнаружен в яме 23, которую автор раскопок определил как погреб ремесленника (Михеев, 1964, с. 16–17, табл. VI, 9). «Очень массивный наконечник копья» находился в яме 26 (Михеев, 1964, с. 18, табл. VI, 10). Еще один наконечник был выявлен у восточного края ямы 39 (Михеев, 1965, с. 16, табл. XVIII, 7). Неподалеку от ямы 43 был обнаружен еще один такой предмет (Михеев, 1965, с. 18, табл. XVIII, 8). Наконечники копий присутствовали: в составе комплекса 6 (Михеев, 1966, с. 6, табл. XVI, 5), близ ямы 55 (Михеев, 1966, с. 16, табл. XVI, 4), в яме 53 (Михеев, 1966, с. 14, табл. XIII, 10), где был обнаружен предмет, охарактеризованный В.К. Михеевым как «тесак на втулке» (Михеев, 1966, с. 12, табл. V, 12) (рис. 8: 7). Ряд наконечников выявлен при выборке культурного слоя (Михеев, 1966, с. 12, табл. XVI, 6–8; Швецов, Кравченко, 1989). Группа предметов этого типа была найдена в подъемном материале на памятнике (Михеев, 1963, с. 5–6, табл. XXI, 4–5; 1964, с. 5, табл. VI, 8; Матеріальна культура, 2017, с. 32, илл. 64, 66–67, 76) (рис. 8: 1–5, 8). Часть их хранится в материалах Славянского краеведческого музея и Святогорского историко-архитектурного заповедника.

На археологическом комплексе у с. Сидорово указанной категории материала выявлено не было. В Государевом Яру два наконечника были подобраны на поверхности памятника во время разведок. Один из них имел ромбическую в плане рабочую часть. Второй имел рабочую часть шиловидной формы (Голубев, 2017, с. 57, рис. 2, 8). Кроме этого, один листовидный наконечник копья содержался в составе клада, выявленного автором в 1981 г. на селище археологического комплекса у с. Маяки (Кравченко, 2020, рис. 163).

Типологически наконечники копий и дротиков достаточно разнообразны, что было связано с их функциональным назначением. Основная часть находок представлена втульчатými наконечниками с узким шиловидным четырехгранным пером. Они составляют большую часть находок на археологическом комплексе у с. Маяки. На интересующей нас территории и близ нее наконечники копий и дротиков указанного типа зафиксированы на поселениях Азовского побережья (Обрыв 2) и сезонных стойбищах, располагающихся в

пределах Донецкого Кряжа (Великая Шишовка). А.Н. Кирпичников указывал, что копия указанного типа (пики) были связаны с вооружением всадника (Кирпичников, 1966, с. 16). Таким образом, широкое их распространение на памятниках, в пределах которых находки деталей конской сбруи представляют многочисленную категорию материала (см. выше), является вполне логичным. Показательно, что на Сидоровском комплексе, где находки стремян и удила немногочисленны, копий этого типа пока обнаружено не было.

Боевые топоры. Часть находок происходит с археологического комплекса у с. Маяки. Боевые топоры входили в состав клада, выявленного при строительстве подстанции на берегу Северского Донца (Михеев, 1963, с. 7) (рис. 7: 1, 3). Фрагменты их были встречены в культурном слое «Большого раскопа» (Михеев, 1965, с. 8, табл. XXII, 2; 1966, с. 9, 12, табл. VII, 6) и в выявленных в нем комплексах. Они были обнаружены в ямах 34 (Михеев, 1965, с. 13, табл. XXIII, 1), 52 и 53 (Михеев, 1966, с. 14, табл. VIII, 2; X, 3). Ряд боевых топоров (рис. 7: 2, 5–8) был найден в подъемном материале как во время исследований В.К. Михеева, так и впоследствии в процессе периодических осмотров памятника (Матеріальна та духовна культура..., 2017, илл. 69).

Целый боевой топорик (Кравченко, 2020, рис. 208, 21) найден в слое раскопа VI на Сидоровском городище (Михеев, 1971, с. 10, табл. VII, 1; 1985, с. 20, рис. 17, 23). Кроме него на памятнике обнаружено несколько обломков лезвий топоров, назначение которых установить проблематично (Кравченко, 2020, рис. 203, 5).

Подвесы от кистеней и булавы. Встречаются достаточно часто. Железный подвес от кистеня в виде чуть уплощенного шара со сквозным отверстием для ремня был найден в захоронении у шахты 19 в г. Чистяково (ныне г. Торез Шахтерского р-на ДНР) (Тахтай, 1999, с. 161, табл. 1, 3). На археологическом комплексе у с. Сидорово близкого типа кистень находился в заполнении пом. 5, которое прилегалo к внутренней линии укреплений памятника. Ещё один подвес для кистеня этого типа был найден на юго-восточной окраине городища у внутренней линии укреплений (Кравченко, 2020, рис. 208, 6). От выше описанного он отличался тем, что был изготовлен из свинца. Кроме них, на городище была поднята уплощенная железная гирька с петлей в верхней

части (Кравченко, 2020, рис. 208, 8), которая могла являться подвесом кистеня.

Подвесы кистеней встречены на соседнем Царином городище. Ряд находок представлен в каталоге выставки (Матеріальна та духовна культура, 2017, ілл. 71; 72). В слое раскопа VI был выявлен железный стержень с петлей от кистеня (Михеев, 1968, с. 7, табл. XXI, 1) (рис. 6: 9), типологически близкий находке из Саркела (Артамонов, 1958, с. 76, рис. 55). Кроме этого, на рассматриваемом памятнике обнаружено два подвеса от кистеней с корпусом, имеющим огранку (рис. 6: 7, 12). Один кистень имел вид плоской гирьки. От центральной её части отходит штырь, из которого была свёрнута петля (рис. 6: 8). Указанный кистень, найденный в подъемном материале, ранее был отнесён автором данной статьи к золотоордынскому времени (Кравченко, 2015, рис. 18, 6). Кроме подвесов кистеней на городище были подобраны две булавы (Матеріальна та духовна культура, 2017, ілл. 71, 1–2) (рис. 7: 4). Одну из них автор данной работы также отнёс к золотоордынскому времени (Кравченко, 2015, рис. 18, 7). Реально же подобные предметы, происходящие с памятника с полностью распаханым культурным слоем, который функционировал на протяжении всей эпохи Средневековья, датировать сложно, и они могут относиться к различным периодам его истории.

Стрелы, детали луков и колчанов. Наконечники стрел, накладки от луков, детали колчанов представлены множеством находок. Они встречены как на неукреплённых селищах, так и на степных сезонных стойбищах. Так, наконечник стрелы был найден в подъёмном материале на сезонном памятнике, расположенном у с. Глубокая Макаыха Славянского р-на Донецкой обл. Встречаются наконечники стрел в некоторых захоронениях могильников «зливкинского» типа. В захоронении 7 могильника Дроновка-3 (Лиманское озеро) было выявлено два трехлопастных наконечника стрел. Показательно, что в ногах у погребённого были положены череп и ноги жеребёнка (Татаринов, Копыл, 1981, с. 307, рис. 3, 10–11). Из разрушенных захоронений этого же некрополя происходят ещё три трехлопастных наконечника (Татаринов, Копыл, 1981, с. 302, рис. 3, 12–14).

Основная же часть находок стрел найдена на территории укрепленных поселений. Во время исследований археологического комплекса у с. Маяки В.К. Михеевым были

выявлены наконечники стрел как в подъемном материале (Михеев, 1963, с. 7, табл. XXIV, 5; 1964, с. 5, табл. IV, 4–5) (рис. 9: 1–6), в культурном слое раскопов (Михеев, 1965, с. 19, табл. XXVII, 8, 10; 1966, с. 9, табл. VIII, 29; 1968, с. 7, табл. XXI, 2), так и в заполнении археологических комплексов (яма 41, комплекс 7) (Михеев, 1965, с. 16, табл. XXVII, 9; 1966, с. 6, табл. VIII, 27–28). В дальнейшем во время разведок на территории памятника был подобран еще ряд наконечников (рис. 9: 7–12). Часть их была опубликована в каталоге выставки 2017 г. (Матеріальна та духовна культура, 2017, ілл. 65).

Хорошая подборка наконечников стрел происходит и с археологического комплекса у с. Сидорово, где они были встречены как в культурном слое памятника, так и в отдельных комплексах. Практически все обнаруженные в комплексах стрелы представлены разновидностями одного типа (Кравченко, 2020, рис. 207, 1–5, 7). Это небольшие трехлопастные наконечники с черешком, отделенным от лезвия упором (Кравченко, 2020, рис. 207, 1–5, 7–9, 19–22). Подобного типа наконечники являются частой находкой на памятниках хазарского времени и были широко распространены в евразийских степях в VIII–IX вв. (Медведев, 1966, табл. 13, 9, 10, 16).

Как на Сидорово, так и на Маяках встречены детали колчанов. Среди них бронзовые и железные петли (Кравченко, 2020, рис. 206, 13), а также, застежки (Кравченко, 2020, рис. 210, 16).

При раскопках на селище, прилегающем к археологическому комплексу у с. Маяки, в 1990 г. была выявлена заготовка пластины от лука, выполненная из рога. Предмет был найден при расчистке помещения (Швецов, Кравченко, 1990). Накладки лука были обнаружены при раскопках археологического комплекса у с. Сидорово (Кравченко, 2020, рис. 201, 4–5). Они находились вместе с подвесом от кистеня на дне пом. 5. Близкого типа накладки найдены на Сухогомольшанском городище (Михеев, 1985, с. 59, рис. 30, 1).

Панцирные пластины встречены только на территории укрепленных поселений. О группе находок, обнаруженных при раскопках археологического комплекса у с. Маяки, упоминается в отчётах В.К. Михеева. По его сообщению, пластины от чешуйчатого панциря были найдены в засыпке ямы 4 (Михеев, 1964, с. 10, табл. XI, 29). Обломок панцир-

ной пластины находился в яме 23 (Михеев, 1964, с. 17, табл. XX, 9). Еще один обломок панцирной пластины выявлен в яме 26 (Михеев, 1964, с. 18, табл. XX, 10). Эти же находки упоминаются в диссертации А.В. Крыганова (Крыганов, 1987, с. 125, рис. 49, 2, 4).

Две железные пластины были найдены при раскопках археологического комплекса у с. Сидорово. Одна из них (Кравченко, 2020, рис. 208, 4) имеет пятиугольную форму. В её центральной части присутствует продолговатое отверстие, в которое вставлялся ремень, крепивший пластину к основе. Второй предмет представлен обломком пластины от чешуйчатого панциря (Кравченко, 2020, рис. 208, 5). На сохранившемся фрагменте по боковым сторонам и вверху имеется по два небольших отверстия. Указанная находка имеет широкий круг аналогов в древностях Центральной Азии и Южной Сибири, где панцири с пластинами такого типа широко представлены в материалах древнетюркского времени (Худяков, 1986, с. 158–159, рис. 69; 100; Худяков, 1980, с. 119–123, табл. XL). Известны они в этом регионе и на памятниках последующих эпох (Худяков, 1991, рис. 32, 1–3; 40, 11; 42, 9; Бобров, Худяков, рис. 105–106).

Детали щитов на памятниках салтовоязской культуры единичны. Умбоном могла быть железная бляха, выявленная в 1911 г. в катакомбе 1 на Верхнесалтовском могильнике (Бабенко, 1914, с. 449). Одна бляха обнаружена на Битицком городище волынцевской культуры. Еще один умбон был найден в яме, относящейся к древнерусскому слою Саркела – Белой Вежи (Сорокин, 1959, с. 191, рис. 31, 6; 33). Остатки кожаного щита с бронзовой оковкой выявлены на Красногоровском могильнике (Крыганов, 1989, с. 123). На стенке рогового реликвария, обнаруженного при раскопках поселения в ур. Выдылыха (близ с. Богородичное Славянского р-на Донецкой обл.), также имелось изображение воина, прикрывающегося щитом (Гриб, 2019, с. 25–26, рис. 4–5).

Все остальные находки были обнаружены при раскопках археологического комплекса у с. Сидорово. Одна бляха, выявленная в заполнении хоз. ямы 9 р. 2 (Кравченко, 2020, рис. 208, 1), имеет круглую выпуклую поверхность, диаметром 15,6 см при высоте 4,6 см. По ее внешнему краю идёт узкое поле, отогнутое под прямым углом. На бляху сверху при помощи заклёпок была прикреплена железная

пластина, круглой в плане формы с отверстием в центре, от которой радиально отходили три полосы (Кравченко, Давыденко, 2001, с. 248–249, рис. 38, 5).

Вторая бляха имела несколько иной вид, что не мешает отнести ее к этой же категории материала (Кравченко, 2020, рис. 208, 3). Она была обнаружена в 2004 г. в заполнении пом. 14 (Кравченко, 2005, с. 210). Предмет имел круглую форму диаметром 11 см. От верхней, выпуклой его части отходит длинная прямая пластина с отверстием для крепления. Предмет сохранился не полностью, но сохранившаяся его часть свидетельствует, что таких пластин первоначально было не менее трёх. Таким образом, в центральной части бляхи была расположена накладная фигура, прикреплённая к ней при помощи заклёпки. Она имела три пластины, отходящие радиально от центра.

К этому же типу относилась и третья находка, выявленная на валу внутренней линии укреплений (Кравченко, 2020, рис. 208, 2). Точный диаметр этого умбона по сохранившемуся фрагменту восстановить трудно, однако, судя по всему, он имел размеры, близкие умбону из пом. 14.

Учитывая редкость и немногочисленность подобных материалов, три находки на одном памятнике представляют особый интерес. Показательно, что все известные находки умбонов были встречены на памятниках, имевших культурные напластования X в. Судя по их форме и размерам, это были умбоны от круглого или квадратного, с заокругленными углами, щита, который мог использоваться как пешим, так и конным воином (Кирпичников, 1971, с. 35). По мнению В.К. Гриба, указанные щиты распространяются в IX–X вв. среди воинов в приграничных областях Хазарского каганата под влиянием их северных соседей (Гриб, 2019, с. 26). В более позднее время умбоны с накладными пластинами, в конструкции которых проявляется связь с умбонами рассматриваемого нами типа, встречаются в материалах Верхнего Прикубанья. Один из таких предметов был обнаружен в курганном захоронении Яблоновского могильника, оставленного чёрными клобуками (Орлов, Моця, Покас, 1985, рис. 13, 14).

Подводя итог, следует сказать, что на памятниках, расположенных в среднем течении Северского Донца, предметы вооружения и конского снаряжения являются частыми

находками. В своё время на их многочисленность указывал В.К. Михеев. По его подсчётам, количество предметов рассматриваемой нами категории в комплексе Маяков составляет около 20%. Их процентное соотношение, таким образом, не отличается от процента орудий, связанных с сельским хозяйством или промыслами. По мнению исследователя, «сопоставление находок оружия и конной упряжи... указывают на то, что обитатели Маяков были земледельцами-всадниками, воинами – скотоводами» (Михеев, 1968а, с. 9–10). Данный вывод вполне согласуется с наличием в рассматриваемом нами регионе группы раннесредневековых укрепленных поселений (Донецких городищ), оборонять которые без значительного воинского контингента не представлялось возможным (Кравченко, 2018). Вполне логично, что большая часть находок предметов вооружения сконцентрирована именно на этих памятниках.

Находки предметов конской сбруи встречаются намного чаще, и ареал их распространения более широкий. Они представлены на

городищах, неукрепленных селищах, входят в состав «кладов железных изделий». Весьма многочисленны их находки на лесных поселениях и за их пределами, на территории лесных массивов. Предметы конского снаряжения (наряду с наконечниками стрел) иногда присутствуют и в захоронениях могильников «зливкинского» типа (Татаринов, Копыл, 1981, с. 207, рис. 3, 10–14; Татаринов, Копыл, Шамрай, 1986, с. 211, 218, рис. 3; 8). В погребении № 40 эталонного могильника «Зливки» был выявлен пояс с серебряными накладками, который может свидетельствовать о захоронении представителя воинского сословия (Швецов, 1991, с. 113, 115, рис. II; 2001; Гриб, Швецов, 2019, с. 163, рис. 3–4). В целом же предметы вооружения и конского снаряжения в могильниках «зливкинского» типа достаточно редки, что, вероятно, связано не с тем, что они представляют собой захоронения «гражданского населения», незнакомого с оружием и военным делом, а исключительно с особенностями погребального обряда этих некрополей.

ЛИТЕРАТУРА

Аксенов В.С. Комплексы конского снаряжения салтовского времени с начельниками (по материалам Верхнесалтовского катакомбного могильника) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2005. С. 245–260.

Аксенов В.С. Новые поминальные комплексы воинов-всадников салтовского времени с территории Верхнего Подончья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2005а. Т. 4. С. 357–368.

Аксенов В.С., Колода В.В. Богатый вещевой комплекс близ Старой Покровки на Харьковщине // Хазарский альманах. Т. 15. / Гл. ред. О.Б. Бубенок. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 37–57.

Армарчук Е.А. Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII вв. М.: ИА РАН, 2006. 226 с.

Артамонов М.И. Саркел – Белая Вежа // МИА. № 62 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.–Л.: АН СССР, 1958. С. 7–84.

Бабенко В.А. Древние памятники Хозарской культуры в сел. Верхнем Салтове // Труды XV Археологического съезда в Новгороде. Т. I. М., 1914. С. 446–464.

Бартольд В.В. Введение к изданию Худуд ал-‘алам // Сочинения. Т. VIII. М.: Наука, 1973. С. 504–545.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 776 с.

Габуев Т.А. Аланский всадник. Сокровища князей I–XII веков. Каталог выставки. М.: Государственный музей Востока (ГМИНВ), 2005. 74 с.

Голубев А.М. Хронология салтовских памятников Верхнего Подончья в контексте венгерской проблематики // III Международный мадьярский симпозиум (Будапешт, 6–10 июня 2016 г.) / Ред. А. Тюрк, А.С. Зеленков. Будапешт: 2018. С. 367–402.

Голубев А.М. Салтово-маяцкий кремаційний могильник «Государів Яр» у Середньому Подончів’ї. // Археологія. 2017. №2. С. 57–64.

Гриб В.К. Щит, как элемент защитного вооружения у населения Салтово-Маяцкой культуры // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки. 2019. №3. С. 23–28.

Гриб В.К., Швецов М.Л. Серебряный пояс из погребения 40 могильника Зливки // Археология как жизнь. Памяти Евгения Павловича Мыськова / Под ред. Е.В. Круглова, А.С. Лапшина, И.Ю. Лапшиной. Волгоград: Сфера, 2019. С. 158–173.

Грінченко В.А. Памятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі // Археологія. Т. III. К.: Вид. АН УССР, 1950. С. 37–63.

Давыденко В.В., Гаврилова А.Н. Новый комплекс раннего средневековья «Государев Яр» в Святогорье // Святогірський альманах 2011. / Ред.-упоряд. В.М. Дедов. Донецк: Вид. «Донбас», ТОВ «РА Ваш імідж», 2011. С. 20–31.

Давыденко В.В., Гриб В.К. «Государев Яр» - новый памятник X-XI вв. в среднем течении Северского Донца (предварительная публикация) // Археологический альманах. № 25 / Гл. ред. А.В. Колесник. Донецк: Бытсервис, 2011. С. 25–269.

Дедов В.Н., Швецов М.Л. Находка древнерусского меча в Донбассе // СА. 1987. №1. С. 262–263.

Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей IV-IX вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV-XIII вв. / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 200–206.

Дьячков С.В. X научная конференция-презентация «Проблемы исследования и охраны историко-культурного наследия Украины» Итоги полевых исследований в 2015 году // Древности. 2016. Вып. 14. С. 222–225.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX–XIII вв. Вып. II / САИ. Вып. Е1-36. М.-Л.: Наука, 1966. 181 с.

Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. / САИ. Вып. Е-1-36. Л.: Наука, 1973. 140 с.

Колода В.В. Два салтовских комплекса из Государева Яра // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. Вип. 3 / Отв. ред. О.О. Савчук. Харків: ОКЗ «ХНМЦОКС», 2013. С. 73–81.

Колода В.В. О хозяйственных со стандартизированными наборами предметов на салтовских поселениях // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы IX международной научной конференции / Отв. ред. С.В. Дьячков. Харьков, 2014. С. 54–55.

Колода В.В., Колода Т.А. Кузнечная мастерская нового ремесленного центра лесостепной Хазарии // Хазарский альманах. Т. 8 / Гл. ред. Н.Н. Олейник. Киев-Харьков: Изд-во Международного Соломонова университета, 2009. С. 203–215.

Комар А.В., Сухобоков О.В. Вооружение и военное дело Хазарского каганата // Восточноевропейский археологический журнал. 2000. № 2(3), март-апрель. Доступно по URL: http://archaeology.kiev.ua/journal/020300/komar_sukhobokov.htm (дата обращения: 04.12.2020)

Кравченко Э.Е. Городища среднего течения Северского Донца // Хазарский альманах. № 3 / Гл. ред. В.К. Михеев. Киев-Харьков: Изд-во Международного Соломонова университета, 2004. С. 242–276.

Кравченко Э.Е. Исследование хозяйственного объекта на археологическом комплексе у с. Сидорова в среднем течении Северского Донца // Проблеми збереження і використання культурної спадщини в Україні. Слов'янськ: Печатный двор, 2005. С. 208–222.

Кравченко Э.Е. Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Кишинёв: Stratum plus, 2015. С. 407–474.

Кравченко Э.Е. Оборонительные сооружения археологического комплекса у с. Сидорова // Поволжская археология. 2018. № 2(24). С. 10–32.

Кравченко Э.Е. Сидоровский археологический комплекс на р. Северский Донец / Археология Евразийских степей. 2020. №4. 344 с.

Кравченко Э.Е., Давыденко В.В. Сидоровское городище // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2 / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2001. С. 233–302.

Кравченко Э.Е., Петренко А.Н., Шамрай А.В. Отчет об исследованиях на археологическом комплексе Маяки в 2008 году // НА ИА НАНУ №2008/82.

Кравченко Э.Е., Шамрай А.В. О группе комплексов с Царина городища (среднее течение Северского Донца) // Проблеми збереження і використання культурної спадщини в Україні. Матеріали II Всеукраїнської науково-практичної конференції, присвяченої 10-й річниці надання Святогірському Успенському монастиреві статусу Лаври (2004), 170-річчю відновлення Святогірського Успенського монастиря (1844), 80-річчю створення краєзнавчого музею М.В.Сібільовим у Святогірську (1934).

25-26 вересня 2014 року м. Святогірськ. Донецьк: ТОВ «Східний видавничий дім», Ваш імідж, 2014. С. 183–192.

Красильников К.И. Этнокультурные признаки населения степей Хазарской периферии (к вопросу об идентификации) // Научные труды по иудаике. Материалы XVII Международной ежегодной конференции по иудаике. Т. II / Отв. ред. В.В. Мочалова. М.: Пробел-2000, 2010. С. 16–32.

Крыганов А.В. Вооружение и конское снаряжение кочевников юга Восточной Европы VII-X вв. Дисс. ... канд. истор. наук. Харьков: Харьковский Государственный университет. 1987 // НА ИА НАНУ Ф. 12; № 656.

Локтюшев С.А. Научно-ценные ранне-исторические памятники, выявленные археологическими раскопками в Ворошиловградской области // Краєзнавчі записки. 2009. Вип. V. С. 299–300.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М.: Наука, 1968. 161 с.

Майко В.В., Гаврилов А.В., Гукин В.Д. Комплекс оружия, конского снаряжения и бытовых предметов с праболгарского поселения IX – 1-й пол. X вв. в Юго-Восточном Крыму // Хазарский альманах. Т. 8 / Гл. ред. Н.Н. Олейник. Киев-Харьков: Изд-во Международного Соломонова университета, 2009. С. 237–263.

Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара: Самарский университет, 1997. 226 с.

Матеріальна та духовна культура населення Подінців'я в період середньовіччя VIII-XIV ст. на прикладі городища «Царине» (Маяцьке). Каталог виставки / Автори укладачі Дедов В.Н., Шамрай А.В., Соловкін О.О. Київ: Вид. САМ. 2017. 95 с.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел / САИ. Вып. Е1-36. М.: Наука. 1966. 154 с.

Михеев В.К. К итогам исследований поселения салтово-маяцкой культуры у с.Маяки. Рукопись. 1968 а. 11 с.

Михеев В.К. Отчет о работе средневековой археологической экспедиции ХГУ им. А.М. Горького в 1971 г. // НА ИА НАНУ № 1971/76.

Михеев В.К. Отчет о раскопках поселения и могильника салтовской культуры у с. Маяки летом 1965 г. // НА ИА НАНУ №1965/18.

Михеев В.К. Отчет об археологических исследованиях поселения салтово-маяцкой культуры у с. Маяки в 1968 г. // Архив ИА НАНУ 1968/48.

Михеев В.К. Отчет об археологических раскопках поселения у с. Маяки в 1964 г. // НА ИА НАНУ №1964/28

Михеев В.К. Отчет об археологических раскопках у с. Маяки Славянского р-на Донецкой обл. // НА ИА НАНУ 1966/80.

Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985. 148 с.

Михеев В.К. Результаты археологических работ на Маяцком городище в 1963 г. // Архив музея истории и этнографии Слободской Украины Харьковского национального университета. Ф. 1; Оп. 2; Ед. хр. 4.

Орлов Р.С., Моця А.П., Покас П.М. Исследования летописного Юрьева на Руси и его окрестностей // Земли Южной Руси IX-XIV вв. / Под ред. П.П. Толочко. К.: Наукова думка, 1985. С. 41–60.

Плетнева С.А. От кочевий к городам / МИА. № 142. М.: Наука, 1967. 198 с.

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. 288 с.

Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим: Гешарим / Мосты культуры, 1999. 280 с.

Сібільов М.В. Археологічні пам'ятки на Дінці у зв'язку з походами Володимира Мономаха та Ігоря Новгород Сіверського // Археологія, Вип. IV. К.: Вид. АН УССР, 1950. С. 99–114.

Сорокин С.С. Железные изделия Саркела-Белой Вежи // МИА. № 75 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 148–150.

Татаринов С.И., Копыл А.Г. Дроновские древнеболгарские могильники на р. Северский Донец // СА. 1981. №1. С. 300–307.

Татаринов С.И., Копыл А.Г., Шамрай А.В. Два праболгарских могильника на Северском Донце // СА. 1986. №1. С. 209–221.

Тахтай А.К. Погребальный комплекс хазарского времени из округа г. Чистяково Сталинской области // *Vita antiqua*. 1999. №2. С. 160–169.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.

Ходжайов Т.К., Швецов М.Л., Ходжайова Г.К., Фризен С.Ю. Население Подонцовья эпохи Золотой Орды (по материалам могильников у с. Маяки) // *Степи Европы в эпоху средневековья*. Т. 11. Золотоордынское время. / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДНУ, 2012. С. 125–192.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 269 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.

Швецов М.Л. Могильник Зливки // *Проблеми на прабългарската история и култура*. Т.2. София: Аргес, 1991. С. 109–123.

Швецов М.Л. Погребение 40 могильника Зливки // *Проблемы истории и археологии Украины. Материалы международной научной конференции* / Отв. ред. С.Б. Сорочан. Харьков: ХНУ, 2001. С. 110–111.

Швецов М.Л., Кравченко Э. Е. Отчет об археологических исследованиях экспедиции в 1988 г. // *НА ИА НАНУ* 1988/165.

Швецов М.Л., Кравченко Э.Е. Отчет о спасательных археологических исследованиях на памятнике у с. Маяки и пос. Донецкого Славянского р-на Донецкой обл. в 1989 г. // *НА ИА НАНУ* №1989/249. 22 с.

Информация об авторе

Кравченко Эдуард Евгеньевич, старший научный сотрудник, Донецкий Республиканский краеведческий музей (г. Донецк, Украина); sidae@mail.ru

REFERENCES

Aksenov, V. S. 2005. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages) 4. Khazarское время (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 245–260 (in Russian).

Aksenov, V. S. 2005. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages) 4. Khazarское время (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 357–368 (in Russian).

Aksenov, V. S. 2017. In Bubenok, O. B. (ed.). *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 15. Moscow: Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 37–57 (in Russian).

Armarchuk, E. A. 2006. *Konskaia upriazh' iz mogil'nikov Severo-Vostochnogo Prichernomor'ia X–XIII vv. (Horse Harness from the Burial Mounds of the North-Eastern Black Sea Region dated the 10th –13th cc.)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Artamonov, M. I. 1958. In Artamonov, M. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 62. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 239–268 (in Russian).

Babenko, V. A. 1914. *Trudy XV Arkheologicheskogo s"ezda v Novgorode (Proceedings of the 15th Archaeological Congress in Novgorod)* I. Moscow: “Sinodal'naia tipografiia” Publ., 446–464 (in Russian).

Bartol'd, V. V. 1973. In *Sochineniia (Works)* 8. Moscow: “Nauka” Publ., 504–545 (in Russian).

Bobrov, L. A., Khudyakov, Yu. S. 2008. *Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v epokhu pozdnego srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.). (Armament and Tactics of the Central Asian and South Siberian Nomads in the Late Middle Ages and the Early Modern Time (15th - first half of 18th cc.)*. Saint Petersburg: Faculty of Filology, Saint Petersburg State University (in Russian).

Gabuev, T. A. 2005. *Alanskii vsadnik. Sokrovishcha kniaziei I–XII vekov. Katalog vystavki. (The Alan Horseman . Treasures of 1st –12th century Princes. Exhibition Catalogue)*. Moscow: The State Museum of Oriental Art (in Russian).

Golubev, A. M. 2018. In Tyurk, A., Zelenkov, A. S. (eds.). *III Mezhdunarodniy mad'yarskiy simpozium (Budapesht, 6–10 iyunya 2016 g.) (3rd International Magyar Symposium (Budapest, June 6-10, 2016))*. Budapesht. 367–402 (in Russian).

Golubev, A. M. 2017. In *Arkheologiia (Archaeology)* 2, 57–64 (in Ukrainian).

- Grib, V. K. 2019. In *Vestnik Donetsskogo natsional'nogo universiteta. Seriya B: Gumanitarnye nauki* (*Bulletin of the of Donetsk National University. Series B: Humanities*) (3), 23–28 (in Russian).
- Grib, V. K., Shvetsov, M. L. 2019. In Kruglov, E. V., Lapshin, A. S., Lapshin, I. Yu. (eds.). *Arheologiya kak zhizn'. Pamiati Evgeniia Pavlovicha Mys'kova* (*Archaeology as Life. In Memory of Evgeny Pavlovich Myskov*). Volgograd: “Sfera” Publ., 158–173 (in Russian).
- Grincheko, V. A., 1950. In *Arkheologiya* (*Archaeology*) 3, 37–63 (Ukrainian).
- Davydenko, V. V., Gavrilova, A. N. 2011. In Dedov, V. M. (ed.). *Sviatogirs'kkii al'manakh* (*Svyatogirsky Almanac*). Donetsk, 20–31 (in Russian).
- Davydenko, V. V., Grib, V. K.. 2011. In Kolesnik, A. V. (ed.). *Arkheologicheskii al'manakh* (*Archaeological almanac*) 25. Donetsk: “Bytservis” Publ., 25–269 (in Russian).
- Dedov, V. N., Shvetsov, M. L. 1987. In *Sovetskaia Arkheologiya* (*Soviet Archaeology*) (1), 262–263 (in Russian).
- Dmitriev, A. V. 2003. In Makarova, T. I., Pletneva, S. A. (eds.). *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekovija IV–XIII vv.* (*Crimea, North-Eastern Black Sea region and Transcaucasia in the Middle Ages in the 4th–13th cc.*). Moscow: “Nauka” Publ., 200–206 (in Russian).
- D'yachkov, S. V. 2016. In *Drevnosti* (*Antiquities*) 14, 222–225 (in Russian).
- Kirpichnikov, A. N. 1966. *Drevnerusskoe oruzhie* (*Early Russian Weapons*) 2. *Kop'ia, sulitsy, boevye topory, bulavy, kisteny IX–XIII vv.* (*Spears, Lances, War Axes, Maces, Flails of 9th–13th Centuries*). Series: *Svod Arkheologicheskikh Istochnikov* (*Corpus of Archaeological Sources*) E1-36. Moscow; Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Kirpichnikov, A. N. 1973. *Snariazhenie vsadnika i verkhovogo konia na Rusi IX–XIII vv.* (*Munitions of Rider and Riding Horse in Rus' of 9th — 13th Centuries*). Series: *Corpus of Archaeological Sources* E1–36. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Koloda, V. V. 2013. In *Saltovo-maiats'ka arkheologichna kul'tura: problemi ta doslidzhennia* (*Saltovo-Mayaki Archaeological Culture: Issues and Achievements*) 3. Kharkiv: “KhNMTsOKS” Publ., 73–81 (in Russian).
- Koloda, V. V. 2014. In Dyachkov, S. V. (ed.). *Problemy istorii i arkheologii Ukrainy* (*Issues of History and Archaeology of Ukraine*). Kharkiv: Kharkiv National University, 54–55 (in Russian).
- Koloda, V. V., Koloda, T. A. 2009. In Oleynik, N. N. (ed.). *Khazarskii al'manakh* (*Khazar Almanac*) 8. Kharkiv: “International Solomon University” Publ., 203–215 (in Russian).
- Komar, A. V., Sukhobokov, O. V. 2000. In *Vostochoevropeiskii arkheologicheskii zhurnal* (*East-European Archaeological Journal*) 3(2), March–April Available at: http://archaeology.kiev.ua/journal/020300/komar_sukhobokov.htm (Accessed: 04.12.2020).
- Kravchenko, E. E. 2004. In Mikheev, V. K. (ed.). *Khazarskii al'manakh* (*Khazar Almanac*) 3. Kiev-Kharkiv: “International Solomon University” Publ., 242–276 (in Russian).
- Kravchenko, E. E. 2005. In *Problemy zberezheniia i vikoristanniia kul'turnoi spadshchiny v Ukraini* (*Issues of the Preservation and Use of Cultural Heritage in Ukraine*). Slovyansk: “Pechatnyi dvor” Publ., 208–222 (in Russian).
- Kravchenko, E. E. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya* (*Volga River Region Archaeology*) 24 (2), 10–32 (in Russian).
- Kravchenko, E. E. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaiia Gazariia i Zolotaia Orda* (*The Genoese Gazaria and the Golden Horde*). Kazan; Simferopol; Kishinev: “Stratum Plus” Publ., 407–474 (in Russian).
- Kravchenko, E. E., Petrenko, A. N., Shamrai, A. V. 2008. *Otchet ob issledovaniiah na arkheologicheskom komplekse Mayaki v 2008 godu* (*Report on Studies at the Mayaki Archaeological Complex in 2008*). Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 2008/82 (in Russian).
- Kravchenko, E. E. 2020. *Sidorovskii arkheologicheskii kompleks na r. Severskii Donets* (*Sidorovsky Archaeological Complex on the Seversky Donets River*) *Arkheologiya Evraziiskikh stepei* (*Archaeology of Eurasian Steppes*) 4 (in Russian).
- Kravchenko, E. E., Davydenko, V. V. 2001. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia* (*Steppes of Europe in the Middle Ages*) 2. *Khazarskoe vremia* (*Khazar Time*). Donetsk: Donetsk National University, 233–302 (in Russian).

- Kravchenko, E. E., Shamrai, A. V. 2014. In *Problemy zberezhennia i vikoristannia kul'turnoi spadshchiny v Ukraini (Issues of the Preservation and Use of Cultural Heritage in Ukraine)*. Donetsk: "Vash imidzh" Publ., 183–192 (in Russian).
- Krasil'nikov, K. I. 2010. In Mochalova, V. V. (ed.). *Nauchnye trudy po iudaike. Materialy XVII Mezhdunarodnoi ezhegodnoi konferentsii po iudaike (Scientific Works on Jewish Studies. Materials of the 17th Annual International Conference on Jewish Studies)* II. Moscow: "Probel-2000" Publ., 16–32 (in Russian).
- Kryganov, A. V. 1987. *Vooruzheniie i konskoe snariazhenie kochevnikov iuga Vostochnoi Evropy (Armament and Horse Equipment of the Nomads of the South of Eastern Europe in the 7th-10th cc.)*. Diss. of Candidate Historical Sciences. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. Fund 12, No. 656 (in Russian).
- Loktyushev, S. A. 2009. In *Kraeznavchi zapiski (Local History Notes)* 5, 299–300 (in Russian).
- Mazhitov, N. A. 1968. *Bakhmutinskaia kul'tura: Etnicheskaia istoriia naseleniia Severnoi Bashkirii serediny I tysiacheletii nashei ery (The Bakhmutino Culture: Ethnic History of the Northern Bashkiria Population in the Middle I Millennium AD)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Maiko, V. V., Gavrillov, A. V., Gukin, V. D.. 2009. In Oleynik, N. N. (ed.). *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 8. Kharkiv: "International Solomon University" Publ., 237–263 (in Russian).
- Matveeva, G. I. 1997. *Mogil'nik rannikh bulgar na Samarskoi Luke (Могильники ранних болгар на Самарской Луке)*. Samara: Samara State University (in Russian).
- Matveeva, G. I. 1997. *Mogil'nik rannikh bulgar na Samarskoi Luke (Burial grounds of the Early Bulgars on Samarskaya Luka)*. Samara: Samara State University (in Russian).
- Dedov, V. N., Shamray, A. V., Solovkin, O. O. (comp.). 2017. *Material'na ta dukhovna kul'tura naseleniia Podintsiv'ia v period seredn'ovchchia VIII-XIV st. na prikladi gorodishcha "Tsarine" (Maiats'ke) (The Material and Spiritual Culture of the Population of the Don Region in the Period of the Mid-8thI-14th cc. at the Example of "Tsarina" Fortified Settlement (Mayaki))*. Kiev: "SAM" Publ. (in Ukrainian).
- Medvedev, A. F. 1966. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII–XIV vv. (Hand Missile Weapons (Bow and Arrows, Crossbow) of 8th – 14th Centuries)*. *Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources)* E1-36. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Mikheev, V. K. 1963. *Rezultaty arkheologicheskikh rabot na Maiatskom gorodishche v 1963 g. (Results of Archaeological Activities at Mayaki Settlement in 1963)*. Archive of the Museum of History and Ethnography of Sloboda Ukraine, Kharkiv National University. Fund 1. Inv. 2. Unit 4 (in Russian).
- Mikheev, V. K. 1964. *Otchet o arkheologicheskikh raskopkakh poseleniia u sela Maiaki v 1964 g. (Report on Archaeological Excavations at a Settlement near Mayaki Village in 1964)*. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1964/28 (in Russian).
- Mikheev, V. K. 1965. *Otchet o raskopkakh poseleniia i mogil'nika saltovskoi kul'tury u sela Maiaki letom 1965 g. (Report on the Excavations of a Settlement and Burial Ground of the Saltovo Culture near Mayaki Village in the Summer of 1965.)*. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1965/18 (in Russian).
- Mikheev, V. K. 1966. *Otchet o arkheologicheskikh raskopkakh poseleniia u sela Maiaki Slaviankogo raiona Donetskoi oblasti. (Report on Archaeological Excavations near Mayaki Village of the Slavyansky District of the Donetsk Region.)*. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1966/80 (in Russian).
- Mikheev, V. K. 1968. *K itogam issledovaniia poseleniia saltovo-maiatskoi kul'tury (The Results of the Study of a Settlement of the Saltovo-Mayaki Culture near Mayaki Village)* (in Russian).
- Mikheev, V. K. 1968. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiaakh poseleniia saltovskoi kul'tury u sela Maiaki v 1968 g. (Report on the Excavations of a Settlement and Burial Ground of the Saltovo Culture near Mayaki Village in the Summer of 1965.)*. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1968/48 (in Russian).
- Mikheev, V. K. 1971. *Otchet o rabote srednevekovoi arkheologicheskoi ekspeditsii Khar'kovskogo gosudarstvennogo universiteta. A.M. Gor'kogo v 1971 g. (Report on the Activities work of the Medieval Archaeological Expedition of the National University of Kharkov named after A.M. Gorky in 1971)*. Research Archive of the Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1971/76 (in Russian).
- Mikheev, V. K. 1985. *Podon'e v sostave Khazarskogo kaganata (The Don Region in Khazar Khaganate)*. Kharkiv (in Russian).

- Orlov, R. S., Motsya, A. P., Pokas, P. M. 1985. In Tolochko, P. P. (ed.). *Zemli Yuzhnoi Rusi IX-XIV vv. (Southern Russian Lands in the 9th-14th cc.)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 41–60 (in Russian).
- Pletneva, S. A. 1989. *Na slaviano-khazarskom pogranič'e. Dmitrievskii arkheologičeskii kompleks (In the Slavic-Khazar Borderlands. Dmitriev Archaeological Complex)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Pletneva, S. A. 1967. *Ot kočevii k gorodam. Saltovo-maiatskaia kul'tura (From Camps to Towns. Saltovo-Mayaki Culture). Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Research in Archaeology of the USSR) 142*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Pletneva, S. A. 1999. *Očerki khazarskoj arkheologii (Essays on Khazar Archaeology)*. Moscow; Jerusalem: "Gescharim"; "Mosty kul'tury" Publ. (in Russian).
- Sibil'ov, M. V. 1950. In *Arkheologičiia* 4, 99–114 (in Ukrainian).
- Sorokin, S. S. 1959. In Artamonov, M. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 75*. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 148–150 (in Russian).
- Tatarinov, S. I., Kopyl, A. G. 1981. In *Sovetskaia Arkheologičiia (Soviet Archaeology) (1)*, 300–307 (in Russian).
- Tatarinov, S. I., Kopyl, A. G., Shamray, A. V. 1981. In *Sovetskaia Arkheologičiia (Soviet Archaeology) (1)*, 209–221 (in Russian).
- Takhtay, A. K. 1999. In *Vita antiqua* (2), 160–169 (in Russian).
- Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kočevniki Vostočnoj Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologičeskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Khodzhayov, T. K., Shvetsov, M. L., Khodzhayova, G. K., Frizen, S. Yu. 2012. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages) 11*. Donetsk: Donetsk National University, 125–192 (in Russian).
- Khudyakov, Yu. S. 1980. *Vooruzhenie enisejskikh kyrgyzov (Armament of the Yenisei Kyrgyz)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Khudiakov, Yu. S. 1986. *Vooruzhenie srednevekovykh kočevnikov Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii (Arms of the Medieval Nomads of the Southern Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Khudyakov, Yu. S. 1991. *Vooruzhenie tsentral'noaziatskikh kočevnikov v epokhu rannego i razvitogo srednevekov'ya (Armament of Central Asian Nomads in the Early and Developed Middle Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Shvetsov, M. L. 1991. In *Problemi na prablgarskata i kultura (Issues of the Proto-Bolgar History and Culture) 2*. Sofia: "Agres" Publ., 109–123 (in Russian).
- Shvetsov, M. L. 2001. In Sorochan, S. B. (ed.). *Problemy istorii i arkheologii Ukrainy (Issues of History and Archaeology of Ukraine)*. Kharkiv: Kharkiv National University, 110–111 (in Russian).
- Shvetsov, M. L., Kravchenko, E. E. 1988. *Otchet ob arkheologičeskikh issledovaniiax ekspeditsii v 1988 g. (Report on the Archaeological Studies of the Expedition in 1988)*. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1988/165 (in Russian).
- Shvetsov, M. L., Kravchenko, E. E. 1989. *Otchet o spasate'nykh arkheologičeskikh issledovaniiax na pamiatnike u sela Maiaki Slavyanskogo raiona Donetskoi oblasti v 1989 g. (Report on Rescue Archaeological Studies at the Monument near Mayaki and Donetsk villages in Slavyansky District of Donetsk Region in 1989)*. Research Archive of the Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1989/249. (in Russian).

About the Author:

Kravchenko Eduard E. Donetsk Museum of Local History. Chelyuskintsev 189-a, Donetsk, 283048, Ukraine; sidae@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2020 г.
Статья принята к публикации 01.09.2020 г.

Рис. 1. Конские путы и детали седел с памятников в среднем течении Северского Донца: 1-2, 5-7 – Маяки; 3-4, 8 – Государев Яр. (2, 5, 7 – по Матеріальна та духовна культура, 2017, Ілл. 59, 62; 4, 8 – по Давыденко, Гриб, 2011; 3 – по Колода, 2013).

Fig. 1. Hobbles and saddle details from the sites located in the middle reaches of the Seversky Donets: 1-2, 5-7 – Mayaki; 3-4, 8 – Gosudarev Yar. (2, 5, 7 – after Material and Spiritual Culture, 2017, Ill. 59, 62; 4, 8 – after Davydenko, Grib, 2011; 3 – after Koloda, 2013).

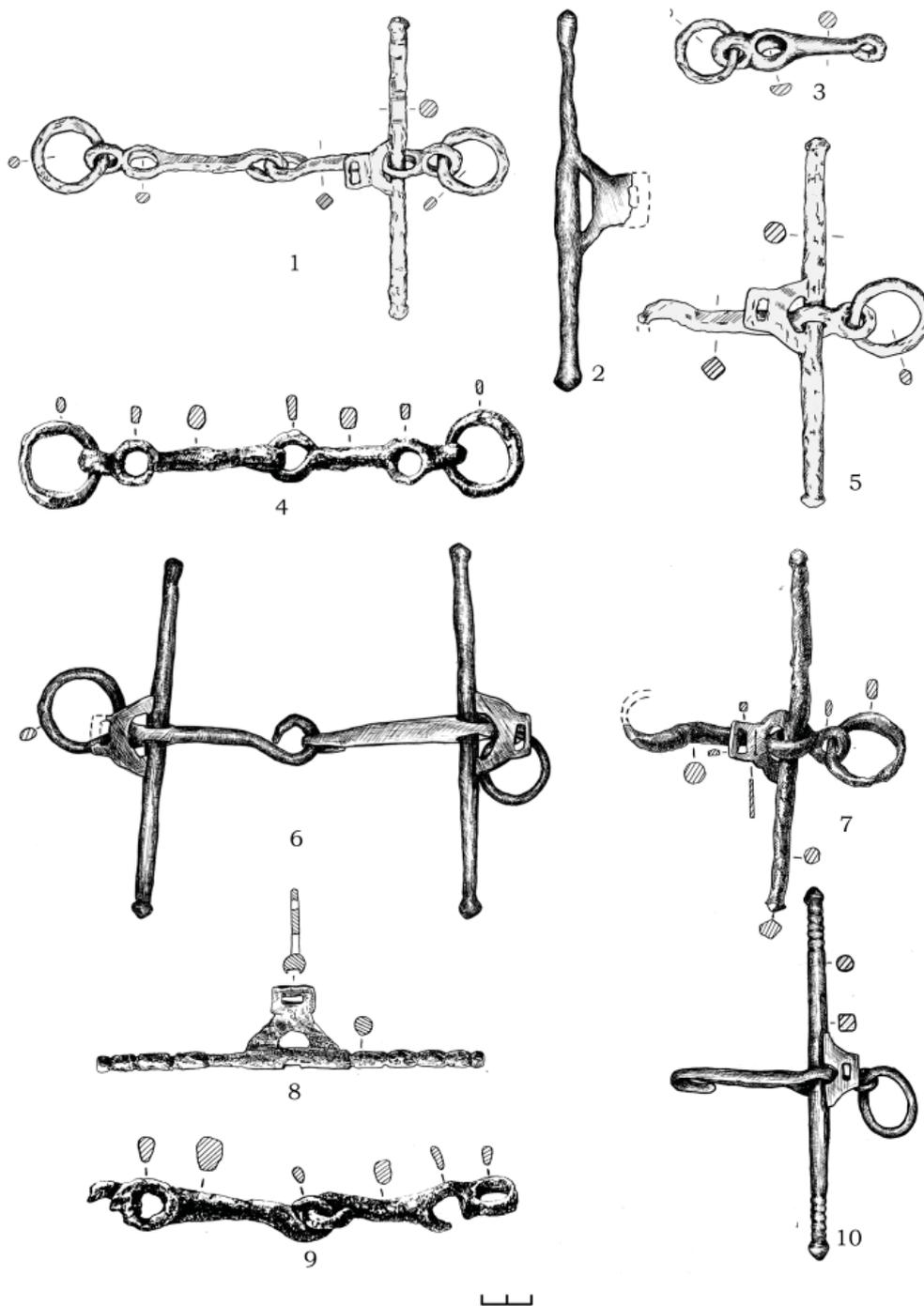
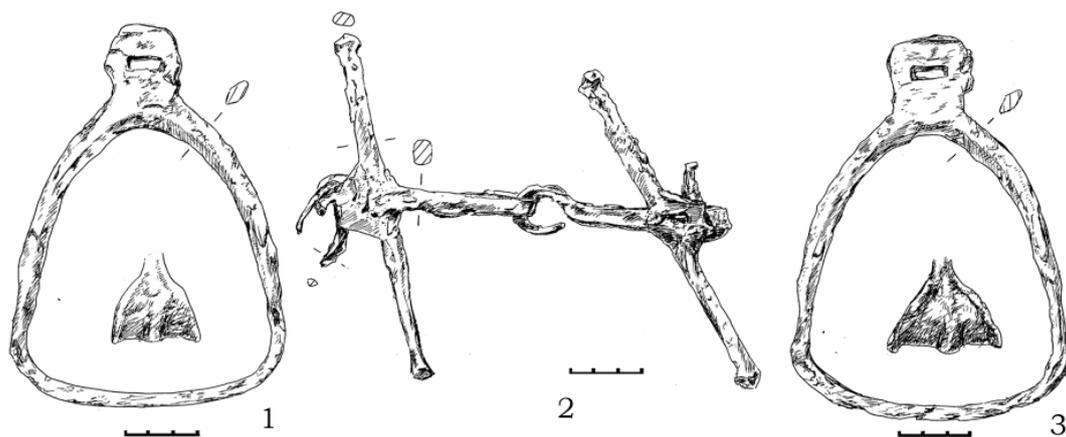

Рис. 2. Удила с археологического комплекса у с. Маяки.
 Fig. 2. Bit from an archaeological complex near Mayaki village.

Рис. 3. Стремена с археологического комплекса у с. Маяки: 1-3, 5-7 – раскопки В.К. Михеева;
4 – по Матеріальна та духовна культура, 2017, Ілл. 54.

Fig. 3. Stirrups from the archaeological complex near Mayaki village: 1-3, 5-7 – excavations by V. K. Mikheev;
4 – after Material and Spiritual Culture, 2017, Ill. 54.

4

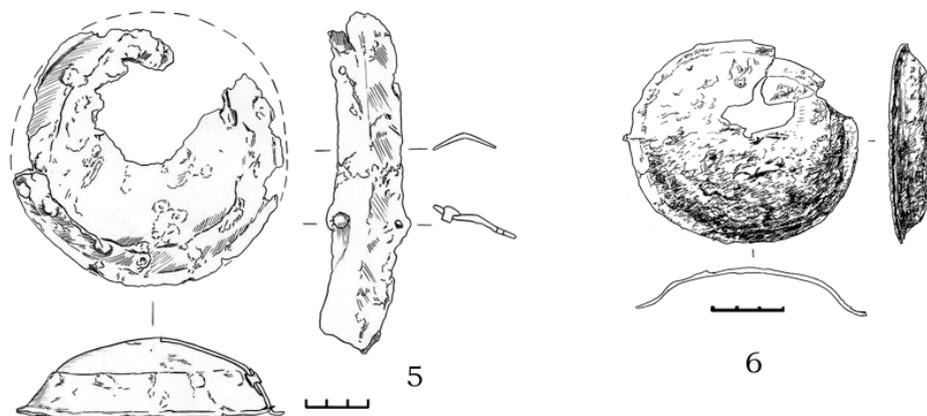

Рис. 4. Детали конской упряжи из комплекса 2012 г., найденного на городище у с. Маяки: 1-3, 6 – предметы из комплекса; 4 – фото комплекса; 5 – бляха из клада железных вещей, найденного у г. Николаевка.

Fig. 4. Horse harness details from the 2012 complex discovered at the site of a settlement near Mayaki village: 1-3, 6 – items from the complex; 4 – photo of the complex; 5 – plaque from a hoard of iron items discovered near Nikolaevka.

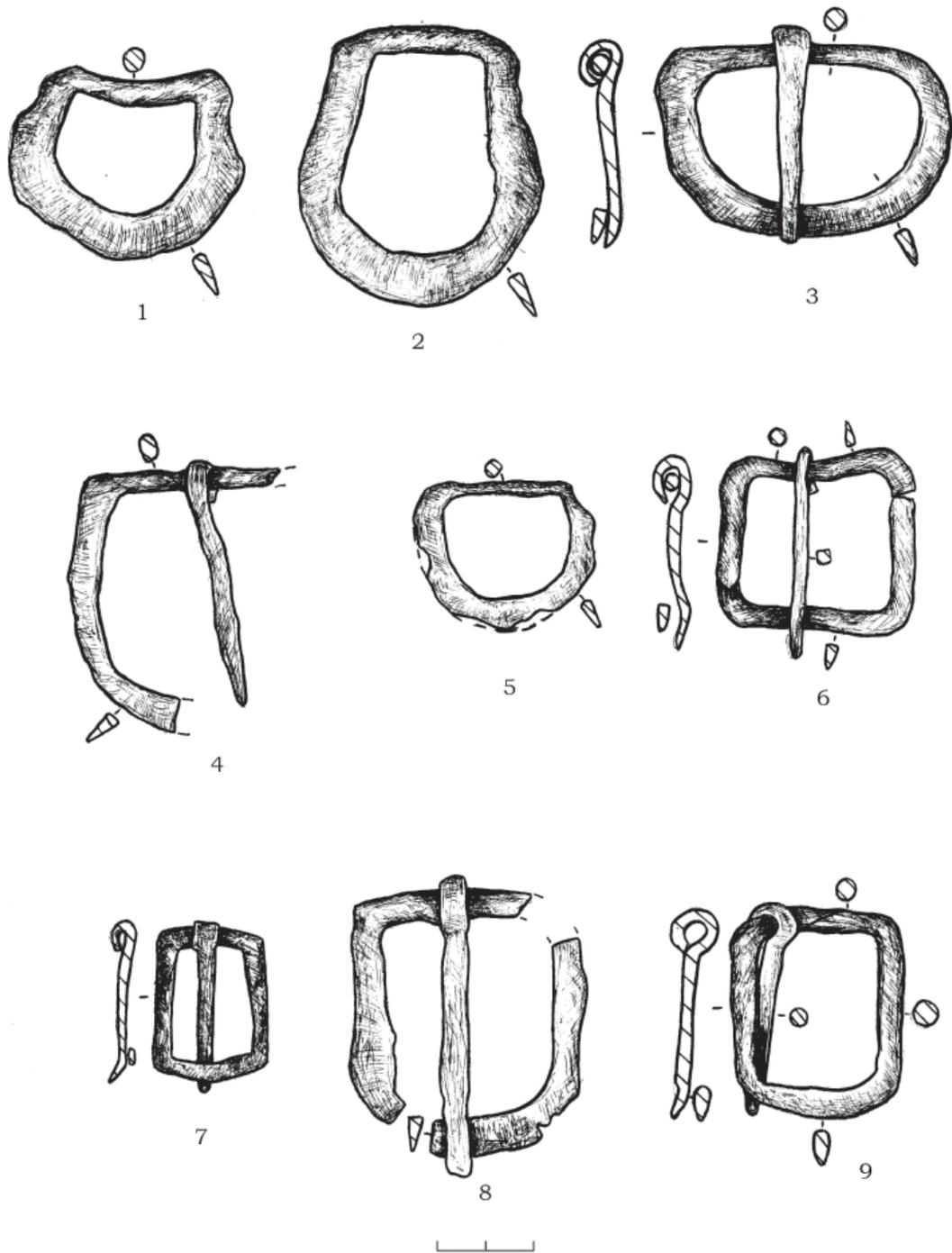

Рис. 5. Железные пряжки с археологического комплекса у с. Маяки. Раскопки В.К.Михеева.
Fig. 5. Iron buckles from an archaeological site near Mayaki village. Excavations by V. K. Mikheev.

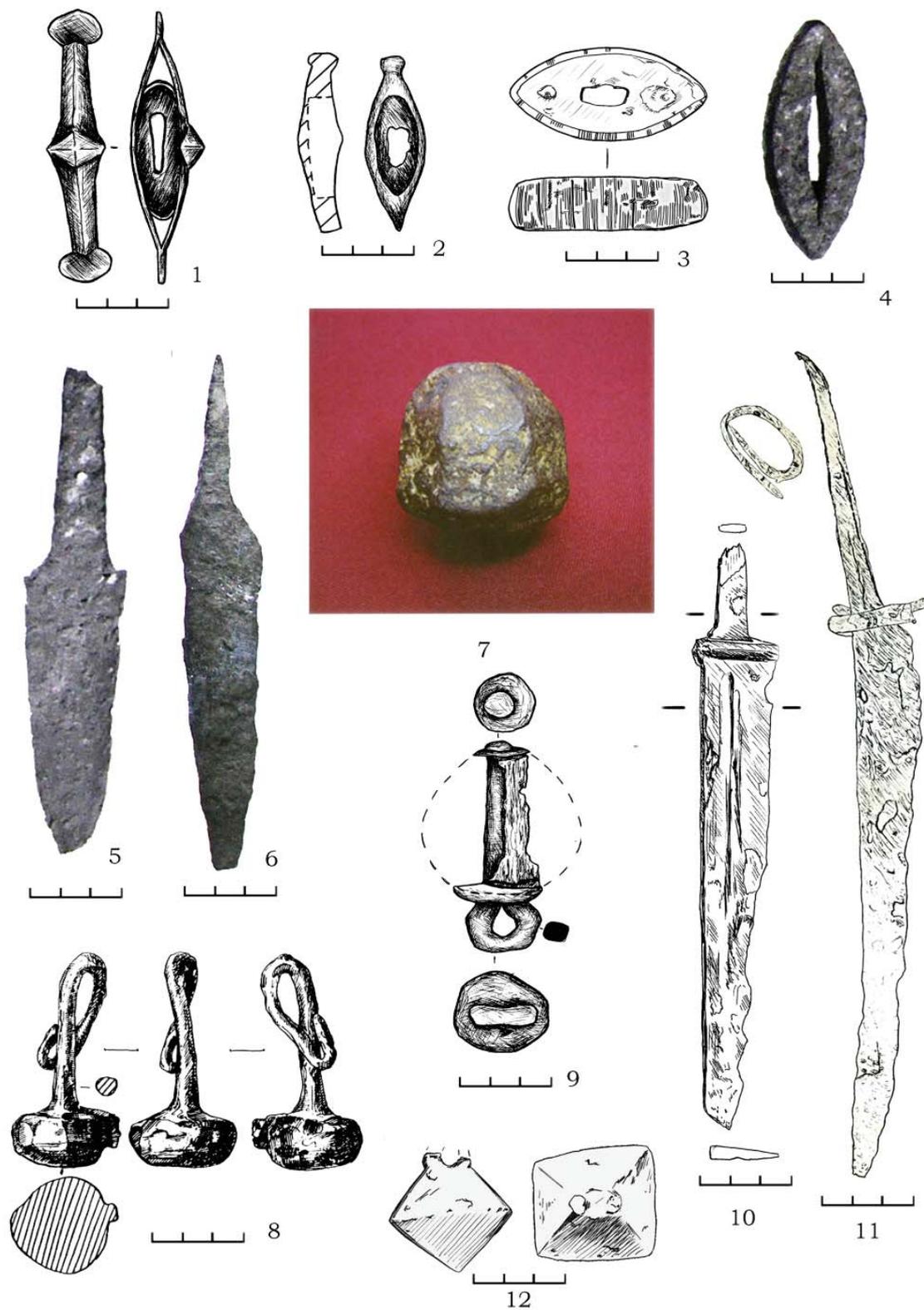

Рис. 6. Предметы вооружения с археологического комплекса у с. Маяки и Теплинского леса (10):
1-2, 4-6, 9 – раскопки В.К. Михеева; 7 – Матеріальна та духовна культура, 2017, Ілл. 72.

Fig. 6. Armament items from an archaeological complex near Mayaki village and Teplinsky forest (10):
1-2, 4-6, 9 – excavations by V. K. Mikheev; 7 – Material and Spiritual Culture, 2017, Ill. 72.

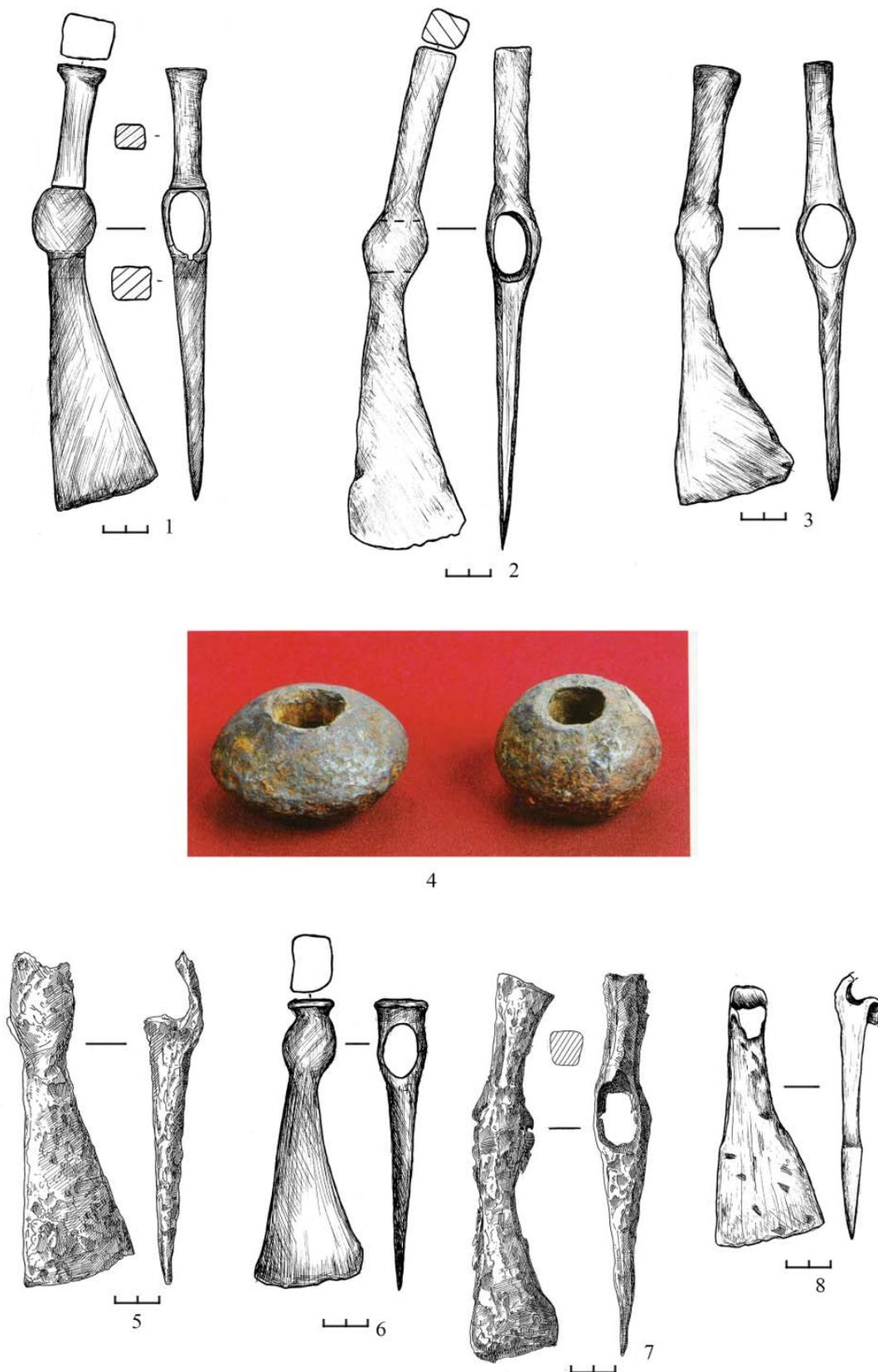

Рис. 7. Боевые топоры и булавы с археологического комплекса у с. Маяки:
1-3, 6 – раскопки В.К. Михеева; 4 – по Матеріальна та духовна культура, 2017, Ілл. 71.
Fig. 7. Battle axes and maces from an archaeological complex near Mayaki village:
1-3, 6 – excavations by V. K. Mikheev; 4 – after Material and Spiritual Culture, 2017, Ill. 71.

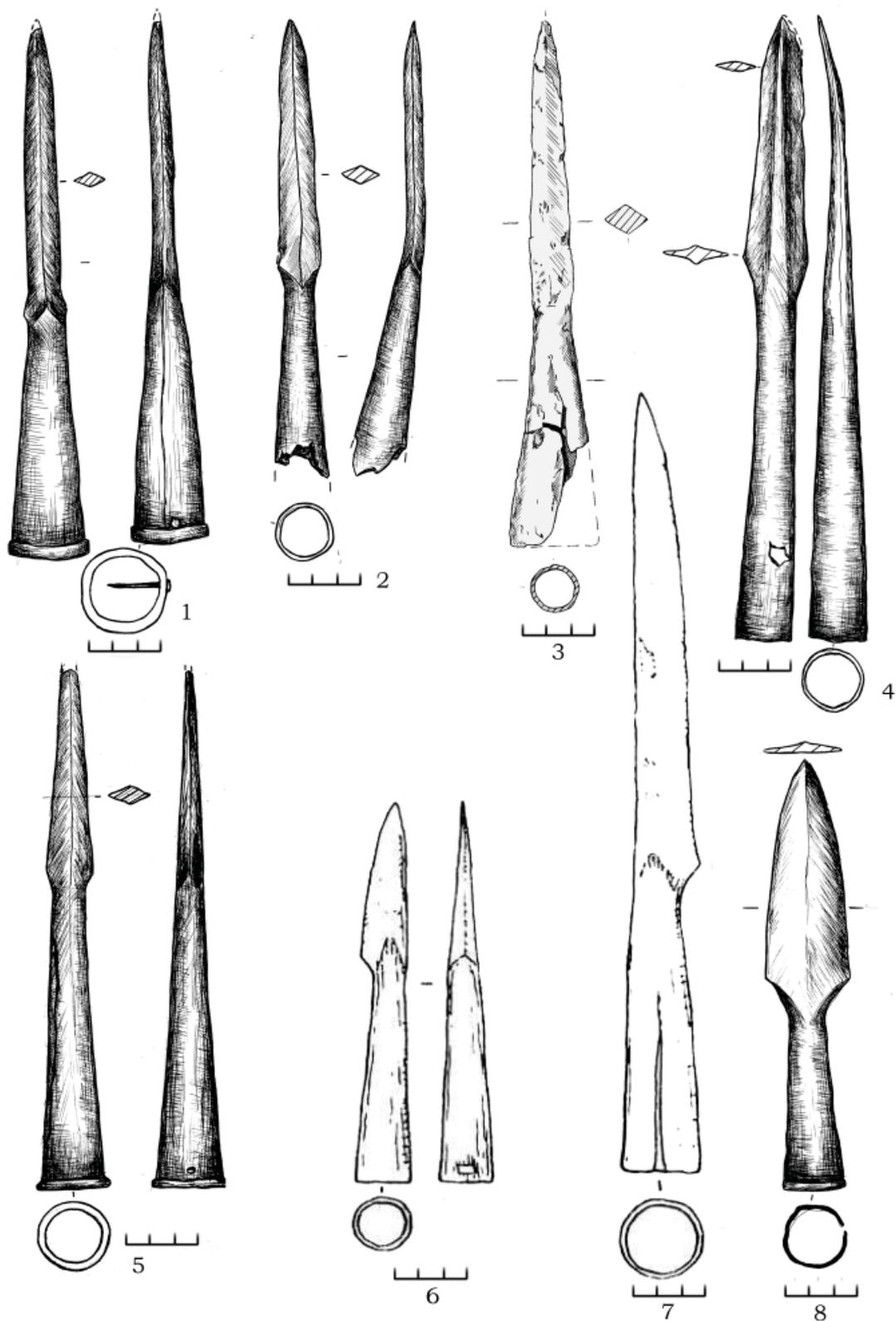

Рис. 8. Наконечники копий с археологического комплекса у с. Маяки по В.К. Михееву (6-7 – по Михеев, 1985, рис. 30, 17-18).

Fig. 8. Spearheads from an archaeological complex near Mayaki village after V. K. Mikheev (6-7 – after Mikheev, 1985, fig. 30, 17-18).

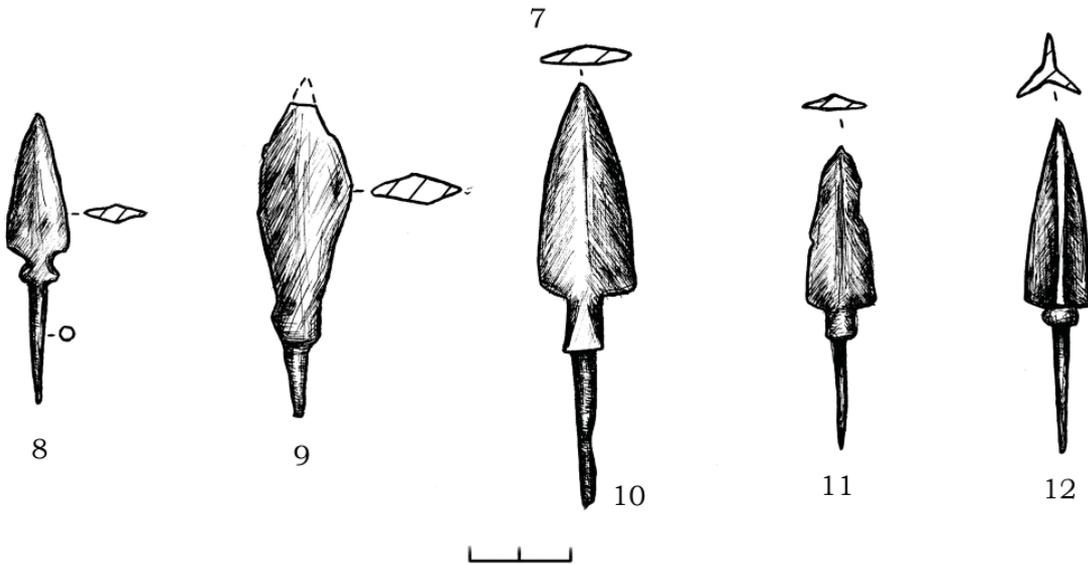
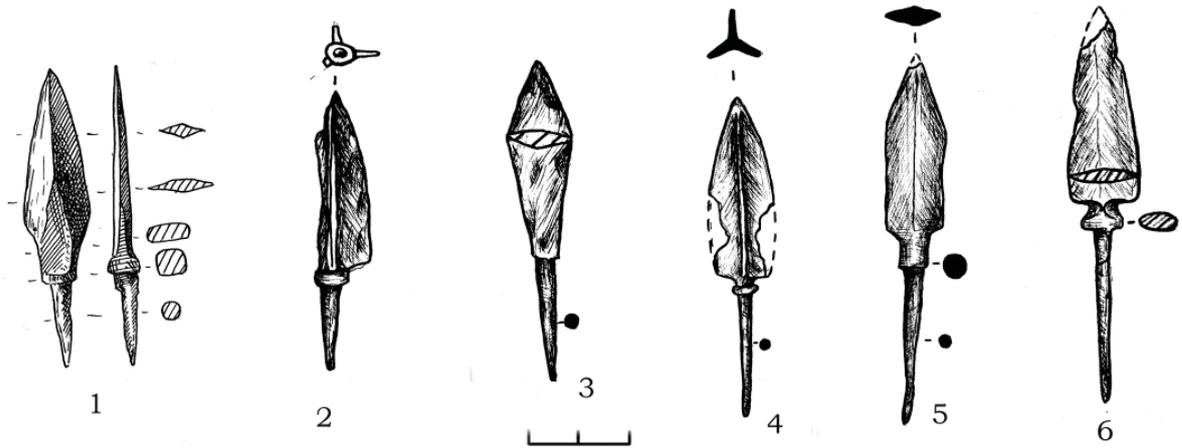

Рис. 9. Наконечники стрел с археологического комплекса у с. Маяки: 2-6 – по В.К.Михееву;
7 – по Матеріальна та духовна культура, 2017, Ілл. 65.
Fig. 9. Arrowheads from an archaeological complex near Mayaki village: 2-6 – after V. K. Mikheev;
7 – after Material and Spiritual Culture, 2017, Ill. 65.

УДК 903.24, 903.25

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2020.6.224.233>**АЛЕКСЕЕВСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ (К ВОПРОСУ О ПАМЯТНИКАХ
«АВИЛОВСКОГО» ТИПА НА НИЖНЕЙ И СРЕДНЕЙ ВОЛГЕ)**

©2020 г. Н.А. Лифанов

В статье рассматривается погребальная обрядность и инвентарь захоронения, исследованного в 1975 г. в Саратовской области. Погребение относится к обладающему культурным своеобразием «авиловскому» типу памятников, распространённому в гуннское и постгуннское время на территории Нижнего и Среднего Поволжья. Автор приходит к выводу, что авиловский погребальный обряд отличается от других групп погребений постгуннского и раннетюркского времени значительным своеобразием. Погребения, совершенные по данному обряду, образовали компактный ареал в степях Нижней Волги. Датировка позднейших авиловских захоронений совпадает с временем начала активного распространения в степях Восточной Европы влияния Хазарского каганата. Автором поддерживается высказанная ранее гипотеза о вхождении носителей авиловского погребального обряда в состав хазарской этносоциальной общности.

Ключевые слова: археология, Нижнее Поволжье, Среднее Поволжье, погребение, гуннское время, постгуннское время, «авиловский» тип памятников.

**ALEXEYEVKA BURIAL (CONCERNING THE MONUMENTS OF
"AVILOVO" TYPE ON THE LOWER AND MIDDLE VOLGA)**

N. A. Lifanov

The article addresses the burial rites and grave goods of a burial investigated in 1975 in the Saratov region. The burial belongs to the culturally original monuments of "Avilovo" type widely spread in the Hunnic and Post-Hunnic periods in the Lower and Middle Volga regions. The author comes to the conclusion that the Avilovo burial rite differs from that one of other groups of burials of the post-Hunnic and Early Turkic times by a significant peculiarity. Burials made according to this rite formed a compact area in the steppes of the Lower Volga. The dating of the later Avilovo burials coincides with the time of the beginning of the active spread of the influence of the Khazar Khaganate in the steppes of Eastern Europe. The author supports the hypothesis expressed earlier about the inclusion of the Avilovo burial rite carriers in the Khazar ethno-social community.

Keywords: archaeology, Lower Volga region, Middle Volga region, burial, Hunnic period, Post-Hunnic period, monuments of "Avilovo" type.

В 1975 г. в Хвалынском районе Саратовской области экспедицией Куйбышевского пединститута под руководством В.И. Пестриковой и С.А. Агапова¹ исследовался Алексеевский правобережный грунтовый могильник. Памятник расположен на высоком обрывистом берегу Волги, ежегодно разрушающемся Саратовским водохранилищем. Основной массив погребений на могильнике, по мнению автора исследований, близок фатьяновско-балановским материалам (Пестрикова, 1976, с. 9, 17). Объектом рассмотрения здесь является резко отличное от них погребение № 3 в раскопе I (рис. 2).

¹ Автор выражает глубокую признательность Валентине Ивановне и Сергею Александровичу за возможность опубликования материалов Алексеевского погребения, а также волгоградскому археологу Евгению Викторовичу Круглову за первичную информацию о нём.

Захоронение было обнаружено на глубине 1 м от уровня современной поверхности. Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 1,95×1,34 м и глубиной в материке 0,35 м была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. В заполнении ямы содержалось значительное количество древесных углей, наибольшая концентрация которых наблюдалась в северо-восточной ее части. Здесь на глубине 10–20 см от уровня материка отмечено большое скопление угля, отдельных кусков обожженного дерева, остатки плашек. В заполнении юго-западной части могилы была найдена круглая бусина из стекловидной массы желтоватого цвета (диаметр бусины – 1 см, диаметр отверстия – 2,5 см) (рис. 3: 1).

Скелет человека лежал вытянуто на спине вдоль северо-западной стенки могильной ямы, ориентирован головой на северо-восток. Руки были вытянуты вдоль тела, правая кисть

отсутствовала. Правая стопа также была отделена, ее кости располагались в 5–6 см справа от правой голени. Пяточные кости были плотно прижаты друг к другу.

На правой части груди погребенного лежал железный нож со следами деревянных ножен (длина лезвия – 11,5 см, максимальная ширина – 2 см, черешок ножа обломан) (рис. 3: 5). Нижние позвонки и верхняя часть копчика с передней стороны тела, а также нижняя часть тазовых костей с задней стороны были окрашены окислом железа, комок сильно окислившегося железа был обнаружен в тазовой впадине. Предположительно можно заключить, что пояс погребенного был декорирован железной гарнитурой, возможно, полосками железа.

Следы разложившегося железа в виде полосок (шириной около 2 см) были отмечены также на плюснах и пяточных костях. Полоски железа охватывали обе ноги, крепились к обуви бронзовыми заклепками – по три (две круглые и одна подпрямоугольная) на каждой ноге. Круглые заклепки (высота 6 мм) имели полусферическую головку (диаметр 4 мм, высота 2 мм) на круглой в сечении ножке (диаметр ок. 1 мм) (рис. 3: 2). Подпрямоугольные заклепки состояли из бронзовой пластинки (12–16×5,5 мм) с двумя отверстиями, в которые были вставлены бронзовые же штифты (высота 5 мм) (рис. 3: 3–4).

Слева от черепа были положены череп, шейные позвонки и кости ног с копытцами животного (теленка?). В южном углу могилы располагались ориентированный мордой на северо-восток череп, а также шейные позвонки, два ребра, альчики, кость ноги и копыто быка (Пестрикова, 1976, с. 12–13).

Материалы Алексеевского погребения не дают возможности для его узкой датировки. Однако археологически зафиксированный погребальный обряд позволяет довольно точно определить его культурную принадлежность.

В 1990 г. Е.В. Кругловым было введено в научный оборот понятие памятников «авиловского» типа (Круглов, 1990, с. 46–50). Круг относящихся к нему комплексов, включая рассматриваемое здесь погребение на Алексеевском правобережном могильнике, составляет на сегодняшний день 11 объектов, главным образом с территориями Степного Поволжья (рис. 1): Авиловский 1/1² (Синицын, 1954, с. 226–228, 230–232, рис. 1–3), Борода-

евка (Боаро, урочище Рунталь) 9/5 (Синицын, 1947, с. 127–131, рис. 86, 88, таб. IX), Верхне-Погромное I 4/3 (Шилов, 1975, с. 56–58, рис. 43; Засецкая, 1968б, с. 35–36; Засецкая, 1994, с. 180, рис. 3 – 2; Степи Евразии, 1981, рис. 8 – 4), Коминтерн II п. 47³ (Казаков, 1998, с. 98, 100, 101, рис. 37), Ленинск 3/12 (Засецкая, 1968б, с. 36–38; Засецкая, 1994, с. 185–186, рис. 3 – 4; Степи Евразии, 1981, рис. 8 – 5), Покровск 36/2 (Засецкая, 1994, с. 181–182, рис. 3 – 1⁴; Степи Евразии, 1981, рис. 8 – 9), Политотдельское 1/1 (Смирнов, 1959, с. 303–304, 321–322, рис. 36 – 2), Преполовенка 6/2 (Васильева, 1979, с. 205–206, рис. 3), Таганский р. 1 п. 2 (Матвеев, Цыбин, 2004, с. 8–10, 28–29, рис. 6–7), Царев 66/2 (Круглов, 2005, рис. 4; Круглов, 2013, с. 100–106; Круглов, 2014, с. 201–208).

Данную общность памятников выделяет комплекс признаков, характерный для всех или подавляющего большинства входящих в неё захоронений:

1. Все захоронения – одиночные, ни в одном случае не составляют групп⁵.

2. Все совершены на высоких берегах надпойменных речных террас. Исключение – п. 2 р. 1 Таганского могильника, расположенное на возвышенности в пойме р. Битюг.

3. Сооружение специальных курганов для «авиловцев» нехарактерно (такое отмечено только в Авиловском): они предпочитали либо вовсе обходиться без них (Коминтерн, Таганский, Алексеевка), либо совершать погребения в насыпи более раннего времени (остальные 7 комплексов).

4. Тело погребенного укладывали ближе к западной стенке могилы (исключение – Царев, где оно размещено по осевой линии ямы).

5. Все погребённые укладывались головой в северный сектор. При этом в ориентировках четко выделяются два диапазона: северный – 348°–8° (Коминтерн, Царев, Таганский, Верхне-Погромное, Ленинск, Авиловский, Преполовенка) и северо-северо-восточный – 21°–45° (Политотдельское, Бородаевка, Покровск, Алексеевка), по всей вероятности, отражающие сезонные вариации.

3 Это погребение, наиболее северное из всех, расположено уже в лесостепной зоне.

4 В нумерации рисунков на данной странице допущены ошибки, перенесенные и в позднейшую публикацию (Казанский, Мастыкова, 2009, с. 117).

5 Включённое в состав Коминтерновского II могильника погребение № 47 расположено на значительном (180 м) расстоянии от остальных захоронений (Казаков, 1998, с. 98).

² Цифры означают номера курганов/погребений.

6. Сбоку от левой ноги погребённого расположены останки жертвенного животного: лошади (Авиловский, Бородаевка, Покровск, Верхне-Погромное, Таганский, Царев) или крупного рогатого скота (Политотдельское, Преполовенка, Ленинск, Коминтерн, Алексеевка), представляющие собой комплекс из конечностей и черепа, обращенного храпом к северу, т. е. в противоположную от человека сторону (вероятно – сложенную шкуру). Конские останки не сопровождаются деталями упряжи⁶: лошадь явно не воспринималась как верховая, что согласуется с «приравниванием» её к корове.

Ряд признаков погребальной обрядности, характеризующих «авиловские» захоронения, обладают большей вариабельностью и могут рассматриваться как факультативные:

7. Могильные ямы «авиловских» погребений в конструктивном отношении подразделяются на простые и сложные – со специально выделенной погребальной камерой и ступенькой (Авиловский, Бородаевка, Преполовенка, Покровск, Царев), на которой в этих случаях размещалась шкура жертвенного животного.

8. Положение тел большинства погребенных характеризуется, судя по положению головы и ребер, завалом на правый бок (Авиловский, Политотдельское, Бородаевка, Покровск, Коминтерн, Таганский, Верхне-Погромное), остальные лежат вытянуто на спине. В ряде случаев отмечена частичная комплектность частей скелета: отсутствовали левые кисти рук в Преполовенке, Покровске, Ленинске, Верхне-Погромном, Таганском, правые – в Политотдельском и Алексеевке. Это можно было бы объяснить естественными причинами либо утратой при расчистке, однако в погребении из Алексеевки отсутствие кисти руки специально оговорено авторами раскопок, там же кости правой стопы покойного были аккуратно размещены у его правой голени.

9. В четырех случаях зафиксированы деревянные гробы или носилки (Авиловский, Покровск, Ленинск, Царев).

10. Помимо шкуры жертвенного животного в «авиловские» могилы помещалась и заупокойная пища, представленная в одних случаях посудой: Ленинск (керамический и деревянный сосуды), Бородаевка (деревянное блюдо), в других – костями животных: овца – Царев, Ленинск, Покровск; коза – Преполовенка,

теленки – Алексеевка. Расположение пищи весьма устойчиво – в районе черепа погребенных, и лишь в одном случае (Покровск) – в ногах.

Для четверых «авиловцев» зафиксирована кольцевая деформация черепа (Коминтерн, Бородаевка, Политотдельское, Таганский). Антропологический тип погребенных, в тех случаях, когда он фиксировался, – монголоидный (Верхне-Погромное, Политотдельское, Таганский, Царев).

Сопровождающий погребенных инвентарь включает, с одной стороны, предметы вооружения (детали сложных луков и наконечники стрел в Авиловском, Цареве, Таганском) и конской упряжи (удила в Цареве и Таганском, седло в Бородаевке), а с другой – богатые наборы украшений, включавшие, помимо прочего, диадемы (в Ленинске, Покровске, Верхне-Погромном). Это позволяет констатировать наличие как мужских, так и женских «авиловских» захоронений.

Ареал распространения подавляющего большинства «авиловских» памятников строго соотносится с территорией степной зоны Поволжья, преимущественно на её левобережной части. Погребения «привязаны» к берегам крупных рек (Волги, Ахтубы, Хопра) и не обнаруживаются на водоразделах. Южнее, в зоне полупустынь они не зафиксированы вовсе, а единичные дальние «выплески» в лесостепь (Коминтерн, Таганский) лишь подчёркивают единство основного ареала. При этом из всего массива восточноевропейских захоронений с ориентировкой в северный сектор (Комар, 2013, таб. 11) в нижневолжской степи фиксируются лишь «авиловские».

Вопросы хронологии «авиловских» погребений остаются на сегодняшний день во многом спорными. Выделяя их как особый культурный тип погребальных памятников Нижнего Поволжья и датируя первоначально концом VII – началом IX вв.⁷, Е.В. Круглов сближал их с Ленинским, Покровским⁸ и Верхне-Погромненским⁹ комплексами, вклю-

⁷ Впоследствии точка зрения исследователя стала более взвешенной, и верхний предел существования «авиловских» памятников был ограничен им рубежом VII–VIII вв. (Круглов, 1992, с. 35).

⁸ До этого еще при публикации к. 1 Авиловского сопоставлял его с погребением из Покровска И.В. Синецын (Синецын, 1954, с. 227).

⁹ И.П. Засецкая объединяла два последних захоронения в единый тип на основании признаков погребальной обрядности, в т. ч. присутствия в могиле шкуры лошади (Засецкая, 1968а, с. 56, 58–59).

⁶ Исключение – Бородаевское погребение, где рядом с конскими костями было уложено седло.

чёнными во II и III культурно-стилистические группы (Амброз, 1971, с. 115–116, 119–120; Амброз, 1981, с. 13). Избежать хронологической лакуны при этом предполагалось через признание обосновывавшихся А.К. Амброзом их максимально поздних дат (Круглов, 1990, с. 48). На сегодняшний день новые материалы и хронологические разработки позволяют выстроить более логичную картину.

Так, наиболее ранними в рассматриваемой совокупности являются комплексы из Ленинска, Верхне-Погромного и Покровска, отнесённые И.П. Засецкой к концу IV – первой половине V вв. (Засецкая, 1968а, с. 54, 56; Засецкая, 1968б, с. 38; Засецкая, 1994, с. 112, 116–121, 129). На сегодняшний день эту позицию разделяют М.М. Казанский и А.В. Мастыкова (Казанский, Мастыкова, 2009, с. 116, 119, 120, 123), тогда как ревизовавший идеи И.П. Засецкой А.В. Комар отнёс к первой половине V в. только комплекс из Ленинска (группа С2), а два остальных – уже к первой половине следующего столетия (Комар, 2000, с. 21, 26, 44). К ещё более позднему периоду второй половины VI в. следует отнести погребение Царев 66/2 (Комар, 2008, с. 103–104; Скарбовенко, Лифанов, 2012, с. 52; Круглов, 2013, с. 107–108; Круглов, 2014, с. 209–211; Валиев, 2018, с. 216–217). Наличие остатков сложносоставных луков «тюрко-хазарской» конструкции в Авиловском и Таганском захоронениях позволяет датировать их уже серединой – второй половиной VII в. (Круглов, 1992, с. 35–36; Матвеев, Цыбин, 2004, с. 28–29; Круглов, 2005, с. 76; Круглов, 2007, с. 94; Скарбовенко, Лифанов, 2012, с. 54; Комар, 2013, таб. 11). К числу этих же наиболее поздних комплексов следует, вероятно, причислить и погребение из Бородаевки. Оно содержало хорошо сохранившееся деревянное седло, аналогичное по конструкции седлу из п. 2 к. 3 могильника Сивашовка в Северном Причерноморье, датируемого серединой – третьей четвертью VII в. (Максимов, 1956, с. 74, рис. 45; Комар, Кубышев, Орлов, 2006, рис. 24, 25, с. 293, 307).

Оценить место памятников «авиловского» типа среди древностей степного и лесостепного Поволжья гуннской и постгуннской эпох можно лишь путём сопоставления их с иными захоронениями, где имеется возможность фиксации черт погребальной обрядности.

В степном Поволжье фиксируется группа из четырёх кремаций (в к. 42 у с. Ровное, у с. Нижняя Добринка, в кк. 17 и 18 у г. Покровск)

и ингумации с обожжёнными предметами инвентаря (Владимировка 4/2). Первые два из них И.П. Засецкой были отнесены к первой хронологической группе (ХГЗ 1б) и датированы первой половиной V в., а остальные – к ХГЗ 2 (вторая половина этого столетия) (Засецкая, 1994, с. 113–114, 126, 130–131). А.В. Комаром все данные комплексы были отнесены к первой половине VI в., будучи ассоциированы с отступавшими на восток гуннами (Комар, 2000, с. 39–41).

Другая группа – ингумации с ориентировкой костяка на восток и северо-восток, отмеченные главным образом в степной зоне: Верхне-Погромное 1/12, Бережновка II 1/7 и 111/1, Иловатка 3/2 и Зиновьевка, но единично и в лесостепи – у с. Новосёлки и на Полянском III селище¹⁰ (Максимов, 1956, рис. 41 – 2; Засецкая, 1994, с. 181, 183–184, 186–187; Шилов, 1975, рис. 32 – 10, 35, с. 45–47; Синицын, 1959, рис. 34 – 1–2, рис. 35 – 1, с. 110; Синицын, 1960, рис. 39 – 12, 14, с. 106–107; Смирнов, 1959, рис. 5 – 6, рис. 7 – 1–10, с. 219–220; Амброз, 1981, рис. 8 – 10; Богачёв, 1998, с. 30–32; Казаков, Салугина, 2015, с. 35–37). В двух случаях (Бережновка 111/1 и Иловатка 3/2) могилы имели сложную конструкцию, погребённый помещался в подбое. Положение останков коня было достоверно зафиксировано лишь в Бережновке 111/1; по всей видимости, оно отражало вытянутую на ступеньке подбойной могилы параллельно человеку конскую шкуру: череп и передние ноги – у одного конца ямы, задние – у другого. Хронология этой серии погребений определяется в целом VII в.: наиболее ранние комплексы из Иловатки и Новосёлок – первой половиной, а остальные – серединой и второй половиной этого столетия¹¹. Появление данной группы захоронений связывается с распространением в Восточной Европе носителей погребальной обрядности «сивашовского» типа, в которых вытянутая на ступеньке подбойной могилы шкура коня – обычный элемент обряда. Ассоциация «сивашовцев» с кочевым населением раннего Хазарского каганата представляется сейчас вполне убедительной (Комар, 2006, с. 113–114, 118, 123–124; Комар, 2010,

¹⁰ Последнее захоронение в силу разрушенности отнесено к данной группе условно, исходя лишь из ориентировки могильной ямы.

¹¹ Захоронения с Полянского III селища и Верхне-Погромного 1/12 отнесены к последнему периоду на основании находок в них деталей «тюрко-хазарских» сложносоставных луков (Круглов, 2005, с. 75, рис. 35; Круглов, 2007, с. 96, рис. 9).

с. 174–175, рис. 6; Комар, Кубышев, Орлов, 2006, с. 327, 371–373; Скарбовенко, Лифанов, 2012, с. 31–33).

Новосёлковское и Полянское погребения располагаются уже в Средневолжской лесостепи, в V–VII вв. занятой оседло-земледельческим массивом именьковской археологической культуры с погребальным обрядом в виде кремации на стороне (Матвеева, 2004, с. 3, 29). Ингумации на именьковской территории немногочисленны: помимо упомянутых, большая их часть относится к памятникам так называемого «коминтерновского» типа, объединяющего известные на сегодняшний день 16 погребальных комплексов с Ташкирменского, Коминтерновского II и Новославского II могильников, датируемых второй половиной VI в. (Старостин, 1994, с. 126–129; Казаков, 1996, с. 42–45; Казаков, 1998, с. 100, 110; Валиев, 2018, с. 214–217; Скарбовенко, Лифанов, 2012, с. 30–31). Их обрядность характеризуется положением умершего головой на север в значительных размеров прямоугольную могильную яму. В изножье покойного в 5 случаях располагался жертвенный комплекс из черепа и костей ног лошади.

При некоторых общих чертах как с «сивашовской», так и с «коминтерновской», «авиловская» погребальная обрядность, однако, серьёзно отлична от них в деталях. Так, в «коминтерновских» могилах никогда не сооружались ступеньки, но фиксируются отсутствующие в «авиловских» заплечики, а также ниши в торцевых стенках, куда помещались упомянутые жертвенные комплексы (в виде компактно сложенной шкуры лошади). Последние всегда располагаются перпендикулярно положению захороненного человека: конские черепа – храпом к западу или, единично, – к востоку. В трёх случаях из пяти (все – в Коминтерновском могильнике) на черепках находились украшения узды, а в зубах коней – удила.

С «сивашовской» же группой некоторые из «авиловских» погребений сближаются наличием подбоев и ориентировкой в северо-восточный сектор. Впрочем, подбой является слишком распространённым во времени и пространстве элементом конструкции могилы, чтобы счесть его культуродифференцирующим признаком. Диапазон ориентировок 20°–45° для обеих групп является столь же общим, сколь и маргинальным: в первой из них доминируют восточные азимуты (Комар, Кубышев, Орлов, 2006, с. 360, рис. 50), во второй – северные. Конская шкура у «сивашовцев» всегда имитирует вытянутую параллельно захороненному человеку тушу животного (также нередкую у этого населения) (Круглов, 1992, с. 32) и никогда не представлена в сложенном виде.

Следует констатировать, что «авиловский» погребальный обряд на фоне других групп погребений постгуннского и раннетюрского времени характеризуется как своеобразным, более нигде не повторяющимся сочетанием признаков, так и компактным ареалом распространения, «привязанным» к степям Нижней Волги. Датировка позднейших «авиловских» захоронений временем начала активного распространения в восточноевропейских степях власти Хазарского каганата и отсутствие их в более поздний период конца VII – начала VIII вв. наводит на мысль о причине их исчезновения в степном Поволжье. Обнаружение же типично «авиловского» комплекса (п. 2 р. 1 Таганского могильника) на далёкой северо-западной окраине степи совместно с синхронным ему, по мнению авторов раскопок, погребением по «сивашовскому» обряду (п. 7 того же раскопа) (Матвеев, Цыбин, 2004, с. 28–29) предоставляет дополнительное обоснование предположению Е.В. Круглова о включении «авиловцев» в состав хазарской этносоциальной общности (Круглов, 1992, с. 35–36).

ЛИТЕРАТУРА

- Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 3. С. 106–134.
- Амброз А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 10–23.
- Богачёв А.В. Кочевники лесостепного Поволжья V–VIII вв.: учебное пособие к спецкурсу. Самара: СамГПУ, 1998. 108 с.
- Валиев Р.Р. Новый памятник «коминтерновского типа» именьковской культуры // Археология Евразийских степей. 2018. №1. С. 211–226.
- Васильева И.Н. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья / Отв. ред. С.Г. Басин. Куйбышев: Куйбышев. гос. пед. ин-т, 1979. С. 202–237.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.: АО "Эллипс", 1994. 221 с.

Засецкая И.П. О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья // СА. 1968. №2. С. 52–62.

Засецкая И.П. Полихромные изделия гуннского времени из погребений Нижнего Поволжья // АСГЭ. Вып. 10. / Отв. ред. М.И. Артамонов. Л.: Советский художник, 1968. С. 35–53.

Казаков Е.П. К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закамья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1996. С. 40–57.

Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1998. С. 97–150.

Казаков Е.П., Салугина Н.П. Полянское III селище (к проблеме освоения Закамья населением именьковской культуры) // Поволжская археология 2015. №4(14). С. 35–53.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. «Царские» гунны и акациры // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем / Науч. ред. А.Г. Фурасев. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 114–126.

Комар А.В. Актуальные проблемы хронологии материальной культуры гуннского времени Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1 / Под ред. А.В. Евглевского. Донецк: ДонНУ, 2000. С. 19–54.

Комар А.В. К дискуссии о хронологии раннесредневековых кочевнических памятников Среднего Поволжья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Офорт, 2010. С. 169–206.

Комар А.В. Кочевники восточноевропейских степей второй половины VI – первой половины VIII в. // Атлас Западного Тюркского каганата / А. Досымбаева, М. Жолдасбеков (рук. проекта). Астана: Service Press, 2013. С. 670–737.

Комар А.В. Памятники типа Суханово: к вопросу о культуре булгар Северного Причерноморья 2-й половины VI – начала VII вв. // Сугдейский сборник. Вып. III. / Отв. ред. Н.М. Куковальская. Киев-Судак: «Академперіодика», 2008. С. 87–117.

Комар А.В. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – нач. VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2006. С. 7–244.

Комар А.В., Кубышев А.И., Орлов Р.С. Погребения кочевников VI–VII вв. из Северо-Западного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2006. С. 245–374.

Круглов Е.В. К проблеме формирования хазарской этносоциальной общности // Вопросы этнической истории Волго-Донья: Материалы Региональной научной конференции «Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема бургасов» (Пенза, 23-27 января 1992 г.) / Отв. ред. А.В. Расторопов. Пенза, 1992. С. 32–37.

Круглов Е.В. Памятники авиловского типа и проблема их этнокультурной атрибуции // Вопросы этнической истории Волго-Донья: Материалы межобластной научной конференции «Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема бургасов» (Пенза, 23-27 января 1990 г.) / Отв. ред. А.В. Расторопов. Пенза, 1990. С. 46–50.

Круглов Е.В. Погребение горизонта Суханово (Большой Токмак – Суханово – Царёв) второй половины VI – начала VII века из Царёвского курганного могильника // НАВ. Вып. 13. / Отв. ред. А.С. Скрипкин, Л.Т. Яблонский. Волгоград: Изд-во «Издатель», 2013. С. 90–109.

Круглов Е.В. Погребение горизонта Суханово (Большой Токмак – Суханово – Царёв) 2-й пол. VI – нач. VII в. из Царёвского курганного могильника // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 12. Хазарское время. / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2014. С. 199–214.

Круглов Е.В. Сложносоставные луки Восточной Европы раннего средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2005. С. 73–142.

Круглов Е.В. Сложносоставные луки Восточной Европы хазарского времени // Проблемы на прабългарската история и култура. 4-1. Сборник в памет на ст. н. с. 1 ст. д. и. н. Димитър Ил. Димитров. Докла-

ди от Петата международна среща по прабългарска история и археология (Варна, 22-24.04.2004 г.) / Отг. ред. Рашо Рашев. София: Национальный археологический институт с музеем при БАН, 2007. С. 91–124.

Максимов Е.К. Позднейшие сармато-аланские погребения V-VIII вв. на территории Нижнего Поволжья // Труды Саратовского областного музея краеведения. Вып.1. Археологический сборник. Саратов: Изд-во «Коммунист», 1956. С. 65–85.

Матвеев Ю.П., Цыбин М.В. Таганский грунтовой могильник. Воронеж: Воронежский ГУ, 2004. 78 с.

Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV-VII вв.: именьковская культура: учебное пособие, 2-е издание, доп. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. 168 с.

Пестрикова В.И. Отчет о разведках в Приволжском районе Куйбышевской области и работах в Хвалынском районе Саратовской области в 1975 году. Куйбышев, 1976 / Архив ИА РАН. Ф.Р-1. Д.№5847.

Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951-1953 гг.) // Древности Нижнего Поволжья. Т.1 / МИА №60. / Отв.ред. Е.И.Крупнов. М.: АН СССР, 1959. С. 39–205.

Синицын И.В. Археологические памятники в низовьях реки Иловли // Учёные записки Саратовского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского. 1954.Т. XXXIX. Выпуск исторический, С. 218–253.

Синицын И.В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья / Учёные записки Саратовского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского. Т. XVII. Выпуск исторический. Саратов: Тип. № 1 Полиграфиздата, 1947. 134 с.

Синицын И.В. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954-1955 гг.) // Древности Нижнего Поволжья. Т. II / МИА. № 78 / Отв. ред. Е.И. Крупнов, К.Ф. Смирнов. М.: АН СССР, 1960. С. 10–168.

Скарбовенко В.А. Погребение раннесредневекового времени в Куйбышевском Заволжье // Древняя история Поволжья / Отв. ред. С.Г. Басин. Куйбышев: Куйбышев. гос. пед. ин-т, 1979. С. 164–173.

Скарбовенко В.А., Лифанов Н.А. Погребально-поминальные комплексы раннесредневековых кочевников из Восточного Приазовья (по материалам раскопок могильников Лебеди IV и Лебеди VIII в 1980 г.) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып.IV. / Ред.-сост. М.М.Чореф. Севастополь–Тюмень: ТюмГУ, 2012. С. 22–46.

Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // Древности Нижнего Поволжья. Т.1 / МИА №60. / Отв.ред. Е.И.Крупнов. М.: АН СССР, 1959. С. 206–322.

Старостин П.Н. Ташкирменский могильник // Памятники древней истории Волго-Камья / Вопросы археологии Татарстана. Вып. 1 / Отв.ред. П.Н.Старостин. Казань: ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова АНТ, 1994. С. 123–133.

Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975. 208 с.

Информация об авторе:

Лифанов Николай Александрович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории археологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (г. Самара, Россия); liphanov@gmail.com

REFERENCES

- Ambroz, A. K. 1971. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 106–134 (in Russian).
- Ambroz, A. K. 1981. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages). Series: Archaeology of the USSR* 18. Moscow: "Nauka" Publ., 10–23 (in Russian).
- Bogachev, A. V. 1998. *Kochevniki lesostepnogo Povolzh'ia V-VIII vv. (Nomads of the Forest-Steppe Volga Region in the 5th-8th cc.)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).
- Valiev, R. R. 2018. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1. 211–226 (in Russian).
- Vasil'eva, I. N. 1979. In Basin, S. G. (ed.). *Drevniaia istoriia Povolzh'ia (Ancient History of the Volga Region)*. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute, 202–237 (in Russian).
- Zasetskaia, I. P. 1994. *Kul'tura kochevnikov iuzhnorusskikh stepei v gunnskuiu epokhu (konets IV–V vv.) (Culture of Nomads of the South Russian Steppes in the Hunnic Period (late 4th –5th centuries))*. Saint Petersburg: "Ellips" Publ. (in Russian).
- Zasestkaya, I. P. 1968. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 52–62 (in Russian).

Zasestkaya, I. P. 1968. In Artamonov, M. I. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 10. Leningrad: "Sovetskii khudozhnik" Publ., 35–53 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1996. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletia n.e. (voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues of Chronology))*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 40–57 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1998. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletia n.e. (voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues of Chronology))*. Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P. V. Alabin, 97–150 (in Russian).

Kazakov, E. P., Salugina, N. P. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 14 (4), 35–53 (in Russian).

Kazanskii, M. M., Mastykova, A. V. 2009. In Furas'ev, A. G. (ed.). *Gunny, goty i sarmaty mezhdu Volgoy i Dunaem (Huns, Goths and Sarmatians between the Volga and the Danube)*. Saint-Petersburg: Faculty of philology and arts of Saint-Petersburg State University, 114–126 (in Russian).

Komar, A. V. 2000. In Evglevskii, A. V. (ed.). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 1. Donetsk: Donetsk National University, 19–54 (in Russian).

Komar, A. V. 2006. In Kukovalskaya, N. M. (ed.). *Sugdeiskii sbornik (Sugdey Collection)*. Kiev; Sudak: "Akademperiodika", 87–117 (in Russian).

Komar, A. V. 2010. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletia n.e. (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD)*. Samara: Ofort Publ., 169–206 (in Russian).

Komar, A. V. 2013. In Dosymbaeva, D., Zholdasbekov, M (eds.). *Atlas Zapadnogo Tyurkskogo kaganata (Atlas of the Western Turk Khaganate)*. Astana: "Service Press" Publ., 670–737 (in Russian).

Komar, A. V. 2006. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 5. *Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 7–244 (in Russian).

Komar, A. V., Kubyshev, A. I., Orlov, R. S. 2006. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 5. *Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 245–374 (in Russian).

Kruglov, E. V. 1992. In Rastoropov, A. V. (ed.). *Voprosy etnicheskoi istorii Volgo-Don'ia (Issues of Ethnic History of the Volga-Don Region)*. Penza, 32–37 (in Russian).

Kruglov, E. V. 1990. In Rastoropov, A. V. (ed.). *Voprosy etnicheskoi istorii Volgo-Don'ia (Issues of Ethnic History of the Volga-Don Region)*. Penza, 46–50 (in Russian).

Kruglov, E. V. 2005. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 4. *Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 73–142 (in Russian).

Kruglov, E. V. 2007. In Rashev, R. (ed.). *Problemi na prablgarskata i kultura (Issues of proto-Bulgarian history and culture)* 4-1. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 91–124 (in Russian).

Kruglov, E. V. 2011. In Skripkin, A. S., Yablonsky, L. T. (eds.). *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 13. Volgograd: "Izdatel" Publ., 90–109 (in Russian).

Kruglov, E. V. 2014. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 12. *Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 199–214 (in Russian).

Maksimov, E. K. 1956. In *Trudy Saratovskogo oblastnogo muzeia kraevedeniia (Proceedings of the Saratov Regional Museum of Local Lore)* 1. Saratov: Saratov State University Publ., 65–85 (in Russian).

Matveev, Yu. P., Tsybin, M. B. 2004. *Taganskii gruntovyi mogil'nik (Tagansky Subsoil Burial Ground)*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

Matveeva, G. I. 2004. *Srednee Povolzh'e v IV–VII vv.: imen'kovskaia kul'tura (Middle Volga Region in the 4th – 7th cc.: Imenkovo Culture)*. Samara: Samara State University (in Russian).

Pestrikova, V. I. 1976. *Otchet o razvedkakh v Privolzhskom raione Kuybyshevskoi oblasti i rabotakh v Khalynskom raione Saratovskoi oblasti v 1975 godu (Report on Surveys in Privolzhsky District of Kuibyshev Region and the Activity in Khlavynsky District of Saratov Oblast in 1975)*. Kuybyshev. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Fund R-1, no. 5847 (in Russian).

Sinitsyn, I. V. 1959. In Krupnov, E. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in Archaeology USSR)* 60. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 39–205 (in Russian).

Sinitsyn, I. V. 1954. In *Uchenye zapiski Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.G. Chernyshevskogo. Vypusk istoricheskii (Scientific Bulletin of the Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky. Vol. Historical)*. 39, 218–253 (in Russian).

Sinitsyn, I. V. 1954. *Arkheologicheskie raskopki na territorii Nizhnego Povolzh'ia (Archaeological Excavations in the Territory of the Lower Volga Region)*. *Uchenye zapiski Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.G. Chernyshevskogo. Vypusk istoricheskii (Scientific Bulletin of the Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky. Vol. Historical)* 17. Saratov: Tip. № 1 Poligrafizdata Publ. (in Russian).

Sinitsyn, I. V. 1960. In Krupnov, E. I., Smirnov, K. F. (eds.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in Archaeology USSR)* 78. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 10–168 (in Russian).

Skarbovenko, V. A. 1979. In Basin, S. G. (ed.). *Drevniaia istoriia Povolzh'ia (Ancient History of the Volga Region)*. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute, 164–173 (in Russian).

Skarbovenko, V. A., Lifanov, N. A. 2012. In Cheref, M. M. (ed.). *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma (Materials on the Archaeology and History of the Ancient and Medieval Crimea)* V. Sevastopol; Tyumen: Tyumen State University, 22–46 (in Russian).

Smirnov, K. F. 1959. In Krupnov, E. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in Archaeology USSR)* 60. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 206–322 (in Russian).

Starostin, P. N. 1994. In Starostin, P. N. (ed.) *Pamiatniki drevnei istorii Volgo-Kam'ia (Monuments of the Ancient History of the Volga-Kama Region)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, 123–133 (in Russian).

Shilov, V. P. 1975. *Ocherki po istorii drevnikh plemen Nizhnego Povolzh'ia (Essays on the History of the Ancient Tribes of the Lower Volga Region)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Author:

Lifanov Nikolay A. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Samara National Research University named after academician S.P. Korolev. Moskovskoye shosse Str., 34, Samara, 443086, Russian Federation; lifanov@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.08.2020 г.
Статья принята к публикации 01.09.2020 г.

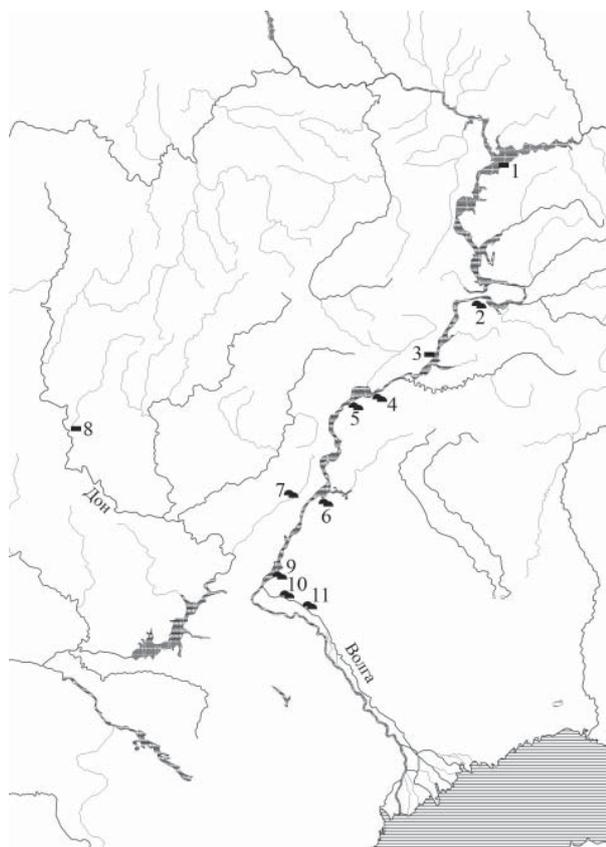

Рис. 1. Распространение памятников «авиловского» типа:

1 – Коминтерн II п. 47; 2 – Преполовенка 6/2; 3 – Алексеевка р. 1 п. 3; 4 – Бородаевка 9/5; 5 – Покровск 36/2; 6 – Политотдelsкое 1/1; 7 – Авиловский к. 1; 8 – Таганский р. 1 п. 2; 9 – Верхне-Погромное I 4/3; 10 – Ленинск 3/12; 11 – Царев 66/2

Fig. 1. Distribution of the “Avilovo” type of monuments: 1 – Komintern II burial 47; 2 – Prepolovenka 6/2; 3 – Alekseevka excavation 1 burial 3; 4 – Borodaevka 9/5; 5 – Pokrovsk 36/2; 6 – Politotdelskoe 1/1; 7 – Avilovsky barrow 1; 8 – Tagansky excavation 1, burial 2; 9 – Verkhne-Pogromnoye I 4/3; 10 – Leninsk 3/12; 11 – Tsarev 66/2

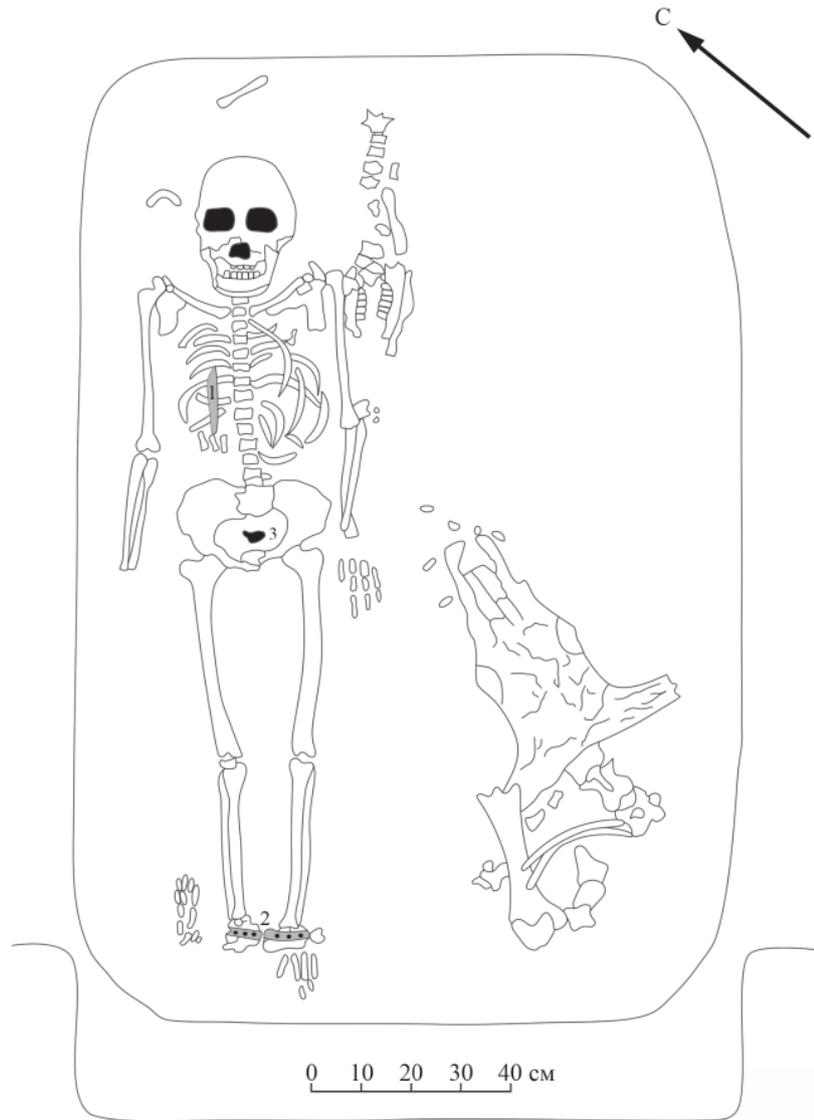

Рис. 2. Алексеевский правобережный грунтовый могильник, раскоп I, погребение № 3.

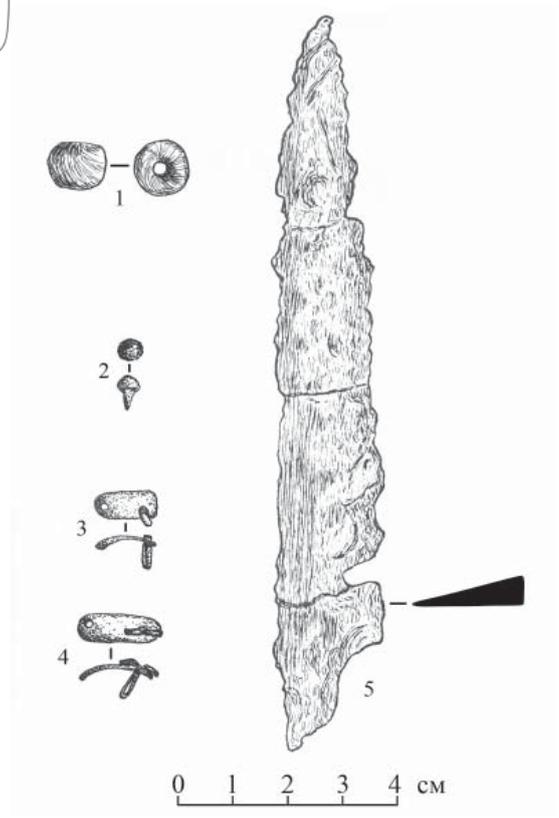
План: 1 – железный нож; 2 – железные полосы с заклёпками; 3 – фрагмент железа.

Fig. 2. Alekseevsky right-bank subsoil burial ground, excavation I, burial No. 3.
 Plan: 1 – iron knife; 2 – iron strips with rivets; 3 – iron fragment.

Рис. 3. Алексеевский правобережный грунтовый могильник, раскоп I, погребение № 3. Инвентарь: 1 – стеклянная бусина; 2 – круглые бронзовые заклёпки; 3-4 – прямоугольные бронзовые заклёпки; 5 – железный нож.

Fig. 3. Alekseevsky right-bank subsoil burial ground, excavation I, burial No. 3.

Inventory: 1 – glass bead; 2 – round bronze rivets; 3-4 – rectangular bronze rivets; 5 – iron knife.

УДК 903.22

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2020.6.234.247>

ВОИНСКИЙ КОМПЛЕКС СРОСТКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ ПОС. ГОРНЫЙ В СЕВЕРНЫХ ПРЕДГОРЬЯХ АЛТАЯ¹

©2020 г. В.В. Горбунов, А.А. Тишкин, В.П. Семибратов

Публикуется коллекция археологических находок из разрушенного захоронения сrostкинской культуры, случайно обнаруженного в пос. Горный на территории северных предгорий Алтая (Красногорский район Алтайского края). Приводятся подробные описания предметов вооружения, поясной гарнитуры, быта и украшений. Сведения о них дополнены зафиксированными параметрами, некоторыми заключениями рентгенофлюоресцентного анализа, а также графическими рисунками и фотоснимками. Особое внимание уделено хорошо сохранившейся железной сабле. Привлекается существенный корпус аналогий, на основе которых определена датировка изученного комплекса из пос. Горный второй половиной X – первой половиной XI вв. н.э. и обоснована его принадлежность к сrostкинской археологической культуре. Сделан вывод о воинском характере сопроводительного инвентаря в погребении мужчины, занимавшего в военной иерархии уровень среднего командного состава. Изученные материалы и имеющиеся результаты обследований позволяют идентифицировать средневековый памятник, который попал в зону сельской застройки.

Ключевые слова: археология, северные предгорья Алтая, раннее и развитое Средневековье, сrostкинская культура, оружие, снаряжение воина, предметы быта, украшения.

MILITARY COMPLEX OF THE SROSTKINSKAYA CULTURE FROM GORNY SETTLEMENT IN THE NORTHERN FOOTHILLS OF ALTAI²

V.V. Gorbunov, A.A. Tishkin, V.P. Semibratov

The authors publish a collection of archaeological finds from a destroyed burial of the Srostkinskaya culture discovered by accident at Gorny settlement in the territory of the northern foothills of Altai (the Krasnogorsky Region of Altai Krai). The paper contains a detailed description of armament, belt headsets, everyday life and jewelry items. The information about the items is supplemented with recorded parameters, conclusions of X-ray fluorescence analysis, graphic drawings and photographs. Particular attention is paid to a well-preserved iron saber. A substantial body of analogies is used, on the basis of which the studied complex from Gorny is dated the second half of 10th – the first half of the 11th centuries AD, and its attribution to the Srostkinskaya archaeological culture is confirmed. The conclusion is made about the military character of the accompanying inventory in the burial of a person with an average administrative title in the hierarchy of military ranks. The studied materials and available survey results have made it possible to identify a medieval site which was included in a rural development area.

Keywords: archaeology, northern foothills of Altai, early and developed Middle Ages, Srostkinskaya culture, weapons, warrior equipment, household items, jewelry.

В 2019 г. во время проведения обследований экспедицией Алтайского государственного университета (АлтГУ) по проекту строительства автодороги в Красногорском районе Алтайского края от местных жителей поступила информация об обнаружении в пос. Горный археологических предметов. Для проверки этих сведений было принято

решение осмотреть место находки. В результате установлено, что в ходе сооружения ямы для погреба в гараже по адресу пос. Горный, ул. Советская, д. 2а (рис. 1) хозяин разрушил средневековое захоронение, которое располагалось на глубине 1,8 м. При выборке грунта был собран довольно представительный комплекс погребального инвентаря (рис. 2–6),

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект №19-49-220006 «Крупные курганы элиты древних и средневековых кочевников на территории Алтайского края как объекты экскурсионно-туристической деятельности: историко-археологические и естественно-научные исследования».

² The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for basic research (RFBR), project No. 19-49-220006 "Large Barrows of the Elite of Ancient and Medieval Nomads in the Altai Territory as Objects of Excursion and Tourist Activities: Historical, Archaeological and Natural Science Research".

переданный одному из авторов статьи. Osteологические останки человека отсутствовали. Вероятнее всего, находчик их перезахоронил. Данное обстоятельство точно выяснить не удалось. Доисследовать обнаруженное захоронение не представлялось возможным из-за угрозы обрушения кирпичной стены гаража.

По всей видимости, зафиксированный археологический объект относится к могильнику Горный-7, расположенному на западной окраине пос. Горный, в районе водонапорной башни. В 1997 г. сотрудником АлтГУ Д.В. Папиным недалеко от указанного места было исследовано одно безынвентарное погребение. В 2006 г. работником НПЦ «Наследие» М.Т. Абдулганеевым там же раскопаны еще две могилы, предварительно датированные VIII–X вв. н.э. Памятник находится в аварийном состоянии, несмотря на то, что он поставлен на государственный учет (Постановление АКЗС №83 от 11.03.1998 г.) и подлежит охране. При опросе местных жителей выяснилось, что древние захоронения в пос. Горный находят практически ежегодно при копке различного рода ям. До застройки западной окраины села там располагались видимые курганы. В ходе современного обследования насыпи уже не фиксировались из-за активного антропогенного освоения территории.

Коллекция из разрушенного погребения в пос. Горный состоит из 25 предметов, изготовленных из железа, цветного металла и кости (рога). Она позволяет судить о вооружении, снаряжении, отдельных украшениях и бытовых изделиях, составляющих единый комплекс вещей. Неплохая сохранность изделий из железа, в целом нехарактерная для погребальных памятников, предоставляет особо ценные сведения для изучения деталей их оформления. Наличие редких вещей, таких как сабля и подвеска для серьги, дополнительно актуализируют необходимость его публикации.

Вооружение представлено оружием ближнего (сабля) и дальнего (наконечники стрел) боя.

Железная сабля общей длиной 80,6 см состоит из монолитной конструкции, включающей клинок и черен, на основание которого надето перекрестие (рис. 2). Клинок сабли изогнутый, полуторалезвийный. Он снабжен сплошным лезвием по выпуклой стороне полотна. Противоположная сторона полотна откована в виде прямой спинки. Нижняя часть клинка раскована на два лезвия. Она облома-

на, но сохранила двухлезвийность на длину 7,5 см от слома. В поперечном сечении однолезвийное полотно клинка имеет килевидную форму, а его двухлезвийная часть – линзовидную форму (рис. 2). Клинок в сохранившемся виде имеет длину 71 см. Его ширина у основания составляет 3 см, посередине – 2,6 см, у начала второго лезвия – 2,4 см, ближе к окончанию – 1,9 см. Зафиксирована следующая толщина: у основания – 1 см, посередине – 0,7 см, у начала второго лезвия – 0,65 см, ближе к окончанию – 0,45 см. Наибольший прогиб спинки клинка оказался 1,2 см. На основании клинка имеется обойма. Ее длина 3,2 см, ширина со стороны лезвия 1,5 см, со стороны спинки 0,6 см. Ниже основания клинка, на расстоянии 4,5 см, сохранился фрагмент обоймы от крепления ножен, прикипевший вокруг лезвия. Его длина 0,8 см, ширина 1,2 см.

Черен сабли наклонен в сторону основного лезвия. Его длина 9,6 см. Параметры ширины такие: у основания – 2 см, посередине – 1,5 см, у окончания – 0,9 см. Толщина у основания составляет 0,8 см, посередине – 0,6 см, у окончания – 0,4 см. Ближе к основанию в черене пробито отверстие для крепления обкладки рукояти. В него вставлен штифт, который представляет собой округлый стержень длиной 1,5 см и диаметром 0,3 см. Со стороны черена, приходящейся под пальцы руки, штифт выступает сильнее, и здесь с помощью канавки у него выделено небольшое навершие.

Сабля снабжена цельным напускным перекрестием толщиной 1 см, сваренным из двух брусков металла. Перекрестие в продольной плоскости имеет форму прямоугольника, окончания которого едва заметно изогнуты вниз. В поперечной плоскости перекрестие напоминает ромбовидную фигуру со сглаженными углами. Его длина составляет 9,8 см, а ширина по центру – 2,5 см, у окончаний – 0,4 см.

Ближайшие аналогии публикуемой сабле, по большинству признаков, происходят из памятников тюркской культуры Горного Алтая второй половины VIII–XI вв. н.э. и сrostкинской культуры Лесостепного Алтая второй половины X–XI вв. н.э. (Горбунов, 2006, с. 71, рис. 50: 5, 7, 58: 5). От тюркских изделий ее отличает более заметный прогиб клинка, который характерен для сrostкинских однолезвийных сабель второй половины VIII – первой половины X вв. н.э. (Горбунов, 2006,

с. 70, рис. 58: 1–2). Однако следует заметить, что такой признак как полуторалезвийность клинка появляется у сротскинских сабель не ранее середины X в. н.э., что также прослеживается и на примере кимакских сабель (Горбунов, 2016, с. 145). Легкая изогнутость вниз перекрестия сабли тоже является относительно более поздним признаком для длинноклинового оружия.

Восемь железных наконечников стрел имеют отличия в оформлении пера, но все снабжены черешковым насадом. Переход пера в черешок у всех изделий сделан одинаково, в виде монолитного шайбового упора (рис. 3, 6: 1–8).

У двух экземпляров перо образует тело, состоящее из трех лопастей, в поперечном сечении имеющее форму трехлучевой звезды. По абрису пера в продольной плоскости они разделяются на два типа:

1. Пятиугольный (рис. 3: 1, 6: 1). Размеры: общая длина 9,5 см, длина пера 5,2 см, наибольшая ширина пера 2,2 см, средняя толщина черешка 0,5 см. Перо наконечника напоминает пятиугольную фигуру. На черешке наконечника, под упором, располагается костяная (роговая) свистунка с тремя прямоугольными отверстиями в расширенной верхней части. Ее длина 2,4 см, наибольший диаметр 1,6 см. Параметры отверстий 0,65х0,2 см. Аналогичные наконечники бытовали на Алтае во второй половине VII–XII вв. н.э. и встречены в материалах тюркской, сротскинской и кыргызской культур (Горбунов, 2006, с. 31). Относительно оформления свистунки следует заметить, что для тюркских наконечников характерны свистунки с округлыми отверстиями, а прямоугольные отверстия появились у свистунок сротскинских наконечников в середине IX в. н.э. (Горбунов, 2006, рис. 29: 29, 30: 39).

2. Треугольный (рис. 3: 2, 6: 2). Размеры: общая длина 9,2 см, длина пера 4,4 см, наибольшая ширина пера 3 см, средняя толщина черешка 0,6 см. Перо наконечника напоминает треугольную фигуру. Углы ее основания закруглены. Наконечники с такой деталью оформления пера зафиксированы на могильнике Гилево-ХIII, в северо-западных предгорьях Алтая, который датируется серединой X – первой половиной XI вв. н.э. (Могильников, 2002, с. 124, рис. 109: 1–3).

Остальные шесть наконечников стрел имеют трехгранно-трехлопастное перо, представляющее собой тело, верхняя часть которого является трехгранником, а нижняя

раскована на три лопасти. Поперечное сечение острия такого пера образует треугольник, а остальной части – трехлучевую звезду. По абрису пера в продольной плоскости среди них также выделяются два типа:

1. Вытянуто-треугольный (рис. 3: 3, 6: 3). Размеры: общая длина 8,8 см, длина пера 5,3 см, наибольшая ширина пера 2 см, средняя толщина черешка 0,5 см. Перо наконечника напоминает треугольную фигуру, у которой высота более чем в два раза превышает ширину. Наконечники с аналогичными пропорциями и близким абрисом пера известны на Алтае во второй половине VIII–XII вв. н.э. по материалам сротскинской культуры. Правда, они трехлопастные (Горбунов, 2006, с. 32, рис. 29: 22, 30: 15, 31: 45, 32: 7). Трехгранно-трехлопастные экземпляры более редки, но есть в сротскинском могильнике Торопово-1 и кыргызском памятнике Эйлиг-Хем-III, которые относятся к середине X – середине XI вв. н.э. (Савинов, Длужневская, 1998, с. 59, табл. VIII: 7–9; Илюшин, 1999, рис. 5: 9, 16: 3–4).

2. Треугольный (рис. 3: 4–8, 6: 4–8). Размеры: общая длина 4,9–6,9 см, длина пера 3,2–3,5 см, наибольшая ширина пера 1,3–1,6 см, средняя толщина черешка 0,4–0,5 см. Перо наконечников напоминает треугольную фигуру, у которой высота в два раза превышает ширину. Данные наконечники находят определенные соответствия в уже упомянутых памятниках Торопово-1 и Эйлиг-Хем-III (Грач, Савинов, Длужневская, 1998, табл. VIII: 18; Илюшин, 1999, рис. 16: 5).

К снаряжению воина можно отнести группу из 10 предметов, включающую три пряжки, крюк с кольцом и шесть блях.

Две железные пряжки, видимо, являются поясными, от основного и стрелкового поясов. Первое изделие состоит из рамки овальной формы, на которой закреплен подвижный язычок. Рамка и основание язычка, загнутое вокруг нее, частично обломаны (рис. 4: 1, 6: 9). Тело рамки уплощенное, в поперечном сечении вытянуто-трапециевидное. Ее общие размеры 4,2х3,6 см. Средняя ширина рамки 0,9 см, толщина 0,35 см. Язычок пряжки стержневидный, с заметными расширениями на свободном окончании и на основании, в поперечном сечении прямоугольный. Его длина 3,8 см, ширина в средней части 0,6 см, толщина 0,3 см. От второй пряжки сохранилась только половина аналогичной рамки (рис. 4: 2, 6: 10). Ее общие размеры

3,2×1,8 см, средняя ширина 0,8 см, толщина 0,35 см.

Железные пряжки с округлой и овальной рамкой были распространены очень широко во времени и пространстве, но более ранние их экземпляры делались из прутьев-заготовок круглого и квадратного сечения. Пряжки с уплощенной рамкой, называемой также пластинчатой, появились у кыргызов в X в. н.э. и в дальнейшем активно применялись на протяжении XI–XIV вв. н.э. (Беликова, 1996, с. 83, рис. 98: 2; Грач, Савинов, Длужневская, 1998, с. 38, табл. XVIII: 2–4). Среди памятников сrostкинской культуры такие пряжки встречены на могильниках Березовый Остров-1, Гилево-ХIII, Корболиха-V, Торопово-1, которые относятся ко второй половине X – первой половине XI вв. н.э. (Илюшин, 1999, рис. 5: 14, 6: 3, 50: 10, 52: 3; Адамов, 2000, рис. 44: 14; Могильников, 2002, рис. 106: 12, 156: 1).

Третья пряжка отлита из цветного металла, для установления химического состава которого использовался рентгенофлуоресцентный спектрометр «INNOV-X SYSTEMS» ALPHA SERIESTM (модель Альфа-2000, производство США), который имеется на кафедре археологии, этнографии и музеологии АлтГУ. После удаления поверхностных окислов с обратной стороны изделия (от прорези до носика), получены следующие результаты в двух разных местах участка: 1) Cu (медь) – 99,58%; Sn (олово) – 0,21%; Fe (железо) – 0,11%; Ni (никель) – 0,06%; Pb (свинец) – 0,04%; 2) Cu – 99,83%; Fe – 0,12%; Ni – 0,05%. Данные показатели свидетельствуют о том, что пряжка является медной. Изделие состоит из рамки и щитка, с двумя прорезями и остатками железного язычка на перемычке между ними (рис. 5: 1, 6: 14). Рамка имеет общую сердцевидную форму с фигурно-скобчатым оформлением лицевой стороны и снабжена овальной прорезью для продевания свободного окончания ремня. Щиток пряжки прямоугольный со скобчато-трапециевидным оформлением тыльной стороны и меньшей прорезью для закрепления неподвижного окончания ремня. Общая длина изделия 4,2 см, наибольшая ширина рамки 2,9 см, щитка – 2,2 см, толщина стенок 0,25–0,3 см. Прорезь рамки имеет размеры 1,8×0,7 см, прорезь щитка – 1,3×0,4 см.

Аналогичные изделия принято называть пряжками «сrostкинского типа». Действительно в памятниках сrostкинской культу-

ры они встречаются очень часто. В несколько меньшем числе сердцевидные бронзовые пряжки известны в кимакских памятниках Восточного Казахстана и гораздо реже попадают в материалах других средневековых культур от Алтая до Южного Урала. Их появление у населения сrostкинской культуры можно отнести к рубежу VIII/IX вв. н.э., а наиболее массовое применение ко второй половине IX – первой половине XI вв. н.э. Во второй половине XI–XII вв. н.э. такие пряжки, по крайней мере в ареале сrostкинской культуры, перестают изготавливать из бронзы, но продолжают делать из кости и рога (Неверов, 1985, с. 202; Неверов, Горбунов, 1996, с. 167).

Сочетание в одном комплексе сразу трех пряжек вряд ли свидетельствует о наличии трех поясов. Хотя размеры медной пряжки не намного меньше железных, можно предположить, что она использовалась для застегивания портупейного ремня от ножен сабли. Такая ситуация была зафиксирована нами при исследовании сrostкинского могильника Филин-I второй половины X – первой половины XI вв. н.э. В не потревоженном мужском погребении этого памятника также были найдены пряжки аналогичных типов. Из них две железные пряжки располагались на тазовых костях человека, а пряжка из цветного металла лежала рядом с мечом (Горбунов, Тишкин, 2018, с. 82).

К поясной портупее принадлежит железный крюк на кольце (рис. 4: 3, 6: 11). Кольцо сварено из заготовки-прута и имеет овальную форму, размерами 2,9×2,4 см, средней толщиной 0,4 см. Закрепленный на кольце крюк откован из прута четырехгранного сечения, которому придана S-видная форма. Его длина 4,8 см, средняя ширина 0,6 см, толщина 0,4 см. Верхнее окончание крюка, охватывающее кольцо, более тонкое, в сечении прямоугольное, и загнуто сильнее, а нижнее окончание более толстое, квадратного сечения, загнуто параллельно средней части.

Крюки на кольцах, чаще всего парами, встречаются в погребениях сrostкинской культуры второй половины IX–XII вв. н.э. (Савинов, 1998, рис. 1: 9, 5: 13; Илюшин, 1999, рис. 5: 1–2, 8: 2; Адамов, 2000, рис. 35: 4–5, 41: 4–5, 49: 5–6; Уманский, Тишкин, Горбунов, 2001, рис. 4: 6–11). Известны они у кыргызов в X–XIII вв. н.э. и населения ряда культур Западной Сибири в XI–XIV вв. н.э. (Беликова, 1996, с. 84, рис. 66: 10, 80: 15, 18, 84: 5–6; Грач, Савинов, Длужневская, 1998,

с. 41, табл. XVIII: 21, 28; Адамов, 2000, с. 58, рис. 82: 5–6; Уманский, Тишкин, Горбунов, 2001, рис. 5: 8).

Парные крюки предназначались для удержания высоких голенищ сапог от сползания по ноге. Для этого они крепились через кольца к поясу и к бедрам, при помощи дополнительных ремней. Система такого крепления была реконструирована А.А. Адамовым (1991, с. 168, рис. 2: 3–4). Различные ее варианты изображены на половецких изваяниях XII – начала XIII вв. н.э. (Плетнева, 1974, с. 71, рис. 10: 54–59).

С поясным набором также связаны бляхи из цветного металла. Все они представляют собой рельефные литые пластины с бортиками, общей сердцевидной формы, но различаются деталями конструкции и декора. Для определения их химического состава также использовался указанный рентгенофлуоресцентный спектрометр.

Одна (более крупная) бляха на лицевой стороне украшена растительным орнаментом и позолочена (рис. 5: 2, 6: 15). В центре у нее есть отверстие оконтуренное валиком, от которого отходят четыре завитка-побега. У верхнего и бокового края пробиты еще два отверстия. Видимо изначально данная бляха крепилась на основу ремня через центральное отверстие с помощью шпенька. После его поломки были сделаны два дополнительных отверстия для пришивания к ремню. Размеры бляхи 1,8x1,7 см, высота 0,35 см, толщина стенок 0,1 см.

Для установления наличия позолоты тестировалась лицевая сторона бляхи, покрытая пленкой желтого цвета. Изделие покрыто окислами. Поэтому полученные результаты следует рассматривать главным образом в качественном плане, а не в виде количественных показателей: Cu – 66,49%; Sn – 17,43%; Au (золото) – 11,26%; Zn (цинк) – 3,78%; Pb – 0,6%; Fe – 0,44%. Представленный элементный ряд указывает, что позолота была нанесена на изделие из медно-оловянно-цинково-свинцового сплава. Это заключение подтвердило исследование не позолоченного участка на бортике бляхи, где механическим путем были удалены поверхностные окислы: Cu – 79,04%; Sn – 15,59%; Zn – 4,53%; Pb – 0,66%; Fe – 0,18%. Такая комбинация цветных металлов рассматривается как сложная латунь, которая широко использовалась при изготовлении предметов торевтики в раннем Средневековье и позже.

Остальные пять блях практически одинаковые. У них гладкая лицевая сторона, а по центру тыльной стороны, для крепления к ремню, сделано по одному шпеньку (рис. 5: 3–7, 6: 16–20). Размеры этих блях 1,5x1,5–1,6 см, высота 0,35–0,4 см, толщина стенок 0,1–0,15 см. Стержни шпеньков имеют длину 0,3–0,4 см, диаметр 0,15–0,2 см. Получены следующие результаты рентгенофлуоресцентного анализа на участках бортиков, где удалялись поверхностные окислы:

– бляха-накладка №1: Cu – 99,81%; Sn – 0,15%; Fe – 0,04%;

– бляха-накладка №2: Cu – 99,38%; Fe – 0,38%; Sn – 0,18%; Ni – 0,06%;

– бляха-накладка №3: Cu – 99,85%; Pb – 0,09%; Fe – 0,06%;

– бляха-накладка №4: Cu – 99,93%; Fe – 0,07%;

– бляха-накладка №5: Cu – 99,93%; Fe – 0,07%.

Зафиксированные показатели свидетельствуют, что найденные бляхи (рис. 5: 3–7, 6: 16–20) являются медными.

Ближайшие аналогии сердцевидным бляхам-накладкам происходят из памятников сrostкинской культуры, где они являются одним из самых массовых типов поясной гарнитуры. Изделия с гладкой поверхностью бытуют на всем протяжении существования этой культуры во второй половине VIII–XII вв. н.э., а орнаментированные экземпляры, в том числе и позолоченные, характерны для периода второй половины IX – первой половины XI вв. н.э. (Горбунов, 2009, с. 124, рис. 1: 10). Бляхи данного типа могли украшать как основной ремень пояса, так и его портупейные ремешки. Например, почти идентичные сердцевидные бляхи располагались на портупее от ножен мечей в могильнике Сrostки-I (Савинов, 1998, с. 177, 179, рис. 3, 9).

К предметам быта относится железное кресало скобчатой формы, с прямой средней частью и загнутыми зауженными окончаниями, которые вбивались в деревянный брусок (рис. 4: 5, 6: 13). Изделие имеет прямоугольное сечение, его размеры 6,6x2,5 см, наибольшая ширина 0,7 см, толщина 0,3 см. Скобчатые кресала бытовали в IX–XIV вв. н.э. на обширной территории от Дальнего Востока до Восточной Европы, включая и ареал сrostкинской культуры (Адамов, 2000, с. 51–52).

Предположительно бытовым изделием может являться и фрагмент костяной (рого-

вой) трубки (рис. 4: 4, 6: 12). Его длина 3,8 см, наибольшая ширина 1,5 см, толщина стенки 0,3 см. Он мог служить футляром-игольником. Такие трубочки-игольники встречаются в эпоху Средневековья от Забайкалья до Восточной Европы на протяжении VIII–XI вв. н.э. (Адамов, 2000, с. 53).

Нательные украшения представлены двумя бронзовыми половинками подвески серьги. Эти половинки могли принадлежать или одному или разным экземплярам. Оба изделия имеют в продольной плоскости полусферическую форму, а в поперечной плоскости – круглую, что при их соединении в цельную конструкцию дает шаровидное тело. Лицевая поверхность половинок декорирована пятью цилиндрическими выступами: один в центре с отверстием и четыре по периметру с углублениями (рис. 5: 8–9, 6: 21–22). Диаметр половинок 1,5 см, высота 1–1,1 см, толщина стенок до 0,2 см. Цельная конструкция на ассоциативном уровне напоминает морскую мину.

С помощью рентгенофлюоресцентного спектрометра получены сведения о химическом составе металлического сплава на участках с частичным снятием поверхностных окислов. Такие данные указывают на медно-оловянно-свинцовый (бронзовый) сплав:

– первое изделие: Cu – 83,25%; Sn – 13,75%; Pb – 1,8%; Fe – 1,12%; Ni – 0,08%;

– второе изделие: Cu – 84,81%; Sn – 12,78%; Pb – 1,53%; Fe – 0,77%; Ni – 0,11%.

Подвески данного типа пока известны только в трех могильниках сrostкинской культуры второй половины IX – первой половины XI вв. н.э.: Тарасово, Торопово-1, Прудской (Бородкин, 1977, с. 141, рис. 2: 2; Илюшин, 1999, с. 46, рис. 56: 3; Горбунов, Тишкин, 2001, с. 285). В двух из них подвески найдены в комплекте с серьгами.

Также к украшениям относятся две стеклянные бусины, которые могли носить как в составе ожерелья или браслета, так и нашиваться на одежду. Одна из них более крупная и двухдольная (состоит из двух как бы спекшихся шариков). Эта бусина имеет светло-коричневый фон, по которому чередуются белые и красные полосы (рис. 5: 10, 6: 23). Ее длина 1,7 см, диаметр шариков 0,9 см, диаметр отверстия 0,15 см. Вторая бусина

значительно мельче и трехдольная (состоит из трех шариков). Она двухцветная – одна ее половина серебристая, а другая серо-коричневая (рис. 5: 11, 6: 24). Длина этой бусины 1 см, диаметр шариков 0,4 см, диаметр отверстия меньше 0,1 см.

Двухдольные бусины известны по находкам в погребениях сrostкинской культуры второй половины IX – первой половины XI вв. н.э. на памятниках Гилево-IX и Торопово-1 (Илюшин, 1999, рис. 35: 3; Могильников, 2002, рис. 68: 8), а трехдольные бусы встречены в сrostкинском погребении второй половины X – первой половины XI вв. н.э. на могильнике Высокий Борок (Адамов, 2000, рис. 46: 18, 25).

Рассмотренные аналогии позволяют довольно узко определить датировку публикуемого вещевого комплекса. Его нижнюю границу очерчивают такие предметы, как сабля и железные пряжки, которые не известны ранее середины X в. н.э. Верхнюю границу позволяют определить такие предметы, как трехгранно-трехлопастные наконечники стрел, медная пряжка, орнаментированная бляха, которые не встречаются позднее середины XI в. н.э. Все остальные вещи не противоречат этим рамкам, а некоторые и полностью укладываются в них: трехлопастной треугольный наконечник стрелы и трехдольная бусина. Таким образом, датировку вещевого комплекса из пос. Горный можно обозначить второй половиной X – первой половиной XI вв. н.э.

Культурная принадлежность комплекса также не вызывает сомнений. Он находится в ареале сrostкинской культуры и почти все вещи, входящие в него, находят соответствия в ее памятниках, а часть из них составляют массовые серии, что свидетельствует, вероятнее всего, об их местном производстве.

Разрушенное погребение в пос. Горный безусловно принадлежало мужчине-воину, чей профессиональный статус особенно подчеркивает сабля, а о его имущественном статусе выше среднего, свидетельствует как разнообразие и количество вещей, так и позолота на орнаментированной бляхе снаряжения. Скорее всего, этот воин мог иметь ранг сотника.

ЛИТЕРАТУРА

Адамов А.А. О назначении парных крючков из погребений первой половины II тыс. н.э. лесостепного Приобья // Источники этнокультурной истории Западной Сибири / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: Тюменский гос. ун-т, 1991. С. 164–168.

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. 256 с.

Беликова О.Б. Среднее Причумылье в X–XIII вв. Томск: Изд-во Томского гос. пед. университета, 1996. 272 с.

Бородкин Ю.М. Курганы у села Тарасово // Археология Южной Сибири / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: КемГУ, 1977. С. 139–147.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

Горбунов В.В. Мечи и сабли кимаков Восточного Казахстана // Война и оружие. Новые исследования и материалы: труды Седьмой Международной научно-практической конференции 18–20 мая 2016 года / Науч. ред. С.В. Ефимов. СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. Ч. II. С. 131–147.

Горбунов В.В. Поясные бляхи-накладки сrostкинской культуры // Теория и практика археологических исследований. Вып. 5 / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 120–130.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Продолжение исследований курганов сrostкинской культуры на Приобском плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий Т. VII. / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. С. 281–287.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. «Элитные» курганы сrostкинской культуры рубежа I/II тыс. н.э. на Приобском плато // Археология Евразийских степей. 2018. №6. С. 81–88.

Грач А.Д., Савинов Д.Г., Длужневская Г.В. Енисейские кыргызы в центре Тувы (Эйлиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы). М.: Фундамент-Пресс, 1998. 84 с.

Илюшин А.М. Население Кузнецкой котловины в эпоху развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1). Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999. 208 с.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002. 362 с.

Неверов С.В. Костяные пряжки сrostкинской культуры (VIII–X вв. н.э.) // Алтай в эпоху камня и раннего металла / Отв. ред. Ю.Ф. Киришин. Барнаул: АлтГУ, 1985. С. 192–206.

Неверов С.В., Горбунов В.В. Курганный могильник сrostкинской культуры Шадринцево-1 // Археология, антропология и этнография Сибири / Отв. ред. Ю.Ф. Киришин. Барнаул: АлтГУ, 1996. С. 163–191.

Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния / САИ. Вып. Е4-2. М.: Наука, 1974. 200 с.

Уманский А.П., Тишкин А.А., Горбунов В.В. Погребения первой половины II тыс. н.э. на могильнике Ильинка в Алтайском крае // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 146–161.

Информация об авторах:

Горбунов Вадим Владимирович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета (г. Барнаул, Россия); gorbunov@hist.asu.ru

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета (г. Барнаул, Россия); tishkin210@mail.ru

Семибратов Владимир Петрович, кандидат исторических наук, инженер отдела сопровождения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ Алтайского государственного университета (г. Барнаул, Россия); svp9039116217@mail.ru

REFERENCES

Adamov, A. A. 1991. In Matveeva (ed.). *Istochniki etnokul'turnoi istorii Zapadnoi Sibiri (Sources of the Ethnocultural History of Western Siberia)*. Tyumen: Tyumen State University, 164–168 (in Russian).

Adamov, A. A. 2000. *Novosibirskoe Priob'e v X–XIV vv. (Novosibirsk Ob Region in the 10th–14th cc.)*. Tobol'sk, Omsk: Omsk State Pedagogical University Publ. (in Russian).

Belikova, O. B. 1996. *Srednee Prichulym'e v X–XIII vv. (Middle Chulym River Area in the 10th–13th cc.)*. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University Publ. (in Russian).

Borodkin, Yu. M. 1977. In Martynov, A. I. (ed.). *Arkheologiya Iuzhnoi Sibiri (Archaeology of South Siberia)* 9. Kemerovo: Kemerovo State University, 139–147 (in Russian).

Gorbunov, V. V. 2006. *Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Chast' I: Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie) (Military Science of Altay Population in III–XIV Centuries. Part II. Offensive Armament (Weapons))*. Barnaul: Altai State University (in Russian).

Gorbunov, V. V. 2016. In Efimov, S. V. (ed.). *Voina i oruzhie. Novye issledovaniia i materialy (War and Weapons: New Studies and Materials)*. Saint Petersburg: Military-Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps, 131–147 (in Russian).

Gorbunov, V. V. 2009. In Tishkin, A. A. (ed.). *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniy (Theory and Practice of Archaeological Research) 5*. Barnaul: Altai State University, 120–130 (in Russian).

Gorbunov, V. V., Tishkin, A. A. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 6*. 81–88 (in Russian).

Gorbunov, V. V., Tishkin, A. A. 2001. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and the Adjoining Territories)*. Vol. 7. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 281–287 (in Russian).

Grach, A. D., Savinov, D. G., Dluzhnevskaya, G. V. 1998. *Eniseiskie kyrgyzy v tsentre Tuvy (Eilig-Khem III kak istochnik po srednevekovoi istorii Tuvy (The Yenisei Kyrgyz in the center of Tuva (Eilig-Khem III as a Source on the Medieval History of Tuva))*. Moscow: "Fundamenta-Press" Publ. (in Russian).

Ilyushin, A. M. 1999. *Naselenie Kuznetskoi kotloviny v epokhu razvitovogo srednevekov'ia (po materialam raskopok kurgannogo mogil'nika Toropovo-1) (The Population of Kuznetsk Basin in the Period of the Developed Middle Ages (Based on Materials from the Excavations of Toropovo-1 Burial Mound))*. Kemerovo: Kuzbass State Technical University (in Russian).

Mogilnikov, V. A. 2002. *Kochevniki severo-zapadnykh predgorii Altaia v IX–XI vekakh (Nomads of the North-Western Foothills of Altai in the 9th–11th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Neverov, S. V. 1985. In Kiryushin, Yu. F. (ed.). *Altai v epokhu kamnya i rannego metalla (Altai in the Stone and Early Metal Ages)*. Barnaul: Altai State University Publ., 192–206 (in Russian).

Neverov, S. V., Gorbunov, V. V. 1996. In Kiryushin, Yu. F. (ed.). *Arkheologiya, antropologiya i etnografiya Sibiri (Archaeology, Anthropology and Ethnography of Siberia)*. Barnaul: Altai State University Publ., 163–191 (in Russian).

Pletneva, S. A. 1974. *Polovestkie kamennye izvaianiia (Cuman Stone Statues). Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E4-2*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Umanskii, A. P., Tishkin, A. A., Gorbunov, V. V. 2001. In Tishkin, A. A. (ed.). *Altai i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ia (Altai and Adjacent Territories in the Middle Ages)*. Barnaul: Altai State University, 146–161 (in Russian).

About the Authors:

Gorbunov Vadim V., Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor, Professor of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Altai State University, Lenin Ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; gorbunov@hist.asu.ru

Tishkin Alexey A. Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Altai State University, Lenin Ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; tishkin210@mail.ru

Semibratov Vladimir P., Candidate of Historical Sciences, Altai State University, Lenin Ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; svp9039116217@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2020 г.
Статья принята к публикации 01.09.2020 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

Рис. 1. Место расположения разрушенного захоронения в пос. Горный.
Fig. 1. Location of a destroyed burial in Gorny village.

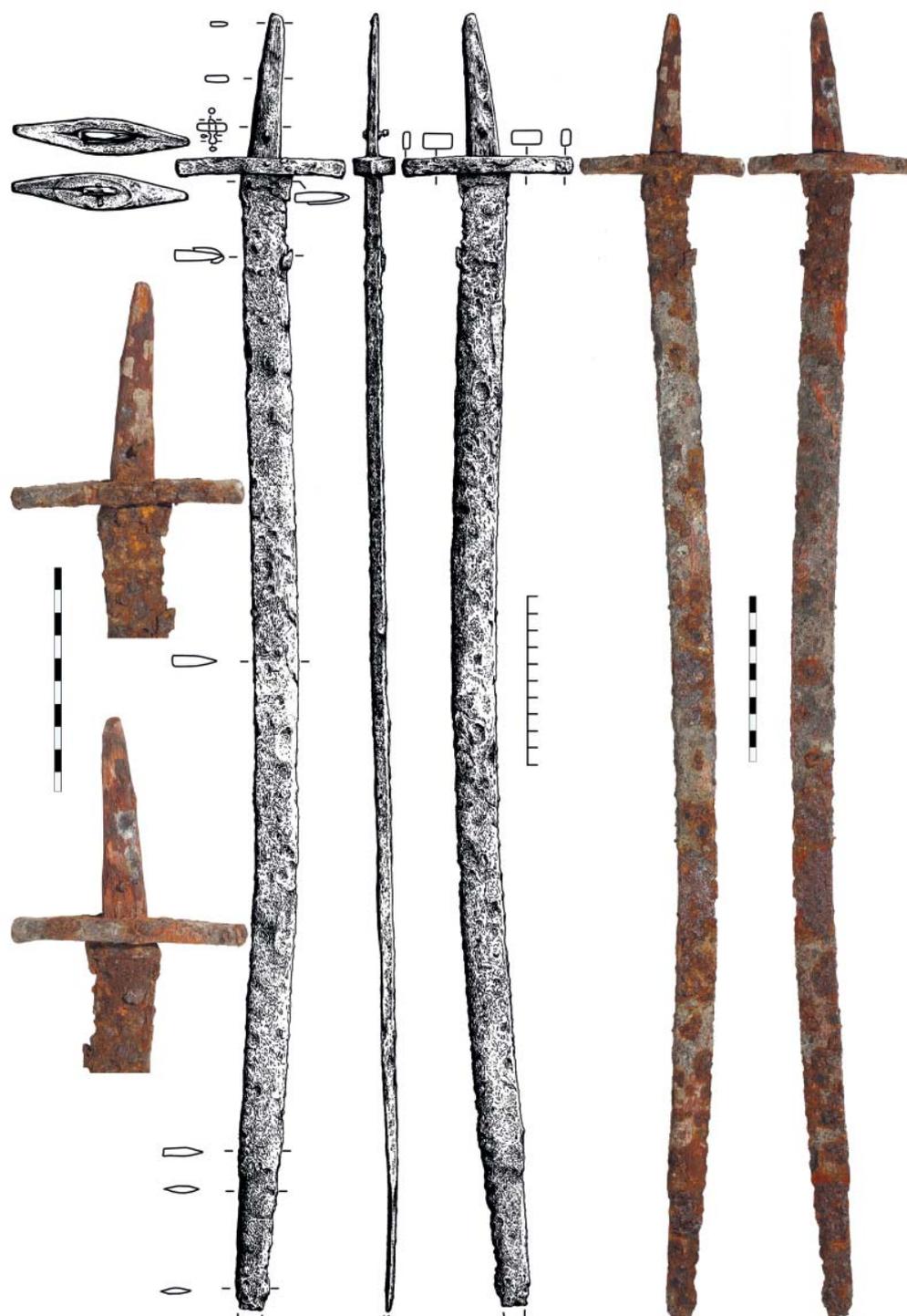

Рис. 2. Железная сабля.
Fig. 2. Iron saber.

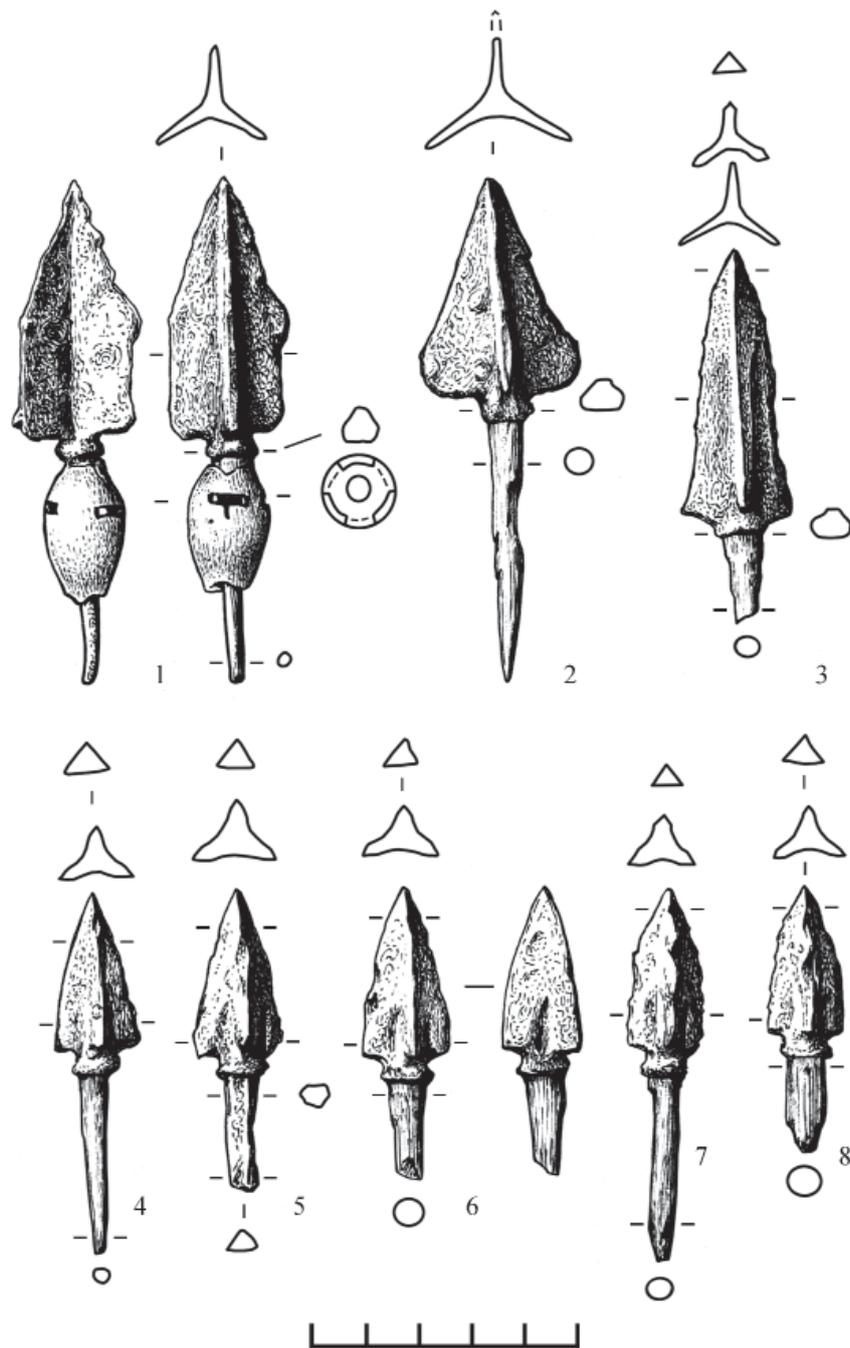

Рис. 3. Наконечники стрел: 1 – железо, кость (рог), дерево; 2-8 – железо, дерево.

Fig. 3. Arrowheads. 1 – iron, bone (horn), wood; 2-8 – iron, wood.

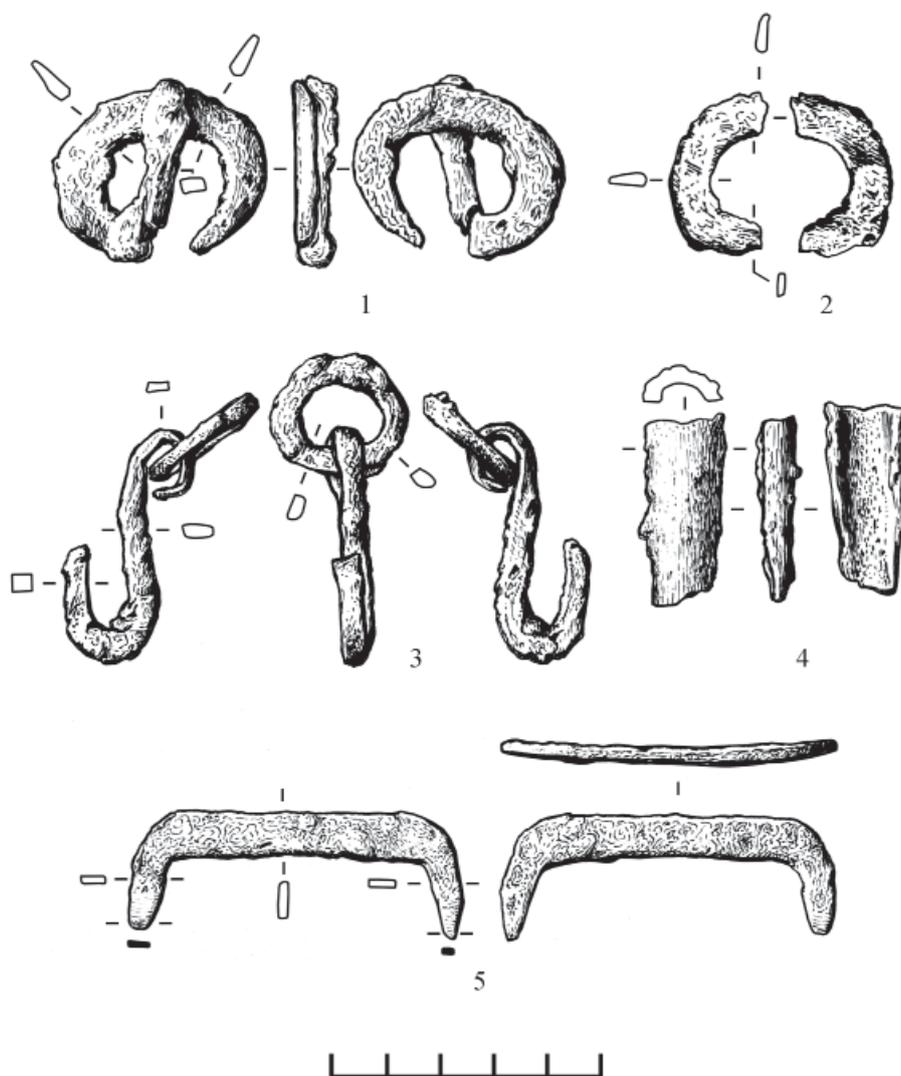

Рис. 4. Пряжки (1-2), крюк на кольце (3), фрагмент игольника ? (4), кресало (5):

1-3 – железо; 4 – кость (рог); 5 – железо, дерево.

Fig. 4. Buckles (1-2), hook on a ring (3), needle case fragment? (4), steel (5):

1-3 – iron; 4 – bone (horn); 5 – iron, wood.

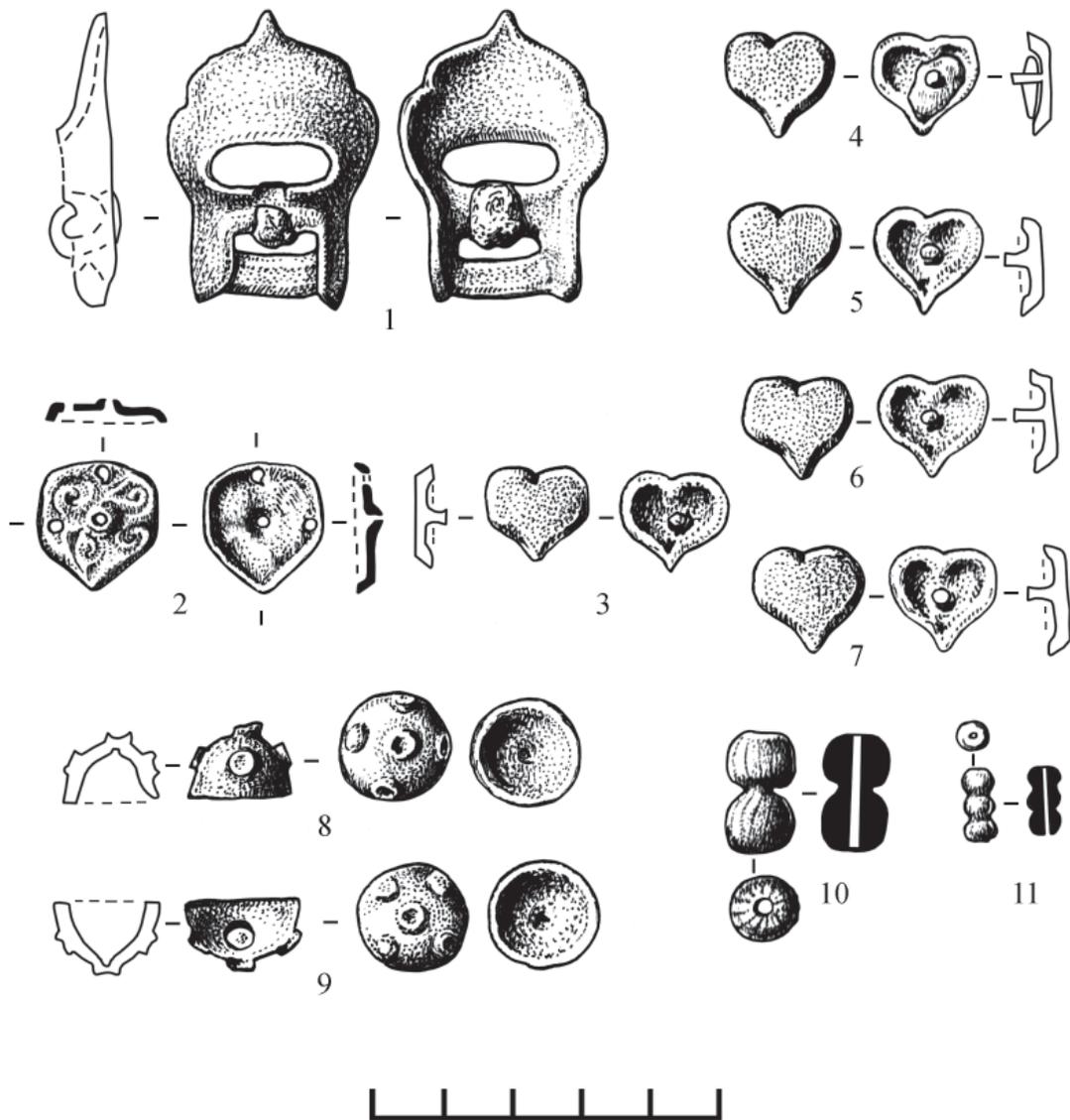

Рис. 5. Пряжка (1), бляхи (2-7), подвеска серьги (8-9), бусины (10-11):
 1 – медь, железо; 2 – сложная латунь, позолота; 4 – медь, кожа; 5-9 – медь, 10-11 – стекло.
Fig. 5. Buckle (1), plaques (2-7), earring pendant (8-9), beads (10-11):
 1 – copper, iron; 2 – complex brass, gilding; 4 – copper, leather; 5-9 – copper, 10-11 – glass.

Рис. 6. Комплекс предметов из захоронения в пос. Горный: 1-8 – наконечники стрел; 9-10, 14 – пряжки; 11 – крюк на кольце; 12 – фрагмент игольника (?); 13 – кресало; 15-20 – бляхи; 21-22 – подвеска серьги; 23-24 – бусины. 1 – железо, кость (рог), дерево; 2-8, 13 – железо, дерево; 9-11 – железо; 12 – кость (рог); 14 – медь, железо; 15 – сложная латунь, позолота; 16-20 – медь; 21-22 – бронза; 23-24 – стекло.

Fig. 6. Complex of items from a burial in Gorny village: 1-8 – arrowheads; 9-10, 14 – buckles; 11 – hook on a ring; 12 – fragment of a needle case (?); 13 – steel; 15-20 – plaques; 21-22 – earring pendant; 23-24 – beads. 1 – iron, bone (horn), wood; 2-8, 13 – iron, wood; 9-11 – iron; 12 – bone (horn); 14 – copper, iron; 15 – complex brass, gilding; 16-20 – copper; 21-22 – bronze; 23-24 – glass.

УДК 902.01

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2020.6.248.252>**УНИКАЛЬНАЯ НАХОДКА КИНЖАЛА ИЗ БОЛГАРА**

© 2020 г. Р.Р. Валиев

В публикации рассматривается уникальный для региона железный кинжал – баселард, происходящий с раскопа СЛIII на территории Болгарского городища. Он представляет собой обоюдоострый клинок ромбовидного сечения с двумя долами, сходящимися к центру. Находка происходит с верхних горизонтов позднего золотоордынского слоя, датируемого концом XIV – первой половиной XV вв. Подобные кинжалы не типичны для памятников региона, и они не известны с территории Волжской Булгарии и Золотой Орды. Однако аналогичные находки кинжалов были обнаружены в Англии и северной Германии. Данный тип клинка был широко распространен в Центральной и Западной Европе в XIV–XV вв., появление которого традиционно связывают со швейцарским городом Базелем. Кинжал является импортом, и его появление в средневековом городе Болгаре, скорее всего, связано с европейскими торговцами.

Ключевые слова: археология, Поволжье, Болгарское городище, средневековье, золотоордынский период, кинжал, баселард.

UNIQUE DAGGER FOUND IN BOLGAR**R.R. Valiev**

The publication concerns an iron dagger unique for the region in question - a baselard originating from excavation CLIII in the territory of Bolgar fortified settlement. It is a double-edged diamond-shaped blade with two lobes converging towards the center. The find was discovered in the upper horizons of the late Golden Horde layer dated the end of 14th - the first half of 15th centuries. Such daggers are not typical for the monuments of the region, and have not been discovered in the territory of Volga Bulgaria or the Golden Horde. However, similar daggers have been found in England and northern Germany. This type of blade was widely spread in Central and Western Europe in the 14th – 15th centuries, the appearance of which has been traditionally associated with the Swiss town of Basel. The dagger is an imported item, and its appearance in the medieval city of Bolgar is most likely associated with European traders.

Keywords: archaeology, Volga region, Bolgar fortified settlement, Middle Ages, Golden Horde period, dagger, baselard.

В 2010 г. во время охранных исследований Болгарского городища на раскопе СЛIII обнаружена уникальная находка кинжала. Раскоп СЛIII площадью 338 кв. м разбит на месте предстоящего строительства объектов инфраструктуры речного вокзала с функцией музея в северо-западной части памятника на краю коренной террасы левого берега р. Волги (Археологические исследования 2010 г. ..., 2011, с. 14–19).

В ходе исследований на раскопе СЛIII были зафиксированы напластования современности и периода русского села, золотоордынского времени и домонгольского периода. Слой золотоордынского периода Болгара разделяется на два горизонта: верхний – позднезолотоордынский (30–40 гг. XIV в. – 30 гг. XV в.) и нижний – раннезолотоордынский (середина XIII – первая треть XIV вв.). IV поздний слой наиболее мощный (10–45 см) и более насыщен археологическими артефактами. Слой хорошо датируется медными пулами и одним серебряным дирхемом, где из 15 монет 10 относятся к 30–40 гг. и 60 гг. XIV в., осталь-

ные неопределимые или переотложенные к середине XIII – началу XIV вв. С IV поздним слоем соотносятся 32 объекта хозяйственно-бытового и производственного назначения (Валиев, Бадеев, 2018, с. 137–138).

Из позднеордынского слоя происходили крицы, представленные как скоплениями мелких непрокованных, так и рублеными товарными крицами. В основном они концентрируются в западной и северо-восточной части раскопа, где располагались объекты усадьбы, датирующейся концом XIII – 40 гг. XIV в. Объекты данной усадьбы ко второй половине XIV вв. были засыпаны. С верхних горизонтов засыпки, датируемых концом XIV – первой половиной XV вв., происходит железный кинжал.

Он представляет собой обоюдоострый клинок ромбовидного сечения с двумя долами, сходящимися к центру. Вдоль центра лезвия проходила четко выраженная грань, т. е. выпуклость (рис. 1: 1). На момент извлечения из земли, несмотря на плохую сохранность, кинжал был целым, позже облома-

но острие. Общий вес – 300 г. Общая длина кинжала составляла 34 см, длина лезвия – 23,5 см, длина эфеса – 10,5 см, длина черенка – 8,5 см. Клинок треугольной или конической формы, симметрично сужается от перекрестия к острию, ширина у перекрестия составляет 3,5 см, ширина – 1,7 см.

Перекрестие или гарда оформлена в виде наклонных от рукояти плечиков, и, судя по остаткам органики, имела деревянные накладки. Сохранившаяся ширина перекрестия – 4 см.

Рукоять состояла из железного черенка толщиной 0,8–0,9 см и шириной 1,5 см. На него с двух сторон накладывались тонкие медные пластины длиной 7,5 см, концы которых вырезаны полукругом и загнуты наружу на 0,5 см. На пластины накладывались деревянные детали – щёчки, которые сохранились в виде древесного тлена. Получившаяся конструкция рукояти в сечении имела размеры 2,2×1,5 см и длину 6,5 см. Она переходила в навершие (головку), оформленную в виде «Т»-образной петли. На головку также с двух сторон были наложены деревянные щёчки, сохранившиеся в виде древесного тлена. Вся конструкция эфеса скреплялась сквозными бронзовыми трубочками, длиной 1,8 см и диаметром 0,2 см: на перекрестии и навершии их по 2, на собственно рукояти – 4.

На территории Волжской Булгарии и Золотой Орды подобные кинжалы не обнаружены. Все известные находки кинжалов с территории Волжской Булгарии являются с однолезвийными или обоюдоострыми линзовидными в сечении клинками. Лезвие первой группы неширокое (до 1,7 см), длина достигает 29 см, у второй группы лезвие клиновидное (шириной до 6 см), длина – более 20 см (Белорыбкин, 1990, рис. 89: 1; Белорыбкин и др., 2020, с. 37; Измайлов, 1997, с. 56, рис. 28, 29). Отсутствие отверстий на черенках свидетельствует о том, что их рукояти были втульчатymi, т. е. не скреплялись заклепками.

Кинжалы или короткие мечи с территории Золотой Орды, в том числе с подбором аналогий от Западной Европы до Восточного Казахстана, рассмотрены в коллективной статье, посвященной уникальной находке кинжала из средневекового могильника в Краснодарском крае. Клинки с территории Золотой Орды имеют обоюдоострое прямое или вытянуто-треугольное лезвие с ромбовидным или линзовидным сечением. Их длина составляет от 39 см до 55 см, хотя отдельные аналогичные

клинки на Ближнем Востоке и Западной Европе достигают до 61 см и 63 см соответственно (Кулешов, Ничепорук, 2012, с. 182–198).

Кроме того, два обоюдоострых кинжала происходят с Болгарского городища. Один из них длиной до 39 см с ромбовидным сечением найден в слое XIV в. Второй кинжал клиновидной формы с линзовидным сечением происходит из смешанной коллекции (Савченкова, 1996, с. 69, рис. 32: 12–13). Как и у других кинжалов с территории Золотой Орды, на черенках данных клинков нет следов соединения деталей рукояти с помощью заклепок.

Рассматриваемый кинжал с раскопа СЛIII относится к типу баселард (англ. baselard иногда читается как басселард, басселярд, базелард, базельяр) – тип кинжала и короткого меча, распространенного в Европе с конца XIII в. Название кинжала по основной и утвердившейся версии происходит от города Базеля в Швейцарии. Баселард был самым распространенным типом кинжала в Западной и Центральной Европе в XIV–XV вв., как в рыцарской среде, так и среди торговцев и фригольдеров. Если в XV в. рыцари перестают носить баселард, то горожане и пешие солдаты продолжают пользоваться им, пока к концу столетия он не выходит из употребления. К этому времени он имел крупную гарду и состоял из перекрестия и упора со стороны головки, так что эфес выглядел как римская цифра «I». Басселард имел двустороннюю заточку клинка, лезвия равномерно сужались к острию, рукоять изготовлялась из двух склепанных вместе щитков из рога, дерева или слоновой кости (Асмолов, 1993, с. 178–179; Жарков, 2005, с. 49–51; Попенко, 1992, с. 214, рис. 18; Уиланд, 1998, с. 80; Laking, 1920, p. 8).

Детальные изображения и упоминания баселардов присутствуют во многих средневековых европейских источниках, будь то барельеф, рисунок, торговый и судебный документ, поэзия или фольклор. Благодаря этим данным можно проследить развитие и трансформацию данного типа кинжала. Первое изображение баселарда как короткого меча встречается на фреске 1288–1292 гг. на дворце заседания (Палаццо Комунале) в г. Сан-Джиминьяно в Италии, а первое письменное упоминание содержится во французских документах Дуэ, датированных около 1300 г. К середине XIV в. баселард начинает отмечаться на англо-саксонских территориях. Баселард

ды в основном имеют длину, соответствующую трём размерам: около 35 см, 70 см и 100 см. Данные размеры приблизительно соответствовали распространённым в средневековой Европе единицам длины – футу (30–35 см) и «браччо» (итальянский локоть, 65–70 см) (Meier, 1998).

Кинжал из Болгара соответствует короткому варианту баселарда, полные аналогии которому происходят из северной Германии и Лондона. Первый датируется началом XV в., последний – концом XIV в. (Laking, 1920, p. 11, fig. 750, 751). Схожие баселарды, отличающиеся формами перекрестия и навершия, а также отсутствием дол были обнаружены в Германии. Один из них отнесён к началу XV в., второй имеет более точную датировку – около 1420 г. (Dufty, 1974, p. 34, pl. 95a; Laking, 1920, p. 11, fig. 748, 752; Thompson, 1996, pp. 52–55). Метрические параметры первого кинжала: длина лезвия 36,5 см, общая длина 45 см, общий вес 397 г (рис. 1: 3). К сожалению, для остальных вышеупомянутых баселардов не удалось найти характеристику параметров (рис. 1: 2).

Подобные баселарды европейцы носили справа подвешенным к поясу, о чем свидетельствует рельефное изображение Иоганна фон Хольцхаузена и его жены Гуды на гробнице во Франкфуртском соборе. На этой плите Хольцхаузен опоясан с правой стороны кинжалом с треугольным клинком и рукоятью значительной длины (Laking, 1920, p. 11, fig. 749; Frankfurt Am Main-St Bartholomaeus...).

Таким образом, данный баселард из Болгара является уникальной находкой на обширной территории Золотой Орды. Отсутствие аналогичных кинжалов и техники изготовления подобных клинков и крепления с помощью сквозных бронзовых трубочек и, наоборот, наличие полных аналогий в Западной и Центральной Европе исключают изготовление данного кинжала на месте. Он является импортом, и его появление в средневековом городе Болгаре, скорее всего, связано с европейскими торговцами, носившими его как оружие самозащиты. Подобные уникальные находки еще раз подтверждают значимость Болгара как торгового и административного центра в Восточной Европе.

ЛИТЕРАТУРА

- Археологические исследования 2010 г.: Болгар и Свияжск / Авт.-сост. Р.Р. Валиев, А.Г. Ситдинов., З.Г. Шакиров. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. 40 с.
- Асмолов К.В. История холодного оружия. Часть 1. М.: Оздоровительный и научно-информационный центр «Здоровье народа», 1993. 263 с.
- Белорыбкин Г.Н. Новые открытия на Юловском городище // Поиски и находки. Кн. 2. Из записных книжек краеведов. Саратов: Приволжское кн. изд-во (Пензенское отделение), 1990. С. 3–9.
- Белорыбкин Г.Н., Гусынин В.А., Измайлов И.Л. Вооружение населения Юго-Западной Булгарии (X–XIII века) / Археология Евразийских степей. 2020. № 1. 354с.
- Валиев Р.Р., Бадеев Д.Ю. Результаты археологических исследований на Болгарском городище в 2010 г. (раскоп СЛIII) // Археология Евразийских степей. 2018. №5. С. 137–143.
- Жарков С.В. История создания рыцарских орденов и каталог холодного оружия, снаряжения рыцарей средневековой Европы. Брест: Академия, 2005. 108 с.
- Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань-Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 1997. 212 с.
- Кулешов Ю.А., Ничепорук А.А. Находка уникального кинжала из могильника Жукова (к вопросу о «гражданском» оружии в Золотой Орде) // Военное дело Улуса Джучи и его наследников / Отв. ред. А.К. Кушкumbaев. Астана: Фолиант, 2012. С. 182–198.
- Попенко В.Н. Холодное оружие Востока и Запада. М.: Горбунок, 1992. 213 с.
- Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. С. 5–88.
- Уиланд Джеральд. Мечи, шпаги и сабли. Настольная книга коллекционера / пер. с англ. яз. С. Кулланда. М.: Издательство «Тривиум», 1998. 128 с.
- Arthur Richard Dufty. European Swords and Daggers in the Tower of London. London: H.M. Stationery Office, 1974. 157 p.
- Guy Francis Laking. A Record of European Armour and Arms. L: G. Bell and Sons, Ltd, 1920. Vol. III.

Jürg A. Meier. *Sammlung Carl Beck Sursee. Schweizerische Gesellschaft für Historische Waffen und Rüstungskunde*, Luzerne, 1998. 114 p.

Frankfurt Am Main-St Bartholomaeus-Grabmal des Johann von Holzhausen und seiner Frau Gudula-20080208.jpg. URL: [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Frankfurt Am Main-St Bartholomaeus-Grabmal des Johann von Holzhausen und seiner Frau Gudula-20080208.jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Frankfurt_Am_Main-St_Bartholomaeus-Grabmal_des_Johann_von_Holzhausen_und_seiner_Frau_Gudula-20080208.jpg). Дата обращения 08.12.2020

Thompson A.L. *Medieval Daggers // Military Illustrated*. 1996. No. 102. P. 52–55.

Информация об авторе:

Валиев Ренат Рафаилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); vr80@yandex.ru

REFERENCES

Valiev, R. R., Sitdikov, A. G., Shakirov Z. G. (comp.). 2011. *Arkheologicheskie issledovaniia 2010 g.: Bolgar i Sviiazhska (Archaeological Studies in 2010: Bolgar and Sviyazhska)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Asmololov, K. V. 1993. *Istoriia kholodnogo oruzhiia (History of Melee Weapons) 1*. Moscow: “Zdorov’e naroda” Publ. (in Russian).

Belorybkin, G. N. 1990. In *Poiski i nakhodki. 2. Iz zapisnykh knizhek kraevedov (Searches and Finds. Book 2. From the Notebooks of Local Historians)*. Saratov: Privolzhskoe kn. izd-vo (Penzenskoe otdelenie) Publ., 3–9 (in Russian).

Belorybkin, G. N., Gusynin, V. A., Izmailov, I. L. 2020. *Vooruzhenie naseleniia yugo-zapadnoi Bulgarii (X – XIII veka) Armament of the Population of South-Western Bulgaria (10th - mid-13th centuries)*. *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 1* (in Russian).

Valiev, R. R. 2018. In *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 5*. 211–226 (in Russian).

Zharkov, S. V. 2005. *Istoriia sozdaniia rytsarskikh ordenov i katalog kholodnogo oruzhiia, snariazheniia rutsarei srednevekovoi Evropu (The History of the Creation of Knightly Orders and the Catalog of Melee Weapons equipment of Medieval European Knights)*. Brest: “Akademiia” Publ. (in Russian).

Izmaylov, I. L. 1997. *Vooruzhenie i voennoe delo naseleniia Volzhskoy Bulgarii X – nachala XIII v. (Armament and Warfare of the population of Volga Bulgaria 10th – beginning of 13th century)* Kazan-Magadan: North-East Scientific Center, Russia Academy of Sciences Far East Branch (in Russian).

Kuleshov, Yu. A., Nicheporuk, A. A. 2012. In Kushkumbaev, A. K. (ed.). *Voенное дело Улуса Дзхучи и его наследников (Military Affairs of Ulus of Jochi and its Heirs)*. Astana: “Foliant” Publ., 182–198 (in Russian).

Popenko, V. N. 1992. *Kholodnoe oruzhie Vostoka I Zapada (Melee Weapons of the East and West)*. Moscow: “Gorbunok” Publ. (in Russian).

Savchenkova, L. L. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan, 5–88 (in Russian).

Jerald Weland. 1998. *Mechi, shpagi i sable. Nastol’naia kniga koolektsionera (A collector's guide to swords, daggers and gutlasses)*. Trans. Kulland, S. Moscow: “Triumpf” Publ.

Dufty, Arthur Richard. 1974. *European Swords and Daggers in the Tower of London*. London: H.M. Stationery Office (in English).

Guy Francis Laking. 1920. *A Record of European Armour and Arms*. L: G. Bell and Sons, Ltd, 1920. Vol. III (in English).

Jürg A. Meier. *Sammlung Carl Beck Sursee. Schweizerische Gesellschaft für Historische Waffen und Rüstungskunde*, Luzerne, 1998. 114 p.

Frankfurt Am Main-St Bartholomaeus-Grabmal des Johann von Holzhausen und seiner Frau Gudula-20080208.jpg. URL: [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Frankfurt Am Main-St Bartholomaeus-Grabmal des Johann von Holzhausen und seiner Frau Gudula-20080208.jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Frankfurt_Am_Main-St_Bartholomaeus-Grabmal_des_Johann_von_Holzhausen_und_seiner_Frau_Gudula-20080208.jpg). Дата обращения 08.12.2020

Thompson A.L. 1996. In *Military Illustrated* 102, 52–55 (in English).

About the Author:

Valiev Renat R. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; vrr80@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2020 г.
Статья принята к публикации 01.09.2020 г.

Рис. 1. Находки баселардов: 1 – Болгар, конец XIV–первая половина XV вв.; 2 – Лондон, конец XIV в.; 3 – Северная Германия, XV в.

Fig. 1. Discovered baselards: 1 – Bolgar, late 14th – first half of 15th cc.; 2 – London, late 14th c.; 3 – Northern Germany, 15th c.

УДК 903.23

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2020.6.253.278>

АРХЕОЛОГИЯ КОМПЛЕКСОВ ВООРУЖЕНИЯ КОЧЕВНИКОВ УЛУСА ДЖУЧИ (ЗОЛОТОЙ ОРДЫ)

©2020 г. В.А. Иванов

Статья посвящена вопросам анализа комплекса вооружения Улуса Джучи по данным погребальных памятников. Автор считает, что требуется разработка комплексного подхода к изучению военной археологии и истории кочевников Евразии, и в качестве опыта предлагает результаты своих исследований по археологии кочевнических погребений Улуса Джучи (Золотой Орды), проведенных по методике статистического анализа массового археологического материала. Источниковую базу по археологии этого исследования составляют 1273 погребальных комплекса, выявленных и исследованных в степях Евразии. Из них 37,4% составляют погребения, содержащие предметы вооружения. На основе этой выборки автором делаются выводы о характере вооружения кочевого населения Золотой Орды.

Ключевые слова: военная археология, Улус Джучи (Золотая Орда), комплекс вооружения, кочевники, могильники, погребальные комплексы, оружие, статистико-комбинаторные методы, сравнительный анализ.

ARCHAEOLOGY OF THE ARMAMENT COMPLEXES OF NOMADS IN THE ULUS OF JOCHI (THE GOLDEN HORDE)

V.A. Ivanov

The paper addresses the issues of analysis of the Ulus of Jochi armament complex on the basis of burial monuments. The author is convinced that the development of an integrated approach to the study of military archaeology and history of Eurasian nomads is required, and provides an example in the form of the results of studies on the archaeology of the nomadic burials of the Ulus of Jochi (the Golden Horde) conducted using the technique of statistical analysis of mass archaeological material. The archaeological source base of this study is composed of 1273 burial complexes revealed and investigated in the steppes of Eurasia. A total of 37.4% of these burials were containing armament items. This series is used by the author as a basis for conclusions on the nature of the armament of the nomadic population of the Golden Horde.

Keywords: military archaeology, Ulus Dzhuchi (Golden Horde), arms complex, nomads, burial grounds, funeral complexes, weapon, statistiko-combinatory methods, comparative analysis.

В 2017 году в очередном томе «Археологии Евразийских степей», посвященном памяти выдающегося оружейведа и реконструктора древнего и средневекового оружия М.В. Горелика, была опубликована статья И.Л. Измайлова, представляющая собой программу изучения оружия и военного дела Золотой Орды. Кроме обширного историко-теоретического обоснования изучения военной археологии как особого раздела археологии, занимающегося изучением вооружения, воинского снаряжения, военно-оборонительного дела и т. д., автор предлагает приступить к разработке и конкретных направлений, совершенно, на мой взгляд, справедливо полагая, что с их помощью можно будет соединить в единое научное направление две отрасли знания – военную историю и военную археологию. В качестве одного из таких направлений И.Л.Измайлов выделяет изучение комплекса вооружения как реконструктивного элемента, позволяющего

соединить две указанных отрасли или направления историко-археологического познания (Измайлов, 2017).

Полностью поддерживая идею автора о необходимости разработки комплексного подхода к изучению военной археологии и истории кочевников Евразии, в качестве опыта предлагаю вниманию заинтересованного читателя результаты своих исследований по археологии кочевнических погребений Улуса Джучи (Золотой Орды), проведенных по методике статистического анализа массового археологического материала.

В общем-то, они не новы, поскольку первые результаты подобного исследования на материале 333 воинских погребений Золотой Орды были опубликованы мной в 2011 г. (Иванов, 2011). Позже, по мере расширения базы данных по воинским погребениям кочевников Золотой Орды¹, я еще трижды обращал

¹ А процесс этот перманентный.

ся к этой теме (Иванов, 2014; 2015; 2017). И наконец, сейчас, когда доступный мне корпус соответствующих источников достиг наиболее оптимального объема, я еще раз обращаюсь к теме статистического анализа предметов вооружения кочевников Золотой Орды, теперь уже с целью показать именно источниковедческие проблемы этой темы в контексте будущей программы историко-археологического изучения вооружения и военного дела кочевников Евразии.

Источниковую базу по археологии кочевников Золотой Орды в настоящее время составляют 1273 погребальных комплексов, выявленных и исследованных в степях Евразии². Из них 37,4% составляют погребения, содержащие предметы вооружения. Это 477 комплексов, которые и являются объектом настоящего исследования³. Для данного объема выборки нижний уровень процентного показателя (при степени вероятности 0,95) будет равен 0,8%. Показатели ниже указанного уровня для рассматриваемой выборки не будут значимыми (Генинг и др., 1990, с. 64).

Золотоордынские погребения с оружием четко делятся на две группы. Первая – погребения, содержащие по одному предмету: наконечники стрел (1–5 экз.), берестяной колчан, сабля, наконечник копья и т. д. Их можно назвать «символическими воинскими захоронениями». В общей сложности они составляют 41,5% всех погребений с оружием (табл. 1).

Вторая группа – погребения, содержащие комплексы вооружения, от двух-трех (стрелы + колчан, стрелы + сабля, стрелы + копьё, сабля + стрелы + накладки лука и т. д.) до пяти-шести (доспех + шлем + копьё + колчан + стрелы, доспех + шлем + копьё + сабля + колчан + стрелы) (табл. 1). Эти погребения могут трактоваться как более аутентичные вооружению и структуре золотоордынского войска.

Среди погребений второй группы также абсолютно доминируют погребения «лучников» (наконечники стрел + колчан, наконечники стрел + колчан + накладки на лук, на-

² Если обратиться к предшествующим публикациям автора этих строк, то можно убедиться в том, как рос объем источников в течение последних 25 лет. И он будет расти и далее, поскольку процесс этот перманентный.

³ Фактически их количество и сейчас уже, по опубликованным данным, можно довести до 500 и более. Но на данном этапе я считаю и имеющуюся выборку вполне репрезентативной.

наконечники стрел + сабля, наконечники стрел + колчан + сабля).

В целом же погребения, содержащие образцы оружия дистанционного боя – стрелы, лук, колчан, – составляют 84,1% рассматриваемых погребений.

По материалу изготовления наконечники стрел делятся на две группы – железные и костяные (рис. 1 и 2). Практически все они укладываются в типологию, разработанную Г.А. Федоровым-Давыдовым в середине 1960-х гг. (Федоров-Давыдов, 1966, гл. 2), которая остается актуальной и сегодня, поскольку за истекшие десятилетия существенных изменений в ней не произошло.

На примере кочевнических погребений Урало-Поволжского региона, где сейчас локализуется 50,1% вообще всех известных кочевнических погребений XIII–XIV вв. и 40,1% от всех погребений с оружием, можно убедиться в том, что в них содержатся наконечники стрел практически всех характерных для рассматриваемой эпохи типов.

Всего в кочевнических погребениях региона обнаружено 210 железных наконечников стрел⁴, и получаем следующую картину частоты встречаемости известных типов стрел:

VIX – в виде вытянутой лопаточки с закругленной верхней ударной гранью (рис. 1: 19, 20) – 34,8%;

VXI – вытянутая лопаточка, заканчивающаяся двумя короткими ударными гранями, сходящимися под тупым углом (рис. 17: 12–14, 21) – 17,4%;

VIII – плоские листовидной формы (рис. 1: 5) – 9,2%;

VIV – плоские ромбической формы (рис. 1: 6–8) – 8,1%;

VXVII – треугольной формы с вогнутыми боковыми гранями, слегка расширяющимся основанием и уступом при переходе пера в черешок (рис. 1: 22–26) – 7,0%.

VXIII – фигурные, с небольшим пером, ударная грань имеет треугольный выступ (рис. 1: 15–18) – 4,9%;

VV – плоские треугольной формы, максимальная ширина приходится на основание пера – 4,5%;

VVI – двурогие стрелы (рис. 1: 9) – 3,2%;

VVII – треугольной формы, но в виде перевернутого основанием вверх треугольника,

⁴ Это еще в общей сложности 36 наконечников интересующего нас времени. И хотя найдены они в основном на поселениях, но условно будем считать, что они тоже кочевнические.

максимальная ширина приходится на режущую грань – 3,2%;

VI – трехгранное в сечении перо (рис. 1: 2) – 2,7%;

VIII – прямоугольной формы, чуть суживающиеся к основанию – 2,1%;

XVI – полукруглой формы, с небольшим пером, прямой или вогнутой ударной гранью (рис. 1: 10, 11) – 1,6%;

IX – в виде вытянутой лопаточки, но со слегка вогнутой ударной гранью – 0,5%.

Аналогичную статистику встречаемости обнаруживают и комплексы кочевнических погребений золотоордынского времени на Дону (31 экз. – по В.В. Кравцу): IV – 20%; XI – 26,6%; III – 10%. Остальные типы представлены 1–2 экз. (Кравец, 2005, с. 36).

Практически тот же самый типологический ассортимент железных наконечников стрел был распространен и у кочевников восточной части Великого пояса степей Евразии (восточных кыпчаков – по Ю.С. Худякову) (Худяков, 2012) и у кочевников (монголов) Тянь-Шаня. У последних наконечники типа IX и XI абсолютно доминируют (Акматов, 2015).

Костяные наконечники стрел (как правило, по одному экз.) найдены в 8% от всех погребений с оружием. По форме пера они делятся на два типа: тип IV (по Г.А. Федорову-Давыдову) – черешковые, листовидной формы и треугольного сечения (рис. 2: 3, 4) – 6 экз.;

тип V – черешковый с треугольной головкой ромбического сечения (рис. 18: 8) – 1 экз.

В погребениях костяные наконечники размещались так же, как и железные. Однако в к. 1 Тлявгуловского могильника черешковый костяной наконечник (рис. 2: 8) торчал вертикально возле головки бедра погребенного.

Назначение костяных наконечников, в контексте тогдашней тактики ведения боевых действий, не совсем понятно. Характерно, что найдены они в могильниках – Тлявгуловский, кург. 1; Новый Кумак, к. 11; Жарсуат, к. 1; Каратугайская волость, к. 4; Харьковка I, к. 9; Давыдовка III, к. 2; Свинуха (Лесное), к. 5; Агаповский, – расположенных в северных лесостепных районах Джучиева улуса или прилегающих к лесостепи. А вообще, в общем контексте комплекса вооружения кочевников XIII–XIV вв., костяные наконечники стрел характерны для погребений Алтая: из 38 погребений, где они встречены, 17 – на Алтае (Бийск, Ближние Елбаны XIV, Ильинка, Кармацкий, Осинки, Усть-Алейка-Клуб, Тожон, Усть-Бийке-III). Ю.С. Худяков пола-

гает, что стрелы с костяными наконечниками использовались как дополнение к стрелам с железным наконечником, которых при массовой стрельбе по противнику не всегда хватало (Худяков, 2009, с. 174).

Стрелы черешками всаживались в массивные деревянные древки диаметром до 0,8 см (Олень-Колодезь, Высокая Гора) (Кравец, 2005, с. 36), что предполагает высокую упругость лука, посылающего такие стрелы.

Стрелы помещались в **берестяные колчаны**, что можно проследить по частоте встречаемости колчанов в кочевнических погребениях (51,4% всех погребений с оружием). Из них в 48,7% действительно стрелы находились в колчане, в остальных наконечников стрел найдено не было. Колчаны представляют собой берестяной футляр трапециевидной формы с расширяющимся дном длиной 70–80 см. Судя по нахождению наконечников стрел *in situ*, они в колчан помещались оперением вниз (рис. 2: 9–13).

Каждый третий из найденных в погребениях колчанов (15%) украшен костяными орнаментированными накладками с резным зооморфным, растительным или геометрическим орнаментом (рис. 2: 14–19).

Естественно, что в могилы колчан со стрелами помещали вместе с луком. Во всяком случае, 4,3% рассматриваемых погребений содержат костяные обкладки лука, причем, только в пяти погребениях – Сайхин, к. 3, Оз. Раим, Дымовка, Николаевка и Херсонский уезд – они найдены без наконечников стрел.

Подробный анализ сюжетов и мотивов орнамента, украшающего костяные обкладки колчанов, проведен в свое время Н.В. Малиновской (Малиновская, 1974) и затем дополнен Е.П. Мыськовым (Мыськов, 2015, с. 147–156). Поскольку данный элемент колчанного декора не имеет прямого отношения к функциональному назначению колчана как предмета вооружения, мы не будем здесь рассматривать орнамент еще раз. Отмечу только, что среди его сюжетов и мотивов исследователи четко выделяют четыре группы: геометрический орнамент, спиралевидный и S-видный, растительный и зоо- и антропоморфный (Н.В. Малиновская). Е.П. Мыськов в основу группировки орнаментальных сюжетов кладет отсутствие зоо- и антропоморфных мотивов (I группа) и их наличие среди растительных и геометрических (II группа) (Мыськов, 2015, с. 149). В контексте данного исследования это не принципиально, поэтому на этом описание

костяных колчаных накладок будет ограничено.

Колчан подвешивался к колчанному поясу, который застегивался на крючок (рис. 2: 20–24).

Следы лука в кочевнических погребениях Золотой Орды представлены **костяными накладками** – 7,3% от всех погребений с оружием. По форме это пластины подпрямоугольной формы с расширяющимися концами (рис. 2: 25, 28, 30), овальной формы (рис. 2: 27, 29) или в форме двойной лопаточки (рис. 2: 26). Последние встречаются редко и в основном на востоке Евразийской степи. Установить, какой тип накладок на лук преобладает в кочевнических комплексах Золотой Орды, не представляется возможным, поскольку многие накладки встречены во фрагментах.

Подобные накладки наклеивались с внутренней стороны рукояти лука (прямоугольные и в виде лопаточки) или попарно к боковым сторонам рукояти (овальные) (Горелик, 2002, с. 18).

Концевые накладки лука с прорезями для тетивы, о которых упоминают исследователи золотоордынского вооружения (Сейдалиев, 2016, с. 278), в имеющихся кочевнических комплексах XIII–XIV вв. не встречены.

Луки носились в кожаных налущьях, из которых в рассматриваемых комплексах в относительно сохранившемся виде найдено одно – мог. Царев, кург. 7, погр. 1 (Мыськов, 2015, с. 121) (рис. 2: 31).

Оружие ближнего боя в погребениях кочевников Золотой Орды представлено саблями, наконечниками копий, топорами и булавами/шестоперами (табл. 1). Среди них чаще всего встречаются сабли – в общей сложности 11,3% всех погребений с оружием. То есть по частоте встречаемости это было второе после лука и стрел и первое среди оружия ближнего боя оружие.

Подробная типология **сабель** из средневековых кочевнических погребений Восточной Европы разработана А.В. Евглевским и Т.М. Потемкиной (Евглевский, Потемкина, 2000). По результатам статистической корреляции типобразующих признаков (кривизна, пропорции клинка, форма перекрестия и навершия) исследователи выделили 26 типов кочевнических сабель, из которых 5 типов (в общей сложности – 28 экз.) относятся к периоду Золотой Орды. По кривизне клинка⁵ это

⁵ Основной типобразующий признак в средневековом оружиеведении.

сабли типа K_1 (слабоизогнутые, степень вогнутости спинки клинка не превышает 1,9 см), K_2 (среднеизогнутые, вогнутость спинки клинка 2–4 см)⁶ и K_3 (сильноизогнутые, вогнутость спинки клинка от 4,1 см до 6 см и более).

Длина клинка золотоордынских сабель колеблется от коротких ($D_1 = 60-79$ см), средних ($D_2 = 80-100$ см) до длинных ($D_3 = 101-121$ и более см)⁷.

В рассматриваемой нами выборке золотоордынских сабель⁸ отчетливо выделяются среднеизогнутые (рис. 3: 2, 6, 10, 13, 14, 20) или сильноизогнутые (рис. 3: 1, 4, 8, 9, 12, 15, 16, 21, 22, 23) клинки. Есть еще палаши (рис. 3: 3, 11). Установить более детальную статистику имеющейся выборки не представляется возможным по причине качества публикаций и доступности материала.

Известны находки наверший сабельных рукоятей в виде невысокого цилиндрика с треугольными выступами по верхнему краю (Старонижнестеблиевский I, к. 4, погр. 3) (Дружинина и др., 2011, с. 82).

Часто на клинках сохраняются древесные волокна, что позволяет считать, что ножны сабель были деревянными. От них сохраняются также круглые железные втулки, одеваемые на нижний конец ножен (рис. 3: 3, 8, 9, 10, 15, 17, 20, 21, 22, 23).

В погребениях сабли лежали справа или слева от погребенного, вдоль его бедра острием вниз. Как они носились на поясе – лезвием вниз или вверх (как, например, носили шашки казаки) – судить можно по находкам из могильников Лебедевка VIII, к. 6, могильника у хут. Пролетарский, Ново-Подкрыж. Там к тыльной стороне клинка прикрепились железные полукруглые скобы – явно от ножен (рис. 3: 8, 17). На сабле из могильника Ново-Подкрыж сохранились серебряные обкладки ножен с кольцами для подвешивания (Шалобудов, Кудрявцева, 1980). Поэтому можно предположить, что сабли носились в деревянных ножнах, подвешенных за петли, рубящей частью вниз, как это изображено на китайских

⁶ В статистике А.В. Евглевского и Т.М. Потемкиной для сабель золотоордынского периода они преобладают (Евглевский, Потемкина, 2000, с. 146).

⁷ По статистике названных исследователей, короткие клинки для золотоордынских сабель – большая редкость (Евглевский, Потемкина, 2000, с. 150).

⁸ Количественно она несколько превышает выборку названных исследователей (66 клинков против 46), главным образом за счет комплексов Поволжья и Южного Предуралья.

картинах, воспроизведенных М.В. Гореликом (Горелик, 2002, с. 59, 74).

Наконечники копий в кочевнических погребениях встречаются крайне редко (в общей сложности 1,4% всех погребений с оружием). Хотя их и очень мало, но они разделяются на два типа: четырехгранные втульчатые пики – оружие глубокого проникновения, пробивающее доспех (рис. 5: 1, 2, 4) – и втульчатые плоские листовидные (рис. 5: 3, 5, 6). Последние известны в основном в виде графических реконструкций исследователей.

Еще реже в кочевнических погребениях Золотой Орды встречаются **боевые топоры** – 0,6% погребений с оружием. Один из них, украшенный растительным орнаментом, вполне возможно, парадный (Олень Колодезь) (рис. 5: 9). Два других – бердыш (рис. 5: 8) и вислообушный с расширяющимся лезвием (рис. 5: 7), безусловно, боевые.

Навершия **булав-шестоперов** найдены в 1,0% погребений с оружием (рис. 5: 10–12). По мнению исследователей золотоордынского оружия, они имеют восточное происхождение и свидетельствуют о культурных или военных контактах Золотой Орды с Передним Востоком (Кулешов, Абызова, 2011; Дружинина, 2017).

И чтобы завершить обзор предметов наступательного оружия, найденных в погребениях кочевников Золотой Орды, упомянем гирьку **боевого цепя** из могильника Котовка III, к. 3. Оружие этого типа было выделено Ю.А. Кулешовым в основном по случайным находкам (Кулешов, 2019). В указанном погребении боевой цеп находился вместе с железными стрелами-срезнями и копьем-пикой (Шалобудов, 1982).

Защитное вооружение – шлем и панцирь (кольчуга) – в общей сложности представлены в 6,7% погребений с оружием. Из них в 3,1% погребений – в комплексе. Шлем без доспеха найден только в трех из рассматриваемых погребений: Раевская (у городища), к. 3; Ахтырский лиман I и Николаевка, к. 2. Панцирь (кольчуга) без шлема встречается чаще⁹.

Но вот что интересно: там, где панцирь присутствует без шлема, он, как правило, представлен всего лишь несколькими пластинами (Бахтияровка II, к. 23; Мамбетбай, к. 3; Карасуыр, погр. 1 (Усманова и др., 2015; 2018). Тогда как кольчуга встречается и целиком (Юрьев Польской, Пилипенковский I, к.

1; Греки III, к. 1 (Дружинина и др., 2011, с. 21, 58).

Шлемов из погребений известно 19 экз. (4% всех погребений с оружием). За исключением полуразрушенного погребения у Раевского городища, у Ахтырского лимана и в Николаевке (к. 2), все шлемы встречены в комплексе с доспехом или его фрагментами.

Все шлемы опубликованы и описаны исследователями (Зеленский, 1997; Горелик, Ковпаненко, 2001; Кравец, 2005, с. 37; Нарожный, 2005, с. 93–101; Дружинина и др., 2011, с. 90–97; Кригер, 2012, с. 30; Мыськов, 2015, с. 158). Какой-либо серийности в их формах проследить невозможно: среди них имеются шлемы полусферические, склепанные из нескольких железных пластин, шлемы-шишаки (в т. ч. с маской-личиной), шишаки с козырьками (рис. 6). Последние являются типично монгольским признаком (Горелик, 2002, с. 23), однако в степях Восточной Европы они встречены в основном в погребениях, исследованных к западу от Волги.

Итак, на материалах имеющейся выборки кочевнических погребений Золотой Орды, содержащих оружие, мы можем убедиться, что в ней представлены все элементы монгольской «паноплии» имперского периода: панцири, кольчуги, шлемы, лук со стрелами, колчаном и налучьем, сабли и палаши¹⁰, булавы, кистени, копьа (Горелик, 2011). Они представлены с совершенно различной частотой встречаемости в погребениях, никоим образом не связанной со структурой монгольского (золотоордынского) войска, существовавшей в реальности. Поэтому эмпирическая ценность археологического комплекса вооружения кочевников Золотой Орды состоит прежде всего в том, что имеющиеся артефакты дают возможность реально представить форму и метрические параметры того или иного типа вооружения.

С точки зрения археологического источниковедения, нас интересует география распространения элементов золотоордынской «паноплии» и ее комплексов, а также степень закономерности и устойчивости формирования и бытования этих комплексов в рамках имеющейся статистической выборки.

¹⁰ М.В. Горелик к золотоордынскому оружию относит меч, найденный на стойбище Райгородок на Северском Донце (Горелик, 2002, с. 62). И хотя обстоятельства и условия находки этого меча неясны (Кравченко, 2015), но спорить с классиком кочевнического оружиеведения не будем.

⁹ В 3,5% от всех погребений с доспехом.

Результаты корреляционного анализа рассматриваемой статистической выборки, проведенного по двум стандартным программам – Excel, функция КОРРЕЛ и SPSS, – ничего принципиально нового, по сравнению с опубликованными ранее (Иванов, 2015, с. 83–84), не дали¹¹.

Самый высокий коэффициент связи обнаруживают между собой шлем и доспех/кольчуга ($Q = 0,606$). Что логично, поскольку это погребения знатных воинов и помещенные в них шлем и доспех означают, во-первых, высокий социальный статус индивида, заслуживающего особого вещевого сопровождения «на том свете». Например, Озерновский III курган, содержащий только шлем и доспех (рис. 6: 7), – это явный кенотаф, сооруженный в память о знатном воине-баатуре. Или погребения Северокавказского региона – Курчанская, Новокорсунская, Пилипенковский I, Лебеди VI, Греки III и др., которые исследователи так и трактуют, как погребения воинской знати (Чхайдзе, Дружинина, 2013) (рис. 11).

Во-вторых, сам по себе факт помещения в могилу полного комплекта защитного вооружения (очень дорогого) – явление экстраординарное, вызванное какими-то «форс-мажорными» обстоятельствами, на археологическом материале не восстанавливаемыми (отсутствие наследника, которому можно было бы передать столь дорогую вещь, например).

Затем по убывающей следует корреляция сабли со шлемом и доспехом ($Q = 0,303$ и $0,329$ соответственно). И это логично: сабля – престижный вид оружия. Да и вообще, очень сложно представить себе ордынского воина, одетого в доспех и вооруженного только луком и стрелами.

Достаточно высокий коэффициент взаимовстречаемости обнаруживают берестяные колчаны и украшающие их костяные накладки ($Q = 0,24$). В определенной степени это указывает на то, что орнаментированные костяные обкладки колчана также были статусной вещью и отнюдь не каждый воин мог себе позволить их приобретать и использовать.

Слабее, но тем не менее вполне заметна связь между копьем и шлемом ($Q = 0,13$) и копьем и доспехом ($Q = 0,17$), боевым топором и шлемом ($Q = 0,19$) и боевым топором и доспехом ($Q = 0,14$).

Неожиданным явился отрицательный коэффициент корреляции между железными наконечниками стрел и берестяным колчаном ($Q = -0,043$), поскольку результаты предшествующего анализа, проведенного на материалах 333 (2011 г.), а затем 368 (2017 г.) погребений, показали довольно высокое значение корреляции ($Q = 0,15$ и $0,53$ соответственно). Объясняется это законами математической статистики, согласно которым **отрицательная корреляция** – корреляция, при которой увеличение одной переменной связано с уменьшением другой переменной, при этом коэффициент корреляции отрицателен. В нашем случае это означает, что по сравнению с предшествующими публикациями количество погребений со стрелами увеличилось на 2,9%, а погребений с колчанами – на 6,8%. То есть более чем в 2 раза. Вот отсюда и отрицательное значение Q между этими двумя переменными – стрелами и берестяным колчаном¹².

Обращает на себя внимание и тот факт, что т. н. всаднические погребения, «всадничество» которых обозначено только принадлежностями конской сбруи – стремянами и удилами, положительную корреляцию обнаруживают только с железными наконечниками стрел и берестяными колчанами, тогда как погребения со шкурой или целой тушей коня положительную корреляцию обнаруживают с саблями ($Q = 0,106$).

Не хочу делать каких-либо далеко идущих выводов, но, на мой взгляд, социальный признак здесь прослеживается (Иванов, 2015, с. 85).

Абсолютное большинство рассматриваемых погребений – 68,5%, кроме оружия дистанционного боя (наконечники стрел, берестяной колчан и костяные обкладки лука¹³), никакого другого оружия не содержат.

В описаниях исследователей, основанных на средневековой графике, колчаны подвешивались к поясу справа (Горелик, 2002, с. 19; 2011, с. 125). Однако в погребениях колчаны бывают уложены как справа, так и слева (рис. 7: 3, 4; 8: 5, 10, 17). Что это – погребения воинов-левшей или какой-то ритуальный знак – еще предстоит выяснить.

¹² Подобная ситуация может возникнуть и с другими элементами золотоордынской «паноплии» по мере изменения их количества.

¹³ Или остатки деревянного лука (Жартас, Калиновский-4, к. 1).

¹¹ За исключением одного момента, о котором будет сказано ниже.

География распространения комплексов «стрелы + берестяной колчан» прямо пропорциональна географии местонахождения известных сейчас кочевнических погребений XIII–XIV вв. с оружием: более 50% погребений исследованы в погребениях Урало-Поволжского региона (52,7%), 36,4% – в степях Восточной Европы (Волго-Уральское междуречье, Дон, современная Украина).

В 5,7% рассматриваемых погребений найдены сабля, наконечники стрел, берестяной колчан, накладка на лук¹⁴. То есть, условно говоря, сабля и лук со стрелами. Сабля в погребении лежит, как правило, как и положено, слева, хотя встречается и положенной справа от погребенного (рис. 9, 10).

Как уже было сказано, сабля обнаруживает положительную корреляцию со шкурой или тушей коня. Это логично, поскольку сабля – оружие всадника. Однако в рассматриваемой выборке выделяется группа погребений – 4,4% всех погребений с оружием, в которых при наличии сабли и лука со стрелами вообще нет никаких признаков всадничества (рис. 10: 1, 6, 11). Вновь возникает вопрос: это что, погребения золотоордынских пехотинцев (что маловероятно) или мы имеем дело с каким-то обрядовым нюансом?

Погребения воинов, захороненных со шлемом и доспехом, в общей сложности составляют 7,9% от всех золотоордынских воинских погребений. Однако внутри этой группы набор сопутствующих предметов вооружения представляет собой сплошной «эксклюзив»¹⁵ (табл. 1).

Исключение составляют погребения кроме доспеха содержащие еще саблю и наконечники стрел (Балабинский, Лебедевка II, Старонижестеблиевская I, Калининское, Самойлово, Хутор Пролетарский) – 1,4% всех воинских погребений (рис. 11).

На материалах 92 погребений с оружием Степного Предкавказья В.Н. Чхаидзе и И.А. Дружинина выделяют четыре группы воинских погребений: I – тяжеловооруженная конница (кольчуги, шлемы, полный набор оружия ближнего и дальнего боя); II – конница без защитного вооружения, но с полным набором рубящего оружия и оружия дальнего боя, III – легкая конница, вооруженная только луком и стрелами, IV – легкая конница, вооруженная только саблями. И в общем,

¹⁴ Последние – очень редко (табл. 1).

¹⁵ То есть каждое погребение представлено в единственном числе.

по данным исследователей, вырисовывается довольно четкая структура кочевнического войска, в котором тяжело- и средневооруженные конники (группы I и II) составляли основной воинский контингент (в общей сложности 62,8%) (Чхаидзе, Дружинина, 2011). Эту схему авторы переносят и на структуру золотоордынского войска (Чхаидзе, Дружинина, 2013, с. 173–174).

С точки зрения традиционного представления о структуре монгольско-имперского (и, соответственно, золотоордынского) войска предлагаемая авторами схема выглядит безупречно: едва ли кому-нибудь придет в голову оспаривать наличие в войске золотоордынских ханов легких конных лучников-застрельщиков, тяжелой конницы, наносящей таранные удары по противнику, легкой конницы, добывающей разрозненного противника.

Можно даже допустить, что на территории степного Предкавказья имеющийся археологический материал может быть аутентичным удельному весу выделенных исследователями воинских контингентов¹⁶. Но вот с точки зрения археологического источниковедения в масштабах всей Золотой Орды ситуация выглядит несколько иначе.

Так, по наблюдениям Т.М. Потемкиной и Ю.А. Кулешова, на территории западной части Золотой Орды (от Венгрии до Поволжья)¹⁷ погребения тяжеловооруженных воинов (но – **половецко-золотоордынского времени**) составляют всего 8,2% от всех известных комплексов¹⁸ (Потемкина, Кулешов, 2010, с. 273). То есть, встречаются весьма редко.

В своем исследовании авторы оперируют материалами 160 погребений с доспехами. Из них 80,8% датируются золотоордынским временем (Потемкина, Кулешов, 2010, с. 280). И хотя объектом их исследования являются доспехи, они приводят и общие данные о погребальном обряде и об ассортименте сопровождающих погребенных вещей. Из приведенных данных устанавливается, что большинство (67%) – всаднические, поскольку содержат конские захоронения в виде шкуры или целого остова коня. Кроме доспеха, из других предметов вооружения наибо-

¹⁶ Хотя 92 комплекса – это не очень представительная выборка.

¹⁷ Включая и территорию степного Предкавказья.

¹⁸ По моим подсчетам, включающим и погребения Уральского региона (Новый Кумак, Озерновский III, Мамбетбай, Лебедевка II, городище Бозок, Карасуыр) – 7,9% от погребений с оружием.

лее часто встречаются колчан со стрелами (79,5%), сабля (68,2%), накладки лука (27,8%), копье (15,9%). Единичными находками представлены кинжалы (6,8%), наручи и поножи, булавы (3%), топор (2,5%) (Потемкина, Кулешов, 2010, с. 277–279).

Судя по тому, что указанная статья проиллюстрирована уже опубликованными комплексами (Пролетарский, Высокая гора, Олень-Колодезь, Калиновское), основная масса рассматриваемых авторами комплексов доступна только в отчетах¹⁹.

В сводке позднекочевнических сабель Восточной Европы, составленном и детально проанализированном А.В. Евглевским и Т.М. Потемкиной, учтено 135 клинков, из них 28 (20,7%) определенно датируются золотоордынским временем ((Евглевский, Потемкина, 2000, с. 172–176)²⁰. Практически все учтенные авторами золотоордынские сабли происходят из погребений, данные о которых нигде и никогда не публиковались²¹. Поэтому их корреляция с другими видами и типами оружия пока невозможна.

В чем причина существующего разнообразия в количественных показателях распространения элементов золотоордынской «паноплии» в известных погребальных комплексах? Она проста и очевидна. Дело в том, что для статистического анализа любого археологического комплекса (а именно он только и обеспечивает объективность выводов), в нашем случае комплекса золотоордынского вооружения, «особенно важна и ценна случайная выборка. Если все элементы генеральной совокупности имеют одинаковые шансы попасть в выборку, то такую выборку мы называем случайной. Случайная выборка статистически отражает генеральную совокупность (выделено мной – В.И.). Но при этом должны быть устранены все субъективные, неслучайные факторы образования выборки. Случайной выборкой изклада монет можно признать его часть, оставшуюся после хищенияклада находчиками, в монетах не разбирающимися. Эта часть отражает составклада. Не является случайной выборкой частьклада, отобранная коллекционерами. Она отражает не столь-

ко составклада, сколько интерес коллекционера (выделено мной – В.И.).

Главное, что отличает археологическую выборку от статистических выборок в других областях науки, – это невозможность самому исследователю организовать выборочный отбор. К нему попадают вещи из современных раскопок, из старых раскопок, от которых случайно сохранилась лишь часть коллекций, из случайных находок» (Федоров-Давыдов, 1987, с. 15).

«Выборка должна отвечать двум требованиям: быть случайной и представительной (выделено мной – В.И.). Первое обеспечивает равную вероятность попадания каждого объекта в количество изучаемых единиц (выборку). Тем самым исключается субъективность, тенденциозность и односторонность в подборе фактов. Пользуясь естественной выборкой, археолог должен обратить особое внимание на ее представительность, которая означает, что отобранные и изучаемые единицы будут отражать существенные свойства генеральной совокупности. Она определяется двумя факторами: однородностью выборочных данных и их достаточно большим количеством...» (Генинг и др., 1990, с. 61–62).

Рассмотренные выше статистические выборки коллег случайными не являются, поэтому распространять результаты их анализа на весь комплекс золотоордынских погребений с оружием методически некорректно. Случайной и представительной является приведенная выборка автора этих строк – 477 погребений с оружием против в общей сложности 249 погребений с саблями (А.В. Евглевский, Т.М. Потемкина), доспехом (Т.М. Потемкина, Ю.А. Кулешов) и в северном Предкавказье (В.Н. Чхаидзе, И.А. Дружинина). Отсюда следуют выводы²²:

- В погребальных комплексах кочевников Золотой Орды представлены все элементы золотоордынской «паноплии», но с разной частотой встречаемости;

- Реконструировать структуру золотоордынского войска и устанавливать иерархию типов вооружения на основании археологического материала – занятие непродуктивное. Например, к какому контингенту следует относить воинские погребения, содержащие только саблю, только копье или только колчан? Или – известно более двух десятков нахо-

¹⁹ То есть большинству заинтересованных исследователей практически не доступна.

²⁰ По моим данным, 13,8% воинских погребений Золотой Орды содержат сабли.

²¹ Исключение – сабля из Новониколаевского I могильника, к. 1, погр. 1 (у авторов – к. 6/1), опубликованного А.В. Евглевским (Евглевский, 1992).

²² Вытекающие из результатов статистического анализа именно рассмотренной выше выборки.

док булав/шестоперов («широко распространенное оружие ближнего боя» (История татар, 2009, с. 401)), из которых только пять найдены в погребениях. Остальные – случайные находки или находки на поселениях. Их что, теряли, несмотря на то, что «перначи демонстрировали не только принадлежность к элите, но ранг их владельцев в военной и политической иерархии» (Дружинина, 2017, с. 100)?

- Основная масса погребений – 69,6% – кроме принадлежностей воина-лучника никакого другого вооружения не содержат;

- Погребения, содержащие только сабли²³, – 2,7%;

- Погребения, содержащие саблями лук со стрелами (по В.Н. Чхаидзе и И.А. Дружининой, конница без защитного вооружения, гр. П), – 1,6% и т. д. (рис. 12);

- Тезис И.Л. Измайлова о комплексе вооружения как базового элемента для реконструкции и анализа в военно-исторических исследованиях (Измайлов, 2017, с. 19) сможет быть реализованным только после создания единой базы данных по золотоордынским погребениям, содержащим оружие.

ЛИТЕРАТУРА

Акматов К.Т. Железные наконечники стрел кочевников Тянь-Шаня в мон-гольское время // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. № 7. С. 193–202.

Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). К.: Наук. думка, 1990. 304 с.

Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV веков. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: Восточный горизонт, 2002. 84 с.

Горелик М.В. Монгольский костюм и оружие в XIII–XIV веках: традиции имперской культуры // Военное дело Золотой Орды. Проблемы и перспективы изучения / Отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань: Изд-во: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 121–137.

Горелик М.В. Шлемы золотоордынских воинов Северного Кавказа из частных собраний // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 8. Золотоордынское время / Гл. ред А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2010. С. 253–270.

Горелик М.В., Ковпаненко Г.Т. Погребение знатного латника у западных границ Золотой Орды // Археология Поволжья / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: ПГУ, 2001. С. 154–164.

Дружинина И.А. Шестопер из кургана у станицы Абинская (по материалам раскопок В.Г. Тизенгаузена в Кубанской области, 1879 г.) // Археология Евразийских степей. 2017. № 5. С. 99–107.

Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. Армавир; М.: Центр археологических исследований Армавирского государственного педагогического университета, 2011. 268 с.

Евглевский А.В. Погребения золотоордынского времени из раскопок новостроечной экспедиции Донецкого университета // Донецкий археологический сборник. Вып. 1. / Науч. ред. В.А. Посредников. Донецк: Аверс Ко ЛТД, 1992. С. 107–116.

Евглевский А.В., Потемкина Т.М. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1 / Гл. ред. А.В. Евглевского. Донецк: ДонНУ, 2000. С. 117–179.

Зеленский Ю.В. Позднекочевническое погребение со шлемом из Степного Прикубанья // Историко-археологический альманах. Вып. 3. / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир; М., 1997. С. 89–93.

Иванов В.А. Вооружение золотоордынского войска в историческом и археологическом контекстах: где истина? // Военное дело Золотой Орды. Проблемы и перспективы изучения / Отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань: Изд-во: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 72–77.

Иванов В.А. Комплекс вооружения кочевников Урало-Поволжья эпохи Золотой Орды // Военная археология. Вып. 3. / Отв. ред. О. В. Двуреченский. М.: МедиаМир; Тула: Куликово поле, 2014. С. 237–244.

Иванов В.А. Кочевники Золотой Орды. Уфа: Изд-во БГПУ, 2015. 208 с.

Иванов В.А. Статистическая корреляция и география комплексов вооружения кочевников Золотой Орды // Археология Евразийских степей. №5 2017. С. 160–160.

Измайлов И.Л. Военная археология народов Евразии: к вопросу о содержании понятия // Археология Евразийских степей. 2017. № 5. С. 16–22.

²³ К какому контингенту их отнести?

История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII- середина XV в. / Науч. ред. М.А. Усманов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. 1051 с.

Кравец В.В. Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды. Воронеж: ВГПУ, 2005. 208 с.

Кравченко Э.Е. Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Кишинёв: Stratum plus, 2015. С. 407–474.

Кулешов Ю.А. Боевые цепи в комплексе вооружения Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. №1. С. 37–54.

Кулешов Ю.А., Абызова Е.Н. Два предмета мамлюкского вооружения с территории Молдовы как иллюстрация путей формирования золотоордынского комплекса вооружения // Военное дело Золотой Орды. Проблемы и перспективы изучения / Отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань: Изд-во: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 92–100.

Малиновская Н.В. Колчаны XIII–XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века / Отв. ред.: А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 132–175.

Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: РАНХиГС, 2015. 484 с.

Нарожный Е.И. Средневековые кочевники Северного Кавказа (Некоторые дискуссионные проблемы этнокультурного взаимодействия эпохи Золотой Орды). Армавир: Армавирский гос-пед. ун-т, 2005. 210 с.

Потемкина Т.М., Кулешов Ю.А. Погребения восточноевропейских средневековых кочевников с защитным вооружением: этнокультурный и социальный аспекты // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 8. Золотоордынское время / Гл. ред А.В. Евглевский Донецк: ДонНУ, 2010. С. 271–294.

Сейдалиев Э. Военное дело Золотой Орды // Золотая Орда в мировой истории / Отв. ред.: И. Миргалеев, Р. Хаутала. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 264–287.

Усманова Э.Р., Дремов И.И., Панюшкина И.П. Монгольские захоронения конца XIII – начала XIV вв. в Улытау // Булантинская битва: история исследований / Под ред. Кожухметова Б.С., Усмановой Э.Р., Плетниковой, Л.Н., Сембинова Л.А. Улытау: Национальный историко-культурный музей-заповедник «Улытау», 2015. С. 162–173.

Усманова Э.Р., Дремов И.И., Панюшкина И.П., Колбина А.В. Монгольские воины Улуса Джучи по материалам могильника Карасуыр (Улытау, Центральный Казахстан) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. № 2(46). С. 106–113.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии: Учебное пособие для вузов по спец. «История». М.: Высшая школа, 1987. 216 с.

Худяков Ю.С. Военное дело восточных кыпчаков Центральной Азии и южных районов Сибири в эпоху развитого средневековья // Военное дело Улуса Джучи и его наследников / Отв. ред. А.К. Кушкумбаев. Астана: Фолиант, 2012. С. 72–83.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевого населения северо-восточных районов Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. Вып. 2. / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фэн, 2009. С. 169–180.

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Военная организация кочевников степей Предкавказья в XII–XIV веках // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова (Астрахань, 2–6 октября 2011 г.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 127–129.

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Отражение социальной стратификации в погребальной обрядности кочевников степного Предкавказья золотоордынского времени: продолжение дискуссии // Поволжская археология. 2013. №2(4). С. 171–178.

Шалобудов В.Н. Позднекочевнический могильник XIV в. у с. Котовка // Древности степного Поднепровья (III–I тыс. до н.э.) / Отв. ред. И. Ф. Ковалева. Днепропетровск: Днепропетровский гос. ун-т, 1982. С. 60–68.

Шалобудов В.Н., Кудрявцева И.В. Кочевнические погребения Среднего Приорелья // Курганы степного Поднепровья / Отв. ред. И. Ф. Ковалева. Днепропетровск: Днепропетровский гос. ун-т, 1980. С. 90–97.

Информация об авторе:

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (г. Уфа, Россия); ivanov-sanych@inbox.ru

REFERENCES

- Akmatov, K. T. 2015. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya* (*Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology*) 14 (7), 193–202 (in Russian).
- Gening, V. F., Bunyatyan, E. P., Pustovalov, S. Zh., Rychkov, N. A. 1990. *Formalizovanno-statisticheskie metody v arkhologii (analiz pogrebal'nykh pamiatnikov)* (*Formalized Statistical Methods in Archaeology (Analysis of Burial Monuments)*). Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Gorelik, M. V. 2002. *Armii mongolo-tatar X–XIV vekov. Voinskoe iskusstvo, snaryazhenie, oruzhie* (*Armies of the Mongol-Tatars in the 10th – 14th cc. Military Arts, Equipment and Armament*). Moscow: "Vostochnii gorizont" Publ. (in Russian).
- Gorelik, M. V. 2010. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia* (*Steppes of Europe in the Middle Ages*) 8. Donetsk: Donetsk National University, 253–270 (in Russian).
- Gorelik, M. V. 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Voennoe delo Zolotoi Ordy. Problemy i perspektivy izucheniia* (*Military Affairs of the Golden Horde. Study Issues and Prospects*). Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences Publ., 121–137. (in Russian).
- Gorelik, M. V., Kovpanenko, G. T. 2001. In *Arkheologiia Povolzh'ia* (*Archaeology of the Volga Area*). Penza: Penza State Pedagogical University, 154–164 (in Russian).
- Druzhinina, I. A. 2017. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei* (*Archaeology of Eurasian Steppes*) 5. 99–107 (in Russian).
- Druzhinina, I. A., Chkhaidze, V. N., Narozhnyi, E. I. 2011. *Srednevekove kochevniki v Vostochnom Priazov'e. (Medieval Nomads in the Easter Azov Region)*. Armavir; Moscow: Archaeological Research Centre of Armavir State Pedagogical University (in Russian).
- Evglevskii, A. V. 1992. In Posrednikov, V. A. (ed.). *Donetskii arkhologicheskii sbornik* (*Donetsk Archaeological Collection*) 1. Donetsk: "Avers Co LTD" Publ., 107–116 (in Russian).
- Evglevskii, A. V., Potemkina, T. M. 2000. In Evglevskii, A. V. (ed.). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia* (*Steppes of Europe in the Middle Ages*) 1. Donetsk: Donetsk National University, 117–179 (in Russian).
- Zelensky, Yu. V. 1997. In Munchaev, R. M. (ed.). *Istorikoarkheologicheskii al'manakh* (*Historical and Archaeological Almanac*) 3. Armavir; Moscow, 89–93 (in Russian).
- Ivanov, V. A. 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Voennoe delo Zolotoi Ordy. Problemy i perspektivy izucheniia* (*Military Affairs of the Golden Horde. Study Issues and Prospects*). Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences Publ., 72–77 (in Russian).
- Ivanov, V. A. 2014. In Dvurechensky, O.V. (ed.). *Voennaia arkhologiia. (Military Archaeology)* 3. Moscow; Tula: "MediaMir" Publ., "Kulikovo pole" Publ., 237–244 (in Russian).
- Ivanov, V. A. 2015. *Kochevniki Zolotoi Ordy (Nomads of the Golden Horde)*. Ufa: Bashkir State Pedagogical University (in Russian).
- Ivanov, V. A. 2017. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei* (*Archaeology of Eurasian Steppes*) 5, 160–160 (in Russian).
- Izmailov, I. L. 2017. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei* (*Archaeology of Eurasian Steppes*) 5, 16–22 (in Russian).
- In Usmanov, M. A. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. Tom III: Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII–seredina XV* (*History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes. Volume 3: The Ulus of Jochi (the Golden Horde). 13th – mid. 15th cc.*). Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
- Kravets, V. V. 2005. *Kochevniki Srednego Dona v epokhu Zolotoi Ordy (Nomads of the Middle Don in the Golden Horde Period)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University (in Russian).
- Kravchenko, E. E. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaiia Gazariia i Zolotaia Orda* (*The Genoese Gazaria and the Golden Horde*). Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 407–474 (in Russian).
- Kuleshov, Ya. A. 2019. In *Zolotoordynskoe obozrenie* (*Golden Horde Review*) 7 (1). 37–54 (in Russian).

Kuleshov, Ya. A., Abyzova, E. N., 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Voennoe delo Zolotoi Ordy. Problemy i perspektivy izucheniia (Military Affairs of the Golden Horde. Study Issues and Prospects)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences Publ., 92–100 (in Russian).

Malinovskaya, N. V. 1974. In Smirnov, A. P., Fedorov-Davydov, G. A. (eds.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Towns of the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 132–175 (in Russian).

Mys'kov, E. P. 2015. *Kochevniki Volgo-Donskikh stepei v epokhu Zolotoi Ordy (Nomads of the Volga-Don Steppes in the Golden Horde Period)*. Volgograd: "RANKhIGS" Publ. (in Russian).

Narozhny, E. I. 2005. *Srednevekovye kochevniki Severnogo Kavkaza (Nekotorye diskussionnye problem etnokul'turnogo vzaimodeistviia epokhi Zolotoi Ordy) (Medieval Nomads of the North Caucasus (Controversial Issues of Ethnocultural Interaction in the Golden Horde Period))*. Armavir: Armavir State Pedagogical University (in Russian).

Potemkina, T. M., Kuleshov, Yu. A. 2010. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 8. Donetsk: Donetsk National University, 271–294 (in Russian).

Seidaliev, E. 2016. In Mirgaleev, I. M., Khautala, R. (eds.). *Zolotaia Orda v mirovoi istorii (The Golden Horde in World History)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 264–287 (in Russian).

Usmanova, E. R., Dremov, I. I., Panyushkina, I. P. 2015. In Kozhakhmetov, B. S., Usmanova, E. R., Pletnikova, L. N., Sembinova, L. A. (eds.). *Bulatiskaia bitva: istoriia issledovaniia (Ulytau, 27–28 iyunia 2015 g.) (Bulantin Battle: Study History (Ulytau, June, 27th – 28th))*. Ulytau: National Historical-Cultural and Natural park-museum "Ulytau", 162–173 (in Russian).

Usmanova, E. R., Dremov, I. I., Panyushkina, I. P., Kolbina, A. V. 2018. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* (2), 106–113 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1987. *Statisticheskie metody v arkheologii: Uchebnoe posobie dlia vuzov po spets. «Istoriia» (Statistical Methods in Archaeology: Study Guide for Universities with Specialization in History)*. Moscow: "Vysshiaia shkola" Publ. (in Russian).

Khudyakov, Yu. S. 2009. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskaya tsivilizatsiia (The Golden Horde civilization)* 2. Kazan: "Fen" Publ., 169–180 (in Russian).

Khudyakov, Yu. S. 2012. In Kushkumbaev, A. K. (ed.). *Voennoe delo Ulusa Dzhuchi i ego naslednikov (Military Art of Uhus of Jochi and its Heirs)*. Astana: "Foliant" Publ., 72–83 (in Russian).

Chaidze, V. N., Druzhinina, I. A. 2011. In Vasiliev, D. V., Zeleneev, Yu. A., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialog of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Kazan; Astrakhan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani of the Tatarstan Academy of Sciences, 127–129.

Chaidze, V. N., Druzhinina, I. A. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiia (Volga River Region Archaeology)* 4 (2), 171–178 (in Russian).

Shalobudov, V. N. 1982. In Kovaleva, I. F. (ed.). *Drevnosti stepnogo Podneprov'ia (III-I tys. do n.e. (Antiquities of the Steppe Dnieper Region (3rd-1st Millennia BC))*. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State University, 60–68 (in Russian).

Shalobudov, V. N., Kudryavtseva, I. V. 1980. In Kovaleva, I. F. (ed.). *Kurgany stepnogo Podneprov'ia (Barrows of the Steppe Dnieper Region)*. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State University, 90–97 (in Russian).

About the Author:

Ivanov Vladimir A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Bashkir State Pedagogical University, Oktyabrskoi revoliutsii, 3A, Ufa, 450008, Russian Federation; ivanov-sanych@inbox.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2020 г.
Статья принята к публикации 01.09.2020 г.

Таблица 1.
Распространение предметов вооружения в погребениях кочевников Золотой Орды

Table 1.

Distribution of weapons in the burials of nomads of the Golden Horde

№	Категория вооружения	Количество	%%
Единичные экземпляры			
1	Топор	3	0,63
2	Копье	6	1,2
3	Сабля	13	2,7
4	Булава/шестопер	1	0,2
5	Колчан	37	7,7
6	Костяные накладки лука	2	0,4
7	Наконечники стрел	136	28,5
198 погр. = 41,5%			
Комплексы вооружения			
8	Стрелы + колчан	145	30,3
9	Накладки лука+колчан	3	0,63
10	Накладки лука+стрелы	7	1,4
11	Копье+стрелы	7	1,4
12	Копье+сабля	1	0,2
13	Сабля+стрелы	12	2,5
14	Копье+колчан	3	0,63
15	Булава+стрелы	2	0,4
16	Доспех+шлем	1	0,2
17	Шлем+сабля	1	0,2
18	Сабля+лук+стрелы	8	1,6
19	Сабля+колчан+стрелы	1	0,2
20	Сабля+колчан+стрелы+лук	2	0,4
21	Сабля+булава/шестопер+колчан+стрелы	2	0,4
22	Накладки лука+колчан+стрелы	15	3,1
23	Наконечники стрел+сабля	14	2,9
24	Наконечники стрел+колчан+сабля	7	1,4
25	Наконечники стрел+колчан+копье	6	1,2
26	Шлем+доспех+сабля	4	0,8
27	Шлем+сабля+колчан	1	0,2
28	Шлем+колчан+накладки лука	1	0,2
29	Доспех+шлем+сабля+колчан+стрелы	3	0,63
30	Доспех+шлем+сабля+стрелы	7	1,4
31	Шлем+доспех+колчан+стрелы	2	0,4
32	Копье+сабля+колчан+стрелы	1	0,2
33	Доспех+шлем+копье+колчан+стрелы	1	0,2
34	Доспех+шлем+копье+сабля+колчан+стрелы	1	0,2
35	Доспех+сабля+лук+стрелы	1	0,2
36	Доспех+лук+стрелы	2	0,4
37	Доспех+копье+колчан+стрелы	1	0,2
38	Доспех+шлем+сабля+колчан+стрелы	1	0,2
39	Доспех+копье+колчан+стрелы	2	0,4
40	Доспех+колчан+стрелы	4	0,8

№	Категория вооружения	Количество	%%
41	Доспех+сабля+колчан	1	0,2
42	Доспех+сабля+колчан+стрелы	3	0,63
43	Доспех+сабля+лук	1	0,2
44	Доспех+сабля+колчан+лук+стрелы	1	0,2
45	Доспех+копье+сабля+стрелы	1	0,2
46	Доспех+сабля+стрелы	5	1,04
47	Доспех+шлем+сабля+лук+стрелы	1	0,2
Всего:		477	100

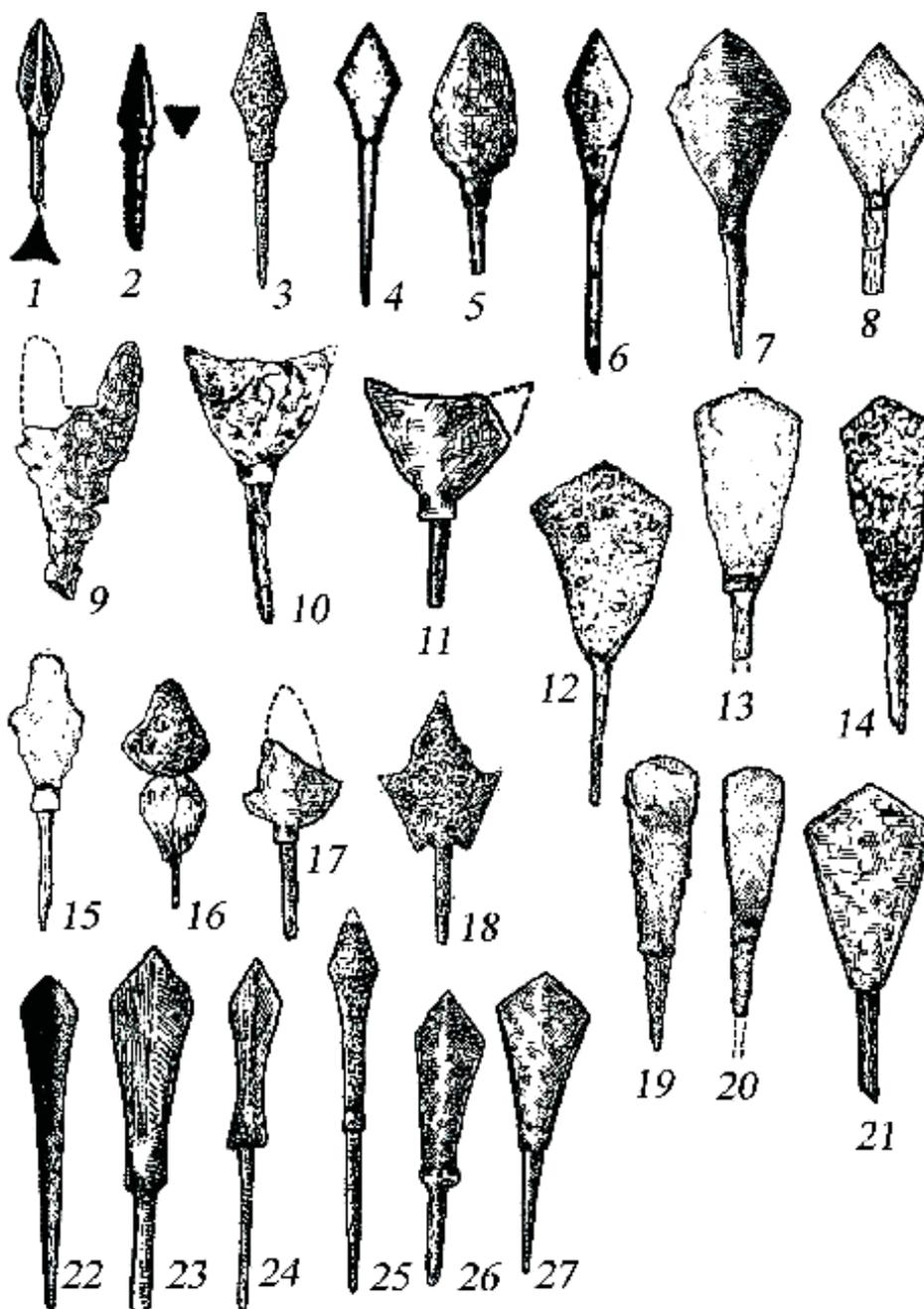

Рис. 1. Железные наконечники стрел из погребений кочевников Золотой Орды (здесь и далее – без масштаба).
 Fig. 1. Iron arrowheads from the burials of Golden Horde nomads (hereinafter – not to scale).

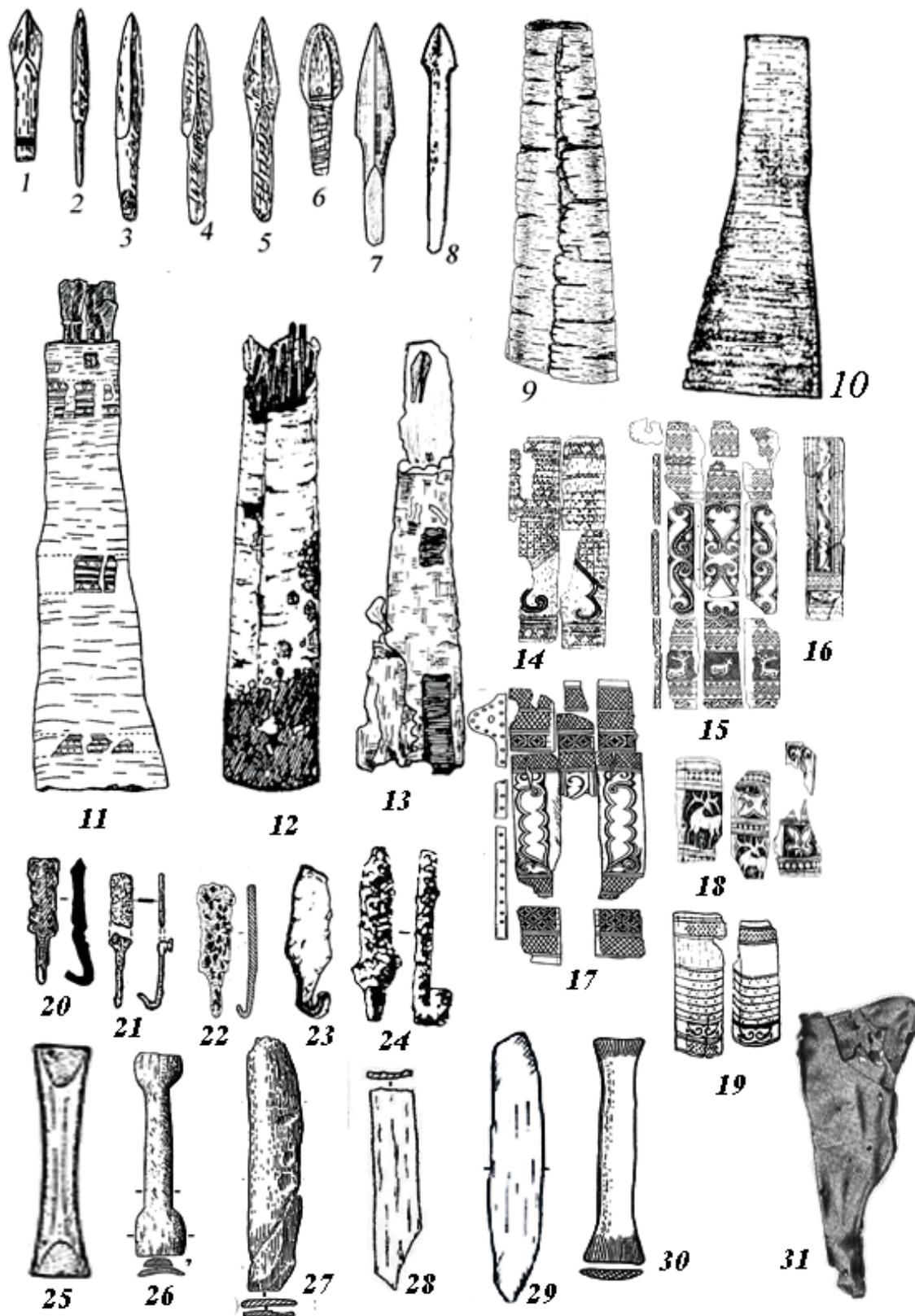

Рис. 2. Колчаны и колчанье принадлежности из погребений кочевников Золотой Орды:

1-8 – костяные наконечники стрел; 9-13 – берестяные колчаны; 14-19 – костяные обкладки колчана;
20-24 – колчанье крючки; 25-30 – костяные накладке лука (Бахтияровка, к. 3; Ближние Елбаны XIV, мог. 6;
Кармацкий, к. 9; Благодатное - 6, к. 3; Осинки, мог. 9); 31 – Царевский, к. 7.

Fig. 2. Quivers and quiver utensils from the burials of Golden Horde nomads.

1-8 – bone arrowheads; 9-13 – birch bark quivers; 14-19 – bone lining of a quiver; 20-24 – quiver hooks; 25-30 – bone overlays of a bow (Bakhtiyarovka, barrow 3; Blizhniye Elbany XIV, burial ground 6; Karmatsky, barrow 9; Blagodatnoye - 6, barrow 3; Osinki, burial ground 9); 31 – Tsarevsky, barrow 7.

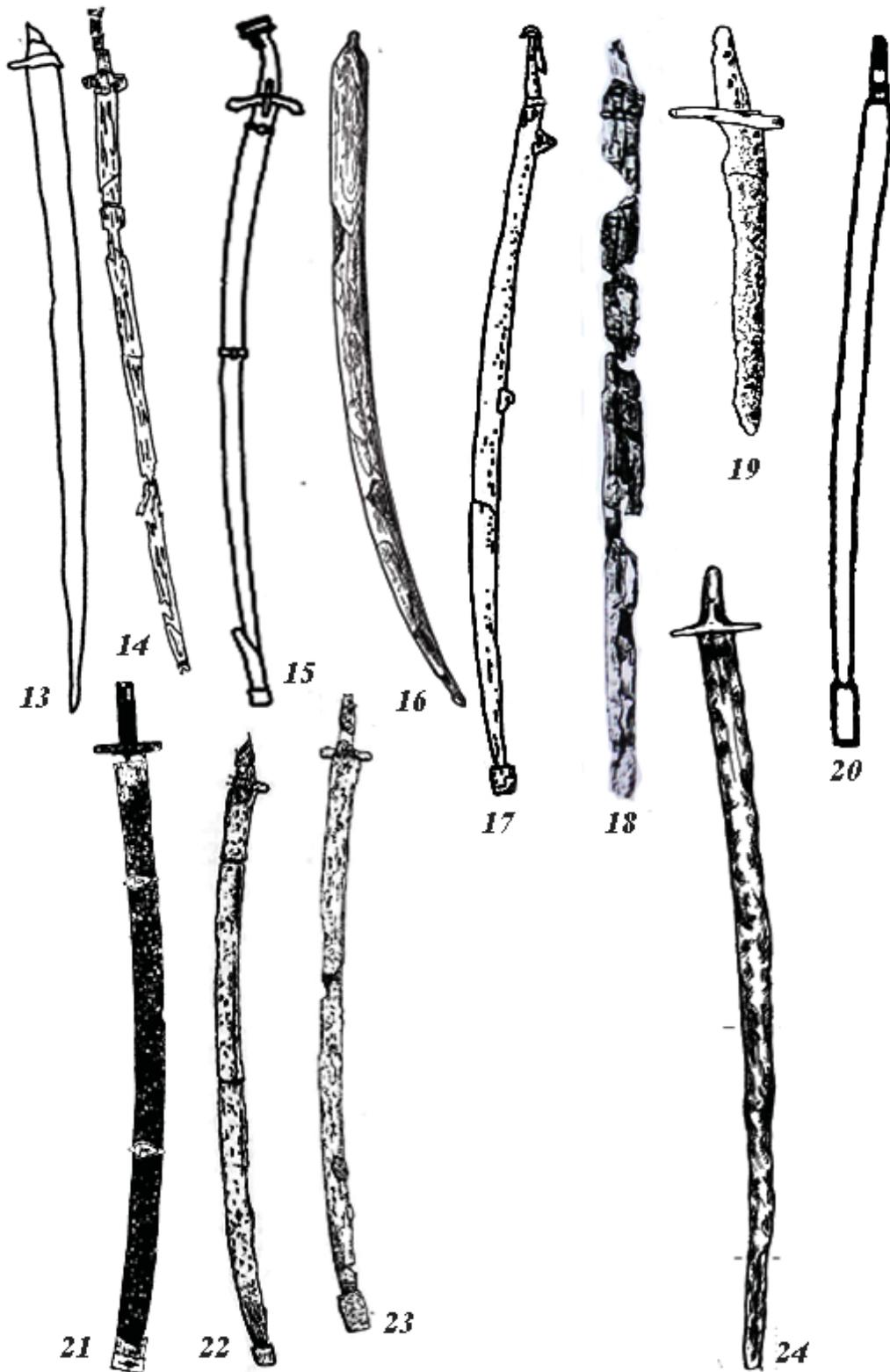

Рис. 3. Саблы из погребений кочевников Золотой Орды:

1 – Якши-Янгистау, к. 4; 2 – Бахтияровка II, к. 76; 3 – Шумаевский II, к. 7; 4 – Иловля, к. 3; 5 – Даниловка, к. 1; 6 – Калининский р-н Краснодарский край; 7 – Ивановский IV, к. 1; 8 – Лебедевка VIII, к. 6; 9 – Лебеди VI, к. 1; 10 – Лебеди I, к. 3; 11 – у Березанского лимана, к. 26; 12 – Столетовская, к. 5.

Fig. 3. Sabers from the burials of Golden Horde nomads.

1 – Yakshi-Yangistau, barrow 4; 2 – Bakhtiyarovka II, barrow 76; 3 – Shumaevsky II, barrow 7; 4 – Ilovlya, barrow 3; 5 – Danilovka, barrow 1; 6 – Kalininsky District of Krasnodar Krai; 7 – Ivanovsky IV, barrow 1; 8 – Lebedevka VIII, barrow 6; 9 – Lebedi VI, barrow 1; 10 – Lebedi I, barrow 3; 11 – near Berezan Estuary, barrow 26; 12 – Stoletovskaya, barrow 5.

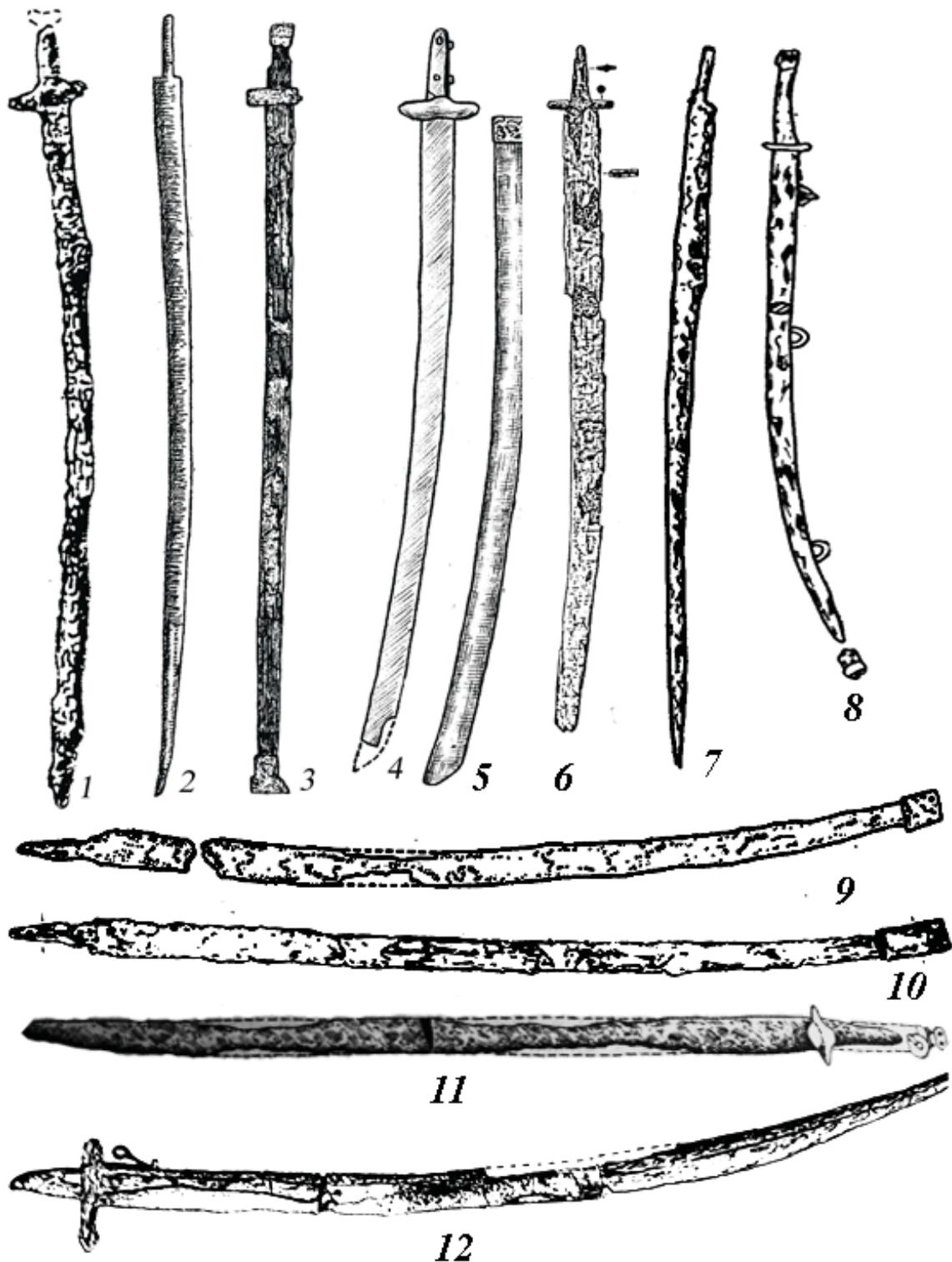

Рис. 3 (продолжение). Сабли из погребений кочевников Золотой Орды:
13 – Малай I, к. 5; 14 – Малай I, к. 13; 15 – Бахтияровка, к. 41; 16 – Балабинский, к. 12; 17 – хут. Пролетарский;
18 – Бахтияровка, к. 23; 19 – Лебедевка II; 20 – Новониколаевка I, к. 1; 21 – Ново-Подкряж; 22 – Золотаревка-7,
к. 1; 23 – Золотаревка-7, к. 4; 24 – у с. Кировское.

Fig. 3 (continued). Sabers from the burials of Golden Horde nomads:
13 – Malai I, barrow 5; 14 – Malai I, barrow 13; 15 – Bakhtiyarovka, barrow 41; 16 – Balabinsky, barrow 12;
17 – Proletarsky village; 18 – Bakhtiyarovka, barrow 23; 19 – Lebedevka II; 20 – Novonikolaevka I, barrow 1;
21 – Novo-Podkryazh; 22 – Zolotarevka-7, barrow 1; 23 – Zolotarevka-7, barrow 4; 24 – near Kirovskoye village.

Рис. 4. Способы ношения сабли монголами на китайских изображениях (по М.В. Горелику).
Fig. 4. Saber wearing techniques practiced by the Mongols on Chinese images (after M.V. Gorelik).

Рис. 5. Оружие ближнего боя из кочевнических погребений Золотой Орды:

1 – Ново-Кумакский, к. 1; 2, 9 – Олень-Колодезь; 3 – Высокая Гора, к. 2; 4 – Марок, к. 4; 5, 6 – по Е.П. Мыскову; 7 – Плоское, к. 227; 8 – Царев, к. 37; 10 – Вербовый Лог IV, к. 13; 11 – Балбани II, к. 1; 12 – Березанский лиман

Fig. 5. Melee weapons from nomadic burials of the Golden Horde:

1 – Novo-Kumaksky, barrow 1; 2, 9 – Olen-Kolodez, 3 – Vysokaya Gora, barrow 2; 4 – Marok, barrow 4; 5, 6 – after E.P. Myskov; 7 – Ploskoye, barrow 227; 8 – Tsarev, barrow 37; 10 – Verbovy Log IV, barrow 13; 11 – Balbani II, barrow 1; 12 – Berezan Estuary.

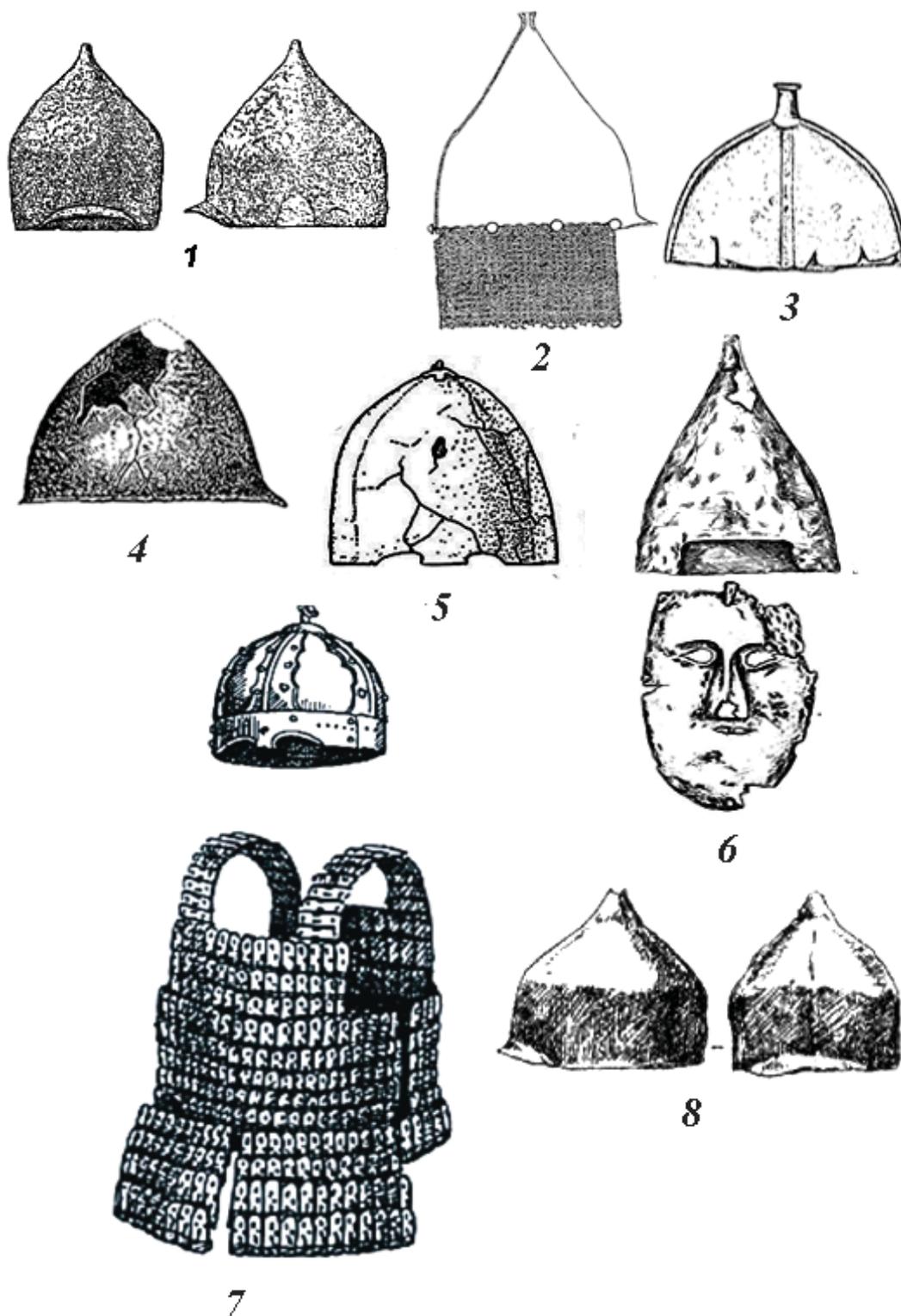

Рис. 6. Защитное вооружение из кочевнических погребений Золотой Орды:

1 – Калининский, к. 13; 2 – Олень-Колодезь; 3 – Лебедевка II; 4 – Высокая Гора, к. 2; 5 – хут. Пролетарский;
6 – у с. Кировское; 7 – Озерновский III; 8 – Ковалевка IV, к. 6.

Fig. 6. Protective armament from nomadic burials of the Golden Horde:

1 – Kalininsky, barrow 13; 2 – Olen-Kolodez; 3 – Lebedevka II; 4 – Vysokaya Gora, barrow 2; 5 – Proletarsky village;
6 – near Kirovskoye village; 7 – Ozernovsky III; 8 – Kovalevka IV, barrow 6.

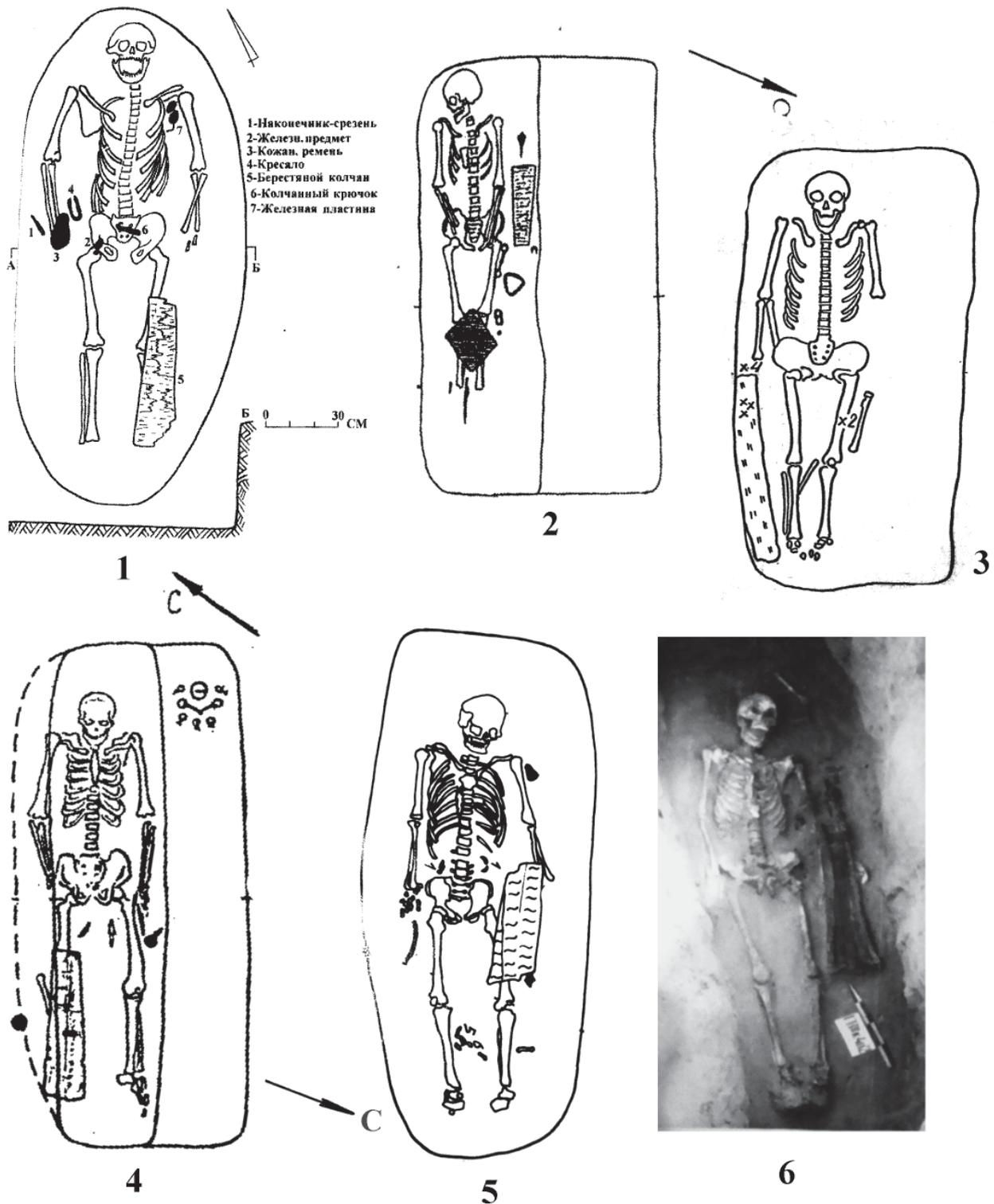

Рис. 7. Погребения кочевников Золотой Орды со стрелами и колчаном:

1 – Хабарный I, к. 19; 2 – Бахтияровка, к. 15; 3 – Мамбетбай, к. 3; 4 – Давыдовка III, к. 2; 5 – Канал Волга-Чограй-56-1988, к. 3; 6 – Гува II, к. 4.

Fig. 7. Burials of Golden Horde nomads with arrows and a quiver:

1 – Khabarny I, barrow 19; 2 – Bakhtiyarovka, barrow 15; 3 – Mambetbay, barrow 3; 4 – Davydovka III, barrow 2; 5 – Volga-Chogray-56-1988 channel, barrow 3; 6 – Guva II, barrow 4.

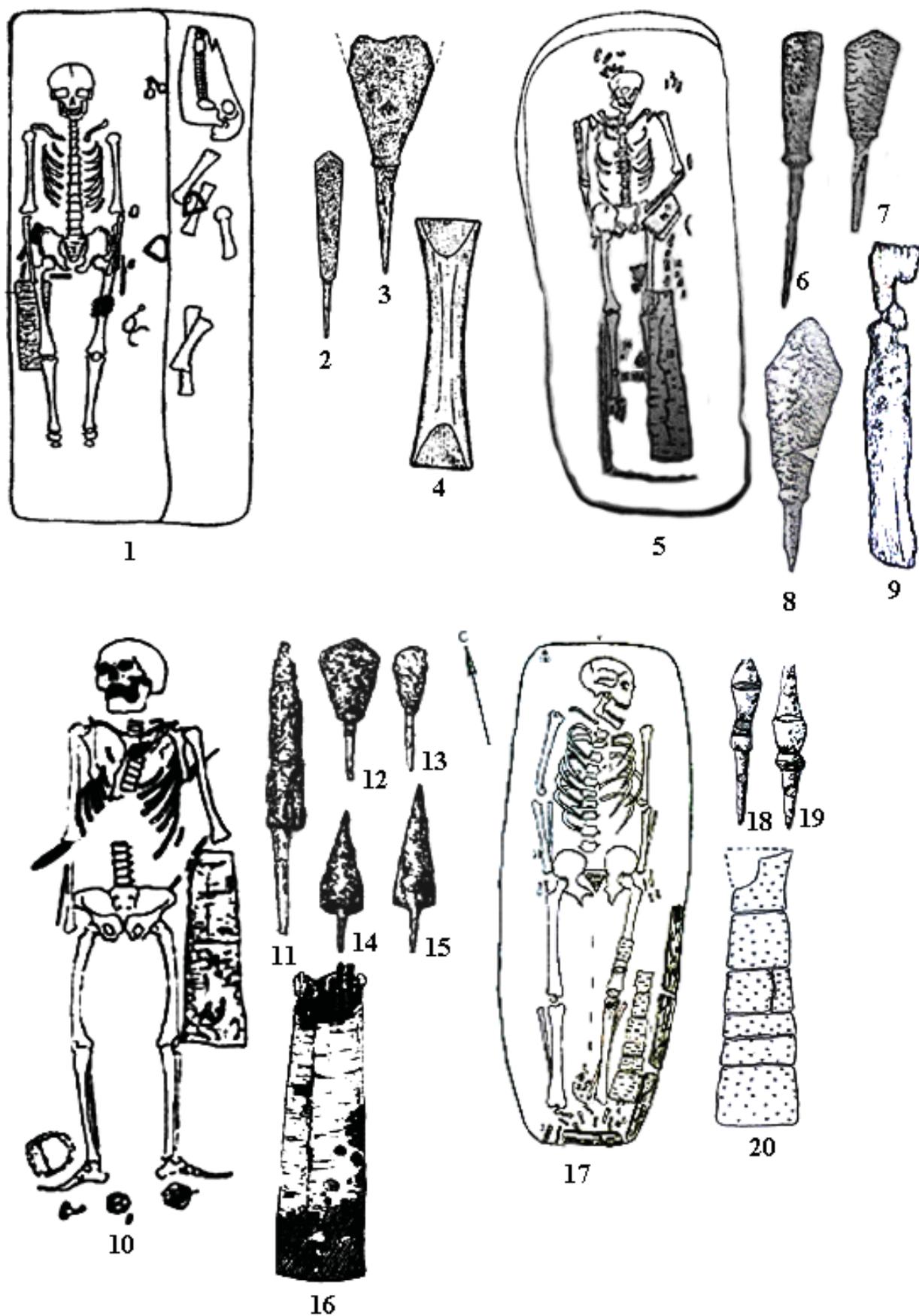

Рис. 8. Погребения кочевников Золотой Орды со стрелами, колчаном остатками лука:
 1-4 – Бахтияровка, к. 3; 5-9 – Бахтияровка, к. 46; 10-16 – Жартас; 17-20 – Калиновский-4, к. 1.
 Fig. 8. Burials of Golden Horde nomads with arrows, a quiver and the remains of a bow:
 1-4 – Bakhtiyarovka, barrow 3; 5-9 – Bakhtiyarovka, barrow 46; 10-16 – Zhartas; 17-20 – Kalinovskiy-4, barrow 1.

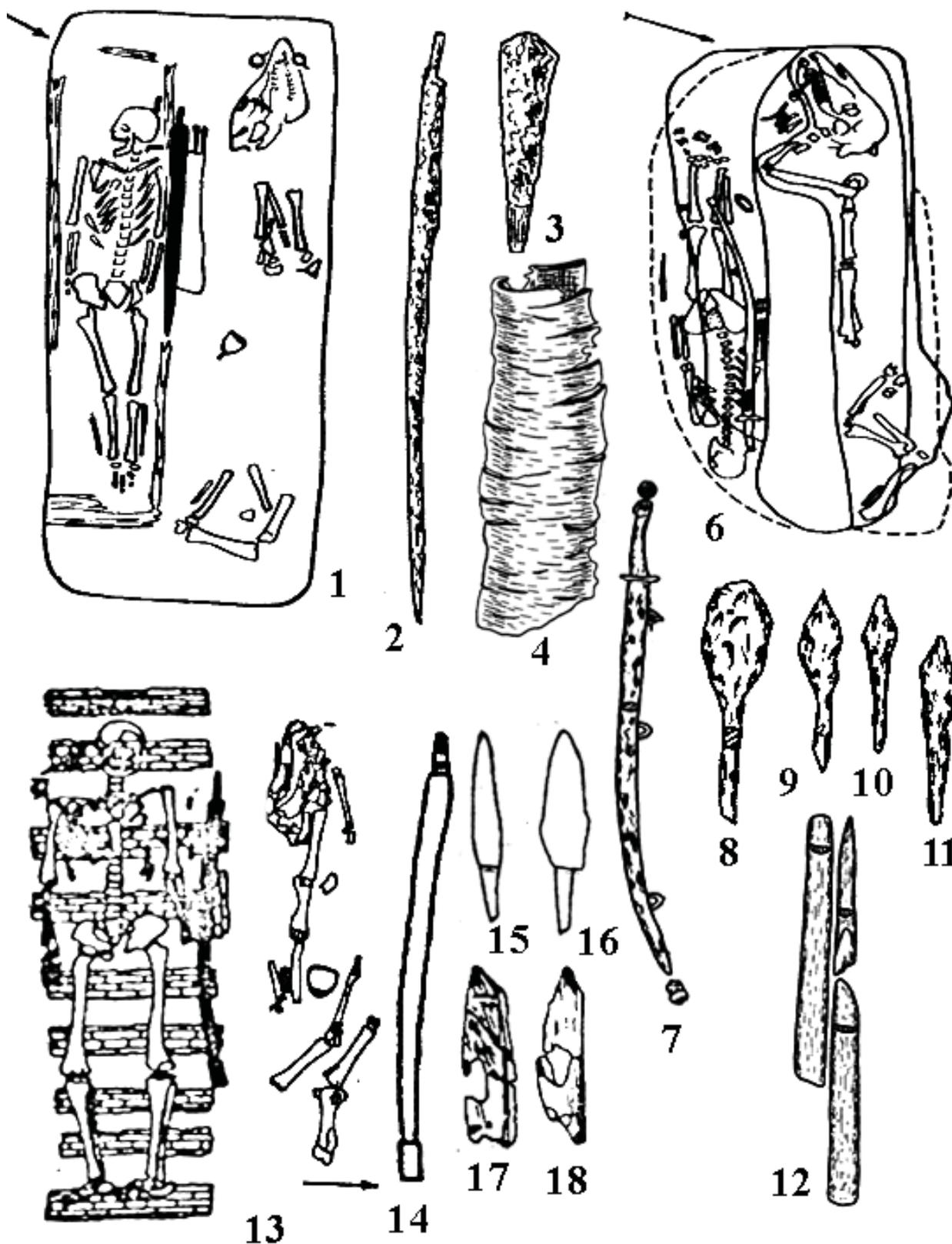

Рис. 9. Погребения кочевников Золотой Орды с саблех, стрелами и колчаном:

1-4 – Ивановский IV, к. 1; 6-12 – Лебедевка VIII, к. 6; 13-18 – Новониколаевка I, к. 1.

Fig. 9. Burials of Golden Horde nomads with a saber, arrows and a quiver:

1-4 – Ivanovsky IV, barrow 1; 6-12 – Lebedevka VIII, barrow 6; 13-18 – Novonikolaevka I, barrow 1.

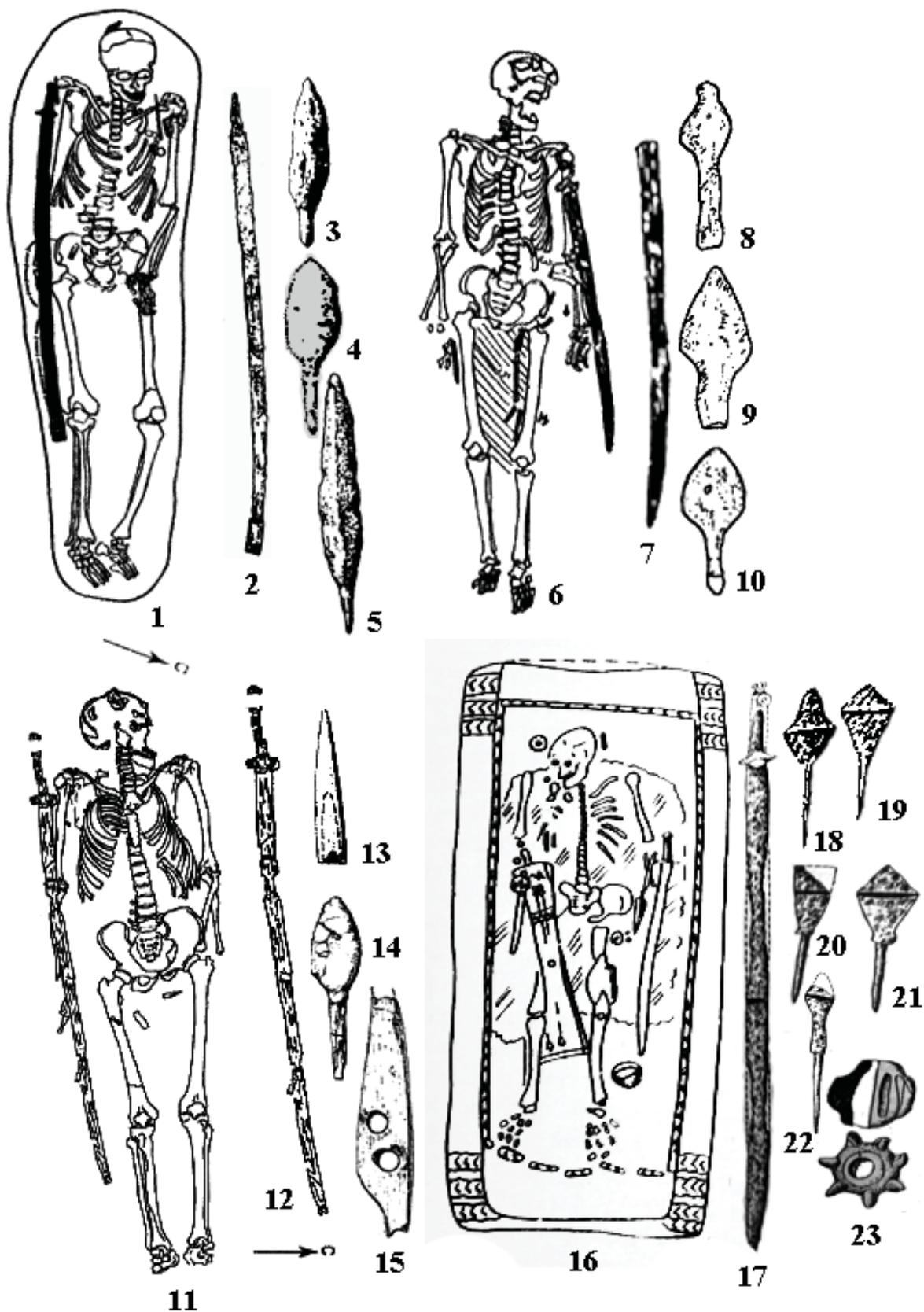

Рис. 10. Погребения кочевников Золотой Орды с саблей и стрелами:

1-5 – Лебеди I, к. 3; 6-10 – Греки, к. 45; 11-15 – Малаи I, к. 13; 16-23 – у Березанского лимана.

Fig. 10. Burials of Golden Horde nomads with a saber and arrows:

1-5 – Lebedi I, barrow 3; 6-10 – Greki, barrow 45; 11-15 – Malai I, barrow 13; 16-23 – near Berezan Estuary.

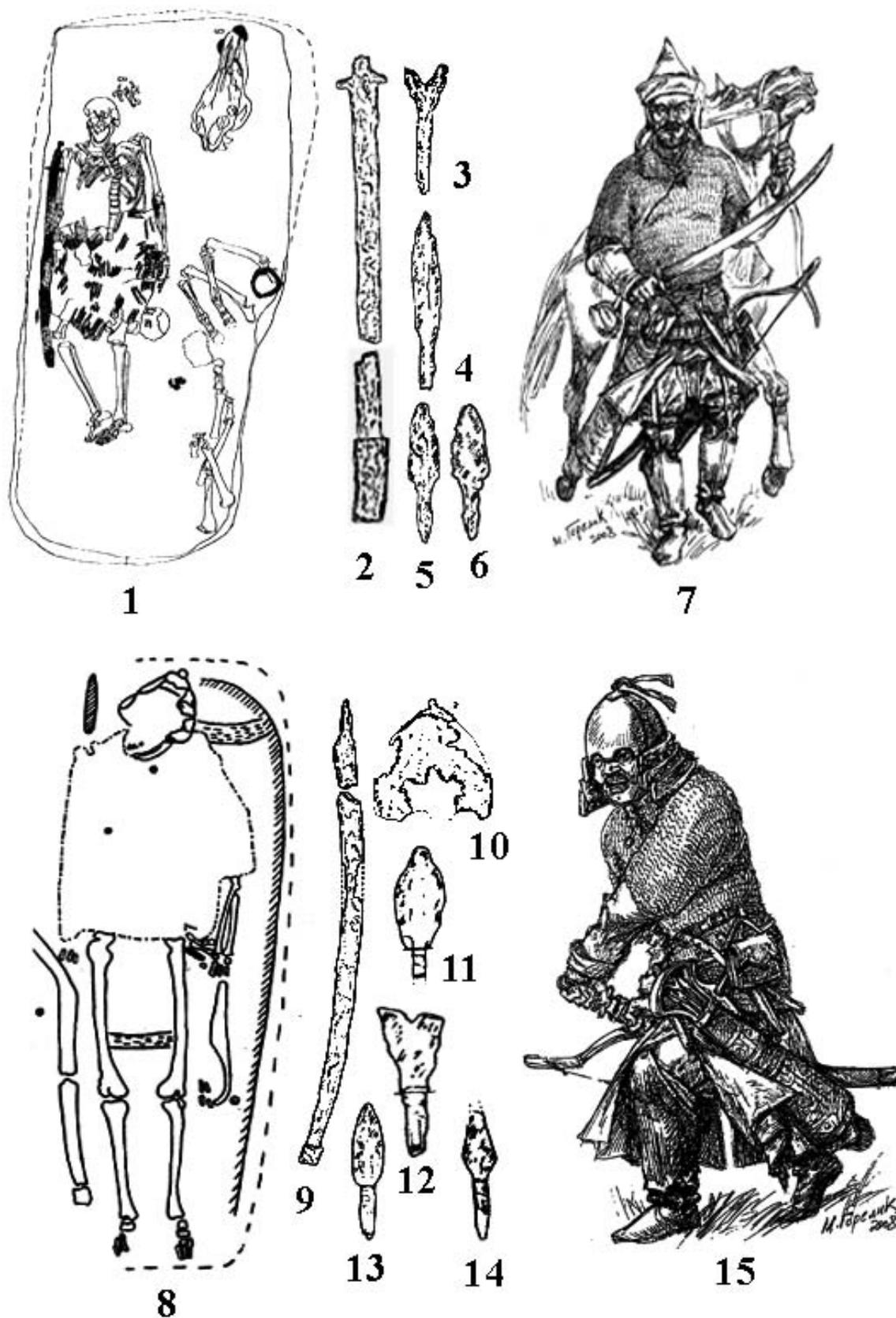

Рис. 11. Погребения кочевников Золотой Орды с полной «паноплией» (по И.А. Дружининой, В.Н. Чхаидзе, Е.И. Нарожному, М.В. Горелику): 1-7 – Пилипенковский I, к. 1; 8-15 – Лебеди VI, к. 1.

Fig. 11. Burials of Golden Horde nomads with complete “panoply” (after I. A. Druzhinina, V. N. Chkhaidze, E. I. Narozhny, M. V. Gorelik): 1-7 – Pilipenkovsky I, barrow 1; 8-15 – Lebedi VI, barrow 1.

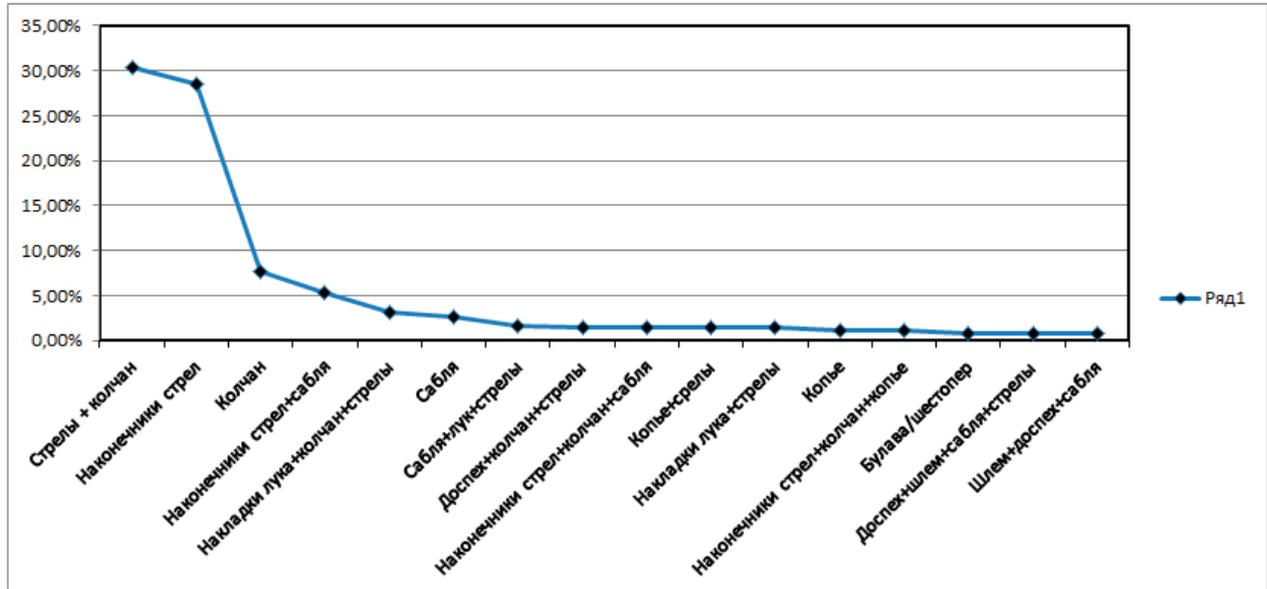

Рис. 12. График частоты встречаемости предметов вооружения в погребениях кочевников Золотой Орды.
Fig. 12. Incidence plot of armament items in the burials of Golden Horde nomads.

УДК 903.23 / 930.26 / 571 / 355/359

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2020.6.279.300>

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ УЛУСА ДЖУЧИ (ЗОЛОТОЙ ОРДЫ): ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ВОЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ

©2020 г. И.Л. Измайлов

В статье анализируется история изучения, теоретические основания и археологические материалы для реконструкции комплекса вооружения воинов Улуса Джучи (Золотой Орды). В основу анализа материала положены предметы вооружения (оружия ближнего и дистанционного боя, защитное вооружение) и их распределения в значительной выборке погребальных памятников. На примере анализа оружия Улуса Джучи автором доказывается положение, что понятие «комплекс вооружения» является теоретическим конструктом, который является реконструкцией, основанной на системном анализе археологических, письменных и изобразительных источников, для последующего анализа в рамках военной истории и компаративистских исследований.

Ключевые слова: вооружение, военная археология, Улус Джучи (Золотая Орда), военное дело, комплекс вооружения, погребальные памятники, история оружия, историография.

ARMAMENT COMPLEX OF THE ULUS OF JOCHI (THE GOLDEN HORDE): THEORY AND MILITARY ARCHAEOLOGY PRACTICE

I.L. Izmailov

The paper analyzes the study history, theoretical framework and archaeological materials for the reconstruction of an armament complex of Ulus of Jochi (Golden Horde) warriors. The analysis of material is based on armament items (melee and ranged weapons, protective arms) and their distribution across numerous funerary monuments. On the example of an analysis of the Ulus of Jochi weapon, it is substantiated by the author that the "armament complex" concept is a theoretical construct representing a reconstruction based on a system analysis of archaeological, written and graphic sources for subsequent analysis in the framework of military history and comparative studies.

Keywords: armament, military archaeology, the Ulus of Jochi (the Golden Horde), military science, armament complex, funerary monuments, weapon history, historiography.

1. Анализ комплекса вооружения: историографическая ситуация.

Проблема истории оружия и уровня развития вооружения воинов Улуса Джучи (Золотой Орды) в XIII–XV вв. и различных тюркотатарских государств за последние двести с лишним лет получила определенное освещение в научной литературе и даже стала предметом историографического осмысления (Кушкумбаев, 2011, с. 6–22). Это позволяет остановиться на важнейших узловых моментах, теоретических проблемах и дискуссионных вопросах изучения вооружения и военного дела средневековой империи Джучидов.

Научный интерес к изучению вооружения и военного дела Монгольской империи в целом и Улуса Джучи (Золотой Орды) в частности обозначился с начала XIX в., когда на волне подъема патриотизма в России после Наполеоновских войн возникло желание понять истоки военного могущества империи и найти ее истоки. С примерно такими же целями обращались к этой теме военные историки Запад-

ной Европы. Крупнейшим трудом, который подвел своеобразную черту под пониманием этой темы в мировой науке, стала книга генерал-лейтенанта Генерального штаба России М.И. Иванина, вышедшая в 1875 г. (Иванин, 2003). Вплоть до недавнего времени она оставалась самым серьезным анализом стратегии, тактики, операционного искусства, организации управления войсками и полевого боя не только войск Чингиз-хана и Тамерлана, но и всех азиатских кочевых народов. Оружие и военное снаряжение этого периода изучалось несистемно и спорадически, не формируя общей картины развития вооружения. Более того, европейский ученый мир под воздействием разных факторов, которые были удачно названы «ориентализмом», постепенно стал склоняться к мысли, что армии азиатских государств, массово использовавших конных лучников, не имевших защитного вооружения, добивались побед за счет своей численности. В этой связи проблемы вооружения

воинов Улуса Джучи оказались за пределами анализа оружейников.

В советской исторической науке подобная концепция властно вторгалась в анализ не только военно-исторической реальности средневековой Евразии, но и предметов вооружения. При оценке военных столкновений русских княжеств с татарами всегда неудачи приписывались подавляющей численности врагов, а победы – правильной тактике и мужеству. Само русское оружие заведомо считалось более лучшего качества и совершенных видов. Из оружия татар обычно описывалось лишь стрелковое оружие, а сами их войска, как отряды иррегулярной конницы без защитного вооружения и качественного холодного оружия. Подобный анализ, восходящий к представлениям и предрассудкам начального этапа военно-исторической науки в Европе и России, позднее начал воспроизводиться в советской историографии, порождая массу мифов и симулякров научного анализа вооружения. Причем подобный подход сохраняется изредка в некоторых «заповедниках науки» в разных модификациях и в наше время.

Ситуация стала меняться после фундаментальных трудов Г.А. Федорова-Давыдова об археологических памятниках евроазиатских кочевников X–XIV вв. (Федоров-Давыдов, 1966). Самым важным в этом исследовании, сыгравшем роль поворотного момента в изучении истории и культуры Золотой Орды, стала системность и выразительность источниковедческого материала, включая данные о вооружении. Если разделить изложенный автором материал по эпохам и консолидировать сведения об оружии и воинском снаряжении золотоордынского периода, то получится выразительная картина совершенного и передового для своего времени комплекса вооружения. Хотя сам автор остановился перед таким выводом, но материал свидетельствовал об этом весьма красноречиво. Главное особенностью и недостатком данной работы являлось то, что основные сведения были скрыты в приложении, а типология была достаточно формальной, не позволяющая детально представить динамику развития предметов вооружения. Не ставил автор вопроса о вооружении, как единого комплекса, которое практически выпало из его сопоставительного анализа статистики погребального обряда и инвентаря, доказывая, что оружия настолько мало, что оно не коррелируется с другими находками, как бы подтверждая тем самым,

мысль о небольшом значении качественного вооружения.

Но по мере накопления нового археологического и историко-иллюстративного материала, эти выводы стали корректироваться. Наиболее четко такой подход был сформулирован в трудах М.В. Горелика, в которых он обратился к иранским миниатюрам, где монголо-татар XIV–XVI вв. изображены в виде тяжеловооруженных конных копейщиков с разнообразным оружием, что подтверждал также его системный анализ археологических данных (Gorelik, 1979, p. 30–63; Горелик, 1980; Горелик, 1983; Горелик, 1987; Горелик, 2004, с. 182–195). Не сразу его доводы были приняты (обсуждение дискуссионных проблем см.: Горелик, 1998, с. 266–268). Некоторые археологи пытались поставить его выводы под сомнение, указывая на то, что данные археологии не вполне соответствуют изобразительным источникам (Артемьев, 1989, с. 284–288). Но постепенно его выводы стали подкрепляться все новыми данными из музейных коллекций и развиты в многочисленных трудах археологов, расширявших их источниковедческую базу, дополняя все новыми исследованными погребальными памятниками и находками (см.: Горелик, 2008, с. 139–159; Горелик, 2010, с. 137–145). Фактически к рубежу веков не осталось серьезных сомнений в том, что именно латная кавалерия являлась основным контингентом, решающим исход боя в армии Чингизхана и его потомков. Закономерным, хотя и во многом предварительным итогом исследований М.В. Горелика в этой области стала книга «Армии монголо-татар X–XIV вв.», логично построенная и прекрасно иллюстрированная (Горелик, 2002), а также ряд обобщающих трудов (Измайлов, Горелик, 2009, с. 396–405; Горелик, 2011, с. 47–58). Роль М.В. Горелика в изучении, комплексной характеристике вооружения и военного дела Золотой Орды, в активной научной позиции в отстаивании исторической правды является выдающейся и недооцененной (Измайлов, 2017, с. 240–252).

Огромную роль в формировании представлений о вооружении Золотой Орды и их истоков сыграли труды Ю.С. Худякова (1991; 1997; 2003), который показал контекст появления и развития системы вооружения народов Центральной Азии с древности до раннего Нового времени и доказал, что монгольское вооружение было определенным и закономерным этапом развития всего евразийского оружия и военного снаряжения (см.: Бобров,

Худяков, 2008; Бобров и др., 2010). Важнейшей заслугой Ю.С. Худякова стало системное и комплексное рассмотрение вооружения как целостного явления, имеющего свои истоки и динамику развития в зависимости от развития защитного вооружения, тактики боя и распространения огнестрельного оружия. Основой успеха подобного анализа стало теоретическое обоснование автором концепции комплекса вооружения, включающей в себя полный сбор археологических материалов, его типологизацию, выявление основных параметров развития оружия и боевого снаряжения и сопоставление его с данными письменных источников.

В последние десятилетия комплекс вооружения Улуса Джучи активно изучается по разным направлениям: публикации отдельных комплексов, анализ различных категорий вооружения, а также рассмотрение больших массивов погребальных памятников на предмет изучения социальной дифференциации (например, см.: Евглевский, Потемкина, 2000, с. 117–178; Чхаидзе, Дружинина, 2013, с. 171–178; Потемкина, 2013–2015, с. 66–81). Активизировались исследования военной организации, тактики боя и в целом всего военного дела населения Улуса Джучи (см.: Кушкumbaев, 2009; Измаилов, 2013, с. 253–272). Можно сказать, что изучение вооружения и военного дела Улуса Джучи переживает своеобразный ренессанс, с каждым годом обновляя и расширяя источниковедческую базу и охватывая все новые темы военной археологии и военной истории.

Одновременно с этим наметилась новая тенденция, диссонирующая с общей тенденцией развития золотоордынской военной археологии. Она во многом опирается на старые подходы, сформулированные еще в то время, когда корпус источников был небольшим, а его полноценная комплексная характеристика отсутствовала. В полной мере этот подход был сформулирован в ряде статей Ю.А. Кулешова, в которых автор выдвигает несколько гипотез: о неразвитости железоделательного производства в Улусе Джучи, о пополнении комплекса вооружения воинов Золотой Орды за счет импорта и, соответственно, об отсутствии единого комплекса боевых средств и единой имперской воинской культуры империи Чингиз-хана и его потомков (в наиболее развернутом виде сформулировано: Кулешов, 2014, с. 199–251).

Тезис о том, что металлургия и металлообработка в городах Улуса Джучи была развита слабо, опровергается многочисленными находками металлургических горнов, различных кузнечных инструментов и горными разработками железных руд, в частности в Ульяновском Поволжье, выявленными благодаря трудам Ю.А. Семькина. Находки многочисленных криц, а также шлаков и заготовок при раскопках практически всех городских центров Улуса Джучи от Приднестровья до Поволжья не оставляют сомнений в существовании развитой базы кузнечного производства и металлообработки. Отсутствие находок мастерских с заготовками оружия отнюдь не доказательство отсутствия подобных производств. Например, нам прекрасно известны высококачественные клинки с клеймами каролингских мастерских, но сами кузницы, где мечи производились, не обнаружены. Но из этого не следует делать вывод, что каролингские мечи были откуда-то доставлены с Марса. Точно также нет никаких сомнений в том, что оружие Древней Руси производилось в ее городах за редким исключением, но самих этих оружейных мастерских также не обнаружено. Строго говоря, этот аргумент действует против доводов сторонников импорта и в том смысле, что ни в Италии, ни на Ближнем Востоке, откуда якобы завозилось оружие в Улус Джучи, подобные мастерские не обнаружены.

Аргумент относительно преобладания импортного вооружения в комплексе вооружения Улуса Джучи приходит в противоречие с реальным стилистическим и типологическим единством предметов вооружения. Достаточно указать на такие разные предметы вооружения, как наконечники стрел (см.: Медведев, 1966, с. 50–60; Федоров-Давыдов, 1966, с. 25–29; Худяков, 1991, с. 104–125), стальные шлемы с козырьком, имеющие поразительно типолого-стилистическое единство (Худяков, 2003; Бобров, 2007, с. 267–287; Горелик, 2012, с. 84–108), а также сабли (Федоров-Давыдов, 1966, с. 22–23; Евглевский, Потемкина, 2000, с. 117–178; Горелик, 2004а, с. 86–101; Курмановский, 2014, с. 150–167), среди которых импортных изделий не выявлено. Получается странная картина, когда при постулировании преимущественного наполнения арсеналов привозными изделиями, основные виды оружия ближнего и дальнего боя производились в золотоордынских городах. Но если их производили на месте, то, следовательно,

могли производить и другие виды вооружения, а также трудно объяснить причину массового производства оружия по золотоордынским лекалам в каких-то итальянских или иранских оружейных мастерских.

Но главный вывод, отрицающий развитие золотоордынской панолии, состоит в том, что он отрицает системный характер набора вооружения, обращая внимание, с одной стороны, на отдельные единичные предметы (см.: Кулешов, Абызова, 2011, с. 92–100), а с другой, отрицая истоки формирования комплекса боевых средств и единую динамику его эволюции, на что было указано в дискуссии по этому поводу (Измайлов, 2011а, с. 200–203). Комплекс боевых средств является гибкой системой и изменяется также системно, а не спонтанно за счет каких-то импортов. Например, на Руси было прекрасное оружейное производство, в частности изготовление мечей, но в XIII–XV вв. они перешли на ковку сабель, вытеснивших традиционные мечи. Случилось это не за счет импорта из Золотой Орды, хотя и не без его влияния (еще один аргумент в пользу самостоятельности ордынского вооружения), но также системно вместе с заимствованием других средств маневренной конной войны. В Средние века в отличие от периода Нового времени, когда многочисленные армии требовали массового производства простого оружия, аристократия сражалась привычным оружием, которое было связано с их воинской культурой, костюмом и системой социальных пожалований. Никакое массовое импортное оружие не могло отменить этих статусных и воинских традиций, поскольку в строю латной кавалерии все должны быть снаряжены по единому образцу, чтобы не выпадать из общей линии. В строю латной кавалерии вооружение должно было быть не унифицированным, но единообразным, что и являлось залогом успеха на поле боя. Тот, кто не мог обеспечить соответствующий уровень снаряжения, просто выпадал из рядов аристократии.

Иными словами, преодолеть все эти нестыковки и противоречия гипотезы «импортного» оружия можно только отвергнув достижения современной военной археологии, а поскольку для этого нет никаких оснований, то следует признать, подобные доводы являются дилетантскими наскаками на достижения отечественной науки. Они преследуют цель вернуть военную археологию от стадии системного анали-

за комплекса вооружения к описательству и описанию единичных находок, что является пройденным этапом для золотоордынского оружиеведения.

2. Комплекс вооружения: теория и практика.

Рассмотрение общей историографической ситуации изучения вооружения и военного дела Улуса Джучи явственно показывает, что приоритетом в ее развитии является такая теоретическая категория, как «комплекс вооружения».

Впервые этот концепт на практике применил к древнерусскому материалу А.Н. Кирпичников, который не только проанализировал оружие ближнего боя и защитное вооружение, сопоставив данные археологии с письменными и изобразительными источниками, но и выяснил территориальное и хронологическое распределение оружие, обосновав его функционирование как единого комплекса боевых средств IX–XV вв. (Кирпичников, 1971; Кирпичников, 1976). Эти труды, став эталоном качественного научного подхода к анализу археологического материала, заложили основу методики современного отечественного оружиеведения.

Следует подчеркнуть несколько узловых проблем, определяющих само понимание этой категории. Комплекс вооружения является результатом анализа всех источников относительно вооружения какого-либо общества, политики или эпохи. Она занимает ключевую связующую роль, объединяя выводы, сделанные на основе изучения военной археологии и собственно военной истории. Эти категории имеют не прямую, а диалектическую связь, напоминающую соотношение археологического источника с историческим фактом. Это скорее процедура, построение универсальных образов и проекции, а не прямая иллюстрация. Совершенно понятно, что в археологическом источнике заложена историческая информация, но степень ее полноты и возможность однозначного восприятия в силу искажения или полной утраты тех связей, в которых объективация этих предметов происходила в прошлом. В этом отношении важен не столько разрыв в традиции использования того или иного предмета, который никогда не бывает полным для целого класса или комплекса однородных предметов, сколько узость экспериментальных возможностей исследователя и вероятностный, реконструктивный характер

исторической интерпретации археологического материала (Клейн, 1978, с. 61).

В военной археологии подобным реконструктивным элементом, позволяющим протянуть мостик от набора предметов археологии к истории вооружения и военного дела, выступает комплекс вооружения. Данный элемент является высшим элементом реконструкции, доступным на основе процедур анализа непосредственно предметов, относящихся к сфере компетенции военной археологии. Комплекс вооружения является концентрированной и систематизированной абстракцией, которая от анализа отдельных предметов вооружения и деталей снаряжения, от конкретных типов и форм оружия позволяет перейти к анализу тенденции их развития, использования и модификации в условиях изменения боевой практики. Именно категория комплекса вооружения расположена между конкретной военной археологией и историей военного искусства, созданного на основе изучения письменных источников, в качестве базового элемента для анализа в рамках военно-исторического исследования (см.: Измайлов, 2017, с. 16–22).

Есть несколько ключевых моментов, которые требуют обсуждения в этой связи. Один из актуальных – это иллюзия, весьма распространенная среди археологов, изучающих вооружение тех или иных культур или памятников, что погребальные памятники наиболее точно и релевантно отражают комплекс вооружения. Иными словами, именно находки предметов вооружения из погребений являются прямым отражением набора оружия, которым владел умерший. При всей кажущейся очевидности этот подход имеет два важнейших недостатка. Во-первых, он не учитывает сам процесс «археологизации» оружия и снаряжения. Например, замену реального оружия вотивным или его имитацией (в ножны вкладывается не кинжал, а его деревянная копия), которые до времени вскрытия погребения археологами просто не сохраняются. Металлическое оружие, включая железное, могло просто не сохраниться в силу природных явлений. Во-вторых, он не учитывает, что оружие является лишь частью погребального инвентаря, формирование которого прямо связано с социальным статусом умершего, а не с его отношением к войне. Не говоря уже о том, что мировые религии вообще отрицательно относились к погребению вещей, в частности оружия. Например, о вооружении английского

рыцаря XIII–XIV вв. мы больше информации черпаем из скульптурного надгробия, чем из самого содержимого склепа. Этот вопрос уже подробно рассматривался (Измайлов, 2012, с. 66–85), поэтому можно ограничиться некоторыми наблюдениями и выводами.

В целом сама методика, связывающая напрямую материалы из погребения, является теоретическим нонсенсом, отрывкой советской позитивистской «археологической истории», когда вместо глубокого анализа материала и разработки процедур исследования происходит снижение уровня понимания до банального «здорового смысла». Анализ различных подходов к анализу материала погребальных комплексов не подтверждает гипотезу о прямой зависимости находок оружия от занятий погребенного и тем более о степени вооруженности общества. В значительной степени ископаемая реальность в определенной степени отражает социальный статус умершего, в которых война могла иметь большее или меньшее значение. Гораздо большее влияние на набор инвентаря могли играть не его военные подвиги в реальной жизни, а представления его социума о месте войны в будущей жизни. Прямое отождествление тех или иных погребальных памятников с воинским комплексом требует специального обоснования и серьезной проработки.

Теоретически еще больше вопросов вызывает сопоставление различных источниковедческих баз данных комплексов вооружений. Для регионов или культур, в которых практически весь набор археологического оружия происходит из погребальных памятников, а в большинстве случаев это, как правило, совпадает с тем, что они являются также основными памятниками, например, для скифской, сарматской или различных южносибирских культур, подобных вопросов не возникает. Реконструкция комплекса вооружения получается детальной и сопровождается анализом взаимовстречаемости различных типов и видов вооружения и снаряжения (например, см.: Худяков, 1991; 1997; 2003). Однако по мере развития и усложнения общества и цивилизации оружие, как таковое, постепенно переставало играть роль в погребальных обрядах разных народов и регионов. Например, в римском мире социальный ранг умершего показывали саркофаг или надгробие, а не количество оружия, подобную же картину мы видим и на другом конце света в Центральной Азии в Ноинулинских курганах южных

хунну, где при всем богатстве погребального инвентаря полностью отсутствует оружие.

Еще более значительные изменения в плане географии распределения находок оружия произошли по мере расширения влияния в Старом Свете мировых религий с их развитой системой этики и специфической верой в загробный мир, которая предполагала полное отрешение от мирского и материального мира. Нагляден пример огромной территории, входившей в состав Киевской Руси IX-XI вв. и древнерусских княжеств XI – первой трети XIII в., где распределение оружие на первом этапе в равной мере обеспечено находками предметов вооружения из погребений и поселений, но уже на втором этапе все могильники, содержащие оружие, располагаются на периферии и на границах княжеств, а основной материал происходит из слоев поселений (см.: Кирпичников, 1971). Еще более выразительной эта картина предстает для Руси XIII-XV вв., когда количество находок оружия резко сокращается, а все они происходят из музейных коллекций и слоев поселений (Кирпичников, 1976). Показательно более отчетливая ситуация сложилась в этом смысле при изучении комплекса вооружения Волжской Булгарии X-XIII вв. (Измайлов, 1997).

Ситуация, когда в источниковедческом материале определяющую роль играют предметы вооружения и воинского снаряжения из слоев поселений (включая, выявленные поля сражений) не является уникальной, более того она гораздо более распространенной в мире, особенно в его цивилизованной части. В этой связи анализ этой ситуации требует теоретического осмысления. Если не вдаваться в излишние подробности, следует подчеркнуть, что находки оружия из слоя поселения имеют некоторые принципиальные различия с набором вооружения из погребений. Набор оружия из слоя достаточно случаен, поскольку его происхождение связано с войнами и гибелью поселения, так или иначе оно было потеряно или выброшено за непригодностью. В этой связи, эти находки часто деформированы и имеют другую историю археологизации (пожар, слой разрушения, переотложенный слой и т.д.). Но они иногда включают такие находки предметов вооружения, которые никогда не встречаются в погребениях в силу того, что не имеют военно-социального статуса. Например такие, как детали арбалетов и болты к ним, детали метательных машин, а также различные вспомогательные боевые

средства («хасаки» / «чесноки» – противоконные и противопехотные рогульки). Иными словами, находки оружия из слоя обладают целым рядом несомненных достоинств. Во-первых, они в силу случайности отражают комплекс вооружения более выразительно и разнообразно, без учета различных социальных фильтров. Во-вторых, оружие из слоя разрушения носит следы боевого использования, что достаточно редко встречается в оружии из погребения, которые иногда носят даже вотивный характер. В-третьих, существуют, хотя археологически изучены в исключительных случаях, поля сражений, которые представляют огромный интерес для археологов, поскольку содержат такие находки, которые никогда не встречаются в слоях поселений и даже в погребениях в силу своего высокого воинского статуса и высокой стоимости (доспехи, золоченное оружие и снаряжение и т.д.). Вместе с тем, при всем разнообразии количество находок оружия на квадрат раскопа в поселениях гораздо ниже, чем в погребениях. Все это у некоторых археологов вызывает скепсис в отношении поселенческого оружия и желание игнорировать эти находки, как несущественные.

В отношении оружия Улуса Джучи это тем более неверно, поскольку находок оружия из поселений достаточно много, например, в Укеке, Болгаре, других городищах Поволжья. Они отличаются разнообразием и в совокупности с достаточно высокой степенью отражают весь комплекс боевых средств средневековых татар. Хотя общее их количество в силу вышеуказанных причин уступает находкам из погребений, они в значительной мере коррелируются с ними. Если представить, что в нашем распоряжении бы не было погребального оружия, то даже по находкам из слоев поселений возможно было бы реконструировать комплекс вооружения с высокой адекватностью. В этом смысле скепсис в отношении находок предметов вооружения из поселений ничем не оправдан.

Строго категории «много-мало» не являются археологически верифицируемыми, поскольку для них не существует внятных критериев. Простой пример: количество оружия и защитного доспеха с территории русских княжеств XIII-XV вв. (Кирпичников, 1976) критически мало даже по сравнению с вооружением городов Поволжья, что ни в коем случае не означает, что вооруженность

Руси была ниже, чем части территории Улуса Джучи. Хотя определенные выводы в связи с этим напрашиваются, особенно в отношении снаряжения качественным профессиональным оружием и снаряжением.

Вместе с тем не следует понимать комплекс вооружения, как непосредственное отражение вооружения всех воинов Улуса Джучи. В значительной степени это некая проекция вооруженности всего населения, которая теоретически и в реальности распадалась на множество сочетаний разных форм, видов и типов оружия и воинского снаряжения. В самом общем виде речь идет о том, что набор оружия с самого начала его появления в человеческих сообществах стал носить социально ранжированный характер. Можно даже сказать, что между значением того или иного вида или типа оружия в комплексе вооружения и вероятностью его находки в тех или иных археологических памятниках имеется не прямая, а обратная связь. Специализированное качественное вооружение (мечи, сабли, пики, стальной доспех, боевые кинжалы и булавы), игравшие ведущую роль в решении исхода сражения в Средние века, попадало в погребения гораздо реже, чем массовое вооружение (ножи, луки и стрелы и т. д.). То есть, распространять отдельные находки этого специализированного вооружения на все войско не следует, поскольку сочетание разных форм оружия и снаряжения в средневековом войске явно носило поляризованный характер. На одном полюсе условно располагалось дорогое и качественное оружие, полное защитное вооружение и всадническая экипировка, а с другой – метательное оружие и походно-бытовое универсальное снаряжение. Разумеется, подобное теоретическое обоснование должно опираться и на определенную статистику, в том числе и по возможности, на взаимовстречаемость находок оружия в погребениях.

Однако нельзя преуменьшать значения того или иного вида оружия и в комплексе вооружения на основе низкой встречаемости в погребениях. Как уже сказано выше, могло быть много факторов, которые препятствовали размещению тех или иных видов оружия в погребение. Так, копьё в силу вполне понятных причин (прежде всего размеров древка) не укладывались в погребение и должны были быть сломаны или сняты с древка. Но кроме таких очевидных причин могли быть также причины символического характера – то или

иное оружие выполняло роль символа социального и военного статуса, причем разного. Например, булава могла иметь гораздо более высокий статус, чем сабля в силу ее символа высокого воинского ранга.

Кроме того, все рассуждения о значительном или незначительном распространении того или иного вида и типа оружия и боевого снаряжения должны оцениваться не по распределению в неопределенном количестве погребений, а по месту в комплексе вооружения, который, как выясняется, не тождествен выборке из погребальных комплексов. Сам комплекс вооружения – это не сумма находок из погребений, а вся совокупность сведений о вооружении того или иного социума, включая данные письменных и изобразительных источников, проанализированных с учетом компаративистских исследований. Это тем более важно и даже обязательно, когда мы имеем дело не с безвестным населением, оставившим тот или иной могильник, ту или иную археологическую культуру, а со средневековой евразийской империей. Подходить к анализу комплекса вооружения Улуса Джучи, как к набору погребальных памятников анонимной археологической культуры, возможно. Но явно недостаточно. Без системного и скрупулезного анализа комплекса вооружения как единой системы боевых средств, представленных в разных видах источников, определить, что являлось единичным, а что массовым оружием, очень сложно. Но, поскольку речь идет не об анонимной культуре, а о памятниках, оставленных населением мировой евразийской империи, о которой известно достаточно много, чтобы представлять ее цивилизационный, культурно-исторический и социально-экономический фон, то такой анализ фактически и практически беспредметен, поскольку он возвращает нас в начальный этап археологического изучения Улуса Джучи и его военной археологии, искажая наше современное понимание военно-исторических реалий.

Тем самым ключевым вопросом понимания вооружения как комплекса боевых средств является задача анализа предметов оружия, выявления динамики их развития. После сопоставления набора оружия с данными письменных и изобразительных источников мы можем реконструировать комплекс вооружения, который с помощью сопоставительного анализа с аналогичными военно-социальными системами позволит релевантно

но представить уровень развития вооружения и тактическое использование оружия в бою, воссоздать военное дело средневекового общества.

3. Комплекс вооружения Улуса Джучи по материалам археологии.

Вооружение и военная система Улуса Джучи имела несколько источников формирования. С одной стороны, он складывался на основе принесенных с востока, в основном из Центральной Азии, тюрко-монгольских традиций оружия и снаряжения, а с другой – на развитом ремесленном производстве регионов Восточной Европы и торгово-ремесленных связей с мусульманской Средней Азии и Ближним Востоком. Общий анализ боевых средств воинов золотоордынской эпохи по обобщенным данным военной археологии уже получил определенное освещение (подробнее см.: Горелик, 1980; Худяков, 1991; Горелик, 2002; Горелик, Измайлов, 2009, с. 396–405), что позволяет остановиться на обобщающей их характеристике.

В период и после завоевания Восточной Европы и становления военно-административной и клановой системы здесь стал формироваться новый комплекс вооружения. Особенностью его стало то, что войска Бату, пополняемые за счет завоеванных народов, вступили в прямой контакт с местными военными традициями. Особенностью этой системы являлось то, что местные воинские контингенты, включенные в военную систему Улуса Джучи, явно преобладали. Недаром Рашид ад-Дин прямо указывает на доминирование в войсках Джучи не монгольских, а тюрко-татарских (в первую очередь кыпчакских) контингентов.

После становления Улуса Джучи довольно быстро начинает формироваться городская структура от Приднестровья до Хорезма, где Поволжье играло роль столичного региона и станового хребта. Именно здесь происходит всплеск развития оружейного ремесла, опиравшегося на собственную традицию и воспринимавшего (вольно, по необходимости или даже по принуждению) новую татарскую имперскую военно-служилую культуру. Основными носителями этой традиции являлись представители тюрко-монгольских кланов, которые осуществляли власть в стране и полностью преобразовали прежние родоплеменные объединения. Именно эти кочевники под властью татарских кланов составляли основное скотоводческое население евразий-

ских степей и основу военной силы империи Джучидов.

В отличие от горожан-мусульман они сравнительно долго оставались язычниками (по крайней мере определенная их часть во второй половине XIII – начале XIV в.) и являлись основой военно-служилого сословия – профессиональными военными. В результате мы наблюдаем сложение синкретичного золотоордынского оружейного комплекса (описание этого вооружения см.: Gorelik, 1979; Горелик, 2002).

Оружие дистанционного боя. Стрелометание являлось одним из важнейших боевых приемов войск Чингиз-хана и его наследников, что не раз отмечали иностранцы. Например, Марко Поло, почти всю свою молодость поведший в Китае при дворе великого хана Хубилая, специально отмечал, что «всего больше они пускают в дело лук, потому что ловкие стрелки» (Поло, 1990, с. 81).

Лук был основным оружием дальнего боя. Конструктивно это был сложносоставной лук центрально-восточноазиатского, «монгольского» типа, который отличался наличием особых костяных накладок – срединной фронтальной и срединных боковых. Сложносоставные луки, армированные подобными накладками, были довольно мощными и надежными за счет создания узла жесткости в центре и гибкости плеч, в конструкции которых использовался гибкий рог и различные породы дерева. Этот тип лука, судя по археологическим находкам, впервые был создан в степях Центральной Азии, а в Европе появляется в начале XIII в. Наибольшее распространение получил в Улусе Джучи в XIII–XV вв.

Вместе с этим типом лука в Восточной Европе в XIII–XIV вв. широко распространяются наконечники стрел центральноазиатских типов – различные двурогие и секторовидные срезни, кунжутolistные, причем характерных для Центральной Азии очень крупных размеров. В связи с изменением техники стрелометания сокращается число и разнообразие «бронбойных» граненых и долотовидных наконечников, характерных в предшествующее время. К концу XIV в., а на окраинах степи и раньше, размеры наконечников стрел отличались сравнительно меньшими размерами. Постепенно к середине XIV в. количество типов наконечников стрел заметно снижается и наиболее популярными становятся около двух десятков типов универсальных удлинено-треугольных форм. Костяные наконечники

используются не часто и в основном на окраинах Улуса Джучи – на Алтае или на Севере Европы.

Колчаны в Золотой Орде в XIII–XIV вв. в абсолютном большинстве случаев имели вид длинного узкого короба-пенала, в котором стрелы помещены целиком, наконечниками вверх, причем в центральноазиатском варианте с закрытым, расширяющимся кверху приемником, часто с округлым «веерообразным» верхом, с целой системой подвески, в основном из костяных пластинок. Внешняя сторона поверхности этих колчанов была облицована костяными пластинками, богато украшенными гравированными, с подкраской, растительными и зооморфными узорами. В роскошных экземплярах кость в подвеске и облицовке могла заменяться золоченым серебром, а декор костяной облицовки мог быть прорезным, ажурным, с подложкой из золотой фольги (Малиновская, 1974). Данный вид колчана, часто с костяными обкладками, характерный для Центральной Азии, в Улусе Джучи стал преобладающим типом.

В конце XIV – начале XV вв. этот тип колчана начинает вытесняться колчанами в виде подпрямоугольного плоского футляра, в котором стрелы помещены оперением вверх, на половину длины древков. Подобная форма колчанов, характерная в X–XII вв. для киданей, чжурчженей, татар и китайской конницы, также была принесена в Европу монгольскими войсками, и, очевидно, получила здесь широкое развитие (впрочем, как и в других захваченных монголами странах Евразии). Данный тип колчана стал преобладающим в Северной Евразии в XV–XVII вв.

Резными костяными, а также металлическими накладками украшался обычно кожаный налуч. Саадачный набор (налуч и колчан) подвешивались к портупейному поясу, который обычно застегивался на крючок. Хотя парадным обычно был клинковый пояс, но известны также парадные образцы стрелкового, саадачного пояса. Подобный саадачный пояс известен, например, из «Симферопольского клада» был сплошь унизан золотыми, с сердоликовыми вставками, овальными бляшками, бляхи-подвески и концевые пластины (одна – с крючком) сделаны из резного и гравированного золота, окаймляющего сердоликовые вставки, а шайба-приемник крючка отлита из золота в виде рельефной розетки.

Оружие ближнего боя. Как и ранее, особую роль среди оружия ближнего боя

играло клинковое оружие, в первую очередь сабли. В комплексе вооружения Улуса Джучи сабля получила наибольшее распространение, постепенно повсеместно и практически полностью вытеснив мечи и палаши. Клинок ордынской сабли по центральноазиатской традиции обычно имел на конце заточку на обушке длиной в 20–30 см и ромбическое в этой части сечение (Евглевский, Потемкина, 2000, с. 117–178; Курмановский, 2014, с. 150–162). К XIV в. в Прикубанских областях Улуса Джучи конец клинка стали отковывать в виде подромбического в плане выпрямленного острия. Такой клинок получил название «черкесского» и широко распространился вплоть до Средней Азии. Традиционно центральноазиатской деталью золотоордынских клинков была оковка клинка под перекрестием специфической обоймой с языком, охватывающим верх лезвия на 10–15 см. Эта обойма предохраняла указательный палец бойца, охватывавший нижний отросток перекрестия, а также устье ножен, от пореза. Характерным признаком золотоордынских клинков стали доли, иногда парные, прорезавшиеся с обеих сторон клинка вдоль обушка, причем они были смещены относительно долов на другой стороне. Это придавало прочность клинку и облегчало его вес. Современные анализы стали золотоордынских клинков говорят об их высочайшем подчас качестве: их изготавливали из «дамасской» – сварной стали и даже из литого булата. С течением времени золотоордынские сабельные клинки становились все более изогнутыми. Во второй половине XIV в. они приобретают хорошо выраженную елмань – расширение в нижней трети-четверти клинка.

В подавляющем большинстве случаев сабли золотоордынского времени имели крестообразные узкоромбические перекрестия с оттянутыми вниз концами. Характерным признаком ордынских перекрестий является их асимметричность – нижний отросток длиннее верхнего. Позднее, в XIV в. концы крестообразных гард расплющиваются или завершаются декоративными шариками. Этот тип перекрестий сменил все разнообразие домонгольских гард и определял их моду практически до наших дней. Причиной этого стали простота и универсальность подобной защиты руки, способность обеспечить большее разнообразие фехтовальных приемов.

Сабля, как вообще клинковое оружие, являлась оружием профессиональных военных

– служилой знати. Еще Дж. де Плано Карпини, описывая вооружение монголов, писал, что «богатые же имеют мечи, острые в конце, режущие только с одной стороны и несколько кривые» (Путешествия, 1957, с. 50). Подобная традиция использования сабель сохранилась и в Улусе Джучи, где «сабли булатные» упоминаются в русских источниках, а также изображаются на миниатюрах, причем сабли абсолютно преобладают над другим клинковым оружием. Сабли служили не только оружием, но и символом знатности и богатства владельца, определителем его принадлежности к татарской знати. Недаром знаком особого почета являлось пожалование ханом драгоценного пояса, на котором подвешивалась сабля. Обычно сабля, как и боевой конь, имела особое «магическое» имя (например, «срубаящая головы сверкающая сабля Токтамышша «Алжасман» из татарского дастана «Идегей»).

Сохранились также детали от ножен, как правило, имевшие по центральноазиатской традиции вид обойм с подвижными кольцами для крепления к поясу. Этот вид крепления к поясу вошел в моду в Восточной Европе с начала XIII в. и в значительной степени обязан центральноазиатской моде. Позднее этот тип крепления ножен стал характерным признаком татарских воинов и стран, находившихся под влиянием их военной моды.

Характерными для снаряжения золотоордынского воина являлись различные боевые ножи с клинками длиной до 40 см. Реже применялись узкие длинные ножи (20–40 см) и прямые кинжалы – оружие с двулезвийным клинком и гардами подобными сабельным (Кулешов, 2015, с. 197–210; Кулешов, Ничепорук, 2012, с. 182–198). Дополнительным или, вероятно, детским оружием являлись кривые короткие сабли (длина до 60 см), крепившиеся к рукояти с помощью штифтов. Среди них есть и экземпляры, переделанные из обломка настоящей сабли.

Древковое наступательное оружие – копьё бытует в Золотой Орде в качестве одного из важнейших видов оружия второго удара. В русских источниках часто отмечалось боевое применение копий татарами, которые «одних мечами рубили, а других на копьё поднимали», или «ударили крепко копьями» и т. д. Эти упоминания, вкупе с изобразительными материалами, в первую очередь персидскими миниатюрами, позволяют предполагать, что копьё использовались конными латника-

ми, применявшими таранный удар и действующими сомкнутыми массами. Типы копий были довольно разнообразны. Применялась, например, излюбленная центральноазиатскими воинами форма с наконечником в виде четырехгранника. Характерно, что в Поволжье наряду с подобными наконечниками встречены также традиционные для Среднего Поволжья узколезвийные граненые пики (Измайлов, Недашковский, 1993, с. 73–74, рис. I, 1, 2). Одновременно здесь же зафиксированы находки широких копий с лавролистным пером и выемкой на лезвии – рогатин. Со второй половины XIV в. во всей «татаро-монгольской ойкумене» – от Дуная до Тихого океана и Персидского залива – узколезвийные и граненые типы наконечников постепенно начинают вытесняться другими формами удлиненных копий – вытянуто-листовидными или удлиненно-треугольными, ромбическими в сечении, либо уплощенными с осевым ребром. Подобные наконечники были более универсальными, наносили более обширные ранения, тогда как граненая пика была специально предназначена для пробивания панциря. Однако сосуществование различных типов наконечников копий продолжалось вплоть до начала XV в. Очевидно, эти изменения знаменовали переход от использования копий для таранного удара к многоактному бою с применением копий удлиненно-листовидных типов.

Из ударного оружия ближнего боя довольно широко распространились булавы и кистени, что зафиксировано изобразительными (Gorelik, 1979, p. 30–63; Горелик, 2002, с. 66–67) и письменными (например, Марко Поло: «вооружение у них меч и палица» (Поло, 1990, с. 81)) источниками.

Булавы, имевшие типологическое многообразие в XIII – первой половине XIV в.: с навершиями в виде шара с выступающими боевыми гранями и шипами, в виде многогранников различных конфигураций, начинают в XIV в. все более унифицироваться, вытесняясь боевыми навершиями с семью-восемью концентрически выступающими плоскими гранями – шестоперами или перначами. Чаще всего подобные кистени изготавливались из бронзы и железа, но в XIV–XV вв. подавляющее количество боевых наверший делалось из стальных пластин (Измайлов, Недашковский, 1992, с. 74, рис. I, 4; Галкин, 2007, с. 288–292; Воронцов, 2011, с. 59–62). Характерна находка бронзовой булавы из Болгара с выступающими с трех сторон пирамидальными шипами, а

с четвертой имеющей клювовидный выступ. Этот тип булав продолжает домонгольские традиции, но наличие «клюва» делает их похожими по способу применения на боевые молоты – клевцы. Они применялись для пролома брони за счет веса и боевого острия. Многие экземпляры степных булав имеют удлиненные рукояти – это также центрально-восточноазиатская традиция.

Среди кистеней выделяются бронзовые биконические восьмигранные с и железные шаровидные с неподвижным ушком боевые грузики (Измайлов, Недашковский, 1993, с. 74–75, I, 5). Разнообразии материала, из которого делались навершия кистеней – рог, бронза и железо, характерные для домонгольского периода, также постепенно сменяется применением одного железа. Очевидно, к началу XV в. относится появление кубических стальных кистеней со срезанными углами и с подвижным ушком на штыре, приклепанном к боевой гирьке.

Относительно боевых топоров можно сказать, что на степных территориях Улуса Джучи их боевая роль заметно падает. Постепенно исчезают из обихода и архаичные центральноазиатские топоры с узкими лезвиями и молоткообразными выделенными обушками, и чжурчженские широколезвийные топоры, имевшие и метательную функцию. В предгорьях же и на равнинах северного Кавказа, а также в оседлых регионах Волго-Камья боевое применение топора несколько не уменьшилось. А в Поволжье заметно возрастание престижной, парадной роли боевого топора как знака власти. Здесь начинают изготавливать богато украшенные узорной резьбой топоры, которые с течением времени займут видное место среди памятников прикладного искусства татарского Поволжья. Вообще среди топоров большое значение продолжали играть универсальные походно-боевые топоры с клиновидным, секторовидным и с длинным оттянутым лезвием. Форма их практически не отличалась от рабочих, но вес был вдвое меньше. Применение подобных топориков прямо зафиксировано в письменных источниках как элемент снаряжения татарского воина в походе.

Защитное вооружение. Активно развивалось в Улусе Джучи защитное вооружение (Gogelik, 1979, p. 30–63; Горелик, 1983, с. 244–268; Горелик, 1987, с. 163–208; Горелик, 2002; Измайлов, 1988, с. 87–102). В первую очередь это касалось металлических панци-

рей. В XIII–XIV вв. панцири собирались из прямоугольных (иногда с овальным или фестончатым краями) выпуклых пластин с отверстиями по краям. Различаются по величине деталей ламеллярные (собиравшиеся из сравнительно мелких пластин) и ламинарные (из крупных). По способу крепления панцирных пластин панцири делились на пластинчатые, где пластины соединялись между собой с помощью кожаных ремешков; на чешуйчатые, где пластины крепились к матерчатой или кожаной основе заклепками, а между собой ремешками; и куюки (получившими в Европе название «бригандин»), собираемые из большого размера пластин, приклепывавшихся к кожаной или суконной основе и частично между собой. Все типы панцирей состояли из нагрудника и наспинника, соединенных между собой боковинами, длина которых доходила до бедер и пристегивавшихся между собой на боку и плечах. Развитие этих средств защиты в золотоордынское время шло в сторону увеличения их подвижности, непроницаемости и надежности. Характерным элементом доспеха этого времени являются специальные наплечники и длинный подол для защиты бедер с широкими вырезами спереди и сзади для удобной посадки в седле, а также пластинчатые защиты горла и лица.

Вместе с тем письменные источники часто упоминают также кожаные доспехи. Например, Марко Поло, описывая снаряжение татарских воинов, указывает: «а на спине у них панцирь их буйволовою или другой какой кожи, вареной и очень крепкой» (Поло, 1990, с. 81). Скорее всего, конструкция кожаных доспехов была аналогична металлической броне и состояла из тех же пластин, но только сделанных из многослойной кожи.

Полное защитное вооружение, принесенное в Восточную Европу, произвело огромное впечатление на европейцев. Характерно, как автор Галицко-Волынской летописи описывает удивление европейцев, встретившихся на поле боя с войском Даниила Галицкого, полностью снаряженным на «татарский манер»: «Немцы же дивящееся оружью Татарскому ... людье во ярыцех, и бе полков его светлость велика, от оружья блистающа» (ПСРЛ, 2, стлб. 814).

На начальном этапе истории золотоордынского доспеха основную часть его составляли ламеллярные доспехи, собранные из рядов мелких пластин. Но уже во второй половине XIII в. начинает активно использоваться коль-

чуга и кольчужный доспех. В XIV в. иногда, видимо, происходит их совместное использование: кольчуги как нижнего и пластинчатого как верхнего доспехов. Тем не менее кольчуга постепенно вытесняла пластинчатую броню.

Абсолютным новшеством стало изобретение восточных оружейников последних десятилетий XIV в., которые придумали соединять железные пластинки не ремешками, а железными колечками. Очень быстро кольчато-пластинчатый доспех завоевал ведущие позиции на всем Среднем и Ближнем Востоке, в Восточной Европе, где получила название «бехтэр» («наилучший», «совершенный»). Его функциональные свойства – прочность, гибкость, относительная легкость – были непревзойденными, но сложность в изготовлении делала ее достоянием исключительно знатных воинов.

Зато очень распространенным – ввиду простоты изготовления и высоких защитных свойств – стал принесенный монголами доспех, чья основа из мягких материалов была подбита с изнанки железными пластинами. Обычно это были чешуйчатые панцири – куяки, а также прототипы европейских бригадин из крупных стальных пластин.

Также распространились принесенные монголами створчатые кованые наручи, а также и кольчато-пластинчатый набедренник. Кованые створчатые поножи также получили кольчужные соединения. Надо отметить, что именно ордынские изобретения XIV в. послужили сложению полного кольчато-пластинчатого доспеха, распространенного на Ближнем и Среднем Востоке в XV–XVII вв., повлиявшего на развитие доспеха на Руси, в Речи Посполитой и в Венгрии.

Относительно шлемов можно сказать, что здесь традиции, принесенные монголами в Восточную Европу, полностью возобладали. Среди археологических находок мы встречаем обычно шлемы именно с монгольскими признаками – козырьками, шпильями, с увенчанием кольцами для привязывания ленты. Но технически шлемы становились совершеннее: теперь их сваривали из околыша и трехдвух- или даже односоставной тульи. Характерным ордынским признаком была отделка края околыша или соединительных накладок частой насечкой зубилом (Gorelik, 1979; Горелик, 2002; Горелик, 2012, с. 84–108). Уже к середине XIII в. на основе центральноазиатских, местных и ближневосточных традиций формируются новые системы защиты лица

воина. Во-первых, это полумаска с наглазниками и наносником, а во-вторых, забрало в виде маски-личиной. Все известные золотоордынские забрала одного типа – изображают лицо с миндалевидными, окаймленными выпуклыми веками, глазами, с бровями вразлет, приоткрытым, чуть «улыбающимся» ртом, огромным горбатым носом и чаще всего загнутыми вверх остроконечными длинными усами. Иногда отковывалась борода, прикреплялись на шарнирах литые из бронзы уши. Этот тип забрала стал настолько популярен на мусульманском Востоке, что воспроизводился в северо-западном Иране, в восточной Анатолии, на Кавказе в XV–XVI вв.

Воины Золотой Орды полностью восприняли монгольский прутяной щит. В Прикубанье в середине XIII в., с появлением в причерноморско-приазовских владениях Улуса Джучи итальянских колоний, восприняли западноевропейскую систему оковки железом органической основы щитов. Так появились круглые умбоны, крепившиеся к основе наложенными крестообразно полосками железа, чьи концы расплющивались, пробивались, и в отверстия вставлялись заклепки с кольцами, к коим привязывались шнуры или ремешки рукояти. Края умбонов по золотоордынской ремесленной традиции также отделаны зубчатой насечкой. Иногда они дополнялись радиальными оковками из прутьев железа, расплющенных в местах приклепывания к основе. Подобная система укрепляла не только прутяные щиты монгольского типа, но и дощато-кожаные. Надо сказать, что с течением времени подобные прутяные щиты возобладали на всем Востоке – от Тибета до Турции и от Китая до Египта (Горелик, 2004, с. 182–195).

Значительные изменения произошли в XIII в. в экипировке и защитном снаряжении коня. Седло облегчалось, а узда усложнялась за счет использования центральноазиатских элементов – железных деталей. В конском доспехе нашла применение кольчуга (на толстой мягкой подкладке). А с появлением кольчато-пластинчатой брони она стала лучшей защитой боевого спутника знатного татарского батыра. Еще чаще применялся доспех кожаных пластинок и полос, а особенно толстостеганные панцири из мягких материалов. Характерно описание подобного типа вооружения, оставленного Галицко-Волынской летописью: «Немци же дивящееся оружью Татарьскому беша бо кони в личинах, и в коярах кожаных» (ПСРЛ, 2, стлб. 814). Крытые узорными тканя-

ми, обшитые металлическими пластинками, окаймленные бахромой и кистями, такие мягкие доспехи могли украсить коня и весьма знатной особы. Конский доспех всегда включал в себя маску-налобник – «личину». Его изготавливали из кованого железа или твердой кожи. Кожу расписывали, а железо гравировали узорами. Железную маску также могли оклеить узорной кожей. Дополняли убор коня наузы, плюмажи, кисти и металлические подвески узды и сбруи.

Итак, мы видим, что оружие Улуса Джучи, в котором традиции, принесенные монголо-татарами с Востока, наложились на ремесленную и воинскую традицию Восточной Европы, активно развивалось на протяжении XIV–XV вв. и выработало целый ряд оригинальных боевых средств, новых типов оружия и воинского снаряжения, которые получили поистине мировое признание на огромных просторах Азии и Европы, вызвав целый ряд подражаний и заимствований. Все это существовало как единая система боевых средств и защитного снаряжения, которая тем не менее, в силу сословно-социального характера военной организации, несомненно, должна была ранжироваться по статусам внутри войска. Различное распределение набора оружия внутри общего комплекса вооружения – практика весьма характерная для Средневековья, когда социально-сословный ранг, по существу, совпадал с имущественным. Но для того, чтобы понять систему этого распределения по сословным полюсам, необходимо его проанализировать по доступным источникам.

4. Комплекс вооружения Улуса Джучи: рода войск и социальное ранжирование.

В последнее время было предпринято несколько попыток составить систему распределения различных комплексов защитного вооружения и оружия по погребальным комплексам. Выше уже указывалось, что вполне естественной выглядит попытка понять систему распределения оружия по естественным выборкам археологического материала. Таковыми для периода Улуса Джучи являются погребальные памятники второй половины XIII – конца XIV в. Однако полная и системная характеристика этого материала для его сопоставления с другими массивами источников оказалась довольно трудной для составления и анализа.

Связано это с целым рядом объективных причин. С одной стороны, огромная территория евразийской империи содержит тысячи

погребальных памятников, не все из которых достаточно скрупулезно описаны, многие коллекции разбросаны по десяткам музеев и собраний, далеко не все изданы достаточно полно.

С другой стороны, следует подчеркнуть, что многие регионы Улуса Джучи еще с более раннего времени являлись зонами распространения мировых религий (например, Болгарский улус, Крым, Дербент, Хорезм), а уже с конца XIII в. ислам проникает в среду населения степной части Улуса Джучи. При этом ислам распространяется именно в среде татарской клановой аристократии Сарая. Неудивительно, что уже с этого времени в Волго-Уральском регионе начинают встречаться курганы с погребениями западной ориентировки без всякого инвентаря (Федоров-Давыдов, 1966, с. 161 и сл.). Интересно, что подобные захоронения выявлены не только близ крупных городов, но и степном Заволжье (см.: Кригер, 1984, с. 106, рис. 1, 1–2, 3, 5–6). Вообще подобные погребения составляют незначительный процент от всех курганных погребений в Поволжье (не учитывая городских грунтовых некрополей) – до 5% (в склепах или в склепах под курганами), но особенно много, до 8%, в Южном Приуралье, что свидетельствует, очевидно, о сравнительно позднем проникновении в среду местной знати ислама. При этом следует учитывать, что значительный процент умерших был погребен в простых ямах, из которых более 30% относится к числу безинвентарных, а в 12–20% соблюден обряд кыблы (см.: Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998, с. 262–267, 292–297, табл. VII, XII, XVI). Из этого становится ясно, что влияние ислама на кочевое население уже в конце XIII – начале XIV вв. было довольно значительным (Гарустович и др., 1998, с. 272, 276–277), а с конца XIV в. языческие погребения в степях Улуса Джучи практически исчезают, сменяясь мусульманскими. Все это не может не исказить и вносить определенные коррективы во все попытки составить картину распределения вооружения по данным погребальных памятников.

Но, принимая во внимание все подобные допущения и понимая их относительный характер, составление картины распределения оружия по погребениям просто необходимо для выявления общей картины распределения наборов оружия.

Одной из первых попыток подобного рода стала работа Т.М. Потемкиной, в которой

она проанализировала 159 погребений северопрichernоморских и северозападнокавказских степей с находками оружия и защитного доспеха (Потемкина, 2013–2015, с. 66–81), из них 122 погребения датировались XIII–XIV вв. Из этих комплексов 91 (57,2%) сопровождалась находками остова коня, из которых почти 50% – это целая туша или даже 2–3 скелета лошадей. В значительной части этих погребений найдены колчан и стрелы (117 – 79,1%), детали лука (42 – 28,4%), сабля (101 – 68,2%), кинжалы (11), булава (5), топор (4). Из защитного вооружения обнаружены кольчуги (138 погребений, в двух погребениях – по 2, или 7% от 1960 погребений), шлем (83, т. е. 4,2% от общего числа погребений), а в 62 случаях кольчуга вместе со шлемом. По данным автора, в 1960 позднекочевнических погребениях (т. е. X–XIV вв.) полный защитный доспех встречен в 8,1% погребений, тогда как сабли встречаются в два раза чаще (Евглевский, Потемкина, 2000, с. 120; Потемкина, 2013–2015, с. 67). Чаще всего, погребенный одет в кольчугу (из 91 в 57 случаях (62,6%)), а в 22 случаях у него на голове был шлем.

К сожалению, из этого анализа не совсем понятно распределение вооружения и защитного доспеха именно в золотоордынское время, но, очевидно, что общий процент погребений с защитным вооружением должен колебаться около 8%. При этом следует заметить, что сабли встречаются в два раза чаще, чем защитное вооружение, что должно свидетельствовать о чрезвычайной ценности доспеха (кольчуг и брони) и шлема, даже по сравнению с саблей, которая явно была важнейшим символом принадлежности к военно-служилому сословию.

Другая выборка на материалах могильников степного Предкавказья, в степном Прикубанье, в Ставрополье была предпринята В.Н. Чхаидзе и И.А. Дружининой. Были проанализированы 68 могильников, в которых открыто 158 погребений (Чхаидзе, Дружинина, 2013, с. 171–178), из них в 126 выявлен погребальный инвентарь, из которых в 92 мужских погребениях найден различный набор оружия. Более подробный анализ позволил авторам выделить четыре группы воинских погребений: I (29 погребений – 30,8%) – тяжеловооруженная конница с защитным доспехом (кольчуги, шлемы, наручи, поножи), а также полный набор оружия ближнего и дальнего боя; II (30 – 32%) – конница без защитного вооруже-

ния, но с полным набором рубящего оружия и оружия дальнего боя, III (27 – 28,7%) – легкая конница, вооруженная только луком и стрелами, IV (8 – 8,5%) – легкая конница, вооруженная только саблями (Чхаидзе, Дружинина, 2013, с. 173–174). Это дает основания им полагать, что структура военной организации войска Улуса Джучи состояла из контингентов, в котором тяжело- и средневооруженные конники (группы I и II) составляли в общей сложности 62,8% (Чхаидзе, Дружинина, 2011; Чхаидзе, Дружинина, 2013, с. 173–174).

Не подвергая сомнению вычисления, предлагаемые авторами, следует еще раз подчеркнуть, что никакая подобная статистика не отражает не только структуру войска Улуса Джучи, но и не является релевантным отражением комплекса вооружения золотоордынского периода. Во-первых, подобная статистика сравнительно мала и ограничена территориально, чтобы быть представительной, и могла бы претендовать на общеордынский характер. Во-вторых, средневековое войско, состоящее на 60% из одних рыцарей, – это исторический нонсенс, который не может быть признан релевантным. В-третьих, население Западного Предкавказья уже с эпохи Античности отличалось от соседних территорий повышенной вооруженностью, что вызвано особым образом жизни этих социумов, веками профессионально занимавшихся военным делом, причем не только в пределах этого региона, но и далеко за его пределами. В истории довольно много подобных примеров, чтобы это вызывало много сомнений в существовании подобной практики. Например, курды и турки, выполнявшие роль гулямов на Ближнем Востоке, раджупуты, а позднее сикхи и гуркхи в Индии и за ее пределами. Собственно говоря, черкесы/черкасы также стали синонимом военной гвардии и пограничной стражи как в Египте («черкесские мамлюки»), так и в разных регионах Восточной Европы (см.: Бубенок, 2004, с. 190–268). Иными словами, подобная повышенная вооруженность населения Западного Предкавказья явно свидетельствует не столько о социальной стратификации (даже 30% аристократии – это величина небывалая даже для Японии, а на Кавказе такое количество знати население просто бы не прокормило), сколько об ее отсутствии. Не имеет принципиальной разницы то, что в одних погребениях положены сабли, а в других – сабли и стрелковые наборы, поскольку сабля сама по себе чрезвычайно дорогое

и статусное оружие, превышающее остальной набор оружия и уступающее по ценности только защитному доспеху. Различия в распределении оружия в этих группах могут носить возрастной, статусный, семейно-родовой или другой характер. Гораздо важнее, что в Улусе Джучи выявлен особый регион, который являлся поставщиком профессиональных военных, которые в силу относительной перенаселенности должны были наниматься на воинскую службу, чтобы поддерживать свои родовые сообщества, а при возможности старались накопить средства, чтобы, возвратившись домой, завести семью и вести безбедную жизнь.

Более полную и обширную выборку погребений из степной части Улуса Джучи собрал В.А. Иванов (Иванов, 2020). Хотя автор упорно считает все это население кочевническим и степным, значительная и часто наиболее богатая часть этих погребений происходит из могильников, расположенных близ столичных мегаполисов Улуса Джучи в Нижнем Поволжье, что заставляет считать, что определенная часть аристократии, проживавшая в городах, сохраняла до середины XIV в. прежние поминально-погребальные традиции.

Всего автором было проанализировано 1273 погребальных комплекса, из которых 477 (37,4%) содержали предметы вооружения. Из всего этого количества значительная часть (41,5% от всех погребений с оружием) содержит только один сохранившийся предмет оружия (берестяной колчан, наконечники стрел, сабля, наконечник копья и т. д.). Из остальной массы погребенных выделяется группа погребений со стрелковым набором (стрелы и колчан) (145 – 30%), а также 25 погребений с накладками на лук и стрелами (5,2%), и еще 136 – только с наконечниками стрел (28,5%). Всего эта группа погребений со стрелковыми наборами составляет 306 (64%) погребений. Другая явно выделяющаяся группа – это погребения с защитным доспехом (шлем, доспех) с различным набором метательного оружия (наконечники стрел и детали лука) и оружия ближнего боя (сабли и копья) – 46 (9,6%). А если прибавить к ним погребения со специализированным оружием (сабли, копья, булавы) в разных сочетаниях со стрелковым набором, то получим еще 56 (11,7%) комплексов. Всего эти две выборки составляют 102 (21%) погребения.

Таким образом, до данным В.А. Иванова, на основе довольно представительной выбор-

ки погребений можно выделить значительную группу погребений, которая сопровождалась только стрелковым набором (64%), и группу погребений, содержащую довольно выразительный набор профессионального вооружения, включавшего доспех (около 10%), и еще примерно столько же включавшего отдельные предметы престижного вооружения (сабли, булавы, копья).

5. Комплекс вооружения воинов Улуса Джучи: основные выводы.

Подводя итог анализу комплекса вооружения, как он определяется на основе различных выборок материала из пересекающихся, но не накрадывающихся друг на друга ареалов, собранных и проанализированных разными авторами, получается примерно сходная картина. При всех оговорках на особенность выборки, представленной в трудах разных авторов, ее заведомую неполноту (которая так или иначе никогда не будет максимально полной, в силу того, что мы имеем дело с археологическим материалом) и дискретность, следует признать, что она позволяет выявить определенные закономерности в ранжировании внутри комплекса вооружения. Выделяется два полюса, которые условно можно назвать стратами военно-служилого татарского сословия. На одном значительно большем по количеству воинов сосредоточены в основном конные лучники (60–80%), изредка вооруженные дополнительным оружием (ножи, топоры, копья), а на другом – воины, снаряженные кольчугами и стальными доспехами, шлемами и вооруженные саблями, копьями, булавами, а также имеющие стрелковые наборы (от 10 до 20%). Сколь не условны эти цифры, очевидно, они вполне релевантно отражают общую картину ранжирования внутри комплекса вооружения воинов Улуса Джучи. При этом в общей системе военной организации Улуса Джучи явно выделяется регион Западного Предкавказья, где уровень вооруженности в силу различных демографических и историко-культурных причин, видимо, был явно выше, чем в других регионах. Объясняется, очевидно, особым положением этого региона как поставщика профессиональных воинов – гулямов, мамлюков и черкасов в войска различных правителей Восточной Европы и Ближнего Востока.

Разумеется, следует стремиться к наиболее полному составлению свода материалов о погребальных комплексах эпохи Улуса Джучи в Северной Евразии, но надо отдавать отчет,

что это задача практически невыполнимая, а с другой стороны, даже ее решение не изменит общей картины распределения и ранжирования комплекса вооружения.

Пока представляется, что он был достаточно полный и выразительный, пополнялся главным образом за счет собственного оружейного производства, о чем свидетельствуют предметы престижного вооружения (сабли, копья и булавы), а также передовые образцы защитного вооружения (шлемы, кольчуги, доспехи (куяки – бригандины), позднее заимствованные на Балтике и Западной Европе.

Основной воинский контингент войска Улуса Джучи составляли конные лучники, имевшие, видимо, различные облегченные типы и виды доспехов – кожаные, стеганные или комбинированные, а также вооруженные дополнительным оружием – ножами, топорами и копьями. Можно предположить, что во время крупных военных компаний они могли получать часть вооружения за счет клановой аристократии или казны, не становясь его собственниками. Вполне очевидно, что в войске Улуса Джучи, как и в армиях всех средневековых государств Евразии, подобные контингенты составляли более двух третей от общего состава войска.

Татарское военно-служилое сословие вооружалось за счет своего личного вооружения и имело полный комплект защитных доспехов, включая кольчуги, пластинчатые кюяки, шлемы, наручи и поножи. Вооружены они были тем же стрелковым набором, включавшим луки, возможно, более качественными сложносоставными луками, а также саадачными наборами, включающими колчаны с костяными обкладками, а также набор профессионального оружия – сабли, копья, булавы и кинжалы. Общее количество этих воинов составляло от 10 до 20% войска.

Возможно, кому-то кажется, что численность латной кавалерии должна быть выше, а ее процент в войске – больше. Для подобных скептических рассуждений нет абсолютно никакой почвы. Достаточно взглянуть на численность средневековых европейских армий, мы увидим постоянную практически с каролингского времени до Столетней войны численность рыцарства – 5–10% войска. Только в периоды высочайшей опасности или

напряжения сил общества этот процент мог быть выше. В то время как для Улуса Джучи процент этого степного рыцарства условно показывает значительно более высокое число военно-служилой аристократии, чем было характерно для стран Западной Европы и мусульманского Востока. Как современная армия не может состоять только из одних спецназовцев или летчиков, так и средневековое войско лишь на малую часть состояло из рыцарей.

Однако их господство на полях сражений было подавляющим. Их роль в сражении была даже большей и решающей, судя по свидетельствам современников, чем в современной войне отводится танковым дивизиям. Достаточно вспомнить эпизоды, как сотни рыцарей во время первого крестового похода наносили поражение превосходящим по численности войскам сельджукских султанов (1096–1099 гг.), а полторы тысячи бургундских рыцарей Карла Злого разогнали под Парижем десяти-тысячное крестьянское войско во время Жаке-рии (1358 г.). Сколь не мало было представителей военно-служилого сословия – рыцарей, мамлюков, гулямов – в средневековых войсках именно они решали исход сражения и именно их количество и вооруженность являлись критичными для обороноспособности страны, а ослабление их вело к неизбежным поражениям и гибели государств.

Мастерство полководца в Средние века состояло в том, чтобы измотать силы противника, заставить использовать латную кавалерию, чтобы самим нанести решающий удар своими конными копейщиками, опрокинуть фланги, смять его строй и уничтожить слабо-вооруженных воинов, чтобы в будущем лишить латников помощи и поддержки обученных отрядов конных стрелков. Именно поэтому все части войска были важны и выполняли свои функции на поле боя. Однако решающий вклад в победу всегда вносила тяжеловооруженная кавалерия. Ситуация на полях сражений стала меняться с появлением больших масс обученной и стойкой пехоты, действующей сомкнутым строем, и огнестрельного оружия. Вот тогда наступил момент истины для латной кавалерии Европы и Востока, заставивший ее резко меняться и изменять свой комплекс вооружения (Горелик, 2011, с. 47–58).

ЛИТЕРАТУРА

Артемов А.Р. Новые работы о татаро-монгольском вооружении // СА. 1989. № 4. С. 284–288.

Бобров Л.А. Шлемы «цзиньского» типа: конструктивные особенности и вопросы эволюции // История и культура Улуса Джучи. 2006. Бертольд Шпулер «Золотая Орда»: традиции изучения и современность / Отв. ред. И.А. Гилязов, И.Л. Измайлов. Казань: Фэн, 2007. С. 267–287.

Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2010. 228 с.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 776 с.

Бубенок О.Б. Аланы-Асы в Золотой Орде (XIII–XV вв.). К.: Истина, 2004. 324 с.

Воронцов И.А. Предметы ударного вооружения золотоордынского времени с территории Нижнего Поволжья // Военное дело Золотой Орды. Проблемы и перспективы изучения / Отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань: Изд-во: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 59–62.

Галкин Л.Л. Две булавы из городов Улуса Джучи (XIV век) // История и культура Улуса Джучи. 2006. Бертольд Шпулер «Золотая Орда»: традиции изучения и современность / Отв. ред. И.А. Гилязов, И.Л. Измайлов. Казань: Изд-во «Фэн», 2007. С. 288–292.

Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа: Гилем, 1998. 336 с.

Горелик М.В. Оружие и доспех русских и монголо-татарских воинов конца XIV в. // Вестник АН СССР. 1980. № 8. С. 102–103.

Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 244–269.

Горелик М.В. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии / Отв. ред. А.П. Деревянко, Ш. Нацагдорж. Новосибирск: Наука, 1987. С. 163–208.

Горелик М.В. Спорные вопросы истории средневекового оружия Евразии // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1998. С. 266–268.

Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV веков. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: Восточный горизонт, 2002. 84 с.

Горелик М.В. Об одной разновидности евразийских клинков эпохи развитого средневековья // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 2004. С. 86–101.

Горелик М.В. Халха – калкан (монгольский щит и его дериваты) // Восток-Запад: диалог культур Евразии. Культурные традиции Евразии. Вып. 4. / Под ред. А. А. Бурханова. Казань: Фэн, 2004. С. 182–195.

Горелик М.В. Золотоордынские латники Прикубанья // МИАСК. Вып. 9 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир: ЦАИ АГПИ, 2008. С. 139–159.

Горелик М.В. Золотоордынские латники Восточного Приазовья (по материалам В.Н. Чхайдзе и И.А. Дружининой) // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2010. № 1. С. 137–145.

Горелик М.В. Монгольская латная конница и её судьба в исторической перспективе // Военное дело Золотой Орды. Проблемы и перспективы изучения / Отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань: Изд-во: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 47–58.

Горелик М.В. Парадные монгольские шлемы XIII–XIV вв. // Военное дело Улуса Джучи и его наследников / Отв. ред. А.К. Кушкумбаев. Астана: Фолиант, 2012. С. 84–108.

Горелик М.В., Измайлов И.Л. Военное дело Улуса Джучи. Вооружение // История татар с древнейших времен в семи томах Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Науч. ред. М.А. Усманов. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 396–405.

Евглевский А.В., Потемкина Т.М. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1 / Гл. ред. А.В. Евглевского. Донецк: ДонНУ, 2000. С. 117–179.

Иванин М.И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане. СПб.; АО «Славия», 2003. 336 с.

Иванов В.А. Археология комплексов вооружения кочевников Улуса Джучи (Золотой Орды). // Археология Евразийских степей. 2020. №6. С. 253–278.

Измайлов И.Л. Из истории домонгольского и раннезолотоордынского защитного доспеха волжских болгар // Волжская Булгария и монгольское нашествие / сост. И.Л. Измайлов. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 87–102.

Измайлов И.Л. Военное дело Улуса Джучи. Организация войска. Военное искусство // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Науч. ред. М.А. Усманов. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 409–431. *Измайлов И.Л.* История сложносоставного лука населения Среднего Поволжья (середина VIII–XIV вв.) // Форум «Идель-Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации» I Международного конгресса / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань, 2011. С. 56–72.

Измайлов И.Л. Комплекс вооружения Улуса Джучи: от стрелы до пушек // Военное дело Золотой Орды. Проблемы и перспективы изучения / Отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань: Изд-во: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 200–203.

Измайлов И.Л. Погребально-поминальная обрядность и комплекс вооружения древнего и средневекового населения (к постановке проблемы) // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 66–85.

Измайлов И.Л. Военное искусство Улуса Джучи во второй половине XIV - начало XV в. // От Онона к Темзе. Чингисиды и их соседи. К 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского. / Ред.-сост. В.П. Степаненко, А.Г. Юрченко. М.: Издательский дом Марджани, 2013. С. 253–272.

Измайлов И.Л. Вооружение Улуса Джучи (Золотой Орды) XIII–XIV вв. в контексте истории оружия Евразии: проблемы изучения // Труды III Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / Ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдииков. Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 141–145.

Измайлов И.Л. Военная археология народов Евразии: к вопросу о содержании понятия // Археология Евразийских степей. 2017. № 5. С. 16–22.

Измайлов И.Л. Вклад М.В. Горелика в развитие отечественной военной археологии // Археология Евразийских степей. 2017. № 5. С. 240–252.

Измайлов И.Л., Недашковский Л.Ф. Находки предметов вооружения с территории золотоордынского города Укека из музеев Казани и Саратова // Из истории Золотой Орды. Казань: Изд-во «Фонд им. М. Султангалиева», 1993. С. 72–86.

Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1976. 138 с.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. III. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. Л.: Наука, 1971. 117 с.

Клейн Л.С. Археологический источник. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 119 с.

Кригер В.А. Погребения кыпчакского времени в могильниках у пос. Лебедевка Уральской области // Памятники кочевников Южного Урала / Отв. ред. В.А. Иванов. Уфа: Гилем, 1984. С. 102–116.

Кулешов Ю.А. Оборот оружия в Золотой Орде // Золотоордынская цивилизация. 2014. № 7. С. 199–251.

Кулешов Ю.А. Об одной разновидности золотоордынских боевых ножей // Золотоордынская цивилизация. 2015. № 8. С. 197–210.

Кулешов Ю.А., Абызова Е.Н. Два предмета мамлюкского вооружения с территории Молдовы как иллюстрация путей формирования золотоордынского комплекса вооружения // Военное дело Золотой Орды. Проблемы и перспективы изучения / Отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань: Изд-во: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 92–100.

Кулешов Ю.А., Ничепорук А.А. Находка уникального кинжала из могильника Жукова (к вопросу о «гражданском» оружии в Золотой Орде) // Военное дело Улуса Джучи и его наследников / Отв. ред. А.К. Кушкумбаев. Астана: Фолиант, 2012. С. 182–198.

Курмановский В.С. Сабли из позднесредневековых погребений Кубанской области в собрании отдела археологии ГИМ // Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья / сост.: И. Г. Бурцев. Тула: Куликово поле, 2014. С. 150–162.

Кушкумбаев А.К. Институт облавных охот и военное дело кочевников Центральной Азии. Кокшетау: Келешек-2030, 2009. 170 с.

Кушкумбаев А.К. Историография истории военного дела кочевников Улуса Джучи // Военное дело Золотой Орды. Проблемы и перспективы изучения / Отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань: Изд-во: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 6–22.

Кушкумбаев А.К. Комплекс ударного оружия (палицы, булавы, кистени) воинов Улуса Джучи // Военное дело Улуса Джучи и его наследников. / Отв. ред. А.К. Кушкумбаев. Астана: Фолиант, 2012. С. 199–219.

Малиновская Н.В. Колчаны XIII–XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века / Отв. ред.: А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 132–175.

Медведев А.Ф. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе // СА. 1966. №2. С. 50–60.

Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Восточная лит-ра, 1962, 938 стб.

Поло М. Книга Марко Поло. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1990. 352 с.

Потемкина Т.М. Этнокультурный контекст восточноевропейских позднекочевнических погребений с защитным доспехом // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2013–2015. № 6. С. 66–81.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Географгиз, 1957. 272 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1997. 160 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.

Худяков Ю.С. Защитное вооружение номадов Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2003. 202 с.

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Военная организация кочевников степей Предкавказья в XII–XIV веках // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова (Астрахань, 2–6 октября 2011 г.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 127–129.

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Отражение социальной стратификации в погребальной обрядности кочевников степного Предкавказья золотоордынского времени: продолжение дискуссии // Поволжская археология. 2013. №2(4). С. 171–178.

Gorilik M.V. Oriental armour of the Near and Middle East from the eighth to the fifteenth centuries as shown in works of art // Islamic Arms and Armour. London, 1979. P. 30–63.

Информация об авторе:

Измайлов Искандер Лерунович, доктор исторических наук, заведующий отделом средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ismail@inbox.ru

REFERENCES

- Artem'ev, A. R. 1989. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 284–288 (in Russian).
- Bobrov, L. A. 2007. In Giliazov, I. A., Izmailov, I. L. (eds.). *Istoriia i kul'tura ulusa Dzhuchi (History and Culture of the Ulus of Jochi)*. Kazan: "Fan" publ., 267–287 (in Russian).
- Bobrov, L. A., Borisenko, A. Yu., Khudyakov, Yu. S. 2010. *Vzaimodeistvie tyurkskikh i mongol'skikh narodov s russkimi v Sibiri v voennom dele v pozdnee Srednevekov'e i Novoe vremia (Interactions of the Turkic and Mongolian Peoples with the Russians in Siberia in the Field of Military Art in the Late Middle Ages and Modern Time)*. Novosibirsk: Novosibirsk State University (in Russian).
- Bobrov, L. A., Khudyakov, Yu. S. 2008. *Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v epokhu pozdnego srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.). (Armament and Tactics of the Central Asian and South Siberian Nomads in the Late Middle Ages and the Early Modern Time (15th - first half of 18th cc.))*. Saint Petersburg: Faculty of Filology, Saint Petersburg State University (in Russian).
- Bubenok, O. B. 2004. *Alany-Asy v Zolotoi Orde (XIII–XV vv.). (Alans-Asi in the Golden Horde (13th–15th cc.))*. Kiev: "Istina" Publ. (in Russian).
- Vorontsov, I. A. 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Voennoe delo Zolotoi Ordy. Problemy i perspektivy izucheniia (Military Affairs of the Golden Horde. Study Issues and Prospects)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences Publ., 59–62 (in Russian).

- Galkin, L. L. 2007. In Giliyazov, I. A., Izmailov, I. L. (eds.). *Istoriia i kul'tura ulusa Dzhuchi (History and Culture of the Ulus of Jochi)*. Kazan: "Fan" publ., 288–292 (in Russian).
- Garustovich G.N., Rakushin A.I., Iaminov A.F. 1998. *Srednevekovye kochevniki Povolzh'ia (kontsa IX – nachala XV veka) (Medieval Nomads of the Volga Region (Late 9th - Early 15th Centuries))*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).
- Gorelik, M. V. 1980. In *Vestnik AN SSSR (Bulletin of Academy of Sciences of the USSR)* 8. 102–103 (in Russian).
- Gorelik, M. V. 1983. In Rybakov, B. A. (ed.). *Kulikovskaya bitva v istorii i kul'ture nashey Rodiny (The Battle of Kulikovo in the History and Culture of our Country)*. Moscow: Moscow State University Publ., 244–269 (in Russian).
- Gorelik, M. V. 1987. In Derevyanko, A. P., Natsagdorzh, Sh. (eds.). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Mongolii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Mongolia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 163–208 (in Russian).
- Gorelik, M. V. 1998. In *Voennaia arkheologiya. Oruzhie i voennoe delo v istoricheskoi i sotsial'noi perspektive (Military Archaeology. Armament and Military Art in the Historical and Social Perspective)*. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 266–268 (in Russian).
- Gorelik, M. V. 2002. *Armii mongolo-tatar X–XIV vekov. Voinskoe iskusstvo, snaryazhenie, oruzhie (Armies of the Mongol-Tatars in the 10th – 14th cc. Military Arts, Equipment and Armament)*. Moscow: "Vostochnii gorizont" Publ. (in Russian).
- Gorelik, M. V. 2004. In *Voennoe delo narodov Sibiri i Tsentralnoi Azii (Military Art of the Peoples of Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 86–101 (in Russian).
- Gorelik, M. V. 2004. In Burkhanov, A. A. (ed.). *Vostok-Zapad: dialog kul'tur i tsivilizatsii Evrazii (West and East: Dialogue of Cultures and Civilizations of Eurasia)* 4. Kazan: "Fan" Publ., 182–195 (in Russian).
- Gorelik M. V. 2010. In *Batyr. Traditsionnaya voennaya kul'tura narodov Evrazii (Batyr. Traditional Military Culture of the Peoples of Eurasia)*. (1), 137–145 (in Russian).
- Gorelik M. V. 2010. In Narozhnyi, E. I. (ed.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Studies on the Archaeology of the North Caucasus)* 9. Armavir: Archaeological Research Centre of Armavir State Pedagogical Institute, 139–159 (in Russian).
- Gorelik, M. V. 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Voennoe delo Zolotoi Ordy. Problemy i perspektivy izucheniia (Military Affairs of the Golden Horde. Study Issues and Prospects)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences Publ., 47–58 (in Russian).
- Gorelik, M. V. 2012. In Kushkumbaev, A. K. (ed.). *Voennoe delo Ulusa Dzhuchi i ego naslednikov (Military Art of the Ulus of Jochi and its Heirs)*. Astana: "Foliant" Publ., 84–108 (in Russian).
- Gorelik, M. V., Izmailov, I. L. 2009. In Usmanov, M. A. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. Tom III: Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII –seredina XV (History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes. Volume 3: The Ulus of Jochi (the Golden Horde). 13th – mid. 15th cc.)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 396–405 (in Russian).
- Evglevskii, A. V., Potemkina, T. M. 2000. In Evglevskii, A. V. (ed.). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 1. Donetsk: Donetsk National University, 117–179 (in Russian).
- Ivanin, M. I. 2003. *O voennom iskusstve i zavoevaniakh mongolo-tatar i sredneaziatskikh narodov pri Chingiskhane i Tamerlane (The Military Art and Conquests of the Mongol-Tatars and Central Asian Peoples under Genghis Khan and Tamerlane)*. Saint Petersburg: "Slaviia" (in Russian).
- Ivanov, V. A. 2020. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian steppes)* 6, 253–278 (in Russian).
- Izmailov, I. L. 1988. In Izmailov, I. L. (comp.). *Volzhskaia Bulgariia i mongolskoe nashestvie (Volga Bulgaria and the Mongol Invasion)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 87–102 (in Russian).
- Izmailov, I. L. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 240–252 (in Russian).
- Izmailov, I. L. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 16–22 (in Russian).
- Izmailov, I. L. 2009. In Usmanov, M. A. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. Tom III: Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII –seredina XV (History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes. Volume 3: The Ulus of Jochi (the Golden Horde). 13th – mid. 15th cc.)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 409–431 (in Russian).

- Izmailov, I. L. 2011. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Forum «Idel'-Altai»* ("Idel'-Altai" Forum). Kazan, 56–72 (in Russian).
- Izmailov, I. L. 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Voennoe delo Zolotoi Ordy. Problemy i perspektivy izucheniia* (Military Affairs of the Golden Horde. Study Issues and Prospects). Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences Publ., 200–203 (in Russian).
- Izmailov, I. L. 2012. In *Povolzhskaya arkhologiya* (Volga River Region Archaeology) (2), 66–85 (in Russian).
- Izmailov, I. L. 2013. In Stepanenko, V. P., Iurchenko A.G. (eds.). *Ot Onona k Temze. Chingisidy i ikh sosedi. K 70-letiiu Marka Grigor'evicha Kramarovskogo* (From the Onon to the Thames. Chingissids and their Neighbours. Dedicated to the 70th Anniversary of Mark Grigorievich Kramarovsky). Moscow: "Izdatel'skii dom Mardzhani" Publ., 253–272 (in Russian).
- Izmailov, I. L. 2017. In Kradin, N. N., Sitdikov, A. G. (eds.). *Trudy III Mezhdunarodnogo kongressa srednevekovoi arkhologii evraziiskikh stepei "Mezhdu Vostokom i Zapadnom: dvizhenie kul'tur, tekhnologii i imperii"* (Proceedings of 3rd International Congress on Medieval Archaeology of Eurasian Steppes "Between the East and the West: Movements of Cultures, Technologies and Empires"). Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 141–145 (in Russian).
- Izmailov, I. L., Nedashkovskii, L. F. 1993. In *Iz istorii Zolotoi Ordy* (From the History of the Golden Horde). Kazan: M. Sultangaliev Foundation, 72–86 (in Russian).
- Kirpichnikov, A. N. 1976. *Voennoe delo na Rusi v XIII–XV vv* (Military Arts of Rus in the 13th–15th cc.). Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kirpichnikov, A. N. 1971. *Drevnerusskoe oruzhie* (Early Russian Weapons) 3. *Dospekh, kompleks boevykh sredstv IX – XIII vv.* (Armor, Military Equipment Complex of the 9th–13th cc.). Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Klein, L. S. 1978. *Arkheologicheskii istochnik* (Archaeological Source). Leningrad: Leningrad State University (in Russian).
- Kruger, V. A. 1984. In Ivanov, V. A. (ed.). *Pamiatniki kochevnikov Yuzhnogo Urala* (Monuments of nomads of the Southern Urals). Ufa: "Gilem" Publ., 102–116 (in Russian).
- Kuleshov, Ya. A. 2015. In *Zolotoordynskaya tsivilizatsiia* (The Golden Horde civilization) 8, 197–210 (in Russian).
- Kuleshov, Ya. A. 2014. In *Zolotoordynskaya tsivilizatsiia* (The Golden Horde civilization) 7, 199–251 (in Russian).
- Kuleshov, Ya. A., Abyzova, E. N., 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Voennoe delo Zolotoi Ordy. Problemy i perspektivy izucheniia* (Military Affairs of the Golden Horde. Study Issues and Prospects). Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences Publ., 92–100 (in Russian).
- Kuleshov, Yu. A., Nicheporuk, A. A. 2012. In Kushkumbaev, A. K. (ed.). *Voennoe delo Ulusa Dzhuchi i ego naslednikov* (Military Affairs of Ulus of Jochi and its Heirs). Astana: "Foliant" Publ., 182–198 (in Russian).
- Kushkumbaev, A. K. 2009. *Institut oblavnykh okhot i voennoe delo kochevnikov Tsentral'noi Azii* (The Institute of Battles and Warfare of Central Asian Nomads). Kokshetau: "Keshelek-2030" Publ. (in Russian).
- Kushkumbaev, A. K. 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Voennoe delo Zolotoi Ordy. Problemy i perspektivy izucheniia* (Military Affairs of the Golden Horde. Study Issues and Prospects). Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences Publ., 6–22 (in Russian).
- Kushkumbaev, A. K. 2012. In Kushkumbaev, A. K. (ed.). *Voennoe delo Ulusa Dzhuchi i ego naslednikov* (Military Affairs of the Ulus of Jochi and its Heirs). Astana: "Foliant" Publ., 199–219 (in Russian).
- Kurmanovsky, V. S. 2014. In Burtsev, I. G. (ed.). *Voinskie traditsii v arkhologicheskom kontekste: ot pozdnego latena do pozdnego srednevekov'ia* (Military Traditions in an Archaeological Context: From Late La Tène to Late Middle Ages). Tula: "Kulekovo pole" Publ., 150–162 (in Russian).
- Malinovskaya, N. V. 1974. In Smirnov, A. P., Fedorov-Davydov, G. A. (eds.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka* (Towns of the Volga Region in the Middle Ages). Moscow: "Nauka" Publ., 132–175 (in Russian).
- Medvedev, A. F. 1966. In *Sovetskaia Arkheologiya* (Soviet Archaeology) (2), 50–60 (in Russian).
- Ipat'evskaia letopis. (Ipatiev Chronicle). 1962. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei* (Complete Collection of Russian Chronicles) IX. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).
1990. *Kniga Marko Polo* (Book of Marco Polo). Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Potemkina, T. M. 2013-2015. In *Batyr. Traditsionnaya voennaya kul'tura narodov Evrazii* (Batyr. Traditional Military Culture of the Peoples of Eurasia). (6), 66–81 (in Russian).

Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka (The Journey of Plano Carpini and William of Rubruk to the Eastern Parts). 1957. Moscow: "Geografiz" Publ. (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Khudyakov, Yu. S. 1991. *Vooruzhenie tsentral'noaziatskikh kochevnikov v epokhu rannego i razvitogo srednevekov'ya (Armament of Central Asian Nomads in the Early and Developed Middle Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khudyakov, Yu. S. 1997. *Vooruzhenie kochevnikov Yuzhnoi Sibiri i Tsenral'noi Azii v epokhu razvitogo srednevekov'ia (Armament of the Nomads of South Siberia and Central Asia in the Developed Middle Ages)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Khudyakov, Yu. S. 2003. *Zashchitnoe vooruzhenie nomadov Tsentral'noi Azii (Protective Weapons of the Central Asian Nomads)*. Novosibirsk: Novosibirsk State University (in Russian).

Chaidze, V. N., Druzhinina, I. A. 2011. In Vasiliev, D. V., Zelenev, Yu. A., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialog of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Kazan; Astrakhan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani of the Tatarstan Academy of Sciences, 127–129.

Chaidze, V. N., Druzhinina, I. A. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 4 (2), 171–178 (in Russian).

Gorilik, M. V. 1979. In Elgood, R. (ed.). *Islamic Arms and Armour*. London., 30–63.

About the Author:

Izmailov Iskander L. Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ismail@inbox.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2020 г.
Статья принята к публикации 01.09.2020 г.

УДК 904 (470.6)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2020.6.301.315>

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ВООРУЖЕНИЯ XIII-XIV ВВ. (ЮБИЛЕЙНАЯ И ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)

©2020 г. Е.И. Нарожный

Предлагаемая статья состоит из трех небольших очерков. Первый очерк посвящен 60-летию доктору исторических наук И.Л. Измайлова. Второй очерк содержит критический обзор версии польского исследователя В. Свентославского о реальности использования татаро-монголами в битве под Легницей (1241 г.) «боевых отравляющих газов». Построенная на сведениях польского историка XV в. Яна Длугоша версия не имеет никаких серьезных оснований. Последний, третий очерк содержит обзор не всегда позитивного опыта характеристики украинским исследователем – доктором исторических наук Я.В. Пилипчуком (г. Киев) комплекса вооружения предков средневековых ингушей. Простой перечень известных категорий вооружения предков ингушей не дает ясного понимания процесса и динамики развития их военного дела, упрощая осознание всей сложности его формирования. Я.В. Пилипчук, уходя от демонстрации историографического наследия своих предшественников, допускает и неоправданные неточности. Среди них есть утверждения об использовании, например, эмиром Тимуром в Грузии «ружей и пушек». Все это превращает рассматриваемые им публикации в работы сомнительного научного качества.

Ключевые слова: юбилей И.Л. Измайлова, В. Свентославский о битве при Легнице, «боевые газы» монголов, Я.В. Пилипчук и комплекс вооружения средневековых ингушей, были ли «ружья и пушки» в войске Тимура.

THE HISTORY OF THE STUDY OF MEDIEVAL WEAPONS OF THE 13TH-14TH CC. (ANNIVERSARY AND POLEMICAL ESSAYS)

E. I. Narozhny

The paper features three short essays. The first essay is dedicated to the 60th Anniversary of Doctor of Historical Sciences I. L. Izmailov. The second essay contains a critical review of the version proposed by Polish researcher V. Sventoslavsky concerning the actual use of "combat poison gases" by the Tatar-Mongols in the Battle of Legnica (1241). Based on the information provided by Polish historian of the 15th century Jan Dlugosz, the version has no substantial grounds. The third essay contains an overview of the not always positive experience of characterization by Ukrainian researcher, Doctor of Historical Sciences Ya.V Pilipchuk (Kiev) of a complex of weapons of the ancestors of the medieval Ingush. A simple list of the known categories of weapons of the Ingush ancestors does not ensure a clear understanding of the process and dynamics of their military development, simplifying the understanding of the complexity of its formation. Ya. V. Pilipchuk, avoiding the demonstration of the historiographical heritage of his predecessors, is also subject to unjustified inaccuracies. For instance, they include claims about the use of "guns and cannons" by Emir Timur in Georgia. All this makes the publications considered by the researcher to be the works of questionable scientific quality.

Keywords: I. L. Izmailov's anniversary, V. Sventoslavsky about the battle of Legnica, "battle gases" of the Mongols, Ya.V. Pilipchuk and the complex of weapons of the medieval Ingush, whether there were "guns and cannons" in the army of Timur.

Последние два года оказались чрезмерно насыщенными различными юбилейными датами коллег, друзей (Нарожный, 2019, с. 371–393), когда в нашем лексиконе довольно часто звучали слова: «юбилей», «юбиляр». Тогда же стали появляться юбилейные статьи и заметки и т. п. За каждым из таких «жизненных рубежей» – уже значительная часть прожитой жизни и при всей магии цифр, маркирующих тот или иной юбилей, – это лишь очередная «ступенька», жизненный этап, момент жизни,

когда, чуть приостановившись, необходимо просто оглянуться назад и взвешенно оценить все то, что удалось сделать до нынешнего дня и что, самое главное, необходимо успеть сделать.

60-летие доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки Республики Татарстан Искандера Леруновича Измайлова – не просто повод написать несколько теплых слов в его адрес. И.Л. Измайлов – известный и давно признанный ученый, специалист, прежде

всего зарекомендовавший себя как хороший оружейвед и блестящий знаток военного дела, а также как глубокий исследователь археологии и истории Волжской Булгарии, Золотой Орды, истории и этнографии татар и Татарстана. Автор большого количества историко-археологических публикаций различного статуса, участник всевозможных научных форумов, сборов и конференций, серьезный рецензент и научный консультант, научный партнер. Несмотря на то, что большая часть нашего знакомства и взаимодействия проходит дистанционно, Искандер Лерунович всегда на связи, если нужно что-то уточнить, выяснить или же просто поделиться мнением или новостями. Несколько лет назад мы в совместном и едином порыве с И.А. Дружининой и В.Н. Чхаидзе (ИА РАН) загорелись идеей достойно почтить память московского археолога и историка М.В. Горелика, при своей жизни сыгравшего определенную роль в судьбе каждого из нас, и собрать посвященный ему сборник научных статей. Эту работу мы начали сразу же после смерти М.В. Горелика. Чуть позже появилась потребность привлечения к этой же работе и других исследователей, в т. ч. из Татарстана, и среди них, прежде всего, И.Л. Измайлова. Но обговорить эту идею с ним и А.М. Губайдуллиным удалось лишь в 2016 г., в Ялте, на международной конференции, посвященной памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. На все разговоры про сборник и его организацию ушло всего минут 15, и вскоре сборник статей не только был завершен, но и издан (Археология, 2017). И дело здесь не только в сроках или темпах этого издания – это такая черта характера Искандера Леруновича, как обязательность выполнения данного обещания, слова и дела. И она проявляется практически всегда, даже в рамках нашего преимущественно заочного общения.

Поздравляя юбиляра и присоединяясь к таким же поздравлениям друзей и коллег И.Л. Измайлова, я твердо убежден в том, что юбилей этот для него станет *очередной замечательной датой* в дальнейшей и плодотворной научно-творческой деятельности. Остается лишь искренне пожелать нашему юбиляру крепкого здоровья, научного задора и дальнейших исследовательских успехов! С юбилеем, Искандер Лерунович!

Теперь же остановимся на двух примерах изучения военной истории как татаро-монголов, так и северокавказских воинов в трактов-

ке польского (В. Свентославский) и украинского (Я.В. Пилипчук) исследователей.

2. Об использовании татаро-монголами якобы «боевых газов» в 1241 г. под Легницей

В 1998 г. в Санкт-Петербурге в сборнике тезисов докладов международной научной конференции «Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе» были опубликованы тезисы доклада польского автора В. Свентославского (г. Лодзь) (Свентославский, 1998, с. 295–297), вскоре замеченного специалистами (Кадырбаев, с. 76–98). В 2012 г. тот же доклад, но уже расширенный до объема статьи, был опубликован в первом томе возрожденного сборника «Записки Восточного отделения Русского Археологического общества» (ЗВОРАО) (Свентославский, 2012, с. 393–379). Упомянутые доклад и статья были посвящены обоснованию достаточно неожиданного и экзотического «факта» – использованию монголо-татарами «боевых отравляющих газов» против средневековых поляков в 1251 г. в битве под Легницей (Свентославский, 1998, с. 295–297; 2012, с. 393–379).

Основным источником для польского исследователя в его аргументации этой точки зрения, как он подчеркивает сам, стало «детальное и очень образное описание», принадлежащее средневековому польскому автору «Яну Длугошу в его монументальном труде, представляющем историю польского королевства». Исходя из сообщений этого источника, современный польский автор свидетельствует: весной 1241 г., «опустошив территории польских княжеств, Моравы и Венгерского королевства», монголо-татары «в двух главных битвах этой кампании» якобы «применили нехарактерные для средневекового европейского воинства методы, которые оказались столь неожиданными и эффективными, что перед ними не смогло устоять европейское рыцарство». Первый такой пример был продемонстрирован уже «11 апреля 1241 г.» в «сражении под Мохы против венгров», когда «татаро-монголы применили камнеметные машины, ставя своей целью сокрушить переднюю линию неприятеля. Это был редкий пример использования ими таких боевых машин в полевых действиях» (Свентославский, 2012, с. 373).

Специалисты считают, что «у монгольских завоевателей, обрушившихся на Северный Китай в первой половине XIII в., процесс

заимствования порохового оружия шел тем же путем, что и у их предшественников, чжурчжэней. Сообщения о первых осадах чжурчжэньских крепостей татаро-монголами свидетельствуют о применении ими *каменного оружия* опять-таки руками пленных и перешедших на их сторону китайских и чжурчжэньских артиллеристов. Когда в 1232 г. монгольская армия окружила столицу чжурчжэней Кайфэн, именно эти воины обрушили на стены города зажигательные снаряды (хо пао) и уничтожили защитные сооружения» (Школяр, 1980, с. 178). По данным китайского военного трактата «Шоу чэн лу» Чэнь Гуя, наиболее дальнобойные орудия (юань пао) могли поражать противника на расстоянии свыше 350 бу (более 535 м) (Майоров, 2016, с. 94–95). В многочисленных описаниях русскими источниками известны случаи применения татаро-монголами камнемётных машин, подобные виды осадного вооружения обычно называют вполне определенным термином – «пороки» (Каргер; 1950, с. 136–140 и др.; Майоров, 2016, с. 94–96). По мнению Н.Н. Воронина, «татарские пороки были тем решающим техническим средством, которое помогло татарам сломить героическую оборону почти всех русских городов» (Воронин, 1948, с. 468). Вполне реальным могло быть использование таких машин и в противостоянии татаро-монголов на территории Венгрии не только при осаде крепостей, но и, как подчеркивает В. Свентославский, в открытом поле, против скопления противников или его определенного порядка в его боевом построении. Как представляется, это вполне могло оказаться достаточно действенным и эффективным способом борьбы с противостоявшими татаро-монголам венгерскими и польскими подразделениями, имевшими в своем составе, например, тяжеловооруженных рыцарей.

Второй пример В. Свентославского – это описание поражения, нанесенного полякам «9 апреля 1241 г.» в «битве под Легницей» при «помощи боевых газов» и якобы «этот факт детально и очень образно был описан польским летописцем Яном Длугошем в его монументальном труде, представляющем историю польского королевства» (Свентославский, 2012, с. 373).

Я. Длугош, на чьих свидетельствах строится данный «факт», описывал ситуацию так: «Поляки не уступали и стремились победить. В течение некоторого времени обе армии вели ожесточенную борьбу между собой. Когда в

ней погибла значительная часть выдающихся татар, поляки чуть не достигли полной победы. Татары, когда поредели их ряды, начали думать о бегстве. В татарской армии среди флагов был один, огромный, на котором был нарисован знак «Х». На верхушке древка этого флага было подобие отвратительной головы с заросшим подбородком. Когда татары, чуть отступив, пустились в бегство, знаменосец этого флага начал как можно сильнее трясти древко с головой, торчащей высоко на нем. Повалили из головы тотчас и распространились над всей польской армией пар, дым и мгла с отвратительным запахом. От этого невыносимого зловония сражающиеся поляки теряли сознание и, еще живые, ослабевали и становились неспособными к борьбе. Известно, что татары с начала своего существования и до настоящего времени всегда применяли в войнах искусство предсказаний, гаданий и чар. Применили его также в то время в борьбе с поляками» (цит. по: Свентославский, 2012, с. 374). На этом основании В. Свентославский делает следующий вывод: «Итак, польский летописец сохранил свидетельство об оружии татаро-монголов, неизвестном в тогдашней Европе, которое, скорее всего, представляло собой боевые газы. Реальность того польский историк объясняет так: «Монголы, будучи соседями Китая, могли именно оттуда перенять дымный порох и другие химические смеси, пригодные для использования во время боевых действий». Далее, ссылаясь на работы предшественников, например, на уже цитированную выше книгу С.А. Школяра (Школяр, 1980), польский исследователь пишет: «Китайские и японские письменные источники говорят о применении монголами уже в XIII в. пороха, петард и снарядов с воспламеняющимися смесями против осаждаемых крепостей» (Свентославский, 2012, с. 374). Но другие авторы пишут: сообщения о первых осадах, например, «чжурчжэньских крепостей татаро-монголами свидетельствуют о применении ими камнемётного оружия опять-таки руками пленных и перешедших на их сторону китайских и чжурчжэньских «артиллеристов». Когда в 1232 г. монгольская армия окружила столицу чжурчжэней Кайфэн, именно эти воины обрушили на стены города зажигательные снаряды (хо пао) и уничтожили защитные средства осажденных. Однако сами монголы очень боялись порохового оружия чжурчжэней, и это послужило основной причиной их первого отсту-

пления от крепости». Но уже через год татаро-монголы в союзе с сунскими войсками окружили последнюю столицу чжурчжэней, Цайчжоу, и осаждающие вновь применили снаряды хо пао, которыми сожгли настенные башни (Школяр, 1980, с. 178). Однако и эти уточнения вряд ли в пользу предположения В. Свентославского, впрочем, как и приводимые им этнографические свидетельства об использовании монголами дыма и пр. Интересно, что другой польский исследователь Г. Лабуда указывает на несколько известных сражений поляков с татаро-монголами, когда в январе 1241 г. татаро-монголы «прорвались к Висле, заняв Люлин и Завихост, отказавшиеся признать их власть», а один «из их отрядов проник до Рацибужа». Второй удар (февраль 1241 г.) «был обращен на Сандомир» – один из «главных опорных пунктов поляков на Висле». Тогда же (13 февраля 1241 г.) в сражении под Турском поражение потерпело и малопольское рыцарство. Затем татаро-монголы отходят назад, но «около 10 марта 1241 г. войска Байдара переправляются через Вислу, вновь оказавшись у Сандомира. Отсюда отряд Кайду отправляется в направлении Ленчицы с последующим выходом к Кракову; сам Байдар совершает рейд до Кельц. Прикрывая путь на Краков, польские отряды краковского воеводы Владимежа и сандомирского воеводы Пакослава 18 марта были разбиты под Хиельником. Воевода Владимеж погибает. Князь краковский и сандомирский – Болеслав Стыдливый с матерью (русской княгиней Гремиславой Ингваровной) и семьей покидает малопольскую столицу, укрывшись в Венгрии. 28 марта 1241 г. падет Краков.

Соединившись, отряды Байдара и Кайду, через Рацибурж и Ополе прорываются к столице Шленска – Вроцлаву. Жителей Шленской земли к обороне призвал князь Генрих Благочестивый. Воины из Малой Польши и южной части Великой Польши объединяются под воеводством Сулислава, брата краковского воеводы. Во главе верхнешленского воинства стал опольский Мешко; сам Генрих вел нижнешленское войско. Еще один отряд составляли иностранные рыцари, включая французских тамплиеров¹ и др.² Всем

¹ В письме их великого магистра Понсе д'Обога французскому королю Людовику IX сообщалось, что в битве под Легницей тамплиеры потеряли более 500 человек, в т. ч. были и 6 рыцарей (Пашуто, 1977, с. 217).

² Есть сведения о нахождении в отряде горняков из Злотой Гожи. Не исключается и нахождение в этом

войском руководил, «должно быть, Болеслав – сын моравского маркграфа Дипольда». 9 апреля Генрих, шедший на соединение с чехами в битве, принял участие на Добра Поле под Легницей, в которой, как известно, погибло множество воинов, включая и Генриха (Пашуто, 1977, с. 216–217). Однако ни в этом перечне событий, как и в других, нет даже намека на то, что впоследствии описывал Я. Длугош.

Мы не случайно так подробно остановились на вышеотмеченных аспектах завоевательной кампании первой пол. XIII в., поскольку ни в Восточной Европе, ни в более западных регионах, в т. ч. и в случаях, когда татаро-монголам приходилось по несколько недель или даже месяцев осаждать многочисленные города, нести людские потери и пр., разные по своему происхождению и различающиеся по степени своей информированности известные письменные источники ничего подобного не сообщают.

В. Свентославский почти сразу же и не без оснований совсем не исключает того, что: «некоторые сомнения может возбудить то обстоятельство, что эта летопись (Я. Длугоша – Авт.) возникла в середине XV века, т. е. уже два века спустя после сражения при Легнице». Однако, ссылаясь на мнение своих предшественников, польский автор полагает: «Как убедительно показал Г. Лабуда, Длугош писал о татаро-монгольском вторжении XIII в. в польские княжества на основе утраченной к настоящему времени летописи, в которой были записаны донесения непосредственных участников этих трагических для поляков событий» (Свентославский, 2012, с. 393). Не исключая реальности предположений об источниках информированности Я. Длугоша, тем не менее заметим: описание битвы под Легницей в других и более ранних сведениях не дают никаких оснований буквально доверять рассматривавшимся деталям их пересказа в версии Я. Длугоша, что и версию В. Свентославского делает фантастической.

Тем не менее сегодня можно встретить другие, не менее «интересные» версии о характере татаро-монгольского вооружения, впрочем, как и населения, например, в состав Золотой Орды так и не вошедшего, но испытывавшего сильное воздействие военного дела же отряде и небольшого количества немецких рыцарей, которые еще в 1222 году от князя Генриха Бородатого небольшое селение Лососево (Lassusici) в Бенлевице. Князь Генрих обратился за помощью к чешскому королю Вацлаву I (1228–1253 гг.), пообещавшему привести войско (Пашуто, 1977, с. 217).

Золотой Орды на свой собственный комплекс вооружения.

3. Я.В. Пилипчук о вооружении половцев, средневековых ингушей и войск эмира Тимура

В последние несколько лет историография исследований, связанных или посвященных разностороннему изучению золотоордынского периода истории Евразии, существенно расширилась, значительно увеличив и объем существующих библиографических обзоров (например: Золотая Орда..., 2013). Отмечая данный факт, укажем и на заметное увеличение работ, затрагивающих различного рода проблемы истории формирования и эволюционного развития комплекса вооружения XIII–XV вв. не только татаро-монголов, но и разных средневековых народов, оказавшихся в системе политико-экономического диктата Золотой Орды или же в контексте ее прямого либо опосредованного воздействия. Среди относительно новых по времени публикаций, связанных с изучением истории военного дела разных средневековых обитателей Евразии, мы обратили внимание лишь на несколько отдельных статей научного сотрудника отдела евразийской степи Института востоковедения им. А.Ю. Крымского и одновременно преподавателя кафедры истории и археологии славян Института исторического образования Национального педагогического университета им. М.П. Драгоманова (г. Киев, Украина), ныне д.и.н. Я.В. Пилипчука. Не останавливаясь на общей характеристике необычайно широкого (почти всеобъемлющего) спектра научных интересов, «всеохватывающе» пытающегося «отметиться» в рамках той или иной научной проблемы, здесь будет достаточным солидаризироваться с мнением других российских востоковедов Д.М. Тимохина и В.В. Тишина. Рецензируя одну из монографий украинского коллеги, они вполне справедливо подчеркнули: «Я. В. Пилипчук хорошо известен научной публике как весьма плодовитый автор с довольно широким кругом интересов – как в хронологическом, так и в региональном диапазоне – начиная от киммерийцев и скифов и заканчивая берберами и бурятами. В своих статьях он касается также довольно разнообразного круга вопросов – от миграций кочевников до политогенеза и дипломатии» (Тимохин, Тишин, 2020, с. 212) и не только. Неоднократно Я.В. Пилипчук касался и вопросов характеристики роли войн в жизни кипчаков (Пилипчук, 2011, с. 12–17),

распространения среди кипчаков системы наёмничества (Пилипчук, 2012а, с. 337–346), особенностей воинского искусства кипчаков (Пилипчук, 2013, с. 187–209), а также специфики комплекса вооружения кипчаков (Пилипчук, 2012, с. 26–31), не говоря уже о военном деле финно-угров, обитателей Северного Кавказа и т. д. В качестве одного из примеров подобной характеристики, опубликованной украинским коллегой, является обобщающий обзор особенностей вооружения средневековых нахов³ Северного Кавказа, опубликованный им в одном из журналов Грузии. Небольшой отрывок этой статьи содержит оценку комплекса вооружения населения высокогорной Ингушетии преимущественно XIII–XV вв.

Среди множества дискуссионных аспектов рассматриваемых им проблем истории Я.В. Пилипчук утверждает: «В горную Ингушетию бежали кыпчаки, не желавшие покоряться монголам» (Пилипчук, 2019, с. 133). Несмотря на отсутствие соответствующей (и не только в этом случае) ссылки, подкрепляющей это утверждение, источник такой информации все же устанавливается и связан он с мнением М.В. Горелика (Горелик, 2011, с. 82), при помощи которого М.В. Горелик объяснял наличие в защитном вооружении горцев горной Ингушетии явных «степных» элементов, включая и металлические нагрудные бляхи (Нарожный, 2003, с. 245–274; Нарожный В., Нарожный Е., 2009, с. 373–387), до этого хорошо известные по их изображениям на половецких статуях. Но существует и другая точка зрения на этот счет, на следы явно тюркского влияния на горцев⁴ высокогорной Ингушетии⁵ и в особенности на их комплекс вооружения, явное предпочтение отдающая отнюдь не половцам, а тюркским мигрантам, в силу конкретных политических обстоятельств переместившимся на Северо-Восточный Кавказ с территории Северо-Западного Кавказа (Нарожный, Нарожный, 2009, с. 376).

Ошибочным является и утверждение украинского коллеги и о том, что «стиль жизни предков ингушей был кочевническим»,

³ Этим названием Я.В. Пилипчук именуует предков средневековых чеченцев и ингушей.

⁴ Обозначение средневековых предков ингушей «нахами» проблематично (Крупнов, 1971, с. 23–24 и сл.)

⁵ С географической точки зрения, эта территория все-таки Восточное Придарьялье.

поскольку в конкретных ландшафтных условиях высокогорья они не только «выпасали скот» (Пилипчук, 2019, с. 133), но занимались они террасным земледелием, охотой, собирательством, кузнечными промыслами и пр. Известны примеры развитой деревообработки, косторезного ремесла и даже керамического производства (Нарожный В., 2012; Нарожный В., Нарожный Е., 2013, с. 321–324 и др.). Без конкретизации хронологии «несколькоэтажных боевых башен», которые «защищали их» (Пилипчук, 2019, с. 133), утверждение выглядит как минимум спорно, т. к. такие башни относятся не к XIII–XV вв. Несмотря на существование у кавказоведов разных точек зрения на этот счет, время появления именно «боевых башен» в высокогорной Ингушетии, не только по наличию у них бойниц, явно предназначенных для огнестрельного оружия (Чахкиев, 2019, с. 153–172), гораздо более позднее. Это, кстати, ныне подтверждает и использование для их датирования различных современных естественнонаучных методов (Результаты, 2015).

Рассматривая различные формы и средства «политической активности» горцев высокогорной Ингушетии, Я.В. Пилипчук попытался охарактеризовать известный ему комплекс вооружения горцев высокогорной Ингушетии, справедливо его представление начав с упоминания «защитного вооружения ингушей». Оно, отмечает наш коллега, включало в себя «конические и сфероконические шлемы»; фактически идентифицируя их с такими же боевыми наголовьями, чуть ранее отмеченными им у кипчаков (Пилипчук, 2012, с. 26–31). Но здесь необходимо более конкретное представление не такой уж и многочисленной коллекции шлемов из горной Ингушетии, кстати говоря, использовавшихся на протяжении довольно широкого временного диапазона. Тем самым указанное Я.В. Пилипчуком «подразделение» шлемов Ингушетии на две группы – явное упрощение, к тому же не дающее реального представления об образцах боевых наголовий из Ингушетии, их статистике, типологии и пр. Лишь отчасти она может быть сопоставлена с «половецкими» боевыми наголовьями с территории Северного Кавказа (Сальников, 2017, с. 91–106⁶; Дмитриев, Нарожный, 2019, с. 608, рис. 6).

⁶ Данная статья А.В. Сальникова, к сожалению, имеет некоторые неточности, в т. ч. связанные и с обозначением авторства тех или иных рисунков шлемов.

Шлемы из высокогорной Ингушетии, несмотря на эпизодичный характер их находок, более разнообразны – среди них есть шлемы с высоким стреловидным шпилем (Чахкиев, Нарожный; 1990, с. 140–141), а также шлем, полностью изготовленный из кольчужной сетки, но с наверхием, ныне хорошо известным в Золотой Орде (Мужухоев, Нарожный, Чахкиев, 2017, с. 77–185), и др. (Нарожный В., Нарожный Е., 2012, с. 173–183) и т. д. Такое их разнообразие, к примеру, позволяет более детально и определенно рассматривать причины и пути распространения таких шлемов в высокогорье региона.

Что касается упоминаемых, причем опять без хронологических привязок, «мисюрок» из Ингушетии, известных более по музейным фондам и иллюстративному материалу (Чахкиев, 2019), то они, как и «стеганные шапки» из Ингушетии (Пилипчук, 2019, с. 133), ныне хорошо известны не только по изобразительным материалам XVIII–XIX вв. (Студенецкая, 1989, с. 21, рис. 1), но и в качестве археологического материала. Другими словами, мисюрки и стеганные («дольчатые») шапочки – это артефакты из воинского снаряжения совершенно иной исторической эпохи.

Немного странно выглядит упоминание Я.В. Пилипчуком просто «бармиц», опять-таки без хронологической привязки; бармицы из Ингушетии сопровождали большинство из известных там шлемов либо же, при отсутствии бармицы, шлемы имели следы различного ее крепления к шлему. Бармицы известны на шлемах тоже на длительном отрезке времени (до XIX в. включительно), что Я.В. Пилипчуку было необходимо оговаривать.

Другие разновидности защитного вооружения, упоминаемые Я.В. Пилипчуком, – «кольчатые панцыри, кольчуги, известные из Ингушетии, но и они очень разнообразны (Нарожный, 2011, с. 82–85; Чахкиев, 2019) и использовались в военной практике довольно широко, вплоть до окончания «Кавказской войны» XIX в. Археологические их дериваты немногочисленны, но все-таки известны (Нарожный, Нарожный, Чахкиев; 2005, с. 302, рис. 3, 17–22, с. 304, рис. 5, 1; Нарожный, 2011, с. 82–85; Чахкиев, 2019, с. 105–122). Из высокогорья Ингушетии известны и находки остатков пластинчатого доспеха (Нарожный, 2011, с. 82–85).

Я.В. Пилипчук справедливо упоминает использование в защитном вооружении средневековых ингушей налокотников, кото-

рые, хотя и эпизодически, в разные годы были встречены в погребальных комплексах высокогорной Ингушетии не только XIII–XV (Нарожный, Чахкиев, 1990, с. 129–141), но и вплоть до окончания «Кавказской войны», впрочем, как и «боевые перчатки» (Чахкиев, 2019, с. 146–152), отмеченные нашим украинским коллегой, правда, опять-таки без конкретной или же относительной хронологической привязки.

Немногочисленны и находки остатков щитов, также справедливо упомянутых Я.В. Пилипчуком в арсенале горцев Ингушетии. Но, как и в других случаях, простая констатация данного факта, без каких-либо хронологических и видо-типологических оговорок таких находок, вслед за нашим украинским коллегой побуждает считать такие щиты из Ингушетии, скорее всего, идентичными «половецким щитам» из описаний вооружения половцев тем же автором, хотя это далеко не так. Остатки щитов из Ингушетии (Д.Ю. Чахкиев учел 6 таких образцов) – позднесредневековые (Чахкиев, 2019, с. 136–145). Остатки металлической обивки внешней поверхности и центральная мишень еще одного щита из раскопок Келийского могильника в Ингушетии (Нарожный, Чахкиев, 2003, с. 42) позволяют датировать этот щит XIII–XIV вв.; его М.В. Горелик соотносил с другими известными образцами с территории Северо-Западного Кавказа (Горелик, 2008, с. 158–189), где они сосредоточены более количественно (обзор находок: Дмитриев, Нарожный, 2019, с. 623–624). Сначала М.Л. Стрельченко, а затем В.А. Тарабанов, Р.Б. Схатум, М.В. Горелик, Д.Э. Василенко, а вслед за ними и другие авторы – Л. Ильюков, Л.Э. Голубев, М.Ю. Федосов, Ю.Н. Федосова настаивают на сугубо адыго-черкесской атрибуции данной категории защитного вооружения. Тем не менее близкие и более ранние остатки типологически близких щитов известны и на территории Поросья (Dąbrowska, 1958, с. 158–159; Орлов, Моця, Покас, 1985, с. 13–14 и др.), что позволяет появление и распространение таких типов щитов на Северном Кавказе связывать с расселением здесь уже во второй пол. XIII в. черных клобуков (Нарожный, 2010, с. 94–95; Дмитриев, Нарожный, 2019, с. 599–641). Учет этих обстоятельств явно противоречит «картинам» политической активности средневековых предков ингушей в золотоордынское время.

Продолжая свою собственную характеристику набора вооружения средневековых предков ингушей, Я.В. Пилипчук утверждает: «Вооружены ингуши были луками со стрелами» (Пилипчук, 2019, с. 133), с чем не поспоришь. Однако коллега из Киева вновь игнорирует существующие работы своих предшественников на этот счет (Мамаев, Чахкиев, Даутова, 1983, с. 44–80), что не позволило бы вести речь о разных «конструктивных» особенностях луков XIII–XV вв. из Ингушетии, их размерах, «дальнобойности», способах стрельбы из них, как и в представлении о типологической вариативности наконечников стрел. Не учитывает Я.В. Пилипчук и других специальных исследований своих предшественников, изучавших в т. ч. и упоминаемые им «однолезвийные мечи» из горной Ингушетии (Пилипчук, 2019, с. 133), впрочем, как «сабли», кстати говоря, имеющих свои видо-типологические и хронологические особенности – степень кривизны лезвий, особенности перекрестий, оформления рукоятей, ножен и креплений на них. К сведению указанного автора укажем и на сходство некоторых сабель из Ингушетии с саблями из соседних территорий Чечни и Грузии (Нарожный В., Нарожный Е., Чахкиев Д., 2005, с. 291–304 и ср.: Мамаев Р., 2013, с. 74–84; Tsurtsumia, 2015, s. 160, fig. 1). Некоторые сабли из Ингушетии имели перекрестья и крепления на ножнах, находящие полные и близкие аналогии в материалах аланских раннесредневековых некрополей региона (Нарожный В., Нарожный Е., 2009, с. 373–387). И эти уточнения могли бы сильно скорректировать представления Я.В. Пилипчука о географии, способах и степени политической активности предков ингушей золотоордынского времени.

Аналогично «обезличенными» стали и просто упомянутые Я.В. Пилипчуком «кинжалы», констатация использования которых в горах Ингушетии приводилась в литературе неоднократно, но опять-таки без ссылок на источник информации и без каких-либо ссылок на упоминаемые артефакты, или же их хронологическая отсылка в этом случае не дает никакой дополнительной информации для читателя.

С сожалением остается констатировать подобное отношение нашего украинского коллеги к такой категории предметов вооружения из Ингушетии, как «копья и дротики». Они не только хорошо известны здесь

(Чахкиев, 1988, с. 85–95), причем, с нередко устанавливаемой корреляцией таких находок с прижизненным статусом их владельцев из высокогорной Ингушетии, иногда связанных между собой при их жизни и узами кровного родства (Нарожный В., Нарожный Е., Чахкиев Д., 2017, с. 67–176). В некоторых случаях вполне определимы и этнокультурные истоки отдельных типов наконечников копий, явно заимствованных монголами, например, у чжурчженей (Нарожный, 2003, с. 261, рис. 9, 4) и у раннесредневековых киданей, впоследствии привнесенных монголами из глубин Центральной Азии в Восточную Европу, затем заимствованных предками ингушей и не только ими (Басов, Нарожный, Тихонов, 2003, с. 105–111). И эта категория находок могла дать Я.В. Пилипчуку вполне определенный повод и импульс для более глубокого понимания процессов политической активности предков ингушей в золотоордынское время.

Данный автор упоминает среди предметов вооружения средневековых ингушей и «секиры» (Пилипчук, 2019, с. 133), опять не указывая источник своей информации, что не позволяет судить о реальности данной информации. Известная мне, как представляется, пока единичная находка секиры – случайная и еще не опубликованная. Но она не из Ингушетии, а с территории Гудермесского района Чечни: крупная «стрелецкая секира» (бердыш?), вероятно, имевшая отношение к находившемуся где-то рядом Сунженскому «острогу» – российскому укреплению, построенному в 1651 г. на мысу, непосредственно в месте слияния рек Терек и Сунжа (Мамаев Х., Мамаев Р., Нарожный Е., 2012, с. 123, № 9).

На мой взгляд, явным упущением Я.В. Пилипчука является и то, что указав, вновь без ссылок на источники информации, на наличие в арсенале средневековых ингушей, например, «топоров», он не стал оговаривать, что известные топоры преимущественно не только из Ингушетии, но и из Чечни, также с широким хронологическим диапазоном использования, да и в функциональном отношении приоритет отдается не столько военному, сколько сугубо хозяйственному их использованию (Мамаев, Чахкиев, 1983, с. 68–78; Мамаев Х., Мамаев Р., 2011, с. 124–128).

Я.В. Пилипчук вполне справедливо упоминает и о существовании у средневековых ингушей не только «палиц», но и «шестоперов и булав» (Пилипчук, 2019, с. 133), «забывая»,

например, о находках там же синхронных им кистеней (Чахкиев, Голованова, Нарожный 1986, с. 70–80; Чахкиев, Нарожный, 2002, с. 4–8; Нарожный, Чахкиев, 2003, с. 126–153). Сегодня близкие и тождественные предметы такого же ударного вооружения известны и на сопредельных с Ингушетией территориях Чечни (Мамаев, 2016, с. 229–230; 2017, с. 54–59; 2019, с. 71–75; Мамаев, 2019, р. 2115–2119), Северной Осетии (Дружинина, Чхаидзе, 2013, с. 74–81), Кубани (Тарабанов, 1984, с. 164–172; Дружинина, 2017, с. 99–107), Грузии (Tsurtsumia, 2018, s. 87–114) и т. д. И эти разновидности предметов ударного вооружения, часть из которых, как представляется, является элементом «домонгольского» наследия (Хазария, Русь), вошедшего сначала в арсенал татаро-монголов, а затем вместе с центральноазиатскими привнесениями, дарами египетского султана (и их золотоордынскими копиями), хулагуидскими трофеями оказались и среди горских «заимствований» (Нарожный, Чахкиев, 2003, с. 126–153). И эти данные вполне могли скорректировать представления нашего киевского коллеги, но не скорректировали, превратившись в откровенные упущения, «констатирующие» лишь факт знакомства горцев региона с указанными разновидностями комплекса их вооружения, не больше, и не дающие стойкого и ясного представления читателю о хронологии появления и распространения тех или иных категорий вооружения, о многообразии, специфике военного дела средневековых ингушей, не говоря уже о специфике и контексте исторической обстановки, в рамках которой происходила эволюция их военного дела, в т. ч. и об их «роли и месте в политической истории Центрального Кавказа», что было обозначено в качестве основной задачи рассматриваемого исследования Я.В. Пилипчука.

Подобные «недочеты» и даже откровенные казусы встречаются и в другой части рассматриваемой статьи Я.В. Пилипчука. Например, он упоминает и некоего «Телара (Талевра) Гагиева», принявшего якобы участие в сражении предков ингушей «против чагатайских войск Тимура». И в этом случае источник информации не указывается, хотя речь идет об «истории», не так давно сложившейся из достаточно «вольной» атрибуции давнего археологического комплекса – разрушенного воинского погребения из сел. Верхний Алкун, опубликованного в 1990 г. (Чахкиев, Нарожный, 1990, с. 129–141). Несмотря на разру-

шенный характер захоронения, его погребальный инвентарь был представлен шлемом, кольчугой, саблей, набором как минимум от двух колчаных наборов. Датируется комплекс предметов несколькими монетами нач. XV в.; в наборе было и два фрагмента керамики с проработанными по их внешним поверхностям надписями, выполненными при помощи грузинского алфавита «ассомтаврили» (по свидетельству специалистов, обе надписи воспроизводили, скорее всего, какое-то местное имя – «ТАЛЕВР»⁷, начертанное при помощи знаков грузинского алфавита) (Чахкиев, Нарожный, 1990, с. 129–141). Позднее, на что мы уже указывали специально (Нарожный, Чахкиев, 2010, с. 237–239), М.В. Горелик указывал на сугубо золотоордынский характер комплекса вооружения из данного комплекса, из-за чего верхнеалкунский комплекс в 3-м томе «Истории татар» ошибочно был атрибутирован как комплекс золотоордынского воина. Я.В. Пилипчук, вероятно, в своем упоминании о «Теларе (Талевре) Гагиеве» опирается на упомянутый (см. прим. 7) научно-популярный фильм «Со ва», который, однако, в качестве достоверного источника рассматриваться не может.

Довольно странным представляется и его вывод об «области Симсим», упоминаемой источниками (Шама и Йезди), локализация которой на Северо-Восточном Кавказе разными авторами (Э.В. Ртвеладзе, Х.А. Хизриев, М.К. Джигоев и др.) предлагалась различно и неоднократно, на что наш киевский коллега не обращает никакого внимания, но при этом полагает: эту «область» «скорее можно связать с тюрками (? – Е.Н.) Золотой Орды, а не горцами» (Пилипчук, 2019, с. 133–134).

Приведенные примеры обращения Я.В. Пилипчуком к различным историко-культурным проблемам Северного Кавказа, его населения и комплекса его вооружения заставляют вновь обращаться к выводам уже упоминавшейся рецензии Д.М. Тимохина и В.В. Тишина на одну из его недавних моно-

графий. Оба рецензента вполне однозначно подчеркнули: «рецензенты приходят к выводу, что данная работа (Я.В. Пилипчука – Е.Н.) не может быть признана вносящей какой-либо вклад в изучение социальной истории кыпчаков» (Тимохин, Тишин, 2020, с. 210). Впрочем, как и то, что «сведение фактического материала, почерпнутого из источников в том виде, в каком он может с ними работать, получается бессистемным, несмотря на его обилие. Все эти свойства сводят сущность работы, по сути, к компиляции, местами добротной, местами неумелой. Работа воспринималась бы совсем по-иному, если бы автор преподносил ее не как исследование, а как, например, научно-популярное издание или справочное пособие. Именно в этом, наверное, состоит наибольшая ценность рецензируемой книги» (Тимохин, Тишин, 2020, с. 224).

К сожалению, в своей «публикационной активности» Я.В. Пилипчук довольно часто допускает и откровенные «ляпы», не задумываясь над их (при отсутствии существования критического восприятия) возможными последствиями. К примеру, размышляя уже над проблемой: «Грузия и тюрки» в конце XIV – XV вв., указанный исследователь, хотя и лаконично, описывает поход войск эмира Тимура на грузинскую столицу г. Тбилиси. Тимур совершает его, «услышав, что там (в Тбилиси – Е.Н.) находится царь Баграат без войска». Но из-за того, что «защитники города два-три раза делали храбрые вылазки против Тимура», до тех пор «пока Тимур не нашел гору, с которой **было удобно обстреливать город из ружей и пушек** (выделено мной – Авт.). Царь был вынужден явиться к Тимуру и сдать крепость» (Пилипчук, 2016, с. 59).

Подобные утверждения встречаются и в других статьях указанного автора, вряд ли способствуя дальнейшему и объективному восприятию вооружения интересующего нас исторического отрезка времени, запутывают, дезориентируют, перенося явно недостоверные сведения на страницы многих и нередко солидных научных изданий.

ЛИТЕРАТУРА

Археология Евразийских степей. 2017. № 5. 355 с.

Басов В.И., Нарожный Е.И., Тихонов М.П. О двух типах наконечников копий с территории Северного Кавказа // МИАСК. Вып. 2 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир: РИЦ АГПИ, 2003. С. 105–111.

¹ Сегодня речь идет о том, что «перевод этот содержал ошибку, видимо, вызванную опечаткой, при которой две последние буквы поменяли местами. Во всяком случае, недавно в научно-популярном фильме «Со ва» надпись была представлена уже в варианте «Талерв», прочитанном как «Телар во» [<http://ingliterature.ru>] (Мамаев Р., Мамаева Р., Мамаев Х., с. 334).

Воронин Н.Н. Крепостные сооружения // История культуры Древней Руси. Домонгольский период . Т. I: Материальная культура / Под ред. Н.Н. Воронина, М.К. Каргера и М.М. Тихановой. М.- Л., 1948. С. 439–470.

Горелик М.В. Монголы и подвластные народы в Золотой Орде (этносоциальная самоидентификация и ее внешнее выражение) // Золотоордынское наследие.: Материалы второй международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М. А. Усманова (Казань, 29–30 марта 2011 г.) Вып. 2 / Отв. ред. и сост. И.М. Миргалеев. Казань: ООО «Фолиант», ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 77–89.

Горелик М.В. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) // Вестник КБИГИ. 2008. Вып. 15. С. 158–189.

Дмитриев А.В., Нарожный Е.И. Два захоронения воинов-кочевников XIII–XIV вв. из Северо-Восточного Причерноморья (к истории формирования комплекса вооружения Золотой Орды) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2. / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдинов. Кишинев: Stratum Plus, 2019. С. 599–641.

Дружинина И.А. Шестопер из кургана у станицы Абинская (по материалам раскопок В.Г. Тизенгаузена в Кубанской области, 1879 г.) // Археология Евразийских степей. 2017. № 5. С. 99–107.

Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н. О старых и новых находках предметов вооружения из североосетинского святилища Реом // Очерки средневековой археологии Кавказа. К 85-летию со дня рождения В.А. Кузнецова / Отв. ред. В. И. Козенкова. М.: ИА РАН, 2013. С. 74–81.

Золотая Орда: библиографический указатель / Отв. ред. Э.Г. Сайфетдинова. Казань: ИИ им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. 412 с.

Кадырбаев А.Ш. Польша и татаро-монгольские народы в историческом пространстве // История и современность. 2008. №1. С. 76–98.

Каргер М.А. Археологические исследования древнего Киева. Киев (Львов): Изд-во АН Укр. ССР. 1950. 252 с.

Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М.: Наука, 1971. 207 с.

Майоров А.В. Завоевание русских земель в 1237–1240 годах // Золотая Орда в мировой истории. / Отв. ред. И. Миргалеев и Р. Хаутала. Казань: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 89–113.

Мамаев Р.Х. Из истории изучения булав, найденных на Центральном Кавказе // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2017. №3(36). С. 54–59

Мамаев Р.Х. Навершие средневековой булавы из ГИМа (К истории археологии Чечни) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2019. № 7(47). С. 71–75.

Мамаев Р.Х. Об одном типе бронзовых булав, найденных на Северном Кавказе // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX «Крупновские чтения». Материалы международной научной конференции (Грозный, 18–21 апреля 2016 г.) / Отв. ред. Х. М. Мамаев. Грозный: Чеченский гос. ун-т, 2016. С. 229–230.

Мамаев Р.Х. Средневековые сабли из Майртупа // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2013. № 3 (20). С. 74–84.

Мамаев Р.Х., Мамаева Р.А., Мамаев Х.М. О новых находках сосудов с надписями из склепового могильника «Цой-Пхеде» (Малхиста) // Наука и молодежь. Всероссийская научно-практическая конференция студентов, молодых ученых и аспирантов (Грозный, 27-28 октября 2016). / Отв. ред. Р.А. Кутуев. Грозный: Изд-во: ЧГУ, 2016. С. 333–336.

Мамаев Х.М. Мамаев Р.Х. Топор из Мескетов и некоторые вопросы изучения позднесредневековых башен Чечни // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2011. № 1 (14). С. 124–128.

Мамаев Х.М. Мамаев Р.Х., Нарожный Е.И. Археологические памятники Гудермесского района ЧР (материалы к археологической карте) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2012. № 1 (16). С. 121–130.

Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю. О назначении железных позднесредневековых топоров из Чечни // Хозяйство и хозяйственный быт / Отв. ред. В.Б. Виноградов. Грозный, 1983. С. 68–78.

Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю., Даутова Р.А. Лук и стрелы у позднесредневековых вайнахов // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии / Отв. ред. В.Б. Виноградов. Грозный: ЧИНИИСФ, 1983. С. 44–80.

Мужухоев М.Б., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. Воинское погребение №33 Келийского могильника (Горная Ингушетия) // Археология Евразийских степей. 2017. №5. С. 77–185.

Нарожный В.Е. Население высокогорной Ингушетии в XIII–XV веках. Автореф. Дисс. ... канд. истор. наук. Владикавказ: СОГУ, 2012. 26 с.

Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. Горная зона Восточного Придарьяля и золотоордынские владения (К изучению динамики взаимоотношений) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве // Донские древности. Вып. 10 / Отв. ред. А.А. Горбенко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2009. С. 373–387.

Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. Погребение №67 Келийского могильника (Горная Ингушетия) // Поволжская археология. 2012. №2. С. 173–183.

Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. Находки ремесленного инструментария в горной Ингушетии XIII–XIV вв. // Третья Абхазская международная археологическая конференция: Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа / Отв. ред. М.Т. Кашуба, А.Ю. Скаков. Сухум: ИИМК РАН; АБИГИ им. Д. И. Гулиа АНА; РУП «Дом печати», 2013. С. 321–324.

Нарожный В.Е., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. Погребения «копейщиков» Келийского могильника в высокогорной Ингушетии // Археология Евразийских степей. 2017. № 5. С. 67–176.

Нарожный Е.И. Пластины доспеха из полуподземного склепа № 10 Келийского могильника (Горная Ингушетия) // Военное дело Золотой Орды. Проблемы и перспективы изучения / Отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань: Изд-во: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 82–85.

Нарожный Е.И. К вопросу о происхождении позднесредневековых щитов Северо-Западного Кавказа // Археологический журнал. 2010. № III–IV. С. 94–95.

Нарожный Е.И., Нарожный В.Е., Чахкиев Д.Ю. Погребение №15 Келийского могильника (Горная Ингушетия) // МИАСК. Вып. 5 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир: Международная Академия Наук. 2005. С. 291–304.

Нарожный Е.И. О половецких изваяниях и святилищах XIII–XIV вв. Северного Кавказа и Дона // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Половецко-золотоордынское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2003. С. 245–274.

Нарожный Е.И. Юбилейные заметки (К 60-летию Сергея Борисовича Буркова) // Археологические раскопки на Северном Кавказе. Сборник избранных научных работ С.Б. Буркова: статьи, материалы, рецензии. К 60-летию со дня рождения / Отв. ред. М.С. Гаджиев. Махачкала: МавраевЪ, 2019. С. 371–393.

Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. Еще раз о комплексе вооружения из средневекового захоронения у селения Верхний Алкун в горной Ингушетии // МИАСК. Вып.11 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир: РИЦ АГПИ, 2010. С. 237–239.

Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. О воинских щитах из горной Ингушетии.. О воинских щитах из горной Ингушетии // Десятые чтения по археологии Средней Кубани. / Отв. ред. В.Б. Виноградов и Е.И. Нарожный. Армавир: РИЦ АГПИ, 2003. С. 42–43.

Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. О находках некоторых образцов ударного и защитного вооружения на Северном Кавказе (XIII–XV вв.) // МИАСК. Вып. 2 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир: РИЦ АГПИ, 2003. С. 126–153.

Орлов Р.С., Моця А.П., Покас П.М. Исследования летописного Юрьева на Руси и его окрестностей // Земли Южной Руси IX–XIV вв. / Под ред. П.П. Толочко. К.: Наукова думка, 1985. С. 41–60.

Пашуто В.Т. Монгольский поход вглубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Наука, ГРВЛ, 1977. С. 210–227.

Пилипчук Я.В. Война в жизни кыпчаков. Противостояние с другими кочевниками // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия: Исторические и социально-политические науки. 2011. № 4 (31). С. 12–17.

Пилипчук Я.В. Оружие и защитное снаряжение кыпчаков // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия: Исторические и социально-политические науки. 2012. №4 (35). С. 26–31.

Пилипчук Я.В. Военное искусство кыпчаков // Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кыпчаки, половцы ...) / Отв. ред. С.Г. Кляшторный, В.А. Иванов, И.К. Загидуллин. Казань: Ихлас, 2013. С. 187–209.

Пилипчук Я.В. Грузия и тюрки в конце XIV в. // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия: Исторические и социально-политические науки, 2016. №4(5371-1). С. 58–65.

Пилипчук Я.В. Кыпчакские наемники на службе у правителей Евразии // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 10. Половецкое время / Отв. ред. А.В. Евглевский. Донецк, ДонГУ 2012б. С. 337–346.

Пилипчук Я.В. О месте нахов в политической истории Центрального Кавказа // Amirani. 2019. № 32. С. 129–146.

Результаты радиоуглеродных датировок. Заключение по результатам дендрохронологического исследования в 2015 г. URL: <http://ing-arheologiya.ru/index.php/nauka/85-otchet-po-dendro-rabotam-2015-g> (дата обращения 05.12.2020)

Савенко С.Н. Размышления о юбилеях, общем деле, соратничестве, взаимоподдержке и дружбе: к 60-летию кавказоведа, доктора исторических наук Евгения Ивановича Нарожного // МИАСК. Вып. 18. / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир-Краснодар: РИЦ АГПИ, 2020. С. 364–377.

Сальников А.В. К вопросу об атрибуции некоторых шлемов Северного Кавказа XII–XVI вв. // Теория и практика археологических исследований. 2017. №3 (19). С. 91–106. DOI: [https://doi.org/10.14258/traip\(2017\)3\(19\).-06](https://doi.org/10.14258/traip(2017)3(19).-06)

Свентославский В. Боевые газы в армии средневековых монголов // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1998, С. 295–297.

Свентославский В. Боевые газы в военном деле монголо-татар // ЗВОРАО: Новая серия. Т.1(XXVI) / Отв. ред. В.И. Масон. СПб: Петербургское востоковедение, 2012. С. 393–379.

Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа. XVIII–XX вв.М.: Наука, 1989. 288 с.

Тарабанов В.А. Средневековые погребения Ленинохальского могильника (по раскопкам 1975 г.) // Вопросы археологии Адыгеи /Отв. ред. Н.В. Анфимов, П. У. Аутлев. Майкоп., 1984. С. 164–172.

Тимохин Д.М., Тишин В.В. Рецензия на монографию о социальной истории кыпчаков в IX–XIII вв.: Пилипчук Я.В. Соціальна історія кипчаків у IX–XIII ст. Київ – Вінниця: Національний педагогічний університет ім. М. П. Драгоманова, Тов «Твори», 2018. 340 с. // История, археология и этнография Кавказа. 2020. Т.16. №1. С. 210–226 DOI: <https://doi.org/10.32653/CH161210-226>

Чахкиев Д.Ю., Нарожный Е.И. Погребение знатного горского воина начала XV века из селения Верхний Алкун (Чечено-Ингушетия) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии / Отв. ред. Ю.С. Худяков. Новосибирск: НГУ, 1990. С. 129–141

Чахкиев Д.Ю. Копья и дротики у позднесредневековых вайнахов // Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии / Отв. ред. М.Б. Мужухоев. Грозный: Чеч.- Инг. кн-е изд-во, 1988. С. 85–95.

Чахкиев Д.Ю. Оружие и вопросы военного искусства позднесредневековых ингушей и чеченцев (XIII–XVIII вв.). Магас, 2019. 380 с.

Чахкиев Д.Ю., Голованова С.А., Нарожный Е.И. О хронологии и методах применения некоторых позднесредневековых образцов вооружения у вайнахов // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии /Отв. ред. В.Б. Виноградов. Грозный: Чеч.- Инг. кн-е изд-во, 1986. С. 70–80.

Чахкиев Д.Ю., Нарожный Е.И. Образцы ударного оружия золотоордынского времени на Северном Кавказе // Научный вестник Ингушского госуниверситета. 2002 №1. С. 4–8.

Школяр С.А. Китайская доогнестрельная артиллерия (Материалы и исследования). М.: Наука, 1980. 406 с.

Dąbrowska E. Kurhany Rassawskie // Archeologia 1958.VIII, Z.1. S. 122–167 (in Polish).

Mamaev R. Kh. On the four-pointed pommel of the Medieval Mace found in Chechnya // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS, 2019. P. 2115–2119 (in English).

Tsurtsunia M. Medieval Sword and Sabre from the Georgian National Museum // Acta Militaria Mediaevalia. 2015. Vol. XI. S. 159–172.

Tsurtsunia M. The Mace in Medieval Georgia // Acta Militaria Mediaevalia. Vol. 14, 2018. S. 87–114.

Информация об авторе:

Нарожный Евгений Иванович, доктор исторических наук, Заслуженный работник культуры Кубани, главный специалист, Непубличное акционерное общество (НАО) «Наследие Кубани», (г. Краснодар, Россия).

REFERENCES

2017. *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5. (in Russian).

Basov, V. I., Nnarozhny, E. I., Tikhonov M., P. 2003. In Narozhnyi, E. I. (ed.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Studies on the Archaeology of the North Caucasus)*. 2. Armavir: Archaeological Research Centre of Armavir State Pedagogical Institute, 105–111 (in Russian).

Voronin, N. N. 1948. In Voronin, N. N., Karger, M. K., Tikhonova, M. M. (eds.). *Istoriia kultury Drevnei Rusi. Domongol'skii period. T. 1. Material'naiia kultura (History of the Culture of Ancient Russia. Pre-Mongol Period. Vol. I: Material Culture)* Moscow; Leningrad, 439–470 (in Russian).

Gorelik, M. V. 2008. In *Vestnik Kabardino-Balkanskoog Instituta gumanitarnykh issledovaniy (Bulletin of Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Studies)* 15, 158–189 (in Russian).

Gorelik, M. V. 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoi Ordy». 29 - 30 marta 2011 g (Heritage of the Golden Horde. Proceedings of the International Scientific Conference "Political and Socio-Economic History of the Golden Horde." March 29-30, 2011.)* 2. Kazan: "Foliant" Publ.; Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences Publ., 77–89 (in Russian).

Dmitriev, A. V., Narozhny, E. I. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (ed.). *Genuezskaya Gazariya i Zolotaya Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 599–641 (in Russian).

Druzhinina, I. A. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5. 99–107 (in Russian).

Druzhinina I. A., Chkhaidze V. N. 2013. In Kozenkova, V. I. (ed.). *Ocherki srednevekovoi arkheologii Kavkaza. K 85-letiyu so dnia rozhdeniya V. A. Kuznetsova (Essays on Medieval Archaeology of the Caucasus. To the 85th Anniversary of V. A. Kuznetsov)*. Moscow: Institute of Archeology of RAS, 74–81 (in Russian).

Sayfetdinova, E. G. (eds.). 2013. *Zolotaya Orda: bibliograficheskii ukazatel' (Golden Horde: Bibliographic Index)* Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Kadyrbaev, A. Sh. 2008. In *Istoriya i sovremennost' (History and Contemporaneity)* 1, 76–98 (in Russian).

Karger, M. A. 1950. *Arkheologicheskie issledovaniya drevnego Kiev (Archaeological Studies of Ancient Kiev)*. Kiev (Lviv): Academy of Sciences of the Ukrainian SSR (in Russian).

Krupnov, E. I. 1971. *Srednevekovaya Ingushetiya (Medieval Ingushetia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mayorov, A. V. 2016. In Mirgaleev, I. M., Khautala, R. (eds.). *Zolotaya Orda v mirovoi istorii (The Golden Horde in world history)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 89–113 (in Russian).

Mamaev, R. Kh. 2017. In *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki (Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic)* 36 (3), 54–59 (in Russian).

Mamaev, R. Kh. 2019. In *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki (Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic)* 47 (7), 71–75 (in Russian).

Mamaev, R. Kh. 2016. In Mamaev, R. Kh. M. (ed.). *Izuchenie i sokhranenie arkheologicheskogo naslediya narodov Kavkaza. XXIX «Krupnovskie chteniya» po arkheologii Severnogo Kavkaza» (Study and preservation of archaeological heritage of the peoples of Caucasus. The XXIX-th Krupnov's reading. Krupnov Readings on the Archaeology of the North Caucasus)*. Grozny: Chechen State University, 229–230 (in Russian).

Mamaev, R. Kh. 2013. In *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki (Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic)* 20 (3), 74–84 (in Russian).

Mamaev, R. Kh., Mamaev, R. Kh. 2011. In *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki (Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic)* 14 (1), 124–128 (in Russian).

Mamaev, R. Kh., Mamaeva, R. A., Mamaev, R. Kh. M. 2016. In Kutuev, R. A. (ed.). In *Nauka i molodezh (Science and Youth)*. Grozny: Chechen State University, 333–336 (in Russian).

Mamaev, R. Kh., Mamaev, R. Kh., Narozhny, E. I. 2016. In *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki (Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic)* 16(1), 333–336 (in Russian).

Mamaev, R. Kh., Chakhkiev, D. Yu. 1983. In Vinogradov, V. B. (ed.). *Khoziaistvo i khoziaistvennii byt (Economy and Economic Life)*. Grozny, 68–78 (in Russian).

Mamaev, R. Kh., Chakhkiev, D. Yu., Dautova, R. A. 1983. In Vinogradov, V. B. (ed.). *Novye arkheologicheskie materialy po srednevekovoi istorii Checheno-Ingushetii (New Archaeological Materials on the Medieval History of Chechen-Ingushetia)*. Grozny: TINIEST, 44–80 (in Russian).

Muzhahoev, M. B., Narozhny, E. I., Chakhkiev, D. Y. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5. 77–185 (in Russian).

Narozhny, V. E. 2012. *Naselenie vysokogornoj Ingushetii v XIII-XV vekakh (Population of High-Mountain Ingushetia in the 13th-15th Centuries)* Thesis of Diss. of the Candidate of Historical Sciences. Vladikavkaz: North Ossetian state University (in Russian).

Narozhny, V. E., Narozhny, E. I. 2009. In Gorbenko, A. A. (ed.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. (Dialogue of the Urban and Steppe Cultures in the Eurasian Space)*. Series:

Antiquities of the Don 10. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 373–387 (in Russian).

Narozhny, V. E., Narozhny, E. I. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 173–183 (in Russian).

Narozhny, V. E., Narozhny, E. I. 2013. In: Kashuba, M. T., Skakov, A. Yu. (eds.). *Tret'ya Abkhazskaya mezhdunarodnaya arkheologicheskaya konferentsiya: Problemy drevnei i srednevekovoi arkheologii Kavkaza (The Third Abkhazian International Archaeological Conference "Issues of the Ancient and Medieval Archaeology of the Caucasus)*. Sukhumi: IIMK RAS; Abkhaz Institute for Humanitarian Research named after D. I. Gulia ANA; RUP "Dom Pechati" Publ., 321–324 (in Russian).

Narozhny, V. E., Narozhny, E. I., Chakhkiev, D. Yu. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5. 167–176 (in Russian).

Narozhny, E. I. 2003. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 3. *Polovetsko-zolotoordynskoe vremia (The Cuman-Golden Horde Period)*. Donetsk: Donetsk National University, 245–274 (in Russian).

Narozhny, E. I. 2010. In *Arkheologicheskii zurnal (Archaeological Journal)* III-IV, 94–95 (in Russian).

Narozhny, E. I. 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Voennoe delo Zolotoi Ordy. Problemy i perspektivy izucheniia (Military Affairs of the Golden Horde. Study Issues and Prospects)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences Publ., 82–85 (in Russian).

Narozhny, E. I. 2019. In Gadzhiev, M. S. (ed.). *Arkheologicheskie raskopki na Severnom Kavkaze. Sbornik izbrannykh nauchnykh rabot S.B. Burkova (Archaeological Excavations in the North Caucasus. Collection of Selected Scientific Works by S. B. Burkov)*. Makhachkala: "Mavraev" Publ., 371–393 (in Russian).

Narozhny, E. I., Narozhny, V. E., Chakhkiev, D. Yu. 2005. In Narozhnyi, E. I. (ed.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Studies on the Archaeology of the North Caucasus)*. 5. Armavir: International Academy of Sciences, 291–304 (in Russian).

Narozhny, E. I., Chakhkiev, D. Yu. 2003. In Vinogradov, V. B., Narozhnyi, E. I. (ed.). *Desiatye chteniia po arkheologii Srednei Kubani (Tenth Readings on the Archaeology of the Middle Kuban)*. Armavir: Archaeological Research Centre of Armavir State Pedagogical Institute, 42–43 (in Russian).

Narozhny, E. I., Chakhkiev, D. Yu. 2003. In Narozhnyi, E. I. (ed.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Studies on the Archaeology of the North Caucasus)*. 2. Armavir: Archaeological Research Centre of Armavir State Pedagogical Institute, 126–153 (in Russian).

Narozhny, E. I., Chakhkiev, D. Yu. 2010. In Narozhnyi, E. I. (ed.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Studies on the Archaeology of the North Caucasus)* 10. Armavir: Archaeological Research Centre of Armavir State Pedagogical Institute, 237–239 (in Russian).

Orlov, R. S., Motsya, A. P., Pokas, P. M. 1985. In Tolochko, P. P. (ed.). *Zemli Yuzhnoi Rusi IX-XIV vv. (Southern Russian Lands in the 9th-14th cc.)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 41–60 (in Russian).

Pashuto, V. T. 1977. In Tikhvinskii, S. L. (ed.). *Tataro-mongoly v Azii i Evrope (Tatar-Mongols in Asia and Europe)* Moscow: "Nauka" Publ., 210–227 (in Russian).

Pilipchuk, Ya. V. 2013. In Kliashornyi, S. G., Ivanov, V. A., Zagidullin, I. K. *Tiurkskie kochevniki Evrazii (kimaki, kipchaki, polovtsy ...) (Turkic Nomads of Eurasia (Kimeks, Kipchaks, Cumans...))*. Kazan: Ikhlas Publ., 187–209 (in Russian).

Pilipchuk, Y. V. 2011. In *Vestnik KazNPU (Bulletin of the Kazakh National Pedagogical University named after Abai. Series: Historical and socio-political Sciences. Series: Historical and Socio-Political Sciences)* 4 (31), 12–17 (in Russian).

Pilipchuk, Ya. V. 2012. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)*. 10. *Polovetskoie vremia (Polovtsian Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 337–346 (in Russian).

Pilipchuk, Ya. V. 2012. In *Vestnik KazNPU (Bulletin of the Kazakh National Pedagogical University named after Abai. Series: Historical and Socio-Political Sciences. Series: Historical and Socio-Political Sciences)* 4 (35), 26–31 (in Russian).

Pilipchuk, Ya. V. 2016. In *Vestnik KazNPU (Bulletin of the Kazakh National Pedagogical University named after Abai. Series: Historical and Socio-Political Sciences. Series: Historical and Socio-Political Sciences)*. 4(5371-1), 58–65 (in Russian).

Pilipchuk, Ya. V. 2019. In *Amirani*. 32, 129–146 (in Russian).

Rezultaty radiouglerodnykh datirovok. Zakliuchenie po rezul'tatam dendrokronologicheskogo issledovaniia (Radiocarbon Dating Results. Conclusion on the Results of Dendrochronological Studies in

2015) Available at: <http://ing-arheologiya.ru/index.php/nauka/85-otchet-po-dendro-rabotam-2015-g> (Accessed 05.12.2020) (in Russian).

Savenko, S. N. 2020. In Narozhnyi, E. I. (ed.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Studies on the Archaeology of the North Caucasus)*. 18. Armavir: Archaeological Research Centre of Armavir State Pedagogical Institute, 364–377 (in Russian).

Salnikov, A. V. 2017. In *Teoriia i praktika arheologicheskikh issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)* 19 (3), 91–106. DOI: [https://doi.org/10.14258/tpai\(2017\)3\(19\).-06](https://doi.org/10.14258/tpai(2017)3(19).-06) (in Russian).

Svetoslavsky, V. 1998. In *Voennaia arkheologiya. Oruzhie i voennoe delo v istoricheskoi i sotsial'noi perspective (Military Archaeology. Armament and Military Art in the Historical and Social Perspective)*. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 295–297 (in Russian).

Svetoslavsky, V. 2012. In Mason, V. I. (ed.). *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Notes of the Eastern Branch of the Russian Archaeological Society)* 1 (XXVI). Saint-Petersburg: Petersburg Oriental studies, 393–379 (in Russian).

Studenetskaya, E. N. 1989. *Odezhda narodov Severnogo Kavkaza. XVIII-XX vv. (Clothing of the Peoples of the North Caucasus. 18th-20th cc.)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Tarabanov, V. A. 1984. In Anfimov, N. V., Outley, P. U. (eds.). *Voprosy arkheologii Adygei (Issues of Archaeology of Adygea)*. Maykop, 164–172 (in Russian).

Timokhin, D. M., Tishin, V. V. 2020. In *Istoriia, arkheologiya i etnografiia Kavkaza (History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus)* Vol. 16, No. 1, 2020, Pp. 210–226. DOI: <https://doi.org/10.32653/CH161210-226> (in Russian).

Chakhkiev, D. Yu., Narozhnyi, E. I. 1990. In Khudiakov, Yu. S. (ed.). *Voенное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии (Military Art of the Ancient and Medieval Population of Northern and Central Asia)*. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 129–141 (in Russian).

Chakhkiev, D. Y. 1988. In Muzhahoev, M. B. (ed.). *Novye materialy po arkheologii i etnografii Checheno-Ingushetii (New Materials on the Archaeology and Ethnography of the Chechen-Ingush Republic)*. Grozny: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 85–95 (in Russian).

Chakhkiev, D. Yu. 2019. *Oruzhie i voprosy voennogo iskusstva pozdnesrednevekovykh ingushei i chechentsev (XIII-XVIII vv.). (Weapons and Issues of Military Art of the Late Medieval Ingush and Chechens (13-18 centuries)*. Magas (in Russian).

Chakhkiev D. Yu., Golovanova S. A., Narozhnyi E. I. 1986. In Vinogradov, V. B. (ed.). *Problemy khronologii pogrebal'nykh pamiatnikov Checheno-Ingushetii (Issues of Chronology of the Funerary Monuments of Chechen-Ingushetia)*. Grozny: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 70–80 (in Russian).

Chakhkiev, D. Yu., Narozhnyi, E. I. 2002. In *Nauchnyi vestnik Ingushskogo gosuniversiteta (Scientific Bulletin of the Ingush State University)* 1, 4–8 (in Russian).

Shkolyar, S. A. 1980. *Kitaiskaia doognestrel'naia artilleriia (Materialy i issledovaniya) (Chinese Pre-Fire Artillery (Materials and Studies)*. Moscow: “Nauka: Publ. (in Russian).

Dąbrowska, E. 1958. In *Archeologia*. VIII, Z.1, 122–167 (in Polish).

Mamaev R.Kh. 2019. In *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS*, 2115-2119 (in English).

Tsurtsunia, M. 2015. In *Acta Militaria Mediaevalia*. XI. 159–172 (in English).

Tsurtsunia, M. 2018. In *Acta Militaria Mediaevalia*. 14, 87–114 (in English) .

About the Author:

Narozhnyi Evgeny I. Doctor of Historical Sciences, Honoured Cultural Worker of Kuban, Leading Specialist of NJSC “Heritage of Kuban”, Krasnoarmeiskaya Str. 16, Krasnodar, 350063, Russian Federation; zai_ein@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2020 г.
Статья принята к публикации 01.09.2020 г.

УДК 902(470-321.9)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2020.6.316.336>

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО СОЛХАТА (ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ)

©2020 г. М.Г. Крамаровский, Э.И. Сейдалиев

В 2009-2012 гг. Старокрымской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа совместно с экспедицией Крымского инженерно-педагогического университета были проведены исследования на месте расположения оборонительных сооружений средневекового Солхата. На основе анализа письменных, картографических и археологических источников установлено, что формирование оборонительного пояса происходило в два этапа. Сначала в 1360-х гг. вокруг города были возведены оборонительный ров и вал. В последующем в 80-х гг. XIV в. были построены крепостные стены. Всего за период археологических исследований было раскопаны остатки трех крепостных башен и участки оборонительной стены. Башни и крепостная стена были разобраны в период нового и новейшего времени местным населением на строительные материалы и сохранились лишь фрагментарно на уровне нижних рядов кладок и в виде траншей под фундамент стены. Рядом с башней №2 было обнаружено размыкание крепостной стены и, вероятно, потайная калитка, защищенная башней. Публикуемые материалы расширяют современные представления о фортификации золотоордынского центра Крыма.

Ключевые слова: археология, Улус Джучи, Золотая Орда, Крым, Солхат, Старый Крым, фортификация.

DEFENSIVE STRUCTURES OF MEDIEVAL SOLKHAT (HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL COMMENTARY)

M. G. Kramarovsky, E. I. Seydaliev

In 2009-2012, the Old Crimean archaeological expedition of the State Hermitage, together with the expedition of the Crimean Engineering and Pedagogical University, carried out a study at the site of the fortifications of medieval Solkhat. Based on the analysis of written, cartographic and archaeological sources, it has been established that the formation of the defensive belt took place in two stages. First, in the 1360s, a defensive moat and rampart were erected around the city. Subsequently, in the 1380s, fortress walls were built. The remains of three fortress towers and sections of the defensive wall were excavated during the period of archaeological studies. The towers and fortress wall were dismantled in modern and recent history by the local population for building materials and have only preserved fragmentarily at the level of the lower rows of masonry and in the form of wall foundation trenches. Near tower № 2, the opening of the fortress wall, and, probably, a secret gate protected by the tower were discovered. The published materials expand the current understanding of the fortification of the Golden Horde center of Crimea.

Keywords: archaeology, Ulus of Jochi, Golden Horde, Crimea, Solkhat, Old Crimea, fortification.

Оборонительные сооружения столицы золотоордынского Крыма неоднократно рассматривались в научной литературе (Григорьев, 2003; Крамаровский, 2012; Крамаровский, 2014; Сейдалиев, 2016). Следует отметить, что решение вопросов, связанных с возникновением оборонительного пояса средневекового Солхата, требует комплексного подхода и анализа разного рода исторических источников. В то же время результаты археологических исследований до настоящего времени не введены в научный оборот в полном объеме, авторы исследований рассматривали их относительно кратко (Крамаровский, 2014; Сейдалиев, 2016).

Первый этап строительства оборонительных сооружений связан с 60-ми годами XIV в. О начале сооружения первой линии обороны Солхата-Крыма в виде рвов и валов сообщает армянский источник под 1363 г. Эта запись сделана очевидцем, проживавшем в армянском квартале Солхата «Чхбнис» (Верхний). Им оказался один из сыновей известного в Крыму миниатюриста и каллиграфа Натера из Баберда – писец Степанос из скриптория храма св. Саргиса. Далее приводится перевод извлечения текста 1363 г. по «Каталогу армянских рукописей Британского музея»: «... И в сие же время великое смятение царит от правителей земных, ибо нет царя во главе,

чтобы сотворил мир, по словам Господа: «всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет», и вот, роет глава города ров вокруг города. И многие дома разрушает до основания, и разрушения бесчисленны, и все в страхе» (A Catalogue 1913, p.248)¹. Не останавливаясь подробно на мотивах сооружения вала и рва правителем города и военно-политических событиях этому предшествовавших, отметим, что причиной строительства, вероятно послужило усиление Великого княжества Литовского и поражение крымских ордынских войск в битве под Синими Водами в 1362 г. (Крамаровский, 2012, с. 221). Археологические исследования подтверждают данные письменных источников. Монета хана Джанибека обнаруженная при раскопках на территории вала и рва позволяет также датировать время возведения фортификационных сооружений 60-ми гг. XIV в. Реконструировать первоначальный вид вала и рва достаточно затруднительно, поскольку на его месте в настоящее время располагается виноградник и сооружения в значительной степени распаяны. Максимальная сохранившаяся высота вала от уровня материковой поверхности – 0,7 м. В разрезе он трапециевидной формы. К востоку от вала прослеживается западный край рва, его ширина 9,2 м., ширина дна – 3,1 м. (Майко, 2013, С. 110-116).

Вторая линия обороны, представляющая собой каменные стены, возникает позже и относится к активной политической деятельности беклярибека Мамай в 70-х гг. XIV в. Письменные исторические источники впервые фиксируют стены Солхата лишь в середине XV в., о них пишет Иософат Барбаро, называя Солхат поселением обнесенным стеной (Барбаро, 1971).

В середине XVII в. турецкий путешественник Эвлия Челеби приводит легенду о крепости «Карым-кермен», которая была построена якобы под покровительством «короля Судака» на средства некогда ограбленных купцов. По сведениям турецкого автора длина стен составляла 17 тысяч шагов а сложены

они были из «отесанного и отполированного камня» (Эвлия Челеби, 2008, с.16)]. Вероятно, под этим следует понимать, что обработке подверглись камни лицевого панциря, как это можно видеть и сейчас на примере кладок фасада медресе Солхата (нач.2-ой трети XIV в.), выполненных, впрочем, из податливого известняка. В 1832 г. ров и каменную стену с башнями в районе горы Агармыш наблюдал Ф. Дюбуа де Монпере (Дюбуа де Монпере, 2009, с.90). В.Д. Смирнов во время археологической экскурсии в Крым в 1886 году отмечал, что городские стены и сооружения рядом с ними расхищаются на камень и практически не сохранились, хотя еще за два года до этого он видел их остатки над поверхностью земли (Смирнов, 2008, с.504-505). В настоящее время городских стен на современной дневной поверхности нет, но их следы все еще сохранялись в начале XX века. В акте осмотра исторических мест в Старом Крыму от 24. 08. 1926 г. комиссия во главе с архитектором Б.Н. Засыпкиным отметила остатки и следы рва, вала и стены с башнями в местности под горой Таз-Агармыш². Комиссией была проведена археологическая разведка и открыта часть крепостной стены, но подробных описаний и чертежей обнаруженных объектов нам неизвестны (Охрана и изучение ... 2008, с.135).

Фортификационные сооружения присутствуют и в материалах картографических источников XVIII в. В 1783 г. русским военным топографом И. Лютовым (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 22608) (рис. 5) был составлен план города на котором отмечены стены и ров, на основе этого плана и археологических наблюдений М.Г. Крамаровским была составлена план-схема Солхата XIV-XV в. (рис. 4) Согласно плану И. Лютова периметр стен достигает 6734 м. Эта величина сопоставима с данными Эвлии Челеби, при условии, что шаг информатора составлял около 0,4 м. Стены усилены 28 башнями (видимо, картограф учитывал лишь хорошо сохранившиеся следы башенных руин). Величина куртин зависит от рельефа местности, но расстояние между башнями на гребне юго-восточного отрога Малого Агармыш, отделяющего долину от степи, достигает 90 м. На аэрофотосъемке 1973 г. (Архив ИА РАН, Ар. №2201 – 51033) по гребню отрога Малого Агармыш

¹ Русские переводы этой записи см.: Хечумян 1984, с.142 (в извлечениях); Бабаян, 2000, документ №18, с.60; наиболее полно – Саргсян 2004, документ №4, с.152; Свод, 2010, с.152, 153. По Т.Э. Саргсян, инициатива строительства рва и вала принадлежала Алибеку, «...потерпевшему сокрушительное поражение от литовских войск на Синих водах» (Свод, 2010, с.153). В сущности, уровень исторического комментария выводит примечания Т.Э. Саргсян за рамки научного исследования.

² Таз (кр.-татарск.) - лишенный растительности, лысый; сейчас эту гору русское и местное крымскотатарское население называют Малым Агармышем.

прослеживается четкая линия стены и основания пяти прямоугольных башен со стороны около 8-10 м. (Рис. 2) Междубашенное расстояние составляет от 75 до 100 м., что принципиально не расходится с данными плана военного топографа последней четверти XVIII в. Линия этих стен прослеживается и на съемке по программе “Geoscentre Consulting 2001” (Рис. 3) и на современных съемках в программах Google Earth и Яндекс-карты.

По мнению А. П. Григорьева, стены Солхата-Крыма возведены Мамаем за пять лет, начиная с 1375 г. (Григорьев, 2003, с.28). Точных данных о времени строительства стен, к сожалению нет. Археологические раскопки проведенные на объекте позволяют частично реконструировать некоторые особенности конструкции оборонительной стены города.

В 2009-2012 гг. Старокрымская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа (далее СКАЭГЭ) совместно с Крымским инженерно-педагогическим университетом проводила раскопки на гребне горы Малый Агармыш. Основанием для выбора места исследований послужила упомянутая аэрофотосъемка 1973 г., где прослеживается четкая линия стен и контуры пяти башен со стороны около 10 м. (рис.1А-Б, 2).

Современную дневную поверхность на территории исследований представлял плотный дерн с выходами скальной породы и многочисленными включениями необработанных камней различных размеров. Грунт вне сооружений и значимых субструкций представлял собой каменистую темно-серую почву с вкраплениями древесных угольков и светло-серой супеси, насыщенной известковыми включениями. Рельеф выбранных участков сохранил следы перекопов нового времени и военных сооружений времен Великой Отечественной войны.

Всего на территории крепостной стены было исследовано шесть участков (раскопы 32-37 по общей номенклатуре участков СКАЭГЭ). В связи с большим объемом полученных результатов исследований в публикации будут охарактеризованы наиболее показательные раскопы. Всего на территории отрога Малого Агармыша было исследовано три оборонительных башни и несколько участков крепостной стены примыкающих к этим башням.

Первая башня была локализована в ходе исследований 2009-2010 гг. в раскопе 33. Раскоп был заложен на гребне отрога горы Малый Агармыш. В плане раскоп представ-

ляет собой квадрат 15×15 метров, разбитый в свою очередь, на 9 квадратов 5×5 м. каждый, с бровками между ними шириной 0,5 м. По итогам двухлетних раскопок были обнаружены остатки башни. Под слоем дерна был локализован мощный завал из мелкого и среднего камня, вероятно, образовавшийся в результате разбора крепостной стены и стен башни. В плане завал представляет собой квадрат, повторяющий контур башенных стен (рис. 6, 7). Под этим слоем завала в материковой поверхности вырублена траншея глубиной от 5 до 10 см. и шириной около 1,1 м. Размеры башни составили около 8×8 м. Стены башни примыкают к расположенной южнее крепостной стене. На этом участке стена сохранилась фрагментарно на уровне забутовки цокольной части – кладка из камней среднего размера на глиняном растворе с известью. Удалось проследить траншею под фундамент стены. Она также представляет собой вырубку в материковой поверхности шириной около 1,2-1,3 м. (рис. 8, 9) На участках внутри контура стен башни был также локализована утрамбованная глинобитная поверхность, вероятно, представляющая собой пол внутри башни.

Вторая башня была обнаружена в ходе исследований на раскопе 35 (рис.10), исследовался в ходе двух полевых сезонов в 2010 и 2011 гг. Площадь раскопа составила 225 кв. м., расположен на гребне юго-восточного отрога горы Малый Агармыш, на расстоянии 38 м. к востоку от остатков мавзолея XIV века. Раскоп также в плане представляет собой квадрат 15×15 метров, состоящий из 9 квадратов 5×5 м. каждый, с бровками между ними шириной 0,5 м. Исследование данного участка было предпринято с целью выявления остатков второй башни, которая, согласно аэрофотосъемке 1973 года, находится приблизительно в этом месте. Расстояние от раскопа 33, где были обнаружены остатки башни, до раскопа 35 составляет около 75 метров.

Наиболее интересный материал был обнаружен при проведении работ в квадрате В-3, который был раскопан в двух уровнях напластований. На первом уровне по большей части квадрата обнаружен светлый глинистый грунт, в южной части – серый грунт с камнями. На втором уровне удалось четко локализовать заполнение центральной части траншеи под оборонительную стену, состоящее из желтого глинистого грунта. Полоса этой глины идет из северо-западного угла квадрата к восточному борту. К северу от полосы желтой глины

– линия светлого глинистого грунта с мелкими и средними по размеру камнями, к югу – линия светлого глинистого грунта. Ширина и северной и южной полосы светлого глинистого грунта составляет примерно 0,8–0,85 метра. В свою очередь к полосе светлого глинистого грунта примыкает серая земля с камнем, на которой обнаружены остатки вымостки из окатанных камней, на глиняном растворе, а кое-где (где камни не сохранились *in situ*) даже удалось зафиксировать отпечатки этих камней в глиняном растворе. Вымостка продолжается вплоть до южного борта квадрата. Остатки подобной вымостки были прослежены в стратиграфии западного борта квадрата В-1 раскопа 33 в ходе работ сезона 2009.

Был выбран желтый глинистый грунт из заполнения траншеи, которое в отличие от такой же траншеи в других раскопах (где заполнение представлено забутовкой камня в плотной желтой глине), более рыхлое и мягкое. На дне траншеи, в западной и восточной частях, частично сохранились *in situ* камни среднего и крупного размера, сложенные на глиняном растворе. Возможно, эти камни служили основанием забутовки траншеи. Следует отметить, что центральная часть траншеи под стену, заполненная желтой глиной, в квадрате В-3 данного раскопа, несколько уже чем на других участках, и составляет 0,9–1,0 метр, при этом глубина траншеи составляет около 0,6 метра. Общая же ширина траншеи у подошвы стены примерно 2,5 м., так как в этом случае постели под панцири стены составляют 0,8–0,85 м. каждая. Учитывая хорошую сохранность обнаруженного объекта и четкие границы, было решено зафиксировать исследованный участок и законсервировать в том же виде, для того чтобы расчистить и исследовать его в следующем полевом сезоне на большей площади. В сезоне 2011 года исследования на площади раскопа были завершены. Была раскопана восточная половина квадрата А-1. (Рис. 4) с целью выявления следов западной стены башни и ее примыкания к оборонительной стене. От современной дневной поверхности до материка (плотный темно-коричневый стерильный грунт), грунт светло-серый, сыпучий, с большим количеством извести. В материке удалось выявить постель под западную стену башни и ее северо-западный угол. Светлый рыхлый грунт с камнем остался от стен башни (панцирных камней не сохранилось), следы которой сохранились в виде вырубленных в материке

постелей, обозначающих западную, северную и восточную стены башни. Северо-восточный угол перебит окопом, значительно заглубленным в материк. В квадрате Б-1 на глубине 3 штыка от уровня дневной поверхности выявлены остатки оборонительной стены, а именно траншея шириной около 1,2–1,3 м. и часть каменной кладки. Стена в средней части перебита траншеей времен ВОВ (рис. 11). На одном из камней кладки, попавшем в эту траншею оставлена надпись 1943 г.: «17. VIII. 43.» (рис. 12). Каменная кладка была прослежена и в квадрате Б-2. Ширина ее тут также составляет 1,2 м. На одном из камней южной фасировки прорисована греческая буква Σ (рис. 13). В северо-западном углу квадрата зафиксированы остатки известкового пола. Квадрат с северо-востока на юго-запад перебит той же поздней траншеей, которая прослеживается на всех уровнях напластований. На четвертом уровне в этой поздней траншее обнаружена часть винтовки Мосина. В южной части квадрата зачищены остатки вымостки (подсыпка?) из мелких и средних камней и гальки. Вымостка и известковый пол были зафиксированы и убраны. Стена, идущая от западного борта, заканчивается, не доходя до восточной бровки квадрата (рис. 14). Окончание стены впущено в траншею шириной около 1,2 м. продолжающуюся на север. Вероятно это подрубка под восточную стену башни. К югу от стены, под слоем каменной вымостки – темная утрамбованная глина, которая, вероятно, была уложена как основание под вымостку. В юго-западном углу квадрата было локализовано скопление крупных железных гвоздей (костылей). Наличие их может свидетельствовать о существовании тут какой-то деревянной конструкции.

Таким образом, на отрезке оборонительной стены в северо-восточном секторе городища средневекового Солхата на данном участке выявлена часть крепостной стены, с участком размыкания, предназначенным, вероятно, для устройства потайного выхода. Этим же раскопом обнаружены следы крепостной башни со сторонами 5×5 м., фланкирующей «калитку». Башня обнаружена в следах, представляющих собой подрубки в материковой поверхности, известковых завалов от забутовок ее стен, а так же подсыпки и известкового пола во внутренней части башни. В квадрате В-2 и примыкающей к нему прирезке, на глубине 4 штыка, также была обнаружена траншея под стену. В ходе раскопок в прирезке выяс-

нилось, что траншея под фундамент продолжается в южном направлении (рис. 15). В траншее встречаются очень крупные валуны. Сохранился небольшой фрагмент лицевой обкладки, обработанный зубаткой.

Для уточнения ситуации с размыканием крепостной стены необходимо исследовать территорию, примыкающую к раскопу 35.

Третья башня была обнаружена в ходе работ на раскопе 37, который был заложен к западу от раскопа 32 и в 200 м к востоку от стены управления Старокрымского карьера (Рис. 16). Место для раскопа было выбрано в связи с тем, что на поверхности были расположены задернованные завалы бутового камня и контуры башни и стены читались на аэрофотоснимке. Раскоп также представляет собой квадрат размерами 15x15 м, разделенный на 9 квадратов. Стратиграфия участка исследований, как и в других случаях, свидетельствует об активном разрушении оборонительных стен в результате разбора их на камень. В верхних слоях светлый рыхлый грунт с камнем и примесью извести. На глубине второго штыка читаются завалы бутового камня, вероятно, образовавшиеся в результате выемки крупных камней и плит облицовки стен в конце XIX – начале XX вв. Под каменным завалом была локализована траншея под стену. К югу от траншеи была обнаружена вымостка из окатанного камня как и на других раскопах (рис. 17). В результате исследований был локализован участок оборонительной стены средневекового города и крепостная башня, примыкающая к ней. На данном участке оборонительная стена практически не сохранилась, за исключением нескольких, расположенных *in situ*, бутовых камней, впущенных в траншею («постель») под стену. Камни положены на известковый раствор. Ширина «постели» 1,2 м. Стены башни, примыкающие с севера к основной оборонительной стене практически не сохранились, кроме небольшого участка кладки западной стены (рис. 18). Длина сохранившегося участка 4,3 м, высота по восточному панцирю – 0,9 м, ширина стены 1,2 м. Внутренний фас сохранился лучше западного, от которого осталось лишь несколько камней панцирной кладки. Остатки известковой обмазки на внутреннем фасае стены свидетельствует о том, что изнутри башня была оштукатурена (рис. 19). Косвенно подтверждает свидетельство Эвлии Челеби об отесанных камнях, которыми, вероятно, были облицованы

крепостные стены, то что внешний панцирь башни был разобран, в кладке остались лишь необработанные бутовые камни. Отметим вторичное использование в кладке архитектурных деталей от более ранних построек. (рис.20) В остальной части контуры башни можно определить лишь по траншее шириной также 1,2-1,5 м., впущенной в светло-желтый глинистый грунт. Вероятно башня представляла собой квадратную в плане постройку с длиной стены около 8 м. Что отличает ее от башни №2, размеры которой около 5*5 м.

Нашими работами в сезонах 2009–2012 гг. установлены важные подробности. Толщина крепостных стен у основания была не менее 2,5 м. Кладка велась панцирным методом из местного мраморизованного известняка³ на известковом растворе; промежуток заполнялся бутом на растворе. Исходя из шага междубашенного пространства и общей величины периметра, общее число башен, по-видимому, достигало шестидесяти пяти. Размеры башен в большинстве, вероятно составляли 8*8 м., одна из башен, фланкирующая потайную калитку (?) была чуть меньше – размерами 5*5 м.

В кладках панциря крепостных стен использовались крупные блоки с рваными краями. Лицевые поверхности облицовывались квадратами или плитами пиленого привозного песчаника, обработанного зубаткой (отсюда и впечатление Эвлии Челеби о гладких стенах оборонительной стены). Такие плиты обнаружены в закладе одиночной могилы рядом с остатками крепостной стены в раскопе 34 (рис. 21). Способ укладки фундамента на субструкциях, выравнивающих неровности поверхности, отделка стен из мраморизованного известняка более мягкой породой светло-серого песчаника выдает местную строительную традицию. Такая облицовка обычно применялась в Солхате при возведении стен крупных общественных сооружений, например, фасадной стены медресе 1330-х гг. Судя по находкам сколов резных камней, лицевые кладки стен Солхата могли содержать декоративные вставки из того же привозного известняка. Не исключая возможность вторичного использования этих резных камней в кладке

³ Породы мраморовидного Верхне-юрского известняка характерна для Агармышы. Возраст Агармышского месторождения флюсовых известняков 160 млн. лет. Благодарим Н.В. Заколдаева за консультацию

стены, отметим, что декоративные элементы в облицовках крепостных стен использовали сельджуки Анатолии. Вместе с тем, есть серьезные сомнения в том, что оборонительный пояс города, снабженный феноменальным количеством башен – нами вскрыто три – при всем его размахе был способен эффективно противостоять действию камнеметной или даже огнестрельной⁴ артиллерии противника. Во всяком случае, источники ничего не сообщают об осадах Солхата.

Что же лежало в основе решения 1375 г. о строительстве каменного оборонительного пояса? Этот год, как уже отмечалось, начался с захвата Мамаем 18 селений Судакской долины, где уже на протяжении 10 лет хозяйничали генуэзцы, овладевшие в 1365 г. владениями венецианцев в Солдае. По мысли А.П. Григорьева, это послужило толчком к использованию строительных возможностей мастеров-каменотесов из округи Судака для создания полноценного оборонительного пояса Солхата. Гипотеза основана на двух допущениях: а) технологией каменного промысла владело лишь местное население Судакской долины – греки и армяне; б) при возведении стен Солхата использовался судакский строительный камень⁵, доставлявшийся морем за 60 км. в Каффу, и дальше – на грузовых телегах дневным перегоном свыше 20 км. к Солхату (Григорьев, 2003, с. 148, 149). Обе конструкции не имеют опоры ни в местных реалиях (строительного камня в избытке и в Солхате, этноструктура которого мало отличалась от судакской), ни в геологии Восточного Крыма, ни в источниках, сохранивших отдельные черты жизни города. Вместе с тем, следует признать, что отправная дата начала строительства каменного оборонительного пояса, предложенная А.П. Григорьевым, не имеет альтернативы.

Солхатские стены – следствие противостояния Солхата и Каффы. В период строительства было перемещено до 220 000 куб/м скальной породы и грунта (при условии, что стены достигали во высоте 10 м., а башни до 15 м.). Показательно, однако, что осенью 1380 г. после поражения на Куликовом поле их ценность оказалась более чем сомнительной. В поисках убежища Мамай скрылся не за стенами своего города, где возобладала

⁴ Если считать, что орудийный ствол, найденный близ Криничек, принадлежал генуэзцам Ломеллино – см: Вилинбахов, Кирпичников 1958, с.243-252.

⁵ В Судаке добывался пластовый песчаник.

«партия» соперника⁶, а в дружественной, как ему казалось, Каффе. Именно здесь после разгрома Токтамышем (1376/7–1395) на Калке в 1380 г. он и был убит, как считает М. Балар (Balard 1978, р. 458), на одном из городских базаров, вероятно, наемниками Токтамыша при попустительстве городских властей. Таким образом власти Каафы старались заслужить расположение нового золотоордынского хана. Тело Мамаю, очевидно, в течение светового дня было выдано общине Солхата для погребения по мусульманскому обряду (Крамаровский 1996, с. 38-41)⁷.

В заключение отметим, что фортификационные сооружения Солхата возникают в период между 1362 и 1380 гг. Они возводятся в два разномасштабных этапа, первый из которых – ров и земляной вал – был задуман и реализован Кутлуг Бугой и относится к 1362–1365 гг., второй – каменные стены – к периоду 1375–1380 гг. и был спланирован и осуществлен Мамаем. Судя по планиметрии, инженерной связи между комплексами нет. Каждый из них был вызван к жизни своими причинами, целеполаганием и техническими параметрами. Сооружение вала и рва были своего рода импровизацией, их предназначением было оборонять город от литовской угрозы. Второй комплекс, основанный на системе регулярной фортификации, обладал чертами столичной генерализации, рассчитанной на продолжительное время. В первую очередь каменные стены Солхата были призваны уравновесить оборонительный потенциал Каффы. Эксперимент Мамаю, в целом был направлен на сдерживание генуэзской экспансии, но имел и большой политический потенциал, который, увы, оказался не востребован. В короткой перспективе ордынский расчет оправдался: на Куликовом поле (при всей неоднозначности в оценках этого сражения) генуэзцы, оплаченные золотом из личной сокровищницы беклярибека, перелитым в фальшивые

⁶ Судя по возвращению администрацией Токтамыша Кутлуг Буги на должность правителя Солхата в 1381 г., последний был причастен к заговору против Мамаю.

⁷ И.В. Тункина приводит запись П.И.Кеппена, хранящуюся в Архиве РАН (СПФ АРАН. Ф.30. Оп.1.Д.344. Л.160) о месте нахождения могилы Мамаю (кургана Мамаю) между Старым Крымом и Феодосией (Тункина 2011, с.60). Этот топоним П.И.Кеппен включил в свой знаменитый список известнейших курганов России (Кеппен 1837, с.18). Благодарю И.В. Тункину за указание на свидетельство П.И.Кеппена.

динары (о поддельных динарах - см: 24, с. 116; 5, с. 108-120), оказались на стороне Мамаю.

При этом, если наши расчеты объемов строительных работ верны, есть все основания полагать, что строительство стен подорвало экономику города и всего Крыма, находящегося в затяжном финансовом кризисе из-за сужения налоговой базы. Настолько, что после поражения в сентябре 1379, или, как принято считать, 1380 г. средств на отпор войскам Тохтамыша уже не хватило. Сказалась и пятилетняя трудовая повинность, переломившая настроение горожан в пользу противников Мамаю. По самым грубым подсчетам в строительстве стен приняло участие около двух тысяч трудоспособных мужчин, что составило 28,5% горожан (вспомним о 2000-х ополченцев Кутлуг Буги в эпизоде 1365 г.). К ним, вероятно, следовало бы добавить какое-то количество сельчан из окружающих деревень. Решающая угроза – тимуровская, в лице тукайтимурида Тохтамыша (уб. 1406), хана Синей Орды (1379–1381), после – объединенной Золотой Орды (1381–1395, 1398),

не могла подкрасться совсем уж неожиданно. Скорее всего, окончательное мамаевское поражение было связано не только с тактическими или воинскими просчетами беклярбека, но и общей усталостью населения Солхата и всего полуострова от его непомерной активности. К 1381 г. Мамаю в Крыму был исчерпан человеческий ресурс. Необходимо учесть и неблагоприятный внутривосточный фон: от Мамаю отвернулись кытские беки, вынужденные подчиниться найманам во главе с Кутлуг Буги и, в дальнейшем, его (Кутлуг Буги) сыновьям (но уже под патронажем Тохтамыша). Городские стены, усиленные 65 (?) башнями, что, безусловно, феноменально с точки зрения оборонительного комплекса в Крыму и всей Золотой Орде, здесь уже помочь не могли. Таким образом, археология дает весомый аргумент, свидетельствующий о том, что грандиозная строительная программа Мамаю в Солхате, оптимистически рассчитанная на десятилетия вперед, лишь усугубила положение темника, приведя его к полной катастрофе.

ЛИТЕРАТУРА

Бабаян Ф.С., Корхмазян Э.М. Армянские монастыри Сурб Хач и св. Степаноса близ города Старый Крым. Ереван, 2000. 83 с.

Скржинская Е.Ч. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л.: Наука, 1971. 276 с.

Григорьев А.П. Загадка крепостных стен Старого Крыма // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2003. Сер. 2. Вып. 4 (№26). С. 22–29.

Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие в Крым. Т. 5–6 / Пер. Т.М. Фадеевой. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 328 с.

Кеппен П.И. Список известнейшим курганам России. СПб., 1837. 35 с.

Крамаровский М.Г. Золотоордынская (Старокрымская) экспедиция // Экспедиции. Археология в Эрмитаже / Науч. ред. А.Ю. Алексеев, А.М. Бутягин. Санкт-Петербург: АО «Славия», 2014. С. 138–153.

Крамаровский М.Г. Погребение беклярбека Мамаю (?): археологические наблюдения и исторический контекст // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб.: Изд-во ГЭ, 1996. С. 38–41.

Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда, Византия, Италия. СПб.: Евразия, 2012. 496 с.

Майко В.В., Куликов А.В., Бейлин Д.В. Земляные фортификационные сооружения средневекового Солхата // Таврические студии. Исторические науки. 2013. №1(4). С. 110–116.

Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: исследования и документы / Автор-сост. А.В. Хливнюк. Под ред. профессора А.А. Непомнящего. Симферополь, 2008. 240 с.

Саргсян Т.Э. Армянские памятные записи XIV века о политической жизни в Крыму и строительной деятельности армян // Историческое наследие Крыма. 2004. №8. С. 148–157.

Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.) / Составление, русский перевод, введение и примечания Т.Э. Саргсян. Симферополь: СОНАТ, 2010. 312 с.

Сейдалиев Э. Военное дело Золотой Орды // Золотая Орда в мировой истории / Отв. ред.: И. Миргалеев, Р. Хаутала. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 264–287.

Смирнов В.Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года // Непомнящий А.А. Подвижные крымоведения. Т.2: Taugica Orientalia / Биобиблиография крымоведения. Вып. 12. Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 2008. С. 499–528.

Тункина И.В. Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771-1871. К.: Болеро, 2011. 237 с.

Хечумян В. Книга книг, М.: Сов. писатель, 1984. 416 с.

Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Симферополь: «ДОЛЯ», 2008, 272 с.

A Catalogue of the Armenian Manuscripts in the British Museum / Ed. by Conybeare, Frederick C. London: British Museum, 1913.

Balard M. La Romanie Génoise (XIII e–début du XV e siècle) II. Rome: École Française de Rome; Genova: Società Ligure di Storia Patria, 1987. 1007 p.

Информация об авторах:

Крамаровский Марк Григорьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург, Россия); solkhat@hermitage.ru

Сейдалиев Эмиль Исаевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова; старший научный сотрудник Институт археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Россия); старший научный сотрудник, Крымский научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); codexcummanicus@gmail.com

REFERENCES

Babayan, F. S., Korkhmazyan, E. M. 2000. *Armianskie monastyri Surb Khach i sviatogo Stepanoca bliz goroda Staryi Krym (Surp Khach and Saint Stepanos Armenian monasteries near the city of Staryi Krym)*. Erevan (in Russian).

Skrzhinskaya, E. Ch. 1971. *Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii italo-russkikh svyazei v XV v. (Notes on Russia by Barbaro and Contarini. The history of Italian-Russian Relations in 15th c.)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

Grigor’ev, A. P. 2003. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya. Seria 2 (Vestnik of Saint Petersburg University. History. Series 2)* 4(26). 201–213 (in Russian).

Dyubua de Monpere Frederik 2009. In Fadeeva, T. M. (transl.). *Puteshestvie v Krym. (Voyage autour du Caucase, chez les tcherkesses et les Abkhases, en Georgie, en Armenie et En Crimee)* 5–6. Simferopol: “Biznes-Inform” Publ. (in Russian).

Keppen, P. I. 1837. *Spisok izvestneishm kurganam Rossii (List of the most renowned mounds of Russia)*. Saint Petersburg (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 1996. In *Ermitazhnye chteniia pamiati B. B. Piotrovskogo. (Hermitage Readings in Memory of B. Piotrovsky)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 38–41 (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 2012. *Chelovek srednevekovoii ulitsy. Zolotaia Orda. Vizantiia, Italiia (Man from medieval streets. Golden Horde, Byzantium, Italy)*. Saint Petersburg: “Evraziia” Publ. (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 2014. In Alekseev, A. Yu., Butyagin, A. M. (eds.). *Arkheologiya. Ekspeditsii v Ermitazhe (Expeditions. Archeology in the Hermitage)*. Saint Petersburg: “Slaviia” Publ., 138–153 (in Russian).

Maiko, V. V., Kulikov, A. V., Beilin, D. V. 2013. In *Tavrisheskie Studii. Istoricheskie nauki (Tauric Studies. Historical Sciences)* 4(1), 110–116 (in Russian).

Khlivnyuk, A. V. (comp.). 2008. *Okhrana i izuchenie pamiatnikov istorii i kultury v Krymskoi ASSR: issledovaniia i dokumenty (Protection and study of historical and cultural monuments in the Crimean ASSR: studies and documents)*. Simferopol (in Russian).

Sargsian, T. E. 2004. In *Istoricheskoe nasledie Kryma (The Historical Heritage of Crimea)* 8, 148–157 (in Russian).

Sargsian, T. E. (comp.) 2010. *Svod armianskikh pamiatnykh zapisei, otnosiashchikhsia k Krymu i sopredel’nyim regionam (XIV – XV vv.) (Collection of Armenian memorial records related to Crimea and the neighboring regions (14th–15th cc.)*. Simferopol: “Sonat” Publ. (in Russian).

Seidaliev, E. 2016. In Mirgaleev, I. M., Khautala, R. (eds.). *Zolotaia Orda v mirovoi istorii (The Golden Horde in World History)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Marzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 264–287 (in Russian).

Smirnov, V. D. 2008. In Nepomniashchy, A. A. *Podvizhniki krymovedeniia. Taurica Orientalia (Enthusiasts of Crimean studies. Taurica Orientalia)* 2. Series: Biobibliografiia krymovedeniia (Biobibliography of Crimean Studies) 12. Simferopol, 499–528 (in Russian).

Tunkina, I. V. 2011. *Otkrytie Feodosii. Stranitsy arkheologicheskogo izucheniia Yugo-Vostochnogo Kryma i nachal'nye etapy istorii Feodosiiskogo muzeia drevnostei 1771-1871 (Discovery of Feodosia. Pages of the archaeological study of the South-Eastern Crimea and the initial historical stages of the Feodosia Museum of Antiquities. 1771-1871)*. Kiev: "Bilero" Publ. (in Russian).

Khechumian, V. 1984. *Kniga knig (The Book of Books)*. Moscow: "Sovetskii pisatel" Publ. (in Russian).

Evliia Chelebi. 2008. *Kniga puteshestviia. Krym i sopredel'nyia oblasti (Izvlecheniia iz sochineniia turetskogo puteshestvennika XVII veka (Book of Travel. Crimea and the neighboring regions (Extracts from the work by a 17th century Turkish traveler))*. Simferopol: "Dolia" Publ. (in Russian).

Conybeare, Frederick C. (ed.). 1913. *A Catalogue of the Armenian Manuscripts in the British Museum*. London: British Museum.

Balard M. 1987. *La Romanie Génoise (XIII e–début du XV e siècle) II*. Rome: École Française de Rome; Genova: Società Ligure di Storia Patria.

About the Authors:

Kramarovsky Mark G. Doctor of Historical Sciences, State Hermitage Museum, Dvortsovaya Naberezhnaya Str. 34 Saint Petersburg, 190000, Russian Federation; solkhat@hermitage.ru

Seydaliev Emil I., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the chair of history, Crimean Engineering and Pedagogical University, Uchebny pereulok Str. 6, Simferopol, 295015, Russian Federation; Institute of Archaeology of the Crimea RAS, Yaltinskaya St., 2, Simferopol, 297800, the Republic of Crimea, Russian Federation; Senior Researcher of the Crimean Scientific Center, Institute of History named after Sh. Mardzani of Tatarstan Academy of Sciences. Baturina Str., 7a, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation; codexcummanicus@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.08.2020 г.
Статья принята к публикации 01.09.2020 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

Рис. 1. А – Схема расположения раскопов на карте с ресурса Google Earth относительно г. Старый Крым; Б – Схема расположения раскопов на гребне отрога горы Малый Агармыш.
Fig. 1. A - Layout of excavations on a map from Google Earth relative to the city of Staryi Krym; Б - Layout of excavations on the ridge of the Maly Agarmysh mountain spur.

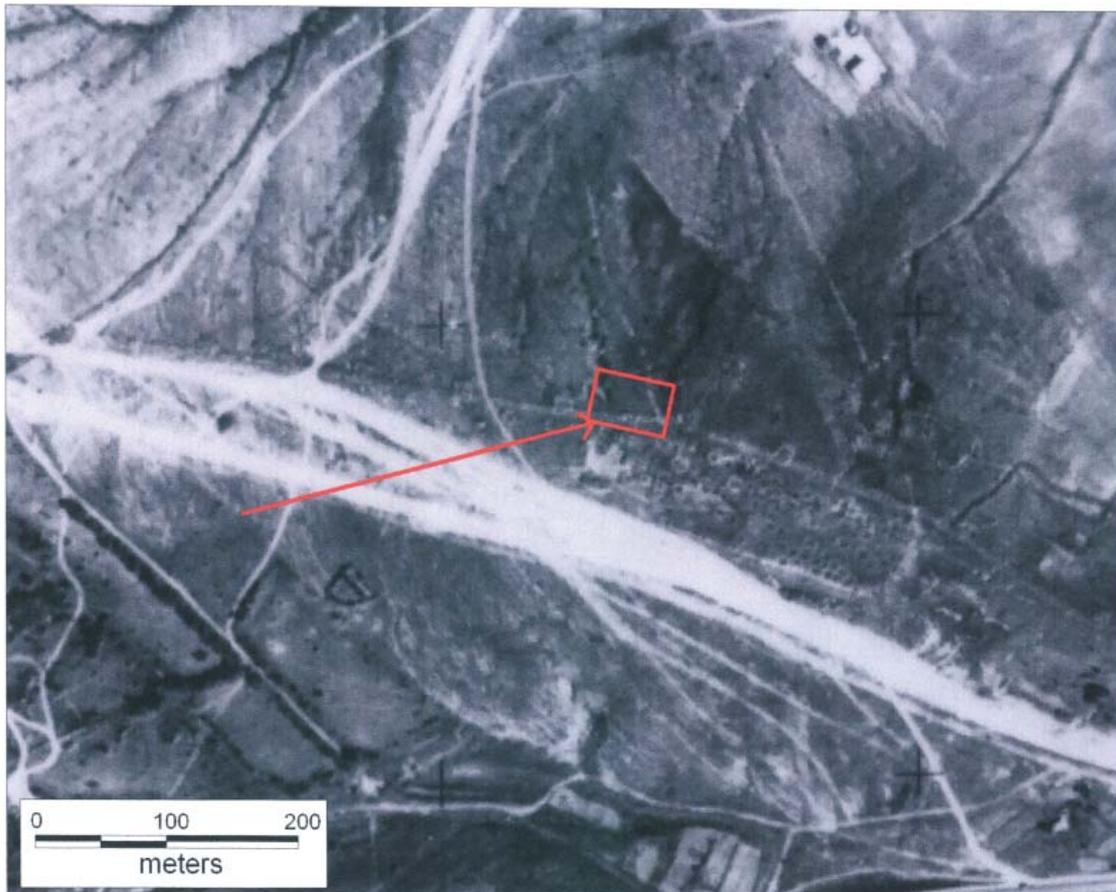

Рис. 2. Линия стены на аэрофотосъемке 1973 г. (Архив ИА РАН).
Fig. 2. Wall line on an aerial photo of 1973. (Archive of the IA of the RAS).

Рис. 3. Линия стены на съемке по программе «Geocentre Consulting 2011»
Fig. 3. Wall line on a photo in the Geocentre Consulting 2011 program.

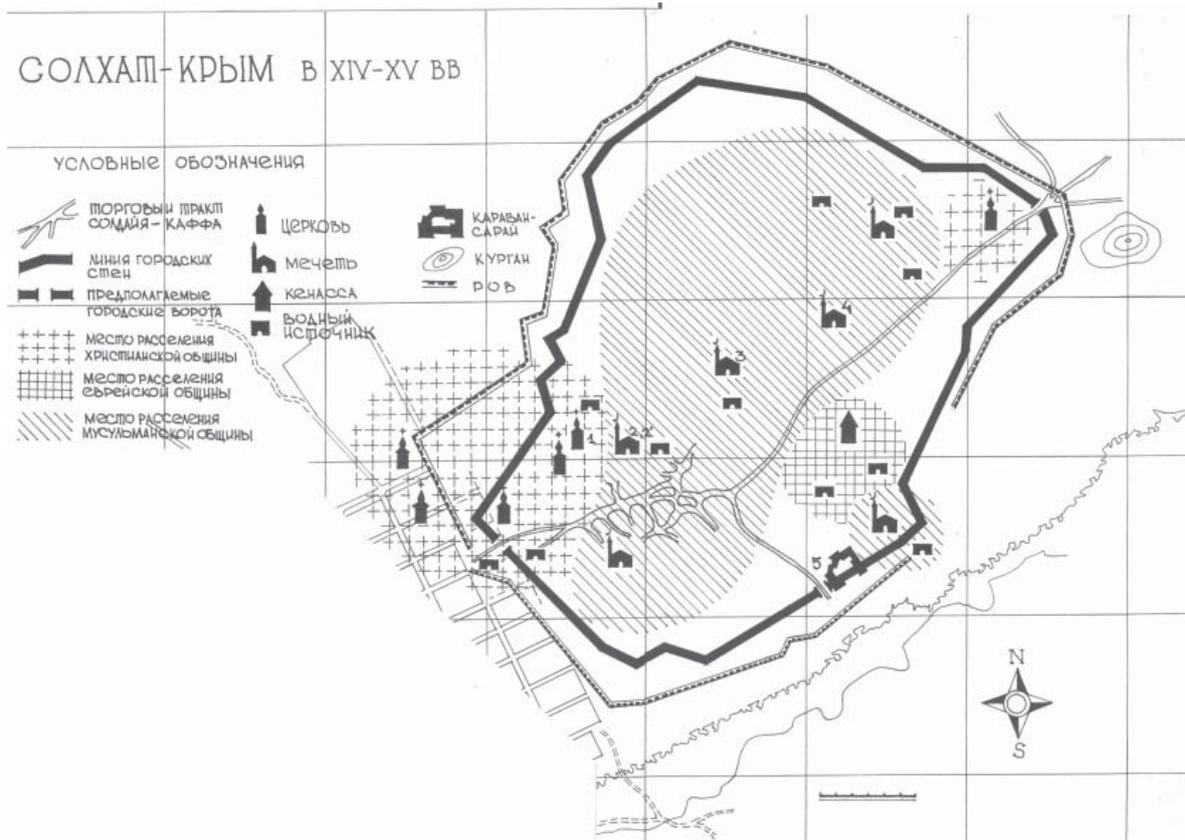

Рис. 4. План-схема Солхата в XIV-XV вв. (по М.Г. Крамаровскому)
Fig. 4. Plan of Solkhat in the 14th-15th cc. (after M.G. Kramarovsky).

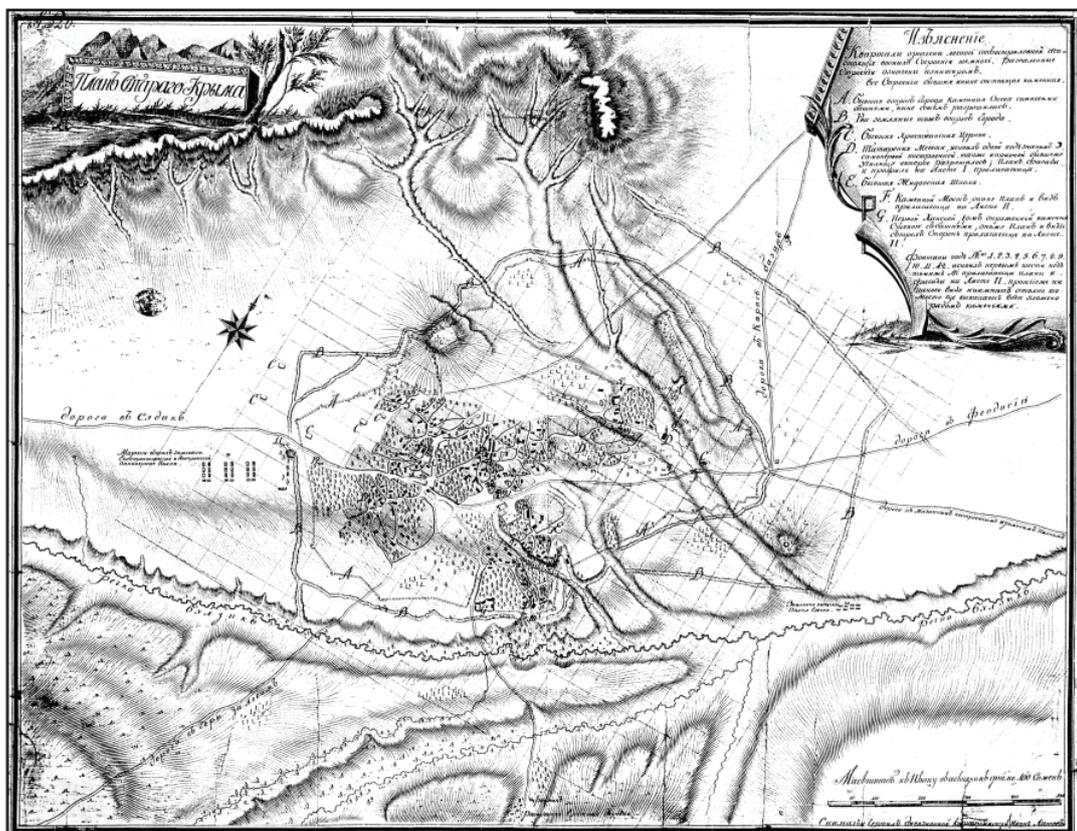

Рис. 5. План-схема г. Старый Крым работы И. Лютого (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 22608).
Fig. 5. Plan of Staryi Krym by I. Lyutyi (Central State Military and Historical Archive, f. VUA, d. 22608).

СКАЭ ГЭ 2009
Солхат, раскоп ХХХIII
слои 4-5

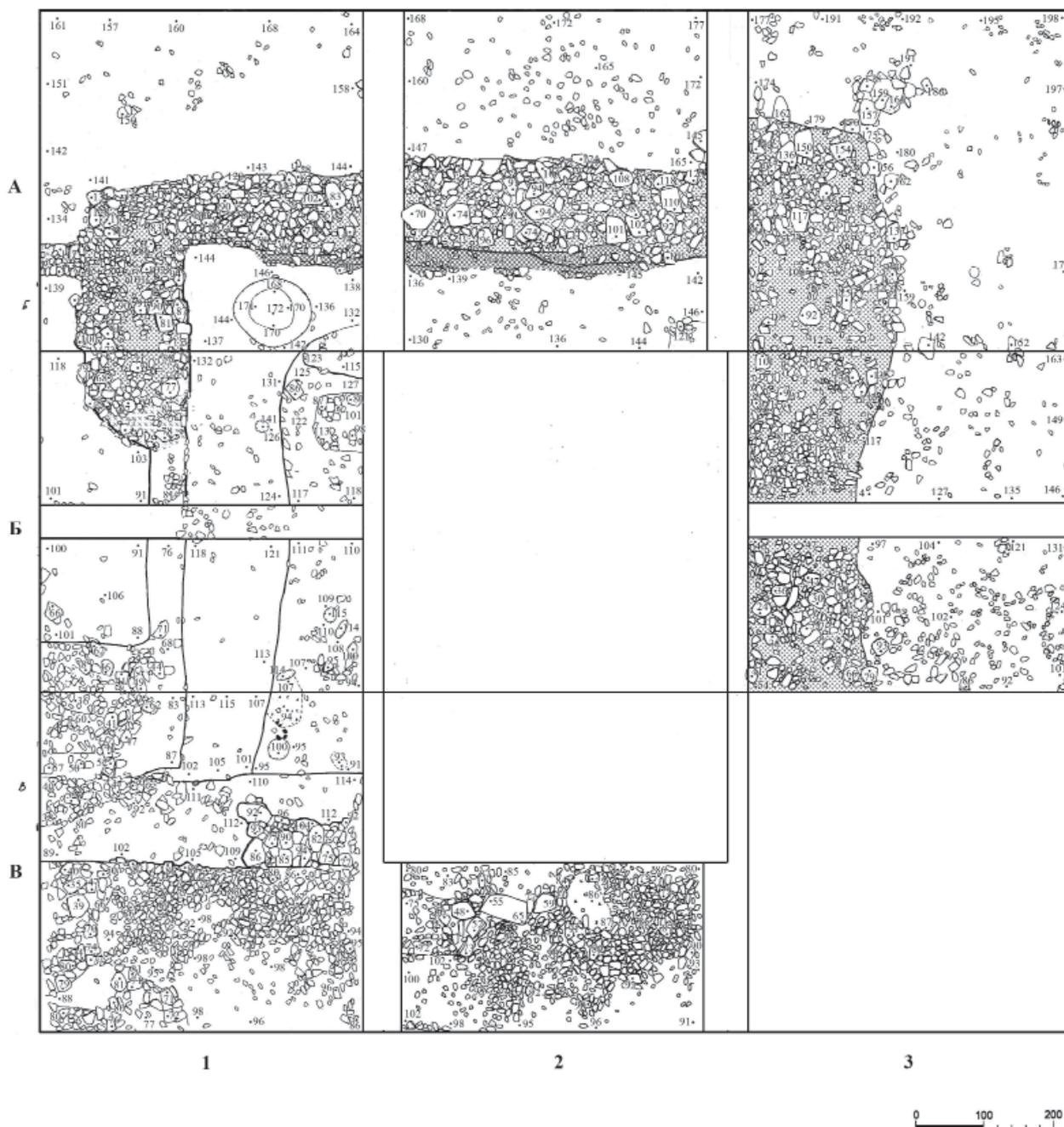

Рис. 6. Общий план раскопа 33 по результатам работ 2009 г.
Fig. 6. General plan of excavation 33 based on the results of activities in 2009.

Рис. 7. Раскоп 33. Общий вид на каменный завал по контуру башни.
Fig. 7. Excavation 33. General view of the stone filling along the contour of the tower

Рис.8. Раскоп 33. Общий вид на траншею крепостной стены и примыкающую с севера башню в квадрата В-1.
Fig. 8. Excavation 33. General view of the fortress wall trench and an adjoining tower on the north in the B-1 square.

Рис. 9. Раскоп 33. Общий вид на остатки кладки крепостной стены в квадрате В-2.
Fig. 9. Excavation 33. General view of the remains of fortress wall masonry in the B-2 square.

СКАЭГЭ-2011
Солхат. Раскоп XXXV
Слой 4

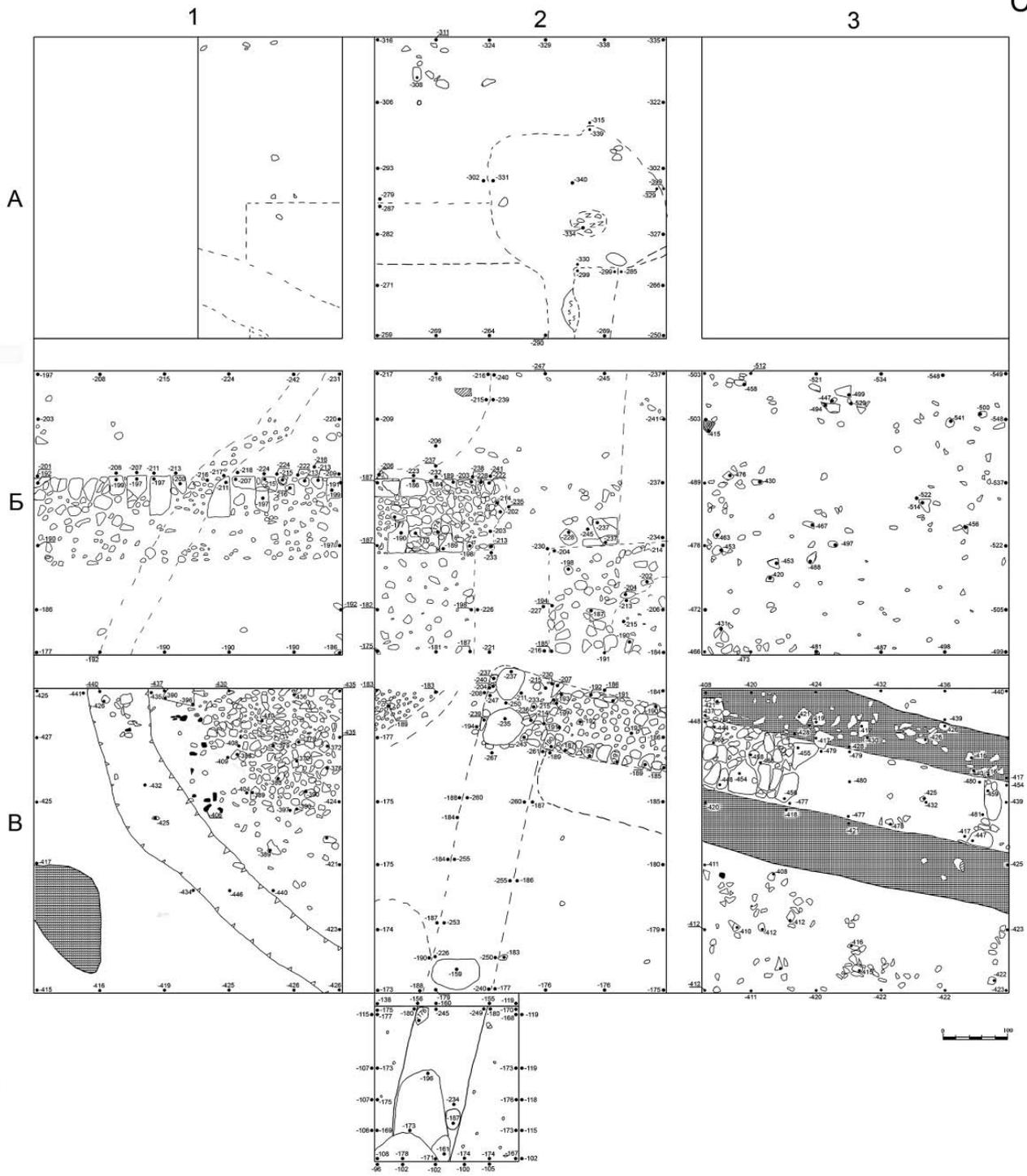

Рис. 10. Общий план раскопа 35.
Fig. 10. General plan of excavation 35.

Рис.11. Раскоп 35. Общий вид на часть крепостной стены разрушенной траншеей (?) времен Великой Отечественной войны.
Fig. 11. Excavation 35. General view of a portion of the fortress wall destroyed by a trench (?) in the period of the Great Patriotic War.

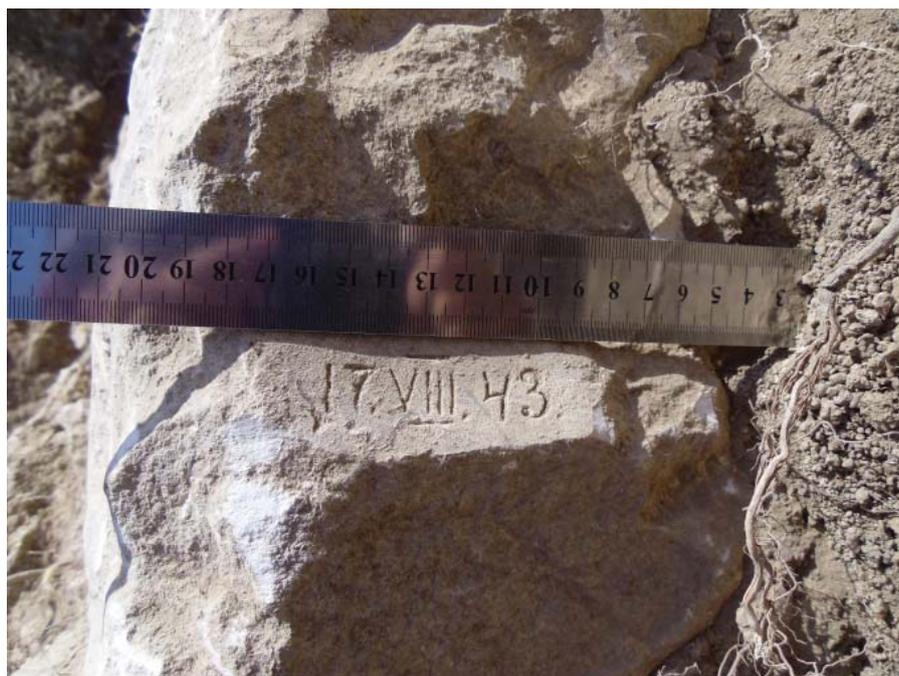

Рис. 12. Раскоп 35. Раскоп №5. Граффити времен ВОВ на камне кладки крепостной стены
Fig. 12. Excavation 35. Excavation No. 5. Graffiti of the Great Patriotic War period on a masonry stone of the fortress wall.

Рис. 13. Раскоп 35. Граффити в виде греческой буквы Σ на камнях южного фаса кладки крепостной стены.
Fig. 13. Excavation 35. Graffiti in the form of the Greek letter Σ on the stones of the southern face of fortress wall masonry.

Рис. 14. Раскоп 35. Общий вид с запада на участок размыкания крепостной стены.
Fig. 14. Excavation 35. General view from the west to the opening section of the fortress wall.

Рис. 15. Раскоп 35. Общий вид с юга на участок размыкания крепостной стены.
Fig. 15. Excavation 35. General view from the south to the opening section of the fortress wall.

Рис. 16. Раскоп 37. Общий вид на траншею крепостной стены и башни.
Fig. 16. Excavation 37. General view of the fortress wall and tower trench.

Рис. 17. Раскоп 37. Общий вид на траншею крепостной стены и вымостку к югу от стены.
Fig. 17. Excavation 37. General view of the fortress wall trench and pavement south of the wall.

Рис. 18. Раскоп 37. Западная стена башни №3. Общий вид.
Fig. 18. Excavation 37. Western wall of tower No. 3. General view.

Рис. 19. Раскоп 37. Западная стена башни №3. Внутренний фас со следами обмазки.

Fig. 19. Excavation 37. Western wall of tower No. 3. Inner face with traces of coating.

Рис. 20. Раскоп 37. Западная стена башни №3. Вторично использованные фрагменты архитектурных деталей.

Fig. 20. Excavation 37. Western wall of tower No. 3. Reused fragments of architectural elements.

Рис. 21. Раскоп 34. Обработанные известняковые плиты крепостной стены вторично использованные в закладе могилы.

Fig. 21. Excavation 34. Treated limestone slabs of the fortress wall reused in the grave foundation.

УДК 94(47).034.

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2020.6.337.353>

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ВОПРОСУ О ЧИСЛЕННОСТИ РУССКОЙ РАТИ НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ

©2020 г. В.В. Пенской

Куликовская битва 8 сентября 1380 г. по праву считается одним из известнейших сражений русской военной истории. В тот день русская рать под началом великого князя московского и владимирского Дмитрия Ивановича нанесло сокрушительное поражение войску могущественного ордынского темника и некоронованного властителя немалой части Золотой Орды Мамаю. В последующие десятилетия усилиями нескольких поколений русских книжников сложился «куликовский миф», нашедший свое отражение в произведениях, летописных и литературных, «куликовского цикла». Этот миф оказал колоссальное влияние на последующую традицию изучения Куликовской битвы и кампании 1380 г. в отечественной исторической литературе. В данной статье автор предлагает взглянуть с учетом новых тенденций и методик в изучении русского венного дела эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени на одну из составляющих этого «мифа» – бытующие в научной и в особенности в популярной литературе «тьмочисленные» оценки численности русского войска, давшего в тот день бой ордынцам. На основе имеющихся прямых и косвенных свидетельств автор приходит к выводу, что полки Дмитрия Ивановича на Куликовом поле насчитывали порядка 10-12 тыс. конных воинов.

Ключевые слова: военное дело, Русь, Золотая Орда, Куликовская битва, Дмитрий Донской, Мамай

REVERTING TO THE ISSUE OF THE NUMBER OF RUSSIAN ARMY ON THE KULIKOVO FIELD

V. V. Penskoj

The Battle of Kulikovo on September 8, 1380 is rightfully considered one of the most renowned battles of Russian military history. That day, the Russian army under the command of the Grand Duke of Moscow and Vladimir, Dmitry Ivanovich, inflicted a crushing defeat on the army of the powerful Horde temnik and the uncrowned ruler of a large part of the Golden Horde Mamai. In the following decades, through the efforts of several generations of Russian scribes, the "Kulikovo myth" was created, which has been reflected in the works, chronicles and literary sources of the "Kulikovo cycle". This myth has had a tremendous influence on the subsequent tradition of studying the Battle of Kulikovo and the campaign of 1380 in Russian historical literature. In this paper, the author proposes to take a new look, with due account of the new trends and methods of studying Russian military affairs of the late Middle Ages - early modern times, at one of the components of this "myth" - the estimates of the "numerous" number of Russian troops which exist in scientific and especially popular literature, who gave battle to the Horde that day. Based on the available direct and indirect evidence, the author comes to a conclusion that Dmitry Ivanovich's regiments on the Kulikovo field amounted to about 10-12 thousand horse soldiers.

Keywords: warfare, Russia, Golden Horde, Battle of Kulikovo, Dmitry Donskoy, Mamai

Сражение на Куликовом поле 8 сентября 1380 г., вне всякого сомнения, относится к числу наиболее известных битв русской военной истории. Наряду с такими баталиями, как Ледовое побоище, Полтавская виктория и Бородинская битва, она является неотъемлемой частью национальной мифологии, что, впрочем, и не мудрено, ибо одним из краеугольных камней мифа о Куликовской битве как составной ее части является тот, который в лаконичной, но вместе с тем образной манере был выведен Л.В. Гумилевым в его нашумевшей в свое время книге «От Руси к России»: «Сыздальцы, владимирцы, ростовцы, пско-

вичи пошли сражаться на Куликово поле как представители своих княжеств, но вернулись оттуда русскими, хотя и живущими в разных городах...» (Гумилев, 1992, с. 164).

Другим, не менее важным «камнем» Куликовского мифа является представление о ней как о грандиозном побоище поистине эпического размаха, чуть ли не Армагеддоне, имевшим судьбоносное значение для русской (и не только) истории. И здесь, пожалуй, лучше всех высказался патриарх отечественной исторической мысли С.М. Соловьев. «Куликовская битва ... была знаком торжества Европы над Азией; – писал он, – она имеет

в истории Восточной Европы точно такое же значение, какое победа Каталонская (битва на Каталаунских полях в 451 г. – В.П.) и Турская (сражение под Пуатье в 732 г. – В.П.) имеют в истории Европы Западной, и носит одинакий с ними характер, **характер страшного, кровавого побоища, отчаянного столкновения Европы с Азией, долженствовавшего решить великий в истории человечества вопрос – которой из этих частей света восторжествовать над другою?** (выделено нами – В.П.)...» (Соловьев, 1988, с. 278).

Мы преднамеренно заострили внимание на этом месте цитаты, заимствованной из мону-ментального труда великого русского историка. Между реальным сражением, которое имело место 8 сентября 1380 г. на Куликовом поле между русской ратью, составленной их полков великого князя московского и владимирского Дмитрия Ивановича и союзных ему русских князей, с одной стороны и разноязыким воинством ордынского Titanus'a (Почекаев, 2010, с. 60), всемогущего (как казалось) беклярибека Мамаю, господина немалой части западного крыла Золотой Орды, и его образом, нарисованным русскими книжниками много лет спустя самого события, есть «дистанция огромного размера». Многие поколения русских историков, а вслед за ними читателей их работ, научных и научно-популярных, попали под обаяние средневековой русской «Куликовиады» и заложили основы традиционного образа Куликовской битвы и его трактовки в духе, обрисованном несколькими смелыми штрихами С.М. Соловьевым.

Эта традиционная и, к сожалению, изрядно мифологизированная картина Куликовской битвы и событий, ей предшествовавших, картина, хорошо известная из учебников и популярной литературы, в значительной степени сложилась, прежде всего, под влиянием таких без преувеличения значимых произведений русской средневековой книжности, как «Задонщина» и в особенности «Сказание о Мамаевом побоище» – «священной» книги юбилейных исторических интерпретаций» (по меткому выражению А.Е. Петрова (Петров, 2003, с. 26)). Последние мало того что никак не могут быть отнесены к документальным источникам, но являются воинским повестями, литературно-художественными произведениями. Их авторы если и думали об исторической точности и скрупулезности в отражении описываемых ими событий, то явно не в первую очередь. Л.А. Дмитриев,

посвятивший немало времени исследованию «Сказания», отмечал в этой связи, что этот памятник – «**книжно-риторическое** произведение и по всему характеру своему, и по стилю, это произведение с **ярко выраженной церковно-религиозной окраской** (выделено нами. – В.П.)...» (Сказания и повести о Куликовской битве, 1982, с. 347). Потому-то, когда И.Н. Данилевский пишет о том, что «почти все, что мы с детских лет помним о Куликовской битве, восходит к источнику позднему и весьма ненадежному», так как, «возникнув через столетие после описываемых событий, «Сказание» не могло «достоверно» изображать «Мамаево побоище», тем более что «создатель этого произведения вовсе не соби-рался готовить «отчет» об этом событии», есть все основания согласиться с историком (Данилевский, 2001, с. 274). Конечно, можно предположить вслед за академиком М.Н. Тихомировым, что в основу того же «Сказания» были положены некие тексты, «восходящие по происхождению к очень раннему времени», и лишь «позднейшие наслоения церковного характера исказили первоначальный памятник московской поэзии XIV в, и только под верхними слоями мы различаем его жизнерадостную и светлую основу, гражданский, светский характер, типичный для московской литературы времен Дмитрия Донского» (Тихомиров, 1992, с. 167, 170). Но даже в этом случае памятник поэзии никак не может полагаться документом, первичным источником, содержащим совершенно точные и объективные (насколько это возможно) сведения о сражении, которые возможно некритично использовать для описания тех давних событий.

Но, быть может, в лучшую сторону от «Задонщины» и «Сказания...» отличаются летописные тексты, повествующие о Куликовской битве? Однако и здесь приходится констатировать, что они столь же малоинформативны и недостаточно надежны, в особенности в той их части, что касается характеристики собственно военных аспектов, тактических прежде всего (численность ратей, боевой порядок и т. п.), Куликовской битвы, как и литературные памятники.

Не вдаваясь, как и в случае с литературными памятниками Куликовского цикла, в подробный и тщательный анализ летописных повестей об этом событии (это не входит в первостепенную нашу задачу, ибо заслуживает отдельного весьма обстоятельного исследе-

дования и к тому же был уже неоднократно проделан до нас другими исследователями (Амелькин, Селезнев, 2010, с. 8–93)), отметим лишь ряд важных, на наш взгляд, особенностей. Собственно говоря, летописные «повести» о Куликовской битве могут быть разделены на две группы. Первую из них составляет наиболее близкая по времени составления к 1380 г. ранняя, краткая «редакция». В основу ее был положен, видимо, текст, который содержался в т. н. Троицкой летописи, датированной обычно 1408/1409 гг. (или некое более раннее повествование, составленное в конце XIV в. (Памятники Куликовского цикла, 1998, с. 26–27)). Несколько позднее (вероятно, в 1-й четверти XV в.) была составлена т. н. «Летописная повесть о Куликовской битве». Этот текст дошел до нас в составе нескольких летописей, наиболее ранними из которых считаются Софийская I летопись, Новгородская IV и Новгородская Карамзинская.

Однако и краткая «редакция», отраженная в дошедших до нас Рогожском летописце и Симеоновской летописи (ряд исследователей предлагает считать более ранним вариантом рассказа о сражении тексты из т. н. Белорусской I летописи (см., например: Шеков, 2004, с. 13–23) или присоединяют к версии Рогожского летописца и Симеоновской летописи текст, содержащийся в Новгородской I летописи младшего извода (Памятники Куликовского цикла, 1998, с. 15, 26)), и «Летописная повесть...», однако, не дают нам ответа на вопрос, которому, собственно, мы и намерены посвятить это небольшое исследование, а именно – сколько ратников имел под своими знаменами Дмитрий Иванович и союзные ему князья на Куликовом поле ранним утром 8 сентября 1380 г.?

Вопрос этот уже неоднократно поднимался в отечественной историографии, но единого мнения на этот счет так и не сформировалось, хотя, казалось бы, ответ на него в нашем распоряжении есть – памятники Куликовского цикла в этом отношении довольно словоохотливы, равно как художественные, так отчасти и летописные памятники Куликовского цикла. Так, составитель Софийской I летописи старшего извода сообщает нам, что русской «беяше всея силы и всех ратей числом с полтораста тысушь или со двести тысущи» (Памятники Куликовского цикла, 1998, с. 32). Пространная редакция «Задонщины» по Синодальному списку сообщает о 300 тыс. «кованых раты» на русской стороне (Памятники Куликовского

цикла, 1998, с. 100). «Сказание о Мамаевом побоище» в варианте Ундольского и вовсе дает 400 тыс. «кованой рати» (Памятники Куликовского цикла, 1998, с. 159). 400 тыс. «воинства конного и пешего» насчитал в составе русского войска и составитель знаменитой Никоновской летописи (Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью, 2000а, с. 56). И общим рефреном через все произведения Куликовского цикла идет одна и та же идея, один и тот же тезис – никогда прежде не собиралась на Руси столь великая рать, как в те дни: «Сынове же рустии наступиша великия поля коломенские яко не вместно бе никому же очима прозрети, множество бе людей» (Памятники Куликовского цикла, 1998, с. 158).

Однако на сегодняшний день традиция исчислять русские полки, которые привел Дмитрий Иванович на Куликово поле, многими десятками или даже сотнями тысяч, как это было принято прежде (см., например: Баиов, 1909, с. 48; Рыбаков, 1969, с. 387; Соловьев, 1988, с. 276; Черепнин, 1960, с. 607 и др.), как будто отошла в прошлое (впрочем, попытки возврата к этой версии случаются и по сей день, и не только в популярной литературе, но и во вполне солидных изданиях (Азбелев, 2015, с. 23–29; Журавель, 2016, с. 27)). Начиная с середины минувшего столетия эти оценки стали постепенно пересматриваться в меньшую сторону – сперва до 50–60 тыс. ратников (Разин, 1999, с. 387), а затем и еще меньше. Так, А.Н. Кирпичников в 1976 г. пришел к выводу, что Дмитрий Иванович располагал примерно 36 тыс. воинов, так как войско, насчитывающее 100 или более того тыс. ратников, по его мнению, неизбежно превратится в «неуправляемую толпу людей, только мешающих друг другу» (Кирпичников, 1976, с. 16). В одном из последних исследований, посвященной событиям 1380 г. и их отражению в русской традиции и памяти, совместной работе А.О. Амелькина и Ю.В. Селезнева, Ю.В. Селезнев пришел к выводу, что на Куликовом поле русские полки могли насчитывать не более 30 тыс. бойцов или несколько меньше (Амелькин, Селезнев, 2010, с. 29).

Особняком на этом фоне выглядит мнение С.Б. Веселовского, который еще в 1939 г. отмечал, что при протяженности Куликова поля 5–6 км русское войско насчитывало «во фронте» при условии, что воины стояли плечом к плечу, около 5–6 тыс. чел. (Веселовский, 1978, с. 268). Впрочем, здесь есть нюанс – судя по

контексту, историк имел в виду гипотетическую численность только первого ряда, а дальше общая численность могла варьироваться в весьма широких пределах в зависимости от числа шеренг в боевом построении.

В последние годы обозначилась тенденция к дальнейшему пересмотру оценок численности войска Дмитрия Ивановича в сторону уменьшения. Собственно, проблема пересмотра прежних оценок численности русских ратей эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени, содержащихся в историческом нарративе, была поднята в ходе дискуссии, прошедшей в 2009 г. на страницах журнала «*Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*» («...и бе же их столько, еже несть числа», 2009, с. 45–150). И хотя в ходе этого обсуждения между его участниками были выявлены противоречия по поводу отдельных аспектов проблемы, тем не менее практически все они сошлись на том, что безоглядно доверять сведениям нарративных источников вне зависимости, будут ли они русским или иностранными, не стоит. И связано это не в последнюю очередь с тем, что эти «тьмочисленные» оценки разрушаются при столкновении с жестокой реальностью войны – а хоть бы и проблемами управления и снабжения «тьмочисленных» ратей в ходе похода и сражения (что не берется в расчет сторонниками доверительного отношения к летописным сведениям). В целом же эта дискуссия оказалась весьма полезной и продуктивной (хотя, к сожалению, и осталась достоянием узкого круга интересующихся и занимающихся изучением проблем истории русского военного дела раннего Нового времени) с точки зрения выработки новых подходов и методов к разрешению такой несомненно важной проблемы, как оценка численности русских ратей того времени.

Развивая тезисы, выдвинутые в ходе дискуссии 2009 г., автор этой статьи в 2011 г. опубликовал в сборнике «Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения», в котором были собраны материалы Круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского Форума в Казани в марте 2011 г., текст, в котором оценил численность русской рати на Куликовом поле в 5–6 тыс. конных воинов (Пенской, 2011, с. 160). А.А. Булычев пошел еще дальше, предположив, что в русском войске утром 8 сентября 1380 г. было порядка 1–1,5 тыс. конных воинов при общей численности всей

рати (вместе с обозной прислугой и «сержантами») около 3–5 тыс. чел. (Булычов, 2010, с. 11–12)

Стоит заметить, что и участники дискуссии 2009 г., и автор этой статьи, и А.А. Булычов, оценивая численность русских ратей ни в коем разе не как «тьмочисленные», апеллировали прежде всего к 1) особенностям комплектования полевых армий в то время, увязывая этот аспект с характером социально-экономического и политического развития русских земель в рассматриваемое время; 2) сложностями организации и снабжения многочисленных ратей в условиях неразвитости административного аппарата; 3) используемыми тактическими приемами. При этом А.А. Булычов отмечал, что в условиях, когда «объективные критерии установления реального числа участников битвы, казалось бы, отсутствуют», «только обращение к проблеме тылового обеспечения войска может привести к положительному результату, показав близкое к действительности число ратоборцев с русской стороны» (Булычов, 2010, с. 11).

Соглашаясь с таким подходом (более того, мы в 2016 г. опубликовали две статьи, в которой рассмотрели проблемы московской военной логистики в раннее Новое время (Пенской, 2016а, с. 85–106; Пенской, 2016б, с. 68–84)). Отметим тем не менее, что все же мы полагаем, что сводить все к одной только логистике, пытаясь определить некие рамочные ограничения численности русских ратей того времени, было бы не совсем верно. Безусловно, при отсутствии соответствующей документации (по примеру тех же разрядных записей более позднего периода) можно вести речь лишь о приблизительных оценках состава воинских контингентов, выставляемых русскими княжествами и землями в позднем Средневековье. Однако учет всех аспектов, характеризующих состояние и уровень развития русского военного дела на тот момент, иначе говоря, комплексный подход к изучению этой проблемы, позволяет, по крайней мере, дать более или менее правдоподобный ответ на вопрос – сколько же воинов привел с собой Дмитрий Иванович на Куликово поле в сентябре 1380 г., отказавшись при этом от слепого следования свидетельствам о «тьмочисленности» русской рати на Куликовом поле, которые присутствуют в историческом нарративе.

Прежде всего, приступая к анализу проблемы, остановимся на разрешении следующей

важной, на наш взгляд, проблемы – а сколько мог мобилизовать Дмитрий Иванович ратных людей летом 1380 г.? Каким был мобилизационный потенциал Великого княжества Владимирского и Московского великого княжества в теории на тот момент и насколько он мог быть реализован на практике?

Увы, точного ответа на этот вопрос мы не знаем и, судя по всему, уже не узнаем. Даже если в Москве (или во Владимире) и имелись соответствующие списки, то до наших дней они не дошли. Остается полагаться лишь на отрывочные сведения, сохранившиеся в летописях и в актовых материалах, и косвенные данные. В 2009 г. автор этих строк предпринял попытку рассчитать мобилизационный потенциал Великого княжества Московского и Владимирского, исходя из имеющихся сведений о размере ордынского выхода, числа «тем» на этой территории и размеров выплат с одного хозяйства (сохи) и пришел к выводу, что здесь могло проживать до 2–2,5 млн. чел. При этом (если принять за основу предложенную Дж. Кипом методику оценки численности «активной» армии в 2% от всей численности населения и 5,5% «теоретического максимума» (Кеер, 1985, р. 88)) за вычетом не участвовавших в кампании 1380 г. тверских, рязанских и нижегородских полков «активная» рать Дмитрия Ивановича могла насчитывать до 25 тыс. бойцов, конных и пеших, а «теоретический максимум» (т.е. общее число боеспособных мужчин от мала до велика) около 70 тыс. Эти результаты были озвучены автором в сентябре 2011 г на заседании круглого стола «Численность противоборствующих сторон на Куликовом поле» в рамках работы научного семинара «Archaeologia Militaris» при Институте археологии РАН. Ю.В. Селезнев, используя в качестве основы те же данные, несколько ранее пришел к выводу, что Дмитрий Иванович как великий князь владимирский и московский мог рассчитывать на 25–30 тыс. всадников и неизвестное количество пеших ратников (см.: Селезнев, 2007, с. 200–206; ср.: Амелькин, Селезнев, 2010, с. 151, 157).

Попробуем все-таки еще раз, используя эту методику, просчитать число «сох» и дальше прикинуть, исходя из известных нам по Пскову 2-й пол. XV в. норм мобилизации конных и пеших бойцов, на какое число воинов мог рассчитывать Дмитрий Иванович летом 1380 г. Псковские летописи показывают, что в конце XV в. псковичи в дальний поход «рубилы» «с десяти сох человек конны», а в ближний – «с

четыреи сох конь и человек». При этом, что любопытно, в пехоту шли наиболее «маломощные» члены «общины» – бобыли и «люди молодии», которые «два третьяго покрутили щитом и сулицами». При этом «чистая» (не ездящая) пехота участвовала только в ближних походах (Псковская 1-я летопись, 2003, с. 76, 81, 84; Псковская 3-я летопись, 2000, с. 251, 252). Поскольку у нас поход предстоял дальний, то, следовательно, набор должен осуществляться по первой «норме», с 10 «сох» всадник. Если исходить из расчетов С.Н. Кистерева, который пришел к выводу, что размер выплат в Орду составлял 1/15 рубля с каждой сохи (Кистерев, 1999, с. 82–83), то при ордынском «выходе» с территории Великих княжеств Московского и Владимирского в 5 тыс. рублей «сохи» и приравненные к ним податные единицы должны были выставить около 7 тыс. или чуть больше конных воинов (из числа мелких вотчинников-«аллодистов», по выражению Ю.Г. Алексева, и княжеских министералов (Алексеев, 2019, с. 73–74)).

Однако необходимо принять во внимание, что эти 7 тыс. всадников – ополчение, созываемое с «земли», с «черных» (и, возможно, с собственно великокняжеских) волостей (ездящая пехота?), и псковский случай для земель великого княжества что Московского, что Владимирского, будет, по нашему мнению, все же нехарактерен, ибо основу ратей, что выставляли русские княжества в эту эпоху, образовывали конные княжеские «дворы» и «городовые» «полки». Последние же представляли собой конные отряды местных вотчинников – княжеских вассалов, бояр и детей боярских вместе с их слугами. С.З. Чернов, описывая один из таких отрядов, который собирался в станах, «тянувших» к Волоку Ламскому, характеризовал его как отличавшийся высокой боеспособностью, поскольку «объединенные родовыми связями, верностью сюзерену и общими интересами по защите своих обширных вотчинных владений, волоцкие землевладельцы, служившие московским князьям, выступали достаточно сплоченно» (Чернов, 1998, с. 310).

Численность княжеских «дворов» и «городовых полков» во 2-й половине XIV – XV вв. – вопрос, который в отечественной историографии практически не рассматривался, и связано это, очевидно, с неудовлетворительным состоянием источников по этому вопросу. Имеющиеся летописные сведения позволяют (на данный момент) лишь соста-

вить общее представление о том, сколько примерно бойцов могли выставить князья и «городовые» «корпорации». Приведем некоторые общеизвестные цифры, кочующие из одной публикации в другую. Один из самых известных такого рода примеров – летописная оценка численности рати, во главе которой великий князь Василий II в 1445 г. вступил в бой с татарскими «царевичами» под Суздаlem. Накануне сражения соединенное войско Василия и его «младшей братьи», князей Ивана и Михаила Андреевичей (Можайский и Верейский уделы) и Василия Ярославича Серпуховского, пришедших на помощь к великому князю «с малыми людьми», насчитывало менее 1 тыс. всадников («яко ни тысящу») (Софийская вторая летопись, 2001, стб. 104–105). В итоге выходит, что княжеские «дворы» насчитывали в этом случае примерно по 200–300 всадников. С 500 всадниками князь Дашко Острожский в 1418 г. освободил из заключения в Кременце князя Свидригайлу (Симеоновская летопись, 2007, с. 165). 300 всадников «кованой рати» «опричь кошовых» имел литовский князь-кондотьер Александр Чарторыйский в 1461 г., когда он съехал со псковской службы, не желая присягать великому московскому князю (Псковская 1-я летопись, 2003, с. 58). В 1436 г. князь Дмитрий Шемяка, двоюродный брат Василия II, имел в составе своего «двора» примерно 500 всадников (Ермолинская летопись, 2004, с. 149). Для сравнения – согласно Устюжской летописи, зимой 1446/1447 гг. казанские татары подступили к Устюгу и отошли от города, получив выкуп «11 000 денег и всякую рухлядь», и было тех татар 700 человек, «а все царев двор» (Устюжская летопись, 1982, с. 88).

Отнюдь не «тьмочисленными» были и «городовые» «полки». Так, в ночь перед боем под Суздаlem к великому князю присоединился воевода Алексей Игнатьевич Жеребцов, приведший примерно полтысячи конных воинов из Владимира (очевидно, это и был владимирский «городовой» «полк» (Софийская вторая летопись, 2001, стб. 104–105)). Волоцкая военно-служилая «корпорация», по расчетам С.З. Чернова, насчитывала примерно 460 всадников (равно «городовых и служащих великому и удельным князьям») (Чернов, 1998, с. 310). Другой, не менее характерный пример – в начале 1445 г., в ответ на предпринятый по указу Василия II набег татарских «царевичей» на литовские владения литовская рать вторглась в русские

земли и на р. Суходрови была встречена спешно выступившими ей навстречу жогайцами, верейцами, серпуховичами и боровлянами, которых, согласно летописям, насчитывалось от 300 до 500 всадников (правда, здесь надо иметь в виду, что это были второразрядные отряды, ибо главные силы этих удельных княжеств к тому времени были в походе против татар) (см.: Ермолинская летопись, 2004, с. 60; Московский летописный свод конца XV века, 2004, с. 395). И снова для сравнения – в 1426 г. псковичи послали на помощь осажденной великим князем литовским Витовтом Опочке 50 «муж снастной рати». В том же году посадники псковские Селивестр Леонтьевич и Федор Шибалкинич «с дружиною своею», «400 муж», ходили на литовскую рать под Котельно и побили неприятеля (Псковская 1-я летопись, 2003, с. 36).

Таким образом, сохранившиеся в летописях свидетельства относительно численности княжеских «дворов» и «городовых» «полков» отнюдь не рисуют нам картины их «тьмочисленности». И когда, к примеру, пространная редакция «Задонщины» по списку ГИМ сообщает нам о том, что братья Ольгердовичи, Андрей и Дмитрий, явились к Дмитрию Ивановичу с «храбрые Литвы 70000», и даже «7000 окованные рати» братьев Ольгердовичей из пространной редакции все той же «Задонщины» по списку В.М. Ундольского все равно смотрятся совершенно неправдоподобно, являясь явным эпическим преувеличением (Памятники Куликовского цикла, 1998, с. 114, 127). 200, 300, 500 конных воинов или несколько больше – вот, пожалуй, тот более или менее реальный верхний предел, больше которого ни князья, ни «города» располагать не могли ни под какими условиями. Следовательно, зная примерный состав и структуру рати Дмитрия Ивановича, можно попробовать определить ее примерную максимальную численность.

Работу по определению состава русского войска, которое пришло на Куликово поле в сентябре 1380 г., выполнил А.А. Горский, и к его расчетам мы и обратимся, взяв их за основу. Тщательно проанализировав сведения об «уряжении полков», что содержатся в «Сказании о Мамаевом побоище» и Новгородской летописи по списку П.П. Дубровского (Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского, 2004, с. 134; Памятники Куликовского цикла, 1998, с. 149, 159), он пришел к следующим выводам. Прежде всего, «уряжение полков», содержащееся в новгородской летописи, если

«и является позднейшей «реконструкцией», то реконструкцией весьма искусной (в отличие от «реконструкций», предпринятых в «Сказании о Мамаевом побоище», которые выдают себя анахронизмами) и, вероятно, близкой к реальности» (Горский, 2004, с. 260). Согласно же этой «реконструкции», кроме самого Дмитрия Ивановича и его двоюродного брата Владимира Андреевича, участвовали еще 11 князей без учета братьев Ольгердовичей (Горский, 2004, с. 258–259). В сумме это может дать примерно 3,5–5 тыс. всадников «кованой рати». Кроме того, по расчетам А.А. Горского, в походе участвовали 16 «городовых» «полков» с территории великого княжества Владимирского и Московского (еще около 5–8 тыс. всадников) и, возможно, «городовые» «полки» из 9 удельных княжеств – т. е. еще примерно 3–4,5 тыс. всадников (Горский, 2004, с. 264).

Итого выходит, что верхней планкой, выше которой численность русского войска на Куликовом поле будет выглядеть, мягко говоря, чрезмерной и фантастической, будет 11,5–17, 5 тыс. конных латников, усреднено – около 14–15 тыс. всадников. При этом мы преднамеренно не берем в расчет «посошную рать» – для операции, предпринятой Дмитрием Ивановичем, она будет малопригодна по причине недостаточной выучки, вооруженности и способности переносить дальние марши (собираемая от случая к случаю, она явно уступала по боеспособности княжеским «дворам» и «городовым» «полкам», и об этом и сам Дмитрий, и его воеводы были хорошо осведомлены). В еще большей степени это касается пехоты – мы считаем верным наблюдение, сделанное В.А. Кучкиным. Тридцать лет назад он писал, что русская рать в кампанию 1380 г., несомненно, была конной, ибо, во-первых, «ни один из ранних памятников Куликовского цикла не сообщает о пешей русской рати», ибо «впервые она упоминается в рассказе о Куликовской битве Никоновской летописи конца 20-х – начала 30-х годов XVI в»; а во-вторых, краткие сроки мобилизации (полторы две недели) не позволяли собрать в Москве пешие отряды из отдаленных княжеств (Кучкин, 1980, с. 13). Добавим к этому, что пехота, в еще меньшей степени подготовленная и обученная, чем «посошная» конница, в столь дальнем походе, как куликовский, была бы еще большей обузой и только создавала бы проблемы конной рати своей медлительностью и неповоротливостью.

Впрочем, на самом Куликовом поле пехота могла присутствовать. Среди находок оружия, сделанных в ходе изысканий на Куликовом поле, имеется наконечник по меньшей мере одной рогатины, которая была на вооружении русских пещев (Реликвии Донского побоища, 2008, с. 15, 49). Но роль пехоты здесь вполне могли сыграть спешенные всадники «городовых» «полков» и княжеских «дворов» – эта практика была распространена не только на Западе, где в ходе бушевавшей Столетней войны рыцари с обеих враждующих сторон неоднократно спешивались, но и на Руси. Кстати, стоит заметить, что в XVI в. рогатина как предмет вооружения всадника встречается и в Великом княжестве Литовском, и в Русском государстве (см., например: Пенской, 2–18, с. 231–232; Литовская метрика, 1915, стб. 469–470).

И еще один веский довод в пользу того, что «посошная» рать и пехота не были взяты в поход. В.А. Кучкин подметил, что, несмотря на то, что Дмитрий как будто созвал под свои знамена все силы, тем не менее, согласно той же «Летописной повести...», «на Москве остави воевод своих» (Памятники Куликовского цикла, 1998, с. 70). И хотя в повести назван по имени лишь один воевода, Федор Андреевич (по предположению С.Б. Веселовского, которое поддержал В.А. Кучкин – боярин Ф.А. Свибло (Веселовский, 1969, с. 54)), тем не менее сам строй фразы предполагает, что в столице был оставлен довольно крупный гарнизон. Напрашивается предположение, что основу его как раз и составляла «посошная» рать, усиленная «дворами» оставленных на хозяйство в Москве бояр – та же «свиблова чадь», известная нам по новгородским летописям (Новгородская четвертая летопись, 2000, с. 341). Малопригодные для полевого сражения, «посошные» пехота и конница отлично подходили для обороны городов и в этом качестве легко могли заменить более боеспособные «первоочередные» отряды – княжеские и боярские «дворы» и «городовые» «полки». Необходимость оставления приличных гарнизонов в главных городах великого княжества, в особенности по Оке и ее притокам, очевидна, поскольку беззащитные (в случае тотальной мобилизации всех, кто способен держать оружие) русские города были весьма уязвимы от неожиданного нападения неприятеля, неважно, татар или литовцев. И даже если сам Дмитрий Иванович попробовал бы поступить таким образом,

его вассалы и ближайшее окружение вряд ли позволили бы ему это сделать.

Итак, подведем промежуточный итог нашим размышлениям. Исходя из называемых в источниках значений для численности княжеских «дворов» и «городовых» «полков», а также из вероятного состава русской рати в начале сентября 1380 г., а также из характера мобилизации (дальний поход и предполагаемое «прямое дело» с неприятелем в поле, где татарская рать, состоящая в значительной степени из легкой конницы, имела бы несомненное преимущество в маневре и подвижности над русской, если бы та имела в своем составе пехоту), предполагаем, что по максимуму войско Дмитрия Ивановича могло иметь примерно 14–15 тыс. всадников без учета обозной и прочей прислуги.

Однако в этой связи возникает другой вопрос – указанное число выходит, если предположить, что и «дворы», и «городовые» «полки» всели в седло в своем полном, «списочном» составе и все, без изъятия, в назначенный срок явились на место сбора и оттуда выступили на Куликово поле. Однако такой подход нам представляется маловероятным. Прежде всего это связано с особенностями самого механизма сбора войск в эпоху Средневековья, существенно отличавшегося от того, который был присущ армиям Нового времени. Здесь стоит привести любопытное наблюдение, сделанное отечественным исследователем Д.И. Уваровым. В 2003 г. он писал, что «власть средневекового короля была следствием «добровольного соглашения» феодалов и держалась лишь до тех пор, пока большинство ее признавало хотя бы пассивно, а меньшинство готово было поддержать активно, по приказу короля расправляясь с каждым из ослушников. Когда король принадлежал к утвердившейся династии и его авторитет носил «сакральный», безусловно признанный характер, столь же безусловно признавалось и его право на исполнение его приказов подданными, от простолюдина до герцога. Это теоретическое право превращалось в практическое, когда король обладал и **личным авторитетом, твердым характером, опытом, знанием феодального права, взаимоотношений между вассалами и умением находить нужный тон с ними** (выделено нами – В.П.)...» (Уваров, 2004, с. 32).

Заменив в этой цитате «король» на «великий князь», мы вполне можем приложить вышесказанное к русским реалиям конца XIV

в. Дмитрий Иванович мог собрать войско ровно столько, сколько были согласны выставить его «молодая братья», и ничуть не больше – заставить их «всесть в седло» против их желания у него не было реальных возможностей, административных и иных. Более или менее он мог полагаться только на собственные ресурсы, ибо до завершения в общих чертах военной централизации на территории северо-восточной Руси и формирования общерусской армии под единым военно-политическим руководством было еще по меньшей мере столетие.

Однако если исходить из того, что авторитет Дмитрия Ивановича летом 1380 г. было достаточно высок (а, похоже, дело обстояло именно так – моральный капитал, накопленный им за последние пять лет, с момента победы над Михаилом Тверским и подкрепленный успехом на Воже, явно не был израсходован до конца), тем не менее 100% мобилизация вряд ли была возможна. На это обстоятельство наводит летописный рассказ о сражении на Суходрови. Русская рать в ней явно была укомплектована собранными наспех «дворовыми» и «городовыми» – теми, кто по тем или иным причинам остался дома, пока основной состав местных ополчений ушел со своими князьями в поход вслед за Василием II против татар. Каков был процент таких оставшихся дома летом 1380 г., точно мы не знаем, но учитывая скорость, с которой была осуществлена мобилизация летом 1380 г., можно предположить, что определенная часть ратных в поход не выступила. Сколько – вопрос интересный. Можно ли попытаться представить, как много оказалось таких «остальцев»? На наш взгляд, если и нельзя точно рассчитать, то, опять же, прикинуть порядок цифр попробовать стоит. С.З. Чернов в своем исследовании отмечал, что за время, прошедшее со 2-й четверти XV по конец столетия, число воинов, которых выставляла волоцкая служилая корпорация, выросло примерно на 40% (Чернов, 1998, с. 310, 315). Вряд ли в остальных землях Великого Владимирского и Московского княжеств этот прирост в то время отличался существенно в большую или меньшую сторону. И если нам известно, что, к примеру, в Полоцком походе Ивана Грозного участвовало почти 5 сотен можаичей, то в конце XIV – нач. XV в. их было около 300. На Суходровь явилась сотня можаичей – выходит, что примерно 1/3 их от общего числа состоявших в корпорации осталась дома, причем остались явно не лучшие

«бояре» – в дальний поход ушли «выборные» воины, те, чья «людность, конность и оружность» отвечала высшим стандартам. И, в таком случае, выведенную нами цифру в 14–15 тыс. всадников можно урезать минимум на 20–25 %, т. е. до примерно 10–12 тыс. «комбатантов» (опять же без учета кошевой и прочей прислуги, которую надо исчислять хотя бы одному прислужнику на каждого конного воина).

Эта цифра (несколько большая, чем мы предполагали в своих предыдущих работах) представляется нам сегодня наиболее соответствующей реалиям того времени еще и по соображениям логистики и тактики. Остановимся подробнее на первом условии. Не так давно молодой исследователь М.А. Несин опубликовал статью, посвященную разбору логистического аспекта кампании 1380 г. (Несин, 2018, с. 70–80). В ней автор пришел к выводу, что применительно ко временам Куликовской битвы «попытки оценить размер тогдашнего войска по обозу ... представляются нерелевантными» (Несин, 2018, с. 72). Анализ выдвинутых им аргументов против «логистической» версии все же не позволяет нам согласиться со столь категоричной оценкой, и вот почему. Прежде всего, отметим, что не выдерживают критики приведенные исследователем аргументы против наличия обоза в русском войске. Приведенные М.А. Несиным примеры, когда русская рать как будто обходилась без него (здесь можно вспомнить еще и хрестоматийное изречение С. Герберштейна (Герберштейн, 2008, с. 243, 247, 249, 401)), представляют как раз тот самый случай, когда речь идет об исключении, только подтверждающем общее правило. Ведь речь в них идет о «лехкой», «изгонной» рати, весь смысл создания которой как раз и заключался в том, чтобы за счет максимального облегчения и избавления от громоздкого и медлительного гужевого обоза добиться максимальной подвижности и маневренности. Наш же случай к таким не относится, и поэтому на него можно смело проецировать ситуацию с кампанией 1377 г. – той самой злосчастной кампанией, когда русские полки «по истине за Пианую пиани». Тогда на походе русские ратники «доспехи свои въскладоша на телеги, а ины в сумы, а у иных сулицы еще и не насажены бяху, а щиты и копия не приготовлены» (Рогожский летописец, 2000, стб. 118). И это, кстати, не единственный такого рода пример – точно также оказались застигнуты врасплох

и не изготовленными к бою, с доспехами и прочим оружием в обозе, полки воеводы князя П.И. Шуйского на р. Уле зимой 1564 г. (Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью, 2000б, с. 377). И поскольку на Куликово поле шла не «изгонная» рать, а «нормальное» войско, то и с обозом, гужевым и вьючным, у него все было в порядке.

Неизбежность значительного обоза при войске Дмитрия Ивановича проистекает еще и из особенностей самого похода. Значительная часть маршрута русского войска пролегла по рязанским землям, и если на территориях, подвластных московскому князю и его вассалам войско еще могло рассчитывать на поддержку и определенное снабжение со стороны местной администрации, то этого никак нельзя сказать о рязанцах. Последние в лучшем случае придерживались бы нейтралитета, а, скорее всего, памятуя об обычаях войны, местное население разбежалось бы по укрытиям, уводя с собою скот и пряча припасы («как поидет рать, ино хлебы все свозят в города, а сена пожгут» (Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой, 2006, с. 130)), так что воины Дмитрия вряд ли могли рассчитывать поживиться чем-либо существенным на рязанских землях. К тому же и сам Дмитрий, если верить Никоновской летописи (а не верить в этом случае ей не стоит), запретил своим воинам брать что-либо у рязанцев («аще кто идет по Рязаньской земле, да никтоже ничемуже коснется, и ничтоже возмет у кого...») (Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью, 2000а, с. 54)), чтобы не создавать излишних проблем на марше. А в том, что они могли быть, и серьезные, свидетельствует, к примеру, история белевской кампании 1439 г. Тогда полки русских князей, выдвигаясь по своей земле навстречу засевшему в Белеве «казакующему» хану Улуг-Мухаммеду, «все пограбиша оу своего же православнаго христианства и мучаху людеи из добытка и животину бьющее назад себе отсылаху, а ни чим же не розоидяхуся, все грабляхоу и неподобная и скверная деяху» (Никаноровская летопись, 2007, с. 106). Легко представить себе, как вели бы себя ратники Дмитрия Ивановича на рязанской земле, князь которой Олег, давний противник Москвы, по существу, встал на сторону Мамаю. Кстати, этот «славный» обычай «силоного имания» напрямую увязывается с пресловутой «войною»

«кто чего ни попросить» из ярлыка Менгу-Тимура митрополиту Кириллу – натуральной повинностью, которая узаконивала поборы с местного населения в пользу проезжающих мимо войск (Григорьев, 2004, с. 30).

Впрочем, и без запрета войску Дмитрия Ивановича вряд ли стоило полагаться на местные рязанские ресурсы – при тогдашней плотности населения полагаться на принцип «Война кормит войну» было опасно. Несколько сотен или даже тысяч ратников еще могли прокормиться с местности, однако не войско, насчитывающее под два, если не больше, десятка тысяч «едоков», не говоря уже о значительно большем числе лошадей, строевых, выючных и обозных. Здесь также есть серьезная логистическая проблема. Еще раз повторим свой тезис из статьи 2016 г. Применительно к XIV или XV вв. речь не идет о правильно налаженной системе снабжения и регулярной выдаче «пайков» ратным людям и их прислуге, но **необходимо вести речь о некоем ежедневном физиологическом минимуме** (выделено нами – В.П.) для людей и коней (для последних в особенности), без которого войско быстро потеряет боеспособность. И этот провиант ратники должны были везти с собой из расчета хотя бы на дорогу от Коломны до Куликова поля и обратно. Расчеты, произведенные нами, показывают, что для XVI в. дневная «норма» предполагала, что ратник на походе должен был получать примерно 4–4,5 тыс. ккал/сут., минимум же («суровый режим очень скудного питания», по выражению Л.В. Милова) составлял 2,1–2,4 тыс. ккал/сут. (Пенской, 2018, с. 20–21). И в том, что в XIV в. эти «нормы» были действительны, нет никаких сомнений – законы физиологии постоянны для любой эпохи. В условиях же отсутствия централизованного снабжения и запрета на реквизиции все необходимое он должен был неизбежно везти с собой или на телеге (минимум одноконной и с возницей, грузоподъемностью до 300 кг), или на выючной лошади (способной поднять не больше 100 кг).

Не менее сложным был и вопрос о снабжении лошадей фуражом. По самым минимальным расчетам войско, насчитывающее 10–12 тыс. всадников, должно было иметь не меньше чем 30–35 тыс. лошадей, если не больше (исходя из предположения, что на каждого всадника приходились конь боевой, походный и выючный). Между тем расчеты показывают, что при обычном дневном переходе в 35 км

лошади весом 300–350 нужно было дать 30–35 кг хорошей травы в день при условии, что они будут находиться на подножном корму (Калинин, Яковлев, 1961, с. 162, 166). Легко посчитать, сколько травы потребляли бы 30–35 тыс. коней ежедневно и каковы должны были быть площади, на которых можно было бы выпастить такое количество лошадей с условием, что их нужно было утром быстро собрать, оседлать или навьючить и снова двинуться походом дальше. Одним словом, при условии, что войско будет идти одной дорогой (а имеющиеся в нашем распоряжении источники не говорят ничего о том, что рать Дмитрия Ивановича выдвигалась к месту сражения несколькими колоннами по разным дорогам), то возможности ее обеспечения провиантом и фуражом на марше и налагают естественные ограничения на численность войска, которое никак в таком случае не могло быть «тьмочисленным».

И последний аспект, который косвенно подтверждает наши расчеты – тактический. Мы не сомневаемся в том, что русское войско делилось на поле битвы на вполне традиционные центр, правое и левое крылья – это деление устоявшееся и повсеместно распространенное. Однако вместе с тем мы сомневаемся в том, что картина, описанная в том же «Сказании о Мамаевом побоище», согласно которому рать Дмитрия Ивановича была поделена на «титульные» (термин О.А. Курбатова) полки правой и левой рук, передовой и великокняжеский (Памятник Куликовского цикла, 1998, с. 159), действительно имела место. Такое деление окончательно утвердилось, судя по всему, лишь в середине XVI в., и его использование для более ранних времен выглядит явным анахронизмом.

Взяв за основу 3-частный боевой порядок русского войска, попробуем определить его структуру. Сама по себе конная схватка в те времена состояла из череды атак и отступлений с целью привести себя в порядок и снова атаковать (применительно к нашей эпохе косвенно на это указывают отдельные оговорки в источниках (см., например: Памятники Куликовского цикла, с. 78; Псковская 1-я летопись, 2003, с. 20; Софийская первая летопись, 1851, с. 268), а это, в свою очередь, предполагало, что и само войско будет выстроено в несколько линий. Сколько линий могло быть в боевом построении армии? Император Никифор Фока в конце X в. рекомендовал выстраивать конное войско в три линии, причем линия

от линии, по его совету, должна была отстоять на полет стрелы, а сами линии разделены на отряды, расставленные с таким расчетом, чтобы в интервалы между этими отрядами могли свободно проходить отряды других линий боевого порядка (Фока, 2006, с. 27, 31, 32). Любопытный факт – император также рекомендовал выделить отдельно передовую завесу из отрядов прокурсаторов, в задачу которых входила завязка боя, в сказаниях же Куликовского цикла эту же роль выполняют «сторожевые» «полки» русские (Памятники Куликовского цикла, 1998, с. 37).

Несколько линий боевого порядка, разделенных на отдельные отряды, рекомендует иметь в составе конного войска и эмир Тимур в своем «Уложении» (а это наставление по времени создания практически совпадает с Куликовской битвой), причем Тимур предписывает своим военачальникам наращивать силу удара из глубины боевого построения и маневрировать отдельными частями боевого порядка в ходе битвы (Тимур, 2006, с. 408–410).

Сравнивая тактические приемы, описываемые Никифором Фокой и Тимуром, нетрудно заметить, что в общем и в целом они схожи, хотя их и разделяет пять веков, и нет причин полагать, что русские воеводы действовали бы на поле боя иначе, чем византийцы или ордынцы. Следовательно, боевое построение русских полков неизбежно должно было отвечать таким же требованиям, какие были изложены в этих «уставах». С учетом того, что войско Дмитрия Ивановича для обеспечения необходимого пространства для маневра отдельных его частей должно было быть разрежено равно как в глубину, так и по фронту, то на том Куликовом поле, местонахождение которого достаточно надежно обосновывается археологами (Бурова, 2003, с. 44; Гласко, Сычева, 2003, с. 20), места для «тёмночисленной» рати просто не остается.

Подведем общий итог. Те сведения, которыми мы располагаем на настоящий момент относительно структуры русских ратей конца XIV – начала XV вв., их тактики, организации снабжения и собственно особенностей подготовки и проведения кампании 1380 г., при критическом анализе информации, содержащейся в произведениях Куликовского цикла, равно как летописных, так и литературных, позволяют нам с высокой степенью уверенности утверждать, что общая численность русского войска, которое Дмитрий Иванович

привел на Куликово поле, составляла порядка 10–12 тыс. конных воинов (без учета обозной и иной прислуги) максимум (при этом часть из них могла действовать в сражении в спешном строю). Все остальные оценки ее численности выше этого предела представляются нам нереальными.

Отметим, что по тем временам это была действительно огромная армия – для сравнения, по современным оценкам, в сражении при Креси в 1346 г. принимало участие с английской стороны примерно 6 тыс. воинов (в т. ч. примерно 2,5 тыс. конных латников) или несколько больше, а с французской – 20–25 тыс. воинов, в т. ч. до 12 тыс. рыцарей и конных сержантов и 6 тыс. наемных арбалетчиков (Ayton, 2005, p. 168; Sumption, 1990, p. 526). В другой, не менее значимой по масштабам и последствиям битве при Пуатье в 1356 г. англичане имели примерно 6–7 тыс. воинов, а французы – около 11, в т. ч. 8 тыс. конных латников и 3 тыс. пехотинцев (Sumption, 1999, p. 225, 235). Наконец, в битве при Азенкуре в 1415 г. английская армия численностью (по расчетам британского историка Э. Карри) 9–9,5 тыс. чел. (в т. ч. несколько больше 1,5 тыс. конных латников) разбила французскую армию, имевшую в строю 12–14 тыс. бойцов, в т. ч. 8–9 тыс. конных латников (Ciggy, 2005, p. 70–71, 113–114, 131, 185–187). Согласимся с тем, что при сходстве общих принципов мобилизации воинов и комплектования полевых армий короли Франции в сер. XIV – нач. XV вв. могли набрать войско существенно больше, чем Дмитрий Иванович уже по той простой причине, что Франция была более многолюдной страной, нежели Северо-Восточная Русь в те же десятилетия. И когда автор «Задонщины» и составители т. н. «Синодика Успенского собора» сообщают о том, что в ходе сражения пало 11 русских воевод и несколько сот «бояр» (от 400 до 500) – тех самых конных латников, хорошо обученных и подготовленных, и, видимо, не меньшее (если не большее) число их послужильцев-«сержантов», то это была действительно очень серьезная потеря. Для сравнения – в 1407 г. псковская рать (вся «власть, опроче пригородов») потерпели поражение от ливонцев на Лозоговичском поле, потеряв побитыми 700 чел., 3-х посадников, «боляр много и сельских людей много избиша», причем летописец, сообщая эту печальную весть, сравнил это побоище с Ледовым и с Раковорской битвой (Псковская 1-я летопись, 2003, с. 31).

ЛИТЕРАТУРА

Азбелев С.Н. Численность и состав войск на Куликово поле // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 4(62). С. 23–29.

Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV – XVI вв.. Переяславский уезд // Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история России XV – XVI вв. СПб.: Изд-во Олега Абышко. 2019. С. 21–264.

Амелькин А.О., Селезнев Ю.В. Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков. М.: Квадрига, 2010. 384 с.

Баиов А.К. Курс истории русского военного искусства. Вып. 1 От начала Руси до Петра Великого. СПб.: Тип. Г. Скачкова, 1909. 159 с.

Булычев А.А. Живые и мертвые // Родина. 2010. № 8. С. 8–14.

Бурова О.В. Принципы и научно-методические подходы по восстановлению лесов Куликовского поля // Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. В двух томах. Т. I. Тула: Тульский полиграфист, 2003. С. 36–47.

Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969. 583 с.

Веселовский С.Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М.: Наука, 1978. 343 с.

Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 776 с.

Гласко М.П., Сычева С.А. Ландшафты места Донского побоища // Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. В двух томах. Т. I. Тула: Тульский полиграфист, 2003. С. 7–22.

Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004. 392 с.

Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 276 с.

Гумилев Л.Н. От Руси к России. Очерки этнической истории. М.: Экопрос, 1992. 336 с.

Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII – XIV вв.). М.: Аспект Пресс, 2001. 389 с.

Журавель А.В. Два сражения за поле Куликово – реальное и книжное // Преподавание истории в школе. 2016. № 1. С. 24–28.

Калинин В.И., Яковлев А.А. Коневодство. М.: Государственное издательство сельскохозяйственной литературы, 1961. 271 с.

Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1976. 138 с.

Кистерев С.Н. Рубль Северо-Восточной Руси до начала XV века // Очерки феодальной России. Вып. 3. / Под ред. С.Н. Кистерева. М.: УРСС, 1999. С. 31–84.

Кучкин В.А. Победа на Куликовом поле // ВИ. 1980. № 8. С. 3–21.

Литовская Метрика. Отдел первый. Часть третья. Книги публичных дел. Переписи войска Литовского // Русская историческая библиотека. Т. XXXIII. Петроград: Тип. Главного управления уделов, 1915. 1378 стб.

Несин М.А. К вопросу о логистике Куликова поля // Вестник Удмуртского университета. Серия История и Филология. 2018. Т. 28. Вып. 1. С. 70–80.

Памятники Куликовского цикла/ Гл. ред. Б. А. Рыбаков. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1998. 410 с.

Пенской В.В. О численности войска Дмитрия Ивановича на Куликовом поле // Военное дело Золотой Орды. Проблемы и перспективы изучения / Отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань: Изд-во: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 157–162.

Пенской В.В. «...И запас пасли на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени // История военного дела: исследования и источники. 2016. Т. VIII. С. 85–106.

Пенской В.В. Логистика в войнах Русского государства 2-й половины XV–XVI вв. // Новое прошлое. 2016. № 3. С. 68–84.

Пенской В.В. Военное дело Московского государства. От Василия Темного до Михаила Романова. Вторая половина XV – начало XVII в. М.: Центрполиграф, 2018. 354 с.

Петров А.Е. Куликово поле в исторической памяти: формировании и эволюция представлений о месте Куликовской битвы 1380 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 3 (13). С. 22–30.

Полное собрание русских летописей. Т. IV. Новгородская четвертая летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 728 с.

Полное собрание русских летописей Т. XV. Рогожский летописец. М.: Языки русской культуры, 2000. 186 стб.

Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. Симеоновская летопись. М.: Знак, 2007. 328 с.

Полное собрание русских летописей. Псковская третья летопись. Окончание 2-го Архивского списка Т. V. Вып. 2. М.: Языки славянской культуры, 2000. 368 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XVI – XVII вв. Л.: Наука, 1982. С. 17–103.

Полное собрание русских летописей. Т. V. Псковские и Софийские летописи. СПб.: Тип. Э. Праца, 1851. С. 81–275.

Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. Псковская первая летопись. М.: Языки славянской культуры, 2003. 256 с.

Полное собрание русских летописей. Т. VI. Софийская вторая летопись. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2001. 240 с.

Полное собрание русских летописей. Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 264 с.

Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 544 с.

Полное собрание русских летописей. Т. XLIII. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Полное собрание русских летописей. Т. XXIII. Ермолинская летопись М.: Языки славянской культуры, 2004. 256 с.

Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М.: Языки славянской культуры, 2004. 488 с.

Полное собрание русских летописей. Т. XXVII. Никаноровская летопись // М.: Языки славянских культур, 2007. С. 17–136.

Полное собрание русских летописей. Т. XXXV. Летописи белорусско-литовские. М.: Наука, 1980. 305 с.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551-1561 гг.) / сост.: Д. А. Мустафина, В. В. Трепавлов. Казань: Татарское кн. изд-во, 2006. 391 с.

Почекаев Р.Ю. Мамай. История «антигероя» в истории. СПб.: Евразия, 2010. 288 с.

Разин Е.А. История военного искусства. Т.2. История военного искусства VI – XVI вв. СПб.: Полигон, 1999. 656 с

Реликвии Донского побоища. Находки на Куликовом поле. М.: Квадрига, 2008. 88 с.

Рыбаков Б.А. Военное искусство // Очерки русской культуры XIII–XV вв.: в 2 ч. Ч. 1. / Отв. ред. А.В. Арциховский. М.: Изд-во МГУ, 1969. С. 348-388.

Селезнев Ю.В. К вопросу о количестве населения и мобилизационном потенциале Руси в конце XIV – начале XV вв. (к постановке проблемы) // Вестник Воронежского института высоких технологий. 2007. № 1. С. 200-206.

Сказания и повести о Куликовской битве. Л.: Наука, 1982. 421 с.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 3 // Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. II. М.: Мысль, 1988. С. 7–342.

Стратегика Никифора II Фоки / пер. и комм. А. К. Нефёдкина. СПб.: Алетейя, 2005. 105 с.

Тамерлан. Автобиография. Уложение. М.: Эксмо, 2006. 512 с.

Тихомиров М.Н. Древняя Москва XII – XV вв. Средневековая Россия на международных путях XIV – XV вв. М.: Московский рабочий, 1992. 318 с.

Уваров Д.И. Битва при Креси (1346 г.) и военное дело первой фазы Столетней войны (1337-1347 гг.) // Воин. 2003. № 14. С. 23–39.

Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV – XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М.: Изд.-во социально-экономической литературы, 1960. 899 с.

Чернов С.З. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М.: Институт археологии РАН, 1998. 544 с.

Шеков А.В. Рассказ о сражении на Дону 1380 г. в Белорусской I летописи // Верхнее Подонье: природа, археология, история. Т. II. / Отв. ред. А. Н. Наумов Тула: ООО Риф «ИНФРА», 2004. С. 13–23.

«...и бе их столько, еже несть числа»: сколько воинов воевало в Русской армии в XVI в. ? // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2009. № 1/2 (5/6). С. 45–150.

Ayton A. The English Army at Crecy // Ayton A., Preston Ph. Et al The Battle of Crésy, 1346. Woodbridge: The Boydell Press, 2005. P. 159–251.

Curry A. Agincourt: A New History. Stroud: Tempus Publishing, 2005. 319 p.

Keep J.L.H. Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia 1462-1874. Oxford: Oxford University Press, 1985. 432 p.

Sumption J. The Hundred Years War. T. I. Trial by Battle. London-Boston: Faber and Faber, 1990. 659 p.

Sumption J. The Hundred Years War. T. II. Trial by Fire. London: Faber and Faber, 1999. 680 p.

Информация об авторе:

Пенской Виталий Викторович, Белгородский государственный университет (г. Белгород, Россия), penskoy@bsu.edu.ru

REFERENCES

Azbelev, S.N. 2015. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. (Ancient Russia. Issues of Medieval Studies.)* 62 (4), 23–29 (in Russian).

Alekseev, Yu.G. 2019. *Agrarnaya i social'naya istoriya Severo-Vostochnoj Rusi XV–XVI vv. Pereyaslavskij uezd (Agrarian and Social History of North-Eastern Russia in the 15th - 16th Centuries. Pereyaslavsky District)* In Alekseev Yu.G. *Agrarnaya i social'naya istoriya Rossii XV – XVI vv. (Agrarian and Social History of Russia in the 15th - 16th Centuries)* Saint Petersburg: Izd-vo Olega Abyshko, 21–264. (in Russian).

Amel'kin, A.O., Seleznev, Yu.V. 2010. *Kulikovskaya bitva v svidetel'stvah sovremennikov i pamyati potomkov (The Battle of Kulikovo in the Testimonies of Contemporaries and the Memory of Descendants)*. Moscow: "Kvadriga" Publ. (in Russian).

Baiov, A. K. 1909. *Kurs istorii russkogo voennogo iskusstva. Ot nachala Rusi do Petra Velikogo (Study Course on the History of Russian Military Art. Issue 1 From the Origination of Russia to Peter the Great)*. Saint Petersburg: Tip. G. Skachkova (in Russian).

Bulychev, A.A. 2010. In *Rodina (Homeland)* 8, 8–14. (in Russian).

Burova, O.V. 2003. In *Kulikovo pole. Istoricheskii landshaft. Priroda. Arkheologiya. Istoriya. (Kulikovo Field. Historical Landscape. Nature. Archaeology. History)* I. Tula: "Tul'skii poligrafist" Publ., 36-47 (in Russian).

Veselovskii, S. B. 1969. *Issledovaniya po istorii klassa sluzhilyh zemlevladel'cev (Studies on the History of the Servicemen Landlord Class)*. M.: "Nauka" Publ. (in Russian).

Veselovskii, S.B. 1978. *Trudy po istochnikovedeniyu i istorii Rossii perioda feodalizma (Works on the Study of the Sources and History of Russia in the Period of Feudalism)*. Moscow: Nauka Publ. (in Russian).

Gerbershtein, S. 2008. *Zapiski o Moskovii (Notes on Muscovy)* I. Moscow: "Pamiatniki istoricheskoi mysli" Publ. (in Russian).

Glasko, M. P., Sycheva, S. A 2003. In *Kulikovo pole. Istoricheskii landshaft. Priroda. Arkheologiya. Istoriya. (Kulikovo Field. Historical Landscape. Nature. Archaeology. History)* I. Tula: "Tul'skii poligrafist" Publ., 7–22 (in Russian).

Gorskii, A.A. 2004. *Rus': Ot slavyanskogo Rasseleniya do Moskovskogo carstva (Rus': From Slavic Settlement to Muscovy)*. Moscow: "Tazyki slavianskoi kul'tury" Publ. (in Russian).

Grigor'ev, A. P. 2004. *Sbornik hanskih yarlykov russkim mitropolitam (Collection of Khan's Labels for Russian Metropolitans)*. Saint Petersburg: Faculty of Philology and Arts of the St. Petersburg State Universit (in Russian).

Gumilev, L. N. 1992. *Ot Rusi k Rossii. Ocherki etnicheskoi istorii (From Rus to Russia. Essays on Ethnic History)*. Moscow: "Ekopros" Publ. (in Russian).

- Danilevskii, I. N. 2001. *Russkie zemli glazami sovremennikov i potomkov (XII – XIV vv.) (Russian Lands Through the Eyes of Contemporaries and Descendants (12th – 14th cc. centuries))*. Moscow: “Aspekt Press” Publ. (in Russian).
- Zhuravel', A. V. 2016. In *Prepodavanie istorii v shkole (Teaching History at Schools)* 1, 24–28 (in Russian).
- Kalinin, V. I., Yakovlev, A. A. 1961. *Konevodstvo (Horse Breeding)*. Moscow: “Gosudarstvennoe izdatel'stvo sel'skohozyajstvennoj literatury” Publ. (in Russian).
- Kirpichnikov, A. N. 1976. *Voennoe delo na Rusi v XIII–XV vv (Military Arts of Rus in the 13th –15th cc.)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Kisterev, S. N. 1999. In Kisterev, S. N. (ed.). *Ocherki feodal'noj Rossii. (Essays on Feudal Russia)* 3. Moscow: URSS., 31–84. (in Russian).
- Kuchkin, V.A. 1980. In *Voprosy istorii (Issues of History)* 8. 3–21. (in Russian).
1915. *Litovskaia Metrika. Otdel pervyi.. Chast' tret'ya. Knigi publichnykh del. Perepisi voiska Litovskogo (Lithuanian Metrics. Section One. Part Three. Public Affairs Books. Census of the Lithuanian Army) In Russkaya istoricheskaya biblioteka (Russian Historical Library)* XXXIII. Petrograd: Tip. Glavnogo upravleniya udelov (in Russian).
- Nesin, M.A. 2018. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta (Bulletin of Udmurt University)* 28 (1), 70–80 (in Russian).
- Rybakov, B. A. (ed.-in-chief) *Pamyatniki Kulikovskogo cikla (Literary Monuments of the Kulikovo Field Battle)* 1998. Saint Petersburg: Russko-Baltiiskii informacionnyi centr BLIC. (in Russian)
- Penskoi, V. V. 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Voennoe delo Zolotoi Ordy. Problemy i perspektivy izucheniia (Military Affairs of the Golden Horde. Study Issues and Prospects)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences Publ., 157–162 (in Russian).
- Penskoi, V.V. 2016. In *Istoriia voennogo dela: issledovaniia i istochniki (History of Military Art: Studies and Sources)* VIII. 85–106. (in Russian).
- Penskoi, V. V. 2016. In *Novoe proshloe /The New Past.* 3, 68–84. (in Russian).
- Penskoi, V.V. 2018. *Voennoe delo Moskovskogo gosudarstva. Ot Vasiliya Temnogo do Mihaila Romanova. Vtoraya polovina XV – nachalo XVII v. (Warfare of the Moscow State. From Vasily the Blind to Mikhail Romanov. Second Half of 15th - Early 17th cc.)* Moscow: “Centropoligraf” Publ. (in Russian).
- Petrov, A. E. 2003. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki (Ancient Russia. Issues of Medieval Studies)* 3 (13), 22–30 (in Russian).
- Novgorodskaiia chetvertaia letopis' (Novgorod Fourth Chronicle) 2000. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles)* IV. Moscow: “Iazyki russkoi kul'tury” Publ. (in Russian).
- Rogozhskii letopisets. (Rogozhskoe Chronicle) 2000. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles)* XV. Moscow: “Iazyki russkoi kul'tury” Publ. (in Russian).
- Simeonovskaia letopis' (The Simeon Chronicles) 2007. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles)* XVIII. Moscow: “Znak” Publ. (in Russian).
- Pskovskaia tret'ia letopis'. Okonchanie 2-go Arhivskogo spiska (Pskov 3rd Chronicles. End of the 2nd Archive List) in Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles)* V. Moscow: “Iazyki russkoi kul'tury” Publ. (in Russian).
- Ustyuzhskie i Vologodskie letopis XVI-XVII vv. (Ustyug and Vologda Chronicle, 16th – 17th cc.)*. 1982. Series: *Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles)* 37. Leningrad: “Nauka” Publ., 17–103 (in Russian).
- Pskovskie i Sofijskie letopisi (Pskov and Sofia Chronicle, 1851. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles)* 5. Leningrad: “Nauka” Publ., 81–275 (in Russian).
- Pskovskaia pervaiia letopis' (Pskov 1st Chronicle) 2003. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles)* V . Moscow: “Iazyki russkoi kul'tury” Publ. (in Russian).
2001. *Sofijskaia vtoraiia letopis' (Sophia's second Chronicle) 2. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles)* VI. Moscow: “Iazyki russkoi kul'tury” Publ. (in Russian).
- Letopisniy sbornik, imenuemiy Patriarshei ili Nikonovskoi letopis'yu (Collection of Chronicles known as the Patriarch's or Nikon Chronicle)*. 2000. Series: *Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles)* I. Moscow: “Iazyki russkoi kul'tury” Publ. (in Russian).
- Letopisniy sbornik, imenuemiy Patriarshei ili Nikonovskoi letopis'yu (Collection of Chronicles known as the Patriarch's or Nikon Chronicle)*. 2000. Series: *Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles)* XIII. Moscow: “Iazyki russkoi kul'tury” Publ. (in Russian).

Novgorodskaja letopis' po spisku P.P. Dubrovskogo (Novgorod Chronicle according to the list of P.P. Dubrovsky) 2004. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) XLIII. Moscow: "Iazyki russkoi kul'tury" Publ. (in Russian).

Ermolinskaya letopis' (Ermolinskaya chronicle) 2004. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) XXIII. Moscow: "Iazyki russkoi kul'tury" Publ. (in Russian).

Moskovskii letopisnyi svod kontsa XV veka (Moscow annalistic collection of the late 15th century) 2004. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) XXV. Moscow: "Iazyki russkoi kul'tury" Publ. (in Russian).

Nikanorovskaia letopis' (Nikanorovskaya chronicle) 2004. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) XXVII. Moscow: "Iazyki russkoi kul'tury" Publ. (in Russian).

Letopisi belorussko-litovskie (Belarusian-Lithuanian chronicles) 1980. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) 35. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mustafina, D. A., Trepalova, V. V. (eds.). 2006. *Posol'skie knigi po sviaziam Rossii s Nogaiskoi Ordoi (1551-1561 gg. (Ambassadorial Books on Russia's relations with the Nogai Horde (1551-1561))*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Pochekaev, R. Yu. 2010. *Mamai. Istoriya «antigeroya» v istorii (Mamai. The History of the "antihero" in history)*. Saint Petersburg: "Evraziia" Publ. (in Russian).

Razin, E. A. 1999. *Istoriia voennogo iskusstva. 2. Istoriya voennogo iskusstva VI – XVI vv. (History of Military Art. 2. History of Military Art of the 6th - 16th cc.)*. Saint Petersburg: "Poligon" Publ. (in Russian).

Relikvii Donskogo poboishcha. Nahodki na Kulikovom pole (Relics of the Don Battle. Finds at the Kulikovo Field) 2008. Moscow: Kvadriga Publ., 88. (in Russian).

Rybakov, B. A. 1969. In Artsikhovskii, A. V. (ed.). *Ocherki russkoi kul'tury XIII–XV vv.: v 2 ch. (Essays on the Russian Culture of 13th –15th centuries: in two parts)* 1. Moscow: Moscow State University Publ., 348–388 (in Russian).

Seleznev, Yu.V. 2007. In *Vestnik Voronezhskogo instituta vysokih tekhnologii (Bulletin of the Voronezh Institute of High Technologies)* 1, 200–206 (in Russian).

Skazaniya i povesti o Kulikovskoj bitve (Legends and Stories about the Kulikovo Battle) 1982. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Solov'ev, S. M. 1988. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen (History of Russia since Ancient Times)*. 3 In Solov'ev, S. M. *Sochineniia v vosemnadcati knigah (Writings in Eighteen Books)*. II. Moscow: "Mysl" Publ., 7–342. (in Russian).

Nefyodkin, A. K. 2005. (ed.). *Strategika Nikifona II Foki (Strategica by Nikephoros II Phokas)*. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ. (in Russian).

Tamerlan 2006. *Avtobiografiya. Ulozhenie (Autobiography. Code)*. Moscow: "Eksmo" Publ. (in Russian).

Tikhomirov, M. N. 1992. *Drevnyaya Moskva XII – XV vv. Srednevekovaya Rossiya na mezhdunarodnykh putyakh XIV – XV vv. (Ancient Moscow of the 12th – 15th cc. Medieval Russia on the International Routes of the 14th – 15th cc.)*. Moscow: "Moskovskii rabochii" Publ. (in Russian).

Uvarov, D.I. 2003. In *Voin (Warrior)* 14, 23–39. (in Russian).

Cherepnin, L.V. 1960. *Obrazovanie Russkogo centralizovannogo gosudarstva v XIV – XV vekah. Ocherki social'no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii Rusi (Formation of the Russian Centralized State in the 14th – 15th Centuries. Essays on the Socio-Economic and Political History of Russia)*. Moscow: Izd.-vo social'no-ekonomicheskoi literatury Publ., 899 (in Russian).

Chernov, S. Z. 1998. *Volok Lamskii v XIV – pervoi polovine XVI v. Struktury zemlevladieniia i formirovanie voenno-sluzhiloi korporatsii (Volog Lamsky in the 14th - first half of the 16th cc. Land Tenure Structures and the Formation of a Military Service Corporation)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Shekov, A. V. 2004. In Naumov, A. N. (ed.). *Verhnee Podon'e: priroda, arkheologiia, istoriia (The Upper Don Region: Nature, Archaeology, History)* 2. Tula: Rif "INFRA" LTD, 13–23 (in Russian)

«...i be ih stol'ko, ezhe nest' chisla»: skol'ko voinov voevalo v Russkoj armii v XVI v. ? («... and there are not so many of them, there are innumerable»: how many soldiers fought in the Russian army in the 16th century?) 2009 In *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. № 1/2 (5/6). 45–150. (in Russian).

Ayton, A. 2005. In Ayton A., Preston Ph. Et al *The Battle of Crécy, 1346*. Woodbridge: The Boydell Press, 159–251 (in English).

Curry, A. 2005. *Agincourt: A New History*. Stroud: Tempus Publishing (in English).

Keep, J.L.H. 1985. *Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia 1462-1874*. Oxford: Oxford University Press (in English).

Sumption, J. 1990. *The Hundred Years War*. T. I. Trial by Battle. London-Boston: Faber and Faber.

Sumption, J. 1999. *The Hundred Years War*. T. II. Trial by Fire. London: Faber and Faber.

About the Author:

Penskoy Vitaly V. Belgorod State University. Pobedy, Str. 85, Belgorod, 308015, Russian Federation; penskoy@bsu.edu.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2020 г.
Статья принята к публикации 01.09.2020 г.

УДК 623.444.22

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2020.6.354.365>

САБЛЯ МОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ¹

©2020 г. Л. А. Бобров, А. О. Пронин, Ю. А. Филиппович

Авторами изучена сабля, происходящая из числа случайных находок с территории Минусинской котловины, и, хранящаяся, в настоящее время, в частной коллекции. Сабля снабжена остроугольным (граненым и обоюдоострым на конце) клинком с широким двухсторонним долом и «ладьевидной» гардой удлиненно-ромбической формы. Пята клинка усилена фигурной обоймицей и длинным «язычком». В «хвостовике» были пробиты два отверстия для заклепок, служивших для крепления «щечек» рукояти. Заклепки были снабжены массивными шляпками S-образной формы. На основании типологического анализа авторами установлено, что ближайшие аналоги данной сабли происходят с территории Южной Сибири, Казахстана, Восточной Европы и датируются XIII–XIV вв. Место обнаружения сабли, а также следы окисления на ее поверхности (появление которых, возможно, связано с погребальным обрядом трупосожжения) позволяют предположить, что владельцем сабли был состоятельный воин из числа енисейских кыргызов.

Ключевые слова: археология, монгольские завоевания, енисейские кыргызы, длинноклиновое оружие, сабли Монгольского времени

SABER OF THE MONGOL PERIOD FROM MINUSINSK HOLLOW²

L. A. Bobrov, A. O. Pronin, Y. A. Filippovitch

A saber constituting a random find from the territory of Minusinsk Hollow was studied by the authors. It was found 30 km from the city of Minusinsk, Krasnoyarsk Oblast, Russian Federation. This saber is currently deposited in a private collection. It is equipped with an acute-angled (faceted and double-edged at the tip) blade with a wide double-sided fuller and an elongated rhombic "scaphoid" guard. The heel of the blade (ricasso) is reinforced with a figured cage and a long "tongue". The saber blade under the cage and "tongue" features a special slot and notches. Two holes for rivets were punched in the "shank", which were used to fasten the "cheeks" of the handle. The rivets were fitted with massive S-shaped heads. Based on the typological analysis, it was established by the authors that the closest counterparts of the saber originate from the territory of Southern Siberia, Kazakhstan and Eastern Europe, and date back to the 13th-14th centuries. The saber discovery site and traces of oxidation on its surface (the formation of which is possibly associated with the burial rite of cremation) suggest that the owner of the saber was a wealthy Yenisei Kyrgyz warrior.

Keywords: archaeology, Mongol conquests, the Yenisei Kyrgyz, long-bladed weapons, sabers of the Mongol period.

Одним из важных направлений современных научных исследований по изучению военно-культурного наследия монгольских и тюркских кочевников периода развитого Средневековья является сбор, систематизация и всесторонний анализ длинноклиновое оружия кочевников Евразийской степи времен завоеваний Чингиз-хана и его приемников, а также существования Великой Монгольской империи. В то же время необходимо отметить, что профильная проблематика изучена весьма неравномерно. Так, например, если длинноклиновое оружие воинов Восточной

Европы и Северного Кавказа изучается давно и плодотворно (Белорыбкин, 2001, с. 67–72, 85–92, рис. 83, 1, 2; Измайлов, 1997, с. 18–34; Горелик, 2002, с. 27, 62–64; Горелик, 2008, с. 161, 162, 175–178; Измайлов, 2008, с. 32–39; Горелик, Гредунов, 2014, с. 208–218; Кочкаров, 2008 с. 23–42, 134–144, 148; Rivkin, Isaac, 2017, p. 74–89; Белорыбкин, Гусынин, Измайлов, 2020, с. 22–35, 110–119), то его аналоги с территории Центральной Азии исследованы в значительно меньшей степени. Последний факт затрудняет анализ вооружения населения восточных районов Монгольской

¹ Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

² The study was carried out as part of the implementation of the State Assignment of the Ministry of Education and Science of Russia in the field of scientific activity (project No. FSUS-2020-0021)

империи, а также чингизидского военного искусства в целом. Таким образом, введение в научный оборот мечей, палашей и сабель XIII–XIV вв., происходящих с территории Казахстана, Монголии и Южной Сибири, является актуальной научной задачей.

В 2017 г. на территории Минусинской котловины (в 30 км на юго-восток от г. Минусинска, Красноярский край) в ходе проведения сельскохозяйственных работ была обнаружена оригинально оформленная железная сабля, представляющая значительный интерес для отечественных и зарубежных археологов, оружейников и военных историков. В 2018 г. она была приобретена частным российским коллекционером и с этого времени хранилась в отечественных оружейных собраниях. В связи с тем, что сабля неоднократно меняла своих владельцев, достоверные сведения о точном месте обнаружения и обстоятельствах находки, к сожалению, были утрачены.

Краткое сообщение о данной сабле (без прорисовок и фотографий) было впервые опубликовано М.А. Обуховой в 2019 г. (Обухова, 2019, с. 79, 80).

Целью настоящей статьи является введение в научный оборот информации о сабле из Минусинской котловины, хранящейся в частной коллекции. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: дать подробное описание конструкции рассматриваемой сабли, зафиксировать особенности ее декоративного оформления, уточнить датировку и атрибуцию.

По форме сабельной полосы рассматриваемый образец относится к клинкам со средним изгибом, треугольным (у острия – ромбическим) сечением, широким долом и остроугольным обоюдоострым острием (без елмани). Конструктивно сабля состоит из клинка с хвостовиком с заклепкой и железной «ладьевидной» гарды (рис. 1: 1, 2).

Общая длина сабли (от конца хвостовика до острия) – 1020 мм. Общий вес с обоймицей, гардой и заклепкой – 673 г (вес сабельной полосы с обоймицей, без гарды и заклепки – 613 г; вес гарды – 57 г; вес заклепки – 3 г). Длина клинка (от верхнего края обоймицы со стороны хвостовика до острия) – 933 мм³. Ширина клинка у края «язычка» обоймицы/толщина клинка у края обоймицы – 35/6 мм, в центральной части – 34/5 мм, в нижней части (в 10 мм от острия) – 16/2,5

³ При этом длина режущей кромки лезвия – 807 мм (см. ниже).

мм. Спуски клинка прямые. Плавный изгиб клинка начинается в верхней части сабельной полосы и приобретает максимальную кривизну в ее нижней трети (рис. 1: 1, 2).

Вдоль спинки (обуха) клинка пропущен широкий ярко выраженный двухсторонний дол (длина – 685 мм, ширина – 13 мм) (рис. 1: 3). В нижней части клинка внутренний край дола переходит в ребро жесткости, которое придает острию ромбическое сечение (рис. 1: 4). Эта граненая часть сабельной полосы (длина – 240 мм) имеет двустороннюю заточку. Считается, что подобный усиленный обоюдоострый конец клинка повышал эффективность нанесения колющих ударов сабли (Кочкаров, 2008, с. 28, 40).

Сабельная полоса и другие металлические элементы имеют следы окалины, вызванной длительным пребыванием в среде с высокой температурой (см. ниже). Вероятно, этой же причиной обусловлена незначительная деформация клинка (он поведен в плоскости), а также других конструктивных элементов. На их поверхности фиксируются признаки вздутия и отшелушивания слоев оксидной пленки, неровности и среды коррозии. Тем не менее металл клинка сохранил свою прочность и относительную упругость. При незначительном воздействии на полотно клинка он слегка «пружинит». В целом он не утратил свои характерные геометрические и конструктивные особенности: четко прослеживаются линии дола, обуха, грани на острие, кромки посадочной выемки под обоймицей. Состояние клинка позволяет предположить высокое качество кузнечной работы и мастерство его изготовителя. Основные следы механических повреждений представлены выщербинами (выбоинами и сколами) на участках близ кончика острия (со стороны лезвия), на участке острия близ дола (как со стороны лезвия, так и со стороны обуха), в средней части со стороны лезвия (рис. 1: 3, 4). Самый кончик сабельного острия (около 5–7 мм) обломан (рис. 1: 4).

Пята (Ricasso) клинка снабжена массивной железной обоймицей (ширина – 34 мм) с ярко выраженным «язычком» (рис. 2: 1, 2). Общая длина/высота обоймицы с «язычком» со стороны лезвия – 128 мм, ширина язычка – 9 мм. Длина/высота обоймицы со стороны обуха – 41 мм; максимальная толщина обоймицы со стороны обуха близ хвостовика – 11 мм. Нижний край обоймицы украшен прорезью и фигурными полукруглыми вырезами.

В совокупности они формируют характерный узор в виде фигурной скобки – {. Верхняя часть «язычка» (с обеих сторон клинка) оформлена остроугольным фестоном-зубчиком (рис. 2: 2).

Кончик «язычка» слегка деформирован и отошел от тела клинка, открыв край специальной выемки на нем (рис. 2: 3). Это позволяет зафиксировать некоторые интересные особенности конструкции оружия, которые обычно ускользают от внимания исследователей. Так, в частности, установлено, что режущая кромка лезвия клинка начинается не от плечиков клинка (как можно было бы предположить), а только от выемки под «язычком». Непосредственно под обоймицей и «язычком» режущая кромка отсутствует. Таким образом, режущая поверхность лезвия составляет 807 мм (то есть 86,5% от общей длины клинка в 933 мм).

Вторая выемка на теле клинка прослеживается со стороны обуха, к ней плотно примыкает фигурный край железной обоймицы. Проведенный осмотр оружия позволяет сделать вывод, что при сборке сабельной полосы обоймица (предположительно в нагретом состоянии) плотно насаживалась на специально подготовленный для нее участок на основании клинка, вплоть до совпадения краев «язычка» (со стороны лезвия) и обоймицы (со стороны обуха) с краями выемки на теле клинка. При этом доли не заходили под обоймицу (рис. 2: 2).

По всей видимости, функциональное назначение обоймицы с «язычком» было весьма разнообразным. Так, например, она предотвращала повреждение устья ножен об острый край лезвия сабли, обеспечивала «...плотное, без разбалтывания, пребывание клинка в ножнах» (Горелик, 2004, с. 86) а также усиливала пятую клинка. Кроме того, сабля с обоймицей и «язычком» на клинке позволяла применять особый хват оружия, при котором указательный палец воина помещался поверх стержня гарды (Горелик, 2004, с. 86).

Узкий хвостовик удлиненно-трапециевидной формы, венчающий клинок рассматриваемой сабли, незначительно отогнут в сторону лезвия (рис. 2: 1; 3: 1, 2). Основание хвостовика скрыто краем обоймицы, что не позволяет установить его подлинные размеры. Общая длина видимого участка хвостовика от края обоймицы до верхнего края хвостовика – 87 мм, ширина: 18 (в нижней части) – 5 (в верхней части) мм, толщина: 4,5–2 мм. В плоскости хвостовика пробито два сквозных отверстия

округлой формы (диаметр – 4 мм). В нижнем из них сохранилась заклепка, служившая для крепления «щечек» сабельной рукояти (рис. 3: 1, 2). Заклепка состоит из штифта (длина – 20 мм) и массивной S-образной шляпки (длина – 14 мм; ширина – 6 мм). Последняя выполнена в виде двух соединенных полумесяцев (рис. 3: 5).

По материалу изготовления сабельная гарда может быть отнесена к классу железных (стальных), на основании особенностей конструкции – к типу «ладьевидных» (подтипу – удлиненно-ромбических). По центру ее «лицевой» стороны пропущено ярко выраженное вертикальное ребро жесткости, выполненное в виде уплощенного валика (рис. 2: 4–7; 3) Длина гарды – 120 мм, высота (по бортику) в центральной части – около 21 мм, на концах – 2 мм, ширина гарды в центральной части – 24 мм, на концах: 7,5–8 мм.

Гарды подобной конструкции именуются в советской и российской историографии «ладьевидными», так как визуально напоминают раннесредневековое судно с невысокими бортами (Худяков, 1980, с. 36). Последние были образованы глубокими овальными выемками в верхней и нижней части гарды (рис. 2: 4, 5), которые, вероятно, предназначались для дополнительной фиксации щечек рукояти и более глубокого погружения сабли в ножны соответственно. Гарда служила упором для кисти и одновременно защищала ее от рубящих ударов оружия противника (рис. 3: 3, 4).

Металлическое навершие (если оно имелось у данного образца длинноклинкового оружия), верхняя заклепка рукояти, а также прибор ножен до нашего времени не дошли.

Рассматриваемая сабля может быть датирована и атрибутирована на основании типологического анализа.

Сабли с остроугольным (обоюдоострым на конце) клинком, снабженные широкими долами, массивной обоймицей с длинным ярко выраженным «язычком» и удлиненно-ромбической гардой «ладьевидной» формы, в целом не характерны для длинноклинкового оружия народов Центральной Азии и Южной Сибири эпохи Древности, раннего и позднего Средневековья, а также Нового времени (Худяков, 1986; Горбунов, 2006, с. 195, 203; Бобров, Худяков, 2008, с. 274–283; Бобров, Пронин, 2012). Однако они достаточно широко представлены среди материалов, датированных развитым Средневековьем.

Ключевую роль для датировки и атрибуции сабли играет конструкция и форма клинка, гарды и особенно фигурной обоймицы с «язычком».

М.В. Горелик, изучивший особенности конструкции и системы оформления сабель населения Восточной Европы, Северного Кавказа, Сибири, Центральной и Восточной Азии, пришел к выводу, что обоймы с «язычками» впервые появились в Центральной Азии и к IX в. были заимствованы хазарами. После падения Хазарского каганата указанный конструктивный элемент, по данным М.В. Горелика, достаточно быстро исчезает из ассортимента клинкового оружия западной части Евразии⁴. Повторное его появление и распространение на саблях и палашах региона было связано с монгольским завоеванием XIII в. При этом, в Южной Сибири, а также в континентальной Восточной Азии традиция изготовления обоймиц с «язычками» не прерывалась. Так, в частности, они присутствуют на длинноклинковом оружии воинов династий Сун, Цзинь, а также саблях и палашах кочевников Южной Сибири (Худяков, 1980, с. 35, табл. IV, рис. 1, 6, с. 37, табл. V, рис. 2, с. 38, табл. VI, рис. 1, 2, с. 41, табл. VII, рис. 1, 3, с. 43, табл. VIII, с. 1, 3; Худяков, 1997, с. 16, 17, 22, 23; Горелик, 2002, с. 63, 64; Соловьев, 2003. С. 166, рис. 18; Ширин, 2003, с. 131, 132, 133, рис. 2, 6; Горелик, 2004; Горелик, 2008, с. 161; Горбунов, 2006, с. 195, рис. 50, 6, с. 203, рис. 58, 4; Мясников, Ярославцева, 2017, с. 62–65). Весьма вероятно, что сабли со слабо- и среднеизогнутым клинком с массивными (в том числе фигурными) обоймицами и «язычками», удлинненно-ромбическими «ладьевидными» гардами сформировались на территории Южной Сибири и Центральной Азии еще до Монгольской эпохи. Однако их распростране-

⁴ Американскими исследователями К. Ривкиным и Б. Исааком были опубликованы сабли из частных коллекций, происходящих с территории Восточной Европы и датированных периодом развитого Средневековья. Некоторые из них снабжены обоймицами с «язычками» (Rivkin, Isaac, 2017, p. 60, fig. 26 d, e, 67–69, 80, 82, 84). Однако в большинстве случаев, данные образцы вооружения происходят из числа случайных находок или из разрушенных археологических памятников, что вынудило исследователей датировать их достаточно широко в пределах конца X–XII вв., или концом XII–XIII вв. (Там же). Таким образом, указанные сабли могли быть изготовлены в период Хазарского каганата (а т.же вскоре после его крушения), или Монгольской империи, что не противоречит описанной выше версии М. В. Горелика.

ние по Евразии в XIII–XIV вв. в значительной степени связано именно с Чингизидской военной экспансией (рис. 4; 5)⁵.

Еще одним аргументом в пользу датировки сабли Монгольским временем, является наличие на обоймице и «язычках» полукруглых вырезов и остроугольных зубчиков. Подобное декоративное оформление было весьма характерно именно для длинноклинкового оружия народов Великой степи и сопредельных территорий XIII–XIV вв. (Горелик, 2004, с. 98, рис. 3, 1, 3; The Arts ..., 2008, p. 38, 39; Мясников, Ярославцева, 2017, с. 62–65; Rivkin, 2017, p. 74, 76, 77, 84, 86). Сочетание в одном образце оружия клинка с широким двухсторонним долем и обоюдоострым острием, удлинненно-ромбической гарды, вырезной обоймицы с длинным «язычком», а также заклепок щечек рукояти с массивными фигурными (в том числе и S-образными шляпками), также встречается на саблях Монгольского времени происходящих с территории Южной Сибири, Восточного Дашт-и-Кипчак и Восточной Европы (Скобелев, Рюмшин, 2010, с. 145, 146, рис. 1; Горелик, Гредунов, 2014, с. 213, 217, рис. 7; Бобров и др., 2020, с. 249, 250).

Ближайшие аналоги рассматриваемого образца длинноклинкового оружия происходят с территории Центральной Украины (Горелик, Гредунов, 2014, с. 217, рис. 7), Восточного Казахстана (Бобров и др., 2020, с. 249, 250), южных районов Красноярского края и Хакасии (Скобелев, Рюмшин, 2010, с. 146, рис. 1, с. 148, рис. 3). Отличительными особенностями сабель серии являются остроугольный слабо- или среднеизогнутый (обоюдоострый у острия) клинок с широкой фигурной обоймицей с «язычком» на пяте, сочетающийся с наклонным хвостовиком с двумя отверстиями для заклепок, а также удлинненно-ромбической «ладьевидной» гардой (рис. 4). Частым элементом оформления такого оружия являются широкие доли вдоль спинки клинка, а также характерные вырезы и зубчики по

⁵ Характерно в данной связи, что сабли с удлинненно-ромбическими гардами и широкими обоймицами с длинными «язычками» подтреугольной формы были обнаружены на Золоторевском городище в верховьях р. Суры разрушенном монгольскими войсками в 1237 г. (Белорыбкин, 2001, с. 67–72, 85–92, рис. 83, 1, 2). По всей видимости, центральноазиатское оружие рассматриваемого образца оказало известное влияние и на мастеров Северного Кавказа, продукция которых, получила широкое распространение на территории Улуса Джучи (Горелик, 2008, с. 161, 162, 175–178; Горелик, Гредунов, 2014, с. 212, 213, 216, 217).

краю обоймиц и «язычков» на пяте сабельной полосы (рис. 5, 2,4,5). Все сабли с подобными признаками уверенно датируются XIII–XIV вв. и соотносятся с комплексом вооружения воинов Чингизидских государств данного периода (Скобелев, Рюмшин, 2010, с. 145, 146, рис. 1; Горелик, Гредунов, 2014, с. 213, 217, рис 7; Rivkin, Isaac, 2017, p. 876, 77, 4, fig. 84; p. 86).

Интересно, что весьма схожие образцы вооружения происходят из разных регионов Евразии – от Украины до Ирана и Минусинской котловины (рис. 1; 4; 5). Это, вероятно обусловлено взаимопроникновением оружейных традиций и интенсивным товарообменом среди населения Монгольской империи и ее политических наследников (Скобелев, Рюмшин, 2010, с. 145, 146, рис. 1; Горелик,

Гредунов, 2014, с. 213, 217, рис 7; Бобров и др., 2020, с. 249, 250)⁶.

Развитая гарда, клинок с широким ярко выраженным двухсторонним долем и массивной фигурной обоймицей с «язычком» свидетельствуют в пользу того, что рассматриваемая сабля может быть датирована серединой XIII – XIV вв. Однако, необходимо учитывать, что, будучи высококачественным образцом длинноклинкового оружия, она могла использоваться на протяжении длительного исторического периода. Факт ее местонахождения на территории Минусинской котловины, а также следы окарины (возможно связанной с погребальным обрядом трупосожжения) свидетельствуют в пользу того, что владельцем сабли являлся состоятельный воин из числа енисейских кыргызов.

ЛИТЕРАТУРА

- Белорыбкин Г.Н.* Золоторевское поселение. СПб.; Пенза: Изд-во ПГПУ, 2001. 200 с.
- Белорыбкин Г.Н., Гусынин В.А., Измайлов И.Л.* Вооружение населения Юго-Западной Булгарии (X–XIII века) / Археология Евразийских степей. 2020. № 1. 354с.
- Бобров Л. А., Кушкумбаев А.К., Каирмагамбетов А.М., Исмаилов Д.* Три сабли монгольского времени с территории Казахстана // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 7. С. 245–256.
- Бобров Л.А., Пронин А.О.* Типология казахских сабель XVI – середины XIX в. // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2СПб.: ИИМК РАН: Периферия. 2012. С. 572–581.
- Бобров Л. А., Худяков Ю.С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб. : Фак. филол. и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.
- Горбунов В.В.* Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.
- Горелик М.В.* Армии монголо-татар X–XIV веков. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: Восточный горизонт, 2002. 84 с.
- Горелик М.В.* Об одной разновидности евразийских клинков эпохи развитого средневековья // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 2004. С. 86–101.
- Горелик М.В.* Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. 2008. Вып. 15. С. 158–189.
- Горелик М.В., Гредунов Е.В.* Группа золотоордынских сабель XIV века из частной коллекции в Украине // История зброї. Альманах. 2014. № 10. С. 208–218.
- Измайлов И.Л.* Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань-Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 1997. 212 с.
- Измайлов И.Л.* Защитники «Стены Искандера». Казань: Татарск. Книжн. Изд-во, 2008. 207 с.
- Кочкаров У.Ю.* Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII – XIV вв. (оружие ближнего боя). М.: ТАУС, 2008. 176 с.
- Мясников В.Ю., Ярославцева Л.Г.* Три средневековых клинка из коллекции Национального Музея Республики Бурятия // Теория и практика археологических исследований. 2017. №3 (19). С. 57–68.

⁶ На раннем этапе, появление сабель подобного типа в Средней Азии, Китае, Закавказье, и Восточной Европе может быть связано с походами войск Чингиз-хана и его приемников в эти регионы. То есть данные предметы вооружения не были приобретены в ходе торгового обмена, а были утеряны воинами монгольской армии в ходе тех или иных событий.

Обухова М.А. Сабля Монгольского времени из частной коллекции // Археология. Материалы 57-й Международной научной студенческой конференции. (Новосибирск, 14-19 апреля 2019 г.) Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. С. 79–80.

Скобелев С.Г., Рюмишин М.А. Новые материалы по длинноклинковому оружию енисейских кыргызов в развитом и позднем Средневековье // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. № 7. С. 144–154.

Соловьев А.И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. Новосибирск: «ИНФОЛИО-пресс», 2003. 224 с.

Худяков Ю.С. Военное дело кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. 160 с.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 269 с.

Ширин Ю.В. Средневековые случайные находки предметов вооружения из Горной Шории // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий / Ред. В.В. Горбунов, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 130–134.

Rivkin K., Isaac B. A Study of the Eastern Sword. Printed in Mankato. 2017. 360 p.

The Arts of the Muslim Knight. The Furusiyya Art Foundation Collection. Milan: Skira, 2008. 416 p.

Информация об авторах:

Бобров Леонид Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований, доцент кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета (г. Новосибирск, Россия); spsml@mail.ru

Пронин Алексей Олегович, кандидат исторических наук, директор ГАУК НСО «Исторический парк «Россия – моя история», эксперт Министерства культуры Российской Федерации (г. Новосибирск, Россия); alexey@pronin.asia

Филиппович Юрий Александрович, главный инженер научно-исследовательского проекта «С сибирским воином через века», лаборатория гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета; post-ost@yandex.ru

REFERENCES

Belorybkin, G. N. 2001. *Zolotorevskoe poselenie (Zolotorevka Settlement)*. Saint Petersburg; Penza: Penza State Pedagogical University (in Russian).

Belorybkin, G. N., Gusynin, V. A., Izmailov, I. L. 2020. *Vooruzhenie naseleniia yugo-zapadnoi Bulgarii (X – XIII veka) Armament of the Population of South-Western Bulgaria (10th - mid-13th centuries)*. *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 1* (in Russian).

Bobrov, L. A., Kushkumbaev, A. K., Kairmagambetov, A. M., Islamov, D. 2020. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology) 19 (7)*, 245–256 (in Russian).

Bobrov, L. A., Khudyakov, Yu. S. 2008. *Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v epokhu pozdnevekov'ya i rannego Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.) (Armament and Tactics of the Central Asian and South Siberian Nomads in the Late Middle Ages and the Early Modern Time (15th - first half of 18th cc.))*. Saint Petersburg: Faculty of Filology, Saint Petersburg State University (in Russian).

Bobrov, L. A., Pronin, A. O. 2012. In *Kul'tury stepnoi Evrazii i ikh vzaimodeistvie s drevnimi tsivilizatsiiami (Cultures of Steppe Eurasia and Their Interactions with Ancient Civilizations) 2*. Saint Peterburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; “Periferiia” Publ., 572–581 (in Russian).

Gorbunov, V. V. 2006. *Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Chast' I: Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie) (Military Science of Altay Population in III–XIV Centuries. Part II. Offensive Armament (Weapons))*. Barnaul: Altay State University (in Russian).

Gorelik, M. V. 2002. *Armii mongolo-tatar X–XIV vekov. Voinskoe iskusstvo, snaryazhenie, oruzhie (Armies of the Mongol-Tatars in the 10th – 14th cc. Military Arts, Equipment and Armament)*. Moscow: “Vostochniy gorizont” Publ. (in Russian).

Gorelik, M. V. 2004. In *Voennoe delo narodov Sibiri i Tsentralnoi Azii (Military Art of the Peoples of Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ., 86–101 (in Russian).

Gorelik, M. V. 2008. In *Vestnik Instituta gumanitarnykh issledovaniy Pravitel'stva KBR i KBNC RAN (Bulletin of the Kabardian-Balkarian Institute for the Humanities Research)*. 15, 158–189 (in Russian).

Gorelik, M. V., Gredunov, E. V. 2014. In *Istoriia zbroi. Almanakh (History of weapons. The almanac)* 10, С. 208–218 (in Russian).

Izmailov, I. L. 1997. *Vooruzhenie i voennoe delo naseleniya Volzhskoy Bulgarii X – nachala XIII v. (Armament and Warfare of the population of Volga Bulgaria 10th – beginning of 13th century)* Kazan-Magadan: North-East Scientific Center, Russia Academy of Sciences Far East Branch (in Russian).

Izmailov, I. L. 2008. *Zashchitniki "Steny Iskandera" (Defenders of the Iskander Wall)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Kochkarov, U. Yu. 2008. *Vooruzhenie voynov Severo-Zapadnogo Predkavkaziia VIII – XIV vv. (oruzhie blizhnego boja) The arm of the North-West Ciscaucasia warriors in VIII-XIV (close-in fighting weapons)*. Moscow: "Taus" Publ. (in Russian).

Myasnikov, V. Yu., Yaroslavskaya, L. G. 2017. In *Teoriia i praktika arheologicheskikh issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)* 19(3), 57–68 (in Russian).

Obukhova, M. A. 2019. In *Arkheologiya (Archaeology)*. Novosibirsk Novosibirsk State University, 79–80 (in Russian).

Skobelev, S. G., Ryumin, M. A. 2010. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 9 (7), 144–154 (in Russian).

Solov'ev, A. I. 2003. *Oruzhie i dospekhi. Sibirskoe vooruzhenie: ot kamennogo veka do srednevekov'ia (Weapons and Armor. Siberian Armament: from the stone age to the middle ages)*. Novosibirsk: INFOLIO-press" Publ. (in Russian).

Khudyakov, Yu. S. 1980. *Vooruzhenie eniseiskikh kyrgyzov (Armament of the Yenisei Kyrgyz)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khudiakov, Yu. S. 1986. *Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii (Arms of the Medieval Nomads of the Southern Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khudyakov, Yu. S. 1997. *Voennoe delo kochevnikov Yuzhoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v epokhu razvitolovogo srednevekov'ia (Military Art of the Nomads of South Siberia and Central Asia in the Developed Middle Ages)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Shirin, Yu. V. 2002. In Gorbunov, V. V., Tishkin, A. A. (eds.). *Materialy po voennoi arkheologii Altaia i sopredel'nykh territorii (Materials on the Military Archaeology of the Altai and the Neighbouring Territories)*. Barnaul: Altai State University Publ., 130–134 (in Russian).

Rivkin, K., Isaac, B. 2017. *A Study of the Eastern Sword*. Printed in Mankato.

2008. *The Arts of the Muslim Knight. The FuruSiyya Art Foundation Collection*. Milan: Skira.

About the Authors:

Bobrov Leonid A., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State University, Pirogov Str. 1, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; spsml@mail.ru

Pronin Alexey O., Candidate of Historical Sciences, State autonomous institution of Novosibirsk region «Historical park «Russia – my history», expert of the Ministry of Culture of the Russian Federation, Vasilya Staroschuka str., 24, Novosibirsk, 630017, Russian Federation; alexey@pronin.asia

Filippovitch Yuriy A., Chief Engineer of the research project "With the Siberian Warrior Through the Centuries", Laboratory for Humanities Studies, Novosibirsk State University, 1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; post-ost@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2020 г.
Статья принята к публикации 01.09.2020 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

Рис. 1. (фото). Сабля из Минусинской котловины: 1, 2 – общий вид; 3 – фрагмент клинка с долом; 4 – острие (фото А.О. Пронина; без масштаба)

Fig. 1. (photo). Saber from Minusinsk Hollow: 1, 2 – general view; 3 – fragment of a blade with a fuller; 4 – tip (photo by A.O. Pronin; not to scale)

Рис. 2 (фото). Сабля из Минусинской котловины: 1 – фрагмент верхней части сабельной полосы с хвостовиком и обоймицей с «язычком»; 2 – обоймица с «язычком»; 3 – фрагмент «язычка» и клинка с долом; 4, 5 – гарда, вид сверху и снизу; 6, 7 – гарда, вид сбоку (фото А.О. Пронина; без масштаба).

Fig. 2 (photo). Saber from Minusinsk Hollow: 1 – fragment of the upper portion of a saber strip with a shank and ferrule with a “tongue”; 2 – ferrule with a “tongue”; 3 – fragment of a “tongue” and blade with a fuller; 4, 5 – guard, top and bottom views; 6, 7 – guard, side view (photos by A.O. Pronin; not to scale)

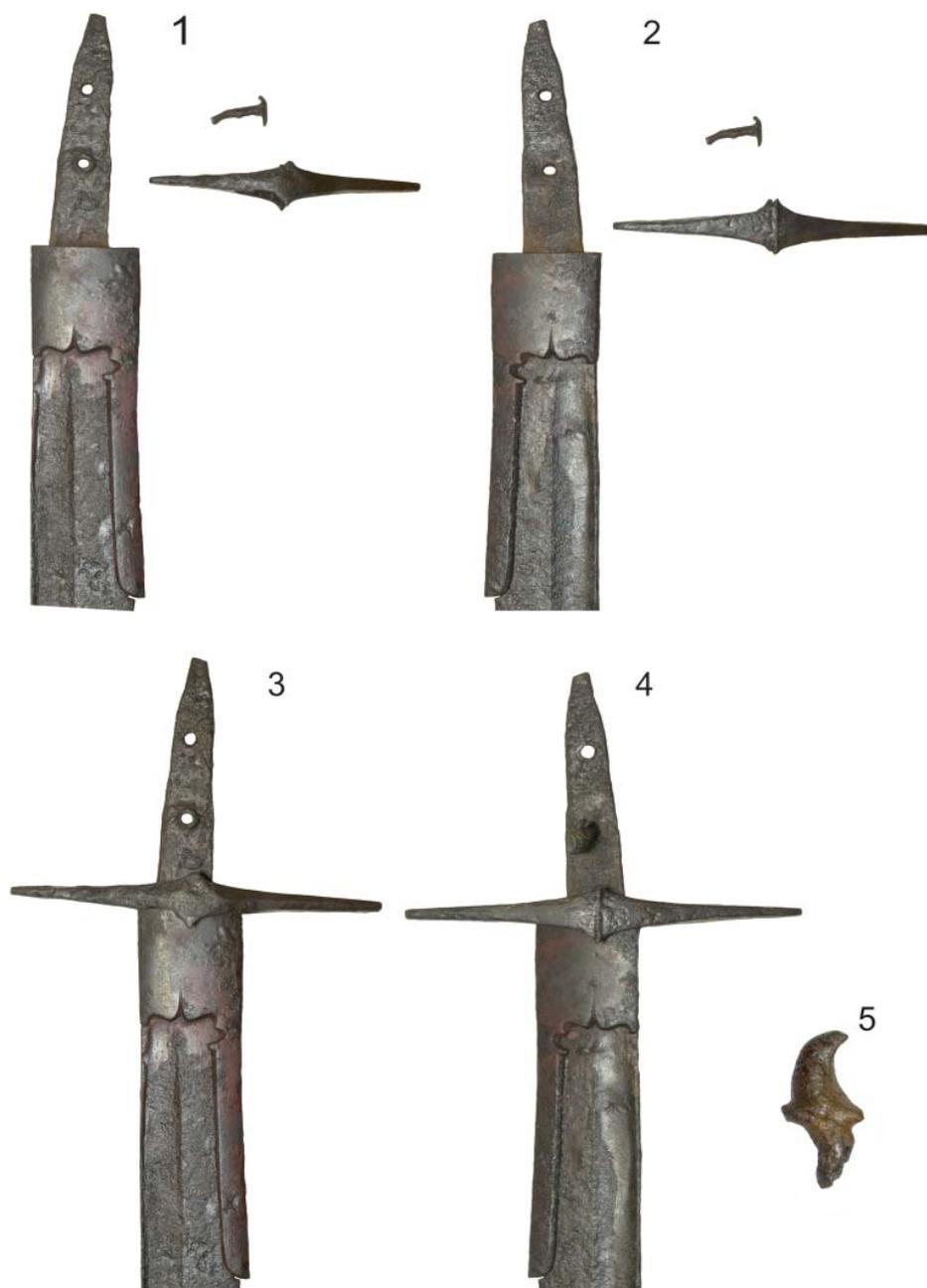

Рис. 3 (фото). Сабля из Минусинской котловины: 1, 2 – фрагмент верхней части сабельной полосы с хвостовиком, обоймицей с «язычком», снятой гардой и вынутой заклепкой; 3, 4 – верхняя часть сабли; 5 – шляпка заклепки (фото А.О. Пронина; без масштаба).

Fig. 3 (photo). Saber from Minusinsk Hollow: 1, 2 – fragment of the upper portion of a saber strip with a shank, a ferule with a ‘tongue’, withdrawn guard and removed rivet; 3, 4 – upper portion of the saber; 5 – rivet head (photos by A.O. Pronin; not to scale)

Рис. 4 (фото). Сабля из числа случайных находок районе г. Щучинска Акмолинской области Республики Казахстан: 1 – общий вид; 2, 3 – эфес (фото Д. Каусылова; без масштаба) (по: Бобров и др. 2020)
Fig. 4 (photo). Saber from the series of accidental finds in the area of Shchuchinsk, Akmola Region of the Republic of Kazakhstan: 1 – general view; 2, 3 – handle (photos by D. Kausylov; not to scale) (after: Bobrov et al. 2020)

Рис. 5 (фото). Эфесы и фрагменты клинков сабель XIII–XIV вв.: 1 – из Минусинской котловины; 2 – из Северного Казахстана; 3, 4, 6 – из Восточной Европы; 5 – из Ирана. 1-4, 6 – частные коллекции, 5 – Фонд искусств Фурусия (2 – по: Бобров и др., 2020; 3-6 – по: Rivkin, Isaac, 2017; без масштаба).

Fig. 5 (photo). Handles and fragments of saber blades of the 13th-14th centuries: 1 – from Minusinsk Hollow; 2 – from Northern Kazakhstan; 3, 4, 6 – from Eastern Europe; 5 – from Iran. 1-4, 6 – private collections, 5 – Furusia Art Foundation (2 – after: Bobrov et al., 2020; 3-6 – after: Rivkin, Isaac, 2017; not to scale)

УДК 930.26 (571.5)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2020.6.366.378>

ПАЛЬМЫ С ВТУЛЬЧАТЫМ НАКОНЕЧНИКОМ ИЗ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА И ИХ БОЛЕЕ ПОЗДНИЕ МОДИФИКАЦИИ

© 2020 г. А.В. Харинский

В статье рассматривается вопрос о формировании в степях и лесостепях Евразии различных оружейных комплексов. Новые виды оружия быстро распространялись по всему лесостепному коридору континента, становясь достоянием большей части кочевников и полукочевников. Исключением является появление и распространение древкового оружия с однолезвийным наконечником и несомкнутой втулкой, известного на территории Байкальского региона в конце I – начале II тыс. н.э. Их использовали для нанесения колющего или рубяще-режущего удара. С XVII в. пальма с черешковым насадом получает широкое распространение среди жителей лесной зоны Северной Азии, становясь одним из важнейших видов вооружения у якутов, эвенков, селькупов, хантов, кетов и других сибирских и дальневосточных народов.

Ключевые слова: археология, вооружение, Байкальский регион, древковое клинковое втульчатое оружие, пальма, Северная Азия, традиционное оружие, этнография, монголы, якуты, эвенки.

PALMAS WITH SLEEVE TIPS FROM THE BAIKAL REGION AND THEIR LATER MODIFICATIONS

A. V. Kharinsky

The paper addresses the issue of origination of various weapon systems in the steppes and forest-steppes of Eurasia. The new types of weapons rapidly spread across the forest-steppe corridor of the continent, as they were mastered by the majority of the nomads and semi-nomads. An exception was the emergence and spread of polearms with a single-bladed tip and an open socket, which was spread in the Baikal region in late 1st - early 2nd Millennium AD. They were used for stabbing or chopping and cutting blows. Since the 17th century, the palms with pediculate tips were widely spread among the inhabitants of the forest zone of North Asia, becoming one of the most important types of weapons among the Yakuts, Evenks, Selkups, Khanty, Kets and other Siberian and Far Eastern peoples.

Keywords: archaeology, Baikal region, pal'ma, knife, sleeve, shaft, grave, Turkic-speaking tribes, Yakuts, Evenks.

Введение

На протяжении столетий в степях и лесостепях Евразии происходило формирование различных оружейных комплексов. Их появление сопровождалось изменениями, влиявшими на разные стороны жизни скотоводческих сообществ, в том числе и на геополитическую ситуацию в регионе. Новые виды оружия как правило достаточно быстро распространялись по всему лесостепному коридору континента, становясь достоянием большей части кочевников и полукочевников. Правда и в подобных тенденциях существовали иногда исключения. К их числу относится процесс появления и распространения древкового оружия с однолезвийным наконечником и несомкнутой втулкой, известного на территории Байкальского региона в конце I – начале II тыс. н.э.

Назначение этих изделий оценивалось исследователями по-разному. И.В. Асеев

характеризовал подобное оружие, обнаруженное на островах в истоке Ангары, как «ножи однолезвийные с втульчатой рукояткой» (Асеев, 1980, с. 99). Подобные изделия из юго-восточного Забайкалья он вместе с И.И. Кирилловым и Е.В. Ковычевым определял, как большой железный нож (Асеев и др., 1984, с. 52). По мнению И.Л. Кызласова, однолезвийные наконечники с втульчатым насадом могли являться «боевыми штыковидными ножами» (Кызласов, 1983, с. 38). Одну из подобных находок с территории Тувы Ю.С. Худяков назвал «наконечником копья кинжаловидной формы» (Худяков, 1980, с. 98).

В работах, опубликованных Ю.С. Худяковым в начале 1990-х годов (1991, с. 18; 1992), интерпретация однолезвийных наконечников с несомкнутой втулкой, представленных в материалах средневековых памятников Предбайкалья и Забайкалья изменилась. По мнению исследователя, длинная втул-

ка с отверстием для крепления на конце у данных предметов аналогична втулкам копий. Расширение втулок к концу свидетельствует в пользу того, что они крепились на длинных древках, а сама втулка не могла выполнять функции рукояти. Их использовали для нанесения колющего или рубяще-режущего удара. По своим размерам эти предметы близки к наконечникам копий или нередко превышают их. С подобной характеристикой этих изделий нельзя не согласиться (Харинский, 2001, с. 140-141). Несомкнутую втулку такого клинка неудобно держать в руках, а тем более использовать для колки или резания. Даже если ее обмотать тканью, берестой или каким-нибудь иным покрытием, то это не улучшит ее качеств. В связи с этим, рассматривать несомкнутую втулку как рукоять ножа не правомерно. Она служила для крепления клинка к древку, за которое держал это оружие его обладатель.

Похожие по форме наконечники были распространены у жителей Сибири в XVII-XX вв. и известны среди русского населения под названием «пальма́». Так как по форме и функциям пальма напоминала нож, то у нее, как и у ножа можно выделить те же конструктивные элементы – клинок и насад, а противоположные стороны клинка определить как лезвие и обушок. Клинок пальмы имеет прямой обушок, заканчивающийся острием. Лезвие прямое, закругляющееся к острию или скругленное. Длина клинка от 10 до 70 см. В сечении клинок треугольный. Насад, как правило, черешковый, хотя встречаются экземпляры и с втульчатый насадом. У пальм с черешковым насадом место крепления к древку обматывалось сухожилиями или кожей. Длина древка обычно составляла от 1 до 1,5, изредка до 2 м.

Черешковые пальмы Восточной Сибири

Поздние формы пальмы, обычно, имеют черешковый насад. При этом встречается как массивный широкий черешок, как, например, у якутских образцов пальмы, так и узкий, как у наконечников из Предбайкалья. Обушок пальмы прямой и зачастую образует с черешком единую линию. Наличие прямого обушка без дополнительных шипов отличало этот вид оружия от близких ему по функциям западноевропейских глеф, японских нагинат или китайских гуань дао.

У западной группы эвенков пальма́ именовалась «кото», а у восточной «уткэн». Она представляла собой массивный односторон-

не острый тесак длиной 50-60 см. Нижним концом он вставлялся в расщепленное древко, которое укреплялось с помощью наклеенной полоски бересты. Длина палки у западных эвенков превышала рост человека, у восточных достигала 1 м. Кроме этого, эвенками использовалось копьё «гида» с двухсторонне острым наконечником листовидной формы с втульчатый насадом. Большинство эвенков предпочитало иметь пальму, которая была тяжелее, ее использовали также в качестве топора (Василевич, 1969, с. 64).

Примером эвенкийской пальмы может служить клинок, обнаруженный в захоронении Лударская губа 1, датирующемся вторую половину XVIII в., на северном побережье озера Байкал (Харинский, 2003). Древко пальмы не сохранилось. Судя по расположению клинка, оно находилось около левой руки (или в руке) погребенного. Его длина составляла около 50-60 см, а длина пальмы в целом 70-80 см. Металлическая часть пальмы напоминала черешковый нож (рис. 1-1). Черешок (насад) отделяется от клинка лезвийным и обушковым уступами, ширина которых составляет около 1 см. Обушок прямой. Острие сужается с лезвийной стороны. Кончик острия обломан. Лезвие заточено с левой стороны. Первоначальная длина клинка составляла 20 см, ширина основания клинка - 3,5 см, ширина основания насада 1,3 см, длина насада - 6 см. В продольном сечении черешок клиновидной формы. Он плавно сужается к вершине. В месте соединения клинка и насада фиксируются остатки древка, оканчивающегося оловянной обоймой овальной формы. Ее ширина - 3,6 см, толщина - 2,7 см. С двух сторон обойма оканчивалась муфтами. Одна из муфт охватывала клинок, а другая древко. Клиновая муфта треугольная в сечении. Ее ширина - 3,6 см, высота - 0,5 см, толщина в обушковой части - 0,9 см. Древковая муфта состоит из сердечника, охватывающего черешок, и внешнего двухслойного обода, опоясывающего конец древка. Два внешних слоя древковой муфты имеют толщину по 0,2 см. Накладываясь друг на друга, они образуют узор, состоящий из расположенных в ряд наклонных четырехугольников.

Широкое распространение пальмы получила среди якутов. Существовало две их разновидности «батас» и «батыга». В.Л. Серошевский писал о батас: «Лезвие его длиной в три четверти с лишком аршина, с прямой, тупой спинкой, с острым концом, посередине

слегка расширяющимся, так что острие образует ломаную линию. Ширина его у деревца $1\frac{1}{4}$ дюйма, а в самом широком месте $1\frac{1}{2}$ дюйма. Толщина $\frac{1}{8}$ дюйма. Его березовая ручка к концу становится толще. У лезвия она не толще 1 дюйма в диаметре. Нередко она обернута скотскими сухожилиями, обклеена черненной кожей и украшена с обеих сторон двумя узкими продольными полосками белой бересты.... Им можно колоть и рубить. Точно такое их охотничье копьё, батыя-хотхан, только острие его поменьше и пошире. Лезвие копья нередко гравировано, украшено простой, но изящной резьбой, медными и серебряными насечками. Их особенность заключается в том, что острия их сточены с правой стороны, между тем как у остальных режущих инструментов, включая топор и косу, якуты стачивают левую сторону» (Серошевский, 1993, с. 380-381).

По определению Э.К. Пекарского, батыя является копьем в виде широкого и толстого ножа, укрепленного в березовом древке. Оно на ремешке висело на руке, служа запасным оружием (пекарский, 1958, с. 409). По мнению А.И. Гоголева батыя — это разновидность более крупной якутской пальмы батас. Подобное оружие (рис. 1 – 2) было обнаружено во время раскопок поселения Оргумай (Гоголев, 1990, табл. XXVIII-16, 17), датирующегося концом XVI-XVII вв. Широкое распространение такие пальмы получают в XVIII вв. (Гоголев, 1990, с.54). А.И. Гоголев считает, что пальма является изобретением якутов. Первоначально она имела втульчатый насад. «Постепенно, по всей вероятности, в бассейне Средней Лены древние якуты стали пользоваться черешковыми пальмами, ставшими одним из индикаторов якутской этнографической культуры» (Гоголев, 1990, с. 105). На изобретение пальмы батас, якутами указывают и Ф.Ф. Васильев (Васильев, 1995, с. 92).

К числу наиболее ранних черешковых пальм на территории Якутии относятся находки в захоронениях Кюкяй 1, Кюкяй 2 и Сергилях. Первые два из них датируются XIV – серединой XV в. (Петров, 2019), третья серединой XV — началом XVI в. (Бравина и др., 2016). По определению исследователей в захоронениях Кюкяй 1 и Сергилях (рис. 1 – 4) находились пальмы батас, а в погребении Кюкяй 2 пальма батыя (рис. 1 – 3). Батыя – охотничья пальма с ножевидным клинком, батас – боевая пальма. Отличительными признаками последней являлось наличие на клинке граней

жесткости и профиль лезвия в виде ломанной линии из-за двух угловатых выступов ближе к середине и у острия (для усиления пробивного воздействия) (Васильев, 1995, с. 91; Петров, 2019, с. 75). Пальма в захоронении Кюкай 1 располагалась с внутренней стороны правой руки, параллельно туловищу, острием в сторону ног; в захоронении; в Кюкай 2 – снаружи левой ноги, параллельно ей, острие направлено в сторону ступней; в Сергиляхском – снаружи правой ноги, параллельно ей, острием к ступням. Если предположить, что пальма помещалась в могилу с целым древком, то по ее положению в погребальной конструкции можно определить длину его древка. В захоронении Кюкяй 1 она была не более 40 см, в двух других погребениях она могла быть больше.

В захоронениях Якутии раннего периода (XV-XVII вв.), когда пальма помещалась снаружи гроба (Балыктаах, Джусулен, Улахан Алаас и Таралай), она оставалась как правило целой. Исключение составляет захоронение Нэлэгэр, где пальма была намерено сломана. Якуты считали, что такие предметы имели собственную власть и могли исполнить свое предназначение. Поэтому их следовало «убить», а также не позволить душе умершего, превратившейся в юер, воспользоваться ими. В якутских захоронениях XVIII в. пальма была найдена внутри гроба-ящика, рядом с луком (Шаманское Дерево 1, Мунур Урях 1, Юрюнг Мыран 1). В Кус Чарбыт, Орджогон 1 и 2 и в Булгунях 1 пальма находилась снаружи гроба и не была намеренно сломана. Только в Селисе пальма была намеренно сломана и помещена внутри гроба (Мир древних якутов, 2012, с. 98-100).

Наиболее ранние черешковые наконечники пальмы обнаружены в южной части Ангарской долины в захоронениях усть-талькинской культуры (XII–XIV вв.). Они найдены в трех захоронениях: погребениях № 1 и № 3 могильника Усть-Талькин и погребения № 10 могильника Усть-Уда (Николаев, 2004, с. 89-90). Лучше всего сохранилась пальма из могильника Усть-Уды. Она находилась в колоде, между правой ногой и стенкой колоды и ориентирована острием в сторону головы. Общая длина изделия 137 см (рис. 1 – 5). Древко круглое в сечении, диаметром 3-3,5 см и длиной около 110 см. Клинок прямой, однолезвийный, узкий, черешок частично обломан. Длина клинка - 27 см, ширина – 2 см, длина сохранившегося черешка – 2,5 см

(Николаев, 2004, рис. 99 – 3; рис. 100 - 10). По костям погребенного из могилы № 10 получена радиоуглеродная дата (Николаев, 2004, табл.20), соответствующая с учётом калибровки (95,4%) временному интервалу 1276-1401 гг.

Пальмы с насадом в виде несомкнутой втулки

Пальмы с несомкнутой втулкой в настоящее время зафиксированы в четырех регионах – Туве, Прихубсугулье (Монголия), Предбайкалье и Юго-Восточном Забайкалье. Не исключено, что они могут быть найдены и в других частях Северной или Центральной Азии. Так, например, рисунок предмета, напоминающего наконечник пальмы, приводится среди находок из курганов с трупосожжением конца I тыс. н.э. на р. Уень – левого притока Оби, расположенного на границе Томской и Новосибирской областей (Троицкая, 1977, рис. 3 – 14). Какие-либо пояснения относительно места обнаружения этого предмета ни в статье, ни на рисунке не приводятся, поэтому сложно понять его соотношение с раскопанными захоронениями.

К настоящему времени все обнаруженные пальмы с несомкнутой втулкой по сечению клинка относятся к одной группе трехгранных и представлены одним типом - удлиненно-треугольные (Худяков, (1991, с. 18; 1992; Харинский, 2001, с. 141).

Один из наконечников пальмы с несомкнутой втулкой (рис. 1 – 6). А.Д. Грач обнаружил в кургане № 4 могильника Эйлиг-Хем III на территории Тувы в 1965 г. (Кызласов, 1983, табл XVIII - 9). Памятник отнесен И.Л. Кызласовым к эйлигхемскому периоду (конец X – начало XI в) малиновского этапа аскизской культуры (Кызласов, 1983, с. 71) Другой подобный наконечник находится в коллекции Минусинского музея с номером ММ-8380 (Кызласов, 1983, табл XVIII - 8). Характеризуя пальмы с несомкнутой втулкой, И.Л. Кызласов пишет: «Совершенно такие же штыковые ножи встречены в древнехакасских курганах IX-X вв. (Грач, 1971, с. 13, рис. 118). Это редкая находка в погребениях (в туютхасское время они встречены в поминальных курганах), но подобных изделий много среди случайных находок (мне известно 15 экз.) На боевое назначение таких ножей указывают типологически близкие почти полуметровые экземпляры неизвестного времени, хранящиеся в минусинском музее (МПИМ-ш 10а, п.3, к. 22, без №) (Кызласов, 1983, с. 38).

В 1916 г. А.В. Адриановым во время раскопок в Туве кургана № 24 могильника Пий-Хем, почти у северо-западного края кургана, «под слоем камней и на камнях» и «на уров[не] с поверхностью окружающей земли» (видимо, на уровне современной дневной поверхности) обнаружено скопление из 9 предметов, которые исследователь датировал XVIII–XIX вв. В их число входила железная горбуша, железное большое долото, два железных малых долота, железный нож с загнутым остриём, железный топор, железный топор-тесло, фрагмент железной «чаши-сковороды», мелкие фрагменты железного предмета и – каменный брусочек. Изделие, обозначенное как железное большое долото (МАЭС ТГУ: колл. 6041), судя по фотографии, является пальмой с несомкнутой втулкой. К сожалению, в публикации отсутствуют поперечные разрезы его клинка и поэтому однозначно говорить о его функциональном использовании сложно (Беликова, 2014, рис. 141 – 2, рис. 143). Л.Р. Кызласов опубликовал краткое описание материалов из кургана 24 («могильник Танам») и датировал его уйгурским периодом – VIII–IX вв. (Кызласов, 1979, с. 193-194). Позже он отнес вещи, обнаруженный у кургана, к IX–X вв. (Кызласов, 1983, 158) По мнению О.Б. Беликовой, скопление найденных вещей датируется XVIII–XIX вв. (Беликова, 2014, с. 196).

На территории Юго-Восточного Забайкалья пальма с несомкнутой втулкой обнаружена в погребении № 2 могильника Чиндант 1, на левом берегу р. Онон. Из 22 погребений, раскопанных на могильнике Чиндант 1, только три захоронения не были потревожены (№ 2, 4, 11). Могильник разновременный. Ко II тыс. н.э. исследователями отнесены захоронения № 1, 2, 4, 6-11, 14, 16, 17, 22 (Асеев и др., 1984, с. 49-56). Учитывая особенности погребального ритуала и сопроводительный инвентарь, обнаруженный в могиле, захоронение № 2 можно датировать XI–XII вв. Погребения № 4, 6-11, 14 датируются XIII–XIV вв. Остальные захоронения сильно разрушены, и поэтому их возраст установить проблематично (Харинский, 2013; 2018; Крадин и др., 2016).

Наконечник пальмы из Чинданта 1 имеет длину 27 см (рис. 2 – 1). Насад выполнен в виде незамкнутой втулки длиной 16,4 см, шириной 2 см и толщиной 0,9 см. Ширина несомкнутого пространства составляет 1,1-1,4 см. Клинок цельнокованный с втулкой. Длина клинка 10,6 см, ширина у основания – 1,2 см. Клинок однолезвийный, с прямым обушком.

Наконечник пальмы располагался у левого бедра погребенного, рядом с берестяным колчаном (Асеев и др., 1984, рис. 11, с. 52).

На территории Предбайкалья находки наконечников пальм с несомкнутой втулкой фиксируются на островах в верховьях р. Ангары и в Приольхонье (западное побережье Байкала). По данным Ю.С. Худякова, на Ангарских островах обнаружено пять наконечников пальм (Худяков, 1992, с. 111). И.В. Асеев в работе «Прибайкалье в средние века (по археологическим данным)» приводит рисунок, на котором представлены три наконечника пальм и наконечник копья с насадами в виде несомкнутых втулок (Асеев, 1980, табл. XXV). В подписи под рисунком сообщается: «Железные ножи с втульчатой рукояткой». О месте их находки ничего не сообщается. Давая характеристику предметам вооружения, найденных на поселениях с Ангарский островов, И.В. Асеев выделяет четыре группы ножей, в которые включены и изделия с таблицы XXV. К группе 3 он относит: «однолезвийные с втульчатой рукояткой (см. табл. XXV, 1, 3, 4)». В группу 4 им включены: «обоюдоострые с клинком листовидной формы, которые делятся также на два вида: а) черешковые (см. табл. XXIV, 1, 2), б) втульчатые с отверстием для крепления (см. табл. XXV, 1, 2)» (Асеев, 1980, с. 99). При этом «нож», изображенный в таблице XXV под № 1, отнесен исследователем одновременно к однолезвийным и обоюдоострым. Скорее всего, И.В. Асеев описался, потому что ниже, характеризуя однолезвийные ножи с втульчатой рукояткой, он упоминает 3 экземпляра, а среди обоюдоострых ножей с коротким втульчатым черешком один экземпляр. Указывая местонахождение «однолезвийных ножей», он пишет: «Ножей с втульчатой рукояткой на о-ве Лесном найдено три» (Асеев, 1980, с. 99). Но этой информации противоречат данные, приводимые И.В. Асеевым выше. Перечисляя находки с Ангарских островов, исследователь упоминает о том, что два «ножа с втульчатой рукояткой» (табл. XXV - 3, 4), обнаружены во время раскопок на левом берегу острова Сосновый, на участке 7 (Асеев, 1980, с. 87). В связи с этим возникает вопрос, где же всё-таки были найдены эти изделия на острове Сосновом или острове Лесном?

Наконечник пальмы неизвестного происхождения (Асеев, 1980, табл. XXV, 1), скорее всего был обнаружен на одном из островов в истоке Ангары. Его параметры, как и двух

других приводятся по рисункам из работы И.В. Асеева (табл. XXV - 1, 3, 4). У него обломано острие. Длина сохранившейся части 22 см (рис. 2 – 2). Насад выполнен в виде незамкнутой втулки длиной 12,3 см, шириной 2 см и толщиной 1,4 см. У края втулки, в ее центре имеется круглое отверстие для крепления к древку. Ширина несомкнутого пространства составляет 1,0-1,2 см. Клинок цельнокованный с втулкой. Длина сохранившейся части клинка 9,7 см, ширина у основания – 1,7 см. Клинок однолезвийный, с прямым обушком.

Один из наконечников пальмы, вероятно, обнаруженный на Сосновом острове, имеет длину 13 см (рис. 2 – 3). Насад выполнен в виде незамкнутой втулки длиной 7,5 см, шириной 1,7 см и толщиной 1 см. На конце втулка расширяется до 1,9 см. У края втулки, в ее центре имеется круглое отверстие для крепления к древку. Ширина несомкнутого пространства составляет 0,9-1,0 см. Клинок цельнокованный с втулкой. Длина клинка 5,5 см, ширина у основания – 1,5 см. Клинок однолезвийный, с прямым обушком.

Второй из наконечников пальмы с Соснового острова имеет длину 13 см (рис. 2 – 4). Насад выполнен в виде незамкнутой втулки длиной 6,8 см, шириной 1,9 см и толщиной 1 см. У края втулки, в ее центре имелось круглое отверстие для крепления к древку. В дальнейшем край втулки до отверстия обломился. Ширина несомкнутого пространства составляет 1,0-1,3 см. Клинок цельнокованный с втулкой. Длина клинка 6,2 см, ширина у основания – 1,6 см.

На территории Приольхонья обнаружено два наконечника пальмы (Харинский, 2001, с.141). Один из них найден в захоронении Куркут 2 – 1 (Харинский, 2001, рис.41 – 2). Насад наконечника выполнен в виде незамкнутой втулки длиной 9,5 см, шириной 1,9 см и толщиной 1 см (рис. 2 – 5). Ширина несомкнутого пространства составляет 0,8-1,0 см. Основание клинка с внутренней стороны приварено к втулке. Длина клинка 6,5 см, ширина у основания - 1 см. Клинок однолезвийный, с прямым обушком. На клинок надевались деревянные ножны длиной 12,5 см, остатки от которых фиксируются на пальме. Наконечник пальмы располагался с внутренней стороны правой плечевой кости. Он был обращен острием к югу, сам же погребенный ориентирован головой на северо-восток. Если предположить, что в погребении пальма сохранила свое первоначальное положение и

не была сломана перед помещением в могилу, то можно определить примерную длину ее древка, которая составляла не более 20 см. Если бы оно было длиннее, то не поместилось в яму, в том положении, которое зафиксировано во время раскопок (Харинский, 2001, рис. 40).

Вторая пальма найдена в захоронении Хужиртуй 3 – 1 (Харинский, 2001, рис. 52–1). Она цельнокovaná с незамкнутым втульчатым насадом. Длина втулки 10 см, ширина у конца – 2,1 см и толщина – 1 см (рис. 2 – 6). Ширина несомкнутого пространства составляет 0,3–1,3 см. Длина клинка 9 см, ширина у основания – 1 см. Клинок однолезвийный, с прямым обушком. Во внутренней части втулки располагаются два шпенька, с помощью которых пальма крепилась к древку. Шляпки шпеньков имеют диаметр 0,7 см. Наконечник пальмы располагался между ног погребенного, ориентированного головой на восток. Ее острие направлено на юго-запад, к нижнему эпифизу левой берцовой кости. Если положения наконечника в могиле не изменилось с момента захоронения, и древко не было сломано, то его длина составляла не более 70 см (Харинский, 2001, рис. 51).

На северном побережье Хубсугула (Северная Монголия) наконечники пальмы с несомкнутой втулкой обнаружены на двух могильниках Хавцал 2 и Зуун хярын дэнж 1. На могильнике Хавцал 2 пальма найдена в погребении, впущенном в курганную насыпь херексура, предварительно датирующегося второй половиной II – первой половиной I тыс. до н.э. (Харинский и др., 2010). Длина клинка 8 см. Обушок слегка вогнутый, толщиной 3 мм, к острию он становится тоньше (рис. 2 – 7). Ширина лезвия в основании 1,2 см. Клинок заточен только с правой стороны. К острию лезвие загибается вверх. Клинок отделяется от насада слегка обозначенным лезвийным уступом. Втулка конусовидная длиной 8,5 см, ширина в основании 1,1 см, ширина окончания 2 см. в сечении втулка овальной формы, толщина стенок 3 мм. Втулка не замкнута. С правой стороны имеется незамкнутое пространство. У основания втулки расстояние между незамкнутыми краями втулки 0,8 см, у окончания – 1,3 см. У конца край втулки отогнут наружу, образуя уступ толщиной 4 мм. длина пальмы 17,6 см.

На могильнике Зуун хярын дэнж 1 цельнокovaná клинок пальмы обнаружена под камнями кладки комплекса № 1 (Оргилбаяр и

др., 2019). Ее длиной 207 мм (рис. 2 – 8). Длина клинка 112 мм, длина втулки 95 мм. Клинок с прямым обушком, сужающийся со стороны лезвия. Ширина основания клинка 14 мм. Толщина обушка от 5 мм у основания до 1 мм у острия. Заточка клинка односторонняя. Со стороны несомкнутой части втулки сторона клинка прямая, с противоположной стороны у клинка имеется скос к лезвию. Основание втулки стыкуется с клинком, шириной 14 мм. Ширина конца втулки 25 мм. Втулка трапециевидной формы, сужается к основанию. Ее толщина 6 мм. Толщина стенок втулки около 2 мм. Края стенок втулки располагаются перпендикулярно ее боковым стенкам. Они не загибаются внутрь.

Судя по опубликованным к настоящему времени материалам на территории Байкальского региона, включающего три субъекта Российской Федерации Иркутскую область, Республику Бурятия, Забайкальский край и север Монголии с бассейном р. Селенги, обнаружено 8 наконечников пальм с несомкнутой втулкой. Три из них найдены на поселении и пять в захоронениях (рис. 3). Три наконечника пальм располагались в могильной яме вместе с останками погребенного, один среди камней кладки захоронения, и один в разрушенном грабителями впускном погребении.

Обсуждение

Для определения времени использования на территории Байкальского региона пальм с наконечниками, имеющими насад в виде несомкнутой втулки, обратимся, прежде всего, к погребениям по которым имеются радиоуглеродные даты. К их числу относятся захоронения могильников Хужиртуй 3, Хавцал 2, Зуун хярын дэнж 1 (табл. 1).

Судя по радиоуглеродным данным, самым ранняя пальма фиксируется во впускном захоронении комплекса № 1 могильника Хавцал 2, возраст которого соотносится с концом VIII – первой половиной XI вв. Погребение № 1 могильника Хужиртуй 3 датируется концом IX – первой половиной XI вв. Возраст захоронения № 1 могильника Зуун хярын дэнж 1 соответствует первой половине XI – середине XII вв. Таким образом время использования пальм с несомкнутой втулкой в Байкальском регионе предварительно может быть определено концом VIII – серединой XII вв. Материалы с других памятников, на которых были обнаружены такие наконечники, не противоречат этим данным. В XIII–XIV вв. пальмы с несомкнутой втулкой уже не встречаются на

Таблица 1.

Радиоуглеродные даты по захоронениям, в которых обнаружены пальмы с насадом в виде несомкнутой втулки

Table 1.

Radiocarbon dates for burials with discovered palms with tips in the form of open sleeves

Объект	№ могилы	Материал	Лаб. №	¹⁴ C	+/-	Калибров. возраст (н.э.)*
Хужиртуй 3	могила № 1	кости человека	СОАН-3704	1080	40	886-1029
Хавцал 2	впускное погребение в комплекс № 1	кости человека	СОАН-7572	1090	50	774-1033
Зуун хярын дэнж 1	могила № 1	зуб человека	ОхА-39271	930	17	1038-1156

Даты и их промежутки погрешностей калиброваны в программе Oxcal 4.3 (Bronk Ramsey, 2017) при помощи базы данных IntCal13 (IntCal13 ... , 2013), доверительный интервал калиброванной датировки 95,4%

территории Байкальского региона (Крадин и др., 2016; Харинский, 2018). На просторах Евразии получает распространение оружейный комплекс, в основу которого составляло вооружение монголов, создавших огромную империю.

Наконечники пальм с несомкнутой втулкой обнаружены в захоронениях со схожим погребальным ритуалом. Могилы располагались на вершинах холмов или на склонах гор. Захоронения совершались в грунтовых ямах. Умершего укладывали вытянуто, на спину на грунт или деревянную доску, иногда помещали в берестяной чехол. Сверху его могли накрывать деревянной крышкой. Покойников ориентировали головой на север, северо-восток или восток. Над могильной ямой сооружалась круглая кладка диаметром 3-4 м. Близость погребального ритуала и инвентаря, фиксируемого в прихубсугульских и прибайкальских захоронениях не удивительна. Они принадлежали родственным народам – туматам, хори и баргутам, являвшимся потомками трех тюркоязычных телесских народов – дубо, гулигань и байырку. Общность их происхождения, вероятно, способствовала формированию схожих представлений о погребальном обряде и использовании близкого набора инвентаря. К середине XIII в. область расселения этих народов меняется, что находит отражение в изменениях, происходивших в погребальной практике, как в Прибайкалье, так и в Прихубсугулье.

Миграции населения, ставшие следствием монгольских завоеваний, затронули и потомков телесского населения Байкальского региона. Скрываясь от монголов, часть гули-

гань-хори, а возможно и дубо-туматов, продвинулась вниз по долине р. Лена, став одной из составляющих якутского народа. Когда произошло это переселение к настоящему времени достаточно уверенно сказать сложно. Но одним из его свидетельств может служить находка на поселении Кытанах Маллата в междуречье Лены и Амги в Центральной Якутии наконечника пальмы с несомкнутой втулкой (рис. 2 – 9) (Гоголев, 1990, табл. IX – 5). А.И. Гоголев относит находки с этого поселения к кулан-атахскому этапу кулан-атахской культуры и датирует XIV-XV вв. (Гоголев, 1990, с. 23).

Заключение

Пальма как один из видов древкового оружия в первые века своего существования не получила широкого распространения. Ее находки фиксируются на территории, протянувшейся от верховьев Енисея на западе, до верховьев Онона на востоке. К настоящему времени самый ранний ее образец обнаружен на северном берегу озера Хубсугул на могильнике Хавцал 2. На основании радиоуглеродного анализа, захоронение, в котором найдена пальма, датируется концом VIII – первой половиной XI вв. Наконечник пальмы крепился к древку с помощью несомкнутой втулки. В IX-X вв. этот вид оружия распространяется в остепненных районах Предбайкалья, Забайкалья и Тувы, где проживали потомки тюркоязычных племен теле. В оружейном наборе этих регионов она не занимает ведущее положение, уступая место оружию дистанционного боя – луку со стрелами. С XIII пальмы с несомкнутой втулкой уже не встречается среди вооружения скотоводов кочевников

и полукочевников Байкальского региона и Тувы. При этом она не исчезает полностью на территории Восточной Сибири, а проникает в её более северные районы. В результате миграции части предбайкальского населения в первой половине II тыс. н.э. в среднюю часть долины Лены, пальма с несомкнутой втулки появляется в Ленско-Амгинском междуречье.

Пальма с втульчатый насадом становится основой для формирования пальм с черешковым насадом. Самые ранние их образцы найдены в южной части Ангарской долины в захоронении могильника Усть-Уда, дати-

рующемся концом XIII-XIV вв. и относящемся к Усть-Талькинской культуре. Вместе с усть-талькинцами этот вид вооружения в XIV в. проникает в среднюю часть долины Лены и в долину Вилюя, становясь прототипом для двух разновидностей черешковых пальм - батас и батыйа. С XVII в. пальма с черешковым насадом получает широкое распространение среди жителей лесной зоны Северной Азии, становясь одним из важнейших видов вооружения у якутов, эвенков, селькупов, хантов, кетов и других сибирских и дальневосточных народов.

ЛИТЕРАТУРА

- Асеев И.В.* Прибайкалье в средние века. Новосибирск: Наука, 1980. 149 с.
- Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В.* Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука, 1984. 201 с.
- Беликова О.Б.* Последняя экспедиция А.В. Адрианова: Тува, 1915–1916 гг. Археологические исследования (источниковедческий аспект) / отв. ред. Д.Г. Савинов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. 570 с.
- Брагина Р.И., Дьяконов В.М., Николаев Е.Н., Петров Д.М., Сыроватский В.В., Багашев А.Н., Пошехонова О.Е., Слепченко С.М., Ражев Д.И., Алексеева Е.А., Зубова А.В., Кузьмин Я.В.* Комплексное исследование раннеякутского сергеляхского погребения середины XV — начала XVI в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 4 (35). С. 90–109.
- Василевич Г.М.* Эвенки. Историко-этнографический очерк. Л.: Наука, 1969. 304 с.
- Васильев Ф.Ф.* Военное дело якутов. Якутск: Бичик, 1995. 224 с.
- Гоголев А.И.* Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV-XVIII вв.). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 189 с.
- Грач А.Д.* Отчет о полевых исследованиях 1-го отряда СТЭАН в 1965 г. // Архив ИА АН СССР. д. 3160.
- Грач А.Д.* Отчет о полевых исследованиях 1-го отряда СТЭАН в 1971 г. - Архив ИА АН СССР. д. 4614.
- Крадин Н.Н., Харинский А.В., Бакшеева С.Е., Ковычев Е.В., Прокопец С.Д.* Археология империи Чингис-хана в Монголии и Забайкалье // *Stratum plus*. 2016. № 6. С. 17–43.
- Кызласов И.Л.* Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. / САИ. Вып. ЕЗ-18. М.: Наука, 1983. 128 с.
- Кызласов Л.Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979. 208 с.
- Кызласов Л.Р.* Курганы тюхтятской культуры в Туве (по материалам раскопок 1915–1929 гг.) // СА. 1983. № 3. С. 153–170.
- Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам Саха-французской археологической экспедиции) / Под ред. Э. Крюбези и А.Н. Алексеева. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2012. 226 с.
- Оргилбаяр С., Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д., Мандалсүрэн Н.* Монгол-Оросын хамтарсан “Төв Азийн археологийн шинжилгээ-1” төслийн Хөвсгөл аймгийн Ханх сумын нутагт явуулсан малтлага судалгааны ажлын урьдчилсан үр дүнгээс // Монголын археологи – 2018 / Ер. Ред. Д.Эрдэнэбаатар Улаанбаатар хот, 2019. С. 140–146.
- Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1. 1280 с.
- Петров Д.М.* Захоронение воинов на озере Кюкяй в Западной Якутии: новые материалы по ранней этнической истории вилюйских якутов (XIV-XV вв.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. № 2(15). С. 67–80.
- Серошевский В.Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования. М., 1993. 736 с.
- Троицкая Т.Н.* Погребения с трупосождениями конца I тысячелетия н.э. на р. Уени Новосибирской области // Археология Южной Сибири. Вып. 9./ Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: Изд-во Кемеровского гос. ун-та, 1977. С. 121–130.

Харинский А.В. Оружие эвенков северного побережья озера Байкал в XVIII-XIX вв. // Известия Лаборатории древних технологий. / Отв. ред. А.В. Харинский. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. Вып. 1. С. 113–122.

Харинский А.В. Погребальная практика монголов в XIII-XIV вв. // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы IV междунар. науч. конф. Ч. II / Отв. ред. А.В. Константинов, М.В. Константинов. Чита: Изд-во Забайкал. гос. ун-та, 2013. С. 125-131.

Харинский А.В. Приольхонье в средние века: погребальные комплексы. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2001. 238 с.

Харинский А.В. Южное Прибайкалье накануне образования монгольской империи // Археология Евразийских степей. 2018. № 4. С. 187–192.

Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д., Коростелев А.М. Херексур – универсальный объект погребальной практики // Культура как система в историческом контексте: опыт западно-сибирских археолого-этнографических совещаний / Отв. ред. М.П. Черная. Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2010. С. 322–324.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.

Худяков Ю.С. Наконечники копий и «пальм» из средневековых памятников Прибайкалья, Забайкалья и Монголии // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии / Отв. ред. П. Б. Коновалов Новосибирск: Наука, 1992. С. 107–117.

Худяков Ю.С. Наконечники копий из памятников IX-XII вв. в Туве // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенез тувинцев / Отв. ред. А.П. Окладников. Кызыл: Изд-во Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, 1980. С. 95–101.

Bronk Ramsey C. Methods for Summarizing Radiocarbon Datasets // Radiocarbon. 59(2). 2017. 1809-1833.

Reimer, P. J., Bard, E., Bayliss, A., Beck, J. W., Blackwell, P. G., Bronk Ramsey, C., Grootes, P. M., Guilderson, T. P., Hafidason, H., Hajdas, I., Hatté, C., Heaton, T. J., Hoffmann, D. L., Hogg, A. G., Hughen, K. A., Kaiser, K. F., Kromer, B., Manning, S. W., Niu, M. R., Reimer, W., Richards, D. A., Scott, E. M., Southon, J. R., Staff, R. A., Turney, C. S. M., van der Plicht, J. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years cal BP // Radiocarbon. 2013. Vol. 55 (4). P. 1869–1887.

Информация об авторе:

Харинский Артур Викторович, доктор исторических наук, профессор (г. Иркутск, Россия).

REFERENCES

Aseev, I. V. 1980. *Pribaikal'e v srednie veka (Baikal Region in the Middle Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Aseev, I. V., Kirillov, I. I., Kovychev, E. V. 1984. *Kochevniki Zabaikal'ia v sr'dnevekov'ia (Nomads of Transbaikalia in the Middle Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Belikova, O. B. 2014. *Posledniaia ekspeditsiia A.V. Adrianova: Tuva, 1915-1916 gg. Arkheologicheskie issledovaniia (istochnikovyi aspekt) (The Last Expedition of A.V. Adrianov: Tuva, 1915-1916. Archaeological Studies (Source Study Aspect))*. Tomsk: Tomsk State University (in Russian).

Bravina, R. I., D'yakonov, V. M., Nikolaev, E. N., Petrov, D. M., Syrovatsky, V. V., Bagashev, A. N., Poshekhonova, O. E., Slepchenko, S. M., Razhev, D. I., Alekseeva, E. A., Zubova, A. V., Kuzmin, Ya. V. 2016. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 35 (4), 90–109 (in Russian).

Vasilevich, G. M. 1969. *Evenki. Istoriko-etnograficheskii ocherk (The Evenks. Historical and Ethnographic Essay)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Vasil'ev, F. F. 1995. *Voennoe delo yakutov (Military Art of the Yakuts)*. Yakutsk: "Bichik" (in Russian).

Gogolev, A. I. 1990. *Arkheologicheskie pamiatniki Yakutii pozdnego srednevekov'ia (XIV – XVIII vv.) (Archaeological Monuments of Yakutia of the Late Middle Ages (14th-18th cc.))*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).

Grach, A. D. 1965. *Otchet o polevykh issledovaniiaakh pervogo otriada Saiano-Tuvinskoi ekspeditsii Akademii nauk SSSR v 1965 g. (Report on Field Studies of the 1st Group of the Sayano-Tuva Archaeological Expedition of the Academy of Sciences in 1965)*. Archive of the Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR. Dossier 3160 (in Russian).

Grach, A. D. 1971. *Otchet o polevykh issledovaniikh pervogo otriada Saiano-Tuvinskoi ekspeditsii Akademii nauk SSSR v 1971 g. (Report on Field Studies of the 1st Group of the Sayano-Tuva Archaeological Expedition of the Academy of Sciences in 1971)*. Archive of the Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR. Dossier 4614 (in Russian).

Kradin, N. N., Kharinsky, A. V., Bakshieva, S. E., Kovychev, E. V., Prokopets, S. D. 2016. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 17–43 (in Russian).

Kyzlasov, I. L. 1983. *Askizskaya kul'tura Yuzhnoy Sibiri X–XIV vv. (Askizskaya Culture of South Siberia in the 10th–14th cc.)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E3-18. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kyzlasov, I. L. 1979. *Drevniaia Tuva (ot paleolita do IX v.) (Ancient Tuva (from the Paleolithic to the 9th c.)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Kyzlasov, L. R. 1983. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 153–170 (in Russian).

Kryubezi, E., Alekseev, A. N. (eds.). 2012. *Mir drevnikh yakutov: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy (po materialam Sakha-frantsuzskoi arkheologicheskoi ekspeditsii) (The World of Ancient Yakuts: the Experience of Interdisciplinary Studies (Based on the Materials of the Sakha-France Archaeological Expedition))*. Yakutsk: North-Eastern Federal University (in Russian).

Orgilbayar, S., Kharinsky, A. V., Erdenebaatar, D., Mandalcyuren, N. 2019. In Erdenebaatar, D. (ed.). *Mongolyn arkheologi (Mongolian archaeology – 2018)*. Ulaanbaatar, 140–146 (in Mongolian).

Pekarsky, E. K. 1958. *Slovar' iakutskogo iazyka (Словарь якутского языка)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Petrova, D. M. 2019. In *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy (Review of the Laboratory of ancient technologies)* 15(2), 67–80 (in Russian).

Seroshevsky, V. L. 1993. *Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniia (Yakuts. The Experience of Ethnographic Studies)*. Moscow: "Rossiiskaia politicheskaya entsiklopediya" Publ. (in Russian).

Troitskaya, T. N. 1977. In Martynov, A. I. (ed.). *Arkheologiya Iuzhnoi Sibiri (Archaeology of South Siberia)* 9. Kemerovo: Kemerovo State University Publ., 121–130 (in Russian).

Kharinsky, A. V. 2001. *Priol'khonie v srednie veka: pogrebal'nye komplekсы (The Olkhon River Region in the Middle Ages: Burial Complexes)*. Irkutsk: Irkutsk State Technical University (in Russian).

Kharinskiy, A. V. 2003. In Kharinskiy, A. V. (ed.). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy: sbornik nauchnykh trudov (Review of the Laboratory of ancient technologies: a collection of scientific papers) 1*. Irkutsk: Irkutsk State Technological University Publ., 113–122 (in Russian).

Kharinskiy, A. V. 2013. In (ed.). In Konstantinov, A. V., Konstantinov, M. V. (eds.). *Drevnie kul'tury Mongolii i Baykal'skoy Sibiri (Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia)* 4 (2). Chita: Chita State University Publ., 125–131 (in Russian).

Kharinsky, A. V. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 187–192 (in Russian).

Kharinsky, A. V., Erdenebaatar, D., Korostelev, A. M. 2010. In Chernaya, M. P. (ed.). *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: opyt zapadno-sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchaniy (Culture as a system in a Historical Context: the Experience of West Siberian Archaeological and Ethnographic Meetings)*. Tomsk: "Agraf-Press" Publ., 322–324 (in Russian).

Khudyakov, Yu. S. 1991. *Vooruzhenie tsentral'noaziatskikh kochevnikov v epokhu rannego i razvitogo srednevekov'ya (Armament of Central Asian Nomads in the Early and Developed Middle Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khudyakov, Yu. S. 1980. In Okladnikov, A. P. (ed.). *Noveishie issledovaniia po arkheologii Tuvy i etnogenezu tuvintsev (The Latest Studies on the Archaeology of Tuva and the Ethnogenesis of the Tuvinians)*. Kyzyl: Tuva Scientific Research Institute of Language, Literature and History, 95–101 (in Russian).

Khudyakov, Yu. S. 1992. In Konovakov, P. B. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki epokhi srednevekov'ia v Buriatii i Mongolii (Archaeological Sites of the Middle Ages in Buryatia and Mongolia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 107–117 (in Russian).

Bronk Ramsey, C. 2017. In *Radiocarbon*. 59(2), 1809–1833.

Reimer, P. J., Bard, E., Bayliss, A., Beck, J. W., Blackwell, P. G., Bronk Ramsey, C., Grootes, P. M., Guilderson, T. P., Haffidason, H., Hajdas, I., Hatte, C., Heaton, T. J., Hoffmann, D. L., Hogg, A. G., Hughen, K. A., Kaiser, K. F., Kromer, B., Manning, S. W., Niu, M. R., Reimer, W., Richards, D. A., Scott, E. M., Southon, J. R., Staff, R. A., Turney, C. S. M., van der Plicht, J. 2013. In *Radiocarbon*. Vol. 55 (4), 1869–1887.

About the Author:

Kharinsky, Artur V., Doctor of Historical Sciences (Irkutsk, Russian Federation).

Статья поступила в журнал 01.08.2020 г.
Статья принята к публикации 01.09.2020 г.

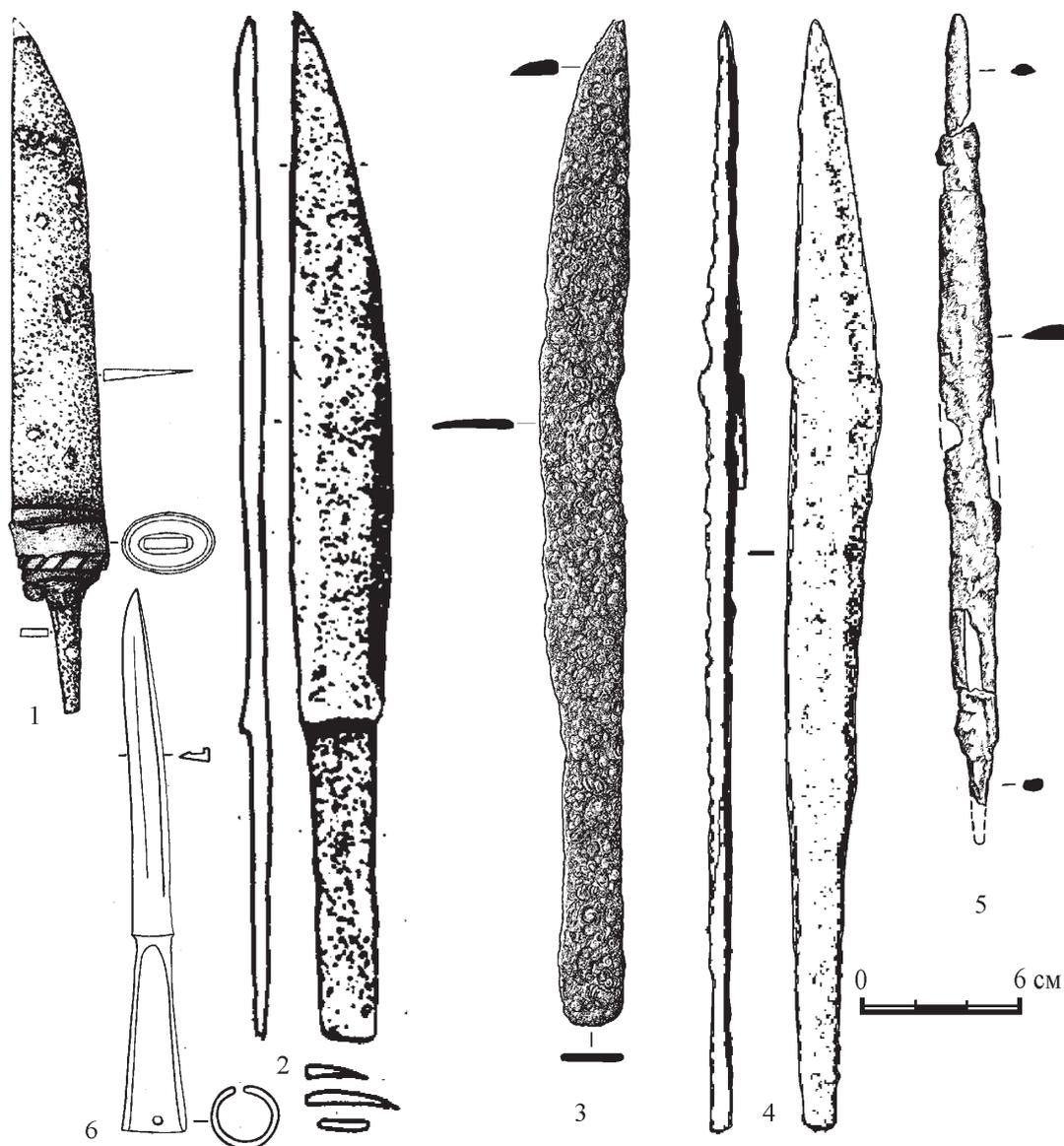

Рис. 1. Пальмы Восточной Сибири: 1 – Лударская губа 1 (Харинский, 2003); 2 – Оргумай, (Гоголев, 1990); 3 – Кюкяй II (Петров, 2019); 4 – Сергилях (Бравина и др., 2016); 5 – Усть-Уда - 10 (Николаев, 2004); 6 – Эйлиг-Хем III - 4 (Кызласов, 1983).

Fig. 1. Palmas of Eastern Siberia: 1 – Ludarskaya guba 1 (Kharinskiy, 2003); 2 – Orgumay, (Gogolev, 1990); 3 – Kyukyay II (Petrov, 2019); 4 – Sergilyakh (Bravina et al., 2016); 5 – Ust'-Uda - 10 (Nikolayev, 2004); 6 – Eylig-Khem III - 4 (Kyzlasov, 1983).

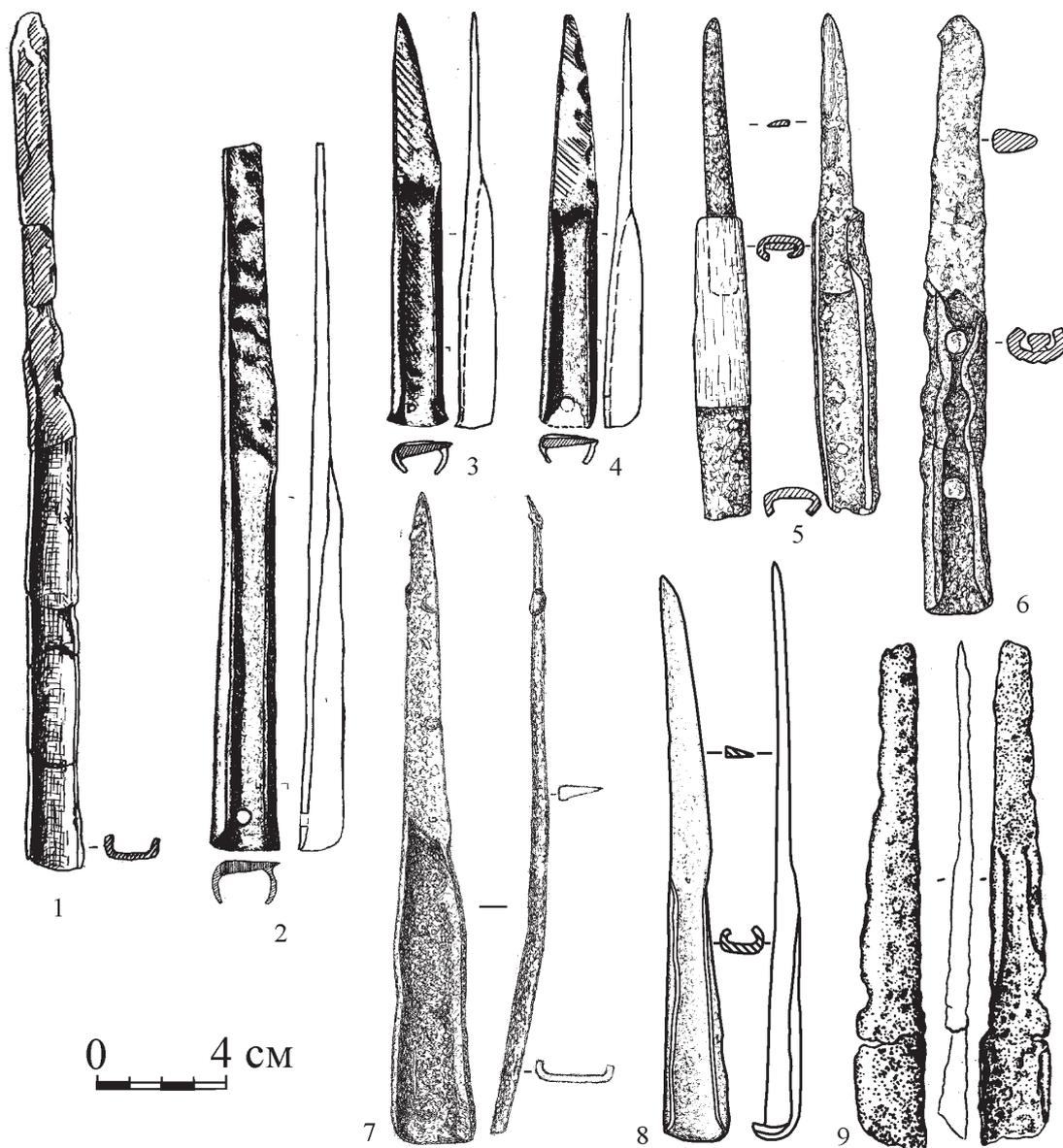

Рис. 2. Пальмы с насадом в виде несомкнутой втулки:

1 – Чиндант 1 - 2 (Асеев и др., 1984); 2-4 – острова в верховьях Ангары (Асеев, 1980); 5 – Куркут 2 - 1,
6 – Хужиртуй 3 - 1 (Харинский, 2001); 7 – Хавцал 2 - 1 (Харинский и др., 2010); 8 – Зуун хярын дэнж 1 - 1
(Оргилбаяр и др, 2019); 9 – Кыганах Маллага (Гоголев, 1990).

Fig. 2. Palmas with a nozzle in the form of an open sleeve:

1 – Chindant 1 - 2 (Aseev et al., 1984); 2-4 – Islands in the upper reaches of the Angara (Aseev, 1980); 5 – Kurkut 2-1,
6 – Khuzhirtuy 3 - 1 (Kharinsky, 2001); 7 – Hawtsal 2 - 1 (Kharinsky et al., 2010); 8 – Zuun khyaryn dange 1 - 1 (Or-
gilbayar et al, 2019); 9 – Kytanakh Mallata (Gogolev, 1990).

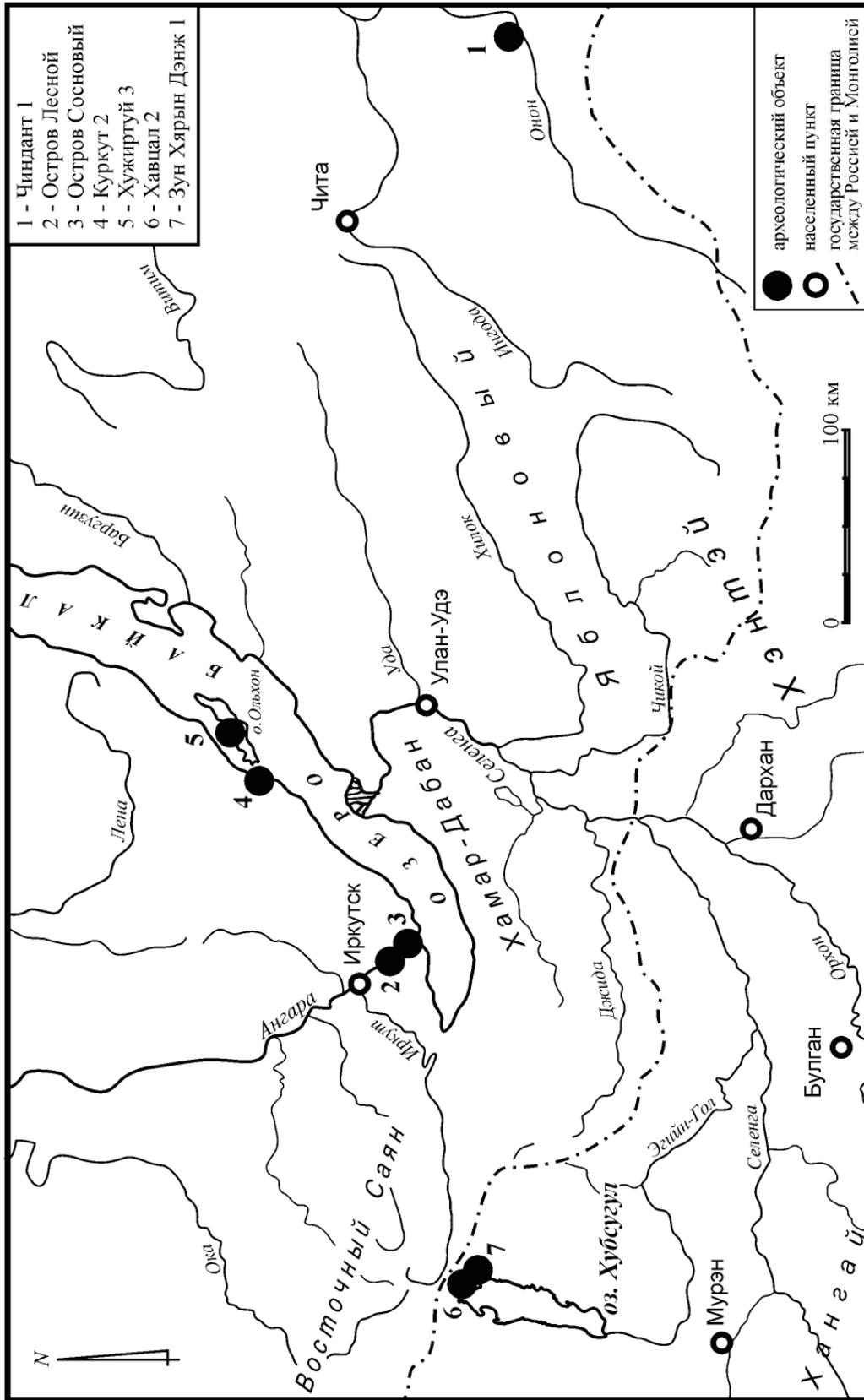

Рис. 3. Археологические объекты Байкальского региона, на которых найдены наконечники палм с насадом в виде несомкнутой втулки
 Fig. 3. Archaeological sites of the Baikal region where the palmas with a nozzle in the form of an open sleeve were found

УДК 902.01/ 904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2020.6.379.386>**НАХОДКА ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ЗЕРКАЛА В БАССЕЙНЕ РЕКИ ИК**

©2020 г. А.А. Бурханов, И.Л. Измайлов, Ч.З. Рахматуллина

В данной публикации характеризуются археологические находки, выявленные на левом берегу реки Ик, в окрестностях с. Сарлы Азнакаевского района РТ. Анализируется уникальная находка бронзового зеркала с изображением двух карпов, резвящихся среди водорослей. Авторами раскрывается символика этого изображения, как образа достатка и материального благополучия, сулящего счастье, процветание, богатство и гармонию, как благопожелательный символ многочисленного потомства. Образ карпа становится воплощением упорства в достижении поставленных целей, пожеланием удачной карьеры и общего жизненного успеха. Изображения зеркал с двумя рыбами было характерно для средневекового Китая. Подобные изображения на различных предметах (зеркала, посуда и т.д.) с парными карпами появляются в Волго-Уральском регионе в золотоордынский период. Находки целых зеркал в этом регионе являются уникальными и, скорее всего, связаны с каким-то разрушенным погребением.

Ключевые слова: археологические находки, бронзовые зеркала, изображения двух карпов среди водорослей и цветов, Китай эпохи Сун и Цзинь, Великий Шелковый путь, золотоордынский период, средневековая керамика, бассейн реки Ик, средневековые памятники.

GOLDEN HORDE MIRROR DISCOVERED IN THE IK RIVER BASIN

A.A. Burkhanov, I.L. Izmailov, Ch.Z. Rakhmatullina

The publication characterizes an archeological find discovered on the left riverbank of the Ik river in the vicinity of Sarly village in Aznakayevsky district of the Republic of Tatarstan. The discovered unique bronze mirror with the image of two carps frolicking among seaweed is analyzed. The authors reveal the symbolism of this image as a sign of abundance and material well-being, promising happiness, prosperity, wealth and harmony, as a benevolent symbol of numerous offsprings. The image of a carp becomes the embodiment of persistence in the achievement of goals, a wish of successful career and general success in life. Images of mirrors with two fish were typical of medieval China. Similar images on various items (mirrors, ware and others) with pair carps appeared in the Volga-Ural region during the Golden Horde period. Whole mirrors are unique finds for this region and are most likely connected with a destroyed burial.

Keywords: archaeological finds, bronze mirrors, images of two carps among seaweed and flowers, China in Song and Jin eras, the Great Silk Road, the Golden Horde period, medieval ceramics, Ik river basin, medieval monuments.

Шешминско-Икское междуречье Восточного Закамья в пределах юго-восточных и восточных районов современного Татарстана и сопредельных территорий являются до сих пор малоисследованными в историко-культурном отношении.

В последние годы в связи с расширением масштабов охранно-спасательных археологических работ количество выявленных памятников археологии и отдельных находок возрастает. Тем не менее каждая находка отсюда представляет значительную историческую ценность. В связи с этим важна случайная находка, сделанная на берегу реки Ик у села Сарлы (Азнакаевский район Республики Татарстан). Находка была сделана местным жителем, выпускником школы села Сарлы Азнакаевского района Ильшатом Илаевым летом 2017 года на левом берегу реки Ик,

между селом Сарлы и д. Суондук, во время выпаса скота. В настоящее время данная находка, как и ряд других находок, включающих фрагменты венчика и стенок керамического горшка так называемого «чияликского типа», находится на постоянном хранении в Азнакаевском краеведческом музее (рис. 1).

Данное металлическое зеркало изготовлено из специального светлого (серебристого) сплава, видимо, меди и олова. Диаметр зеркала – 7,6 см. Толщина у узкого бокового борта – 0,45 см. Одна из сторон хорошо отполирована, а другая покрыта зооморфным орнаментом в виде двух плавающих речных рыб (карпов) с большими хвостами среди водорослей и камней (длина рыб – 6 см).

Изделие выполнено в технике литья по выплавляемой модели. С внутренней стороны бортик растворяется в диске, с внешней

стороны – имеет округлый подъем и подпрямоугольный срез. По краям бортика с внешней стороны наблюдаются наплывы металла, нарушающие четкость контура изделия. Декоративное изображение отличается размытым очертанием фигур и рядом плохо просматриваемых деталей, что с большой долей вероятности может быть следствием использования вторичных производственных форм, в то время как первичная литейная модель имела более проработанный рельеф и большую ясность художественной формулировки орнаментального сюжета (рис. 2).

Орнаментальное пространство внешней стороны изделия занято стилизованным изображением двух карпов, резвящихся среди волн. Данный тип – с парными рыбами – восходит к китайским традициям и является одной из разновидностей зооморфных благопожелательных символов, получивших широкое распространение среди предметов туалета на различных китайских изделиях с периода Средневековья до Новейшего времени. Следует подчеркнуть одну важную деталь, которую отметил в свое время крупнейший отечественный китаевед, академик В.М. Алексеев: «...особенностью китайского искусства, и в высшем его проявлении, и в народно-лубочном, является мания ребусов» (Алексеев, 1958, с. 40). Именно на бытовых изделиях, не связанных такой сложной системой изображений, какая была присуща церемониальному костюму или парадным предметам, было широко распространены благопожелательные символы. При этом следует учесть, что в Китае «...символика благопожеланий была крайне разработана и детализирована, имела великое множество оттенков и намеков, что нередко превращало благопожелательную картинку в своего рода ребус, разгадать который непосвященному практически невозможно» (Васильев, 1988, с. 347).

Прекрасной иллюстрацией подобного благопожелательного многозначного «ребуса» является зеркало с двумя карпами. В китайской мифологии карп зачастую выступает в качестве символа достатка и материального благополучия, так как китайское слово рыба – «юй» является омонимом понятий «излишек» и «изобилие», поскольку эти слова звучат похоже. Именно поэтому в Китае изображение рыбы считается благоприятным символом, сулящим счастье, процветание, богатство и гармонию, благопожелательным символом многочисленного потомства. В системе

конфуцианской образности акцентируется способность карпов плыть против течения и преодолевать всевозможные препятствия на пути к нересту, тем самым образ карпа становится воплощением упорства в достижении поставленных целей, пожеланием удачной карьеры и общего жизненного успеха (Малявкин, 2000, с. 244; Захарова, Захаров, 2010, с. 291–300).

В эпическом цикле повествований древнекитайской мифологии об одном из мифических государей прошлого по имени Юй содержится следующий сюжет: «...по преданию, морские и речные рыбы собирались под ... скалами (*Драконовых ворот – примечание авт.*) и соревновались в прыжках в высоту. Та, которая перепрыгивала через пороги, превращалась в дракона и возносилась к небу. Рыбы, прыгнувшие невысоко, только разбивали себе носы и возвращались ни с чем» (Юань Кэ, 1965, с. 216).

Каждая из перечисленных семантических ролей образа рыб справедлива в определенном контексте в зависимости от экономической, социальной или гендерной составляющей. Именно поэтому эти изображения имели универсальный характер и быстро распространялись по всему Великому Шелковому пути. Зеркала с двумя карпами и другие изделия с изображением карпов широко известны в средневековом Китае в эпоху Сун и Цзинь (рис. 4) (Хуан Яньшэн, Чэнь Юй, 2014, с. 144, 153).

Но особого расцвета эта образная культура достигла в период Монгольской империи Чингиз-хана и его потомков.

В Улусе Джучи подобные зеркала были особенно популярны. Скорее всего, их привозили как из самого Китая, так и из Средней Азии, Ирана и Закавказья, однако широко изготавливали и, собственно, в золотоордынских городских центрах (Федоров-Давыдов, 1966, с. 80; 1994, с. 201–203; Недашковский, Ракушин, 1998, с. 87–108; Гарустович, Иванов, 2014, с. 322; Арсланова, 1970, с. 56. табл. 1 и др.). Два бронзовых зеркала золотоордынского времени были найдены в 1974 г. в золотоордынском могильнике у села Байраки-Тамак в Ютазинском районе РТ (Казаков, 1975, с. 158; 1978, с. 93–96; Бурханов, Мухаметшин, 2014, с. 61–62; Бурханов, Нигаматзянов, 2017, с. 192–194, 295, рис. 46).

Зеркала подобного типа часто встречаются в ходе раскопок средневековых городских и сельских поселений, а также могильников.

Фрагмент аналогичного зеркала с изображением рыб был найден, в частности, на Альменевском городище (Козловский район Республики Чувашия) и Русскоурматском селище (Высокогорский район, Республика Татарстан) (рис. 3). Другой аналогией является находка с территории западного посада городища Джукетау, которая представляет собой фрагмент изделия с изображением рыбы, выполненным рельефными линиями (Набиуллин, 2011, с. 93). Зеркала данного типа имели широкое распространение в Минусинской котловине, где было обнаружено шесть экземпляров (Лубо-Лесниченко, 1975, с. 71–72, рис. 2). Хронологически автор относит их к разным периодам и датирует, в зависимости от варианта, промежутком XI–XIV вв.

Все эти аналогии позволяют датировать данную находку из с. Сарли второй половиной XIII – первой половиной XIV вв.

Однако привозные зеркала не могли в полной мере удовлетворить потребности внутреннего рынка в предметах роскоши и выходного туалета. Следствием этого явилась тенденция изготовления местных отливок с привозных изделий, в пережиточной форме интерпретирующих импортные сюжеты.

В историческом отношении территория Шешминско-Икского междуречья в X – первой половине XIII вв. являлась пограничной зоной между Волжской Булгарией и кочевым и полукочевым населением. В период Золотой Орды в этом регионе явно наблюдается совершенно иная картина – происходит освоение этой территории оседлым земледельческим мусульманским населением и проникновение в этот регион кочевых сооб-

ществ. Не исключено, что данное население различалось не только по видам хозяйственной деятельности, но и ареалам обитания: земледельцы осваивали поймы рек, спускаясь от верховьев рек – левых притоков р. Камы, а кочевые скотоводы – водоразделы и равнинную часть Белебейско-Бугульминской возвышенности (Измайлов, 2000, с. 16–28; Измайлов, 2002, с. 226–238).

В древности, Средневековье и Новое время жители побережья реки Ик вели активный оседло-земледельческий и кочевой образ жизни: занимались рыболовством, земледелием, охотой, пчеловодством, ремеслом и торговлей. По побережью и самой реке Ик шли торговые пути с юга на север, с запада на восток. Особенно ремесленное производство и торговля были развиты в период Золотой Орды и постордынское время. Об этом говорят культурные слои и находки предметов периода Средневековья из остатков поселений у сел Татарский Шуган, Сарлы, Суюндук, Нижние Стярле, Константиновка, Урсаево, Тумутук, Митряево, Асеево, Чалпы, расположенных в бассейне реки Ик в Азнакаевском районе Республики Татарстан.

В рассматриваемом регионе мы часто встречаем уникальные находки, в том числе периода Улуса Джучи (Золотой Орды). Обнаружение такого высококачественного ювелирного изделия, как зеркала с изображением двух рыб – важная находка для региона Восточного Татарстана, территория которого находилась довольно далеко от крупных центров, расположенных на берегу крупных рек Волги, Камы и Белой, через которые шли водные и сухопутные торговые пути.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В.М.* В старом Китае. Дневники путешествия 1907 г. М.: Восточная литература, 1958. 321 с.
- Арсланова Ф.Х.* Погребения золотоордынского времени в Павлодарской области // По следам древних культур Казахстана / Отв. ред. М. К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука АН КазССР, 1970. С. 54–59.
- Бурханов А.А., Мухаметшин Д.Г.* Очерки истории Юго-Восточного Татарстана. Казань: Яз, 2014. 240 с.
- Бурханов А.А., Нигаматзянов И.Р.* Древности Восточного Закамья. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. 320с.
- Васильев Л.С.* История религий Востока: Учебное пособие для студ.вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высш.шк., 1988. 416 с.
- Гарустович Г.Н., Иванов В.А.* Материалы по археологии средневековых кочевников Южного Урала (IX – XV вв. н.э.). Уфа: Изд-во БГУ, 2014. 328с.
- Захарова И.В., Захаров В.Ю.* Удача по-китайски: как читать язык символов. Ростов н/Д: Феникс, Краснодар: Неоглори, 2010. 404 с.

Измайлов И.Л. Восточное Закамье в эпоху средневековья в контексте социоестественной истории (к вопросу о периодизации) // Природа и самоорганизация общества / Под ред. Э.С. Кульпина. М.: Изд-во «Московский лицей», 2002. С. 226–238.

Измайлов И.Л. Средневековые памятники Альметьевского региона: проблемы историко-археологической периодизации // Проблемы изучения заселения и образования населенных пунктов Альметьевского региона. Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 2000. С. 16–28.

Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарстана. М.: Наука, 1978. 131 с.

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. М.: Наука, 1975. 170 с.

Малявкин В.В. Китайская цивилизация. М.: Изд-во АСТ, Изд.-прод. Центр «Дизайн. Информация. Картография», 2000. 632 с.

Набиуллин Н.Г. Джукетау – город болгар на Каме. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 143 с.

Недашковский Л., Ракушин А. Бронзовые зеркала второй половины X – XIV вв. из музеев Саратовской области // ТА. 1998. № 2(3). С. 87–108.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд. МГУ, 1994. 232 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.

Хуан Яньшэнь, ЧэньЮй. Памятники культуры эпох династий Сун – Юань / Пер. с кит. Ли Сюелян. Пекин: Пекинская компания «Шанс», М.: ООО «Изд.-полиграф. Центр Восток-Бук», 2014. 446 с.

Юань Кэ. Мифы Древнего Китая. М.: Наука, 1965. 495 с.

Информация об авторах:

Бурханов Альберт Ахметжанович, кандидат исторических наук, (г. Казань, Россия); albert_burhan@list.ru

Измайлов Искандер Лерунович, доктор исторических наук, заведующий отделом средневековой археологии Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ismail@inbox.ru

Рахматуллина Чулпан Зофаровна, аспирант, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); beloebezmolvie@yandex.ru

REFERENCES

Alekseev, V. P. 1958. *V starom Kitae. Dnevnik puteshestviia 1907 g. (Ancient China. Travel Notes of 1907.)*. Moscow: “Vostochnaya literatura” Publ. (in Russian).

Arslanova, F. Kh., 1970. In Kadyrbaev, M. K. (ed.). *Po sledam drevnikh kul'tur Kazakhstana (In the Footsteps of the Ancient Cultures of Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ., 54–59 (in Russian).

Burkhanov, A. A., Mukhametshin, D. G. 2014. *Ocherki istorii Yugo-Vostochnogo Tatrstana (Essays on the History of South-Eastern Tatarstan)*. Kazan: “Yaz” Publ. (in Russian).

Burkhanov, A. A., Nigamatyanov, I. R. 2017. *Drevnosti Vostochnogo Zakam'ia (Antiquities of the Eastern Trans-Kama Region)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Vasil'ev, L. S. 1988. *Istoriia religii Vostoka (History of Religions of the East)*. Moscow: “Vysshiaia shkola” Publ. (in Russian).

Garistovich, G. N., Ivanov, V. A. 2014. *Materialy po arkheologii srednevekovykh kochavnikov Yuzhnogo Urala (IX–XV vv. N.e.) (Materials on the Archaeology of the Medieval Nomads of the Southern Urals (9th–15th centuries AD))*. Ufa: Bashkir State University (in Russian).

Zakharova, I. V., Zakharov, V. Yu. 2010. *Udacha po-kitaiski: kak chitat' iazyk simvolov (Luck in Chinese: How to Read Symbol Language)*. Rostov on Don; Krasnodar: “Feniks” Publ., “Neoglori” Publ. (in Russian).

Izmailov, I. L. 2000. In *Problemy izuceniia zaseleniia i obrazovaniia naseleennykh punktov Al'met'evskogo regiona (Issues of the Studies of the Settling and Formation of Settlements in Almetyevsk Region)*. Kazan: “Master-Line” Publ., 16–28 (in Russian).

Izmailov, I. L. 2002. In Kul'pin, E. S. (ed.). *Priroda I samoorganizatsiia obshchestva (The Nature and Self-Organization of the Society)*. Moscow: “Moskovskii litsei” Publ., 226–238 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1978. *Pamiatniki bolgarskogo vremeni v vostochnykh raionakh Tatarii (Sites of Bulgarian Time in the Eastern Parts of Tataria)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Lubo-Lesnichenko, E. I. 1975. *Privoznye zerkala Minusinskoy kotloviny. K voprosu o vneshnikh svyazyakh drevnego naseleniya Yuzhnoy Sibiri (Imported Mirrors of the Minusinsk Basin. The Issue of External Relations of the Ancient Population of South Siberia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mayavkin, V. V. 2000. *Kitaiskaya tsivilizatsii (The Chinese Civilization)*. Moscow: "Dizain. Informatsiia. Kartografiia" Publ. (in Russian).

Nabiullin, N. G. 2011. *Dzhuketau – gorod bulgar na Kame (Juketau, a Town of the Bulgars on the Kama River)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Nedashkovskii, L. F., Rakushin, A. I. 1998. In *Tatarskaia arkheologiya (Tatar Archaeology)* 3(2), 87–108 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia (Golden Horde Towns in the Volga Area)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Khuan Yan'shen', Chen'Yui. 2014. *Pamjatniki kul'tury epokh dinastii Sun – Yuan' (Cultural Monuments of the Song-Yuan Dynasties)*. Beijing; Moscow: "Shans" Publ. (in Russian).

Yuan Ke, 1965. *Mify Drevnego Kitaia (Ancient Chinese Myths)*. Moscow: "Nauka" (in Russian).

About the Authors:

Burkhanov Albert A., Candidate of Historical Sciences, Kazan, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; albert_burhan@list.ru

Izmailov Iskander L. Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ismail@inbox.ru

Rakhmatullina Chulpan Z., Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; beloebezmolvie@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2020 г.
Статья принята к публикации 01.09.2020 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

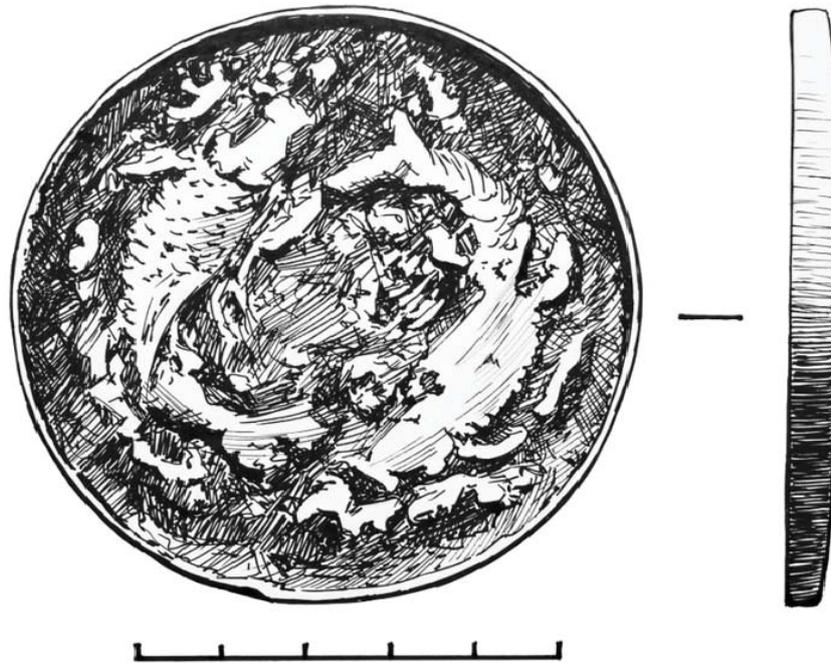

Рис. 1. Рисунок зеркала из окрестностей с. Сарлы (Юго-Восточное Закамье).
Fig. 1. Drawing of a mirror from the vicinity of Sarly village (South-Eastern Trans-Kama Region).

Рис. 2. Фото зеркала из Сарлы (а – сторона с рельефом, б – зеркальная сторона).
Fig. 2. Photo of a mirror from Sarly (a - relief side, б - mirror side).

Рис. 3. Изображения рыб в китайской живописи: *a* – Лю Кай. Рыбы, плавающие среди опадающих цветов (ок. 1075). Saint Louis Art Museum. [https://en.wikipedia.org/wiki/File:Goldfish_in_Fish_Swimming_Amid_Falling_Flowers_by_Liu_Cai_\(cropped\).jpg](https://en.wikipedia.org/wiki/File:Goldfish_in_Fish_Swimming_Amid_Falling_Flowers_by_Liu_Cai_(cropped).jpg); *б* – МяоФу. Рыба и водная трава. 15th c. Династия Мин. Дворцовый музей, Тайбей (Тайвань).

Fig. 3. Fish images in Chinese painting: *a* – Liu Kai. Fish swimming among falling flowers (circa 1075). Saint Louis Art Museum. [https://en.wikipedia.org/wiki/File:Goldfish_in_Fish_Swimming_Amid_Falling_Flowers_by_Liu_Cai_\(cropped\).jpg](https://en.wikipedia.org/wiki/File:Goldfish_in_Fish_Swimming_Amid_Falling_Flowers_by_Liu_Cai_(cropped).jpg); *б* – МяоФу. Fish and aquatic grass. 15th c. Ming dynasty. The Palace Museum, Taipei (Taiwan).

Рис. 4. Зеркало эпохи Сун. (960-1279). Музей Чжэньцзян (провинция Цзянсу, Китай). <https://i.pinimg.com/originals/0e/7d/5c/0e7d5cdd4db7f4b8cb62b58995397ebf.jpg>

Fig. 4. Mirror of the Song period. (960-1279). Zhenjiang Museum (Jiangsu Province, China). <https://i.pinimg.com/originals/0e/7d/5c/0e7d5cdd4db7f4b8cb62b58995397ebf.jpg>

Рис. 5. Карта с обозначением мест находок зеркал данного типа в Волго-Камье.
Fig. 5. Map indicating the locations where this type of mirrors have been found in the Volga-Kama region.

УДК 903.224

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2020.6.387.392>

ДВА НАКОНЕЧНИКА ПИК ИЗ СОБРАНИЯ НИЖЕГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА¹

©2020 г. Б.А. Илюшин

Статья вводит в научный оборот два наконечника пик из собрания Нижегородского историко-архитектурного музея заповедника. Оба насажены на поздние древки. В фонды музея данные экземпляры поступили от сына известного фотографа и художника А.О. Карелина (1837–1906); место приобретения их прежним владельцем неизвестно. Наконечники – железные, втульчатые, с трёхгранным в сечении пером шиловидной формы и «яблоком» на шейке пера. Втулка одного из наконечников имеет две пожилыны (оттяжки) – металлические полоски с отверстиями для крепёжных гвоздей. Для датировки наконечников были рассмотрены их конструктивные особенности и найдены близкие аналогии. Наиболее вероятная датировка и атрибуция – Россия, конец XVI – первая половина XVII вв., лёгкая кавалерийская пика или оружие полков Нового строя (пикинёры, солдаты). Наличие аналогий в казахских материалах XVII – первой половины XIX вв. позволяет предполагать также позднее «восточное» происхождение наконечников.

Ключевые слова: Российское государство, XVI–XVII вв., военное дело, вооружение, наконечники, пики.

TWO PIKE-HEADS FROM THE COLLECTION OF NIZHNY NOVGOROD STATE HISTORICAL AND ARCHITECTURAL MUSEUM-RESERVE²

B. A. Ilyushin

The paper introduces into scientific discourse two pike-heads from the collection of Nizhny Novgorod State Historical and Architectural Museum-Reserve (Nizhny Novgorod, Russia). Both of them are fitted on shaft of later historical periods. These items were deposited in the museum collection by the son of a renowned photographer and artist A. O. Karelin (1837–1906); the source of their acquirement by the former owner is unknown. Tips of the pikes are made of iron and feature sockets and a blade with a triangular cross-section of an awl shape and an "apple" on the neck of the blade. The socket of one of the tips has two "veins" (backlines) – metal strips with holes for fixing nails. For dating of the pike-heads, their design features considered, and close counterparts were found. Their most probable dating and attribution are proposed as Russia, late 16th – first half of 17th centuries, light cavalry pike or the weapons of New order regiments (pikemen, soldiers). The presence of counterparts in Kazakh materials of the 17th –first half of 19th centuries allows the author also to assume later "Oriental" origins of the spearheads.

Keywords: Russian state, 16th–17th centuries, warfare, armament, tips of the pikes.

Растущий в последние годы интерес к военному делу Московского царства XV–XVII вв. и его соседей, появление исследований по частным (Бобров, Филиппович, 2015; Бобров, Худяков, 2010; Комаров, 2016, дата обращения: 26.04.2019; Несин, 2019; Шиндлер, 2019) и общим (Багрин, 2013; Двуреченский, 2015; Пенской, 2008) вопросам делает актуальным введение в научный оборот новых материалов из музейных собраний, частных коллекций и археологических памятников.

Среди хранящихся в собрании Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (НГИАМЗ) предметов вооружения, происходящих из разных источников, имеется несколько экземпляров наконечников длиннодревкового оружия, до настоящего времени не становившихся объектом специального научного исследования. Целью нашей статьи является введение в научный оборот двух экземпляров наконечников пик из собрания НГИАМЗ, описание их

¹ Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки России в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021)

² The study was carried out as part of the implementation of the State Assignment of the Ministry of Education and Science of Russia in the field of scientific activity (project No. FSUS-2020-0021)

морфологии и системы оформления, датировка и атрибуция³.

Рассмотренные экземпляры находятся в хорошем состоянии, но имеют заметный налёт ржавчины. В настоящее время они насажены на поздние древки. По материалу изготовления наконечники относятся к классу железных, по способу насада на древко – к отделу втульчатых, по сечению пера – к группе треугольных, по форме пера – типу шиловидных. По конструктивным особенностям втулки можно выделить два варианта.

Вариант 1. Шиловидный наконечник с оттяжками (пожилинами) на втулке.

Экземпляр № 1. Инвентарный номер ГОМ 7259-1 ОР 389 (рис. 1).

Вес предмета определить не удалось, поскольку наконечник насажен на древко. Общая длина наконечника – 60 см. Длина пера – 26 см. Ширина пера в нижней широкой части – 2 см, в средней части (в 13,5 см от острия) – 1,8 см, в верхней части (в 5 см от острия) – 1,2 см. Максимальная толщина пера – 2 см. Перо резко затуплено. Пропорции пера (ширина у основания к длине) – 1 к 13. Высота шейки – 1,8 см, ширина – 1,7 см. На шейке имеется декоративный элемент – «яблоко» диаметром 3,2 см и высотой 1,4 см. Снизу яблоко не приварено к шейке. Длина втулки – 10,8 см. Диаметр втулки в верхней части – 1,8 см, в средней части (в 5,4 см от края) – 3,1 см, в нижней части – 4,1 см. Толщина стенок втулки – 0,5 см. На втулке имеются слабые следы заваренного шва, благодаря чему можно выделить лицевую и тыльную стороны наконечника (при этом перо обращено на лицевую сторону ребром, а на тыльную – гранью). От края втулки отходят две оттяжки, или пожилины (приваренные металлические полосы), с тремя отверстиями для гвоздей в каждой. Расположение оттяжек неровное относительно шва втулки: левая оттяжка приварена в 1 см от шва; правая – на противоположной стороне втулки. Длина левой оттяжки – 22,5 см, правой – 22 см; ширина обеих оттяжек из-за неровности краёв варьирует от 1,3 до 1,6 см. Расположение отверстий с гвоздями крепления в оттяж-

Рис. 1 (фото). Наконечник № 1 (лицевая, левая, тыльная и правая стороны), инвентарный номер ГОМ 7259-1 ОР 389 (НГИАМЗ).

Fig. 1. Tip No. 2 (front, left, back and right sides), inventory number GOM 7259-1. OR 389 (Nizhny Novgorod State Historical and Architectural Museum-Reserve).

ках (от края): в левой – 0,4 см, 7,5 см, 13,5 см; в правой – 1 см, 7,7 см, 13,7 см.

Пожилины служили для более плотной фиксации наконечника на древке, что было особенно важно при нанесении сильного удара на полном скаку и по защищённому противнику. Кроме того, пожилины предохраняли значительную часть древка от повреждения. Известно, что для укрепления древка в позднее Средневековье стали использовать

³ Автор выражает благодарность Гусеву А.Д., Дремину А.Н., Шавенкову П.В. и остальному персоналу и руководству Нижегородского государственного историко-архитектурного музея заповедника за предоставление доступа к музейным экспонатам, изготовление и предоставление их фотографий.

ся такие конструктивные элементы, как отрез (фактически небольшой палаш), обвивающая древко толстая проволока, металлические кольца и др. Пожилины широко использовались в Центральной и Средней Азии, калмыками, башкирами, а в XIX в. этот элемент стал присутствовать в унифицированном варианте российской кавалеристской пики (Бобров, 2013, с. 98–100). На более ранних образцах пожилины также присутствовали (Учение..., 1904, с. 104), но не регулярно.

Вариант 2. Шиловидный наконечник без оттяжек на втулке.

Экземпляр № 2. Инвентарный номер ГОМ 7259-2 ОР 391 (рис. 2). Вес предмета определить не удалось, поскольку наконечник насажен на древко. Общая длина наконечника – 33,5 см. Длина пера – 23,2 см. Ширина пера в нижней широкой части – 2 см, в средней части (в 11,5 см от острия) – 1,8 см, в верхней части (в 5 см от острия) – 1,3 см. Максимальная толщина пера – 2 см. Перо затуплено и загнуто на тыльную сторону (в сторону шва втулки). Пропорции пера (ширина у основания к длине) – 1 к 11. Высота шейки – 1 см, ширина – 1,6 см. На шейке имеется декоративный элемент – сильно уплощённое «яблоко» диаметром 2,7 см и высотой 1,1 см. Длина втулки – 9,5 см. Диаметр втулки в верхней части – 1,4 см, в средней части (в 4,7 см от края) – 2,7 см, в нижней части – 4,4 см. Толщина стенок втулки – 0,5 см. На втулке имеются слабые следы заваренного шва, благодаря чему можно выделить лицевую и тыльную стороны наконечника (при этом перо обращено на лицевую сторону ребром, а на тыльную – гранью). По бокам втулки, со смещением ко шву, имеются два отверстия с крепёжным гвоздём. Левое расположено в 1,6 см от края втулки, правое – в 1,3 см.

Оба наконечника были переданы в собрание НГИАМЗ после 1917 г. сыном известного художника и фотографа А.О. Карелина (1837–1906), интересовавшегося российскими древностями. Место приобретения фотографом наконечника неизвестно.

Узкие гранёные наконечники пик использовались для пробивания доспехов и являлись оружием преимущественно конных воинов. Это предполагает бытование пик в основном на западных и северо-западных рубежах, в военных действиях против шведов, литовцев и поляков, но не против степняков, среди которых защитное вооружение в XV–XVII вв. становится очень редким (Горе-

Рис. 2 (фото). Наконечник № 2 (лицевая, правая и тыльная стороны), инвентарный номер ГОМ 7259-2 ОР 391 (НГИАМЗ).

Fig. 2. Tip No. 2 (front, right sides and back), inventory number GOM 7259-2. OR 391 (Nizhny Novgorod State Historical and Architectural Museum-Reserve).

лик, 2011, с. 56–57). Для нанесения ущерба незащищённому доспеху противнику чаще использовались рогатины – длиннодревковое оружие с массивным наконечником и широким пером.

Отметим также, что использование термина «пика» в отношении русского оружия достаточно условно. Слово «пика» имеет французское происхождение; восточнославянским же термином для обозначения такого вида наконечников является, видимо, «списа» (поздние

варианты – «шписа», «спица») (Чубинский, 2016, с. 331–332; Устав..., 1777, с. 6–7). Однако уже в XVII в. в Российском государстве был в редком употреблении термин «пика» (Учение..., 1904, с. 108). При этом в источниках имеется некоторая неопределённость в вопросе использования того или иного термина (а длинные пики пикинёров нередко вовсе именовались копьями) (Чубинский, 2016, с. 331–332).

О российских пиках XVII–XIX вв. писал В.А. Городцов, отмечая, что в книге 1647 г. «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» имеются указания о наиболее приемлемой конструкции пик, включающей две «полосы железные» с конца, с помощью которых наконечник крепится к древку. Сам В.А. Городцов именуется эти полосы (отмеченные нами пожилыны или оттяжки) скобами или тяжами (Городцов, 1913, с. 4–7).

Позднесредневековые пики были рассмотрены в работах А.Н. Кирпичникова и О.В. Двуреченского.

А.Н. Кирпичников отмечает, что пика появляется на вооружении древнерусских воинов ещё с IX в., а происхождение этого вида длиннодревкового оружия он связал со степью. В XII–XIII вв. пики становятся одним из самых массовых видов такого оружия (Кирпичников, 1966, с. 15–16). Наибольшее же распространение пики получили в XIV – начале XV вв. в связи с утяжелением доспеха (Двуреченский, 2015, с. 70). И позже, по мере значительного сокращения доли длиннодревкового оружия в русском арсенале, что было связано с «ориентализацией» военного дела, пики не выходят из употребления, хотя их использование также сокращается, и, например, С.К. Богоявленский упомянул их в своей работе о вооружении XVI–XVII вв. в основном в качестве оружия ратников

полков «нового строя» (Богоявленский, 1938, с. 280–281).

Рассмотренные нами наконечники по своим конструктивным особенностям схожи с теми, что А.Н. Кирпичников отнёс к типу V, однако эти более ранние образцы имеют четырёхгранное сечение и, как правило, лишены яблока (Кирпичников, 1966, с. 15). Отметим, что «яблоко» являлось декоративным элементом. К нему могли крепиться бахрама или кисть (Городцов, 1913, с. 19; Двуреченский, 2015, с. 68).

О.В. Двуреченский, корректировавший применявшуюся к более раннему периоду классификацию наконечников, охарактеризовал такие пики, как копьё с наконечником в виде стержня, треугольные, ромбические или четырёхугольные в сечении и с воронковидной втулкой. Среди них он выделил 6 вариантов. Пики из НГИАМЗ можно отнести к варианту 1В (в вытянутой шейкой и яблоком). Ранние образцы таких наконечников бытовали в первой половине XVI в. и были украшены узором. Во второй половине XVI – середине XVII в. они теряют украшения. Длина таких наконечников равнялась 18,7–32 см, длина пера – 8,7–18 см. Автором рассмотрены образцы из Москвы, Тушинского лагеря, Волока Ламского, Орешка (Двуреченский, 2015, с. 72–74).

Таким образом, исходя из рассмотренных аналогий, охарактеризованные нами наконечники пик можно уверенно датировать концом XVI – первой половиной XVII вв. Данный тип имел относительно широкое распространение у ратников Российского государства указанного времени, а также застал наметившееся под влиянием калмыков расширение использования длиннодревкового оружия конницей во второй трети XVII в. (Бобров, 2013, с. 245–246).

ЛИТЕРАТУРА

Багрин Е.А. Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в.: Тактика и вооружение служилых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. СПб.: Нестор-История, 2013. 288 с.

Бобров Л.А. К вопросу о комбинированном длинно-древковом оружии кочевников Центральной и Средней Азии XVIII – середины XIX века // Военное дело средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Ю. С. Худяков, С. Г. Скобелев. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 96–105.

Бобров Л.А. Казахская тактика ведения боя в конном строю в конце XV–XVI веках // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции 15–17 мая 2013 г. Ч. I. СПб.: ВИМАИВиВС, 2013. С. 231–258.

Бобров Л.А., Филиппович Ю.А. Копейный наконечник с S-образными «отрожками» из Сузунского района Новосибирской области // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. № 3. С. 93–99.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Копья с завитками – отрожками как пример взаимовлияния русских, тюркских и монгольских военно-культурных традиций на территории Южной Сибири в XVII–XVIII веках // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. № 3. С. 174–181.

Богоявленский С.К. Вооружение русских войск в XVI–XVII вв. // Исторические записки. Т. 4. / Отв. ред. Б. Д. Греков. М.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 258–283.

Горелик М.В. Монгольская латная конница и её судьба в исторической перспективе // Военное дело Золотой Орды. Проблемы и перспективы изучения / Отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань: Изд-во: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 47–58.

Городцов В.А. Описание холодного оружия Исторического музея / Труды Исторического музея. М.: Синодальная типография, 1913. 38 с.

Деуреченский О.В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. Тула: Изд-во Государственного музея-заповедника «Куликово поле», 2015. 498 с.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX–XIII вв. Вып. II / САИ. Вып. Е1-36. М.-Л.: Наука, 1966. 181 с.

Комаров О.В. Изучение комплекса вооружения дворянского войска XVI в. и документальные источники // История военного дела: исследования и источники. 2016. № 7. С. 392–460. URL: http://www.milhist.info/2016/02/03/komarov_1 (дата обращения: 26.04.2019)

Несин М.А. Доспех-призрак (взгляд историка на проблемы оружиеведения) // Novogardia. 2019. № 1. С. 348–384.

Пенской В.В. От лука к мушкету. Вооруженные силы Российского государства во 2-й половине XV–XVII вв.: проблемы развития. Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. 256 с.

Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки. Ч. II. СПб., 1777. 231 с.

Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. 1647 год. СПб.: Тип. "Бережливость", 1904. 357 с.

Чубинский А.Н. К вопросу о русских названиях древкового средневекового оружия. Рогатины, копья, сулицы и совни // Война и оружие: новые исследования и материалы. Материалы Седьмой Международной научно-практической конференции 18–20 мая 2016 года. Часть V. СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. С. 310–340.

Шиндлер О.В. К вопросу о методологии исследования московских доспехов XV–XVII веков // Novogardia. 2019. № 1. С. 323–347.

Информация об авторе:

Илюшин Борис Анатольевич, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований, Новосибирский государственный университет (г. Нижний Новгород, Россия); arunta-desert@yandex.ru

REFERENCES

Bagrin, E. A. 2013. *Voennoe delo russkikh na vostochnom pogranič'e Rossii v XVII v.: Taktika i vooruzhenie sluzhilykh lyudei v Pribaikal'e, Zabaikal'e i Priamur'e (Russian Military Affairs on the Eastern Border of Russia in the 17th Century: Tactics and Weapons of Servicemen in the Baikal Region, Transbaikalia and Amur Region)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).

Bobrov, L. A. 2013. In *Voina i oruzhiye: Novyye issledovaniia i materialy. Trudy Tretyey Mezhdunarodnoy načno-prakticheskoy konferentsii 15–17 maya 2013 goda. Chast' I (War and Weapons: New Studies and Materials. Proceedings of the Third International Scientific-Practical Conference, May 15-17, 2013. Part I)*. Saint Petersburg: Military-Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps, 231–258 (in Russian).

Bobrov, L. A. 2013. In Khudyakov, Yu. S., Skobolev, S. G. (eds.). *Voennoe delo srednevekovykh narodov Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii: sbornik nauchnykh trudov (Military Affairs of the Medieval Peoples of Southern Siberia and Central Asia: Collection of Scientific Papers)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography, 96–105 (in Russian).

Bobrov, L. A., Filippovich Yu. A. 2015. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 14 (3), 93–99 (in Russian).

Bobrov, L. A., Khudyakov Yu. S. 2010. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 9 (3), 174–181 (in Russian).

Bogoyavlenskii, S. K. 1938. In Grekov, B. D. (ed.). *Istoricheskie zapiski (Historical Notes)* 4. Moscow: USSR Academy of Sciences, 258–283. (in Russian).

Gorelik, M. V. 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Voennoe delo Zolotoi Ordy. Problemy i perspektivy izucheniia (Military Affairs of the Golden Horde. Study Issues and Prospects)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences Publ., 47–58 (in Russian).

Gorodtsov, V. A. 1913. *Opisanie kholodnogo oruzhiya Istoricheskogo muzeya (Description of Melee Weapons of the Historical Museum). Trudy Istoricheskogo muzeya (Proceedings of the Historical Museum)*. Moscow: Synodal Printing House Publ. (in Russian).

Dvurechensky, O. V. 2015. *Kholodnoe oruzhie Moskovskogo gosudarstva XV–XVII vekov (Melee Weapons of the Moscow State of the 15th – 17th cc.)*. Tula, "Kulikovo Pole" State Museum-Reserve Publ. (in Russian).

Kirpichnikov, A. N. 1966. *Drevnerusskoe oruzhie (Early Russian Weapons) 2. Kop'ia, sulitsy, boevye topory, bulavy, kisteni IX–XIII vv. (Spears, Lances, War Axes, Maces, Flails of 9th–13th Centuries)*. Series: *Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Komarov, O. B. 2016. In *Istoriya voyennogo dela: issledovaniya i istochniki. (The History of Warfare: Studies and Sources) 7*, 392–460 Available at: http://www.milhist.info/2016/02/03/komarov_1 (Accessed: 26.04.2019). (in Russian).

Nesin, M. A. 2019. In *Novogardia*. 1, 348–384. (in Russian).

Penskoi, V. V. 2008. *Ot luka k mushketu. Voorushonnye sily Rossiyskogo gosudarstva vo 2-y polovine XV–XVII vv.: problem razvitiya (From the bow to the musket. The armed forces of the Russian state in the 2nd half of the XV–XVII centuries: problems of development)*. Belgorod: Publishing house of Belgorod state University. (in Russian)

1777. *Ustav ratnyh, pushechnykh i drugikh del, kasayushihst'a do voinskih nauk. Chast' I (Code on of Military, Cannon and Other Matters Relating to Military Science) II*. Saint-Petersburg. (in Russian).

1904. *Ucheniye i hitrost' ratnogo stroyeniya pehotnykh l'udey. 1647 god (Doctrine and Peculiarities of the Military Formation of Infantry Men. 1647)*. Saint-Petersburg: "Berezhlivost'" Pul. (in Russian).

Chubinskiy, A. N. 2016. In *Vojna i oruzhiye: novyye issledovaniya i materialy. Materialy Sed'moy Mezhdunarodnoy nachno-prakticheskoy konferentsii 18–20 maya 2016 goda. Chast' V (War and Weapons: New Studies and Materials. Proceedings of the Seventh International Scientific-Practical Conference, May 18-20, 2016. Part V)*. Saint Petersburg: Military-Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps, 310–340 (in Russian).

Shindler, O. V. 2019. In *Novogardia*. 1, 323–347. (in Russian).

About the Author:

Ilyushin Boris A. Candidate of Historical Sciences. Novosibirsk State University, Pirogova str. 1, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; arunta-desert@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2020 г.
Статья принята к публикации 01.09.2020 г.

УДК 903.22

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2020.6.393.404>**ШЛЕМ ОЙРАТСКОГО ВОИНА ИЗ СОБРАНИЯ АКМОЛИНСКОГО
ОБЛАСТНОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ¹****©2020 г. Л.А. Бобров, А.К. Кушкумбаев**

В статье рассмотрен клепаный железный шлем (ГИН 148), хранящийся в Акмолинском областном историко-краеведческом музее (АОИКМ), г. Кокшетау, Республика Казахстан. Первоначально шлем был атрибутирован казахстанскими исследователями, как «русский», а впоследствии, как «казахский». Проведенный типологический анализ позволил уточнить датировку и атрибуцию наголовья. По материалу изготовления шлем ГИН 148 из собрания АОИКМ относится к классу железных, по конструкции тульи – к отделу клепанных, по форме купола – к типу сфероконических. Общая высота наголовья – 24,5 см, диаметр – 21,0 см. Установлено, что шлем ГИН 148 относится к особой группе шлемов ойрато-казахского пограничья периода позднего Средневековья и раннего Нового времени. В настоящее время авторам известно о 18 подобных шлемах, которые происходят с территории Казахстана, Монголии, России (Поволжье, Южная Сибирь) и Северо-Западного Китая. Отличительной особенностью конструкции шлемов серии является клепанная четырехчастная тулья, дополненная «каркасом», состоящим из узких накладок с ровным краем и узкого обруча (или двух обручей), расположенного значительно выше нижней кромки шлема. Анализ А-образных фиксаторов бармицы показал, что они могут быть атрибутированы, как изображение санскритских слогов «та» (выполненных письмом ланьча), традиционно входивших в состав многих буддийских мантр. Изображения санскритских знаков «та», «ом» и др. неоднократно встречаются на предметах защитного вооружения ойратского производства XVII – середины XVIII вв. (шлемах, панцирях и т.д.), хранящихся в российских и иностранных музейных и частных собраниях. Особенности конструкции шлема из АОИКМ, а также наличие в его оформлении буддийской символики, свидетельствуют в пользу того, что данное наголовье было изготовлено ойратскими (джунгарскими или калмыцкими) оружейниками XVII – середины XVIII вв. Весьма вероятно, что впоследствии шлем мог попасть в руки казахских кочевников и применяться в качестве боевого наголовья вплоть до середины XIX в. включительно.

Ключевые слова: Казахстан, ойраты, джунгары, калмыки, ойратский доспех, ойратский шлем.

**OIRAT WARRIOR'S HELMET FROM THE AKMOLA
REGIONAL HISTORY MUSEUM COLLECTION²****L.A. Bobrov, A.K. Kushkumbaev**

The article provides a detailed analysis of a riveted iron helmet (GIN 148) deposited in the Akmola Regional History Museum (ARHM), Kokshetau, the Republic of Kazakhstan. Initially the helmet was identified as "Russian" by Kazakhstan researchers, and subsequently reclassified as "Kazakh". A typological analysis conducted by the authors has provided more precise dating and attribution of the helmet. The helmet belongs to the class of iron helmets in terms of material, to the riveted class in terms of crown design, and to the spherokonical type in terms of the dome shape. Its total height is 24.5 cm, and the diameter is 21.0 cm. It has been confirmed that the helmet GIN 148 belongs to a special group of helmets of the Oirat-Kazakh borderland of the late Middle Ages or the early Modern times. Currently 18 similar helmets have been identified by researchers, which originate from the territory of Kazakhstan, Mongolia, Russia (Volga region, Southern Siberia) and North-Western China. A distinctive feature of this series of helmets is a riveted four-plate crown supplemented by a "carcass" consisting of narrow overlays with a flat edge and a narrow hoop (or two hoops) fitted much higher than the bottom edge of the helmet. An analysis of the A-shaped chain mesh fixers revealed that they can be attributed to the image of the Sanskrit syllables "ma" (written in Lancha letters), traditionally included in many Buddhist mantras. Images of the Sanskrit signs "ma", "om", etc. have been found on numerous protective weapons of Oirat manufacture (helmets, shells, etc.) dated the 17th - mid-18th centuries and deposited in Russian and foreign museum and private collections. Specific features of the helmet from the Aktobe Regional

¹ Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 33.5677.2017/8.9.

² The study was conducted within the framework of the state task in the field of scientific activity (project No. 33.5677.2017 / 8.9.

Museum of History and Local Lore as well as Buddhist symbols in its design indicate that this headpiece was crafted by Oirat (Jungar or Kalmyk) armourers in the 17th–mid-18th centuries. It is very likely that the helmet could have subsequently fallen into the hands of Kazakh nomads and could be used as a headpiece until the mid-19th century.

Keywords: Kazakhstan, the Oirats, the Dzhungars, the Kalmyks, Oirat armour, Oirat helmet.

Исторический период, охватывающий XVII – первую половину XVIII вв., не случайно именуется в научной литературе «Эпохой малого монгольского (ойратского) нашествия». Это было время последнего масштабного всплеска военно-политической активности монголоязычных кочевников Центральной Азии. В первой половине – середине XVII в. ареал военной активности ойратов включал огромные пространства внутренней Евразии от причерноморских степей на западе до Тибета на востоке, и от лесов Западной Сибири на севере до пустынь Мавераннахра на юге. В конце XVII в. войска Галдана Бошукту-хана оккупировали большую часть Монголии и вышли к Великой Китайской стене. В первой половине XVIII в. джунгарские хунтайджи контролировали значительную часть Центрального, Южного и Юго-Восточного Казахстана, практически весь Восточный Туркестан и Горный Алтай. В свою очередь западные ойраты (вожские калмыки) стали одним из основных союзников Российского государства в войнах с крымскими татарами и ногаями. Калмыцкие отряды неоднократно вторгались в Крым и земли черкесов, вели боевые действия на территории Правобережной и Левобережной Украины, в причерноморских степях, на Кубани и в степях Западного Казахстана. Под ударами калмыков пала Большая Ногайская орда. Весьма значительный вклад внесли калмыки и в победы российской армии над войсками Крымского ханства и его союзников в военных конфликтах первой половины – середины XVIII в. Таким образом, ойраты сыграли важную роль в исторической судьбе многих народов Восточной Европы, Северного Кавказа, Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии (Чимитдоржиев, 1979, с. 6–65; Златкин, 1983, с. 178–209; Цюрюмов, Батыров, 2006, с. 12–78; Тепкеев, 2012, с. 11–84, 112–172, 212–215, 318–341; Бобров, Рюмшин, 2015, с. 357–367). В настоящее время тысячи предметов ойратского вооружения хранятся в музейных и частных собраниях России, Казахстана, Монголии, Китая, Узбекистана, а также США, Великобритании и других стран. Введение их в научный оборот является актуальной науч-

ной задачей (Бобров, 2011, с. 3, 4, 17–20, 29, 30).

В Акмолинском областном историко-краеведческом музее (АОИКМ, г. Кокшетау, Республика Казахстан) хранится клепаный железный шлем (ГИН 148) представляющий значительный интерес для отечественных и зарубежных оружейников, археологов и военных историков (рис. 1)³.

Согласно акту приемки-сдачи № 148 (Приложение № 149) от 20 марта 1951 г. рассматриваемый образец защитного вооружения был первоначально атрибутирован, как «Шлем (головной убор древнерусского воина)». В акте также сообщалось, что наголовье имеет плохую сохранность и покрыто ржавчиной.

По данным сотрудников музея, шлем относится к числу случайных находок. Он был обнаружен местными жителями на территории Северного Казахстана (нынешняя Северо-Казахстанская, по другим данным, Акмолинская область Республики Казахстан). К сожалению, иные обстоятельства поступления шлема в музейное собрание установить не удалось. Однако известно, что уже в 1951 г. он был помещен в один из стендов музейной экспозиции. Существенные реставрационные работы с ним не проводились. В настоящее время наголовье продолжает экспонироваться в АОИКМ, вместе с другими предметами вооружения, датированными периодами позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Информация о шлеме была впервые введена в научный оборот Л.А. Бобровым и А.К. Кушкумбаевым в 2010 г. (Бобров, Кушкумбаев, 2010, с. 34, 36, 37). Авторы данной публикации дали краткое описание конструкции и системы оформления шлема, а также предположили, что он был изготовлен ойратскими (джунгарскими, калмыцкими) мастерами (Бобров, Кушкумбаев, 2010, с. 37). В 2015 г.

³ Авторы выражают благодарность заместителю директора по науке АОИКМ Кунанбаевой Алме Сунгатовне, с.н.с. отдела учета и хранения фондов АОИКМ Жакуповой Дамеле Тайгаровне, н.с. отдела учета и хранения фондов Укееву Жасулан Каримулы за помощь и возможность детально ознакомиться со шлемом.

К.С. Ахметжан отнес данное боевое наголовье к числу «казахских шлемов» (Ахметжан, 2015, с. 51, рис. 18, 11; с. 53, рис. 19, 6).

Целью настоящей статьи является подробное описание конструкции и системы оформления шлема ГИН 148 из АОИМК, а также уточнение его датировки и атрибуции.

Главным методологическим основанием научных исследований, по изучению комплекса защитного вооружения (в том числе боевых наголовий) народов Евразии эпохи Средневековья и раннего Нового времени, являются принципы историзма, объективности, а также системный подход, состоящий в целостном рассмотрении совокупности объектов, при котором выясняется, что их взаимосвязь приводит к появлению новых интегративных свойств системы.

В рамках применения системного подхода к изучаемому материалу, отдельные панцирные элементы и комплексы защитного вооружения, изучаются, как обособленное и развивающееся целое, состоящее из согласованных, необходимых и достаточных для существования данной системы элементов, каждый из которых обладает способностью к самостоятельному развитию при сохранении целостных характеристик системы. В рамках системного подхода используются рациональные положения эволюционизма (изменчивость и наследственность) и диффузионизма (заимствование, перенос, смешение).

Методика обработки источников определяется задачами исследования. На этапах анализа и интерпретации материалов в оружейведческих работах традиционно применяются морфологический, классификационный, типологический, сравнительно-описательный методы, метод датированных аналогий, верификации и корреляции полученных результатов. На этапе реконструкции защитных элементов задействован комплексный подход, основанный на сопоставлении письменных, вещественных, и изобразительных источников.

По материалу изготовления шлем ГИН 148 из собрания АОИМК относится к классу железных, по конструкции тульи к отделу клепанных, по форме купола к типу сфероколических. Общая высота наголовья – 24,5 см, диаметр – 21,0 см (рис. 2).

Тулья шлема склепана из четырех пластин-секторов, стыки которых прикрыты узкими накладками с ровным краем и продольным ребром жесткости (ширина накладок – около

1 см.). Все четыре пластины тульи имеют механические повреждения в виде пробоин, проломов и (или) вмятин. Некоторые повреждения могут быть атрибутированы, как следы рубящих и дробящих ударов. Не исключено, что данные повреждения могли быть нанесены еще в период эксплуатации наголовья.

Верхняя часть тульи деформирована в результате чего, концы накладок, не примыкают к подвершию шлема встык, а нависают над пластинами тульи (рис. 1–3).

Элементы тульи соединены между собой с помощью металлических заклепок. Головки заклепок на внешней стороне шлема (на поверхности пластин и накладок) более или менее тщательно зашлифованы. Часть заклепок, соединяющих пластины тульи между собой, снабжены подпрямоугольными железными подложками на внутренней стороне купола шлема (рис. 4).

Пластины тульи незначительно перекрывают друг друга, благодаря чему стыковочные швы имеют три слоя защиты (два листа пластин тульи, поверх которых располагается вертикальная накладка с ребром жесткости). Накладка на тыльной стороне шлема удалена, из-за чего швы тульи частично разошлись (рис. 5).

Дополнительным фиксатором пластин тульи являются два узких железных обруча опоясывающих шлем на некотором расстоянии друг от друга (рис. 3). По своему оформлению, как нижний («височный»), так и верхний («лобно-затылочный») обруч весьма напоминают вертикальные накладки, прикрывающие стыки пластин тульи шлема. Так, в частности, они имеют ровный край и продольное ребро жесткости, а также схожую толщину и ширину (рис. 1–3). Оба обруча являются составными. К сожалению, с левой стороны шлема, фрагменты обручей удалены (рис. 4; 5), однако сохранившиеся элементы позволяют предположить, что верхний («лобно-затылочный») обруч состоял из трех, а нижний («височный») – из четырех частей.

Так как нижний конец вертикальных накладок не перекрывает обручи, а крепится встык, стыковочный шов пластин тульи, между верхним и нижним обручем, остается не прикрытым. Для его защиты мастер использовал дополнительные короткие железные накладки с ребром жесткости. Из четырех коротких накладок до нашего времени дошла только одна – на правой стороне наголовья (рис. 3). Однако на наличие аналогичных конструк-

тивных элементов на других сторонах шлема свидетельствуют одинарные сквозные отверстия на налобной, затылочной и левой боковой частях наголовья (рис. 2; 4; 5).

Узкий обруч вместе с вертикальными накладками, прикрывающими стыки пластин тульи, образует своеобразный «каркас» шлема. Последний не только фиксирует элементы купола между собой, но и выполняет функцию ребер жесткости (то есть усиливает конструкцию наголовья), защищая, в том числе, самые уязвимые места тульи – стыковочные швы.

К налобной части шлема приклепан так называемый «коробчатый» козырек (ширина – 1,5 см), состоящий из узкой горизонтальной пластины – «полки» и вертикального «щитка» (рис. 1–4). Удлиненно-овальная «полка» козырька имеет гладкую поверхность. «Щиток» украшен по своему верхнему и нижнему краю продольными линиями. В его боковые лопасти (отделенные от основного поля «щитка» вертикальными желобками) вбиты заклепки, соединяющие козырек с куполом шлема (рис. 1–3). Вертикальное ребро жесткости по центру «щитка» выражено крайне слабо и визуально почти не фиксируется (рис. 6).

Венчает шлем двухчастное навершие состоящее из цилиндрического подвешия (пластины-основания) и фигурной трубки-втулки для плюмажа (рис. 1–5). Подвешие шлема выковано в виде «наперстка», нижний край которого оформлен остроугольными фестонами. Центральная часть цилиндра украшена горизонтальными полосами, выполненными в технике гравировки. Трубка-втулка (высота – 5,5 см) изготовлена в виде миниатюрного «горшка» или «вазы» с широким низким горлышком (рис. 1–5). Навершие крепится к тулье с помощью специального штифта и бляхи на внутренней стороне купола шлема (рис. 7).

Вдоль нижнего края тульи шлема пробиты сквозные отверстия, в которые вставлены фигурные фиксаторы бармицы наголовья (рис. 1–5; 7). Последние выполнены в виде плоских бляшек характерной А-образной формы. В отверстия на бляшках, вероятно, продевался металлический прут, к которому подвешивалась бармица. В противном случае, через указанные отверстия в пластинках могли пропускаться тонкие ремешки или завязки бармицы, с помощью которых она крепилась к наголовью. Анализ бляшек пока-

зал, что они были выполнены одновременно с другими элементами шлема и не являются позднейшим добавлением (рис. 1–5; 7).

Система крепления защиты шеи позволяет предположить, что в своей первоначальной комплектации шлем мог быть снабжен кольчатой, пластинчато-нашивной или стеганой бармицей различных видов покроя. Дошедшие до нашего времени подлинные образцы центральноазиатского защитного вооружения свидетельствуют, что в ходе эксплуатации шлема, оригинальные бармицы (в случае необходимости) могли снабжаться новыми конструктивными элементами, усиливаться, реконструироваться, неоднократно ремонтироваться и, даже, заменяться на принципиально иные виды защитных элементов (Бобров, 2009, с. 251–254; Бобров, Худяков, 2011, с. 43–52).

Наголовье ГИН 148 из собрания АОИМК может быть датировано и атрибутировано на основании особенностей конструкции и системы оформления тульи и шлемовых элементов.

Клепанные железные шлемы с четырехчастной тульей, узкими ребристыми накладками с ровным краем, узким выпуклым обручем, цилиндрическим подвешием с трубкой-втулкой для плюмажа являются популярной разновидностью боевых наголовий кочевников Центральной Азии эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени. Для более ранних исторических периодов подобные шлемы, в целом, не характерны (Горелик, 1983, с. 262; Бобров, Худяков, 2008, с. 426, 432; Ахметжан, 2015, с. 51, 53).

Наряду с тульей, важным датирующим признаком шлема является «коробчатый» козырек, состоящий из «полки» и «щитка». Козырек данной конструкции является традиционным элементом оформления боевых и парадных наголовий монгольских и тюркских кочевников Центральной Азии XV–XVIII вв. (LaRocca, 2006, с. 73–75, 77–79, 91, 99; Бобров, Худяков, 2008, с. 418, 426, 432, 440–444, 446, 447, 450–452; Анисимова, 2013, с. 276, 277; Ахметжан, 2015, с. 51, 53).

Металлические, деревянные и костяные трубки-втулки для плюмажа, выполненные в форме миниатюрного «горшка» или «вазы», наиболее часто встречаются на боевых наголовьях кочевников Казахстана и сопредельных территорий XVII–XVIII вв. (Бобров, Кушкумбаев, 2010, с. 35; Ахметжан, 2015, с. 21, рис. 21, 1, 6, 7, 9, с. 61, рис. 23, 4, 5;

Бобров, Худяков, 2008, с. 446–447)⁴. Однако держатели плюмажа подобной конструкции применялись и в других регионах Центральной Азии. Так, например, в Музее искусств Метрополитен (г. Нью-Йорк, США) хранится шлем принадлежавший бутанскому панцирнику XVIII в. (№ 36.25.25). Наголовье снабжено позолоченной «горшкообразной» железной втулкой, форма которой, весьма близка трубке шлема из АОИМК (LaRossa, 2006, p. 134–136). При этом сложный прорезной и гравированный узор (включающий элементы буддийской символики) на втулке шлема из Метрополитен свидетельствует, что он не является импортом с территории Казахстана, а был изготовлен бутанскими, тибетскими, ойратскими или монгольскими мастерами.

По совокупности признаков, наголовье из АОИМК может быть отнесено к особой группе шлемов, которая в настоящее время насчитывает 18 экз., хранящихся в музейных и частных коллекциях России, Казахстана, Монголии, Китая, Узбекистана и др. стран. Отличительной особенностью данных наголовий является цилиндроконическая, полусферическая или сфероконическая тулья, склепанная из четырех пластин-секторов. Стыки пластин тульи прикрыты узкими выпуклыми или гранеными накладками с ровным краем, которые крепятся встык с выпуклым (граненым) горизонтальным пояском (обручем), охватывающим шлем значительно выше нижней кромки купола⁵. Вертикальные накладки и горизонтальный пояс (узкий обруч) образуют декоративный «каркас», который является характерным элементом оформления шлемов данной группы. Большинство наголовий серии увенчаны навершиями состоящими из цилиндрического подвешивающего и трубки-втулки для плюмажа⁶.

Шлемы данной группы на основании особенностей конструкции и системы оформления («коробчатые» козырьки, форма навершия, накладок и т.д.) датируются эпохой позднего Средневековья и раннего Нового времени

⁴ Их генезис, вероятно, связан с эволюцией традиционных цилиндрических втулок центрально-азиатских кочевников с шаровидным «яблоком» в центральной части трубки (Бобров, Худяков, 2008, с. 418, 423, 444).

⁵ В некоторых случаях (как и на шлеме из АОИМК) тулья шлема перехвачена не одним, а двумя узкими обручами.

⁶ Трубки-втулки сохранились не у всех шлемов серии, однако на их наличие указывают отверстия на верхней плоскости подвешивающего наголовья.

(Бобров, Худяков, 2008, с. 422–423, 432, рис. 163; Ахметжан, 2015, с. 51, рис. 18, 8–11, 13, с. 53, рис. 19, 6–10). Значительно сложнее определить этническую принадлежность мастеров, изготовлявших подобные наголовья. Так, например, К. С. Ахметжан, проанализировавший данную серию шлемов, отнес их к комплексу вооружения казахских воинов (Ахметжан, 2015, с. 51, рис. 18, 8–11, 13, с. 53, рис. 19, 6–10). Действительно, 8 из 18 шлемов серии, происходят с территории Казахстана. Однако, другие 10 наголовий были обнаружены в Поволжье (1 экз.), Южной Сибири (2 экз.), Узбекистане (2 экз.), Северо-Западном Китае (2 экз.) и Монголии (3 экз.). То есть на землях, которые, на протяжении указанного исторического периода, не являлись местом постоянного проживания казахских кочевников. Так же следует учитывать, что в XVII – первой половине XVIII вв. обширные районы нынешнего Казахстана находились под контролем Джунгарии – государства основанного ойратскими кочевниками. Некоторые предметы вооружения, найденные на территории Казахстана (в том числе шлемы), имеют не казахское, а ойратское происхождение (Бобров, Худяков, 2008, с. 445, 460, рис. 190). Ареал военной активности ойратов (джунгар, волжских и «чакарских» калмыков) включал территорию Монголии, Казахстана, Южной Сибири, Восточного Туркестана (в настоящее время – Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР), Северного Прикаспия и Поволжья (Бобров, Худяков, 2008, с. 465–466; Тепкеев, 2012), что соответствует географии находок шлемов серии. В пользу ойратского происхождения свидетельствуют и некоторые особенности конструкции и оформления ряда шлемов серии, в частности, цилиндрические подвешивающие, форма накладок и козырька, орнамент, включающий буддийскую символику (свастика, надписи и знаки на санскрите) и т.д.⁷

В данной связи, особо важную роль в атрибуции шлема из АОИМК начинают играть упомянутые выше фиксаторы бармицы, имеющие сложную вырезную А-образную форму (рис. 1–5, 7, 8, 1). Дополнительное изучение фиксаторов показало, что объяснить применение подобных конструктивных элементов исключительно их функциональными свойствами не представляется возможным

⁷ Что не исключает возможность того, что часть шлемов серии могла быть выкована казахскими и среднеазиатскими мастерами.

(значительно более простые в изготовлении железные петли или шлемовые «болты» удерживали бы бармицу не менее надежно). Поиск аналогов дал весьма интересные результаты. Так, в частности, установлено, что пластинки А-образной формы, а также изображения подобных и схожих по внешнему виду символов являются характерным элементом оформления ойратских панцирей и шлемов XVII – середины XVIII вв.

Так, например, десятки аналогичных пластинок использованы при оформлении джунгарского пластинчато-нашивного доспеха из собрания МАЭС ТГУ (Бобров, Ожередов, 2010, с. 16–20, 30, 33, 34, 36, 38, 40, 42–45, фото 1, 2, 5–10). Близкие по форме и стилистике символы изображены на тулье ойратского сфероцилиндрического шлема из собрания ТГИАМЗ (Бобров, Худяков, 2008, с. 440, 441, с. 460, рис. 190, 2), подвершии ойратского узкопластинчатого шлема из Музея искусств Метрополитен (2005.146), налобной части ойратского или монгольского цилиндрического шлема из собрания Государственного Эрмитажа (ГЭ 1550) и др. (рис. 8).

Согласно данным научного сотрудника отдела Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН В.П. Зайцева указанные знаки могут быть атрибутированы как изображения выполненные письмом «ланьча» санскритских слогов «та» (на шлеме из АОИКМ и на панцире из МАЭС ТГУ), «а», «ом», и др., традиционно входивших в состав многих буддийский мантр (Bobrov, Zaytsev, Orlenko, Salnikov, 2017, с. 1153–1155)⁸.

Таким образом, конструкция наголовья, а также наличие в его оформлении буддийской символики свидетельствуют в пользу того, что шлем ГИН 148 из собрания АОИКМ был выкован ойратскими (джунгарскими или калмыцкими) оружейниками. Возможная нижняя граница изготовления шлема локализуется временем распространения ламаизма среди ойратов, т.е. 10-ми гг. XVII в., а верхняя – серединой XVIII в. Именно в этот период, Джунгария подверглась масштабному разгрому со стороны цинских, кокандских и казахских войск, при этом основные оружейные

производственные центры «Последней Кочевой империи» были разрушены. Примерно в тот же период наблюдается и ухудшение снабжения доспехами волжских калмыков, большая часть которых в 1771 г. покинула берега Волги и откочевала в Центральную Азию.

В то же время факт изготовления рассматриваемого шлема ойратскими мастерами, не исключает возможности использования его в дальнейшем казахскими воинами. Известно, что, в середине XVIII в. (после разгрома Джунгарии и «Пыльного похода» 1771 г.) отдельные группы ойратов влились в состав казахского народа. Ойратские пленные, мигранты и их потомки составили основу дружин толенгутов таких казахских правителей, как Абылай (1711–1780 гг.) и Кенесары (1802–1847 гг.) (Национально-освободительная борьба..., 1996, с. 399). Ойратские формирования входили в состав армий среднеазиатских народов. Так, например, в XVIII в. гвардия из ойратов была создана в Бухарском ханстве (Чимитдоржиев, 1979, с. 25). Ойратские воинские подразделения имелись также в Кокандском ханстве и на службе у уйгурских правителей. Естественно, что ойраты переходили к соседям вместе со своим вооружением, которое могло изыматься и использоваться их новыми покровителями, или сохраняться у ойратских воинов, которые теперь входили в состав войск тюркских народов. В пользу возможности использования казахскими воинами ойратского шлема ГИН 148 из АОИКМ свидетельствует «вазообразная» трубка-втулка, которая достаточно часто встречается на боевых наголовьях номадов Казахстана.

Проведенный типологический анализ позволил уточнить датировку и атрибуцию шлема ГИН 148 из АОИКМ. Особенности конструкции наголовья и наличие в его оформлении буддийской символики дают основание полагать, что шлем был изготовлен ойратскими (калмыцкими или джунгарскими) оружейниками XVII – середины XVIII вв. Впоследствии он мог попасть в руки казахских кочевников и применяться в качестве боевого наголовья вплоть до середины XIX в. включительно.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимова М.А. Оружие Востока XV – первой половины XX века: из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб.: Атлант, 2013. 527 с.

Ахметжан К.С. Боевые шлемы казахов (история, истоки, традиции). Астана, 2015. 102 с.

⁸ Авторы выражают благодарность В.П. Зайцеву за содействие в атрибуции буддийской символики на шлеме из АОИКМ.

Бобров Л.А. «Татарский» шлем с комбинированной бармицей из Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2009. Т. 8. № 3. С. 251–254.

Бобров Л.А. Основные направления эволюции комплексов защитного вооружения народов Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии второй половины XIV–XIX вв. Автореф. Дисс... док. истор. наук. Барнаул, 2011. 54 с.

Бобров Л.А., Кушкумбаев А.К. Боевые шлемы из музейной коллекции Акмолинского областного историко-краеведческого музея // Акмолинскому областному историко-краеведческому музею 90 лет. Кокшетау: Акмол. обл. ист.-краевед. музей, 2010. С. 33–38.

Бобров Л.А., Ожередов Ю.И. Позднесредневековый панцирь-«халат» воина-буддиста (Из истории «оружейного» собрания МАЭС ТГУ) // Материалы и исследования Древней, Средневековой и Новой истории Северной и Центральной Азии Т. III. вып. 1. / Отв. ред. Ю.И. Ожередов. Томск: Томский государственный университет, 2010. С. 7–64.

Бобров Л.А., Рюмишн М.А. «...И против них не стаивали они нигде и биться с ними не умеют». Оружейный и военно-тактический аспект калмыцко-ногайских и калмыцко-татарских войн первой половины – середины XVII в. // Золотоордынская цивилизация. Вып. 8. Казань: Фолиант; Институт истории им.Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 357–378.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 776 с.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Шлемы сибирских воинов (из собрания Тобольского государственного историко-краеведческого музея-заповедника) // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 3 / Отв. ред. Б.Р. Рахимзянов. Казань: Ихлас, 2011. С. 43–52.

Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 244–269.

Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М.: Наука, 1983. 332 с.

Национально-освободительная борьба казахского народа под предводительством Кенесары Касымова. / Отв. ред. М. К. Козыбаев. Алматы: Гылым, 1996. 512 с.

Тепкеев В.Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века. Элиста: ЗАО «НПП «Джангар», 2012. 376 с.

Цюрюмов А.В., Батыров В.В. Калмыцкое ханство в российско-крымских отношениях (XVIII в.). Элиста: АО «НПП» Джангар», 2006. 95 с.

Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1979. 86 с.

Bobrov L.A., Zaytsev V.P., Orlenko S.P., Salnikov A.V. The Late Jurchen (Early Manchu) Helmet of the Second Half of the 1610s to the Mid-1630s from the Collection of the Armoury Chamber of the Moscow Kremlin // Былые годы. 2017. Т. 46. № 4. С. 1140–1173.

LaRocca D. Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. New York: Yale University Press, 2006. 307 p.

Информация об авторах:

Бобров Леонид Александрович, доктор исторических наук, доцент Кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета, ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований научно-исследовательской части Новосибирского государственного университета (г. Новосибирск, Россия); spsml@mail.ru

Кушкумбаев Айболат Кайрслямович, доктор исторических наук, профессор Кафедры Регионоведение Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, главный научный сотрудник Центра межэтнических отношений и толерантности Ассамблеи народа Казахстана ЕНУ им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан); aibolat7@mail.ru

REFERENCES

Anisimova, M. A. 2013. *Oruzhie Vostoka XV – pervoi poloviny XX veka: iz sobraniia Voенно-istoricheskogo muzeia artillerii, inzhenernyh vojsk i vojsk svyazi (Weapons of the East of the 15th - First Half of the 20th Centuries: from the Collection of the Military-Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps)*. Saint Petersburg: “Atlant” Pub. (in Russian).

Akhmetzhan, K. S. 2015. *Boevye shlemy kazakhov (istoriia, istoki, traditsii) (Battle Helmets of the Kazakhs (History, Origins, Traditions))*. Astana (in Russian).

Bobrov, L. A. 2009. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istorii, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 8 (3), 251–254 (in Russian).

Bobrov, L. A. 2011. *Osnovnye napravleniia evolutsii kompleksov zashchitnogo vooruzheniia narodov Central'noi, Srednei i kontinental'noi Vostochnoi Azii vtoroi poloviny XIV– XIX vv. (Main directions in the Evolution of the Complexes of Protective Weapons of the Peoples of Central, Middle and Continental Eastern Asia in the Second Half of the 14th - 19th cc.)* Thesis of Diss. of Doctor of Historical Sciences. Barnaul (in Russian).

Bobrov, L. A., Kushkumbaev, A. K. 2010. In *Akmolinskomu oblastnomu istoriko-kraevedcheskomu muzeiu 90 let (The 90st Anniversary of Akmola Regional Museum of Local History)*. Kokshetau: Aqmola regional historical museum, 33–38 (in Russian).

Bobrov, L. A., Ozheredov, Yu. I. 2010. In Ozheredov, Yu. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia drevnei, srednevekovoi, i novoi istorii Severnoi i Tsentral'noi Azii (Materials and Studies on the Ancient, Medieval and Modern History of Northern and Central Asia)* III. Tomsk: Tomsk State University, 7–64 (in Russian).

Bobrov, L. A., Ryumshin, M. A. 2015. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (The Golden Horde Civilization)* 8. Kazan: “Foliant” Publ.; Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences Publ., 357–378 (in Russian).

Bobrov, L. A., Khudyakov, Yu. S. 2008. *Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v epokhu pozdnego srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.). (Armament and Tactics of the Central Asian and South Siberian Nomads in the Late Middle Ages and the Early Modern Time (15th - first half of 18th cc.))*. Saint Petersburg: Faculty of Filology, Saint Petersburg State University (in Russian).

Bobrov, L. A., Khudyakov Yu. S. 2011. In Rakhimzyanov, B. R. (ed.). *Srednevekovye tiurko-tatarskie gosudarstva (Medieval Turkic-Tatar States)* 3. Kazan: “Ikhlas” Publ., 43–52 (in Russian).

Gorelik, M. V. 1983. In Rybakov, B. A. (ed.). *Kulikovskaya bitva v istorii i kul'ture nashey Rodiny (The Battle of Kulikovo in the History and Culture of our Country)*. Moscow: Moscow State University Publ., 244–269 (in Russian).

Zlatkin, I. Ya. 1983. *Istorii Dzhunfarskogo khanstva (1635–1758). (History of the Dzungarian khanate (1635-1758))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Kozybaev, M. K. (ed.). 1996. *Natsional'no-osvoboditel'naia bor'ba kazakhskogo naroda pod predvoditel'stvom Kenesary Kasymova (National Liberation Struggle of the Kazakh People Led by Kenesary Kasymov)*. Almaty: “Gylym” Publ. (in Russian).

Tepkeev, V. T. 2012. *Kalmyki v Severnom Prikaspii vo vtoroi treti XVII veka (The Kalmyks in the Northern Caspian Region in the Second Third of the 17th Century)*. Elista: “Dzhanfar” Publ. (in Russian).

Tsyuryumov, A. V., Batyrov, V. V. 2006. *Kalmytskoe khanstvo v rossiisko-krymskikh otnosheniakh (XVIII v.). (Kalmyk Khanate in Russian-Crimean Relations (18th c.))* Elista (in Russian).

Chimitdorzhiev, Sh. B. 1979. *Vzaimootnosheniia Mongolii i Srednei Azii v XVII–XVIII vv. (The relationship between Mongolia and Central Asia in the 17th-18th cc.)* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Bobrov, L. A., Zaytsev, V. P., Orlenko, S. P., Salnikov, A. V. 2017. In *Bylye gody (Bygone Years)* 4 vol. 46, 1140–1173 (in English).

LaRocca, D. 2006. *Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet*. New York: Yale University Press (in English).

About the Authors:

Bobrov Leonid A., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State University, Pirogov Str. 1, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; spsml@mail.ru

Kushkumbaev Aibolat K., Doctor of History; Professor of the Department of Regional Studies of the L.N. Gumilyov Eurasian National University, chief researcher at the Center for Inter-Ethnic Relations and Tolerance of the Assembly of People of Kazakhstan, L.N. Gumilyov ENU Satpayev Str., 2, Nur-Sultan, 010008, Republic of Kazakhstan; aibolat7@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2020 г.
Статья принята к публикации 01.09.2020 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

Рис. 1. Шлем ГИН 148, АОИКМ, г.
Кокшетау, РК (фото Ж. Укеева).
Fig. 1. Helmet GIN 148, Aktobe Regional
Museum of History and Local Lore,
Kokshetau, the Republic of Kazakhstan
(photo by Z. Ukeev).

Рис. 2. Шлем ГИН 148, АОИКМ, г.
Кокшетау, РК. Вид спереди
(фото Ж. Укеева).

Fig. 2. Helmet GIN 148, Aktobe Regional Mu-
seum of History and Local Lore, Kokshetau,
the Republic of Kazakhstan. Front view (photo
by Z. Ukeev).

Рис. 3. Шлем ГИН 148, АОИМК,
г. Кокшетау, РК. Вид справа
(фото Ж. Укеева).

Fig. 3. Helmet GIN 148, Aktobe Regional
Museum of History and Local Lore, Kokshetau,
the Republic of Kazakhstan. Right view (photo
by Z. Ukeev).

Рис. 4. Шлем ГИН 148, АОИМК,
г. Кокшетау, РК. Вид слева
(фото Ж. Укеева).

Fig. 4. Helmet GIN 148, Aktobe Regional
Museum of History and Local Lore, Kok-
shetau, the Republic of Kazakhstan. Left
view (photo by Z. Ukeev).

Рис. 5. Шлем ГИН 148, АОИКМ, г. Кокшетау, РК. Вид сзади (фото Ж. Укеева).

Fig. 5. Helmet GIN 148, Aktobe Regional Museum of History and Local Lore, Kokshetau, the Republic of Kazakhstan. Rear view (photo by Z. Ukeev).

Рис. 6. Шлем ГИН 148, АОИКМ, г. Кокшетау, РК. Вид сверху (фото Ж. Укеева).

Fig. 6. Helmet GIN 148, Aktobe Regional Museum of History and Local Lore, Kokshetau, the Republic of Kazakhstan. Top view (photo by Z. Ukeev).

Рис. 7. Шлем ГИН 148, АОИКМ, г. Кокшетау, РК. Вид снизу (фото Ж. Укеева).

Fig. 7. Helmet GIN 148, Aktobe Regional Museum of History and Local Lore, Kokshetau, the Republic of Kazakhstan. Bottom view (photo by Z. Ukeev).

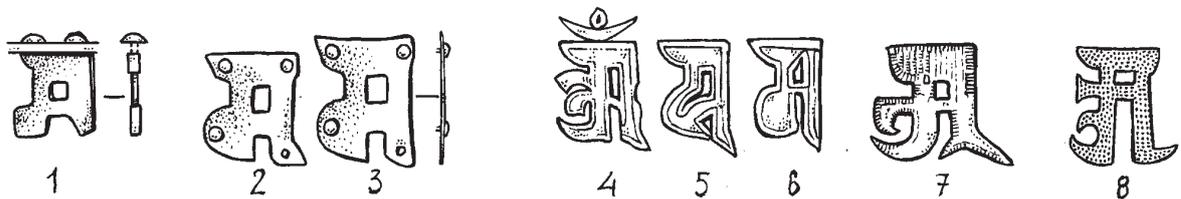

Рис. 8. Буддийская символика на ойратском и монгольском защитном вооружении: 1 – фиксаторы бармицы шлема, ГИН 148, АОИКМ; 2, 3 – накладки пластин джунгарского панциря, МАЭС ТГУ; 4-6 – монгольский шлем, 1999.120, Музей искусств Метрополитен; 7 – ойратский или монгольский шлем, ГЭ 1550; 8 – Ойратский сфероцилиндрический шлем, ТГИАМЗ.

Fig. 8. Buddhist symbols on Oirat and Mongol defensive armament: 1 – helmet aventail clamps, GIN 148, Aktobe Regional Museum of History and Local Lore; 2, 3 – Junggar armor plates, Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia at Tomsk State University; 4-6 – Mongolian helmet, 1999.120, The Metropolitan Museum of Art; 7 – Oirat or Mongol helmet, GE 1550; 8 – Oirat spherocylindrical helmet, Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve.

УДК 903.2

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2020.6.405.409>**ИЗОБРАЖЕНИЯ КОПИЙ И ЗНАМЕН У СИБИРСКИХ ТАТАРСКИХ
ВОИНОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ «КРАТКОЙ СИБИРСКОЙ
(КУНГУРСКОЙ) ЛЕТОПИСИ»)**

©2020 г. Ю.С. Худяков

В статье рассматриваются и анализируются некоторые исторические сведения и изображения копий и знамен сибирских татарских воинов, которые представлены в миниатюрах Краткой Сибирской (Кунгурской) летописи. Приведено описание изображений наконечников копий, а также небольших флагов треугольной формы и знамен с двумя косицами, которые показаны в руках, или за спинами у некоторых сибирских татарских пеших и конных воинов. Отмечено, что сибирские татары применяли в боевых условиях копьё с различными по форме флажками в сражениях не только с русскими казаками, но и в боях между отрядами сибирских татарских воинов, поддерживавших разных претендентов на ханский престол. Проведен сравнительный анализ рисунков знамен и флагов, которые были в распоряжении у сибирских татарских воинов и русских казаков. В статье высказано предположение о том, что с помощью небольших флагов сибирские татарские воины и русские казаки могли на определенном расстоянии передавать во время боев своим соплеменникам некоторые нужные сигналы.

Ключевые слова: Краткая Сибирская (Кунгурская) летопись, изображения копий и знамен, Сибирское Татарское ханство, сибирские татар.

**IMAGES OF SPEARS AND BANNERS OF SIBERIAN TATAR WARRIORS
(BASED ON MATERIALS REMEZOV CHRONICLE)**

Yu. S. Khudyakov

The paper addresses and analyzes historical data and images of spears and banners of the Siberian Tatar warriors, which are depicted on miniature paintings of the Siberian (Kungur) Chronicle. The paper contains a description of images of spearheads and small triangular flags and banners with two flag edges, carried in the hands or behind the backs of several Siberian Tatar dismounted and equestrian warriors. It is mentioned that Siberian Tatars were using spears with differently shaped flags in battles not only with the Russian Cossacks, but also between the troops of Siberian Tatar warriors, who supported different claimants to the Khanate throne. A comparative analysis of the images of flags and banners, which were at the disposal of Siberian Tatars and Russian Cossacks, was performed. The paper features an assumption that Siberian Tatars and Russian Cossacks could send signals to their tribesmen from a certain distance during battles using small flags.

Keywords: Remezov Chronicle, images of spears and banners, Tatar Khanate of Sibir, Siberian Tatars.

Важным источником по военной истории и изучению различных видов оружия из арсенала сибирских татарских воинов в начальный период присоединения территории Западной Сибири к Московскому царству являются изображения различных видов оружия на миниатюрах лицевого свода «Краткой Сибирской (Кунгурской) летописи» (Сибирские летописи, Рязань, 2008, с. 469, 472–474, 479, 482–483, 485, 490–492, 494–498, 500–503). Несмотря на то, что эти рисунки были созданы спустя несколько десятилетий после присоединения западных сибирских земель к Российскому государству, а также невзирая на то, что в течение предшествующих лет они неоднократно вводились в научный оборот и становились объектом исследования, данные

миниатюры содержат важную информацию, относящуюся к актуальным событиям военной истории и к характерным особенностям некоторых видов вооружения дистанционного и ближнего боя воинов Сибирского татарского ханства (Миллер, 1999, рис. 8, 11, 13; Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006, с. 85, 99). В течение этого исторического периода большое политическое и военное значение имел переход на российскую воинскую службу некоторых сибирских служилых татарских воинов, который позволил московским воеводам восполнить острую нехватку своих воинских сил на территории Западной Сибири (Тычинских, 2010, с. 46).

Предпринятый в предшествующие годы определенный опыт исторического анализа

изображений оружия дистанционного боя и воинского снаряжения сибирских татарских воинов наглядно продемонстрировал, что многие из этих рисунков содержат актуальную информацию по истории военного дела татарского населения Сибирского ханства (Худяков, 2013, с. 205–211; Худяков, 2015, с. 83–90).

Судя по исследованным ранее историческим сведениям, а также некоторым изобразительным и археологическим вещественным материалам, сибирские татарские воины имели в своем арсенале все основные, традиционные виды холодного наступательного оружия дистанционного и ближнего боя, а также некоторые типичные образцы средств индивидуальной металлической защиты, характерные для многих средневековых тюркских и монгольских кочевых народов Степного пояса Евразии. Однако в то же время достаточно хорошо известно, что некоторые представители правящей элиты сибирских татар были в должной мере осведомлены об эффективном поражающем действии огнестрельного оружия и артиллерии. Вероятно, в свое время это побудило сибирского татарского хана Кучума приобрести и привезти из Казани в Сибирь два металлических артиллерийских орудия, которые он безуспешно попытался применить в решающем бою на Чувашином мысу против казачьего отряда под командованием атамана Ермака. Однако среди сибирских татарских воинов не оказалось ни одного умелого артиллериста, чтобы произвести выстрелы, из-за чего по приказу Кучума обе пушки были сброшены в реку Иртыш, чтобы они не достались русским казакам (Миллер, 1999, с. 225). В дальнейшем русским воинам удалось достать из реки одну из этих пушек и установить в память об этом прошедшем историческом событии. Однако далеко не все сибирские татары, в том числе даже представители высшей татарской правящей элиты, были знакомы с реальным действием огнестрельного оружия и артиллерии. Когда к русским казакам попал в плен знатный татарский тархан Кутугай, атаман Ермак наглядно продемонстрировал ему стрельбу из пищалей. Этот исторический эпизод воспроизведен на миниатюрах Ремизовской летописи (Сибирские летописи, 2008, с. 487–488). Известно, что такая стрельба «невидимыми стрелами» российских казаков из своих пищалей произвела на сибирского татарского тархана Кутугая очень большое, устрашающее впечатление

(Миллер, 1999, с. 217–218). В дальнейшем во время военных действий сибирским татарским воинам иногда удавалось захватывать в качестве военных трофеев у казаков пищали, однако в русских письменных источниках о сибирском походе Ермака нет никаких сообщений о том, чтобы татары пытались из них стрелять. Даже когда им удалось заманить группу казаков под командованием самого атамана Ермака в засаду, в ходе которой один из татарских воинов принес захваченные им у спящих казаков сразу три пищали, никто из них даже не попытался использовать эти ружья для стрельбы по противникам (Миллер, 1999, с. 252, 257).

Судя по письменным и изобразительным источникам, сибирские татарские воины предпочитали в условиях ведения дистанционных боев обстреливать своих противников стрелами из луков или камнями из пращей, а в ближних боях атаковать их копьями и саблями. По утверждению известного российского историка, автора фундаментального научного труда по истории Сибири, академика Санкт-Петербургской Академии наук Г.Ф. Миллера, во время «сибирского взятия» луки и стрелы, также как копья и сабли были привычным, самым «обыкновенным оружием» в арсенале сибирских татарских воинов (Миллер, 1999, с. 225).

Как было ранее отмечено, данным исследователем в числе такого традиционного, вполне «обыкновенного», оружия ближнего и рукопашного боя сибирских татарских воинов упомянуты копья. На миниатюрах, представленных в «Краткой Сибирской (Кунгурской) летописи» данный вид длинного древкового колющего оружия представлен достаточно широко. Большая часть татарских воинов на миниатюрах изображена вооруженными именно копьями. Некоторые сибирские татарские воины показаны с другими различными видами холодного оружия. В единичном случае воин показан с копьем, древко которого он держит двумя руками, направив наконечник в сторону противника. Значительная часть копий изображена за спинами у татарских воинов либо показана направленными наконечниками вперед по ходу атакующих действий и остриями вверх (Худяков, 2013, с. 207). Вероятно, в этом случае сибирские татарские воины носили свои копья пристегнутыми на каких-то приспособлениях, возможно, на ремнях. Несколько реже копья на некоторых миниатюрных изображениях показаны

строго в вертикальном положении. Большая часть копий сибирских татарских воинов изображена с крупными, достаточно массивными, вероятнее всего, железными наконечниками удлиненно-ромбической формы, с удлиненным остроугольным острием и покатыми плечиками. Втулки наконечников копий на миниатюрных изображениях не выделены. В одном случае у наконечника, ниже пера, в области втулки, показан выступающий упор. У некоторых копий на верхнем окончании древков они изображены вообще без каких-либо наконечников. Трудно сказать, могли ли в реальности использоваться такие копыя без металлических наконечников в боевых условиях, или это стремление изобразить на миниатюре как можно большее их число, настоящий «лес копий», воспроизведенный на некоторых батальных сценах (Сибирские летописи, 2008, с. 492, 496–497). Как правило, наконечники копий на изображениях различных исторических сцен показаны затемненными. Значительно реже некоторые наконечники копий, а также навершия и древки боевых знамен в руках у сибирских татарских воинов показаны не затемненными (Сибирские летописи, 2008, с. 490, 492, 495, 500, 501). Иногда на древках копий, под наконечниками, у некоторых сибирских татарских, как конных, так и пеших, воинов изображены сравнительно небольшие, узкие, вероятно, матерчатые флажки треугольной формы, напоминающие вымпелы (Сибирские летописи, 2008, с. 479, 483, 485). Аналогичные треугольные флажки показаны на навершиях шатров у сибирских татарских ханов (Сибирские летописи, 2008, с. 481, 491). Подобные небольшие треугольные флажки изображены не только у сибирских татар, но и на некоторых куполах шатров, на вершинах мачт у речных кораблей и на многих копьях у русских казаков из отряда атамана Ермака (Сибирские летописи, 2008, с. 487–488). Вероятно, это были флажки, которые в некоторых случаях могли использоваться для передачи как русским, так и татарским воинам из числа своих соплеменников некоторых сигналов на определенном расстоянии на поле боя. Настоящие боевые знамена у российских воинов изображены на миниатюрах, как правило, довольно большими и квадратными по форме, на некоторых из них показаны христианские кресты и образы православных святых (Сибирские летописи, 2008, с. 469, 472, 492, 494, 538).

На некоторых иллюстрациях Ремизовской летописи треугольные флажки на знаменах у сибирских татарских воинов показаны двойными. Такие флажки изображены у воинов, как у всадников, так и у пехотинцев. В некоторых случаях можно определенно утверждать, что на той или иной миниатюре показан один флаг с двумя удлиненными косицами. В других случаях можно высказать предположение, что на рисунке изображено два небольших флажка треугольной формы, плотно прикрепленных на древке копья, под наконечником, вплотную друг к другу, без наличия какого-либо интервала между ними (Сибирские летописи, 2008, с. 502, 503, 504).

Сравнительно небольшое, удлиненное знамя с одним треугольным окончанием, возвышающееся над головами у сибирских татарских вооруженных всадников, оснащенных луками и стрелами, а также пращами и саблями, изображено во время сцены боя двух отрядов сибирских татарских всадников, воевавших под командованием своих предводителей, вероятных претендентов на престол Сибирского ханства, между собой. Судя по всему, эта батальная сцена относится еще ко времени до известного похода казачьего отряда под командованием атамана Ермака через Уральские горы на территорию Западной Сибири (Сибирские летописи, 2008, с. 474). Наиболее характерной формы сибирское татарское знамя с широким полотнищем, внутри которого выделяется несколько меньшая по своим размерам площадь этого флага, вероятно, другого цвета, но квадратных очертаний, с двумя прямоугольными и треугольными удлиненными косицами, укрепленное на длинном древке, увенчанном удлиненно-ромбическим навершием, изображено над головами сибирских татарских пеших и конных воинов, противостоящих во время сражения отряду русских казаков на берегу водоема, судя по имеющемуся летописному описанию, реки Туры, у берега которой находится три казачьих судна с вертикальными мачтами, увенчанными необычными навершиями в виде изображений голов некоторых, вероятно, символических или мифических животных (Сибирские летописи, 2008, с. 413, 492). Подобные боевые знамена с полотнищами, предположительно, окаймленными широкой полосой иного цвета по всем четырем краям флага, снабженные двумя длинными треугольными косицами, воспроизведены у четырех знаменосцев, изображенных в

составе нескольких отрядов сибирских татарских воинов, которые попытались преградить воинам из отряда Ермака продвижение на небольших судах по реке Тобол, для чего перегородили реку поперек двумя железными цепями (Сибирские летописи, 2008, с. 495). Изображения таких же по форме боевых знамен у сибирских татарских воинов с широким квадратным полотнищем в основании флага и двумя удлинёнными треугольными косицами представлены ещё в некоторых эпизодах продвижения судов российского казачьего отряда под командованием атамана Ермака по речным артериям по территории Западной Сибири (Сибирские летописи, 2008, с. 500–501).

В отличие от боевых знамен, показанных на миниатюрных изображениях Ремизовской летописи в руках у русских казаков, а также, вполне вероятно, в некоторых случаях у служилых людей, на полотнищах которых иногда изображалась православная, христианская, религиозная символика, в том числе символические, христианские кресты и образы некоторых известных православных святых,

на полотнищах всех без исключения боевых знамен и флагов, воспроизведенных в руках у сибирских татарских воинов, вообще полностью отсутствуют какие-либо религиозные символические изображения. Вполне вероятно, что к тому времени, когда создавались эти изображения для миниатюрных композиций Краткой Сибирской Кунгурской летописи, какие-либо сведения о символике на знаменах и флагах сибирских татарских воинов были уже утрачены среди русских переселенцев, либо создатели миниатюрных изображений не хотели воспроизводить какую-либо иную, не свойственную православным христианам религиозную символику.

Рассмотренные изображения копий со знаменами и флажками на древках могут служить ценным информативным источником по истории военного дела сибирских татарских воинов в период исторического похода русского казачьего отряда под командованием известного атамана Ермака на территорию Сибирского татарского ханства в пределы Западной Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. Ремизовская летопись. История Сибирская. Летопись Сибирская краткая Кунгурская. Исследование. Текст и перевод. Тобольск: Изд-во «Возрождение Тобольска», 2006. 270 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М.: Вост. лит., 1999. Т. I. 630 с.

Сибирские летописи. Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) / Под ред. А.И. Цепкова. Рязань: Александрия, 2008. 688 с.

Тычинских З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII – XIX вв.). Казань: Фэн, 2010. 288 с.

Худяков Ю.С. Анализ исторических сведений и изображений сибирских татарских воинов на миниатюрах Ремизовской летописи // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. № 7. С. 205–212.

Худяков Ю.С. Оружие дистанционного боя и воинское снаряжение сибирских татарских лучников (по сибирским летописным и изобразительным источникам) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. № 3. С. 83–92.

Информация об авторе:

Худяков Юлий Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук, профессор Новосибирского государственного университета, (Новосибирск, Россия); khudjakov@mail.ru;

ORCID 0000-0002-4741-9971

REFERENCES

Dergacheva-Skop, E. I., Alekseev, V. N. 2006. *Remizovskaia letopis'. Istoriiia Sibirskaiia. Letopis' Sibirskaiia kratkaia Kungurskaia. Issledovanie. Tekst i perevod. (Remezov Chronicle. Siberian History. Brief Siberian Kungur Chronicle. Study. Text and Translation.)*. Tobolsk: "Vozrozhdenie Tobolska" (in Russian).

Miller, G. F. 1999. *Istoriia Sibiri (History of Siberia)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).

Tsepkov, A. I. (ed.). 2008. *Sibirskie letopisi. Kratkaia Sibirskaiia letopis' (Kungurskaia) (Siberian Chronicles. Brief Siberian Chronicle (Kungur))*. Ryazan: "Aleksandriia" Publ. (in Russian).

Tychinskikh, Z. A. 2010. *Sluzhilye tatory i ikh rol' v formirovanii etnicheskoi obshhnosti sibirskikh tatar (XVII – XIX vv.). (Tatar Servicemen and their Role in the Formation of the Ethnic Community of Siberian Tatars (17th - 19th cc.))*. . Kazan: “Fen” Publ. (in Russian).

Khudyakov, Yu. S. 2013. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istorii, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 12 (7), 205–212 (in Russian).

Khudyakov, Yu. S. 2015. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istorii, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 14 (3), 83–92 (in Russian).

About the Author:

Khudyakov Yulii S., Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Acad. Lavretiev Ave. 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; Professor, Novosibirsk State University. Novosibirsk State University, Pirogov Str. 1, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; khudjakov@mail.ru; ORCID 0000-0002-4741-9971

Статья поступила в журнал 01.08.2020 г.
Статья принята к публикации 01.09.2020 г.

УДК 623.11

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2020.6.410.417>**О КРЕПОСТНЫХ СООРУЖЕНИЯХ СВИЯЖСКА**

© 2020 г. А.М. Губайдуллин, Р.Н. Хамзин

В статье рассматриваются некоторые аспекты, касающиеся фортификации известного поселения-крепости, первоначально названного Новым городом Свияжским, а затем Свияжском. Он сыграл немаловажную роль в подготовке и завоевании Казани Иваном IV Грозным. Основанный в 1551 году в устье р. Свияга, этот укрепленный пункт явился местом сосредоточения русских войск и необходимых припасов для последующей осады столицы Казанского ханства, являясь опорным «лагерем» для вторжения. Несомненно, что для защиты этого создаваемого поселения должны были предприниматься серьезные мероприятия оборонительного характера на случай нападения противника. В связи с этим, интересным источником для нас является русская Летописная история XVI века. В ней кратко отражены подготовка и строительство данного объекта, что послужило первоначальным источником наших знаний об этом укрепленном поселении. Кроме того, в статье приводятся новые данные археологии, касающиеся оборонительных сооружений Свияжска середины XVI века.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, средневековье, крепость Свияжск, фортификация.

THE FORTRESS STRUCTURES OF SVIAZHISK

A.M. Gubaidullin, R. N. Khamzin

The article considers a series of aspects related to the fortification a renowned fortress settlement, originally referred to as the New Town of Sviyazhsk, and later as Sviyazhsk. It played an important role in the preparation and conquest of Kazan by Ivan the Terrible. This fortified outpost founded in 1551 at the mouth of the Sviyaga river was the place of concentration of the Russian troops and necessary supplies for a subsequent siege of the capital of Kazan Khanate, acting as a support “camp” for the conquest. Undoubtedly, in order to protect this newly created settlement, serious defensive measures had to be taken in case of an enemy attack. An interesting source in this regard is the Russian Chronicle History of the 16th century. It summarizes the preparation and construction of this outpost, which served as the original source of information about this fortified settlement. In addition, the paper features new archaeological data related to the defensive structures of Sviyazhsk in the mid-16th century.

Keywords: archaeology, Middle Volga region, Middle Ages, Sviyazhsk fortress, fortification.

В процессе изучения фортификации, в том числе и конкретных памятников военного зодчества любого народа и государства, важную роль играют сообщения письменных источников. В них так или иначе отражены не только происходившие исторические события, но и приводятся некоторые сопутствующие им краткие описания, касающиеся различных поселений и их оборонительных сооружений. Здесь интересно обратиться к одному из интересных памятников градостроительства XVI в. – острову-граду Свияжску, расположенному в устье реки Свияги правого притока р. Волги, на высоком холме-останце площадью 62 гектара в 30 километрах к западу от г. Казани (рис. 1).

Наиболее интересным письменным источником, в котором отражено время основания Свияжска (Новгорода Свияжского), является Лицевой летописный свод XVI в. В нем под 1551 г. говорится, что Иван IV решил

построить город: «...на Свияжском устье на круглой горе; и сам бо государь, от Казани едучи (в 1550 г. – А.Г., Р.Х.), видел, што место стройно и пригоже быти городу...и умыслил государь городъ поставити на Свияге на устье, на Круглой горе, промежь Щучия озера и Свияги реки...», и далее «И начинает государь и делу касается, призывает к себе диака своего Ивана Григорьева, сына Выродкова, и посылает его, а с ним детей боярских, на Волгу в Углецкой уезд, в Ушатах вотчину, церковей и города рубити и в судех с воеводами на Низ вести, еже и бысть» (Лицевой летописный свод XVI века, 2014, с. 456–457). Затем уже в следующем 1551 г. «Месяца майа, 24 в неделю Всехъ святыхъ, царь Шига-лей и воеводы пришли на Свиягу, и вылесчи воеводы великакого князя изъ судовъ, начаша лесъ сещи, где быти городу» (рис. 2), «и, очистив гору, пев молебная и воду освя-тя, и со кресты по стенному месту обошли»

(Лицевой летописный свод XVI века, 2014, с. 472–473).

В случае, относящемся к нашей теме, довольно интересно дальнейшее сообщение: «Город же, которой сверху привезень, на половину тое горы стал, а другую половину воеводы и дети боярские своими людьми тотъ часъ зделали, велико бо бяше место, и свершили городъ въ четыре недели» (Лицевой летописный свод XVI века, 2014, с. 475) (рис. 3). Здесь прямо говорится, что переправленных вниз по Волге разобранных конструкций деревянных строений хватило только на то, чтобы частично (наполовину) застроить территорию острова. По-видимому, это в основном касается крепостных стен, предназначенных для защиты поселения по всему периметру. Отсюда можно сделать вывод, что или неточно было рассчитано необходимое количество конструкций изначально (проводилось в спешке), или заранее рассчитывалось добыть недостающие материалы для постройки оборонительных сооружений на месте. По нашему мнению, скорее всего, правильным будет последнее. Но тогда поздние утверждения о том, что весь (!) город был перевезен и собран на новом месте за четыре недели является просто «преувеличением», красивым мифом.

Крепостные стены Свяжска XVI в. всегда реконструировали в виде деревянных срубов-городней. Это часто отражается в музейных макетах и изобразительном материале¹. Такая реконструкция вызывала некоторые сомнения, связанные с целесообразностью возведения подобных оборонительных конструкций по всему периметру поселения. Насколько точной и правильной она является? Нужно отметить, что в древности крепостные постройки всегда строились с учетом особенностей рельефа местности. Там, где это было необходимо, возводились сложные и мощные стены, башни и другие дополнительные сооружения. В местах же, защищенных самой природой, строились более «легкие», «простые» конструкции. Сотни и тысячи лет назад строители крепостей исходили из наличия имевшихся у них ресурсов и целесообразности, т. е. принципа разумной достаточности. Что же касается Свяжска, то ответ на данный

¹ Подобная «вольность» в реконструкциях часто присуща многим художникам и современным реставраторам-реконструкторам по отношению к различным памятникам градостроительства и в первую очередь памятникам фортификации.

вопрос дали археологические исследования последних лет, проведенные авторами на его территории в рамках реализации комплексного проекта «Культурное наследие – островград Свяжск и древний город Болгар».

Целью раскопок являлось исследование стратиграфии культурного слоя, остатков сооружений и ям, материальных остатков, а также поиск крепостных сооружений Свяжской крепости в северо-западной (три раскопа) и юго-восточной (один раскоп) частях острова (рис. 4).

Раскоп 1 площадью 78 кв. м был разбит в районе пересечения ул. Набережная р. Щуки и ул. Александровская, а также в 2 м от края островной террасы (Археологические исследования...). Помимо прочих объектов здесь было выявлено сооружение 4. Его следы в виде полосы шириной 80–90 см в верхней части были обнаружены в северной части раскопа на глубине 110–112 см от 0. Заполнением его являлась серо-желтая супесь и древесный тлен. Стенки ровные, слегка скошены ко дну. Само сооружение представляло собой котлован для установки деревянной ограды. Оно датировалось временем не позже XVII в., о чем свидетельствовала стратиграфическая картина. Судя по стратиграфии, сооружение 4 перерезало более ранний котлован, чьи следы были выявлены только в западной и восточной стенках раскопа, в виде желтого суглинка. Он имел скошенные внутрь стенки и ровное дно. По-видимому, этот объект представлял собой котлован от крепостной стены середины XVI в., который был выявлен затем и в других местах раскопок. Кроме того, из этого же раскопа происходит и серебряная монета Ивана IV.

Раскоп 2 площадью 60 кв. м был разбит в 92 м к востоку – северо-востоку от предыдущего раскопа, в 2 м от края островной террасы и с севера примыкал к улице Набережная р. Щуки. Здесь после вскрытия третьего штыка на глубине 50–80 см от современной поверхности выявлено сооружение 2 в виде полосы шириной ок. 40 см, шедшей по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток. Она располагалась в 8 м от края террасы и шла вдоль нее. Заполнением сооружения являлся желтый суглинок. В процессе его вскрытия было определено, что это котлован, вырытый для установки деревянных конструкций, имевший глубину ок. 200 см от современной поверхности и 150 см от уровня выявления. Стенки его были почти вертикальные, дно

ровное. На уровне дна котлована были прослежены следы от вертикально забитых округлых бревен, установленных в ряд и сохранившихся в виде древесной трухи диаметром ок. 20 см и глубиной 30–35 см от уровня выявления (рис. 5). Судя по стратиграфии и заполнению, данный котлован соотносится со следами такого же объекта, частично выявленного в раскопе 1. По-видимому, они также являлись остатками тыновой ограды, установленной при основании Свяжска Иваном IV в 1551 г.

Следующий раскоп площадью 120 кв. м был разбит в 9 м к западу – юго-западу от раскопа 2, а также в 2 м от края островной террасы. Он с севера примыкал к улице Набережная р. Шуки. В центральной части раскопа после вскрытия 4-го штыка было выявлено сооружение 5 в виде полосы шириной ок. 50 см, шедшей по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток. Она располагалась в 6 м от современного края террасы и шла вдоль нее. Заполнением сооружения являлся желтый суглинок. В процессе его вскрытия было определено, что это котлован, вырытый для установки деревянных конструкций, имевший глубину 95–100 см от уровня выявления. Стенки его почти вертикальные, дно ровное. На уровне дна котлована были выявлены также следы от вертикально забитых бревен, установленных в ряд и сохранившихся в виде древесной трухи диаметром ок. 20 см и глубиной 30–35 см от уровня выявления (рис. 6). Судя по стратиграфии и заполнению, данный котлован соотносится со следами таких же объектов, обнаруженных в раскопе 1 и в раскопе 2. По нашему мнению, все эти вскрытые сооружения являются остатками тыновой ограды² (рис. 7), установленной при основании Свяжска Иваном IV в 1551 г., которая защищала поселение с северо-запада. Никаких же следов от срубных конструкций в этой части острова выявлено не было. Нужно также отметить, что на этой полосе вдоль края террасы почти не было каких-либо строений на протяжении существования Свяжска. Здесь в основном существовали только огороды местных жителей, что позволило нам выявить остатки стены в почти не потревоженном состоянии.

В свою очередь, в юго-восточной части острова Свяжска, по ул. Набережная р. Свяги, также был заложен еще один раскоп. Он

² Тыновая ограда (тын) – крепостная ограда из вертикальных плотно примкнутых бревен.

располагался на краю обрыва и имел площадь 68 кв. м. В результате проведенных исследований в основном были выявлены культурные напластования конца XVIII–XXI вв., а также зафиксированы остатки сооружений XVIII–XX вв.

Одно из них (Сооружение № 1) окончательно проявилось на уровне 7 пласта (–100 см от 0) в плане на площади 85×400 см в виде 13 деревянных вертикально врытых столбов диаметром от 15 до 30 см (рис. 8). Столбы были вытянуты по линии юго-запад – северо-восток в одну линию. Заполнение вокруг столбов состояло из серо-коричневой плотной супеси с включением прокала. Стенки данного сооружения отвесные, дно относительно ровное, зафиксировано на уровне от –226 до –253 см от 0. Сооружение № 1 уходило в северо-восточную и юго-западную стенки раскопа. Находки из объекта были представлены стенками сосудов татарско-русского по образцу или в развитии белоглиняной керамики хорошего обжига с двусторонним ангобом и татарско-русского серого плохого обжига, а также придонной частью сосуда татарско-русского по образцу или в развитии белоглиняной керамики плохого обжига. Первоначально данная конструкция была принята за остатки деревянной стены, возведенной в XVIII в. Однако не исключено, учитывая аналогии с материалами раскопов в северо-западной части Свяжска, что время ее строительства относится также к сер. XVI в.

Проведенные нами исследования позволили по-новому обратить внимание на «феномен» основания и строительства укрепленного поселения на Свяжском холме. Пусть и небольшие по площадям раскопки и выявленный археологический материал, однако они дали нам возможность значительно скорректировать имевшуюся точку зрения на факт переправки по р. Волге целого города, что практически невозможно. По нашему мнению, были перевезены только основные деревянные конструкции, например, такие как крепостные проездные башни, примыкающие к ним участки срубных стен, а также некоторые духовные и гражданские постройки. Значительная же часть поселения-крепости строилась на месте из местных материалов. Что касается оборонительных сооружений, то, по-видимому, были привезены только конструкции с целью быстрой установки их в наиболее уязвимых для нападения частях

холма, например в юго-западной, восточной и северо-восточной сторонах. Нужно также отметить – с древности и до нашего времени в остальных местах существуют довольно крутые склоны, по которым очень сложно подниматься, т. е. очень неудобные для возможного штурма. Именно вдоль них и была установлена тыновая ограда, что было совершенно достаточно в случае обороны. Материалы же для нее заготавливались на месте,

благо дерева в то время более чем хватало.

Сам же холм вряд ли не использовался людьми и пустовал до времени основания Свяжска. Об этом косвенно может свидетельствовать его удобное во всех отношениях местоположение, а также немногочисленные археологические находки, например Тверских пулов XV в. Один из них был найден в раскопе 2 и возможно датируется 1480 г. (рис. 9).

ЛИТЕРАТУРА

Археологические исследования 2016 г.: Болгар и Свяжск / авторы-составители: Ситдилов А.Г., Валиев Р.Р., Старков А.С. Казань: «Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. 40 с.

Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Книга 20. 1541–1551 гг. М.: ООО «Фирма АКТЕОН», 2014. 562 с.

Информация об авторах:

Губайдуллин Айрат Маратович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Россия); airg_g@mail.ru

Хамзин Радион Наилевич, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Россия); khrn80@yandex.ru

REFERENCES

Sitdikov, A. G., Valiev, R. R., Starkov, A. S. (comp.). 2017. *Arkheologicheskie issledovaniia 2016 g.: Bolgar i Sviiazhska (Archaeological Studies in 2016: Bolgar and Sviyazhsk)*. Kazan: “Kazanskaia nedvizhimost” Publ. (in Russian).

2014. *Licevoi letopisnyi svod XVI veka. Russkaia letopisnaia istoriia. Kniga 20. 1541–1551 gg. (The Illustrated Chronicle of the 16th century. Russian Chronicle History. Book 20. 1541-1551.)*. Moscow: “Firma AKTEON” (in Russian).

About the Authors:

Gubaidullin Airat M. Doctor of Historical Sciences, chief researcher, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

Khamzin Radion N. Research associate, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; khrn80@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2020 г.
Статья принята к публикации 01.09.2020 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

Рис. 1. Расположение острова–града Свияжск.
Fig.1. Location of the Island Town of Sviyazhsk.

Рис. 2. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в. С. 472.
Fig. 2. Miniature painting from the Illuminated Compiled Chronicle of the 16th century. P. 472.

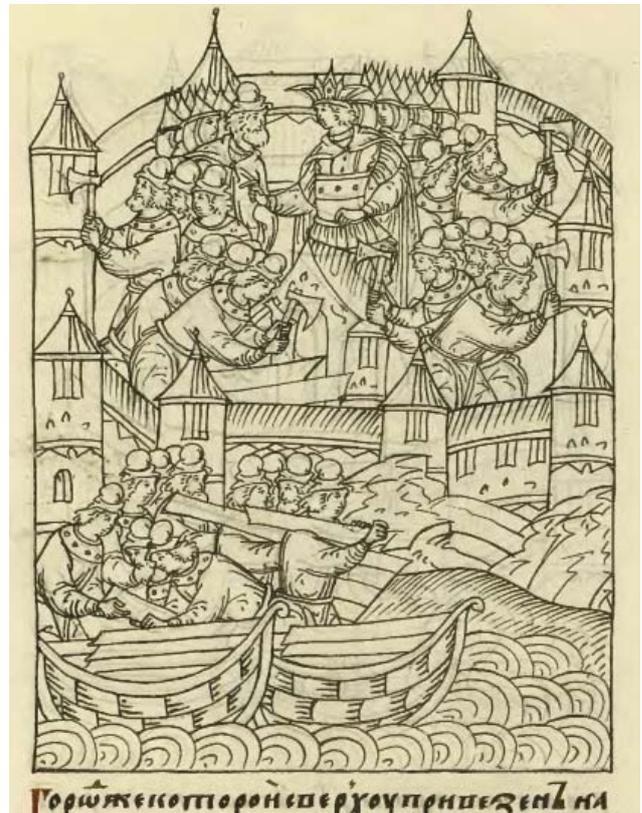

Рис. 3. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в. С. 475.
Fig. 3. Miniature painting from the Illuminated Compiled Chronicle of the 16th century. P. 475.

Рис. 4. План Свияжска с раскопами.
Fig.4. Plan of Sviyazhsk with excavations.

Рис. 5. Остатки тыновой ограды в северо-западной части Свияжска. Раскоп 2. Вид с северо-востока.
Fig.5. Remains of a lath fence in the north-western part of Sviyazhsk. Excavation 2. View from the north-east.

Рис. 6. Остатки тыновой ограды в северо-западной части Свияжска. Раскоп 3. Вид с юго-запада.
Fig.6. Remains of a lath fence in the north-western part of Sviyazhsk. Excavation 3. View from the south-west.

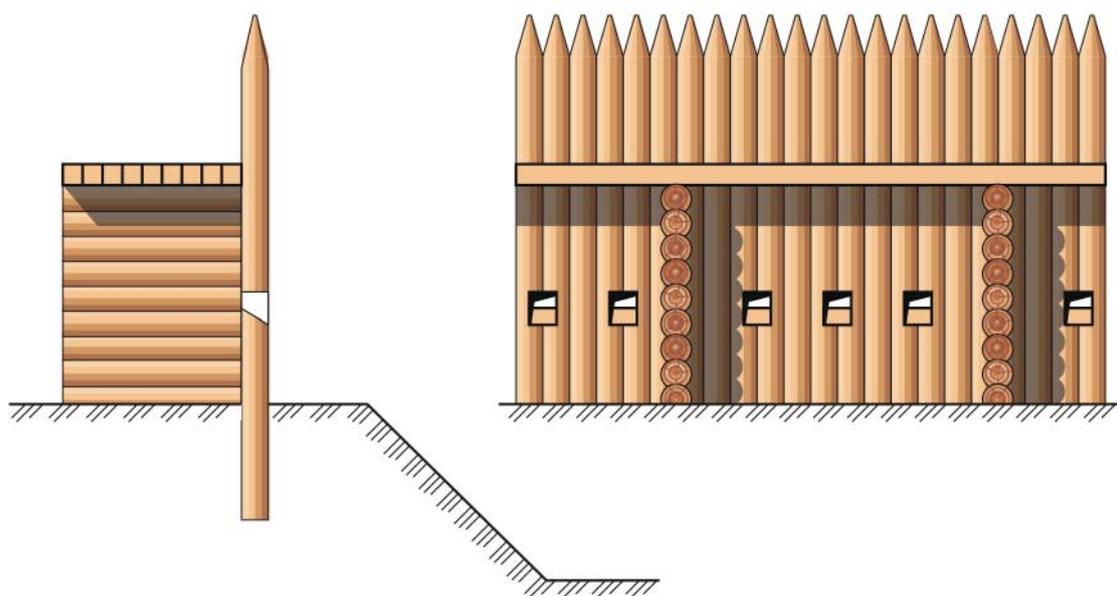

Рис. 7 Тыновая ограда.
Fig.7. Lath fence.

Рис. 8. Остатки тыновой ограды в юго-восточной части Свяжска.

Вид с юго-запада.

Fig.8. Remains of a lath fence in the southeastern part of Sviyazhsk. View from the south-west.

Рис. 9. Тверской пул XV в.

Fig. 9. Tverskoy pul, 15th c.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2020.6.418.461>

ВВЕДЕНИЕ В ОСМАНСКУЮ АРХЕОЛОГИЮ КРЫМА. О ПРЕДМЕРЕ НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ И ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

©2020 г. В.Е. Науменко

В статье рассматривается теоритический и источниковедческих блок вопросов, связанный с османской археологией Крыма, как особой научной дисциплины, изучающей материальные древности османского периода в его истории (около 1475-1783 гг.). Анализируется предмет исследований и содержание термина «османская археология», его соотношения с другими близкими, но не идентичными, понятиями в археологической науке. Реконструируются основные этапы археологических исследований памятников конца XV-XVIII вв. в регионе. В работе представлен обзор основных направлений современной «османской археологии» Крыма, начиная с 90-х гг. XX в. Делается вывод о том, что за последние десятилетия наибольший прогресс достигнут при изучении археологии османских крепостей на территории Крыма и столицы Крымского ханства – города Бахчисарая, а также в области археологического вещевода, особенно применительно к структуре керамического комплекса этого времени.

Ключевые слова: Османская империя, Крымское ханство, эйялет Кефе, османская археология, археология крепостей, городов, поселений и некрополей, архитектурная археология, археология полей военных сражений, археологическое вещевода.

INTRODUCTION TO THE OTTOMAN ARCHAEOLOGY OF THE CRIMEA. ON THE SUBJECT OF THE SCIENTIFIC DISCIPLINE AND THE MAIN DIRECTIONS OF MODERN RESEARCH

V.E. Naumenko

The article deals with the theoretical and source-related block of issues related to the Ottoman archaeology of the Crimea, as a special scientific discipline that studies the material antiquities of the Ottoman period in its history (about 1475–1783). The subject of research and the content of the term "Ottoman archaeology" and its relationship with other similar, but not identical, concepts in archaeological science are analyzed. The main stages of archaeological research of monuments of the late XV-XVIII centuries in the region are reconstructed. The paper presents an overview of the main directions of modern ottoman archaeology of the Crimea, starting from the 90s of the XX century. It is concluded that in recent decades, the greatest progress has been made in the study of the archaeology of Ottoman fortresses in the Crimea and the capital of the Crimean Khanate – the city of Bakhchisaray, as well as in the field of archaeological material science, especially in relation to the structure of the ceramic complex of this time.

Keywords: Ottoman empire, Crimean Khanate, eyalet Kefe, Ottoman archaeology, archaeology of fortresses, cities, settlements and necropolises; architectural archaeology, archaeology of military battlefields, archaeological material science.

Археология Крыма периода 1475–1783 гг., границы которого определяются османским завоеванием полуострова в конце XV в. и включением его в состав Российской империи в конце XVIII в., все еще остается на стадии формирования собственной источниковой базы и осмысления предмета и основных направлений исследований. Для историографии по-прежнему характерны терминологическое разнообразие при обозначении данного исторического этапа в археологической периодизации региона, недостаточ-

ная разработанность понятийного аппарата для атрибуции основных категорий памятников и массового археологического материала, отсутствие очерка истории изучения и анализа особенностей археологических объектов для конца XV–XVIII вв., их археологической карты и программы целенаправленного изучения. В связи с этим мы рассматриваем свою работу как своеобразное введение в современную археологию данного периода в истории полуострова. Она включает анализ правомерности

использования термина «османская археология» применительно к Крыму, историю археологического изучения памятников Крымского ханства и Османской империи на территории полуострова и общий анализ особенностей и перспектив данного направления крымской археологии на современном этапе.

О термине «османская археология» в Крыму

Как уже отмечено, в историографии при публикации археологических материалов конца XV-XVIII вв. из раскопок памятников Крыма либо в процессе их анализа присутствует терминологическое разнообразие для обозначения данного периода в истории полуострова. Наряду с вполне ясными понятиями – «*археология османского периода в истории Крыма*» или «*позднесредневековая археология*» встречаются и менее однозначные определения – «*турецкая археология*», «*мусульманская археология*» (о содержании термина: Ситдигов, Измайлов, 2016) или «*археология Крымского ханства*». Как нам представляется, используемый в настоящей работе термин «османская археология», по своему содержанию, превосходит все перечисленные терминологические эквиваленты качественно, хотя и требует некоторого объяснения.

«*Османская археология*» как отдельное направление археологической науки сложилось относительно недавно, в 80-90-х гг. XX в., хотя ему предшествует длительный период изучения отдельных памятников исламской архитектуры и искусства на территории Европы, Северной Африки и Ближнего Востока. Она представляется областью археологии, всесторонне изучающей историю и культуру Османской империи на основе, главным образом, сохранившихся материальных источников. Помимо традиционных объектов исследований – памятников религиозного культа и художественной культуры Ислама, «османская археология» сейчас изучает и все другие возможные виды археологических памятников и вещественных источников, без акцента на их конфессиональную и этнокультурную принадлежность – города, сельские поселения, некрополи, отдельные фортификационные и гидротехнические сооружения, поля военных сражений, массовый археологический материал.

К числу важнейших особенностей «османской археологии» относятся: глобальный характер экономики и торговли Османской

империи, индикаторами которой, в том числе и на уровне быта самых отдаленных провинций османского мира, являются регулярные находки в культурном слое археологических памятников предметов церемонии кофепития и табакокурения и повсеместное распространение османского фаянса и китайского фарфора (селадона); тесная связь археологических исследований с многочисленными для этого времени данными нарративных источников, результатом которой является потенциально узкая хронология культурных напластований и их определенная атрибуция историческим событиям эпохи; широкое использование материалов этнографии, прежде всего, архаичных элементов культуры Нового времени современных народов, прежде входивших в состав Османской империи, особенно на этапе интерпретации и реконструкции фрагментарных археологических источников (Baran, Carroll, 2002; Laszlovszky, Rasson, 2003).

Для изучения истории Европы, и шире всего Средиземноморского региона, «османская археология» ныне рассматривается как неотъемлемый компонент ряда более крупных направлений археологической науки:

- «*средневековой археологии*», изучая материальные древности завершающего этапа эпохи средневековья, начиная с конца XV в. и до середины XVII в., а для отдельных регионов – вплоть до конца XVIII в. Следует отметить, что, помимо устоявшегося в отечественной науке термина «позднесредневековая археология», для обозначения этого исторического периода в европейской и американской историографии используется и другое понятие – «*постсредневековая (постмедиальная) археология*» (реже – «*археология Раннего Нового времени*»), особенно применительно к истории стран Западной и Центральной Европы в 1450–1750-е гг. (Bintliff, 2008);

- «*исторической археологии*», то есть археологии письменного периода в истории человечества или, что точнее, ее отдельных исторических периодов, связанных с крупнейшими мировыми империями, например, «римская археология», «византийская археология», «золотоордынская археология» и пр. (о ее предмете и методе см.: Lees, Burke, Orser, 2008);

- «*исламской археологии*», которая ныне изучает не столько архитектурные памятники и материальные предметы, связанные с исламским культом, сколько всю материальную историю регионов Европы, Африки и

Азии периода доминирования здесь исламских политических образований и государств (Insoll, 1998, p. 1-25; Northedge, 1999).

Перечисленные составляющие «османской археологии», безусловно, свидетельствуют об оптимальности использования именно этого термина по отношению к Крыму при изучении его материальной культуры для конца XV–XVIII вв. Весь полуостров в данный исторический период был частью османского мира, независимо от того, какая из его областей находилась под контролем администрации Османской империи или управлялась Крымским ханством. Он являлся важнейшим региональным центром османского Причерноморья, где происходили процессы заимствования и переосмысления на местной почве достижений культуры и искусства Османской империи, регулярный османо-крымский товарообмен и миграции населения.

В таком историческом контексте понятие «османской археологии» применительно к истории Крыма значительно глубже терминов «турецкая археология» и «мусульманская археология», ввиду неопределенности содержания первого в современной турецкой историографии – изучение археологии Османской империи в целом (?) или все-таки деятельности ее государственных институтов в этом направлении с конца XIX в. (?) (подробнее: Çağlar, 2017), и сосредоточенности последнего, прежде всего, на исследовании материальных памятников Ислама и истории региональных исламских общин. Ему также явно уступает в географическом смысле определение «археология Крымского ханства». К тому же особенности средневековой археологической культуры крымских татар в сравнении с «османской археологией» остаются все еще не изученными, что делает выделение этого термина для обозначения самостоятельного направления археологической науки, на сегодняшний день, преждевременным.

Археологическое изучение памятников Крымского ханства и Османской империи в Крыму: основные этапы

Начальный этап научного изучения объектов «османской археологии» в Крыму связан с исследованиями памятников периода Крымского ханства на территории г. Бахчисарая в конце XIX – начале XX вв. Несмотря на свою широкую известность, они привлекли серьезное внимание лишь в связи с разрушением набережной Бахчисарайского Ханского дворца в начале лета 1892 г. и осознанием

необходимости подготовки проекта реставрации бывшей резиденции крымских ханов, находившейся к этому времени в аварийном состоянии. Разработка проекта возлагалась на Императорскую Археологическую комиссию и Таврическую Ученую Архивную комиссию. Его программу фактически сформулировал Н.П. Кондаков, возглавивший специально созданную Научно-художественную комиссию: восстановление объектов, составляющих ныне историческое (средневековое) ядро Ханского дворца – портала «Демир-Капу», Зала Дивана, Летней беседки, «Фонтана слез» и «Золотого фонтана» в Фонтанном двореке, «Золотого кабинета», Малой и Большой дворцовых мечетей, медресе, дюрбе, включая их оригинальные интерьеры и росписи, и обязательность предшествующих реставрации и ремонтам археологических работ (Кондаков, 1899; об этом проекте см. также: Науменко, Герцен, Ганцев, 2020, с. 107–111).

Однако, первые раскопки позднесредневековых памятников Бахчисарая были проведены на территории заброшенного мусульманского кладбища в ущелье Ханлы-дере. В течение 1898–1899 гг. здесь были исследованы три мавзолея-дюрбе, датированных, на основании погребального обряда и монет хана Селим-Гирея (без уточнения их хронологии), периодом Крымского ханства (рис. 1) (Кирилко, 2009, с. 439–442). Из-за полной утраты дюрбе к настоящему времени уточнить их датировку, как и точное местонахождение объектов раскопок, сейчас уже не представляется возможным. Отметим в этой связи лишь недавнюю публикацию фрагментов узорной бархатной ткани XV–XVI вв. османского происхождения из одного из мавзолеев, раскопанных в Ханлы-дере в 1899 г. (Теплякова, 2016).

На территории *Бахчисарайского Ханского дворца* первые археологические исследования были проведены В.А. Фоминым несколько позднее, в 1902–1903 гг., в ходе разработки уже упомянутого проекта его реставрации. Места этих раскопок восстанавливаются на основании архивных материалов – в воротном проеме Главного корпуса, перед «Порталом Алевиза», в Фонтанном двореке, помещении «Казнохранилища», Зале Дивана, Бассейном и Персидском двореках, но материалы исследований, к сожалению, не сохранились (Науменко, Герцен, Ганцев, 2020, с. 111).

Несмотря на скромные результаты раскопок 1898–1899 и 1902–1903 гг., археологиче-

ские памятники Бахчисарая с этого времени по праву входят в число наиболее важных для изучения материальной культуры Крымского полуострова в османский период его истории. Их основной перечень приведен уже в небольшой заметке У. Боданинского (Боданинский, 1917). За пределами Бахчисарая интерес к материальным древностям конца XV–XVIII вв. в это время оставался незначительным.

Качественно новый этап исследований памятников «османской археологии» на полуострове приходится на период 1924–1929 гг., когда во многом благодаря усилиям того же У.А. Боданинского была создана и вела активную деятельность комплексная экспедиция по изучению материальных древностей Крыма, связанных с историей и культурой крымских татар (о хронологии этих исследований см.: Боданинский, 1930; МИРАС-НАСЛЕДИЕ, 2016, т. 1, с. 22-53). Участие в этом проекте известных историков-востоковедов, археологов, архитекторов – И.Н. Бороздина, А.С. Башкирова, Н.Л. Эрнста, П.И. Голландского, Б.Н. Засыпкина и О.Н. Акчокраклы, обеспечило ему высокий научный уровень при проведении полевых исследований и анализе полученных результатов.

Собственно археологическая часть проекта 1924-1929 гг. была связана с раскопками двух крупных средневековых городищ Крыма – *Солхата* (г. Старый Крым) и *на плато Чуфут-Кале* в восточной части г. Бахчисарая. Если в Солхате они оказались сосредоточенными на изучении ключевых архитектурно-археологических комплексов золотоордынского времени в истории городища (караван-сарая и медресе вблизи «мечети Узбека»), то на Чуфут-Кале в 1928-1929 гг. была полностью открыта центральная мечеть крепости (Боданинский, Засыпкин, 1929), построенная, как сейчас считается, в 1454–1455 гг. ханом Хаджи-Гиреем (1441–1466). Археолого-топографические исследования впервые проведены также на ряде памятников периода Золотой Орды и Крымского ханства в г. Бахчисарае – на территории *поселения Эски-Юрт* и в *местности Азиз* в 1924 г. (Боданинский, 1927, с. 199-200; МИРАС-НАСЛЕДИЕ, 2016, т. 1, с. 27), *загороднего ханского дворца в Ашлама-дере* в 1928 г. (Боданинский, 1930, с. 9; МИРАС-НАСЛЕДИЕ, 2016, т. 1, с. 48) и *азиза Газы-Мансур* в балке Марьям-дере в 1927–1929 гг. (Акчокраклы, 1928, с. 170-172; 1929, с. 184, 186).

Несмотря на качественную фото- и графическую фиксацию выявленных в ходе раскопок объектов, методика исследований оставляла желать лучшего, полностью соответствуя требованиям своего времени. В изданных материалах практически не уделено внимания стратиграфии памятников и обнаруженному массовому археологическому материалу; все датировки обоснованы данными эпиграфики и архитектурными аналогиями. Этого, на сегодняшний день, явно недостаточно для установления точной хронологии и периодизации перечисленных археологических объектов. Пожалуй, среди всех научных работ, опубликованных по итогам проекта 1924–1929 гг., наибольшую актуальность сохраняет до настоящего времени лишь статья Б.Н. Засыпкина, первое обобщающее исследование, посвященное мусульманским архитектурным памятникам XIV–XVIII вв. на полуострове и написанное, к тому же, на материалах собственных натурных обследований автора 1926-1927 гг. (Засыпкин, 1927).

Тем не менее, трудно переоценить значение археологических и архитектурно-археологических исследований 1924–1929 гг. для современной «османской археологии» в Крыму. Они, по сути, сформировали необходимую методологию будущих работ в этом направлении, определив основной круг и разновидности археологических памятников и показав на практике необходимость междисциплинарного характера их изучения.

Следующий этап изучения памятников «османской археологии» на территории полуострова – 50-80-е гг. XX в., может быть определен как период накопления археологического материала и знаний. С учетом уже более совершенной методики ведения полевых работ на археологических памятниках, потребовавшей от исследователей изучения и фиксации всех выявленных культурных горизонтов и строительных ярусов, их основным источником становятся результаты систематических раскопок многослойных археологических объектов (городищ, крепостей) Крыма, силами крупных научных экспедиций – Мангупской (с 1967 г.), Судакской (1977–2000 гг.), Солхатской (с 1978 г.), Алустанской (1981, 1984-1995, 1998 гг.), Партенитской (1985-1988 гг.), Чуфут-Кальской (1987–1989 гг.). Главным, но объективным, недостатком таких многолетних работ на памятниках является длительное формирование источниковой базы, а также медлен-

ное введение новых материалов в научный оборот. Показателем этого является практически полное отсутствие обобщающих исследований, за исключением небольшого очерка А.Л. Якобсона, посвященного материальной культуре Крыма XVI–XVIII вв. и основанного, как и прежде, на обзоре известных архитектурных памятников Бахчисарая (Якобсон, 1964, с. 141–148).

Другим источником формирования сведений о материальной культуре Крыма в османский период его истории оставались археологические раскопки памятников этого времени в рамках подготовки научной документации для их реставрации либо в ходе благоустроительных работ в исторической части городов полуострова. Их качество во многом зависело от условий охранных исследований и степени вовлеченности специалистов-археологов в разработку реставрационных проектов.

Примерами таких работ являются, прежде всего, археологические исследования на месте *османской крепости в Керчи*, в ходе реконструкции центральной площади Ленина (бывшая Предтеченская площадь) и расположенной здесь церкви св. Иоанна Предтечи в 60–80-е гг. XX в. (раскопки И.Б. Зеест и А.Л. Якобсона в 1963–1964 гг., Т.И. Макаровой в 1970–1971 гг. и В.Н. Холодкова в 1988 г.), ограниченные по площади и оставшиеся не изданными (Науменко, Пономарев, 2018, с. 354–355). Крайне низким методическим уровнем характеризуются раскопки Бахчисарайского Ханского дворца, проводившихся Е.И. Лопушинской в 1960–1962 гг. и А.Б. Авагяном в 1985–1986 гг. в рамках подготовки проекта реставрации памятника (Науменко, Герцен, Ганцев, 2020, с. 111). Пожалуй, лишь раскопки 1988 г. на месте *Арабатской крепости*, в ходе которых были частично исследованы морские ворота, пороховой погреб, мечеть, хамам крепости и уточнена ее историческая периодизация, могут быть оценены как по-настоящему удачные (Герцен, Колтухов, 2009, с. 149–156).

Современный период «османской археологии» в Крыму начинается в начале 90-х гг. XX в. Среди рубежных научных исследований, определивших его проблематику и методологию, необходимо, прежде всего, отметить публикации И.В. Волковым и Дж. Хэйсом в 1992 г. классифицированных керамических комплексов османского периода из раскопок *крепости Азак и квартала Сарачхане в Стамбуле*, которые содер-

жали основные группы реперных находок XV–XVIII в. (бытовой глазурованной и неглазурованной керамики, изделий из фаянса и селадона, курительные трубки), характерные для культурных горизонтов этого времени на памятниках всего Причерноморья и Восточного Средиземноморья (Волков, 1992, с. 14–19, табл. 3; Hayes, 1992, р. 233–395). Эти работы, наряду с вышедшим позднее керамическим гидом-определителем И. Врум (Vroom, 2005, р. 140–177), сохраняют свое значение вплоть до настоящего времени, особенно в процессе практической обработки массового археологического материала. Почти одновременно издаются две монографии, посвященные истории Мангупа и Чуфут-Кале, двух крупнейших крепостей османского Крыма, основанные на результатах их археологического изучения (Герцен, 1990; Герцен, Могаричев, 1993).

Финальным этапом становления османских исследований в археологии на полуострове стало проведение в 1998 г. в г. Ялта Международной научной конференции «Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.». На ней впервые предметно обсуждались вопросы атрибуции и хронологии наиболее важных керамических индикаторов археологических комплексов османского времени. Итоги этих дискуссий опубликованы в сборнике материалов конференции (Герцен, Науменко, 2005; Тесленко, 2005; Коваль, Волошинов, 2005).

К началу 2000-х гг. процесс актуализации «османской археологии» в Крыму окончательно завершился. Об этом свидетельствует резко возросшее число раскопок памятников османского периода в истории полуострова (об этом ниже). Еще одним фактором, позволяющим рассматривать данное направление археологической науки как уже сложившееся, является ряд успешных диссертационных проектов по этой проблематике, основанных, в том числе, на результатах самостоятельных археологических исследований их авторов (Бочаров, 2000; ряд диссертаций опубликованы в виде научных монографий: Руев, 2014; Ибрагимова, 2015; Белик, 2016).

Современная «османская археология» в Крыму: основные направления исследований

Наш анализ подводит итоги основных направлений археологических исследований в области «османской археологии» на полуострове за последние десятилетия.

Он включает обзоры наиболее важных опубликованных работ, посвященных исторической топографии и материальной культуре городов и крепостей Крыма конца XV–XVIII вв., археологии поселений, некрополей и «полей военных сражений», а также архитектурно-археологическим и вещеведческим исследованиям на памятниках этого времени (рис. 2).

Историческая топография крепостей Османской империи и городов Крымского ханства на Крымском полуострове. Данное направление «османской археологии» в Крыму пока еще имеет историко-археологический характер. Реконструкция размеров, планировки и архитектурно-топографических доминант городов и крепостей Крыма, входивших с 1475 г. в состав санджака Кефе Османской империи, повышенного в 1568 г. до статуса одноименного эйялета, либо расположенных на территории Крымского ханства, основана, главным образом, на имеющихся сведениях письменных и картографических источников, с редкой информацией о результатах раскопок отдельных археологических объектов.

На сегодняшний день, такого рода исследования выполнены для большинства османских крепостей на территории Крымского полуострова – Кефе (Бочаров, 2000, с. 6-7, 14-19; Бочаров, 2016а), Мангупа (Бочаров, 2008; Герцен, Науменко, 2019, с. 124-134, 160-162), Судака (Майко, Джанов, 2016), Балаклавы (рис. 3) (Бочаров, 2019), Керчи (Бочаров, 2005; Науменко, Пономарев, 2018), Ени-Кале и Арабата (Герцен, Колтухов, 2009; Белик, 2016, с. 57-107). Единственным исключением остается крепость Инкерман.

Историческая топография городов Крымского ханства, в основном, для периода XVII–XVIII вв., восстанавливается для Бахчисарая (Бочаров, Сейтумеров, 2017), Ак-Мечети (рис. 4) (Бочаров, 2015) и в самом общем виде для Кырк-Ера (Чуфут-Кале) (Герцен, Могаричев, 2016а, с. 30-34, 189-240) и Гезлева (Кутайсов, Кутайсова, 2007, с. 42-60). Сведения о других региональных городских центрах, находившихся под юрисдикцией крымских ханов – Карасубазаре, Эски-Крыме (Старом Крыме) и Ор-Капу (Перекопская крепость), по-прежнему не систематизированы.

Из изучения исторической топографии крепостей и городов Крыма конца XV–XVIII вв. следует ряд важных заключений общего характера:

- Для большинства крепостей Османской империи на территории полуострова, за исключением слабо исследованного Инкермана и построенных в начале XVIII в. Арабата и Ени-Кале, характерна топографическая преемственность с существовавшими ранее на их месте планиграфическими структурами. Она выражается, прежде всего, в сохранении конфигурации линий оборонительных стен XIV–XV в. и общей композиции крепостей: цитадель – основная (внешняя) линия обороны – неукрепленное предместье. Новые фортификационные элементы – валганги, гласисы, значительное утолщение стен и др., отражают принципы военного дела эпохи, связанной с широким применением огнестрельного оружия;

- Несмотря на различное происхождение городов и крепостей Крыма, для них характерен иррегулярный тип внутрикрепостной (внутригородской) застройки, основными элементами которой становятся замкнутые жилые кварталы (махалле), разветвленная сеть центральных улиц и переулков и новые архитектурно-топографические доминанты – мечети, медресе, караван-сарай, рыночные площади и др. На свободных пространствах городской территории или на ее окраинах функционировали некрополи. Прямой преемственности между застройкой XVI–XVIII вв. и более раннего времени не было, даже если речь идет об османских крепостях Южного и Восточного Крыма. Позднесредневековые строительные ярусы возводились поверх прежней, уже руинированной застройки, с использованием последней в качестве «каменоломен» для добычи строительного материала;

- Важнейшей частью городской жизни является функционирование системы этноконфессиональных кварталов (мусульманских, христианских, иудейских и др.) на территории крупных городов и крепостей, независимо от их политико-административного подчинения.

Археология османских крепостей Крыма. Археологически крепости Османской империи на территории полуострова изучены крайне неравномерно. Исследования Ени-Кале никогда не проводились, за исключением небольших разведок 2008 г. (рис. 2: 2) (Белик, 2016, с. 14). Слабо опубликованы эпизодические раскопки на территории Каффы-Кефе (рис. 2: 5) (Айбабина, Бочаров, 1998, с. 195-199, рис. 1; 2,1–2), Керчи (рис. 2: 1)

(сведения о них систематизированы: Науменко, Пономарев, 2018, с. 353-356), Арабатской крепости (рис. 2: 3) (Герцен, Колтухов, 2009) и Инкермана (рис. 2: 7) (Веймарн, 1963; Филиппенко, 1996). Лишь для истории османского Мангупа, Балаклавы и, в какой-то степени, Судака результаты систематических археологических исследований последних десятилетий уже играют значительную роль.

Мангуп (рис. 2: 6). Среди всех османских крепостей Крыма Мангупское городище является наиболее изученным как с точки зрения систематизации нарративных источников по его истории для периода конца XV–XVIII вв. (Бочаров, 2008; Герцен, Науменко, 2019, с. 124-132, 159-164), так и в археологическом плане (рис. 5). Справедливо считается, что после завоевания османской армией в 1475 г. крепость была реконструирована (не позднее 1504 г.) и стала центром одного из кадылыков санджака Кефе. Тогда же здесь появился османский гарнизон. Одной из важных особенностей топографии Мангупа этого времени является проживание на городище в XVI – начале XVII вв. нескольких этноконфессиональных общин – мусульманской, христианской и иудейской. Статус главного форпоста Османской империи в горной части Крыма крепость сохранила до 1774 г., когда, по условиям Кучук-Кайнарджийского мира, турецкие воинские подразделения покинули полуостров.

Благодаря обширным размерам поселения конца XV–XVIII вв. на Мангупе его изучение началось уже с момента первых раскопок городища в середине XIX в. Важным этапом являются исследования оборонительной системы памятника в 1970–1980-е гг. Итоги этих работ подведены в монографии А.Г. Герцена 1990 г., в которой отмечены, в том числе, ключевые события истории и особенности фортификации Мангупского городища для периода 1475–1774 гг.: многочисленные следы осады и штурма крепости в 1475 г., особенно на северном направлении военных действий; значительный объем ремонтов и перестроек конца XV – начала XVI вв. на отдельных фортификационных узлах крепостного полигона; сохранение турками вплоть до 1774 г. композиции оборонительной системы крепости, сложившейся еще в период княжества Феодоро и состоявшей из трех укрепленных линий – Главной (Внешней), Второй (Внутренней) и цитадели на мысе Тешкли-бурун (Герцен, 1990, с. 122–123,

129, 141, 144, 147–155). Необходимо подчеркнуть, что большинство из этих заключений стали основой для дальнейших археологических исследований османского Мангупа. С начала 90-х гг. XX в. такие раскопки приобрели систематический характер и затронули практически все известные архитектурно-топографические доминанты городища для XVI–XVIII вв.

Изучение системы обороны Мангупского городища в османский период его истории остается традиционным направлением археологического изучения памятника и в последние десятилетия. Благодаря разведкам и раскопкам периода 1997–2013 гг. установлены новые подробности событий 1475 г. Выяснено, что, помимо северного направления штурма Мангупа, театр боевых действий включал также попытки осаждавших прорвать южную линию обороны крепости, в районе укрепления А.XVII. Исследованиями зафиксированы неизвестные ранее объекты османской военно-полевой фортификации – артиллерийских позиций в балке Гамам-дере и на холме Мазар-тепе, боевых площадок для штурмовых групп в балке Гамам-дере; выдвинута гипотеза о расположении полевого лагеря османской армии на месте д. Адым-Чокрак; систематизированы данные об основных видах османского наступательного вооружения (пушечных ядрах, наконечниках стрел, пулях от ручного огнестрельного оружия) (Герцен, 2001; Герцен, Руев, 2008; Руев, 2014, с. 34-56, 187-262).

Другим направлением исследований является изучение исторической топографии Мангупа XVI-XVIII вв. посредством раскопок основных архитектурно-археологических комплексов этого времени.

Для изучения материальной культуры Мангупа периода XVI – начала XVII вв., когда крепость функционировала в своих максимальных размерах, эталонным археологическим объектом является участок застройки у тыльной стороны Мангупской цитадели, где в 1970-1971 и 1990-2005 гг. на площади раскопа около 2 тыс. кв. м открыты 11 каменных жилых зданий (рис. 6). Иррегулярная планировка этого квартала, с различной ориентацией сооружений, отличается высокой степенью плотности. Отсутствуют какие-либо примеры преемственности этой застройки с предшествующим ей кварталом XV в. Из материалов исследований опубликованы результаты раскопок октагонального

храма, перестроенного в османское время в мусульманскую мечеть (Герцен, Науменко, 2010), участка строительных сбросов на склонах мыса Тешкли-бурун (Герцен, Землякова, Науменко, Смокотина, 2006, с. 374-392), а также показательные находки глазурованной керамики (Герцен, Науменко, 2005, с. 263-264, рис. 18-23), свинцовых пуль и пулелеек (Герцен, Руев, 2008, с. 393-394, 398-399, рис. 13-15).

Жилому кварталу у тыльной стороны Мангупской цитадели синхронны по времени функционирования два наиболее поздних христианских храма в восточной части городища – церкви св. Константина и св. Георгия, которые продолжали использоваться как квартальные храмы местной христианской общины вплоть до конца XVI – начала XVII вв. (Герцен, Науменко, 2015б; Герцен, Науменко, 2017а, с. 56-108; Герцен, Науменко, 2018). Скорее всего, в правление султана Баязида II (1481-1512) на эспланаде цитадели построена до сих пор еще археологически не исследованная Главная (Джами; Samii-i Şerif) мечеть крепости. Она известна по данным письменных источников и хорошо локализована на местности (Герцен, Науменко, 2019, с. 160). Не позднее второй половины XVI в. в западной части городища, где уже сформировался иудейский (раббанитско-караимский) жилой квартал, сооружается здание синагоги-кенаксы (Герцен, Науменко, 2017б, с. 23). Судя по нумизматическому комплексу находок из раскопок Мангупского дворца 1425–1475 гг., возведенный на его руинах участок османской застройки наиболее активно функционировал именно в период конца XV – начала XVII вв. (Душенко, 2020, с. 95-96).

С начала XVII в. общая интенсивность жизни поселения на Мангупе постепенно снижается: в связи с резким сокращением численности греко-православной общины забрасываются церкви св. Константина и св. Георгия; немногочисленны сооружения и находки XVII-XVIII вв. на территории цитадели и дворца (Герцен, Науменко, 2015а, с. 96; Герцен, Науменко, Душенко, 2018, с. 57-58); функционируют лишь участки застройки в верховьях балок Гамам-дере и Табана-дере, где проживают соответственно мусульманская и караимская общины крепости. Наиболее показательные комплексы второй половины XVII – начала XVIII вв. выявлены в ходе раскопок жилого квартала в районе церкви св. Константина (Герцен, Иванова, Наумен-

ко, Смокотина, 2007) и на месте «городской свалки» вблизи синагоги-кенаксы (Герцен, Науменко, 2015а, с. 96).

Особым направлением исследований позднесредневекового Мангупа является археолого-эпиграфическое изучение караимского некрополя в балке Табана-дере. Современные раскопки памятника проводились в 1985-1986 и 1991 гг. Они показали поздний характер его появления – не ранее середины XV в., и использование ущелья Табана-дере в более раннее время исключительно в качестве сельскохозяйственной территории Мангупского городища (Герцен, 2003, с. 72-73). В 1990-2010 гг. могильник был подвергнут детальному эпиграфическому обследованию. На сегодняшний день общее количество выявленных надгробий караимского кладбища в Табана-дере составляет 1008 единиц, эпиграфический корпус – 228 надписи с общей датой в пределах 40-х гг. XV – 70-х гг. XVIII вв. Этот период, очевидно, соотносится со временем существования некрополя (Кашовская, 2017).

Судак (рис. 2: 4). Несмотря на многолетние исследования, общие представления о памятнике как одном из центров османского присутствия на Крымском полуострове по данным археологии, остаются крайне противоречивыми. Прежде всего, данное заключение имеет отношение к Судакской крепости, где располагался османский гарнизон в конце XV–XVIII вв. Многие высказанные в историографии положения о характере ее оборонительной системы и внутрикрепостной застройки в это время – об отсутствии следов штурма 1475 г. (Руев, 2014, с. 175-179), слабости крепостных сооружений или об использовании жилых зданий XIV-XV вв. обитателями крепости в последующие столетия (Майко, Джанов, 2016, с. 16-18), рассматриваются нами лишь в качестве гипотезы, правомерность которой можно проверить только в ходе будущих раскопок.

По результатам исследований Судакской крепости, обоснованным представляется вывод о сохранении после 1475 г. Османской империей общей композиции и планировки генуэзской системы фортификационных укреплений. Предложенная в свое время И.А. Барановым датировка возведения барбакана крепости не ранее XVII в. ныне пересмотрена в пользу 1469 г., на основе зафиксированной здесь стратиграфической ситуации и закладной плиты с именем консула Барнардо ди Амико (Майко, Джанов, 2015, с. 311–312;

ср.: Баранов, 1988, с. 90-96). Жилая застройка османского времени выявлена на различных участках крепостного полигона – на территории цитадели, у тыльной стороны куртины XV (Майко, Джанов, 2015, с. 286, 320, рис. 152; 196; 197,1-3) и на месте центрального городского квартала, вблизи католического храма «Девы Марии (Тур, 2008, с. 353-355). Археологически локализованы две важные архитектурно-топографические доминанты крепости этого времени – мечеть Падеша-Джами (Джанов, 2005) и мечеть Хаджи-бея (Майко, Джанов, 2016, с. 33-40). К сожалению, для всех перечисленных памятников характерна общая проблема – отсутствие полной публикации результатов исследований, в том числе рисунков и статических таблиц массового археологического материала (находок керамики, изделий из металла и пр.); изданы лишь отдельные планы, архитектурные и стратиграфические разрезы открытых сооружений.

Совершенно иная ситуация складывается в ходе археологического изучения предместья Судакской крепости, особенно для кварталов в портовой части городища. Здесь, начиная с 2006 г., на площади раскопок VI, VII и VIII выявлена серия каменных построек османского периода, датированных в пределах конца XV – начала XVII вв. (Майко, Джанов, 2015, с. 234-237, рис. 108, 119-12). Материалы исследований свидетельствуют об общей преемственности яруса застройки с планировкой предшествующих строений средневизантийского и генуэзского времени. Археологические комплексы из заполнения зданий, а также из так называемого городского «зольника», дают достаточно полное представление о материальной культуре, быте и торговых связях населения османского Судака (Алядинова, 2012; Алядинова, Тесленко, Майко, 2015; Тесленко, Майко, 2020).

Балаклава (рис. 2: 8). Для изучения истории крепости периода 1475–1771 гг. археологические исследования, которые ведутся систематически с конца 90-х гг. XX в., сейчас уже имеют первостепенное значение. Их промежуточные результаты изданы в виде обзорных статей либо сокращенных вариантов научных отчетов об этих раскопках (Адаксина, Мыц, Ушаков, 2012; Адаксина, Мыц, 2017; Дьячков, 2019). Качество выполненных работ не вызывает особых сомнений. Необходимы лишь подробные публикации отдельных археологических комплексов и массового вещественного материала для проведения

более детального анализа материальной культуры памятника. В связи с этим акцентируем внимание лишь на некоторых общих выводах применительно к истории османской Балаклавы, которые основываются на данных ее современных археологических исследований.

Прежде всего, установлен факт наличия штурма крепости во время военной кампании 1475 г., о чем свидетельствуют следы пожара этого времени, выявленные в ходе раскопок так называемой башни «Барнабо Грилло» (№1) (Мыц, 2009, с. 479-480), помещений №№2 и 3 многокамерного жилого здания к западу от армянской церкви с притвором (храма №5) (Адаксина, Алексеенко, Гинькут, Мыц, 2018, с. 10-23, 41) и вблизи башни №8 Консульского замка на нижней вершине г. Кастрон, где в 2007 г. раскопана сожженная площадка для камнеметного орудия типа «требюше» (Дьячков, 2019, с. 784-786). Несмотря на локальный характер данных археологических комплексов, они в целом свидетельствуют об оказанном генуэзским гарнизоном ожесточенном сопротивлении османской армии, что осталось не известным письменным источникам.

Другим объективным заключением, следующим из материалов раскопок, является вывод об использовании османским гарнизоном фортификационных сооружений 1420–1470-х гг. вплоть до конца XVIII в. (Адаксина, Мыц, 2017, с. 131). Конечно, это наблюдение не исключает ремонтов и перестроек отдельных оборонительных узлов на протяжении указанного периода времени. К примеру, как фортификационный комплекс перестал функционировать уже упоминавшийся Консульский замок, где на месте башни №8 и вокруг нее возводятся новые жилые и хозяйственные сооружения (Дьячков, 2019, с. 779-784, рис. 8-12). Только лишь как арсенал для хранения военной амуниции и цистерна используется башня №5 у подножия замка св. Николая (Адаксина, Алексеенко, Гинькут, Мыц, 2018, с. 24-39, 41-43; Алексеенко, Дьячков, Неделькин, Ступко, 2019, с. 39-40). В первой трети XVIII в., в связи с ростом военной угрозы со стороны Российской империи, внутри барбакана башни «Барнабо Грилло» появляется валганг, предназначенный для пушечной батареи (Мыц, 2009, с. 479; Адаксина, Мыц, 2017, с. 131, 139).

Наконец, проведенные археологические исследования, безусловно, свидетельствуют о сохранении, по крайней мере, до середины

XVII в., плотной, террасного типа, внутри-крепостной застройки османской Балаклавы, архитектурно-топографическими доминантами которой, в том числе, продолжали оставаться христианские храмы. К числу таковых следует отнести так называемую «консульскую церковь» на территории одноименного замка в западной части крепости, восстановленную после событий 1475 г. (Дьячков, 2019, с. 774-777). Еще одним неординарным храмом османского периода является раскопанная в 2014-2015 гг. армянская церковь с гавитом в центральной части городища, которая функционировала до конца XVIII в. (Адаксина, Мыц, 2016, с. 7-26; Бочаров, 2019, с. 322).

Археология городов Крымского ханства.

Данное направление «османской археологии» в Крыму остается, прежде всего, археологией столицы Крымского ханства – города Бахчисарая (рис. 2: 9). Об исследованиях других городских центров региона – Гезлева, Карасубазара, Ак-Мечети, Ор-Капу, Эски-Крыма (рис. 2: 11–15), информации крайне мало. В то же время, говоря о современной археологии Бахчисарая, важно подчеркнуть, что и в данном случае речь также идет не столько о целенаправленном изучении стратиграфии и исторической планиграфии города, сколько о серии разновременных и разноплановых раскопок отдельных его памятников, имеющих разную степень изученности и опубликованности.

Бахчисарайский Ханский дворец. Особенностью археологии дворца на протяжении XX – начала XXI вв. является ее традиционно тесная связь с проектами реставрации и благоустройства территории памятника. Из-за этого раскопки практически всегда имели ограниченную площадь исследований, а их результаты долгое время оставались незначительными, что приводило к несколько искаженным представлениям о Бахчисарайском дворце как исключительно объекте архитектуры. Между тем, именно данные археологии являются решающими для реконструкции планиграфии дворца в средневековый период его истории. Одним из ключевых вопросов раскопок является решение археологическими методами проблемы точного времени строительства, как принято считать, наиболее ранних (XVI–XVII вв.) сооружений комплекса – Зала Дивана, Малой и Большой дворцовой мечетей, бани Сары-Гюзель (об истории археологического изучения дворца: Науменко, Герцен, Ганцев, 2020, с. 105–113).

Начало современного этапа археологического изучения Ханского дворца связано с масштабными раскопками А.М. Ибрагимовой в 2000–2011 г. В разные годы ею были исследованы объекты на территории Гаремного, Бассейного, Персидского дворики, вблизи Малой и Большой мечетей, бани Сары-Гюзель и дюрбе Диляры-Бикеч. Результаты работ изложены в монографии, в которой автор попытался представить собственную строительную периодизацию памятника, датируя многие из открытых сооружений периодом Крымского ханства (Ибрагимова, 2015, с. 190-217, 251-276). К сожалению, знакомство с книгой показывает необоснованность большей части представленных в ней выводов, общее низкое качество ведения раскопок и слабый уровень публикации их результатов.

Объективную стратиграфию Бахчисарайского дворца удалось выяснить лишь во время недавних раскопок памятника в 2017 г. и особенно 2018-2019 гг., проводившихся под руководством А.Г. Герцена. Последние работы выполнялись в пределах 29 археологических квадратов, заложенных вблизи зданий Главного, Библиотечного, Конюшенного, Гаремного, Свитского корпусов, Соколиной башни, Малой дворцовой мечети, в Бассейном, Гаремном, Кухонном дворики, вдоль дворцовой набережной и у оснований каменных мостов через р. Чурук-Су (Рис. 7). Таким образом, ими было охвачено около 70% современной территории дворца, за исключением его северо-восточного участка (Большой Ханской мечети, мезарлыка и бани Сары-Гюзель). Стратиграфия дворца, по итогам этих раскопок, включает культурные горизонты и археологические комплексы, сформировавшиеся во второй половине XVI – первой половине XVII вв., в конце XVII – начале XVIII вв. (до и в результате «пожара» 1736 г.), в 1740-1760-е гг. и в третьей четверти XVIII в. (до первого ремонта 1784-1787 гг.), в 1820-1830-е гг. (период «ремонт» И.Ф. Колодина и Ф.Ф. Эльсона) и во время реконструкции дворцовой набережной в 1894-1915 гг. Подтвердился факт отсутствия каких-либо поселенческих структур на месте дворца до начала его строительства ханом Сахиб-Гиреем I (1532–1551) (Науменко, Герцен, Ганцев, 2020, с. 113–116). Необходимо отметить и другой значимый результат проведенных исследований – обилие хорошо стратифицированных археологических комплексов, с узкой датой формирова-

ния и насыщенных разнообразными предметами быта XVI–XVIII вв. (рис. 8-11). Данное заключение нам представляется чрезвычайно важным с учетом общей слабой опубликованности массового археологического материала из прежних раскопок памятника (Коваль, Волошинов, 2005; Ибрагимова, 2015, с. 257-278; Гусач, Моисеев, 2017].

Эски-дюрбе и мавзолей Азиза. Городская застройка Бахчисарая позднесредневекового периода археологически практически не изучена. Датировка ряда сохранившихся мечетей «Старого» города – Тохталы-Джами, Орта-Джами, Молла-Мустафа, которые считаются в литературе ее архитектурно-топографическими доминантами (Зиливинская, 2020, с. 70), не подтверждена результатами архитектурно-археологических исследований памятников и поэтому носит исключительно гипотетический характер. Не меньше разночтений вызывает хронология и культурная атрибуция дюрбе-мавзолеев на территории Бахчисарая, расположенных в относительной близости от Ханского дворца (Эски-дюрбе и мавзолей в Ханлы-дере) и в его западной части, в местности Азиз (рис. 2, 17) (Боданинский, 1927, с. 196-200; Засыпкин, 1927, с. 116-124). Главная проблема современной дискуссии касается интерпретации результатов недавних раскопок двух, вероятно, наиболее ранних мавзолеев из этой группы – Эски-дюрбе и дюрбе Мухаммед-Шах-бея. Остальные памятники либо не сохранились (дюрбе в Ханлы-дере), либо остаются археологически не изученными.

Материалы архитектурно-археологических исследований дюрбе Мухаммед-Шах-бея в 1991 г. опубликованы В.П. Кирилко. На основании стратиграфических наблюдений и монеты крымского хана Шагин-Гирея (1777-1783) 1778 г. выпуска из «строительного горизонта» здания автор работы датирует его возведение последней четвертью XVIII в., что противоречит традиционной (золотоордынского времени; в пределах XIV – начала XV вв.) хронологии памятника в историографии (Кирилко, 2009, с. 451-464). По мнению Э.Д. Зиливинской, результаты раскопок свидетельствуют не о поздней дате сооружения комплекса, но, скорее, о его длительном, вплоть до конца XVIII в., использовании; архитектура мавзолея следует типично сельджукской традиции и не соответствует особенностям архитектуры Крымско-

го ханства (Зиливинская, 2014, с. 134-135). С этим замечанием, вероятно, следует согласиться.

В 2013 г. небольшие работы выполнены Э.И. Сейдалиевым на территории мавзолея Эски-дюрбе. В предварительной публикации сообщается о разновременности сооружения здания дюрбе и его южного «дворика» и находках XVI-XVIII вв., в том числе монеты Мехмед-Гирея III (1623-1628), из культурных напластований, связанных со строительством и функционированием культового комплекса (Науменко, Сейдалиев, Сейдалиева, 2016, с. 236). Однако, исследования памятника следует признать все-таки не завершенными.

Чуфут-Кале (рис. 2: 10). Раскопки крепости, начатые еще в 20-е гг. XX в., к сожалению, никогда не носили систематического характера. Последний период исследований относится к 1987-2004 гг., когда археологическими работами оказались затронуты многие архитектурно-топографические доминанты Чуфут-Кале – Восточная оборонительная стена (раскопки А.Г. Герцена и Ю.М. Могаричева; 1987-1988 гг.), жилая застройка в «старой» части городища (А.О. Добролюбовский; 1991 г.), укрепление Пенджере-Исар (А.В. Белый и С.В. Карлов; 2000 г.), застройка вокруг дюрбе Джанике-ханым и колодец Тик-Кую (В.В. Майко, 2001–2002 гг.), «домик смотрителя» Караимского кладбища (В.И. Баранов; 2003–2004 гг.) (Исторический атлас, 2015, с. 12). Большая часть материалов этих раскопок остается еще не известной. Полноценно опубликован лишь так называемый «Кырк-Ерский клад» длительного накопления, состоящий из 4287 медных, серебряных и золотых монет XIV-XV вв. различного происхождения (Венеция, Генуэзская Каффа, Золотая Орда, Византия, Трапезунд, Молдавия, Рязанское княжество) и обнаруженный в культурном слое вокруг колодца Тик-Кую. Датировка времени сокрытия клада справедливо определяется серединой 1470-х гг., до событий 1475 г. (Майко, 2007, с. 3-9, 181). Также изданы основные результаты раскопок у тыльной стороны Восточной оборонительной стены. Они позволили сделать вывод о сооружении стены в первой половине XVI в. и нескольких более поздних строительных периодах в ее истории (Герцен, Могаричев, 2001; Герцен, Могаричев, 2016, с. 198–218).

Салачик и памятники Марьям-дере и Ашлама-дере (рис. 2: 16). В Салачи-

ке, по крайней мере, со второй половины XV в. существовало постоянное поселение, в центральной части которого ханом Менгли-Гиреем I (1467–1515) был возведен дворцовый ансамбль, от которого сейчас сохранились так называемое «дюрбе Хаджи-Гирея» (1501 г.), Зынджырлы-медресе (1500 г.), руины мечети и хамам. Масштабные археологические исследования комплекса построек Салачика были предприняты в 2006–2010 гг. А.М. Ибрагимовой в рамках реставрационного проекта. В ходе работ полностью раскопаны здания Зынджырлы-медресе и дюрбе; исследованы до уровня пола остатки хамам. Беспрецедентным открытием стал нетронутый характер гробницы в нижней части дюрбе, в которой выявлены 18 мусульманских захоронений в гробах, принадлежащих членам ханской династии. К сожалению, опубликованы лишь результаты архитектурного и естественно-научного изучения «дюрбе Хаджи-Гирея» (Гаврилюк, Ибрагимова, 2010). Материалы археологической части проекта, в первую очередь, касающиеся Зынджырлы-медресе и хамам (планы и стратиграфические разрезы раскопов, графические и статистические таблицы вещественных находок), до сих пор не изданы и, вероятно, уже не существуют. В 2012–2013 гг. Э.И. Сейдалиев попытался восстановить стратиграфию поселения в Салачике. На глубине 1,70–2,00 м от уровня современной поверхности ему удалось выявить горизонт с мощением середины – второй половины XV в. Однако, эти раскопки также остались не завершенными (Науменко, Сейдалиев, Сейдалиева, 2016, с. 235).

Единственным археологическим объектом в ущелье Ашлама-дере к северу от Чуфут-Кальского плато являются руины загородного ханского дворца XVII–XVIII вв., открытого, как уже говорилось, У.А. Боданинским в 1928 г. В 2015–2016 гг. на месте предполагаемого дворцового комплекса проведены комплексные геофизические и археологические исследования. Составлена магнитометрическая карта памятника, дополненная раскопками наиболее перспективных с точки зрения археологии объектов на площади 34 кв. м. По мнению авторов работ, разобранный еще в конце XVIII в. дворец удалось локализовать на местности (Бочаров, Ситдигов, Бездудный, 2017).

Археологические исследования позднесредневековых памятников в балке Марьям-дере, ограничивающей с юга плато

Чуфут-Кале, известны только для периода 2006–2012 гг. В 2006 г. Т.А. Бобровским и Е.Е. Чуевой проведены спелео-археологические обследования скальных сооружений на северном склоне ущелья (Бобровский, Чуева, 2008). Небольшие раскопки на территории поселения Мариамполь в центральной части балки, осуществлены в 2009–2012 гг. В.И. Барановым и С.В. Карловым. На площади раскопа выявлена, как считают исследователи, общая стратиграфия памятника, которая включает культурные горизонты от эпохи раннего железного века и вплоть до конца XVIII в. (Баранов, Карлов, 2013).

Археология поселений. Необходимость археологических исследований многочисленных позднесредневековых сельских поселений на территории Крыма, известных по данным нарративных и картографических источников, уже неоднократно отмечалась в литературе. Их изучение должно быть ориентировано на получение объективной информации о размерах, особенностях планировки, домостроительства, хозяйственной инфраструктуры, гидротехнических сооружений таких населенных пунктов, а также занятиях местного населения. При интерпретации результатов раскопок широко могут быть использованы сведения письменных документов XVI–XVIII вв. и более поздние данные этнографии (Галенко, 2004).

Однако, на сегодняшний день, данное направление «османской археологии» на полуострове все еще находится на стадии формирования своей источниковой базы. Среди неукрепленных поселений Южного берега Крыма археологически изучалась лишь османская застройка Партенита (рис. 2: 22) (Алядинова, 2015) и отдельные строительные и хозяйственные комплексы этого времени на месте генуэзской крепости в Алуште (рис. 2: 21) (Алядинова, Тесленко, 2015). До недавнего времени археологически почти не изученными оставались сельские поселения на территории Крымского ханства, за исключением небольших разведок на территории так называемого «городища Сарымамбаш-Кермен» (рис. 2: 18) (Мыц, 2018). Лишь в ходе масштабных инфраструктурных проектов на территории Республики Крым 2015–2018 гг. раскопана серия крупных позднесредневековых поселений в восточной и юго-восточной частях полуострова: Биели, Кегенез Восточное, Су-Баш, Кош-Кую, Батальное 1, Батальное Западное и др. (рис. 2: 24–33). Однако,

результаты этих работ пока еще полноценно не опубликованы.

Архитектурная археология. Данное направление археологической науки, как известно, сосредоточено на изучении памятников монументальной архитектуры с широким применением археологических методов. На практике, как правило, речь идет об исследованиях архитектурно-археологических объектов с сохранившимися крупными объемами зданий, вплоть до их перекрытий. Применительно к «османской археологии» Крыма архитектурная археология изучает сохранившиеся на полуострове крупные фортификационные, дворцовые, общественные (караван-сарай, рынки, медресе, хамам) и религиозные (мечети, дюрбе-мавзолей, текие) комплексы. В таком случае многие из перечисленных выше исследований – раскопки Ханского дворца, дюрбе Мухаммед-Шах-бея и Хаджи-Гирея в Бахчисарае, мечети Падеша-Джами в Судаке, Арабатской крепости, церкви св. Иоанна Предтечи в Керчи, могут быть с уверенностью причислены к категории архитектурно-археологических.

Отметим еще два надежных примера архитектурной археологии для османского Крыма. Прежде всего, речь идет о работах на мечети в с. Пионерском (Эски-Сарай) в 1991 г., позволившие датировать ее в пределах начала – первой половины XVIII в. (рис. 2: 19) (Кирилко, 2012). Другим примером архитектурно-археологических исследований является однокупольная мечеть в с. Давыдово (Шейх-Кой) (рис. 2: 20). Историко-архивные и натурные обследования памятника, выполненные С.Г. Бочаровым и В.П. Кирилко, позволили им датировать его в пределах XVI–XVII вв. Важным является заключение авторов об использовании при возведении здания в качестве спойлий михраба и портала со строительной надписью 1358 г., перемещенных из более ранней мечети золотоордынского времени, до сих пор не локализованной (Бочаров, Кирилко, 2016; Кирилко, 2016). Дальнейшее изучение памятника во многом зависит от его качественных раскопок. Небольшие шурфовочные работы 2018 г., доведенные до уровня полов мечети, к таковым, безусловно, не относятся (Лавров, 2019).

Археология погребений. Предполагает детальное изучение погребального обряда населения Крыма в конце XV–XVIII вв., мусульманского и иных конфессий, по данным раскопок рядовых и элитных

некрополей. Необходимо сформулировать и более сложные задачи таких исследований: реконструкция сакральной топографии местности; типологическая, иконографическая и эпиграфическая интерпретация надгробных памятников; изучение организации пространства кладбищ; социокультурная характеристика населения. Для решения последней задачи большое значение имеют данные антропологии, поскольку они зачастую составляют основной комплекс сведений при раскопках могильников. Антропологический анализ способен установить не только половозрастной состав погребенных, но и предположить систему их питания, род занятий, социальный статус, полученные при жизни травмы, причины смерти и пр.

Безусловно, одним из главных открытий последних десятилетий является, как уже отмечалось, нетронутый характер гробницы в нижней части «дюрбе Хаджи-Гирея» в Салачике (Бахчисарай) (рис. 2: 34). В 2007–2008 гг. здесь были исследованы 18 захоронений, принадлежащих представителям ханской династии Крымского ханства. Все они совершены по мусульманскому погребальному обряду: в вытянутом положении на спине, головой на запад; в саванах и дощатых гробах-табутах, с подушками и одеялами; табуты, установленные на железные или каменные подставки, покрыты богато орнаментированными тканями. Из погребения №8, одного из ранних захоронений мавзолея, происходит важная датирующая находка – монета Менгли-Гирея I (1467–1515) 1513 г. выпуска. По мнению Н.А. Гаврилюк, в дюрбе похоронены, вместе с первыми правителями Крымского ханства (Хаджи-Гиреем и Менгли-Гиреем I) и другие члены династии Гиреев для периода 1466–1551 гг. (Гаврилюк, Ибрагимов, 2010, с. 66–94).

Единственным рядовым мусульманским некрополем интересующего нас периода времени, раскопанным на широкой площади и полностью изданным, является могильник у п. Заозерное в Северо-Западном Крыму, на территории античного курганного некрополя городища «Чайка» (рис. 2: 35). Памятник исследовался в 1969–1971 гг. Изучено 46 безынвентарных погребений по мусульманскому погребальному обряду: вытянутые труположения на спине, головой на запад и лицом на юг (в сторону кыблы); захоронения совершены в прямоугольных ямах, либо в ямах с заплечиками, подбоями

или уступами в их северной стенке; сверху могилы перекрыты дощатыми деревянными конструкциями и заложены камнями. Некрополь датируется, скорее всего, второй половиной XVII–XVIII вв., хотя радиоуглеродная дата костных останков еще более поздняя – второй половины XVIII – первой половины XIX вв. По мнению С.Г. Бочарова, могильник принадлежал ногайскому населению региона (Бочаров, 2016б).

В последнее время, благодаря строительству автомобильной трассы «Таврида», число археологически изученных мусульманских некрополей XVI–XVIII вв. значительно возросло. Даже предварительные публикации результатов их исследований вызывают большой интерес в связи со значительным объемом и разнообразием информации. Среди изданных материалов наибольший интерес вызывает могильники Живописное и особенно Су-Баш в Юго-Восточном Крыму (рис. 2: 36-37). На площади раскопок последнего изучено 1005 погребальных сооружений, в основном безынвентарных, свидетельствующих об общей полиморфности погребальной обрядности и, соответственно, неоднородности оставившего его населения. К числу наиболее важных особенностей погребального обряда некрополя уже сейчас можно отнести: наличие трупоположений на спине, с согнутыми в коленях и разведенными в стороны ногами («поза всадника»); присутствие среди погребальных конструкций могил, обложенных кладкой из сырцовых блоков; погребения людей двух антропологических типов, с признаками монголоидности и европеодности; преобладание среди погребенных мужчин, в том числе в возрасте свыше 50 лет и с признаками тяжелых физических нагрузок на опорно-двигательный аппарат; высокую детскую и женскую (до 20-25 лет) смертность (Мастыкова, Решетова, Чаукин, Ганичев, 2019, с. 104-114).

Особенности позднесредневекового христианского погребального обряда никогда в историографии специально не изучались, хотя археологического материала для такого рода исследований накоплено достаточно. Среди известных позднесредневековых христианских могильников на Южном берегу Крыма изданы лишь материалы исследований храмово-погребального комплекса XIV–XVIII вв. у с. Малый Маяк (Биюк-Ламбат) (рис. 2: 38). Основной тип позднесредневековых погребальных конструк-

ций – прямоугольные ямы с каменной обкладкой, перекрытые плитами (Тесленко, Лысенко, 2004). Для памятников Горного Крыма опубликованы результаты исследований двух могильников второй половины XVII–XVIII вв. (до 1778 г.) у сел Богатырь и Прохладное в Бахчисарайском районе (рис. 2: 39-40). Зафиксирован, вероятно, типичный погребальный обряд для христиан региона этого времени – вытянутые трупоположения на спине, с согнутыми в локтях руками, в плитовых могилах для многократного использования (Белый А., Белый О., Лобода, 1993).

Археология «полей военных сражений».

Данный раздел археологической науки традиционно сосредоточен на изучении топографии и материальных свидетельств военных сражений прошлого, независимо от их хронологии. К числу последних, применительно к позднесредневековой истории, относятся остатки лагерей, объектов военно-полевой фортификации, артиллерийских позиций, «братские могилы» погибших и скопления в культурном слое характерных для штурмов и осадных действий вещественных находок (стрел, пуль, ядер, деталей пушек, защитных доспехов и пр.). Обязательным в ходе исследований является сопоставление полученных археологических данных с имеющимся фондом нарративных и картографических источников о военных событиях (о некоторых теоритических аспектах этого направления археологии: Номанн, 2013).

Современная «османская археология» Крыма включает лишь два примера подобных археологических объектов. Об одном из них – «поле сражения» во время осады и штурма османской армией Мангупской крепости летом – осенью 1475 г., мы уже говорили (рис. 2: 41). Другим примером позднесредневековых «полей военных сражений» в Крыму является поле Шумской битвы у с. Верхняя Кутузовка близ Алушты, состоявшейся 23 июля 1774 г. и завершившейся разгромом турецкого десанта русской армией под командованием генерал-поручика графа В.П. Мусина-Пушкина (рис. 2: 42). Об этих событиях хорошо известно по данным письменных и картографических источников. Локализовать их на местности удалось в ходе разведок 2009 г., дополненных небольшими шурфовочными работами и топографической съемкой сохранившихся полевых фортификационных объектов. Установлены, в частности, местона-

хождения турецкой артиллерийской батареи и русского земляного укрепления, так называемого «Суворовского шанца» (Герасимов, Ткаченко, 2015).

Археологическое вещеведение. Тесно связано со всеми перечисленными направлениями «османской археологии» в Крыму, так как сосредоточено на целенаправленном изучении различных категорий массового археологического материала из раскопок крепостей, городов, поселений, некрополей и «полей военных сражений» на территории полуострова – керамики, изделий из глины, камня, кости, металла и пр. Конечной целью таких исследований является рассмотрение вещественных находок в культурном слое и археологических комплексов с ними как источников новой объективной информации о быте, занятиях, моде, художественных вкусах и социально-культурных предпочтениях населения региона. В таком контексте археологическому вещеведению близки термины «археология быта» или, в самом широком смысле, «археология повседневностей».

К сожалению, различные категории массового археологического материала имеют разную степень изученности. Лучше всего исследована керамика. На примере анализа письменных источников об истории Каффы-Кефе, реконструирована модель организации керамического производства в османских крепостях Крыма (Галенко, 2005). Благодаря И.Б. Тесленко и Д.Ю. Алядиновой качественно изданы позднесредневековые археологические материалы из раскопок крепостей и поселений Южного и Юго-Восточного Крыма (Судака, Партенита, Алушты, Малого Маяка), что позволило систематизировать данные об основных группах местных и импортных керамических изделий, маркирующих культурные горизонты османского времени (Тесленко, 2005; Тесленко, 2012; Тесленко, 2015; Teslenko, 2007; 2012; Алядинова, 2012; 2015; Алядинова, Тесленко, 2015; Алядинова, Тесленко, Майко, 2015; Тесленко, Майко, 2020).

В недавней статье И.Б. Тесленко и Д.Ю. Алядинова попытались подвести некоторые промежуточные итоги изучения структуры керамического комплекса османского Крыма для раннего этапа господства Османской империи на полуострове (конца XV – начала XVII вв.). Авторы выделяют не менее 12 крупных групп местных (неполивные изделия групп «Крым», «Юго-Восточ-

ный Крым (ЮВК)», «подражания керамики с рельсовидным венчиком (ГРВ)» и поливная посуда групп «Крым» и «Мангуп») и импортных (неглазурованные сосуды группы ГРВ и глазурованные изделия групп «Miletus Ware», «Iznik Ware», «Maiolica Rinascimentali», «толстостенных чаш с бихромной росписью (ТЧБР)», «саладон» и «псевдо-саладон») изделий этого времени (рис. 12–17). На основе их анализа, делается ряд серьезных выводов о том, что после 1475 г. местный рынок испытывал серьезный кризис в повседневной керамической посуде, дефицит которой вплоть до XVII в. восполнялся импортом дешевой османской поливной и неполивной керамики. Местное керамическое производство возрождается, прежде всего, в Кефе в начале XVI в., но уже с использованием технологий и традиций османского гончарства. Преобладающие позиции в Крыму оно приобретет позднее, не ранее начала следующего столетия (Тесленко, Алядинова, 2019, с. 314–315).

С большинством из высказанных в этой работе заключений следует согласиться и еще раз отметить высокую степень их обоснованности. Некоторых замечаний требуют лишь отдельные из них. Прежде всего, совершенно не обязательным выглядит замена общепринятой атрибуции раннеосманской поливной керамики конца XV–XVI вв. группы «Polichrome Sgraffito Ware» или реже «Coloured Sgraffito Ware» несколько новодельным термином «толстостенные чаши с бихромной росписью (ТЧБР)» (Тесленко, Алядинова, 2019, с. 309, рис. 7: ср.: Papanikola-Bakirtzi, 1999, p. 97–114, 250–253, 256–257; Vroom, 2005, p. 144–145). Также преждевременным представляется выделение местной глазурованной посуды группы «Мангуп». Авторами не приведены находки из раскопок Мангупского городища в первой половине – середине XX в., которые они видели в фондах Бахчисарайского музея-заповедника, и которые послужили основанием для такой атрибуции. На наш взгляд, подобные поливные сосуды из Алушты и Малого Маяка, скорее, сопоставимы с уже упоминавшейся раннеосманской поливной керамикой группы «Polichrome Sgraffito Ware», чем с местной посудой этого времени (Тесленко, Алядинова, 2019, с. 308–309, рис. 8, 1-7). Нельзя также согласиться с тезисом об использовании способа декорирования бытовых неглазурованных сосудов линиями светлого ангоба исключительно для конца XV – начала XVII вв. (Тесленко, Алядинова,

2019, с. 315). Такой элемент орнамента керамики изделий характерен для всего османского периода в истории Крыма.

Подведем наиболее важные итоги нашего анализа. Несмотря на относительную молодость, «османская археология» в Крыму уже может рассматриваться как сложившееся направление археологических исследований на полуострове со своим предметом научных штудий и хорошо выраженной специализацией. Особо значительный прогресс достигнут при изучении ее базовых памятников – османских крепостей Крыма и столицы Крымского ханства, города Бахчисарая, а также в области археологического вещеведения, прежде всего, при анализе структуры керамических комплексов этого времени. Остальные направления исследований – археология поселений, некрополей, культовых и общественных

сооружений и пр., испытывают недостаток в раскопанных полностью или хотя бы на широкой площади серии эталонных объектов.

Общими проблемами для изучения всех перечисленных категорий археологических памятников являются медленное введение в научный оборот результатов их раскопок во второй половине XX – начале XXI вв. и редкость специальных исследований различных сторон жизни населения Крыма в османский период его истории – домостроительства, занятий, быта, погребальной обрядности, художественной культуры и многих других. Безусловно, эти трудности представляются временными, но их решение может значительно быть ускорено посредством проведения специализированных научных форумов, профильных научных изданий и научно-образовательных программ.

ЛИТЕРАТУРА

Адаксина С.Б., Мыц В.Л., Ушаков С.В. Некоторые итоги архитектурно-археологических исследований крепости Чембало в 2002–2011 гг. // Адаксина С.Б., Мыц В.Л., Ушаков С.В. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2011 г. СПб.; Симферополь: Издательство Государственного Эрмитажа, 2012. С. 58–98.

Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2015 г. СПб.; Симферополь: Издательство Государственного Эрмитажа, 2016. 166 с.

Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Генуэзская крепость Чембало: этапы формирования оборонительной системы и инфраструктуры города в XIV–XV вв. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXXXIX. Византия в контексте мировой культуры: материалы конференции, посвященной памяти А.В. Банк. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2017. С. 103–139.

Адаксина С.Б., Алексеенко Н.А., Гинькут Н.В., Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2017 г. СПб.; Симферополь: Издательство Государственного Эрмитажа, 2018. 217 с.

Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Керамические подсвечники и светильники XV–XVIII вв. из Каффы // Херсонесский сборник. 1998. Вып. IX. С. 195–208.

Акчокраклы О.Н. Новое из истории Чуфут-Кале // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1928. Т. 2 (59). С. 158–172.

Акчокраклы О.Н. Эпиграфические находки // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1929. Т. 3 (60). С. 183–187.

Алексеенко Н.А., Дьячков С.В., Неделькин Е.В., Ступко М.В. Османский гарнизон Балыклагу в начале XVI в. (по письменным источникам и археологическим данным) // Сборник материалов XVII Международной научной конференции «Лазаревские чтения». Причерноморье: история, политика, география, культура / Под ред. О.А. Шпырко, В.В. Хапаева, А.В. Мартынкина, С.В. Ушакова, С.И. Рубцовой. Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2019. С. 38–40.

Алядинова Д.Ю. Неглазуванная керамика позднесредневекового Судака: по материалам раскопок 2008–2010 гг. // Археологический альманах, №28. Древняя и средневековая Таврика: сборник статей, посвященный 1800-летию города Судака / отв. ред. В.В. Майко. Донецк: Донбасс, 2012. С. 247–257.

Алядинова Д.Ю. Керамика османского времени из раскопок Партенита // Археологический альманах, №33. Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный юбилею Е.А. Паршиной / ред.-сост. И.Б. Тесленко. Киев: Видавець Олег Філюк, 2015. С. 451–481.

Алядинова Д.Ю., Тесленко И.Б. Некоторые древности османского периода из селения Алушта // Terra Alustiana MMXI: сборник научных трудов / ред.-сост. В.Г. Рудницкая, И.Б. Тесленко. Симферополь: Антикава, 2015. С. 157–199.

Алядинова Д.Ю., Тесленко И.Б., Майко В.В. Керамика из раскопок зольника османского периода в портовой части Сугдеи (по материалам исследований 2010 г.) // Археологический альманах, №33. Древ-

няя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный юбилею Е.А. Паршиной / ред.-сост. И.Б. Тесленко. Киев: Видавель Олег Філюк, 2015. С. 482–511.

Баранов И.А. Главные ворота средневековой Солдайи // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев: Наукова думка, 1988. С. 81–97.

Баранов В.И., Карлов С.В. Археологическое изучение поселения Мариамполис (предварительные итоги) // II Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна: тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции. Симферополь: Антиква, 2013. С. 8.

Белик Ю.Л. Османские оборонительные сооружения на Керченском полуострове (XVII–XVIII вв.). Казань: ZurKazan, 2016. 236 с.

Белый А.В., Белый О.Б., Лобода И.И. Позднесредневековые плитовые могильники Юго-Западного Крыма // История и археология Юго-Западного Крыма: сборник научных трудов Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника / сост. Ю.М. Могаричев. Симферополь: Таврия, 1993. С. 160–174.

Бобровский Т.А., Чуева Е.Е. Спелео-археологические исследования 2006 года на территории Бахчисарайского Свято-Успенского монастыря // Сугдейский сборник. Киев; Судак: Академперіодика, 2008. Вып. III. С. 281–295.

Боданинский У.А. Бахчисарайские памятники // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. 1917. Т. 6. С. 125–129.

Боданинский У.А. Татарские «дурбе»-мавзолеи в Крыму. Из истории искусства крымских татар // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1927. Т. 1 (58). С. 195–201.

Боданинский У.А., Засыпкин Б.Н. Чуфут-Кале (по материалам раскопок 1928–1929 гг.) // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1929. Т. 3 (60). С. 170–183.

Боданинский У.А. Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму. Симферополь: 1-я Гостиполитография «Крымполиграфтреста», 1930. 31 с.

Бочаров С.Г. Историческая топография Каффы (конец XIII в. – 1774 г.). Фортификация, культовые памятники, система водоснабжения. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2000. 21 с.

Бочаров С.Г. Топография города Керчи XVI–XVIII вв. // Археологические записки / ред. В.Я. Кияшко. Ростов-на-Дону: ДАО, 2005. Вып. 4. С. 145–150.

Бочаров С.Г. Картографические источники по топографии турецкого города Мангуп // Бахчисарайский историко-археологический сборник / ред. – сост. Ю.М. Могаричев. Симферополь: АнтикВА, 2008. Вып. 3. С. 191–211.

Бочаров С.Г. Ак-Мечеть: историческая топография города Крымского ханства // Средневековые тюрко-татарские государства. 2015. №7. С. 5–10.

Бочаров С.Г. Мечети города Каффа (Кефе) в 1340–1779 годах // Поволжская археология. 2016а. №2 (16). С. 120–137.

Бочаров С.Г. Позднесредневековый могильник у античного городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму // Очерки археологии Северо-Западного Крыма (по материалам городища «Чайка» и некрополя у поселка Заозерное): сборник научных статей. М., 2016б. С. 42–121.

Бочаров С.Г. Балаклава: введение в историческую топографию османского города 1475–1774 годов на Крымском полуострове // Stratum plus. 2019. №6. С. 321–328.

Бочаров С.Г., Кирилло В.П. Исторические и архитектурные метаморфозы Шейх-Коя // Stratum plus. 2016. №6. С. 371–392.

Бочаров С.Г., Сейтумеров Ш.С. Бахчисарай – введение в историческую топографию столицы Крымского ханства // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. №9. С. 21–30.

Бочаров С.Г., Ситдииков А.Г., Бездудный В.Г. Поиски загородного дворца крымских ханов Ашлама-Сарай. Археологические и геофизические исследования // Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири: материалы Международной научной конференции, посвященной 125-летию ученого и общественного деятеля Н.К. Ауэрбаха / отв. ред. А.С. Вдовин, Н.П. Макаров. Красноярск: Издательство СФУ, 2017. С. 127–134.

Веймарн Е.В. Середньовічний комплекс фортеці Каламіта // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ: видавництво АН УРСР, 1963. Т. XIII: Стародавні пам'ятки Інкерманської долини. С. 74–89.

Волков И.В. Керамика Азова XIV–XVIII вв. (классификация и датировка). Автореф. Дисс... канд. истор. наук. М., 1992. 24 с.

Гаврилюк Н.А., Ибрагимова А.М. Тюрбе хана Хаджи Герая (по материалам археологических исследований 2003–2008 гг.). Киев; Запорожье: Дикое Поле, 2010. 176 с.

Галенко О.І. Нікіта/Сікіта османського часу // Историческое наследие Крыма. 2004. №8. С. 79–91.

Галенко А.И. Гончарное производство и торговля в османской провинции Кефе // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.: Сборник научных трудов. Том I / ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыщ. Киев: Стилос, 2005. С. 493–504.

Герасимов В.Е., Ткаченко В.В. Разведки в районе поля Шумского сражения 1774 года на территории Изобильненского сельсовета Алуштинского горсовета // Terra Alustiana MMXI: сборник научных трудов / ред.–сост. В.Г. Рудницкая, И.Б. Тесленко. Симферополь: Антиква, 2015. С. 200–233.

Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1990. Вып. I. С. 87–166.

Герцен А.Г. По поводу новой публикации турецкого источника о завоевании Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2001. Вып. VIII. С. 366–387.

Герцен А.Г. У истоков иудейской общины Мангупа // IV Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья»: материалы Международной научной конференции. Керчь, 2003. С. 69–79.

Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун (Мангуп) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2006. Вып. XII. С. 371–494.

Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): I горизонт застройки (XVI–XVIII вв.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2007. Вып. XIII. С. 233–298.

Герцен А.Г., Колтухов С.Г. Археологические работы в Арабатской крепости // Северное и Западное Причерноморье в античную эпоху и средневековье / под ред. С.Г. Бочарова, В. Кожокару. Симферополь: Таврия, 2009. С. 144–172.

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Крепость драгоценностей. Кырк–Ор. Чуфут–Кале. Симферополь: Таврия, 1993. 128 с.

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Восточная оборонительная стена Чуфут–Кале // Бахчисарайский историко-археологический сборник / ред. – сост. Ю.М. Могаричев, И.Н. Храпунов. Симферополь: Таврия–Плюс, 2001. Вып. 2. С. 279–319.

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Кырк–Ер – Чуфут–Кале. Крепость на краю седьмого климата: исследование, путеводитель, альбом. Симферополь: Антиква, 2016. 312 с.

Герцен А.Г., Науменко В.Е. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.: сборник научных трудов. Т. I / под ред. С.Г. Бочарова, В.Л. Мыща. Киев: Стилос, 2005. С. 257–287.

Герцен А.Г., Науменко В.Е. Октагональная церковь цитадели Мангупа (Крым): вопросы хронологии // Труды Государственного Эрмитажа. Т. LIII. Архитектура Византии и Древней Руси IX–XIII вв.: материалы международного семинара. СПб., 2010. С. 227–253.

Герцен А.Г., Науменко В.Е. Стратиграфия Мангупского городища: антропогенный и природно-географический контекст // XVI Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум»: материалы Международной научной конференции. Керчь, 2015а. С. 88–100.

Герцен А.Г., Науменко В.Е. К изучению исторической топографии Мангупа: церковь Святого Константина // II Свято-Владимирские чтения: тезисы докладов и сообщений научной конференции, посвященной 1000-летию Святого равноапостольного князя Владимира. Севастополь: НЗ «Херсонес Таврический», 2015б. С. 16–18.

Герцен А.Г., Науменко В.Е. К дискуссии о ранней этнической истории крымских караимов: археологический аспект // Этнография Крыма XIX–XXI вв. и современные этнокультурные процессы: тезисы IV Международной научно-практической конференции / отв. ред. Ю.Н. Лаптев, Л.А. Науменко. Симферополь: Антиква, 2017б. С. 21–23.

Герцен А.Г., Науменко В.Е. Церковь Святого Георгия Мангупского городища. Общие итоги археологических исследований 2015–2016 гг. // Археология античного и средневекового города: сборник статей в честь С.Г. Рыжова / отв. ред. В.В. Майко. Севастополь; Калининград: РОСТ–ДООАФК, 2018. С. 12–44.

Герцен А.Г., Науменко В.Е. Сакральная топография Мангупа: история изучения, каталог и периодизация культовых памятников городища // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. Вып. 2. Миры Византии. Сборник научных трудов / отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: ООО «Колорит», 2019. С. 115–176.

Герцен А.Г., Науменко В.Е., Душенко А.А. Княжеский дворец Мангупского городища. Стратиграфия участка исследований 2006–2017 гг. (предварительное сообщение) // X Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис: материалы научной конференции / отв. ред. Н.А. Алексеенко. Севастополь; Симферополь: ООО «Колорит», 2018. С. 53–58.

Герцен А.Г., Науменко В.Е., Шведчикова Т.Ю. Население Дороса–Феодоро по результатам комплексного археолого–антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.). М.; СПб.: Нестор–История, 2017а. 272 с.

Герцен А.Г., Руев В.Л. Свинцовые пули из раскопок Мангупа // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2008. Вып. XIV. С. 385–416.

Гусач И.Р., Моисеев Д.А. Типология производства крымской черепицы – «татарки» в позднесредневековое и Новое время: предварительные выводы // V Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна: тезисы докладов и сообщений / ред.–сост. О.М. Стойкова. Бахчисарай: ГБУ РК БИКАМЗ, 2017. С. 16–18.

Джанов А.В. «Храм с аркадой» в Судаке // Сугдейский сборник. Киев; Судак: Академперіодика, 2005. Вып. II. С. 654–669.

Душенко А.А. Нумизматический комплекс Мангупского княжеского дворца (раскопки 2006–2018 гг.): статистический обзор // XII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис: материалы научной конференции / отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Колорит, 2020. С. 91–98.

Дьячков С.В. Консульский замок генуэзской крепости Чембало XIV–XV вв. (по материалам археологических раскопок 1999–2008 гг.) // Генуэзская Газария и Золотая Орда / ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдинов. Казань; Кишинев: Институт археологии АН РТ, 2019. Т. 2. С. 771–789.

Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. Журнал общественно–научный и экскурсионный. 1927. №2 (4). С. 113–168.

Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Часть I. Культовое зодчество. Казань: Отечество, 2014. 228 с.

Зиливинская Э.Д. Мечети Крымского ханства: опыт первичной классификации // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма: материалы VII Всероссийской научно–практической конференции / ред.–сост. В. Е. Науменко, Т. А. Гогунская, Н. В. Кармазина. Симферополь: Ариал, 2020. С. 66–71.

Ибрагимова А.М. Бахчисарайский Ханский дворец XVI–XVIII вв. Киев: Видавець Олег Філюк, 2015. 360 с.

Исторический атлас Республики Крым. «Крепость драгоценностей. Кырк-Ор. Чуфут-Кале» / авт.–сост. А.А. Волошинов, Ш.А. Эмруллаев, А.Ю. Полканова, И.Р. Каримов, научн. ред. С.Г. Бочаров. Казань: Фолиант, 2015. 276 с.

Кашовская Н.В. К итогам изучения караимского некрополя в ущелье Табана–дере (Мангуп): проблемы хронологии и периодизации // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2017. Вып. XXII. С. 239–277.

Кирилко В.П. Археологическое исследование мусульманских мавзолеев–дюрбе Бахчисарая // Stratum plus. 2009. №6. С. 439–466.

Кирилко В.П. Мечеть в Эски–Сарае (Пионерское) // Stratum plus. 2012. №6. С. 261–297.

Кирилко В.П. Михраб мечети в Шейх–Кой // Поволжская археология. 2016. №2 (16). С. 138–150.

Коваль В.Ю., Волошинов А.А. Псевдо–селадон из Бахчисарая // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.: сборник научных трудов. Т. I / под ред. С.Г. Бочарова, В.Л. Мыща. Киев: Стилос, 2005. С. 457–461.

Кондаков В.П. О Бахчисарайском дворце и его «реставрации» // Искусство и художественная промышленность. СПб, 1899. № 6. С. 435–452.

Кутайсов В.А., Кутайсова М.В. Евпатория: Древний мир. Средние века. Новое время. Киев: Стилос, 2007. 284 с.

Лавров В.В. Разведки мечети Шейх–Кой в 2018 г. // История и археология Крыма. 2019. Вып. XI. С. 161–174.

Майко В.В. Кырк-Ерский клад городища Чуфут–Кале в Юго–Западном Крыму. Киев: Академперидика, 2007. 190 с.

Майко В.В., Джанов А.В. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым. Симферополь: Ариал, 2015. 448 с.

Майко В.В., Джанов А.В. Судак в период османского господства и некоторые вопросы исторической топографии (мечеть (?) Хаджи–бея) // Сугдейский сборник. Киев: вид. Филюк, 2016. Вып. VI. С. 14–43.

Мастыкова А.В., Решетова И.К., Чаукин С.Н., Ганичев К.А. Исследования средневекового поселения и могильника Су–Баш 1 в Юго–Восточном Крыму // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. М.: Институт археологии РАН, 2019. Т. II. С. 96–115.

МИРАС–НАСЛЕДИЕ. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и в Крыму в 1923–1929 годах: в 3–х томах / сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань: ООО «Астер Плюс», 2016.

Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. 528 с.

Мыц В.Л. Сарымамбаш–Кермен – укрепленная резиденция XIV–XVIII вв. беков Яшлавских – Сулешевых // Поволжская археология. 2018. №2 (24). С. 190–203.

Науменко В.Е., Сейдалиев Э.И., Сейдалиева Д.Э. Новые материалы к изучению исторической топографии средневекового Бахчисарая: по результатам археологических исследований 2012–2013 гг. // Материалы Конгресса исламской археологии России и стран СНГ / отв. ред. Х.М. Абдуллин, А.Г. Ситдииков. Казань: Институт археологии АН РТ, 2016. С. 228–239.

Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. Историческая топография Керчи конца XV–XVIII вв.: состояние источниковой базы и перспективы исследований // XIX Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации»: материалы Международной научной конференции. Симферополь; Керчь, 2018. С. 348–358.

Науменко В.Е., Герцен А.Г., Ганцев В.К. Бахчисарайский Ханский дворе как объект культурного (археологического) наследия (по материалам раскопок 2018–2019 гг.) // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма: материалы VII Всероссийской научно–практической конференции / ред.–сост. В. Е. Науменко, Т. А. Гогунская, Н. В. Кармазина. Симферополь: Ариал, 2020. С. 104–117

Руев В.Л. Турецкое вторжение в Крым в 1475 г. Симферополь: Антиква, 2014. 308 с.

Ситдииков А.Г., Измаилов И.Л. Мусульманская археология: объем и содержание понятия // Поволжская археология. 2016. №2 (16). С. 8–17.

Теплякова А.Н. Фрагменты бархата из мавзолея в Ханлы–дере (Бахчисарай) // Восток (Oriens). 2016. №5. С. 137–152.

Тесленко И.Б. Турецкая керамика с росписью кобальтом в Крыму // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.: Сборник научных трудов. Том I / ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: Стилос, 2005. С. 385–410.

Тесленко И.Б. Керамика из раскопок христианского храма с некрополем в с. Малый Маяк (бывш. Биюк–Ламбат, Южный берег Крыма) // Археологический альманах, №28. Древняя и средневековая Таврика: сборник статей, посвященный 1800–летию города Судака / отв. ред. В.В. Майко. Донецк: Донбасс, 2012. С. 225–246.

Тесленко И.Б. Одна из групп неполивной керамики Крыма XV в.: хронология и эволюция // История и археология Крыма. 2015. Вып. II. С. 428–436.

Тесленко И.Б., Алядинова Д.Ю. Влияние османского завоевания 1475 г. на культуру жителей Южного Крыма (по материалам керамических комплексов конца XV–XVI в.) // Stratum plus. 2019. №6. С. 295–320.

Тесленко И.Б., Лысенко А.В. Средневековый христианский храм на южной окраине с. Малый Маяк и его археологическое окружение // «О древностях Южного берега и гор Таврических»: сборник научных трудов по материалам конференции в честь 210–летия со дня рождения П.И. Кеппена / гл. ред. В.Л. Мыц. Киев: Стилос, 2004. С. 260–296.

Тесленко И.Б., Майко В.В. Керамический комплекс позднесредневековых усадеб в портовой части Судака (по материалам раскопа VI, 2006–2010 гг.) // История и археология Крыма. 2020. Вып. XII. С. 291–332.

Тур В.Г. Археологические исследования центрального квартала в Судакской крепости // Херсонесский колокол: сборник научных статей, посвященный 70–летию со дня рождения и 50–летию научной деятельности В.Н. Даниленко / под ред. Э.Б. Петровой. Симферополь: СОНАТ, 2008. С. 352–361.

Филиппенко В.Ф. Новое в истории и археологии крепости Каламиты–Инкермана // Херсонесский сборник. 1996. Вып. VII. С. 143–152.

Якобсон А.Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М.; Л.: Наука, 1964. 232 с.

Baram U., Carroll L. The Future of the Ottoman Past // A Historical Archaeology of the Ottoman Empire. Breaking New Ground / eds. U. Baram, L. Carroll. New York; Boston; Dordrecht; London; Moscow: Kluwer Academic Publishers, 2002. P. 3–32.

Bintliff J. Medieval and Post-Medieval // Encyclopedia of Archaeology / editor-in-chief D.M. Pearsall. Amsterdam: Elsevier; Oxford: Academic Press, 2008. P. 1280–1298.

Çağlar F.T. The Historiography of Ottoman Archaeology: A Terra Incognita for Turkish Archaeologists // Cihannüma: Tarih ve Coğrafya Araştırmaları Dergisi. 2017. Sayı III/1. S. 109–122.

Hayes J.W. Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery. Princeton, N.J.: Princeton University Press; Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1992. 445 p.

Homann A. Battlefield Archaeology of Central Europe – With a Focus on Early Modern Battlefields // Historical Archaeology in Central Europe / ed. N. Mehler. Rockville, 2013. P. 203–230.

Insoll T. The Archaeology of Islam. Oxford: Blackwell Publishers, 1998. 274 p.

Laszlovszky J., Rasson J. Post-Medieval or Historical Archaeology: Terminology and Discourses in the Archaeology of the Ottoman Period // Archaeology of the Ottoman Period in Hungary / eds. I. Gerelyes, G. Kovács. Budapest: Hungarian National Museum, 2003. P. 377–382.

Lees W.B., Burke H., Orser Ch.E. Historical Archaeology // Encyclopedia of Archaeology / ed. D.M. Pearsall. Amsterdam: Elsevier; Oxford: Academic Press, 2008. P. 1438–1447.

Northedge A. Archaeology and Islam // Companion Encyclopedia of Archaeology / ed. G. Barker. London; New York: Routledge, 1999. Vol. 2. P. 1077–1106.

Papanikola-Bakirtzi D. Byzantine Glazed Ceramics. The Art of Sgraffito. Athens: The Archaeological Receipts Fund, 1999. 270 p.

Teslenko I. Turkish Ceramics in the Crimea on the Eve of the Porta Invasion (Problems of Chronology of a Certain Group of Vessels) // Archaeometric and Archaeological Approaches to Ceramics: Papers presented at EMAC'05, 8th European Meeting on Ancient Ceramics, Lyon 2005 / ed. by S.Y. Waksman. Oxford, 2007. P. 187–193 (BAR International Series 1691).

Teslenko I. The Italian Majolica in the Crimea of the Turkish Supremacy Period (1475 – the Last Quarter of the 18th Century) // Atti del IX Congresso Internazionale sulla Ceramica Medievale nel Mediterraneo / a cura di S. Gelichi. Venezia, 2012. P. 212–214.

Vroom J. Byzantine to Modern Pottery in the Aegean. An Introduction and Field Guide. Utrecht: Parnassus Press, 2005. 223 p.

Информация об авторе:

Науменко Валерий Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков ФГАОУ «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (г. Симферополь, Россия); byzance@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-2590-6314, Researcher ID: W-7627-2018

REFERENCES

Adaksina, S. B., Myc, V. L., Ushakov, S. V. 2012. In Adaksina, S. B., Myc, V. L., Ushakov, S. V. *Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovoj kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2011 g. (Report on archaeological research of the medieval fortress of Chembalo (Balaklava) in 2011)*. Saint Petersburg.; Simferopol: "Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha" Publ. (in Russian).

Adaksina, S. B., Myc, V. L. 2016. *Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovoj kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2015 g. (Report on archaeological research of the medieval fortress of Chembalo (Balaklava) in 2015)*. Saint Petersburg.; Simferopol: "Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha: Publ. (in Russian).

Adaksina, S. B., Myc, V. L. 2017. In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. Vizantiya v kontekste mirovoj kul'tury: materialy konferencii, posvyashchennoj pamyati A.V. Bank (Transactions of the State Hermitage Museum. Byzantium within the Context of World Culture. Proceedings of the conference dedicated to the memory of A.V. Bank)*. LXXXIX. Saint Petersburg. 103–139. (in Russian).

Adaksina, S.B., Alekseenko, N. A., Gin'kut, N. V., Myc, V. L. 2018. *Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovoj kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2017 g. (Report on archaeological research*

of the medieval fortress of Chembalo (Balaklava) in 2017). Saint Petersburg.; Simferopol: «Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha» Publ. (in Russian).

Ajbabina, E. A., Bocharov, S. G. 1998. In *Khersonesskii sbornik (Chersonesos collection)*. IX. Sevastopol'. 195–208. (in Russian).

Akchokrakly, O. N. 1928. In *Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arheologii i etnografii (Proceedings of the Taurica society of history, archeology and ethnography)*. 2(59). Simferopol. 158–172. (in Russian).

Akchokrakly, O. N. 1929. In *Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arheologii i etnografii (Proceedings of the Taurica society of history, archeology and ethnography)*. 3(60). Simferopol. 183–187. (in Russian).

Alekseenko, N. A., D'yachkov, S. V., Nedel'kin, E. V., Stupko, M. V. 2019. In Shpyrko O. A., Khapaev V. V., Martynkin A. V., Ushakov S. V., Rubtsova S. I. (eds.). *Sbornik materialov XVII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Lazarevskie chteniya». Prichernomor'e: istoriya, politika, geografiya, kul'tura (Collection of materials of the XVII International scientific conference "Lazarev readings". Black Sea Region: history, politics, geography, culture)*. Sevastopol': «Filial MGU v g. Sevastopole» Publ., 38–40 (in Russian).

Alyadinova, D. Yu. 2012. In Majko, V. V. (ed.). *Arheologicheskij al'manah. Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika: sbornik statej, posvyashchennyj 1800–letiyu goroda Sudaka (Archaeological Almanac. The Ancient and Medieval Taurica. The volume of collected papers dedicated to the 1800 years anniversary of Sudak city)*. 28. Donetsk: «Donbass» Publ., 247–257 (in Russian).

Alyadinova, D. Yu. 2015. In Teslenko, I. B. (ed.). *Arheologicheskij al'manah. Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika. Sbornik statej, posvyashchennyj yubileyu E. A. Parshinoy (Archaeological Almanac. The Ancient and Medieval Taurica. Collection of papers in honor E. A. Parshina)*. 33. Kiev: «Vidavec' Oleg Filyuk» Publ., 451–481 (in Russian).

Alyadinova, D. Yu., Teslenko, I. B. 2015. In Rudnitskaya, V. G., Teslenko, I. B. (eds.). *Terra Alustiana MMXI: sbornik nauchnyh trudov (Terra Alustiana MMXI: collection of scientific papers)*. Simferopol: «Antikva» Publ., 157–199 (in Russian).

Alyadinova, D. Yu., Teslenko, I. B., Majko, V. V. 2015. In Teslenko, I. B. (ed.). *Arheologicheskij al'manah. Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika. Sbornik statej, posvyashchennyj yubileyu E. A. Parshinoy (Archaeological Almanac. The Ancient and Medieval Taurica. Collection of papers in honor E. A. Parshina)*. 33. Kiev: «Vidavec' Oleg Filyuk» Publ., 482–511 (in Russian).

Baranov, I. A. 1988. In *Arhitekturno-arheologicheskie issledovaniya v Krymu (Architectural and archaeological research in Crimea)*. Kiev: «Naukova dumka» Publ., 81–97 (in Russian).

Baranov, V. I., Karlov, S. V. 2013. In II *Bahchisarajskie nauchnye chteniya pamyati E. V. Vejmarna: tezisyy dokladov i soobshchenij Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (II Bakhchisaray Scientific Readings in Memory of E. V. Veimarn. Abstracts of Reports)*. Simferopol: «Antikva» Publ., 8 (in Russian).

Belik, Yu. L. 2016. *Osmanskije oboronitel'nye sooruzheniya na Kerchenskom poluostrove (XVII–XVIII vv.) (Ottoman fortifications on the Kerch peninsula (XVII–XVIII centuries))*. Kazan: «ZurKazan» Publ. (in Russian).

Belyj, A. V., Belyj, O. B., Loboda, I. I. 1993. In Mogarichev Yu. M. (ed.). *Istoriya i arheologiya Yugo-Zapadnogo Kryma: sbornik nauchnyh trudov Bahchisarajskogo gosudarstvennogo istoriko-kul'turnogo zapovednika (History and Archeology of the South-Western Crimea: collection of scientific works of the Bakhchisaray State Historical and Cultural Reserve)*. Simferopol: «Tavriya» Publ., 160–174 (in Russian).

Bobrovskij, T. A., Chueva, E. E. 2008. In *Sugdejskii sbornik (Sugdaia Collection)*. III. Kiev; Sudak: «Akademperiodika» Publ., 281–295 (in Russian).

Bodaninskij, U. A. 1917. In *Zapiski Krymskogo obshchestva estestvoispytatelej i lyubitelej prirody (Notes of the Crimean Society of naturalists and nature lovers)*. 6. Simferopol, 125–129 (in Russian).

Bodaninskij, U. A. 1927. In *Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arheologii i etnografii (Proceedings of the Taurica society of history, archeology and ethnography)*. 1(58). Simferopol, 195–201 (in Russian).

Bodaninskij, U. A., Zasyppin, B. N. 1929. In *Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arheologii i etnografii (Proceedings of the Taurica society of history, archeology and ethnography)*. 3(60). Simferopol, 170–183 (in Russian).

Bodaninskij, U. A. 1930. *Arheologicheskoe i etnograficheskoe izuchenie tatar v Krymu*. Simferopol: «1–ya Gostipolitografiya «Krympoligrafrest» Publ. (in Russian).

Bocharov, S. G., 2000. *Istoricheskaya topografiya Kaffy (konec XIII v. – 1774 g.). Fortifikaciya, kul'tovye pamyatniki, sistema vodosnabzheniya (Historical topography of Kaffa (late XIII century–1774). Fortification, religious monuments, water supply system.)*. Thesis of Diss. Of Candidate historical Sciences. Moscow (in Russian).

- Bocharov, S. G., 2005. In Kiyashko V. Ya. (ed.). *Arheologicheskie zapiski (Historical notes)*. 4. Rostov-na-Donu: «DAO» Publ., 145–150 (in Russian).
- Bocharov, S.G., 2008. In Mogarichev Yu.M. (ed.). *Bakhchisarajskij istoriko–arheologicheskij sbornik (Bakhchisaray Historical and Archaeological Collection)*. 3. Simferopol: «AntikvA» Publ., 191–211 (in Russian).
- Bocharov, S.G., 2015. In *Srednevekoveye tyurko-tatarskie gosudarstva (Medieval Turkic-Tatar States)*. 7. Kazan, 5–10 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2016a. In *Povolzhskaya arheologiya (The Volga River Region Archaeology)*. 2(16). Kazan, 120–137 (in Russian).
- Bocharov, S. G. 2016b. In *Ocherki arheologii Severo–Zapadnogo Kryma (po materialam gorodishcha «Chajka» i nekropolya u poselka Zaozernoe): sbornik nauchnyh statej (Essays on the archeology of the North–Western Crimea (on the materials of the settlement "Chaika" and the necropolis near the village of Zaozernoye): collection of scientific articles)*. Moscow, 42–121 (in Russian).
- Bocharov, S. G. 2019. In *Stratum plus*. 6. 321–328 (in Russian).
- Bocharov, S. G., Kirilko, V. P. 2016. In *Stratum plus*. 6. 371–392 (in Russian).
- Bocharov, S. G., Sejtumerov, Sh. S. 2017. In *Srednevekoveye tyurko-tatarskie gosudarstva (Medieval Turkic-Tatar States)*. 9. Kazan, 21–30 (in Russian).
- Bocharov, S. G., Sitdikov, A.G., Bezdudnyj, V.G. 2017. In Vdovin A.S., Makarov N.P. (ed.). *Mezhdisciplinarnye issledovaniya v arheologii, etnografii i istorii Sibiri: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 125–letiyu uchenogo i obshchestvennogo deyatelya N.K. Auerbaha (Interdisciplinary Research in Archaeology, Ethnography and History of Siberia: proceedings of the International scientific conference dedicated to the 125th anniversary of the scientist and public figure N.K. Auerbach)*. Krasnoyarsk: «Izdatel'stvo SFU» Publ., 127–134 (in Russian).
- Vejmarn, E.V. 1963. In *Arheologichni pam'yatki URSS (Archaeological monuments of Ukraine)*. XIII: *Starodavni pam'yatki Inkermans'koj dolini (Ancient monuments of Inkerman valley)*. Kiev: «Vidavnictvo AN URSS» Publ., 74–89 (in Ukraine).
- Volkov, I.V. 1992. *Keramika Azova XIV–XVIII vv. (klassifikaciya i datirovka) (The Pottery of Azov XIV–XVIII centuries (the classification and dating)*. Thesis of Diss. Of Candidate historical Sciences. Moscow (in Russian).
- Gavrilyuk, N. A., Ibragimova, A. M. 2010. *Tyurbe hana Hadzhi Geraya (po materialam arheologicheskikh issledovanij 2003–2008 gg.) (Tjurbe of khan Hadzhi Geraja (on materials of archaeological researches of 2003–2008)*. Kiev; Zaporozh'e: «Dikoe Pole» Publ. (in Russian).
- Galenko, O.I. 2004. In *Istoricheskoe nasledie Kryma (The Historical Heritage of the Crimea)*. 8. Simferopol, 79–91 (in Ukraine).
- Galenko, A.I. 2005. In Bocharov, S.G., Myts V.L. (eds.). *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII vv.: sbornik nauchnyh trudov (Glazed Pottery of Mediterranean and Black Sea region of the X–XVIII centuries)*. I. Kiev: «Stilos» Publ., 493–504 (in Russian).
- Gerasimov, V.E., Tkachenko, V.V. 2015. In Rudnitskaya, V. G., Teslenko, I. B. (eds.). *Terra Alustiana MMXI: sbornik nauchnyh trudov (Terra Alustiana MMXI: collection of scientific papers)*. Simferopol: «Antikva» Publ., 200–233 (in Russian).
- Gertsen, A.G. 1990. In *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)*. I. Simferopol, 87–166 (in Russian).
- Gertsen, A. G. 2001. In *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)*. VIII. Simferopol, 366–387 (in Russian).
- Gertsen, A. G. 2003. In *IV Bosporskie chteniya «Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya»: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (IV Bosporan Readings «Kimmerian Bosphorus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages»: the materials of International Scholarly Conference)*. Kerch', 69–79 (in Russian).
- Gertsen, A.G., Zemlyakova, A.Yu., Naumenko, V.E., Smokotina, A.V. 2006. In *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)*. XII. Simferopol, 371–494 (in Russian).
- Gertsen, A. G., Ivanova, O. S., Naumenko, V. E., Smokotina, A. V. 2007. In *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)*. XIII. Simferopol, 233–298 (in Russian).

Gertsen, A. G., Koltuhov, S. G. 2009. In Bocharova S.G., Kozhokaru V. (eds.). *Severnoe i Zapadnoe Prichernomor'e v antichnyuyu epokhu i srednevekov'e (North and West Black Sea Area during Antiquity and the Middle Ages)*. Simferopol: «Tavriya» Publ., 144–172 (in Russian).

Gertsen, A. G., Mogarichev, Yu. M. 1993. *Krepost' dragocennostej. Kyrk-Or. Chufut-Kale (Fortress of Jewels. Kyrk-Or. Chufut-Kale)*. Simferopol: «Tavriya» Publ. (in Russian).

Gertsen, A. G., Mogarichev, Yu.M. 2001. In Mogarichev Yu.M., Khrapunov I.N. (eds.). *Bakhchisarajskij istoriko–arheologicheskij sbornik (Bakhchisaray Historical and Archaeological Collection)*. 2. Simferopol: «Tavriya–Plyus» Publ., 279–319 (in Russian).

Gertsen, A. G., Mogarichev, Yu.M. 2016. *Kyrk-Er – Chufut-Kale. Krepost' na krayu sed'mogo klimata: issledovanie, putevoditel', al'bom (Kyrk-Yer – Chufut–Kale. The Fortress on the Edge of he 7th Klima)*. Simferopol: «Antikva» Publ. (in Russian).

Gertsen, A. G., Naumenko, V.E. 2005. In Bocharov, S.G., Myts V.L. (eds.). *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII vv.: sbornik nauchnyh trudov (Glazed Pottery of Mediterranean and Black Sea region of the X–XVIII centuries)*. I. Kiev: «Stilos» Publ., 257–287 (in Russian).

Gertsen, A. G., Naumenko, V.E. 2010. In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. Arhitektura Vizantii i Drevnej Rusi IX–XIII vv.: materialy mezhdunarodnogo seminara (Transactions of the State Hermitage Museum. Architecture of Byzantium and Kievan Rus from the 9th to the 12th Centuries: materials of the International seminar)*. LIII. Saint Petersburg., 227–253 (in Russian).

Gertsen, A. G., Naumenko, V.E. 2015a. In *XVI Bosporskie chteniya «Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Geograficheskaya sreda i socium»: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (XVI Bosporan Readings «Kimmerian Bosphorus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Geographical Environment and Society»: the materials of International Scholarly Conference)*. Kerch, 88–100 (in Russian).

Gertsen, A. G., Naumenko, V.E. 2015b. In *II Svyato–Vladimirskie Chteniya: tezisy dokladov i soobshchenij nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 1000–letiyu Svyatogo ravnoapostol'nogo knyazya Vladimira (II Saint–Vladimir's Readings: abstracts of scientific conference, dedicated 1000–anniversary of Saint Prince Vladimir; equal to the apostles)*. Sevastopol: «NZ «Hersones Tavricheskij» Publ., 6–18 (in Russian).

Gertsen, A. G., Naumenko, V.E., Shvedchikova, T.Yu. 2017a. *Naselenie Dorosa-Feodoro po rezul'tatam kompleksnogo arheologo–antropologicheskogo analiza nekropolej Mangupskogo gorodishcha (IV–XVII vv.) (The population of Doros–Feodoro according to the results of a comprehensive archaeological and anthropological analysis of the necropolises of the Mangup settlement (IV–XVII centuries)*. Moscow; Saint Petersburg.: «Nestor–Istoriya» Publ. (in Russian).

Gertsen, A. G., Naumenko, V.E. 2017b. In Laptsev Yu.N., Naumenko L.A. *Etnografiya Kryma XIX–XXI vv. i sovremennye etnokul'turnye processy: tezisy IV Mezhdunarodnoj nauchno–prakticheskoy konferencii (The Ethnography of the Crimea in XIX–XXI centuries and Modern Ethno–Cultural Processes: abstracts of the IV International Scientific and Practical Conference)*. Simferopol: «Antikva» Publ., 21–23 (in Russian).

Gertsen, A. G., Naumenko, V.E. 2018. In Majko V.V. (ed.). *Arheologiya antichnogo i srednevekovogo goroda: sbornik statej v chest' S.G. Ryzhova (Archaeology of the Ancient and Medieval City. Essays presented in honor of S.G. Ryzhov)*. Sevastopol; Kaliningrad: «ROST–DOAFK» Publ., 12–44 (in Russian).

Gertsen, A. G., Naumenko, V.E., Dushenko, A.A. 2018. In Alekseenko N.A. (ed.). *X Mezhdunarodnyj Vizantijskij seminar «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis: materialy nauchnoj konferencii (X International Byzantine Seminar «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Empire and Polis: materials of scholarly conference)*. Sevastopol; Simferopol: «Kolorit» Publ., 53–58 (in Russian).

Gertsen, A.G., Naumenko, V.E. 2019. In Alekseenko N.A. (ed.). *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. Vyp. 2. Miry Vizantii. Sbornik nauchnyh trudov (ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. Vol. 2. Worlds of Byzantium. Collection of scientific works)*. Simferopol: «Kolorit» Publ., 115–176 (in Russian).

Gertsen, A. G., Ruev, V.L. 2008. In *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)*. XIV. Simferopol, 385–416 (in Russian).

Gusach, I.R., Moiseev, D.A. 2017. In Stojkova O.M. (ed.). *V Bakhchisarajskie nauchnye chteniya pamyati E.V. Vejmarna: tezisy dokladov i soobshchenij (V Bakhchisaray Scholarly Readings in memory of E.V. Vejmarn: abstracts)*. Bakhchisaray: «GBU RK BIKAMZ» Publ., 16–18 (in Russian).

Dzhanov, A.V. 2005. In *Sugdejskii sbornik (Sugdaia Collection)*. II. Kiev; Sudak: «Akademperiodika» Publ., 654–669 (in Russian).

Dushenko, A.A. 2020. In Alekseenko N.A. (ed.). *XII Mezhdunarodnyj Vizantijskij seminar «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis: materialy nauchnoj konferencii (XII International Byzantine Seminar «ΧΕΡΣΩΝΟΣ*

ΘΕΜΑΤΑ: *Empire and Polis: materials of scholarly conference*). Simferopol: «Kolorit» Publ., 91–98 (in Russian).

D'yachkov, S.V. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaya Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. 2. Kazan; Kishinev: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences., 771–789 (in Russian).

Zasyrkin, B.N. 1927. In *Krym. Zhurnal obshchestvenno-nauchnyj i ekskursionnyj (Crimea. Journal of social science and sightseeing)*. 2(4). Moscow, 113–168 (in Russian).

Zilivinskaya, E.D. 2014. *Arhitektura Zolotoj Ordy. I. Kul'tovoe zodchestvo (The Golden Horde Architecture. I. Cult Monuments)*. Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Zilivinskaya, E.D. 2020. In Naumenko V.E., Gogunskaya T.A., Karmazina N.V. (eds.). *Aktual'nye voprosy ohrany i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya Kryma: materialy VII Vserossijskoj nauchno–prakticheskoj konferencii (Actual Issues of Protection and Use of the Cultural Heritage of the Crimea: materials of the VII All–Russian scientific and practical conference)*. Simferopol: «Arial» Publ., 66–71 (in Russian).

Ibragimova, A.M. 2015. *Bahchisarajskij Hanskij dvorec XVI–XVIII vv. (Bakhchisarai Khan's Palace)*. Kiev: "Vidavec' Oleg Filyuk" Publ. (in Russian).

Bocharov, S.G. (ed.), Voloshinov A.A., Emrullaev Sh.A., Polkanova A.Yu., Karimov I.R. (athors). *Istoricheskij atlas Respubliki Krym. «Krepost' dragocennostej. Kyrk–Or. Chufut–Kale» (Historical Atlas of the Republic of Crimea. "The fortress of jewels. Kyrk–Or. Chufut–Kale")*. Kazan: «Foliant» Publ. (in Russian).

Kashovskaya, N.V. 2017. In *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)*. XXII. Simferopol, 239–277 (in Russian).

Kirilko, V. P.2009. In *Stratum plus*. 6. 439–466 (in Russian).

Kirilko, V. P.2012. In *Stratum plus*. 6. 261–297 (in Russian).

Kirilko, V. P.2016. In *Povolzhskaya arheologiya (The Volga River Region Archaeology)*. 2(16). Moscow, 138–150 (in Russian).

Koval', V.Yu., Voloshinov, A.A. 2005. In Bocharov, S.G., Myts V.L. (eds.). *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII vv.: sbornik nauchnyh trudov (Glazed Pottery of Mediterranean and Black Sea region of the X–XVIII centuries)*. I. Kiev: «Stilos» Publ., 457–461 (in Russian).

Kondakov, V.P. 1899. In *Iskusstvo i hudozhestvennaya promyshlennost' (Art and the art industry)*. 6. Saint Petersburg, 435–452 (in Russian).

Kutajsov, V.A., Kutajsova, M.V. 2007. *Evpatoriya: Drevnij mir. Srednie veka. Novoe vremya (Evpatoria: The Ancient World. The Middle Ages. The Modern History)*. Kiev: «Stilos» Publ. (in Russian).

Lavrov, V.V. 2019. In *Istoriya i arheologiya Kryma (The History and the Archaeology of the Crimea)*. XI. Simferopol, 161–174 (in Russian).

Majko, V. V. 2007. *Kyrk-Erskij klad gorodishcha Chufut-Kale v Yugo-Zapadnom Krymu (Kirk-Er Treasure of Chufut–Kale in the South–Western Crimea)*. Kiev: «Akademperiodika» Publ. (in Russian).

Majko, V. V., Dzhanov, A. V. 2015. *Arheologicheskie pamyatniki Sudakskogo regiona Respubliki Krym (Archaeological monuments of the Sudak region of the Republic of Crimea)*. Simferopol: «Arial» Publ. (in Russian).

Majko, V. V., Dzhanov, A. V. 2016. In *Sugdejskij sbornik (Sugdaia Collection)*. VI. Kiev: «vid. Filyuk» Publ., 14–43 (in Russian).

Mastykova, A. V., Reshetova, I. K., Chaukin, S. N., Ganichev, K. A. 2019. In *Krym – Tavrida. Arheologicheskie issledovaniya v Krymu v 2017–2018 gg. (Crimea–Tavrida. Archaeological studies in the Crimea in 2017–2018)*. II. Moscow: Institute of Archaeology, RAS, 96–115 (in Russian).

Bocharov, S. G., Sitdikov, A.G. (eds.). 2016. *MIRAS–NASLEDIE. Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoj kul'tury v Tatarstane i v Krymu v 1923–1929 godah: v 3–h tomah (MIRAS–NASLEDIE. Tatarstan and Crimea. The City of Bolgar and the study of Tatar culture in Tatarstan and the Crimea in 1923–1929: in 3 volumes)*. Kazan: «Aster Plyus» Publ. (in Russian).

Myts, V.L. 2009. *Kaffa i Feodoro v XV v. Kontakty i konflikty (Kaffa and Theodoro in the XV century. Contacts and conflicts)*. Simferopol: «Universum» Publ. (in Russian).

Myts, V.L. 2018. In *Povolzhskaya arheologiya (The Volga River Region Archaeology)*. 2(24), 190–203 (in Russian).

Naumenko, V.E., Sejdaliev, E.I., Sejdaliev, D.E. 2016. In Abdullin H.M., Sitdikov A.G. (eds.). *Materialy Kongressa islamskoj arheologii Rossii i stran SNG (The Materials of the Congress of Islamic Archeology of*

Russia and CIS countries). Kazan: Institute of archaeology named after A. Kh. Khalikov, TAS, 228–239 (in Russian).

Naumenko, V.E., Ponomarev, L.Yu. 2018. In *XIX Bosporskie chteniya «Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Tradicii i innovacii»: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii ((XIX Bosporan Readings «Kimmerian Bosporus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Traditions and Innovations»: the materials of International Scholarly Conference).* Simferopol; Kerch, 348–358 (in Russian).

Naumenko, V.E., Gercen, A.G., Gancev, V.K. 2020. In Naumenko V.E., Gogunskaya T.A., Karmazina N.V. (eds.). *Aktual'nye voprosy ohrany i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya Kryma: materialy VII Vserossijskoj nauchno–prakticheskoj konferencii (Actual Issues of Protection and Use of the Cultural Heritage of the Crimea: materials of the VII All–Russian scientific and practical conference)*. Simferopol: "Arial" Publ., 104–117 (in Russian).

Ruev, V.L. 2014. *Tureckoe vtorzhenie v Krym v 1475 g. (Turkish invasion of Crimea in 1475)*. Simferopol: "Antikva" Publ. (in Russian).

Sitdikov, A.G., Izmajlov, I.L. 2016. In *Povolzhskaya arheologiya (The Volga River Region Archaeology)*. 2(16), 8–17 (in Russian).

Teplyakova, A.N. 2016. In *Vostok (Oriens)*. 5. Moscow, 137–152 (in Russian).

Teslenko, I. B., Lysenko, A.V. 2004. In Myts V.L. (ed.). *«O drevnostyah Yuzhnogo berega i gor Tavricheskih»: sbornik nauchnyh trudov po materialam konferencii v chest' 210–letiya so dnya rozhdeniya P.I. Keppena ("On the antiquities of the Southern Coast and the Tauric mountains": collection of scientific papers on the conference in Honor of the 210th anniversary of the birth of P.I. Keppen)*. Kiev: "Stilos" Publ., 260–296 (in Russian).

Teslenko, I. B. 2005. In Bocharov, S.G., Myts V.L. (eds.). *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII vv.: sbornik nauchnyh trudov (Glazed Pottery of Mediterranean and Black Sea region of the X–XVIII centuries)*. I. Kiev: "Stilos" Publ., 385–410 (in Russian).

Teslenko, I. B. 2012. In Majko, V.V. (ed.). *Arheologicheskij al'manah. Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika: sbornik statej, posvyashchennyj 1800–letiyu goroda Sudaka (Archaeological Almanac. The Ancient and Medieval Taurica. The volume of collected papers dedicated to the 1800 years anniversary of Sudak city)*. 28. Donetsk: «Donbass» Publ., 225–246 (in Russian).

Teslenko, I. B. 2015. In *Istoriya i arheologiya Kryma (The History and the Archaeology of the Crimea)*. II. Simferopol, 428–436 (in Russian).

Teslenko, I. B., Alyadinova, D. Yu. 2019. In *Stratum plus*. 6. 295–320 (in Russian).

Teslenko, I. B., Majko, V.V. 2020. In *Istoriya i arheologiya Kryma (The History and the Archaeology of the Crimea)*. XII. Simferopol, 291–332 (in Russian).

Tur, V.G. 2008. In Petrova E.B. (ed.). *Khersonesskii kolokol: sbornik nauchnyh statej, posvyashchennyj 70–letiyu so dnya rozhdeniya i 50–letiyu nauchnoj deyatel'nosti V.N. Danilenko (Chersonesus Bell: a Collection of scientific articles dedicated to the 70th anniversary of the birth and 50th anniversary of the scientific activity of V.N. Danilenko)*. Simferopol: «SONAT» Publ., 352–361 (in Russian).

Filippenko, V.F. 1996. In *Khersonesski sbornik (Chersonesos collection)*. VII. Sevastopol', 143–152 (in Russian).

Yakobson, A.L. 1964. *Srednevekovyj Krym. Oчерki istorii i istorii material'noj kul'tury (The Medieval Crimea. Essays on the History and History of material culture.)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Baram, U., Carroll, L. 2002. In Baram U., Carroll L. (eds.). *A Historical Archaeology of the Ottoman Empire. Breaking New Ground*. New York; Boston; Dordrecht; London; Moscow: Kluwer Academic Publishers, 3–32 (in English)

Bintliff, J. 2008. In Pearsall D.M. (ed.). *Encyclopedia of Archaeology*. Amsterdam: Elsevier; Oxford: Academic Press, 1280–1298 (in English)

Çağlar, F.T. 2017. In *Cihannüma: Tarih ve Coğrafya Araştırmaları Dergisi*. III/1. 109–122 (in English)

Hayes, J.W. 1992. In *Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery*. Princeton, N.J.: Princeton University Press; Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection (in English)

Homann, A. 2013. In Mehler N. (ed.). *Historical Archaeology in Central Europe*. Rockville, 203–230 (in English)

Insoll, T. 1998. *The Archaeology of Islam*. Oxford: Blackwell Publishers (in English).

Laszlovszky, J., Rasson, J. 2003. In Gerelyes I., Kovács G. (eds.). In *Archaeology of the Ottoman Period in Hungary*. Budapest: Hungarian National Museum, 377–382.

Lees, W.B., Burke, H., Orser, Ch.E. 2008. In Pearsall D.M. (ed.). *Encyclopedia of Archaeology*. Amsterdam: Elsevier; Oxford: Academic Press, 1438–1447 (in English).

Northedge, A. 1999. In Barker, G. (ed.). *Companion Encyclopedia of Archaeology*. 2. London; New York: Routledge, 1077–1106 (in English).

Papanikola-Bakirtzi, D. 1999. *Byzantine Glazed Ceramics. The Art of Sgraffito*. Athens: The Archaeological Receipts Fund (in English).

Teslenko, I. 2007. In Waksman S.Y. (ed.). *Archaeometric and Archaeological Approaches to Ceramics: Papers presented at EMAC'05, 8th European Meeting on Ancient Ceramics, Lyon 2005*. Oxford, 187–193 (BAR International Series 1691) (in English).

Teslenko, I. 2012. In Gelichi S. (ed.). *Atti del IX Congresso Internazionale sulla Ceramica Medievale nel Mediterraneo*. Venezia, 212–214 (in English).

Vroom, J. 2005. *Byzantine to Modern Pottery in the Aegean. An Introduction and Field Guide*. Utrecht: Parnassus Press (in English).

About the Author:

Naumenko Valery E., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of Ancient and Middle Ages History, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Academician Vernadsky Ave. 4, Simferopol, 295007, Russian Federation; byzance@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-2590-6314, Researcher ID: W-7627-2018

Статья поступила в журнал 01.08.2020 г.
Статья принята к публикации 01.09.2020 г.

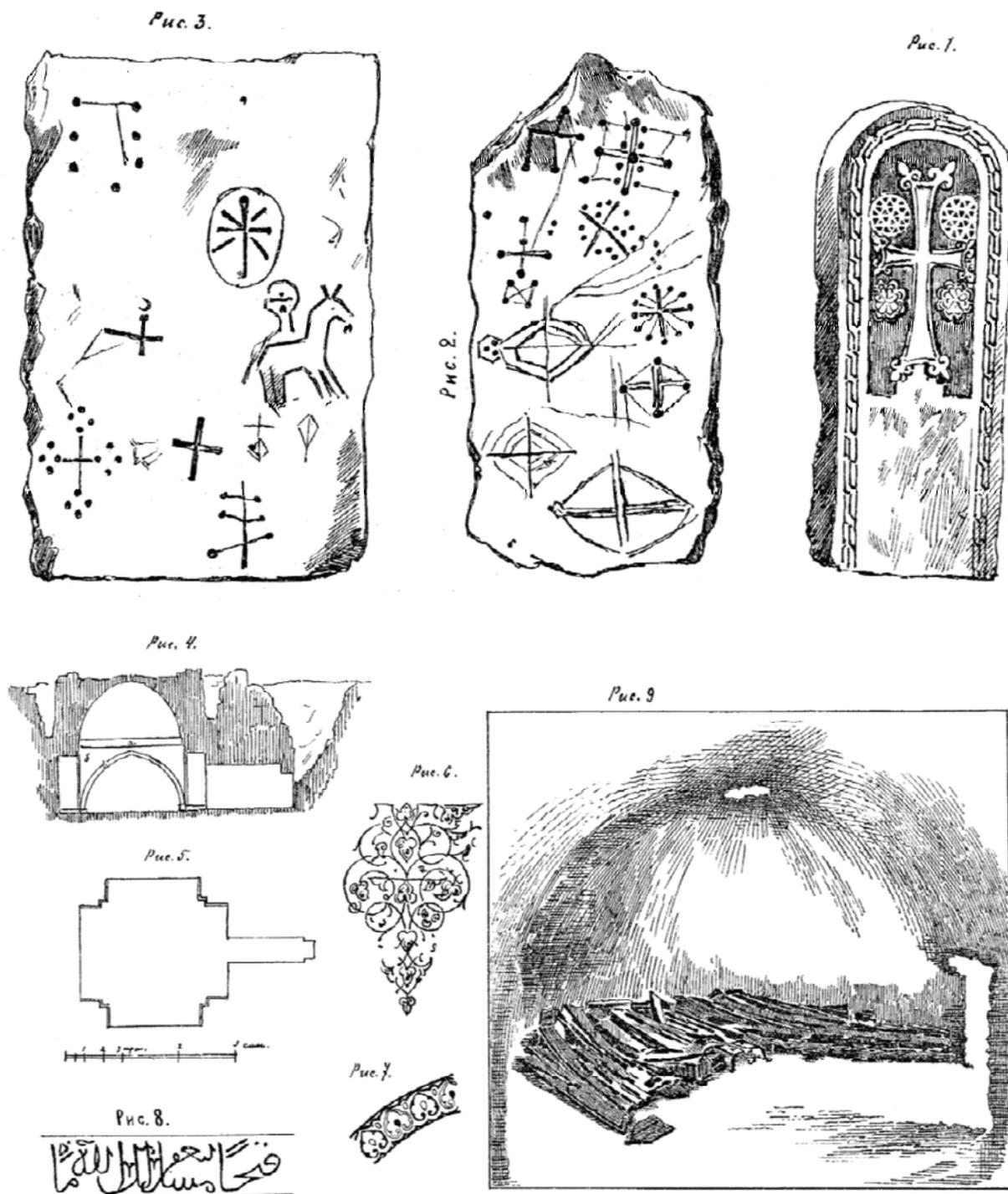

Рис. 1. Материалы археологического изучения дюрбе в ущелье Ханлы-дере (Бахчисарай) в 1898-1899 гг. (по: Кирилко, 2009, с. 441, рис. 2).

Fig. 1. The materials of the archaeological study of Durbe in the Khanly-dere (Bakhchisaray) in 1898-1899 (according to: Kirilko, 2009, p. 441, fig. 2).

Рис. 2. Археологическая карта Крымского полуострова для периода 1475-1783 гг. с указанием наиболее важных памятников, затронутых раскопками последних десятилетий (составлена В.Е. Науменко и Э.И. Сейдалиевым):

Крепости Османской империи: 1 – Керчь; 2 – Ени-Кале; 3 – Арабат; 4 – Судак; 5 – Кефе; 6 – Мангуп; 7 – Инкерман; 8 – Балаклава. *Города Крымского ханства:* 9 – Бахчисарай; 10 – Чуфут-Кале; 11 – Ак-Мечеть; 12 – Карасубазар; 13 – Гезлев; 14 – Ор-Капу; 15 – Эски-Крым. *Поселения:* 16 – Салачик; 17 – Эски-Юрт; 18 – Сарымамбаш-Кермен; 19 – Эски-Сарай; 20 – Шейх-Кой; 21 – Алушта; 22 – Партенит; 23 – Биюк-Ламбат (Малый Маяк); 24 – Биели; 25 – Кегенез Восточное; 26 – Су-Баш; 27 – Кош-Кую; 28 – Батальное 1; 29 – Батальное Западное; 30 – Шибан I; 31 – Тюреке II; 32 – Королево 3; 33 – Фонтан 6. *Некрополи:* 34 – Салачик; 35 – Заозерное; 36 – Су-Баш; 37 – Живописное; 38 – Биюк-Ламбат (Малый Маяк); 39 – Богатырь; 40 – Прохладное. *«Поля военных сражений»:* 41 – Мангуп; 42 – Шумское сражение.

Fig. 2. Archaeological map of the Crimean peninsula for the period 1475-1783 indicating the most important monuments affected by the excavations of the last decades (composed by V.E. Naumenko and E.I. Seidaliev):
Fortresses of the Ottoman Empire: 1 – Kerch; 2 – Yeni-Kale; 3 – Arabat; 4 – Sudak; 5 – Kefe; 6 – Mangup; 7 – Inkerman; 8 – Balaklava. *Cities of the Crimean Khanate:* 9 – Bakhchisaray; 10 – Chufut-Kale; 11 – Ak-Mechet'; 12 – Karasubazar; 13 – Gezlev; 14 – Or-Kapu; 15 – Eski-Crym. *Settlements:* 16 – Salachik; 17 – Eski-Yurt; 18 – Sarymambash-Kermen; 19 – Eski-Saray; 20 – Sheikh-Coy; 21 – Alushta; 22 – Partenit; 23 – Biyuk-Lambat (Malyi Mayak); 24 – Bieli; 25 – Kegenez Vostochnoye; 26 – Su-Bash; 27 – Kosh-Kuyu; 28 – Batal'noye 1; 29 – Batal'noye Zapadnoye; 30 – Shiban I; 31 – Tyreke II; 32 – Korolevo 3; 33 – Fontan 6. *Necropolis:* 34 – Salachik; 35 – Zaozerno; 36 – Su-Bash; 37 – Zhivopisnoye; 38 – Biyuk-Lambat (Malyi Mayak); 39 – Bogatyr'; 40 – Prokhladnoye. *"Battlefields":* 41 – Mangup; 42 – Shum battle.

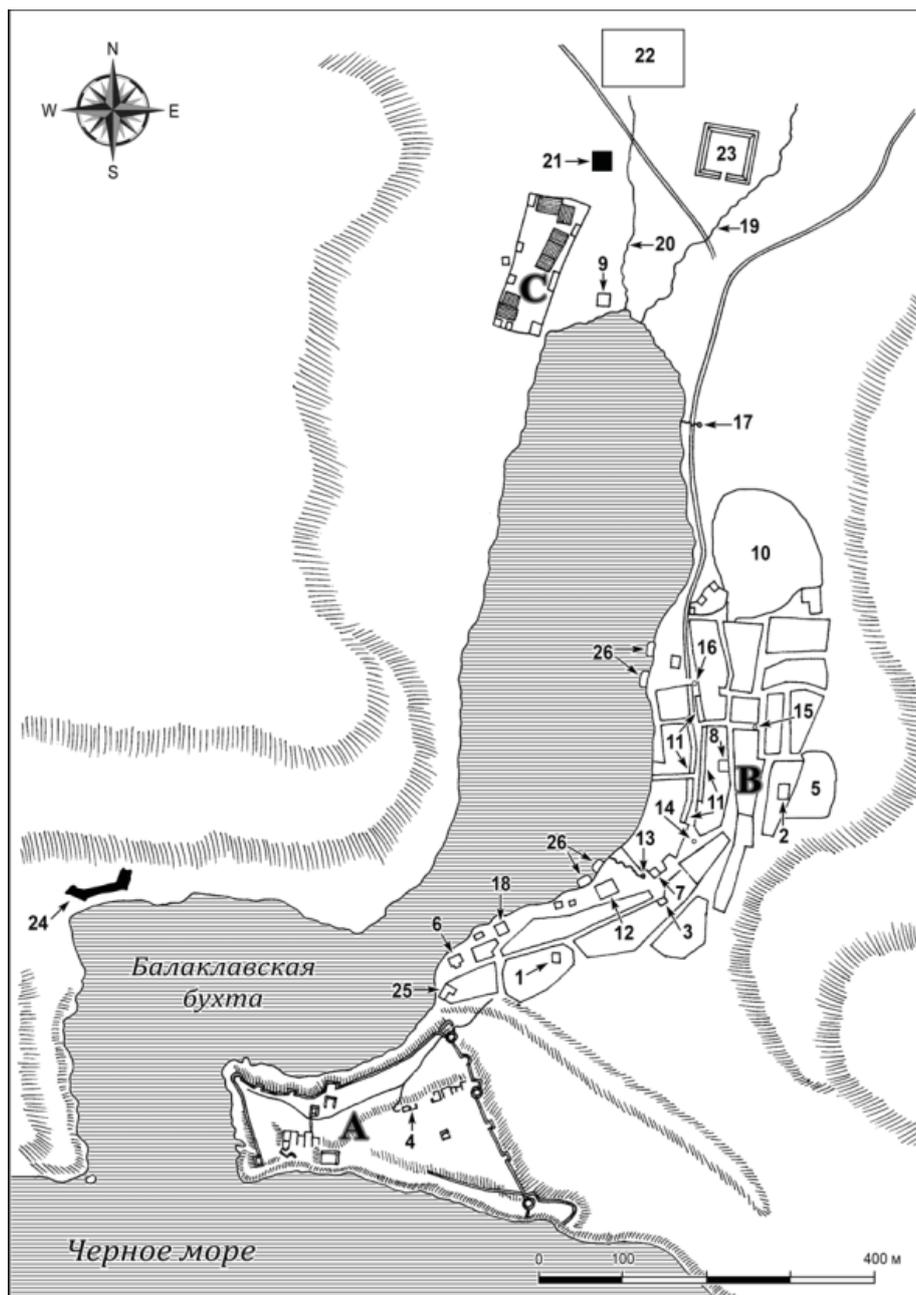

Рис. 3. Реконструкция генерального плана города Балаклава для второй половины XVIII в.: А — руинированные остатки генуэзской крепости Чембало, которая на протяжении XVI—XVII вв. использовалась османским гарнизоном; В — город Балаклава; С — северное предместье; 1—3 — греческие церкви; 4 — армянская церковь; 5 — греческое кладбище; 6—8 — городские мечети; 9 — мечеть в северном предместье; 10 — турецкое кладбище; 11 — рыночная площадь, лавки, кофейни и торговые места; 12 — караван-сарай; 13—17 — фонтаны; 18 — карантинный дом; 19-20 — ручьи у северного предместья; 21 — черепичный завод в северном предместье; 22 — виноградники у северного предместья; 23 — редут, построенный российскими войсками в 1771 г.; 24 — батарея, построенная российскими войсками в 1771 г.; 25 — баня; 26 — деревянные пристани (по: Бочаров, 2019, с. 324, рис. 3).

Fig. 3. Reconstruction of general plan of the city of Balaklava for the second half of the XVIII century: A — the ruined remains of the Genoese fortress Cembalo, which during the XVI—XVII centuries was used by the Ottoman garrison; B — the city Balaklava; C — the northern suburb; 1-3 — Greek Churches; 4 — Armenian Church; 5 — the Greek cemetery; 6-8 — city mosques; 9 — a mosque in a northern suburb; 10 — the Turkish cemetery; 11 — market square, shops, cafes, and shopping places; 12 — caravanserais; 13-17 — fountains; 18 — quarantine building; 19-20 — streams in the northern suburbs; 21 — a tile factory in the northern suburb; 22 - vineyards near the northern suburb; 23 — a redoubt built by Russian troops in 1771; 24 — a battery built by Russian troops in 1771; 25 — a bathhouse; 26 — wooden piers (according to: Bocharov, 2019, p. 324, fig. 3).

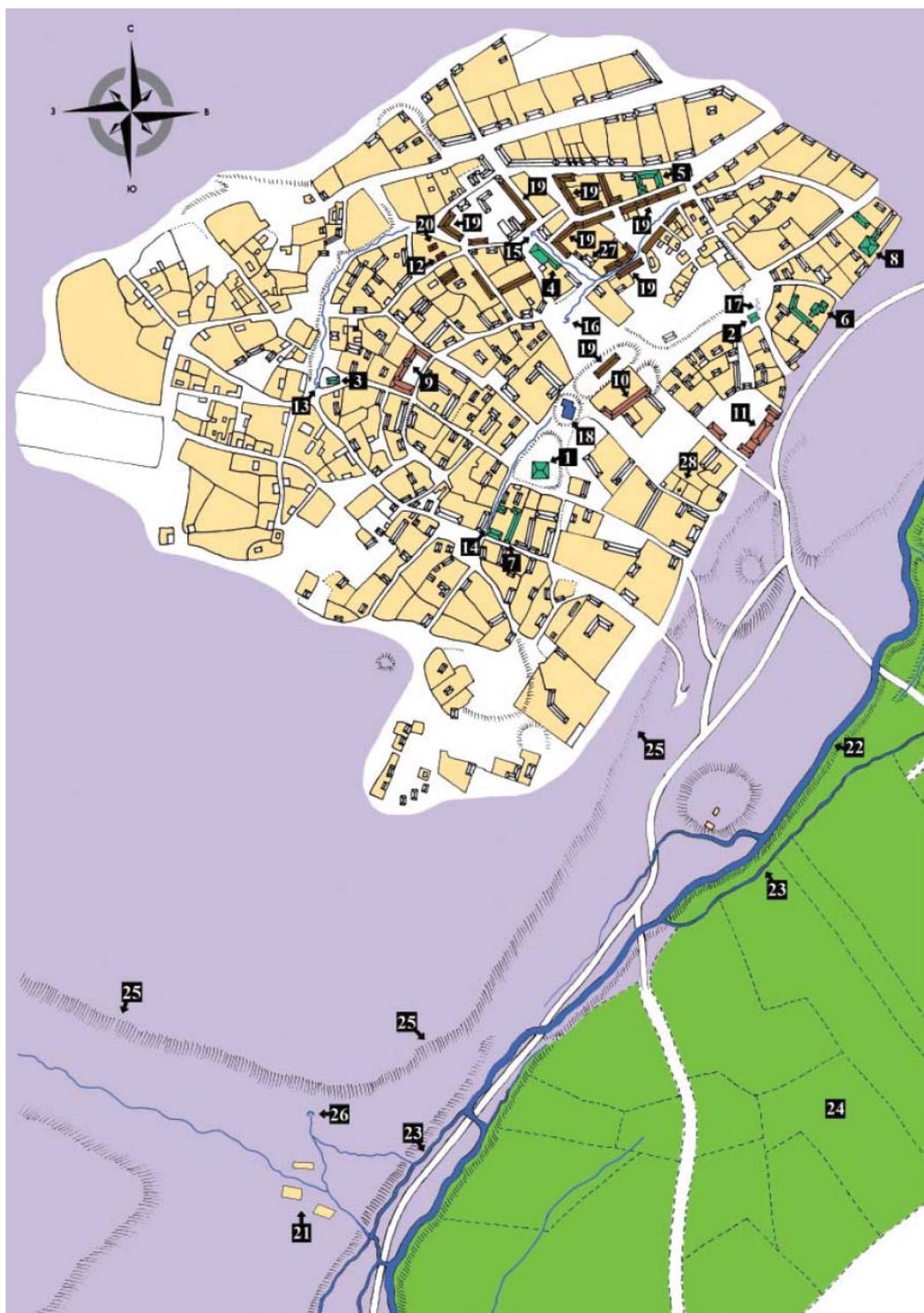

Рис. 4. Город Ак-Мечеть. Реконструкция генерального плана: 1 – Кебир Джамии (Ак-Мечеть); 2-3 – мечети; 4-6 – теккие; 7-8 – медресе; 9-11 – караван-сарай; 12 – Гостевой дом иностранных купцов; 13-17 – фонтаны; 18 – баня; 19 – лавки, торговые места; 20 – храм в гостевом доме иностранных купцов; 21 – местонахождение пригорода, где располагался дворец калги-султана; 22 – река Салгир; 23 – каналы на реке Салгир; 24 – сады и огороды; 25 – скальные обрывы; 26 – фонтан в пригороде; 27 – Русская церковь конца XVIII в.; 28 – Греческая церковь (по: Бочаров, 2015, с. 6, рис. 1).

Fig. 4. The city of Ak-Mechet'. Reconstruction of the general plan: 1 – Kebir Jami (Ak-Mosque); 2-3 – mosques; 4-6 – tekke; 7-8 – madrasahs; 9-11 – caravanserais; 12 - Guest House of foreign merchants; 13-17 – fountains; 18 – bath; 19 – shops, shopping places; 20 – church in the Guest House of foreign merchants; 21 – location of the suburb where the palace of Kalgi Sultan was located; 22 – Salgir river; 23 – canals on the Salgir river; 24 – gardens and vegetable gardens; 25 – rock cliffs; 26 – fountain in the suburbs; 27 – Russian church of the late XVIII century; 28 – Greek church (according to: Bocharov, 2015, p. 6, fig.1).

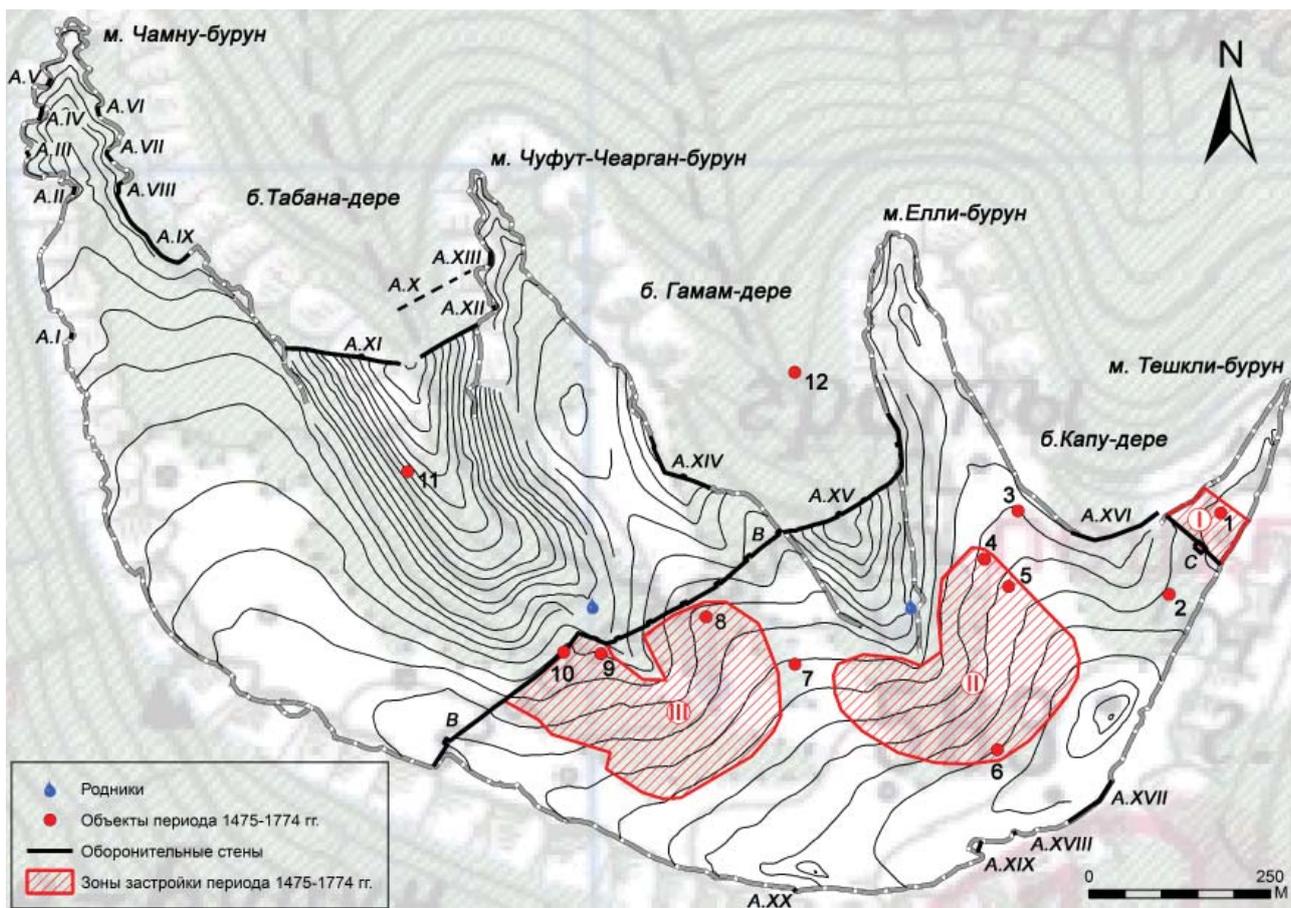

Рис. 5. Археологическая карта Мангупского городища периода 1475-1774 гг.: A.I-XX – укрепления Главной (Внешней) линии обороны крепости; B – Вторая (Внутренняя) линия обороны; C – цитадель; I – мусульманский квартал XVI-XVII вв. у тыльной стороны цитадели; II – мусульманский квартал XVII-XVIII вв. в верховьях балки Гамам-дере; III – иудейский квартал XVI-XVIII вв. в верховьях балки Табана-дере; 1 – мечеть на месте октагонального христианского храма XV в.; 2 – Главная (Джами) мечеть крепости; 3 – церковь св. Георгия; 4 – мусульманский некрополь XVII-XVIII вв.; 5 – мечеть (?) на месте «церкви 1969 г.»; 6 – церковь св. Константина; 7 – дворец 1425-1475 гг.; 8 – Большая трехнефная базилика; 9 – синагога-кенасса; 10 – «городская свалка» второй половины XVII – начала XVIII вв.; 11 – караимский некрополь; 12 – артиллерийская позиция османской армии времени осады 1475 г. (составлена В.Е. Науменко и А.А. Душенко).

Fig. 5. Archaeological map of the Mangup fortress of the period 1475-1774: A.I-XX – fortifications of the Main (External) line of defense of the fortress; B – the Second (Internal) line of defense; C – the Citadel; I – the Muslim quarter of the XVI-XVII centuries at the back of the citadel; II – Muslim quarter of the XVII-XVIII centuries in the upper reaches of the Gamam-dere gully; III – Jewish quarter of the XVI-XVIII centuries. in the upper reaches of the Tabana-dere gully; 1 – Mosque on the site of the octagonal christian church of the XV century; 2 – the Main (Jami) Mosque of the fortress; 3 – St. George's church; 4 – Muslim necropolis of the XVII-XVIII centuries; 5 – Mosque (?) on the site of the «church of 1969»; 6 – St. Constantine's church; 7 – the Palace of 1425-1475; 8 – The Large three- nave Basilica; 9 – Synagogue-Kenassa; 10 – «city dump» of the second half of the XVII – early XVIII centuries; 11 – Karaite necropolis; 12 – Artillery Position of the Ottoman army during the siege of 1475 (composed by V. E. Naumenko and A. A. Dushenko).

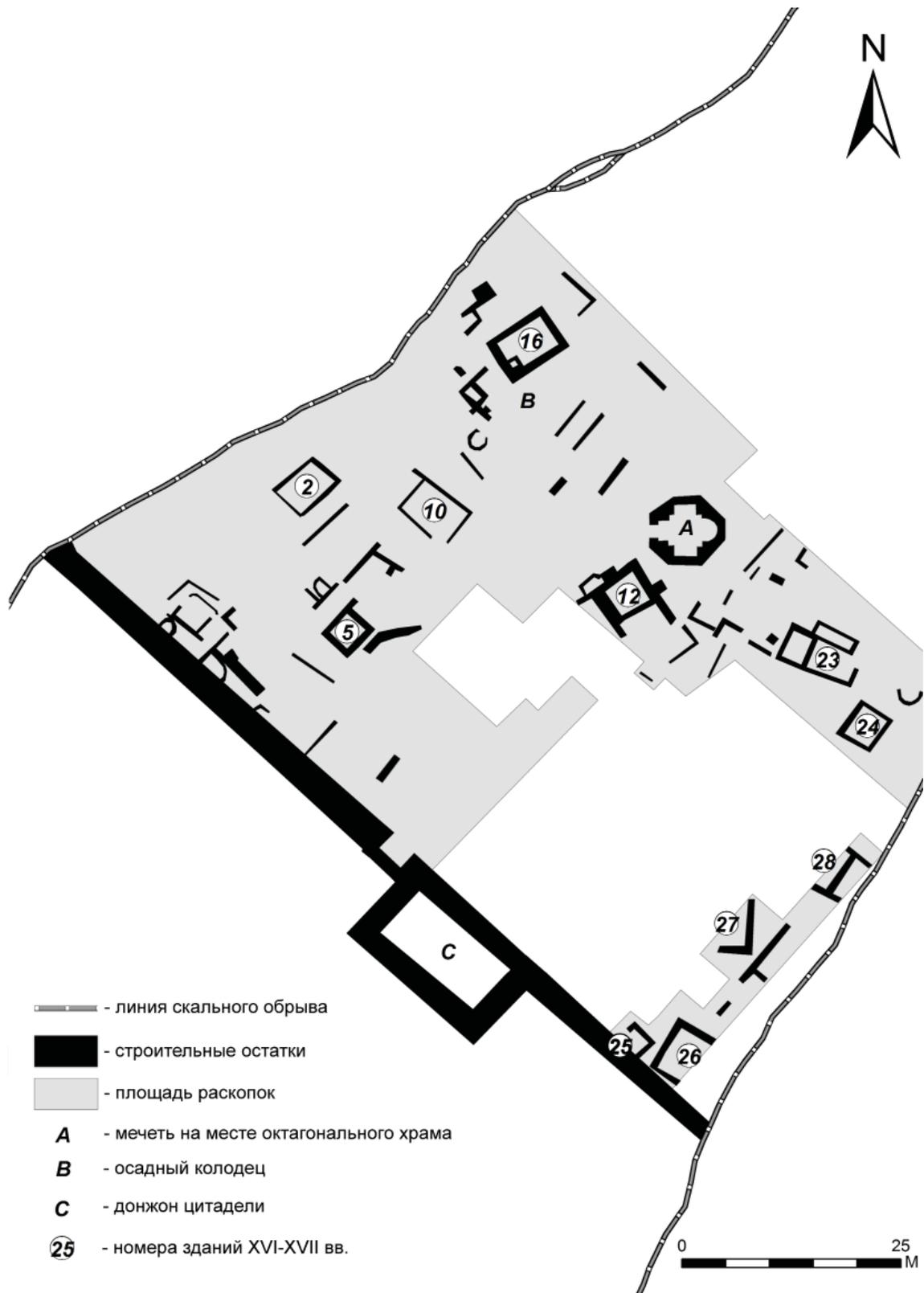

Рис. 6. Мангупское городище. Цитадель на мысе Тешкли-бурун. Строительный ярус XVI-XVII вв. Общий план по материалам раскопок 1970-1971, 1990-2005 гг. (составлен В.Е. Науменко и А.Г. Герценым).

Fig. 6. Mangup fortress. Citadel on cape Teshkli-burun. Building tier XVI-XVII centuries. General plan based on the materials of the excavations 1970-1971, 1990-2005 (composed by V.E. Naumenko and A.G. Gertsen).

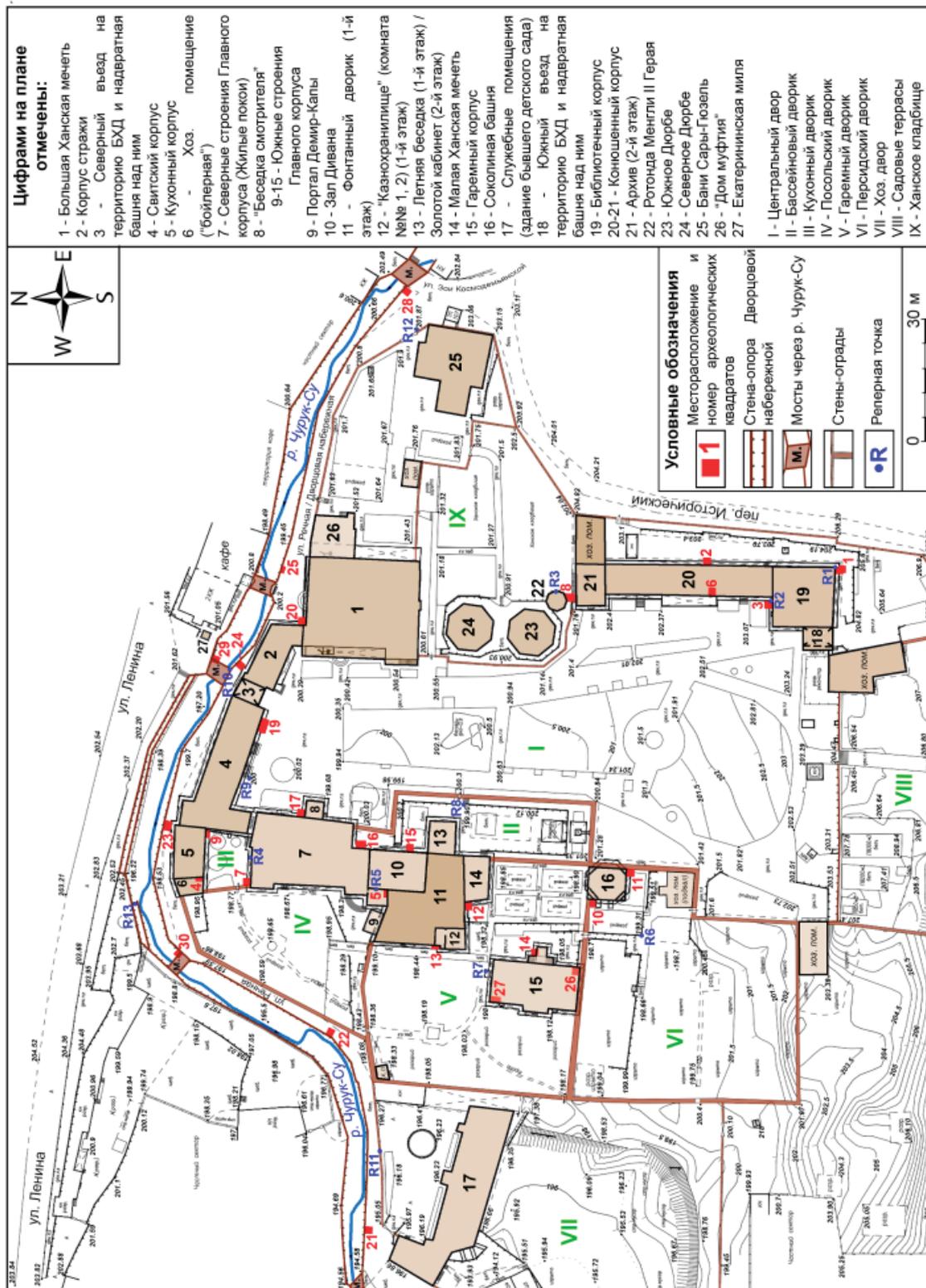

Рис. 7. Общий план Бахчисарайского Ханского дворца с указанием (выделены красным цветом) объектов археологических исследований 2018-2019 гг. (по: Науменко, Герцен, Ганцев, 2020, с. 106, рис. 1).

Fig. 7. General Plan of the Bakhchisaray Khan's Palace with an indication (highlighted in red) of the objects of archaeological research in 2018-2019 (according to: Naumenko, Gertsen, Gantsev, 2020, p. 106, fig. 1).

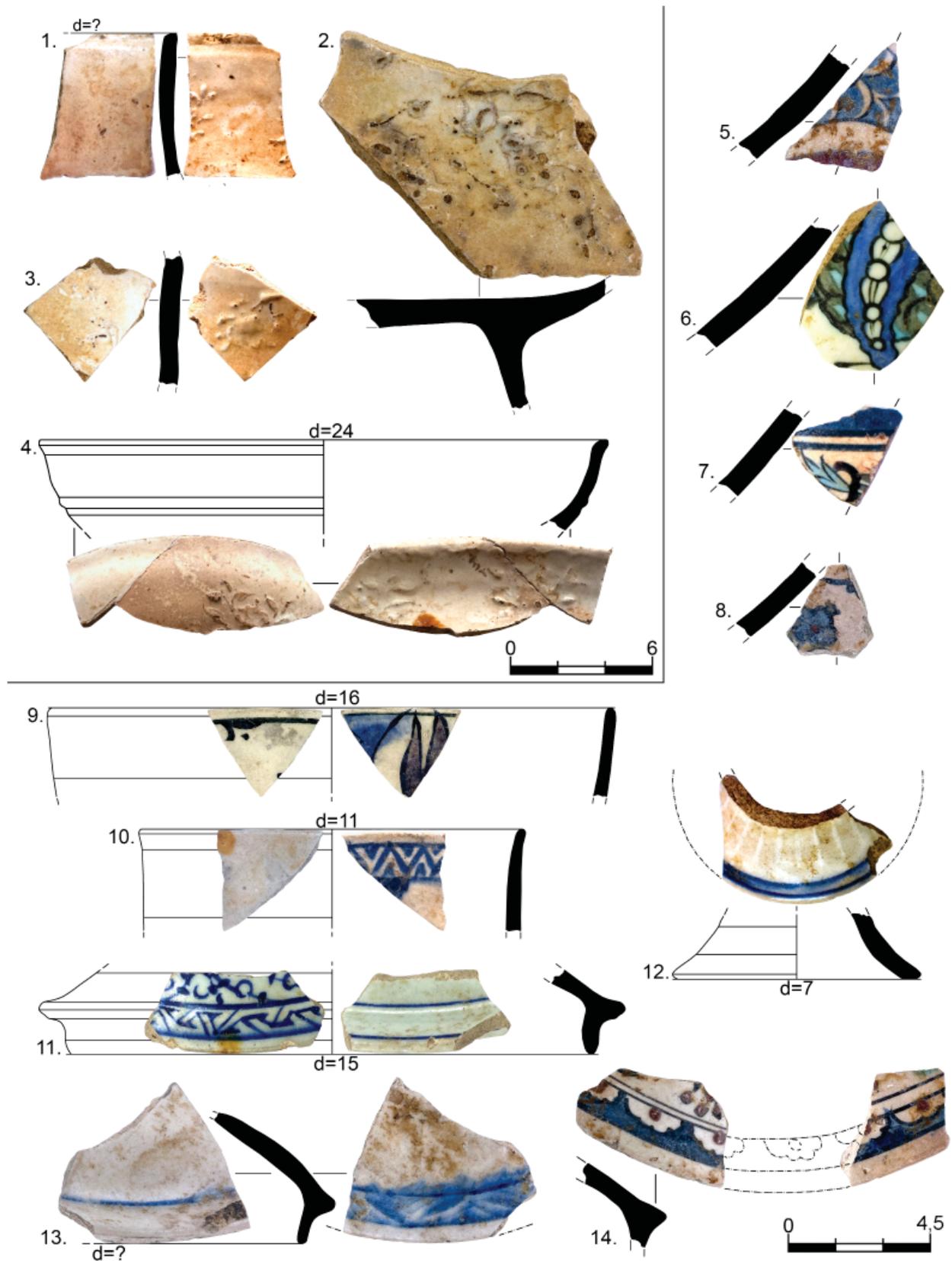

Рис. 8. Бахчисарайский Ханский дворец. Раскопки 2018-2019 гг. Османский фаянс группы «Iznik Ware» из археологического комплекса второй половины XVI – первой половины XVII вв. на месте современного Гаремного корпуса.

Fig. 8. Bakhchisaray Khan's Palace. Excavations 2018-2019. Ottoman faience of the «Iznik Ware» group from the archaeological complex of the second half of the XVI – first half of the XVII centuries on the site of the modern Harem building.

Рис. 9. Бахчисарайский Ханский дворец. Раскопки 2018-2019 гг. Золотой перстень с именем «Кая (или Кыйя)-султан», дочери хана Селим-Гирея II (1743-1748), из слоя разрушения постройки конца XVII – начала XVIII вв. на месте Соколиной башни (чтение надписи И.В. Зайцева).

Fig. 9. Bakhchisaray Khan's Palace. Excavations 2018-2019. A gold ring with the name "Kaya (or Kyia)-Sultan", the daughter of Khan Selim Giray II (1743-1748), from the layer of destruction of building of the late XVII – early XVIII centuries on the place of Sokolinaya tower (reading of inscription by I. V. Zaitsev).

Рис. 10. Бахчисарайский Ханский дворец. Раскопки 2018-2019 гг. Свитский корпус. Хозяйственная яма №5 (около 1750-1775 гг.). Заполнение. Образцы бытовой керамики с росписью линиями светлого ангоба (1-4), османского фаянса группы «Kütahya Ware» (5-6), глазурованной посуды группы «Monochrome (Green) Glazed Ware» (группа «Крым») (7).

Fig. 10. Bakhchisaray Khan's Palace. Excavations 2018-2019. Svitskiy building. Grain pit No. 5 (about 1750-1775). Filling. Samples of household ceramics with painted lines of light angobe (1-4), Ottoman faience of the group "Kütahya Ware" (5-6), glazed dishes of the group "Monochrome (Green) Glazed Ware" (group "Crimea") (7).

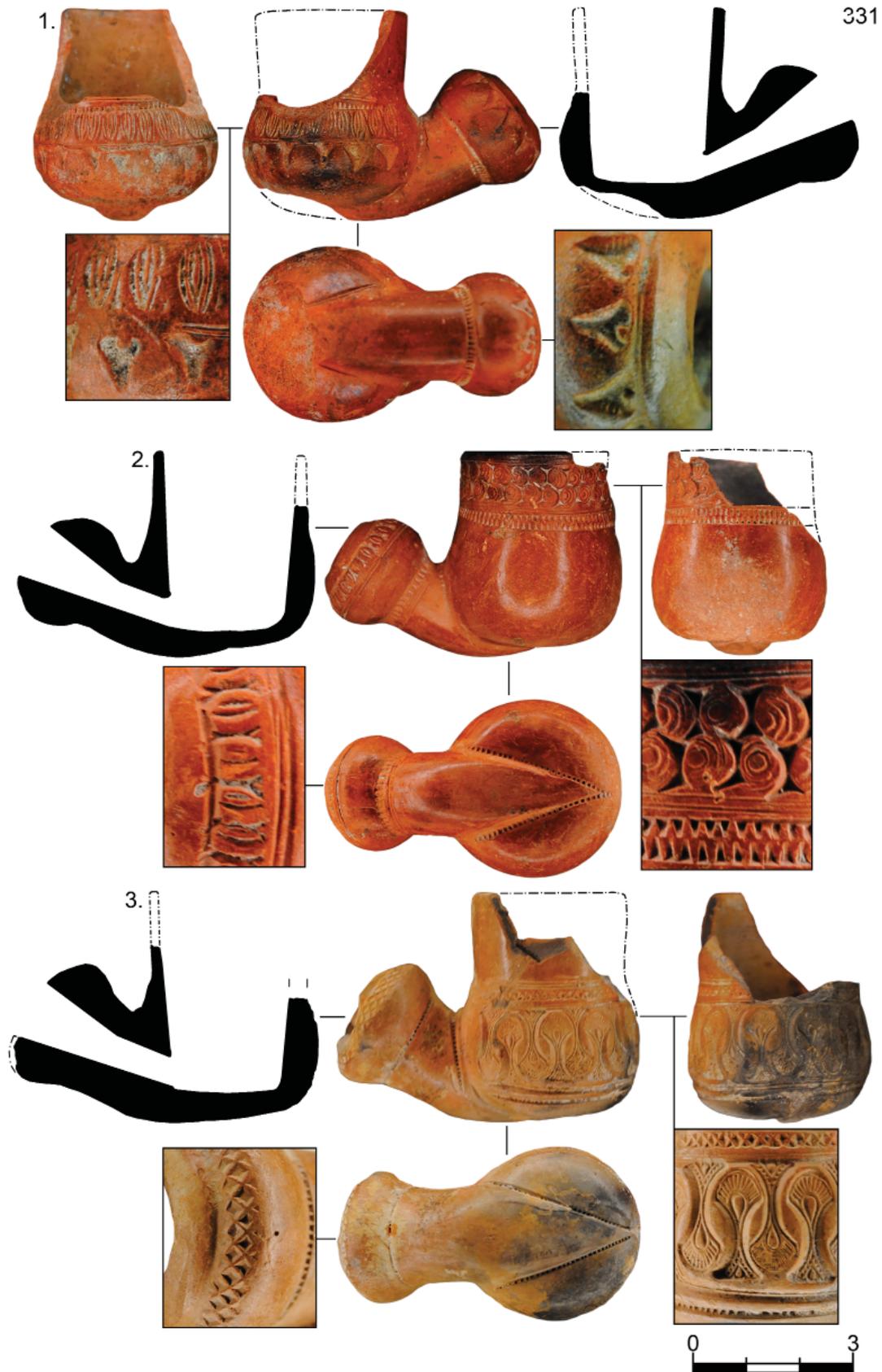

Рис. 11. Бахчисарайский Ханский дворец. Раскопки 2018-2019 гг. Свитский корпус. Хозяйственная яма №5 (около 1750-1775 гг.). Заполнение. Образцы османских курительных трубок.
Fig. 11. Bakhchisaray Khan's Palace. Excavations 2018-2019. Svitskiy building. Grain pit No. 5 (about 1750-1775). Filling. Samples of Ottoman tobacco pipes.

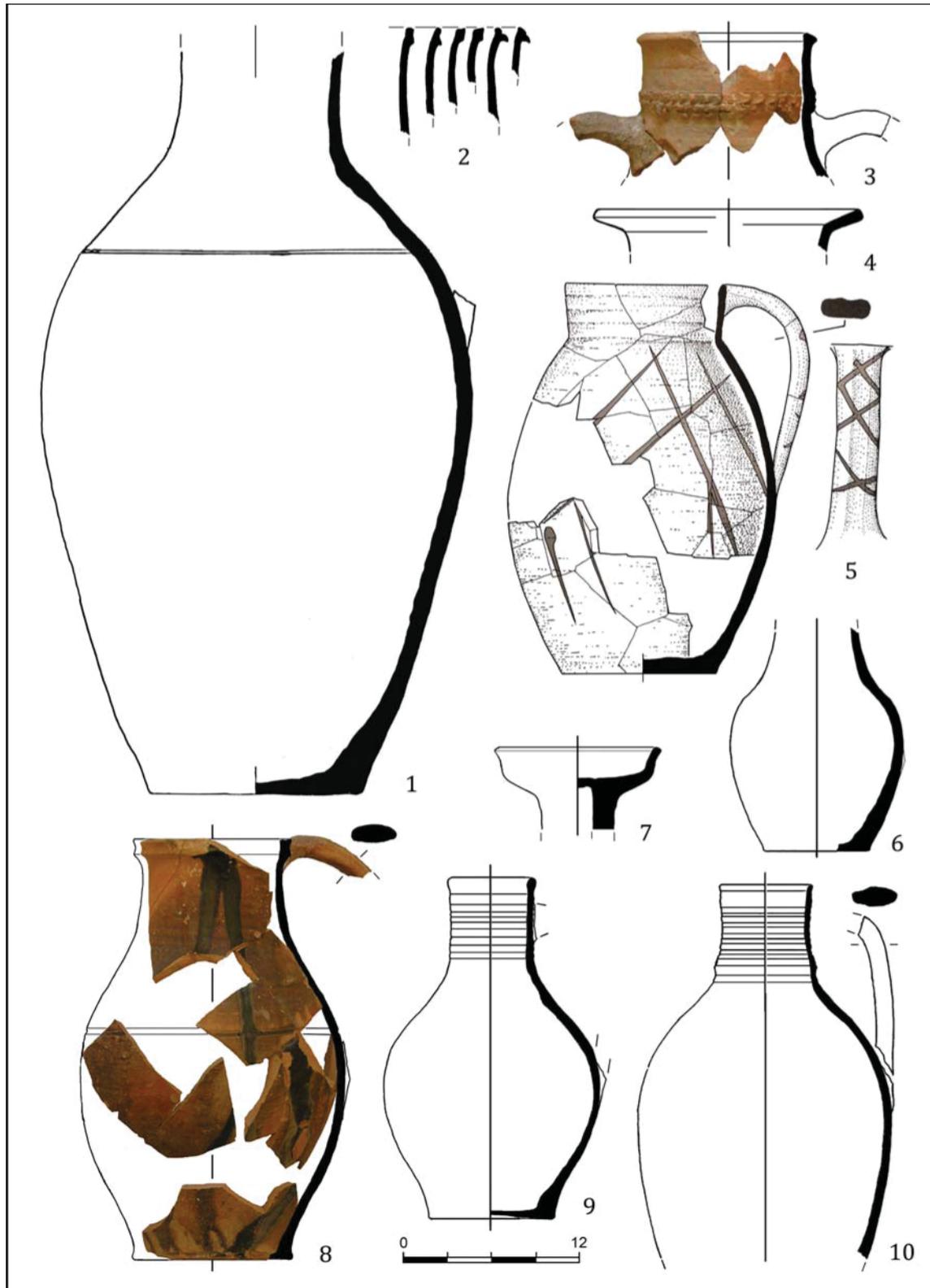

Рис. 12. Неглазуванная керамика Крыма конца XV – начала XVII вв. из раскопок Судак (1-4, 6-10) и Алушты (5): 1-7 – группа «Юго-Восточный Крым»; 8-10 – «подражания группы «горшков с рельсовидным венчиком» (по: Тесленко, Алядинова, 2019, с. 304, рис. 5).

Fig. 12. Unglazed pottery of the Crimea of the late XV – early XVII centuries from the excavations of Sudak (1-4, 6-10) and Alushta (5): 1-7 – group "South-Eastern Crimea"; 8-10 – "imitations of the "Pots with rails-shape rims" group" (according to: Teslenko, Aladinova, 2019, p. 304, fig.5).

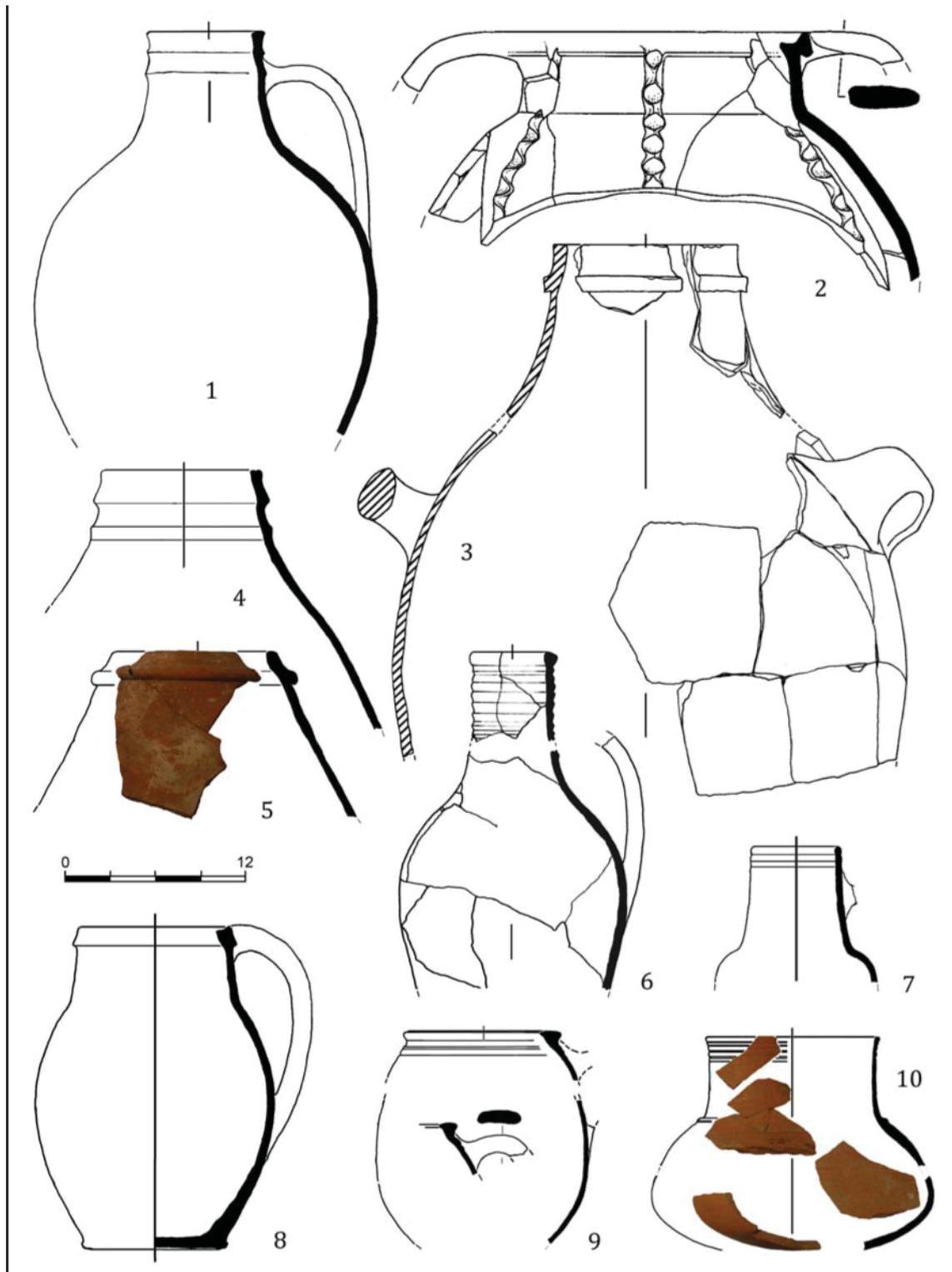

Рис. 13. Неглазурованная керамика Крыма конца XV – начала XVII вв. Группа «горшков с рельсовидным венчиком» из раскопок Судак (1, 4-10), Алушты (2) и Партенита (3) (по: Тесленко, Алядинова, 2019, с. 302, рис. 4).

Fig. 13. Unglazed pottery of the Crimea of the late XV – early XVII centuries. The “Pots with rails-shape rims” group from the excavations of Sudak (1, 4-10), Alushta (2) and Partenit (3) (according to: Teslenko, Aladinova, 2019, p. 302, fig.4).

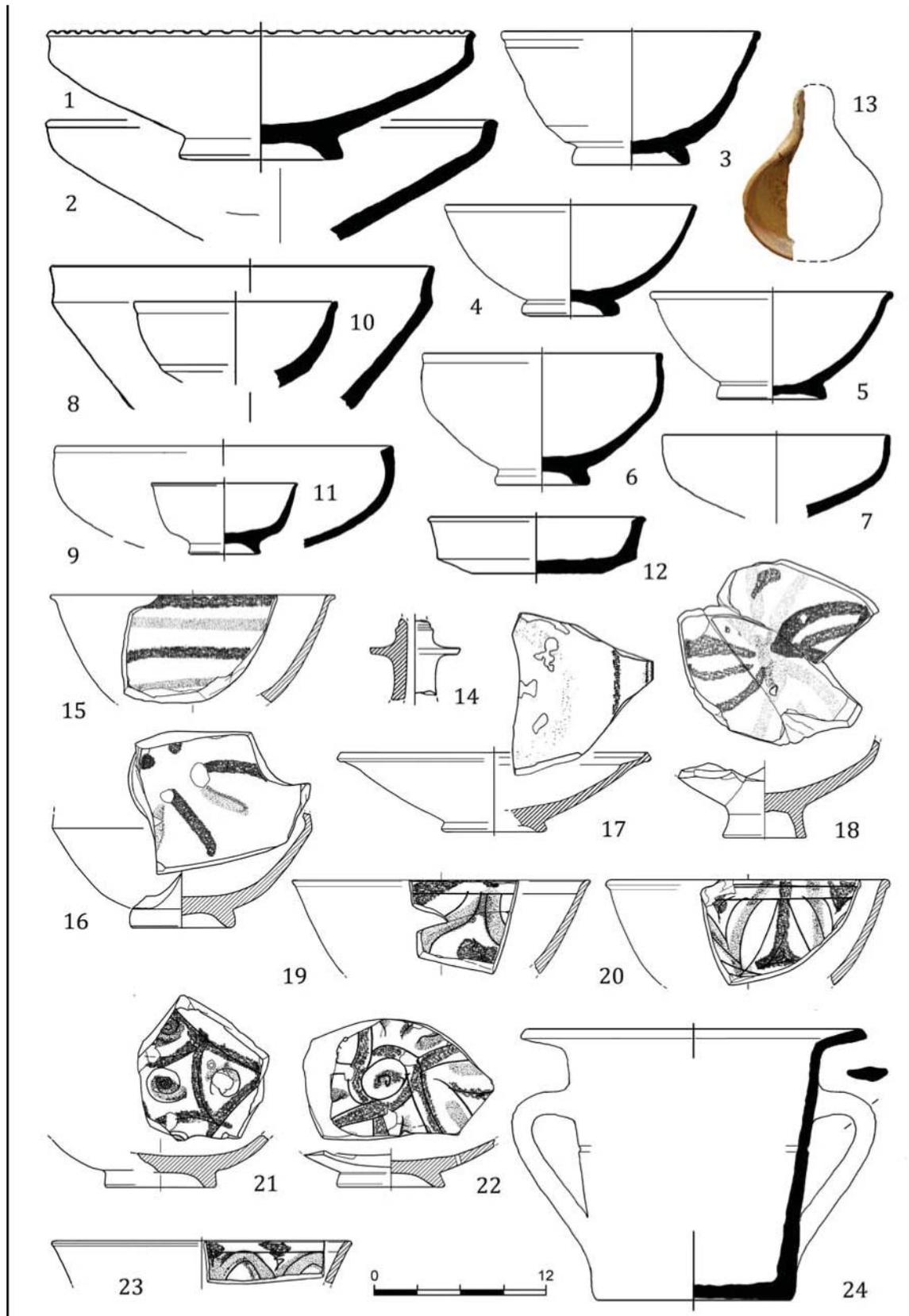

Рис. 14. Поливная керамика Крыма конца XV – начала XVII вв. Группа «Юго-Восточный Крым» из раскопок Судака (1-13, 24) и Алушты (14-23) (по: Тесленко, Алядинова, 2019, с. 307, рис. 6).

Fig. 14. Glazed Pottery of the Crimea of the late XV – early XVII centuries. A Group of "South-Eastern Crimea" from the excavations of Sudak (1-13, 24) and Alushta (14-23) (according to: Teslenko, Aladinova, 2019, p. 307, fig. 6).

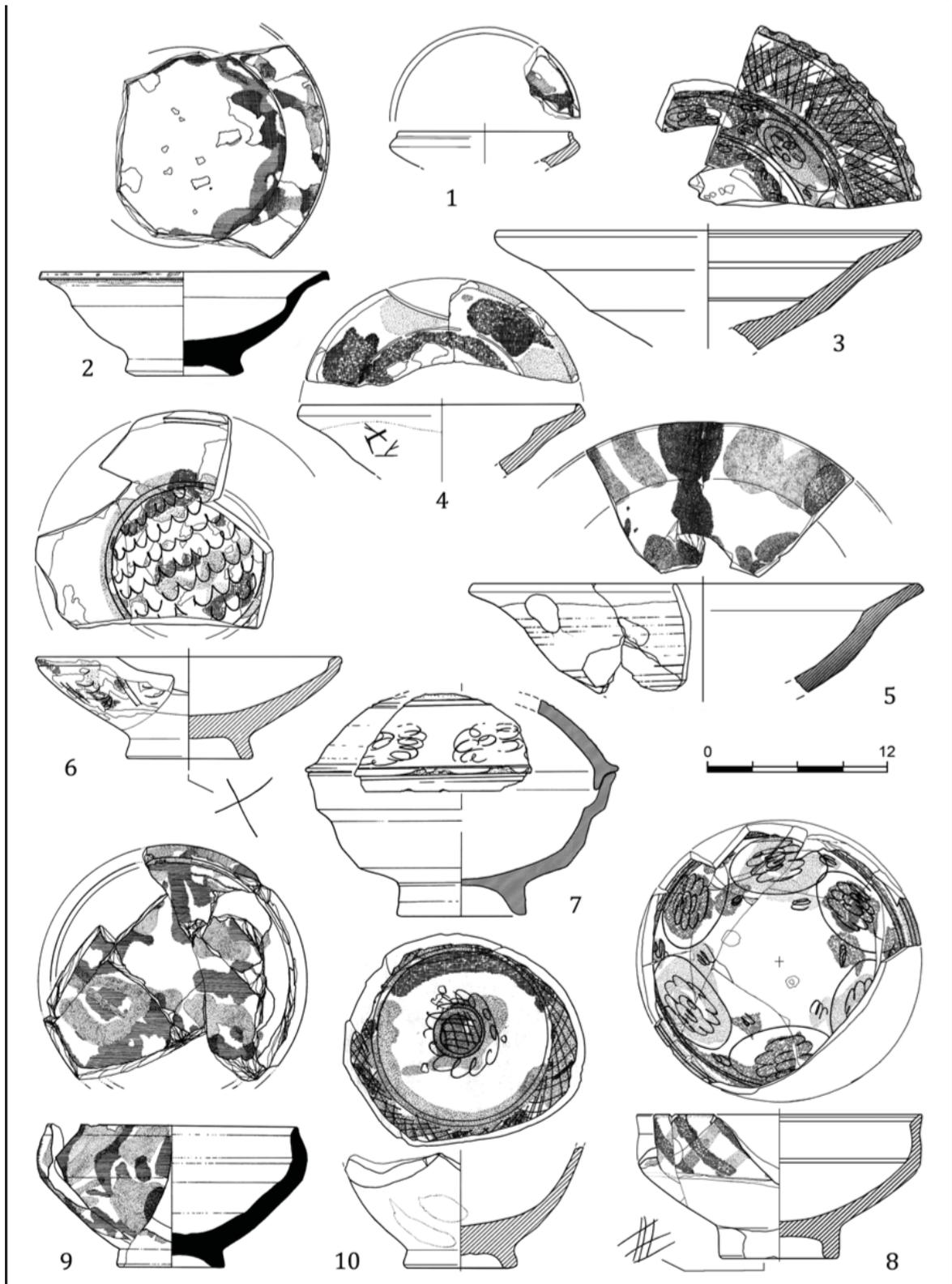

Рис. 15. Поливная керамика Крыма конца XV – начала XVII вв. периода. Группа «толстостенных чаш с бихромной расцветкой» из раскопок Алушты (2, 4-6, 9-10), Паргенита (1, 3, 8) и Балаклавы (7) (по: Тесленко, Алядинова, 2019, с. 310, рис. 7).

Fig. 15. Glazed Pottery of the Crimea of the late XV – early XVII centuries. A group of “thick-walled bowls with bichrome painting” from the excavations of Alushta (2, 4-6, 9-10), Partenite (1, 3, 8) and Balaklava (7) (according to: Teslenko, Aladinova, 2019, p. 310, fig. 7).

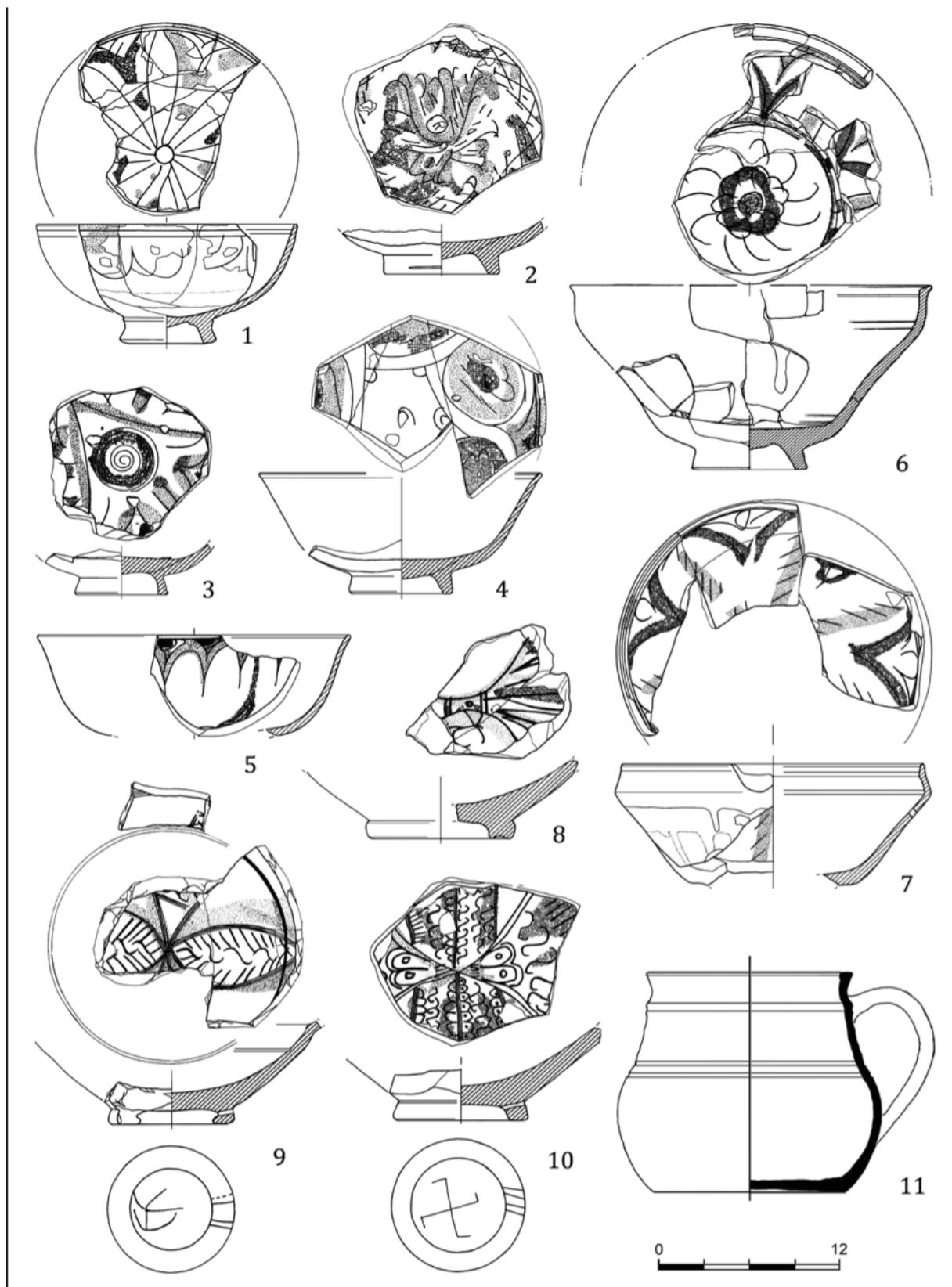

Рис. 16. Поливная керамика Крыма конца XV – начала XVII вв. периода из раскопок Алушты (1-5, 7-10), Малого Маяка (6) и Судака (11): 1-7 – группа «Мангуп»; 8-11 – османская поливная керамика (по: Тесленко, Алядинова, 2019, с. 311, рис. 8).

Fig. 16. Glazed Pottery of the Crimea of the late XV – early XVII centuries from the excavations of Alushta (1-5, 7-10), Maly Mayak (6) and Sudak (11): 1-7 – group "Mangup"; 8-11 – Ottoman glazed pottery (according to: Teslenko, Aladinova, 2019, p. 311, fig.8).

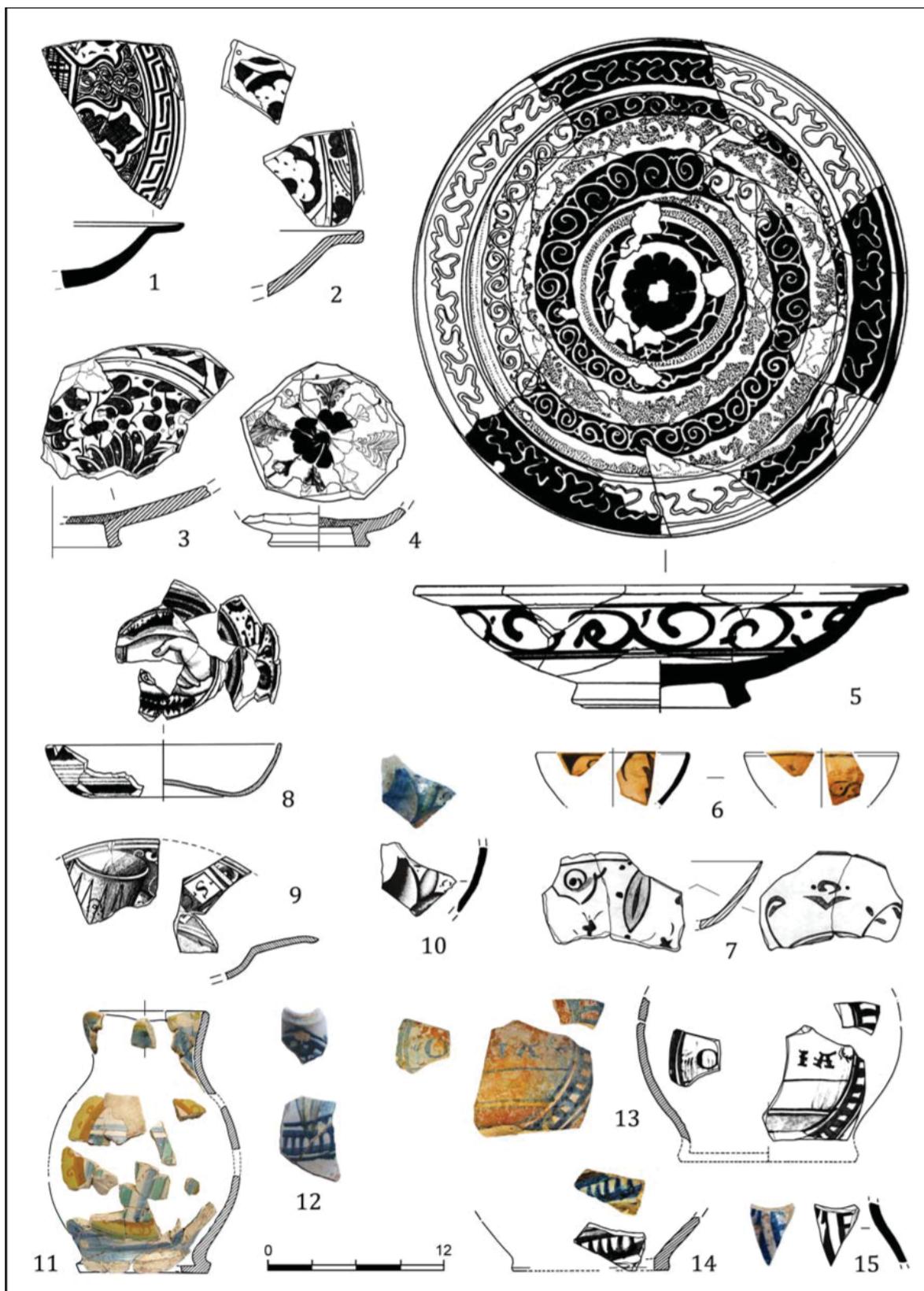

Рис. 17. Поливная керамика Крыма конца XV – начала XVII вв. периода из раскопок Алушты (1-5, 7, 10, 13-15), Балаклавы (8-9, 12) и Малого Маяка (11): 1-5 – группа «Miletus Ware»; 6-7 – фаянс группы «Iznik Ware»; 8-15 – группа «Maiolica Rinascimentali» (по: Тесленко, Алядинова, 2019, с. 312, рис. 9).

Fig. 17. Glazed Pottery of the Crimea of the late XV – early XVII centuries from the excavations of Alushta (1-5, 7, 10, 13-15), Balaklava (8-9, 12) and Maly Mayak (11): 1-5 – group "Miletus Ware"; 6-7 – faience group "Iznik Ware"; 8-15 – group "Maiolica Rinascimentali" (according to: Teslenko, Aladinova, 2019, p. 312, fig.9).

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ЗА 2020 Г.

Алексеев А.Н., Антонов Е.П. Новая книга по истории и культуре татарского народа, №1, 307

Аразова Р.Б. (*Баку, Азербайджан*) Орудия земледелия поселения Аликемектепе (по данным экспериментально-трассологического изучения), №3, 269

Ахметгалеева Н.Б. (*Курчатов, Россия*) Использование техники раскалывания и ретуширования при изготовлении костяных изделий по материалам многослойной стоянки Быки-7 в курском Посеймье, №3, 202

Бакаев С.Е. (*Набережные Челны, Россия*) см. **Лыганов А.В.** (*Казань, Россия*), №2, 318

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. (*Пермь, Россия*) К юбилею профессора Владимира Александровича Иванова, №3, 373

Белорыбкин Г.Н., Гусынин В.А., Измайлов И.Л. Вооружение населения юго-западной Болгарии (X - середина XIII века) №1.

Беляев А.В. (*Казань, Россия*) см **Ганбат Н.** (*Улан-Батор, Монголия*), №6, 179

Беляева В.С. (*Тверь, Россия*) Эволюция системы питания населения Верхнего Поволжья в эпоху первобытности, №5, 55

Бобров Л.А. (*Новосибирск, Россия*), **Кушкумбаев А.К.** (*Астана, Казахстан*) Шлем ойратского воина из собрания Акмолинского областного историко-краеведческого музея. №6, 366

Бобров Л.А., Пронин А.О., Филиппович Ю.А. (*Новосибирск, Россия*) Сабля Монгольского времени из Минусинской котловины. №6, 354

Богданов В.О. (*Тверь, Россия*) Реконструкция палеорельефа и археологическое изучение территории Ивановского и Угличского водохранилищ с использованием ГИС-технологий, №5, 62

Бостанова Т.М. (*Душанбе, Таджикистан*) см **Скакун Н.Н.** (*Санкт-Петербург, Россия*), №3, 323

Бурханов А.А., Измайлов И.Л., Рахматуллина Ч.З. (*Казань, Россия*) Находка золотоордынского зеркала в бассейне реки Ик. №6, 379

Васильева Н.Б. Каменная индустрия мезолитических стоянок Молого-Шекснинского междуречья. №3

Валеев Р.Р. (*Казань, Россия*) Уникальная находка кинжала из Болгара XIV–XV вв. №6, 248

Вильданова Е.В. (*Оренбург, Россия*) Проблема существования «торгового пути Геродота»: историографический аспект, №5, 137

Воробьева Е.Е. (*Казань, Россия*) Ландшафтные факторы в организации жилого пространства населения Марийского Поволжья во II–I тыс. до н.э., №5, 89

Втюрина К.Н., Четвертаков Е.В. (*Нижний Новгород, Россия*) Языческие традиции мордвы-терюхан в условиях христианского мира, №5, 169

Вязов Л.А. (*Казань, Россия*), **Михайлов Е.П.** (*Чебоксары, Россия*), **Макарова Е.М.** (*Казань, Россия*), **Мясникова А.Б., Мясников Н.С.** (*Чебоксары, Россия*), **Петрова Д.А., Салова Ю.А.** (*Казань, Россия*), **Силанов Р.А.** (*Тольятти, Россия*) Исследования памятников Среднего и Нижнего Посурья в рамках работы международной археологической экспедиции в 2015–2019 гг., №3, 354

Вязов Л.А., Петрова Д.А. (*Казань, Россия*), **Кондрашин В.В.** (*Самара, Россия*), **Салова Ю.А.** (*Казань, Россия*) Комплекс предметов вооружения из окрестностей с. Комаровка Ульяновской области: к изучению оружия ближнего боя у населения именьковской культуры №6, 100

Газимзянов И.Р. (*Казань, Россия*) Антропологическая характеристика материалов раннесредневекового мусульманского некрополя у с. Сидорово, №4, 313

Галимова М.Ш. (*Казань, Россия*), **Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф.** (*Самара, Россия*) Предварительные результаты функционального анализа каменного инвентаря стоянки Гора Маяк в Среднем Поволжье, №3, 317

Ганбат Н. (*Улан-Батор, Монголия*), **Ситдииков А.Г., Измайлов И.Л.** (*Казань, Россия*), **Улзийбаяр С., Батсүрэн Б.** (*Улан-Батор, Монголия*), **Беляев А.В.** (*Казань, Россия*), **Очир Б.** (*Улан-Батор, Монголия*) Археологические исследования фортификации северной цитадели городища Бийбулаг (средневековый город Байбалык): предварительные итоги. №6, 179

- Глушич А.М.** (Москва, Россия) см **Хапаев В.В.** (Севастополь, Россия). №6, 165
- Голубева Е.Н., Чижевский А.А.** (Казань, Россия) Каменный инвентарь энеолитических погребений Мурзихинского II могильника. №3, 275
- Голубева Е.Н., Чижевский А.А.** (Казань, Россия) Сланцевые подвески из энеолитических погребений Мурзихинского II могильника: морфолого-функциональный анализ. №5, 76
- Горащук И.В.** (Самара, Россия) см. **Скакун Н.Н.** (Санкт-Петербург, Россия), №3, 323
- Горбунов В.В., Тишкин А.А., Семибратов В.П.** (Барнаул, Россия) Воинский комплекс сrostкинской культуры из пос. Горный в северных предгорьях Алтая. №6, 234
- Гордин И.А.** (Ростов-на-Дону, Россия) см. **Гордин И.А.** (Ростов-на-Дону, Россия), №5, 159
- Губайдуллин А.М.** (Казань, Россия) Вооружен и очень научен (60-летнему юбилею археолога и военного историка Искандера Леруновича Измайлова. №6, 8
- Губайдуллин А.М., Измайлов Б.И.** (Казань, Россия) Список основных трудов И.Л. Измайлова по оружиюведению и военной истории народов Евразии. №6, 23
- Губайдуллин А.М., Хамзин Р.Н.** (Казань, Россия) О крепостных сооружениях Свияжска. №6, 382
- Гусач И.Р.** (Азов, Россия) см. **Колесник А.В.** (Ростов-на-Дону, Россия; Донецк, Украина) №3, 296
- Гутьеррес Саез К.** (Мадрид, Испания) см. **Скакун Н.Н.** (Санкт-Петербург, Россия), №3, 323
- Данич А.В.** (Пермь, Россия) К вопросу об интерпретации одного типа шлемов, найденного на территории Пермского Предуралья. №6, 157
- Дараган М.Н., Полин С.В.** (Киев, Украина) Сопровождающие захоронения коней во входных ямах катакомб и подбоев степной Скифии второй половины V – IV вв. до н.э. №6, 42
- Доткин К.В.** (Тамбов, Россия) см. **Саттаров Р.Р.** (Казань, Россия), №5, 119
- Емельянова Ю.А.** (Иркутск, Россия) см. **Поплевко Г.Н.** (Санкт-Петербург, Россия), №3, 257
- Жилин М.Г.** (Москва, Россия) см. **Руев В.Л.** (Симферополь, Россия), №3, 237
- Жилин М.Г.** (Москва, Россия) см. **Скакун Н.Н.** (Санкт-Петербург, Россия), №3, 323
- Жилин М.Г.** (Москва, Россия) Технология изготовления роговых муфт в мезолите Волго-Окского междуречья, №3, 223
- Зубавичус Е.Я.** (Москва, Россия) см. **Петровичева Т.О.** (Москва, Россия), №5, 17
- Иванов В.А.** (Уфа, Россия) Археология комплексов вооружения кочевников Улуса Джучи (Золотой Орды). №6, 226
- Измайлов Б.И.** (Казань, Россия) см **Губайдуллин А.М.** (Казань, Россия) №6, 23
- Измайлов И.Л.** (Казань, Россия) см **Ганбат Н.** (Улан-Батор, Монголия) №6, 179
- Измайлов И.Л.** (Казань, Россия) Комплекс вооружения Улуса Джучи (Золотой Орды): теория и практика военной археологии. №6, 279
- Измайлов И.Л.** (Казань, Россия) см. **Бурханов А.А.** (Казань, Россия) №6, 379
- Илюшин Б.А.** (Новосибирск, Россия) Два наконечника пик из собрания Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. №6, 387
- Карпухин С.В.** (Москва, Россия) Холмогорская резьба по кости: литературный обзор, №5, 50
- Кашей О.А.** (Казань, Россия) Наскальные изображения Караташа, №5, 39
- Кичигин Д.Е.** (Иркутск, Россия) см. **Поплевко Г.Н.** (Санкт-Петербург, Россия), №3, 257
- Ключников В.В.** (Ростов-на-Дону, Россия) см **Флёров В.С.** (Москва, Россия), №6, 193
- Коваленко С.И.** (Кишинеу, Республика Молдова) см. **Скакун Н.Н.** (Санкт-Петербург, Россия), №3, 194
- Кондрашин В.В.** (Самара, Россия) см. **Вязов Л.А.** (Казань, Россия). №6, 99
- Колесник А.В.** (Ростов-на-Дону, Россия; Донецк, Украина), **Гусач И.Р.** (Азов, Россия) Ружейные и кресальные кремни, элементы ружей XVII–XVIII вв. из Черкасской крепости на Нижнем Дону, №3, 296
- Коновалова К.Ю.** (Пермь, Россия) Определение возраста млекопитающих по костным остаткам, №5, 12
- Костылёва А.А.** (Белгород, Россия) см. **Святой Я.С.** (Белгород, Россия) №5, 174
- Кочкина А.Ф.** (Самара, Россия) см. **Галимова М.Ш.** (Казань, Россия), №3, 317

- Кравченко Э.Е.** Сидоровский археологический комплекс на р. Северский Донец, №4.
Кравченко Э.Е. (*Донецк, Украина*) Предметы вооружения и конского снаряжения хазарско-го времени (среднее течение Северского Донца). №6, 198
- Крамаровский М.Г.** (*Санкт-Петербург, Россия*), **Сейдалиев Э.И.** (*Симферополь, Казань, Россия*) Оборонительные сооружения средневекового Солхата (Историко-археологический анализ). №6, 316
- Красноперов А.А.** (*Ижевск, Россия*) К вопросу о ранней дате пьяноборских памятников. Ч.3: «ножи с горбатой спинкой», №2 324
- Крыласова Н.Б.** (*Пермь, Россия*) см. **Белавин А.М.** (*Пермь, Россия*), №3, 373
- Кушкумбаев А.К.** (*Астана, Казахстан*) см. **Бобров Л.А.** (*Новосибирск, Россия*), №6, 393
- Лазарева К.С.** (*Самара, Россия*) Проблема разрушений на Боспоре конца VI - начала V вв. до н.э. и боспоро-ахеменидский вопрос, №5, 143
- Лифанов Н.А.** (*Самара, Россия*) Алексеевское погребение (к вопросу о памятниках «авиловского» типа на Нижней и Средней Волге). №6, 224
- Лоллекова О.** (*Ашхабад, Туркменистан*) Производственные комплексы поселения джейтунской культуры Гадымы-Депе (Республика Туркменистан), №3, 313
- Лыганов А.В.** (*Казань, Россия*) Мальцевская IV стоянка позднего бронзового века на р.Тойма в Нижнем Прикамье, №5, 182
- Лыганов А.В.** (*Казань, Россия*), **Морозов В.В.**, **Смирнов Л.А.** (*Москва, Россия*), **Хуснутдинов Э.А.** (*Казань, Россия*), **Бакаев С.Е.** (*Набережные Челны, Россия*) Находки изделий ананьинской культурно-исторической области на территории могильника и селища Такталачук в нижнем течении р. Белой, №2, 318
- Макарова Е.М.** (*Казань, Россия*) см. **Вязов Л.А.** (*Казань, Россия*), №3, 354
- Макласова Л.Э.** (*Казань, Россия*), **Гордин И.А.** (*Ростов-на-Дону, Россия*) Элементы головных уборов из двух погребений курганного могильника Дядьковский 45, №5,159
- Маркелов А.Ю.** (*Самара, Россия*) Из истории раскопок мавзолея Августа, №5, 151
- Матева Б.** (*София, Болгария*) Кремневые находки на территории фракийского города «Соборяново», №3, 285
- Матева Б.** (*София, Болгария*) см. **Скакун Н.Н.** (*Санкт-Петербург, Россия*), №3, 323
- Мингазов Ш.Р.** (*Москва, Россия*) Булгарские рыцари Лангобардского королевства. №6, 131
- Митряков А.Е.**, **Черных Е.М.** (*Ижевск, Россия*) Сборы на р. Кырыкмас: к вопросу о перспективах выявления нового ареала памятников археологии на территории Удмуртии и Татарстана, №2, 310
- Михайлов Е.П.** (*Чебоксары, Россия*) см. **Вязов Л.А.** (*Казань, Россия*), №3, 354
- Морозов В.В.** (*Москва, Россия*) Керамика опорных памятников камской неолитической культуры в Нижнем Прикамье, №3, 330
- Морозов В.В.** (*Москва, Россия*) см. **Лыганов А.В.** (*Казань, Россия*), №2, 318
- Муньос Моро П.** (*Мадрид, Испания*) см. **Скакун Н.Н.** (*Санкт-Петербург, Россия*), №3, 323
- Мухаметшин Д.Г.** (*Казань, Россия*) см. **Федан П.В.** (*Казань, Россия*) №5, 215
- Мясникова А.Б.** (*Чебоксары, Россия*) см. **Вязов Л.А.** (*Казань, Россия*), №3, 354
- Назарова А.Ю.** (*Пермь, Россия*) Проявление признаков неолитического пакета на территории лесной полосы в VII – IV тыс. до н.э., №5, 69
- Нарожный Е.И.** (*Краснодар, Россия*) Из истории изучения средневекового вооружения XIII-XIV вв. (Юбилейная и полемические заметки). №6, 301
- Науменко В.Е.** (*Симферополь, Россия*) Введение в Османскую археологию Крыма. О предмете научной дисциплины и основных направлениях современных исследований. №6, 418
- Нефёдкин А.К.** (*Белгород, Россия*) Колесницы и нарты: к проблеме реконструкции тактики, №6, 33
- Новиков А.В.** (*Кострома, Россия*) К вопросу о развитии сетчатых керамических традиций в поздний период эпохи бронзы - раннем железном веке в окрестностях Галичского озера (по материалам городища Брюхово), №2, 329
- Овсянников В.В.** (*Уфа, Россия*) Об одном типе ножен рубежа эр в Урало-Поволжье. №6, 87
- Очир Б.** (*Улан-Батор, Монголия*) см. **Ганбат Н.** (*Улан-Батор, Монголия*), №6, 179

Павлик А. (*Кесон-Сити, Филиппины*) см. **Скакун Н.Н.** (*Санкт-Петербург, Россия*), №3, 323

Пенской В.В. (*Белгород, Россия*) Возвращаясь к вопросу о численности русской рати на Куликовом поле. №6, 337

Петрова Д.А. (*Казань, Россия*) см. **Вязов Л.А.** (*Казань, Россия*), №3, 354

Петрова Д.А. (*Казань, Россия*) см. **Вязов Л.А.** (*Казань, Россия*), №6, 100

Петровичева Т.О., Зубавичус Е.Я. (*Москва, Россия*) Особенности использования кости, как топлива для костров, в верхнем палеолите русской равнины, №5, 17

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. (*Донецк, Украина*) «...Колесница моя позлащенна и кони мои тучны...» (о социологической интерпретации погребений с древнейшими псалиями степной Евразии), №2, 278

Полин С.В. (*Киев, Украина*) см. **Дараган М.Н.** (*Киев, Украина*) №6, 42

Поплевко Г.Н. (*Санкт-Петербург, Россия*), **Уланов А.А., Кичигин Д.Е., Емельянова Ю.А., Харинский А.В.** (*Иркутск, Россия*) Трасологический анализ сопроводительного инвентаря неолитического погребения № 8 могильника Мыс Уюга (западное побережье озера Байкал), №3, 257

Пронин А.О. (*Новосибирск, Россия*) см. **Бобров Л.А.** (*Новосибирск, Россия*), №6, 354

Рахматуллина Ч.З. (*Казань, Россия*) см. **Бурханов А.А.** (*Казань, Россия*) №6, 379

Руденко К.А. (*Казань, Россия*) Датировка археологических памятников XIV – начала XV в. низовий Камы, №5, 198

Руев В.Л. (*Симферополь, Россия*), **Жилин М.Г.** (*Москва, Россия*) Экспериментальное изучение мезолитических кремневых топоров на отщепках, №3, 237

Рукина Н.С. (*Воронеж, Россия*) Швейный инвентарь на палеолитических стоянках, №5, 33

Салова Ю.А. (*Казань, Россия*) см. **Вязов Л.А.** (*Казань, Россия*), №3, 354

Салова Ю.А. (*Казань, Россия*) см. **Вязов Л.А.** (*Казань, Россия*), №6, 100

Саттаров Р.Р. (*Казань, Россия*) Результаты исследований Кипчаковского II могильника пьяноборской культуры в Икско-Бельском междуречье в 2015 году, №5, 104

Саттаров Р.Р. (*Казань, Россия*), **Доткин К.В.** (*Тамбов, Россия*) Изделия из цветных металлов и сплавов Кипчаковского II могильника пьяноборской культуры, №5, 119

Святой Я.С., Костылёва А.А. (*Белгород, Россия*) Об истории изучения курганных древностей, расположенных на территории современной Белгородской области, №5, 174

Сейдалиев Э.И. (*Симферополь, Казань, Россия*) см. **Крамаровский М.Г.** (*Санкт-Петербург, Россия*), №6, 316

Сериков Ю.Б. (*Нижний Тагил, Россия*) Использование костей животных палеолитическим населением рек Сосьвы и Тавды, №3, 212

Силанов Р.А. (*Тольятти, Россия*) см. **Вязов Л.А.** (*Казань, Россия*), №3, 354

Ситдинов А.Г. (*Казань, Россия*) см. **Федан П.В.** (*Казань, Россия*) №5, 215

Ситдинов А.Г. (*Казань, Россия*), см. **Ганбат Н.** (*Улан-Батор, Монголия*), №6, 179

Скакун Н.Н. (*Санкт-Петербург, Россия*), **Жилин М.Г.** (*Москва, Россия*), **Гутьеррес Саез К.** (*Мадрид, Испания*), **Павлик А.** (*Кесон-Сити, Филиппины*), **Горащук И.В.** (*Самара, Россия*), **Терехина В.В.** (*Санкт-Петербург, Россия*), **Матева Б.** (*София, Болгария*), **Бостанова Т.М.** (*Душанбе, Таджикистан*), **Шульга Д.М.** (*Санкт-Петербург, Россия*), **Муньос Моро П.** (*Мадрид, Испания*) Результаты экспериментально-трасологических исследований, проводившихся в летней археологической школе в Болгаре (Республика Татарстан), №3, 323

Скакун Н.Н. (*Санкт-Петербург, Россия*), **Коваленко С.И.** (*Кишинева, Республика Молдова*), **Терехина В.В.** (*Санкт-Петербург, Россия*) Результаты изучения каменных предметов из слоя 2Б многослойной стоянки Косэуць (Республика Молдова), №3, 194

Смертин А.Р. (*Пермь, Россия*) Попытка реконструкции технологии изготовления железных кочедыков Пермского Предуралья, №5, 93

Смирнов Л.А. (*Москва, Россия*) см. **Лыганов А.В.** (*Казань, Россия*), №2, 318

Сташенков Д.А. (*Самара, Россия*) см. **Галимова М.Ш.** (*Казань, Россия*), №3, 317

Сташенков Д.А. (*Самара, Россия*) К юбилею Анны Федоровны Кочкиной, №3, 379

Терехина В.В. (*Санкт-Петербург, Россия*) Результаты изучения каменных ножей Эквенского могильника (этнотрасологический анализ), №3, 187

Терехина В.В. (Санкт-Петербург, Россия) см **Скакун Н.Н.** (Санкт-Петербург, Россия), №3, 323

Терехина В.В. (Санкт-Петербург, Россия) см. **Скакун Н.Н.** (Санкт-Петербург, Россия), №3, 194

Тишкин А.А. (Барнаул, Россия) см **Горбунов В.В.** (Барнаул, Россия). №6, 207

Толстых Д.С. (Воронеж, Россия) Результаты эксперимента по изготовлению браслета из бивня мамонта, №5, 29

Уланов А.А. (Иркутск, Россия) см **Поплевко Г.Н.** (Санкт-Петербург, Россия), №3, 257

Улзийбаяр С. (Улан-Батор, Монголия) см **Ганбат Н.** (Улан-Батор, Монголия). №6, 179

Федан П.В., Мухаметшин Д.Г., Храмченкова Р.Х., Ситдииков А.Г. (Казань, Россия) Химический состав серебряных монет второй половины XIV – первой трети XV, вв. имевших хождение в Болгарском Улусе, №5, 215

Филиппович Ю.А. (Новосибирск, Россия) см. **Бобров Л.А.** (Новосибирск, Россия), №6, 353

Флёров В.С. (Москва, Россия), **Ключников В.В.** (Ростов-на-Дону, Россия) Правобережная Цимлянская крепость: конструкция кладки стен. №6, 193

Хамзин Р.Н. (Казань, Россия) см. **Губайдуллин А.М.** (Казань, Россия) №6, 410

Харинский А.В. (Иркутск, Россия) см **Поплевко Г.Н.** (Санкт-Петербург, Россия), №3, 257

Харинский А.В. (Иркутск, Россия) Пальмы с втульчатый наконечником из байкальского региона и их поздние модификации. №6, 366

Хапаев В.В. (Севастополь, Россия), **Глушич А.М.** (Москва, Россия) Роль физической культуры и спорта в подготовке массового призывного контингента в Византийской империи. №6, 165

Хисяметдинова А.А. (Казань, Россия) см. **Чижевский А.А.** (Казань, Россия) №2.

Храмцов М.В. (Екатеринбург, Россия) Наконечники кельтеминарского типа: специфика источника, №5, 98

Храмченкова Р.Х. (Казань, Россия) см. **Федан П.В.** (Казань, Россия) №5, 215

Худяков Ю.С. (Новосибирск, Россия) Изображения копий и знамен у сибирских татарских воинов (по материалам «Краткой Сибирской (Кунгурской) летописи»). №6, 405

Хуснутдинов Э.А. (Казань, Россия) см. **Лыганов А.В.** (Казань, Россия), №2, 318

Цимиданов В.В. (Донецк, Украина) см. **Подобед В.А.** (Донецк, Украина), №2, 278

Черных Е.М. (Ижевск, Россия) см. **Черных Е.М.** (Ижевск, Россия), №2, 310

Четвертаков Е.В. (Нижний Новгород, Россия) см. **Втюрина К.Н.** (Нижний Новгород, Россия) №5, 169

Чижевский А.А., Хисяметдинова А.А. (Казань, Россия) Оборонительные сооружения мысовых городищ Волго-Камья в раннем железном веке и раннем средневековье. №2.

Чижевский А.А. (Казань, Россия) см. **Голубева Е.Н.** (Казань, Россия), №5, 76

Шмырина М.Е. (Пермь, Россия) Технология подготовки костного материала для его последующей обработки и изготовления изделий: экспериментальные данные, №5, 25

Шульга Д.М. (Санкт-Петербург, Россия) см **Скакун Н.Н.** (Санкт-Петербург, Россия), №3, 323

Эсакиа К.М. (Тбилиси, Грузия) Обсидиан – основное сырье для оружейных комплексов древнеземледельческих культур Кавказа, №3, 266

Gutiérrez Sáez C., Muñoz Moro P. (Madrid, Spain) Traceology on Metal. Experiments and Interpretation of the Archaeological Items, №3, 172

Hunter Muirhead (Ann Arbor, USA) Integrating Built Environment Theory in Developing a Unified Approach for Understanding Human Environment Interaction, №5, 5.

Muñoz Moro P. (Madrid, Spain) см. **Gutiérrez Sáez C.** (Madrid, Spain) №3, 172

Radwa Salem (Konya, Turkey) Animal sacrifice in Ancient Greece. Bibliographic Essay, №5, 130

Vučković V. (Paraćin, Serbia) Use of macro-lithics in the pottery production during the Late Neolithic of the central Balkans, №3, 249

INDEX OF THE AUTHORS 2020

Akhmetgaleeva N.B. (Kurchatov, Russian Federation) Use of Bone Knapping and Retouch: materials of the latest studies of the multi-layered Byki-7 site in Kursk Seim region. No 3, 202

- Alekseev A.N., Antonov E.P.** "The Tatar World" Book Review, **No 1, 307**
- Arazova R.B.** (*Baku, Azerbaijan*) Agricultural Tools of Alikemektepe Settlement (On the Basis of Experimental and Traceological Studies) **No 3, 269**
- Bakaev S.E.** (*Naberezhnye Chelny, Russian Federation*) look **Lyganov A.V.** (*Kazan, Russian Federation*), **No 2, 318**
- Batsuren B.** (*Ulaanbaatar, Mongolia*) look **Ganbat N.** (*Ulaanbaatar, Mongolia*), **No 6, 178**
- Belavin A.M., Krylasova N.B.** (*Perm, Russian Federation*) The 70th Anniversary of Professor Vladimir A. Ivanov. **No 3, 373**
- Belyaev A.V.** (*Kazan Russian Federaation*) look **Ganbat N.** (*Ulaanbaatar, Mongolia*), **No 6, 179**
- Belyaeva V.S.** (*Tver, Russian Federation*) Evolution of the Nutrition System of the Population of the Upper Volga Region in the Primeval Period, **No 5, 55**
- Belorybkin G.N., Gusynin V.A., Izmailov I.L.** Armament of the Population of South-Western Bulgaria (10th - mid-13th centuries) **No 1.**
- Bobrov L. A., Pronin A. O., Filippovitch Y.A.** (*Novosibirsk, Russian Federation*) Saber Of The Mongol Period From Minusinsk Hollow. **No 6, 354**
- Bobrov L.A.** (*Novosibirsk, Russian Federation*), **Kushkumbaev A.K.** (*Astana, Republic Of Kazakhstan*) Oirat Warrior's Helmet From The Akmola Regional History Museum Collection. **No 6, 392**
- Bogdanov V.O.** (*Tver, Russian Federation*) Reconstruction of Paleorelief And Archaeological Study of Ivankovo and Uglich Reservoirs Using Gis-Technologies, **No 5, 62**
- Bostanova T.M.** (*Dushanbe, Republic Of Tajikistan*) look **Skakun N.N.** (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **No 3, 323**
- Burkhanov A.A., Izmailov I.L., Rakhmatullina Ch.Z.** (*Kazan, Russian Federation*) Golden Horde Mirror Discovered In The Ik River Basin. **No 6, 379**
- Vasilieva N.B.** Stone industry of the Mesolithic Sites in the Mologa-Sheksna Interfluve. **No 3.**
- Valiev R.R.** (*Kazan, Russian Federation*) Unique Dagger Found In Bolgar **No 6, 248**
- Vildanova E.V.** (*Orenburg, Russian Federation*) The Issue of Existence of the «Herodotus Trade Route»: a historiographic aspect, **No 5, 137**
- Vorobeva E.E.** (*Kazan, Russian Federation*) Landscape Factors in the Organization of Settlements of the Mari Volga Region in the II — I Millennia BC, **No 5, 89**
- Vtyurina K.N., Chetvertakov E.V.** (*Nizhny Novgorod, Russian Federation*) Pagan Traditions of the Mordva-Teryuhanes in the Conditions of the Christian World, **No 5, 169**
- Vučković V.** (*Paraćin, Serbia*) Use of Macro-Lithics in the Pottery Production During the Late Neolithic of the Central Balkans **No 3. 249**
- Vyazov L.A.** (*Kazan, Russian Federation*), **Mikhailov E.P.** (*Cheboksary, Russian Federation*), **Makarova E.M.** (*Kazan, Russian Federation*), **Myasnikov N.S., Myasnikova A.B.** (*Cheboksary, Russian Federation*), **Petrova D.A., Salova Yu.A.** (*Kazan, Russian Federation*), **Silanov R.A.** (*Tolyatti, Russian Federation*) Studies of the Archaeological Sites in the Middle and Lower Sura Region as a Part of the Work of the International Archaeological Expedition in 2015-2019. **No 3, 354**
- Vyazov L.A., Petrova D.A.** (*Kazan Russian Federation*), **Kondrashin V.V.** (*Samara, Russian Federation*), **Salova Yu.A.** (*Kazan Russian Federation*) Collection of weapons from the site near Komarovka in the Ulyanovsk region: a case study of melee weapons of the Imen'kovo culture population. **No 6, 100**
- Gazimzyanov I.R.** (*Kazan, Russian Federation*) Anthropological characteristics of materials from an early medieval Muslim necropolis near Sidorovo village. **No 4, 313**
- Galimova M.Sh.** (*Kazan, Russian Federation*), **Stashenkov D.A., Kochkina A.F.** (*Samara, Russian Federation*) Preliminary Results of the Study of Stone Inventory of the Gora Mayak Site in the Middle Volga Region. **No 3, 317**
- Ganbat N.** (*Ulaanbaatar, Mongolia*), **Sitdikov A.G., Izmailov I.L.** (*Kazan Russian Federaation*), **Ulzeibayar S., Batsuren B.** (*Ulaanbaatar, Mongolia*), **Belyaev A.V.** (*Kazan Russian Federaation*), **Ochir B.** (*Ulaanbaatar, Mongolia*) Archaeological Studies Of The Fortification Of The Northern Citadel Of Biybulag Settlement (Baybaluq Medieval Uigur Town): preliminary results, **No 6, 179**
- Glushich A.M.** (*Moscow, Russian Federation*) look **Khapaev V.V.** (*Sevastopol, Russian Federation*). **No 6, 165**

Golubeva E.N., Chizhevsky A.A. (*Kazan Russian Federation*) Stone Inventory of the Eneolithic Burials of the Murzikha II Burial Ground. **No 3, 275**

Golubeva E.N., Chizhevsky A.A. (*Kazan, Russian Federation*) Slate Pendants from the Eneolithic Burials of the Murzikhinsky II Burial Ground: morphological and functional analysis (preliminary data), **No 5, 76**

Gorashuk I.V. (*Samara, Russian Federation*) look **Skakun N.N.** (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **No 3, 323**

Gordin I.A. (*Rostov on Don, Russian Federation*) look **Maklasova L.E.** (*Kazan, Russian Federation*), **No 5, 159**

Gorbunov V.V., Tishkin A.A., Semibratov V.P. (*Barnaul, Russian Federation*) Military Complex Of The Srostkinskaya Culture From Gorny Settlement In The Northern Foothills Of Altay. **No 6, 206**

Gubaidullin A.M. (*Kazan Russian Federation*) Armed And Very Scientific (Dedicated To The 60th Anniversary Of The Archaeologist And Military Historian Iskander Lerunovich Izmailov), **No 6, 8**

Gubaidullin A.M., Izmailov B.I. (*Kazan Russian Federation*) List Of Publications Of Iskander Izmailov, **No 6, 23**

Gubaidullin A.M., Khamzin R. N. (*Kazan, Russian Federation*) The Fortress Structures Of Sviyazhsk. **No 6, 410**

Gusach I.R. (*Azov, Russian Federation*) look **Kolesnik A.V.** (*Rostov on Don, Russian Federation; Donetsk, Ukraine*) **No 3, 296**

Gutiérrez Sáez C. (*Madrid, Spain*) look **Skakun N.N.** (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **No 3, 323**

Gutiérrez Sáez C., Muñoz Moro P. (*Madrid, Spain*) Traceology on metal. Experiments and interpretation of the archaeological items. **No 3, 172**

Danich A. V. (*Perm, Russian Federation*) On The Interpretation Of One Type Of Helmet Found On The Territory Of The Permian Urals, **No 6, 157**

Daragan M. N., Polin S. V. (*Kiev, Ukraine*) Accompanying Horse Burials In The Entrance Pits Of Catacombs And Undercuts Of Steppe Scythia In The Second Part Of 5th – 4th Centuries BC, **No 6, 42**

Dotkin K.V. (*Tambov, Russian Federation*) look **Sattarov R.R.** (*Kazan, Russian Federation*), **No 5, 119**

Emel'yanova Yu.A. (*Irkutsk, Russian Federation*) look **Poplevko G.N.** (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **No 3, 257**

Fedan P.V., Mukametshin D.G., Khrumchenkova R.Kh., Sitdikov A.G. (*Kazan, Russian Federation*) Chemical Composition Of Silver Coins of the Second Half of 14th - First Third of 15th Centuries in Circulation in the Bolgar Ulus, **No 5, 215**

Zhilin M.G. (*Moscow, Russian Federation*) Antler Coupling Manufacturing Technique from the Mesolithic of the Volga-Oka Interfluvium. **No 3, 223**

Zhilin M.G. (*Moscow, Russian Federation*) look **Ruev V.L.** (*Simferopol, Russian Federation*). **No 3, 237**

Zhilin M.G. (*Moscow, Russian Federation*) look **Skakun N.N.** (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **No 3, 323**

Zubavichus E.Y. (*Moscow, Russian Federation*) look **Petrovicheva T.O.** (*Moscow, Russian Federation*), **No 5, 17**

Izmailov B.I. (*Kazan Russian Federation*) look **Gubaidullin A.M.** (*Kazan Russian Federation*), **No 6, 22**

Izmailov I.L. (*Kazan Russian Federation*) look **Ganbat N.** (*Ulaanbaatar, Mongolia*), **No 6, 179**

Izmailov I.L. (*Kazan, Russian Federation*) Armament Complex Of The Ulus Of Jochi (The Golden Horde): Theory And Military Archaeology Practice. **No 6, 279**

Izmailov I.L. (*Kazan, Russian Federation*) look **Burkhanov A.A.** (*Kazan, Russian Federation*) **No 6, 379**

Ilyushin B. A. (*Novosibirsk, Russian Federation*) Two Pike-Heads From The Collection Of Nizhny Novgorod State Historical And Architectural Museum-Reserve. **No 6, 387**

Ivanov V.A. (*Ufa, Russian Federation*) Archaeology Of The Armament Complexes Of Nomads In The Ulus Of Jochi (The Golden Horde). **No 6, 253**

Karpuhin S.V. (*Moscow, Russian Federation*) Development History of Kholmogorskaya Bone Carving. Literature Review, **No 5, 50**

Kashchey O.A. (*Kazan, Russian Federation*) Rock Images of Karatash, **No 5, 39**

Kichigin D.E. (*Irkutsk, Russian Federation*) look **Poplevko G.N.** (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **No 3, 257**

Klyuchnikov V.V. (*Rostov On Don, Russian Federation*) look **Flyorov V.S.** (*Moscow, Russian Federation*) **No 6, 165**

Covalenco S.I. (*Chisinau, Republic of Moldova*) look **Skakun N.N.** (*Saint Petersburg, Russian Federation*) **No 3, 194**

Kolesnik A.V. (*Rostov on Don, Russian Federation; Donetsk, Ukraine*), **Gusach I.R.** (*Azov, Russian Federation*) Gun and Fire-Steel Flints, Gun Elements of the 17th–18th Centuries from the Cherkassk Fortress on the Lower Don. **No 3, 296**

Kondrashin V.V. (*Samara, Russian Federation*) look **Vyazov L.A.** (*Kazan Russian Federation*), **No 6, 100**

Konovalova K.Yu. (*Perm, Russian Federation*) Age Determination of Mammals Using Bone Remains, **No 5, 12**

Kostileva A.A. (*Belgorod, Russian Federation*) look **Svyatoy Ya.S.** (*Belgorod, Russian Federation*), **No 5, 174**

Kochkina A.F. (*Samara, Russian Federation*) look **Galimova M.Sh.** (*Kazan, Russian Federation*), **No 3, 317**

Krasnoperov A.A. (*Izhevsk, Russian Federation*) The Early Date of Pyany Bor Monuments. Part 3: 'Knives with a Curved Back' **No 2, 324**

Kravchenko E.E. Sidorovsky Archaeological Complex on the Seversky Donets River. **No 4.**

Kravchenko E.E. (*Donetsk, Ukraine*) Items Of Weapons And Horse Equipment Of The Khazar Time (Middle Stream Of The Seversky Donets). **No 6, 198**

Kramarovskiy M. G. (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **Seydaliyev E. I.** (*Simferopol, Kazan, Russian Federation*) Defensive Structures Of Medieval Solkhat (Historical And Archaeological Commentary). **No 6, 315**

Kushkumbaev A.K. (*Astana, Republic Of Kazakhstan*) look **Bobrov L.A.** (*Novosibirsk, Russian Federation*). **No 6, 393**

Krylasova N.B. (*Perm, Russian Federation*) look **Belavin A.M.** (*Perm, Russian Federation*) **No 3, 373**

Lazareva K.S. (*Samara, Russian Federation*) The Issue of Destructions on Bosphorus in Late 6th – Early 5th Centuries BC and Relations Between the Bosphorus and the Achaemenids, **No 5, 143**

Lifanov N. A. (*Samara, Russian Federation*) Alexeyevka Burial (Concerning The Monuments Of "Avilovo" Type On The Lower And Middle Volga) **No 6, 224**

Lollekova O. (*Ashgabat, Republic of Turkmenistan*) Production Complexes of the Settlement of the Jeytun Culture of Gadym-Depe (Republic of Turkmenistan). **No 3, 313**

Lyganov A.V. (*Kazan, Russian Federation*), **Morozov V.V.**, **Smirnov A.L.** (*Moscow, Russian Federation*), **Khusnutdinov E.A.** (*Kazan, Russian Federation*), **Bakaev S.E.** (*Naberezhnye Chelny, Russian Federation*) Discovered Items of Ananyino Cultural and Historical Area in the Territory of Taktalachuk Burial Ground And Ancient Village in the Lower Reaches of the Belaya River, **No 2, 318**

Lyganov A.V. (*Kazan, Russian Federation*) Maltsevo IV Site of the Late Bronze Age on the Toima River in The Lower Kama Region, **No 5, 182**

Makarova E.M. (*Kazan, Russian Federation*) look **Vyazov L.A.** (*Kazan, Russian Federation*), **No 3, 354**

Maklasova L.E. (*Kazan, Russian Federation*), **Gordin I.A.** (*Rostov on Don, Russian Federation*) Headdress Elements from Two Burials of Diadkovsky 45 Burial Mound, **No 5, 159**

Markelov A.Yu. (*Samara, Russian Federation*) From the History of Excavations of Augustan Mausoleum, **No 5, 151**

Mateva B. (*Sofia, Bulgaria*) Flint Findings from the Thracian Town "Soboryanovo" **No 3, 285**

Mateva B. (*Sofia, Bulgaria*) look **Skakun N.N.** (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **No 3, 323**

Mingazov S.R. (*Moscow, Russian Federation*) Bolgar Knights Of The Lombard Kingdom, **No 6, 132**

Mikhailov E.P. (*Cheboksary, Russian Federation*) look **Vyazov L.A.** (*Kazan, Russian Federation*), No 3, 354

Mitryakov A.E., Chernykh E.M. (*Izhevsk, Russian Federation*) The finds collected on Kyrykmas River: the Prospects for Identification of a New Archaeological Area in the Territory of Udmurtia and Tatarstan, No 2. 310

Morozov V.V. (*Moscow, Russian Federation*) Ceramics from Reference Sites of the Kama Neolithic Culture in Lower Kama Region. No 3, 330

Morozov V.V. (*Moscow, Russian Federation*) look **Lyganov A.V.** (*Kazan, Russian Federation*), No 2. 318

Muñoz Moro P. (*Madrid, Spain*) look **Skakun N.N.** (*Saint Petersburg, Russian Federation*), No 3, 323

Mukhametshin D.G. (*Kazan, Russian Federation*) look **Fedan P.V.** (*Kazan, Russian Federation*) No 5, 215

Myasnikov N.S. (*Cheboksary, Russian Federation*) look **Vyazov L.A.** (*Kazan, Russian Federation*), No 3, 354

Myasnikova A.B. (*Cheboksary, Russian Federation*) look **Vyazov L.A.** (*Kazan, Russian Federation*), No 3, 354

Hunter Muirhead (*Ann Arbor, USA*) Integrating Built Environment Theory in Developing a Unified Approach for Understanding Human Environment Interaction, No 5, 5

Nazarova A.Yu. (*Perm, Russian Federation*) Manifestation of Neolithic Package Signs on the Territory of the Forest Zone in the VII-IV Thousand BC, No 5, 69

Narozhny E. I. (*Krasnodar, Russian Federation*) The History Of The Study Of Medieval Weapons Of The 13th-14th CC. (Anniversary And Polemical Essays). No 6, 301

Naumenko V.E. (*Simferopol, Russian Federation*) Introduction To The Ottoman Archaeology Of The Crimea. On The Subject Of The Scientific Discipline And The Main Directions Of Modern Research. No 6, 418

Nefyodkin A.K. (*Belgorod, Russian Federation*) Chariots And Sledges: The Tactics Reconstruction Issue, No 6, 34

Novikov A.V. (*Kostroma, Russian Federation*) Development of Textile Ceramic Traditions in the Late Period of the Bronze Age - the Early Iron Age in Lake Galichskoye Area (Based on the Materials of Bryukhovo Settlement) No 2., 329

Ovsyannikov V.V. (*Ufa, Russian Federation*) A Type Of Sheaths On The Turn Of Epochs From The Ural-Volga Region, No 6, 87

Ochir B. (*Ulaanbaatar, Mongolia*) look **Ganbat N.** (*Ulaanbaatar, Mongolia*), No 6, 179

Pawlik A. F. (*Quezon-City, Philippines*) look **Skakun N.N.** (*Saint Petersburg, Russian Federation*), No 3, 323

Penskoy V. V. (*Belgorod, Russian Federation*) Reverting To The Issue Of The Number Of Russian Army On The Kulikovo Field. No 6, 337

Petrova D.A. (*Kazan, Russian Federation*) look **Vyazov L.A.** (*Kazan, Russian Federation*), No 3, 354

Petrova D.A. (*Kazan Russian Federation*) look **Vyazov L.A.** (*Kazan Russian Federation*) No 6, 100

Petrovicheva T.O., Zubavichus E.Y. (*Moscow, Russian Federation*) Features of the Use of Bones as Fuel for Campfires in the Upper Paleolithic of the Russian Plain, No 5, 17

Podobed V.A., Usachuk A.N., Tsimidanov V.V. (*Donetsk, Ukraine*) "...My Chariot is Gilded for and My Horses are Stout..." (On Sociological Interpretation of Burials with Ancient Psalia in Steppe Eurasia), No 2. 278

Polin S. V. (*Kiev, Ukraine*) look **Daragan M. N.** (*Kiev, Ukraine*), No 6, 42

Poplevko G.N. (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **Ulanov A.A., Kichigin D.E., Emel'yanova Yu.A., Kharinsky A.V.** (*Irkutsk, Russian Federation*) Traceological Analysis of Stone Tools from the Neolithic Burial No 8 of Mys Uyuga Burial Ground (Western Bank of Lake Baikal) No 3. 257

Pronin A.O. (*Novosibirsk, Russian Federation*) look **Bobrov L.A.** (*Novosibirsk, Russian Federation*). No 6, 354

Rakhmatullina Ch.Z. (*Kazan, Russian Federation*) look **Burkhanov A.A.** (*Kazan, Russian Federation*) No 6, 379

Rudenko K.A. (*Kazan, Russian Federation*) Dating of 14th Early 15th Century Archaeological Monuments from the Lower Reaches of the Kama, **No 5, 198**

Ruev V.L. (*Simferopol, Russian Federation*), **Zhilin M.G.** (*Moscow, Russian Federation*) Experimental Studies of Mesolithic Shard Axes. **No 3, 237**

Rukina N.S. (*Voronezh, Russian Federation*) Sewing Inventory at the Paleolithic Sites of Russia, **No 5, 33**

Radwa Salem (*Konya, Turkey*) Animal sacrifice in Ancient Greece. Bibliographic Essay (in English), **No 5, 130**

Salova Yu.A. (*Kazan, Russian Federation*) look **Vyazov L.A.** (*Kazan, Russian Federation*), **No 3, 354**

Salova Yu.A. (*Kazan Russian Federation*) look **Vyazov L.A.** (*Kazan Russian Federation*), **No 6, 100**

Sattarov R.R. (*Kazan, Russian Federation*) Results of the Study of Kipchakovo II Burial Ground of the Piany Bor Culture in the Ik - Belaya Interfluve in 2015, **No 5, 104**

Sattarov R.R. (*Kazan, Russian Federation*), **Dotkin K.V.** (*Tambov, Russian Federation*) Archaeological Objects from Non-Ferrous Metals and Alloys from Kipchakovo II Burial Ground of the Piany Bor Culture, **No 5, 119**

Svyatoy Ya.S., Kostileva A.A. (*Belgorod, Russian Federation*) The History of the Study of Barrow Antiquities Located in the Territory of Modern Belgorod Region, **No 5, 174**

Seydaliyev E. I. (*Simferopol, Kazan, Russian Federation*) look **Kramarovskiy M. G.** (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **No 6, 316**

Semibratov V.P. (*Barnaul, Russian Federation*) look **Gorbunov V.V.** (*Barnaul, Russian Federation*) **No 6, 233**

Serikov Yu.B. (*Nizhny Tagil, Russian Federation*) Use of Animal Bones by the Palaeolithic Population of the Sosva and Tavda Rivers. **No 3, 212**

Silanov R.A. (*Tolyatti, Russian Federation*) look **Vyazov L.A.** (*Kazan, Russian Federation*), **No 3, 354**

Sitdikov A.G. (*Kazan, Russian Federation*) look **Fedan P.V.** (*Kazan, Russian Federation*) **No 5, 215**

Sitdikov A.G. (*Kazan Russian Federaation*) look **Ganbat N.** (*Ulaanbaatar, Mongolia*), **No 6, 179**

Skakun N.N. (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **Covalenco S.I.** (*Chisinau, Republic of Moldova*), **Terekhina V.V.** (*Saint Petersburg, Russian Federation*) Results of Study of Stone Items from the Layer 2b in the Multi-Layer Site Cosăuți (Republic of Moldova) **No 3, 194**

Skakun N.N. (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **Zhilin M.G.** (*Moscow, Russian Federation*), **Gutiérrez Sáez C.** (*Madrid, Spain*), **Pawlik A. F.** (*Quezon-City, Philippines*), **Gorashuk I.V.** (*Samara, Russian Federation*), **Terekhina V.V.** (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **Mateva B.** (*Sofia, Bulgaria*), **Bostanova T.M.** (*Dushanbe, Republic of Tajikistan*), **Shulga D.M.** (*Saint Petersburg, Russian Federation*), Muñoz Moro P. (*Madrid, Spain*) Results of the Experimental Use-Wear Research Carrying out in the Summer Archaeological School in Bulgar (Republic of Tatarstan). **No 3, 323**

Smertin A.R. (*Perm, Russian Federation*) Attempt Reconstruction of Iron Marlinspike Production Technology of the Perm Cis-Urals, **No 5, 93**

Smirnov A.L. (*Moscow, Russian Federation*) look **Lyganov A.V.** (*Kazan, Russian Federation*), **No 2, 318**

Stashenkov D.A. (*Samara, Russian Federation*) look **Galimova M.Sh.** (*Kazan, Russian Federation*), **No 3, 317**

Stashenkov D.A. (*Samara, Russian Federation*) The Anniversary of Anna Fedorovna Kochkina. **No 3, 379**

Terekhina V.V. (*Saint Petersburg, Russian Federation*) look **Skakun N.N.** (*Saint Petersburg, Russian Federation*) **No 3, 194**

Terekhina V.V. (*Saint Petersburg, Russian Federation*) look **Skakun N.N.** (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **No 3, 323**

Terekhina V.V. (*Saint Petersburg, Russian Federation*) Results of Studying Stone Knives of the Ekven Cemetery (Ethno-traceological Analysis) **No 3, 187**

Tishkin A.A. (*Barnaul, Russian Federation*) look **Gorbunov V.V.** (*Barnaul, Russian Federation*) **No 6, 233**

Tolstykh D.S. (*Voronezh, Russian Federation*) Results of the Experimental Manufacture of an Ivory Bracelet, **No 5, 29**

Tsimidanov V.V. (*Donetsk, Ukraine*) look **Podobed V.A.** (*Donetsk, Ukraine*), **No 2, 278**

Ulanov A.A. (*Irkutsk, Russian Federation*) look **Poplevko G.N.** (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **No 3., 257**

Ulzeibayar S. (*Ulaanbaatar, Mongolia*) look **Ganbat N.** (*Ulaanbaatar, Mongolia*), **No 6, 179**

Usachuk A.N. (*Donetsk, Ukraine*) look **Podobed V.A.** (*Donetsk, Ukraine*), **No 2, 278**

Filippovitch Y.A. (*Novosibirsk, Russian Federation*) look **Bobrov L.A.** (*Novosibirsk, Russian Federation*). **No 6, 354**

Flyorov V.S. (*Moscow, Russian Federation*), **Klyuchnikov V.V.** (*Rostov On Don, Russian Federation*) Right-Bank Tsimlyanskaya Fortress: Masonry Structure. **No 6, 193**

Khramchenkova R.Kh. (*Kazan, Russian Federation*) look **Fedan P.V.** (*Kazan, Russian Federation*) **No 5, 215**

Khramtsov M.V. (*Yekaterinburg, Russian Federation*) Kelteminar-Type Arrowheads: specific of source, **No 5, 98**

Kharinsky A.V. (*Irkutsk, Russian Federation*) look **Poplevko G.N.** (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **No 3, 257**

Kharinsky A.V. (*Irkutsk, Russian Federation*) Palmas with Sleeve Tips from the Baikal Region and Their Later Modification. **No 6, 366**

Khisiametdinova A. A. (*Kazan Russian Federation*) look **Chizhevsky A. A.** (*Kazan Russian Federation*). **No 2.**

Khusnutdinov E.A. (*Kazan, Russian Federation*) look **Lyganov A.V.** (*Kazan, Russian Federation*), **No 2, 318**

Khamzin R. N. (*Kazan, Russian Federation*) look **Gubaidullin A.M.** (*Kazan, Russian Federation*). **No 6, 410**

Khapaev V. V. (*Sevastopol, Russian Federation*), **Glushich A. M.** (*Moscow, Russian Federation*) The Role Of Physical Culture And Sports In The Training Of Mass Conscripts In The Byzantine Empire. **No 6, 165**

Khudyakov Yu. S. (*Novosibirsk, Russian Federation*) Images Of Spears And Banners Of Siberian Tatar Warriors (Based On Materials Remezov Chronicle). **No 6, 405**

Chetvertakov E.V. (*Nizhny Novgorod, Russian Federation*) look **Vtyurina K.N.** (*Nizhny Novgorod, Russian Federation*) **No 5, 169**

Chizhevsky A. A. , Khisiametdinova A. A. (*Kazan Russian Federation*) Defensive Structures of the Forts on Promontories of the Volga-Kama Region in the Early Iron. **No 2.**

Chizhevsky A.A. (*Kazan Russian Federation*) look **Golubeva E.N.** (*Kazan Russian Federation*). **No 3, 275**

Chizhevsky A.A. (*Kazan Russian Federation*) look **Golubeva E.N.** (*Kazan Russian Federation*), **№5, 76**

Shmirina M.E. (*Perm, Russian Federation*) Technology of Bone Material Preparation for Its Processing and Manufacture of Products: Experimental Information, **No 5, 25**

Shulga D.M. (*Saint Petersburg, Russian Federation*) look **Skakun N.N.** (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **No 3, 323**

Esakia K.M. (*Tbilisi, Georgia*) Obsidian - Main Raw Material for the Toolkit Complexes of the Ancient Agricultural Cultures of the Caucasus. **No 3, 266**

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДУ – Археологія і давня історія України
АИНУ – Археологические исследования на Украине
АлтГУ – Алтайский государственный университет, Барнаул
АМ ИА АНТ – Археологический музей института археологии Академии наук Татарстана
АН РТ – Академия Наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
АОИМК – Акмолинский областной историко-краеведческий музей
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭМК – Археология и этнография Марийского края.
БГИАМЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
БНЦ УрО РАН – Башкирский научный центр УрО РАН, Уфа
ВА – Вопросы антропологии
ВААЭ – Вестник археологии, антропологии и этнографии, г. Тюмень
ВДИ – Вестник древней истории
ВП – Верхний Палеолит
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей. М.
гр. – грамм
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ДГВЕ – Древнейшие государства Восточной Европы
ДСПК – Древности степного Причерноморья и Крыма
ЗПЭ – Запорожская экспедиция
ИА - Институт археологии
ИА АН РТ – Институт археологии Академии наук Республики Татарстан
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии Наук
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.
ИАК – Известия императорской археологической комиссии
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ИГАИМК – Известия государственной академии истории материальной культуры, Ленинград
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
Инв. – Инвентарный (номер)
ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории
ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
ІА НАН України – Інститут археології Національної академії наук України
К(П)ФУ – Казанский (Приволжский) Федеральний университет
КБНЦ – Кабардино-Балкарский научный центр Нальчик
КБР – Кабардино-Балкарская Республика
КрасГАУ – Красноярский государственный аграрный университет
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МА ПФУ – музей археологии Приволжского (Казанского) университета
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, Симферополь
МАР – Материалы по археологии России
МарАЭ – Марийская археологическая экспедиция
МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук
МАЭС ТГУ – Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИТК – Музей истории Тетюшского края

МРК – Музей родного края им. В.И. Абрамова Алексеевского района
н.у.м. – над уровнем моря
НАВ – Нижневолжский археологический вестник
НА ИА НАНУ – Научный архив Института археологии Национальной Академии наук Украины
НГУ – Новосибирский государственный университет
НМ РТ – Национальный музей РТ
ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет
ПГПУ – Пермский гуманитарно-педагогический университет
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология. М.
РК – Республика Казахстан
РУДН – Российский университет дружбы народов.
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СВНЦ ДВО РАН – Северо-восточный научный центр Дальневосточного отделения российской академии наук
СВФУ – Северо-восточный федеральный университет
СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
СО РАН – Сибирское отделение Российской Академии наук
СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей
СТЭАН - Саяно-Тувинская экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР
СЭ – Советская этнография
ТА – Татарская археология, Казань.
ТГИАМЗ – Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
Тр. ГИМ – Труды Государственного исторического музея
ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук
ХГУ – Харьковский государственный университет.
ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу:

<https://www.evrazstep.ru/avtoram>

Порядок приема материалов

№ 1 (февраль) – не позднее 1 декабря

№ 2 (апрель) – не позднее 1 февраля текущего года

№ 3 (июнь) – не позднее 1 апреля текущего года

№ 4 (август) – не позднее 1 июня текущего года

№ 5 (октябрь) – не позднее 1 августа текущего года

№ 6 (декабрь) – не позднее 1 октября текущего года

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

All information for authors concerning the submission of papers, the procedure of their examination, review, instructions and recommendations for the execution of materials, issues regulating the communication between the author and the publisher are provided on the journal's website at:

<https://www.evrazstep.ru/avtoram>

Manuscripts shall be submitted by the following dates:

Vol.1 (February) – not later than December 1 of the current year

Vol.2 (April) – not later than February 1 of the current year

Vol.3 (June) – not later than April 1 of the current year

Vol.4 (August) – not later than June 1 of the current year

Vol.5 (October) – not later than August 1 of the current year

Vol.6 (December) – not later than October 1 of the current year

Manuscripts not meeting the specified requirements in terms of execution shall not be examined by the editorial board!

These instructions come into effect since their publication in the journal and on the journal's website.

Журнал основан в мае 2017 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77– 79080

от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором

Оригинал–макет – *А. С. Беспалова*

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Подписано в печать 20.12.2020 г. Формат 60×84 1/8

Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 55,1

Тираж 1000 экз. Первый завод 100 экз. Заказ №

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии "Orange Key"

г. Казань, ул. Галактионова, 14